Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ 2. Шкафъ 19.
Полка 3. № 3.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

п. 26012.

ВЫПУСКЪ VI.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ).

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ Д. Шкафъ 19.
Полка 3. № 3.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
265.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.

1864.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, Октября 25 дня 1864 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 12 ноября 1862 года опредѣлено было: не включать, на будущее время, въ составъ Этнографическаго Сборника статей, уже помѣщенныхъ въ «Запискахъ,» издаваемыхъ Обществомъ. Въ исполненіе этого опредѣленія, настоящій выпускъ составленъ изъ статей еще не бывшихъ въ печати, за исключеніемъ одной: «Этнографія Европейской Турціи,» г. Лежана, которая была издана, въ 1861 году, г. Петтерманомъ въ его Mittheilungen (Ergänzungsheft, № 4), на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ. Но значеніе этой статьи — по точнымъ и малоизвѣстнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ ней о славянскомъ населеніи Турціи,— такъ важно и для насъ, что само Отдѣленіе Этнографіи признало полезнымъ напечатать русскій переводъ ея въ своемъ Сборникѣ. Къ ней приложена та самая карта, которая издана г. Петтерманомъ.

Всѣ другія статьи, изъ которыхъ болѣе мелкія, какъ и въ предъидущемъ выпускѣ, отнесены въ «Смѣсь», распадаются на два отдѣла: однѣ изъ нихъ суть преимущественно изслѣдованія и описанія, а остальныя — матеріалы. Къ первымъ принадлежатъ: «Югозападная часть Томской губерніи въ этно-

СОДЕРЖАНІЕ.

Изслѣдованія, описанія и матеріалы.

		Стран.
1.	Югозападная часть Томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи. Ст. Чл.-Сотр. *Гр. Н. Потанина*	1—154
2.	Артели въ древней и нынѣшней Россіи. Ст. Д. Чл. *Н. В. Калачова*.	1— 93
3.	О лѣсопромышленности по рѣкѣ Унжѣ и о строеніи близъ гор. Кологрива гусянокъ. Ст. Д. Чл. *И. П. Корнилова*	1— 34
4.	Этнографія Европейской Турціи. Ст. *г. Лежана*	1— 46
5.	Шидди-куръ, собраніе Монгольскихъ сказокъ, переводъ съ монгольскаго *Ламы Галсана Гомбоева*, съ предисловіемъ академика *А. Шифнера*	1—102
6.	Великорусскія загадки, съ предисловіемъ Чл.-Сотр. *И. А. Худякова*	2—128
7.	Сборникъ словъ, употребляемыхъ въ Олонецкой губерніи. Ст. Чл.-Сотр. *П. Н. Рыбникова*	1— 24
8.	Библіографическій Указатель этнографическихъ сочиненій и статей, изданныхъ на русскомъ языкѣ въ Россіи въ 1861 г. Ст. Чл.-Сотр. *В. И. Межова*	1— 82

Смѣсь.

1.	Замѣтки о скопцахъ	1
2.	Суевѣрные обряды при постройкѣ дома въ Каменецъ-Подольской губ. Ст. Д. Чл. *Дыминьскаго*	7
3.	О каменной бабѣ, найденной въ Киргизской степи. Ст. Чл.-Сотр. *Хаджи-Салиха Бабаджанова*	8
4.	Разбойничьи пѣсни. Сообщ. *г. Простосердовымъ* и Чл.-Сотр. *А. І. Махвичъ-Мацкевичемъ*	12

Стр.

5. Пѣсня о поселянахъ около г. Шадринска. Сообщ. Чл.-Сотр. *А. Зыряновымъ* 15
6. Пѣсня при крещеніи 15
7. Пѣсни изъ разряда семейныхъ. Сообщ. Чл.-Сотр. *Махвичъ-Мацкевичемъ* 16
8. Бѣломорскія преданія. Ст. *В. Верещагина* 17
9. О Черемисахъ, проживающихъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Ст. *Гр. Городскаго* 23
10. О Средневилюйскомъ улусѣ Вилюйскаго округа и о господствующихъ въ немъ болѣзняхъ. Ст. *г. Проскурякова* 35

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. О собираніи предметовъ для Этнографическаго Музея Географическаго Общества.
2. Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ
ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

I.

Замѣтки объ языкѣ. — Мѣстныя слова. — Географическія собственныя имена. — Поговорки. — Пословицы. — Пѣсни.

Населеніе Сибири почти вездѣ говоритъ нарѣчіемъ новгородскихъ колоній, т. е. архангельской, вологодской, пермской и другихъ сосѣднихъ губерній. Разумѣется, что это нарѣчіе не вездѣ въ одинаковой силѣ: мѣстами оно болѣе приближается къ новгородскому [1]), мѣстами усиливается другое, «акающее» нарѣчіе, какъ напримѣръ въ Тарѣ, гдѣ говорятъ «свысока»; мѣстами оба они сливаются въ среднее между ними нарѣчіе русскихъ городовъ, какъ напр. у казаковъ на Иртышѣ. Самостоятельное образованіе этого говора, близко подходящаго къ литературному языку, слѣдуетъ приписать разнообразію элементовъ, обобщившихся подъ вліяніемъ сильно развитой грамотности и особеннаго образа жизни, часто сталкивающаго казака съ людьми разныхъ состояній. Впрочемъ и казаки не

[1]) Въ иныхъ мѣстахъ *ѣ* чаще замѣняется буквой *и*, въ другихъ рѣже; такъ, напримѣръ, у казаковъ на Иртышѣ удержались только два слова, въ которыхъ вмѣсто *ѣ* стоитъ *и*: *сиверъ* и *истъ;* въ другихъ мѣстахъ томской губ. ихъ болѣе.

всѣ говорятъ одинаково; около Петропавловска они сильно «окаютъ», а на Алтаѣ, напротивъ, «акаютъ» слегка, и это особенно замѣтно у женщинъ; самый чистѣйшій городской говоръ слышенъ по Иртышу между городами Омскомъ и Семипалатинскомъ. Кромѣ того есть еще мѣстности, которыя рѣзко отличаются своею рѣчью, но ихъ мало, и посреди господствующаго нарѣчія представляются ничтожными островами, какъ напримѣръ деревни «Поляковъ». Они, кромѣ особеннаго выговора, сохранили еще много особенныхъ словъ; я успѣлъ записать только слѣдующія: *глечикъ* — горшокъ, *клунь*— овинъ, *лусточка* — ломоть, *кулаечка* — судомойка; въ остальной Сибири слова эти неизвѣстны.

Въ сибирской рѣчи есть неправильности и особенности, изъ которыхъ нѣкоторыя, можетъ быть, свойственны ей одной. Мы приводимъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Замѣна одной буквы другою: *в* — скрозь, кукшинъ, фыпь (выпь) [1]); *з* — польга [1]); *с* — ятно [1]), шкорлупа, шкырдъ [2]); *ш* — пороха [1]), почаница [3]); *р* — спонить, спонъ [4]); *п* — фшеничная мука, [5]); *х* — клѣвъ [2]); *ч* — жолсть (жолчь) [6]); особенно исковеркано перемѣной буквъ слово *жабры*, вмѣсто котораго говорятъ *штаглы* [7]). *Т* часто переходитъ въ *к* и наоборотъ, и потомъ обѣ онѣ переходятъ въ *ч:* флейка, каранкуль (тарантулъ), Китъ (вм. Титъ); трахмалъ, Тяхта (вм. Кяхта), клящій морозъ (собственно палящій) здѣсь иногда перходитъ въ тлящій; примѣры перехода въ *ч:* чежело, чинжалъ [1]). *К* часто смягчается въ *г:* глубеника (клубника), кострига (кострика), куглина (куклина, головки у льна), чернига, соснягъ, листвягъ [2]). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, внутри

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[4]) Въ деревняхъ бійскаго округа и на Горькой линіи.

[5]) Въ деревнѣ Марушкѣ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

[7]) Въ деревнѣ Березовкѣ, на Алтаѣ.

томской губеркіи, *ц* переходитъ почти во всѣхъ случаяхъ въ *с;* здѣсь говорятъ: сана, свѣла, вм. цѣна, цвѣла [8]), яиса, бойса́, вм. яица, бойца [9]). На Иртышѣ, около Семипалатинска, любятъ замѣнять *ч* и *щ* буквою *ш*, иногда двойною: язышникъ, отошшать, пушшай. Это дѣлаютъ впрочемъ не всѣ; при собраніи подобныхъ свѣдѣній не слѣдуетъ смѣшивать подобныя индивидуальныя привычки съ общими.

Изъ гласныхъ всего важнѣе переходъ *ѣ* въ *и*, и наоборотъ: сиверъ, истъ [10]), сіять [9]), писни пить [11]); на Иртышѣ же встрѣчаются обратные переходы *и* въ *ѣ:* полевъ, слевъ вм. поливъ, сливъ (воды на рѣкѣ), на задѣ, на передѣ (спереди), на лошадѣ; это же встрѣчается и на Алтаѣ, напримѣръ говорятъ: въ горстѣ, топѣться (топѣлась печь), угорѣтъ вм. угоритъ. Переходы другихъ буквъ: *о* въ *у* и наоборотъ: сусѣдъ, безстыжій [2]); *и* въ *е:* белетъ, бекетъ (пикетъ) [1]); *и* въ *ы:* рынуться [2]), во своясы [1]); *о* въ *ѣ:* урѣчище вм. урочище [2]).

Вставка лишнихъ согласныхъ буквъ: ндравъ, страженье, провождать, согластенъ, досточка [1]); малность, ближность, обиждать [2]).

Вставка лишнихъ гласныхъ: богачество, оболака, оболокаться (одѣваться), барецъ (барсъ), пелёва (плева), е́сте (есть), морокъ (съ этимъ словомъ впрочемъ соединяется понятіе особенное отъ мрака), долина́ (длина), смородъ; опослѣ, авторникъ, аржаной [1]); агромада [2]).

Замѣна предлога въ глаголахъ: помереть вм. умереть, оздоровѣть вм. выздоровѣть, сустичь вм. достичь (догнать) [1]), соймать вм. поймать, умеръ вм. обмеръ (испугался) [2]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[8]) Въ Кулундинской степи.

[9]) Въ деревнѣ Шигаркѣ, около Томска.

[10]) Во всей томской губерніи.

[11]) Въ деревняхъ около озера Чаны.

Опускъ буквы: лучаться вм. случаться [12]), жизь, кстины (крестины), за нужу (поневолѣ), изрѣдка употребляется жадость вм. жадность; съ обѣхъ сторонъ [1]), исчануть вм. исчахнуть, справный (исправный), справа (исправность); говорятъ: что онъ, справный мужикъ? — Большой-то справы нѣтъ, ну-да ладно живетъ! [2]) Особенно обыкновенно опусканіе буквы *т* при смежности ея съ другою согласною: невѣска, ись (ѣсть), пусь [1]), горсь [2]).

Особенное образованіе окончаній словъ: желтышъ, бѣлышъ (желтокъ и бѣлокъ въ яйцѣ), улка, церква, потопа (потопъ), кожуха (скорлупа), начинъ (начало), голяшки (голенища), цыпушки (цыплята), назвище (названіе), кажной, поздной (поздній), пигалка вм. пиголица, вѣтрешка вм. вѣтренница, медунка вм. медуника и проч. [1]), пихтачъ, пихтарникъ, кедрачъ, лиственъ (лиственица) [2]), обуй вм. обувь [6]), улье вм. улей [2]).

Особенное образованіе прилагательнаго: свадбишна пѣсня, пробѣгная вода [1]). На рѣкѣ Томи одно прилагательное употребляется вмѣсто существительнаго, именно *женски* вм. женщины: «женски идутъ». Образованіе степеней: сильняющій, покорнѣище.

Отклоненія въ склоненіяхъ: на путѣ вм. на пути, на лошадѣ [1]); въ горстѣ [2]); роей, хайрюзей вм. росвъ, хайрюзовъ [2]); назвей вм. названій [8]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при склоненіяхъ, оказывается, что слово имѣетъ другой родъ, наприм. мышъ; говорятъ: «лови мыша»! [1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (на Иртышѣ, около Семипалатинска) «вредъ» и «годъ» женскаго рода; говорятъ: «онъ не можетъ сдѣлать вреды»; въ пѣсни о княгинѣ Волконской:

Не годъ живетъ, не два живетъ,
Какъ живетъ твоя княгиня ровно три годы.

Въ Чарышской станицѣ говорится: кедра́, тигра́ вм. кедръ, тигръ, такъ что будетъ: на кедрѣ, девять кедёръ, подъ кедрой и

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[8]) Въ Кулундинской Степи.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.

т. д.; на тѣмъ вм. на томъ; поговорка въ Чарышской станицѣ: «на чѣмъ свѣтъ, на тѣмъ и позоръ.» Въ нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ случаяхъ замѣчается отсутствіе склоненія; вотъ всѣ эти случаи: въ та поры, съ тахъ поръ [13]); иголка надо, булавка надо; надо труба закрыть; чтобъ тебѣ голова сломить [2]); не плюй въ колодецъ, случится вода напиться [13]); малъ соколъ, да на рука носить; великъ верблюдъ, да вода возить [6]); для что [14]).

Отклоненія въ спряженіяхъ: во всѣхъ случаяхъ глаголы усѣкаются: знашь, знатъ говорится вм. знаешь, знаетъ; это усѣченіе доходитъ иногда до странныхъ формъ: вымымъ вм. вымоемъ, угорѣтъ вм. угоритъ [2]), лягь вм. ложись, нагнато вм. нагнано [1]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неопредѣленное наклоненіе иначе: жечи вм. жечь, пекчи вм. печь, лягчи вм. лечь [1]). Существуютъ особенные виды глаголовъ; однократные: испить, ленуть (однократное отъ «налить»), узрить, стрѣлить [1]); многократные: непадявывать, удерживать, приневаливать, сказывливать [1]), ночавывать [2]).

Употребленіе другихъ предлоговъ: *по* чеснокъ, *по* коня идти, т. е. за чеснокомъ, за конемъ [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлогъ *съ* остается еще въ старинной формѣ *су*, какъ наприм. сумѣшица (смѣсь), сувлеватый (свилеватый), сузелень (сзелена), суплошь (сплошь) [1]).

Особенныя нарѣчія: *бѣдно* — завидно [1]), *большѣ* — должно быть: «Гдѣ твои рукавицы? На полатяхъ больше» ([2] ; [12]); *бывать* (бываетъ) — можетъ быть [1]), *водерень* — рѣшительно [1]), *всугонь* — вслѣдъ [1]), *дивно* — много [1]); *дивья бы* — хорошо-бы, хотя-бы: «если бы завтра Богъ далъ дождя»! — Дивья бы [2])! — *иззаболь*, *ито* — въ самомъ дѣлѣ ([1] [2]): дикая и иззаболишная конопля [2]); *индь* — кое гдѣ [2]); *завсе* — постоянно [1]); *перво* — напередъ [1]); *поди* — должно быть [1]); *почесь*, *почесть* — почти [1]); *по спопут-*

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртишѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.
[13]) Въ Усть Каменогорскѣ.
[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

ности — по пути [2]); *съ измальтства* — съ малолѣтства, *сѣиздаля* — издали [1]); *тожнѐ* — потомъ [1]), *этта* — здѣсь [2]); *коевѐ дни* — когда [14]).

Далѣе мы помѣщаемъ собраніе мѣстныхъ словъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ томской губерніи; мы расположили ихъ не по алфавиту, а по категоріямъ ихъ значеній, потому что при такомъ расположеніи сближеніе однозначущихъ словъ облегчаетъ ихъ объясненіе.

Мамаева дороги — млечный путь [1]); *Колъ-звѣзда* — полярная звѣзда [1]), можетъ быть переводъ съ киргизскаго *темиръ-казыкъ*, желѣзный колъ; *Утичье-гнѣздо* — Плеяды [1]); *Лось* — Большая медвѣдица [1]); *Кичиги* — Оріонъ [1]); *Петровъ Крестъ* — [1])?

Мѐлоди — зачатки тучъ, темныя облака, тянущіяся параллельными полосами [2]). Продолжительное и молчаливое ненастье называется *окладнымъ* ненастьемъ, съ громомъ и молніей — *грозой*. Поговорка: «окладенекъ на весь денекъ»; окладное ненастье обыкновенно длится по нѣскольку дней [2]). *Скѐлега* — дождь со снѣгомъ [2]); *падера* — сильный вѣтеръ съ дождемъ ([1,2]); *лыва* — лужа, образовавшаяся отъ дождя [3]); *сѣногной* — мелкій дождь послѣ грозъ, во время сѣнокосовъ, вредный для сѣна [4]); *мѐрокъ* — сумракъ отъ тучъ передъ грозой [3]): поговорка: «Господи, пронеси тучу морокомъ», т. е. безъ грозы [2]); *морочный* день — пасмурный; *морочѐть* — заносить небо тучами [3]).

Марева — степной миражъ [1]); *хлѣбозоръ* — зарницы лѣтомъ, во время поспѣванія хлѣба; *утренникъ* — холодное утро осенью [2]); *сухоросъ* — утро безъ росы и инея [2]): въ горахъ воздухъ бы-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловскѣ и Чебулахъ.

[4]) Въ деревняхъ бійскаго округа и на Горькой линіи.

[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

ваетъ насыщенъ парами болѣе въ долинахъ, чѣмъ на возвышенностяхъ, потому и первые инеи на Алтаѣ падаютъ по мелкимъ рѣчкамъ; они называются *калинниками* [2]), на возвышенностяхъ же, по мнѣнію народа, въ это время еще вѣетъ вѣтеръ «сухоросъ» (въ вологодской губерніи «калинниками» называются морозы 29 іюля, когда празднуется память мученика Калинника); *куржакъ*, *кухта* — изморозь на деревьяхъ ([1], [6]); «кухтой» называютъ изморозь только на деревьяхъ, «куржакомъ» же всякую изморозь, напримѣръ и на бородѣ. *Кить* — свѣжій снѣгъ, упавшій ночью ([1], [2]). *Переновка* — также кажется новый снѣгъ; я не могъ добиться точнаго значенія этого слова [2]). *Трусить* [1]), *матрусить* [2]) — снѣгъ идетъ. *Пурха* — вьюга [1]). *Хижа* — буранъ [2]); впрочемъ здѣсь, какъ и во всей Сибири, «буранъ» также употребляется. *Хіусъ* — зимній холодный вѣтеръ: «хіусъ тянетъ» [3]). *Дувань* — сильный вѣтеръ, когда бы ни было: «стогъ на дуванѣ стоитъ», т. е. на мѣстѣ, подверженномъ сильнымъ вѣтрамъ [1]). *Сиверъ* — холодный сѣверный вѣтеръ [3]), «подъ сиверомъ» — на сторонѣ горы, обращенной къ сѣверу и подвергнутой сѣвернымъ вѣтрамъ [2]); отсюда происходитъ названіе одной станицы на Алтаѣ, Сиверной; это названіе значитъ не то, чтобъ она была сѣвернѣе другихъ, а то, что она стоитъ на мѣстѣ, «гдѣ часто сиверъ вьетъ.» *Тлящій* морозъ, иногда *клящій* — жгучій морозъ [1]). *Копоть* — туманъ изъ изморози во время сильнѣйшаго мороза [6]); копоть бываетъ въ Омскѣ, но ея не бываетъ уже въ Семипалатинскѣ. *Сугробъ*, *сумётъ* — наносъ снѣга, надутый вѣтромъ поперегъ дороги или улицы [1]); *надымы* — такіе же наносы, надутые къ обрыву или къ яру [1]).

Шуга — ледъ, идущій по рѣкѣ, какъ осенью, такъ и весной, то, что на Волгѣ называется «саломъ». *Заторъ* — споръ льда въ поворотѣ рѣки [1]). *Рѣкоставъ* — время покрытія рѣки льдомъ [1]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и нижней Чертѣ, Михайловскѣ и Чебулахъ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

На̀ледь — вода, выступившая весной изъ подъ льда [13]); *накипь* — вода, выступившая изъ подъ льда осенью и заледенѣвшая [13]); также вода горнаго потока на Алтаѣ, замерзшая въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлаетъ водопадъ, въ видѣ маленькаго глетчера [13]). Ледъ *яснѐцъ* — чистый ледъ на рѣкѣ, съ котораго вѣтры сдули снѣгъ [2]). *Чары̀нъ* [1]), *настъ* [2]) — снѣгъ въ весеннюю пору, свернувшійся сверху въ ледяную иглистую корку. «Зачарымило» — образовался чарынъ: въ Ист. Россіи, Соловьева, т. VI, стр. 422: «Посолъ Новосильцевъ доносилъ въ Москву изъ Рыльска, что снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отчего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не подниметъ». Дѣйствительно, чарынъ легко проваливается, и кромѣ того онъ срываетъ кожу съ ногъ; на Алтаѣ этимъ временемъ пользуются для охоты за моралами, когда они не смѣютъ быстро бѣгать «по насту». *Гололедица* — ледяная кора, образовавшаяся отъ позднихъ осеннихъ дождей и остающаяся яснецомъ до большихъ снѣговъ [1]). *Проталызина* — мѣсто чистое, безъ снѣга, обдутое вѣтромъ [1]). *Та̀лица* — мѣсто, прежде другихъ оголившееся весной отъ снѣга, обыкновенно находящееся на вершинѣ рѣчнаго обрыва [15]). *Прорѣлина* — протаявшій снѣгъ надъ ключемъ или родникомъ [1]). *Зажоры* — весеннія лужи со снѣгомъ, въ поляхъ [13]).

Подъ словомъ «гора» народъ разумѣетъ подъемъ на дорогѣ, хотя бы за подъемомъ слѣдовала равнина, а возвышенность, выдѣляющуюся своей болѣе или менѣе конусообразной фигурой надъ остальной поверхностью земли, онъ называетъ «сопкой». Такъ напримѣръ на Алтаѣ «мохнатая сопка, чайная сопка» — возвышенности, выдающіяся своими верхушками изъ ряда другихъ болѣе плоскихъ возвышенностей; онѣ по своему свойству всегда находятся въ сторонѣ отъ дороги, которая можетъ проходить только подлѣ ихъ

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.
[15]) Около Коряковской станицы, на Иртышѣ.

подошвы. Напротивъ «плакунъ-гора, малиновая гора» — тамъ же, на Алтаѣ, означаютъ высокіе подъемы дороги, на незначительныя, сравнительно съ другими, возвышенности. Поэтому можетъ случиться и въ горахъ да не «гористая» дорога, если на ней нѣтъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ; а на равнинѣ, наоборотъ, можетъ быть «гористая», если она перерѣзана оврагами. На равнинѣ, обыкновенно «горой» называется обрывъ надъ рѣкой, также въ смыслѣ подъема; впрочемъ народъ дѣлаетъ умственное представленіе о той возвышенности, которая заключается между рѣками, какъ о горѣ, что можно видѣть изъ выраженія: «ѣхать горой или водой»; такъ напримѣръ изъ Томска въ Тюмень ѣздятъ водой или горой, т. е. или по Оби и Иртышу, или прямо пересѣкая материкъ, лежащій между этими рѣками. Дѣлая такое различіе между горой и сопкой, здѣшній народъ снѣжныя горы не называетъ горами, а снѣжными сопками.

На Алтаѣ, кажется, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи развита горная терминологія, хотя и она не отличается большимъ богатствомъ. Разчлененіе горъ на Алтаѣ по большей части такое: гора, имѣющая видъ заостренной вершины, расщепляется на контрфорсы, тянущіеся отъ верхушки горы рядами, понижающіеся къ подошвѣ ея и раздѣленные глубокими пазухами; это будутъ *гривы* *) и *щели* [2]; въ щеляхъ обыкновенно текутъ рѣчки, образующія небольшіе луга, а гривы напротивъ отличаются сухой почвой и «малотравомъ»; гребень гривы, постепенно спускающійся отъ вершины горы къ подошвѣ, называется на Алтаѣ *рѣлкой* **) (впрочемъ, кажется, когда онъ удобенъ для въѣзда), а бокъ ея *покатью*, которой придается прилагательное по той рѣчкѣ, къ которой она обращена; если напримѣръ грива тянется между рѣками Чарышемъ и Башалакомъ, то съ одной стороны будетъ «башалацкая покать», съ другой «чарышская». Длинныя гривы, лежащія между большими

*) Гривою называется и острая вершина каменной горы, если она тянется на какое нибудь пространство. *Прим. Н. С. Щукина.*

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

**) Рѣлка — площадка на горѣ. *Прим. Н. С. Щукина.*

рѣками и которыя поэтому могутъ быть только умственно представляемы, называются на Алтаѣ *ходовыми сопками* [2]). Такое названіе онѣ получили потому, что служатъ путемъ для козуль во время ихъ весеннихъ и осеннихъ переходовъ съ равнины на горы, такъ какъ ходовыя сопки представляютъ отъ подошвы Алтая до его вершинъ релку, не прерываемую никакой рѣкой, никакой переправой, которыхъ козули избѣгаютъ. Гривы въ свою очередь расчленяются на второстепенныя гривы, послѣднія еще могутъ разчленяться до безусловнаго числа; вмѣстѣ съ этимъ конечно развѣтвляется и релка. У самыхъ послѣднихъ дѣленій пазухи между гривами уже не называются щелями, а *логàми;* различіемъ между щелью и логомъ можно принять слѣдующій признакъ: если дно ущелья для глаза кажется горизонтальнымъ, то это щель; если оно круто и трудно восходимо, то логъ. На Алтаѣ обыкновенно нижнія гривы покрываются нивами, а лога бываютъ уставлены стогами сѣна. Термины эти употребляются и внѣ Алтая, на равнинѣ; гривы продолжаются отъ подошвы Алтая въ видѣ плоскихъ грядъ; если такая гряда почти со всѣхъ сторонъ окружена логами, такъ что представляетъ округленную возвышенность, то крестьяне между Томскомъ и Барнауломъ называютъ ее *елбàнъ*. Около Семипалатинска «логами» называются тѣ овраги, которые обыкновенно образуются въ крутыхъ берегахъ рѣкъ отъ весеннихъ потоковъ; въ Омскѣ такіе овраги по рѣкѣ Оми называются *буераками*. Плоскій, едва замѣтный логъ, называется *логотиной* [1]), широкій и глубокій — *падью* [1]); *развалъ* — мѣсто внутри горнаго хребта, гдѣ горы разошлись, образовавши въ серединѣ обширное углубленіе [2]). *Долъ*, *отвалъ*, *отвалины* [13]) — равнина при подошвѣ хребта. *Увалъ* — легкій скатъ, тянущійся на большое разстояніе въ одномъ и томъ же направленіи ([1], [6]); по большей части уваломъ называется плоская покатость къ рѣчному лугу, и потому «увалъ»

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

противуполагается лугу. Такъ напримѣръ народъ отличаетъ озера на «увалѣ» и на лугу, которыя и по конструкціи различны. *Злѣбокъ* — небольшой подъемъ на дорогѣ въ величину телѣги [1]) («елбанъ» и «злобокъ» кажется одного корня со «лбомъ»). *Полà* — бокъ ущелья или лога: «онъ шелъ лѣвой полой ключа», т. е. по лѣвому косогору [2]). *Разломъ* — перевалъ дороги черезъ гриву, гдѣ она, по умственному представленію народа, переламывается [2]). Такой разломъ на вершинѣ хребта между головами двухъ ущелій — *сѣделко* [13]). Одно изъ важнѣйшихъ сѣделокъ на Алтаѣ находится въ западной его части, вблизи отъ Иртыша, гдѣ дорога, идущая изъ Устькаменогорска въ Бухтарму, переваливаетъ черезъ Алтай съ сѣверной его стороны на южную; по этому и собственное имя этой мѣстности — Сѣделко. *Камень* — скала, утесъ ([2], [13]); *отстой* — утесъ, на вершину котораго собаки загоняютъ съ доступной стороны дикихъ оленей и держатъ въ осадѣ до прихода охотника [2]). Такими отстоями особенно богаты горы Киргизской степи. *Избышъ* — отдѣльно торчащій камень посреди наносной почвы луговой долины рѣти Чарыша [2]). *Оплывина* — лавина; оплывины бываютъ: каменныя, земляныя и снѣжныя [13]); послѣднія особенно часты въ ущельяхъ рѣчекъ Проходной и Пихтовки, въ западной части Алтая; земляная оплывина въ долинѣ Чарыша называется *отсѣдиной;* каменныя оплывины образуютъ *розсыпи* ([2], [13]), т. е. осыпи щебня.

Снѣжныя горы называются на Алтаѣ *бѣлкàми*; впрочемъ здѣсь бѣлками называютъ не исключительно снѣжныя горы, но и нѣкоторыя изъ такихъ, которыя не достигаютъ линіи вѣчныхъ снѣговъ, такъ напр. Куминскій бѣлокъ, Абинскій бѣлокъ въ долинѣ Чарыша не покрыты вѣчнымъ снѣгомъ; мнѣ кажется, что бѣлками здѣсь называются всѣ тѣ горы, которыя высотой своей переступили за границу лѣсовъ; ихъ верхушки голы и зимой, когда подошва и бока

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

ихъ чернѣются отъ густыхъ хвойныхъ лѣсовъ, верхушка имѣетъ чистую бѣлую одежду. Когда снѣгъ на бѣлкахъ «возьмется льдомъ», въ немъ образуются *окòлины*, [2]) щели иногда въ 100 саж. глубины.

Рѣка на равнинѣ образуетъ *яры* [1]) и *луги* [1]), т. е. два паралельные обрыва, между которыми, какъ на днѣ ящика, лежитъ наносный пластъ чернозема, почти горизонтальный, покатый только къ устью и образованный весенними разливами рѣки. Иногда яръ бываетъ только съ одной стороны, съ противуположной же находится пологій «увалъ», какъ наприм. на лѣвомъ берегу Иртыша. Въ этомъ узкомъ ящикѣ извивается русло рѣки, которая часто мѣняетъ его, не выходя однакожъ изъ рамы яровъ. Мѣста, гдѣ она приближается вплоть къ одному изъ яровъ, назыв. *пришибью* [1, 2]); дѣлая пришибы поперемѣнно то у одного берега, то у другаго, рѣка получаетъ видъ ломаной линіи; углы ея назыв. *луками*, а пространство между двумя луками—*плесами* [2]); «плесъ» или «плесо» есть прямое, глубокое и тихое мѣсто рѣки, гдѣ нѣтъ мелей; въ озерѣ, заросшемъ камышами, плесомъ называется то мѣсто, которое свободно отъ камышей, то есть также глубокое, находящееся на серединѣ озера. Главное теченіе рѣки, въ которое направляется большая часть массы воды, назыв. *матерой*, *бороздой* и *струей* [1, 2]); на пришибяхъ «матера» не рѣдко бьетъ въ обрывъ и отражается отъ него; быстрое теченіе послѣ отраженія — *стрѣжь* *) или *быстрѣть* ([1, 2]). Если у пришиби яръ представляетъ каменный утесъ, то утесъ этотъ назыв. *быкомъ* ([12, 13]); а если рѣка съ обѣихъ сторонъ сжата утесами, такіе утесы назыв. *щеками* [13]); «быки» на рѣкѣ Катуни, въ верховьяхъ, назыв. *бомами* (съ калмыцкаго); эти бомы совершенно прерываютъ дорогу по одному берегу и по-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[13]) Въ Усть- Каменогорскѣ.

*) Отъ глагола «стрѣти», стремиться. Отсюда же малороссійское «стрижень», означающее въ прудѣ видимый потокъ рѣки, или, на озерѣ, теченіе впавшей рѣки, далѣе устья по поверхности озера продолжающееся. Отсюда же «стрижникъ», особенный видъ тальменя Оби.

тому въ этихъ мѣстахъ къ утесамъ придѣлываются висячія дороги въ видѣ балконовъ, по которымъ могутъ проходить вьючныя лошади; такихъ бомовъ насчитывается на Катуни восемнадцать. Это же слово кажется существуетъ и на Енисеѣ, гдѣ онъ пересѣкаетъ хребетъ. *Шивера* — гряда подводныхъ пороговъ [2]). На нижнихъ частяхъ Иртыша, около Коряковской станціи, такія мѣста, гдѣ подъ водой находятся камни и на поверхности бываетъ прибой волнъ, назыв. *быками* или *чашинами*. Быстрое теченіе за шиверою назыв. *слѣвомъ* [2]); «слевомъ» называется также и большой водопадъ [2]); *уловo* — водоворотъ въ рѣкѣ у камня [2]); *бучило* — паденіе воды съ камня; единственное бучило, которое мнѣ извѣстно на Алтаѣ, находится на рѣчкѣ Маіорской, текущей въ Чарышъ; мнѣ точно не извѣстно, нарицательное ли это, или собственное имя. *Омутъ* — глубокое мѣсто съ водоворотомъ [1]).

Гальки — мелкіе обточенные водой камни [1]). *Голешникъ* — гальки, валуны, лежащіе на берегу ([1], [2]); если эти валуны крупные, то они называются *булкой*, *булавникомъ* [2]); *гольцы* — мель изъ голешника, обнаружившаяся изъ подъ воды [2]): «настрогало гольцы», «настрогало мель», намыло [2]). *Верхняя изголовь*—верхній конецъ острова [2]); *нижняя изголовь* — нижній конецъ острова [2]); у верхней изголови всегда бываетъ *разбой* [13]), т. е. раздѣленіе водъ на два рукава, образующее сильное волненіе передъ изголовью; мысъ «нижней изголови», а также мысъ при соединеніи двухъ рѣчекъ, назыв. *стрѣлкой* [2]); теченія двухъ рѣчекъ или рукавовъ сливаясь впереди стрѣлки, образуютъ видимую борозду — *сулой* [2]). Самый длинный и замѣтный «сулой» въ томской губерніи находится при соединеніи Біи и Катуни; при сліяніи Бѣлой и Черной Ульбы сулой образуетъ опасный водоворотъ, извѣстный подъ названіемъ Вертячки. *Карша* [1]), *кокорка* [12]) — древесная коряга, замытая въ дно рѣки; *ломы* — посады лѣса въ рѣкахъ сѣверной Сибири,

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

образующіе поперечныя плотины (Kastren, Reiseberichte und Briefe, 1845—1849, стр. 85). *Закосокъ* — отмелое мѣсто у берега [13]); *косы* — мелкія удобныя для рыболовства мѣста [1]).

Заводь или *затишь* — неглубокій заливъ, образовавшійся въ небольшомъ изгибѣ рѣки, когда измѣнившееся теченіе минуетъ его и направляется прямо съ мыса на мысъ, такъ что вода втѣсняется въ заводь уже снизу [1]). Такая затишь начинаетъ со временемъ отдѣляться отъ рѣки наносомъ песку, «косой», по которой выростаетъ талъ (Salix); «затишь» обращается въ болото, на немъ выростаютъ лапушки и другія болотныя растенія; наконецъ дно ея совсѣмъ высыхаетъ и трескается отъ жаровъ, и только во время дождей дѣлается опять жидкимъ; въ полноводье сюда заходятъ язи и щуки, а также нельмы; такія мѣста около Карякова назыв. *падинами*; въ верхней части Иртыша онѣ кажется рѣдки; единственная «падина», о которой я слышалъ, находится около станицы Талицы и назыв. Тепкаши; это имя показываетъ, что здѣсь нѣтъ для нихъ нарицательнаго, и можетъ быть Тепкаши единственная «падина» въ этой странѣ. *Затонъ* — заливъ, затишь, образовавшаяся отъ наплыва песку на засѣвшую карягу [1]). Иногда двѣ луки одного берега все болѣе и болѣе сближаются, пока наконецъ не разрушится узкій перешеекъ, раздѣляющій ихъ; такимъ образомъ образуется *прорва* ([1, 15]); такія «прорвы» очень часты у Иртыша между Семипалатинскомъ и Омскомъ; онѣ узки, глубоки и полноводны. Теченіе, сокративши путь, совершенно оставляетъ длинную дугу, по которой оно шло прежде; это старое русло, постепенно теряющее сообщеніе съ рѣкой и образующее подковообразное озеро, назыв. на Иртышѣ *старицей*; на рѣкѣ Чарышѣ для оставленнаго рѣкой русла существуетъ другое названіе, *курья*; это заливъ, тянущійся параллельно съ берегомъ рѣки и соединяющійся съ рѣкой всегда въ нижней только части, тогда какъ верхняя отсыхаетъ отъ рѣки. Я между прочимъ замѣтилъ,

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.
[15]) Около Коряковской станицы, на Иртышѣ.

что народъ называетъ старицами только отсохшія русла у степныхъ рѣкъ, а курьями у сѣверныхъ лѣсныхъ; такъ по крайней мѣрѣ оказывается изъ Опыта Обл. Словаря; «курья» въ немъ означена только какъ слово изъ сѣверной Россіи, «старица» изъ южной; въ западной Сибири «старица» употребляется на Ишимѣ около Петропавловска, на Иртышѣ между Семипалатинскомъ и Омскомъ и наконецъ на Оби около Барнаула, словомъ въ мѣстахъ, болѣе или менѣе степныхъ. «Курья» употребляется въ тобольской губерніи и на Алтаѣ. Кромѣ того въ Куранскомъ округѣ, на такъ называемой Горькой линіи, *курья* называется узкое протяженіе озера въ одну сторону, поросшее камышемъ; съ этой стороны къ озеру всегда бываетъ покать, по которой собирается весенняя вода въ озеро. Такія «курьи» бываютъ здѣсь почти у каждаго озера; бываютъ онѣ и у озеръ на Иртышѣ, которыя находятся на «увалѣ», а не на лугу, но тамъ онѣ назыв. *отногами*. Небольшой рукавъ рѣки, текущей только весной, назыв. въ Омскѣ *протокой*; въ такихъ «протокахъ» вода остается мѣстами на все лѣто; здѣсъ ростутъ кувшинки, иръ и друг. растенія.

Займища — непроходимыя отъ болотъ мѣста на лугу рѣки, заросшія камышами и кустарниками; они образуются только у степныхъ рѣкъ, и потому существуютъ въ томской губерніи только на Иртышѣ, выше устья Бухтармы и на рѣчкахъ въ Кулундинской степи, на западъ отъ Барнаула. *Мочежина* — мочагъ, узкій, шириною менѣе шага человѣка, потокъ, съ незамѣтнымъ движеніемъ; такіе мочаги въ лѣсахъ Сибири, въ томской тайгѣ и въ алтайской черни, даютъ начало рѣчкамъ. *Падуны* — мелкіе ключи на горахъ, образующіеся изъ «мочежинъ», и дающіе начало рѣчкамъ томской тайги; называются такъ вѣроятно отъ крутаго паденія, какое они обыкновенно имѣютъ. *Разсоши* — мѣсто, гдѣ двѣ рѣчки или ключа соединяются [2]). *Талицы* — такъ называются рѣчки на Алтаѣ, не замерзающія всю зиму, стоящія талыми; въ березовск. округѣ тобольск. губ. «талицы» назыв. «живцами». *Полой* — ложокъ

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

съ водой, т. е. ключикъ въ логу [12]). *Ляга* — впадина среди ровной луговой земли, иногда ровно спускающаяся, иногда съ одного конца удлиненная, по большей части съ зыбунами, а иногда съ водой, оставшейся отъ весны; въ послѣднемъ случаѣ въ ней попадается щука [6]). *Ялурѝна* — ямина въ почвѣ [1]). *Няша* — глубокая грязь, растоптанная, на дорогѣ [1]). *Лабза*, *лабзо̀выя* мѣста — зыбуны, трясины ([14], [16]); сухія тропинки, находящіяся на лабзѣ, на Горькой линіи, назыв. *рёлками*. *Кундракъ* — дернъ, снятый на лугу и состоящій изъ корней и сухихъ листьевъ осоки, слежавшихся войлокомъ, и употребляемый вмѣсто мха для конопатки избъ [6]). Это, кажется, искаженное «тундра», «тундракъ», по обыкновенію, о которомъ я уже говорилъ, измѣнять *т* въ *к*.

Боръ — сосновый лѣсъ или даже сосновые лѣса, потому что какое бы они пространство ни занимали всѣ будутъ составлять одинъ «боръ» [1]). Такъ, напримѣръ, въ томской губ. «боръ» тянется отъ Семипалатинска до города Колывани; отрывки бора называются «борками»; молодой, мелкій соснягъ — *толокольники* [1]). Березовые лѣса не имѣютъ такого общесобирательнаго имени; они раздробляются на *дубровы* ([6], [16]). «Дубровы» состоятъ изъ старыхъ деревьевъ; *колокъ* — небольшой молодой березовый лѣсъ ([6], [16]); *берѐзникъ* (оба *е* выговариваются какъ *ѣ*) — молодая березовая поросль, немного выше человѣческаго роста, какая обыкновенно бываетъ подлѣ городовъ и большихъ селъ ([6], [16]), Около Семипалатинска дубровъ нѣтъ, но названіе «колковъ» присвоивается небольшимъ березовымъ лѣскамъ, встрѣчающимся подлѣ бора. Дремучіе хвойные лѣса на Алтаѣ съ болотистой почвой называются *чернью*. Это названіе, также какъ и боръ, придается всему лѣсному пространству отъ Устькаменогорска до Кузнецка. Сѣверная граница этой «черни» тянется съ запада на востокъ, но ме-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.
[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.
[16]) На Горькой линіи.

жду Бійскомъ и Кузнецкомъ она далеко выдается на сѣверъ, подъ названіемъ «таволганы». Далѣе къ востоку отъ Кузнецка, за рѣкой Томью, тѣ же лѣса называются *тайгой;* точное мѣсто, гдѣ кончается употребленіе одного слова и начинается другое, мнѣ неизвѣстно. Какъ въ тайгѣ, такъ и въ черни, и даже въ бору, есть урочища, которыя назыв. *согрями*. Я лучше всего понялъ значеніе этого термина, когда мнѣ случилось ѣхать берегомъ Золотаго Китата въ томской тайгѣ. Эта рѣка имѣетъ характеръ совершенно сѣверный: берега ея представляютъ простой корридоръ изъ двухъ стѣнъ, состоящихъ изъ кедровъ и елей; лѣсъ однакоже стоялъ на нѣкоторой высотѣ надъ рѣкой, такъ что подъ нимъ виднѣлся даже невысокій обрывъ; подъ обрывами былъ лугъ, покрытый осокой и изрѣдка у самаго берега маленькимъ ивнякомъ; но иногда лѣсъ спускался на лугъ и упирался въ самый берегъ; — это и называется здѣсь *согрой;* онѣ бываютъ почти непроходимы по своей болотистости. На Алтаѣ, по рѣкѣ Чумышу, какъ мнѣ извѣстно изъ разсказовъ, есть «*согры*», заросшія кедромъ и другими хвойными; находящіяся въ нихъ узкія полосы, выдерживающія всадника, называются, какъ и въ горьколинейскихъ «лабзахъ», *рёлками*. На рѣкѣ Чарышѣ нѣтъ «согръ», по крайней мѣрѣ около Чарышской станицы и ниже; но въ сторонѣ, по небольшимъ рѣчкамъ, такія мѣста, гдѣ ростутъ въ смѣшеніи у самой воды сосны, черноталъ и мелкій березникъ, и гдѣ отъ сырости образуются кочки и мочаги, называются «согрями». Около Усть-Каменогорска есть деревня, называемая Согрой; дѣйствительно, деревня стоитъ въ рощѣ, на лугу рѣки Ульбы; но здѣсь уже нѣтъ сосны, роща состоитъ изъ однихъ березъ; такимъ образомъ чистота типа «*согры*» къ западу все болѣе и болѣе утрачивается. Около Семипалатинска въ бору также есть «согры»; боръ стоитъ на высокомъ песчаномъ подножіи; по окраинамъ, при подошвѣ песковъ, у рѣчекъ, образуется смѣшеніе изъ сосны, чернотала, дряннаго березника, калины, ракитника и изрѣдка боярышника, съ болотистой почвой.

Тоже самое, что тайга и чернь, т. е. смѣшеніе разныхъ хвойныхъ, исключая сосны, но только на равнинѣ сѣверной части том-

n. 26012.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

ской губерніи, въ вершинахъ рѣки Оми, называется *урманомъ* *). Къ югу отъ границы урмана начинаются березовыя дубровы и открытыя мѣста; въ этой полосѣ разсѣяно множество болотъ съ мелкимъ соснягомъ; такія болота назыв. *рямами*, какъ на Горькой линіи, такъ и на Барабѣ. *Забока* — лѣсъ изъ ивъ, черемухи и другихъ кустарниковъ, на лугу Иртыша. *Талы* — таловые или ивовые лѣса по берегу рѣки ([1] , [6]). *Елань* — чистое мѣсто внутри лѣса [1]). *Дрема*, *колодники* — трущобистыя мѣста въ черни [2]); колодникомъ называется лѣсъ, сроненный вѣтрами и лежащій на почвѣ.

Степью мы называемъ различныя мѣстности, иногда принимая за условіе гладкую поверхность, иногда безлѣсье; но тѣ, которые составили себѣ понятіе о степи по гладкой саратовской или новороссійской степи, бываютъ удивлены, нашедши киргизскую степь очень гористою. Гумбольдтъ хотѣлъ установить тѣснѣе значеніе этого слова: въ своихъ «Картинахъ» онъ предлагаетъ подъ степью разумѣть страну съ однородной растительностью; поэтому онъ назвалъ степью хвойные сибирскіе лѣса и тундры. Но нашъ народъ, какъ извѣстно, подъ степью разумѣетъ именно что-то противуположное сѣвернымъ лѣсамъ, и потому нужно искать другой физической характеристики степи. Мы знаемъ только, что народъ всегда вѣрно держится своего, еще въ европейской Россіи составленнаго, воззрѣнія на географическіе характеры лѣсной и степной полосы, и въ Сибири также сдѣлалъ географическое опредѣленіе согласно этому воззрѣнію. Главное основаніе для этого опредѣленія народъ находитъ въ своей культурѣ; культура степныхъ мѣстъ отличается многими противуположными чертами отъ лѣсной. Народъ томской губерніи

---

*) Это слово, кажется, относится къ одному корню съ словами: «урманье» — строевой лѣсъ въ тарскомъ округѣ, «раманье» — лѣсъ въ былинахъ Кирши Данилова, «рамень» — низменныя болотистыя мѣста въ нижегородск. губ., поросшія ельникомъ и березникомъ (Вѣстн. Геогр. Общ., 1857, кн. 8 стр. 156), «урема» оренб. губ. и «рямъ» тобольск. губ.

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

различаетъ кормовыя травы на два рода: *чернотравье* и *кипцы;* «чернотравье» состоитъ изъ разныхъ мягкихъ луговыхъ травъ, «кипцы» изъ степныхъ злаковъ *); эти выраженія: «чернотравье», «кипцы», «кипцовыя мѣста», употребляются также, какъ выраженія: «боръ,» «чернь,» «тайга,» для обозначенія цѣлыхъ пространствъ съ извѣстнымъ характеромъ. Въ Семипалатинскѣ, окруженномъ «кипцами», говорятъ: «выгнать скотъ въ степь», а на Алтаѣ, гдѣ «чернотравье», не говорятъ: въ степь, а «въ поле». На Горькой линіи крайнія къ полю улицы называются «степными».

Волотокъ, курешокъ на Алтаѣ, *курѣнь, курешокъ* въ Семипалатинскѣ — кустикъ или стебелекъ травянистаго растенія, сидящаго на корню. Напримѣръ: «три курешка бобовъ». «Волоткомъ» преимущественно называется стебелекъ льна. *Дудка* — стебель высокаго травянистаго растенія, прямо стоящій ([1], [2]). *Пучка* — стебель зонтичнаго растенія ([1], [2]); поэтому почти всѣ зонтичныя называются однимъ именемъ и различаются прилагательными: боржовая пучка, медвѣжья пучка и проч. Стебель ревня также называется пучкой, но кажется болѣе потому, что онъ съѣдобенъ, какъ большая часть стеблей зонтичныхъ. Названіе это придается зонтичнымъ вѣроятно за форму цвѣтовища въ видѣ букета; *пучѣнька* въ Сибири значитъ букетъ или связка стеблей; лукъ и чеснокъ продаются «пучѣньками». Въ пѣснѣ:

При долинушкѣ стояла, калинушку ломала,
Калинушку ломала, въ пученьки вязала.

Мочка — березовая почка [6]). *Пасынокъ* — листъ пазушный [13]); отсюда «пасынковать», — обрывать пазушные листья у табака. *Пасынкомъ* также называется еще сукъ въ доскѣ, который отдѣленъ отъ остальной древесины щелью, такъ что можетъ быть свободно выдавленъ изъ доски [1]). *Пупыши* — бутоны [17]). *Пустоцвѣтъ* —

*) Кипцомъ собственно называется ковыль (Stipa capillata)
[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.
[17]) Въ Иркутскѣ.

мужскіе цвѣты [1]). *Пята* — нижняя часть колоса, прилегающая къ соломинѣ [2]). *Хльбенка* — цвѣточная пыль (pollen), которую собираютъ пчелы въ своихъ сотахъ [2]). *Брунь* — цвѣтовище метелкой, какъ у овса, тростника, проса и проч. [1]). О смородинѣ на Алтаѣ говорятъ, что ягоды ея собраны «теремкóмъ», а у черемухи «сторожкáми». Одна изъ породъ семипалатинскихъ пшеницъ называется «теремковой» за свой толстый, четырехгранный колосъ; «теремкомъ» въ Семипалатинскѣ называется еще одна дѣтская игрушка, которая состоитъ изъ толстаго короткаго шнурка, плетенаго изъ лыка, и имѣющаго также четырехгранный видъ. Эта-то игрушка кажется и послужила началомъ для сближеній; въ Семипалатинскѣ еще завязываютъ хвосты у лошадей «теремкомъ.» Какая отвлеченная форма разумѣется подъ «сторожкомъ», мнѣ не удалось узнать. *Балаболка* — плодъ у картофеля [17]). *Якорь* — стержень у корня [2]). *Выснерь* — плоское, гладкое мѣсто подъ стеблемъ у хвойнаго дерева [18]).

Крысь-берсень, крыжь-берсень, просто *берсень* — крыжовникъ [12]). *Вишь* — бадяга [12]). *Ивь, ивга, певга, ивнякъ, пивнякъ* — кустарникъ изъ рода ихъ, ростущій на розсыпяхъ, въ долинѣ р. Чарыша [2]). «Певга», по мнѣнію раскольниковъ, одно изъ трехъ деревьевъ, изъ которыхъ былъ сдѣланъ крестъ Христа (кипарисъ, кедръ, певга). См. челобитную раскольниковъ во время бунта 1682 г. пунктъ 7, въ Ист. Петра Вел., Устрялова. *Рогульки* — Trapa natans; «рогульками» собственно называются рогатые орѣхи этого растенія [15]). *Моралка* — палочникъ [1]); *смѣтанка* — сокъ изъ корней этого растенія [1]). *Плитникъ, свѣчи* — Verbascum Taphsus [2]). *Конёвникъ* [12]), *кипрей* [2]) — Epilobium angustifolium. *Щетка, кипецъ* [1]) — Stipa capillata; этимъ словомъ обозначается тотъ снопикъ листьевъ, который сидитъ въ видѣ щетки на одномъ корне-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.
[17]) Въ Иркутскѣ.
[18]) Въ деревняхъ около Тары.

вищѣ; когда же поспѣютъ сѣмяна, это растеніе называется *ковылемъ* [1]).

Рогулька — раковина улитки [1]), а самая улитка *бычекъ* [1]), *вьюнъ* [13]). Названіе эти легко объяснить: рогулькой называется раковина за ракообразную форму; улитка называется бычкомъ за усики, а вьюномъ за ея крутящіяся движенія. *Стрѣлка* — коромысло [1]); названа такъ, конечно, по формѣ тѣла, представляющей тонкое длинное тѣло, близь головы оперенное, какъ стрѣла, крыльями. *Баба-муха* — та большая муха, которая, влетѣвши въ комнату, бьется головой объ потолокъ [1]). *Толкачи* — мелкія мошки, которыя иногда кучей вьются въ воздухѣ около какой-нибудь стѣны [1]). *Майка* — жукъ, который въ маѣ издаетъ ароматный тяжелый запахъ, и считается цѣлебнымъ при укушеніи бѣшеной собаки [13]). *Мизгирь* — паукъ [3]); *мизгирь-ситникъ* — тотъ паукъ, который плететъ въ окнѣ пустаго зданія сѣтку въ родѣ сита [1]). *Журга*, *жужъ* — вообще жукъ [2]). *Гнусъ* — насѣкомое ([1], [2]).

Быкъ-рыба [2]), *широколобка* [2]), *головастикъ* [12]) — лягушка въ первомъ періодѣ превращенія. *Жирокъ* — червь въ мясѣ [1]).

Мелкія птицы: *мясничекъ* на Иртышѣ тоже, что *сальникъ*, *кузнечикъ* на Алтаѣ — такъ названъ потому вѣроятно, что питается червячками и долбитъ кустъ, или дерево, или вывѣшенную скотскую кожу. *Короголёкъ* или *рогалёкъ*, около Семипалтинска, называется такъ по двумъ перышкамъ на головѣ, дѣлающимъ его рогатымъ, *чернышекъ* въ Усть-Каменогорскѣ, *синышекъ* на Алтаѣ; его не слѣдуетъ смѣшивать съ *синимъ воробьемъ*, что водится на Иртышѣ. *Дубровный куликъ* — кроншнепъ [6]). Куропаткой называется въ томской губ. бѣлая куропатка, а сѣрая на-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

зывается какъ въ Омскѣ, такъ и на Алтаѣ — *рябчикомъ-гуменникомъ* (*е* произносится какъ *ѣ*), а настоящій рябчикъ — въ Омскѣ *боровымъ рябкомъ*, на Алтаѣ *лѣснымъ рябкомъ*. *Попердушка*— стрепетъ [1]). *Ныряница* — особенная порода утокъ, водящаяся на соленыхъ Боровинскихъ озерахъ, на сѣверѣ томской губ. *Фыпъ* или *табуньщикъ* — выпь [1]).

Хомякъ въ Омскѣ называется *емуранкой*, на Алтаѣ *круторойкой*, *кроторойкой*, *земледушкой*, *рытикомъ*; можетъ быть подъ этимъ именемъ смѣшиваются и мыши, дѣлающія норы въ полѣ. «Емуранка» кажется происходитъ отъ калмыцкаго «джемуранъ», что впрочемъ означаетъ кошечку сѣноставку, водящуюся на высотахъ Алтая. *Сохатый* — лось [3]); «сохатый» тутъ кажется значитъ рогатый; въ этомъ же смыслѣ это слово употреблено въ загадкѣ о блохѣ: «сохатый, а не быкъ». Крестьяне на Алтаѣ, говоря о рогахъ лося, употребляютъ иногда слово «борона», въ родѣ того, какъ у свиньи носъ называется пятакомъ и т. п. «Сохатый свою борону на спину заложилъ».

Синякъ — тощій хайрузъ темнаго цвѣта, въ отличіе отъ жирнаго бѣлаго [2]). *Стрижникъ* — тальмень горныхъ рѣкъ, напр. Чарыша, въ отличіе отъ большаго тальменя равнинной рѣки Оби [2]). *Мулекъ* [1]), собирательное *моль* [1]), *малявка* [17]) — дѣтва рыбья. *Травянка* [19]), *щуругайка* [20]) — молодая щука. *Чалбышъ* — осетеръ въ аршинъ длиной, съ круглымъ тѣломъ [2]). *Карышъ* — осетеръ въ $1^1/_2$ четверти длиною [1]). *Костеръ* — также небольшой осетеръ съ тупымъ рыломъ [1]). *Казачекъ* — самецъ куропатки [6]). *Копылиха* — самка глухаря [2]). *Моргачъ* — самецъ сайги (въ виленской губ. «маркачъ» — баранъ. Вѣстн. Геогр. Общ., 1857, кн.

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

[17]) Въ Иркутскѣ.

[19]) Въ Барнаулѣ.

[20]) Въ Томскѣ.

3) [1]). *Матица* — моралуха, самка морала [2]). *Пѣстунъ* — годовой медвѣдь [2]). *Тòкушъ* — годовой моралъ [2]). *Ялòкъ* — козленокъ-сосунъ, бѣгающій за козулей (Cervus caprioles) [2]). *Дочка* — самка кабана [2]). *Стькачъ* — кабанъ съ прямымъ, торчащимъ вверхъ клыкомъ [1]); *заворотень* — съ заворотившимся внизъ [1]).

Лебеди «ичутъ» [2]); моралъ, призывая самку, «хлыщетъ» [13]), а домашній быкъ «бызуетъ» [1]). Птицы «табунятся» — сбираются въ стаи для отлета [1]). *Нèрстится* рыба, мечетъ икру ([1], [2]). *Ростится* птица, носитъ яйца [1]). *Жируетъ* рыба, кормится [2]). *Руно* рыбъ, стадо [1]); «рунами», напр., ходятъ окуни. *Катки* — оледенѣвшія дорожки, по которымъ зимой всходятъ на берегъ выдры или бобры [13]). *Зàлазъ* — отверстіе въ гнѣздѣ у бѣлки [2]).

Ксень — какая-то внутренность рыбы [2]). *Выползокъ* — шкурка змѣи, сброшенная весной [1]). *Сторожёкъ* — правильное перо въ крылѣ птицы [1]). *Стебенья* — недоросшія перья у гусей [2]). *Штанъ* — толстые мускулы на заднихъ ногахъ у лошади, образующіе двѣ значительныя выпуклости [1]). *Нàпокотки* или *заусеницы* — кожистые наросты на голеняхъ у лошади [1]). «Мурнó» — морда лошади [1]). *Соколъ*, *соколокъ* — грудинка у лошади, морала, птицы, и вѣроятно у всѣхъ животныхъ [2]). *Опутина* — сложеніе тѣла [2]). «Обличіе у него отцовское, а опутина материна [2])». *Верхушка* — макушка головы, а впереди ея и ниже — *темя* [2]). *Косѝца* — високъ ([1], [2]). *Ягодницы* — скулы [2]). *Санки* — нижняя челюсть [1]). *Клы* — клыки, собственно у животныхъ [1]). *Колъ* — клыкъ [1]). *Зѐнки* — глаза [2]). *Крыльца* — поверхность тѣла надъ лопатками ([1], [2]); *загривокъ* — мѣсто между крыльцами ([1], [2]). *Огнивце* — ключица ([1], [2]). *Завьдь* — перехватъ руки выше кисти [2]). Въ Опытѣ Обл. словаря сдѣлано неправильное объясненіе этого слова: «взавить» будто значитъ «толщиною». Приведенъ слѣдующій примѣръ: «у него батогъ взавить въ руку». Въ дѣйстви-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[13]) Въ Усть- Каменогорскѣ.

тельности это значитъ: у него батогъ толщиной въ завѣдь, т. е. въ перехватъ руки; «въ руку» здѣсь прибавлено для ясности; сравненія съ завѣдью дѣлаютъ очень часто. *Казанокъ* [1,2], *казванокъ* [17] — суставъ пальца. *Луна* — нижнее дугообразное очертаніе живота [2]. Въ Бѣлевской разборной книгѣ, 7025 г.: «а болѣзнь у отца его: луно грыжа прогрызла» (Ист. Петра Вел., Устр., т. I, стр. 294). Мѣсяцъ здѣсь никогда не называется луной: я слышалъ только одно выраженіе, въ которомъ это слово относилось къ мѣсяцу: «ночь морошная, мѣсяца-то хоть и не видать, а лунь-то и означаетъ, гдѣ онъ, высоко ли»? *Кунка*—vulva [3]. *Бутò*, *бутце*, *стегно* [2] — кость отъ вертлюга до колѣна. *Лàпасть* — нога отъ взъема до пальцевъ [2]. *Болонь*, *ленъ* [2] — тяжи, особенно затылочные («болонью» также называется заболонь у дерева). *Màдежи* — пятна, выступающія на тѣлѣ у беременныхъ женщинъ [1]. *Кыръ* — гермафродита [13].

Грань — государственная граница и обыкновенная межа. «Ѣздилъ за грань», ѣздилъ въ Киргизскую степь [1]. *Слободка* — часть селенія, населеніе, которое имѣетъ особенныя права. Таковы, напримѣръ, въ Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ «татарскія слободки». *Зимовьё*: такъ назывались прежде избушки въ инородческихъ кочевьяхъ, въ которыя зимой приходили ясачные сборщики, также избы звѣроловныхъ промышленниковъ, избы на степныхъ дорогахъ и на берегахъ необитаемыхъ рѣкъ, если по нимъ бываетъ судоходство (Фишеръ, Ист. Сибири, стр. 236). Въ томской губ. и теперь еще остались зимовья послѣднихъ двухъ родовъ; между Змѣиногорскомъ и Семипалатинскомъ нѣтъ деревень, и потому на дорогѣ устроено нѣсколько зимовьевъ. Между устьями Бухтармы и Ульбы, на Иртышѣ, для сплава рудъ выстроены два

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

[17]) Въ Иркутскѣ.

зимовья, Булочное и Таловское; у нихъ лѣтомъ останавливаются сплавщики, а зимой живетъ только по одному человѣку. *Обрубъ* — старинное слово, означало деревянную одежду рѣчнаго обрыва; въ Томскѣ сохранилось это слово, какъ собственное имя одной части города.

Вы̀шка, подъѝзбица — чердакъ [1]). *Ку̀ричины* [2]), *курицы* [1])— стропила. *О̀хлупень* — брусь, который кладется по гребню крыши ([1], [2]), *са̀мецъ* — конецъ его, который заостренъ [2]) («осамѝть» въ Чарышск. стан. значитъ заострить). *Ма̀тица* — единственная балка, на которой лежитъ потолокъ въ избѣ [1]). *Чува̀лъ* — труба у русской печи [1]). *За̀дороги* — расширеніе печной полости за цѣломъ [1]). Лисья нора представляетъ прямой каналъ, медвѣжья берлога бываетъ съ «задорогами», т. е. за узкимъ отверстіемъ берлога расширяется, какъ печь. *Стамѝкъ* —деревянный брусъ, придѣланный къ углу печи [2]). *Го̀лубецъ, голбецъ* — деревянная пристройка къ печи въ видѣ полатей, одному спать ([1], [2]); поговорка: «жила бабушка, не мѣшала; умерла, и голубецъ опростала [1])»; не нужно смѣшивать голубца съ *голубчико̀мъ;* «голубчикъ» — деревянный памятникъ надъ могилой [1]). *Кѝпки* — войлочныя ленты, приколоченныя къ дверямъ для теплоты [2]). *Ста̀йка* — хлѣвъ [1]). *Суськъ* — закромъ [1]). *Пя̀тра* — потолокъ въ амбарѣ, на который обыкновенно складывается очесанный ленъ [2]).

Буто̀ръ — скарбъ (рѣдко случается слышать) [1]). *Коза̀ца* — шкурка горностая или ласки для держанія денегъ; шкура снимается для этого безъ продольнаго разрѣза, въ видѣ рукава [6]); *козокъ:* «соболи въ козкахъ» (старинное сибирское выраженіе временъ Алексѣя Михайловича) — вѣроятно такіе, которые сняты безъ боковаго надрѣза; кромѣ того были еще соболи въ «пластинахъ», т. е. разрѣзъ сдѣланъ по боку, и тогда брюшко и хребетъ составляли цѣлый мѣхъ; потомъ «пупки собольи»; т. е. брюшки, и «соболи безъ пупковъ», т. е. одни хребты. *Ка-*

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.

лàушекъ [6]), *калàузикъ* [12]) — мѣшокъ съ опушкой, стягиваемый шнуркомъ, съ пудъ вмѣстимостью; употребляется въ дорогѣ для вещей, особенно старухами. *Зобнѝ* — торба для кормленія лошадей [12]). *Курджунѝ* — переметныя сумы, чемоданъ изъ конской шкуры съ шерстью снаружи, употребляется иртышскими казаками во время походовъ въ Киргизской степи, и кажется заимствованы у сосѣдей Киргизовъ [1]). *Шарàбара* — ломь желѣзная, которой во всякой избѣ есть мѣшокъ на всякій случай [1]).

Чумàнъ, *чумàкъ*. Такъ называется посуда изъ бересты, наскоро дѣлаемая въ лѣсу звѣроловами и рыболовами; берестовый листъ, который вездѣ можно найти, свертывается для этого въ воронку. Рыболовы на Чарышѣ въ такихъ чуманахъ держатъ икру; звѣроловы иногда варятъ въ нихъ супъ, спуская горячіе камни въ воду, налитую въ нихъ. Это слово встрѣчается во многихъ другихъ производныхъ: *чумàшка* — ложка пчеловода для собиранія пчелъ; *чумичка* — поваренка въ центральной Россіи; *чумѝшь* — киргизское слово, также значитъ поваренка; *чумàкъ* — инструментъ изъ бересты, которымъ вооружается «стрѣлецъ» въ масляничномъ поѣздѣ на Горькой линіи; *чумъ* — въ Собр. Госуд. Грамотъ, т. 1, стр. 31, въ завѣщаніи вел. кн. Іоанна Даниловича между другими вещами упоминается: «два чума золота»; *чумъ* — берестяная юрта Остяка. На большой дорогѣ изъ Томска въ Барнаулъ я слышалъ, какъ одинъ крестьянинъ, насмѣшливо отзываясь о крестьянахъ, которые живутъ вверхъ по Томи, «чавокаютъ» и вообще стоятъ ниже другихъ по своей культурѣ, назвалъ ихъ «чумашáнами». Въ этой мѣстности не имѣютъ никакого понятія объ остяцкомъ чумѣ, но выраженіе «чумашане» вѣроятно значитъ жителей, живущихъ въ чумахъ. — *Бадья* — долбленая деревянная посуда. На Алтаѣ большія бадьи, въ 45 пудовъ, употребляются подъ медъ; въ Семипалатинскѣ рыболовы подъ рыбу употребляютъ небольшія

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.

и плоскія бадьи. *Жбанъ* — деревянная кружка подъ квасъ [3]). *Ручка*, *лагушка* — баклага [4]). *Туесъ*, мн. ч. *туйсья* — буракъ [3]). *Сѣльница* — деревянное лукошко, подставляемое подъ сито во время сѣянія ([1, 2]). *Бусъ*, *бусовде* сито — мелкое сито ([1, 2]); «бусъ» — въ переносномъ значеніи — мелкій дождь [2]); «дождикъ буситъ», если онъ сыплется мелкими каплями [2]); «бусокъ трясти» — ходить по міру (съ мѣшкомъ). *Заутóры* ([1, 2]), *утóры* [17]) — пазухи въ деревянной посудѣ между стѣнками и дномъ. *Творѝло* — отверзтіе въ бочкѣ и отверзтіе въ полу, ведущее въ подполье [1]); также отверзтіе въ мордѣ, рыболовномъ снарядѣ [2]). *Клюкà* — кочерга [3]); *клю́шка* — палка съ крючкомъ на концѣ, употребляемая въ игрѣ «въ клюшки» [1]). *Бухъ* [2]), *бушнде* корыто [1]) — то, въ которомъ стираютъ бѣлье. *Колывáнка* — глиняная латка, употребляемая въ Чарышской станицѣ подъ воскъ; назыв. такъ кажется потому, что дѣлается въ Колывани (гранильная фабрика при подошвѣ Алтая). *Жировúкъ* — плошка, или просто черепокъ съ саломъ и свѣтильней, употребляемый для освѣщенія избъ у бѣдныхъ [1]). *Зы́бка* — колыбель [1]). *Стѣжка* — плеть [14]). *Соёкъ* — металлическая ковырялка при курильной трубкѣ [17]). *Мусы* — деревянный треножникъ съ висящимъ на веревочкѣ *барашкомъ* [1]); употребляются иртышскими казаками при варенiи пищи во время походовъ въ степи, и кажется заимствованы у Киргизовъ.

Волокуши [20]), *волóки* [21]) — двѣ жерди, соединенныя въ серединѣ; употребляются для перевозки тяжестей въ лѣсахъ, по болотистой почвѣ. *Пýрта* — телѣга или кошевая особеннаго устройства; я впрочемъ не узналъ ея особенности ([14, 19]). *Одеръ*, *ерап-*

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловскѣ и Чебулахъ.

[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

[17]) Въ Иркутскѣ.

[19]) Въ Барнаулѣ.

[20]) Въ Томскѣ.

[21]) Въ Бійскѣ.

дакъ — коробъ телѣги, т. е. та часть телѣги, которая лежитъ на дрогахъ [1]). *Поперсье* — нагрудникъ у сѣдла [1]).

Карáльки — калачи [2]). *Мягки* — булки [3]). *Шáньга* — булка съ смѣтанной намазкой [3]). *Щербá* — уха [1]). *Селянка* — яичница на сковородѣ [1]). *Кýрникъ* — пирогъ съ курицей ([1], [2]). *Простокиша* — простокваша ([1], [2]). *Кумысъ* — пахтанье [15]). *Плитовая* соль — въ глыбахъ, привозимая изъ озеръ Киргизской степи [1]). *Лемьшúна* — табачная жвачка [2]); *лемьшинникъ* — жующій табакъ [2]); кажется происходитъ отъ глагола «мѣсить», также какъ и малороссійское кушанье «лемишка», родъ тѣста, которое вязнетъ въ зубахъ. *Ширчёкъ* — щепотка табаку [1]). *Бадкá* — сокъ въ чубукѣ [1]).

Лóпать — одежда [3]). *Гуня, гунюшка* — худая, изорванная одежда [1]). *Азямъ* — армякъ [11]). *Лабашáкъ* — также армякъ [13]). *Шабуръ, понúтокъ*—шерстяная ткань, имѣющая льняную основу, а также и зипунъ изъ этой матеріи [2]). *Челбары* — шаровары изъ козловой замши [1]), *балáки* — куски холста, пришитые къ гачамъ шароваръ, чтобъ они не терлись при ѣздѣ [1]). *Гáчи* — нижніе концы штановъ [1]). *Гáсникъ, гашникъ* — шнуръ въ опушкѣ штановъ и у юбки, для стягиванія ихъ на животѣ [1]). *Гайтанъ* — шнурокъ, на которомъ виситъ крестъ на шеѣ ([1], [2]). *Чебакъ* — зимняя шапка съ ушками въ иркутской губерніи. *Малахай* — острокопечная шапка съ ушками, на Иртышѣ; названіе кажется заимствовано у Калмыковъ. *Бродни* — высокіе сапоги, до вертлюговъ; употребляются при рыбной ловлѣ по всей Сибири [20]). *Отопки* — старые, изношенные сапоги [1]). *Шушунъ* — ситцевая кофта или перелинка, короткая, такъ что едва закрываетъ гасникъ

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[11]) Въ деревняхъ около озера Чаны.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

[15]) Около Коряковской станицы, на Иртышѣ.

[20]) Въ Томскѣ.

у юбки [2]); *шугай* — длинная, чуть не до ляшекъ [2]). *Парочка*— шугай и юбка [2]). *Дубасъ* — платье изъ кубоваго холста или выбойки [2]). *Запóнъ* — передникъ [1]). *Ногавка* — узенькіе бархатные браслеты [1]); собственно «ногавками» называются сукопные браслеты, нашиваемые на ноги куриць для примѣты. *Рукотерникъ* — полотенце [1]).

Пóстать — обработываемое поле, на которомъ жнутъ или косятъ. «Народъ не вернулся еще съ постати» [12]). *Материкъ, матерая* земля, *черная* земля—такъ называется черноземъ на Иртышѣ, около Семипалатинска. Производный отъ слова «мать» всегда заключаютъ въ себѣ понятіе о чемъ-нибудь коренномъ, главномъ, о сердцевинѣ или основѣ; такъ напримѣръ «матерой» называютъ главное теченіе въ рѣкѣ, «маткой» главный стволъ дерева и сердцевину тучи; про то мѣсто, которое дождь болѣе смочилъ, говорятъ: «тамъ матка прошла»; у степныхъ пожаровъ сердцевина пламени также называется «маткой»; говорятъ, что у лѣснаго пожара «матка клиномъ впередъ идетъ»; основываясь на этомъ, можно подумать, что народъ, придавая черноземy названіе «матерой земли», считаетъ его основнымъ элементомъ земнаго шара. Кромѣ того, черноземъ на Иртышѣ называется еще «чернотравьемъ», въ отличіе отъ «кипцовыхъ мѣстъ» съ песчаноглинистой почвой. *Черноземомъ* же здѣсь называется навозъ, пролежавшій съ годъ въ огородѣ, перегорѣвшій, но не обратившійся еще въ «черную землю». На Алтаѣ, въ Чарышской станицѣ, черноземъ называютъ *кроторойникомъ* или *кочковникомъ*; кроторойки, разные мелкіе грызуны, дѣлаютъ множество норъ въ здѣшней черноземной почвѣ; при входѣ каждой норы изъ вырытой земли образуется кучка; все поле черноземное бываетъ усѣяно такими кучками; здѣшнія любительницы цвѣтовъ преимущественно изъ этихъ кучекъ берутъ землю для своихъ горшковъ, и эту землю называютъ «кроторойникомъ», или

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.

«кочковникомъ»; это вошло въ употребленіе и при означеніи вообще черноземной почвы. *Загонъ* ([1], [2]), *лиха́* [12]) — извѣстная часть десятины, различная въ разныхъ мѣстахъ губерніи. *Шиши* — балаганы на пашняхъ [1]).

Вёшно — весеннія работы на пашнѣ, пахота ([1], [2]). *Борноволокъ* — мальчикъ, управляющій лошадьми при паханьи [1]). *Колесуха* — соха на колесахъ [12]); *рогалюха* — безъ колесъ [12]). *Рогаль* — ручка у сохи [1]): «взяться за рогаль» значитъ приняться за хлѣбопашество [1]). *Разсоха* — деревяга, на которую насаживается сошникъ ([1], [2]); если ихъ два надѣвается на одну разсоху, то одинъ называется *мужичкомъ* [1]), другой *женкой* [1]); если же одинъ, то *вороной* [1]). Доска для отвала дерна на сторону называется *отвалкой* или *шабало́й* [2]). *Чипиги* — ручки у плуга [13]). *Чѣлизна́* — пробѣлъ, цѣлое мѣсто, незадѣтое сохой [1]).

Нива концами колосьевъ образуетъ горизонтальную плоскость; колосья, составляющіе эту плоскость, называются *погонкой*, *погономъ* ([2], [12]). Тѣ недороски, которые ниже погонки, называются *подсадой* [12]). Напротивъ, надъ горизонтальной поверхностью погонки возвышаются «князьки» и «караульщики». *Князьками* называются тѣ, которые прежде созрѣваютъ, чѣмъ «погонка» ([2], [12]); *караульщиками* — которые съ пустыми колосьями; потому они не сгибаются, стоятъ прямо и превышаютъ всѣхъ другихъ своими головками [12]). *Хлѣбозоръ* — червячокъ, водящійся въ хлѣбѣ [2]). *Рэса*, *по́мла* — роса, падающая на хлѣбъ, отъ которой зерна въ колосѣ погибаютъ и плева остается пустой [1]). «Осопѣлъ хлѣбъ» — заросъ осотомъ [2]).

Страда́ — осеннія работы, жатва [3]). *Суслонъ* — нѣсколько сноповъ, сложенныхъ на пашнѣ вмѣстѣ для сушки [3]). *Шаро́мъ* —

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

обрѣшеть изъ прутьевъ, на которую «шаромятъ», т. е. наваливаютъ для сушки снятый съ пашни горохъ [2]); *крючить* горохъ—косить [2]). *Ладонь* [2]), *долонь* [1]) — токъ, гумно. *Головка*—лучшія зерна, падающія при вѣяніи ближе къ вѣяльщику [1]), *охвостье*—дурныя, падающія дальше [1]). Головка, здѣсь и въ другихъ многихъ случаяхъ, означаетъ лучшую часть; такъ напр. въ Устькаменогорскѣ «головкой» называютъ первую струю вина изъ мѣдника при выкуркѣ; «головкой» называютъ также отборный скотъ. *Шастать* ячмень — толочь въ ступѣ [2]). *Лужба* — шелуха съ пшеницы [1]). «Лужбовато смолота пшеница» — такъ крупно, что шелуха чуть не цѣлая [1]). *Морсковатый* хлѣбъ бываетъ, когда онъ позябнетъ на корню [1]). *Песковатая* мука, грубая, жесткая, когда хлѣбъ бываетъ подожженъ на овинѣ; это прилагательное происходитъ кажется отъ существительнаго «песъ»; о козулѣ и моралѣ говорятъ, что «у нихъ шерсть песковата», т. е. жестка, вѣроятно сравнивая ее съ песьимъ волосомъ [1]).

Истрѣчковатый ленъ — грубый, какъ шерсть [2]). *Головка*—верхушка стебля льна, съ цвѣтами [22]); *князекъ* — кончикъ головки [22]); сѣмя *ростуновое*—такое, которое собрали, ходя по полосѣ и срывая головки самыхъ высокихъ экземпляровъ [22]); сѣмя *рѣзуновое* — получается, когда у выдерганнаго льна срѣзываютъ только головки [22]). *Почесокъ* — пучекъ льну [13]). *Пасмо*—тридцать нитокъ, *чесминка* — три нитки въ моткѣ [2]). *Кѣшки* — кукуруза [13]). *Глухой* макъ — у котораго подъ крышечкой (Stigmat) сѣменной коробки нѣтъ дыръ [1]); *пловучій* макъ — у котораго есть дыры, и потому онъ скоро высыпается [1]). *Куклы*—отростки, почки на капустѣ [13]). *Низóкъ* — нижніе листья у табака, которые напередъ поспѣваютъ [13]); *насыпокъ*—пазушный листъ у табака [13]). Луковица бываетъ, смотря по уходу, или продолговатая или сферическая, въ видѣ византійскаго купола; въ Чарышской

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.
[22]) Въ Кузнецкѣ.

станицѣ о первой говорится, что она «пестышкóмъ», въ Плоской станицѣ, въ западной части Алтая, что луковица «тумаромъ». Послѣднее выраженіе кажется составлено по сравненію съ стрѣлой тумаромъ.

Первосёнками на Иртышѣ называютъ тѣ сѣнокосы, по здѣшнему *покóсы*, которые находятся на русской сторонѣ рѣки, и съ которыхъ сѣно прежде вывозится во дворы; зарѣчное сѣно привозится уже зимой, по льду. *Палы* — степные пожары, пускаемые нарочно весной, чтобы выжечь старую траву [3]). *Поздопалъ*—поздній палъ, когда выгораютъ и тѣ мѣста, которыя находятся «по подъ-сиверью», и на которыхъ послѣ другихъ сошелъ снѣгъ [2]). *Разстáва* — весенняя или ранняя «коса», т. е. сѣно, кошенное въ самое раннее время [2]). *Вётошь* — сѣно, кошенное осенью и уже побѣлѣлое [1]). *Отава* — трава, которая взошла послѣ сѣнокоса ([1], [2]). *Горбýша* — коса съ короткою ручкой [2]). *Сáрга* — талиновый прутъ, который въ видѣ обруча надѣвается на «пяту» горбуши и прикрѣпляетъ ее къ черню [13]). Не знаю, имѣетъ ли какую связь съ этой саргой другое слово *сáрга*, которое означаетъ ссадину на тѣлѣ [1]); послѣднее употребляется и въ переносномъ смыслѣ: «саргу сдернуть», взять взятку [1]). *Ужúще* [13]) тоже, что *подкопённица* [1]) и *тяглó* [13]) — веревка, посредствомъ которой подцѣпляютъ копны при подвозкѣ ихъ къ стогу. *Шкырдомъ* называется нѣсколько стоговъ, сметанныхъ вмѣстѣ [1]); *обмётъ* — нѣсколько шкырдовъ, стоящихъ рядомъ [1]). *Мерзлякú* — куски льда въ сѣнѣ, которые бываютъ, когда оно промокнетъ осенью [2]). *Одёнки* — остатки отъ стоговъ [1]).

Нéтель — корова, еще ни разу не родившая [1]). *Сосунъ* — бычокъ, сосущій мать [2]). *Поюнъ* — бычокъ, котораго поятъ молокомъ [2]). *Суходóйка*—корова, недающая молока [2]). *Смятка*—

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

такъ называется на Горькой линіи помѣсь киргизской лошади съ крестьянской. *Новотерёбка* — недавно кладеный меринъ [2]). *Легчи́ть* — класть жеребца [1]). *Лепака́* — молодой жеребенокъ; *стрига́нъ* — по первому году, *лоньша́къ*, *леньша́къ* — по второму, *третьякъ*—по третьему году, *се́льтокъ* (селетокъ)—нынѣшняго года [11]). *Ярка, ягнушка*—ягненокъ [1]). *Осдсокъ*—поросенокъ [1]). *Укрючина* — шестъ съ петлей для ловли лошадей въ табунѣ [1]); *укрючить*—ловить лошадей укрючиной [1]). *Спобочня́ть*—связать только двѣ ноги, одну переднюю и одну заднюю [1]); *стрендже́ть*—связать три ноги, двѣ переднихъ и одну заднюю [1]); *спутать* — связать двѣ переднихъ ноги [1]); для этого употребляются *по́бочень*, *трено́гъ* и *путо*, сдѣланные изъ ремня [1]). *Смота́рить* — связать двухъ лошадей вмѣстѣ, голову одной къ хвосту другой; «мотарятъ» также нѣсколько лошадей въ кольцо, состоящее изъ аркана, продѣтаго въ удила [1]); *скосокта́рить* — привязать дикую лошадь къ шеѣ смирной, чтобъ безопасно было отпустить ее на кормъ [1]). *Бага́нъ* — «крѣпь» на лошадь вмѣсто пута, изъ березовой жерди; надѣвается на обѣ переднія ноги по одному; употребляется только по рѣкѣ Томи. *По́тягъ*: «привязать лошадь сзади телѣги за потягъ» — привязать къ телѣгѣ длиннымъ поводомъ [1]). *Оброть* — веревка, намотанная на голову лошади въ видѣ недоуздка, когда послѣдняго нѣтъ подъ рукой [1]); «обротать лошадь» — завязать ей на головѣ оброть [1]). *Больна́* — деревянная шпилька, продернутая въ носъ животнаго, къ которой привязанъ поводъ; такъ напримѣръ больна́ продѣвается у медвѣдя, верблюда, быка и пр. [1]). Палка, продернутая въ носу лодки, также называется «больной» [1]). *Хлонца́* — среднее между рысью и шагомъ [1]). *Наве́ршный* — всадникъ [1]). *Ноготь* — конская болѣзнь чемеръ [1]). *Весни́на* — овечья шерсть, снятая весной, въ Петровъ постъ [2]); *лѣтни́на*— шерсть, снятая съ овецъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ [2]); *зимни́на* — шерсть, снятая зимой, въ Филиповъ или великій постъ [2]). *Ста-*

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[11]) Въ деревняхъ около озера Чаны

рѝца — четырехлѣтняя овчина съ барабинской овцы, выдѣланная мѣхомъ [23]). *Пара*—кожа и одинъ пудъ сала, въ нее закупоренный [21]). *Челпанъ* — масса масла, вываленнаго изъ посуды и сохраняющая ея фигуру [2]); также подобная масса воска; *челпаномъ*, кромѣ того, называется осетръ съ отрубленными головой и хвостомъ [2]).

Колодка — долбленый улей изъ дерева [3]). *Зорька* — ячейка у сотовъ [2]). *Колпакъ* — трутень [1]).

Ружейникъ — мѣтко стрѣляющій [1]). *Турка* — киргизское ружье съ фитилемъ [1]). *Натруска* — пороховница [1]). *Каёкъ* — палка, которою убиваютъ мараловъ и козуль во время охоты [13]); это орудіе употребляется только въ западной части Алтая, прилегающей къ Иртышу. *Островина*, *островъ* — жердь съ оставленными на ней на четверть сучьями и употребляемая при охотѣ на медвѣдя [2]); такими островинами затыкаютъ отверстіе въ берлогу. *Плашка* — ловушка на бѣлокъ, одинаковаго устройства съ мышеловками, состоящими изъ двухъ распертыхъ досокъ [14]); *плашнѝкъ* — собират. отъ «плашки» [14]). *Сѝлышъ*, *сѝлышекъ*, *сѝлышко* — петля изъ волосу, которою ловятъ птицъ, а также узелъ, которымъ привязываютъ удочку къ поводку [1]); *силя́ть*—вздѣвать удочки на петли [1]); «насилять денегъ», навзяточничать [1]). *Тумáръ* — тупая стрѣла, употребляемая инородцами для охоты за бѣлками [2]); «тумаромъ падать» — отвѣсно. «Беркутъ падаетъ на землю тумаромъ, а подымается косо» [2]). *Кулёмка* — ловушка на соболей [2]). *Гонъ* — время случки у мараловъ и козуль [2]). *Ходить на гоны* значитъ ходить на промыселъ за соболями осенью, ставя желѣзныя ловушки на ихъ дорожкахъ [2]); *ходить на путикъ* — ходить на промыселъ соболей лѣтомъ, ставя кулемки [2]).

---

[1]) Около города Семиналатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхной и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

[21]) Въ Бійскѣ.

[23]) Въ деревняхъ между Каинскомъ и Колыванью, на Барабинской степи.

Мышкýетъ собака или кошка — ищетъ мышей [1]). *Нюхтúтъ* собака или конь — обнюхиваетъ воздухъ или какой-нибудь предметъ [1]). *Тесь* — замѣтки, сдѣланныя топоромъ на деревьяхъ охотниками, чтобъ не заблудиться [2]). *Тулунóмъ* снять кожу — цѣликомъ, не распарывая повдоль [13]). *Медвѣдка* — медвѣжья шкура [2]). *Борловый* мѣхъ — изъ козуль [2]). *Хохлунъ* — мѣхъ козули весной, когда онъ теряетъ сѣрый цвѣтъ и дѣлается краснымъ [2]). *Пóдпаль* — бѣлка еще рыжая, не дошлая [2]).

Катъ — время, когда рыба катится внизъ по рѣкѣ [2]); такъ напримѣръ въ Чарышѣ «катъ» тальменя бываетъ въ сентябрѣ. *Нерстъ* — время бросанья икры ([1] , [2]); «нерститься» — метать икру ([1] , [2]). *Лучебникъ* — рыболовъ, ловящій рыбу острогой, съ огнемъ [2]). *Лучúть* — ловить рыбу съ огнемъ [2]); кажется происходитъ отъ слова лучъ; говорятъ: «поди съ лучемъ видѣли рыбу-то»; «пять лучей рыбачило на одномъ мѣстѣ» — пять лодокъ съ огнемъ было на рыбной ловлѣ. *Мережа* — старыя лоскутья отъ сѣти [1]). *Зелье* [2]), *желье* [1]), *жалъ*, *желникъ* [15]) — мелкіе прутья, чаща, изъ которой плетутся запоры въ рѣкахъ. *Сы́разная* вода — въ которой вымыта рыба [2]). *Шахú* — сушилы для рыбы, на Горькой линіи.

Жарóвая лѣсина—гладкая, безъ сучьевъ, ровной толщины по всей длинѣ; «жаровая лошадь» — тончавая, поджарая [1]). *Кандовый* — гладкій, несучковатый и легкій сосновый лѣсъ [3]); «кандовый человѣкъ»—теплый, вялый [1]). *Мяндачъ*, *мяндовый* лѣсъ—суковатый и тяжелый [3]). *Сувель* — свилеватость [1]); «сувлеватая лѣсина—свилеватая» [1]). *Вóрга*—щель повдоль дерева снаружи [2]). *Вътреница*—щель внутри дерева, когда болонь цѣлая [2]). *Зябледь*—красное, попортившееся мѣсто въ деревѣ [1]). *Пакля* — натекъ березо-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

[15]) Около Коряковской станицы, на Иртышѣ.

ваго сока внутри дерева въ видѣ полупрозрачной массы [1]). *Чурка*— короткій обрубокъ, чурбанъ ([1] , [2]). *Сутунокъ* — длинный обрубокъ дерева ([1] , [2]); кажется одного корня съ словомъ «утинокъ», находящимся въ легендѣ о Петрѣ и Февроніи. *Весноделъныя* дрова — рубленыя весной [13]); *долготьё* — трехполѣнныя дрова, т. е. каждое полѣно въ три аршина длиной [1]). *Глотьё*—дранье, доски не пиленыя, а колотыя [2]). *Курень* — мѣсто въ бору, гдѣ жгутъ крестьяне угли для казенныхъ заводовъ, въ средней части томской губ. *Батогъ* — сажень дровъ у подзаводскихъ крестьянъ. *Скорьё* — береста, набитая для высидки дегтя [14]). *Лубодѣрникъ* — березовый лѣсъ, съ котораго снята береста для дегтя [22]). *Шалупина* — щель, на березѣ, которая образуется при неосторожномъ сниманіи бересты, когда будетъ прорубленъ дубъ [2]). Береста кладется въ яму рядами, одинъ сверхъ другаго; эти слои называются *ставами*: «первый ставъ», «второй ставъ», и т. д. [2]). Подъ берестой ставится *коровочка* [14]), т. е. щитикъ о четырехъ ножкахъ, чтобъ сверху не сыпалась въ деготь *шалдура* — нагаръ [14]). *Боёкъ* — палка, по большей части рябиповая, съ петлей для привѣшиванія на шею; употребляется для сбиванія кедровыхъ орѣховъ [2]); также палка съ насаженнымъ на концѣ долотомъ для битья бересты [14]). *Рясная* — плодоносная: «нынѣ черемуха рясная родилась [2])». *Дружокъ* — пара вѣниковъ [1]).

Самосидка — вино, выкуренное дома [2]). *Коштакъ* — заведеніе, балаганъ, устроенный для этого [2]). *Арака* — первая струя вина изъ мѣдника [2]), тоже что «головка» около Усть-Каменогорска. *Кубелка* — красильщица тканей въ кубовую краску [3]). *Печатуха* — холстъ, печатанный въ родѣ выбойки [12]). *Чеботарь* —

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской Станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ деревняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[12]) Въ деревняхъ между Барнауломъ и Томскомъ.

[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

[22]) Въ Кузнецкѣ.

сапожникъ [3]). *Шептуха* — лекарка, лечащая нашептываньемъ [6]). *Караванный* — рабочій на баркахъ, на Иртышѣ.

Разстáни — мѣсто, гдѣ дорога развѣтвляется на двѣ ([1], [2]). *Улазы*: «онъ знаетъ всѣ ýлазы въ черни», знаетъ, гдѣ зайдти, гдѣ выйдти [2]). *Слань* — гать на дорогѣ [1]). *Колеснѝца* — слѣдъ телѣги ([1], [2]). *Лыжни́ца* — слѣдъ лыжъ ([1], [2]). *Луннѝкъ* — слѣдъ звѣря или человѣка (отъ «лунки») [2]). *Огнище* — пятно, оставшееся отъ огня, разложеннаго въ лѣсу или въ степи ([1], [2]). *Вальбѝще* — укатанное звѣрями или лошадьми мѣсто [1]). *Утолока* — убитое мѣсто копытами лошади или быка: «вишь какія утолòки табунъ надѣлалъ по степѣ» [2]).

Однокòлокъ — одинокій, безсемейный человѣкъ [1]). *Богоданный* отецъ — посаженный [2]). *Молодица*, *молодýха* — недавна выданная замужъ женщина ([1], [2]). *Чѐлядь* — такъ иногда называютъ дѣтей [2]); *сарынь* — вольница: относится только къ дѣтямъ, какъ бранное слово [1]); *сýразъ* — незаконнорожденный [1]). «На ушуй» — на отдѣлъ [2]): я разъ только слышалъ его. *Повѝтки* — горныя повинности у подзаводскихъ крестьянъ. *Боѐцъ* — человѣкъ въ полной силѣ, обложенный вполнѣ всѣми повинностями [12]). *Луковой* — инородецъ, достигшій полнаго возраста и способности звѣровать и обложенный ясакомъ [24]). Въ одномъ историческомъ актѣ прошлаго столѣтія (въ рапортѣ Шатилова изъ Анадырскаго острога) такое лицо названо *лушникомъ*. *Огневщѝкъ:* я разъ слышалъ это слово; пріѣхалъ я въ одну изъ алтайскихъ станицъ на земскихъ подводахъ; ямщикъ, слѣзая съ козелъ, сказалъ: «гдѣ же у нихъ огневщики-то; что нейдутъ?» Подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ нарядчиковъ лошадей. *Копотýха* — помочь для мятья льна [2]), также какъ *сýпрядки*, помочь для пряденья [2]), и *капýстки*, помочь для

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[3]) Въ дереняхъ: Собакиной, Верхней и Нижней Чертѣ, Михайловкѣ и Чебулахъ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

[12]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

[24]) Въ тобольской губерніи.

рубки капусты (1, 2). *Подшкы́рдникъ* — наемщикъ сѣно косить 1). *Вла̀зины* — новоселье 1). *Въ погорю̀калки* — игра въ горѣлки 1); *въ хлюсты* — въ носки 1). *Киржакъ* — старовѣръ 1); *ча̀шники, разноча̀шечники* — старовѣры, которые ѣдятъ въ отдѣльныхъ чашкахъ 1). *Трудя̀щій, тру̀дникъ* — ходящій съ иконой и собирающій на храмъ 1). *Шама̀нить, ка̀лмовать* — колдовать 1). *Завьча̀ть* — загадывать; наприм. «завѣтить карту», условиться о чемъ гадать 1). *Зарокъ* — обѣтъ 1). *Стихъ* — расположеніе 1). *Перекосѐрдіе* — прекословіе 2). *Склока* — суета 2). *Выть* — количество пищи, потребное для утоленія аппетита (1, 2). Ямщики въ харчевняхъ спрашиваютъ: «почемъ берете за выть?» т. е. за столько, чтобъ наѣсться до-сыта. Это старинное слово такъ рѣдко употребляется, что вотъ всѣ выраженія съ этимъ словомъ, которыя мнѣ случилось слышать: «Сегодня не чѣмъ позавтракать; ну, ничего, какъ-нибудь протерпимъ старой вытью» 1). Того, кто мало ѣстъ, называютъ «маловытнымъ» 1). «Ровно вытный, тоже и сердится» 2), говорятъ о ребенкѣ, т. е. какъ будто взрослый человѣкъ, достигшій до полной выти. Поговорки: «ѣшь, не ѣшь, а за выть почтемъ» 2). «Гостима выть до порога» 2). Поэтому, подъ старинной мѣрой земли «вытью» вѣроятно хотѣли разумѣть такое количество земли, которое могло прокормить семью безъ недостатка. *Чарг:* это слово я только разъ слышалъ въ слѣдующемъ выраженіи: «весной медвѣдь выйдетъ изъ берлоги такой худой, тощій, въ чемъ только чаръ есть»! 1) *Отегъ:* про безсильную, вялую лошадь говорятъ: «у ней и о̀тегу совсѣмъ нѣтъ» 1). *Марг* — дремота: «всю ночь не спалось, да ужь на разсвѣтѣ сталъ меня маръ брать» 2). *Спѣнь* — ночь (и должно быть сонъ въ теченіе ночи); дѣлится на три части: «первый спѣнь», «второй спѣнь» и «третій спѣнь» 1), «Сидѣнь-вечеръ» — вечеръ послѣ сумерокъ, при свѣчахъ 1). «До пѣтухъ-зари ѣхали» — до заката солнца 1). *Разоста̀вокъ* — подспорье, лишній продуктъ въ хозяйствѣ, лишній

---

1) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
2) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

день для работы [1]). *Бѐрежь:* «неужели еще это у бережи лежало», т. е. неужели это было бережено, говорятъ о вещи, испортившейся отъ небрежности [6]). *Угорно* — экономно [6]).

Осѝлокъ — силачъ [1]). *Невѣшнòй* — слѣпой [1]). *Магàна, магàновата* — бѣлобрыса [2]). *Иставлѐнный:* «иставленный батюшка», т. е. точь въ точь похожъ на отца [1]). *Злы́дни*, также, какъ и выть, сохранилось только въ поговоркахъ и стереотипныхъ выраженіяхъ. Про беззаботнаго бѣдняка говорятъ: «онъ веселый злыдни» [1]). «Злыдни пригоршни всего-то», т. е. малость [2]). Поговорки: «время переходчиво, а злыдни обчія» [1]), «много дѣлъ, много злыденъ» [2]). *Нѝуда* — нищій, голь; стереотипное выраженіе: «всякая нуда, и та хочетъ сверстаться съ богатымъ» [1]). *Уросъ*— капризъ, упрямство; «у́роситъ» — капризничаетъ [1]). *Суровòй* — рѣзвый [1]). *Емѐцъ* — то же самое [2]). *Зрѣшнòй* — взбалмошный [1]). *Урлàпъ* — хватъ [1]). *Наскорѝужникъ* [1]), *наскоры́жникъ* [2]) — отъявленный распутникъ. *Потѝущикъ* — товарищъ водку пить [2]). *Коновщѝкъ* — зачинщикъ [1]). *Салòщій* — жадный [1]). *Жòрко* — жадно [1]). *Алшòва, àлошна* — жадная [6]). *Взморчѝвый* — надменный [6]). *Словѝутной* — умный: «словутной мужикъ» [2]). *Алюсничать* — выманивать [6]); отсюда *алюсникъ* — попрошайка [6]).

Прѝторомко — приторно [1]). *Глезко* — скользко [1]); *глезь* — скользкое мѣсто [1]). (Въ новгородской губерніи вмѣсто скользко говорятъ «склезко»; можетъ быть «глезко» произошло отъ опуска *с* и обыкновенной перемѣны *к* въ *г*.) *Одинарный* — цѣльный, не двойной; «одинарная дверь» — изъ одной доски [14]). *Облый* — круглый [13]). *Хрушкòй* — крупный [1]). *Скляный* — полный: «скляный горшокъ» [6]). *Прохòвый* — рѣдкій: «проховый ячмень» [2]). *Сезёмый* — крѣпкій (о конѣ) [2]). *Лѐбезно* — сѣть для ловли беркута развѣшивается на колья «ле́безно», не прочно, чтобъ при ма-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.
[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

лѣйшемъ прикосновеніи могла упасть [2]). *Курмàчъ:* «твердый, какъ курмачъ» [2]). *Волгло* — влажно [1]); *наволдэжить* волосы — намочить [1]). *Зачѝчеревѣлъ, закоростелѣлъ, закоковѣлъ, закдвержалъ, заклѝкъ* — окаменѣлъ, окостенѣлъ [2]). *Захрѝсъ*, «хрястнуть»: кусокъ хлѣба въ меду «хрястнетъ», твердѣетъ, и квашня, густо замѣшенная, «хрястнетъ» [2]).

Нàпускъ — атака [1]). *Хлѐстко* бѣжать — сильно [1]). *Ворòвь* — проворнѣй: «ворòвѣ ходи» [2]). «Туромъ погнать» — протурить [2]); «взять на растотуры» — забросать распросами [1]); *отурить* — отшибить носъ лодки прочь отъ берега [13]); «на отурку взять» — поперегъ теченія [13]). *Мòдомъ* — медленно: ледъ «модомъ» прошелъ — льдина за льдиной отламывались, а не вразъ: «печь модомъ топится» — не общимъ пламенемъ, а постепенно [2]). *На òтмашь* ударить — прочь отъ себя, правой рукой на право; лѣвой на лѣво [1]). *На-перечапъ* — на перевѣсъ, какъ коромысло [2]); *чепàться* — качаться въ воздухѣ [1]). *На перестрѣлъ* броситься — на встрѣчу; говорится о бѣгущихъ верхами [1]). *Плутàть* — блудить въ дорогѣ [1]). *Палкàть* — скакать [1]). *Сигàть* — прядать [1]): «огонь сигаетъ», когда свѣча догорѣла и, погасая, вспыхиваетъ [1]). *Сёскать* — суетиться: «сёскать голяшками» [1]). *Свàшить:* «покорми разъ гусей, они и повадятся каждый день свашить», т. е. приходить; «медвѣдь каждую лѣсину обсвашилъ» [2]). *Допахаться* — достичь, добиться [1]). *Мельтесѝть* — мелькаетъ [2]). *Сѝзнетъ* — блеститъ [1]). *Гаркать* — кликать, звать [1]). *Гомятъ* — шумятъ: «птицы гомятъ» [2]). *Голчàтъ* собаки — лаютъ [2]); *голкъ* — звукъ выстрѣла [1]). «Не сурначь» — не бунчи, не шуми [2]). *Зѝнуть* — озѣвать [2]); вѣроятно, собственно — взглятуть съ удивленіемъ. *Мезуетъ*—пристально смотритъ [2]). *Шàять*—тлѣть: «углы шаютъ»; «загнета разшаяла», т. е. углы въ загнетѣ снова разгорѣлись [1]).

Доспѣть — сдѣлать ([1], [2]). *Рòбить* — работать ([1], [2]). *Из-*

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[13]) Въ Усть-Каменогорскѣ.

гдять: «хлѣбы изгоять» — испечь [14]). *Рушить* — рѣзать хлѣбъ: «нарушай хлѣба» ([1], [2]). *Орудовать* — дѣйствовать: «орудовать мечемъ» (въ сказкахъ) — владѣть [1]). *Вызнять* — приподнять (повозку изъ грязи) [1]); *вызжаровить* — высвободить (пуговицу изъ подъ петли) [1]); *выперстить* — выручить, освободить [6]). *Двъряжить* — двоить; «двѣряжутъ» нитки при вязаньи чулковъ [2]); осенью «сдвѣряживаютъ» одежду, т. е. сверхъ шубы надѣваютъ еще армякъ [1]). *Скидавать* — снимать (платье) ([1], [2]). *Чечениться* — рядиться; вѣроятно отъ дѣтскаго слова «чеча» [1]). *Огорить* — составить, создать: «домишко огорили», копили деньги на постройку дома; «драку огорили въ кабакѣ», произвели [1]). *Счередить* — приготовить, напр. «счередить» табакъ: смолоть и надушить [1]). *Охитить* — убрать, очистить: «охитить пшеницу» — вымыть и вывѣять [2]). *Скутать* — закрыть: «скутать печь» — закрыть трубу; «скутать избу» — запереть ставни [2]). *Зорить* — доводить до зрѣлости [2]); напримѣръ сорвать луковаго сѣмени и повѣсить въ комнатѣ, чтобъ онъ на глазахъ «зорился», доходилъ. *Настовать* — наблюдать, напр. за больнымъ [1]). *Отстрадоваться* — изорвать на себѣ платье вдругъ, за одинъ разъ: «вишь, какъ острадовался», говоритъ мать мальчику, воротившемуся съ игры въ разорванной и запачканной рубахѣ [1]); это слово взято отъ «страды», жатвы, когда платье скоро носится. *Истерхаться, зависеть* — изорваться [1]); первое происходитъ отъ «стерха», аиста; поговорка: «изорвался, какъ стерхъ» [1]). *Порудить* — разрушить: «порудить рогожу» — протереть, издырявить; «порудить присягу», нарушить [1]). *Нихнула* плаха — подгнила [2]). *Иструхнуть* — истлѣть [1]); отсюда *труха*, осыпки отъ сѣна [1]). *Захрядыть* [2]), *хезнуть* [2]), *хизнуть* [1]) — хилѣть, захилѣть. *Обыгаться, оклематься*—оправиться, наприм. послѣ болѣзни ([1], [2]):

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[14]) Въ деревнѣ Паклиной въ Кулундинской степи.

«Дорога подбы́гала послѣ дождя», подсохла. «Обыгаться» вѣроятно въ первоначальномъ видѣ было «обыкаться,» и въ Сибири измѣнилось подъ условіемъ перемѣны *к* въ *г*.

Наблошни́ться — навыкнуть, наторѣть [2]). *То̀лковать* — понимать [1]). *Та̀чить* — совѣтовать, учить [6]). *Втѐмилось* — засѣло въ голову (говорится объ мысли) [6]). *Ко̀зниться* — сокрушаться, страдать нравственно за преступленіе передъ наказаніемъ [1]). *Чертамѐлить* — жить по пусту, безъ дѣла, небо коптить [2]). *Прикалта̀ться* — надоѣсть (говорится объ пищѣ, сказкѣ и проч.) [1]); *намая̀чило* — опротивѣло; наприм. «служба намаячила» [1]). *За̀риться* — завидовать; *обза̀риться* — обмануться; «въ за̀ряхъ», въ азартѣ: «въ за́ряхъ-то и не слыхалъ, какъ ушибся». *Нялъ* — кажется «изнасиловалъ»: «онъ догналъ дѣвушку въ лѣсу и нялъ ее» [21]). *Га̀литься* — насмѣхаться [1]). *Дика̀ниться, дѐковаться* — издѣваться: «чортъ подековался, утопилъ, да и поставилъ въ песокъ на карачки» [1]). *Диковà̀ться* — удивляться: народъ «дикуется на фокусы» [1]).

Собственныя имена урочищъ могутъ быть очень полезны въ археологическомъ и филологическомъ отношеніяхъ: разумѣется томская губернія можетъ представить нѣкоторый интересъ только въ послѣднемъ отношеніи; названія деревень и мѣстностей отзываются здѣсь свѣжестью колонизаціи. Древнихъ преданій, связанныхъ съ ними, не существуетъ; по большей части происхожденіе названій очевидно; изрѣдка встрѣчаются названія, чрезъ искаженіе сдѣлавшіяся непонятными, какъ наприм. около Чарышской станицы часть берега рѣки, на которомъ прежде устроивали крещенскую «ердань», называется нынѣ Ерговно. Деревни большею частью носятъ фамиліи своихъ первыхъ поселенцевъ, иногда съ женскимъ окончаніемъ на *иха*, напр. Голопупова, Бѣлоглазова, Шеманаиха, Шебалиха и т. п. Попадаются иногда имена, которыя будто пе-

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[21]) Въ Бійскѣ.

ренесены изъ метрополіи, такъ напр. на Иртышѣ, противъ Убинской станицы, есть островъ Кокуй; въ городѣ Омскѣ одна часть называется Бутырки; оба названія напоминаютъ московскія части. Нѣкоторыя селенія получили названія по географическимъ особенностямъ, и свидѣтельствуютъ иногда о замѣчательной способности народа оцѣнять географическіе признаки; такъ наприм. на Иртышѣ есть три станицы, стоящія рядомъ: Черноярская, Чернорѣцкая и Песчаная: въ этомъ именно мѣстѣ проходитъ черезъ Иртышъ граница черноземной и степной, песчаноглинистой полосы; также на Иртышѣ находится станица Подпускная: недалеко отъ нея на большой дорогѣ находится спускъ съ нагорной площади на лугъ; спускъ этотъ дѣлитъ всю дорогу отъ Омска до Семипалатинска на двѣ половины — одна, къ сѣверу, находится на горѣ; другая, къ югу, подъ горой, на лугу, и на гору уже болѣе не поднимается до самаго Семипалатинска.

На Алтаѣ я совершенно неожиданно встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ станицахъ названія улицъ, которыхъ всего-то въ станицѣ иногда не болѣе трехъ; такія названія существуютъ, наприм., въ станицахъ Тигерекѣ и Тулатѣ; въ послѣдней одна улица называется Заячьей, другая Кишочной. Это тѣмъ страннѣе, что улицы не носятъ названій не только въ городахъ томской губерніи, но даже и въ самомъ Томскѣ. Въ станицахъ по Иртышу нѣтъ названій улицъ; на Горькой линіи въ каждой станицѣ непремѣнно есть три улицы: Береговая, Степная и Большая.

Въ собственныхъ именахъ разныхъ урочищъ можно видѣть или характеристическія черты мѣстности, или черты прежней жизни предшествующихъ поколѣній. Такъ напр. лога и острова по Иртышу около Семипалатинска носятъ по большей части имена тѣхъ лицъ, которыя прежде косили на нихъ сѣно; поэтому всего болѣе на Иртышѣ встрѣчается Комендантскихъ и Маіорскихъ острововъ; въ долинѣ Бухтармы и вообще на Алтаѣ имена рѣчекъ и ущелій часто носятъ имена разбойниковъ, которые въ нихъ жили, какъ напримѣръ Омельяниха, или Селезневка; или названія, составленныя по какому нибудь несчастному событію, какъ наприм. Вер-

шишинъ быкъ, Рыжкова рыбалка. Въ самомъ дѣлѣ, Алтай, при началѣ русской колонизаціи въ томской губерніи, долго былъ убѣжищемъ многихъ разбойниковъ, бѣглыхъ и просто шатавшихся и пропадавшихъ безъ вѣсти промышленниковъ. Нѣкоторыя горы между станицами называются «маяками», а лога маячными; около самыхъ станицъ встрѣчаются «караульныя сопки»; это указываетъ на прежнюю обережную службу; какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ, выставлялись прежде караулы для наблюденія надъ степью, изъ опасенія нечаяннаго набѣга какого-нибудь кочеваго племени. Сюда можно также отнести часто попадающіяся въ Алтаѣ Кощтацкія рѣчки, гдѣ прежде во время сильно развитаго корчемства были устроены коштаки, т. е. винокуренные заводы. Около Иркутска также есть три Коштака: большой, средній и малый. Названіе Торговый яръ, сохранившееся за берегомъ Иртыша противъ Бухтарминской станицы, свидѣтельствуетъ, что на это мѣсто приходили прежде Калмыки для торга съ Русскими.

Названія, основанныя на физическихъ признакахъ мѣстности, относятся по большей части къ настоящему ихъ состоянію, но иногда также бываютъ только свидѣтельствами прошедшей органической жизни. На Алтаѣ, въ долинѣ Чарыша, часто встрѣчаются рѣчки, называемыя Боровушками; всѣ онѣ такъ названы, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, потому, что на нихъ были убиты кабаны, когда они еще водились на Алтаѣ. Около Усть-Каменогорска есть Пригонная сопка, гдѣ прежде строились пригоны для ловли козуль, переходившихъ въ этомъ мѣстѣ черезъ Иртышъ; нынѣ тутъ такихъ переправъ не бываетъ.

Названія горъ на Алтаѣ часто кончаются на *уха* и основываются или на наружномъ видѣ ихъ, или на господствующей растительности. Такъ наприм. встрѣчаются: Долгая Сопка, Толстая Грива, Толстуха, Каменуха, Кремлюха. Двѣ Мохнатыя Сопки (у Чарышской станицы и у Бухтарминской) и Мохнатуха (у Убинской станицы), не смотря на большія разстоянія между ними, въ самомъ дѣлѣ имѣютъ, сообразно названію, одинъ общій характеръ: скаты ихъ покрыты мелкимъ и рѣдкимъ соснягомъ, сквозь кото-

рый видѣнъ каменный остовъ горы, такъ что издали они дѣйствительно кажутся щетинистыми, «мохнатыми». Противоположное названіе Плѣшивой горы (одна у Чарышской станицы, другая у Яровской) придано такимъ, верхушки которыхъ подпимаются выше линіи лѣсовъ, и потому остаются нагими, тогда какъ подошвы и середина покрыты лѣсомъ. Названіе Монастырь дано одной горѣ въ Чарышской станицѣ и одной около Усть-Каменогорска; обѣ онѣ отличаются скалистой наружностью и зубчатой вершиной; точно такой же наружности гора на рѣкѣ Нарымѣ и гора при Феклисской станицѣ получили названіе «Шиши» («шишами» называются балаганы на пашняхъ; срав. «избыши» въ Чарышской долинѣ, камни, стоящіе на лугу). Въ Чарышской долинѣ небольшой хребетъ съ нѣсколькими остроконечными вершинами называется Шпили. Коровій хребетъ два раза встрѣчается на Алтаѣ: такъ называютъ горы, лежащія между Ульбой и Бухтармой *), и небольшую часть горъ около города Усть-Каменогорска. Нѣсколько Чайныхъ сопокъ на Алтаѣ названы по ростущему на нихъ бадану, который употребляется здѣсь вмѣсто чая; есть также нѣсколько Луковыхъ горъ (у р. Чарыша и у р. Бѣлой), на которыхъ ростетъ каменный лукъ, который собираютъ жители; кромѣ того есть Кислишная (отъ «кислянки», щавеля), Ревнюха (отъ ревня) и т. п. За нѣкоторыми горами замѣчены метеорологическія особенности; таковы Календери, которыхъ есть нѣсколько на Алтаѣ; они названы такъ потому, что по шуму, который начинается на нихъ, предугадываютъ бурю. Нѣкоторымъ горамъ

*) Въ Энц. Лекс. Плюшара, въ статьѣ «Алтай», эти горы названы Лиственичнымъ хребтомъ (отъ лиственицы): на сѣверной сторонѣ Алтая я не слыхалъ этого названія, оно вѣроятно существуетъ только на южной сторонѣ Коровьяго хребта, въ долинѣ Бухтармы. На Алтаѣ бываютъ такіе случаи, что двѣ деревни, стоящія у подошвы одной и той же горы, только съ разныхъ сторонъ, называютъ ее двумя именами, такъ напр. возлѣ деревни Березовки находится Сосновская гора, названная такъ потому, что на ней, какъ у всѣхъ здѣшнихъ горъ, на южной сторонѣ, обращенной къ деревнѣ, ростутъ сосны; но для жителей Чарышской станицы, живущихъ на сѣверной ея сторонѣ, этого признака не существуетъ, и они называютъ ее Чалинской горой, по рѣчкѣ Чалы, текущей подлѣ.

присвоено названіе Глядѣна; ихъ три: близь Барнаула такъ называютъ береговой обрывъ надъ Обью; около станицы Малонарымской отдѣльная гора, и наконецъ около Змѣиногорскаго рудника цѣлый хребетъ. Это названіе встрѣчается еще въ Европейской Россіи; такъ напр. Глядѣнъ есть около Великаго Устюга. Такое названіе, кажется, придается возвышенностямъ, съ которыхъ открывается большой видъ на равнину. Подобно этому, въ Сибири встрѣчается другое названіе, вынесенное изъ Европейской Россіи, это: Панинъ бугоръ. Всѣ искусственныя насыпи, сдѣланныя въ доисторическое время, на пространствѣ отъ Ладожскаго озера до владимірской губерніи, приписываются «Панамъ», неизвѣстному племени, и потому бугры называются Панинными. Древній бугоръ, находящійся около Тобольска, называется также Панинымъ. Но утративши историческія воспоминанія, связанныя съ этимъ названіемъ въ Россіи, здѣшній народъ старается объяснить его мѣстной исторіей: говорятъ, будто названіе произошло оттого, что Чичеринъ казнилъ многихъ Поляковъ, (это и есть «паны») и похоронилъ подъ этимъ бугромъ. Крутые подъемы на горы получаютъ названія, намекающія на трудность подъема, какъ напр. Плакунъ, Тоскунъ, Теплая гора (потому что согрѣешься, когда поднимешься).

Большія рѣки въ томской губ. всѣ сохранили названія, данныя еще аборигенами ея; мелкія, особенно ключи, по большей части потеряли ихъ, и получили русскія. Онѣ называются или по чистотѣ воды, какъ наприм. часто встрѣчающіяся Серебрянки, или по шуму, который производитъ теченіе — Громотуха, Гремящій ключъ; но всего чаще по растительности: Черемшанка, Пихтовка. На Алтаѣ около Иртыша есть Чортовъ ключъ: онъ названъ такъ по совершенной недоступности, потому что отъ вершины до устья состоитъ изъ каскадовъ; на Алтаѣ же часто встрѣчаются названія: Талица, Талый ключъ: это рѣчки, незамерзающія зимой; самая сѣверная Талица находится нѣсколько выше Семипалатинска; впрочемъ есть еще сѣвернѣе Талый ключъ, но тотъ называется Святымъ ключомъ. На Алтаѣ встрѣчаются еще Солоновки; такъ какъ Алтай бѣденъ солью, обитатели его особеннымъ названіемъ отмѣчаютъ рѣчки, бе-

рега которыхъ отличаются нѣкоторой соленостью, такъ что скотъ можетъ «солонцеваться» здѣсь; въ окрестностяхъ Чарышской станицы находится четыре Солоновки.

Изъ озеръ мы должны упомянуть Питныя на Горькой линіи: Питнымъ называютъ такое озеро близь станицы, изъ котораго берутъ или прежде брали воду для употребленія въ кухнѣ. Часто встрѣчается названіе Камышловъ для озеръ, поросшихъ камышомъ; «камышловый» значитъ изъ камыша; казаки на Иртышѣ называютъ «камышловыми» бамбуковыя чашки, привозимыя изъ Китая; это кажется взято изъ киргизскаго языка, въ которомъ имена прилагательныя образуются черезъ окончаніе «лы»: «камышлы».

Въ нѣсколькихъ названіяхъ встрѣчается цифра семь, какъ напр. Семибраты (быки на Иртышѣ выше Усть-Каменогорска), другіе Семибраты (быки на р. Ануѣ), Семипалаты (первоначальное названіе мѣста, на которомъ теперь стоитъ Семипалатинскъ) *). Что это цифра мистическая, доказывается тѣмъ, что въ дѣйствительности нѣтъ ни семи быковъ, ни семи палатъ; о послѣднихъ изъ Палласа извѣстно, что ихъ было только четыре. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается другая цифра — двѣнадцать; въ Томской тайгѣ, на дорогѣ изъ Тамбара на Толусуилъ, стоитъ полуобгорѣлый кедръ, который народъ отмѣтилъ за его величину особеннымъ собственнымъ именемъ «Двѣнадцать братьевъ». Названіе было основано на числѣ вѣтвей, но ихъ было всего восемь, а не двѣнадцать. Кажется, что семь употребляется вмѣсто всѣхъ чиселъ, которыя находятся между тремя и семью, а двѣнадцать вмѣсто находящихся между семью и двѣнадцатью.

Въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, успѣли уже составиться прозвища для населенія разныхъ мѣстностей. У казаковъ на Иртышѣ есть прозвища почти для каждаго полка. Казаковъ около Прѣсной станицы, на Горькой линіи, которые занимаются разведеніемъ табака, называютъ *носовиками*; казаковъ между Петропавлов-

*) Палатами здѣсь называютъ развалины древнихъ каменныхъ зданій; на Иртышѣ или близь него есть еще Демидовскія палаты и Аблакетскія палаты.

скомъ и Омскомъ — *коловичами*, потому что здѣшнія станицы по преимуществу колоніи города Тары, а Тарчанъ въ Сибири зовутъ *коловичами* по обстоятельству, о которомъ мы разскажемъ дальше. Казаки около Омска — *кулажники*, около Корякова — *кумызники*, около Усть-Каменогорска—*медовики*, казаки, живущіе на Алтаѣ — *чарошники*, *халха*, *холщевыя голяшки*, потому что носятъ чарки съ холщевыми голяшками и холщевые шаровары, подобно монгольскому племени Халха, что у иртышскихъ казаковъ считается позорнымъ.

Жители города Тобольска — *язевники*, Тюмени — *горшечники:* «семеро въ одной корчагѣ крестились»; Тары — *коловичи:* «дворяне коловичи». Послѣднее названіе связано съ историческимъ событіемъ, которое записано въ лѣтописи, которую я видѣлъ у г. Абрамова въ Семипалатинскѣ. Тамъ такъ разсказывается это событіе: Петръ Великій издалъ указъ о присяганіи на вѣрность наслѣднику, имени котораго онъ теперь не объявляетъ, а объявитъ впослѣдствіи. Тарчане не захотѣли исполнить указа. Петръ послалъ въ Тобольскъ гвардейскаго капитана Солово-Кобылина, который взялъ здѣсь отрядъ солдатъ и пошелъ на Тару; зачинщики, подъ начальствомъ казачьяго полковника и городскаго головы, заперлись въ башнѣ, недѣлю были осаждаемы и взорвали себя на воздухъ. Послѣ этого начался судъ: Кобылинъ вытягалъ всѣ деньги, какія были у тарскихъ богачей, растлилъ многихъ дѣвицъ, и многихъ людей посадилъ на колъ. Отъ этой послѣдней казни происходитъ и прозвище Тарчанъ. Жителей Томска зовутъ *оленичами*, Иркутянъ—*осмушниками* (кажется за мелочную торговлю), а Иркутяне забайкальскихъ жителей зовутъ *таразанами* (испорченное бурятское «тарасунъ»—кумызъ; слѣдовательно *таразаны* тоже, что Коряковцы — кумызники). Въ Забайкальѣ Сибиряки семейскихъ зовутъ *остроголовыми*, а семейскіе тѣмъ-же именемъ обратно Сибиряковъ.

Хотя Сибирь и считаютъ хранительницей древнихъ русскихъ преданій, но это едва ли справедливо; напротивъ, здѣсь разнообразныя нарѣчія Европейской Россіи, смѣшиваясь, взаимно сглаживаютъ другъ у друга особенности. Если и попадаются иногда

остатки, лучше уцѣлѣвшіе, чѣмъ въ Россіи, то это случайности. Только въ пѣсняхъ, пословицахъ и иногда въ простыхъ разсказахъ о прежней жизни сохранились старинныя слова, или по крайней мѣрѣ такія, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ сибирской жизни. Такъ напримѣръ, въ одномъ разсказѣ о донцѣ, который получилъ отъ Екатерины серебряный ковшъ, разскащикъ употребилъ вмѣсто этого слова «корецъ», тогда какъ корцовъ, т. е. деревянныхъ ковшей, въ Сибири не бываетъ. Другой разскащикъ употребилъ слово «дымникъ», въ разсказѣ о лихорадкахъ; но дымниковъ, т. е. отверстій въ курныхъ избахъ, также нѣтъ въ Сибири, потому что нѣтъ курныхъ избъ. Въ одной пословицѣ упоминается шеломъ: «отъ смерти шоломомъ не закрошься»; въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчаются даже *кумани* вмѣсто кони. Вмѣсто «горностай» говорятъ во всей Сибири *горносталь*, какъ прежде говорили во всей Россіи.

Нѣкоторые глаголы употребляются въ переносномъ смыслѣ, какъ напримѣръ: «огонь пластаетъ» (когда сильно горитъ), всадникъ «копотитъ по дорогѣ» (скачетъ поднимая пыль), парочный, т. е. курьеръ «черпаетъ» (сильно скачетъ; говорится также о верховомъ); «отшиться, отрѣзаться отъ дурнаго хозяина», «отстать лошади» (лишиться), «отъискаться къ Рождеству» (пріѣхать изъ неизвѣстной поѣздки), «нечѣмъ поширяться» (не на что сдѣлать предпріятіе), «напматься, наглотаться горя», «бѣда сплавилась» (случилась), «заячаиться въ грѣхахъ» (запутаться), «засигать передъ начальникомъ» (оторопѣть), «невѣста подсакнулась было, да потомъ отказалась» *). Всѣ эти выраженія записаны на Иртышѣ, около Семипалатинска.

*) «Подсакнуться» въ игрѣ «въ заваръ — кашку» значитъ кинуться за мячомъ, да опять отдернуть руку, за что полагается штрафъ.

Поговорки.

Хребтовый плутъ: отъявленный *) [1]).

Замѣнить старость — исполнить что-нибудь вмѣсто старика. Говорятъ также «замѣниться дегтемъ», т. е. гдѣ нужно смолы, употребить деготь [1]).

Награди своей участью, т. е. согласись выйдти за меня за мужъ [1]).

Ну рыба-то здѣсь въ сапожкахъ ходитъ, т. е. дорога [16]).

Три-то рубля не пѣшо ходятъ — надо ихъ съ мѣста взять [14]).

Толщиной вотъ въ эту мѣть [2]).

Присталъ какъ банный листъ [1]).

Зачерпнуто, словно малины, т. е. много [2]).

Изъ подъ облака бьетъ, говорится о быстрой рѣчкѣ, которая пѣнится, что обыкновенно бываетъ у горныхъ рѣчекъ [1]).

Какъ изъ лука стрѣла [2]).

Прямо только сороки летаютъ [1]).

Что ты мнѣ поешь воробья на соснѣ [1]).

Липу листомъ устилаетъ: льститъ [2]).

Пику куетъ: собирается зло сдѣлать [1]).

Изъ ковша выпить, говорится о красавицѣ. «Такая хорошенькая, что только изъ ковша выпить» [16]).

На пласту лежитъ, говорится о умирающей скотинѣ [1]).

Бабье сердце: злой. О горшкѣ, который, вынутый изъ печи, долго еще кипитъ на столѣ, говорятъ: «какой злой, точно бабье сердце.» [1])

Не злобенъ, какъ голубь [1]).

Какъ свѣча передъ Богомъ, не виноватъ [1]).

Деньги приходятъ и уходятъ, какъ вода [1]).

Какъ колпикъ (колпица) бѣлый [1]).

Чище лебединой кости [1]).

---

*) По сравненію съ хребтовымъ мѣхомъ.

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[14]) Въ деревнѣ Паклиной, въ Кулундинской степи.

[16]) На Горькой линіи.

Ахъ, какой бѣлый! сороки утащатъ [2]).

Счастливый онъ, вѣрно маленькій сорочьи яйца ѣлъ [1]).

Не у мачихи росъ, руки не коротки, самъ достанетъ [2]).

Не въ большу сноху, не упряма [2]).

Черти въ кулачки еще не били, т. е. очень рано [1]).

Какъ черти на овинѣ толкутся [1]).

Ни одной шерстины не осталось въ табунѣ: послѣ падежа [1]).

Вся конская сила вывалилась [1]).

Мохнашки не повезетъ: объ капризной лошади; это значитъ: хоть слѣзь съ телѣги, брось мохнашки (мѣховыя рукавицы) въ телѣгу и возьми возжи, и тогда не повезетъ [1]).

Въ доски уйдти: умереть [1]).

На чужой дворъ вилами указываетъ [1]).

Рѣшетомъ сѣетъ, т. е. скупъ [1]).

Расколотой полушки отъ него не видалъ [1]).

Послѣднюю полушку закололъ [1]).

Въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи, т. е. бѣденъ [1]).

Носоты, босоты изнавѣшены шесты [1]).

Жила бабушка, не мѣшала, умерла и голубчикъ опростала [1]).

Старики-то не аридовы (?) вѣки проживутъ,

Деревенька! четыре двора, сорокъ дѣвокъ [1]).

Господи! пронеси тучу морокомъ: говорится о приближающейся бѣдѣ [1]).

Не къ дому метла метлой: говорится про дурную жену; разумѣютъ, что она должна, какъ метлой, подметать богатство къ дому, а не изъ дому [2]).

Ворожеямъ не годъ; шеляпами бьютъ, т. е. не благопріятное время; кажется, намекъ на гоненіе язычества [2]).

Въ мутныя очи песку сыпать: смѣяться надъ человѣкомъ, и безъ того упавшимъ духомъ [2])

Въ мірѣ какъ въ пивѣ [1]).

Міръ дѣло велико [2]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

Вода о водѣ не плачетъ, или: лѣсъ о лѣсѣ не плачетъ [1]).
Не жалѣй о хромотѣ, много костылей въ забокѣ [1]).
Какъ поле безъ огорода: говорится о сиротѣ [2]).
Зять любитъ взять, тесть любитъ честь [1]).
Что у зяти взято, то свято [1]).
Видно проѣдемъ всѣ дядины и всѣ вотчины: когда дорога кажется длинной [1]).
Наша грамота, душѣ нагуба [1]).
Спѣло, какъ любовное дѣло [1]).
Въ чужомъ пиру похмѣлье [1]).
У насъ не клюется, а плюицится [1]).
Не палъ въ паю, въ кулачномъ бою [2]).
Ранній гость до обѣда [1]).
Мнѣ хоть въ пень колотить, лишь бы день проводить [1]).
Рано птапечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла [1]).
Солнце уже на ели, т. е. высоко [1]).
Протянетъ Гагарьей протокой [1]).
Наварила, ровно на Маланьину свадьбу [6]).
Разложилась, будто Маланья съ ящикомъ [17]).
Бѣдному Кузенькѣ горьки пѣсенки [6]).
У бѣднаго Кузьки гдѣ тонко, тутъ и рвется [1]).
Узнаешь Кузькину мать [6]).
Екимъ — простота: рукавицы потерялъ, двои за поясомъ [1]).
Богаче Строгонова хочетъ быть [1]).
Это было еще когда Ермакъ Сибирь бралъ, т. е. давно [1]).
Погоди, не роди, дай за бабушкой сходить [1]).
Видитъ дѣло не къ перелеву [2]).
Не было ни деньги, да вдругъ пять алтынъ [1]).
Завтра будь сусло дуть [1]).
Теперь и у воробья есть пиво осенью [2]).
Поднялась (стряпка) на норѣ, когда обѣдъ на дворѣ, на бѣлой зарѣ [1]).

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.
[17]) Въ Иркутскѣ.

Двѣ женщины базаръ, три ярмарка [1]).

Ничья бѣда, женихова: женишься станешь, кто станетъ покупать, что не женихъ? все его забота. [2]).

Суди-боги на меня не складывай [2]).

Знаетъ толкъ въ тупицахъ да топорахъ, а не въ куницахъ да соболяхъ [2]).

Осенью-то кисель да блины, а подъ весну-то сиди да гляди [6]).

Лѣто припасиха, зима прибериха [6]).

Прибой-отъ великъ, да товару нѣтъ: кто бы и хотѣлъ что-нибудь подарить, а нечего [2]).

Не шла бы курочка на пиръ, да за хохолокъ тянутъ [2]).

Рядка землю держитъ [1]).

Уговоръ пуще денегъ [1]).

Не уговорился на берегу, да поѣхалъ за рѣку [2]).

Не учитъ пріемъ, а учитъ сдача [1]).

Не радуйся нашелъ, не тужи потерялъ [1]).

Свой глазъ алмазъ [1]).

Не смотри на дѣло, а смотри на отдѣлье [1]).

Сначала выстрой хлѣвинку, а потомъ заводи и скотинку [1]).

Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу [1]).

Семья воюетъ, а одинъ горюетъ [1]).

Одинъ такъ и у каши не споръ [1]).

Вдвоемъ такъ можно и Казань пройдти [1]).

Тѣхъ же щей, да гуще влей [1]).

Ту же рубаху да выверти, да швы повыколоти [2]).

Рубль да плачетъ, грошъ да скачетъ [1]).

Обжегся на ухѣ, да дуй на воду [1]).

Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобы рукъ не жгло [1]).

Паръ костей не ломитъ [1]).

На вѣтеръ живота не напашешься [1]).

Бояться дрязгу и въ лѣсъ не ходить [2]).

Сто рублей въ мошню, спорина въ квашню [1]).

Съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и уйдетъ [1]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ [1]).
Домъ не великъ, а спать не велитъ [1]).
Своя избушка та же подружка [1]).
Домъ не коза, не убѣжитъ, если взялъ на глаза [1]).
Хлѣбцемъ вмѣстѣ, табачкомъ врозь [1]).
Кто чѣмъ питается, тотъ тѣмъ и марается [1]).
Не оттого обѣднѣли, что сладко ѣли [1]).
Мужъ носитъ въ домъ мѣшкомъ, а жена выноситъ горшкомъ [2]).
Худой мужъ въ могилку, а жена по подворью [2]).
Жена мужа бьетъ, не на худо учитъ [1]).
Были бы денежки, будутъ красны дѣвушки [1]).
У большой родни либо сытъ, либо голоденъ [1]).
Сытаго гостя легко подчивать [1]).
Мало честно, много сытно [1]).
Сыта кума, коли гущи не ѣшь [1]).
Шла кума пѣша, куму легче [1]).
Тѣмъ не успоришь, что жиже растворишь [1]).
На суслѣ пива не узнаешь [2]).
Стараго учить, только портить [1]).
Не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго [1]).
Скупъ, да въ салѣ пупъ [2]).
Другу удружи, самъ себѣ досади [1]).
Ерши съ окунями не складываются [1]).
Гусь свиньѣ не товарищъ [1]).
Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ [1]).
Вѣдь не дивятся, что братья дѣлятся [1]).
Сначала стрѣляй сороку да ворону, дострѣляешься и до бѣлой лебедки [1]).
Чебачки да щучки складывай въ кучки — соберешь домокъ [2]).
Яйцо-то еще въ уткѣ, а утка-то на морѣ [1]).
Въ копнахъ не сѣно, въ долгу не деньги [1]).
Синочка да въ ротъ, сто рублей да въ долгъ [1]).
Ласково дитя двѣ матки сосетъ, постыло и одной не видитъ [1]).
Чужой ребенокъ волченокъ [1]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

Куда дерево поклонило, туда и клонись [1]).
Куда иголка, туда и нитка [2]).
Всякое коренье (укоръ) принимай за благодаренье [1]).
Цвѣтовъ много въ полѣ, да всѣ не сорвешь [1]).
Деревня всѣмъ не выйдетъ: близко сѣно, дрова далеко [2]).
На урода все неугода [2]).
Охота тѣшить не бѣда платить [1]).
Любишь играть, люби ѣзды давать [2]).
Не носить плаченаго, не носить злаченаго [2]).
Не бей кнутомъ, только напой виномъ [1]).
Гдѣ гроза, тутъ и милость [1]).
На милость образца нѣтъ [1]).
Покорную голову и мечь не сѣчетъ [1]).
Богатство умъ рождаетъ, а бѣдность послѣдній отнимаетъ [1]).
Отъ работъ не будешь богатъ, а будешь рогатъ [1]).
Нужда научитъ калачи съ печи таскать [1]).
Придетъ нужда, и ступу матерью назовешь [1]).
Голь мудрена, не ѣвши спитъ [1]).
Богатый на деньги, а голь на выдумки [1]).
Богатый, какъ хочетъ, бѣдный какъ сможетъ [1]).
Богатый плачетъ о кораблѣ, а нищій о кошелѣ [6]).
Сытъ голоднаго не разумѣетъ [1]).
Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись [1]).
Не хлѣбъ ходитъ за брюхомъ, а брюхо за хлѣбомъ [1]).
Счастливый къ обѣду, несчастный къ обуху летаетъ [1]).
Голъ да не воръ [1]).
Жалуйся Богу; слезы — вода [1]).
Гдѣ слезъ не брать, да плакать [1]).
Отъ горя бѣгомъ, а горе все передомъ [1]).
Плѣшатому не быть кудреватому [2]).
Голова одна, да бѣдна; хоть бѣдна, да одна [1]).
Нужному жениться ночь коротка [6]).
Бабы каются, дѣвки сряжаются [1]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.

Въ дѣвкахъ долѣ, такъ замужемъ короче [1]).

Съ горя не убиться, горя не лишиться [1]).

Напился, наѣлся, да и на бокъ, оттого казакъ и гладокъ [1]).

Казакъ, гдѣ прижжетъ, тутъ и живетъ [1]).

Гдѣ ни жить, одному царю служить [1]).

У казака все и имѣнье, чурки да каменья [1]).

Казачье горло, что суконно бердо, т. е. широкое [1]).

Казакъ орелъ, что увидитъ, то беретъ [1]).

Быль молодцу не укоръ [1]).

Что мнѣ отецъ, когда самъ молодецъ [1]).

Батюшка въ пиръ, матушка въ міръ, а я озорникъ, какой домовникъ [6]).

Удалый много не дремлетъ [1]).

Богатыри много не говорятъ, только шѣпчутся [1]).

Богатыри не шѣпчутся, до одного разу бьютъ [1]).

Въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются [1]).

Кто впереди, тотъ и атаманъ [1]).

Богу воля, царю власть [1]).

Вскорѣ Бога не умолишь [1]).

Богъ дастъ путь, а чортъ дастъ крюкъ [1]).

Богъ — городъ, чортъ — деревня [2]).

Силенъ чортъ, да воли нѣтъ [1]).

Натакается не хорошій бѣсъ, такъ не спасетъ и крестъ [2]).

Дьяволъ и горами качаетъ [2]).

Чорта кстн (крести), а онъ все въ воду лѣзетъ [1]).

Всѣ люди въ шапкахъ, а чортъ въ колпакѣ [1]).

Со спѣсью дорогу не проѣдешь [1]).

Для спѣсиваго гостя и дверь пола [1]).

Великъ верблюдъ, да воду возить, а малъ соколъ, да на рукѣ носить [1]).

Малъ золотникъ, да вѣсокъ [1]).

Отъ искры сыръ боръ загорается [1]).

Изъ одного дерева и лопата и икона [1]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.
[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.
[6]) Въ городѣ Омскѣ.

Борода козлу не замѣна [1]).

Знаютъ попа и въ рогожѣ, попадью и въ мережѣ [1]).

Знайку впередъ толкаютъ, а незнайка за печкой сиди [1]).

Выросла съ отца, а дика какъ овца [1]).

На ростъ не собакъ вѣсить [1]).

Голосъ какъ въ теремѣ, а душа какъ въ вѣникѣ [6]).

Умный смыслитъ, а дуракъ свиснетъ [1]).

Не досталось свиньѣ небо видѣть [1]).

Кузнецъ коня куетъ, а лягушка туда же лапу протягиваетъ (вѣроятно: суетъ) [1]).

Каковы мы сами, таковы подъ насъ и сани [2]).

По боярину и говядина [2]).

Очи выше лба не бываютъ [1]).

Черезъ силу и конь не скочетъ [1]).

Живъ другъ не убытокъ [2]).

Свой своему по неволѣ другъ [1]).

Воронъ у ворона глазъ не выклюнетъ [1]).

Братъ брату набитый сосѣдъ [1]).

Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ [2]).

Государево кто не ѣстъ [2]).

Сухая ложка горло деретъ [2]).

У хлѣба не безъ крохъ [1]).

Добрый судъ на калачи не сходится [1]).

Безъ денегъ ѣхать въ городъ, самъ себѣ будешь ворогъ [2]).

Святое мѣсто не бываетъ пусто [1]).

Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь [20]).

Брань не чадъ, глаза не ѣстъ [1]).

Брань на вороту не виснетъ [1]).

На чемъ свѣтъ, на тѣмъ и позоръ [1]).

У пьянаго раба нѣтъ господина [1]).

На пьяномъ шапки не управишь [1]).

Человѣкъ въ тридцать лѣтъ медвѣдь, въ сорокъ курица [2]).

Любовь зла, влюбишься въ козла [1]).

---

[1]) Около города Семипалатинска, на Иртышѣ.

[2]) Въ Чарышской станицѣ, на Алтаѣ.

[6]) Въ городѣ Омскѣ.

[20]) Въ Томскѣ.

Послѣ свадьбы всякъ тысяцкій [1]).
Битая посуда два вѣка живетъ [1]).
На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ [1]).
Вѣсъ не попова душа [1]).
Ружа наружу, товаръ на лицо [1]).
Даромъ и чирей не сядетъ, все позудится [1]).
Пуганая ворона куста боится [1]).
Кто въ грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ [1]).
Не отсохнетъ голова, прирастетъ борода [1]).
Отъ смерти шоломомъ не закроешься [1]).

Привѣтствія.

Съ новорожденнымъ: «Желаю вамъ споить, скормить и на коня посадить» (на Горькой линіи). У каменьщиковъ, выходя изъ-за стола, благодарятъ каждаго родственника такимъ образомъ: «Александра Богъ спасетъ, Маланью Богъ спасетъ», и даже обращаются къ самой маленькой въ семьѣ: «Аленку Богъ спасетъ»; благодарящему каждый отвѣчаетъ: «Благодаря Бога»; мірскому на слова: «Спасибо за хлѣбъ за соль» отвѣчаютъ: «Благодари Св. Духа». Въ деревнѣ при подошвѣ Алтая на благодареніе отвѣчаютъ: «Не согрѣшай пожалуй». Иногда шутя отвѣчаютъ на привѣтствіе съ хлѣбомъ-солью: «Мимо стола дорога столбова, проходи пожалуй» (въ Чарышской станицѣ). Около Барнаула, чтобъ узнать отчество, спрашиваютъ: «Ты чеичъ?»

Брань.

По большей части она состоитъ въ призывѣ болѣзни. Самая обыкновенная брань: язвы те (сибирская язва), пятнай те, стрѣляй те («стрѣлы», — болѣзнь въ арханг. губ.), опасни те (опасная — сифилитическая болѣзнь), жагри те (?). На Алтаѣ говорятъ также: «чемеръ тебя возьми». Подъ именемъ чемера разумѣется въ Россіи одна конская болѣзнь, извѣстная въ Сибири подъ названіемъ «ногтя», но прежде кажется называли такъ какую-то и человѣ-

ческую болѣзнь. Бранныя названія: чуча́, банная ватаракша *(Омскъ)*. Въ Иркутскѣ: шушера — мелюзга.

Во время дождя дѣти напѣваютъ:

Дождикъ, дождикъ, перестань,
Мы поѣдемъ на разстань
Богу молиться,
Царю поклониться.
Я у Бога сирота,
Ключикомъ, замочкомъ
Аленькимъ платочкомъ.

(Зап. въ Семипалатинскѣ).

Присказка, сказываемая нянъками дѣтямъ:

Гуси, лебеди летѣли.
Баньку выронили,
Долгоноги журавли
Баньку складывали,
Коростель подоспѣлъ,
Въ банькѣ каменку доспѣлъ,
Утка парилася,
Прирасправилася.

(Зап. въ Семипалатинскѣ).

Присказка для бросанья жеребья:

Первичики, другичики,
Убили голубичики,
На колобѣ, на жолобѣ,
Ставка, пленка,
Сучекъ, обручекъ,
Мотовильце, рожокъ.
Вышелъ мѣсяцъ,
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку,

Кто взялъ, не взялъ,
Тотъ чуръ пошелъ.

(Получено изъ Иркутска).

Байка.

Байки, побайки,
Матери китайки,
Отцу сапоги,
Нянькѣ ленточку,
Позументочку.

(Зап. въ Семипалатинскѣ).

Плясовыя пѣсни.

Ихъ на Иртышѣ почти нѣтъ, но музыканты по временамъ подпѣваютъ подъ музыку множество отрывковъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Спирька коломенскій,
Зипунишка коротенькій,
Рубашеночка во перстъ толста,
Штанишки изъ тогожь холста.
Онъ и бьется, колотится,
У окошка убивается,
Сиротинкой называется,
Кто бы, кто бы сиротинку пожалѣлъ,
Кто бы, кто бы ночевать къ себѣ пустилъ,
Я бъ вереюшки вызолотилъ.

Ахъ, милый сынъ Алешенька,
Поживи съ нами малешенько,
Мы положимъ ручку въ пазушку,
Мы за тоненьку рубашечку,
Для души своей спасенья.

Тогда дѣвушки говаривали,
Мнѣ родныя-то наказывали:
Не женись, не женись молодецъ,
Не женись, другъ Егорушка!
Если женишься, спокаешься,
Съ молодой женой намаешься.

Еще что это за чортова любовь?
Потерялася изъ погреба морковь.
Приходили двѣ чертовки да свекровь.

Ты нугай, нугай, нугай,
Ужь ты бабу не пугай!

Ужь вы глупые крестьяне,
Неразумны мужики,
Еще бабья-то рубаха
Не тотъ же ли мѣшокъ?
Рукава-то завяжи,
Да что хошь положи.

(Всѣ записаны въ Семипалатинскѣ).

Объ этой послѣдней пьесѣ разсказывали мнѣ, что она была пропѣта экспромптомъ при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ одной деревнѣ была вечерка; шли воры крестьяне, одинъ изъ нихъ музыкантъ; музыкантъ вошелъ въ избу и предложилъ поиграть для компаніи, а его товарищи остались на дворѣ и стали шарить по амбарамъ. Нашли много добра, но во что положить и не знаютъ, а на дворѣ сушились бабьи рубахи; вотъ музыканту и пришла мысль замѣнить мѣшки рубахами, онъ и пропѣлъ свое предложеніе громко, чтобъ услышали на дворѣ.

Игровыя пѣсни.

Эти пѣсни поются во время игръ, которыя бываютъ въ домахъ на вечеркахъ и на улицѣ;

круговыя

въ кругахъ, т. е. хороводахъ, которые бываютъ на улицѣ, но иногда и на вечеркахъ. Нѣкоторыя игровыя пѣсни соединены съ извѣстной только игрой, но другія употребляются одна вмѣсто другой, впрочемъ при одинаковыхъ дѣйствіяхъ играющихъ. Такимъ образомъ пѣсни: «Печальное сердце, крушительное», «Сладка ягодка изюменка», «Со вьюномъ ли я хожу», «Вѣнчикъ», «Подушечка», «Былъ я, мамонька», требуютъ отъ играющихъ однихъ и тѣхъ же дѣйствій съ небольшими исключеніями; но «Бояры», «Золото хороню» и проч. соединены съ отдѣльными играми.

Вѣнчикъ.

Ужь ты вѣнчикъ мой, вѣночекъ,
Въ саду розовый василечекъ,
Куда мнѣ тебя положити?
Положу я тебя на головку,
Что на душечку красну дѣвицу.
Что не кумъ со кумою покумился,
Середи кружка подарился.
Еще я твой кумъ,
Еще ты моя кума,
Гдѣ мы сойдемся,
Тутъ обоймемся,
Поцѣлуемся,
Да разойдемся.

(Зап. около Семипалатинска).

Со вьюномъ я хожу,
Съ животомъ я хожу,
Мнѣ куда будетъ, будетъ вьюна положить,
Мнѣ куда живота положить?

Положу я вьюна,
Положу живота,
Павлѣ на паволоку,
Катеринѣ на наволоку,
Я ко молодцу на правое плечо.
Чѣмъ вьюна выкупать,
Чѣмъ живота выручать?
Дамъ я не дамъ за вьюна
Три гривны серебряныя,
Три, четыре позолоченыя,
Я коня виноходаго,
Соколика сизоперенькаго,
Молодчика кудреватенькаго,
Холостаго, не женатенькаго.
Я за дѣвушкой хожу,
За хорошею хожу,
Перемѣны жду,
Цѣловаться хочу.

(Зап. около Семипалатинска).

Печальное сердце, крушительное.
Гдѣ-то мы со миленькимъ не хаживали,
Гдѣ-то мы съ хорошенькимъ не гуливали,
За моремъ далеко, на горахъ высоко,
На горахъ высоко, въ чистомъ полѣ далеко.
Сорвали со миленькимъ по яблочку,
Разрушали, вмѣстѣ скушали.
Сошлися, поклонились, поздоровалися,
Здорова, черноброва, здравствуй ягода моя.

(Около Семипалатинска).

Сладка ягодка изюменка,
По блюдечку катается,
Словно сахаръ разсыпается.
На кого душа надѣешься?

Я надѣюсь на мила дружка,
На мила дружка, на молодца.
Чаю, чаю, не спокинетъ онъ меня,
Чаю, чаю, поцѣлуетъ три раза.

(Около Семипалатинска).

Подушечка.

Расколися сырой дубъ
На четыре части,
Раздѣлись мое желанье
На четыре грани.
А кто любитъ чужихъ женъ,
Нѣтъ душѣ спасенья,
А кто дѣвушку полюбитъ
Грѣхамъ отпущенье.
Стелю, стелю подушечку,
Стелю пуховую,
Люблю, люблю дѣвчоночку,
Люблю молодую.
Я которую люблю,
Тоё подарую,
Подушечкой пуховою,
Тое подарую.

(Тамъ же).

Былъ я, мамонька,
Во иной землѣ,
Вотъ и такъ, сякъ
Во иной землѣ *).
Видѣлъ, мамонька,
Дѣвокъ хороводъ.
Одна дѣвушка
Изъ нихъ лучше всѣхъ.
Люблю дѣвушку,
Ступлю на ножку,

*) Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ строчекъ.

Я возьму ее
За праву ручку,
Поведу ее
Вдоль по горницѣ,
Поставлю ее
Среди горницы,
Заставлю ее
И скакать, и плясать,
Подыму ее
Повыше себя,
Опущу ее
Пониже себя.
Цѣловалъ ее,
Миловалъ ее,
Вотъ и такъ, сякъ
Уговаривалъ.

(Тамъ же).

Нѣнѣ, мы до васъ пришли,
Молодыя, мы до васъ пришли.
Бояры, вы зачѣмъ пришли?
Нѣнѣ, мы невѣстъ смотрѣть,
Молодыя, чернобровыхъ выбирать.
Бояры, покажите жениха?
Нѣнѣ, во се, вотъ женишокъ,
Молодыя, вотъ хорошенькій.
Бояры, покажите сертучокъ!
Нѣнѣ, во се, вотъ сертучокъ,
Молодыя, вотъ нѣмецкаго сукна.
Бояры, покажите перчатки!
Нѣнѣ, намъ невѣста принесетъ,
Молодыя, черноброва принесетъ.
Бояры, вамъ которая люба?
Нѣнѣ, намъ Сонечка люба,
Молодыя, намъ Петровна хороша.

(Доставлена однимъ казакомъ изъ ст. Озерокъ, около Семипалатинска).

Во саду ли были мы,
Во зеленомъ гуляли,
Соколицу видѣли,
Соколицу дѣвицу.
Стань молодка, подбодрись,
Ближе, ближе подойди,
Ниже, ниже поклонись,
Трои, двои поцѣлуй.

(Около Семипалатинска).

При всѣхъ этихъ пѣсняхъ игра заключается въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ. Дѣвицы сидятъ на стульяхъ и, положимъ, поютъ «Вѣнчикъ»; нѣсколько мужчинъ ходятъ по комнатѣ; при словахъ: «положу я тебя на головку», они кладутъ на головы избранныхъ ими дѣвицъ платки, свитые въ видѣ вѣнковъ; послѣ этого избранныя дѣвицы встаютъ и ходятъ вмѣстѣ съ мужчинами попарно, взявшись за руки; при концѣ пѣсни пары кружатся и потомъ цѣлуются; по окончаніи пѣсни, на срединѣ остаются только дѣвицы, а мужчины садятся. Тогда поютъ «Вьюнъ», и повторяется та же исторія, только наоборотъ — ходятъ не мужчины, а дѣвицы. При пѣсни «Былъ я, мамонька» мужчина, сообразно съ пѣсней, вмѣсто наложенія платка на голову дѣвицы, наступаетъ на ногу, беретъ за руку, ставитъ среди горницы, подымаетъ ея руку выше своей головы, потомъ опускаетъ, и наконецъ кружится и цѣлуется. Наступать на ногу и въ другихъ пѣсняхъ встрѣчается, какъ вызовъ дѣвицы на сочувствіе; въ одной круговой пѣсни, которой у меня впрочемъ нѣтъ цѣлой, въ срединѣ есть слѣдующія строчки:

Мнѣ на встрѣчу шелъ мальчишка молодой,
Сталъ онъ, съ дѣвушкой, заигрывать со мной,
На рѣзвы ножки наступливати,
За бѣло лицо похватывати...

Круговыя пѣсни:

На горѣ-то калина,
На горѣ-то калина,
На горѣ-то, сердынька, калина.
Подъ горою малина.
Тамъ дѣвушка стояла,
Калинушку ломала,
Во казака бросала.
Казакъ шутокъ не приматъ.
Слышу, ѣдешь во походъ,
Возьми меня съ собою,
Я те въ полѣ пригожусь,
Пару коней уберу,
Овса, сѣна надаю,
Постелюшку постелю,
Съ поцѣлуемъ уложу,
Я со сладкимъ разбужу.

(Въ ст. Урлютюпъ, на Иртышѣ).

Въ чистомъ полѣ калина,
Подъ калиной малина
Подъ малиной вишенье,
Подъ вишеньемъ древочка,
Подъ древочкой дѣвочка;
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнки на главу,
Сама жалко сплакала:
Ты свѣтъ — жеръ *) мой златъ вѣнокъ!
Кому вѣнокъ достанешься?
Достанусь я старому,
Возьму вѣнокъ изорву,
Всѣ цвѣточки изщиплю,
За младаго убѣгу.

(Въ Семипалатинскѣ).

---

*) Вѣроятно: жаръ, вм. огненный. На Алтаѣ растеніе Trollius, желтые цвѣты котораго преимущественно употребляются на вѣнки, называется *жарки-цвѣты*, а въ томской губерніи это же растеніе зовутъ *огоньками*.

Дунюша вдовина
По бережку ходила,
Лѣвой ножкой топала,
Правой ручкой махала,
Къ себѣ дружка манила.
Пойдемъ, мой другъ, въ огородъ,
Сорвемъ, мой другъ, лапушекъ,
По саменькой корешокъ,
Сошьемъ Дунѣ сарафанъ.
Носи, Дуня, береги,
По праздничкамъ надѣвай,
По будничкамъ скидавай,
Крѣпче въ ящикъ запирай.
Источили тараканы сарафанъ,
Нельзя Дунѣ надѣвать,
По улочкамъ погулять.

Я люта была по горамъ ходить,
Я люта была соловьевъ зорить,
У соловьюшки одно гнѣздышко,
У меня младой одинъ милый другъ,
Раздуша моя, разнемогается,
Животомъ, сердцомъ скудается.
Попросилъ мой другъ ключевой воды,
Я со вечера за водой пошла,
Ко полуночи воду черпала,
Ко бѣлу свѣту на гору взошла,
Отъ мила дружка пришла вѣсточка,
Что мой милый другъ переставился.

Не будите молоду ранешенько по утру,
Тогда ее будите, когда солнышко взойдетъ,
Когда солнышко взойдетъ, роса на землю падетъ.
Казакъ выйдетъ на лужокъ, заиграетъ во рожокъ.
Соберись, моя скотина, на широкую долину,

На широкую долину, на зелену луговину.
На этой луговинѣ ходятъ дѣвки, ходятъ бабы,
Ходятъ дѣвки, ходятъ бабы, ходятъ холосты ребята
Вотъ дѣвушки впереди, молодушки позади.
Одна дѣвка весела, съ казакомъ плясать пошла.
Она пляшетъ, рукой машетъ, казачка къ себѣ зоветъ:
Суды, суды, казачекъ, суды, миленькій дружокъ.
Ты паси мою скотину, ночевать ко мнѣ приди.
Казакъ ночку ночевалъ, лошаденку потерялъ,
Онъ другую ночевалъ, весь табунъ растерялъ.
Кабы знала молода, не манила казака,
Не манила, не кормила, не обманывала.

Соловейко проскакалъ, кругомъ, махомъ просвисталъ,
Кругомъ, махомъ просвисталъ, за плечо дѣвку схваталъ.
У дѣвушки плечо разгорѣлось горячо,
Разгорѣлось, разболѣлось, какъ калинушка красна,
Какъ калинушка красна, во сыромъ бору росла;
Не созрѣвши, калинушка осыпалась,
Осыпалась, пересыпалась,
Передъ молодцомъ красна дѣвица состарѣлась,
Состарѣлась, перестарѣлась.
У Степана, у Ивана, была дочь хороша;
Была дочь хороша, Степанидушка душа.
Ходи Стеша по полу, топни Стеша погою.
Ужь я рада бы топнула, боюсь батюшки,
Напаче того родной матушки;
Не побоюсь я отца, я понравлю молодца,
Я за то его понравлю, что одинъ сынъ у отца.

Веселая голова не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада, не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори, худой славы не клади.
Худа славушка пойдетъ, никто за мужъ не возьметъ,
Никто за мужъ не возьметъ, не посватается;

Отцу матери безчестье, роду племени покоръ,
Съ плечъ головушка долой, нельзя придти домой,
Нельзя придти домой, сказать мамонькѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ, скажу эдакъ, вотъ и такъ,
Скажу: во садѣ ходила, во зеленомъ гуляла,
Сладки ягодки щипала наливчатыя,
На бѣлое блюдо клала, на серебряный подносъ,
Ко милу другу пошла во высокій во теремъ,
Милый яблокъ не примаетъ, самъ отвѣту не даетъ,
Ни отвѣту, ни привѣту, никакого слова нѣту.
Брошу яблочки на столъ, сама изъ терему долой,
Оставайся, чортъ съ тобой, не ломайся надо мной,
Надо мной, молодой, надъ дѣвичьей красотой!
На ступенечку ступила, задумалася,
На другую я ступила, образумилася.
Ворочуся я назадъ, дружку выговорю,
Дружку выговорю, въ глаза выпѣняю,
Подумай-ка, невѣжа, погадай, негодяй,
Я за что тебя люблю, за что жаловать хочу.

Размолоденькой дѣтина, ровно ягода малина,
Ровно ягода малина во сыромъ бору росла,
Во сыромъ бору росла, въ зеленомъ саду цвѣла,
При утренною, при зарѣ, при вечерною росѣ;
Какъ заря, заря взойдетъ, красно солнце обойдется,
Пастушекъ рано встаетъ, младой спать не даетъ,
Во гусельцы играетъ, во звончатыя.
Соберись моя скотина на широкую долину,
На широкой долинѣ ходятъ дѣвки, ходятъ бабы,
Ходятъ дѣвки, ходятъ бабы, ходятъ холосты ребята,
Дѣвушки впереди, молодушки назади,
Молодыя-то ребята во середочкахъ.

Съ подъ горы я на гору иду,
Посѣю лебеду на берегу.

Уродись безъ полеву, лебеда!
Кабы мнѣ, младой, волюшка была,
Со казаченькой гулять бы я пошла,
Съ баскимъ, съ хорошенькимъ,
Чернобровымъ, черноглазенькимъ,
Съ конопелюшекъ воробушекъ гонять.
Кышъ, кыши воробушки, все казачія головушки
Сѣклися, рубилися, шашками кололися.

Эта строфа поется три раза; во второмъ разѣ, вмѣсто казачьихъ головушекъ, поются урядницкія, въ третьемъ офицерскія.

Цвѣли цвѣтики, да поблекли,
Любилъ, любилъ миленькій, да покинулъ,
Покинулъ, душа моя, не на долго,
Не на долго времячко, на часочекъ.
Вотъ я за милымъ дружкомъ не гонюся,
Гонишься, душа моя, ты за мною,
За моей, за русою косою,
За моей за дѣвичьей красотою.
Отпрошуся у батушки погуляти,
У родимой матушки полытати.
Гуляй, гуляй, дитятко, гуляй не долго,
Щипли, щипли вишенье, щипли немножно.
Щипала я вишенье, пріустала.
Сяду я на травоньку отдохнути,
Лягу на муравую пріуснути.
Мой-отъ милой ѣдетъ, не заѣдетъ,
Конемъ топчетъ, да не затопчетъ,
Пруточкомъ машетъ, да не устегнетъ.

Травонька, травонька, травка муравая,
Знать-то, мнѣ по травонькѣ да не находиться,
Знать-то, мнѣ по муравой да не нагуляться,
Знать-то, мнѣ на мила дружка да не наглядѣться,
Котора, душа моя, на крыльцѣ стояла,

На крыльцѣ стояла, друга провожала,
Друга проводила, коня выводила,
Коня воронаго для друга милаго.
Къ столбу привязала, сѣдломъ осѣдлала,
Къ столбу дубовому, кольцу золотому.
Есть копю сѣно, а молодцу квартера,
Мягкая постеля, высоко зголовье,
Высоко зголовье, спи другъ на здоровье!
Спи другъ на здоровье, дуло-те горою!
Дуло-те горою, женшной роднею,
Женшной роднею, женой молодою.

Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
На бѣлъ-камешекъ ступила,
Сафьянъ башмакъ подломила,
Чулокъ бѣлый замочила.
Мнѣ не жаль башмачка,
Жалко бѣлаго чулка.
Этотъ бѣленькій чулочекъ
Ровно миленькій дружочекъ,
Пванушка животочекъ,
Славна ягода моя!
Не садись противъ меня,
Не призаривай меня,
Возьми замужъ за себя.
Середи кружка моева,
Розыгрался кавалеръ,
Взялъ онъ дѣвушку, повелъ.
Гдѣ дѣвушка шла,
Тутъ трава росла,
Гдѣ дѣвушку провели,
Алы цвѣты разцвѣли,
Гдѣ дѣвушку паловали,
Алы цвѣты сорывали,
Повѣночки завивали.

На головушку надѣла,
Въ хороводъ пошла плясать.

Я лучиночки щипала березовыя,
Пукъ лучиночекъ зажгла, въ нову горницу зашла,
Во горницѣ во новой двѣ добры жены сидятъ,
Хлѣбъ-соль ѣдятъ, про Ивана говорятъ,
Про Ивана, Ивана Ивановича.
Эвонъ Ванюша идетъ, за собой дѣвокъ ведетъ,
За собой дѣвокъ ведетъ, дѣвки пѣсельницы,
Дѣвки пѣсенки запѣли, Иванъ пошелъ плясать,
Иванъ пошелъ плясать, головушкой качать.
Иванъ молодой, не качай головой,
Не качай головой, мнѣ не быть за тобой,
Мнѣ не быть за тобой, за Иваномъ-горюномъ,
У Ивана-горюна ни скота ни живота,
Одна липова изба, рѣшощаты ворота.
Стоитъ Ваня у воротъ, перетаптывается,
Во косящато окошко поколачивается.
Кабы милая, милая моя, вышла встрѣтила меня,
Вышла встрѣтила меня за новыя ворота,
За новыя, кленовыя, за рѣшощатыя,
За бѣлы руки брала, въ нову горницу ввела,
За дубовый столъ садилася, чаемъ, кофеемъ попла.
Ты зайди въ мою комнатку, посмотри мою кроватку,
У моей-ли у кроватки ножки точеныя,
Ножки точеныя, позолоченыя.

Проголосныя пѣсни

(такъ онѣ называются на Иртышѣ):

Что ты, Машенька, ты худа стала, блѣдна?
Знать-то Машенька, ты хворала больно безъ меня?
Не хворала я, тосковала, мой другъ, по тебѣ;
Лицо бѣлое призатускло ночью въ темнотѣ,
Щечки алыя призапали съ горя, съ тоски,

Очи ясныя помутились, все стали не тѣ.
Мнѣ наскучило во горенкѣ одной сидѣть,
Напрокучило буйну голову, дѣвкѣ, чесать,
Мнѣ наскучило трубчату косу плести.
Я еднешенька въ горницѣ млада сижу,
Изъ окошечка въ окошечко млада погляжу,
Гдѣ бы, гдѣ бы размилаго дружка увидать,
Во глаза-то ему, размерзавцу дружку, наплевать,
Отъ какой-же ты красоточки, мальчикъ, отсталъ,
И какую-же ты мерзавку дѣвку любить сталъ?

У душечки, у красной дѣвушки, было у дѣвицы,
Не дожжичкомъ ея бѣлое лицо смочило,
Она плакала, радость, по миленькомъ тужила;
Ты куда же, мой милый, снарядился?
Въ отрядъ пошелъ, другъ мой милый, не простился?
Съиззараньица у красной дѣвушки сердце слышитъ,
За недѣлюшку красная дѣвушка сдогадалась.

Ноетъ мое сердечушко, ноетъ, занываетъ,
Гинетъ моя головушка, гинетъ, спогибаетъ.
Обѣщался разлюбезный другъ меня до-вѣку любити,
До вѣку любити, горемышну замужъ взяти,
Какъ теперь-ли разлюбезный другъ задумалъ жениться,
Нужно мнѣ, младой, у дружка узнать судьбину.
Снаряжуся млада, сподоблюся во мужское цвѣтно платье,
Ко воротичкамъ подходила, во мнѣ сердце пріуныло,
Во новыя сѣни заходила, платомъ слезы утирала,
Я во горницу заходила, среди полу становилась,
Среди полу становилась, сама Богу помолилась.
Ужъ вы здравствуйте, гости, бояре, свахи, поѣзжаны,
Еще здравствуй-ка, мой разлюбезный другъ, окромѣ своей судьбины.

Сосанька во сыромъ бору росла,
Ягодка на вереюшкѣ,

Я сирота на чужой сторонѣ.
Плакать не смѣю, рыдать не велятъ,
Только велятъ по маленьку вздыхать.
Выйду на улку, на широконькую,
Взгляну на путь, только слезы бѣгутъ.
Ой горы, вы долы, все горе мое!
Лѣсъ и трава, все кручина моя!
Мать да отецъ сокрушили меня,
Братъ да сестра сердца вызнобили.
Ой, жду я, пожду къ себѣ гостьюшку,
Гостьюшку, родну матушку.
Годъ я ждала, другой прождала,
На третій-ли годъ пошла я сама.
Встрѣтилися, поздоровалися.
Что это за бабочка, что за така?
Родная мамонька, дочка твоя.
Гдѣ жъ у те, дитятко, руса коса?
Руса коса вкругъ головки свита.
Гдѣ жъ у те, дитятко, дѣвья краса?
Ахъ, дѣвью красу потеряла въ лѣсу.

Печаль то горе, горе великое!
Я пойду то съ горя во темны лѣса,
Во темны лѣса, въ зелены луга.
Въ зеленыхъ лугахъ ростетъ трава,
Ростетъ трава, трава шелковая,
Цвѣли цвѣтики, цвѣты лазоревы,
Понесли то духа, духа анисовы.
Я со той со травы сорву цвѣтокъ,
Я сорву цвѣтокъ, совью вѣнокъ
Милому дружку на головушку:
Носи, мой другъ, вѣнокъ, не сранивай,
Люби дѣвушку, не сказывай,
Люби дѣвушку, не обманывай.

Расхорошенька Дуняша кляла свое сердце:
Распроклятое мое такое во мнѣ сердце злое,
Сердце злое во мнѣ ретивое, на часъ не толимо,
На часъ не толимо, все ты во мнѣ изныло,
Сердце поетъ, во мнѣ запиваетъ, ничего не скажетъ,
Только скажетъ мое ретивое, кого въ дѣвушкахъ любила,
Я котораго въ дѣвкахъ любила, по немъ плакала, тужила.
Я тужила по немъ, горевала, мало ночи спала,
Темною ночи до полночи, до втораго часу.
Когда два часа пробило, сѣла, пріуныла,
Я сидѣла, дѣвка, за цвѣтами, улилась слезами,
Во слезахъ я дружка не узнала, во глаза его обругала:
Ты разбестія, шельма, мальчишка, зачѣмъ рѣдко ходишь,
Рѣдешенько ходишь, знать иную любишь,
Знать иную любишь, а меня сушишь, крушишь.

Ты не пой, соловей молоденькой, не пой соловейко,
Не ной-ка, не боли у моей разлапушки ретиво сердечко,
Безъ того-то ли мое во мнѣ сердечушко все изныло,
Почернѣло-то мое во мнѣ сердечушко чернѣй черной грязи.
Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда рано солетаетъ,
Молодой-то казакъ со квартирушки долой соѣзжаетъ,
Соѣхавши, добрый молодецъ, самъ слезно заплакалъ,
Во слезахъ своихъ, добрый молодецъ, словечко промолвилъ:
Ты квартира ли моя, любезна моя стоянка!
Я стоялъ на тебѣ, моя квартирушка, три годочка,
Показалося мнѣ, доброму молодцу, за три денечка;
На квартирушкѣ былъ самъ хозяинъ, ровно зла цѣпна собака;
У хозяина была хозяюшка, ровно мать родная,
У хозяюшки были двѣ дѣвушки, ровно двѣ родны сестрицы.

Что не травонька въ полѣ росла, выростала,
Что не цвѣтички, не лазоревы, цвѣли въ полѣ, разцвѣтали,
Что не росанька, не вечерная, съ травы сокаталась,
Не пора-ли, вамъ, братцы товарищи, съ поля ѣхати домой,

Ужъ вы слуги, мои слуги вѣрные, при мнѣ молодые,
Вы подите, ко мнѣ приведите пару невскихъ коней, сѣропѣгихъ лошадей,
Со всѣми-ли то я добрый молодецъ простился,
Со мной, душечкой, со красной дѣвушкой, позабылъ проститься;
Съ половины пути-дороженьки назать возвратился,
Подъ косящато подъ окошечко съ конемъ становился,
Камышловой своей тросточкой въ стѣнку колотился:
Ужъ ты спишь-ли, моя любезная, стань-ка, пробудися,
Выйди, выйди моя любезная на красно крылечко,
Ты промолви, раскрасотка, хоть одно словечко,
Ты обрадуй, моя любезная, ретиво сердечко.

Вѣтры мои, вѣтерочки,
Полуденные, сиверочки!
Куда вѣтерокъ потянетъ,
Туда мой миленькой поѣдетъ,
Хоть поѣдетъ, въ гости не заѣдетъ,
Хоть заѣдетъ, почку не почуетъ,
Хоть почуетъ, всю ночь прогорюетъ,
Животомъ, сердцомъ проскучаетъ.
Ты ставай-ка, милая моя, поранѣ,
Проводи-ка молодца подалѣ,
За тѣ, за новы ворота,
За три рѣченьки глубоки,
За три гораньки высоки.

Ты елина, ты моя елинушка, елина садова,
Не садовая, моя елинушка, сладкая, медова!
Отчего же ты, моя елинушка, стала сохнуть, блекнуть?
Ты отъ вѣтру сохнешь, елинушка, отъ лютыхъ морозовъ.
О чемъ, красна дѣвушка, о чемъ тужишь, плачешь?
Какъ мнѣ, красной дѣвушкѣ, не тужить, не плакать,
У меня у красной дѣвушки, было три забавы, три не малы:
Ужъ какъ первая была забава садичекъ зеленый,

Какъ втора была забава въ садѣ соловей веселый,
Ужъ какъ третья-то забава — дружко миленькій, хорошій.
Отчего же ты душа моя въ гости не ходишь?
Радъ-бы, радъ-бы ходити, не чѣмъ дарити.

Сидѣла Катюшенька день до вечера одна,
Горѣла у Катеньки бѣла сальная свѣча;
Кроила Катюшенька себѣ тонки рукава.
Скроивши рукавчики, одну строчку провела,
Одну строчку провела, въ теремъ къ батюшкѣ пошла.
Родимый мой батюшка, думай думу заодно.
Мила дочь Катюшенька, не думаю ни о чемъ,
Мила дочь Катюшенька, припишися въ монастырь.
Родимый мой батюшка, въ монастырь я не хочу,
Я бѣлыхъ монашечекъ всѣхъ по терему разгоню,
На самой игуменьшѣ черно платье издеру.
Сватался за Катеньку изъ Тюмени дворянинъ,
Выписалъ имѣньица полтораста душъ крестьянъ.
Думаю, подумаю, за него замужъ пейду.
Сватался за Катеньку изъ Иркуцкаго купецъ,
Выписалъ именьица на двѣнадцать кораблей.
Думаю, подумаю, за него я не пойду.
Сватался за Катеньку изъ Тобольска музыкантъ,
Выписалъ имѣньица скрыпку да смычекъ,
Скрыпку да смычекъ, балалайку подлѣ бокъ.
Думаю, подумаю, за него замужъ пойду.
Сыта-ли, не сыта, завсегда я весела,
Пьяна-ли, не пьяна, завсегда скачу, пляшу.
Выйду-ли на улку, спросятъ: чья это така?
Я скажу: я млада, музыкантова жена!

У любезнаго сидѣла за дубовымъ за столомъ,
Я за тѣмъ столомъ дубовымъ сладку водочку пила,
Сладку водочку вишневку, съ водки пьяна не была,
Съ водки пьяна не была, провожала дружка со двора.
Провожала, увѣряла, унимала ночку ночевать:

Ты ночуй, ночуй надежда, ночуй ноченьку со мной.
Радъ-бы, радъ-бы, ночевалъ я, боюсь до свѣту просплю.
Ты не бойся, не страшися, всю я ночку не усну,
Всю я ночку не усну, на рученькахъ продержу,
На рученькахъ продержу, я пораньше разбужу,
Я пораньше разбужу, я подалѣ провожу.
Я до тѣхъ поръ провожала, гдѣ скончалася любовь,
Гдѣ скончалась, распрощалась, слезно сплакала по ёмъ.
Слезно сплакала, рыдала, со слезъ рѣчка протекла,
Быстра рѣченька Казарка, на ней мостикъ намощенъ.
На ней мостикъ намощенъ, на точеныхъ на столбахъ,
На точеныхъ, на злоченыхъ, на серебряныхъ кольцахъ.

Ты разсизенькій мой голубчикъ вездѣ можешь летать,
Полетай-ко ты въ страны чужія, въ славной городъ Ерусланъ,
Разъищи-ка, миленькой, милаго, сядь поближе ты къ нему,
Сядь поближе, опустись попиже, жалобнешенько воспой,
Во вторыхъ я, милый, повторяю, про несчастье про твое,
Про такое, про твое несчастье, Дуню замужъ отдаютъ,
Отдаютъ Дуню несчастливу на чужую дальну сторону,
Дуня плакала, рыдала, со слезъ рѣчка протекла,
Славна рѣченька Чебайка *), не широка, глубока,
Не широка, рѣченька, глубока, переходу на ней нѣтъ,
Переходовъ нѣтъ, переѣздовъ, нѣтъ калиновыхъ мостовъ;
Что за рѣчкой было, за рѣкою, у мила дружка была,
У любезнаго сидѣла за дубовымъ за столомъ,
Я за тѣмъ столомъ дубовымъ, за шелковымъ ковромъ,
Я за тѣмъ ковромъ шелковымъ сладку водочку пила,
Сладка водка развишневка, съ водки пьяна не была.

Кукуетъ кукушечка во сыромъ борочкѣ,
Тужитъ Машенька по миломъ дружочкѣ.

*) Какъ Чебайка, такъ и Казарка предшествующей пѣсни, не туземныя рѣки.

Какъ-то мнѣ, красной дѣвицѣ, не тужить, не плакать,
Былъ-то садъ зеленешькой, садикъ спосыхаетъ,
Былъ-то другъ сердечный, тотъ спокидаетъ.
Пѣли въ саду пташечки, всѣ улетѣли,
Разлетѣлись мелки пташечки по чистому полю,
По чистому полю, широкому раздолью,
Садились пташечки въ лужкахъ при долинѣ,
При долинѣ, пташечки, на горьку осину,
На горьку осину, на саму вершину.
Задумалъ мой миленькій жениться,
Высваталъ мой миленькій невѣсту хорошу,
Хорошу невѣстушку, дѣвушку угрюму.
Бралъ я не по мыслямъ, собой не корыстну,
Зналъ-бы я молодецъ, зналъ-бы не женился,
Зналъ-бы не женился, женился — сгубился,
Гулялъ-бы добрый молодецъ въ красѣ молодецкой.

Дѣвушка думала, гадала, потеряла свой спокой,
Потеряла, обронила свой спокой предорогой,
Для тебя, моя милая, прожилъ холостъ, не женатъ,
Не сподумушкѣ женился, не по мыслямъ жену бралъ,
Не по мыслямъ, не корыстну, бралъ не ровнюшку свою,
Бралъ не ровню, не здорову, я не буду въ любяхъ жить,
Я не буду жить, не стану, за гульбой стану ходить,
Я за тою, за гульбою, трехъ дѣвчоночекъ любить,
Трехъ дѣвчепочекъ любить, молоду жену гнѣвить,
Исповысушу женепку хуже травки ковыля.

Веселитеся подружки, къ намъ весна скоро придетъ,
Солнце зайдетъ, згонитъ снѣжки съ поля, весь морозъ,
Разцвѣтутъ въ полѣ цвѣточки и ракитовы кусты.
Между этихъ-то кусточковъ быстра рѣчка протекла,
Не широка, не глубока, съ бережками наровнѣ.
Я на эту-то на рѣчку гулять съ милымъ выхожу,
Гулять съ милымъ выхожу, печаль-горе выпошу,

Печаль-горе выношу, быстрой рѣчкѣ говорю:
Возьми рѣчька, возьми быстра, возьми все горе съ собой!
Быстра рѣченька не примаетъ и волною горя не несетъ,
Прибиваетъ мое горе ко крутому бережку.

Ты прощай-ка прощай, неродима сторона,
Не родимая сторонка, Успенска слобода!
Славный Томскій городокъ на прекрасѣ онъ стоитъ,
На прекрасѣ на такомъ, онъ надъ Томью, надъ рѣкой,
Надъ Томью надъ рѣкой шла Машенька за водой,
Шла Машенька за водой, за холодной ключевой.
Какъ у нашей у Маши призаплаканы глаза,
Клялась, клялась дѣвчоночка женатаго любить,
У женатаго есть зубатая жена,
Есть зубатая жена, злорѣчиста, говорка.
Лучше, краше Машѣ холостенькаго любить,
У холостаго нѣтъ ни дому, ни житья,
Нѣтъ ни дому, ни житья, одна матушка родна;
Посылала Ваньку мать во всю темну ночь гулять,
Во всю темну ночь гулять, всѣ вечерочки спознать,
Всѣ вечерочки спозналъ, Машу дома не засталъ,
Машу дома не засталъ, на крылечкѣ я прождалъ.

При долинушкѣ стояла, калину ломала,
Я калинушку ломала, въ пученьки вязала,
Въ пученечки вязала, въ дорожку бросала,
Во дороженьку бросала, примѣточки клала,
Я примѣточки клала, дружка возращала:
Воротись моя надежда, воротися сердце!
Не воротишься надежда, хотя оглянися,
Не оглянешься, надежда, махни правой ручкой,
Хоть не правою рукою, шляпой пуховою,
Хоть не шляпой пуховою, аленькимъ платочкомъ,
Хоть не аленькимъ платочкомъ, нѣжнымъ голосочкомъ.
Изудалеча, далеча бѣжалъ младый школьникъ,

Онъ на ворономъ на конѣ, въ нѣмецкомъ уборѣ,
На школьникѣ рубашка тонкаго полотенца,
Что не мать ему шила, не сестра кроила,
Ему шила, подарила купеческа дочка,
Купеческа дочка, Аннушка дѣвочка.

Ахъ ты, Дуня черноброва, зачѣмъ любишь милова,
Не молодчика, Дуня, любишь, сама себя крушишь до конца,
Изсушила Дуня, сокрушила холостаго парня,
Изновывела бѣлильцы, румянцы изъ бѣлаго лица.
Дуня по саду гуляла, калину ломала,
Калинушку ломала, въ пученьки вязала,
Во пученечки вязала, въ дорожку бросала,
Во дороженьку бросала, примѣточки клала,
Примѣточки клала, дружка возвращала:
Воротись моя надежда, воротися сердце *).
. . . . . .
Хоть не аленькимъ платочкомъ, нѣжнымъ голосочкомъ.

Кумушки, голубушки, посидите у меня,
Попросите тятеньку меня въ гости къ себѣ,
У родимой мамоньки въ зеленъ садикъ погулять,
У меня въ садичкѣ соловей громко не пѣлъ,
Соловей громко не пѣлъ, милый плакать не велѣлъ,
Милый плакать не велѣлъ, постелюшку слать велѣлъ.
Ославшу постелюшку, паду грудью на кровать,
Паду грудью на кровать, буду плакать, горевать,
Буду плакать, горевать, по миленькомъ тосковать.
Я до тѣхъ поръ плакала, гдѣ скончалася любовь.

Разцвѣтай-ка, разцвѣтай въ полѣ розовый цвѣтокъ,
Побывай-ка, побывай ко мнѣ миленькій дружокъ на часокъ,

*) Далѣе слѣдуетъ то же самое, что и въ предъидущей пѣсни.

Посидимъ-ка, посидимъ мы послѣдній съ тобой вечерокъ,
При тебѣ, мой другъ любезный, всѣ веселости вижу, спокой,
Безъ тебя, мой другъ любезный, я измучилась презлой тоской,
Я съ того горя, кручины пойду въ зеленъ садикъ погулять,
Я пойду же, я сорву съ травы розовый алый цвѣтокъ,
Я совью же, я совью на головушку алый вѣнокъ,
Знать не плачетъ, знать не тужитъ по мнѣ миленькій дружокъ,
Оглянулась я назадъ, мой вѣночекъ спотопулъ,
Знать меня, мой другъ сердечный, меня горьку вспомянулъ.

Горюнъ, добрый молодецъ, горемышная твоя головушка,
Изошелъ-то горюнъ всѣ горы, долы, всѣ пути-дороженьки,
Не нашелъ то горюнъ отца, матери,
Отца, матери, роду-племени,
Только нашелъ-то горюнъ красну дѣвицу.
Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
У крутепькаго бы у бережку,
Что на тѣхъ было пескахъ разсыпчатыхъ,
На пристани было корабельною,
Что на тѣмъ было плоту сѣродубовомъ,
Красная дѣвица мыла свой тальянскій платъ,
Она мыла, сама слезно сплакала,
Во слезахъ-то слово молвила:
Мнѣ не жаль, не жаль платка тальянскаго,
Жалко мнѣ дружка сердечнаго.

Не лести-ка меня, мой другъ, словами, не обманывай меня въ глаза,
Я не для тебя, мой другъ, родилась, я не для тебя взросла,
Я родилась жива, молоденька, для несчастною своей судьбы,
Отъ солнышка, отъ непогодушки лицо бѣлое свое сберегла;
Я не вѣрила своимъ подружкамъ, почему милаго дружка жаль,
Я теперича млада повѣрю, когда себѣ дружка нажила,
Нажила себѣ дружка милаго, душу въ тѣлѣ я закляла,
Свои мысли въ сердцѣ, для сердечнаго дружка своего.

Когда кровь въ лицѣ моемъ застынетъ, тогда кончится съ милымъ любовь.
Я вечорь, почесь своего милаго снаряжала его хорошо,
Снаряжала дружка, провожала до зелснаго, дружка, лужка,
До зеленаго, дружка, лужечка, до Ишиму до рѣки,
Ишимъ рѣченька, рѣчка глубока, течетъ быстрыми струйми.

Не пой соловей въ саду, не буди моего друга милаго,
Я сама пойду, разбужу дружка по малешеньку,
Ты ставай-ка, ставай, душа милый другъ, ставай по малешеньку,
Ужъ какъ всѣ-то полки во походъ ушли,
Какъ одинъ-ли твой полкъ въ Москвѣ остается,
Какъ тебя ли, мой другъ, тебя дожидается.
Всѣ казаченьки сидятъ на лошадушкахъ,
Всѣ уряднички стоятъ по своимъ мѣстамъ,
Всѣ офицерики стоятъ по своимъ взводамъ,
Самъ полковникъ стоитъ посреди полка,
Что тебя, мой другъ, дожидается.

Воля, моя воля, воля дорогая!
Я со этою, дѣвушка, со волей красу потеряла,
Красу, дѣвушка, потеряла, не такая стала.
Не такая стала, отъ дружка отстала.
На что дѣвушкѣ было ходити до зеленаго лугу,
На что красною было смотрѣти сердечнаго друга.
Мы стояли съ милымъ другомъ на зеленомъ лугѣ,
Мы стояли, разсуждали про истинну правду:
Не про насъ ли съ тобой, любезная, всѣ люди говорятъ,
Про насъ люди говорятъ, что ты меня любишь.
Люблю дѣвушку, люблю красну, любить-таки стану;
Я тогда ходить не стану, ходить перестану.
Ты ходи, моя душа, радость, ходи повремянно,
Поутру ранымъ ранепько, вечеромъ поздненько,
Чтобы люди тебя не видали, а сосѣди не знали,
Чтобъ сосѣди не знали, нашимъ не сказали.

Распроклятое житье дѣвичье,
Развеселая жизнь казацкая,
Мнѣ на вѣкъ житье доставалося,
Не въ гульбѣ житье миновалося,
Со милымъ дружкомъ любовь кончилась,
Ужъ ты слышишь-ли, моя душа, милый другъ,
Разумѣешь-ли, жизнь душа моя,
Будто мой садичекъ не зеленъ стоитъ,
У меня въ садичкѣ соловей поетъ,
Онъ поетъ, самъ принасвистываетъ,
Наговорочки самъ онъ наговариваетъ,
Надъ моимъ садичкомъ насмѣхается.

Ночки мои, ночи, почки темныя мои!
Еще знать-то молоденькой не съ кѣмъ почку ночевать!
Я одна млада боюся, товарища со мной нѣтъ,
Нѣтъ товарища, дружечка, нѣту милаго при мнѣ.
Пойду съ горя на Дунай рѣку,
На Дунаѣ утоплюся, во садочкѣ удавлюся.
Откуль взялся, появился изъ отряда кавалеръ:
Стой дѣвушка не топись, красавица не давись,
Подай ручку черезъ рѣчку на мою сторонушку,
На моей-то на сторонкѣ всѣ прохлады и гульбы,
Всѣ прохлады и гульбы, молодецкія игры.
Я бы рада млада ручку подала,
Моя ручка коротка, быстра рѣчка глубока.

Я разсѣю грусть-тоску по зеленому лужку,
Уродись моя тоска мелкой травкой муравой,
Ты не сохни, не блекни, цвѣтами разцвѣти,
Я разсѣявши пошелъ, во зеленый садъ вошелъ,
Много въ садѣ вишенья, винограду, грушенья,
Виноградъ виситъ по вѣткамъ, соловьи сидятъ по клѣткамъ,
Они жалобно поютъ, намъ отвагу гулять даютъ,
Ужъ я слушалъ, перенималъ, подъ кустомъ сидѣлъ, дремалъ,

Изъ подъ кусту сталъ, пошелъ, въ новъ высокъ теремъ зашелъ,
Удивился я тому, никого нѣтъ въ терему,
Много зеркалъ и картинъ, гулялъ молодецъ одинъ.
Разгулявши сталъ, пошелъ, тесову кровать нашелъ.
За кроваткой стоялъ шкапчикъ разныхъ водокъ пріубранъ.
Смѣло шкапчикъ отворялъ, алаго репсковаго доставалъ,
Достававши наливалъ, наливавши выпивалъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ, зашумѣло въ головѣ.

Никакъ, никакъ невозможно безъ милаго дружка жить.
Вспомню, вспомню про любезнаго, не милъ дѣвкѣ бѣлый свѣтъ,
Не милъ, не милъ бѣлый свѣтъ, пойду съ горя въ темный лѣсъ,
Въ этомъ лѣсѣ вѣтру нѣту, только древочки качатъ,
Что на этихъ на древочкахъ мелки листички шумятъ,
Что на этихъ на листичкахъ малы пташечки сидятъ,
Громко, звонко пташки свищутъ, жалобнешенько поютъ,
Намъ съ тобою разлюбезная въ теремъ голосъ подаютъ,
Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ по зеленымъ лугамъ,
Стрѣлилъ, стрѣлилъ добрый молодецъ во ракитовъ частый кустъ,
Застрѣлилъ парень дѣвчопочку во ракитовомъ кусту.

Вспомни, вспомни, моя любезная, старопрежнюю любовь,
Разосенныя темныя ноченьки проснживали,
Тайныя рѣченьки говаривали,
Что тебѣ, мой другъ, не женпться, мнѣ дѣвкѣ замужъ нейдти,
У молоденькой дѣвчонки умъ, разумъ разхожъ.
Пошла, вышла на крылечко, передумала опять.
Женись, женись, раздуша моя, я замужъ дѣвка пойду.
Что во полѣ, было полѣ, развысокъ теремъ стоялъ,
Въ этомъ теремѣ высокомъ дѣвки пѣсенки поютъ,
Знать мою тамъ разлюбезну ее замужъ отдаютъ,
Женихъ держитъ за рученьку, сваха держитъ за другу,
Стоитъ милый, слезы ронитъ, таки рѣчи говоритъ:
Ростилъ, ростилъ въ полѣ черемошку, ростилъ, не сломилъ,

Любилъ, любилъ молодецъ дѣвчопочку, за себя замужъ не взялъ,
Досталася моя милая, иному, не мнѣ,
Иному не мнѣ, казаку свиньѣ.

Подлѣ рѣчки, подлѣ мосту, ковыль-травка рóсла,
По другою по сторонкѣ стелется-плетется.
Не про насъ-ли съ тобой, любезна, славушка несется?
Несется про насъ, несется, не пролжется;
Пущай злые люди про насъ судятъ, разсуждаютъ,
Судятъ, разсуждаютъ, что я тебя люблю.
Люблю я дѣвушку, люблю я красную, люблю всей душою.
Я тогда развѣ любить не стану, когда самъ отстану,
Когда самъ я отстану, жениться стану.
Въ чистомъ полѣ при долинѣ выростало древо,
Стоитъ древо въ чистомъ полѣ, березанька бѣла,
Она тонкая была, высокáя, листомъ широкáя,
На этой-ли было на березѣ сидѣлъ сизъ-голубчикъ,
Не сизенькой, сизóй голубчикъ, удалой молодчикъ,
Передъ молодцемъ стоитъ дѣвчонка, сама плачетъ,
Удалой-отъ ли молодчикъ плакать унимаетъ,
Вынулъ аленькій платочекъ, слезы утираетъ,
Не плачь дѣвушка, не плачь красна, не плачь раскапалья.

Ужъ вы купчики, вы голубчики мои,
Не съ одной ли вы стороны со мной?
Не поѣдетъ ли кто изъ васъ домой?
Вы скажите тятенькѣ съ маменькой поклонъ,
Молодой женѣ на особицу одной,
Чтобы она не ждала меня лѣтомъ домой,
Дожидалась-бы по студеной по зимѣ,
Когда рѣченьки призадернутся ледкомъ,
Мать-сыра земля призасыплется снѣжкомъ,
Я съ того горя на конюшенъ-дворъ пойду гулять,
Не гулять пойду, себѣ добраго коня имать,
Бралъ узду въ пятьсотъ ее кистей,
Оцѣнилъ узду въ шестьдесятъ рублей.

Шелъ я молодецъ дорожкою, шелъ широкою,
Пристегаетъ молодца ночка темная,
Ночка темная, ночь осенная,
Во сыромъ бору подъ сосенькою
Подъ сосенькою, подъ зеленою,
Что подъ той-ли сосной подъ кудрявою.
Стой-ка ты сосна, не шатай себя,
Не шатай себя, не буди меня,
Я не самъ сюда зашелъ, меня конь завезъ,
Меня конь завезъ отъ худой славы,
Отъ худой славы — отъ некрутчины,
Отъ некрутчины, отъ солдатчины,
Отъ солдатчины, отъ худой жены.
Припаду я ко сырой землѣ, послушаю,
Не кукуетъ-ли кукунячка во сыромъ бору,
Не плачетъ-ли по мнѣ отецъ и мать,
Ужъ какъ батюшка плачетъ, крупенъ дождь идетъ,
Ужъ какъ матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ,
Сестра-то-ли плачетъ, какъ ключи кипятъ,
Жена плачетъ, какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ,
У молодой-то жены сердце выкрушитъ.

(Всѣ записаны около Семипалатинска).

Заной-ка, заной, мое сердечко, заной ретивое,
Я задамъ-ка, задамъ своей любезной, задамъ голосочекъ,
Черезъ темненькой, зелененькой, мелкой лѣсочекъ,
Ты заслышь-ка, заслышь, моя любезная, заслышь голосочекъ,
Черезъ темненькой, зелененькой, мелкой лѣсочекъ.
Ничего-то про мою любезную, ничего не слышно,
Только слышно про мою любезную: живетъ нездорова,
Не здорова, моя любезная, животомъ скучаетъ.
Не скучай-ты, моя любезная, сама виновата,
Виновата, моя любезная, худымъ скучаетъ.

(Эта пѣсня поется у каменьщиковъ, въ вершинахъ Бухтармы. Записана на Иртышѣ отъ казака).

Мальчикъ въ дѣвушку волюбился, своей волюшки лишился,
Сдѣлаю дѣвушку счастливою съ Иваномъ, дружкомъ милымъ;
Гулялъ Ваня по долинѣ, по широкой ложготинѣ,
По широкой ложготинѣ пролегла лежитъ тропинка,
Пролегла-лежитъ тропинка подлѣ горькою осинки;
Подлѣ горькою осинкой растетъ сосенка зелена, —
Зеленая, кудревая, рости въ полѣ, разстилайся!
Живи-ка, моя милая, живи въ домѣ, не печалься!
Если скучно тебѣ будетъ, поди въ садикъ, разгуляйся!
Пиши скоро ко мнѣ письма.
Я писать ихъ не умѣю, друзьевъ, братцевъ не имѣю,
Писаревъ просить не смѣю, приставамъ не довѣряю.
Видно самъ я побываю, во глаза тебѣ напеняю.

(Поютъ «бергалы», горные рабочіе, около Усть-Каменогорска).

На моречкѣ, морѣ, на морѣ-Окіанѣ,
На морѣ-Окіанѣ, островѣ Буянѣ,
Тутъ и была старина.
Дѣвка платье мыла, громко колотила;
На моречкѣ отдается, на островѣ отзывается,
Слышно было далеко.
Сухо выжимала, дружка поджидала,
То оглянется сюда, то оглянется туда,
Во всѣ стороны глядитъ.
Не откуль взялся молодчикъ на ворономъ конѣ,
Онъ къ дѣвушкѣ подъѣзжаетъ, черну шляпу скидаваетъ,
Бьетъ красоточкѣ челомъ.
Богъ помочь те, сила, красоточка мила,
Чтобъ бѣлѣе платье мыла, никогда бы не носила,
Все бы новое было!
Это не годится, дѣвушкѣ гордиться.
Глазки въ землю опущаетъ, въ щекахъ румянъ играетъ,
Всякій знаетъ для чего.
Дѣвушка спѣсива, не скажу спасибо,
Гляди прямо на меня — я давно люблю тебя —
Ты послушай, что скажу!

Напой моего коня среди сиия моря,
Чтобы воронъ конь напился, бранъ-коверъ не замочился,
Все такой какъ былъ, онъ есть.
Сшей, мой милый, башмачки изъ желта песочка,
Чтобъ песинка не терялась, никогда не разсыпалась,
Не терло бы рѣзвыхъ ногъ.
Напряди-ка, мила, дратовъ изъ дождевыхъ капель,
Чтобы дратвы не дрался, башмачки-бы не поролись,
Могъ бы я имя сшить.
Сшей-ка, милый, платье изъ лазореваго цвѣту,
Чтобы цвѣтикъ не помялся, никогда не разсыпался,
Цвѣлъ на мнѣ, какъ на кустѣ.
Сшей-ка, мила, рубашку изъ нѣмецкой стали,
Чтобы сталь была холстинка, ее пуля не прошибла,
Могъ бы ее носить.
Сдѣлай, мила, мечъ булатный изъ морскою нѣны,
Чтобы мечъ этотъ легокъ былъ, нѣмецку сталь рубилъ,
Могъ-бы я имъ владѣть.

По дороженькѣ по московской
Шли, прошли два извоза,
За извозами молоды ребята,
Разхорошіе, бѣлы, кудреваты,
Кудреваты, съ роду не женаты,
Они шли, прошли городомъ, селами,
Они звали дѣвушекъ со нами,
Вы пойдемте дѣвушки со нами,
Что со нами, съ томскими купцами,
Они шли, прошли со мать Тюмени,
Во Тюменюшкѣ есть купцы богаты,
У этихъ же есть дѣвушки хороши
. . . . . .

Размосковскіе кучера, посидите у меня.
Посидите, погостите до поздого вечера,

До поздого вечера, споемъ пѣсню про себя,
Мы не сами про себя, про лютаго короля,
Про лютаго короля — про донскаго казака,
На приступѣ, на войнѣ, что на правомъ на крылѣ,
Что правомъ на крылѣ, на камышевой травѣ,
Камышъ — травонька-трава, много горя приняла,
Много горя приняла, больше слезъ пролила,
Не сама за себя, за бѣлаго царя.
. . . . . .

Косилъ Ванюшка разшелковую мелку траву,
Изломалъ Ваня разбулатную вострy косу,
Бросилъ косыньку во ракитовъ мелкой частой кустъ.
Ты лежи, лежи моя булатная востра коса!
Сохни, блекни подкошеная мелка трава!
. . . . . .

(Всѣ записаны на Иртышѣ, въ станицахъ около Семипалатинска).

Старинными пѣснями называютъ здѣсь тѣ, которыя выходятъ изъ употребленія и извѣстны только записнымъ охотникамъ до пѣсенъ; въ этомъ отдѣлѣ смѣшаны пѣсни разныхъ родовъ; сюда также относятся и былины.

Я живалъ, бывалъ въ Казани, выросъ въ Астрахани,
Я любилъ красну дѣвчонку, хотѣлъ замужъ ее взять,
Я замужъ-отъ не взялъ, насмѣхаться надъ ней сталъ.
Ты не смѣйся молодецъ, не смѣйся астраканецъ!
Ужъ какъ я, красна дѣвчонка, я не вовсе сирота,
У меня-ль, у красной дѣвки, есть отецъ и мать,
Два брата молодца, да два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, середи поля догнать,
Середи поля догнать, руки, ноги поломать.
Я изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ, сама сошью себѣ кровать,
Изъ буйною головы двѣ питныя ендовы,
Я изъ крови изъ твоей пиво пьяно наварю,

Я изъ сала твоего свѣчекъ алыхъ намочу,
Изъ мяса твоего напеку я пироговъ,
Соберу своихъ подружекъ и загадку загану:
Я на миленькомъ сижу, и на милаго гляжу,
На столѣ милый стоитъ, въ свѣчѣ милый горитъ,
Во свѣчѣ милый горитъ, милымъ подчиваю.
Какъ изъ нихъ одна дѣвчонка сдогадлива была,
Какъ догадлива дѣвчонка, родна сестрица его.

Разбойничекъ.

Не быть мнѣ, моледонькой, за княземъ, за бояриномъ,
Ни за княземъ, за бояриномъ, быть за плутомъ, за разбойникомъ.
Съ вечера разбойничекъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи разбойничекъ со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту разбойничекъ на дворъ пріѣзжалъ.
Выходила-то, встрѣчала молода его жена.
«Не меня ты встрѣчай, встрѣчай добраго коня;
Ты вывязывай изъ торокъ цвѣтно платьице,
Вывязывай цвѣтно платьице, не развертывай.» —
Развернувши цвѣтно платьице, слезно сплакала:
«Ты убилъ моего брата, своего шурина».

Полоняночка.

Не бѣлая лебедка въ перелетъ летитъ,
Красная дѣвушка изъ полону бѣжитъ;
Подъ ней добрый конь растягается,
Хвостъ и грива у коня разстилаются,
На дѣвушкѣ кунья шуба раздувается;
На бѣлой груди скатъ-жемчугъ раскатается,
На бѣлой рукѣ златъ перстень какъ жаръ горитъ.
Выбѣгала красна дѣвушка на Дарью-рѣку,
Становилась красная дѣвушка на крутой бережокъ,
Закричала она своимъ звычнымъ голосомъ:
«Охъ ты сгой еси, матушка Дарья рѣка!
Еще есть-ли по тебѣ броды мелкіе?

Еще есть-ли по тебѣ калины мосты?
Еще есть-ли по тебѣ рыболовщички,
Еще есть-ли по тебѣ перевощички?»
Не откуль взялся перевощичекъ,
Она возговорила своимъ нѣжнымъ голосомъ:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
Къ отцу, къ матери, къ роду-племени,
Къ роду-племени, на святую Русь.
Я за то плачу тебѣ пятьсотъ рублей,
А мало покажется, восемьсотъ рублей,
А еще мало покажется, ровно тысячу.
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу съ плечъ кунью шубу,
Да еще плачу съ груди скатъ жемчугъ,
Да еще плачу свой золотъ перстень,
Свой золотъ перстень о трехъ ставочкахъ:
Первая ставочка во пятьсотъ рублей,
А вторая ставочка въ восемьсотъ рублей,
А третья ставочка ровно въ тысячу,
Самому перстню смѣты нѣту-ка.»
«А пойдешь-ли, красна дѣвица, замужъ за меня?»
— «Сватались за меня князья и боярины,
Такъ пойду-ли я за тебя за мордовича?»
Бѣжали за дѣвушкой два погоньщичка,
Два погоньщичка, два татарина.
Разстилала красна дѣвица кунью шубу,
Кидалась красна дѣвица во Дарью-рѣку,
Тонула красная дѣвица, словно ключъ ко дну.

(Записана въ ст. Бухтармѣ, отъ казака Дьякова; она впрочемъ, извѣстна по всему Иртышу до Семипалатинска. Конецъ этой пѣсни, какъ говорятъ казаки, забытъ, и одинъ пѣвецъ добавилъ мнѣ отъ себя, что перевощичекъ бросился спасать дѣвицу, вытащилъ мертвую и тогда только узналъ, что это была его родная сестра).

Девять разбойниковъ.

Жила, была тутъ пречестна вдова,
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая-ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли,
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,
Но край моря, за Моревича.
Мы годъ жили, мы другой жили,
На третій годъ мы стосковалися.
Поѣдемъ, Моревичъ, къ моей мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ.
Мы день-отъ шли, мы другой-отъ шли,
На третій день мы становилися,
Становилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили;
Набѣжало на насъ девять разбойничковъ,
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Моревишну во полонъ взяли,
Во полонъ взяли, сами спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ, лежитъ,
Не спитъ, лежитъ, думу думаетъ:
«Еще чьего-же ты роду-племени,
Роду-племени, отца, матери?»
— «Жила, была тутъ пречестна вдова
У той вдовы было девять сыновъ,
(Повторяется начало пѣсни).
Мореночка въ море бросили,
Меня младу въ полонъ взяли.»
— «Ужъ вы братцы ли, вы товарищи,
Вставайте-ка, что мы надѣлали,

Роднаго зятя мы зарѣзали,
Роднаго племянника въ море бросили,
Родну сестру во полонъ взяли».

По Устрѣтенской большой улицѣ
Строились палаты бѣлокаменны,
Что во этихъ во палатахъ жилъ Волконскій князь.
У того-ли было у князя собраньице не малое,
Собиралися къ нему князья, бояре все,
Ужъ какъ сильные, могучіе богатыри.
Еще кто изъ нихъ хвалится своей силою,
Еще кто хвастаетъ золотой казной.
А какъ нашему князю нечѣмъ похвалитися,
Похвалился нашъ Волконскій молодой женой,
Молодой своей женой, душой княгинею.
Выходила тутъ, выступала млада ключница,
Ключница на ключника съ докладомъ шла:
«Охъ ты, сгой еси, нашъ батюшка Волконскій князь,
Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,
Ничего-же ты не знаешь, не вѣдаешь,
Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
Не годъ она живетъ, не два живетъ,
Какъ живетъ твоя княгиня ровно три годы».
Выходилъ нашъ Волконскій на широкій дворъ,
Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ звычнымъ голосомъ:
«Охъ вы, сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника.»
Ужъ какъ ключница къ ключнику съ докладомъ шла:
«Охъ ты, сгой еси, ключникъ! тебя князь требовалъ,
Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
Не министромъ, думнимъ сенаторомъ.»
Выходилъ нашъ ключникъ на широкой дворъ,
Засвистѣлъ, закричалъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
«Охъ вы, сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите мнѣ добра коня,

Добра коня виноходаго,
Засѣдлайте мнѣ его сѣдломъ черкасскіимъ.»
Бралъ себѣ ключничекъ плеть шелковую,
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
Какъ садился ключникъ на добра коня,
Его добрый конь стоитъ да не тряхнется,
Что у ключника кудри не ворохнутся.
Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
«Вы прощайте, мои слуги вѣрные,
Слуги вѣрные мои, неизмѣнные!»
Пріѣзжалъ-ли ключникъ на широкій дворъ,
Никому-то коня взять не приказывалъ,
Ни къ столбу-то его не привязывалъ,
Ни къ кольцу-то ни къ злаченому.
Заходилъ-то ключникъ во полатушки:
«Охъ ты, сгой еси, батюшка, ты Волконскій князь,
Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»
— «Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя жаловать,
Министеромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
Промежу двумя столбами дубовыми
Перекладиной тебя кленовою.»
Повели млада ключника на вѣсплицу,
Княгиня во полатахъ бѣсится,
Ключникъ во петелькѣ качается,
Во полатушкахъ кончается.

Пѣсня о скимонѣ звѣрѣ.

Издалеча, далеча, изъ чиста поля
Не пыль-то, братцы, во полѣ бѣлѣется,
Бѣжитъ-то, выбѣгаетъ стадо лютое,
Напередъ его бѣжитъ лютый скимонъ-звѣрь.
На скимонѣ шерсточка буланая,
Не буланая его шерсточка, булатная,
На каждой шерстинкѣ по жемчужинкѣ,
Напередъ его шерсточка спрокинулась.
Выбѣгаетъ воръ-собака на Днѣпру́-рѣку,

Становится воръ-собака на крутой берегъ,
Забродилъ-ли воръ-собака по колѣнъ въ воду,
Становился воръ-собака на задни лапы,
Закричалъ-ли воръ-собака по звѣриному,
Засвистѣлъ-ли воръ-собака по соловьиному,
Зашипѣлъ-ли воръ-собака по змѣиному.
Отъ крику быстра рѣченька всколыхалася,
Со желтыми со песками помѣшалася,
Со крутыми бережками помѣшалася.

Пѣсня эта, какъ видно, отрывокъ изъ былины объ Ильѣ-Муромцѣ: онъ представляетъ болѣе подробную, чѣмъ имѣли до сихъ поръ, физіономію Соловья-Разбойника. Эта пѣсня очень извѣстна на Иртышѣ. Тѣмъ-же голосомъ поется другой отрывокъ, очень мало распространенный и считающійся за продолженіе «Скимона-звѣря»; въ немъ упоминается Амирѳа Александровна, которая по былинѣ у Сахарова есть мать Василья Буслаева:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Передъ матерью родной сынъ въ ноги кланятся:
«Ужъ ты родима матушка, Амирѳа Александровна!
Еще дай-ка ты мнѣ благословленьице!»
— «Ты дитя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь малыхъ дѣтушекъ?»
— «Малыхъ дѣтушекъ оставляю на твои руки.»
— «Ты дитя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь молоду жену?»
— «Молоду жену на свою волюшку.

Объ Ильѣ Муромцѣ.

Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи маланья сверкатъ,
Подымалась силушка зла-невѣрная,
Калина царя Тугарина.
Семьдесятъ было царевичей,

У Калина-царя по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
Стоитъ собака неподалеку,
Отъ Кіева за семь верстъ,
Разбивалъ лагерь ровно за сто верстъ,
Самъ ставалъ середи силы́,
Середи силы́, середь лагерю.
Онъ разбилъ шатеръ бѣлъ полотняный,
Онъ сбиралъ царей, всѣхъ царевичей,
Всѣхъ своихъ королевичей.
Онъ думаетъ думу крѣпкую,
Думу крѣпкую, заединую.
Садился скоро на ременчатъ стулъ,
Писалъ ерлыкъ скорописчатый,
Не перомъ писалъ, не чернилами,
А на бархатѣ краснымъ золотомъ.
Вибиралъ, собака, посла грознаго:
«Ты поди, посолъ, въ стольный Кіевъ-градъ,
Ты не спрашивай приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,
Ты скачи во градъ бездокладышно,
Становы коня середи дворца,
Входи въ полаты не моляся,
А Владиміру князю не кланяйся,
А ты кидай ерлыкъ на дубовый столъ,
Проси силы сорокъ тысячей,
А не то проси стольный Кіевъ градъ,
А не то проси дочь любимую.»
Тутъ собака не ослушался,
Скакалъ собака въ стольный Кіевъ-градъ,
Не спрашивалъ приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,
Скакалъ во градъ бездокладышно,
Становилъ коня середи дворца,
Входилъ въ полаты не моляся,
А Владимиру князю не кланялся,
Кидалъ ерлыкъ на дубовый столъ,

Просилъ силы сорокъ тысячей,
А не то просилъ стольный Кіевъ-градъ,
А не то просилъ дочь любимую.»
Тутъ-де Владиміръ закручинился,
Весьма-де Владиміръ опечалился,
Повѣсилъ буйную головушку,
Опустилъ очи въ мать сыру-землю:
«Нѣтъ-то теперича помощничковъ,
И за Кіевъ-градъ нѣтъ пристателей,
Нѣтъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Ни Илюшеньки, ни Алешеньки,
Нѣтъ Добрынюшки, нѣтъ Никитича.»
Не успѣлъ Владиміръ думу сдумати,
Не ясенъ соколъ перелетывалъ,
Не бѣлый кречетъ перепорхивалъ,
Пріѣзжалъ добрый молодецъ
Старой казакъ Илья Муромецъ,
Пріѣзжалъ онъ скоро на широкъ дворецъ,
Соскакивалъ съ добра коня,
Привязывалъ коня къ дубовому столбу,
Ко тому-ли колечку злаченому,
И входитъ въ полаты потихошеньку,
Отпираетъ двери помалешеньку,
Чтитъ да креститъ лицо бѣлое,
Чуднымъ образамъ Богу молится,
А Владиміру князю низко кланятся:
«Ой, еси ты, батюшка, Владиміръ князь,
А свѣтлое солнце, нашъ кіевскій,
Что же ты весьма закручинился,
Что же ты весьма запечалился,
И повѣсилъ съ плечъ головушку?»
Ото сна ли Владиміръ пробуждается:
— «А, старой казакъ, Илья Муромецъ,
Правая моя вѣрна рученька!
Не знаешь невзгодушки надъ Кіевомъ,
Нападаетъ собака тутъ Калинъ-царь,
Онъ проситъ силы сорокъ тысячей,

А не отдать стольный Кіевъ-градъ,
А не то отдать дочь любимую.»
— «А это что у те за гость сидитъ,
А это что у те за болванъ стоитъ,
А этотъ болванъ неотесаный,
Неотесаный, да и не оскобленый?»
Нечего было собакѣ дѣлати,
Выходилъ собака на красно крыльцо,
Скакалъ собака на добра коня,
Убѣжалъ собака къ Калину-царю.
И возговорилъ Илья Муромецъ:
— «Ахъ ты, батюшка нашъ, Владиміръ князь,
Ты бери свои золоты ключи,
Отпирай свои золоты ларцы,
Нагребай мисы́ чиста серебра,
Нагребай мисы́ краснаго золота,
Нагребай мисы́ скатнаго жемчуга,
Я поѣду къ Калину царю со подарками,
Просить намъ сроку на три дни,
На поправушку собрать дружину хоробрую.»
Кланялся онъ Калину-царю подарками,
Просилъ сроку на три дни,
А не даетъ собака на три часа.
Тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За злую досаду показалося.
Забѣжалъ онъ въ силу невѣрную,
Гдѣ махнетъ, тутъ и площади.
Закричалъ собака Калинъ царь:
«Всѣ мои царевичи,
Всѣ мои королевичи,
Копайте колодцы глубокіе,
Хватайте добраго молодца,
Старо́го казака Илью Муромца!»
Первый колодецъ его Богъ пронесъ,
Второй колодецъ его конь пронесъ,
А въ третьемъ колодцѣ спотыкается.
Нападала сила невѣрная,

Связали рученьки бѣлыя,
Сковали ноженьки рѣзвыя,
Привели къ собакѣ Калину-царю.
Возговорилъ собака Калинъ-царь:
«Отведите на поле широкое,
Отрубите отъ плечъ буйну головушку!»
Сидитъ при Калинѣ любимый сынъ,
Говоритъ ему таковы слова:
— «Государь ты мой, батюшка!
Не губи молодца понапраслину,
Не руби ему буйной головушки,
А проси изъ чести, изъ милости,
Какъ служилъ царю бѣлому,
Царю бѣлому, князу Владиміру,
Такъ бы и намъ послужилъ.»
Сталъ его просить Калинъ-царь:
«Послужи намъ вѣрой, правдою,
Какъ служилъ князю Владиміру.»
— «А кабы была при мнѣ сабля острая,
Послужилъ бы я на твоей толстой шеѣ!»
Тутъ царю за бѣду стало,
За злую досаду-показалося,
Соскакивалъ на ноги рѣзвыя,
Билъ Илью по бѣлу лицу,
Избивалъ лицо его до крови.
Тутъ Ильюшенька возговорилъ:
«Ахъ, мать Божья, Богородица!
Что ты на меня прогнѣвалась!»
Разводилъ онъ рученьки бѣлыя,
Разорвалъ чумбуры шелковые,
Разломалъ желѣзы нѣмецкія,
Поймалъ Татарина трехъ саженъ,
Ходилъ съ нимъ три суточки,
И вышелъ Илья на Алтай гору,
Натягивалъ свой тугой лукъ,
Стрѣлялъ стрѣлки каленыя,
Ко стрѣлкамъ онъ приговаривалъ:

Библіотека
Императорскаго
Русскаго географическаго
общества
Залъ
Полка

«Полетайте стрѣлы высокошенько,
Высокошенько и далекошенько,
Не падайте ни на воду, ни на землю,
А падите Алешѣ во бѣлый шатеръ,
Падите Алешѣ на бѣлую грудь.»
Взялъ Алешенька стрѣлочку,
И такъ Алешенька возговорилъ:
«Кто-то надъ нами шутку шутитъ,
Шутку шутитъ или насмѣхается!»
Сталъ Алешенька повертывать,
Сквозь слезы поговаривать,
Добрынѣ Никитичу письмо писать:
«Нашъ-отъ братъ во поиманьи,
Старой казакъ Илья Муромецъ.»
Не успѣлъ онъ выспаться, они сбѣжалися,
Били они силу невѣрную,
Только оставили одного мальчика,
Любимаго сына Калина царя.
И пріѣхали къ князю Владиміру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владиміръ князь ихъ подчивалъ,
Три дня гуляли, веселилися.

Эту былину я записалъ въ Бухтармѣ (на Иртышѣ) у казака Дьякова; этотъ старикъ знаетъ много былинъ, и пѣлъ мнѣ, кромѣ Ильи Муромца, еще о Чурилѣ Пленковичѣ, о Ставрасонѣ Гидоновичѣ и объ Алешѣ Поповичѣ; къ сожалѣнію, я не могъ записать ихъ. Алеша Поповичъ у Дьякова не сходится въ нѣкоторыхъ частяхъ съ былиной по Сахарову и Киршѣ Данилову. Вотъ, сколько я помню, ея содержаніе: ѣдутъ два богатыря, Алеша-поповичъ и Екимъ Ивановичъ; кони подъ ними такіе-то, шапки такія-то, сапоги такіе то; этимъ пѣсня, кажется, хотѣла сказать, что одежда на нихъ была одинакова, а это служило выраженіемъ единства ихъ мыслей. Подъѣзжаютъ къ разстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ-градъ, другая въ Путиловъ-градъ; Алеша-поповичъ хочетъ ѣхать

въ Путиловъ, но Екимъ Ивановичъ отговариваетъ: въ Путиловѣ-градѣ только бабьей вони нанюхаешься, дѣвичьей вони нанюхаешься, а въ Кіевѣ живетъ Владиміръ князь, есть могучіе богатыри, есть съ кѣмъ поиграть и помѣряться. Ѣдутъ дальше, опять разстани: одна дорога въ Кіевъ градъ, другая въ Черниговъ-градъ. Алеша-поповичъ хочетъ ѣхать въ Черниговъ, но Екимъ Ивановичъ въ тѣхъ же выраженіяхъ отговариваетъ его. Ѣдутъ въ Кіевъ; возлѣ дороги дерево, на деревѣ черный воронъ съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, точно надъ богатырями насмѣхается. Это показалось обиднымъ Алешѣ-поповичу; онъ натягиваетъ лукъ, чтобъ убить ворона, но воронъ говоритъ: «Не трать, Алеша, стрѣлу по напрасному; поѣзжай лучше въ Кіевъ, тамъ ты найдешь дѣло почестнѣе: у князя Владиміра живетъ въ гостяхъ Тугаринъ Змѣевичъ, не годъ живетъ, не два, а ровно три годы, и самъ князь ужъ не радъ ему.» Пріѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алеша-поповичъ не садится въ мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю: всѣ удивляются ковру. Потомъ Алеша-поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ведро вина, и потомъ спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, пивалъ ли онъ по такой. Тугаринъ Змѣевичъ взялъ ведро и выпилъ. «Была у моего отца корова, та тоже выпивала по такому ведру гущи», замѣтилъ Алеша. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалося. Алеша-поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ковригу и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, ѣдалъ ли онъ по такой заразъ. Тугаринъ Змѣевичъ кинулъ ковригу за щеку. Алеша-поповичъ опять сказалъ какую-то колкость. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалося. Выходятъ они на поединокъ. Тугаринъ Змѣевичъ поднялся на бумажныхъ крылышкахъ, но Алеша-поповичъ взмолился Богородицѣ: «Матерь Божья, создай тучу грозную, подмочи у Тугарина бумажныя крылышки.» И все сдѣлалось по божецки. Сдѣлалась гроза, бумажныя крылышки подмокли, Тугаринъ Змѣевичъ упалъ на землю; тутъ Алеша-поповичъ набѣжалъ на него, сразу отрубилъ голову и сталъ звать къ себѣ Екима Ивановича.

Екимъ Ивановичъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько и схватилъ самаго Алешу, повалилъ и началъ бить; только когда тотъ началъ кричать, онъ увидѣлъ, что въ запальчивости не попялъ въ чемъ дѣло, и извинился передъ Алешей. Возвращаются они вдвоемъ въ Кіевъ; Алеша говоритъ: «Всѣ богатыри будутъ рады мнѣ, только одна Апраксѣевна упрекнетъ меня.» Подъѣхавъ ко двору князя, Алеша бросилъ на середину двора голову Тугарина Змѣевича и сказалъ: «Вотъ вамъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатися.» Апраксѣевна вышла на крыльцо и сказала: «Стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйною головой добраго молодца.»

Есть еще какая-то пѣсня о «снѣ королевича», которую я не могъ услышать, и о которой народъ говоритъ, что она «подъ запретомъ»; тоже говорятъ и о пѣснѣ о княгинѣ Волконской.

Мотивы старинныхъ пѣсенъ замѣтно отличаются отъ проголосныхъ и другихъ по своей простотѣ.

На горанькѣ было, на горѣ,
На высокой было, на крутой,
Тутъ строилась нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва.
Всѣмъ губеренкамъ Москва красота,
Сѣрымъ камешкомъ Москва устлана,
Сѣрымъ камешкомъ, камнемъ скиперомъ;
Размосковскій былъ злой генералъ,
Три суточки запилъ, загулялъ —
Онъ запродалъ матушку Москву
За три бочечки злата, серебра,
За четвертую зелена вина.
Распечатали — мелкой желтой песокъ.
Сподымался съ полдёнъ вихорекъ,
Разносилъ онъ по полю желтой песокъ.

Эта пѣсня, кажется, относится къ князю Голицыну и къ извѣстному его походу въ Крымъ при царевнѣ Софьѣ. Современники подозрѣвали Голицына въ измѣнѣ и въ пріемѣ подарковъ отъ крымскаго хана. Записки Желябужскаго, изд. Языкова, 1840, стр. 40: «Взялъ онъ съ Татаръ у Перекопа двѣ бочки золотыхъ, которыя

явились на Москвѣ въ продажѣ мѣдными, только слегка позолоченными». Ист. Петра Вел., Устрялова, т. I, стр. 235. Иванъ Голстинъ, русскій плѣнный въ Крыму, показывалъ, что онъ видѣлъ, какъ въ Крыму наливали бочки смолой и только сверху и снизу насыпали червонцы.

О князѣ Суворовѣ.

Какъ на желтыхъ пескахъ, на разсыпчатыхъ,
Тутъ строилась церковь славная,
Церковь славная, семиглавная,
На семой главѣ крестъ серебряный,
Крестъ серебряный, весь повызлаченъ;
На крестѣ сидитъ мала пташечка,
Мала пташечка — младъ ясенъ соколъ;
Высоко сидѣлъ соколъ, далеко глядѣлъ,
Далеко глядѣлъ въ степь саратовску,
Въ степь саратовску, въ землю шведскую,
Въ землю шведскую, въ землю турецкую.
По степѣ идутъ два полка казакъ,
Что первой-отъ полкъ весьма не радошенъ,
А второй-отъ полкъ весьма радошенъ;
Въ барабаны бьютъ, во трубы трубятъ,
Золотыя знамена во чехлахъ несутъ.
Впереди-то идетъ самъ Суворовъ князь,
Идетъ-то, идетъ, самъ шатается,
Со всѣмя-ли то людьми распрощается,
На всѣ стороны покланяется.
Шли они мимо городу, мимо Питеру,
Что помимо стѣнушки бѣлокаменной;
Увидала-то его родима матушка,
Изъ того ли изъ нова терема,
Изъ косящата его окошечка,
Сквозь нѣмецкое его стеклышко.
«Ты дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто такъ крѣпко упиваешься,

Съ зелена вина забываешься?»
— «Ты молчи, моя родимая матушка,
Ничего ты не знаешь, не вѣдаешь.
Что не самъ-то я напиваюся,
Напоилъ меня злой пруцкой король,
Напоилъ меня онъ свинцомъ-порохомъ,
Опохмѣлилъ онъ изъ мѣдной пушечки.»
Что Суворова-ли князя на рукахъ несутъ,
Добра коня въ поводу ведутъ,
Самоцвѣтно платьице въ торокахъ везутъ;
Понесли его тѣло на круту гору,
Положили его тѣло межу трехъ дорогъ.

О немъ же.

Что не грозная тученька подымалася,
Сила-армія великая появлялася,
Сила-армія великая царя бѣлаго,
Царя бѣлаго, Петра перваго.
Первой-отъ полкъ весьма радошенъ,
Музыкантички играютъ по веселому,
Золотые знамена прираспущены.
Второй-отъ полкъ весь не радошенъ,
Музыкантички играютъ по печальному,
Золотыя знамена во чехлахъ несутъ,
Что Суворова-ли князя на плащахъ несутъ,
Добра коня его въ поводу ведутъ.
Что промолвилъ князь Суворовъ, возговорилъ:
«Не вспомните ребятушки моей гордости,
Возьмите мое тѣло на свои руки,
Понесите мое тѣло на сине море.
Вы обмойте мое тѣло моревой водой,
Отнесите мое тѣло во Божью церкву,
Причастите мое тѣло, исповѣдайте,
Вы заройте мое тѣло во сыру землю.»

Издалеча, далеча, изъ чиста поля,
Лежала, пролегала дорожка торная,
Что никто по той дороженькѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдичку по широкой не прокладывалъ.
Только шли, прошли, казаки съ моря синяго,
Со такою, со добычей, шли со промыслу.
Становилися казаченьки въ улутавскіе луга,
Что во тѣ же, во кустички, во тарновые.
Разсѣдлали добрыхъ коней, потреножили,
Потреножили добрыхъ коней, въ поле пустили.
Ужъ какъ сами казаченьки глупо сдѣлали,
Не поставили караулу, сами спать легли,
Не почаили изъ Ултаву грозной высылки.
Подглядѣлъ-то, подсмотрѣлъ, молодой шельма Киргизъ,
Онъ кидался, онъ бросался во всѣ стороны,
Ко тому же ли, ко султану, къ азіатскому:
«Ужъ ты, злой еси, нашъ батюшка, азіятской земли ханъ!
Не прикажи ты казнить, прикажи рѣчь говорить.
Еще дай ты мнѣ силы-арміи много-множество,
Много-множество силы-арміи, сорокъ тысячъ человѣкъ,
Сорокъ тысячъ человѣкъ на пятьсотъ казаковъ.»
Они билися, рубилися день до вечеру,
Разосенную темну ноченьку до бѣлу свѣту,
Не достало у казаченекъ свинцу-пороху.

(Записаны около Семипалатинска).

Эта пѣсня напоминаетъ лѣтописный разсказъ о погибели Ермакова отряда. Вотъ какъ онъ разсказывается въ *Новольтописцѣ*, рукописи, находящейся въ Румянцовскомъ Музеѣ, № 364: «*О убіеніи атамана Ермака и казаковъ и о полъте Сибири.* Пріиде вѣсть къ воеводѣ и Ермаку, что идутъ въ Сибирь съ торгомъ Бухарцы. Ермакъ же, взявъ съ собою атамана Кольца и казаковъ полтораста человѣкъ, и пойде противъ Бухарцевъ къ рѣкѣ Вохаю, и не дошедъ рѣки, ста ночевати въ проливѣ и начаша спати, и ни единаго стражи у нихъ не бяше. Кучюмъ же царь пріиде и видѣ

ихъ на острову. Татаринъ же у того царя Кучюма бяше въ винѣ, и посла его царь Кучюмъ въ рѣку: отвѣдать мнѣ, рече, въ рѣкѣ броду, и буде отвѣдаешь, и я тебя отъ казни пожалую. Татаринъ же рѣку перебрелъ и видѣ ихъ спящихъ, и пришедъ, поведа то царю Кучюму. Онъ же ему не повѣря, и посла его въ другія и повелѣ у нихъ что взяти. Татаринъ же пойде въ другія, и пришедъ, взялъ у казаковъ три пищали, да три вязни, и принесе Кучюму. Царь же Кучюмъ перебрелъ рѣку, Ермака и казаковъ на томъ острову всѣхъ побилъ».

Издалеча, далеча, изъ чиста поля,
Изъ того-то, было, поля, изъ широкаго,
Изъ-за матушки зеленою дубровушки,
Огонечекъ-то горитъ разъяснешенекъ,
Дымочекъ-то валитъ синь, топешенекъ;
Подлѣ этого огня лежитъ посланъ ковричекъ,
Что на этомъ, на персидскомъ шитомъ браномъ ковричкѣ,
Зараженъ лежитъ добрый молодецъ,
Припекаетъ, прижигаетъ свои больны раночки,
Самъ ко раночкамъ, добрый молодецъ, приговариваетъ:
«Не ружейныя-то меня раночки изранили,
Издолили то меня раночки копейныя.»

Эй ты поле, поле, поле чистое,
Ничего-же поле не спородило!
Спородило поле частъ ракитовъ кустъ.
Что подъ кустичкомъ подъ ракитовымъ
Была послана черна бурочка.
Что на буркѣ лежалъ молодой казакъ,
Молодой казакъ, полковой сержантъ,
Онъ не такъ-то лежалъ, — крѣпко раненый,
Острой шашечкой весь изрубленый.
Въ головахъ-то его остра шашечка,
Во ногахъ-то стоялъ его добрый конь,
Спомирать казакъ сталъ, коню наказывалъ:

«Ты конь, ты мой конь, конь товарищъ мой!
Ты бѣги, конь, въ землю русскую,
Въ землю русскую, во сибирскую,
На родну сторону, на Иртышъ рѣку.
Отвези-ка письмо родному батюшкѣ,
Осударынѣ родной матушкѣ;
Молодой-то женѣ на словахъ скажи,
Какъ женился я на чужой сторонѣ,
Обвѣнчался казакъ кровью алою.»

Молодой-отъ казакъ коня спасалъ,
Коня спасалъ, ковыль-травку рвалъ,
Ковыль-травоньку рвалъ, огонечекъ клалъ,
Огонечекъ клалъ, прираскладывалъ,
Свои раночки приразвязывалъ,
Самъ ко раночкамъ приговаривалъ:
«Ахъ вы раны, мои раны, претяжелыя,
Тяжелымъ тяжелы, ко сердцу пришли!»
Передъ смертью казакъ коню наказывалъ:
«Ахъ ты конь, ты мой конь, конь вороненькій,
Изломай-ка конь приколъ дубовенькій,
Изорви чумбуръ шелковенькій,
Ты бѣги, мой конь, по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль, ко батюшкѣ въ домъ.
Ахъ ты батюшка, отворяй ворота!
Родна мамонька, встрѣчай моего коня!»
Молодая жена вышла, спрашивала:
«Ахъ ты конь, ты мой конь, гдѣ хозяинъ твой?»
— «Мой хозяинъ въ зеленыхъ лугахъ,
Онъ убитъ, лежитъ крѣпко раненый,
Острой шашечкой весь изрубленый.»

Туманы вы мои, туманчики синеморскіе,
Не подняться вамъ, туманы, прочь отъ синя моря,
Не отстать отскѣ, кручинушкѣ отъ ретива сердца.

Мнѣ ночесь, вечоръ красной дѣвицѣ мало ночка спалась,
Мнѣ привидѣлся, пригрезился чужестрашенъ сонъ во снѣ.
На степѣ, степѣ саратовской, въ азіатской сторонѣ,
Тутъ убитъ лежитъ добрый молодецъ за напраслину, за таку,
Онъ буйной своей головушкой во ракитовъ частой кустъ,
Рѣзвыя ноженьки у добраго молодца ко дороженькѣ ко пути,
Бѣлыя рученьки у добраго молодца на разметъ лежатъ,
Сквозь ребрышѣкъ, суставчиковъ трава муравая проросла,
Изъ ясныхъ очей у добраго молодца рѣчки быстры протекли,
Сквозь ретивое сердечушко змѣя лютая проползла.

Не туманы съ моря подымалися,
Подымалися гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки сѣрыя.
Наперсдъ летитъ младъ-ясенъ соколъ,
Во когтяхъ несетъ шашку острую,
Шашку острую, подпущенную.
Позади летитъ младъ сизо̀й орелъ,
Во когтяхъ несетъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, молодецкое,
Молодецкое съ могучимъ плечомъ,
Съ могучимъ плечомъ, съ бѣлой рученькой,
Съ бѣлой рученькой, со мизинчикомъ.
На мизинчикѣ золотой перстень,
Золотой перстень о трехъ ставочкахъ,
Перва ставочка во пятьсотъ рублей,
Втора ставочка въ восемьсотъ рублей,
Третья ставочка ровно въ тысячу,
Самому перстню цѣны нѣту-ка;
Что подъ тѣмъ перстнемъ подпись есть:
Родну батюшкѣ низко̀й поклонъ,
Родной мамонькѣ челобитьице,
Малымъ дѣтушкамъ бласловленьице,
Молодой женѣ своя волюшка.

Изъ Расеюшки пролегала въ Сибирь дороженька,
Шириной-то она не широкая,
Долиной-то дороженькѣ конца-краю нѣтъ,
Что никто-то по ней не прохаживалъ,
Никто слѣдичку не прокладывалъ.
Тутъ шли, прошли два полковничка,
За собой провели два полка казакъ.
Веселы-то полки весьма радостны,
Золоты-то знамена прираспущены,
Впереди трубачи во трубы гудятъ,
Какъ казаченьки во строю стоятъ.
Казаченьки ружьями сбрякали,
Молодыя жены слезно сплакали.

Что не черны вороны съ горъ солеталися,
Солеталися, соѣзжалися все бравы казаченьки.
Собирались казаченьки на зеленый лугъ,
На зеленый лугъ, во единый кругъ,
Зачинали-же казаченьки пѣсню новую.
Что не пѣсню они пѣли, горе мыкали,
Своихъ-то ли начальниковъ много тѣшили.
Не бывалъ-то нашъ начальникъ на синемъ морѣ,
Не видалъ-то нашъ начальникъ страсти, ужаса.
Подымалася погодушка полуденная,
Разбивала-то погодушка нашъ черной корабль.

Не шуми-ка-ся зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати!
Что придетъ на тебя, зеленая дубровушка, невзгодушка,
Невзгодушка, зиманька холодная,
Исповысушитъ, исповыкрушитъ все листье-коренье.
Что на крутенькомъ, на прекрасненькомъ было на ярочкѣ,
Что на желтенькомъ, на разсыпчатомъ было на песочкѣ,
Что не черные, братцы, вороны солетались,
Солеталися, соѣзжалися всѣхъ полковъ казаки,

Жалоботу творятъ наши казаченьки на мать-рѣчку Волгу:
«Еще, Богъ судья, Волга быстрая, долго не проходишь,
Ледку тоненькаго, ледку осенняго долго не проносишь,
Ужъ сами-то, добрые молодцы, сами переѣдемъ,
Что на этихъ, на вороненькихъ, на коняхъ.»

Соберемтесь-ка, братцы, на зеленый лугъ,
Запоемте-ка, братцы, пѣсню новую,
Громкимъ голосомъ жизнь веселую.
Широка-то, братцы, степь киргизская,
Велика-то орда азіатская!
Мы ходили по ней цѣло лѣтичко,
Жарко грѣло насъ красно солнышко,
Намъ сине море показалося.
Широко-то шумитъ во желтыхъ пескахъ,
Глубока-то Лепса въ зеленыхъ лугахъ,
Что мы плавились по ней на добрыхъ коняхъ,
Скорымъ маршемъ шли за Коксу рѣку.
Что ты, рѣченька, ты шумишь, гремишь?
Что ты, быстрая, молвишь, взговоришь?
Слово молвила, быль бывалую:
Трехъ враговъ несу съ кровью алою,
Съ кровью алою царю бѣлому.

Не кукуй, кукушка, во сыромъ борочкѣ,
Не горюй, горюшка, на сухомъ дубочкѣ,
Не давай назолы молодымъ казакамъ.
Безъ того мы, казаки, въ Баянѣ годъ жили,
Въ Баянѣ мы жили, царю службу служили,
Царю службу служили, сами Бога просили:
Не давай намъ, Боже, часты зимни походы,
Часты зимни походы, они намъ не способны —
Коню-то уморны, казаку не спокойны,
Ко ружью ручки щиплетъ, къ стремену ножки зябнутъ,
Изъ казны выдавали намъ худые товары,
Худые товары, гиплые, они намъ не милые.

Изъ-за Дону тихаго пролегала въ степь дорожка не широкая,
Долиной-то дорожкѣ конца-краю нѣтъ.
Никто-то по ней не прохаживалъ,
Никто слѣдичку по широкой не прокладывалъ.
Шли-то, прошли два полка казакъ,
Вороныхъ своихъ добрыхъ коней въ поводу ведутъ,
Разноцвѣтное свое платьице въ торокахъ везутъ,
Разогнистыя чисты ружьицы за плечьми несутъ,
Разуланскія остры шашечки на бедрахъ висятъ,
Бургомецкими копьями сами подпираются,
Горючьми слезьми казаченьки уливаются,
Вынесетъ-ли Богъ насъ на святую Русь,
Сослужили мы, казаченьки, службу царскую.

По славной крѣпости Копальской
Тутъ гуляли казаченьки все отрядны,
Подъ нимя-то идутъ кони строевые,
На лошадкахъ уздечки кармазинны,
На волтрапикахъ вензелы золотые,
За нимя-то идутъ сударушки молодые,
Идучи онѣ, красотки, слезно плачутъ,
Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ,
Съ возрыданьица словечушка не молвятъ.
«Не плачьте, матери родныя,
Не рыдайте, сударушки молодыя!
Не смочить вамъ мать сыру землю слезами,
Не напоить син-море горючими,
Не сходить по бѣлу свѣту за нами.
Что не дай, Боже, калинушкѣ родиться,
Старой смѣнушкѣ съ Копала возвратиться,
Создай, Боже, попутную погоду,
Воротиться бы казакамъ изъ походу.»

Забѣдуютъ крестьяне казачьему житью:
«Хорошо казакамъ жить, во своемъ полку служить!»

— «Ужъ вы глупые крестьяне, неразсудливые,
Послужили бы вы съ нами, обо всемъ въ свѣтѣ узнали;
На работу гонятъ рано, съ собой хлѣба даютъ мало,
Работаемъ, что заставятъ, а ѣдимъ, чего поставятъ;
Куды пошлютъ, бѣги скоро, чтобы дѣло было споро.
Я немножко застоялся, съ сударушкой забавлялся,
Оглянулся я назадъ, сзади палками грозятъ.
Вотъ на завтра, поутру, несутъ палокъ по пуку.
Ужъ я сталъ было божиться, приказали мнѣ ложиться.
Не успѣлъ я молвить рѣчи, обстегали спину, плечи,
Хотя спина избита, сударушка нажита,
Хотя спинѣ было больно, съ сударушкой стоять вольно.»

Отъ Корякова до Актава семисотны версты,
Прознобили казаченьки у рукъ, у ногъ персты,
У рукъ, у ногъ персты, считаючи версты.
Мы къ Актаву подходили, на гору всходили.
Что на той-ли на горѣ стояла палатка,
Какъ изъ этой изъ палатки выходилъ молодчикъ,
Выходилъ молодчикъ анджинеръ поручикъ.
Выдаваетъ онъ расплату, керки и лопаты.
Ужъ мы керки получали, сашенцы копали,
Землю выкидали, дерномъ устилали,
Дерномъ устилали, житье проклинали.
Распроклятое житье, все казачья доля!
Надъ рѣкою Монакою выростало древо,
Выростало древо, березанька бѣла.
Какъ на этой на березѣ сидитъ птица пава,
Кричитъ пава: Запропала вся казачья слава!
Господа вы, казаченьки, гдѣ же ваши домы?»
— «Наши домы—круты холмы въ широкомъ раздольѣ.»
Господа вы, казаченьки, гдѣ же ваши матки?»
— «Наши матки — сосны гладки во сыромъ борочкѣ.»
«Господа вы, казаченьки, гдѣ же ваши отцы?»
— «Наши отцы, мореходцы — копаны колодцы.»

«Господа вы, казаченьки, гдѣ же ваши жены?»
— «Наши жены — заряжены, въ штыки присажены.»
«Господа вы, казаченьки, гдѣ же ваши братья?»
— «Наши братья — пистолеты на правомъ бедеркѣ.»
«Господа вы, казаченьки, гдѣ-то ваши сестры?»
— «Наши сестры — шашки остры на лѣвомъ бедеркѣ.»
«Господа вы, казаченьки, гдѣ то ваши дѣтки?»
— «Наши дѣтки — пули мѣтки въ сумкахъ отдыхаютъ.»

(Всѣ записаны около Семипалатинска).

Послѣднія пѣсни, очевидно, солдатскія, или заимствованы у нынѣшнихъ солдатъ, или остались въ наслѣдство отъ драгуновъ, которые прежде стояли на Иртышѣ. Онѣ называются здѣсь *отрядными*, потому что поются во время походовъ въ Киргизской степи, которые называются «отрядами». Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно, туземнаго происхожденія: казаки, живя холостыми артелями человѣкъ въ десять на уединенныхъ пикетахъ въ степи, часто сочиняютъ пѣсни, при чемъ участвуетъ почти вся пикетная компанія; содержаніемъ пѣсни бываютъ разныя пикетныя приключенія; смѣнившись со степной службы, казаки расходятся, и пѣсня вмѣстѣ съ этимъ умираетъ.

Захотѣлъ косачъ жениться,
Съ куропаточкой родниться;
У тетерьки родъ простой,
Краснобровый, холостой;
По своей тетеркѣ волѣ
Захотѣлось въ чистомъ полѣ —
Съ куропаткой таковать хотѣла.
И назвавши зуя братомъ
Посылаютъ его сватомъ,
Чтобы сладить какъ-нибудь.
Дѣло въ шляпѣ, слово дано,
И намъ не о чемъ тужить.
Мы невѣстушку видали,
Скоро съ нею станемъ жить.

Только нужны къ свадьбѣ птицы,
Пѣть которы мастерицы,
Зуй позвать ихъ не забудь.
Зуй посылка, парень, скора,
И сказалъ, что не дуракъ.
Честью, лестью птица воронъ
На почтенный созванъ бракъ.
И достигши того мѣста,
Гдѣ женихъ былъ и невѣста,
Стали свадебку играть.
Вотъ журавль пошелъ плясать,
Долги ноги выставлять,
Сычъ щелкать, ворона каркать,
Гроздь свистать, а чижикъ пѣть.

—Вотъ молчать намъ отъ досуга,—
Тутъ сказали кулики,
Гдѣ собравшись о два круга,
Какъ заводски мужики,
Пѣсню брякнули бурлацку,
Хоша умну иль дурацку
Ихъ не станутъ въ томъ винить,
Ихно дѣло веселить.
Красны дѣвки канарейки
Всѣ имѣютъ польски флейки.
Сова топала ногой
Для невѣстки молодой,
Пущай всякъ ну такъ и знаетъ.
Тутъ открылъ тетеря балъ.
Пили, ѣли на здоровье,
Веселились на прокладъ,
Свадьба дѣвичья, не вдовья,
Кто-нибудь да свадьбѣ радъ.
Вотъ женихъ тетеря
Красны ноги воздымалъ,
Посреди гостей нарядныхъ,
Гласну пѣсню ихъ внималъ,
Вытягалъ мохнаты ноги,
Чертилъ крыльями дороги,
Становилъ дугою хвостъ,
Пущалъ слюны отъ задору,
Въ той надеждѣ, что онъ скоро
Разрѣшитъ свой строгій постъ.
Вотъ невѣстушка-ухватка
Присядаетъ куропатка,
Предъ тетерькою чертитъ,
Сама хвостикомъ вертитъ.
Вотъ совсѣмъ бы наконецъ
Быть законному ихъ браку,
Филинъ, крестный ихъ отецъ,
Онъ затѣялъ шумъ и драку,
Разогналъ веселый пиръ,
Кто тамъ ни былъ, всѣхъ онъ билъ,
Дралъ когтями безъ разбору,
Намололъ премного вздору,
Будто свадебъ такихъ нѣтъ:
Васъ не терпитъ бѣлый свѣтъ;
Вы тетерька съ куропаткой —
Вы отъ смѣшаной породы,
Дѣти будутъ вамъ уроды:
Что не птица и не звѣрь,
То мнѣ, филину, повѣрь.

(Запис. около Семипалатинска.)

II.

Понятіе о вселенной, «Божіей планидѣ». Свѣтила и метеорическія явленія. Вліяніе погоды на животныхъ. Народный календарь. Животный и растительный эпосъ. Леченіе болѣзней. Сила человѣка. Предразсудки о человѣческомъ организмѣ, пищѣ, жилищѣ и одеждѣ. Духовная сторона человѣка. Понятіе о любви. Смѣшеніе съ чертями. Демонологія. Повѣрья о народахъ и странахъ. Мѣстныя преданья *).

Звѣздъ на небѣ три тьмы, три тысячи, триста одна. Одна уже послѣ явилась — это та самая, которая служила путеводительницей волхвамъ къ новорожденному Христу (*Сем.*).

Если въ новолуніе идетъ дождь, говорятъ: «*мѣсяцъ* омывается». Когда молодой мѣсяцъ на рогу стоитъ, то называется *текунъ*, и предвѣщаетъ дождливую погоду. Молодой мѣсяцъ не долго стоитъ на небѣ, скоро закатывается — поговорка: «ты, какъ младъ *мѣсяцъ*, долго дома не сидишь» (*Чар. ст.*). *Мѣсяцъ* изъ киселя, — оттого онъ ежемѣсячно истекаетъ. Затмѣніе бываетъ оттого, что какой-то волхвъ снимаетъ его съ неба и ворожитъ. Учатся порчу дѣлать на рѣдькѣ, на *мѣсяцѣ* и потомъ

---

*) Сокращенія, встрѣчающіяся въ статьѣ: Сем. — Семипалатинскъ, городъ; Чарыш. — Чарышская станица на Алтаѣ; Бухт. — Бухтарминская станица на Иртышѣ; Устьк. — Усть-Каменогорскъ, городъ.

ужь на человѣкѣ; мѣсяцъ портятъ слѣдующимъ образомъ: баба, ставъ окарачь, смотритъ на него между ногъ черезъ банное корыто и калмуетъ; край мѣсяца какъ уголь почернѣетъ. *Мѣсяцъ* по два дни не показывается, отдыхаетъ; однажды онъ два мѣсяца не былъ видѣнъ, — дочь потерялъ и искалъ: «два мѣсяца свои ясныя очи не показывалъ» (*Устькам.*). —На мѣсяцъ долго смотрѣть не слѣдуетъ: утащитъ; если смотрѣть на него долго, онъ начнетъ чернѣть, какъ почернѣетъ, нужно накрыть столъ, положить хлѣбъ, а самому сѣсть подъ столъ и читать молитву—тогда мѣсяцъ утащитъ одинъ только хлѣбъ (*Верхнеудинскъ*).

Всѣ рѣки текутъ съ востока; оттого «сверху» пріѣхать, у иртышскихъ казаковъ значитъ: съ востока. Когда ледъ ломается, *водѣ* бываетъ трудно, особенно если люди дикуютъ (т. е. смотрятъ и удивляются). Жители Иртыша бросаютъ въ рѣку, для облегченія воды, крохи хлѣба. Когда пройдетъ ледъ, бываетъ половодье не отъ окрестныхъ снѣговъ, а отъ алтайскихъ — народъ въ низовьѣ Иртыша считаетъ ее подземной и называетъ *земляной водой* (*Сем.*). Вешняя *вода* ноги ломитъ, а осенняя въ кости идетъ, т. е. весенняя и ломитъ, но не дѣлаетъ простуды, а осенняя дѣлаетъ (*Чарыш.*).

Тучи — какъ кисель. Иногда падаютъ на землю, и если кто выпьетъ нечаянно съ водой, брюхо спучитъ и умретъ.

Подъ первымъ *дождемъ* стоять, рости будешь. Капли весенняго *дождя*, упавшія въ узкое горло бутылки, имѣютъ силу вылечивать любовь. Если идетъ дождь, да пузырится, т. е. на лужахъ всплываютъ пузыри, то еще будетъ сильнѣе дождь. Если *дождь* идетъ черезъ солнце, то утопленникъ.

Радуга воду пьетъ изъ моря.

Молнія бьетъ въ чорта, а онъ прячется за лѣсину, оттого молнія и щепаетъ лѣсину. До перваго *грома* змѣя не жалитъ. Когда гремитъ первый *громъ*, то бери то, что найдешь подъ лѣвой пяткой, бумажку, тряпку, траву или землю, завяжи и привѣсь подъ лѣвую мышку — будешь счастливъ. (*Сем.*)

Вѣтеръ. Крестьяне деготь сидѣли, выбросили изъ ямы ма-

зилку да такъ неловко, что прошибли дыру на небѣ, вотъ онъ и дуетъ.

Суточное время распредѣляется такимъ образомъ: встàвальная пора, чайнà пора, обѣдъ, пàужна (въ 4 часа по полудни), сумерки, сидѣнъ — вечеръ, потýхъ — заря. Съ 10 до 12 часовъ ночи первый спѣнь, послѣ этого до утра—второй спѣнь. (*Сем.*)

Если зима была сухая, морозливая, весна будетъ засушливая; зима бурàнливая—весна теплая, дождливая. (*Чар.*)

Послѣ урожайнаго лѣта — морозная зима. (*Чар.*)

Если солнце въ «кругѣ», или въ «рукавицахъ» (по бокамъ лучистыя пятна)—морозъ.

Курицы пурхаются къ бурану, а носомъ барабанятъ къ морозу (*Чар.*).

Собаки валяются къ бурану, кошки царапаются къ бурану. (*Сем.*)

Если туманъ на горахъ лоскутьями, то будетъ ненастье. Если туманъ съ горъ поднимается кверху — будетъ ведро. (*Чар.*)

Кошка носомъ кверху спитъ къ ведру, внизъ къ ненастью. (*Сем.*)

Каменные стрижи залетали — къ ненастью. (*Чар.*)

Ласточка низко летаетъ — къ дождю. (*Сем.*).

Щуры (черви) вылѣзутъ изъ норъ для спариванья — большое ненастье. (*Чар.*)

Если журавли осенью летятъ высоко — осень будетъ продолжительная. (*Чар.*)

Если печеный хлѣбъ въ амбарѣ цвѣтетъ, то и въ колосу въ это время цвѣтетъ. (*Иркутскъ*).

Если впереди возвращающагося съ поля стада идетъ бѣлая корова, завтра будетъ ясный день. (*Бухт.*)

Синочка прилетаетъ передъ проходомъ льда. «Синочка прилетаетъ ледъ долбить.» (*Сем.*)

Ласточка прилетаетъ къ Егорьеву дню. (*Сем.*)

Лебеди летятъ на югъ послѣ всѣхъ, передъ паденіемъ снѣга.

«Лебеди на крылахъ снѣгъ понесли», говорятъ про ихъ отлетъ. (*Чар.*)

Медвѣдь ложится въ Воздвиженье, встаетъ въ Благовѣщенье.

Кукушка перестаетъ куковать, когда хлѣбъ вымечется въ колосъ.

Караси идутъ въ сѣти, когда цвѣтетъ таволожникъ (*Сем.*).

---

24 января,—*Аксинья полузимница.*

Мартъ самый злѣйшій мѣсяцъ; онъ сказалъ: еслибъ я былъ посередь зимы, я бы у коровы рога оторвалъ. (*Чар.*)

1-го марта, *Авдотья плющиха.* Если этотъ день будетъ ненастный, то и весна будетъ долгая и продолжительная, и сѣна вздорожаютъ. Если въ этотъ день «снѣгъ помело, сарай на голо». (*Сем.*)

9 марта, день *Сорока святыхъ.* Пекутъ жаворонковъ, или гагаръ, и кладутъ ихъ на божницы и въ сусѣки съ хлѣбомъ, т. е. въ закромы. Въ этотъ день прилетаютъ сорокъ сортовъ птицъ,—по другимъ: сорокъ сорокъ и одна ворона.

17 марта, *Алексѣй Божій человѣкъ.* Открывается весна. «Ледъ отъ воды, снѣгъ отъ земли загорается». «Вода съ горъ, со стану рыба поднимается».

25 марта, *Благовѣщеніе.* Со дня Благовѣщенья еще сорокъ утренниковъ. Въ этотъ день грѣшно *работу работать*, и птица гнѣзда не вьетъ. Въ тотъ день недѣли, въ который было Благовѣщенье, ничто не предпринимается; напримѣръ: если Благовѣщенье было въ среду, то ни въ какую среду въ году не слѣдуетъ предпринимать важнаго дѣла. Въ Благовѣщенье «путь не рушится», либо недѣлю не доѣздятъ, либо недѣлю переѣздятъ. (*Чар.*)

12 апрѣля, *Василій капитель.* Начинаетъ капать съ крышъ.

23 апрѣля, *Егорьевъ день* и 9 мая, *Микола лѣтній.* «Егорій съ травой, Микола съ водой».

1 мая, *Еремей запрягальникъ.* Съ Еремея запрягальника уже «лѣнива соха» поднимается.

13 іюня, *Акулина - задирай хвосты, побѣгай въ кусты.*

Коровы страдаютъ свищами и, задравъ хвосты, бѣгаютъ безъ памяти по кустамъ. (*Чар.*)

24 іюня, *Иваны Росники* (*Чарыш.*). Съ вечера собираютъ цѣлительныя травы и стелютъ подъ росу, а утромъ высушиваютъ.

15 іюля, *Кирика и Улиты*. Грѣшно работать. Маленькій Христосъ, преслѣдуемый, просилъ Улиту спрятать его. Улита своего собственнаго сына бросила въ топившуюся печь и Христа положила въ зыбку; преслѣдователи не нашли Христа и только вышли вонъ, мать подошла къ печкѣ, а тамъ Кирикъ стоитъ «иставленный» (цѣлый).

20 іюля, *Ильинъ день*. Бываетъ всегда дождливый. Грѣшно работать, въ противномъ случаѣ Илья убиваетъ громомъ.

1 августа, *Первый Спасъ*. Начинаютъ срѣзывать меда. Первый сѣвъ ржи. Съ перваго Спаса ишеп.

6 августа, *Второй Спасъ*. Второй сѣвъ ржи.

16 августа, *Третій Спасъ*. Третій сѣвъ ржи.

7 августа, *Авдотья-сыногойка*. Мелкій дождь, обыкновенно бывающій въ это время, портитъ траву, несобранную еще въ стога.

29 августа, *Иванъ Постный*. Коноплю рвутъ.

1 сентября, *Семеновъ день*. Съ этого дня не бываетъ паужновъ и въ это же время отлетаютъ журавли. «Журавли паужны уносятъ съ Семенова дни». Если этотъ день былъ сѣрый, т. е. пасмурный, то осень продолжится.

14 сентября, *Воздвиженье*. Удвоиваютъ одежду. «Въ Здвиженье одежду сдвигаютъ.» — «Не жди Здвиженья, рѣпу рѣжь».

1 октября, *Покровъ*. «Не жди Покрова, капусту сѣки». Если Покровская суббота, что передъ Покровомъ, была «на голо», т. е. безъ снѣга, то и Дмитровская будетъ «на голо».

15 октября, *Парасковы грязны*. «Матушка Парасковея пошли жениха поскорѣя».

26 октября, *Дмитрій Солунскій*. Рѣки замерзаютъ: «Дмитрій Солунскій перевозу не проситъ».

1 ноября, *Кузьма и Демьянъ*. «Кузьма и Демьянъ, научи меня прясть».

12 декабря, *Спиридонъ солнцеворотъ*. «Солнце на лѣто, зима на морозъ». Цыплятамъ (курицамъ — селѣткамъ) начинаетъ ноги выворачивать. Въ этотъ день сурки поворачиваются на другой бокъ.

Прокопьевъ день. «Лѣнива коса», самый поздній сѣнокосъ.

Отданье пасхи, наканунѣ Вознесенья. Въ послѣдній разъ христосуются.

Заговѣнье къ Петровкамъ, называется яичнымъ, передъ *Госпожинками* — морковнымъ.

Богъ послалъ чорта достать земли со дна морскаго; чортъ три раза нырялъ, но не могъ вынести земли; сколько ни захватитъ въ руку, на обратномъ пути водой все и вымоетъ; только подъ ногтями осталось немного. Богъ взялъ у него землю изъ подъ ногтей и сотворилъ изъ нея землю; тогда чортъ сталъ спорить съ нимъ, и сказалъ: развѣ я для того доставалъ землю? И хотѣлъ онъ собрать всю землю и снова бросить въ воду, но собрать-то уже и не могъ — побѣжитъ за ней, а она все дальше и дальше уходитъ отъ него, да такъ расширилась, что теперь конца-краю ей нѣтъ.

Медвѣдь сѣлъ на городьбу и просилъ у Бога пятаго пальца. Богъ сказалъ: дамъ; но тогда нужно ужъ человѣку дать крылья, а собакѣ лукъ и стрѣлы. (*Верхнеудинскъ*)

У *кошки* языкъ поганый, а у *собаки* чистый; если собака окровавитъ звѣря (косулю, оленя), то священное писаніе не запрещаетъ ѣсть это мясо. Она не собака, а «песъ» по священному писанію и ее положено кормить молотымъ овсомъ.

Когда у *зайца* черные кончики ушей сдѣлаются бѣлыми, жены мужьями управлять будутъ. — Заяцъ бѣжалъ топиться съ горя: «Что я за несчастный! говоритъ. Хуже всѣхъ на свѣтѣ: всѣхъ боюсь, а меня никто не боится!» Только и увидало его стадо овецъ и кинулось бѣжать. Остался заяцъ. «А, еще есть же, которые меня боятся,» сказалъ (*Чар.*).

Мышь поганая, она подгрызала ковчегъ Ноевъ; за это Богъ создалъ на нее кошку.

Въ чьемъ домѣ заведется *ласочка*, у того будетъ въ домѣ порядокъ, хозяйство будетъ хорошо идти.

Лошади бываютъ двукишочныя («жаровыя,» поджарыя) и двусердечныя («бѣгунцы», скакуны). Лошадь подъ кѣмъ вспотѣла, примѣта любовной интриги. У кого родилась лысая кобыла — жена невѣрная. Лошадиное мясо грѣшно ѣсть, исключая лѣваго ребра. Чубарые кони — могутные (сильные); голубые — дикіе: «поповски дочери, какъ голубыя лошади, либо издадутся добры, либо дики». (*Сем.*).

Мамонтъ - звѣрь ходитъ подъ землей, какъ рыба въ водѣ; если выйдетъ въ яръ, то умираетъ. Одинъ человѣкъ привязалъ коня къ рогу, думая, что пень высунулся изъ земли; когда воротился, конь былъ уже на другомъ мѣстѣ, — его увело вмѣстѣ съ рогомъ. (*Сем.*)

Кукушка не вьетъ своего гнѣзда; она заклята Богомъ за то, что вила гнѣздо въ Благовѣщенье, когда грѣхъ работать, и другія птицы не вьютъ гнѣздо. Это была царевна, которая обратилась въ птицу и отлетѣла въ окошко; когда она вылетала, съ нее сдернули сапогъ, оттого у нея ноги одна красная, другая жолтая. (*Сем.*)

Рябчикъ прежде былъ большая птица, но птицы стали жаловаться Богу, отчего онъ создалъ рябчику бѣлое тѣло, а имъ черное; Богъ и раздѣлилъ тѣло рябчика между остальными птицами; оттого теперь рябчикъ не большой, а другія птицы имѣютъ соколокъ (грудинку) изъ бѣлаго мяса. (*Чар.*)

Тетеря зимой каждую ночь собирается строить домъ; какъ смеркнется, она и зарывается въ снѣгъ, а сама говоритъ: «Нѣтъ, завтра безпремѣнно стану домъ строить». А утромъ обогрѣетъ — опять и забыла. (*Чар.*)

Воронъ и *свинья* спорились, кто напередъ увидитъ солнце; воронъ сказалъ свиньѣ: «Свинья! ты и солнца-то никогда не видишь!» А свинья ему: «А станемъ караулить, кто напередъ увидитъ.» Воронъ взлетѣлъ на дубъ и сталъ смотрѣть на востокъ: скоро ли

солнце взойдетъ; а свинья догадалась смотрѣть на гору, и закричала: «Воронъ! видишь ли солнце? а я вижу». (*Чар.*)

Журавли, отлетая, относятъ ласточекъ подъ крыломъ (*Ильинскій погостъ, близъ города Олонца*).

Ремезовымъ гнѣздомъ подкуриваютъ ловушки, рыболовныя снасти, скотъ, пчелъ.

Лебедя грѣшно убивать; если убитаго показать дѣтямъ, всѣ умрутъ. (*Сем.*) Лебедей грѣшно ѣсть, потому что они носятъ цвѣтное, т. е. менструаціи; или потому что родятся слѣпые и сводятся по «собачьи». (*Чар.*)

Скворцовъ грѣшно ѣсть, потому что они скачутъ, а не ходятъ.

Голубей — потому что пьютъ, какъ лошади.

Если *пѣтухъ* снесъ яйцо — будетъ покойникъ; если это яйцо держать подъ лѣвой мышкой нѣсколько недѣль, то выпарится огненный змѣй, который будетъ золото носить.

Пава убрала *павлина* къ Свѣтлому воскресенью, а себя не успѣла убрать — оттого павлинъ весь разноцвѣтный, а у самой павы одна только голова разноцвѣтна.

Крикъ птицъ. Воробей, сидя на крышѣ, въ морозъ кричитъ: «Чуть живъ»! а въ оттепель: «Я большой!» Когда Христосъ былъ на крестѣ, онъ кричалъ: «Живъ!» За это онъ осужденъ навсегда скакать и кричать: «Живъ, живъ!»

Слѣдующія замѣтки о крикѣ птицъ записаны въ калужской губерніи, въ Гамаюнской вотчинѣ.

Ворона поймала рака, раку надо вывернуться, онъ и сталъ просить: «Воронушка, матушка, пусти меня, я тебѣ шубку сошью. Я въ Москвѣ бывалъ, на галочекъ шивалъ.» Самъ пятился, пятился, да какъ въ воду бухнетъ! Ворона и кричитъ теперь на берегу: «По́ртной, по́ртной! Шивалка, шивалка!»

Иволга кричитъ: «Удилъ, да вынулъ.»

Перепелъ: «Вотъ ведетъ.»

Дергачъ погоняетъ: «Тпрусь, тпрусь.»

Рыбакъ: «А? крр... подымай» (командуетъ на «шакши», барки).

Чибисъ: «Чьи вы?»

Ласточка самочка: «Святый Боже, св. крѣпкій, св. безсмертный, помилуй насъ!»

Ласточка самецъ произноситъ неудобную для печати нескромность.

Овсянка самецъ: «Мужички, мужички, точите сошнички, пора пахать!»

Овсянка самка: «Старыя старушечки, чистите черепушечки!»

Домъ, въ которомъ поселился *ужъ*, будетъ счастливъ; корову, которую онъ сосетъ, не доятъ, оставляютъ для него. Одинъ крестьянинъ ставилъ въ амбаръ сапоги, въ которыхъ ходилъ по праздникамъ къ обѣднѣ; ужъ напосилъ въ одинъ изъ саноговъ яицъ, какъ разъ къ Пасхѣ мужикъ высыпалъ яйца изъ сапога. Ужъ не нашелъ яицъ и напускалъ яду въ молоко, которое стояло въ амбарѣ. Когда крестьянинъ снова поставилъ сапоги на мѣсто и положилъ туда яйца, ужъ опрокинулъ крышку и пролилъ отравленное молоко. (*Сем.*)

Миѳическій *Полазъ-змѣй* ушелъ въ Змѣеву гору (около Змѣиногорскаго рудника); когда основывали Змѣевъ, на каждаго человѣка, будто, приходилось убить по копнѣ змѣй. Въ Уваровой станицѣ, на берегу Иртыша, есть пещера, въ которую видѣлъ нѣмой мальчикъ, какъ пролѣзъ изъ рѣки полазъ-змѣй; такъ по травѣ выжженная огнемъ тропа и осталась. Полаза можно убить только саннымъ полозомъ. (*Устьк.*)

Рыбу видѣть во снѣ — къ ненастью.

Щука—«щучья кровь» — прозвище для злаго человѣка. (*Сем.*)

Строка, паутъ, комаръ — все это *гнусъ;* но *пчела* не гнусъ, про нее не говорятъ: «пропала», «издохла», а «померла»; пчела приноситъ пользу Богу — дѣлаетъ воскъ для свѣчей въ церковь. Пчела просила Бога, чтобъ отъ ея ужаленія человѣкъ умиралъ, а не она сама; но Богъ сказалъ: «Кто же будетъ тогда содержать тебя»? (*Чар.*)

Муха также не гнусъ, не поганая. Жиды хотѣли въ Христа пятый гвоздь вколотить въ животъ, а муха и сѣла ему на пупъ. Жиды подумали, что тутъ уже есть гвоздь, и не вколотили. За это она не поганая. (*Сем.*)

Волосатикъ считается конскимъ волосомъ, который, попавши въ воду, оживляется и входитъ въ тѣло.

Бабочка носитъ подъ человѣка огонь, а ласточка воду (затушаетъ) (*Сем.*).

Береза говорила осинѣ: «Ты некрасивая и горькая, и людямъ ты нейдешь на пользу.» Пришелъ человѣкъ и срубилъ березу. Если березу надрѣзать и сокъ изъ нея прольется на снѣгъ, то окраситъ его въ кровавый цвѣтъ. Этотъ сокъ грѣшно пить; это все равно, что блудъ творить. (*Сем.*)

Осина всегда, и въ тихую погоду дрожитъ, потому что на ней удавился Іуда предатель.

Вѣтреница (Pulsatilla patens) за ядовитое свойство проклята отъ Божьей матери; оттого всѣ цвѣты цвѣтутъ цѣлое лѣто, а она только весной, одиноко, и разцвѣтаетъ не отъ тепла, а отъ вѣтру, отчего и имя получила (*Чар.*).

Пьяныя коренья если вырыть молча, то пойдутъ въ пользу; но по злобѣ, нѣкоторые во время рытья кривляются, изображаютъ сѣяніе, пляшутъ, тогда и человѣкъ, напоенный такимъ корнемъ, будетъ невольно принимать тѣ же положенія. (*Чар*).

У *змѣевой* травы (вѣроятно Veronica officinalis) змѣя откусила верхушку; цвѣтокъ ея кладутъ въ башмаки, когда ходятъ за ягодами, чтобы змѣя не ужалила (*Иркутскъ*).

Зоря также предохраняетъ отъ змѣй, и ею моются отъ загару (*Иркутскъ*).

Папоротниковъ цвѣтъ караулятъ въ Ивановъ день слѣдующимъ образомъ: закрываются скатертью, какъ саваномъ, а подъ растеніе подкладываютъ листъ бумаги. Трудно усидѣть, — черти приступятъ, — они также караулятъ его; но не нужно шевелиться. Какъ цвѣтъ созрѣетъ, отпадетъ на бумагу — не робѣй, хватай.

Миѳическая *разрывъ-трава* разрушаетъ запоры и преграды. Чтобъ найти ее, нужно заколотить чурбашкой дупло, гдѣ дятелъ запарилъ яйца, и разостлать подлѣ на землѣ бѣлый платокъ; дятелъ слетаетъ въ поле, принесетъ разрывъ-траву, приложитъ ее къ чурбашкѣ, и она вылетитъ; траву онъ броситъ на бѣлый платокъ. Тогда слѣдуетъ эту траву вростить въ рану на рукѣ; и потомъ, если дотронешься этой рукой до человѣка, человѣкъ «съ голкомъ объ полъ упадетъ» (умираетъ скоропостижно), дотронешься до замка — замокъ сломается. Отъ этой же самой травы ломаются литовки на сѣнокосѣ; если ни кочки, ни камня, ни пенька не было, а «литовки какъ вѣкъ не бывало», такъ это навѣрно попалась разрывъ-трава. Если собрать покошенную на этомъ мѣстѣ траву и бросить въ ручей, то вся трава поплыветъ внизъ, а разрывъ-трава вверхъ.

Лошадь, связанная въ три ноги, ѣстъ три травы, въ четыре — четыре травы.

Гусей хорошо кормятъ только до Аѳанасьева дня, а потомъ только по разу въ день — яйца будутъ носить ядреннѣе, безъ болтуновъ.

Корову безъ крынки, даже безъ подойника, лошадь безъ узды не покупаютъ.

Ломоть хлѣба не давай съ коровой, а если проситъ покупатель, то скорми дома.

Вырви изъ повѣти дудку (стебель какого нибудь растенія), переломя на четыре части, ударь корову и скажи: «Ступай, буренушка, ты не моя, я тебѣ не хозяйка, знать тебя не знаю.» А однимъ кускомъ дудки пусть купившая гонитъ корову домой и воткнетъ дудку въ ворота — корова будетъ ходить съ поля въ новый домъ съ перваго же дня, какъ доморощенная. *(Бухт).*

Пчелъ покупать нужно нечетомъ, иначе вестись не будутъ.

«Сѣмя не ѣдятъ, не топчутъ.» Если горохъ, когда сѣютъ, съѣсть, то ничего въ огородѣ не будетъ — либо воробьи склюютъ, либо букашки съѣдятъ.

Если завязей на огурцахъ нѣтъ, то пустоцвѣтъ жгутъ или обтесываютъ и бросаютъ за огородъ, говоря: «Пустоцвѣтъ за огородъ, а огурцы всѣ въ огородъ. (*Чар.*)

Пшеница паленка наклонна къ головнѣ; для удаленія этой болѣзни у снопа, предназначеннаго на сѣмена, прежде чѣмъ его вымолотить, сжигаютъ солому до самой пяты колоса.

Капустную разсаду, пораженную червями, обливаютъ *сыразной водой*, т. е. въ которой была вымыта рыба; огурцы и арбузы въ подобныхъ обстоятельствахъ обливаютъ дегтярной водой. (*Чар.*) Дойники моютъ молосникомъ (Tragopogon) (*Чар.*), а крынки выпариваютъ марьиными кореньями (Peonea), — чтобъ молоко было гуще (*На всемъ Алтаѣ*).

Гдѣ ростетъ черноголовникъ (Poterium), — тамъ хорошо растетъ ленъ. (*Устькам.*)

Гдѣ морковникъ ростетъ, пшеница хорошо родится; эти мѣста называются потому *морковными* (*Чар.*).

Коноплю тогда садятъ, когда скворцы улетаютъ изъ дупла (т. е. когда выведутъ дѣтей).

Ленъ послѣ Николина дня (*Кузнецкъ*).

Цвѣты комнатные слѣдуетъ садить въ седьмой день мартовской луны.

Если посѣять рѣпу въ девятую пятницу на залогъ подъ ненастье — хороша уродится.

Если хороши озими, то хороши будутъ кедровые орѣхи.

Во время *горячки* прикладываютъ ко лбу листъ капусты, намоченный въ теплой квасной гущѣ, или въ квасу. Въ избѣ выкуриваютъ вересковой хвоей или порохомъ. Изъ послѣдняго для этого дѣлается пирамидка, которая сжигается въ видѣ маленькаго фейерверка.

По увѣренію чарышскихъ жителей, на Алтаѣ прежде господствовали сыпи и кори, а *лихорадки* были рѣдки, и только въ послѣднее время становятся частыми. Лихоманокъ двѣнадцать тетокъ; двѣнадцатая *нутреная*, давящая сердце, самая опасная. Онѣ сидятъ на цѣпи и весною срываются съ цѣпей по соизволенію Божію. Однажды онѣ шли въ городъ полемъ, гдѣ пахалъ мужикъ, и каждая говоритъ своимъ подругамъ: «Я немножко помучу купца, да и оставлю.» А нутреная, злая говоритъ: «Я упаду купцу въ кашу и задавлю.» Мужикъ побѣжалъ въ городъ къ купцу, къ которому онѣ шли и научилъ его, когда въ ложку съ кашей упадетъ муха, завязать кашу въ мѣшочекъ и повѣсить надъ дымникомъ. Тогда еще дымники были, а печей не было. Такъ и сдѣлалъ купецъ. На будущій годъ, весной, идутъ и тоже говорятъ: «Я немножко помучу и оставлю, меня будутъ за это кормить и любить.» А нутреная: «Нѣтъ, я въ этотъ городъ не пойду и къ богатому не пойду; вишь какъ меня самое замучили; одинъ чаръ во мнѣ остался.»

При леченіи лихорадокъ, кажется, стараются произвесть въ больномъ отвращеніе, пугаютъ летучей мышью, или зашиваютъ ее сушеную и вѣшаютъ на грудь, впрочемъ такъ, чтобъ онъ не зналъ, что тамъ зашито; даютъ ѣсть медъ, вскипяченный съ маковыми головками; съ этой же цѣлью употребляютъ змѣиный выползокъ (шкуру змѣи, сброшенную весной) и растеніе плитникъ (Verbascum). Лечатъ также наговорами, залѣзши подъ банное корыто, или передаютъ болѣзнь другому, или передавши ему остатки пищи больнаго, или бросивши съ больнаго поясокъ на дорогѣ. Кто съѣстъ остатки, или надѣнетъ поясокъ, тотъ и заболѣетъ, а больной выздоровѣетъ.

Простуда лечится припарками изъ сѣнной трухи, сваренной въ молокѣ, или нашатыремъ въ водкѣ.

Бѣшенство, или, какъ здѣсь называютъ *дурь*, излечивается настоемъ жука *майки*, заколотой непремѣнно крестомъ. Этимъ же средствомъ лечатъ и сбѣсившихся собакъ.

Собачья старость — дѣтская болѣзнь, при которой ребенокъ

принимаетъ старческій видъ; ребенокъ обмазывается сметаной, которую даютъ слизать собакѣ; или варятъ пельмени съ наговорами, и также скармливаютъ собакъ (*Сем.*).

Родимый, падучая, *цвѣтъ;* объ обморокѣ выражаются: «цвѣтъ накатился;» при этомъ припадкѣ накрываютъ больнаго легкимъ покрываломъ и стараются не безпокоить шумомъ. Для леченія отъ родимаго употребляютъ: земляной цвѣтъ или землецвѣтку (кажется Viola), женскій борецъ (Aconitum), Achillea millifolium, троецвѣтку, и одно растеніе, которое находится на Алтаѣ на Плѣшивой горѣ и въ Тигерекѣ. При леченіи троецвѣткой необходимо, чтобъ больной былъ въ покоѣ; если захочетъ спать, чтобъ не мѣшали. Траву отъ родимаго, которую собираютъ на Плѣшивой горѣ, нужно рвать въ морочный день, когда отъ предметовъ не падаетъ тѣни; иначе на траву упадетъ человѣческая тѣнь и она будетъ безполезна; для употребленія толкутъ корень и стебель, а вырвавши, тотчасъ искрашиваютъ, чтобъ никто не могъ ее узнать (*Чар.*).

Желтуха: смотрятъ на щуку (*Чар.*); также наговариваютъ и купаютъ больнаго подъ куричьимъ сѣдаломъ три утра и три вечера.

Отъ *урока* умываютъ съ наговоромъ.

Золотуху лечатъ теплыми припарками изъ грязи, которую мужчины приносятъ съ улицы на сапогахъ; водой, слитой съ золота и бездённой травой (зонтичн. раст.) Когда *сердце* захватитъ, пьютъ понемногу корень сердечной травы (Aconitum).

Въ Сибири также встрѣчаются кликуши, и, кажется, на югѣ рѣже, чѣмъ на сѣверѣ. Онѣ здѣсь называются *порченными*, а самая болѣзнь называется *порчей*. Портятъ посредствомъ тенетъ, которыя запекаютъ въ пирогъ. При леченіи, порча выходитъ изъ желудка больной въ видѣ слизистаго, одушевленнаго вещества, которое нужно тотчасъ сжечь, иначе болѣзнь воротится. Кажется это повѣрье находится въ связи съ повѣрьемъ, которое также здѣсь встрѣчается, о томъ, что икра лягушекъ, проглоченная съ водой, развивается въ желудкѣ въ большую лягушку. Учатся портить на

рѣдькѣ и на мѣсяцѣ. Два старика спорились, кто лучше испортитъ: одинъ взялъ рѣдьку и испортилъ ее, она вся почернѣла; потомъ онъ опять излечилъ, такъ что вся стала опять бѣлою, только въ сердцевинѣ осталось немного чернаго. «Нѣтъ, сказалъ другой старикъ, — эдакъ ты и человѣка не вылечишь совсѣмъ, порча и отрыгнется послѣ». Взялъ рѣдьку, испортилъ ее, сдѣлалъ ее черною, а потомъ снова излечилъ, такъ что въ серединѣ не осталось чернаго пятнышка. — Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду было помѣщено слѣдующее:

«Письмо къ стряпчему Ворожейкину, въ городъ Каинскъ: Государь мой, Титъ Карпычъ! У насъ въ городѣ Епанчинѣ пріѣхавшая его высокоблагородія господина города Ялуторовска уѣзднаго судьи Тимофея Прохорыча Вахромѣева дражайшая фамилія Прасковья Кузминишна, урожденная Парахтина, страждущая порчею отъ недобрыхъ людей, называемою *икотой*, такъ, что на нее честнымъ и благоугоднымъ людямъ жалко и смотрѣть, а у васъ на Катанаевой горѣ произвелъ Всевышній Создатель и на самыхъ *сгарахъ* траву, называемую *бълую*, похожую по стеблю лебедѣ, а подъ осень и внизу на землѣ листы зеленые, а сверху бѣловатые, а вкусъ у нея у корня похожъ на инбирь, а когда во рту подержать подолѣ, и будетъ сладокъ, которой многихъ женщинъ мы живши у васъ полечили. Спросите вы у Савихи Майдаровой, она двою носила въ себѣ одну лягушку, когда въ первый разъ закопала въ землю, а она и паки къ ней пришла и вселилась, а когда питіемъ вареной травы ее исторгнула, то и сожгла и сдѣлалась здрава. Другая трава *синенькіе свалики* отъ падучей болѣзни и запою. То постарайся, государь мой Титъ Карпычъ, какъ можно поискать у добрыхъ людей, нѣтъ ли приготовленной; ибо и при насъ многіе призапасали сихъ снадобьевъ и съ симъ нарочито посланнымъ отъ здѣшняго господина капитанъ-исправника Кирила Фокича Объѣзжалова, а роднаго племянника вашего уѣзднаго судьи вышерѣченнаго Тимофея Прохоровича, безъ околичностей сюда выслать, а вы за ваше стараніе будете не оставлены, не только отъ меня, но и отъ сихъ первѣйшихъ честныхъ и до-

брыхъ людей никогда. Да и попекитесь въ нынѣшнемъ лѣтѣ ко мнѣ прибыть, вы увидите, кому вы такую добродѣтель учинили, вѣчно возрадуетесь и будете слезно благодарить Создателя. А я съ моимъ почтеніемъ завсегда пребуду, государь мой, вашъ пригодный ко услугамъ Зотикъ Осиповъ Рогаткинъ, города Епанчина откупщикъ. Лѣта 1798 января 20 дня. Епанчино».

Въ *болызняхъ живота* употребляются: жерновка (Phlomis), землецвѣтка, лабазникъ (Spirea Almaria), божье дерево (кажется Tamarix), каменный звѣробой (Polypodium); вообще травы, рекомендуемыя противъ болѣзней живота, часто пьются вмѣсто чаю, какъ будто онѣ не только цѣлительны во время болѣзни, но и укрѣпляютъ здоровье желудка. Поносы у дѣтей бываютъ особенно часто весной около Акулины-задирай хвосты, побѣгай въ кусты; въ это время коровы бѣгаютъ по полю отъ свищей, молоко бываетъ дурно и портитъ дѣтскіе желудки. Въ Усть-Каменогорскѣ дѣтскіе поносы лечатся землецвѣткой; въ Чарышской станицѣ перелой или мыто, т. е. кровавый дѣтскій поносъ лечится тайникомъ (кажется Geum), черноголовникомъ (Paterium), перелойкой (Parnassia palustris), ржанымъ сухаремъ и корнемъ бадана (Saxibraga crassifolia). *Глисты* лечатся рѣдькой и рѣдечнымъ сокомъ. Послѣдній считается полезнымъ отъ двѣнадцати недуговъ.

Кто съ пупу сорветъ, того лечатъ корнемъ пупника; *грыжа* пупа лечится также пупникомъ (Scabiosa) и кучелей. Паховая грыжа лечится настоемъ чернильныхъ орѣшковъ на молокѣ, или на водѣ, воробьинымъ сѣменемъ (Litospermum officinale), мамоновыми калачиками (кажется Primula) съ наговорами; Петровъ крестъ употребляется отъ бѣлой и красной грыжи.

Раздавленныхъ тяжестью поятъ водой съ порошкомъ краснаго камня кровавика, привозимаго съ рѣки Чуи (на Алтаѣ); кровавикъ разбиваетъ кровь, замѣняетъ кровопусканіе, но человѣкъ привыкаетъ къ нему также, какъ и къ кровопусканію; рѣдечный сокъ также разбиваетъ кровь (*Чар.*).

При боли въ *поясницѣ* — мажутъ ее одаленомъ (*Сем.*) и лютикомъ (Anemone altaica) (*Чар.*) въ банѣ. Во время мо-

лотьбы кладутъ подъ рубашку на поясницу скрипулъ (Sedum Telephium), — не будетъ болѣть (*Чар.*). Также умѣющіе люди рвутъ тѣло на спинѣ такъ ловко, что оно трещитъ — это называется «чемеръ драть». При *ломотѣ* въ ногахъ мажутъ ихъ медвѣжьимъ саломъ; боль въ костяхъ лечится таволожной смолой; къ больной ногѣ прикладываютъ также листья мачихи (Tussilago Farfara), Отъ *судорогъ* кладутъ на-ночь осиновый колъ въ ноги. Отъ *головной боли* прикладываютъ ко лбу тертую морковь въ платкѣ; пьютъ свѣчи (Verbascum); нужно только рыть его корень, чтобъ не было слышно рѣчнаго шума. Отъ головной боли также «дерутъ чемеръ», т. е. дергаютъ волосы. Говорятъ, что кто раза два дралъ себѣ чемеръ, станетъ періодически чувствовать позывъ къ этой операціи. Отъ *угара* ѣдятъ рябину, суютъ калину въ уши и носъ, а въ избу ставятъ горшокъ съ конскимъ пометомъ.

Глазная болѣзнь лечится женскимъ молокомъ; порошинка изъ глаза достается языкомъ; заноза оттирается хмѣлинымъ перышкомъ; при болѣзни *пѣшь ячмень* — прикладываютъ, или перевязываютъ палецъ ниткой, или подставляютъ больному глазу кукишъ, говоря: «пѣшь-ячмень, вотъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то купишь»(*Сем.*) Въ предупрежденіе пѣшь-ячменя ставятъ кукишъ испражняющейся собакѣ, отвернувшись отъ нея. *Болѣзни горла* лечатся безденной травой или горлянкой, зорькой, также очерчиваютъ горло безъимяннымъ пальцемъ. *Кашель* лечится полевымъ куколемъ, Achillea millefolium, стручковымъ перцомъ; кладутъ въ табакъ, кто куритъ, корень карандыса (Snula helenium).

Отъ *зубной боли* употребляется медвѣжья пучка (Angelica Archangelica).

Отъ *безплодія* женщины пьютъ плитникъ (Verbascum).

Отъ *золотника*, болѣзни, приключающейся послѣ родовъ, пьютъ полевую гвоздику.

Дѣтская болѣзнь *кочерга*, щетины по спинѣ, приключается отъ того, что беременная мать пинала собакъ, свиней, или переступала черезъ оглоблю; щетина оттирается молокомъ съ крымзой

или калиной (*Сем.*), груднымъ молокомъ, потомъ калиной и наконецъ дрожжями (*Чар.*).

Къ *вереду* прикладывается зайчинка (заячья шкура), намазанная мыломъ. Для очищенія тѣла отъ чирьевъ употребляется растеніе волчья жила. У алтайскихъ жителей существуетъ особенная болѣзнь *кéмчукъ*, вередъ, часто набиваемый осотничьимъ ружьемъ на загривкѣ; опухоль его съ загривка распространяется и на грудь; рѣдко излечивается. *Сучья титька*, — болѣзнь, существующая въ Омскѣ, опухоль подъ мышкой и вереда, одни другихъ смѣняющіе; для излеченія прикладываютъ горячій хлѣбъ и потомъ бросаютъ его собакѣ.

Лишаи лечатся кислыми средствами: чернилами, калиной, растворомъ изъ квашни. *Летучій огонь:* сѣкутъ огонь надъ больнымъ мѣстомъ; самый младшій въ домѣ спрашиваетъ; «Что сѣчешь»? — «Огонь летучій», отвѣчаетъ самый старый въ домѣ, и сѣчетъ огонь. «На что»? — «Тебя жечь.» — «Сѣки его гораздо, чтобъ въ вѣкъ не бывало.» Также жгутъ синюю тряпку и подкуриваютъ больное мѣсто; жгутъ судомойку и прикладываютъ; когда окна «плачутъ», то собираютъ съ нихъ влагу и мажутъ ею.

Змѣевецъ на пальцѣ лечатъ лукомъ, подмыльемъ и вообще вонючими веществами, чтобъ уморить червяка. Въ Чарыш. стан. употребляютъ еще змѣеву траву.

Расперстица — опухоль и краснота между пальцами, лечатъ дрожжями и вареной чильчажной травой (Phlomis, Оликъ).

Цѝпки — чешуя на рукахъ отъ нечистоплотности.

Отъ *свороба* на дѣтяхъ — корень чистотѣла (Rumex acetosa), варятъ на молокѣ или сметанѣ, и имъ натираютъ тѣло дитяти.

Ушибъ лечится камфарной примочкой. Опухоль отъ ушиба давятъ серебрянымъ крестомъ, или вообще серебряной вещью. *Вывихъ* лечатъ припарками изъ верблюжей шерсти, вываренной въ соли.

Озноблённое мѣсто обкладывается гусинымъ саломъ. Стручковымъ перцомъ натираютъ руки отъ мороза.

При *обжогѣ* — тонкіе пласты свинаго сала накладываются на больное мѣсто. Лечатъ также овечьимъ пометомъ.

Порѣзъ лечится сокомъ порѣзной травы или молосника (кажется Tragopogon) (*Чар. ст.*), прикладываніемъ тенетъ и присыпаніемъ сахаромъ, порошкомъ чортова пальца (Belemnites), камешка, который попадается въ кирпичномъ чаѣ, мамонтова рога и морской пѣнки. *Банная притка*, трудно излечимая болѣзнь приключается послѣ бани, въ которой была распарена короста или порѣзъ. *Ныроко* и дѣтская болѣзнь *полуночница* неизвѣстно мнѣ въ чемъ состоятъ.

Искуственный нарывъ, подобно шпанской мушкѣ, производятъ посредствомъ растенія царскія кудри, для заживленія же употребляютъ шкырдовникъ (*Алт.*).

Болѣзни домашнихъ животныхъ. Сибирская язва ходитъ въ видѣ большаго мохнатаго человѣка, съ копытами на ногахъ. Она живетъ въ англійскихъ горахъ и выходитъ на равнину, когда позовутъ, т. е. когда ругаются: «язвите», «пятнайте» и проч. Отъ нея стрѣляютъ въ степь изъ ружей; запрещается свистѣть: свистъ также наводитъ ее на мѣстность.

Нокоть (чемеръ) бываетъ двѣнадцати родовъ: ноздревой, головной, сердечный нутреной, хребтовый, крестцовый и друг., и наконецъ *падунъ*. При послѣднемъ, безъ поданія немедленной помощи, лошадь издыхаетъ въ четверть часа. Нокотъ излечивается наговорами, какъ и родимый человѣка; при наговорѣ должны быть перечислены всѣ двѣнадцать родовъ, а если одинъ будетъ забытъ, да онъ-то именно и давитъ, тогда и весь наговоръ будетъ недѣйствителенъ. Оцарапываютъ также ноздрю барсучьимъ когтемъ; считаютъ полезнымъ обшивать хомуты барсучьей шкурой.

Если лошадь послѣ пота была недостаточно выстояна, то вливаютъ ей въ горло бутылку разсолу отъ соленаго мяса, также кидаютъ кровь и снова выстаиваютъ. Отъ *зажога* или запала кормятъ овсомъ съ вахтой (*Сем.*), съ хлѣбомъ, съ толченой летучей мышью (*Чар.*). сушеной конской гривой (Asparagus) въ овсѣ, растеніемъ поровницей (*Чар.*). Отъ опою поятъ водой, въ ко-

торой сварено муравьиное гнѣздо, цѣликомъ съ муравьями, яйцами и сучками (*Сем*). Отъ тощанія вслѣдствіе запала, или преждевременнаго спуска съ жару, ввязывается въ удилу для сосанія корень капандыса (Snula helenium) — очень популярное средство на Алтаѣ и по Иртышу. Даютъ также бутылку навара осиновой коры и черезъ три дня повторяютъ пріемъ; наконецъ дѣлается еще *кладь* изъ уксуса, рѣдечнаго сока, горючей сѣры, яйца и куринаго помета.

Обезноженье съ овса лечится конопляным съменемъ. При хромотѣ, *сарпѣ*, когда въ копытахъ заводятся черви, обливаютъ ихъ нефтью и обсыпаютъ мукой.

Отъ *гриба* дается конская грива (Asparagus) въ водѣ.

При *почечуѣ* языкъ мажутъ штукатурной щеткой, омоченной въ горячій настой изъ коры Божьяго дерева (Tamarix). *Ящерѣ* присыпаютъ купоросомъ. *Молосникъ* — растеніе молосникъ (кажется Tragopogon).

Паршъ лечится марьиными кореньями (Peonia). — Это растеніе парятъ въ корчагѣ и обмазываютъ имъ паршивую лошадь; для этого выбираютъ жаркій день и корчагу раскупориваютъ на вольномъ воздухѣ. *Чильчаги* (подкожные) желваки на Алтаѣ бываютъ рѣдко, но на Иргышѣ очень часто; отъ нихъ поятъ конской гривой (Asparagus).

Исплекъ бываетъ *сухой клубовой*; первый излечивается отхлопываньемъ рукой, послѣ чего мажутъ жиромъ, коровьимъ масломъ, барсучьимъ или медвѣжьимъ саломъ; при клубовомъ исплекѣ нужно уже вправлять кость.

Если корова «выронила жвачку», то кладутъ ей за щеку свитую въ скалку судомойку, напитанную солью. Больное вымя присыпаютъ порошкомъ мамонтова рога.

Если животное заболѣло *шатуномъ*, кидается на стѣну, на собакъ и проч., то его слѣдуетъ зарыть живаго въ землю съ кошкой, или пѣтухомъ.

Мухъ выводятъ, втыкая въ стѣну мухоморникъ, т. е. стебель Asparagus'a; клоповъ — вонючей травой, Cimicifuga, — также топятъ

печи донникомъ (Melilotus); употребляется еще суевѣрное средство: нужно связать на нитку двухъ клоповъ, тянутъ за нитку всей семьей, пятясь задомъ изъ избы, и кричать: «Ну, ну, ну, клопики!» При этомъ не нужно смѣяться.

Левъ спросилъ у матери: «Кто сильнѣе на свѣтѣ?» — «Человѣкъ,» отвѣчала ему мать. Захотѣлось ему узнать, какой-такой человѣкъ. Идетъ онъ мимо берега, видитъ въ водѣ стоитъ щука, и спрашиваетъ ее: «Что, ты меня не боишься?» — «Для чего мнѣ тебя бояться?» — «А кого же ты боишься!» — «Человѣка!» — Азартъ его беретъ! Встрѣчаетъ левъ малаго вьюныша и спрашиваетъ: «Ты человѣкъ?» — «Нѣтъ, я не человѣкъ, говоритъ вьюнышъ, а буду человѣкомъ.» Встрѣчаетъ старика съ костылемъ: «Ты человѣкъ?» — «Нѣтъ, а былъ человѣкомъ.» Наконецъ встрѣчаетъ настоящаго человѣка: «Ты человѣкъ?» — «Я человѣкъ:» — «Ну, испытаемъ, кто изъ насъ сильнѣе?» — «Ну, отходи, сказалъ человѣкъ (онъ на мудрости пустился), кто въ кого доплюнетъ?» Вотъ разошлись, левъ плюнулъ. — Далеко ли уплюнетъ? Человѣкъ какъ намѣтитъ ружьемъ, стрѣлитъ — глазъ у льва и вылетѣлъ изъ вѣка; подбѣжалъ онъ, да хватилъ его еще ножемъ по боку; пустился левъ къ матери, кричитъ: «Ну, какъ плюнетъ онъ въ меня — глазъ и вышибъ; прибѣжитъ, да лизнетъ языкомъ по боку — смотри, какую рану доспѣлъ, — разнесъ мнѣ бокъ!»

Женщина просила Бога, чтобъ онъ позволилъ ей носить ребенка въ утробѣ только мѣсяцъ, подобно животнымъ; Богъ сказалъ: «Хорошо, только тогда и сходиться съ мужчиной нужно только разъ въ году, какъ животныя».—Женщина не согласилась.

Тѣло у кого горячее — жена любитъ.

Въ Чарыш. ст. жилъ человѣкъ, по прозванью Плетка: если, говорилъ онъ самъ, онъ зинетъ на лѣсину (т. е. взглянетъ и подумаетъ: ахъ, какая добрая лѣсина), то эта лѣсина посохнетъ.

Не у всѣхъ людей одинаковая сила глаза; нѣкоторыя могутъ долго смотрѣть на ребенка и не изурочатъ его; все молодое, не зрѣлое особенно не выноситъ человѣческаго глаза; потому хозяйки стараются скрыть только что вылупившихся цыплятъ. Если лошадь убилась и люди не видали ее, .т е. человѣческій глазъ, ни волки ни собаки не будутъ ее ѣсть, хотя бы она годъ лежала (*Чар.*).

Увидѣть во снѣ человѣка съ взбитыми волосами — онъ въ горѣ. Остриженные волосы закапываютъ въ коровій пометъ для того, чтобъ птицы не разнесли, иначе голова будетъ болѣть, или чтобъ кудрявые были. Дѣвушкѣ, чешущей волосы вечеромъ, говорятъ: «пастухова невѣста». Зубъ выпалъ во снѣ — къ худу.

Лѣвая нога свербитъ — постылая дорога.

Хлѣбъ — даръ Божій. Стараются, чтобъ хлѣбныя крохи не падали на полъ. Хлѣбъ слѣдуетъ класть на столъ зарѣзанной стороной къ переднему углу. Не ѣшь горбушу — жена будетъ спать горбомъ; кто любитъ краюшки — любитъ дѣвицъ; если будешь ѣсть первый ломоть изъ подъ горбуши — первая, за которую посватаешься, пойдетъ за тебя. Закусивши одинъ кусокъ, взять другой — кто-то изъ семьи голоденъ. Не подбирай послѣдки, — будутъ рубахи скоро изнашиваться. Кто послѣдки подбираетъ, того дѣвки любятъ. Хлѣбъ грѣшно макать въ солонку, — такъ макалъ Іуда-предатель. Ртомъ изъ рѣки воду пить грѣшно, нужно черпать рукой. Изъ за стола выходи въ ту сторону съ которой зашелъ; иначе, сколько есть крестьниковъ, всѣ умрутъ.

Соли много ѣсть — домъ знать, не обѣгать.

Лежалую лѣсину не употребляй на домъ. Если три лѣсины не понравились съ прихода въ лѣсъ, не руби въ тотъ день (*Чар*). При постройкѣ дома нужно наблюдать, чтобъ не попало бревно съ пасынкомъ, т. е. сукомъ, который глубоко начинается въ древесинѣ и отдѣляется отъ нея щелью; если такой пасынокъ попадетъ въ венецъ, то хозяинъ дома скоро умретъ. (*Сем.*)

Видѣть во снѣ матицу, отдѣлившеюся отъ досокъ потолка, — мать семейства умретъ.

Въ передній уголъ садятъ попа, жениха, да дурака (*Чар.*)

Посуду на окно грѣхъ ставить — оно мыто изъ поганаго корыта (*Сем.*)

Притворить платье въ двери — въ свахахъ не быть; удариться объ дверь, сватомъ. — На порогѣ не сиди — невѣста откажется. Гостю, сѣвшему на порогъ, говорятъ: «Вѣдь ты не ссориться пришелъ».

Если печь, благословясь, затопить, десять другихъ печей радуются. Портящіе свадьбу становятся къ вертикальному деревянному брусу, который скрѣпляетъ выдающійся уголъ печи.

Въ огонь грѣшно плевать. Если головню вынуть изъ печи, да залить, то головни повадятся каждый день проситься залить. Если уголь, нечаянно вылетѣвши изъ печи или изъ огнища, прожжетъ кому платье — невѣста измѣнила. Дымъ на кого пойдетъ изъ курева — тотъ блудъ сотворилъ.

Сито не надѣвай на голову, — рости не будешь.

Грѣшно переступать черезъ оглоблю, ставать ногой на дугу.

Три года походить пологрудымъ, безъ поясу и не чеша волосъ — чортомъ станешь.

На себѣ не шей: память зашьешь. Гачи вышли изъ сапоговъ — теща именинница.

Однимъ полотенцомъ съ кѣмъ утираться, да если потомъ заблудишься, вспомни только имя этого человѣка и дорогу найдешь.

Пряжу не слѣдуетъ пересылать въ видѣ плетня, т. е. приготовленнаго уже для красенъ; на Алтаѣ сохраняется общее хозяйство матерей съ дочерьми, выданными замужъ, и потому такія пересылки отъ матери къ дочери часто бываютъ; если перевезти плетень, то звѣрь нападетъ на скотину того, къ кому плетень перевезенъ.

Птицу выпускать на волю слѣдуетъ промежъ ногъ, чтобъ птица не зашибла.

Грѣшно бить и лить на отмашь, т. е. отъ себя. — Такъ бьютъ только нечистую силу.

Сѣсть по серединѣ скакуши называется «кашу варить». Ска-

куша — доска, положенная на полѣно; на концы становятся дѣвочки и прыгаютъ. «Кашу варить» грѣшно, это все равно, что на отца хомутъ надѣть (*Сем.*).

Плевать грѣхъ отъ Пасхи до Вознесенья, особенно за окно: тогда Христосъ ходитъ по землѣ (*Сем.*).

Во время дороги въ повозкѣ нужно изладить постель и изголовье — голова не будетъ болѣть. Нужно брать съ собой въ дорогу хоть немножко хлѣба и соли.

Бурапливая свадьба, богатые будутъ.

Плюнуть на сапогъ — напраслина.

Вдругъ затихъ разговоръ — кто-то родился.

Кто укралъ, одинъ грѣхъ сдѣлалъ, у кого украли, сто сдѣлаетъ — сто людей заподозритъ: (*Сем.*).

Птица ѣстъ птицу, рыба рыбу, звѣрь звѣря, человѣкъ человѣка — торгуетъ, барыши беретъ, на чужой счетъ, значитъ, живетъ (*Чар.*).

Кто остался безъ отца — полсироты, а безъ матери — полный сирота (*Сем.*).

Кто за столомъ церемонится, тому говорятъ: «Доставай самъ; руки не коротки, не у мачихи росъ.»

Если конь хорошій, то говорятъ: «Къ тещѣ на блины ѣздить»; если ножъ большой — «тещу на печь подсаживать».

«Бабье сердце» говорятъ о горшкѣ, который долго кипитъ.

Жена пока летитъ съ лавки, три раза худо подумаетъ о мужѣ.

Надежда на коня, на лодку, да на жену, какъ на вешній ледъ (*Сем.*). Не надѣйся на коня, да на лодку, да на красну молодку (*Чар.*). т. е. коня не оставляй безъ привязи, лодки не вытащивши на берегъ, и жену безъ присмотру. Нѣтъ на свѣтѣ тошпѣе невѣрной жены и лошади пристали. Если желаешь кому зла, то пожелай ему, чтобъ мать воровала, жена блядовала, куда поѣдетъ, лошадь приставала.

Любовь бываетъ *сіяющая* и *притяная*. Первая есть любовь взаимная, приносящее счастье; вторая — невольная; какая нибудь женщина дурнаго поведенія привязываетъ къ себѣ молодца наговорами, и онъ начинаетъ тосковать, самъ не зная о чемъ; это называется «тоской по сердцу», или «глухой тоской». Любовь эта безотчетна, «ретивое само плачетъ, человѣческое слово не мило», и влюбленный дѣлается неразговорчивъ, убѣгаетъ человѣческаго общества, сохнетъ, «не долго и въ доски уйдти». Если мужъ не любитъ жену, то она прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ. Вотъ извлеченіе изъ омскаго архива (т. XV, дѣла 1750 г.) о томъ, какъ сержантъ Тулубьевъ приворожилъ къ себѣ тюменскую мѣщанку Ирину, показывающее, что въ прошломъ столѣтіи и само высшее духовенство было не чуждо народныхъ предразсудковъ. Обстоятельство это изложено въ промеморіи тобольской консисторіи отъ 20 марта 1750 г.

Ширванскаго пѣхотнаго полка сержантъ Василій Тулубьевъ, квартируя въ городѣ Тюмени у разночинки Катерины Тверитиной, лишилъ дѣвства дочь ея Ирину, и жилъ съ нею «блудно». Поссорясь съ матерью, перешелъ на другую квартиру и сталъ присылать сватовъ свататъ за себя Ирину; но мать отказала. Уговорясь-было съ Ириной, онъ пришелъ съ двумя солдатами, когда матери не было дома, и увелъ ее къ попу, оттуда въ церковь, гдѣ уже были другой попъ, подьячій, три солдата, да дворовый человѣкъ Тулубьева, Родіонъ Дунаевъ. Когда приступили къ вѣнчанью, Тулубьевъ, вмѣсто себя, поставилъ своего дворовaго человѣка, и хотя дѣвушка бѣжала, но ее не отпустили, и одинъ попъ сталъ молитвы читать, другой скорѣе вѣнчать, а подьячій Лапинъ тутъ же читалъ и пѣлъ. За вѣнчанье Тулубьевъ заплатилъ попу 5 рублей, а подьячему 2 рубли, и, не выходя изъ церкви, самъ и окрутилъ, заплетая косы своими руками. «Въ 3-й день послѣ вѣнца, Тулубьевъ, обрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть и увелъ ее съ собою одное въ баню, и совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, волосовъ по части и обтирая съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ, такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а по-

томъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножемъ кожу, и взялъ съ парнаго вѣника три листа и сминалъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами, со скобленною съ ногъ кожею и съ парнаго веника листьемъ, и сдѣлалъ колобокъ, а послѣ того въ той же банѣ и съ нея женки Ирины такимъ-же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ отиралъ и сминалъ по вышеписанному, съ печиною, воскомъ, солью, волосами, вѣнечнымъ листьемъ и оскобленною съ ногъ ея кожею и сдѣлавъ тѣ колобки порознь, и вышедъ изъ бани, на оные колобки, смотря въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо чего шепталъ; а куды оные съ волшебствомъ хлѣбные колобки употребилъ, того она Ирина не знаетъ.» Тулубьевъ не позволялъ жить ей съ Дунаевымъ, билъ ее, выспрашивая, не живетъ-ли съ Дунаевымъ, уводилъ въ лѣсъ, привязывалъ къ березѣ, и надъ нею читалъ свою волшебную книжку. «Потомъ, наскобливъ ножемъ съ хоромныхъ угловъ стружекъ и положа оные съ телѣжною съ колеса грязью въ теплую банную воду, поилъ тѣмъ ее Ирину насильно, насильно также и виномъ съ порохомъ и роснымъ ладаномъ принужденно паивалъ, и нашептавъ на воскъ и сѣру, накрестъ оные лѣпилъ и носить ей, женкѣ, на себѣ велѣлъ». Онъ не выпускалъ ее изъ дому, нарочно отлучалъ отъ нея Дунаева, и всегда носилъ съ собою ея волосы, нашептавъ на нихъ. «Отъ котораго его волшебства такое сдѣлалось ей, Иринѣ, приключеніе, что она чрезъ 10 недѣль и болѣе, безъ него Тулубьева, когда его не видитъ, жить не могла и по немъ тосковала, и для того за нимъ, когда онъ съ квартиры куда пойдетъ или поѣдетъ, неоднократно бывъ въ безпамятствѣ, бѣгала и драла на себѣ платье и на головѣ волосы; отъ котораго-де ей нечаяннаго приключенія и тоски пользовалъ ее Ирину, его-жъ Тулубьева человѣкъ, Никифоръ Васильевъ, давалъ ей, наговоря, съ ея волосовъ, кои она тайно по совѣту его у онаго сержанта изъ кармана выняла, одинъ разъ пить квасу, съ котораго-де времени стало быть ей легче, и тосковать по немъ, Тулубьевѣ, она перестала». Она украла у Тулубьева книжку и пере-

дала ее въ Тобольскъ. Въ консисторіи было опредѣлено: Тулубьева лишить унтеръ-офицерскаго званія и сослать на покаяніе въ енисейскій монастырь. Бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгнуть, а Иринѣ велѣть содержать три года покаяніе; она, какъ блудница, заслуживала также монастырскаго заключенія за то, что «дерзнула подъ уговоромъ съ онымъ Тулубьевымъ, яко-бы за него самаго въ замужество идтить къ вѣнчанію, и въ дѣвкахъ жила съ нимъ блудно, но понеже она навращена къ тому по злодѣянію того Тулубьева чародѣйствомъ его и присушкою, а не по свободной своей волѣ; для такихъ резоновъ и за претерпѣнныя ея чрезъ злыя онаго Тулубьева дѣйствія обиды, отъ посылки въ монастырь освободить, но все-таки, за ея согласіе безъ объявленія матери на замужество, оставить ее безъ «духовнаго пастыря» невозможно.»

Половое сообщеніе, не смотря на освященіе религіи, считается поганымъ дѣйствіемъ, требующимъ очищенія. Послѣ каждаго такого акта считается обязанностію облиться водой; обливаніе водой, какъ обрядъ, входитъ въ составъ свадебныхъ обрядовъ; человѣкъ не облившійся считается нечистымъ, и ему запрещается входить въ пасѣку, которая считается священнымъ мѣстомъ.

Существуютъ разсказы о смѣшеніи женщинъ съ чертями и о сожитіи одной женщины съ медвѣдемъ. Послѣдній очень коротко разсказывается: одна женщина была захвачена медвѣдемъ и унесена имъ въ берлогу; когда она очнулась отъ испуга, медвѣдь далъ ей камень и сдѣлалъ видъ, что его нужно лизать; женщина стала лизать и была сыта; потомъ она такъ «обнатужилась», что забеременѣла, но не успѣла родить, какъ братья ея убили медвѣдя и воротили ее въ деревню. — Случаи смѣшенія съ чертями болѣе часты; чортъ принимаетъ видъ какого-нибудь извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобъ отличить его, нужно заглянуть ему за спину: спины у него нѣтъ, и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ, какъ въ корытѣ. — Въ станицѣ Шульбинской была казачка Полынцева, у которой мужъ умеръ въ

Семипалатинскѣ, гдѣ и былъ похороненъ. Онъ былъ тамъ на работѣ, и наканунѣ каждаго праздника пріѣзжалъ домой. Казачка стала тосковать по мужѣ, и по привычкѣ наканунѣ перваго же праздника сѣла за воротами, будто ожидая мужа. И въ самомъ дѣлѣ, мужъ ѣдетъ изъ города; въ радости она забываетъ, что мужъ ея умеръ, принимаетъ мнимаго мужа, ужинаетъ съ нимъ и проводитъ почь. На утро преступленіе ясно представилось ей, и она рѣшилась удерживаться отъ него во-второй разъ; но въ сумерки трезвость мысли стали покидать ее, постепенно она утрачивала отчетливое пониманіе, что съ ней дѣлается и наконецъ впала въ непреодолимое желаніе видѣть своего мужа; и мужъ являлся каждую ночь. Въ такой борьбѣ проходила ея жизнь, пока она не забеременѣла. Замѣтивши это, одна старуха сказала ей: «Что ты это, мерзавка, дѣлаешь?» Старуха думала, что она распутничаетъ, но та разсказала старухѣ свою исторію. Старуха дала что-то ей пить и та осталась до смерти беременною, а то родила-бы чертенка.

Свадьбы подвержены большимъ приключеніямъ, дружка долженъ умѣть отвращать эти несчастія; потому дружки упрашиваютъ своихъ поѣзжанъ снимать шапку каждому встрѣчному — Богъ вѣсть, что за человѣкъ ѣдетъ. У одной свадьбы завязъ въ колесахъ боровъ и визжитъ; посмотрятъ, ничего нѣтъ, пойдутъ— завизжитъ и затормозитъ. Дружка былъ хитрый, обратился къ народу и говоритъ: «Господа, если вы не отпустите меня, я уѣду отъ васъ лихомъ!» Народъ молчитъ, смотритъ, что будетъ. Дружка повторилъ до трехъ разъ и, не получивъ освобожденія, вынулъ саблю, начертилъ на землѣ человѣка и отрубилъ ему голову — у того, кто тормозилъ свадьбу, слетѣла голова. Иногда срѣзаютъ девятый слѣдъ у невѣсты, когда она выйдетъ изъ саней — тогда у ней исчезаетъ половой органъ; съ женихомъ также бываетъ подобное несчастье; когда женихъ ѣдетъ къ вѣнцу, то знающій дружка совѣтуетъ ему обмотать половой органъ мочалой и завязать узломъ на-отмашь.

Однажды въ избу, гдѣ была свадьба, вошелъ старикъ и залѣзъ на печку; но къ нему подошелъ молодой дѣтина, вѣрно былъ дошлѣе его, и подчуетъ его виномъ. «Нѣтъ, выпей ты напередъ»! говоритъ старикъ. Дѣтина выпилъ и у него всѣ зубы выпали въ стаканъ, но онъ ихъ сейчасъ назадъ въ ротъ сглотнулъ. Старику ужъ нельзя было отказаться; выпилъ и онъ, и у него зубы вывалились, а дѣтина выхватилъ у него стаканъ изъ рукъ, зубы положилъ себѣ въ карманъ и сказалъ: «Ну, ты тутъ посиди, а мы поѣдемъ».

Черти плода не имѣютъ, а умножаются прòклятыми и купленными людьми *(Сем.)*.

Слѣдующій разсказъ, записанный на Алтаѣ, однакожъ противорѣчитъ этому повѣрью. Когда всѣ въ деревнѣ спали, кто-то сталъ стучаться въ избу, въ которой жила повивальная бабушка и звать помочь родинамъ. «Постой, дитятко, накину что-нибудь на себя», закричала старуха и вышла на улицу; видитъ, стоитъ человѣкъ, держитъ саночки, на какихъ возятъ на рѣку бѣлье полоскать, и говоритъ: «Садись, бабушка, я довезу тебя». Повезъ онъ её на рѣку, и прямо къ банѣ; старуха испугалась, но зашла въ двери, видитъ, что на полкѣ лежитъ женщина въ родахъ. Когда старуха оправилась отъ страха, принялась за свое дѣло. Пока она правила, человѣкъ, который её привезъ, намазывалъ чѣмъ то изъ стклянки свои глаза. «Чѣмъ ты это мажешь, дитятко? Дай-ка мнѣ»? сказала старуха; человѣкъ подалъ ей стклянку и она помазала себѣ одинъ глазъ. Когда она кончила всё, онъ наскребъ ей въ подолъ золота, и на тѣхъ же саночкахъ отвезъ домой. «Вставайте скорѣе, кричитъ старуха своимъ домашнимъ, добывайте огня, да смотрите, сколько я добра-то навезла»! Встали, добыли огня, смотрятъ — полный подолъ у старухи конскихъ шевешовъ, да щепокъ. Тутъ старуха замѣтила, что при человѣческомъ огнѣ она не видитъ на тотъ глазъ, который помазала — такъ и окривѣла. Послѣ ужъ, когда случилось ей быть на рѣкѣ, ослѣпшимъ глазомъ

она увидѣла, какъ нерусскій человѣкъ бѣгаетъ по льду на лыжахъ; но никто другой, кромѣ ея, ни сама она другимъ своимъ глазомъ не могла видѣть этого человѣка.

Въ баняхъ живутъ нечистые духи, которые сдираютъ когтями кожу съ людей.

Мужикъ рубилъ дрова въ лѣсу; былъ одинъ, чортъ и подѣковался надъ нимъ. Положитъ онъ топоръ на одно мѣсто, отвернется — топора ужь тутъ нѣтъ, переѣхалъ на другое мѣсто; положитъ на землю, очутится въ деревѣ, воткнетъ въ пень, очутится на землѣ. Мужикъ испугался, пріѣхалъ въ деревню и сталъ обсказывать, какъ все было. «Нѣтъ, это еще не чудо, сказалъ тесть; ты послушай, что со мной было. Пошелъ я на гумно вечеромъ; чтобъ подолѣ посидѣть, нащепалъ поболѣ лучинъ, иду, дойти не могу; всѣ лучины сжегъ, пока шелъ, а гумна какъ вѣкъ не бывало. Что за диво, совсѣмъ сплуталъ, и не знаю, гдѣ я стою. Мѣсто совсѣмъ не знакомое! Только идетъ старикъ мимо; вотъ я къ нему: «Выручи, говорю, старина»!—«Иди, говоритъ, по этой дорогѣ, будетъ бѣжать бѣглая свадьба, а за ней погоня; ты ужь дождись свадьбы. Въ телѣгѣ будетъ сидѣть старикъ и изо всей мочи бить присталую лошаденку; ты заскáкивай къ нему въ телѣгу; ничего, что будетъ бить тебя самаго, терпи, пока не поровняешься съ бѣлой березой. Какъ поровняешься, хватайся за сукъ и держись». Такъ и случилось; заскочилъ я въ телѣгу, началъ меня бить старикъ, терплю, жду бѣлой березы; какъ только поравнялись, ухватился я за сукъ и остался; и такъ онъ мнѣ нажарилъ бока, что вишу, да охаю. Вотъ и слышу, будто хозяйка говоритъ мнѣ: «Что ты охаешь?» Я пробудился, что же ты, сударь, думаешь — приплелся я и руками и ногами къ полатному брусу, дивй, какъ не упалъ со сна.»

Въ 18** г. южные степные округа подверглись нашествію мышей, которыя шли съ запада. Народъ говорилъ: это черти одной области проиграли въ карты своихъ мышей чертямъ другой области; вотъ теперь и гонятъ ихъ домой выигравшіе; вѣдь это ихъ

скотина не благословленная; они и играютъ на неё, какъ помѣщики на своихъ крестьянъ.

Сусѣдка — доможиръ (домовой), живетъ въ подпольѣ въ углу подъ печью; онъ показывается въ видѣ кошки или собаки. Онъ помогаетъ въ хозяйствѣ, и безъ него никакой хозяинъ не можетъ поддерживать свою домашность. Ночью онъ выходитъ изъ своего угла и хозяйничаетъ — поитъ лошадей, даетъ имъ сѣна, даже таскаетъ сѣно изъ чужаго двора, плететъ у жирныхъ лошадей косы; садится прясть, бываетъ слышно, какъ свиститъ веретено, и утромъ прядева прибываетъ, плететъ косы и у бабъ, а у мужиковъ бороду. Иногда сусѣдка не взлюбитъ какую-нибудь лошадь, тогда начнетъ ѣздить на ней по ночамъ до тѣхъ поръ, пока не сшоркаетъ шкуру съ боковъ; на шею такой лошади надѣваютъ гасникъ и завязываютъ на-отмашь; гасникъ этотъ долженъ быть непремѣнно «приспанъ», т. е. быть на мужѣ во время сообщенія съ женой. Если сусѣдка не взлюбитъ, напримѣръ, бѣлыхъ лошадей, то не развести ихъ хозяину до тѣхъ поръ, пока онъ не переѣдетъ въ другой домъ. Если сусѣдка гоняетъ куръ, то ихъ подкуриваютъ козьей шерстью. При входѣ въ новый домъ и потомъ въ каждый сочельникъ передъ Крещеньемъ, кладутъ подъ голубецъ нарочно для сусѣдки испеченныя булочки, въ гривну величиной, или лепешки. Если сусѣдка давитъ ночью, разливая по тѣлу тепло, то къ добру, а если давитъ холодный, то къ худу.

Кикимора живетъ въ нежилыхъ домахъ; она бросаетъ во входящихъ въ такой домъ камнями изъ развалившейся печи. Заводится и въ жилыхъ домахъ, если какой нибудь зложелатель при постройкѣ дома всунетъ въ пазъ вмѣстѣ со мхомъ куклу, обрубокъ дерева, или даже щепку; въ домѣ вслѣдствіе этого поднимается по ночамъ шумъ, стукъ, начинаетъ бить посуду, словомъ въ домѣ поселяется кикимора.

Вѣщицы (вѣдьмы) летаютъ по ночамъ подъ видомъ безхвостой сороки; онѣ спускаются ночью въ трубы, которыя были закрыты неблагословясь, похищаютъ дѣтей изъ утробы спящихъ матерей, разводятъ на шесткѣ огонь и съѣдаютъ ребенка, а вмѣсто не о

оставляютъ въ утробѣ матери голикъ, краюшку, льдинку или головню. Мущины слышатъ, какъ онѣ стрекочатъ, но не въ состояніи въ это время пошевелиться. Нѣкоторыя вѣщицы начинаютъ въ дѣвицахъ, и до старости занимаются этимъ; чтобъ обратиться въ сороку, женщина ложится подъ бушное корыто, въ которомъ моютъ бѣлье, и вылетаетъ оттуда сорокой; руки превращаются въ крылья, а ноги остаются ногами.

Лѣшакъ живетъ въ лѣсу, имѣетъ образъ человѣка, только безъ бровей и рѣсницъ; когда идетъ по лѣсу, ровенъ съ лѣсомъ, по травѣ—ровенъ съ травой, и уменьшается иногда до величины мухи. Алтайскіе охотники часто видятъ его, какъ онъ подсаживается къ огню, разведенному ими съ вечера, грѣется и поддерживаетъ его.

Кладъ принимаетъ видъ кошки или жеребенка; чтобъ обратить его въ золото, нужно ударить его веретеномъ на-отмашь. Жили двое; хозяинъ уѣхалъ на пашню, хозяйка ткала красны. Только изъ голубца лѣзетъ старикъ, сѣдая борода — чапается и спрашиваетъ: «Ткешь, молодица?»—«Тку, дѣдушка,» отвѣтила она, и такъ онъ три раза спросилъ; на другой день тоже. Она пошла къ сосѣдкѣ старухѣ и обсказала ей всё. Какъ старуха научила её, такъ молодица и сдѣлала: къ той порѣ, какъ старику выходить, затеплила свѣчку передъ иконой и молится; а старикъ увидалъ и идетъ къ ней; она его на-отмашь лучиной ударила — онъ и разсыпался въ злато и сéребро. Молодица испугалась, убѣжала къ старухѣ, пришли вмѣстѣ, давай собирать, наклали полны корчаги и мѣшки. Пошла молодица за мужемъ. «Иди, говоритъ, корова заболѣла». Бросилъ мужъ пашню, прибѣжалъ прямо на дворъ, корова здорова. «Нѣтъ, въ избу иди», говоритъ молодица. Тутъ она показала ему золото и раздѣлили.

Разсказъ о папѣ рымскомъ *). Одинъ былъ такой дока, такъ управлялъ нечистой силой, что они ему на воздухѣ мостъ

*) Такъ называлъ этотъ разсказъ самъ разсказчикъ, хотя въ немъ о папѣ рымскомъ нѣтъ ни слова.

стлали и на бѣгу лошадь подковывали. Приходитъ онъ въ хижину къ убогой старушкѣ; у нея маленькой сынъ. Вдругъ нашли тучи, морокъ — ничего не видать. Онъ и говоритъ ей:—«Сходи на улицу, посмотри, что тамъ дѣется». Старушка сходила, и обсказываетъ ему: «Сидятъ на крышѣ три голубя, а на нихъ вороны налетѣли и клюютъ, и такъ ихъ много, что свѣту не видать изъ за нихъ; а голуби отбиваются».—«Отдай мнѣ твоего сына», говоритъ этотъ человѣкъ старухѣ, а самъ рисуетъ углемъ на стѣнѣ коня. Одначе старушка отказала ему; вотъ онъ въ другой разъ высылаетъ ее; ужъ только два голубя осталось; а когда въ третій разъ онъ ее выслалъ, только одинъ. Тутъ онъ сѣлъ на нарисованнаго коня и выскакалъ изъ избы — такъ до земли косточки не допустили, всего разорвали и разнесли. Ладно, что не отдала ребенка. *(Усть-Кам.)*

Отецъ и лѣнь. Прежде не одна лѣнь была на свѣтѣ, а былъ еще братъ у ней, Отецъ; тотъ былъ почище ея. Сидѣли они подъ яблонью, и Лѣнь говоритъ: «Ахъ, кабы эти яблоки падали мнѣ прямо въ ротъ!» А Отецъ: «Какъ тебѣ и говорить-то не лѣнь!» Слава Богу, что Отецъ утонулъ, а то еще бы болѣе было напасти на человѣка. Переплывали они вмѣстѣ рѣку, Лѣнь переплыла, а Отецу лѣнь было грести руками, онъ и утонулъ. *(Семип.)*

Оплетаи — люди состоящіе изъ половины и способные спаряться; когда идетъ одинъ оплетай, онъ не страшенъ, потому что имѣетъ одну ногу, одну руку, одинъ глазъ; но если два оплетая сростутся, то отъ нихъ и на конѣ не ускрестись.

Есть люди съ собачьими головами, называемые *ителя*, и съ конскими копытами.

До прихода Русскихъ, Сибирь была заселена Чудью; у этой Чуди было предсказаніе, что когда на сибирской почвѣ выростетъ бѣлая береза, то и всей землей завладѣетъ бѣлый царь; когда бѣлая береза въ самомъ дѣлѣ появилась въ Сибири, Чудь закопалась заживо въ землю со всѣми сокровищами. Поэтому бугры, въ

которыхъ находятъ древности, и все, что въ нихъ будетъ найдено, называются чудскими.

Сколько въ шубномъ рукавѣ волосъ, столько народу въ Китаѣ. Когда будетъ война съ Китаемъ, будетъ свѣтопреставленіе. Русскій царь хотѣлъ воевать съ китайскимъ, но китайскій отсовѣтовалъ ему: въ моемъ царствѣ жарко, въ твоемъ холодно; твои люди изопрѣютъ, мои замерзнутъ. Чтобъ показать свою непобѣдимость, китайскій царь прислалъ русскому царю бочку муки; онъ хотѣлъ этимъ сказать, что сколько въ бочкѣ мучинокъ, столько у него людей; русскій царь послалъ ему въ отвѣтъ небольшой боченокъ перцу.

На Алтаѣ очень распространено повѣрье о странѣ *Бѣловодье*, которая лежитъ за моремъ; тамъ живутъ русскіе люди, имѣютъ православныя церкви, и съ этого берега моря слышно, какъ на той сторонѣ звонятъ колокола. Два раза населеніе томской губерніи пыталось открыть эту обѣтованную землю; кажется въ началѣ этого столѣтія, а потомъ, кажется въ 1843 году, каменщики или ясачные, живущіе въ вершинахъ Бухтармы, сговоренные крестьяниномъ Мурзинымъ, наняли Татарина быть вожакомъ за половинку алаго сукна и четыре маральихъ рога, дѣтей посадили въ переметныя сумы и отправились черезъ Китай, на Бѣловодье. Они были возвращены изъ города Хобды.

Разсказъ казака Мамьева въ станицѣ Яровской о бытствѣ на Бѣловодье. Красулинцами называются бѣглые, живущіе въ Бѣловодьѣ, за Енисеемъ, по уряднику Красулину, изъ Усть-Каменогорска. Сойоны сказываютъ, что слышно звонъ колоколовъ, гдѣ живутъ Красулинцы. Крестьяне отправились на Бѣловодье съ урядникомъ Носковымъ, знавшимъ по-киргизски и калмыцки. Онъ прошелъ по каменистымъ горамъ, по Чулышману и Абакану. Енисей идетъ изъ моря, чрезъ которое нужно идти въ Бѣловодье три дня. У моря Носковъ зимовалъ. Китайскій чиновникъ взялъ взятку за спокойное проживаніе, но обманулъ, донесъ своему начальству, чтобъ прислали войско для взятія ихъ въ подданство. Когда русскій отрядъ нашелъ ихъ, китайскій чиновникъ спросилъ его начальни-

ка: «Зачѣмъ онъ пришелъ?» За своими людьми. «А почто у васъ бѣгаютъ?» Не знаю. А вы почто держите? Тутъ русскіе схватили троихъ чиновниковъ. Носковъ и говоритъ начальнику: «Ваше благородіе, видно судьба наша та! Нечего дѣлать! Но пусть не пропадаютъ наши подарки, воротимъ ихъ съ китайскаго чиновника.» А онъ (начальникъ) не только воротилъ подарки, но и самихъ повезъ съ собой. Урядникъ, который былъ при отрядѣ, сказалъ начальнику: «Ваше благородіе, не нужно-бы ихъ везти. Этимъ учинимъ Россіи разстройку. Они не только живыхъ, мертвыхъ увозятъ домой; лучше взять однихъ лошадей; лошади хороши.» Одинъ только урядникъ зналъ по-калмыцки; какъ заговорили съ ними, они, какъ звѣри лютые, бросились обнимать его; извѣстно, не знаютъ, куда везутъ и зачѣмъ, думаютъ и головы отрубятъ, а скажутъ, никто не понимаетъ. Лошадей съ радостью отдали и ушли пѣшкомъ.

Разсказы о разбойникахъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія нижній ярусъ Алтая никѣмъ не былъ занятъ; русская колонизація на равнинѣ примыкала къ нему только въ двухъ пунктахъ — по рѣкамъ Чарышу, гдѣ былъ тогда заводъ Демидовыхъ, и по Иртышу, гдѣ была крѣпость Устькаменогорская. Пустыня продолжалась отъ Алтая внутрь Сибири до самой Барабы; а съ другой стороны, только въ альпійской странѣ Алтая кочевали Калмыки, которые изрѣдка отдѣльными семьями спускались къ подошвѣ, вѣроятно для звѣриныхъ промысловъ. Въ эти же глубокія долины приходили съ равнины русскіе люди, отчасти для звѣропромышленности, отчасти избѣгая повинностей и налоговъ; жили тамъ по нѣскольку лѣтъ и выѣзжали на равнину для разбоевъ. Нѣкоторыя рѣчки названы по ихъ именамъ, какъ напр. Омелиха, въ сѣверномъ Алтаѣ, названа по разбойнику Омельяну, который имѣлъ на ней избушку. Рѣчка Селезневка, впадающая въ Бухтарму—по разбойнику Селезню. Объ этомъ послѣднемъ больше разсказывается на югѣ томской губерніи, чѣмъ о какомъ нибудь-другомъ. Селезень каждую зиму отдавался въ руки тогдашней полиціи, его увозили въ Бійскъ; когда приходила весна, онъ говорилъ: «Пора селезню крылышки

расправить,» и уходилъ изъ тюрьмы. Въ вершинахъ рѣки Селезневки, выше Селезневскихъ щекъ, и теперь еще есть яма на томъ мѣстѣ, гдѣ была его избушка; въ Селезневскихъ щекахъ находили его вещи, ружья, таганы и проч. Главный складъ его былъ на рѣкѣ Черновой, и онъ хотѣлъ открыть его конвойнымъ, которые въ послѣдній разъ плавили его внизъ по Иртышу, въ Усть-каменогорскую крѣпость; но конвойные не согласились отпустить его. Такъ и до сихъ поръ его сокровища не найдены; «счастливый найдетъ ихъ», сказалъ онъ. Чтобъ уйдти изъ тюрьмы, ему нужно было только ложку воды—какъ только досталъ ее, ужъ и плыветъ по рѣкѣ селезнемъ. Вотъ историческія извѣстія объ этомъ разбойникѣ, извлеченныя изъ омскаго архива: 9-го декабря 1746 г. кузнецкій воевода Мировичъ доносилъ, что ему удалось поймать вора Афонасья Селезнева, который кралъ у Бухарцевъ товаръ. 9-го февраля 1747 г. поручикъ Волковъ доносилъ, что онъ отыскалъ воровъ, ограбившихъ Бухарца Ахмета, именно крестьянъ Семена Шибнихъ, Афонасья Ключихина, Афонасья Селезнева, рекрута Ивана Урѣнина, всего 17 человѣкъ, изъ нихъ Селезневъ съ нѣкоторыми другими не былъ однакоже пойманъ. По показанію Семена Шибнихъ, Селезневъ и Ягодкинъ живутъ на Селезневомъ озерѣ. Въ 1750 году подпоручикъ Поповъ, командиръ Семіярскаго станца, выпустилъ изъ подъ караула «явнаго и публикованнаго вора» Афонасья Селезнева; объ этомъ производилось слѣдствіе.

Противъ Лебяжьей станицы лежитъ озеро Пѣтушки, въ водѣ котораго прятался разбойникъ Пѣтуховъ, съ дудкой во рту.

Разсказы о докультурномъ бытъ русскаго народа. Какито просты люди были прежде. Наша бабушка про себя сказывала, она тогда още въ дѣвочкахъ была, пошли онѣ, дѣвочки, березовку точить, а мужикъ боронитъ ѣздитъ; онѣ увидали его, что онъ кружатъ, подумали, что заблудился, дорогу ищетъ, да и реви ему: суды, суды, дядюшка, здѣсь дорога-то. *(Чарыш. ст.)*.

Мужъ купилъ три стерляди, привезъ подъ вечеръ домой; жена,

не спросясь, взяла рыбу и стала ее чистить: разрѣзала, а въ ней сраму-то? она вынула и бросила въ шайку; а это икра была. Сколь-же не дикій народъ былъ. *(Семип.)*

У казаковъ, которые живутъ на Алтаѣ и по Иртышу, сохранились преданія о запорожцахъ, которые въ числѣ 138 человѣкъ были сосланы сюда въ 1770 году за раззореніе пограничныхъ польскихъ городовъ; вотъ разсказъ, записанный въ Чарышской станицѣ: Сильный былъ народъ запорожцы! Сѣно метать дѣлали вилы въ заведь толщиной: эдакую страсть! Осилки были, да и крѣпки! Какъ надѣлъ рубаху, такъ годъ и носитъ. А въ банѣ парились, штановъ не снимали: не хорошо, сказывали. Это намъ запорожецъ Иванъ Сухой разсказывалъ: жилъ на кошу запорожецъ Ѳома; онъ былъ женатъ. Смиренный человѣкъ, когда и заговоритъ если, и кричатъ всѣ: «шелепомъ его по губамъ.» И умный былъ человѣкъ, да бѣдный; а какъ послѣ разбогатѣлъ, такъ и кошевымъ доспѣли. Кладъ добылъ — все ходилъ рыбачить, да рылъ червей, и вырылъ кувшинъ золота. Сталъ нашъ Ѳома богатѣть, а не сказываетъ, откуда чево взялось; на рыбѣ, говоритъ, добываю. Только и захотѣлось ему испытать, разболтаетъ, али нѣтъ жена, если разсказать ей. Замаралъ Ѳома штаны, несетъ сороку и говоритъ женѣ: «Жена, я сороку родилъ. Да ты не сказывай никому.» — «Что ты, вотъ срамъ какой! я буду разбалтывать!» говоритъ жена. Идетъ Ѳома съ рыбалки, а народъ ужъ и кричитъ ему: «Ѳома сороку родилъ! Ѳома сороку родилъ!»

Въ станицѣ Барашкахъ (недалеко отъ Усть-Каменогорска) жили два запорожца: Данило Запороцкій и Иванъ Сухой. Когда Иванъ Сухой пріѣзжалъ въ Усть-Каменогорскъ, его всегда угощали; на вопросъ, за что его угощаютъ, отвѣчали: онъ одинъ стоитъ противъ пятисотъ. Если ему достанется въ табунъ, онъ всегда говорилъ своимъ товарищамъ: «Вы не ѣздите ребята рано, я одинъ покараулю;» очертитъ кругъ, вторкнетъ копье и захрапитъ. Табунъ такъ смирно стоитъ, что остальные караульщики насилу его най-

дутъ. Казакъ Рыжковъ давалъ ему большую плату, чтобъ научилъ его. «Нѣтъ, сказалъ Иванъ Сухой, и себя и людей погубишь.» Однажды паны поймали его въ курганѣ (это было еще, когда онъ былъ на Запорожьѣ) и спрашиваютъ: «Говори, сколько ты панскихъ головъ отрѣзалъ?» Иванъ Сухой поклонился и говоритъ: «А дайте рюмку, всю правду скажу.» Выпилъ и говоритъ: «А дайте другую;» а потомъ и третью. Когда выпилъ третью, поклонился, выхватилъ ножъ, бросился на пановъ и говоритъ: «А вотъ этихъ двоихъ, да тебя третьяго.» *(Запис. въ Бухт.)*

Подобныя же преданія сохранились и о донцахъ, также сосланныхъ. Одинъ донской сотникъ умѣлъ заговариваться отъ пуль; съѣздитъ за Иртышъ «пополяничать», пріѣдетъ назадъ и говоритъ: «Ребята, не надо ли гороху?» разстегнетъ халатъ: пули и посыпятся.

Гр. Потанинъ.

4 янв. 1863 г.
С. Петербургъ.

АРТЕЛИ
ВЪ ДРЕВНЕЙ И НЫНѢШНЕЙ РОССІИ.

Приступая къ изслѣдованію объ артеляхъ, мы не можемъ имѣть въ виду разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ это характеристическое явленіе въ жизни и отношеніяхъ нашихъ простолюдиновъ, такъ какъ для полнаго и удовлетворительнаго объясненія его еще недостаетъ надлежащаго количества матеріаловъ. Имѣя однако въ виду важность этого явленія, на которое въ настоящее время обращено справедливое вниманіе, мы считаемъ не безполезнымъ предложить здѣсь собранныя нами свѣдѣнія: 1) касательно артелей древней Россіи; 2) объ артеляхъ нынѣ существующихъ; 3) объ относящихся къ нимъ законодательныхъ постановленіяхъ. Въ заключеніе представимъ выводы, вытекающіе изъ этихъ данныхъ и приложимъ тѣ изъ полученныхъ нами подлинныхъ документовъ, на основаніи коихъ образовались и дѣйствуютъ нѣкоторыя артели.

I.

Артель, въ смыслѣ товарищества нѣсколькихъ лицъ, соединяющихся своимъ капиталомъ и трудами или только послѣдними для какой-нибудь работы, промысла или предпріятія и вслѣдствіе этого отвѣчающихъ другъ за друга,—

есть явленіе, встрѣчающееся у насъ еще въ глубокой древности, а названіемъ своимъ оно указываетъ на отдаленныя, и именно торговыя связи нашихъ предковъ съ восточными народами, въ языкахъ которыхъ этимъ словомъ означаются *общины* и *товарищи*. Первые слѣды такой ассоціаціи находимъ мы еще въ XI и XII-мъ столѣтіяхъ въ правительственныхъ постановленіяхъ, коими дозволяется *вкладываться* въ общество, учреждаемое для какой-нибудь общеполезной цѣли. Именно, уже въ Русской Правдѣ, древнѣйшемъ памятникѣ свѣтскаго законодательства въ нашемъ отечествѣ, встрѣчается указаніе на круговую отвѣтственность, которою обязаны въ отношеніи платежа *дикой виры* (денежной пени) за убійство, учиненное въ *верви* (округѣ), всѣ *вложившіеся въ дикую виру* или составляющіе *дружину*. Эта круговая отвѣтственность имѣла мѣсто въ томъ случаѣ, если убійца (*головникъ*) былъ извѣстенъ и, находясь на лицѣ, принадлежалъ къ дружинѣ [1]); но размѣръ пени, падавшей на каждаго изъ членовъ, былъ, кажется, неодинаковъ, смотря по различію убійства: при вирѣ въ 80 гривенъ дружина могла даже платить только половину, въ которой долженъ былъ участвовать и убійца, а остальную половину платилъ самъ *головникъ;* за разбойника же никто не былъ обязанъ платить: онъ выдавался *на потокъ* съ женою и дѣтьми. — Другое любопытное указаніе на подтверждаемую правительствомъ ассоціацію находится въ извѣстной грамотѣ (начала XII-го вѣка), данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ-Гавріиломъ Новгородской церкви Іоанна Предтечи («на Петритинѣ дворищѣ»). При этой церкви производился, какъ извѣстно, вѣсъ воска, продаваемаго мѣстными и иногородными купцами, привозившими его въ Новгородъ: *низовыми*, полоцкими, смоленскими, новоторжскими. Право на вѣсъ, на основаніи грамоты, предоставляется княземъ только *купечеству Иванскому*, названному такъ отъ церкви, къ которой они

[1]) «Аже кто не вложиться въ дикую виру, тому людье не помагають, въ самъ платить.»

были причислены или при которой состояли. Въ купечество это нельзя было поступать иначе, какъ давши *вкладу* 50 гривенъ серебра и тысячскому ипрское *(ипьское)* сукно [1]). Давшій вкладъ получалъ названіе *пошлаго* купца, впрочемъ можно было сдѣлаться пошлымъ купцомъ и *отчиною*, т. е. это званіе и соединенныя съ нимъ права переходили также по наслѣдству. Кромѣ купцовъ, въ составъ Иванскаго общества входили трое старостъ отъ житьихъ людей, тысячскій отъ черныхъ людей и двое старость отъ купцовъ, коимъ ввѣрялось управленіе всѣми дѣлами Иванскими: торговыми, гостинными, и судъ торговый (конечно только въ отношеніи продажи воска). Деньги, вырученныя за вѣсъ, поступали *въ домъ святаго, великаго Ивана*, т. е. въ церковную сумму; но изъ нихъ, — и въ этомъ состояла, кажется, вся выгода Иванскихъ купцовъ — предоставлялось купецкимъ старостамъ и купцамъ брать на всякій праздникъ Іоанна Предтечи, на вѣчныя времена, по пятнадцати гривенъ серебра. Къ сожалѣнію, болѣе свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ между членами этой общины мы не имѣемъ.

Скудость дошедшихъ до насъ матеріаловъ столѣтій XIII, XIV и XV-го составляетъ, вѣроятно, причину, почему въ числѣ ихъ мы не находимъ актовъ, въ которыхъ артельное товарищество было бы выражено вполнѣ наглядно; но на существованіе его въ этотъ періодъ времени указываютъ довольно ясно какъ извѣстія, сохранившіяся въ памятникахъ о торговыхъ и другихъ *складчинахъ* и *ватагахъ*, такъ и названіе *товарищей*, которое давалось складчикамъ [2]). Имѣя въ виду эти данныя, мы не сомнѣваемся связать ихъ непосредственно съ тѣми свѣдѣніями, какія во множествѣ находимъ о существованіи у насъ артельныхъ союзовъ въ XVI-мъ и

---

[1]) «А хто хочетъ въ купечество вложиться въ Иванское дастъ купцамъ пошлымъ вкладу,» и проч.

[2]) См. наприм. въ Актахъ Экспедиціи, изд. Археографическою Коммиссіей, т. I № 1—3, въ Актахъ историческихъ т. I стр. 162, въ Актахъ юридическихъ № 233. Во главѣ *ватагъ*, по свидѣтельству нѣкоторыхъ актовъ, находились *атаманы* (ватаманы).

особенно въ XVII-мъ вѣкѣ. Впрочемъ самое слово *артель* встрѣчается въ первый разъ въ актахъ лишь въ половинѣ XVII-го столѣтія, за то въ томъ тѣсномъ, юридическомъ значеніи, которое выражаетъ товарищество равныхъ между собою лицъ, согласившихся дѣйствовать заодно въ промышленномъ предпріятіи.

Матеріалы, на коихъ мы должны по преимуществу остановиться для изученія артелей въ древней Россіи, распадаются на слѣдующіе три отдѣла: только, къ сожалѣнію, два акта суть артельныя записи въ собственномъ смыслѣ, т. е. представляютъ условія или договоры, заключенные между собою складчиками; другіе акты суть записи, заключенныя между артельщиками и тѣми лицами, у которыхъ они обязываются исполнить какую-либо работу, или что либо нанимаютъ; третьи, извѣстные подъ названіемъ *поручныхъ записей*, относятся къ содержанію артельныхъ товариществъ не прямо, но тѣмъ не менѣе очень ясно обозначаютъ ихъ составъ, разнообразныя предпріятія, для коихъ они соединялись и важность, которую они имѣли въ современномъ обществѣ. Независимо отъ этихъ договорныхъ актовъ, о существованіи артелей или товариществъ для нѣкоторыхъ предпріятій и промысловъ мы находимъ ясныя указанія въ современныхъ грамотахъ и другихъ источникахъ.

Чтобы въ бо́льшей полнотѣ представить характеристическія черты нашей древней артели, мы остановимся прежде всего на содержаніи двухъ первыхъ изъ вышеозначенныхъ актовъ, которые суть *артельныя записи* въ собственномъ смыслѣ.

Одна изъ этихъ записей — 1654 г. января 25. Въ нашемъ изданіи юридическихъ актовъ мы назвали ее *артельною* [1]), потому что въ ней сами товарищи называютъ себя «артелью», и все принадлежащее къ этому товариществу «артельнымъ». Самая артель, указываемая въ настоящемъ актѣ, состояла изъ трехъ товарищей, взявшихъ на 3-лѣтній откупъ сборъ пошлины на таможняхъ

[1]) См. Акты, относ. до юрид. быта древней Россіи, т. I, № 111.

Арзамасской и въ селахъ Ичаловѣ, Стексовѣ и Гремячемъ. Каждый изъ нихъ сверхъ того принялъ къ себѣ *на пай по человѣку, для своей перемѣны,* также съ именемъ *товарища* своего, но такъ что каждый заключилъ особое съ своимъ товарищемъ условіе *для укрѣпленія его за собою.* Во всякомъ случаѣ эти товарищи представляются по акту лишь въ значеніи повѣренныхъ, заступающихъ мѣсто главныхъ товарищей, когда въ томъ встрѣтилась бы необходимость. Сущность артельнаго договора заключается въ слѣдующемъ. Назначеніе кого либо изъ товарищей къ той или другой таможнѣ должно дѣлаться всею артелью («кого похотятъ товарыщи гдѣ кому быти.... куды всею артелью ни пошлютъ») и нельзя отъ назначенія отговариваться, а напротивъ слѣдуетъ артель *во всемъ слушать.* Запрещаются ссоры, брань, дурное поведеніе, игра въ карты и зернь, и предписывается уваженіе и почтеніе къ прочимъ товарищамъ. Никто не въ правѣ брать какой нибудь подарокъ или почесть помимо (опьтай) артели и свозить ее *украдомъ* на сторону. Нанимать постороннихъ людей для сбора пошлинъ товарищи должны не иначе какъ сообща. Въ случаѣ иска на комъ либо изъ артели со стороны «въ таможенномъ дѣлѣ», что случилось въ «откупныхъ годахъ», и убытковъ, понесенныхъ отвѣтчикомъ, всѣ протори уплачиваются «изъ артели.» Откупныя деньги долженъ отвозить въ Москву одинъ изъ артельщиковъ, «кого артелью излюбятъ»; дорожные же расходы возмѣщаются также сполна «изъ артели». Неисполняющій какого либо изъ этихъ правилъ подлежитъ взысканію трехъ сотъ рублей пени и лишается *заводныхъ* денегъ, т. е. вкладнаго капитала, внесеннаго имъ при вступленіи въ артель, и если онъ не подчинится этому добровольно, то прочіе артельщики выговариваютъ себѣ право жаловаться на него судебнымъ порядкомъ «всею артелью». Количество упоминаемыхъ здѣсь заводныхъ денегъ въ актѣ не опредѣлено; но сказано, что по откупу въ таможняхъ Арзамасской и Стексовской всѣ трое товарищи положили паи поровну. Наконецъ, въ слу-

чаѣ смерти кого либо изъ товарищей, наслѣдникамъ его выдаются какъ заводныя его деньги, такъ и причитающаяся ему прибыль, а на мѣсто его поступаетъ въ артель братъ его, сынъ или кто другой, «кому онъ прикажетъ». Накладъ развертывается также между товарищами поровну, по паямъ. Въ заключеніе акта говорится, что онъ вручается *третьему* съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ спора, онъ выдалъ его «правому на виноватаго», съ докладу воеводѣ, при «добрыхъ людяхъ», и «всѣмъ артельщикамъ вмѣстѣ» (т. е. за исключеніемъ виноватаго).

Другая принадлежащая сюда запись называется въ подлинникѣ *складной*. Она писана въ 1635 году 25 апрѣля [1]) и имѣетъ своимъ содержаніемъ условіе о взаимныхъ отношеніяхъ между двумя товарищами, согласившимися «торговать и промышлять» въ сибирскихъ городахъ. Сложилися мы — говорятъ товарищи — русскимъ товаромъ и деньгами полюбовно на 297 рублей, занявъ этотъ товаръ и деньги вмѣстѣ, по кабаламъ, выданнымъ нами также «свопча, вмѣстѣ». Далѣе товарищи договариваются торговать и промышлять вмѣстѣ, «за единъ человѣкъ», кабалы выкупать также сообща и вообще прибыль и накладъ дѣлить пополамъ. Касательно выполненія правилъ о послушаніи другъ другу, о честности въ расчетахъ и добромъ поведеніи здѣсь постановляется тоже, что и въ предъидущемъ актѣ. Въ заключеніе именуются свидѣтели, присутствовавшіе при совершеніи этой записи.

Договоры между артельщиками и посторонними лицами по предмету ихъ занятій, найма и даже займа открываютъ намъ самыя разнообразныя цѣли товариществъ, составлявшихся въ древней Руси. Но какъ и *поручныя записи*, хотя имѣютъ цѣлью лишь укрѣпленіе такихъ договоровъ со стороны артельщиковъ передъ тѣми, кому они въ чемъ либо обязывались, содержатъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно любопытныя указанія не только на занятія и про-

[1]) См Акты, относ. до юрид. быта древней Россіи, т. I. № 121.

мыслы артелей, но и на правила, которымъ онѣ при этомъ подчинялись, то мы соединимъ данныя, встрѣчающіяся въ актахъ того и другаго рода, а также и въ прочихъ источникахъ, чтобы изчислить разнообразныя артели, существовавшія у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ, и по возможности освѣтить ихъ внутренній бытъ, т. е. отношенія артельщиковъ между собою и въ особенности къ постороннимъ лицамъ, съ которыми они вступали въ договоры.

---

1. Артели ярыжныхъ.

Двѣ записи, одна 1642 г., другая 1653 г. [1]), сохранили намъ черты этихъ товариществъ, весьма сходныхъ съ нынѣшними бурлацкими артелями. Обѣ онѣ суть поручныя, взятыя Лысковцемъ Васильемъ Обросимовымъ, который въ первой записи называется прикащикомъ, а во второй торговымъ человѣкомъ, по ярыжныхъ, обязавшихся ему, по первому акту, *идти въ тягу*, на астраханскомъ суднѣ, отъ г. Самары, вверхъ Волгою, до Лыскова, а по второму нагрузить его стругъ запасами и товарами въ Лысковѣ и отсюда ѣхать на стругѣ съ грузомъ, внизъ по Волгѣ, въ Астрахань. Объ ярыжныхъ, обязавшихся къ тягѣ, говорится въ записи, что они должны «тянуть конать и всякимъ струговымъ ходомъ и въ завознѣ ѣздити, и всякая судовая работа работати противъ нижегородцкихъ ходовыхъ судовыхъ записей», если же судно станетъ *на костяхъ* и *на меляхъ*, то *снимать* его «и въ воду съ рычаги лазити и перепауживатись, и по паузки ѣздити, и паузки назадъ привозити.» Другіе ярыжные, нанявшіеся ѣхать со стругомъ, должны были «грести весла, бить въ поносную, угребать отъ острововъ, береговъ, каршь, песковъ и проносовъ», а въ случаѣ если судно станетъ на мель, снимать его, перекладывать грузъ въ малыя лодки, перевозить его на берегъ, и обратно съ берега въ судно, и проч. Сверхъ того они обя-

---

[1]) См. Акты юридическіе, изд. Археографической Комиссіей, № 311.

зывались передъ пріѣздомъ въ Астрахань «высѣчь въ лѣсу на всякаго человѣка по сохѣ да по два честики» и поставить въ Астрахани лубяной амбаръ, въ который и укласть хозяйскіе запасы и товаръ, а прочую кладь выгрузить изъ струга «на обрубъ». Число всѣхъ ярыжныхъ, по первому акту, шесть человѣкъ, и всѣ они приняты за поруками; по второму акту всѣхъ ярыжныхъ восемь, также съ поруками, но изъ поручившихся двое сами ярыжные, нанявшіеся къ хозяину въ тотъ же стругъ. Наемной платы дано первымъ по четыре рубля безъ 10 алтынъ и по три рубля на человѣка; сверхъ того они должны были получать «готовый хлѣбъ и харчь»; о наемной платѣ вторыхъ свѣдѣнія въ актѣ не уцѣлѣло, но «на хлѣбъ и вологу» они уговорились получать по рублю на человѣка. Часть наемной платы взята была тѣми и другими впередъ — *въ задатокъ*, а остальную сумму имъ слѣдовало выдать — первымъ въ Казани и Лысковѣ, а вторымъ въ Астрахани по выполненіи ими договора. Въ случаѣ неисполненія кѣмъ либо изъ ярыжныхъ своихъ обязанностей, воровства или бѣгства, за него отвѣчаетъ поручившійся по немъ уплатою понесенныхъ хозяиномъ убытковъ и сверхъ того за выданныя ярыжному задаточныя деньги платитъ вдвое. Въ актѣ 1642 г. ярыжные обезпечиваются также отъ притѣсненій со стороны хозяина: онъ не въ правѣ, сказано здѣсь, заставить ихъ выгружать изъ хозяйскаго судна соль и рыбу, не въ правѣ вычитать у нихъ деньги за лыка, канаты и проч.; если же судно не дойдетъ до Лыскова по случаю заморозовъ, то ярыжные все таки должны условленныя деньги получить сполна; а въ случаѣ болѣзни ярыжнаго, хозяинъ обязанъ привезти его въ городъ, но больной долженъ нанять за себя человѣка въ тягу.

---

2. Артели каменщиковъ.

Въ одномъ еще ненапечатанномъ актѣ находятся слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ одной такой артели, взявшей

на себя въ 1686 г. іюля 14 у колокольнаго мастера Маторина сдѣлать въ Москвѣ два погреба «съ жилыми на верху полатками, сѣнями и крыльцами». Всѣхъ договаривающихся каменщиковъ исчислено въ записи 14 человѣкъ, принадлежащихъ къ разнымъ селеніямъ костромскаго и ярославскаго уѣздовъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ. Они рядятся заодно, ручаясь другъ за друга круговою порукою. За подробнымъ исчисленіемъ и описаніемъ принятой ими на себя работы, въ актѣ говорится, что всѣ припасы должны быть хозяйскіе, а латки и шайки каменщиковъ. Порядная сумма назначена въ 105 рублей, изъ коихъ взято въ задатокъ 40 рублей, а остальные получать «какъ понадобитца». Въ случаѣ неисполненія каменщиками подрядныхъ работъ или даже плохой кладки, хозяину предоставляется взять на томъ изъ каменщиковъ, *кто будетъ въ лицахъ*, 200 рублей пени.

---

3. Артели плотничьи.

О существованіи этихъ артелей мы знаемъ изъ двухъ записей о постройкѣ и починкѣ мостовъ, заключенныхъ разными крестьянами съ казначеемъ Вяжицкаго монастыря, 1598 года [1]), и изъ одной записи, которою Верхотурскіе ямскіе охотники обязались казеннымъ цѣловальникамъ сдѣлать въ казну два дощаника [2]). Впрочемъ во всѣхъ этихъ актахъ, изъ коихъ особенно любопытенъ послѣдній по заключающимся въ немъ подробностямъ касательно самой постройки судовъ, для нашей цѣли заслуживаетъ особеннаго вниманія, кромѣ условія о цѣнѣ работы, оговорка со стороны плотниковъ, что, въ случаѣ неисполненія принятыхъ ими на себя обязанностей, они подвергаются платежу пени, *что Государь укажетъ*, а работу долженъ все таки окончитъ тотъ, «кто изъ нихъ будетъ въ лицахъ».

---

[1]) Акты юрид. № 188.

[2]) Актъ рукописный 1677 г. февр. 20.

4. Артели рыболововъ.

Сюда, безъ сомнѣнія, можетъ быть отнесено товарищество, порядившееся на рыбную ловлю у игумена Кириллова монастыря въ 1577 г. іюня 2 [1]). Договаривающіеся обязываются давать игумену или его старцамъ во все время лова (отъ Петрова заговѣнья до Дмитріева дня) ежедневно четвертую часть улова (четвертую рыбу); въ противномъ же случаѣ должны заплатить сто рублей пени, которые надлежитъ взыскать съ того, кто изъ нихъ будетъ на лице.

---

5. Артели бортниковъ.

На товарищества для выемки меду изъ бортей указываютъ два дошедшіе до насъ акта 1663 года [2]), изъ коихъ одинъ есть договоръ, заключенный двумя русскими крестьянами съ игуменомъ Макарьева Желтоводскаго монастыря, а другой—договоръ, съ нимъ же заключенный 11-ю Черемисами. Въ первомъ изъ этихъ актовъ договаривающіеся упоминаютъ, что хотя они приняли къ себѣ еще трехъ бортниковъ «подущениковъ», но всѣ они будутъ «ходить заодно». За бортное ухожье они обязываются платить оброкъ, въ лѣсъ никого не пускать, дѣльнаго лѣсу самимъ не рубить и «борти со пчелами не пустошить», въ противномъ же случаѣ должны заплатить заряду по записи 50 рублей, а за дерево и пчелы по Уложенью. Тоже повторяется и въ другомъ актѣ.

---

6. Артели чернорабочихъ.

Сюда относятся два въ высшей степени любопытные акта, свидѣтельствующіе о существовавшемъ и въ XVII-мъ вѣкѣ наймѣ для черныхъ работъ вольныхъ людей, составлявшихъ

---

[1]) Акты юрид. № 179.
[2]) Акты юрид. № 202.

между собою товарищество именно съ этою цѣлью: они напечатаны въ Архивѣ историческ. и практ. свѣд. о Россіи 1859 г. въ кн. I. Это двѣ наемныя записи 1700 г. Въ обѣихъ, за изложеніемъ *наймитами*-товарищами, въ первой въ числѣ трехъ семействъ, а въ другой въ числѣ двухъ семействъ, принимаемыхъ на себя работъ на срокъ (семилѣтній по первому акту и трехлѣтній по второму) у помѣщика Григорія Сабанина, въ его деревнѣ Сычовкѣ (Симбирской губ.), они говорятъ: «мы наймиты не боярскіе и не властелинскіе и не монастырскіе крестьяня и не дворовые чьи люди бѣглые, великого государя *вольные люди изъ розныхъ городовъ, другъ друга межъ собою знаемъ, всѣ добрые и не воровскіе люди*», и ручаются другъ за друга, *голова въ голову*, а въ случаѣ невыполненія кѣмъ-либо изъ своей среды обязанностей по договору или бѣгства, дурнаго поведенія, воровства и т. п., обязываются платить сообща всѣ понесенные хозяиномъ убытки. Самое условіе о работахъ, на которыя они нанимаются, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія, почему мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь въ подробности. Крестьяне-товарищи берутся пахать пашню, *роздирать* залоги, рубить лѣсъ, ставить строеніе, косить сѣно, возить дрова, жать и убирать хлѣбъ, плотничать, кто умѣетъ, и вообще дѣлать все, что помѣщикъ заставитъ, при чемъ работы должны исполнять на *своихъ лошадяхъ*. Жить они условливаются на хозяйской землѣ, безъ всякой за нее платы, и сверхъ того распахивать себѣ земли, сколько понадобится; но работать при этомъ на своемъ хлѣбѣ. За все это помѣщикъ обязанъ платить сжегодно большимъ по рублю, а середнимъ и малолѣтнимъ по полтинѣ; деньги эти были взяты наймитами за всѣ годы впередъ.

---

7. Артели кортомщиковъ.

Такъ называютъ себя въ одномъ актѣ два товарища-крестьянина, взявшіе въ кортому (наемъ) лѣсъ и покосъ

Жуковской пустыни Солдовскаго монастыря на десять лѣтъ [1]). Къ сожалѣнію, этотъ актъ есть противень, данный монастырскимъ строителемъ крестьянамъ, и потому въ немъ исчисляются только обязанности къ нимъ монастырской братьи, а не обязанности самихъ крестьянъ. Поэтому любопытнѣе для насъ другой актъ, данный двумя священниками и двумя крестьянами архимандриту Рязанскаго Богословскаго монастыря на взятый ими на роспашку лугъ, на 10 лѣтъ, въ числѣ 50 нивъ [2]). Кромѣ опредѣленія наемной платы, кортомщики обязываются, если не будутъ пахать взятую ими землю, все таки платить кортомныя деньги, а убытки взять на томъ, «кто будетъ изъ нихъ въ лицахъ».

---

8. Артели извощиковъ.

Такія артели составлялись какъ для отправленія *ямской* гоньбы, такъ и для перевоза или доставленія изъ одного мѣста въ другое съѣстныхъ припасовъ, денегъ, строительныхъ матеріаловъ, и т. п. сухимъ путемъ или водой (на лодкахъ и стругахъ). Изъ множества относящихся сюда актовъ, дошедшихъ до насъ отъ XVII-го вѣка, частію уже напечатанныхъ, укажемъ на одну подрядную 1655 г. марта 10 объ отвозѣ изъ Новгорода въ Витебскъ хлѣбныхъ запасовъ, и на одну поручную 1605 г. по ямскихъ охотникахъ [3]). Первая дана была архимандриту Тихвина монастыря съ братіей артелью, составившеюся изъ трехъ ямщиковъ (ямскихъ охотниковъ), одного крестьянина монастырскаго, одного крестьянина черносошнаго и двухъ «вольныхъ людей»; всѣ они называютъ себя *извощиками* и обязываются поставить монастырскіе запасы на 15 лошадяхъ, съ платою за каждую лошадь по 7 рублей, которые взяты

---

[1]) Акты юрид. быта древн. Рос. № 114.

[2]) Рукописный актъ 1699 г. ноябр. 3.

[3]) Оба эти документа помѣщены въ «Актахъ юрид.» подъ №№ 294 (I) и 198.

ими были впередъ. «А везучи намъ—говорятъ они далѣе—тѣ хлѣбные запасы, сухари и крупы, дорогою и по станомъ и по ночлегомъ беречь отъ всего накрѣпко ото всякихъ лихихъ людей, окромѣ Божіи воли и силной руки, и тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ намъ извощикамъ по дорогѣ своимъ небереженьемъ не подмочить и никакіе хитрости не учинить», въ противномъ же случаѣ архимандриту съ братіей взять «за подмоченые и за недовозные запасы... по Витепской цѣнѣ и убытки и волокита всѣ сполна на насъ извощикѣхъ».— Поручною записью 1605 г. трое ямщиковъ костромскаго яма обязываются, за порукою изчисляемыхъ въ этомъ актѣ ямскихъ охотниковъ и посадскихъ людей, отправлять за разныя села Ипатьева монастыря ямскую гоньбу какъ сухимъ, такъ и водянымъ путемъ, именно: «государевыхъ... посланниковъ и гонцовъ на подводахъ отпущати и провожати, безотступно, денно и нощно, отъ Семенова дни лѣтопроводца (т. е. 1-го сентября) 113 году да до Семенова жъ дни 114 году.» Для исправленія этой гоньбы они должны держать на яму по три мерина добрыхъ съ сѣдлами, санями и телѣгами и «со всякою ямскою порядпею». Наемной платы взято извощиками за годъ на каждую лошадь 15 рублей, изъ коихъ они условились половину получить впередъ, а другую половину 1-го марта. Въ случаѣ неисполненія ими принятыхъ на себя обязанностей или если они «съ яму до сроку сбѣжатъ,» поручившіеся — кто изъ нихъ будетъ на лице — берутся заплатить пеню, «что государь укажетъ, и ямская гонба и убытки вдвое.»

---

9. Артели скомороховъ, нищихъ и разбойниковъ.

Не смотря на видимое различіе между промыслами или ремеслами, которыми занимались скоморохи, нищіе и разбойники, они въ источникахъ нашихъ XV-го, XVI-го и XVII-го вѣка иногда отождествляются, потому что нерѣдко скоморохи, а подъ часъ и нищіе, занимались воровствомъ, грабежемъ и разбоями. Вотъ причина, почему обыкновенно въ

жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ мы находимъ не только запрещеніе попрошатаямъ и скоморохамъ, какъ и вообще стороннимъ людямъ, являться «незванымъ» (безъ приглашенія) на пиры и братчины [1]), но и положительныя постановленія о томъ, чтобы никто не смѣлъ держать ихъ и чтобы «попрошатаевъ и скомороховъ» преслѣдовать и ставить передъ Великимъ Княземъ [2]). Что основаніемъ къ тому былъ не только религіозный взглядъ правительства и духовенства, но также опасеніе воровства и грабительства, видно изъ Стоглава, гдѣ прямо говорится, что скоморохи «совокупясь *ватагами* (т. е. артелями, шайками) многими до 60, до 70 и до 100 человѣкъ», по деревнямъ у крестьянъ «ядятъ и пьютъ силно и *изъ клѣтей животы грабятъ и по дорогамъ людей розбиваютъ* [3])». Тоже подтверждаютъ нѣкоторыя дошедшія до насъ старинныя пѣсни, особенно слѣдующая, любопытная и по находящемуся въ ней указанію на договорное отношеніе, существовавшее между скоморохами:

Веселые [4]) по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой веселы разговариваютъ:
Да гдѣ же веселымъ будетъ спать-ночевать?
Мы ночуемъ у старой бабѣ во келейкѣ;
У старой бабѣ во келейкѣ бесѣдушка была,
Промежду собой старухи разговаривали,
У кого денегъ полтина, у кого двѣ, три,
У меня ли у старой бабы четыреста рублевъ
Въ подпольѣ на полкѣ въ кубышкѣ лежатъ.
Веселые-то ребята злы догадливые:
Ай одинъ началъ играть,

---

[1]) Такъ, напр., въ грамотѣ 1509 г., напечат. въ Актахъ Экспедиціи, т. I, стр. 122, читаемъ: «А скоморохомъ у нихъ (въ волости) ловчей и его тіунъ по деревнямъ силно играти не ослобожаетъ: кто ихъ пуститъ на дворъ доброволно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно, и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно.»

[2]) См. напр. въ Акт. Экспед. т. I. стр. 257, 140, 180.

[3]) Стогл., гл. 51 вопр. 19.

[4]) Такъ называются въ памятникахъ скоморохи.

А другой началъ плясать,
А третей веселой будто спать захотѣлъ,
Онъ и ручку протянулъ,
И кубышечку стянулъ.
Мы пойдемте-ко, ребята,
Подъ ракитовъ чистой кустъ,
Станемъ денежки дѣлить,
Стару бабу хвалить:
Ты живи, баба, подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ;
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ [1]).

Вмѣстѣ съ скоморохами упоминаются въ памятникахъ и *медвѣдчики* (т. е. вожаки медвѣдей), о которыхъ и въ ностоящее время нерѣдко удается слышать разсказы какъ о занимающихся, кромѣ своего ремесла, воровствомъ и даже убійствами для грабежа.

Что нищіе древней Руси составляли артели, и притомъ не совсѣмъ были свободны отъ упрековъ въ воровствѣ — видно изъ того, что въ памятникахъ *попрошатаи* поставлены на ряду съ скоморохами въ числѣ такихъ людей, которыхъ велѣно преслѣдовать [2]), а также изъ старинныхъ стиховъ и пѣсень, между которыми можно особенно указать здѣсь на извѣстный стихъ «о сорока каликахъ со каликою». Въ одномъ изъ варіантовъ этого стиха сами калѣки поютъ про себя:

«Не рублямы мы беремъ и не полтинамы,
Беремъ-то мы цѣлыми тысячмы».

---

[1]) См. статью г. Илар. Бѣляева «О скоморохахъ», въ 20-й книгѣ Временника, изд. Московск. общ. ист. и древн. росс.

[2]) См. выше стр. 14 и въ моемъ сочиненіи «О Кормчей» прим. 35 на стр. 88.

Не даромъ поэтому, кажется намъ, и Алеша Поповичь счелъ себя въ правѣ обратиться къ калѣкамъ, заподозрѣннымъ въ воровствѣ серебряной чарки на пиру въ Кіевѣ у Княгини Апраксѣевны, съ рѣчью:

Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
Кого окрадете, своимъ зовете» [1]), и проч.

О наводненіи древней Руси шайками разбойниковъ и о мѣрахъ, принимавшихся противъ нихъ, до насъ дошло столько свидѣтельствъ въ памятникахъ того времени, что совершенно излишне перечислять эти свидѣтельства [2]). Для нашей цѣли упомянемъ только, что разбойничьи шайки были нерѣдко весьма значительны, что онѣ раздѣлялись иногда на партіи, имѣли участниковъ и притоны въ самыхъ селеніяхъ, которыя они разбивали и грабили, и доставшуюся добычу распредѣляли между собою по мѣрѣ участія въ дѣлѣ («повытно»). Такъ напр. Шуяне поймали въ 1644 году «становаго разбойника Мишку Толстова съ товарищами», которые показали на своихъ товарищей «становыхъ же разбойниковъ», бывшихъ въ костромскомъ уѣздѣ и въ другихъ городахъ [3]). Въ царскихъ грамотахъ касательно разбойниковъ предписывалось всегда допрашивать строго городскихъ и сельскихъ жителей, кто у нихъ «держитъ станы, къ кому татинную рухлядь привозятъ» и т. д. Что касается до дѣлежа между разбойниками краденнаго и граббленнаго, то любопытныя объ этомъ свѣдѣнія встрѣчаются въ допросныхъ рѣчахъ, которыя дѣлались пойманнымъ разбойникамъ во время пытокъ; къ сожалѣнію, эти матеріалы еще не напечатаны.

Ватаги скомороховъ и нищихъ, какъ и шайки разбойниковъ имѣли въ своей главѣ начальниковъ, которые назы-

---

[1]) См. въ изд. г. Безсонова «Калѣки перехожіе», вып. 1, стр. 14, 21, 23 и пр.

[2]) Они встрѣчаются особенно въ такъ называемыхъ губныхъ грамотахъ. См. сводный текстъ этихъ грамотъ, изданный г. Ерлыковымъ въ Чтеніяхъ Московск. общ. ист. и др.

[3]) См. въ «Описаніи города Шуи и его окрестностей», Борисова, актъ подъ № 28 на стр. 300.

вались *атаманами* и избирались въ эту должность своими товарищами; иногда имъ придавался въ помощь *податаманъ*.

II.

Объ артеляхъ со времени Петра Великаго почти до конца XVIII-го вѣка мы знаемъ несравненно меньше, чѣмъ объ артеляхъ XVII-го столѣтія, не потому впрочемъ, что бы такія товарищества исчезли или же сдѣлались рѣдкимъ исключеніемъ, но единственно по недостаточному знакомству нашему съ памятниками этой эпохи. Наши археографы еще почти вовсе не касались драгоцѣнныхъ актовъ, относящихся къ частной жизни народа въ XVIII-мъ вѣкѣ и еще менѣе приступили къ ихъ изданію. Вотъ почему мы можемъ указать только на слѣдующія артели, о существованіи которыхъ заявляется въ законодательствѣ XVIII-го и XIX-го столѣтій: 1) артели *биржевыя* въ Петербургѣ; о занятіяхъ и устройствѣ этихъ артелей я буду говорить ниже, а здѣсь замѣчу только, что въ донесеніи Санктпетербургской Казенной Палаты Министру Финансовъ 1822 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, прямо выражено, что «всѣ состоящія въ здѣшней столицѣ биржевыя артели, не имѣя на сіе законнаго утвержденія, существуютъ и занимаются промыслами по добровольному между собою условію»; 2) артели судорабочихъ и бурлаковъ; 3) артели ломщиковъ соли; 4) артели извощиковъ; 5) артели, исполняющія разныя горнозаводскія работы. Дальше постараюсь я объяснить въ какой мѣрѣ законодательство коснулось всѣхъ этихъ артелей; теперь же перейду прямо къ обозрѣнію, вкратцѣ, разныхъ существующихъ нынѣ артелей, на сколько онѣ извѣстны какъ самому мнѣ изъ практики, впрочемъ только хозяйственной, такъ и на основаніи сочиненій, въ которыхъ упоминается о нихъ съ бо̀льшими или мѣньшими подробностями [1]).

[1]) Сочиненія и статьи, въ коихъ говорится объ отдѣльныхъ артеляхъ, будутъ приведены ниже; свѣдѣнія же и мысли объ артеляхъ вообще см. въ соч. *г. Тернера:* «О рабочемъ классѣ (С. П. Б. 1861 г.); въ *его же* и *моей* статьѣ «Артель» въ Энциклопедич. Лексик., и въ статьѣ «Артели рабочихъ для основанія фабрикъ или мастерскихъ (ассоціаціи)», *Л. М.* (СПБ. 1862 г.)

Самыя простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящія товарищества въ значеніи артелей представляютъ складчины двухъ, трехъ, а иногда и болѣе лицъ, соединяющихъ свои капиталы и труды для какого либо предпріятія: земледѣльческаго, хозяйственнаго вообще, торговаго или промышленнаго. Такъ напр. весьма часто крестьяне и мѣщане нанимаютъ сообща поля, сѣнокосы, рыбныя ловли, потомъ обработываютъ эти поля, косятъ и убираютъ траву или ловятъ рыбу собственными трудами, а иногда употребляя для этого еще наемныхъ людей, и за тѣмъ дѣлятъ между собою барыши, а подъ часъ и убытки соразмѣрно вложенному каждымъ изъ нихъ капиталу. Такъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ уже теперь случается нанимать для пашни, полотья и уборки полей и для сѣнокоса рабочихъ, которые рядятся иногда артелями. Такъ, наконецъ, составляются очень часто небольшія товарищества для торговыхъ оборотовъ: онѣ закупаютъ на общія деньги (складчиной) хлѣбъ, скотъ и другіе предметы сельскаго хозяйства, а также издѣлія промышленности ремесленной, мануфактурной и даже книжной, а потомъ дѣлятъ между собою вырученные барыши соразмѣрно капиталу, внесенному каждымъ на общее предпріятіе. Изъ такихъ товариществъ тѣ, которыя состоятъ изъ незначительнаго числа лицъ, напр. 2, 3, не называются обыкновенно артелями. Напротивъ рабочіе, принимающіе на себя исполненіе какой либо работы или вообще занимающіеся какою либо промышленностію въ бо̀льшомъ числѣ лицъ носятъ обыкновенно это названіе. Но въ чистомъ видѣ, именно какъ ассоціаціи капиталомъ и трудомъ, артели существуютъ только въ малыхъ размѣрахъ. Какъ скоро является потребность въ бо̀льшемъ капиталѣ, то, по недостатку денегъ въ простомъ народѣ, къ чистому началу артели присоединяется еще отношеніе между артельщиками и лицомъ, ссужающимъ этотъ капиталъ. Самый простой видъ такого отношенія есть тотъ, когда артель нужный ей капиталъ занимаетъ, хотя бы даже съ обязательствомъ отдать капиталисту опредѣленную долю вырученныхъ ею барышей. Впрочемъ весьма часто дающій капиталъ принимаетъ самъ непосредственное участіе въ занятіяхъ артели, и тогда она полу-

чаетъ совершенно иное значеніе. При этомъ случается нерѣдко, что не артель пріискиваетъ себѣ хозяина, а наоборотъ зажиточный мастеровой, напр. каменьщикъ, плотникъ самъ составляетъ артель, нанимая рабочихъ изъ своихъ ли односельцевъ или изъ постороннихъ, за плату, въ которой уговаривается съ каждымъ рабочимъ особо, хотя впрочемъ въ каждой мѣстности эта плата довольно извѣстна и опредѣлительна смотря по возрасту и знанію дѣла рабочаго, и по времени, въ которое и на которое онъ нанимается. Очевидно, что такая артель связывается только тѣмъ, что она имѣетъ одного хозяина и большею частію исполняетъ работу сообща, въ одномъ мѣстѣ. Но и между такими рабочими образуется обыкновенно настоящая артельная связь посредствомъ соглашенія ихъ имѣть общую пищу или общій столъ. Такая *потребительная* артель поручаетъ завѣдываніе своимъ хозяйствомъ одному изъ своей среды, который и получаетъ на это деньги отъ хозяина, вычитающаго ихъ впослѣдствіи у каждаго рабочаго соразмѣрно ихъ числу. Есть впрочемъ и такія артели, въ которыхъ рабочіе набираются хозяиномъ подъ условіемъ дѣлить между ними заработки, которыя и распредѣляются соотвѣтственно знанію дѣла каждаго, а хозяину полагается особое вознагражденіе. При этомъ случается, что рабочіе попадаютъ въ руки обманщиковъ, которые заподрядившись на работы и взявъ задатки, оставляютъ приведенную ими артель на мѣстѣ работы; впрочемъ настоящими хозяевами или подрядчиками считаются такіе, которые занимаются десятки лѣтъ своимъ промысломъ и извѣстны своею честностью.

Что касается въ частности до разныхъ артелей, существующихъ въ настоящее время, то вотъ тѣ свѣдѣнія, какія удалось мнѣ собрать о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

---

1. Артели биржевыя.

Изъ всѣхъ нынѣшнихъ артелей *биржевыя* должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ, потому что онѣ уже успѣли

сами собою выработаться въ правильное учрежденіе и имѣютъ каждая составленныя ими самими правила, которыми онѣ и руководствуются. Эти артели представляютъ еще ту особенность, что онѣ обезпечиваютъ исполненіе своихъ обязательствъ не только круговой порукой, какъ это свойственно и прочимъ артелямъ, но сверхъ того страховыми суммами. Къ сожалѣнію, собранныя мною данныя о биржевыхъ артеляхъ относятся только до артелей Петербургскихъ и Московскихъ, очеркомъ которыхъ я поэтому и ограничусь.

Биржевые артельщики имѣютъ предметомъ своихъ занятій нагрузку и выгрузку товаровъ на биржѣ, упаковку ихъ и стереженіе въ складочныхъ мѣстахъ; они вѣсятъ и провожаютъ товары и сверхъ того исполняютъ разныя обязанности у купцовъ, какъ-то: въ конторахъ, въ званіи прикащиковъ, по посылкамъ (нерѣдко съ весьма значительными суммами), по домашней прислугѣ, и проч. Всѣ члены артели отвѣчаютъ передъ посторонними другъ за друга, а самой артели каждый отвѣчаетъ за себя капитальной суммой, безъ которой никто не принимается въ артель. Впрочемъ, подробныхъ общихъ правилъ для дѣйствій и обязанностей артельщиковъ не существуетъ [1]) и только изъ извѣстныхъ намъ постановленій нѣсколькихъ артелей [2]) можно извлечь нѣкоторыя одинаковыя въ нихъ начала, состоящія въ слѣдующемъ: [3])

Вступленіе въ артель обусловливается, какъ мы сказали, взносомъ отъ каждаго вновь принимаемаго опредѣленной въ ея постановленіи суммы (среднимъ числомъ до 1,000 руб. сер.), которая называется *вкупомъ*, *вкупными деньгами*, а

---

[1]) Мы обходимъ здѣсь проекты, составленные офиціально какъ для Петербургскихъ, такъ и Московскихъ биржевыхъ артелей, потому что они не утверждены въ законодательномъ порядкѣ и не имѣютъ силы на практикѣ. О содержаніи же и значеніи этихъ проектовъ мы скажемъ ниже.

[2]) Образцы постановленій, какія есть въ каждой артели, см. ниже въ Приложеніи I къ этой статьѣ.

[3]) Считаемъ долгомъ заявить, что при этомъ, кромѣ извѣстныхъ намъ постановленій нѣкоторыхъ артелей, мы пользовались запиской (не напечатанной) о Петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ, составленной *г. В. Петровымъ*.

также *новизной*. Эта сумма требуется въ обезпеченіе исправнаго исполненія артельщикомъ его обязанностей. Впрочемъ, она рѣдко вносится сполна при самомъ поступленіи; обыкновенно, артель, въ которую вступаетъ *новикъ* (такъ называется артельщикъ до уплаты всей вкупной суммы, въ противоположность уплатившимъ ее, называемымъ *стариками*), довольствуется какой-нибудь частью ея (наприм. по 3 р. сер. на каждаго артельщика), которая называется *передовыми деньгами*, а остальная за тѣмъ сумма составляется вычетами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изъ заработанныхъ денегъ; но если бы новикъ пожелалъ внести весь вкупъ разомъ, то ему дѣлается сбавка. Внесенныя деньги распредѣляются между всѣми наличными членами артели, такъ однако, что передовыя деньги дѣлятся между ними тотчасъ, а остальныя, вычитаемыя изъ заработковъ новика, дѣлятся между тѣми только артельщиками, которые находились въ артели при его поступленіи. При выходѣ изъ артели, исправные (т. е. ничѣмъ не опороченные) артельщики, внесшіе весь вкупъ, получаютъ, въ видѣ награды, *выводъ* или *выводныя деньги*, которыя обыкновенно равняются трети *новизны*. Этотъ капиталъ составляется вычетомъ изъ заработныхъ денегъ у тѣхъ артельщиковъ, которые получали съ выходящаго новизныя деньги. Въ случаѣ смерти артельщика, выводъ выдается его наслѣдникамъ.

Заработныя деньги уплачиваются артелямъ *хозяевами* (т. е. поручающими имъ работы или дающими имъ занятія) въ одинъ срокъ, по взаимному согласію, исключая мелкихъ работъ, за которыя плата получается тотчасъ. Всякую плату хозяинъ вписываетъ самъ въ артельную приходную книгу, а уплаченныя деньги хранятся у артельнаго старосты. Въ опредѣленные сроки накопившаяся такимъ образомъ сумма дѣлится между всѣми членами артели, и этотъ раздѣлъ называется *дуваномъ*; но и до назначенныхъ сроковъ артельщикъ можетъ забирать у старосты часть денегъ, необходимыхъ ему на расходы, съ тѣмъ, что забранныя имъ суммы вычитаются изъ части, слѣдующей

ему при общемъ раздѣлѣ. Общіе артельные расходы, какъ-то: наемъ подмоги при выгрузкѣ товаровъ или въ другихъ случаяхъ, покупка нужныхъ снастей и снарядовъ (рогожъ, веревокъ, и проч.) и всякія мелкія выдачи производятся старостою также изъ заработныхъ денегъ. Эти расходы должны быть объявляемы старостой писарю, который вноситъ ихъ въ заведенную для того расходную книгу. При общемъ раздѣлѣ заработныхъ суммъ приходныя и расходныя книги повѣряются всею артелью, которая впрочемъ, для подробнѣйшаго обозрѣнія ихъ и повѣрки книгъ, выбираетъ нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ.

Артели управляются лицами, избираемыми ими изъ своей среды на сходкѣ всѣхъ артельщиковъ. Главное изъ этихъ лицъ—*староста*, выбираемый на срокъ не далѣе года. Онъ не только хранитъ деньги, но и распредѣляетъ между артельщиками работы; въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, артеляхъ на постоянныя работы староста не можетъ ставить безъ согласія артели; безъ согласія же старосты и артели никто изъ артельщиковъ не въ правѣ брать на себя работы, въ противномъ случаѣ артель не отвѣчаетъ за убытки, которые онъ можетъ причинить наемщику или поручителю. Въ нѣкоторыхъ артеляхъ при замѣщеніи должности старосты соблюдается очередь между артельщиками по времени поступленія въ артель, такъ что обходятъ только извѣстныхъ по нетрезвости или другимъ слабостямъ, и въ такихъ случаяхъ обыкновенно оставляется прежній староста, если имъ довольны, а *обойденный* платитъ ему извѣстную сумму въ вознагражденіе за его вторичную службу. Въ другихъ артеляхъ очереди этой не соблюдается и выборъ падаетъ на достойнѣйшаго, хотя бы онъ былъ и неграмотный. Староста, назначенный по очереди, не получаетъ отъ артели никакого особаго вознагражденія за свою службу, пользуясь лишь дуваномъ наравнѣ съ прочими артельщиками. Напротивъ, старостѣ выборному полагается особое вознагражденіе.

За старостой, по важности должности, слѣдуетъ *писарь*,

который, какъ сказано выше, ведетъ книги приходныя и расходныя и вообще завѣдываетъ письменною частью по дѣламъ артели. Хотя онъ назначается по выбору, но обыкновенно остается съ общаго согласія артели до тѣхъ поръ, пока исправенъ. Ему во всякомъ случаѣ полагается, сверхъ дувана, особое жалованье.

Въ нѣкоторыхъ артеляхъ есть еще особыя должностныя лица—*выгрузные* или *амбарные*, а въ другихъ *кассиры*, получающіе также жалованье.

Выборы изчисленныхъ должностныхъ лицъ производятся всею артелью на одной изъ артельныхъ квартиръ, смотря потому, гдѣ удобнѣе. Впрочемъ, дѣйствительное участіе въ выборахъ принимаютъ только лица, имѣющія особенное значеніе въ артели или пользующіяся особымъ ея уваженіемъ. По предварительномъ соглашеніи такихъ лицъ, предлагаются на должность нѣсколько артельщиковъ и тотъ изъ нихъ считается избраннымъ, въ чью пользу оказалось больше голосовъ.

За проступки артельщиковъ, какъ-то: ослушаніе противъ старосты при исполненіи работъ, за жалобу хозяина, своевольный заборъ у хозяина на свои надобности денегъ, если не объявится о томъ старостѣ, за явку въ пьяномъ видѣ на работы, буйство, неисправное исполненіе порученія, за утрату хозяйскихъ товаровъ и денегъ хозяйскихъ или артельныхъ, за утайку и необъявленіе проступка товарища, за укоръ или попрекъ товарищу прежнимъ поступкомъ и проч. полагается штрафъ, размѣръ котораго, смотря по степени вины, опредѣляется или артельными правилами или каждый разъ по приговору всей артели. Самый большій штрафъ есть временная отписка отъ работы или исключеніе изъ артели съ лишеніемъ выводныхъ денегъ. По общему приговору артели, штрафу можетъ быть подвергаемъ и староста: за своевольное (безъ вѣдома и согласія артели) назначеніе къ хозяевамъ людей въ извѣстныя должности, исключая посылокъ на короткое время, наприм. на день для исправленія какихъ-либо неважныхъ домаш-

нихъ работъ; за произвольную неявку на биржу, если только не былъ занятъ въ это время исполненіемъ какихъ-либо другихъ артельныхъ надобностей; случается также, что артель, по общему приговору, не принимаетъ на свой счетъ нѣкоторыхъ расходовъ, сдѣланныхъ старостой совершенно произвольно или вовсе ненужныхъ и такимъ образомъ штрафуетъ его. Наконецъ, какъ староста, такъ и писарь, за умышленное нанесеніе вреда артели, могутъ быть отрѣшаемы отъ должности и до истеченія срока, на который были выбраны.

Особой штрафной книги въ артеляхъ не ведется съ тою цѣлью, чтобы купцы охотнѣе довѣряли имъ свои товары или капиталы. Впрочемъ, изъ общей денежной книги можно видѣть, подвергался ли штрафу извѣстный артельщикъ въ текущемъ году, хотя самые проступки въ ней не прописываются. По истеченіи же года послѣ общаго раздѣла денегъ всѣ артельныя книги уничтожаются.

Въ случаѣ болѣзни артельщика, произшедшей по волѣ Божіей, отъ ушиба на работѣ или другихъ причинъ, отъ него независящихъ, онъ получаетъ заработныя и новизныя деньги въ теченіе шести мѣсяцевъ или даже года отъ начала болѣзни; но заболѣвшій по собственной винѣ (отъ дурной жизни) не получаетъ заработка. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ артельщикъ не въ правѣ заводить съ артелью никакихъ споровъ по судебнымъ мѣстамъ, иначе признается виновнымъ.

Переходя въ частности къ артелямъ Петербургскимъ, мы изчислимъ ихъ поименно [1]) съ обозначеніемъ и времени учрежденія каждой артели, на сколько это извѣстно. Онѣ слѣдующія: 1) Ярославская (1714 г.); 2) Спасская (1725 г.); 3) Вульфова (1727 г.); 4) Мейерова (1729 г.);

---

[1]) Названія свои артели получили или отъ произхожденія первыхъ учредителей (Ярославская, Владимірская, Московская, Калужская), или отъ имени купцовъ, которымъ та или другая артель обязана по преимуществу своимъ существованіемъ (Вульфова, Томсена, Стюартова и Баронская, т. е. барона Штиглица); наконецъ, нѣкоторыя артели получили названіе прямо отъ своихъ занятій (артели дрягилей, ремесленная, купорная).

5) Томсина (1730 г.); 6) Непорова (1739 г.); 7) Пинежская (1740 г.); 8) Новокорпусная (1742 г.); 9) Шилинская (1750 г.); 10) Кокорина (1756 г.); 11) Полуярославская (1758 г.); 12) Метелкина (1763 г.); 13) Калужская (1767 г.); 14) Гленова (1767 г.); 15) Шляпкина (1785 г.); 16) Портерова (1790 г.); 17) Амбургская (1794 г.); 18) Московская (1795 г.); 19) Барона Штиглица (Бетлингская) (1806 г.); 20) Колумбіевская (1810 г.); 21) Стуартова (1822 г.); 22) Козухина (1823 г.); 23) Егорьевская; 24) Владимірская; 25) Купорная; 26) Артель дрягилей. Сверхъ того при гостиномъ дворѣ существуетъ особая артель сторожей и артель Трубная, занимающаяся работами собственно при городскихъ буянахъ. Всѣ эти артели, кромѣ общаго полицейскаго надзора, никакому мѣсту или правительственному учрежденію не подчинены, исключая артели дрягилей, находящейся въ непосредственномъ вѣдѣніи таможни; купорной, подвѣдомственной Ремесленной Управѣ, и артели сторожей гостинаго двора, подчиненной Комитету по управленію гостинымъ дворомъ. Число лицъ, составляющихъ артель, различно: отъ 47—140 человѣкъ; во всѣхъ же артеляхъ оно доходитъ до 2,000.

Объ артеляхъ въ Москвѣ мы находимъ первое свѣдѣніе въ указѣ 8 апрѣля 1684 г., о непріемѣ пришлыхъ и гулящихъ людей безъ поручныхъ записей [1]): «а буде,» говорится въ этомъ указѣ, «чьи люди и крестьяне придутъ *для найму въ работу* съ Красныя площади, не явясь помѣщикомъ своимъ и вотчинникомъ, и тѣмъ велѣть записываться въ Земскомъ Приказѣ самимъ (т. е. не чрезъ посредство помѣщиковъ) *артельми* по именомъ и имать изъ Земскаго Приказу для свидѣтельства, что они въ Земскомъ Приказѣ явились и въ книги записаны, письмо за дьячьею приписью или за справою стараго подьячаго; тому въ Земскомъ Приказѣ для записки тѣхъ пришлыхъ и гулящихъ людей учинить записную особую книгу.» Одну изъ такихъ

[1]) Полн. Собран. Зак., собр. 1-го, т. II № 1,072.

артелей мы видѣли въ приведенномъ выше (на стр. 9), актѣ 1686 г. іюля 14. Но это артели пришлыя; объ артеляхъ же собственно Московскихъ намъ не удалось встрѣтить положительныхъ свѣдѣній въ матеріалахъ, какъ XVII, такъ и XVIII столѣтій.

Въ настоящее время въ Москвѣ есть нѣсколько артелей, которыя въ своихъ постановленіяхъ представляютъ нѣкоторыя особенности отъ артелей Петербургскихъ [1]). Намъ извѣстны слѣдующія изъ нихъ: 1) артель Биржевая; 2) гостинодворская Ильинско-Мазуринская; 3) гостинодворская Алексѣевская; 4) гостинодворская Шекулевская; 5) артель Чижовскаго подворья; 6) двѣ артели ветошнаго ряда и 7) двѣ артели зеркальнаго ряда. Число лицъ въ нихъ различно: отъ 25 до 110 человѣкъ, но такъ, что опредѣленное число членовъ каждой артели не измѣняется, если же временно встрѣтится надобность въ людяхъ, то, по усмотрѣнію старосты, нанимаются работники изъ постороннихъ, за которыхъ артель отвѣчаетъ какъ и за своего члена. Какъ особенности этихъ артелей можно отмѣтить слѣдующія черты. На каждаго члена есть въ кассѣ артели опредѣленная въ обезпеченіе сумма (непревышающая, впрочемъ, 120 руб. сер.). Эта сумма (хранящаяся въ кредитныхъ билетахъ или и отдаваемая въ частныя руки подъ процентъ) считается неприкосновенной и употребляется для вознагражденія убытковъ, полученныхъ *хозяиномъ* отъ вины или неосмотрительности артельщика. Но еще бо̀льшимъ обезпеченіемъ служитъ цѣнность самаго мѣста или званія артельщика: они нерѣдко продаются или передаются по взаимному согласію отъ 1,000 до 1,300 р. сер. каждое. Въ случаѣ смерти или тяжкой продолжительной болѣзни артельщика, мѣсто его продается его родственниками или наслѣдниками, которые изъ вырученныхъ денегъ сдѣлавъ расчетъ съ артелью, остальныя за тѣмъ удерживаютъ въ свою

---

[1]) Сообщаемыми ниже свѣдѣніями мы въ особенности обязаны *П. В. Осипову*.

пользу. Если же артельщикъ исключается артелью за неисправность или дурное поведеніе, то мѣсто его продается самою артелью, которая, въ случаѣ наложенія на него штрафа или взысканія за причиненный имъ убытокъ, удерживаетъ ихъ изъ вырученной суммы, а остальную выдаетъ исключенному; но если бы эта сумма, равно какъ и капиталъ исключеннаго, находящійся въ кассѣ артели, оказались недостаточными для покрытія причиненнаго имъ ущерба, то остальное доплачиваетъ сама артель, а съ него довзыскиваетъ по своему усмотрѣнію. Въ Московской биржевой артели, въ отличіе отъ Петербургскихъ, староста имѣетъ право, какъ скоро кто объявитъ надобность въ артельщикахъ, немедленно набирать нужное число ихъ, давая знать писарю, чтобы онъ вписалъ въ книгу какъ ихъ работу, такъ число рабочихъ и полученную сумму. Необходимые расходы дѣлаются старостой, но онъ обязанъ какъ можно своевременно сообщать о томъ артели *у образа*, гдѣ писарь и вписываетъ ихъ въ расходную книгу. Относительно самихъ артельщиковъ нельзя не указать на ихъ девизъ, выраженный въ самомъ ихъ постановленіи — *вѣрность* и *честность*; почему за утрату денегъ или товаровъ и порчу ихъ, убытки взыскиваются съ виновнаго или же вычитаются со всѣхъ по раскладкѣ. Во время работъ артельщики должны повиноваться тому, кому старостою довѣренъ хозяйскій приказъ, хотя бы онъ былъ лѣтами и моложе, «не возвышаться другъ передъ другомъ старшинствомъ или званіемъ» и не заводить никакихъ ссоръ. Съ артельщиковъ, провинившихся въ малыхъ проступкахъ, берется штрафъ до пяти рублей, который налагаетъ староста, объявляя о томъ *у образа*.

---

2. Артели для рыболовнаго и звѣринаго промысловъ.

Товарищества для рыбной ловли составляются въ малыхъ размѣрахъ едва ли не въ каждомъ селеніи, гдѣ есть рыбная рѣка или озеро. Ловитвенные снаряды артель имѣетъ

обыкновенно свои, или же беретъ ихъ подъ условіемъ заплатить за нихъ какой либо долей улова. Если при этомъ и вода не находится въ общемъ пользованіи селенія, а въ чужой дачѣ, то промышленники точно также платятъ владѣльцу этой дачи деньгами или же частью улова. Въ большихъ размѣрахъ рыболовство производится артелями на моряхъ Бѣломъ и Ледовитомъ, гдѣ къ нему присоединяется еще звѣриный промыселъ, на Уралѣ и на Чудскомъ озерѣ. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ нѣсколько словъ.

О звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ артелями на моряхъ Бѣломъ и Ледовитомъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности *г. Максимовъ* въ сочиненіи «Годъ на сѣверѣ.» Вотъ какъ онъ описываетъ составленіе этихъ артелей, занятія ихъ и отношенія между артельщиками:

Каждое судно, отправляющееся изъ Пустоозерска за промыслами на Новую землю имѣетъ свою артель, называемую *котляною*. Котляна носитъ названіе *плотной*, когда артельщики идутъ отъ себя, а не по найму отъ хозяевъ. Въ каждой котлянѣ, снаряженной *хозяиномъ*, бываетъ отъ 8—20 человѣкъ; главный изъ нихъ называется *кормщикъ*, второй за нимъ *полукормщикъ*, третій *полууженщикъ;* всѣ остальные простые работники — *покрутчики, покрученики*. Каждый изъ нихъ имѣетъ, при раздѣлѣ промысла, свою часть, пай, называемые *ужною*. На хозяина по ужнамъ идетъ обыкновенно двѣ трети всего промысла; кормщикъ изъ остальной трети получаетъ, противъ простаго покрутчика, въ 4, 5, 6 и даже 7 разъ больше; полукормщикъ всего этого половину; полууженщикъ половину противъ послѣдняго; покрученикъ, по взаимному договору съ хозяиномъ, получаетъ противъ первыхъ меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Впрочемъ, взаимныя полюбовныя условія на честное слово занимаютъ первое и главное мѣсто, такъ что вышесказанныя основанія не всегда должно принимать за постоянное правило [1]).

Жители Мезени выходятъ на тюленій промыселъ арте-

[1]) «Годъ на Сѣверѣ» ч. II, стр. 83.

лями, иначе называемыми *покрутомъ*, *ужною*, которыя состоятъ изъ 7 или 8 человѣкъ, именно хозяина, уженниковъ и покрученниковъ или половинщиковъ и мальчиковъ — *зуевъ*. Обязанность снаряжать артель лежитъ на хозяинѣ, который и самъ всегда отправляется на мѣсто промысла съ работниками. Уженники, идущіе на своемъ содержаніи, получаютъ $^1/_8$-ую часть всего промысла; покрученики половину этихъ или 16-ую долю промысла, а мальчики треть 16-той доли. Остальное достается хозяину за снарядъ, который во всякомъ случаѣ окупается [1]).

Для промысла трески и палтасины на дальнемъ Мурманскомъ берегу въ селеніяхъ начиная отъ Онеги до Кандалажской губы составляются также артели нѣсколькими мѣстными богачами. При нарядѣ ими *покрута* соблюдаются слѣдующія правила. Крутятся въ пай обыкновенно четверо: *кормщикъ*, *тяглецъ*, *весельщикъ* и *наживочникъ*. Послѣдніе трое называются *рядовыми* и отдаются въ полное распоряженіе кормщика. Добытый промыселъ дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго народъ, за его снасти и суда, остальная треть дѣлится поровну между четырьмя работниками. Кормщикъ сверхъ того получаетъ на свой пай *половдй* отъ хозяина, т. е. еще ровно половину того, что ему досталось изъ третьей части по раздѣлу, и сверхъ того награду, такъ называемый *свершонокъ*, отъ 50 и до 5 руб. сер. Мальчики не получаютъ ничего кромѣ мелкихъ подарковъ [2]).

У Уральскихъ казаковъ, по описанію *г. Данилевскаго* [3]), ловля въ морѣ противъ устья Урала (такъ называемые «Курхайскіе ловы») производится артелями съ такимъ ограниченіемъ, что каждая артель имѣетъ право на выставку не болѣе 100 сѣтей или, что тоже, она должна занимать не

---

[1]) Соч. *г. Максимова:* Годъ на Сѣверѣ, ч. I стр. 34 и д.

[2]) Тамъ же, т. I стр. 339 и д.

[3]) Изслѣдов. о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. М. Г. Имуществъ, т. III. стр. 44. См. также въ Вѣстникѣ Географ. Общества, 1858 г., № 3. ст. *г. Данилевскаго:* «Краткій очеркъ Уральскаго рыболовства».

болѣе 450 сажень въ линію. Такъ какъ не всѣ мѣста равно уловисты, то мечутъ жеребьи для размѣщенія артелей, которыя и выставляютъ свои сѣти въ порядкѣ доставшихся имъ нумеровъ. Жеребьи называются *полными*, если достанутся *полнымъ артелямъ*, т. е. имѣющимъ право на выставку 100 сѣтей, *неполными*, если достанутся меньшимъ артелямъ, и *одиночными*, если ихъ получаютъ казаки, не приписавшіеся ни къ какой артели, что впрочемъ случается весьма рѣдко. Отъ этого жеребьеваго порядка освобождены лишь начальники участковъ и ихъ помощники, которые выбираютъ себѣ мѣсто по желанію. Эти мѣста самыя лучшія и такъ постоянны, что извѣстны подъ именемъ *атаманскихъ мѣстъ*. Самыя артели двухъ родовъ: однѣ истинно-товарищескія, имѣющія въ виду взаимныя выгоды своихъ членовъ, какъ напр. потому что нѣсколько казаковъ имѣютъ одну общую морскую лодку; другія же составляются богатыми казаками, которые нанимаютъ себѣ бѣдныхъ казаковъ въ работники, почему послѣдніе получаютъ уговорную плату. Что касается до дѣлежа у Уральцевъ добытой артелями рыбы, то онъ различенъ смотря по способу и мѣсту ея ловли. Такъ на *осеннемъ* неводномъ ловѣ, что какимъ неводомъ вытянуто, то и принадлежитъ приписанной къ нему артели, тянувшей его, и раздѣляется по паямъ между ея членами. Хозяинъ невода получаетъ сверхъ того 5 паевъ; каждый изъ простыхъ казаковъ, которыхъ должно быть у невода не менѣе 6 [1]), за работу по паю, слѣдовательно и хозяинъ, если онъ работалъ, какъ всегда и бываетъ. Офицеры, лично участвующіе въ тягѣ, получаютъ: оберофицеры по 2, штабъ-офицеры по 3 пая. Основаніе этого преимущества офицеровъ заключается въ томъ, что право на ловлю считается на Уралѣ общею принадлежностію ка-

[1]) Назначеніе наименьшаго числа рабочихъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ наибольшаго числа неводовъ на ловлю имѣетъ цѣлью положить границу числу или величинѣ паевъ, приходящихся на долю хозяевъ неводовъ съ тѣмъ, чтобы эти паи могли доставаться бо́льшему числу казаковъ-работниковъ, участвующихъ въ ловѣ однимъ своимъ трудомъ.

заковъ, за исключеніемъ рядсвыхъ, находящихся на дѣйствительной службѣ и получающихъ денежное вознагражденіе; но число сѣтей, которыя казакъ можетъ выставить, различно по чинамъ. На *зимнемъ* неводномъ ловѣ дѣлежъ совершенно иной. Здѣсь ловъ въ каждомъ участкѣ производится сообща, т. е. каждый неводъ ловитъ не на себя, а складываютъ весь уловъ въ общія кучи, называемыя *урсами*. Дѣлежъ урсовъ по паямъ отличается тѣмъ, что хозяева неводовъ получаютъ здѣсь по 6 паевъ вмѣсто 5, потому что зимніе невода дороже осеннихъ; офицерамъ, лично участвующимъ, полагается безъ различія чиновъ по 2 пая. На неводъ не должно быть приписано менѣе 14 человѣкъ. На *весеннемъ* Черхальскомъ ловѣ (въ озерѣ или морцѣ Черхальскомъ) вся рыба складывается вмѣстѣ, солится и за тѣмъ дѣлится на равныя кучи, по числу тянувшихъ неводовъ. Такъ какъ эти кучи совершенно уравнять нельзя, то одинъ изъ казаковъ отбираетъ у хозяевъ артелей шапки и перемѣшавъ ихъ кладетъ по шапкѣ на каждую кучу,— чья шапка, того и куча. Каждая же куча дѣлится по паямъ, такъ что за каждыя 100 саженъ невода хозяинъ его получаетъ 5 паевъ. Прочія правила дѣлежа тѣже, что и на зимнемъ неводномъ ловѣ. На узеняхъ, гдѣ по различному свойству рѣчекъ и озеръ употребляются и невода различной величины, вознагражденіе хозяевъ предоставлено взаимному соглашенію между членами артелей.

На Чудскомъ озерѣ для производства зимняго неводнаго лова образуются «ловецкія дружины» [1]). Кто доста-

---

[1]) См. Изслѣдов. о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. Мин. Госуд. Имущ. т. I «Описаніе рыболовства на озерѣ Пейпусѣ». Ср. также ст. *г. Тидебеля* «Рыболовство и рыболовы на Чудскомъ озерѣ» въ Русскомъ Вѣстникѣ, т. VII, 1856 г. Такія дружины или артели встрѣчаются, какъ мы сказали выше, и въ другихъ рыбныхъ мѣстностяхъ, хотя съ нѣкоторыми различіями въ способѣ ихъ составленія, во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ и въ раздѣлѣ добычи, почему они заслуживали бы особаго описанія. Къ сожалѣнію, такихъ описаній намъ неизвѣстно, кромѣ замѣтки о ловлѣ сельдей въ Переяславскомъ (или Плещеевомъ) озерѣ артелями, состоящими каждая изъ

точнѣе и опытнѣе въ ловлѣ и постановкѣ невода, тотъ выбирается *жерникомъ*. Обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы во все время производства лова распоряжаться и смотрѣть за порядкомъ; ему повинуется вся дружина. Выручennая за ловъ сумма раздѣляется на двѣ равныя части: изъ нихъ одна назначается на «народъ» (работниковъ), а другая «на запасъ», т. е. въ пользу жерниковъ, и вообще всѣхъ хозяевъ запаса или невода. Деньги этихъ послѣднихъ соразмѣряются съ величиною принадлежащихъ имъ неводныхъ частей, а деньги на работниковъ дѣлятся между всѣми членами дружины поровну, исключая «коморы» (артельщика, приготовляющаго пищу), который получаетъ въ половину менѣе противъ другихъ. Кромѣ того жернику дается еще плата за квартиру.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о рыболовныхъ артеляхъ, сообщимъ историческую замѣтку о такихъ же артеляхъ, еще недавно занимавшихся рыбной ловлей въ Байкалѣ. По свидѣтельству г. *Сельскаго* [1]), до 1790 года было на этомъ озерѣ нѣсколько особыхъ артелей; каждая состояла изъ 20 и болѣе пайщиковъ и имѣла на откупу извѣстныя рыболовныя мѣста какъ въ самомъ озерѣ, такъ и по рѣчкамъ, впадающимъ въ него. Главныхъ артелей было четыре: 1) Коргинская, 2) Култукская (смежная съ Коргинскою), 3) Березовская, по р. Селенгѣ, и 4) Ольхонская, производившая свои промыслы около озера Ольхона, въ рѣчкѣ Бугульдейкѣ и рѣкахъ Баргузинѣ и Верхней Ангарѣ. Артели эти имѣли свои собственныя суда для сплава рыбы въ Иркутскъ. Рабочихъ людей держали безъ платы, надѣляя ихъ за службу рыбою; впослѣдствіи эти рабочіе дѣла-

---

10 человѣкъ, которые уловъ дѣлятъ между собою на равныя части, съ жеребья. См. въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣн. 1860—1861 г. кн. V ст. Переяславское озеро и рыбная слобода, *А. Свирѣлина*, стр. 25.

[1]) См. въ Вѣстникѣ Географ. Общества за 1854 г. кн. IV, Примѣчанія г. *Сельскаго* къ статьѣ г. *Пежемскаго*: «Рыбная производительность озера Байкала».

лись сами хозяевами новыхъ артелей. Въ настоящее время отъ засоренія устьевъ Селенги рыбный промыселъ здѣсь упалъ.

---

3. Артели бурлаковъ.

Изъ артелей, промышляющихъ наймомъ своего труда, на низшей степени развитія стоятъ артели судорабочихъ, извѣстныя подъ названіемъ *бурлацкихъ*, которыхъ промыселъ состоитъ въ томъ, что онѣ проводятъ по рѣкамъ пустыя или нагруженныя суда отъ одной пристани до другой. Главнымъ образомъ, простолюдины, не знающіе лучшаго промысла, въ свободное время отъ полевыхъ занятій находятъ себѣ этого рода работу на Волгѣ и Донѣ, почему и слѣдуетъ по преимуществу обратить вниманіе на бурлацкія артели той и другой рѣки. Къ счастію, мы имѣемъ объ нихъ весьма подробныя и вѣрныя свѣдѣнія. Остановимся прежде на артеляхъ Волжскихъ, какъ наиболѣе извѣстныхъ и представляющихъ типическія черты, которыя прилагаются и къ другимъ бурлацкимъ артелямъ, съ нѣкоторыми лишь особенностями.

Артели бурлаковъ на Волгѣ [1]) раздѣляются на верхнихъ и нижнихъ, или *волжскихъ* въ собственномъ смыслѣ. Самый путь, совершаемый бурлацкой артелью, называется *путиной* и бываетъ *дальній* или *короткій*; къ первому принадлежатъ путины въ Рыбинскъ изъ Астрахани, Царицына, Самары и пр.; короткія путины совершаются между Рыбинскомъ, Нижнимъ, Казанью, Симбирскомъ. Основаніе, которымъ связываются бурлацкія артели, есть добровольное соглашеніе членовъ на равный трудъ для общаго заработка. Отсюда слѣдующее начало, ограничивающее ихъ взаимныя отношенія, что хотя не всѣ бурлаки одной артели трудятся равно,

---

[1]) См. «Изслѣдованія о бурлакахъ» г. *Вернадскаго*, въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1857 г. ч. XXIII и XXIV отд. II, и статью: «Волжскіе бурлаки» г. *Корнилова* въ Морскомъ Сборникѣ 1862 г. № 7.

но плату они получаютъ всѣ равную, не выключая и выборнаго главы или десятника. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены артели обязываются отвѣчать другъ за друга хозяину, который ихъ нанимаетъ; такъ напр. если бурлакъ сбѣжитъ или захвораетъ, то артель обязана нанять на свой счетъ другаго работника; почему и стараются набирать въ одну артель преимущественно односельцевъ.

Артели составляются обыкновенно въ самыхъ мѣстахъ подряда: зимою въ деревняхъ, селахъ или извѣстныхъ городахъ, куда пріѣзжаютъ прикащики отъ судохозяевъ для найма рабочихъ, лѣтомъ—въ тѣхъ приволжскихъ городахъ, гдѣ существуютъ такъ называемые *бурлацкіе базары*. Иногда бурлаки выходятъ уже изъ дому сформированною артелью, хотя впрочемъ это бываетъ рѣдко. Артели состоятъ обыкновенно изъ 10—45 человѣкъ; но даже на пристаняхъ чаще встрѣчаются бурлаки небольшими группами, человѣка по 4, 5 и 6 въ каждой. Изъ такихъ мелкихъ до найма артелей и составляется при наймѣ рабочихъ на большое судно одна большая рабочая артель (иногда въ 150 человѣкъ и болѣе). Но часто въ самомъ пути оказывается, что нанятаго сначала числа бурлаковъ недостаточно; тогда къ этимъ *кореннымъ* бурлакамъ, какъ они называются, хозяинъ судна нанимаетъ еще *добавочныхъ* за особую плату. Артели, нанимающіяся зимой, обыкновенно подряжаются посредствомъ своихъ выборныхъ — десятниковъ или простыхъ артельщиковъ; лѣтнія же лично или сообща договариваются съ хозяиномъ. Договоръ этотъ въ первомъ случаѣ составляется письменно въ формѣ контракта, который является у маклера, а во второмъ вносится только въ тетради, имѣющія впрочемъ такую же обязательную силу [1]). Чтобы опредѣлить точнѣе содержаніе такихъ сдѣлокъ, я укажу на главныя условія, которыя въ нихъ помѣщаются, на основаніи одного контракта, прилагаемаго ниже [2]). Изъ нихъ на пер-

[1]) См. Свод. Зак., изд. 1857 г., т. XII, ч. I-й, Устава Пут. Сообщ. ст. 336 и д.

[2]) См. Прилож. II.

вомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь ряда о цѣнѣ, которая однако показана въ особомъ реестрѣ; за тѣмъ говорится о приготовленіи бурлаками судна къ сплаву, о сплавѣ его внизъ по Волгѣ до Балакова, гдѣ оно должно быть нагружено ими же хлѣбомъ, и о возвращеніи съ нимъ въ Рыбинскъ. Груза полагается не болѣе 1,000 пудовъ на пятерыхъ работниковъ. Далѣе объясняются обязанности бурлаковъ въ случаѣ какихъ-либо несчастныхъ случаевъ съ судномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они обязываются имѣть осторожность отъ огня и потому не курить, также не напиваться и не хворать притворно, иначе хозяинъ воленъ на счетъ ихъ нанять другихъ работниковъ; съ своей стороны хозяинъ обязуется больныхъ рабочихъ оставлять не иначе, какъ въ городѣ или въ другомъ жиломъ мѣстѣ, и отдавать ихъ на руки старшему того мѣста. Въ заключеніи говорится, что по прибытіи на мѣсто и по уборкѣ судна и припасовъ, хозяинъ долженъ сдѣлать расчетъ. Читая эти условія, нельзя не припомнить себѣ тѣ договоры, которые уже въ XVII-мъ столѣтіи и конечно еще ранѣе судохозяева на Волгѣ заключали съ «ярыжными», нанимавшимися плавить ихъ грузы [1]).

Въ пути бурлаки бываютъ бо̀льшею частью на своихъ харчахъ. Покупка провизіи и всѣ разсчеты по продовольствію поручаются артелью *десятнику* или *артельщику*, который впрочемъ на эти расходы получаетъ деньги отъ хозяина, вычитающаго ихъ при окончательномъ разсчетѣ изъ рядной суммы. Для предупрежденія обмана со стороны десятника, артелью ведется надъ нимъ контроль, состоящій въ томъ, что для закупки провизіи съ нимъ отправляется обыкновенно *посыльный* (одинъ изъ артельщиковъ) и расходные его счеты повѣряются съ хозяйскими, съ которыми они должны быть согласны, иначе не признаются правильными. За свои обязанности какъ по части хозяйственной, такъ и по прінсканію ряды, десятникъ получаетъ отъ артели вознагражденіе.

---

[1]) См. выше стр. 7 и 8.

Въ случаѣ пьянства бурлаковъ, драки между ними или худой работы, они подвергаются наказаніямъ, по приговору артели.

Не смотря на долговременные обычаи, подъ вліяніемъ которыхъ сложились и окрѣпли отношенія между бурлаками и судохозяевами на Волгѣ, не смотря также на письменные контракты, которыми утверждаются эти отношенія, какъ положеніе бурлаковъ, такъ иногда и интересъ самого хозяина судна далеко не обезпечены исполненіемъ тѣхъ требованій, на которыя имѣетъ право каждая изъ сторонъ. Иногда путь, по причинѣ противныхъ вѣтровъ и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ продолжается долго, и тогда низкая плата, получаемая бурлаками, обращается имъ въ накладъ: вслѣдстіе этого они оставляютъ хозяина, такъ что подъ часъ бѣжитъ цѣлая артель. Но и судохозяева не свободны отъ разныхъ продѣлокъ и обмановъ со стороны артели. Это самое обстоятельство, какъ увидимъ ниже, и вызвало подробныя правила, которымъ законодательство обставило отношенія между бурлаками и судохозяевами. По этой же причинѣ разбирательство между ними споровъ поручено Судоходнымъ Расправамъ; однако ссорящимся, въ случаѣ неудовольствія рѣшеніемъ Расправы, предоставлено обращаться къ третейскому суду [1]).

Въ связи съ бурлачествомъ находится въ Рыбинскѣ особый промыселъ *батырей* и *крючниковъ*. Батыремъ называется подрядчикъ, имѣющій одну или нѣсколько артелей крючниковъ, занимающихся нагрузкой или выгрузкой судовъ. Крючники, носящіе кули на спинѣ, называются *горбачами*. Въ артели, состоящей изъ 10 человѣкъ, бываетъ обыкновенно 2 горбача, въ артели изъ 12 человѣкъ — 3. Богатые батыри не дѣлятъ работы съ своими артельщиками, развѣ если кто изъ крючниковъ заболѣетъ; но мелкіе батыри работаютъ наравнѣ съ крючниками. Изъ суммы,

---

[1]) См. Свод. Зак. изд. 1857 г. т. XII, ч. I-й, Устава Пут. Сообщ. ст. 413—425.

слѣдующей артели, батырь получаетъ двойной пай: одинъ отъ судохозяина, съ которымъ онъ договорился въ работѣ, для которой нанялъ крючниковъ, наравнѣ съ ними, а другой въ видѣ вознагражденія отъ самихъ крючниковъ, которые выдѣляютъ для этого часть изъ своихъ заработныхъ денегъ. Разсчетъ между ними или *дуванъ* происходитъ публично, на улицѣ.

Бурлацкія артели на Дону [1]) представляютъ слѣдующія особенности. Для сплава судовъ внизъ по рѣкѣ, общество, къ которому принадлежатъ крестьяне, желающіе наняться въ судорабочіе (большею частію государственные), выдаетъ имъ изъ Расправы билетъ за подписью писаря; съ этимъ билетомъ они приходятъ къ хозяевамъ и нанимаются, получая самый незначительный задатокъ. Но чаще случается, что прикащикъ судопромышленника или лоцманъ пріѣзжаютъ въ село или слободу и объявляютъ въ Расправѣ, чтобы желающіе наниматься на суда шли къ нимъ на квартиру. Расправа съ своей стороны даетъ знать объ этомъ извѣстнымъ бурлакамъ, чаще тѣмъ, за которыми болѣе состоитъ недоимки; послѣднихъ нерѣдко и понуждаютъ къ найму. По окончаніи договора, нанявшихся ведутъ прикащики въ Расправу, гдѣ, при старшинѣ и сборщикѣ податей, выдаютъ имъ почти всѣ деньги по договору, оставляя у себя незначительную сумму для полученія билета рабочему. Паспорты берутся въ Волостномъ Правленіи или въ Уѣздномъ Казначействѣ всегда хозяевами. Самимъ рабочимъ деньги выдаются только тогда, когда они приходятъ наниматься съ готовыми паспортами. Договоръ съ рабочими бываетъ словесный, контрактовъ съ ними не дѣлаютъ.

Дорогой, когда суда причаливаютъ, то сей часъ же *кухари* (дежурные) начинаютъ варить обѣдъ или ужинъ на берегу, на каждую артель отдѣльно. Должность кухарей исполняютъ всѣ кромѣ лоцмана или помощника; обязанность ихъ отли-

[1]) См. ст. «Замѣтки о судоходствѣ по Дону въ Воронежской губ.» *А. Шапошникова-Капустина* въ Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г., изд. М. де-Пуле и П. Глотова, стр. 116 и д.

вать изъ судна воду день и ночь, варить обѣдъ и ужинъ; въ трудныхъ и опасныхъ мѣстахъ они выходятъ на греблю. Продовольствіе, впрочемъ весьма скудное, получается отъ хозяина.

По прибытіи въ Ростовъ (на Дону), рабочіе приступаютъ выгружать барки въ указанномъ хозяиномъ мѣстѣ, на берегу, въ бунты или въ амбары. По выгрузкѣ, порожнія суда также отводятся на указанныя мѣста, и только тогда рабочіе получаютъ отъ своихъ хозяевъ паспорты и деньги (если только они есть въ остаткѣ); тогда же нѣкоторые изъ рабочихъ при разсчетѣ нанимаются на верховой ходъ. Этотъ наемъ хозяева предоставляютъ бо́льшею частью лоцману, иногда же и сами договариваются съ судорабочими. При этомъ хозяинъ беретъ у нанявшихся паспорты и выдаетъ задаточныя деньги отъ 2 до 5 р. сер., а остальныя оставляетъ за собою до мѣста. Продовольствіе и здѣсь на весь путь также хозяйское: пшено для каши, мука ржаная для квасу и ржаные сухари. По прибытіи судовъ къ мѣсту назначенія, бурлаки выгружаютъ и складываютъ всѣ матеріалы на указанныя хозяевами мѣста. Но если окажется по счету недостача товаровъ, то стоимость недостающаго вычитается съ нихъ и съ лоцмана.

Бурлачествомъ на Волгѣ занимаются крестьяне не только прибрежныхъ мѣстностей, но часто и приточныхъ рѣкъ. Такъ крестьяне Вятскаго уѣзда, приходя на Волгу, спускаются даже до Астрахани или поднимаются до Рыбинска [1]); Съ другой стороны крестьяне приволжскихъ губерній иногда ограничиваются бурлачествомъ лишь на извѣстномъ пространствѣ своей рѣки. Такъ бурлаки Астраханской губерніи нанимаются только на путь отъ Астрахани до Царицына или Саратова. Впрочемъ эти артели не отличаются ничѣмъ особеннымъ отъ тѣхъ, которыя составляются въ верховьяхъ Волги [2]).

---

[1]) См. въ Вѣстникѣ Географ. Общ. 1860 г. № 5 статьи: «Статистическій очеркъ Вятскаго края.», стр. 11.

[2]) Вѣстн. Географ. Общ. 1851 г., кн. III, смѣси стр. 50 — 53.

4. Артели торговыя.

По всей Россіи такъ извѣстны и дѣйствительно такъ распространены торговцы по одиночкѣ и артелями мелочныхъ товаровъ, преимущественно изъ Владимірцевъ, носящіе разныя названія, какъ то: *офеней, коробочниковъ, ходебщиковъ, щепетильниковъ,* что нельзя не упомянуть объ нихъ въ настоящемъ случаѣ. Не имѣя однако подробныхъ свѣдѣній о составѣ этихъ артелей, объ отношеніяхъ членовъ ихъ между собою и къ капиталистамъ или купцамъ, которые ссужаютъ имъ деньги или товары, и наконецъ касательно раздѣла между ними доходовъ, мы можемъ только замѣтить, на сколько знаемъ, что онѣ весьма близко подходятъ къ артелямъ *украинскихъ* мелочныхъ торговцевъ, такъ хорошо описаннымъ *И. С. Аксаковымъ* въ его извѣстномъ сочиненіи «Объ украинскихъ ярманкахъ»; почему и приводимъ здѣсь это описаніе.

Жители мѣстечка Рашевки, преимущественно казаки, образуютъ изъ себя артели отъ 6 до 10 человѣкъ. Каждая артель дѣлаетъ складчину, избираетъ себѣ начальника или *атамана* и чрезъ посредство его беретъ у одного изъ Рашевскихъ купцовъ извѣстную пропорцію игольнаго товара, а иногда занимаетъ денегъ на честное слово безъ всякой росписки; потомъ уплачиваетъ подати за себя и за семьи, добываетъ паспорты и приготовляется въ путь. До выѣзда, вся артель собирается къ атаману, который раздаетъ каждому часть товара и нѣкоторую часть денегъ; съ общаго согласія назначаются срокъ и мѣсто для сбора, и потомъ вся артель расходится въ разныя стороны, по разнымъ дорогамъ, пѣшкомъ, съ котомкой или коробкой за плечами, а атаманъ съ остальнымъ товаромъ и деньгами прямо ѣдетъ въ телѣгѣ на сборный пунктъ. Артельщики рѣдко покупаютъ что нибудь за наличныя деньги, а почти всегда вымѣниваютъ свой дешевый игольный товаръ на щетину, перо, пухъ, старый мѣдный ломъ, шкурки, восчину и т. п. Эта мѣна гораздо выгоднѣе продажи. На сборный пунктъ, въ урочное время, являются всѣ артельщики, выдаютъ атаману вымѣненныя вещи и отчетъ въ деньгахъ, и представляютъ

къ освидѣтельствованію наличный оставшійся у нихъ товаръ. Атаманъ сейчасъ дѣлаетъ заключеніе, кто былъ исправенъ, кто нѣтъ, по какой причинѣ: если отъ пьянства или вообще отъ собственной причины артельщика, то немедленно творится артелью общій судъ и расправа, т. е. виновный тутъ же наказывается. Если же дѣло артели шло удачно и прибыль хороша, то всѣ расчеты заканчиваются магарычемъ, послѣ котораго вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пунктъ, и артель движется далѣе.... Такимъ образомъ артель проходитъ до Азовскаго побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь въ одну цѣльную общину, произносящую судъ, то распадаясь на отдѣльныя, самостоятельно дѣйствующія лица, ибо успѣхъ каждаго зависитъ отъ его личныхъ свойствъ, смѣтки, умѣнья и характера. Разумѣется, не всѣ артели путешествуютъ такъ далеко, нѣкоторыя изъ нихъ совершаютъ свои походы не далѣе Кіевской и Херсонской губерніи раза по два, по три въ годъ; отправляющіяся къ Азовскому морю, къ черноморскимъ казакамъ, и даже на линію, проводятъ въ странствованіи около года. Промѣнявъ весь взятый изъ дому товаръ и нагрузивъ опорожненную телѣгу новымъ пріобрѣтеннымъ, артель возвращается домой. Атаманъ сдаетъ купцу, ссудившему ихъ деньгами и вещами, весь привезенный товаръ — по существующимъ цѣнамъ. Купецъ вычитываетъ изъ общей цѣнности товара сумму, которая ему слѣдуетъ въ возвратъ, безъ процентовъ, а за остальной товаръ уплачиваетъ наличными деньгами. Тогда чинится расчетъ въ самой артели: выручка дѣлится на ровныя части между всѣми, причемъ деньги, внесенныя въ кассу, возвращаются каждому сполна, но атаманъ получаетъ еще другую часть за подводу. Если же кто не оказалъ усердія, то съ его части, съ общаго согласія, дѣлается вычетъ. Всѣ расчеты кончаются въ одинъ день, заключаются пирушкой, и партія расходится.

Къ торговымъ артелямъ принадлежатъ еще складчины капиталами, ввѣряемыми извѣстному въ данной мѣстности капиталисту, который называется *мірскимъ воротилой*, безъ вся-

кихъ росписокъ, на вѣру. Въ помощь воротилѣ придаются 2—3 опытныя лица, называемыя *дядями;* складчики называются *молодцами,* а вся артель *міромъ*. Воротила и дяди становятся опекунами семейства молодцовъ и платятъ за нихъ всѣ подати; они же закупаютъ товары на чистыя деньги большею частію въ Москвѣ и во Владимірской губ. Товары распредѣляются между молодцами сообразно вкладу каждаго; за тѣмъ они разъѣзжаются въ разныя стороны, назначивъ сборное мѣсто и время съѣзда: здѣсь происходитъ расчетъ (дуванъ). Каждый молодецъ получаетъ свой пай въ общихъ барышахъ, на долю же воротилы и дядей идетъ барышъ вдвое и втрое противъ молодцовъ; спору въ дѣлежѣ не бываетъ: на міръ суда нѣтъ [1]).

---

5. Артели чумаковъ и возчиковъ.

Чумаками называются не только въ Малороссіи, но и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великой Россіи Малороссіяне, перевозящіе на своихъ фурахъ и своимъ скотомъ (обыкновенно на волахъ) разныя произведенія, какъ то: хлѣбъ, соль, рыбу и проч. изъ одной мѣстности въ другую. Такіе чумаки дѣлятся на два разряда [2]): одни изъ нихъ собственники, которые возятъ собственныя произведенія въ ближайшій портъ или городъ и продавъ ихъ покупаютъ здѣсь другія для продажи на мѣстѣ своего жительства или въ иномъ городѣ. Чумаки этого разряда хотя и ѣздятъ артелями, но не связаны между собою ничѣмъ другимъ, кромѣ товарищества въ дорогѣ, какъ односельцы, и развѣ гдѣ нибудь на привалѣ сдѣлаютъ складчину на четверть или полведра вина, смотря по многочисленности партіи. Настоящія

---

[1]) Объ этихъ артеляхъ см. въ «Сводѣ замѣчаній» на проектъ патентныхъ пошлинъ, изданный въ 1861 г. Податной Коммиссіей (записка подъ № 75 на стр. 189 и 200).

[2]) Помѣщаемыя ниже свѣдѣнія объ артеляхъ чумаковъ заимствуемъ изъ ненапечатанной записки, читанной Сотрудникомъ Географич. Общества — *А. А. Лебедевымъ* въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Этнографіи.

же артели или *купы* чумаковъ составляютъ тѣ, которые перевозятъ произведенія или вообще тяжести, не принадлежащія имъ въ собственность, и на нихъ-то мы остановимся.

Плодородная почва южнаго края Россіи при своевременной обработкѣ даетъ обыкновенно обильный плодъ. Преимущественное здѣсь произведеніе — пшеница подъ разными названіями. Кромѣ мѣстнаго потребленія (какъ составляющая необходимость въ домашнемъ быту малороссіянъ), она заготовляется въ большомъ количествѣ для продажи мѣстнымъ купцамъ, которые въ свою очередь запродаютъ ее въ ближайшихъ портахъ. Перевозка этой запроданной пшеницы на мѣста обыкновенно дѣлается на воло́выхъ фурахъ, что̀ хотя крайне замедляетъ доставку ея и обходится дорого, но общеупотребительно по неимѣнію еще въ томъ краѣ правильныхъ путей сообщенія. Фуры нанимаются большею частію за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе: такъ наприм. пшеница, закупленная съ осени, не можетъ быть отправляема зимой, ибо въ дальнія дороги зимою чумаки не пускаются, не имѣя обычая подковывать воловъ *). Самый наемъ дѣлается не въ центрахъ торговли, какъ по причинѣ недостаточнаго количества въ этихъ мѣстностяхъ фуръ, такъ равно и высшей цѣны на нихъ противъ мѣстностей болѣе или менѣе отдаленныхъ. Въ эти-то послѣднія *хозяева* (купцы) отряжаютъ въ началѣ зимы своихъ прикащиковъ или, какъ ихъ называютъ, *малыхъ*. Пріѣхавъ въ слободу, прикащикъ объявляетъ одному-двумъ мужичкамъ, что вотъ-де за чѣмъ онъ пріѣхалъ, а эти сейчасъже даютъ о томъ знать всѣмъ и каждому, не столько изъ желанія имѣть работу, сколько для того, чтобы имѣть случай запить общій «могарычь». Къ вечеру или рано утромъ являются въ хату прикащика человѣкъ 15 или болѣе составившагося товарищества — договариваться «пидъ фуру». Послѣ обычныхъ привѣтствій съ

*) Возможность ѣзды зимою на подкованныхъ волахъ была испытана въ минувшую Крымскую войну; но, сколько извѣстно, этотъ опытъ не имѣлъ вліянія на обычай чумаковъ.

обѣихъ сторонъ, сторговавшись въ цѣнѣ, чумаки выговариваютъ себѣ часть «лантуховъ» (въ которыхъ насыпается пшеница), «мостовыя» или перевозныя деньги, и наконецъ неизбѣжный «могарычь». По окончаніи всѣхъ договоровъ прикащикъ даетъ задатокъ, рублей по 5 на фуру, а иногда и болѣе, смотря по нуждамъ нанимающихся. За тѣмъ договоръ излагается письменно и свидѣтельствуется волостнымъ правленіемъ. Самый задатокъ передается однако въ руки одного изъ болѣе уважаемыхъ крестьянъ, получающаго вмѣстѣ съ тѣмъ названіе *артельщика* или старосты, на имя котораго пишется и контрактъ, за поручительствомъ товарищей. По отъѣздѣ прикащика, къ артельщику являются тотчасъ артельные и просятъ его помочь имъ въ нуждахъ: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашніе расходы, и проч. Артельщикъ удовлетворяетъ ихъ безпрекословно, но не безъ разбора, и ведя всему счетъ, не смотря на то, что иногда бываетъ неграмотный. По окончаніи весеннихъ посѣвовъ, артель отправляется въ торговый пунктъ для насыпки пшеницы и тутъ-же запасается въ дорогу дегтемъ, солью и рыбой, которые закупаетъ артельщикъ; пшено же, сало, хлѣбъ и сухари беретъ каждый домохозяинъ изъ домашнихъ запасовъ, но все таки складываетъ и ихъ въ артель. Дорогой всѣмъ распоряжается и деньги на необходимые расходы ведетъ также артельщикъ. По пріѣздѣ на мѣсто и по благополучной сдачѣ хлѣба староста получаетъ слѣдующія деньги за провозъ изъ конторы купца, и тутъ-же производится ихъ дѣлежъ. Въ обратномъ пути каждый ведетъ денежные расходы самъ, потому что на заработанныя деньги покупаетъ соль или рыбу на себя, слѣдовательно дѣлается чумакомъ-собственникомъ; харчевые же припасы остаются, по прежнему, общими. Во все лѣто, во время рабочей поры, чумаки обыкновенно не ходятъ въ дорогу; но есть и такіе, которые знаютъ одно только дѣло— чумаковать. Артели этихъ послѣднихъ даже зимуютъ вмѣстѣ со скотомъ близъ торговыхъ пунктовъ; въ нихъ заведенъ уже порядокъ относительно внутреннихъ распоряженій

и самые расчеты ведутся правильнѣе, такъ какъ постоянные чумаки бо̀льшею частію грамотные.

Въ послѣднее время и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Великой Россіи, особенно въ бывшихъ помѣщичьихъ, по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, распространилось извозничество или перевозъ разнаго рода сельскихъ произведеній и другихъ продуктовъ отъ пунктовъ ихъ производства въ большіе торговые города и къ пристанямъ, и обратно отсюда разныхъ припасовъ и товаровъ въ уѣздные города и села для мѣстнаго потребленія. Въ первомъ случаѣ нанимаютъ какъ сами помѣщики (для отвоза хлѣба, вина, шерсти и т. п.), такъ и купцы, закупающіе сельскіе продукты на самыхъ мѣстахъ ихъ производства, а иногда и сами крестьяне, занимающіеся торговлей; въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно купцы, торгующіе въ уѣздахъ солью, рыбой и разнымъ товаромъ, иногдаже и сами возчики, какъ малороссійскіе чумаки, покупаютъ соль, рыбу, яблоки и т. п. на себя и продаютъ ихъ дома или развозя по окрестнымъ селеніямъ. Такіе возчики нанимаются иногда цѣлымъ товариществомъ, обязуясь *хозяину* отвѣчать другъ за друга; почему и расходы, равно какъ и барыши, у нихъ общіе; но такъ, что расчетъ тѣхъ и другихъ дѣлается не по числу лицъ, составляющихъ товарищество, а по числу *подводъ*, ибо допускается, что одинъ домохозяинъ можетъ имѣть въ обозѣ двухъ и болѣе лошадей и на каждую изъ нихъ особыя телѣгу или сани съ поклажей, слѣдовательно не одну подводу.

---

6. Артели ремесленниковъ и сельскихъ рабочихъ

Выше было уже нами указано на товарищества, составляющіяся для разныхъ работъ, въ которыхъ члены принимаютъ на себя круговую другъ за друга отвѣтственность, участвуя какъ въ барышахъ, такъ и убыткахъ, выпадающихъ на долю товарищества. Нельзя однако не замѣтить, что такія товарищества теперь, сколько намъ извѣстно,

едва-ли не въ самомъ началѣ, хотя мы уже видѣли ихъ значительно развитыми въ древней Россіи [1]). Причину тому, что они какъ бы изчезли и только съ недавнаго времени возрождаются съ новой силой, должно, кажется намъ, искать въ крѣпостномъ правѣ, которое ограничивъ огромное количество сельскаго населенія опредѣленными работами въ пользу помѣщиковъ, тѣмъ самымъ, съ одной стороны, устраняло большинство рабочихъ, которые, при другихъ условіяхъ своего быта, могли бы свободно вступать въ товарищества для болѣе выгоднаго употребленія своего знанія и труда, а съ другой стороны не только давало возможность помѣщикамъ, но даже нѣкоторымъ образомъ заставляло ихъ, въ вознагражденіе за ущербъ, приносимый имъ въ свою очередь крѣпостнымъ правомъ, ограничиваться производствомъ своихъ крестьянъ или дворовыхъ, чѣмъ самымъ очевидно уменьшался запросъ на свободную и слѣдовательно болѣе дорогую, хотя и лучшую работу. Было бы впрочемъ несправедливо думать, что начало произвола, внѣшняго гнета и стѣсненія свободной дѣятельности и отношеній выражалось только въ крѣпостномъ правѣ помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами и дворовыми людьми: оно касалось и другихъ классовъ сельскихъ и городскихъ жителей, которые далеко не всегда свободно располагали своими занятіями и даже своимъ имуществомъ. Отсюда, какъ естественное послѣдствіе, явились апатія и лѣнь, которыя всюду и всегда приводятъ за собою застой, не только вообще въ занятіяхъ, но и въ самомъ усвоеніи и развитіи знаній, искусствъ и ремеслъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раждаютъ болѣе или менѣе общую бѣдность. Подъ вліяніемъ этого начала, въ замѣнъ ремесленныхъ и рабочихъ артелей, образовались у насъ *подрядчики*, изъ немногихъ болѣе зажиточныхъ ремесленниковъ, которые весьма часто держатъ въ полной кабалѣ своихъ односельцевъ или и постороннихъ крестьянъ, нанимаемыхъ ими для исполне-

[1]) См—выше стр. 8—11, артели каменщиковъ, плотничьи и чернорабочихъ.

нія работъ, взятыхъ съ подряда, оставляя всѣ барыши, за вычетомъ скудной платы артели (называемой такъ уже совершенно въ иномъ смыслѣ), исключительно въ свою пользу. Не касаясь поэтому ближе такихъ артелей, мы укажемъ здѣсь только на тѣ артели ремесленниковъ и сельскихъ рабочихъ, которыя намъ извѣстны какъ дѣйствительныя товарищества, заслуживающія тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что число ихъ, со времени отмѣны крѣпостнаго права, на нашихъ глазахъ все болѣе увеличивается, обѣщая чрезъ то въ близкомъ будущемъ развитіе правильно организованныхъ и многочисленныхъ ремесленныхъ и рабочихъ артелей въ собственномъ значеніи этого слова. Такимъ артелямъ мы придаемъ еще особенную цѣну потому, что лишь съ помощію ихъ, по нашему убѣжденію, становится возможнымъ для помѣщиковъ въ настоящее время успѣшное занятіе вольнонаемнымъ хозяйствомъ.

По собственному опыту намъ пришлось ознакомиться съ товариществами, которыя ежегодно образуются въ нашихъ имѣніяхъ [1]) со времени введенія въ нихъ уставныхъ грамотъ, для исполненія разныхъ работъ по вольнонаемному хозяйству, въ особенности же пашни, сѣнокоса, жнитва и возки сноповъ. Въ Саратовскомъ нашемъ имѣніи, на пашню нанимается у насъ обыкновенно цѣлое сельское общество на такомъ условіи, что получивъ задатку по рублю серебромъ на каждую десятину, по числу всѣхъ десятинъ, снятыхъ крестьянами, они вслѣдъ за тѣмъ приступаютъ къ паркѣ, весенней или осенней, а когда приходитъ время пашни и посѣва, то по первой повѣсткѣ принимаются за пашню, бороньбу и посѣвъ и только по окончаніи всей работы въ полной исправности, получаютъ слѣдующія по найму остальныя деньги. При этомъ помѣщику нѣтъ дѣла до отдѣльныхъ рабочихъ: онъ требуетъ лишь хорошей работы и исполненія ея во всемъ

[1]) Саратовской губ. въ Сердобскомъ уѣздѣ и Пензенской губ. въ Инсарскомъ уѣздѣ.

условленномъ количествѣ, а наблюденіе за всѣмъ остальнымъ, какъ-то: за тѣми, кто именно дурно работалъ, кто не вышелъ на работу, какъ замѣнить того, кто не въ состояніи отпахать свои десятины — есть дѣло міра [1]). Покосъ и жнитво исполняются напротивъ небольшими артелями, которыя впрочемъ отвѣчаютъ за исправность всѣхъ и каждаго товарища и безъ того не получаютъ слѣдующихъ денегъ. Возка сноповъ дѣлается опять большею частію цѣлыми обществами и эту работу принимаютъ иногда на себя не только сельскія общества нашихъ бывшихъ крестьянъ, но и сторонихъ помѣщиковъ. Въ Пензенскомъ нашемъ имѣніи точно также самая значительная часть полевыхъ работъ исполняется товариществами бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ же имѣніи, съ которыми заключаются для того письменныя условія, свидѣтельствуемыя въ волостномъ правленіи. Привожу для образца одного изъ такихъ условій, замѣчательное тѣмъ, что обязанности подрядчика-артельщика, чрезъ посредство котораго обыкновенно рабочіе артели ведутъ свои переговоры съ землевладѣльцами [2]), возложены здѣсь на сельскаго старосту или выбраннаго обществомъ; что число работниковъ, какое въ правѣ требовать ежедневно помѣщица, ограничено, и что споры о негодности работъ постановлено разрѣшать третейскимъ судомъ [3]).

Изъ числа артелей каменщиковъ и плотниковъ, какія во множествѣ расходятся по Россіи изъ губерній: Ярославской, Нижегородской, Рязанской, Владимірской и нѣкоторыхъ другихъ, но обыкновенно состоятъ изъ подрядчика и нанятыхъ имъ работниковъ, *г. Узнобишинъ* указываетъ на одну артель плотниковъ Рязанскаго уѣзда изъ имѣнія княгини Варшав-

---

[1]) Условія такого рода заключаются словесно, и не смотря на то въ теченіи трехъ лѣтъ не было ни малѣйшаго повода къ какимъ-либо по этому предмету спорамъ экономіи съ крестьянами.

[2]) о такихъ подрядчикахъ-артельщикахъ любопытныя данныя сообщаетъ *г. Фетъ* въ одной изъ своихъ статей «Изъ деревни» въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

[3]) См. ниже Приложеніе III.

ской, связанную началомъ товарищества. Въ этой артелѣ, отличающейся честностью и потому пользующейся большимъ довѣріемъ, подрядчикъ (одинъ и тотъ же въ теченіи 10 лѣтъ) получаетъ только особое вознагражденіе, самый же заработокъ дѣлится между ея членами соотвѣтственно ихъ трудамъ и знанію [1]).

Кромѣ этой ремесленной артели, мы знаемъ о товариществахъ *серповщиковъ* или промышленниковъ серпами во Владимірской губерніи; но, къ сожалѣнію, г. *Дубенскій*, упоминающій объ нихъ въ одной изъ своихъ статей [2]), не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ между членами этихъ артелей, какъ можно ихъ конечно назвать. Такъ, напримѣръ, изъ числа ихъ, такъ называемые «поковщики» занимаются своей работой по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ въ одной кузницѣ, отправляя одного изъ среды себя въ сосѣднія деревни и села какъ для собиранія заказовъ, такъ и для раздачи сработанныхъ ими серповъ, ножей, топоровъ, ножницъ и проч. Такія артели ходятъ и въ дальнія губерніи, въ Сибирь, въ земли Уральскихъ и Донскихъ казаковъ, въ Украйну.

По свидѣтельству *г. Савинова* [3]), въ Вятской губерніи, отъ уменьшенія бурлачества (вслѣдствіе распространенія коноводныхъ машинъ и пароходствъ), бывшіе бурлаки обратились *въ рудокоповъ*. Они ходятъ на этотъ промыселъ также партіями какъ и на бурлачество, отъ 10—15 человѣкъ, въ Пермскіе, Сибирскіе и Оренбургскіе рудники, а также на рудники желѣзоплавительныхъ и чугуноплавительныхъ заводовъ Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ, въ числѣ до 2000 человѣкъ. Такое же указаніе на артели сельскихъ работниковъ, занимающихся при разныхъ горныхъ

---

[1]) См. въ «Журналѣ Сельскаго Хозяйства, 1861 г., мѣсяцъ іюнь ст. «Вольнонаемные работники и вольный трудъ въ Сердобскомъ уѣздѣ».

[2]) См. «Вѣстника Географ. Общества» за 1854 г. кн. IV, смѣсь, стр. 14—26, ст. «Замѣтки о торговлѣ желѣзными издѣліями во Владимірской губ.»

[3]) См. его статью: «Статистическій очеркъ Вятскаго края», въ «Вѣстникѣ Географ. Общества» 1860 г. № 5.

и другихъ заводахъ рубкою дровъ, жженіемъ угля, ломкою соли и перевозомъ матеріаловъ, а также по золотопромышленности, мы находимъ въ дѣйствующихъ законахъ, въ которыхъ относительно ихъ установлены даже особыя правила [1]).

Впрочемъ, изъ всѣхъ сюда принадлежащихъ ремесленныхъ и рабочихъ артелей, правильнымъ устройствомъ въ значеніи постояннаго товарищества отличается недавно образовавшаяся въ Петербургѣ *столярная артель*. Учредитель этой артели — г. Мельниковъ, который вложивъ для того основный капиталъ (2000 р. сер.) и пригласивъ вступить въ товарищество съ нимъ нѣсколькихъ столярныхъ мастеровъ съ вкладомъ мебели, обезпечилъ дальнѣйшее существованіе артели условіемъ учредителей между собою принимать на себя исполненіе заказовъ столярныхъ издѣлій за ихъ общимъ ручательствомъ и дѣлить между собою барыши и убытки, какіе могутъ отъ этого произойти. Въ теченіе не съ большимъ двухъ лѣтъ со времени своего учрежденія, эта артель развилась въ значительное товарищество, имѣющее прекрасный магазинъ и признавшее полезнымъ испросить офиціальное утвержденіе своего устава на языкахъ русскомъ и нѣмецкомъ [2]). На основаніи этого устава сущность артели заключается въ томъ, чтобы всѣ составляющія ее лица участвовали въ работѣ, получаемой ею по заказамъ безъ всякаго посторонняго посредства, а слѣдовательно и въ выручаемой отъ того прибыли, чрезъ что они пріобрѣтаютъ самостоятельность, а публика возможность имѣть столярныя издѣлія изъ первыхъ рукъ. Для достиженія этой цѣли матеріалы закупаются изъ общихъ суммъ артели и выдаются членамъ въ счетъ ихъ работъ вмѣсто денегъ. Число членовъ неограниченно; но въ артель они поступаютъ не иначе какъ по баллотировкѣ въ общемъ полугодовомъ собраніи, а до того желающіе быть членами

[1]) См. ниже стр. 60, 61 и 63.

[2]) Уставъ этотъ см. въ Приложеніи IV. Онъ утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ въ іюлѣ 1864 года.

могутъ лишь приписываться къ артели въ званіи кандидатовъ. Избранный членъ въ теченіи первыхъ 7 дней обязанъ внести 25 р. сер. *вступныхъ* денегъ и въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ выставить въ магазинѣ артели не менѣе какъ на 50 р. сер. мебели своей работы. Раздѣлъ барышей производится соразмѣрно капиталу, внесенному деньгами и издѣліями; но учредители получаютъ сверхъ того на часть основнаго капитала, отчисляемую въ запасный капиталъ, по 6 процентовъ въ годъ до выхода ихъ изъ артели. Членъ, оставляющій артель, получаетъ назадъ свои вступныя деньги и часть выручennаго капитала, причитающуюся ему по расчету. Управленіе артелью принадлежитъ тремъ старостамъ, на которыхъ возложены обязанности, лежащія и на старостахъ другихъ артелей.

Изъ свѣдѣній, полученныхъ нами отъ самихъ членовъ этой артели, оказалось, что она состоитъ теперь большею частію изъ нѣмцевъ, между тѣмъ, какъ основаніе ей положено было русскими. Тѣмъ не менѣе сущность ея не измѣнилась, и въ этомъ мы не можемъ не видѣть указанія на то, что въ основѣ нашихъ артелей, какъ товариществъ, лежитъ то широкое начало, котораго ищутъ западныя теоріи для утвержденія на немъ своихъ ассоціацій. Если такъ, то мы въ правѣ сказать, что задуманныя вновь и отчасти уже осуществившіяся артели въ Петербургѣ [1]) поступаютъ весьма благоразумно стараясь ближе ознакомиться съ предшествующими имъ на Руси артелями. Дѣйствительно, начало, лежащее въ основѣ этихъ артелей, такъ удобопримѣнимо въ разныхъ товариществахъ, что при немъ возможно самое полное развитіе всякаго рода ассоціацій. Такъ смотрѣли и смотрятъ на свои уставы или условія и самыя

---

[1]) Такъ мы слышали о дѣйствующей весьма успѣшно артели прачекъ. Къ намъ самимъ, зная, что мы занимаемся вопросомъ объ артеляхъ, обращались для совѣта желавшіе учредить артель типографскую; что сталось съ этимъ проектомъ — не знаемъ.

артели, какъ это ясно выражено нѣкоторыми изъ нихъ [1]). Такимъ образомъ и уставъ с.-петербургской столярной артели предоставляетъ ея членамъ дѣлать въ немъ необходимыя измѣненія съ оговоркою только, чтобы эти измѣненія (какъ и самый уставъ) утверждаемы были правительствомъ.

---

7. Артели на Уралѣ для выставки войскъ.

Вотъ что разсказываетъ объ этихъ артеляхъ *П. И. Небольсинъ* въ своей любопытной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько замѣчаній объ Уральскихъ казакахъ» [2]).

«Если предположить, что въ данный моментъ времени, въ Уральскомъ войскѣ, за всѣми выкомандировками людей на службу внутреннюю и внѣшнюю, состоитъ взрослыхъ, готовыхъ на службу, такъ называемыхъ, служилыхъ казаковъ, остающихся въ домахъ при своихъ хозяйствахъ, всего-на-все только 6,170 человѣкъ,—и вдругъ правительству немедленно, къ такому-то сроку, понадобится тысяча вполнѣ вооруженныхъ и готовыхъ къ бою всадниковъ, то Войсковое Правленіе дѣлаетъ такой домашній расчетъ: изъ 6,170 человѣкъ нужна тысяча,—стало быть, каждые шесть человѣкъ выставляютъ изъ себя одного человѣка, а за тѣмъ 170 остаются въ излишкѣ — и объ этомъ даетъ знать по городамъ и форпостамъ, способомъ обычнаго дѣлопроизводства.

«Если тотъ родъ службы, на который эта тысяча человѣкъ требуется, общимъ приговоромъ оцѣненъ въ 210 руб. сер., то каждый изъ шестерыхъ, выставляющихъ изъ среды себя служилаго казака, даетъ ему въ подмогу по 35 руб. сер. Если изъ этихъ шести человѣкъ не найдется охотника идти на службу, то есть, если каждаго изъ нихъ привязываютъ къ дому рыбные промыслы и спѣшность караванныхъ

---

[1]) См. напр. въ Приложеніи I уставы стюартовой и московской биржевой артелей.

[2]) См. Вѣстника Географическаго Общества 1854 г. кн. VI.

сдѣлокъ, то каждая артель изъ шести человѣкъ предлагаетъ 210 руб. сер. коренному Уральцу изъ другой артели и снаряжаетъ его на службу. Идетъ тотъ, кто бѣднѣе: половину денегъ онъ оставляетъ семьѣ на прожитокъ или на поправку, а на остальную экипируется и вооружается, подъ надзоромъ начальства. Оставшіеся въ излишкѣ 170 человѣкъ, не нужные лично на службу, называются *нѣтчиками*, и изъ нихъ каждые шесть человѣкъ вносятъ по 210 руб. сер. уже не для охотника, а въ войсковую казну, и этотъ сборъ съ нѣтчиковъ употребляется начальствомъ на внутреннія войсковыя надобности, для пользы цѣлаго края.»

«Если — продолжаетъ г. Небольсинъ — число людей (для внутренней службы), долженствующихъ выставить изъ среды себя казака, не превышаетъ числа десяти, то каждый участникъ этой малочисленной артели нанимаетъ охотника лично самъ за себя, и потомъ уже всѣ сообща улаживаютъ это дѣло общимъ расчетомъ. Но если артели должны составиться многолюдныя — человѣкъ изъ 25 или изъ 30, въ такомъ случаѣ каждая артель назначаетъ особаго *десятника*, облекаетъ его на этотъ предметъ неограниченнымъ полномочіемъ, и уже тогда десятникъ лично и самъ собою совершаетъ всю эту операцію.»

---

8. Артели нищихъ.

Въ Петербургѣ, а также, вѣроятно, и въ другихъ большихъ городахъ нищіе составляютъ иногда между собою артели, которыя занимаютъ одну квартиру. Въ такихъ квартирахъ, по словамъ *г. Соколова*, познакомившаго насъ съ бытомъ петербургскихъ нищихъ [1]), артель сихъ послѣднихъ помѣщается подъ предсѣдательствомъ и поручительствомъ одного изъ выбранныхъ самими ими старосты, который,

---

[1]) См. Сынъ Отечества 1860 г. № 15 и журн. «Духъ Христіанина», 1861—1862 г. мѣс. мартъ, стр. 277.

собирая со своей братьи деньги за квартиру, отдаетъ ихъ квартиропромышленнику впередъ. Сверхъ того на обязанности старосты лежатъ хлопоты объ освобожденіи нищихъ, когда кто изъ нихъ попадется за нищенство или пьянство.

---

9. Артели продовольственныя или потребительныя.

Товарищества лицъ, составляющихъ между собою на нѣкоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общаго продовольствія пищею, или также другими предметами жизненныхъ потребностей, называютъ себя также *артелями*. Если члены такихъ артелей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ между собою не связаны, то онѣ суть исключительно продовольственныя или потребительныя; цѣль ихъ — полученіе болѣе дешеваго продовольствія, и потому онѣ возникаютъ въ различныхъ положеніяхъ какихъ бы то ни было лицъ, связанныхъ между собою — иногда совершенно случайно — въ одно общество. Такъ обыкновенно рабочіе, которые поставляются на какую либо работу однимъ подрядчикомъ, составляютъ между собою артель, поручая одному изъ среды себя покупать на общія деньги всѣ припасы, потребные имъ для пищи. Такъ въ каждомъ полку нашего войска существуютъ артели, у которыхъ общая пища изготовляется частію на солдатское жалованье, частію же изъ продовольствія, отпускаемаго имъ натурой; излишне остающіяся оттого деньги называются *артельными* и составляютъ солдатскую собственность. Такъ арестанты, содержащіеся за долги, соединяются иногда въ артель, чтобы имѣть общій столъ [1]). Такъ чумаки и другіе извощики, не связанные между собою договоромъ по извозу, тѣмъ не менѣе находятъ выгоду, отправляясь обозомъ, имѣть общую пищу. Такъ, наконецъ, переселенцы изъ одной губерніи въ другую складываются деньгами, которыя даютъ

---

[1]) См. въ Сѣверн. Почтѣ 1862 г. № 237, ст. «Свѣдѣнія о долговомъ отдѣленіи временной тюрьмы въ Москвѣ.»

одному изъ среды себя для путевыхъ расходовъ до новаго мѣста жительства. Впрочемъ относительно всѣхъ подобныхъ товариществъ названіе ихъ артелями можетъ быть оправдано лишь въ отличіе отъ кратковременныхъ складчинъ, которыя очень извѣстны между нашими простолюдинами, особенно для взаимнаго угощенія виномъ и пивомъ. Такія складчины ведутъ свое начало отъ глубокой древности и называются также *братчинами* и *пирами*, а лица, распоряжающіяся на нихъ,— *пировыми старостами* [1]).

Представивъ очеркъ главнѣйшихъ изъ существующихъ нынѣ, извѣстныхъ мнѣ, артелей, прежде чѣмъ я перейду къ разсмотрѣнію вопроса объ отношеніи нашего законодательства какъ къ изчисленнымъ артелямъ, такъ и вообще къ товариществамъ этого рода, я сдѣлаю одно замѣчаніе касательно основнаго начала, составляющаго ихъ сущность. Начало это, какъ мы видѣли, заключается въ равенствѣ взаимныхъ отношеній между членами артели и вмѣстѣ съ тѣмъ въ участіи ихъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, а также въ выгодахъ и убыткахъ составляемаго ими товарищества, соразмѣрно капиталу или труду, внесенныхъ каждымъ изъ нихъ въ общее дѣло. Такое свободное и равномѣрное отношеніе членовъ артели другъ къ другу основывается на свободномъ вступленіи ихъ въ общій союзъ, другими словами: на началѣ договорномъ. Поэтому тамъ, гдѣ какія либо изъ этихъ отношеній между членами общества опредѣлаются обязательно, помимо договора, тамъ нѣтъ уже чистаго артельнаго начала. Съ такой точки зрѣнія наприм. сельскія общества древней и новой Руси, не смотря на связь ихъ круговой порукой, не могутъ быть названы артелями. Но, съ другой стороны, еслибы по какому либо предмету промысла или занятія могли согласиться между собою всѣ лица, или боль-

---

[1]) См. статью «Пиры и братчины» *А. Н. Попова* въ «Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относ. до Россіи» т. II, полов. 2-я.

шая часть изъ составляющихъ сельскій міръ или даже жители нѣсколькихъ селеній, то, не смотря на ихъ многочисленность, это была бы артель. Возможность такого товарищества не есть одно предположеніе. Замѣчательный примѣръ подобной артели-общины, кромѣ приведенныхъ нами выше товариществъ изъ членовъ цѣлаго сельскаго общества для земледѣльческихъ работъ, представляютъ жители пяти, находящихся въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, селеній, въ числѣ слишкомъ 400 душъ, принадлежавшихъ г-жѣ Марковой и княгинѣ С. П. Оболенской (село Пономарево, деревни Иванково, Полчаниново, Филино, Подвязново), въ 10 верстахъ отъ Ярославля по Вологодскому тракту [1]). Еще до отмѣны крѣпостной зависимости, крестьяне этихъ селеній платили въ экономію оброкъ и за тѣмъ уже къ помѣщицамъ никакихъ отношеній не имѣли. Лѣтомъ они занимаются хлѣбопашествомъ, а осенью и зимою столярнымъ и плотничнымъ ремесломъ, отъ котораго и получаютъ главную прибыль. Въ числѣ предметовъ столярнаго ихъ производства особенно важно дѣланіе деревянныхъ ящиковъ, необходимыхъ торговцамъ для храненія и укладки винъ, бѣлилъ, сурика, восковыхъ и сальныхъ свѣчъ, табаку, и проч. Для того, чтобы обезпечить за каждымъ крестьяниномъ право на трудъ и на законную отъ него прибыль, достаточную для уплаты оброка и для устраненія вреднаго для бѣдныхъ соперничества съ богатыми—крестьяне обѣихъ вотчинъ заключили между собою союзъ и завели у себя совершенно особый порядокъ работы ящиковъ, нѣчто въ родѣ тягловаго надѣла, но не землею, а трудомъ и прибылью. Именно осенью крестьяне всѣхъ пяти деревень, по окончаніи полевыхъ работъ, собираются на сходку, въ которой разсматриваютъ условія на заказы ящиковъ, предлагаемыя имъ купцами; далѣе повѣряютъ всѣ условія истекшаго года; приводятъ въ извѣстность сколько

---

[1]) Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія объ этой артели-общинѣ заимствуемъ изъ статьи *И. С. Аксакова*: «О ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губ.», напечат. въ Русской Бесѣдѣ, 1858 г., т. II.

каждая деревня получила барыша и поставила ящиковъ; наконецъ, разсмотрѣвъ предлагаемыя работы и цѣны, міръ утверждаетъ ихъ или же вновь договаривается съ купцами. Послѣ всего этого, сообразивъ общій объемъ работы, «всемірской сходъ», какъ онъ себя называетъ, распредѣляетъ съ наивозможною уравнительностію подряды ящиковъ на того или другаго торговца по деревнямъ, наприм. поставку конфектныхъ ящиковъ на купца Гарцева отдаетъ деревнѣ Филину, бѣлильныхъ ящиковъ купца Сорокина селу Подвязному, и т. д. При этомъ онъ не ограничиваетъ работу каждой деревни извѣстнымъ количествомъ ящиковъ, ибо это количество нерѣдко измѣняется, но принимаетъ въ расчетъ приблизительныя соображенія купцовъ, примѣры прежнихъ лѣтъ, полученную по истекшему договору каждою деревнею прибыль и количество тяголъ [1]). Впрочемъ подробное распредѣленіе работъ между жителями каждой деревни возлагается на частную мірскую сходку этой деревни. Для наблюденія же за работами, для сдачи ящиковъ и брака дурныхъ всѣ пять деревень выбираютъ *поставщика*. Положеніе общаго мірскаго схода всегда утверждается письменнымъ условіемъ, но на простой бумагѣ и безъ явки у маклера, за подписью однихъ крестьянъ и съ приложеніемъ вотчинныхъ печатей. Нарушеніе договора наказывается штрафомъ и тѣлесно. Никому впрочемъ не запрещается производство другихъ работъ независимо отъ міра, наприм. мебели, посуды, колесъ; можно также вовсе отказаться отъ своей части въ работѣ ящиковъ или же сдать ее кому-либо изъ своего общества, обезпечивъ міру платежъ оброка. Такимъ образомъ въ одной

[1]) Такъ наприм. на общемъ сходѣ рѣшаютъ, что поставка ящиковъ купцамъ Серебренникову и Соболеву должна лежать на обязанности Иванкова, но какъ эта деревня, состоящая, положимъ, изъ 40 тяголъ, получила въ прошломъ году бо́льшій барышъ, нежели Полчаниново, работавшее на купца Сорокина, то міръ велитъ присоединить къ Иванкову еще два тягла изъ Полчанинова; такимъ образомъ прибыль отъ купца Сорокина достанется мѣньшему числу тяголъ и уравняетъ ихъ выгоды съ крестьянами, работающими на Серебренникова и Соболева, прибыль отъ которыхъ будетъ уже распредѣляться между бо́льшимъ числомъ тягловыхъ рабочихъ участковъ.

части своего промысла міръ добровольно отказывается отъ монополіи и ограничиваетъ свои личныя права въ пользу общины, уравнивая между собою всѣхъ ея членовъ [1]).

Примѣръ этотъ, по моему мнѣнію, чрезвычайно важенъ: онъ доказываетъ какіе широкіе размѣры можетъ принять артельное начало и къ какимъ счастливымъ результатамъ оно можетъ вести въ народѣ, въ которомъ развилось самобытно и существуетъ съ незапамятной древности. А что и въ старину у насъ существовали подобныя товарищества цѣлыхъ селеній, это доказывается записями XVI-го и XVII-го столѣтій, въ которыхъ жители разныхъ селъ и деревень договаривались между собою отправлять сообща тѣ или другія повинности [2]).

III.

Обращаясь къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилось доселѣ наше законодательство къ артелямъ, мы должны прежде всего замѣтить, что хотя товарищества этого рода существовали у насъ еще въ отдаленной древности, однако не ранѣе какъ въ 1799 г., именно въ Уставѣ цеховъ, онѣ поставлены въ зависимость отъ нѣкоторыхъ законодательныхъ правилъ [3]). Впрочемъ и въ этихъ правилахъ, постановленныхъ въ томъ предположеніи, что къ каждому цеху будетъ принадлежать нѣсколько артелей, выражается главнымъ образомъ только сущность такихъ предполагаемыхъ товариществъ на основаніи тѣхъ началъ, которыми руководствовались извѣстныя въ то время артели. Такъ здѣсь говорится, что для вступленія въ артель необходимо добровольное согласіе, что всѣ члены артели отвѣчаютъ

---

[1]) Образчикъ договоровъ, заключаемыхъ между собою членами этой артели-общины см. ниже въ Приложеніи подъ № V.

[2]) См. въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, 1859 г., III кн., мою рецензію на сочиненіе г. Чичерина: «Области. Учрежд. въ Россіи XVII в.», стр. 24 и 49 критики.

[3]) См. Уставъ цеховъ 1799 г. ноября 12 въ Полн. Собраніи закон., собр. 1-го т. XXV, № 19,187.

другъ за друга, что всякая артель имѣетъ своего старосту и казначея, которые подаютъ хозяевамъ, нанимающимъ артель, счетъ въ работѣ помѣсячно и получаютъ деньги, которыя дѣлятся между всѣми артельщиками; что артель, для временной работы, какъ то каменной, деревянной, земляной, не должна быть меньше какъ изъ 6 человѣкъ; что не докончивъ взятой на себя работы, артель не можетъ расходиться, и т. д. Ограничительныя же правила Устава о цехахъ состоятъ въ томъ, что артельщики должны приписываться къ какому либо цеху; что они обязаны повиноваться правиламъ этого цеха и объявлять ему дома и имена хозяевъ, у которыхъ они работаютъ. При этомъ опредѣляется, что срокъ служенія артелей, по какому либо постоянному промыслу, долженъ быть не менѣе одного года. Эти правила съ небольшими дополненіями, изданными въ 1823 году, вошли и въ Сводъ Законовъ (т. XI) какъ глава X Устава Торговаго, съ заглавіемъ: о биржевыхъ артельщикахъ [1]). Но и добавленіе 1823 года основано опять на сущности самихъ артелей: объясняя, что артели состоятъ изъ настоящихъ артельщиковъ, новиковъ и мальчиковъ, и что желающій быть въ артели вноситъ за вступленіе въ нее вкупъ деньгами или же этотъ вкупъ составляется удержаніемъ части ежегодной платы, слѣдующей артельщику при дѣлежѣ общаго дувана, до взноса же вкупа вступившій называется новикомъ или мальчикомъ,—оно такимъ образомъ повторяетъ только то, что принято за правило въ уставахъ самихъ артелей.

Въ 1802 г. 12 февраля записка рабочихъ и нанимающихся въ услуженіе людей въ цехъ рабочій и служебный отмѣнена [2]).

Въ 1803 и 1805 годахъ состоялись Именные указы, въ коихъ выражено, что въ полкахъ артельныя деньги, остаю-

---

[1]) См. изд. Свода 1857 г. т. XI, Устава Торгов. ст. 2409—2421.
[2]) Полн. Собр. Зак., собр. 1-го т. XXVII, № 20,143.

щіяся отъ сбереженія суммъ, отпускаемыхъ на продовольствіе солдатъ, составляютъ солдатскую собственность [1]).

Въ 1812 году *артельщики* подчинены сбору пошлины, (въ 40 рублей); а въ 1823 году ей признаны подлежащими и биржевые артельщики въ С. Петербургѣ; при чемъ постановлено, что они должны находиться въ завѣдываніи управы прикащичьяго цеха [2]).

Въ 1827 году составлено Положеніе о дрягиляхъ (носильщикахъ и другаго рода рабочихъ при торговыхъ портахъ); но бывъ утверждено Министромъ Финансовъ (5 декабря 1827 г.) и напечатано, оно, сколько извѣстно, не получило примѣненія на практикѣ.

Въ 1830 г. марта 24 и 1831 г. сентября 29 [3]) дозволено, впредь до времени, существованіе въ Кронштадтѣ и Петербургѣ особыхъ, для нагрузки и выгрузки кораблей, обществъ мастеровыхъ подъ именемъ *штуровъ;* при чемъ постановлены нѣкоторыя правила въ устраненіе монополіи, которую было присвоили себѣ эти общества. Но и здѣсь законодательство не коснулось внутренняго устройства и отношеній между членами штуровыхъ обществъ, составившихся, какъ прямо выражено въ представленіяхъ Министра Финансовъ по сему предмету въ Комитетъ Министровъ, безъ особаго законоположенія; напротивъ основное начало артелей о круговой порукѣ лицъ ихъ составляющихъ и объ отвѣтственности ихъ другъ за друга помѣщено здѣсь какъ существенный пунктъ въ обезпеченіе шкиперовъ, нанимающихъ штуровъ.

Въ 1832 г. мая 14 въ Учрежденіи Коммерческихъ Судовъ [4]) постановлено, что дѣла по жалобамъ на судовщи-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., 1-го собр. т. XXVII, 1803 г. ноября 25, № 21050; т. XXVII, 1805 г. марта, № 21695. Тоже выражено въ Выс. утвержд. докладѣ Военнаго Министра 1809 г. іюня 12. См. Полн. Собр. зак. т. XXX, № 23698.

[2]) Полн. Собр. Зак., 1-го собр., т. XXXII (1812 г. декабря 29) № 25,302 и т. XXXVIII (1823 г. сентября 11), № 29,607.

[3]) Полн. Собр. Зак. 2-го собр. т. V, № 3554; т. VI, № 4837; т. VII, № 5824. См. тоже въ Сводѣ Зак., изд. 1857 г. т. XI Устава Торг. ст. 2421.

[4]) Полн. Собр. Зак., 2-го собр. т. VII, № 5360 § 33.

ковъ, извощиковъ товаровъ, артельщиковъ, браковщиковъ и на другія лица, по торговлѣ употребляемыя, подлежатъ разбору Коммерческихъ Судовъ.

Въ 1833 году, по вопросу о поручительствахъ, которыя дозволены крестьянамъ и мѣщанамъ представлять по подрядамъ вмѣсто залоговъ, выяснено, что артели, занимающіяся перевозомъ тяжестей, могутъ ограничиваться въ этомъ случаѣ круговыми другъ по другѣ поручительствами ихъ членовъ [1]). Нельзя однако при этомъ не замѣтить, что такимъ разъясненіемъ, сдѣланнымъ Министромъ Финансовъ, было стѣснено право, которыми до этого времени пользовались и прочія артели — представлять вмѣсто залоговъ такія же ручательства не только обществъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ, но и своихъ членовъ.

Въ 1836 г. декабря 31, Положеніемъ о судохозяевахъ и судорабочихъ [2]) вмѣнено въ обязанность наниматься рабочимъ на суда къ одному хозяину не иначе какъ артелями, отвѣтствуя другъ за друга круговой порукой. За тѣмъ исчисляются взаимныя отношенія между хозяевами и бурлаками, при чемъ имѣется въ виду преимущественное обезпеченіе этихъ послѣднихъ. Такъ наприм. въ случаѣ полученнаго рабочимъ увѣчья на работѣ, хозяинъ обязывается вознаграждать его; въ случаѣ же смерти отсылать вознагражденіе его наслѣдникамъ, а больныхъ сдавать подъ роспись на руки начальнику или старшему того мѣста, гдѣ оставляется больной. Здѣсь же опредѣлены разныя правила съ цѣлью предупредить взаимныя обиды между хозяевами и рабочими, и наблюденіе за ихъ исполненіемъ возложено на начальника судоходной дистанціи [3]).

Въ 1838 г. апрѣля 30, въ Положеніи о частной золото-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., 2-го собр. т. VIII, полож. Комит. Министр. 1833 г. окт. 3, № 6471.

[2]) Тамъ же, т. XI, № 9818.

[3]) Правила эти вошли въ Сводъ Законовъ. См. изданія Свода 1857 г. т. XII, ч. I, Устава Путей Сообщенія, ст. 315—357.

промышленности на казенныхъ земляхъ въ Сибири [1]), работникамъ, нанятымъ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, поставлено въ обязанность являться на мѣста работъ артелями, назначивъ надъ собою въ каждой артели старосту и помощниковъ къ нему, съ круговою порукою въ неотлучкѣ отъ артели и въ повиновеніи ему. На самыхъ же работахъ, для сохраненія порядка и для удобнѣйшаго ихъ производства, дозволено каждому промышленнику раздѣлять своихъ рабочихъ на новыя артели; въ каждую такую артель промышленникъ назначаетъ старосту отъ себя, а рабочіе съ своей стороны двухъ выборныхъ: они составляютъ *артельную расправу*, которой предоставляется право умѣреннаго домашняго исправленія рабочихъ, составляющихъ артель, а именно: она имѣетъ право лѣнивыхъ, нетрезвыхъ, обличенныхъ въ запрещенной игрѣ, порывавшихся къ побѣгу и буйныхъ наказывать, по словесному ея приговору (на основаніи Уложенія о наказаніяхъ). Такимъ образомъ артельное товарищество признается и здѣсь не только обязательнымъ; но ему придается большое значеніе самимъ законодательствомъ.

Въ 1846 г. февраля 13 издано Положеніе о общественномъ управленіи С. Петербурга [2]). Въ немъ, — въ главѣ IV, объ устройствѣ цеховъ наемныхъ служилыхъ и рабочихъ въ С. Петербургѣ — постановлены общія правила для артелей, на которыя предполагалось раздѣлить эти цехи по роду и свойству ихъ занятій. Правила о нихъ сходны съ тѣми, которыя помѣщены въ XI т. Свода Зак. для биржевыхъ артелей; подробности же предполагалось опредѣлить въ особомъ положеніи объ этихъ артеляхъ; но оно не было издано. Точно также офиціальный проэктъ положенія для биржевыхъ артелей въ Петербургѣ, который былъ тогдаже составленъ Министерствомъ Финансовъ, не былъ утвержденъ въ

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак., 2-го собр. т. XIII, № 11,188 §§ 50 — 57; тоже въ Сводѣ Зак. изд. 1857 г., т. VII Устава Горнаго ст. 2496 — 2503.

[2]) См. Полн. Собр. Зак. 2-го собр. т. XXI, № 19721. Это положеніе вошло также въ Сводъ Зак. См. изд. 1857 г. т. IX прилож. къ ст. 429.

законодательномъ порядкѣ [1]). Причина тому заключалась можетъ быть въ мнѣніи, поданномъ Биржевымъ Комитетомъ, «что было бы весьма неудобно дѣлать какія либо измѣненія въ статьяхъ XI т. Свода Зак., потому что всякая перемѣна въ составѣ артелей легко можетъ оказать вредное вліяніе на дѣятельность ихъ и на совѣстливое исполненіе ими своихъ обязанностей: лица, вступающія въ артель, подчиняютъ себя добровольнымъ условіямъ и правиламъ, а при отправленіи отдѣльно своихъ обязанностей артель отвѣтствуетъ за каждаго своего члена и тѣмъ служитъ купечеству ручательствомъ, что возлагаемыя на артельщиковъ занятія, часто по весьма обширнымъ оборотамъ, будутъ исполняться въ точности и притомъ съ совершеннымъ обезпеченіемъ».

Изъ всего этого ряда узаконеній очевидно, что законодательство касалось до сихъ поръ артелей лишь косвенно; въ послѣднее же время оно, какъ кажется, утвердилось на той мысли, что въ отношеніи къ нимъ могутъ быть постановляемы только правила, имѣющія цѣлью обезпеченіе исполненія принимаемыхъ ими на себя работъ и вообще подрядовъ, а съ другой стороны огражденіе ихъ самихъ отъ злоупотребленій подрядчиковъ, но что не слѣдуетъ вовсе опредѣлять какъ самое устройство артелей, такъ и взаимныя отношенія ихъ членовъ, а равно содержаніе заключаемыхъ ими условій, лишь были бы эти условія не против-

[1]) Въ нынѣшнемъ году Московскимъ биржевымъ Комитетомъ составленъ и напечатанъ проэктъ устава биржевыхъ артелей въ Москвѣ. Если этотъ проэктъ будетъ утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ, то очевидно, что частные уставы Московскихъ артелей, въ чемъ они окажутся несогласными съ выраженными здѣсь правилами, утратятъ свою силу. Что касается въ особенности содержанія какъ Петербургскаго, такъ и Московскаго проэктовъ, то въ нихъ входятъ статьи: 1) О составѣ биржевыхъ артелей; 2) о правахъ и обязанностяхъ артелей вобще и принадлежащихъ къ нимъ лицъ, а равно и хозяевъ, имѣющихъ съ ними дѣло; 3) о правахъ и обязанностяхъ старостъ и писарей въ артеляхъ. Къ этимъ статьямъ въ Московскомъ проэктѣ присоединены: о правахъ и обязанностяхъ Биржеваго Комитета относительно биржевыхъ артелей и ихъ хозяевъ; о сторожахъ отъ биржевыхъ артелей и о знакахъ для биржевыхъ артельщиковъ.

ны общимъ правиламъ о составленіи договоровъ. Съ этой точки зрѣнія и объясняется почему во временныхъ правилахъ 31 марта 1861 года о наймѣ рабочихъ для исполненія казенныхъ и общественныхъ работъ помѣщенъ рядъ статей, относящихся къ артелямъ, которыя впрочемъ до внутренняго состава ихъ не касаются, заключая въ себѣ только постановленіе, что каждая артель ограничивается числомъ 100 человѣкъ и что она составляется по взаимному ихъ согласію и избираетъ изъ среды себя старшину съ помощниками ему, смотря по своей величинѣ, отъ одного до двухъ. Не установляя такимъ образомъ правилъ, на основаніи которыхъ артельщики могутъ вступать между собою въ товарищество, законодательство тѣмъ не менѣе неоднократно заявляло преимущественное довѣріе къ нимъ передъ отдѣльными лицами и даже прямо выразило въ нѣкоторыхъ Уставахъ и Положеніяхъ, что общественныя работы должны особенно быть поручаемы артелямъ, въ какомъ случаѣ оно допускаетъ даже взаимное ручательство членовъ артели въ исполненіи договора вмѣсто залоговъ. Такая мысль ясно выражена, наприм., въ Уставѣ о соли [1]), относительно найма рабочихъ для ломки и возки соли, и для поставки на солеваренные заводы дровъ и лѣса; въ приведенномъ выше Положеніи 1838 года апрѣля 30 [2]); въ Положеніи (8 марта 1861 г.) о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ вѣдомства Министерства Финансовъ, относительно найма рабочихъ для рубки дровъ, женія угля и перевозки матеріаловъ для заводовъ или рудниковъ [3]); въ Правилахъ о поручительствѣ по договорамъ съ казною [4]), и проч.

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак., 1-го собр. т. XXXV, № 27,448 и Св. Зак. изд. 1857 г. т. VII Устава о Соли, ст. 179—188, 258—268 и 419.

[2]) Полн. Собр. Зак., собр. 2-го, т. XIII № 11,188, § 42; см. также въ Сводѣ Зак. т. VII Уст. Горн. ст. 2486.

[3]) Ст. 44 и 50.

[4]) См. Свода Зак. изд. 1857 г. т. X ч. 1-й ст. 1563 и 1564.

Въ заключеніе предложеннаго обзора артелей какъ древней Россіи, такъ и нынѣ существующихъ, мы считаемъ себя въ правѣ изъ всего вышесказаннаго сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) что артели суть товарищества, возникшія на нашей почвѣ совершенно самобытно и съ незапамятной древности; 2) что при совершившемся освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, стѣснявшей сельскую промышленность и при другихъ благопріятныхъ условіяхъ для общественной дѣятельности, товариществамъ, коихъ члены связаны между собою артельнымъ началомъ, предстоитъ значительное развитіе, обѣщающее вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятныя послѣдствія и для другихъ классовъ жителей; 3) что, въ виду такого развитія артельнаго начала, желательно, чтобы законодательныя постановленія относились къ нему и въ будущемъ такъ точно, какъ относились до сихъ поръ, т. е. чтобы оно не было стѣсняемо преждевременной регламентаціей и могло выработаться свободно, въ средѣ самого народа.

Н. Калачовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ БИРЖЕВЫХЪ АРТЕЛЕЙ.

Постановленіе Коломбейской артели (1810 г.)

При С. Петербургской Портовой биржѣ мы нижеподписавшіеся Коломбейской артели артельщики имѣемъ отъ господъ купцовъ полную довѣренность въ товарахъ, приходящихъ и отпускныхъ, и имѣемъ для оныхъ дѣлъ изъ разныхъ губерній и городовъ людей изъ крестьянъ и мѣщанъ.

1. Прилагаемъ мы вновь новика въ артель къ себѣ со всего общаго согласія и по его прошенію, и мы имѣемъ съ нимъ условіе напередъ съ него получить 100, 200, 300 или 400 рублей, яко залогъ его вѣрности; а всего залогу вносить по договору въ новизную книгу, по разсмотрѣнію, сколько артель положитъ въ предбудущіе годы.

2. Ежели новикъ не пожелаетъ жить въ артели — лишается напередъ вносимыхъ денегъ безо всякаго расчету.

3. Ежели жъ новика отдадутъ въ рекрутскій наборъ, тогда полагается новику только мѣсячное жалованье по 15 рублей въ мѣсяцъ.

4. Напередъ внесенная новикомъ сумма тутъ же причислена будетъ къ мѣсячному жалованью и будетъ артельнымъ расчетомъ разсмотрѣно ему додать изъ артели или съ него получить въ артель.

5. Ежели который зажилъ свой залогъ по договору артели, таковому артельщику выдавать третной выводъ, сколько ему причтется третнаго вывода.

6. А новизныя деньги получать ему въ разные годы съ которыхъ новиковъ ему слѣдуетъ, кромѣ третнаго вывода послѣднему новику, на какомъ договорѣ новикъ будетъ принятъ въ артель.

7. Ежели который артельщикъ заболитъ по волѣ Божіей или на артельной работѣ чѣмъ задавитъ или прижметъ, таковому выдавать годовую артельную артельщику заработку, а по прошествіи года отписать его отъ работы.

---

*) За сообщеніе мнѣ печатаемыхъ здѣсь документовъ, считаю долгомъ принести въ особенности глубочайшую благодарность: *В. М. Бѣловерскому, Ѳ. Г. Терперу* и *П. В. Осипову.*

8. Ежели который артельщикъ будетъ усмотрѣнъ артелью — болѣзнь его отъ самого себя, получа ударъ или недостойную болѣзнь, на таковаго становить прогулъ или по желанію его отписать отъ работы.

9. Если обществомъ артельнымъ усмотрѣно будетъ какое артельщикомъ упущеніе или похищеніе при всѣхъ хозяйскихъ дѣлахъ и при поручительствахъ, таковаго артельщика артельное общество имѣетъ право ошрафовать или на время его отписать или совсѣмъ безъ вывода изъ его залогу отъ артели вовсе отказать.

10. Ежели который артельщикъ находится въ услуженіи у хозяина и будетъ чинить между хозяиномъ или артелью возмущеніе, таковаго артелью штрафовать нещадно деньгами.

11. Ежели который артельщикъ заживши свой залогъ, который артелью положенъ, отпишется по своей надобности отъ артельной работы по прошествіи трехгодичнаго сроку и не припишется къ работѣ, на таковаго мѣсто взять новика или дать расчетъ третнаго вывода, а новизныя по годамъ.

12. Поступившій вновь новикъ въ артель, отъ того числа до шести мѣсяцевъ не получать ему новизныхъ денегъ съ тѣхъ, кои послѣ его поступятъ.

Къ сему артельному постановленію всѣ подписуемся.

2. Постановленіе Метелкиной артели (1812 г.).

Лѣта тысяча восемь сотъ вторагонадесять года, маія въ первый день. Мы нижеподписавшіеся двадцать три человѣка, стоящіе при С.-Петербургской Портовой Биржѣ *Мѣтелкиной* артели артельщики, и тѣ, кои еще впредь будутъ къ намъ поступать, сдѣлали между собою нижеслѣдующее положеніе въ 9-ти пунктахъ, а именно:

1-й пунктъ. Желающіе взойти въ нашу артель въ артельщики должны внести полный вкупъ (900 рублей) на слѣдующемъ положеніи: при вступленіи 200 рублей, а достальные 700 руб. будутъ вычитаться по 100 рублей изъ лѣтняго шестимѣсячнаго дувана. Принимать по согласію нашему съ тѣмъ, чтобы представляли по себѣ поручителей въ новишной артельной книгѣ съ росписко̀ю для того, дабы по повости не причинили какого намъ убытку, за то поручители должны отвѣтствовать до взноса полнаго вкупу, а по взносѣ поручитель освобождается отвѣтствовать.

2-й пунктъ. Оказавшимся или изобличившимся въ дурныхъ порокахъ, и по усмотрѣнію, при общемъ нашемъ собраніи, штрафовать слѣдующимъ: до двухъ разъ — отписываніемъ на время отъ работы или деньгами, а въ третій разъ и при большомъ порокѣ, хоша въ первомъ или во второмъ изобличится, безъ выдачи слѣдующаго вывода и новишныхъ, вовсе исключать; а кто усмотритъ за кѣмъ худой порокъ, долженъ въ то время непремѣнно артели объявить; а если по прошествіи изобличитъ, или штрафованныхъ прежними пороками укоритъ, или облыжно донесетъ кому изъ хозяевъ и артелѣ, то таковыхъ отписывать отъ работы, не давая дувану на одинъ мѣсяцъ.

3-й пунктъ. 1) При распоряженіи старосты или писаря, или кого изъ артельщиковъ на работу, ослушается, обругаетъ старосту или писаря и дерзнетъ ихъ ударить. 2) За отлучку и поощреніе къ тому другихъ, за ослушаніе при посылкѣ по требованію хозяйскому, за облыжное показательство

ушедшаго съ работы и за непристойное гдѣ бы то ни было другъ друга поношеніе и нестараніе при работѣ съ прочими наровнѣ, штрафовать за 1-е по 10 р., а за 2-е по 5 р. 3) Хмѣльнымъ на биржѣ у артельнаго (дѣла?) не быть и на работу не ходить, а буде кто изъ таковыхъ на биржѣ или въ работѣ окажется, отослать на фатеру, и оштрафовать старика по 5 р. и новика по 2 р. непремѣнно за каждый разъ. 4) А неявляющихся самопроизвольно по разнымъ своимъ случаямъ на работу, на таковыхъ ставить прогулъ за лѣтніе мѣсяцы по 2 р., а за зимніе по 1 р. въ день, а буде изъ таковыхъ окажутся на фатерѣ для какой либо своей выгоды или хмѣльнымъ, то поступать по 3-му отдѣленію. 5) Безъ вѣдома общества не можемъ исправлять никакихъ должностей, а оказавшихся въ семъ случаѣ штрафовать по 25 руб., и въ продолженіи таковой службы дувану не давать и хозяину мы ни въ чемъ не отвѣтствуемъ.

4-й пунктъ. Отлучающіеся изъ здѣшнаго мѣста по своимъ надобностямъ представляютъ по себѣ съемщиковъ для артельныхъ расчетовъ, и по отъѣздѣ тѣхъ во всякомъ случаѣ артельномъ отвѣтствуютъ съемщики до двухъ мѣсяцевъ, а уѣхавшихъ тихонько, не оставя по себѣ съемщика, окажутся или не окажутся въ артель должными, таковыхъ исключать изъ артели съ расчетомъ, и по пріѣздѣ не принимать, яко ослушниковъ сего положенія, а также вольна артель отпустить и безъ съемщика, тогда отлучившійся останется правъ.

5-й пунктъ. Находившимся при конторахъ въ служеніи въ здѣшнемъ мѣстѣ у хозяевъ, и опредѣленнымъ на буянахъ, старостамъ и прочимъ, не забирать товарами и деньгами, а въ отлучкахъ не болѣе брать старику 25 р., а новику 15 р. въ мѣсяцъ, а за сверхположенный заборъ штрафовать 7-мъ числомъ, равножъ и вышеозначенныхъ. А кто изъ проживающихъ здѣсь при окончаніи разводу дувану сдѣлается въ переборѣ, и въ теченіи 9 дней въ общую массу не взнесутъ — отписывать отъ работы, и за 20 дней ставить штрафу по 5 к. на рубль, за каждый день, и въ теченіи онаго сроку не заплатятъ, исключать изъ артели съ разсчетомъ, и болѣе таковыхъ въ артель не принимать, яко неисправныхъ и наводящихъ отъ того артели убытокъ.

6-й пунктъ. Захворавшимъ волею Божіею, или повредившимся отъ артельной работы, окажутся къ оной неспособными, таковымъ давать дуванъ наравнѣ съ прочими и до выздоровленія не болѣе одного года, а по прошествіи отписывать отъ работы, но считать въ артели. А въ другихъ случаяхъ какихъ бы то ни было захворавшихъ поступать по 3-му пункту 4-го отдѣленія, или по желанію отписывать отъ работы.

7-й пунктъ. Желающимъ выйти изъ артели 1) добровольно, 2) умершимъ, 3) оказавшимся по 4, 5 и 6 пунктамъ, выводы давать слѣдующимъ порядкомъ: прожившимъ менѣе года давать жалованье по 20 рублей въ мѣсяцъ, изъ взнесенныхъ при вступленіи 200 руб. вычитать попятнаго 50 руб. и разсчитавши, буде причтется, додавать, а съ оказавшимся должными взыскивать; а прожившимъ и заплатившимъ менѣе 600 руб., ничего не давать выводу; а заплатившимъ болѣе 600 руб., то выдавать что сверхъ оныхъ взнесъ, полагая до полнаго вкупу; а заплатившимъ всѣ 900 руб. полагается третной выводъ, то есть 300 руб., а сверхъ того новишные покуда будутъ продолжаться. Послѣжъ умершихъ кому прикажутъ, или законнымъ наслѣдникамъ,

выдавать съ росписку; по сему пункту разсчитывать всѣхъ не прежде 9-ти мѣсяцевъ, дабы какихъ еще (не) послѣдовало отъ хозяевъ вычетовъ, а по прошествіи разсчитать, и что будетъ причитаться въ теченіи двухъ годовъ, заплатить.

8-й пунктъ. Съ оказавшихся должными по разсчету въ артель, какъ-то: съ уѣхавшихъ изъ здѣшняго мѣста по своей надобности, съ съемщиковъ, уѣхавшихъ тихонько, съ перебравшихъ у старосты, въ отлучкахъ у хозяевъ товарами и деньгами, буде добровольно не будутъ платить, то съ таковыхъ, яко неисправныхъ и не наблюдающихъ сего положенія, взыскивать чрезъ Правительство.

9-й пунктъ. Поставляемъ выбирать старосту и писаря, по общему нашему согласію, людей хорошаго поведенія, и за добропорядочное ихъ исправленіе должности наградить изъ нашего дувану за 6 мѣсяцевъ по 50 руб. обоимъ, и выбранному старостѣ исправлять слѣдующее: 1) не имѣетъ права по требованію нашихъ хозяевъ для исправленія разныхъ должностей безъ вѣдома артели опредѣлять артельщиковъ, а долженъ объявить и по усмотрѣнію должности обществомъ и опредѣлять; а самовольно старостою опредѣленный, хоша бы вѣрно исправилъ, но за сіе старосту штрафовать по 10 руб.; а отъ таковыхъ случится утрата хозяйскаго капитала въ продолженіи его старостенья и свыше выводу, то уже безпрекословно отвѣтствуетъ, но изъ сего исключаются тѣ, кои иногда посылаются на день къ хозяевамъ: для такой должности право имѣетъ безъ общества посылать. 2) Нововступившій староста долженъ потребовать реестръ у прежняго старосты находящихся въ услуженіи у хозяевъ по общему ли согласію опредѣлены старостою, а если окажутся самовольно, то нововступившій, объявя обществу, согласны ли ихъ оставить, и когда общество согласится, то тогда уже оба старосты остаются правы, а буде не согласится, то воленъ смѣнить гдѣ бы то ни находился и по общему согласію послать на мѣсто тѣхъ другихъ. 3) Староста долженъ здѣсь находящимся артельщикамъ при биржевой работѣ и живущимъ у хозяевъ давать каждому деньги безъ обиды и поровну, и дабы соображался на могущіе послѣдовать случаи для удовлетворенія, еслижъ не будетъ достаточной суммы по неполученію съ оказавшихся по 5 пункту и по невзысканію въ скорости по 8 пункту, то собирать со всѣхъ изъ слѣдующаго дувана и оными разсчитывать по 7 пункту, а находящимся по хозяйскимъ должностямъ, куда назначатъ, доставлять. 3) Староста долженъ имѣть книжку, въ которой всякой хозяинъ что даетъ роспишется, и потому всегда можно видѣть у старосты, сколько онъ забралъ; а когда потребуетъ артель у него прежде шестимѣсячнаго отчета — дать безотговорочно, и ежели не явится сверхъ слѣдующаго ему дувана, то обязанъ представить чрезъ 3 дня; а не представитъ, оштрафовать тѣмъ числомъ и, по усмотрѣнію общества, оставить или смѣнить. И онъ долженъ быть всегда у артельнаго мѣста, а когда отлучится по артельной или своей надобности, то долженъ оставлять вмѣсто себя писаря или артельщика для распоряженія, и ни одной артельной книги самъ не пишетъ, а долженъ писарь писать. 4) Писарь долженъ писать всѣ артельныя книги и писать хозяевамъ счеты, и быть у артельнаго мѣста каждый день, и, за отлучкою старосты, вмѣсто его распоряжать и за неисправность его также поступать, какъ и со старостою. 5) Въ случаѣ за недостаткомъ людей также работать оба должны, а буде который изъ нихъ или оба не явятся

на биржѣ по своимъ надобностямъ, то не взыскивать, а если жъ изъ прихоти, то за каждый разъ штрафовать по 5 р. въ пользу артели.

Въ заключеніе всего вышеписаннаго нашего положенія, означеннаго въ 9 пунктахъ, мы нижеподписавшіеся и вновь поступающіе единогласно ручаемся другъ за друга ввѣренные намъ отъ нашихъ хозяевъ капиталы какъ въ отлучкахъ, такъ и здѣсь, сохранять въ цѣлости, наблюдать при выгрузкахъ изъ судовъ, приходящихъ водяною комунникаціею и погрузкахъ тѣхъ отходящихъ, при работахъ, въ амбарахъ, въ погребахъ, подъ карауломъ, гдѣ бы то ни было подъ нашимъ присмотромъ какое либо случится поврежденіе отъ нашего нерадѣнія, за все сіе обязуемся безотговорочно отвѣтствовать всей артелью, не доводя до Правительства, по состоящей цѣнѣ, гдѣ оное случится, и въ силу сего нашего положенія согласуемся мы всѣ добропорядочно и дружелюбно со всякою рачительностію исправляя должности наши не доводить ни въ какихъ случаяхъ нашихъ хозяевъ до неудовольствія, а болѣе усугублять наши старанія и заслуживать доброе имя, и соблюдать безъ нарушенія во всякой исправности всѣ вышеписанные пункты; а паче чаянія кто изъ насъ нижеподписавшихся нарушитъ хоша одинъ пунктъ да и другихъ къ нарушенію будетъ поощрять, то таковыхъ изъ артели выключать безъ всякаго разсчету, поелику мы сіе условіе учинили для того, дабы порядокъ нашъ существовалъ не своевольно.

3. Постановленіе Новокорпусной артели (1823 г.).

Лѣта тысяча восемь сотъ двадцать третьяго, ноября перваго дня, при С. Петербургской Портовой биржѣ находящіеся Новокорпусной артели артельщики, имѣя между собою условіе единогласное, учиненное слѣдующимъ образомъ къ непремѣнному онаго исполненію, постановили нижеслѣдующіе пункты:

1. Выбирать намъ изъ своей артели, на каждое полугодичное время, въ старосты и писаря по артельному согласію достойныхъ и добраго поведенія людей; буде же кто къ означеннымъ должностямъ будетъ выбранъ и при отправленіи окажутся неисправными, то съ таковыхъ взыскивать штрафъ, судя по винѣ каждаго, въ доходъ сей артели, а на мѣсто ихъ выбирать другихъ, а за добропорядочное исправленіе оныхъ должностей, полагаемъ изъ общихъ артельныхъ доходовъ въ награжденіе старостѣ и писарю въ лѣтнее время по 100 рублей, а въ зимнее по 50 рублей.

2. А когда изъ господъ хозяевъ нашихъ кто потребуетъ на биржу или въ амбаръ, или куда либо въ посылку или въ домъ, для исправленія разныхъ поручаемыхъ должностей и работъ, артельщика, то таковаго требовать отъ старосты, который долженъ объявить артели, и по согласію упомянутой артели кому таковое дѣло препоручается, тому и быть у того хозяина во всякомъ послушаніи и повиновеніи и препорученные ему товары и прочія вещи хранить во всякой цѣлости и ни подъ какимъ видомъ ничего не утаивать и на свои надобности не употреблять, а буде что таковыми опредѣляемыми отъ насъ артельщиками изъ хозяйскихъ капиталовъ будетъ утрачено, то мы всею артелью вообще должны своимъ хозяевамъ въ томъ отвѣтствовать и безпрекословно заплатить, въ чемъ и обязуемся, а таковыхъ артельщиковъ, которые въ томъ виною окажутся, отъ артели отрѣшать и положеннаго по сему приговору выхода и такъ называемыхъ новизныхъ денегъ не давать.

3. А буде господа хозяева кому изъ насъ анбарные ключи или другое что-либо повѣряютъ или куда пошлютъ безъ требованія и не объявя о томъ старостѣ, а староста артели, въ такомъ случаѣ ежели что тѣмъ артельщикомъ утрачено и проронено будетъ, мы въ томъ не отвѣтствуемъ и платить за то ничего не обязуемся, а хозяинъ тотъ не долженъ съ артели взыскивать понесенный имъ убытомъ, потому что по своему выбору дѣлалъ довѣренность.

4. Буде же кто изъ насъ гдѣ бы то ни было оскорбитъ непристойнымъ словомъ или ругательствомъ своего хозяина или его прикащика, и будетъ въ томъ на него жалоба старостѣ и по справедливости его окажется въ томъ вина, таковому отъ артели отказать до тѣхъ поръ, покуда онъ не исходатайствуетъ прощенія у того, кого онъ оскорбилъ.

5. Буде кто изъ насъ во время работы отлучится за своимъ дѣломъ, и скажетъ старостѣ или артели на кого нибудь изъ хозяевъ, что отъ него былъ посланъ и въ томъ обманѣ будетъ обличенъ, съ таковаго взыскивать за каждую облыжную отлучку по десяти рублей въ доходъ артельный.

6. Кто изъ насъ усмотрѣнъ и дѣйствительно признанъ будетъ въ воровствѣ отъ хозяевъ или отъ своего брата артельщика, или отъ кого посторонняго и въ томъ изобличенъ будетъ, таковому при собраніи артели отъ оной отказать, и положеннаго вывода и новизныхъ денегъ ему не давать, однакожъ сіе судить по мѣрѣ преступленія и ежели маловажно по разсмотрѣнію и расположенію артели окажется, то впадшаго въ такое прегрѣшеніе наказать временнымъ отъ артели отрѣшеніемъ или денежнымъ штрафомъ, по разсмотрѣнію артели, что приговорено будетъ.

7. Буде же кто изъ насъ усмотритъ за кѣмъ воровство или другое какое либо злоумышленное дѣло и въ то самое время артели или старостѣ не объявитъ, и послѣ будетъ о томъ доказывать, таковому не вѣрить и ему самому отъ артельной работы отказать на мѣсяцъ и за то время заработанныхъ денегъ ему не давать.

8. Если кто изъ насъ при работѣ артельной какимъ нибудь нечаяннымъ случаемъ поврежденъ будетъ и къ работѣ окажется неспособнымъ, или же волею Божіею приключится кому либо болѣзнь и въ продолженіи года отъ оной не выздоровѣетъ, таковымъ заработанныя и новизныя деньги по разсчету наравнѣ съ прочими за одинъ годъ выдать, а буде продолжится болѣзнь его далѣе года, таковому отъ артели и работы отказать вовсе и заработанныхъ денегъ не давать, только положенный выводъ ему отдать и новизныя деньги получать, какъ и прочимъ наравнѣ.

9. А ежели кто изъ насъ не пожелаетъ болѣе въ артели жить или волею Божіею помретъ, таковому полагается отъ артели получить такъ называемыхъ выводныхъ денегъ 500 рублей на каждаго вышедшаго человѣка изъ артели, и оныя деньги отдать тому, кто изъ артели выбудетъ, а по умершемъ его наслѣдникамъ или кому отъ него при жизни его назначено будетъ, съ надлежащею роспискою, однакоже сіе разумѣется о такихъ артельщикахъ, кои вкупныя деньги въ артель всѣ сполна заплатили, таковымъ вышедшимъ изъ артели и новизныя деньги наравнѣ съ прочими выдавать сполна.

10. Кто изъ насъ на бою или борьбѣ или въ пьянствѣ себя повредитъ и къ работѣ будетъ неспособнымъ, на таковаго становить прогулъ, какъ и прочимъ по согласію артели, и когда онъ самъ по сему случаю пожелаетъ до

выздоровленія своего отказаться, въ томъ позволить, но только за то время заработанныхъ денегъ ему не давать и прогулу на него не ставить, однакожъ прежде мѣсяца таковаго, буде онъ выздоровѣетъ, до работы не допускать.

11. Когда кто изъ насъ пожелаетъ отъ артели для своей пользы отлучиться въ дальные города или въ домъ свой, таковымъ позволяется, но только съ тѣмъ, что вмѣсто себя долженъ представить съемщика для расчетовъ артельныхъ съ росписки у писаря въ заработной книгѣ, чтобъ было извѣстно о томъ артели или доноска за него денегъ ежели причтется; а съемщику, представленному отъ него, обязаться во всемъ за него отвѣтствовать, а новизныя деньги получать сколько причитаться будетъ. Буде же таковый отлучившійся отъ артели въ теченіи 3-хъ лѣтъ совсѣмъ въ артель не явится, таковаго изъ упомянутой артели исключить и положенный по сему приговору выводъ 500 рублей отдать по немъ съемщику или сродникамъ его съ надлежащею росписку, также и новизныя деньги выдавать, которые новики въ бытность его вкупались въ артель до выживу; хотя онъ по прошествіи трехъ лѣтъ къ артели и явится, таковаго до артели и работы не допускать. А ежели кто изъ насъ будетъ отлучившійся за какимъ либо своимъ дѣломъ или отъ хозяевъ будетъ посланъ въ дальные города и на него выйдетъ отъ хозяевъ на счетъ его какая либо выставка, которой онъ не долженъ или совсѣмъ не знаетъ, и сдѣлаютъ безъ него доноску, за таковыя деньги прогулу не ставить до справки, оставлять до него; а если же кто изъ насъ своею волею пожелаетъ выбыть изъ артели, таковому начесть безпрекословно по вышеозначенному пункту, а деньги выдать ему, что причтется, чрезъ шесть мѣсяцевъ, потому что староста и писарь справятся у своихъ хозяевъ не долженъ ли кому и не будетъ ли на него отъ своихъ хозяевъ выставокъ или отъ своего брата. А ежели кто изъ насъ отлучится не представивъ по себѣ вышеозначеннаго съемщика, то по пріѣздѣ его безъ артельнаго согласія къ работѣ не допускать.

12. Безъ позволенія и безъ вѣдома старосты изъ насъ никому изъ господъ своихъ хозяевъ какъ наличныхъ денегъ, такъ и для торгу товарами на счетъ артели не брать, подъ опасеніемъ за то быть исключеннымъ изъ артели; буде же кто изъ насъ заберетъ изъ артели сверхъ своего дувану, т. е. сверхъ принадлежащихъ ему заработныхъ общихъ нашихъ денегъ и при дуванѣ тѣхъ излишнихъ денегъ въ общую артельную сумму не внесетъ, таковымъ для взносу послѣ окончанія дувана полагается срокъ на исправу на десять дней, безъ всякихъ процентовъ, когда же на оный срокъ тѣхъ денегъ не внесетъ, то ему отказать отъ работы и притомъ становить на счетъ за каждый рубль на день по одному проценту въ доходъ артели, до истеченія отъ дувана одного мѣсяца, а если и въ теченіи сего времени забранныхъ денегъ въ артель не внесетъ, то таковому неисправному плательщику вовсе отъ артели отказать, однакоже положенный симъ приговоромъ выводъ 500 рублей зачесть ему въ счетъ имѣющагося на немъ долга, а ежели онаго на немъ окажется болѣе выводныхъ денегъ, то съ него достальныя истребовать, а буде менѣе, тому доплатить чрезъ шесть мѣсяцевъ для справки объ немъ хозяевъ не забрано ли еще на счетъ артели, а которые новики въ бытность свою вкупались въ артель, то о тѣхъ вычитаемыя новизныя деньги получать ему какъ и прочимъ.

13. А если при дуванѣ нашемъ кому изъ насъ по расчету слѣдуетъ изъ артели доимка заработанныхъ денегъ, то его безобидно противъ прочихъ своихъ сотоварищей должны по справедливости и безъ отлагательства удовольствовать.

14. Буде же староста или писарь будетъ кого изъ насъ наряжать на артельное дѣло и тотъ окажется въ томъ непослушенъ, на таковаго становить прогулъ за ослушаніе противъ обыкновеннаго прогулу вдвое, а именно также если кто изъ насъ старосту или писаря дерзнетъ ударить рукою или неподобными словами обругаетъ на артельномъ дѣлѣ, съ таковаго взыскивать штрафу по десяти рублей въ пользу всей артели.

15. А когда по согласію артели будетъ въ оной принятъ какой либо новикъ, и онъ проживши въ артели годъ или менѣе пожелаетъ отъ оной отказаться, таковому выдать обратно внесенныя деньги, т. е. сколько онъ при вступленіи въ артель внесъ сполна, а за время бытности его въ артели получить ему за работу по двадцати пяти руб. на каждый мѣсяцъ, и изъ того числа вычесть у него сколько онъ во время бытности своей въ артели забралъ денегъ, равно жъ къ тому причислить за харчи и попятнаго пятьдесятъ руб., а ежели по забору его тѣхъ мѣсячныхъ денегъ не достанетъ, то достальныя вычесть изъ внесенныхъ его денегъ. Когда же новикъ проживъ въ артели болѣе года и не доживши по договору своему полнаго вкупа, то оному выдать изъ артели изъ взнесенныхъ имъ при вступленіи въ артель вкупныхъ денегъ только половинное число и болѣе ему отъ артели не требовать и ни во что не вступаться, а ежели новикъ помретъ не выживши, изъ артели отдать внесенныя его деньги сполна сколько онъ напередъ взнесъ законнымъ его наслѣдникамъ или кому онъ при жизни своей тѣ деньги получить назначитъ.

16. А если кто изъ насъ при Биржѣ будетъ торгъ производить тѣми товарами, отъ которыхъ артель имѣетъ общественную пользу и въ томъ дѣйствительно онъ признанъ будетъ, что продавалъ тѣ товары своимъ хозяевамъ или кому другому, таковому въ томъ году не выдавать новизныхъ и рогожныхъ денегъ, а предоставить въ пользу всей артели.

17. А если какой либо пожелаетъ новикъ вкупиться въ нашу артель, по рекомендаціи хозяевъ или отъ своего брата артельщика или отъ кого бы ни было постороннаго, то по согласію всей артели, таковыхъ вкупать исправныхъ и честнаго поведенія людей, со взятіемъ въ артель по приговору тогда артельнаго общества, съ тѣмъ, чтобъ у таковыхъ, по заработкѣ артельной, половинное число заработанныхъ денегъ вычитать въ лѣтѣ и зимѣ, а при вступленіи въ работу долженъ онъ впередъ внести пятьсотъ рублей; а ежели оный новикъ не заживъ по договору своему полнаго вкупа, какой либо убытокъ артели учинитъ болѣе 500 рублей, которые при вступленіи внесъ въ артель, то поручитель за него долженъ отвѣтствовать и заплатить въ которыхъ онъ ручался, безотговорочно.

18. Въ заключеніе сего всѣ мы единогласно обязуемся и другъ за друга ручаемся, чтобъ поручаемыя намъ отъ господъ своихъ хозяевъ всякія работы и разныя препорученія во всей точности исправлять добропорядочно и дружелюбно со всякимъ прилежаніемъ и рачительностію; а если кто изъ насъ, кромѣ прописанныхъ законныхъ причинъ, на работу являться не будетъ или прогуляетъ, или за своимъ дѣломъ куда отлучится, на таковыхъ становить

въ лѣтѣ по 5 рублей, а въ зимѣ по 3 рубли за день; да сверхъ сего за нужное мы нашли здѣсь упомянуть и то, буде кто будетъ посылаться, какъ обыкновенно бываетъ въ Кронштадтъ или куда бы то ни было отъ господъ хозяевъ нашихъ для исправленія разныхъ препорученій, тому безотговорочно туда отправляться, а въ противномъ случаѣ ежели будетъ отзываться нехотѣніемъ къ отправленію туда, на таковаго становить на счетъ его въ доходъ артели за каждый разъ по приговору артельнаго общества. Во увѣреніе чего въ исполненіе всего вышеписаннаго и подписуемся (подписали всѣ лица поименно, артель составляющія).

Подлинное засвидѣтельствовано у маклера, живущаго Васильевской части, Мельникова, ноября 26 дня 1823 года, и въ книгу подъ № 516 записано *).

4. Постановленіе Стевартовой артели (1832 и 1852 г.).

Лѣта тысяча восемь сотъ тридцать втораго года, маія перваго дня. При Санктпетербургской Портовой Биржѣ, нижеподписавшіеся Стевартовой артели артельщики, имѣя между собою условіе единогласное, учиненное слѣдующимъ образомъ къ непремѣнному онаго исполненію, постановили нижеслѣдующіе пункты:

1. Ежели принимаемъ мы вновь въ артель новика со всего общаго согласія и его прошенію, тогда мы имѣемъ съ нимъ условіе напередъ получать наличными деньгами не менѣе 300 руб., яко залогомъ его вѣрности, а всего залогу вноситъ по артельному договору въ новизную книгу, по разсмотрѣнію сколько артель положитъ въ предбудущіе годы.

2. Вновь опредѣляющійся въ артель новикъ послѣ новика, и до шести мѣсяцевъ первый со втораго получать вовсе новизныхъ не будетъ до окончанія его залога.

3. Тожъ опредѣлится въ артель новикъ, отъ того числа и до шести мѣсяцевъ, въ теченіе сего времени, да не проживетъ артельщикъ старшой, или новикъ трехъ мѣсяцевъ въ артелѣ, то лишается съ таковаго всѣхъ его новизныхъ до окончанія его залогу.

4. Ежели новика отдадутъ въ рекруты, или другой случай не позволитъ жить въ артелѣ, или же самъ не пожелаетъ отъ начала опредѣленія, да не проживетъ шести мѣсяцевъ, таковой лишается напередъ взносимыхъ двухъ сотъ рублей, а достальныя его наличныя выдать ему. А который проживши шесть мѣсяцевъ и тоже жить не пожелаетъ или его въ солдаты отдадутъ, то сколько внесъ наличной суммы въ артель, всѣхъ лишается, прощитать по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, и будетъ разсмотрѣно при расчетѣ додать ли ему, или съ него получать. Впрочемъ, который выходитъ по неволи изъ артели, напримѣръ, если его въ солдаты отдадутъ или другое какое несчастіе случится, тому можно положить сверхъ вышеозначеннаго, судя по его поведенію.

5. Новикъ, который по окончаніи его залога еще останется должнымъ артелѣ 100, 200 рублей, или сколько бы ни было, то можетъ таковую сумму съ рукъ доносить, и послѣ будетъ числиться старшимъ артельщикомъ. По выходѣ изъ артели, или смерти, полагать третью часть противъ взноса, выводъ по годамъ, а новизныя по послѣднему новику.

---

*) Постановленіе это писано на гербовой бумагѣ трехрублеваго достоинства.

6. Который артельщикъ, проживши шесть мѣсяцевъ въ артелѣ и отпишется по своей какой либо надобности, или для отъѣзда въ деревню и не будетъ занятъ какимъ либо трехлѣтнимъ мірскимъ выборомъ, таковый увольняется впредь на два года; а ежели будетъ занятъ, то въ первыхъ мѣсяцахъ на четвертый годъ на приписку къ артелѣ долженъ представить обществу трехлѣтній законный видъ; а ежели же въ вышеозначенные сроки не припишется, то рѣшить вовсе отъ артели, по вышеозначеннымъ 4-му и 5-му пунктамъ.

7. Староста артельный долженъ быть выбираемъ по очереди на годъ; а ежели старостой быть не пожелаетъ, или общество не довѣритъ, то долженъ вмѣсто себя нанять кого изберутъ и за какую сумму. Писарю артельному, по исправной его должности, отъ общества полагать по заработкѣ приличное награжденіе.

8. Кто либо изъ артельщиковъ у старосты будетъ въ переборѣ сверхъ артельнаго расчету болѣе 25 рублей, то послѣ расчету дать ему сроку на пять дней для доноса перебора; а ежели въ теченіе онаго срока не донесетъ, то таковаго отписать отъ артели, впредь до его взноса перебора, на приписку съ доносомъ не позже двухъ годовъ, (не) то вовсе будетъ рѣшенъ отъ артели по вышеозначеннымъ 4 и 5 пунктамъ.

9. Ежели старшій артельщикъ или новикъ заболитъ по волѣ Божіей или на артельной работѣ повредится, таковому выдать годовую заработку сколько ему причтется, по прошествіи года отписать его отъ артели, и если по прошествіи трехъ годовъ не выздоровѣетъ, то вовсе отказать отъ артели по вышеозначеннымъ 4 и 5-му пунктамъ.

10. Ежели за которымъ артельщикомъ усмотрѣна будетъ артелью какая либо болѣзнь отъ самаго себя, получа ударъ, или недостойную, на таковаго становить прогуломъ, или по желанію его отписать отъ артели. По выздоровленіи же на приписку къ артели (не) позже двухъ годовъ, (не то) вовсе будетъ рѣшенъ отъ артели, по вышеозначеннымъ 4 и 5-мъ пунктамъ.

11. Всѣ артельщики въ артели должны имѣть паспорты, развѣ только увольняются на двадцать дней; а ежели по прошествіи не будетъ имѣть законнаго вида, то отписать отъ артели, впредь до полученія его паспорта.

12. На счетъ дней для отписки и приписки артельщика къ артелѣ, въ теченіи мѣсяца, назначаются 1-е, 5-е, 10-е, 20-е и 25-е числа.

13. На счетъ даннаго прогула, по разсмотрѣнію общества артели, какая будетъ заработка, по лѣту противъ зимы становить вдвое.

14. Когда староста артельщика будетъ посылать на артельную работу, въ должность къ хозяину, во услуженіе, или куда бы ни было, и таковой не пойдетъ, то за неслушаніе становить въ пользу артели, по разсмотрѣнію, чего будетъ достоинъ.

15. Ежели староста или артельщикъ за артельщикомъ узнаетъ какую либо повинность во вредъ артели, и обществу не объяснитъ объ этомъ, то становить, въ пользу артели, на узнавшаго за скрытность, а того за провинность, по разсмотрѣнію что будутъ достойны.

16. Ежели артельщикъ служилъ у хозяина при домѣ или какомъ-либо дѣлѣ и хозяинъ имъ останется недоволенъ, скажетъ артельному старостѣ, чтобъ впредь по его дѣламъ при работѣ никогда не былъ, а въ артелѣ оставляетъ, то во время его работы день или полдня становить на него противъ обыкно-

веннаго прогула; а ежели прочихъ хозяевъ во время оное на работѣ, тогда прогула освобождается.

17. Когда артельщикъ будетъ выбранъ отъ общества артели въ какую либо должность, какъ-то въ старосты, писаря, амбарные, при пріемѣ товаровъ, при отъѣздѣ съ господами хозяевами и безъ хозяевъ при товарахъ и прочія занимающія должности, и будетъ хозяйскія или артельныя деньги удерживать за собой непозволеннымъ образомъ или на счетъ брать своего хозяина у прочихъ хозяевъ, тѣмъ по показанію для хозяйскаго расхода, или необходимостей, а вмѣсто того употребитъ для своей роскоши, и будетъ хозяинъ на него жаловаться старостѣ, или общество узнаетъ, то по размотрѣнію его дѣла, чего будетъ достоинъ, поставить на него въ пользу артели, или вовсе отказать по вышеозначеннымъ 4-му и 5-му пунктамъ.

18. За жалобу хозяина на артельщика старостѣ, или обществу, замѣтитъ какъ-то: въ пьянствѣ, въ дракѣ при дѣлахъ, за неуслуги, за неисправность въ препорученіяхъ при работѣ и прочее, по разсмотрѣнію общества становить въ пользу артели, отписать на время отъ артели, или вовсе отказать по вышеозначеннымъ 4-му и 5-му пунктамъ.

19. Когда замѣчено будетъ за артельщикомъ, хозяиномъ или обществомъ артели, какое либо возмущеніе, похищеніе, утрату хозяйскихъ товаровъ и денегъ или артельныхъ, воровство и прочее, по разсмотрѣнію общества артели чего будетъ достоинъ, становить на того въ пользу артели нещадно сто, двѣсти рублей, или отписать на время отъ артели, или вовсе отказать по вышеозначеннымъ 4-му и 5-му пунктамъ, или безо всего, и предать его законному суду.

Къ сему условію всѣ находящіеся въ артелѣ и вновь опредѣляющіеся въ артель должны подписываться, а безъ того находиться въ артелѣ или въ оную опредѣлиться никто не можетъ, именно: (слѣдуетъ подписи артельщиковъ).

Въ С.-Петербургѣ, 1832 года, іюня 10 дня, сіе условіе въ конторѣ городоваго маклера явлено и въ книгу подъ № 282-мъ записано и узаконенную печать приложилъ городовой маклеръ Василій Селезневъ.

С.-Петербургъ, 1841 года, ноября 1-го дня, прибавленіе къ вышеописанному нашему Стевартовой артели артельщиковъ условію въ томъ, что разсмотрѣна нами артелью во оном условіи пропущенная статья, касающаяся до артели, именно на счетъ новиковъ смертнаго часу, то такимъ образомъ ссылаемся на статью 4-ю, упомянутую во оном условіи, какъ-то: новика отдадутъ въ солдаты или другой какой либо случай не позволитъ или же самъ не пожелаетъ быть въ артелѣ, равно же и полагаемъ и смертный часъ: отъ начала опредѣленія да не проживетъ въ артелѣ шести мѣсяцевъ, таковой лишается напередъ вносимыхъ 200 рубл., а достальныя его наличныя выдать ему; которой проживши шесть мѣсяцевъ и тоже жить не пожелаетъ или помретъ или же его въ солдаты отдадутъ или же другой случай не позволитъ жить въ артелѣ, то сколько внесъ въ артель напередъ наличной суммы — всѣхъ лишается и расчитать его по 25 рубл. асигнаціями въ мѣсяцъ, въ чемъ всѣ согласно учинили вышеписанное условіе, въ томъ и подписуемся (слѣдуютъ подписи всѣхъ артельщиковъ).

Лѣта 1852 ноября въ 1-й день, С. Петербургскаго Порта общество Стевартовой артели — нижеподписавшіеся артельщики, имѣя между собою единогласно общее согласіе прибавить къ нашему условію нижеслѣдующіе пункты къ непремѣнному онаго исполненію:

20. Ежели который артельщикъ изъ насъ нашей артели заживетъ свой залогъ сполна, будучи старикомъ, волей Божіей, помретъ, въ солдаты ли кого отдадутъ или самъ не пожелаетъ кто больше жить въ артелѣ, или же другой какой прочій непротивный обществу случай не позволитъ жить въ артелѣ, таковому общество изъ артели полагаетъ третью часть вывода противъ существующаго залогу и новизныя деньги съ новиковъ.

21. Нынѣ же общество впредь отъ вышеписаннаго времени за таковую вышесказанную третью часть вывода полагаетъ старику по выходѣ изъ артели единовременно 300 рублей серебромъ.

22. и сверхъ онаго новизныя деньги, причитающіяся съ новиковъ, получать особо по артельнымъ расчетамъ, т. е. послѣ лѣтнихъ дувановъ у кого сколько есть окончательно до послѣдняго новика.

23. Ежели кто по выходѣ своемъ изъ артели перебралъ сверхъ заработки деньги, и окажется послѣ дувану и артельному расчету по книгамъ у старосты въ переборѣ, тогда общество высчитываетъ изъ его вывода, а не изъ новизныхъ перебранную сверхъ дувановъ сумму, а безъ того никто выписаться и выбыть изъ артели не можетъ.

24. Каждый таковый артельщикъ старикъ, по выходѣ своемъ изъ артели долженъ росписываться въ полученіи своего вывода, а равно и новизныхъ денегъ, въ выводномъ и вкупномъ журналахъ, а безъ онаго выдаваемы никому быть не могутъ.

25. А прежде сего вышедшіе и выбывшіе изъ артели и умершіе артельщики старики, которые получаютъ выводы, таковымъ выдавать и расчитывать обществу по прежнему, т. е. какъ они выдавались до сего окончательно по 5-му пункту установленнаго условія 1832 года.

Къ сему прибавленному нашему условію всѣ находившіеся въ артелѣ и вновь опредѣляющіася въ артель должны подписываться, а безъ того находиться въ артелѣ или вновь въ оную опредѣляться никто ни подъ какимъ предлогомъ права не имѣетъ. (За симъ слѣдуютъ подписи всѣхъ артельщиковъ и приложена печать общества Стюартовой артели *).

5. Постановленіе Московской биржевой артели (1859 г.)

1859 года декабря 29 дня, мы нижеподписавшіеся артельщики Московской биржевой артели, бывъ въ общемъ нашемъ собраніи, имѣли разсужденіе о томъ, что составленное нами въ 1842 году постановленіе, содержащее въ себѣ основныя правила на обязанности членовъ нашего общества, по духу настоящаго времени и по многимъ встрѣчающимся недоразумѣніямъ, доходящимъ нерѣдко до судебнаго разбирательства, составлено темно и находя необходимымъ имѣть таковое же постановленіе, въ которомъ бы ясно были изложены правила, вполнѣ разъясняющія какъ положенія нашей артели вообще, такъ равно и обязанности каждаго отдѣльно, потому и полагаемъ постановить сей уставъ нашей артели, заключающій въ себѣ слѣдующія правила:

---

*) Книга артельнаго условія написана на гербовой бумагѣ: 1-й листъ 10-тирублеваго достоинства, слѣдующіе 5 листовъ трехрублеваго достоинства, остальные 6 листовъ 15-ти коп. достоинства. Книга прошнурована и приложена печать общества Стюартовой артели.

А. Положенія общія.

1. Въ артель нашу, состоящую подъ именемъ «*Московской*», могутъ быть принимаемы лица податнаго состоянія, какъ-то: купцы, купеческія дѣти, племянники и внуки, мѣщане и крестьяне, какъ государственные, такъ и помѣщичьи, послѣдніе впрочемъ не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ, изъявленнаго на имя артели письменно. Составъ же артели не опредѣляется, но уменьшеніе и увеличеніе числа зависитъ отъ общества, смотря по работамъ.

2. Артель состоитъ изъ настоящихъ артельщиковъ (стариковъ) и изъ новиковъ. Новикомъ называется всякій артельщикъ, считая отъ вступленія въ артель и до зажива опредѣленнаго вкупа, т. е. до полнаго взноса новишной суммы.

3. Пріемъ новика въ артель производится съ общаго артели согласія, для чего и заключается съ нимъ договоръ какъ о количествѣ вкупной суммы, такъ равно о зажитіи оной опредѣленныхъ лѣтъ (объ исполненіи имъ артельныхъ правилъ берется отъ него по приложенной формѣ подписка).

4. При вступленіи въ артель каждый новикъ обязанъ внести вкупу 1000 руб. сер., изъ нихъ 300 руб. сер. наличными при поступленіи, каковая сумма называется *передовою*, а остальное вычетомъ изъ заработки слѣдующихъ ему въ теченіе первыхъ лѣтъ по 86 р. сер. каждый годъ, и послѣдняя сумма считается *новишною*; но въ случаѣ отлучки его изъ артели по своимъ надобностямъ, какія бы они ни были, не получаетъ за это время заработки, и чтобы примѣтиться къ работѣ, то причитающіяся съ него новишныя непремѣнно обязанъ взнести наличными. Вкупная сумма съ малолѣтковъ и недоростковъ по усмотрѣнію общества можетъ быть увеличиваема.

5. Если артельщикъ, по зажитіи въ артели всей той суммы, т. е. внесшій въ полномъ размѣрѣ вкупа новишную сумму, по обстоятельствамъ пожелаетъ выйти изъ артели и по сдѣланному съ нимъ артельному расчету должнымъ ей состоять не будетъ, при выходѣ изъ артели получаетъ изъ оной *выводъ*, т. е. вполнѣ внесенную имъ передовую сумму. Ежели выходитъ изъ артели ранѣе 9 лѣтъ, то получаетъ только 200 руб. сер., но въ случаѣ смерти артельщика, или выхода его изъ артели ранѣе 9 лѣтъ бытности его въ артели, по случаю сдачи его въ рекруты или увѣчья на артельной работѣ, артель, принимая въ соображеніе его хорошее поведеніе, заслуги и семейныя обстоятельства, предоставляетъ право и увеличивать назначаемую въ выводъ сумму, что зависитъ отъ словеснаго приговора общаго собранія, но отнюдь не отъ лица, коему слѣдуетъ выдача, и есть не обязанность для артели, но лишь ея добрая воля.

6. Если артельщикъ (какъ старикъ, такъ и новикъ) выходитъ изъ артели не по собственному желанію, но за какіе либо проступки, или предосудительное поведеніе исключается изъ оной, или по приговору ея, или по требованію начальства, даже и не будучи долженъ ей, лишается вывода; тому же подвергается и переходящій съ хозяиномъ въ другую артель.

7. Всякій артельщикъ, отлучившійся изъ артели по собственнымъ надобностямъ и не состоявшій ей должнымъ, пробывшій въ отлучкѣ болѣе 3 лѣтъ, по возвращеніи въ артель не принимается, но исключается изъ оной съ выдачею ему опредѣленнаго вывода.

8. Новишная сумма при выходѣ артельщика ни въ какомъ случаѣ ему не возвращается на томъ основаніи, что она не составляетъ неприкосновеннаго капитала артели, но ежегодно поступаетъ въ дѣлежъ между артельщиками: на полученіе ея имѣетъ право всякій по истеченіи 6 мѣсяцевъ, считая со вступленія его въ артель, на сумму же поступившихъ ранѣе его онъ права не имѣетъ. Платежъ новишной суммы всякій артельщикъ производитъ ежегодно вычетомъ по положенію до полнаго имъ зажива, получаетъ же оную съ другихъ во все время пребыванія въ артели. Взносъ новишной суммы по желанію вкупающагося новика не возбраняется и единовременный: въ семъ случаѣ, по согласію артельнаго общества, дѣлается ему уступка и взнесшій оную единовременно вступаетъ прямо въ права старика, относительно полученія вывода при выходѣ его изъ артели, а новишную сумму получаетъ тѣмъ же порядкомъ по истеченіи 6 мѣсяцевъ по вступленіи.

9. Для внутренняго управленія своими дѣлами, артель избираетъ изъ среды себя старосту и въ помощь ему артельнаго писаря, съ производствомъ имъ, кромѣ равнаго со всѣми дувана, еще особаго вознагражденія, каковое не ограничивается, но зависитъ отъ усмотрѣнія общества по трудамъ и стараніямъ лицъ, исполнявшихъ сію должность и по средствамъ общества.

10. Срокъ службы артельнаго старосты и писаря полагается годичный съ 1-го ноября каждаго года; по усмотрѣнію артели тѣ же лица могутъ быть оставляемы въ ихъ должностяхъ и на слѣдующій годъ; участіе же въ производствѣ выбора, равно какъ и въ обсужденіи вопросовъ, касающихся до артели и рѣшаемыхъ общимъ собраніемъ, имѣютъ какъ старики, такъ и новики, но первые, какъ болѣе опытные и заслужившіе довѣріе, имѣютъ преимущество предъ послѣдними.

11. Если до истеченія срока, на который избраны староста и писарь, артель будетъ недовольна которымъ либо изъ нихъ, то имѣетъ право неисправнаго смѣнить и даже, соображаясь съ виною его, и вовсе исключить, но сему послѣднему подвергается онъ, лишь будучи уличенъ въ злоумышленно нанесенномъ артели вредѣ, какъ-то: растратѣ артельнаго капитала, доказанной съ намѣреніемъ сдѣланной потерѣ работы и т. п. со вредомъ для артели сопряженныхъ поступковъ.

12. Равнымъ образомъ артельное собраніе имѣетъ право подвергать опредѣленному штрафу и исключать изъ общества всякаго артельщика, оказавшагося неисправнымъ или неблагонадежнымъ. Виновныхъ же въ похищеніи какъ хозяйскаго, такъ и артельнаго капитала, или тому подобныхъ важныхъ поступкахъ, артель, кромѣ исключенія безъ всякаго вывода, имѣетъ право и предавать еще законному сужденію. Денежный штрафъ на провинившихся въ малыхъ проступкахъ, до 5 руб., налагаетъ староста, объявляя о томъ у образа.

Б. Обязанности старосты и писаря.

13. Староста есть непосредственный распорядитель артели, а потому, кромѣ точнаго исполненія собственно на него возложенныхъ обязанностей, онъ долженъ строго наблюдать, чтобы всѣ прочіе артельщики въ точности исполняли свои обязанности, относящіяся до общества.

14. Въ важныхъ случаяхъ артели относящихся, какъ-то: по истеченіи сроковъ службы старосты и писаря; также если кого нужно принять въ ар-

тель, или исключить изъ оной за проступки и тому подобныхъ случаяхъ, староста въ свободное отъ работъ время собираетъ артель и представляетъ на ея разсмотрѣніе, и рѣшенія общаго собранія соблюдаются свято, и потому на таковыя обязуемся жалобъ не приносить и судебнымъ мѣстамъ таковыхъ не принимать.

15. Староста обязанъ наблюдать, чтобы артельщики приходили на работы въ назначенное время, не опаздывая и въ трезвомъ видѣ, отправляли работы съ должнымъ раченіемъ и прилежаніемъ, сохраняя собственность хозяйскую и свою, не дѣлая никому грубостей и имѣя при себѣ всѣ относящіеся къ работѣ инструменты, а съ ослушниковъ взыскивать.

16. Когда кто-либо изъ гг. хозяевъ объявитъ надобность въ артельщикахъ, то староста немедленно наряжаетъ нужное число рабочихъ людей и надсматриваетъ самъ за исправностью работы, или поручаетъ одному изъ старшихъ артельщиковъ. Однимъ словомъ назначеніе людей на работы и распоряженіе оными предоставляется благоусмотрѣнію старосты, а писарю даетъ знать, чтобы онъ вписалъ по надлежащему, когда у кого сколько человѣкъ работали и какую именно работу, съ должнымъ расчетомъ, сколько за оную работу причитается получить.

17. Деньги, слѣдующія артели, староста собираетъ самъ, но на случай нужныхъ объясненій относительно поданныхъ счетовъ, приглашаетъ съ собою писаря.

18. Въ случаѣ тяжебныхъ и судебныхъ дѣлъ, до артели относящихся, староста обязанъ ходатайствовать о таковыхъ и въ случаѣ надобности предоставляется ему избрать довѣреннаго и дать таковому законную довѣренность отъ своего имени.

19. Всѣ артельные изъ общей суммы расходы производитъ староста и какъ можно скоровременно сообщаетъ о томъ артели у образа, гдѣ писарь и вписываетъ ихъ въ расходную книжку.

20. На особенную отвѣтственность старосты возлагается наблюденіе, чтобы артельщикамъ не было выдаваемо впередъ въ счетъ дувана значительныхъ суммъ, дабы они не могли быть въ переборѣ, и чтобы артельщики не переводили долговъ своихъ на артель безъ вѣдома ея и согласія.

21. Староста обязанъ непремѣнно къ истеченію срока службы своей заключить всѣ расчеты и представить артели за свое время окончательный расчетъ для повѣрки онаго съ книгами и документами. Повѣрка производится избранными для сего артельщиками, не менѣе 3-хъ человѣкъ, коими расчетъ по повѣркѣ и подписывается, — а книги и документы прежнимъ старостою сдаются вновь избранному подъ особую росписку, равнымъ образомъ и писарь передаетъ свои книги и документы подъ росписку вновь вступившему на его мѣсто.

22. Изъ числа ведущихся по дѣламъ артели книгъ, староста ведетъ: 1) книгу подачи счетовъ хозяевамъ на произведенную работу и полученія отъ нихъ за оную денегъ (приходную); 2) книгу раздачи артельщикамъ заработки (расходную) и 3) карманную книжку, для вписыванія въ оную производимыхъ на счетъ артели расходовъ рукою писаря у образа. Писарь же ведетъ книгу о производимыхъ артелью работахъ и въ нее же вписываетъ особою статьею изъ карманной книжки старосты произведенные артельные расходы.

В. Обязанности артельщиковъ.

23. Первою обязанностію всей артели вообще и всякаго артельщика, составляющею девизъ ихъ — *вѣрность и честность* какъ въ храненіи ввѣряемыхъ гг. хозяевами товаровъ и капиталовъ, такъ и въ исправномъ выполненіи всякаго рода порученій; почему за утерю, утрату денегъ, товаровъ, порчу сихъ послѣднихъ, происшедшія отъ ихъ вины, артельщиковъ, пополняется гг. хозяевамъ артелью безпрекословно, и ею взыскивается съ виновныхъ, или вычитается со всѣхъ по раскладкѣ.

24. Обязанности артельщиковъ заключаются въ слѣдующемъ: производить работы при портѣ, на буянахъ и въ другихъ мѣстахъ, исполнять въ точности хозяйскіе приказы и работы, повиноваться избраннымъ старостѣ, писарю и амбарному, безъ ихъ вѣдома и назначенія ничего не дѣлать такого, что могло бы не только вредить, но даже относиться до артельнаго распоряженія; о получаемыхъ отъ гг. хозяевъ приказахъ, для производства работъ, объявлять по принадлежности своевременно; во время работъ повиноваться тому, кому старостою будетъ довѣренъ хозяйскій приказъ, хотя бы тотъ былъ лѣтами и моложе; не возвышаться одинъ передъ другимъ старшинствомъ, или званіемъ, на работахъ и при выполненіи порученій быть трезвымъ (въ противномъ случаѣ работа его не считается, а день тотъ становится ему прогуломъ); не заводить ссоръ, а тѣмъ болѣе дракъ, и удерживаться отъ непристойныхъ выраженій; отъ работъ и порученій не уклоняться безъ основательныхъ причинъ; при назначеніи на караулъ являться въ назначенное время, не опаздывая.

25. Назначенный старостою въ караулъ артельщикъ обязанъ при пріемѣ товаровъ быть вполнѣ осмотрителенъ, такъ какъ при сдачѣ изъ подъ караула за цѣлость оныхъ онъ отвѣтствуетъ, для чего во всякомъ случаѣ сомнѣнія сей-часъ сообщать объ этомъ старостѣ, для доведенія къ свѣдѣнію по принадлежности. Всякій амбарный артельщикъ отвѣтствуетъ за цѣлость ввѣреннаго ему товара, какъ капиталомъ, такъ и личностію и только отъ сего освобождается въ такомъ случаѣ, когда представитъ ясныя доказательства, что таковые кѣмъ либо похищены, и потому найдя что либо сомнительное въ замкѣ, не входя въ амбаръ, обязанъ повѣстить какъ старосту гостинаго двора, или сторожей, или вообще лицъ, завѣдывающихъ карауломъ его амбара, такъ равно и артель.

26. Для лѣтнихъ работъ гг. хозяевамъ избирается у образа старшими артельщиками изъ среды ихъ выгрузной; обязанность ихъ состоитъ принимать приказы отъ гг. хозяевъ и ихъ повѣренныхъ на выгрузку товаровъ, смотрѣть за оными при выгрузкѣ и сдавать оные въ пакгаузы подъ караулы артельщиковъ; строго смотрѣть при пріемѣ съ судна, нѣтъ ли поврежденія въ посудѣ товара и въ случаѣ таковаго своевременно заявлять; въ противномъ случаѣ всякое упущеніе по неосмотрительности подвергаетъ его отвѣтственности.

27. Артельщики, отправляемые артелью для хозяйскихъ порученій при амбарахъ и конторахъ, не имѣютъ права дѣлать съ гг. хозяевами никакихъ артельныхъ расчетовъ, или получать отъ нихъ слѣдующее артели деньгами или товаромъ, что лежитъ собственно на обязанности старосты. За какую бы ни было провинность предъ хозяиномъ, артельщикъ, кромѣ оштрафованія послѣднимъ, еще подлежитъ особо за ту же вину суду артели и налагаемому ею

наказанію, и вообще какъ ставить артельщика на мѣсто къ хозяину, такъ и снимать его съ онаго состоитъ въ полной власти артели, чему всякій артельщикъ долженъ повиноваться безпрекословно подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Равнымъ образомъ безъ согласія артели не долженъ артельщикъ, живущій у хозяина, отлучаться по своимъ надобностямъ по одному позволенію хозяина, а обязанъ получить таковое и отъ артели.

28. На ввѣряемые гг. хозяевами и артелью товары и деньги никто не долженъ производить своихъ оборотовъ, или торговли.

29. Какъ служащіе при конторахъ артельщики не должны ни подъ какимъ видомъ ни дѣломъ, ни словомъ вредить артели, дабы поручаемая ей хозяиномъ работа не могла перейти къ другой артели, такъ равно и всѣ артельщики, коимъ дѣлаются отъ хозяевъ какого бы то ни было рода порученія, (если кто) по винѣ своей доведетъ артель до потери хозяина, подлежитъ сужденію артели и тягчайшему изъ наказаній, опредѣляемыхъ артельнымъ собраніемъ.

30. Артельщикъ, преданный хозяиномъ суду, артелью отмѣчается отъ работы на все время нахожденія подъ судомъ и вновь примѣчается только въ случаѣ судебнаго оправданія, но и въ семъ случаѣ за время отмѣтки заработки не получаетъ отъ артели, а убытки свои отыскиваетъ отъ предавшаго его невинно суду.

31. Всѣ малѣйшія уклоненія отъ исполненія вышеозначенныхъ обязанностей старосты, писаря и артельщиковъ, какъ составляющія ихъ вину, подлежатъ сужденію артели и налагаемымъ ею наказаніямъ. Наказанія сіи бываютъ трехъ видовъ: 1) денежный штрафъ, 2) временная отмѣтка отъ работы, всегда сопряженная съ вычетомъ за то время заработки и 3) исключеніе изъ общества съ выводомъ, или даже безъ всякаго вывода, смотря по винѣ и усмотрѣнію артели.

32. Неявка къ работѣ, или отлучка отъ оной, равно и на караулы, какъ прогулъ, подвергается взысканію въ пользу артели: 1) въ теченіи лѣтнихъ работъ за цѣлый день 2 руб., а за полдня 1 руб.; 2) зимнихъ за день 1 руб. 20 коп., а за полдня 60 коп.; за прогулъ же ночныхъ очередныхъ карауловъ полагается, наоборотъ, зимою 2 руб., а лѣтомъ 1 руб. 20 коп., и отъ сихъ взысканій освобождается только тотъ, кто представитъ въ оправданіе прогула основательныя причины, въ истинѣ и важности коихъ удостовѣряется староста.

33. Всякій артельщикъ, оставшійся по расчету должнымъ артели, въ случаѣ несогласія ея на заживъ имъ того долга, обязывается внести оный наличными въ теченіе недѣли, которая ставится ему прогуломъ; но если въ теченіе недѣли не уплатитъ своего долга, то отмѣчается отъ работъ; долги артели соразмѣряются тремя видами: отъ 5 до 30 руб., отъ 30 до 100 руб., и отъ 100 до 200 руб., каковыми бы случаями оные ни составились (само собою разумѣется, исключая изъ сего злоумышленность) и по отмѣткѣ артель ожидаетъ уплаты 1-го вида годъ, 2-го два мѣсяца, если же долгъ болѣе ста руб., то артель, не ожидая нисколько, имѣетъ право вычесть таковые сей часъ же изъ его вывода, а остальные, за вычетомъ долга, выдаетъ ему по окончаніи годоваго расчета дувана. Всякій должникъ теряетъ право со дня отмѣтки до уплаты имъ долга и на полученіе новишныхъ.

34. Въ случаѣ болѣзни артельщика, происшедшей по волѣ Божіей, отъ ушиба на работѣ, или отъ иныхъ причинъ, отъ его вины не зависящихъ,

таковой получаетъ заработку въ теченіи 6 мѣсяцевъ отъ начала болѣзни; но заболѣвшіе болѣзнями сифилитическою, или отъ пьянства происходящими, симъ преимуществомъ не пользуются. О болѣзни же своей всякій обязанъ извѣщать старосту, а иначе она не можетъ быть уважаема.

35. Въ случаѣ, если бы въ постановленіи этомъ могло со временемъ оказаться что либо упущеннымъ, или выраженнымъ не вполнѣ ясно, мы предоставляемъ себѣ право въ общемъ нашемъ собраніи добавить упущенное и разъяснить темное; все же въ ономъ заключающееся обязуемся хранить свято и ненарушимо и никто изъ насъ какъ въ настоящее время въ артели находящихся, такъ и со временемъ въ артель вступающихъ, не въ правѣ заводить съ артелью ни въ какомъ случаѣ никакихъ споровъ по судебнымъ мѣстамъ, а заведшій таковой признаетъ себя добровольно виновнымъ, чему служитъ доказательствомъ подписаніе сего постановленія, или данная при вкупѣ въ артель подписка.

Относительно какая вина какому подлежитъ наказанію и размѣра налагаемаго на провинившихся денежнаго штрафа при всякомъ случаѣ подлежитъ или сужденію общаго собранія, или сужденію у образа, по представленію старосты, соображаясь съ виною. А дабы никто не могъ уклоняться отъ точнаго выполненія всего вышеизложеннаго въ семъ постановленіи подъ предлогомъ незнанія, или забывчивости, симъ же постановленіемъ вмѣняется въ обязанность каждаго имѣть съ сего постановленія точную копію за подписью старосты и писаря. Къ сему присовокупляется, что въ случаѣ заведенія съ артелью кѣмъ либо изъ насъ процесса, таковой сей часъ же отмѣчается отъ работъ и теряетъ право на полученіе новишной суммы.

6. **Постановленіе Ильинско-Мазуринской артели** (1864 г.)

1864 года, января 1-го дня, мы нижеподписавшіеся артельщики, находящіеся въ Московскомъ старомъ гостинномъ дворѣ, Ильинско-Мазуринской артели, для разныхъ работъ и вѣдомствъ исправленія, а именно: Московской губерніи Волоколамскаго уѣзда: Егоръ Васильевъ деревни Горокъ, Степанъ Петровъ деревни Нелидова, Егоръ Евсигнѣевъ, Егоръ Мосѣевъ, Константинъ Мосѣевъ, Михаилъ Дементіевъ деревни Бухлова, Иванъ Федоровъ, Гаврила Федоровъ, Егоръ Федоровъ деревни Зубова, Василій Устиновъ деревни Шабанова, Василій Ивановъ вольноотпущенный деревни Андрѣевскаго, Дмитрій Митрофановъ вольноотпущенный деревни Высокова; Рузовскаго (Рузскаго?) уѣзда: Михаилъ Ивановъ деревни Каняшина, Дмитрій Абрамовъ деревни Каняшина, Иванъ Спиридоновъ села Комлева; Можайскаго уѣзда: Кузьма Титовъ деревни Прозорова, Иванъ Козьминъ деревни Ситкова; Московской губерніи и уѣзда: Варнавій Емельяновъ — Черкизовскій крестьянинъ, Василій Ивановъ — московскій мѣщанинъ, Осипъ Осиповъ — московскій мѣщанинъ, Осипъ Степановъ — московскій мѣщанинъ; Калужской губерніи Малоярославскаго уѣзда: Иванъ Сидоровъ, Павелъ Ивановъ деревни Максимовки, Ефимъ Аксеновъ, Федулъ Аксеновъ — вольноотпущенные, Федоръ Зотовъ деревни Зайцева, Иванъ Феоктистовъ деревни Подполкова, Никита Петровъ — Малоярославскій мѣщанинъ; Боровскаго уѣзда: Павелъ Поликарповъ деревни Деревенки, Антипъ Ивановъ деревни Курчина, Дмитрій Яковлевъ деревни Горки, Василій Михайловъ — Малоярославскій мѣщанинъ —

1. Въ томъ, что мы при собраніи полной артели, съ согласія къ тому всѣхъ насъ, избрали мы себѣ старосту Московской губерніи Волоколамскаго уѣзда деревни Бухлова Егора Евсигнѣева, на одинъ годъ — 1864-й—для распоряженія нами вышеозначенными артельщиками, въ старомъ гостинномъ дворѣ, равно и на квартирѣ, а намъ артельщикамъ разныхъ вѣдомствъ быть навсегда послушнымъ старостѣ Егору Евсигнѣеву, не дѣлать никакого противорѣчія какъ въ гостинномъ дворѣ при распоряженіи и посылкахъ въ работу, равно и на квартирѣ.

2. Старосту Егора Евсигнѣева не считать всякому изъ насъ себѣ равнымъ, какого бы вѣдомства ни былъ, и почитать его всегда какъ начальника или старшину, управляющаго нами.

3. Буде же кто окажется противорѣчивымъ или непослушливъ въ гостинномъ дворѣ при посылкѣ въ работу, или на квартирѣ, какъ староста Егоръ Евсигнѣевъ или (кому) онъ прикажетъ смотрѣть за нами во время своей отлучки за полученіемъ или по своей надобности, то онаго староста при собраніи нашей артели за таковое ослушаніе судитъ, по совѣту артельному, наказать чего виновникъ будетъ достоинъ, того здѣсь не прилагается, а по винѣ онаго взыщется.

4. Староста Егоръ Евсигнѣевъ долженъ находиться всегда въ гостинномъ дворѣ, никуда не отлучаться кромѣ за полученіемъ артельныхъ заработныхъ денегъ или по своей надобности, также съ господами хозяевами или ихъ прикащиками обходиться всегда учтиво, что и долгъ требуетъ; буде же староста Евсигнѣевъ (будетъ) находиться въ какомъ безобразіи или не въ порядкѣ, то онъ при собраніи нашей артели будетъ судимъ, равно какъ и всѣ. Если же староста найдется въ прогулѣ, не по своей надобности, а по какому либо качеству — прогулъ съ него вычитать по три рубля серебромъ за каждый день; если же староста отлучится по своей надобности, то вычитать съ него за прогулъ его по семьдесять по двѣ копѣйки въ день.

5. Къ сему же прилагается, чтобы староста Егоръ Евсигнѣевъ, во время находящихся насъ въ работахъ, усматривалъ за нами неослабно дабы кто изъ насъ не находился въ прогулкѣ; буде же кто изъ насъ вообще всѣхъ отлучится изъ работы безъ спросу старосты, то будетъ таковый подсудимъ старостѣ и всей общей артели; если кто изъ насъ будетъ находиться въ прогулкѣ, или какихъ нибудь качествахъ, то съ онаго вычитается за прогулъ по 1 руб. 50 коп. сер. за каждый день. Если же кто отлучится съ спросомъ старосты по его необходимости или по домашней нуждѣ, то съ онаго полагать за небытность въ биржѣ по 72 к. сер. въ день, а за полдня съ утра до 12 часовъ или съ 12 часовъ до вечера, то полагается съ него по 36 к. сер.

6. При ономъ же собраніи нашей артели изобрали мы себѣ писаря, вольноотпущеннаго Ефима Аксенова впредь на одинъ годъ—1864-й—съ тѣмъ, чтобы ему исправлять артельныя письменныя дѣла во всякомъ порядкѣ. По прошествіи порядочному исправленію должности, какъ старостѣ, равно и писарю, выключая всѣхъ насъ, заплатить имъ жалованье, какъ ниже сказано, сверхъ того, что слѣдуетъ получить пайку, какъ всѣмъ намъ равно, при собраніи полной нашей артели положили мы заплатить жалованье старостѣ Егору Евсигнѣеву сто руб. сер., писарю Ефиму Аксенову тридцать руб. сер. тоже заплатить по окончаніи сего года.

7. При ономъ же распоряженіи, если старостѣ Егору Евсигнѣеву случится

недостатокъ въ артельщикахъ для работъ у хозяевъ, то долженъ староста въ семъ случаѣ посылать насъ для работъ вообще къ какому бы то ни было хозяину, а имъ всѣмъ повиноваться; если же кто въ семъ случаѣ окажется непослушнымъ, то будетъ воленъ староста взыскать за неповиновеніе его.

8. Если кому случится ѣхать въ дорогу — съ хозяиномъ посылаемъ или съ товаромъ, и какое нечаянное случится несчастіе у онаго, утрата или потеря хозяйскаго имѣнія, и хозяинъ будетъ вычитать съ артели, то съ онаго виновника за утрату полагать половинное число по вычету хозяйскому, и чтобы оный виновникъ за утрату хозяйскаго имѣнія отвѣтствовалъ своимъ капиталомъ, во всякомъ случаѣ, исключая своихъ родственниковъ, а другую половину артель принимаетъ на свой общій счетъ; буде же кому случится сдѣлать изъ насъ упущеніе или утрату хозяйскаго имѣнія въ гостинномъ дворѣ въ работѣ, то полагается съ онаго также половинное число, а другую половину принимаетъ артель на свой общій счетъ. Къ сему же прилагается: если кому случится жить у хозяина, то долженъ получать жалованья за каждый мѣсяцъ или за два мѣсяца, если же хозяинъ не будетъ платить жалованье, то долженъ о томъ объявить артели; если же хозяинъ не заплатитъ жалованья за какія либо ошибки, то взыскать съ онаго виновника и судить по совѣту артельскому.

9. Если кто поѣдетъ въ деревню, то съ онаго полагать до 30 дней по 43 к. с. за каждые сутки, а сверхъ 30 дней проживетъ въ деревнѣ, то съ онаго вычесть по 72 к. с. въ день; если же кто изъ насъ будетъ нездоровъ или по какой либо домашней нуждѣ, по необходимости, то съ онаго вычитать по 72 к. с. въ сутки до тѣхъ поръ, покуда въ артельскую работу, также квартирные, харчевые расходы вычитать съ онаго, а ему получать пайки съ прочими наравнѣ; если же кто сдѣлается нездоровъ, то съ онаго вычитается до 10 дней по 73 к. сер., т. е. долженъ поступить въ работу въ 11-й день; если же проѣздъ въ деревню, то съ онаго вычитается по 43 к. с. въ день, до 30 дней.

10. Буде же кому случится несчастный случай при работѣ артельской — повредитъ руку или ногу или что нибудь неудобное будетъ работать, то оному вспомоществовать артелью, свободныхъ 6 дней въ работу не ходить, а по прошествіи 6 дней, если нельзя будетъ работать, то долженъ о томъ объявить староста артели; буде же кому изъ насъ случится отворять кровь, то оному полагается свободныхъ два дня въ работу не ходить, а въ третій день выходить на биржу, а въ работу не вступать; если же кому изъ насъ день ангела, то оному полагается свободнымъ одинъ день; буде же кому изъ насъ пожелается пріобщиться, святыхъ Христовыхъ таинъ принять, то оному полагается свободныхъ три дня въ работу не ходить, прогуловъ не вычитать.

11. По согласію всей нашей артели, уложили мы сами между собою: если кому изъ насъ случится служить у хозяина на своихъ харчахъ, ходить будетъ на квартиру, съ таковыхъ будутъ брать на харчи изъ жалованья въ артель по 5 р. с. въ мѣсяцъ.

Хранить сіе условіе свято-нерушимо, къ сему условію подписуемся.

(слѣдуютъ подписи).

II.

УСЛОВІЕ БУРЛАЦКОЙ АРТЕЛИ О СПЛАВѢ РАСШИВЫ.

(1856 г.)

1856 г. іюля дня, въ Нижегородской Судоходной Расправѣ, мы нижеподписавшіеся показанные по реэстру (лоцманъ, водоливъ) и судорабочіе люди заключили сей договоръ съ Рыбинскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ѳедоровымъ Щаплеевскимъ въ томъ, что договорились мы за условленную съ нимъ Щаплеевскимъ цѣну, показанную у сего договора въ особомъ реэстрѣ, собственную его, Щаплеевскаго, расшиву, состоящую нынѣ Балахнинскаго уѣзда, при селѣ Никольскомъ Погостѣ, явясь на оную немедленно, къ сплаву убрать надлежащимъ образомъ къ низовому сплаву, и сплавить оную внизъ по рѣкѣ Волгѣ Николаевскаго уѣзда до села Балакова и тамъ, по сдѣланіи нами мостковъ, погрузить въ оную расшиву изъ показанныхъ хозяиномъ амбаровъ, разнымъ кулевымъ или насыпнымъ хлѣбомъ, количество онымъ хозяиномъ опредѣленное; по нагрузкѣ же того судна къ верховому ходу, взвести намъ оное вверхъ по рѣкѣ Волгѣ до города Рыбинска или пристаней онаго, съ наивозможною поспѣшностію, не просыпая безъ работы ни въ какомъ случаѣ утреннихъ и вечернихъ зорь, и притомъ въ работѣ сей долженъ онъ, хозяинъ, имѣть рабочихъ на его, поставщика Щаплеевскаго, суднѣ на каждую тысячу пудовъ груза по пяти человѣкъ; во время же слѣдованія судна всемѣрно намъ наблюдать, чтобъ по нерадѣнію или лѣности и пьянству одного или многихъ изъ насъ судно праздно не простаивало и отнюдь не подвергалось ни малѣйшей задержкѣ, а въ особенности, когда случится для ходу попутный благополучный вѣтеръ; равно и каждому изъ насъ судорабочихъ ни въ какія своевольства не вдаваться и быть въ полномъ послушаніи у него, хозяина Щаплеевскаго, или у того, кому та расшива отъ него поручена будетъ; при нанесеніи судна на мель или на каменистые грунты, должны мы немедленно оное снимать и слѣдовать вверхъ безъ промедленія, и ежели гдѣ-либо встрѣтится мелководіе, въ такомъ случаѣ погрузить намъ кладь съ означенной расшивы его, Щаплеевскаго, въ купленные или нанятые хозяиномъ Щаплеевскимъ паузки, за которыми ходить намъ, куда отъ него приказано будетъ, съ платою имъ на харчи каждому изъ насъ по 15 к. сер. въ день. Сверхъ того, если съ судномъ послѣдуетъ такое отъ потопа несчастіе, что не будетъ никакой возможности онаго спасти, въ такомъ случаѣ обязаны мы со всевозможнымъ стараніемъ привести оное къ берегу, воду изъ него отлить, кладь выгрузить на берегъ, на удобное и безопасное отъ воды и огня мѣсто, подмоченную пересушить, пересушенную же обратно погрузить въ то или другое судно и слѣдовать до мѣста назначенія, не требуя отъ хозяина за то никакой себѣ прибавки сверхъ условленной по реэстру ряды. Отъ огня имѣть намъ крайнюю осторожность, а потому и табаку отнюдь никому изъ насъ не курить; но если лоцманъ изъ насъ по какой-либо самонадежности въ попутный вѣтеръ, или въ другомъ какомъ бы то ни было случаѣ подвергнетъ судно отъ себя повреждению или совершенной гибели, то онъ и долженъ отвѣтствовать за свою вину по законамъ, мы же, если не будемъ участвовать въ его поступкѣ, то

за сіе и отвѣтствовать не должны; отъ нападенія воровъ и разбойниковъ судно хозяина и его капиталъ неослабно оберегать, подъ опасеніемъ каждому изъ насъ; если кто изъ насъ притворно захвораетъ, въ работѣ будетъ лѣнивъ или сварливъ, или отъ работы отлучится, или сбѣжитъ, или даже ежели что-либо хозяйское украдетъ, или захвораетъ, таковыхъ отъ худыхъ поступковъ и неповиновенія должны мы настоятельно удержать, къ побѣгу съ судна никого и ни въ какомъ случаѣ не допускать, а за неспособность и непослушаніе воленъ онъ, хозяинъ, нанимать на нашъ счетъ другихъ, за украденныя же кѣмъ либо изъ насъ у хозяина вещи должны мы платить нашею собственностію; по прибытіи же нашемъ съ судномъ Щаплеевскаго въ г. Рыбинскъ, судно поставить, а припасы на немъ, пересуша, убрать на показанное мѣсто и тогда съ хозяиномъ или его довѣреннымъ учинить разсчетъ, и по полученіи себѣ обратно паспортовъ быть отъ работы и обязанности по сему свободными; всю же вышеписанную работу на суднѣ производить на нашихъ харчахъ, на покупку которыхъ на нашъ счетъ обязанъ онъ, хозяинъ Щаплеевскій, при суднѣ имѣть достаточное количество денегъ, которыя, въ небытность свою при суднѣ, долженъ поручить, вмѣсто себя, своему посланному; больныхъ рабочихъ оставлять не иначе, какъ въ городѣ, селѣ, или деревнѣ или въ какомъ-либо другомъ жилищѣ, которыхъ и отдать на руки Начальнику или Старшему того мѣста, гдѣ будутъ оставлены, учинивъ съ ними законный разсчетъ, въ чемъ сей договоръ, ручаясь другъ по другѣ поруками, и дали и должны соблюсти предписанныя въ немъ обязанности во всей законной точности свято и ненарушимо. Въ томъ и подписуемся.

III.

УСЛОВІЕ РЕЙТАРСКАГО СЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ОБЪ ИСПОЛНЕНІИ ВОЛЬНОНАЕМНЫХЪ РАБОТЪ ПОМѢЩИЦѢ.

(1863 г.)

1863 г. іюня 17 дня, мы нижеподписавшіеся Пензенской губ. Инсарскаго уѣзда, Пятинско-Языковской волости, Рейтарскаго Сельскаго Общества г. Калачовой временно-обязанные крестьяне заключили сіе условіе съ уполномоченнымъ помѣщицы нашей Курляндскимъ купцомъ Карломъ Ивановымъ Якобсономъ въ томъ, что, для обезпеченія оброчной повинности до утвержденія данной по выкупной операціи и уплаты дополнительнаго платежа, обязуемся обработывать въ каждомъ изъ трехъ полей господскаго посѣва, сколько въ каждомъ окажется, равно и весь сѣнокосъ по цѣнамъ, какія значутся въ прилагаемомъ спискѣ полевыхъ работъ, на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

1) Помѣщица или ея повѣренный во всѣхъ своихъ требованіяхъ касательно работъ сносится съ работниками чрезъ сельскаго старосту или чрезъ выбраннаго обществомъ съ согласія помѣщицы одно-общественника.

2) На работы должны являться по первому требованію помѣщицы или ея повѣреннаго въ томъ количествѣ, какое будетъ затребовано, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы требуемое число работниковъ не превышало 30 человѣкъ мужскаго и 20 женскаго пола въ день, въ продолженіи каждой недѣли.

Примѣчаніе. Жнитво ржанаго хлѣба не должно продолжаться болѣе 10 дней.

3) Если въ назначенное время не выйдетъ полное количество требуемыхъ работниковъ или работницъ, и не явятся въ слѣдующій день для отработки, то помѣщица или ея повѣренный имѣетъ право нанять на счетъ общества вольныхъ работниковъ безъ ограниченія цѣны, объявляя объ этомъ сельскому начальству.

4) Дурно исполненныя работы должны быть передѣланы въ продолженіе не далѣе трехъ дней; если по свойству работъ это невозможно или же въ случаѣ уклоненія, помѣщица или ея повѣренный имѣетъ право не засчитывать эту работу.

5) Споръ объ негодности работъ разрѣшается третейскимъ судомъ, который долженъ состоятъ изъ помѣщицы, или ея повѣреннаго, и сельскаго старосты или ими выбраннаго третьяго лица; расходы по этому предмету падаютъ на счетъ виновнаго.

6) Помѣщица обязуется вести полевымъ работамъ ежедневный журналъ съ обозначеніемъ въ оном произведенныхъ обществомъ работъ, по мѣрѣ которыхъ и выдаются зачетныя въ счетъ оброка квитанціи; книга эта можетъ быть требована обществомъ для свѣрки съ таковою, которую оно должно вести въ Волостномъ Правленіи, если найдетъ это для себя нужнымъ.

7) Условіе это должно имѣть свою силу и обязанность для обѣихъ сторонъ, срокомъ считая съ 17 числа сего іюня до Святой Пасхи будущаго 1864 года.

Сіе условіе въ Пятинско-Языковскомъ Волостномъ Правленіи явлено и въ книгу подъ № 34 записано.

Мировой посредникъ Инсарскаго уѣзда 2-го участка Полковникъ Панчулидзевъ.

IV.

УСТАВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОЛЯРНОЙ АРТЕЛИ.

(1864 г.)

§ 1.

Цѣль Артели.

Цѣль С. Петербургской Столярной Артели состоитъ въ томъ, чтобы соединенными средствами небогатыхъ столярныхъ мастеровъ составить общее ихъ дѣло, въ пріемѣ заказовъ и сбытѣ своихъ издѣлій, безъ всякаго посторонняго посредства, распредѣляя между собою барыши и убытки, какіе при этомъ дѣлѣ произойти могутъ, и чтобы чрезъ то дать средства столярнымъ мастерамъ къ самостоятельности, а публикѣ къ пріобрѣтенію столярныхъ издѣлій изъ первыхъ рукъ.

Примѣчаніе. Учредители артели суть: **Иванъ Мельниковъ** (который далъ первый идею основанія этого предпріятія и внесъ въ основный капиталъ артели наличными деньгами 2000 р. сер.) и прочіе столярные мастера, въ числѣ 11 лицъ, которые вложили въ основный капиталъ мебелью 1245 р. серебромъ.

§ 2

Права и обязанности артели.

Артель имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ.

§ 3.

Артель подвергается платежу установленыхъ гильдейскихъ повинностей. Каждый же изъ членовъ, независимо отъ того, подчиняется лично за себя, не какъ членъ артели, а какъ мастеръ, общимъ правиламъ, установленнымъ для занимающихся мастерствомъ, какъ въ отношеніи записки въ цехъ, такъ и въ отношеніи вноса разнаго рода сборовъ (общественныхъ складовъ и пр.)

§ 4.

Средства артели.

Средства артели состоятъ: 1) изъ основнаго капитала, внесеннаго учредителями наличными деньгами и мебелью на сумму 3245 р. сер. (примѣчаніе къ § 1); 2) изъ запаснаго капитала, образуемаго: а) изъ взносовъ новыхъ членовъ, б) изъ штрафныхъ денегъ, и 3) изъ суммъ вырученныхъ за проданныя работы. Кромѣ того въ запасный капиталъ отчисляется часть изъ основнаго капитала, по усмотрѣнію общаго собранія артели, съ платежемъ на оную учредителямъ по 6% въ годъ, до выхода ихъ изъ артели.

§ 5.

Капиталы общества употребляются на закупку матеріаловъ, которые отпускаются только членамъ артели, а также на уплату мастерамъ за произведенныя ими работы, на наемъ магазина и проч. Матеріалы выдаются мастерамъ въ счетъ ихъ работъ, вмѣсто уплаты за оныя наличными деньгами.

§ 6.

Пріемъ членовъ, права и обязанности ихъ.

Число членовъ артели не ограничивается.

§ 7.

Каждый столярный мастеръ, съ согласія артели, можетъ быть принять въ число ея членовъ, для чего онъ предварительно записывается старостами артели въ кандидаты, съ платою по 3 р. сер. въ мѣсяцъ, до выбора въ члены артели.

§ 8.

Записавшіеся кандидаты, при первомъ полугодичномъ общемъ собраніи, баллотируются въ члены артели.

§ 9.

Члены артели обязываются исполнять уставъ во всей точности, для чего каждый изъ нихъ получаетъ экземпляръ сего устава.

§ 10.

Каждый вновь поступившій членъ обязывается, въ теченіи 7-ми дней по баллотировкѣ, внести въ артель 25 р. сер. вступныхъ денегъ.

§ 11.

Членъ артели имѣетъ право:

а) выставлять на продажу въ артельный магазинъ свои издѣлія, которыя принимаются старостами по оцѣнкѣ;

б) принимать участіе въ исполненіи артельныхъ заказовъ;

в) получать прибыли по расчету, согласно § 35;

г) пользоваться однимъ голосомъ въ общемъ собраніи;

д) въ особыхъ случаяхъ получать помощь отъ артели, по опредѣленію общаго собранія.

§ 12.

На обязанности членовъ лежитъ:

а) исполнять всѣ работы хорошо и по возможности дешево;

б) исполнять къ сроку заказы артели, съ платежемъ, въ противномъ случаѣ, за каждый просроченный день, штрафа 1% со стоимости вещи;

в) если принятый членомъ на сторонѣ заказъ будетъ такъ великъ, что не можетъ быть имъ самимъ исполненъ, то раздѣлять оный, по своему усмотрѣнію, между членами артели, и только въ случаѣ отказа членовъ отъ этой работы, передавать подобную работу постороннимъ мастерамъ;

г) выставить въ артельный магазинъ сработанной мебели, на сумму не менѣе 50 р. сер., въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ по поступленіи въ члены артели;

д) дѣлать поправки выставленныхъ въ магазинъ своихъ вещей, съ платежемъ, въ противномъ случаѣ, при отказѣ отъ тѣхъ поправокъ, слѣдующихъ за оныя денегъ другимъ членамъ артели, коими, по распоряженію старостъ, будутъ произведены таковыя поправки.

§ 13.

Никто изъ членовъ не можетъ выдавать скупленныя издѣлія за свою работу и выставлять ихъ въ артель; въ противномъ случаѣ виновный подвергается исключенію изъ артели, съ потерею права на причитающуюся ему прибыль.

§ 14.

Каждый членъ можетъ выйти изъ артели, во всякое время.

§ 15.

При выходѣ члена изъ артели наблюдается слѣдующее: каждый членъ получаетъ: 1) внесенныя имъ вступныя деньги обратно; 2) часть изъ возросшаго капитала артели, по расчету времени, которое онъ находился въ артели.

§ 16.

Если членъ состоитъ по счету должнымъ артели, то обязывается весь долгъ уплатить или наличными деньгами или принадлежащею ему мебелью, находящуюся въ магазинѣ, по выбору и оцѣнкѣ старостъ артели. — Остав-

шаяся такимъ образомъ мебель въ артели дѣлается ея собственностію и никто лично на нее притязаній никакихъ не можетъ имѣть.

§ 17.

Если выходящему члену артель окажется должною по счету, то уплата производится въ теченіи четырехъ недѣль.

§ 18.

Члену, который будетъ общимъ собраніемъ исключенъ изъ артели, окончательный расчетъ дѣлается на томъ же основаніи.

§ 19.

Въ случаѣ смерти члена артели, наслѣдники его получаютъ полный расчетъ съ артелью, въ томъ числѣ и вступные 25 р. сер. (§§ 10 и 15).

§ 20.

Вопросы о вспомоществованіи семейству умершаго члена, артель каждый разъ разсматриваетъ въ общемъ собраніи, пока не будетъ составленъ запасный капиталъ.

§ 21.

Кандидаты имѣютъ право выставлять въ артельномъ магазинѣ на продажу свои издѣлія, которыя оцѣниваются также старостами, съ вычетомъ послѣ продажи 10% со стоимости вещи въ пользу артели.

§ 22.

Кандидаты имѣютъ право на полученіе заказа изъ артели въ такомъ случаѣ, когда члены артели, занятые своими работами, не могутъ принимать ихъ болѣе.

§ 23.

Управленіе дѣлами артели.

Члены артели выбираютъ баллотировкою въ старосты изъ своей среды трехъ достойныхъ и способныхъ мастеровъ.

§ 24.

Исправленіе должности старосты обязательно для каждаго члена при выборѣ въ эту должность, за исключеніемъ случаевъ, означенныхъ въ ниже слѣдующемъ порядкѣ.

§ 25.

Старосты выбираются на шесть мѣсяцевъ; по истеченіи этого срока, выбывшіе старосты могутъ быть вновь избраны и въ такомъ случаѣ они уже имѣютъ право отказаться отъ этой должности.

§ 26.

Въ одно и тоже время не могутъ быть избраны въ старосты два брата.

§ 27.

Обязанности старостъ слѣдующія:

а) наблюденіе за порядкомъ веденія дѣла;

б) попеченіе о собственности артели и объ исправномъ веденіи книгъ и кассы, съ полною отвѣтственностію за неисправности и утраты;

в) пріемъ заказовъ, назначеніе цѣнъ и сроковъ онымъ и раздача принятыхъ заказовъ въ работу членамъ артели;

г) осмотръ и оцѣнка издѣлій, предназначенныхъ членомъ къ выставкѣ въ магазинъ артели, съ правомъ отказывать въ пріемѣ такихъ вещей, которыя будутъ сдѣланы дурно и небрежно;

д) избраніе и назначеніе служащихъ лицъ и доведеніе о семъ до свѣденія общаго собранія;

е) веденіе журналовъ общихъ собраній;

ж) назначеніе въ нужныхъ случаяхъ общихъ собраній.

§ 28.

Старосты не имѣютъ права, безъ согласія общаго собранія, входить въ какія либо денежныя обязательства отъ артели.

§ 29.

Старосты, оставляя свою должность, обязываются передать преемникамъ всѣ дѣла и книги въ должномъ порядкѣ.

§ 30.

Общія собранія.

Общія собранія артели бываютъ каждые 6 мѣсяцевъ; но старосты, въ нужныхъ случаяхъ, могутъ созывать членовъ артели для особыхъ совѣщаній. О днѣ общаго собранія объявляется каждому члену письменно.

§ 31.

Общее собраніе можетъ состояться только тогда, когда на лицо будетъ двѣ трети всего числа членовъ и кандидатовъ; неявившіеся члены считаются согласившимися съ рѣшеніемъ общаго собранія.

§ 32.

Всѣ предлагаемые въ общемъ собраніи вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ.

§ 33.

Въ началѣ собраній баллотируются кандидаты въ члены артели.

§ 34.

Всѣмъ постановленіямъ общаго собранія ведется журналъ, который скрѣпляется подписью присутствовавшихъ членовъ и затѣмъ приводится въ исполненіе старостами.

§ 35.

Раздѣленіе чистой прибыли.

Каждый годъ въ іюнѣ мѣсяцѣ составляется годовой отчетъ, который представляется старостами общему собранію; при этомъ, по исключеніи всѣхъ долговъ и расходовъ, чистая прибыль или убытокъ распредѣляются между членами, сообразно суммъ проданныхъ и заказанныхъ на каждаго вещей. — Правилу этому подчиняется и учредитель Мельниковъ въ отношеніи внесеннаго имъ основнаго капитала.

Примѣчаніе. Отчетъ артели печатается, по утвержденіи общимъ собраніемъ, въ газетѣ или журналѣ, издаваемыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 36.

Время выдачи прибыли опредѣляется общимъ собраніемъ.

§ 37.

Членъ артели можетъ оставить слѣдующую ему къ выдачѣ прибыль въ капиталѣ артели, пользуясь при томъ извѣстными процентами, опредѣленными общимъ собраніемъ.

§ 38.

Закрытіе артели.

Въ случаѣ признанной необходимости, общее собраніе постановляетъ приговоръ о прекращеніи дѣйствій артели и за тѣмъ выводится общій балансъ; при чемъ оказавшійся барышъ или убытокъ распредѣляется на всѣхъ членовъ. — О ликвидаціи дѣлъ артели объявляется въ газетахъ и доводится до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 29.

Вышеизложенныя правила могутъ быть измѣняемы сообразно дальнѣйшему развитію дѣла; измѣненія эти опредѣляются общимъ собраніемъ и на введеніе ихъ въ уставъ испрашивается разрѣшеніе Правительства.

V.

УСЛОВІЕ КРЕСТЬЯНЪ СЕЛА ПОНОМАРЕВА СЪ ДЕРЕВНЯМИ ОБЪ ЯЩИЧНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ (1851 г. ноября 12).

Мы нижеподписавшіеся Ярославской губерніи, онаго же и уѣзда, княгини Оболенской и г-жи Марковой села Пономарева съ деревнями: деревни Подвязнова, Филина, Иванкова и Полчанинова, при собраніи всемірскаго схода общаго обѣихъ вотчинъ, всѣ крестьяне, вотчинные бурмистры: княгини Оболенской деревни Филина Зосимъ Демидовъ, равно и старшины той же вотчины и деревни Сава Меркурьевъ Шустовъ и деревни Подвязнова Алексѣй Николаевъ Каракинъ и вотчины г-жи Марковой деревни Иванкова бурмистръ

Меркуръ Павловъ Лисенковъ, равно и старшины села Пономарева Осипъ Васильевъ, деревни Иванкова Гаврила Тимоѳеевъ и деревни Полчанинова Павелъ Аѳонасьевъ Жихаревъ, и обѣихъ вотчинъ всѣ крестьяне, бывъ на мірскомъ общемъ сходѣ, сдѣлали между собою условіе сіе и раздѣлили хозяевъ *) по нашему мастерству ящичному:

Вотчины кн. Оболенской бурмистръ Зосимъ Демидовъ и старшины и всей вотчины крестьяне взошли по Ярославлю въ ящики бѣлильные: 1) къ Сорокину (купцу); 2) къ Урядову; 3) въ свѣчной рядъ; 4) въ овощный рядъ: валить имъ бѣлильные ящики; 5) синечные **) и 6) суричники ***) въ Ярославль валить къ купцамъ Дылеву и Корелину, подъ лакъ, и Гнуздеву.

А на вотчину г-жи Марковой бурмистръ Меркулъ Павловъ и старшины и всѣ крестьяне взошли по Ярославлю въ бѣлильные ящики: 1) къ Вахромѣеву; 2) къ Оловяничникову; 3) къ Угрюмову. Напиточные ящики по Ярославлю валить имъ же купцамъ Соболеву, Серебренникову, Ельцову, Балову, Матвѣевскому и прочимъ хозяевамъ, которые имѣютъ напиточные погреба, валить всѣмъ развозные по винной конторѣ и бронзовые, конфектные, табачные и подъ господскія шляпки въ магазинъ. А свѣчные ящики валить Марковскимъ, тоже и цикорные, въ Кострому, въ Романовъ, Пошехонье и въ село Давыдково, и столярные гробы на часть Марковой.

Въ Ростовъ, г. Угличь и торговыя села Порѣчье, Вощажниково и Великое село валить обѣимъ вотчинамъ по раздѣлу хозяевъ, или по уравненію возовъ, много ли тяголъ въ обѣихъ вотчинахъ найдется. Мѣру всѣмъ какъ одну дѣлать, ровную, не болѣе, не менѣе 1 аршинъ длины, ширины 10 вершковъ, вышины 7 вершковъ.

Чужимъ хозяевамъ ящики не валить по сему условію, бродягами не ѣздить, а ежели кто свалитъ, тотъ будетъ судимъ, собравшись обѣ вотчины, при мірскомъ обществѣ строго наказанъ, или въ земской полиціи обоими вотчинными старостами и при всѣхъ старшинахъ обѣихъ вотчинъ; потому положено на бродягу штрафъ серебромъ 10 руб. непремѣнно взять, изъ оброчной его платы вычесть оный штрафъ безъ всякой пощады. Условіе сіе утверждается на 3 года, на 1852, 1853 и 1854 года, съ приложеніемъ старостами господскихъ печатей и за подписаніемъ нашихъ рукъ. Хранить сіе условіе свято, нерушимо предъ Богомъ и между собой.

*) Т. е. купцовъ, заказывающихъ работу.
**) Т. е. для синьки.
***) Для сурика.

О лѣсопромышленности по рѣкѣ Унжѣ и о строеніи близъ г. Кологрива гусянокъ.

Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ этой статьѣ, собраны въ Кологривѣ въ 1857-мъ году отъ судорабочихъ и впослѣдствіи пополнены замѣчаніями лѣсовладѣльцевъ и лѣсоторговцевъ, которымъ я сообщилъ, для повѣрки, собранные мною матеріалы.

Считаю не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о важности рѣчныхъ сообщеній въ Россіи и представить общія замѣчанія о нашихъ рѣчныхъ судахъ и судоходствѣ.

Между тѣмъ какъ сѣверныя и восточныя наши границы омываются сплошь океанами, впрочемъ въ настоящее время почти безъ всякой пользы для народной жизни — на западѣ и югѣ, именно тамъ, гдѣ правительственная и общественная дѣятельность проявляются во всей силѣ и разнообразіи, — предѣлы Россіи состоятъ изъ большихъ сухопутныхъ линій. Только незначительною частію прикасаются они къ Балтійскому и Черному морямъ, связывающимъ наше государство съ морскою всемірною торговлею и составляющимъ оконечности морскаго пояса, охватывающаго западную Европу. Я не упоминаю о небольшомъ внутреннемъ морѣ Каспійскомъ, совершенно отдѣленномъ отъ системы океановъ. Оно служитъ единственно для нашихъ сношеній съ Персіею и Среднею Азіею, и въ этомъ смыслѣ будетъ вѣроятно имѣть, со временемъ, по неотъемлемому праву своего превосходнаго географическаго по-

ложенія, первостепенную важность въ судьбахъ Россіи и сопредѣльныхъ азіатскихъ странъ.

По взаимной отдаленности и отдѣльности морей, по огромному протяженію рѣкъ, по недостаточности желѣзныхъ дорогъ, а также по несовершенству и неокончательному еще устройству другихъ путей, — рѣки составляютъ у насъ, въ полномъ смыслѣ, главныя артеріи, по которымъ переливается производительная дѣятельность народа. Поэтому, нѣтъ ни одного значительнаго государства, гдѣ внутреннія водяныя сообщенія имѣли бы болѣе важное значеніе, какъ въ Россіи. Замѣтимъ, что для провоза нашихъ сырыхъ, громоздкихъ и малоцѣнныхъ продуктовъ, водяныя сообщенія имѣютъ такія преимущества, съ которыми не могутъ соперничать даже желѣзныя дороги. Такъ напр., доставка хлѣба, на каждыя 1000 верстъ, обходится: по желѣзной дорогѣ болѣе 50 к. с., а водою менѣе 20 к. с. съ пуда. Сверхъ того, водою въ одну навигацію перевозятся такія массы грузовъ, которыхъ невозможно перевезти по желѣзной дорогѣ въ теченіи цѣлаго года. Еслибъ Россія была покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ и прекраснѣйшихъ шоссе, то и въ такомъ случаѣ мы бы не могли обойтись безъ водяныхъ сообщеній.

При всей неоспоримой важности рѣчныхъ путей, мы обращали на свое рѣчное судоходство и судостроеніе весьма недостаточное вниманіе. Въ Петербургѣ существовало училище торговаго мореплаванія, хотя, какъ извѣстно, морская наша торговля производится преимущественно на иностранныхъ корабляхъ; но еще не было ни одного учебнаго заведенія для теоретическаго и практическаго преподаванія искусства рѣчнаго судоходства и судостроенія и даже, до 1854-го года, не было въ печати ни одного сочиненія, исключительно посвященнаго подробному изслѣдованію и описанію этихъ двухъ важныхъ предметовъ, цвѣтущее состояніе которыхъ должно благотворно подѣйствовать на развитіе общественнаго благосостоянія. Въ 1854-мъ году, вѣдомство путей сообщенія предприняло изданіе «Судоходнаго дорожника Европейской Россіи» и обнародовало первую часть, въ которой описана нижняя Волга отъ

Рыбинска до Астрахани. Въ этой книгѣ обращено преимущественное вниманіе на описаніе рѣчнаго фарватера, а также на разстоянія, пристани, береговыя поселенія и на движеніе судоходства; но свѣдѣнія о постройкѣ и размѣрахъ судовъ, о способахъ и пріемахъ судоходства, далеко не столько удовлетворительны, сколько свѣдѣнія чисто гидрографическія и маршрутныя. Да и въ послѣднемъ отношеніи есть пропуски; наприм. хотя на каждой верстѣ показана глубина меженной воды, но вовсе не объяснено въ которомъ году и мѣсяцѣ и одновременно ли была измѣрена глубина. А извѣстно, что какъ направленіе, такъ и глубина Волжскаго фарватера чрезвычайно непостоянны и съ каждымъ годомъ болѣе или менѣе измѣняются. По замѣчаніямъ Волжскихъ лоцмановъ, которымъ я показывалъ эту книгу, въ ней не обозначены мѣста, удобныя для зимовки судовъ, что было бы весьма полезно для судохозяевъ и вообще она не можетъ служить справочною и настольною книгою для лоцмановъ и судохозяевъ, чего и не имѣли, вѣроятно, въ виду ея составители. Явно, что на способы судоходства и судостроенія было обращено въ судоходномъ дорожникѣ менѣе вниманія, нежели на прочія части этого, безъ сомнѣнія, весьма полезнаго изданія.

Не смотря на ежегодное размноженіе пароходовъ, ихъ число совершенно ничтожно въ сравненіи съ парусными, бичевыми и завозенными судами, на которыхъ перевозится главнѣйшая часть груза. На Волгѣ, гдѣ всего болѣе развито пароходство, считается около 150 пароходовъ, а судовъ парусныхъ и бичевныхъ, по меньшей мѣрѣ, — до 6,000. Редакція журнала «Морской сборникъ» напечатала въ 1859-мъ году книгу г. Богословскаго: «о купеческомъ судостроеніи въ Россіи», съ чертежами и рисунками судовъ. Но свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой статьѣ, еще недостаточно полны. Было бы весьма полезно изслѣдовать и описать съ возможною полнотою и точностію: 1) особенно замѣчательныя, въ отношеніи къ судоходству и торговому движенію, рѣки и озера Европейской Россіи и Сибири; 2) способы и пріемы судоходства, цѣнность и скорость провоза, наемъ рабочихъ, состояніе приста-

ней и зимовокъ, нагрузки и разгрузки, полицейское вмѣшательство и пр. и 3) строеніе судовъ, приложивъ, разумѣется, къ описаніямъ точные планы и рисунки. Къ этимъ описаніямъ можно бы присоединить замѣчанія авторовъ и сужденія мѣстныхъ жителей о возможныхъ улучшеніяхъ. Рядъ подобныхъ статей могъ бы служить матеріаломъ для систематическаго описанія нынѣсуществующаго въ народѣ судоходства и судостроенія и для составленія какъ тому, такъ и другому руководства, основаннаго на наукѣ и на сравненіи съ рѣчными судами другихъ странъ и примѣненнаго къ разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ и къ особенностямъ климата и рѣкъ. Во всякомъ важномъ и обширномъ дѣлѣ, явно требующемъ исправленія, необходимо, прежде всего, внимательное изученіе настоящаго порядка, чтобы потомъ, на основаніи полныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній, можно было принять не на угадъ, но совершенно сознательно, примѣнимыя и, по возможности, безошибочныя мѣры къ улучшенію. Безъ этого предварительнаго приготовленія, многія мѣры, по видимому хорошія, могутъ на дѣлѣ оказаться непрактичными или безсильными. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ, кореннымъ измѣненіямъ въ судоходствѣ и судостроеніи должно предшествовать изученіе существующаго порядка и причинъ, по которымъ онъ установился именно въ этомъ видѣ, а не въ другомъ. Различныя свойства рѣкъ и озеръ, господствующіе вѣтры и другія мѣстныя (физическія, экономическія и коммерческія) условія имѣютъ свою долю вліянія на форму, размѣры, оснастку и постройку судовъ, хотя, конечно, еще болѣе важное вліяніе имѣютъ обычаи и старые, укоренившіеся примѣры, а также невѣжество и неимѣніе въ виду хорошихъ образцовъ. Открытіе на Волгѣ въ 1820-мъ году пароходства и строеніе пароходныхъ баржей имѣли, безъ сомнѣнія, вліяніе на образованіе порядочныхъ судовыхъ мастеровъ и на улучшеніе судоходства и судостроенія, — тѣмъ не менѣе послѣднее находится еще въ весьма грубомъ состояніи. Обстоятельныя описанія судовъ откроютъ разнообразіе судовыхъ построекъ и послужатъ къ выводамъ, которыя будутъ весьма полезны въ практическомъ отношеніи: окажется, что не

все придется измѣнять; то, что обусловлено необходимостію, отдѣлится само собою отъ того, что существуетъ по совершенному невѣжеству строителей. Многое, хотя и дурное, придется оставить до времени, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя прежде всего понадобится устранить, а потомъ уже ввести измѣненіе...

Плавающія по Волгѣ парусныя и бичевныя суда строятся отчасти на Волжскихъ пристаняхъ и частію выплываютъ въ эту рѣку изъ Камы, Ветлуги, Костромы, Унжи, Оки, Мокши и другихъ бо́льшихъ притоковъ. Строеніе судовъ зависитъ отъ соображеній судохозяевъ и подрядчиковъ и исполняется по мѣстнымъ обычаямъ. Въ нижнемъ плёсѣ Волги, между Рыбинскомъ и Астраханью, можно насчитать до 25 видовъ судовъ и, сверхъ того, въ низовьяхъ Волги, при самыхъ устьяхъ, есть рѣчныя суда особой конструкціи, способныя и для морскихъ плаваній. Въ верхнихъ плесахъ, выше Рыбинска, есть также нѣсколько особыхъ видовъ; вообще суда, плавающія въ этихъ плесахъ, отличаются мѣньшими размѣрами противъ низовыхъ судовъ, и потому послѣднія не поднимаются выше Рыбинска, гдѣ товары, слѣдующія вверхъ, перегружаются на верховыя суда. Напротивъ того, многія верховыя суда плаваютъ и по нижней Волгѣ, а потому именно на нижнихъ плесахъ можно видѣть все разнообразіе судовыхъ построекъ. Вотъ главнѣйшіе виды судовъ, здѣсь плавающихъ:

а) Плоскодонныя суда: гусянки, ладьи, мокшаны, суряки, коломенки, барки, полубарки, межеумки, коноводки или конныя машины и конныя ладьи;

б) Съ болѣе или менѣе закругленнымъ дномъ: росшивы, дощаники (есть и плоскодонные дощаники), кладнушки, лодки, завозни росшивныя, завозни машинныя (т. е. при коноводкахъ), тихвинки, асланки, кусовыя лодки, парусныя конныя, сибирскія лодки, бѣлозерки и росшивныя барки. Сюда можно причислить пароходныя баржи. Росшивы, парусныя конныя, дощаники, кладныя и лодки имѣютъ паруса; прочія суда не имѣютъ парусовъ и тянутся вверхъ только буксиромъ, подачею и на бичевѣ.

Чтобъ изучить основательно строеніе судовъ, — недостаточно

видѣть ихъ на Волгѣ; непремѣнно слѣдуетъ быть на тѣхъ пристаняхъ, гдѣ онѣ строятся. Именно на мѣстахъ, отъ самихъ строителей, можно получить подробности, часто вовсе неизвѣстныя ни бурлакамъ, ни судохозяевамъ.

Всѣ суда строятся обыкновенно изъ сыраго лѣса. Многіе ихъ виды отличаются грубою и непрочною работою, глубокимъ осадкомъ и, слѣдовательно, чрезвычайною медленностію хода и неповоротливостію. Лучшія и самыя прочныя суда, именно росшивы и мокшаны, служатъ обыкновенно девять и десять водъ, т. е. навигацій, и изрѣдка могутъ прослужить двѣнадцать водъ. За недостаткомъ пильныхъ мельницъ въ мѣстахъ, гдѣ строятся суда, огромныя бревна, служащія для постройки, обтёсываются топорами въ толстыя доски. Какая бездна лѣснаго матеріала, при недолговѣчности судовъ и топорной ихъ обдѣлкѣ, истребляется совершенно напрасно. Замѣтимъ еще, что на судостроеніе и другія потребности вырубаются безрасчетливо береговые лѣса, которые бы слѣдовало сохранять какъ драгоцѣнные и незамѣнимые водяные питомники большихъ и малыхъ Волжскихъ притоковъ. Уменьшеніе береговыхъ лѣсовъ должно, безъ сомнѣнія, ускорить совершающееся на нашихъ глазахъ постепенное обмеленіе Волги и другихъ рѣкъ.

Судорабочіе, по большей части, крестьяне, сооружаютъ большія и малыя рѣчныя суда почти также, какъ рубятъ избу: по старинѣ. Если вводятся улучшенія, то развѣ мѣстныя, случайныя, пріобрѣтаемыя рядомъ неудачъ или личною сметливостію.

Мнѣ сказывали, что одинъ англоамериканецъ, посѣтившій Нижній Новгородъ, замѣтилъ весьма справедливо, что введеніе на нашихъ судахъ парусной системы, въ родѣ той, какая принята для американскихъ рѣчныхъ судовъ, было бы благодѣтельною мѣрою для нашего судоходства и торговли, ибо увеличило бы быстроту сообщеній, что̀ на Волгѣ, гдѣ, по холодному климату, судоходство можетъ продолжаться не болѣе шести мѣсяцевъ, чрезвычайно важно. Отъ медленности сообщеній страдаетъ торговля. Случается, что суда не успѣваютъ сдѣлать даже одной дальней путины и принуждены зимовать не достигнувъ пристани. Разумѣется, это имѣетъ

вліяніе и на цѣнность провоза. Доставка товарнаго груза отъ Нью-Іорка до Манчестера, около 3000 морскихъ миль или болѣе 5000 верстъ, на пароходѣ, на что довольно трехъ недѣль, обходится не дороже 12 к. сер. съ пуда, а за доставку напр. хлѣба, на пуадебартовской коноводкѣ или на бичевѣ, отъ Саратова до Казани, 903 версты, что продолжается нерѣдко пять и шесть недѣль, надо заплатить отъ 10 до 15 к. сер. съ пуда. Прибавимъ къ этому и то обстоятельство, что между тѣмъ какъ плаваніе по океану совершается силою пара, съ малымъ экипажемъ, громадная и безобразная коноводка или бичевное судно едва движутся помощію лошадей или многолюдными артелями бурлаковъ, изнуряемыхъ убійственной для здоровья и унизительной работой, болѣе приличной для вьючнаго животнаго, чѣмъ для человѣка. Въ государствѣ малонаселенномъ, какова Россія, это отвлеченіе народа отъ другихъ производительныхъ занятій, особенно въ лѣтнюю, самую рабочую пору, несогласно съ экономическимъ распредѣленіемъ производительныхъ силъ.

Проѣзжая недавно изъ Петербурга въ Москву, по желѣзной дорогѣ, я имѣлъ случай слышать разсказъ одного Тверскаго купца о такъ называемыхъ «черныхъ лодкахъ», служащихъ для движенія грузовъ между Рыбинскомъ, Тверью, Старицею и Ржевомъ. Привожу этотъ разсказъ потому, что онъ даетъ понятіе о печальномъ положеніи нашего рѣчнаго судоходства.

Строеніемъ черныхъ лодокъ занимаются крестьяне Осташковскаго уѣзда. Накопивъ небольшія деньжонки, крестьянинъ берется за топоръ, нанимаетъ подешевле плотниковъ, и принимается за работу. На грубую, непрочную и небрежную постройку черной лодки употребляется лѣсъ какой ни попало, безъ всякаго разбора *). Она имѣетъ плоское дно и бока съ отваломъ, какъ у росшивы, крѣпится кое-какъ деревянными гвоздями и поднимаетъ груза до 4200 пудовъ. Новая лодка, такимъ образомъ выстроен-

*) Когда черная лодка строится по заказу, то работается тщательнѣе и изъ хорошаго матеріала.

ная, продается за 100 р. с., а старую, прослужившую годъ или два, можно купить за 20 р. сер. и даже за 15 р. сер., особенно въ то время, когда нѣтъ значительнаго движенія товаровъ и, слѣдовательно, на лодки нѣтъ большаго требованія.

Едва успѣетъ на Волгѣ пройдти весенній ледъ, — черныя лодки сплавляются изъ Тверскихъ пристаней въ Рыбинскъ, по большой части порожнемъ. Изъ Рыбинска онѣ поднимаются съ хлѣбомъ и мукою, обратно, въ Тверь, и частію доходятъ до Старицъ и до Ржева. Въ первую, самую большую весеннюю воду, черныя лодки грузятся на 14 вершковъ (также какъ и соминки) и слѣдуютъ изъ Твери до Рыбинска, на конной бичевѣ, дней 14 или 15. Надо замѣтить, что отъ Рыбинска въ верховыя пристани всѣ бичевныя суда тянутся лошадьми, при которыхъ есть погоняльщики; но бурлаковъ нѣтъ: бурлацкій промыселъ производится только между Астраханью и Рыбинскомъ. Во 2-ю воду, въ іюлѣ мѣсяцѣ, лодки грузятся въ Рыбинскѣ вершковъ на 12 и слѣдуютъ въ Тверь не торопясь, дней 20. Въ третью воду, предъ окончаніемъ навигаціи, ихъ грузятъ вершковъ на 11 и тянутъ съ возможною поспѣшностію, нанимая нерѣдко добавочныхъ лошадей, чтобы лодки успѣли придти въ Тверь и не зазимовали на пути; рейсъ продолжается не болѣе 12 дней.

По непрочности постройки, при всякомъ столкновеніи съ другимъ судномъ, черная лодка разбивается и тонетъ; тоже бываетъ, когда она попадетъ на мель, съ которой ее нельзя снять.

Хлѣбъ, доставленный въ весеннюю водополь, на черныхъ лодкахъ, въ Ржевъ, перевозится отсюда, сухимъ путемъ, 120 верстъ, на рѣку Бѣлую, гдѣ его грузятъ на струги, отличающіеся прочною постройкою и поднимающіе до 7000 пудовъ груза. Окрестности Ржева обильны лѣсами и лѣсной матеріалъ очень дешевъ, а потому порожнія черныя лодки не продаются въ Ржевѣ даже на сломъ; нѣкоторыя возвращаются порожнемъ въ Тверь; но случается не рѣдко, что хозяинъ, выбравъ изъ лодки судовую снасть, самую лодку бросаетъ на берегу, на произволъ судьбы, разсчитывая, что лодка не стоитъ того, что будетъ издержано на ея сплавъ.

Въ Старицѣ, хозяева черныхъ лодокъ, по сдачѣ привезеннаго изъ Рыбинска товара, нагружаютъ свои суда Старицкимъ бѣлымъ камнемъ *).

Нагрузка одной лодки камнемъ обходится хозяину около 50 р. с., а въ Твери онъ продаетъ свой грузъ почти вчетверо дороже. Разсчитывая на барыши отъ доставки камня и не заботясь о сбереженіи дешевой лодки, судохозяинъ, имѣющій нѣсколько лодокъ, грузитъ на каждую до 8000 пудовъ камня, т. е. почти вдвое противъ того, что она обыкновенно поднимаетъ. Нагруженныя такимъ образомъ лодки, плывя по теченію, въ весеннюю водополь, сидятъ въ водѣ вровень съ краями. Въ туманное время и въ сумерки онѣ не смѣютъ идти и становятся на якорь. На каждой лодкѣ по одному, а иногда по три и по четыре рабочихъ. Находясь постоянно въ ожиданіи какого нибудь несчастія, они имѣютъ на готовѣ одинъ или два челнока. Стоитъ черной лодкѣ столкнуться съ какимъ нибудь дощаникомъ — и лодка немедленно тонетъ, уходитъ ко дну разомъ какъ ключъ, такъ что на водѣ образуется на мгновеніе воронка. Если рабочіе замѣшкаются и, бросившись въ челноки, не тотчасъ отплывутъ, — то ихъ опрокидываетъ.

Управлять черной лодкой, нагруженной камнемъ, почти невозможно: она идетъ куда уноситъ ее теченіе. Однажды, въ сильное полноводье, какую-то лодку съ каменнымъ грузомъ занесло въ садъ помѣщика. Она ударилась объ оранжерею и тутъ же разсѣлась и пошла ко дну, засыпавъ и переломавъ строеніе.

Нагружая такимъ образомъ старую, негодную лодку, судохозяинъ имѣетъ вѣрный расчетъ. Положимъ, у хозяина въ Старицѣ 5 лодокъ, которыхъ нагрузка камнемъ обойдется ему 250 р. сер., а въ Твери онъ надѣется за нихъ выручить до 1000 р. сер. Положимъ, что изъ 5 нагруженныхъ лодокъ потонетъ въ пути одна, даже двѣ. Въ такомъ случаѣ, хозяинъ лодки въ убыткѣ не будетъ

*) Этотъ камень известковый. Онъ обжигается на извѣсть и, сверхъ того, по своей плотности, употребляется вмѣсто плиты. Ведущая къ собору, по скату горы, лѣстница, городскія кузницы и нижніе этажи многихъ домовъ въ Старицѣ выстроены изъ этого камня.

и получитъ отъ продажи остальныхъ лодокъ болѣе чѣмъ рубль на рубль. А какой мужикъ разсчитываетъ на неудачу; у него въ головѣ только барыши. Потонувшая лодка можетъ засорить фарватеръ и препятствовать судоходству; но мужику нѣтъ дѣла ни до фарватера, ни до безпрепятственнаго плаванія чужихъ судовъ. Не одни мужики, но и купцы точно также ведутъ свои расчеты. Изъ Рыбинска въ Тверь ходятъ соминки, которыя несравненно надежнѣе черныхъ лодокъ, а потому хозяева соминокъ берутъ за провозъ клади, разумѣется, дороже чѣмъ хозяева черныхъ лодокъ. Соминки бываютъ или малыя «канавныя», поднимающія отъ 1100 до 1300 пудовъ, или большія, поднимающія столько же клади, сколько черныя лодки, и имѣющія одинаковый осадокъ.

Когда надо везти изъ Рыбинска въ Тверь или въ Ржевъ зерновой хлѣбъ, который боится подмочки, то купцы нанимаютъ надежнаго судохозяина и грузятъ свой товаръ на соминки. Если же купецъ отправляетъ кулевой хлѣбъ, т. е. муку, то нанимаетъ какого ни попало судовщика; кто подешевле, съ тѣмъ и по рукамъ, и потому кулевой хлѣбъ идетъ, по большой части, на черныхъ лодкахъ. При отправленіи большой партіи хлѣба, малая разница въ цѣнѣ провоза, даже $^1/_4$ процента, составляетъ въ итогѣ значительную сумму. Если черная лодка съ кулевымъ хлѣбомъ затонетъ, кули можно повытаскать и муки попортится немного, — только прилегающій къ кулю верхній слой, который, слипнувшись отъ воды, предохраняетъ муку внутри куля отъ подмочки. Такимъ образомъ купцы и хозяева мучныхъ грузовъ поступаютъ совершенно также, какъ мелочные перевощики малоцѣннаго известковаго камня.

Въ заключеніе считаю не излишнимъ представить, въ главныхъ чертахъ, очеркъ Волжскаго судоходства между Рыбинскомъ и Астраханью.

Во время весеннихъ разливовъ, по Волгѣ могутъ безпрепятственно плавать самыя глубокія и неуклюжія суда. Но въ межень эта рѣка представляетъ мѣстами большія препятствія для судоходства *).

*) См. Судоходный дорожникъ Европейской Россіи, часть 1-я.

Отъ Рыбинска до Ярославля, на 70 верстахъ, хотя нѣтъ ни мелей, ни подводныхъ камней, но вообще фарватеръ недостаточно глубокъ.

Между Ярославлемъ и Костромой, на 75 верстахъ, 5 мелей и одна каменная гряда, т. е. по одному препятствію на $12^1/_2$ верстъ. Здѣсь самая затруднительная мель — Густомѣсовская, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ самою опасною мелью была Овсяниковская.

Между Костромой и Нижнимъ Новгородомъ, на 305 верстахъ, 13 милей и двѣ каменныя гряды или по одному препятствію на $20^1/_3$ верстъ.

Между Нижнимъ и Казанью, на 381 верстѣ, 11 мелей, или по одной на каждыя $34^1/_3$ версты.

Между Казанью и Симбирскомъ, на 232 верстахъ, 2 мели, т. е. по одной на 116 верстъ.

Отъ Симбирска до самой Астрахани, на протяженіи 1552 верстъ, суда плаваютъ во всякую пору, безъ затрудненія, и хотя между Саратовомъ и Чернымъ Яромъ есть двѣ мели и, въ одномъ мѣстѣ, подводные камни, но, по глубинѣ фарватера, онѣ не препятствуютъ ходу судовъ.

Отъ Астрахани до выхода въ море, на 105 верстахъ, есть четыре переката, чрезвычайно затрудняющіе плаваніе.

Особенно затруднительныя мели находятся около Нижнаго Новгорода: Подновье, Телячій бродъ и Керженцы. Онѣ открываются въ іюнѣ мѣсяцѣ и разгрузка или паузка судовъ на каждой мели продолжается дней по 8.

1854-й годъ былъ неблагопріятенъ для Волжскаго судоходства. Въ губерніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ Окѣ и верхней Волгѣ, было мало дождей и потому воды Оки и Волжскаго плеса до устья Камы, — были не высоки. Къ счастію, въ Камскихъ губерніяхъ было дожливое лѣто и потому Кама, значительнымъ притокомъ своихъ водъ, подпирала воду верхней Волги и не позволяла ей «скатиться», какъ выражаются судовщики. Еслибъ не это обстоятельство, то, по чрезмѣрному мелководью, плаваніе большихъ судовъ въ верхней Волгѣ было бы почти невозможно. Къ

открытію Нижегородской ярмарки, мелководье верхней Волги, до впаденія въ нее Камы, достигло высшей степени. Громадныя коноводки съ своими неуклюжими подчалками и нѣкоторыя глубокія суда, пытавшіяся, для избѣжанія потери времени и сокращенія денежныхъ расходовъ, «протереться чрезъ мели», не разпаузившись достаточно, какъ бы слѣдовало, сѣли на перекатахъ, загородили фарватеръ и остановили слѣдовавшія за ними суда. Такимъ образомъ, на Телячьемъ бродѣ множество судовъ, слѣдовавшихъ въ Нижній Новгородъ, — были задержаны на нѣсколько недѣль, а нѣкоторыя суда вовсе не поспѣли на ярмарку, хотя закрытіе ея было отсрочено, по поводу замедленія судоходства, на двѣ недѣли. Многіе хозяева грузовъ нанимали извощиковъ за дорогую цѣну и перевозили свои товары на ярмарку сухимъ путемъ. Судохозяева и купцы громко обвиняли чиновниковъ волжской администраціи за безпорядки, допускавшіеся на перекатахъ. Извѣстно, что Волга раздѣлена на нѣсколько дистанцій. Дистанціонные чиновники обязаны, между прочимъ, наблюдать, чтобы суда, проходящія чрезъ мели, во 1-хъ, соблюдали очередь, а во 2-хъ, разгружались соразмѣрно съ глубиною фарватера, который долженъ быть обозначенъ знаками. Къ сожалѣнію, при исполненіи этихъ обязанностей, вкрадывались потворство и неисправности. Проѣзжая въ іюнѣ 1854 года по Волгѣ, я почти нигдѣ не видалъ знаковъ, обозначающихъ фарватеръ. Въ мѣстахъ сомнительныхъ и опасныхъ, мы плыли, такъ сказать, ощупью. Пароходъ высылалъ впередъ лодку для промѣра и на самомъ пароходѣ безпрестанно измѣряли глубину посредствомъ «наметки» или шеста. Не смотря на всѣ эти предосторожности, мы нѣсколько разъ, прежде нежели достигли устья рѣки Камы, садились на мель.

Небрежность и дурное состояніе судоходства и судостроенія, а также неполнота обнародованныхъ, по этимъ предметамъ, свѣдѣній внушили мнѣ мысль приготовить изъ собранныхъ мною матеріаловъ нѣсколько статей о волжскихъ судахъ, судоходствѣ и бурлацкомъ промыслѣ.

Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ этой статьѣ, о лѣсопромышленности

и строеніи гусянокъ, собраны мною, какъ я уже замѣтилъ, въ Кологривѣ, въ 1857 году. Съ тѣхъ поръ многое, особенно по лѣсохозяйству и лѣсопромышленности измѣнилось, а потому замѣтки мои имѣютъ интересъ болѣе историческій, нежели современный. Тѣмъ не менѣе онѣ заслуживаютъ вниманія потому, что знакомятъ съ тѣмъ порядкомъ промышленности, который существовалъ еще недавно.

Дорога отъ Галича къ Кологриву лѣсистая; въ особенности съ половины дороги, именно отъ посада Парфентьева, окруженнаго превосходными боровыми лѣсами, тянутся длинные лѣсные волоки. Послѣдній къ Кологриву волокъ, по прозванію Ивановскій, идетъ на 23 версты. Однообразная, темная зелень пирамидальныхъ елей и раскидистыхъ сосенъ не прерывается ни одною лужайкою, ни одною, хотя бы маленькою, деревнею. Ближайшія два селенія, расположенныя въ 2 и 3 верстахъ отъ дороги, скрываются за лѣсомъ. Ивановскій волокъ прекращается въ 4 верстахъ отъ Кологрива, у деревни Суховерковой, напротивъ которой, на лѣвомъ высокомъ берегу Унжи, раскиданы скромныя деревянныя строенія уѣзднаго города, населеннаго менѣе нежели 1500 жителей обоего пола.

Деревня Суховеркова, гдѣ я осматривалъ строившіяся суда и получилъ отъ жителей главную часть свѣдѣній, — расположена на почтовомъ трактѣ. По сторонамъ широкой улицы стоятъ большія избы, подлѣ которыхъ навалены огромныя бревна и склады досокъ. За деревнею, по отлогому берегу Унжи, на самомъ береговомъ скатѣ, видѣнъ рядъ строющихся судовъ, обращенныхъ къ рѣкѣ своими длинными и низкими боками: такъ эти суда и на воду спускаются.

Парфентьевскіе лѣса, преимущественно сосновые, растутъ на сухомъ, песчаномъ грунтѣ; Ивановскій же волокъ стоитъ на влажныхъ мшарняхъ. Въ немъ мало сосны, потому что она уже изведена; но много ели и лиственныхъ породъ и попадается пихта. Это дерево не достигаетъ большихъ размѣровъ ни въ вышину ни въ обхватъ, и потому не годится на бревна. Оно распиливается

обыкновенно на мелкій тесъ, который продается дороже сосноваго и еловаго, потому что прочнѣе. Пихтовый тесъ покупается весьма охотно на крыши строеній.

Парфентьевская сосна и ель суше и плотнѣе кологривской; за то около Парфентьева мало длинномѣрныхъ лѣсовъ, которые, притомъ, удалены отъ хорошихъ сплавныхъ рѣкъ, между тѣмъ какъ Кологривскіе лѣса крупнѣе и расположены на сплавныхъ рѣкахъ, слѣдовательно особенно привлекательны для лѣсопромышленниковъ. По совершенному отсутствію всякой фабричной и заводской дѣятельности,—здѣшняя лѣсопромышленность ограничивается, преимущественно, судостроеніемъ и сплавомъ бревенъ; она изводитъ предпочтительно береговые лѣса, а потому огромныя лѣсныя пространства, удаленныя отъ рѣкъ, не имѣютъ въ настоящее время почти никакой цѣнности и представляютъ ничтожный промышленный интересъ. Длинномѣрный, частію даже мачтовый лѣсъ, боровой и еловый, находится на рѣкѣ Княжой *), впадающей въ Унжу ниже Кологрива, а также на рѣкѣ Межѣ и на верховьяхъ Унжи, гдѣ обширные лѣса бывшей Тормановской волости занимаютъ сѣверныя оконечности Чухломскаго и Кологривскаго уѣздовъ и соединяются съ лѣсами Никольскаго уѣзда Вологодской губерніи. По верховьямъ Унжи, выше Кологрива, жители не занимаются судостроеніемъ, но ограничиваются лѣсопромышленностію: рубятъ лѣсъ, частію распиливаютъ на тесины, вывозятъ на Унжу, связываютъ бревна въ плоты и сплавляютъ ихъ въ весеннюю водополь. По всему теченію Унжи сплавляются ежегодно не менѣе 300 или 400 тысячъ огромнѣйшихъ деревьевъ. Поднимаемыя весенними водами, медленно плывя по рѣкѣ, онѣ мѣстами совершенно ее покрываютъ. Каждое дерево отмѣчено клеймомъ хозяина и потому между хозяевами замѣшательство бываетъ только въ томъ случаѣ, когда буря разобьетъ плоты и перемѣшаетъ деревья. Филево плесо, уѣздный городъ Макарьевъ и Красная гора, при впаденіи въ р.

*) Особенно по верховьямъ этой рѣки въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.

Унжу рѣкъ Чернаго и Бѣлаго Луха, — суть три главныя лѣсныя пристани на рѣкѣ Унжѣ, гдѣ сплавляемые лѣса повѣряются *) чиновниками и гдѣ крестьяне-промышленники продаютъ свои плоты купцамъ, пріѣзжающимъ для этого изъ низовыхъ волжскихъ пристаней и даже съ Дона. Для азовскихъ городовъ покупаются преимущественно тесъ и доски **); ихъ сплавляютъ Волгою до Царицына или Дубовской пристани, откуда перевозятъ сухимъ путемъ, 60 верстъ, на рѣку Донъ, къ станицамъ Качалинской и Калачинской. Унженскій лѣсъ сбывается, по большой части, на пристаняхъ между Балахною и Нижнимъ, частью же поднимается по рѣкѣ Окѣ до Москвы. Лучшаго качества деревья и самыя длинномѣрныя не выплываютъ въ Волгу; они скупаются прибрежными по р. Унжѣ жителями для боковой обшивки гусянокъ и другихъ судовъ. На Волжскія пристани ниже Казани, а также на р. Донъ и въ Азовское море идетъ лѣсъ преимущественно съ рѣки Ветлуги.

Лѣсная промышленность и судостроеніе въ Кологривскомъ и частію въ Макарьевскомъ уѣздахъ составляютъ основный источникъ существованія селеній по рѣкѣ Унжѣ и по берегамъ сплавныхъ рѣкъ, въ нее впадающихъ: Немдѣ, Черному и Бѣлому Луху, Шуѣ, Кондобѣ, Межѣ и Княжой. По этимъ рѣкамъ размѣщена значительнѣйшая часть населенія обоихъ уѣздовъ. Земледѣліе въ этихъ двухъ уѣздахъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ климата и почвы, — находится почти повсемѣстно на весьма низкой степени развитія. Въ Кологривскомъ уѣздѣ оно еще хуже, чѣмъ въ Макарьевскомъ, такъ какъ въ послѣднемъ уѣздѣ земля нѣсколько плодороднѣе ***).

---

*) Такъ было въ 1857 году.

**) Эти доски бываютъ разныхъ размѣровъ, смотря по которымъ онѣ называются кровельными, половыми и снарядными. Снарядныя доски служатъ для внутренней отдѣлки крестьянскихъ избъ, какъ то: полатей, полокъ, полавочниковъ и пр.

***) Такъ какъ Кологривскій уѣздъ не производитъ хлѣба въ достаточномъ для своего продовольствія размѣрѣ, — то нѣкоторое количество его доставляется въ этотъ уѣздъ изъ Вятской губерніи, а также изъ Ветлугскаго и Варна-

Чтобъ судить о важномъ значеніи лѣсной промышленности для Кологривскаго и Макарьевскаго уѣздовъ, сличимъ цифру населенія съ примѣрнымъ количествомъ и приблизительною оцѣнкою лѣснаго товара, сплавляемаго по рѣкѣ Унжѣ.

Жителей мужескаго пола считалось въ 1855 году: въ Макарьевскомъ уѣздѣ городскихъ 1745 и сельскихъ 45,602; въ Кологривскомъ уѣздѣ городскихъ 643 и сельскихъ 30,596; а въ обоихъ уѣздахъ: городскихъ 2388 и сельскихъ 76,198.

Оффиціальныхъ свѣдѣній о лѣсопромышленности въ обоихъ уѣздахъ я не имѣлъ случая получить; но, по отзывамъ нѣкоторыхъ лѣсоторговцевъ, можно полагать, что ежегодно, среднимъ числомъ, сплавляется по рѣкѣ Унжѣ отъ 300 до 400 тысячъ деревъ, часть которыхъ идетъ на судовую постройку. Въ одномъ Кологривскомъ уѣздѣ строится судовъ разныхъ наименованій до 200, въ томъ числѣ большихъ гусянокъ около 60. Выплывающія на Волгу суда нагружаются обыкновенно дровянымъ лѣсомъ. Оцѣнивъ каждое дерево въ плотахъ въ 60 к. сер. *) и каждое судно, нагруженное дровами, среднею цѣною въ 500 р. сер., составится сумма отъ 300 до 350 тысячъ рублей сер. Я не включаю въ разсчетъ выручки отъ другихъ отраслей лѣсопромышленности, напр. отъ добыванія изъ сосновыхъ пней смолы, дегтя и скипидара. Эти промышленности преимущественно развиты въ Кологривскомъ уѣздѣ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ строевые лѣса уже выведены

винскаго уѣздовъ. Изъ Ветлуги на Унжу хлѣбъ везется волокомъ. Кадастрація, произведенная, въ 1839 году, въ казенныхъ имѣніяхъ обнаружила, что земледѣліе во многихъ селеніяхъ Кологривскаго и Макарьевскаго уѣздовъ, при настоящемъ грубомъ его видѣ и по малоцѣнности земледѣльческихъ продуктовъ, — производится крестьянами въ чистый убытокъ, если оцѣнивать работу по существующимъ цѣнамъ. Если же крестьяне не бросаютъ земледѣлія, то это потому, что, по недостатку промышленной дѣятельности, нѣтъ требованій на другія работы; притомъ крестьянамъ и въ голову не приходитъ оцѣнивать время и работу на своихъ поляхъ.

*) На рѣкѣ Ветлугѣ шестисаженное сосновое дерево продавалось въ 1857 году по 2 р. ассигн. Народъ нашъ, какъ извѣстно, ведетъ, по прежнему, свой счетъ на ассигнаціи. Оффиціальный столичный счетъ на серебро, — можетъ быть по слишкомъ высокой для сельскаго сословія монетной единицѣ, — рѣшительно не принимается народомъ.

и гдѣ, за прекращеніемъ лѣсоторговли, крестьяне принуждены, по необходимости, обратиться къ другой дѣятельности.

По общему отзыву, сударобочіе и отхожіе промышленники живутъ въ большомъ довольствѣ и умственно болѣе развиты, сравнительно съ лѣсопромышленниками и смолокурами. Отхожіе промыслы имѣютъ, безпорно, важное значеніе въ отношеніи умственнаго развитія нашихъ сословій и сближенія разноплеменныхъ народностей, населяющихъ наше отечество; но, съ другой стороны, мѣстныя домашнія промышленности земледѣльческая и лѣсная имѣютъ также много нравственныхъ и хозяйственныхъ преимуществъ. Хорошая сторона домашней промышленности выражается, между прочимъ, въ быстрѣйшемъ умноженіи населенности *). Въ вотчинѣ г-жи Корниловой близъ Кологрива, въ деревняхъ Суховерковой, Тодинѣ и другихъ, по 8-й ревизіи 1834 года числилось 265 душъ, а по 9-й ревизіи 1850 года оказалось 362 души. Чрезвычайное умноженіе населенія, не смотря на частые рекрутскіе наборы, можно объяснить тѣмъ, что крестьяне означенныхъ деревень занимаются промыслами при своихъ домахъ и никуда не уходятъ вдаль. Не разставаясь на долго, они привыкаютъ другъ къ другу и живутъ нераздѣльно, большими семьями, по 4 и по 5 тяголъ. Однотягольныхъ мало. Проѣзжая по деревнѣ, обстроенной большими домами, вы видите двѣ, а гдѣ и три, по большей части, черныя курныя избы, окруженныя общимъ заборомъ: это одна крестьянская усадьба. Такъ какъ тремъ или четыремъ семействамъ въ одной избѣ тѣсно, то вблизи ставится другая изба, при чемъ хозяйство не дробится и обитатели этихъ избъ имѣютъ общій столъ. При прежней владѣлицѣ поименованныхъ селеній, г-жѣ Кожиной, крестьяне уходили для плотничной работы въ Астрахань, Кишиневъ и другія дальныя мѣста; многіе пускались бродяжничать и не возвращались домой, другіе умирали или приносили въ семейства заразительныя болѣзни отъ распутной жизни. Г-жа Кожина приказала міру, чтобъ

*) Это явленіе замѣчается, впрочемъ, не вездѣ. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ вотчинахъ Кинешемскаго уѣзда, гдѣ крестьяне также домосѣды, — населеніе не прибываетъ.

крестьяне не уходили изъ вотчины въ дальнія губерніи, но пріискивали промыслы около себя; а какъ въ Кологривѣ работы были дешевы, то, для облегченія крестьянъ оброкъ былъ уменьшенъ. Воля госпожи исполнялась безпрекословно, а потомъ домосѣдство вошло въ привычку. Впослѣдствіи, когда лѣсъ въ низовыхъ мѣстахъ сталъ выводиться и строеніе судовъ распространилось по р. Унжѣ до Кологрива, крестьяне г-жи Кожиной занялись также судостроеніемъ и доходы ихъ значительно увеличились.

Всякія преграды судостроенію и лѣсопромышленности, какъ незамѣнимому и естественному виду мѣстной производительности — поставили бы край въ самое затруднительное положеніе. Къ сожалѣнію, лѣсопромышленность производится чрезвычайно грубымъ и невѣжественнымъ образомъ и не подчиняется никакимъ правиламъ лѣснаго хозяйства. Даже частные лѣсовладѣльцы, въ слѣдствіе ничтожной цѣнности лѣсовъ, мало заботятся о сбереженіи ихъ. Такое печальное состояніе промышленности указываетъ на необходимость принять мѣры, разумѣется, не къ ея сокращенію, но къ лучшему ея устройству. Нѣкоторые мѣстные жители сознаютъ опасность, которая въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ неизбѣжно угрожаетъ краю, если это неустройство продолжится; но какъ частныя лица и общества, безъ правительственнаго содѣйствія, не умѣютъ да и не могутъ принять общихъ мѣръ для отвращенія зла, то каждый дѣлается въ немъ участникомъ, расчитывая, что если онъ воздержится отъ злоупотребленія, то другой имъ воспользуется. Таково послѣдствіе общественнаго безучастія въ своихъ дѣлахъ; дурноустроенная промышленность, хотя и поддерживаетъ настоящее существованіе жителей, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, истощая безвозвратно лѣсные запасы обширнаго края, приготовляетъ, можетъ быть, бѣдствія для будущихъ поколѣній. Замѣтимъ еще, что истребленію лѣсовъ способствуетъ и земледѣліе съ его подсѣками и огнищами*). Заботясь только о насущныхъ потребностяхъ своихъ

*) На огнищѣ сѣется хлѣбъ нѣсколько лѣтъ сряду, до истощенія растительной силы. За тѣмъ это мѣсто обращается въ залежъ, которая иногда снова заростаетъ самосѣвнымъ лѣсомъ, обыкновенно хуже вырубленнаго;

и вовсе не думая о пагубныхъ послѣдствіяхъ, крестьяне быстро и неудержимо истребляютъ вѣковые и дремучіе лѣса; здѣсь напр. крестьяне рубятъ въ густомъ лѣсу, на выборъ, строевыя деревья; поваливъ дерево, очистивъ его отъ сучьевъ и отрубивъ вершину, — они вывозятъ бревно на дорогу, ломая и подрубая встрѣчныя на пути деревья; щепы, сучья, вершины, оставаясь на мѣстахъ рубки, сохнутъ, гніютъ, засоряютъ лѣсъ и мѣшаютъ росту новыхъ деревьевъ; въ другомъ мѣстѣ — крестьяне обдираютъ березовую кору на лапти и бересту; въ ветлужскихъ лѣсахъ дерутъ липовую кору на мочалу; въ лѣсахъ Вологодской губерніи, гдѣ есть кедры, крестьянинъ срубаетъ огромное дерево только для того, чтобы набрать орѣховъ. Словомъ, наши лѣса истребляются самымъ безпощаднымъ образомъ.

Считаю нелишнимъ ознакомить съ тѣмъ способомъ лѣсопромышленности или, правильнѣе, лѣсоистребленія, который существовалъ въ Кологривскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ ранѣе 1857 г.

По малой населенности этихъ уѣздовъ, по совершенному отсутствію въ нихъ паровыхъ фабрикъ, заводовъ и пароходовъ, — требованіе на дрова было ничтожно и промышленность ограничивалась, по необходимости, одною лишь рубкою строеваго лѣса. Это дало поводъ къ тому, что здѣсь установилась рубка лѣса не площадями или сплошными лѣсосѣками, а попенно, на выборъ. Попенная выработка производилась преимущественно въ казенныхъ дачахъ, потому что лѣсопромышленникамъ выгоднѣе было имѣть дѣло съ чиновниками лѣсной стражи, чѣмъ съ частными лѣсовладѣльцами, особенно если послѣдніе проживали въ своихъ имѣніяхъ. Выправивъ у лѣсничаго билетъ на выручку лѣса и заплативъ попенныя деньги, купецъ или крестьянская артель, пользуясь снисходительностію чиновника, вырубали и вывозили лѣсъ, разумѣется не той мѣры и не въ томъ количествѣ какъ было показано въ билетѣ, но всегда гораздо болѣе числомъ и крупнѣе

вмѣсто хвойнаго лѣса, появляется чаще всего лиственный: береза, осина; но случается также, что совершенно изнуренная почва въ состояніи произращать только вересковъ и другія жесткія и негодныя травы.

мѣрою. Весною, во время сплава плотовъ по рѣкѣ Унжѣ, — посылались на устье рѣки Немжи, на Филево плесо и на другія пристани чиновники отъ лѣснаго вѣдомства и земскаго суда, для повѣрки то́ ли количество и той ли мѣры сплавляется лѣсъ какъ показано въ свидѣтельствахъ. На сплавъ деревьевъ изъ казенныхъ дачъ свидѣтельства выдавались лѣсничимъ, а на сплавъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ — земскимъ судомъ. Прежде выдачи свидѣтельства, чиновники обязаны были осматривать на мѣстахъ приготовленные для сплава плоты, но это плохо исполнялось. Такъ какъ изъ казенныхъ дачъ сплавлялось гораздо болѣе деревьевъ, нежели сколько было заплачено попенныхъ денегъ, то, чтобы при сгонѣ плотовъ не встрѣтилось на лѣсныхъ пристаняхъ затрудненій, — купцы выправляли въ земскомъ судѣ удостовѣреніе, что излишнія деревья «выработаны» въ какой нибудь господской дачѣ. Это дѣлалось очень просто; по сдѣлкѣ съ лѣсопромышленникомъ, бурмистръ или повѣренный какого нибудь отсутствующаго помѣщика представлялъ въ земскій судъ объявленіе, что лѣсъ вырубленъ въ господской дачѣ, въ которой, можетъ быть, вовсе нѣтъ лѣса или лѣсъ заповѣдной. Тѣмъ не менѣе, на основаніи этого объявленія, земскій судъ выдавалъ свидѣтельство для сплава. — Не смотря на то, что въ помѣщичьихъ лѣсахъ хищническую порубку труднѣе было сдѣлать, чѣмъ въ казенныхъ лѣсахъ, — въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ отсутствующимъ и безпечнымъ владѣльцамъ и заглазно управляемыхъ плутоватыми бурмистрами или управляющими, господскіе лѣса страдали отъ воровства не менѣе казенныхъ. Такимъ образомъ вырублена дача г. Посникова до 7000 десятинъ. Чтобы лучше скрывать отъ помѣщика порубку и чтобы оградить себя, по возможности, отъ судебной отвѣтственности и явной улики, — въ свидѣтельствѣ показывалось, что лѣсъ вырубленъ въ другой дачѣ.

При хищническомъ истребленіи казенныхъ лѣсовъ, лѣсоторговцы имѣли возможность продавать лѣсной товаръ низкою цѣною, а потому частные лѣсовладѣльцы не получали отъ своихъ лѣсовъ того дохода, какой бы могли имѣть, еслибы казенная лѣсопро-

мышленность производилась правильно. Нѣкоторые помѣщики, не желая за безцѣнокъ истреблять свои лѣса, терпѣливо выжидали того времени, когда остальные строевые лѣса, въ береговыхъ казенныхъ дачахъ, будутъ вырублены. Съ этою цѣлію даже тѣ, которые занимаются судостроеніемъ, запрещали рубить принадлежащіе имъ лѣса и брали билеты на вырубку въ казенныхъ дачахъ.

Кромѣ воровской выработки, роняющей истинную цѣнность лѣснаго матеріала и чрезъ то останавливающей на нѣкоторое время лѣсопромышленность въ частныхъ дачахъ, — на сбереженіе помѣщичьихъ лѣсовъ имѣло вліяніе полюбовное спеціальное межеваніе. Когда огромныя лѣсныя дачи принадлежали нѣсколькимъ владѣльцамъ, имѣвшимъ право въѣзда и безотчетнаго пользованія общими лѣсами, — тогда никакія мѣры къ сбереженію этихъ лѣсовъ не могли быть дѣйствительны. Полюбовное межеваніе, если не положило конецъ этимъ неустройствамъ, то, по крайней мѣрѣ, ограничило лѣсоистребленіе. Съ тѣхъ поръ какъ всякій владѣлецъ получилъ отдѣльный, ему одному принадлежащій участокъ, — сохраненіе своихъ лѣсовъ сдѣлалось сколько нибудь возможнымъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, для сбереженія казенныхъ лѣсовъ было бы необходимо запретить продажу лѣса попенно, а отдавать лѣсныя дачи капиталистамъ, промышленнымъ кампаніямъ и сельскимъ обществамъ въ аренду, на продолжительные сроки, съ непремѣннымъ условіемъ рубить лѣсъ не попѣнно, а сплошными участками и чтобы, по окончаніи арендаго срока, лѣсъ былъ возвращаемъ въ прежнее вѣдомство въ томъ видѣ какъ постановлено въ условіи. Разумѣется, случаи пожара отъ несчастія или по злоумышленности, для прикрытія хищнической порубки, должны быть предусмотрѣны и оговорены въ условіи. Съ введеніемъ этого порядка правительство избавилось бы отъ расходовъ по содержанію лѣсной стражи.

Еслибъ арендованіе лѣсовъ оказалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неудобнымъ, то одно только запрещеніе попенной рубки было бы уже важною мѣрою къ устройству лѣснаго хозяйства. При вы-

работкѣ лѣсовъ по участкамъ, такъ чтобы весь растущій на отведенномъ лѣсосѣкѣ строевой и дровяной лѣсъ былъ вырубаемъ сплошь, а не на выборъ, можно слѣдить за правильностію рубки (за исключеніемъ, конечно, деревьевъ, которыя обыкновенно оставляются для обсѣмененія) и за сохраненіемъ остающагося лѣса; притомъ вырубленный и очищенный отъ сучьевъ и щепы участокъ могъ бы заростать однолѣтнимъ лѣсомъ. Напротивъ того, попенная выработка способствуетъ злоупотребленіямъ, скрывая ихъ, потому что тогда неправильныя дѣйствія лѣсопромышленниковъ и потворство лѣсной стражи весьма трудно повѣрить, какъ напр. учесть порубку, когда пни разсѣяны по огромному глухому лѣсу. При попенной рубкѣ нельзя также слѣдить за тѣмъ, чтобы лѣсъ очищался, по временамъ, отъ щепы, вершинъ и сучьевъ. Обыкновенно, этотъ хламъ, оставляемый на мѣстѣ рубки, сохнетъ, засоряетъ лѣсъ, а въ случаѣ пожара, служитъ къ его распространенію.

И такъ, попенная выработка есть коренное зло, которое необходимо бы прекратить. Но здѣсь является вопросъ: при сплошной рубкѣ лѣса по участкамъ куда дѣвать дровяной лѣсъ, вершины и сучья, когда нѣтъ на нихъ требованій? Еслибъ существовали заводы для добыванія изъ лѣснаго матеріала химическихъ продуктовъ, напр. древеснаго уксуса, поташа и пр., тогда всякій хворостъ могъ бы идти въ дѣло и это возвысило бы цѣнность лѣсовъ. Но подобные заводы могутъ возникнуть только въ такомъ случаѣ, когда будетъ требованіе на древесные химическіе продукты, а для этого необходимо развитіе внутри Россіи разнообразной фабричной и заводской дѣятельности, которая въ настоящее время слишкомъ ничтожна и не можетъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ основанію лѣсныхъ химическихъ заводовъ, при которыхъ правильное лѣсохозяйство установилось бы само собою, безъ всякихъ побудительныхъ мѣръ, потому что владѣльцы имѣли бы интересъ въ сбереженіи своихъ лѣсныхъ дачъ. Въ 1857 году можно было купить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вдали отъ сплавныхъ рѣкъ, десятину строеваго лѣса по 1 р. сер. и дешевле; при столь ничтожной цѣнѣ, какой расчетъ могъ имѣть владѣлецъ хотя бы 500

и болѣе десятинъ бездоходнаго лѣса тратиться на наемъ лѣсниковъ и разбивку лѣсосѣковъ, что также сопряжено съ денежными расходами.

Для блага сѣверныхъ, лѣсистыхъ губерній, надо желать умноженія въ Россіи фабрикъ и заводовъ, которые, возвышая матеріальное благосостояніе, — будутъ имѣть вліяніе, не менѣе школъ, на практическое воспитаніе и умственное развитіе нашего народа и на распространеніе въ немъ полезныхъ знаній.

Безъ всякаго сомнѣнія, для сбереженія остающихся и болѣе или менѣе вырубленныхъ лѣсовъ, нельзя терпѣливо ожидать наступленія времени, когда лѣсохозяйство установится само собою, силою благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ; но необходимо принять немедленно мѣры къ прекращенію попенной рубки, потворствующей злоупотребленіямъ и истребляющей безполезно гораздо болѣе лѣса, нежели сколько идетъ его въ дѣло. Не слѣдуетъ терять изъ вида, что, при умножающемся народонаселеніи, потребность въ строевомъ лѣсѣ возрастаетъ въ громадныхъ размѣрахъ, и такъ какъ количество истребляемаго лѣса не вознаграждается чрезвычайно медленнымъ, естественнымъ ростомъ деревьевъ, то обезлѣсеніе съ каждымъ годомъ будетъ быстрѣе. Дремучіе лѣса центральныхъ и сѣверныхъ губерній имѣютъ въ системѣ орошенія общирныхъ равнинъ Европейской Россіи такое же великое значеніе, какое ледники Карпатовъ и Альповъ имѣютъ на ирригацію гористой западной Европы. Въ болотныхъ и озерныхъ водоемахъ, защищаемыхъ отъ зноя и засухи прохладною тѣнью могучаго растительнаго царства, зарождаются главнѣйшія водныя наши системы, питающія почву и связывающія сѣтью сообщеній самыя отдаленныя наши провинціи. Безъ преувеличенія можно сказать, что безрасчетливое истребленіе лѣсовъ есть самоубійство Россіи и величайшее безсознательное преступленіе невѣжественнаго народа.

Сказавъ о мѣстной лѣсопромышленности, — обратимся къ судостроенію.

Въ селеніяхъ, расположенныхъ по всему теченію рѣки Унжи, начиная отъ селеній, которыя верстъ на 20 выше Кологрива, —

жители занимаются строеніемъ судовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ унженокъ, паромовъ, гусянокъ. Первое мѣсто, по размѣрамъ и способу постройки, занимаютъ гусянки, а потому предпочтительно на этотъ видъ судовъ и обращаемъ вниманіе.

Гусянки строились прежде на рѣкѣ Гусѣ Рязанской губерніи, въ Касимовскомъ уѣздѣ, отъ чего и получили свое названіе. Нынѣ строятся онѣ, преимущественно, на рѣкѣ Унжѣ въ Кологривскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ и, кромѣ того, на рѣкахъ Окѣ и Волгѣ близъ Нижняго Новгорода, тамошними помѣщиками *). Полагаютъ, что ежегодно строится, для плаванія по Волгѣ, не менѣе 100 гусянокъ различныхъ размѣровъ. Собственно на рѣкѣ Унжѣ строеніе гусянокъ началось въ 1821 году, а до того времени промышленность Унженскихъ береговыхъ жителей ограничивалась только сплавомъ круглаго лѣса до Филева плеса близъ Макарьева, гдѣ плоты покупались лѣсоторговцами для отправленія на Волжскія пристани. Такимъ образомъ вся операція туземныхъ лѣсопромышленниковъ кончалась на Филевомъ плесѣ. Въ 1821 году, проживавшій въ 2 верстахъ отъ Кологрива помѣщикъ Френевъ, первый началъ строить на рѣкѣ Унжѣ гусянки и отправлять ихъ для продажи, съ грузомъ дровъ, въ Нижній Новгородъ. Онъ нанялъ съ этою цѣлію хорошаго волжскаго судоваго мастера, который обучилъ его крестьянъ судостроенію и съ тѣхъ поръ возникла здѣсь судопромышленность. Первыя гусянки дѣлались гораздо короче нынѣшнихъ; онѣ имѣли въ длину только 26 саженъ и продавались въ Нижнемъ Новгородѣ, вмѣстѣ съ грузомъ дровъ, каждая за 1500 и за 2000 р. ассигнац. Преимущество гусянокъ предъ другими плавающими на Волгѣ судами заключается въ томъ, что онѣ, по значительной ширинѣ своего плоскаго дна, имѣютъ неглубокій осадокъ, или, какъ выражаются мѣстные жители, «*не глубоки ногами*», «*не глубоко стоятъ*»; поэтому гусянки служатъ «*паузками*», т. е. употребляются на «*перекатахъ*» для разгрузки глубоко сидящихъ въ водѣ судовъ и перевозки тяжестей чрезъ мелководныя мѣста.

*) См. Судоходный дорожникъ Европейской Россіи, часть I.

Онѣ служатъ также и подчалками *). Безъ груза, большая гусянка сидитъ въ водѣ на $2^1/_2$ и на 3, а малая на 2 и $2^1/_2$ вершка.

Кологривскія гусянки дѣлаются изъ елки и весьма рѣдко съ примѣсью сосны, потому что сосна въ береговыхъ лѣсахъ уже значительно изведена. Также какъ и на всѣ рѣчныя наши суда, лѣсъ употребляется сырой, только что вырубленный. Гусянки и форменки, подобно обыкновеннымъ баркамъ, суть плоскодонныя суда съ низкими и прямыми стѣнками, безъ палубы и мачты, а потому онѣ годятся только для сплава по теченію и для буксира, но сами по себѣ ие могутъ подниматься противъ теченія ни вѣтромъ, ни бичевою. Вмѣсто палубы, у кормоваго водорѣза или ныжа устроивается шакша, т. е. навѣсъ, подъ которымъ, въ такъ называемой «*казенкѣ*», помѣщаются хозяинъ, лоцманъ, а также хранятся снасти и харчи. На большихъ гусянкахъ шакши строятся у обоихъ водорѣзовъ — кормоваго и носоваго; кормовая шакша всегда болѣе и пространнѣе носововой.

Унженскія гусянки, по вышинѣ стѣнокъ, дѣлятся на большія или высокія, среднія и малыя или низкія. Всѣ онѣ имѣютъ непремѣнно одинаковую длину и ширину, т. е. 33 сажени длиннику и 23 аршина (т. е. 7 саженъ и 2 аршина) ширку и отличаются только вышиною боковыхъ стѣнъ и толщиною обшивныхъ досокъ. У большой гусянки стѣны вышиною 7, у средней 6, а у малой 5 четвертей. Форменки или форменныя гусянки тѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ гусянокъ, что имѣютъ 28 саженъ длины и 22 аршина ширины и бока ихъ вышиною отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ четвертей.

Въ судоходномъ дорожникѣ Европейской Россіи сказано, что гу-

*) Паузками называются неглубокія суда различной конструкціи, служащія для разпаузки или разгрузки тяжелыхъ судовъ. Гусянки, при довольно значительномъ грузѣ, имѣютъ мелкій осадокъ и потому считаются отличными паузками. «Подчалками» называются всѣ вообще суда, идущія на буксирѣ. «Перекатъ» есть мель поперекъ всей рѣки; береговыя мели, не пересѣкающія рѣку во всю ея ширину, но оставляющія «ворота» или фарватеръ, называются «косами».

сянки бываютъ длиною отъ 20 и до 35 саженъ, шириною отъ 5 до 8½ сажень; съ полнымъ грузомъ сидятъ въ водѣ отъ 16 до 24 вершковъ; поднимаютъ каждая отъ 27000 до 54000 пудовъ груза и продаются отъ 300 до 2000 р. сер. У гусянокъ, плавающихъ на рѣкахъ Окѣ и Москвѣ, высота стѣнъ отъ 16 до 17 вершковъ. Приводя эту выписку изъ Судоходнаго дорожника, замѣчу, что гусянки означенныхъ размѣровъ и цѣнности не строятся на рѣкѣ Унжѣ.

Гусянки, на мѣстахъ постройки, нагружаются обыкновенно дровами и, отчасти, пильнымъ лѣсомъ, и въ Нижнемъ Новгородѣ продаются или вмѣстѣ съ грузомъ или отдѣльно; ихъ покупаютъ охотно хозяева мокшанъ и коноводокъ. При большой водѣ, на большую гусянку грузятъ отъ 200 до 250 саженъ сухихъ 5-четвертныхъ дровъ и въ такомъ случаѣ гусянка имѣетъ отъ 10 до 15 вершковъ осадка. Дрова приготовляются обыкновенно съ осени и весны и перевозятся на пристани, гдѣ и остаются до слѣдующей навигаціи. Если дрова, которыми нагружается гусянка, не перелѣтовали на берегу, но только что вырублены и еще сыры, то, по тяжести ихъ, на гусянку грузится сырыхъ дровъ не болѣе 180 саженъ. Сажень сухихъ березовыхъ дровъ вѣситъ обыкновенно около 80 пудовъ; слѣдовательно, при осадкѣ менѣе аршина, гусянка поднимаетъ отъ 15000 до 20000 пудовъ груза. Если во время сплава гусянки рѣка обмелѣетъ, то, для уменьшенія осадка, часть груза складывается на берегъ.

Цѣна гусянки въ Нижнемъ Новгородѣ зависитъ отъ состоянія воды. Большая гусянка, съ полнымъ грузомъ дровъ, продается: въ малую воду отъ 6000 р. до 8000 р. ассигнац., а въ большую воду—до 4000 р. ассиг. Разница въ цѣнѣ происходитъ отъ того, что въ большую воду всякое глубокосидящее судно годится для судоходства, въ слѣдствіе чего, въ большую воду, гусянки застаиваются годъ за годъ въ Нижнемъ Новгородѣ, потому что нѣтъ на нихъ запроса. Не проданныя гусянки зимуютъ въ затонахъ и за сохраненіе ихъ, до слѣдующей весны, хозяева платятъ отъ 50 до 60 р. сер. Въ мелководье гусянки покупаются предпочтительнѣе

предъ другими судами оттого именно, что не глубоко сидятъ. Цѣна среднихъ гусянокъ обыкновенно на 300 или 400 р. ассигнац. дешевле большихъ. Что касается до малыхъ гусянокъ, то онѣ цѣнятся гораздо дешевле большихъ и среднихъ гусянокъ, потому что на постройку ихъ идетъ лѣсъ гораздо тонѣе; притомъ онѣ объ одной только шакшѣ и самая работа ихъ менѣе прочна и тщательна. Цѣна низкой гусянки, вмѣстѣ съ грузомъ дровъ, въ малую воду около 5000 р., а въ полноводье до 2000 р. ассигнац.

Малыя гусянки ходятъ изъ Нижняго по рѣкамъ Окѣ и Москвѣ съ хлѣбомъ, который покрывается отъ непогоды рогожанымъ навѣсомъ на жердяхъ. Добравшись до Москвы, онѣ тамъ и остаются на сломъ. Большія и среднія гусянки ходятъ только по Волгѣ и служатъ отъ 6 до 8 *водъ*, т. е. навигацій. Въ плесѣ между Нижнимъ и Рыбинскомъ, крестьяне береговыхъ селеній, ближайшихъ къ мѣстамъ, представляющимъ затрудненія для судоходства, промышляютъ паузкою судовъ и держатъ обыкновенно въ запасѣ, на подобные случаи, гусянки и другія мелкосидящія суда. Положимъ, что къ перекату, на которомъ только 5 четвертей воды, подошла нагруженная хлѣбомъ мокшана, имѣющая 8 четвертей осадка. Судохозяинъ, видя необходимость уменьшить осадокъ мокшаны и не имѣя своего паузка, нанимаетъ въ береговой деревнѣ крестьянъ, которые приплываютъ на своихъ паузкахъ къ стоящему на якорѣ судну. Снявъ на паузки часть груза и достаточно уменьшивъ осадокъ мокшаны, нанявшіеся крестьяне проводятъ ее чрезъ мель до глубокаго фарватера и тамъ ее снова нагружаютъ. Разумѣется, имъ помогаютъ бурлаки, нанявшіеся для тяги судна. Хозяева коноводокъ, медленно двигающихъ за собою длинный рядъ грузныхъ подчалковъ, имѣютъ, по большой части, свои паузки, которыя идутъ порожнемъ рядомъ съ подчалками съ правой ихъ стороны.

Если гусянка строится изъ казеннаго лѣса, то судохозяинъ выправляетъ за 150 р. с. билетъ для вырубки строевыхъ деревъ. Лѣса на эту сумму весьма достаточно для постройки одной гусянки. Участки подъ вырубку отводятся, обыкновенно, въ ближайшихъ береговыхъ лѣсахъ; самые отдаленные участки отстоятъ отъ рѣки

въ 30 или 35 верстахъ. На Вздвиженьевъ день, въ половинѣ сентября, нанимаются плотники. Для большой и средней гусянки нанимается артель изъ 8, 10 и даже, если работа спѣшная, изъ 12 топоровъ, а для малой гусянки довольно 3 или 5 топоровъ; на каждый топоръ полагается два работника. Артель обязана *выронить*, т. е. вырубить и вывозить лѣсъ и построить гусянку. Для вывозки лѣса, плотничья артель нанимаетъ иногда, отъ себя, рабочихъ и лошадей, но судохозяинъ въ эти расчеты крестьянъ между собою не вмѣшивается. Артель получаетъ отъ хозяина, на каждый топоръ, отъ 50 до 70 р. с. Разница въ рабочей платѣ зависитъ отъ большаго или меньшаго требованія работниковъ. Если заказы судовъ незначительны и требованіе на работниковъ небольшое, то и рабочая плата понижается. Если плотничья артель небольшая и ей нельзя справиться съ работою къ вскрытію рѣки, то, для вывозки вырубленнаго лѣса, хозяинъ нанимаетъ особыхъ работниковъ. Паклю и гвозди рабочіе получаютъ отъ хозяина. Окончательный расчетъ хозяина съ рабочими бываетъ, когда совершенно готовая барка будетъ удачно спущена на воду и нагружена. Работа большой гусянки стоитъ обыкновенно отъ 1500 до 1700 р. ассигнац., а малой, $5^1/_2$ четвертовой, отъ 1000 до 1100 р. ассиг. Въ 1855 году работы были особенно дешевы, такъ что за большія 7-четвертовыя гусянки платилось плотникамъ по 1300 р. ассигнац. и изъ этой суммы артель выдавала еще нанятымъ отъ себя пильщикамъ 145 р. ассигнац.

По заключеніи найма, плотничья артель, не теряя времени, отправляется въ лѣсъ. Половина артели занимается рубкою бревенъ и копаней, а другая половина вывозкою бревенъ къ мѣсту, избранному для постройки. Труднѣйшая работа, именно подготовка копаней начинается непремѣнно въ сентябрѣ, когда земля еще не промерзла. Прежде всего вывозятся изъ лѣсу, по первопутку или первому снѣгу, копани, потому что въ большой снѣгъ никакія лошади не вывезутъ этой тяжести. За тѣмъ вывозятся бревна, назначаемыя подъ «денникъ» или «днище». Работа самыхъ гусянокъ начинается съ первыхъ чиселъ марта и кончается къ вешнему Ни-

колѣ, т. е. къ 9-му мая для того, чтобы суда могли быть сплавлены въ Волгу по весенней большой водѣ. Наемъ работниковъ для сплава судовъ въ Нижній Новгородъ производится независимо отъ постройки. Доставивъ суда въ Нижній, работники возвращаются домой къ сѣнокосу и, на послѣдній срокъ къ Иванову дню, 24 іюня.

Для рубки копаней, выбираются плотныя и здоровыя деревья, имѣющія въ вершинѣ или верхнемъ отрубѣ 6, 7 и 8 вершковъ въ діаметрѣ и длиною отъ корня до верхняго отруба 8 саженъ. Хотя копань, соразмѣрно ширинѣ барки, должна быть 23 аршинной длины, но лишній аршинъ оставляется для запаса, потому что, при перевозкѣ, тонкій конецъ сшибается и потомъ обрубается сколько слѣдуетъ при постройкѣ. Выбранное въ лѣсу дерево для копани сначала обкапываютъ и обнажаютъ коренья; потомъ изъ всѣхъ кореньевъ выбираютъ такъ называемый «*ходовой корень*», самый здоровый и пригодный для обработки. Этотъ корень оставляютъ при деревѣ, а прочіе коренья обрубаютъ. Когда дерево повалятъ вмѣстѣ съ ходовымъ корнемъ, имѣющимъ къ дереву отвѣсное положеніе, то бревно обтесываютъ съ двухъ сторонъ сверху и снизу, а съ боковъ только счищаютъ кору, но не обтесываютъ. Чтобы вывезти изъ лѣса самую толстую 8-мивершковую копань, надо тройку, а для 5-тивершковой копани, идущей на малыя гусянки, довольно пары лошадей. Лошади запрягаются, смотря по ширинѣ и удобству проѣзда, «*гуськомъ*» или *паратцемъ* *). Когда надо везти копань, то вершину или тонкій ея конецъ «*ссомятъ*», т. е. стешутъ внизу, прорубятъ въ этомъ мѣстѣ «*ноздрю*» и продѣвъ въ нее веревочный «*причалокъ*», привяжутъ тонкій конецъ, накрѣпко, къ вальку, къ которому прикрѣплены веревочныя постромки. Для облегченія лошадей, по дорогѣ подкладываются подъ копань короткія и толстыя «*кладки*» или жерди, сажени на три кладь отъ клади. Такимъ об-

*) Когда тройка заложена такимъ образомъ, что одна лошадь въ корню или оглобляхъ, а пара впереди, то эта запряжка называется «*паратною*».

разомъ копань не волочится по снѣгу, но скользитъ по круглой поверхности подкладываемыхъ подъ нее кладей.

Приступая къ постройкѣ, выбираютъ на берегу открытое и ровное мѣсто съ отлогимъ спускомъ къ рѣкѣ. Гусянку спускаютъ на воду, какъ я уже замѣтилъ, «*слономъ*» т. е. боковой, длинной стороной, а потому такъ ее и располагаютъ при постройкѣ. Длинный бортъ сооружаемой гусянки, обращенный къ рѣкѣ, называется «*рѣчнымъ краемъ,*» а противоположный бортъ «*нагорнымъ краемъ.*»

Обозначивъ на землѣ, колышками, размѣры будущей гусянки, и отмѣривъ, по длинѣ, 34 сажени, чрезъ каждыя двѣ сажени, по обоимъ краямъ, нагорному и рѣчному, — складываютъ вѣнцами, въ видѣ колодезныхъ срубовъ, изъ 2 аршинныхъ бревешекъ, толщиною въ 3 или 4 вершка въ отрубѣ, такъ называемые «*городки* или «*клѣтки*», служащія подставками при постройкѣ. Вдоль каждаго края размѣщается такимъ образомъ 17 клѣтокъ, и клѣтки одного края совершенно противоположны клѣткамъ другаго края. Бревешекъ идетъ въ каждую клѣтку болѣе или менѣе, смотря по мѣсту, которое бываетъ то впадиной, то горбомъ. Подставки дѣлаются съ тою цѣлію, чтобы сооружаемая барка менѣе терпѣла отъ сырости и чтобы можно было работникамъ подлезать подъ денникъ для конопатки; притомъ съ городковъ гораздо легче спустить судно на воду нежели прямо съ земли. Когда городки собраны, тогда, поперекъ гусянки, кладутъ 17 девятисаженной длины «кладей» или круглыхъ бревенъ. Концы кладей лежатъ на противоположныхъ городкахъ, а чтобы клади не осѣли, то ихъ подпираютъ по срединѣ толстыми стоячими сутунками, которые называются «*стульями*».

Постройка судна начинается настилкою на клади денника или днища. На денникъ идутъ доски толщиною въ $2^1/_2$ вершка. Изъ 6-тивершковаго дерева выходитъ только двѣ такихъ доски; дерево распиливается надвое и половинки обтесываются снизу топоромъ, до надлежащей толщины. Длина и ширина этихъ досокъ

различна и зависитъ отъ размѣровъ дерева, изъ котораго онѣ выпилены.

По длинѣ гусянки, вдоль каждаго ряда, настилается обыкновенно 5 досокъ, и при этомъ наровятъ — для того, чтобы днище имѣло болѣе связи, — чтобы концы досокъ одного ряда никакъ не сходились съ концами досокъ другаго ряда, но чтобы «*захлестывались*», словомъ, наблюдается тоже, что при кладкѣ кирпичей.

Когда кончится настилка днища, то поперекъ его кладутъ копани такъ, чтобы ходовыя коренья или «*кокоры*» были стоймя. Копаней идетъ на гусянку отъ 120 до 140; онѣ кладутся на разстояніи 4 и 5 вершковъ одна отъ другой и эти небольшіе промежутки называются «*залавками*». Если гусянка малая и копани не толще 4 или 5 вершковъ, то ихъ идетъ болѣе, а если строится большая гусянка и копани 7 и 8-ми-вершковыя, то ихъ кладется менѣе, потому что, по толщинѣ своей, онѣ занимаютъ болѣе мѣста. Копани начинаютъ класть съ средины вплоть до водорѣзовъ. На разстояніи въ 5 саженяхъ отъ водорѣзовъ дно начинаютъ къ нимъ сводить, и съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно укорачиваютъ копани, но за то чѣмъ ближе къ водорѣзу, тѣмъ выше у копаней кокоры, потому что самыя стѣны, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ начинаютъ сводить къ пыжамъ, дѣлаются выше и выше. На большой гусянкѣ, у которой боковая стѣна вышиною въ 7 четвертей, — кормовой водорѣзъ имѣетъ въ вышину 20 и 21 четверть, на 6-тичетвертовой гусянкѣ — его вышина 15 и 16 четвертей, а на 5-тичетвертовой, малой гусянкѣ, 9 и 10 четвертей.

Чтобы прикрѣпить копани къ днищу, — просверливаются сверху, со стороны копаней, сквозныя, чрезъ всю толщину копани и днища, отверзтія буравами и въ эти отверзтія заколачиваютъ снизу, изъ подъ днища, деревянные гвозди съ шляпками. Когда конецъ гвоздя выйдетъ изъ копани наружу, то въ него вколачиваютъ деревянную «*раскрѣпу*» или клинъ, чтобъ разъершить гвоздь. Въ большихъ гусянкахъ копани крѣпятъ къ днищу противъ каждой денниковой доски, а въ малыхъ гусянкахъ — чрезъ доску.

Водорѣзы или пыжи ставятся въ то время, когда копани будутъ разставлены до *поводовъ* или до тѣхъ мѣстъ, откуда днище начинаютъ скашивать и сводить къ водорѣзамъ. На водорѣзъ идетъ толстый еловый корень, вершковъ 14 или 15 въ отрубѣ. Его обтесываютъ трехгранно и ставятъ на мѣсто угломъ къ водѣ, а «пластомъ» или широкою стороною къ *жилу*, т. е. къ баркѣ. Пыжъ имѣетъ короткую, но толстую лапу, которая прибивается къ днищу нѣсколькими, иногда десятью большими желѣзными гвоздями. Отъ пыжа къ пыжу, по самой срединѣ барки, кладутъ поверхъ копаней «киль», изъ 5 бревенъ, которыя скрѣпляются въ лапу. При этомъ наблюдаютъ, чтобы лапы приходились надъ копанью, а не надъ залавками. Два крайнія килевыя бревна, 1-е и 5-е, имѣютъ кокоры, прислоняемыя стоймя и плотно къ пыжамъ и прибиваемыя къ послѣднимъ двухаршинными желѣзными гвоздями.

Размѣстивъ и закрѣпивъ къ днищу копани, водорѣзы и киль, начинаютъ обшивать «бока» досками. Сначала кладется нижній рядъ досокъ, называемый «*трубою*.» Труба имѣетъ по ребру 2, 2½ и 3 вершка, а по «пласту» или по ширинѣ, 5, 6, и 7 вершковъ. Въ малую гусянку идутъ доски, разумѣется, тоньше и уже, а въ большую толще и шире. Сверхъ трубы кладется второй рядъ досокъ — «*бархотъ*». Бархотныя доски имѣютъ въ ребрѣ 5 и 6 вершковъ, а въ пластѣ 9 и 10 вершковъ. На бархоть кладутъ «*красную доску*», имѣющую въ нижнемъ ребрѣ 2½ и 3 вершка, а въ верхнемъ 3 и 4 вершка. Такимъ образомъ бока гусянки состоятъ изъ 3-хъ рядовъ досокъ, положенныхъ одинъ на другой; на каждый рядъ идетъ, съ каждой стороны, по 5, почти 7-мисаженной длины, досокъ. Отъ поводовъ къ пыжамъ кокоры постепенно возвышаются и, въ этихъ мѣстахъ, бока забираются коротенькими, тоненькими досками. На днищѣ и по бокамъ доски сходятся въ «*притычь*», т. е. не врубаются лапами одна въ другую, а плотно пригоняются. Боковыя доски прибиваются къ каждой кокорѣ желѣзными гвоздями, которыхъ шляпки обращены къ водѣ. Гдѣ боковыя доски стоятъ прямо, тамъ довольно по одному

гвоздю, а на поводахъ, гдѣ доски загибаются, тамъ ихъ прибиваютъ къ каждой кокорѣ двумя гвоздями.

Потомъ, всѣ продольные пазы и стыки конопатятъ смольною паклею, при чемъ употребляются желѣзныя лопаточки — «*лебеза*» и деревянныя колотушки — «*чикмари*».

Послѣ конопатки строятъ шакшу. Кормовая шакша просторнѣе и выше носовой, потому что водорѣзъ у кормы выше носоваго водорѣза. У самаго пыжа устанавливается стойка, а другая стойка укрѣпляется противъ нея, на килѣ, отступя отъ пыжа на 8 аршинъ. Верхніе концы обѣихъ стоекъ соединяются перекладиною, называемою «*конемъ*». Отъ коня кладутся «*стропила*», которыя однимъ концемъ лежатъ на конѣ, а другимъ упираются въ бока гусянки. Стропила покрываются рѣшетинами, на которыя настилается крыша или палуба въ два теса.

Во время конопатки начинаютъ разбирать городки рѣчнаго края. Для спуска на воду окончательно построенной барки, подъ ея средину подкладываютъ, наклонно къ рѣкѣ, широкую и длинную доску, называемую «*попъ*». По этой доскѣ барка спускается на воду «*слономъ*», т. е. длиннымъ 33-саженнымъ своимъ бокомъ.

На кормѣ укрѣпляются, стоймя, два березовыхъ, 5 или 6 вершковыя, бревна, называемыя «*ухватами.*» На ухваты употребляется береза, потому что она крѣпче ели и притомъ это деревне такъ скоро какъ сосна или ель переѣдаетъ канатъ. Одинъ ухватъ ставится въ 3-хъ аршинахъ отъ водорѣза, а другой — аршиномъ далѣе. Въ каждый изъ нихъ вбивается по два деревянныхъ валечка. Оба ухвата упираются нижними концами въ днище барки и накрѣпко прибиваются въ залавкахъ къ копанямъ, желѣзными гвоздями. Ухваты служатъ къ тому, чтобы навивать на нихъ *рисковой косякъ*, т. е. смольный канатъ, длиною въ 120 саженъ.

Когда гусянка спущена благополучно на воду и, нагруженная дровами, идетъ самоплавомъ въ Нижній Новгородъ, то для нея достаточенъ одинъ рисковой косякъ и нѣтъ никакой надобности въ

якорѣ или въ другой какой-либо снасти. Если гусянкѣ надо остановиться, то рисковой косякъ свозится въ лодкѣ на берегъ, гдѣ и привязывается накрѣпко, однимъ концемъ, къ дереву; потомъ судорабочіе, возвратясь на гусянку съ другимъ концемъ каната, наматываютъ его на ухваты, и барка стоитъ на привязи также спокойно какъ на якорѣ.

И. Корниловъ.

ЭТНОГРАФІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

Статья г. Лежана.

---

1. Способъ изслѣдованія и его источники.

Этнографическое изученіе Оттоманской Имперіи въ настоящее время уже не составляетъ исключительно предметъ чисто-ученой любознательности; происходящая въ ней борьба народностей вмѣстѣ съ борьбою религіозною достаточно подтверждаетъ сказанное. Такимъ образомъ уже лѣтъ съ тридцать тому назадъ, и особенно въ послѣднія 15 лѣтъ, этотъ этнографическій вопросъ сталъ предметомъ замѣчательныхъ трудовъ общихъ и частныхъ. Ученый авторъ *Митридата* (Аделунгъ) подалъ тому первый знакъ, впрочемъ обративъ болѣе вниманія на вопросъ филологическій, нежели на географическое распредѣленіе племенъ. Эта послѣдняя точка зрѣнія спеціальнѣе была принята Адріаномъ Бальби въ его этнографическомъ атласѣ Земнаго Шара (Татарская, Славянская, Греко-Латинская семьи). Затѣмъ изслѣдованія пріостановились съ 1828 по 1842 г., когда появилась Славянская карта знаменитаго Шафарика. Этотъ прекрасный трудъ, въ который вошла Европейская Турція на югъ до Монастыря, былъ первымъ опытомъ этнографической карты этой страны. Но матеріалы въ то время были слишкомъ ограничены и карта Шафарика, какъ можно удостовѣриться, сличивъ ее съ нашею, не лишена многихъ важныхъ промаховъ. Такимъ образомъ авторъ слишкомъ сокращаетъ на югѣ область Болгарской народности, напротивъ

присвояетъ ей всю Добруджу, гдѣ она составляетъ очень слабый процентъ; онъ слишкомъ уменьшаетъ пространство, занятое Сербами въ Верхней Албаніи; почти пропускаетъ Мадъярскія поселенія въ Молдавіи; наконецъ онъ почти уничтожаетъ Румынское населеніе праваго берега Дуная. Что касается до Османли, то онъ произвольно вытѣсняетъ ихъ изо всей Европейской Турціи, исключая городовъ, и напротивъ отмѣчаетъ ихъ въ городахъ Босніи и Албаніи, смѣшивая такимъ образомъ Турокъ съ туземцами Мусульманскими.

Недостатки этой карты поразили г. Ами Буэ, который во 2-мъ томѣ своей превосходной книги о Турціи представилъ полнѣйшую этнографію этой страны. Въ 1849 г. онъ помѣстилъ въ атласѣ Берггауза карту, въ которой наглядно изобразилъ данныя своей книги. Большая часть ошибокъ Шафарика была здѣсь устранена, по крайности относительно Турецкой народности и южной границы Болгарской и Сербской, но не относительно Румыновъ и населенія въ Добруджѣ. Есть сверхъ того нѣсколько важныхъ ошибокъ, которыхъ впрочемъ трудно избѣжать безъ продолжительныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій. Но онѣ не умаляютъ достоинствъ ученаго автора книги, долженствующей быть руководствомъ для всякаго путешественника въ Турціи.

Намѣреваясь собрать и дополнить всѣ прежніе труды объ этомъ вопросѣ, представляемъ читателю краткое объясненіе методы нашей работы и критическое значеніе матеріаловъ, которыми мы пользовались.

Для изученія географическаго распредѣленія племенъ въ извѣстной странѣ, намъ представляются два основанія: исторія и языки, нынѣ употребляющіеся. Безспорно, что этотъ послѣдній критеріумъ самый вѣрный, особенно въ странахъ образованныхъ, гдѣ многочисленная бюрократія позволяетъ распредѣлять жителей по ясному признаку, по ихъ родному языку. Этой методѣ слѣдовалъ авторъ великолѣпной этнографической карты Австрійской имперіи, баронъ Чернигъ, и конечно, не подвергаясь ошибкамъ, онъ не могъ избрать какую нибудь другую методу. Безъ сомнѣнія, Ладины, онѣмеченные въ прошломъ столѣтіи, или Истрійскіе Валахи, постепенно славянящіеся, въ чисто этнографическомъ смыслѣ не настоящіе Нѣмцы или Славяне; но если слѣдить за этими превращеніями въ про-

шедшемъ и обозначать ихъ на картѣ, то на какой же данной, на какомъ вѣкѣ придется тогда остановиться? Тотъ же камень преткновенія представится и въ этнографіи Англіи и Франціи, гдѣ Кельтское племя физіологически сохраняется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ языкъ Кельтскій вымеръ еще въ прошломъ столѣтіи: такъ Монмоутширъ и Корнваллисъ съ одной, западная часть департамента Нижней Луары съ другой стороны. Это не плодъ насильственныхъ истребленій, какъ въ средніе вѣка, а медленнаго уподобленія въ пользу господствующихъ языковъ.

Но относительно Турціи, принимая языки за единственный критеріумъ, легко впасть еще въ бо́льшія ошибки. Въ этой странѣ рѣзкихъ противоположностей, характеры и взаимная вражда народностей удерживаются съ силою, еще увеличивающеюся отъ неравенства политическаго и вражды религіозной. Нѣкоторые языки имѣли здѣсь необыкновенную силу поглощенія насчетъ языковъ сосѣднихъ, именно Турецкій, Греческій и отчасти Румынскій. Такимъ образомъ Турецкій языкъ наравнѣ съ Болгарскимъ употребителенъ въ Болгаріи, что не мѣшаетъ однако съ точностью отличать деревню Турецкую отъ деревни, населенной Помаками (Болгарами мусульманами). Цыгане всегда говорятъ публично языкомъ страны, въ которой живутъ. Турки въ Кандіи и Албанцы въ Эпирѣ всегда говорятъ по гречески; а между тѣмъ невозможно называть Османліями Македонскихъ Помаковъ или причислять къ Грекамъ Кандійскихъ Османліевъ. Вообще, принимая языки за основаніе нашего распредѣленія, мы должны были дѣлать исключенія, причины которыхъ объяснимъ ниже по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ встрѣчаться въ нашей статьѣ.

Что касается нашихъ источниковъ, то прежде, чѣмъ дадимъ библіографическій ихъ перечень, необходимо представить краткое объясненіе.

Мы извлекли всѣ этнографическія указанія, заключающіяся въ описаніяхъ путешествій, совершенныхъ по Турціи въ послѣднія 50 лѣтъ, а онѣ многочисленны. Пуквиль, Ликъ, генералъ Іохмусъ и особенно Ами Буэ доставили намъ обширный матеріалъ. Другимъ нашимъ источникомъ, гораздо болѣе драгоцѣннымъ, послужили податныя росписи, существующія у Турецкихъ властей и отмѣчающія по деревнямъ народность населенія, распредѣляемаго на мусульманъ и

раевъ. Это распредѣленіе вѣрный руководитель въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр. въ Θессаліи и почти во всей Болгаріи, гдѣ мусульманинъ всегда Османли. Мы имѣли въ рукахъ многія изъ этихъ росписей, также какъ и чрезвычайно точныя статистическія свѣдѣнія относительно полунезависимыхъ княжествъ, Сербіи, Молдавіи, Валахіи.

Сверхъ того, въ два путешествія, совершенныя въ 1857 и 1858 г., мы объѣхали самыя любопытныя части Европейской Турціи, всегда обращая вниманіе на распредѣленіе народностей и дополнили запасъ нашихъ личныхъ наблюденій множествомъ свѣдѣній, собранныхъ лицами, достойными довѣрія, въ главѣ которыхъ намъ пріятно упомянуть *учителей* и *даскаловъ* (смотрителей Славянскихъ и Греческихъ школъ) между христіанскимъ населеніемъ городовъ. Безъ сомнѣнія, наши показанія исполнены пробѣловъ и ошибокъ; но пока Турція не обладаетъ административными и общественными порядками, которые позволили бы представить статистику ея народностей съ тою точностью, какая уже достигнута въ двухъ сосѣднихъ съ нею великихъ имперіяхъ, мы надѣемся, что нашъ трудъ имѣетъ большую относительную точность и окажетъ дѣйствительную услугу людямъ любознательнымъ, желающимъ ближе ознакомиться съ племенными вопросами въ этой части востока. Главною нашею цѣлію было, въ слѣдъ за прекрасными трудами Чернига для Австріи и Кеппена для Россіи, дополнить этнографію Европейскаго восточнаго міра.

Библіографія.

Шафарикъ: Slovansky zemevid. Прага. 1842.

Буэ: La Turquie d'Europe. Paris. 1840. т. II (въ началѣ).

Его же этнографическая карта Оттоманской Имперіи въ Европѣ. (Berghaus' Physikalischer Atlas. 8 Abth. № 19). 1849.

Его же, Recueil d'itinéraires de la Turquie d'Europe. 2 vol. в 8. Vienne. 1854.

Валахія.

Различные документы, собранные въ Букарестѣ (1857).—Финансовая статистика Валахіи. Букарестъ. 1857. 4°.

Молдавія и Бессарабія.

Оффиціальные документы, собранные въ Яссахъ въ 1857 г.

Н. Сутцо: Statistique de Moldavie. Yassi. 1849. Румынскій переводъ Θ. Кодреско. 1855. 8° (полезный для свѣдѣній о Мадъярскихъ поселеніяхъ).

Кеппенъ: Этнографическая карта Европейской Россіи. 4 листа. Procès verbaux de la délimitation de la frontière russo-turque. 1857. (рукопись).

Болгарія.

Іонеско и *Іорано*: Voyage agricole dans la Dobroudja. Constantinople. 1850. 8. Съ картою этнографическою и топографическою. (Эти два молодые Валаха, по порученію Турецкаго правительства, занимались изслѣдованіями о состояніи земледѣлія и промышленности).

Іохмусъ: Notes on a Journey into the Balkan, or Mount Haemus in 1847 (въ запискахъ Лондонскаго географическаго Общества 1854 г.).

Списки народонаселенія, собранные въ главныхъ городахъ ливасовъ *) въ 1857 г., и мое путешествіе въ Болгарію.

Cyprien Robert: Les Slaves de Turquie. Paris. 8°.

Сербія.

Оффиціальные документы, сообщенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1857 г.

Боснія, Герцеговина, Верхняя Албанія.

Документы, собранные авторомъ въ 1858 г. на мѣстѣ и замѣчанія, сообщенныя г. Т. Жубани, Сербскимъ драгоманомъ французскаго консульства въ Скодрѣ.

Гекардъ (Hecquard): Carte de la Guégaria ou Haute Albanie. Paris. 1858.

Эпиръ и Θессалія.

Пуквиль: Voyage en Grèce.

Ликъ: Travels in northern Grece. London, 5 ч. 8°. 1855.

Фонъ Ганъ: Albanesische Studien. 1854.

Греческая рукописная карта (округъ Армиро) въ импер. библіотекѣ въ Парижѣ.

---

*) Губерній *(прим. ред.)*

Македонія и Румелія.

Ликъ: Travels in northern Grece.

Гюи (Guys): Guide de la Macédoine. Paris. 1856. 12°.

Викенель (Viquesnel): Voyage dans la Turquie d'Europe. Paris, 1856, въ листъ).

Его же: Notes sur la Thrace.

Кандія.

Пешле (Pashley): Travels in Crete. 2 ч. 8°. Cambridge. 1837.

II. Древняя Этнографія Европейской Турціи.

Древняя этнографія странъ, нынѣ образующихъ Европейскую Турцію, едва ли можетъ быть чѣмъ нибудь инымъ, какъ рядомъ гипотезъ, относительная вѣроятность которыхъ, за неимѣніемъ лучшаго, должна замѣнить намъ отсутствующую достовѣрность. Дѣйствительно, изученіе сродства племенъ и языковъ предметъ совершенно новый; древніе имъ пренебрегали и если бы даже имъ занимались, то все таки у нихъ вообще недоставало свѣдѣній и критики, необходимыхъ для достиженія удовлетворительныхъ выводовъ. Незнакомые со всѣми другими языками, кромѣ двухъ классическихъ, они были лишены самаго главнаго этнографическаго критеріума, сравнительной филологіи. Ихъ распредѣленіе народностей основывалось единственно на баснословныхъ генеалогіяхъ, на извѣстіяхъ объ одеждѣ и образѣ жизни. Такимъ образомъ нерѣдко видимъ у нихъ, что одинъ и тотъ же народъ причисляется къ двумъ или тремъ различнымъ семействамъ, смѣшеніе, котораго легко было избѣжать при помощи простаго перечня двадцати словъ, какъ напр. отрывка Пафлагонскаго словаря, цитуемаго Плиніемъ.

Какъ бы однако ни было, совокупность странъ, ограничиваемыхъ Дунаемъ, Моравою, Струмою и тремя морями Румеліи, принадлежала въ первыя историческія времена великому Ѳракійскому племени, занимавшему оба берега Босфора и продолжавшемуся въ Азіи одною изъ большихъ своихъ вѣтвей (Ѳины, Ви-Ѳины, Маріан-Дины). Одрисы, Бессы были самыми важными между западными его отра-

слями; другія вѣтви, какъ напр. Долопы, рано ушли во внутренность Греціи и даже въ Пелопоннесъ и на острова.

Къ какому времени принадлежали древніе Ѳракійцы? Это вопросъ почти неразрѣшимый, при противорѣчіяхъ источниковъ и при полномъ почти отсутствіи этнологическихъ указаній. Изъ ихъ языка уцѣлѣло до насъ одно только слово (*бріа* — городъ); съ другой стороны замѣчено, что слоги ***dessus***, которыми оканчиваются многія мѣстныя имена во Ѳракіи, по видимому соотвѣтствуютъ санскритскому ***desa*** — страна. Пеласгическое племя, прототипъ Греко-Романскихъ народовъ, кажется имѣло самыхъ образованныхъ своихъ представителей въ Эллинахъ, самыхъ варварскихъ — во Ѳракійцахъ. Между этими двумя вѣтвями всѣ прочіе народы составляютъ постепенный переходъ. Эпиръ въ своей срединной и южной части есть край чисто Пеласгическій, также какъ и Ѳессалія; Македонія уже очень смѣшана. «Отъ Стримона до Корциры, говоритъ Страбонъ, всѣ народы говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, только нѣкоторые изъ нихъ говорятъ на двухъ» (VII, 14). Что это былъ за языкъ, который употребляли эти народы вмѣстѣ съ нарѣчіями Пеласгическими? Быть можетъ Иллирскій, проникавшій въ то время на югъ, какъ нынѣшній Албанскій.

Замѣтимъ мимоходомъ, что нѣтъ никакой связи, кромѣ имени, между Ѳракіею баснословныхъ преданій Греческихъ и Ѳракіею временъ историческихъ. Первая заключаетъ въ себѣ Македонію и Ѳессалію (см. Фрере, Отфр. Мюллера и Авг. Мори); въ послѣдствіи, когда обѣ страны стали болѣе извѣстны и границы чудеснаго были отодвинуты, Греки начали искать баснословную Ѳракію за Македоніею и назвали Ѳраками (Ѳракійцами) всѣхъ варваровъ, жившихъ отъ Стримона до Эвксина и которыхъ народнаго имени мы не знаемъ. Впрочемъ Ѳракія всегда отвергала отъ себя образованность, не смотря на сосѣдство Греческихъ колоній, покрывавшихъ ея берега, и никогда не составляла обширнаго туземнаго государства, такъ какъ царство Ѳракійское, образовавшееся послѣ смерти Александра, отъ этого народа получило только одно имя.

Неточная и запутанная, древняя этнологія говоритъ о Дакахъ, Гетахъ, Мизійцахъ и даже Иллирахъ, какъ о народахъ происхожденія Ѳракійскаго или родственныхъ Ѳракійцамъ. О первыхъ двухъ

мы скажемъ ниже; что же касается Мизіи, то многіе признаки позволяютъ, кажется, присвоивать ее другому болѣе сѣверному племени. Здѣсь представляется вопросъ: каково было участіе Славянской стихіи въ этнографіи земель на правомъ берегу нижняго Дуная? Шафарикъ отвергаетъ это участіе; но мы не можемъ согласиться съ его заключеніями. Дѣйствительно, очень трудно для знакомыхъ съ именами Славянскими не признавать, вмѣстѣ съ Лелевелемъ, въ словахъ: Билазора (Bylazora), Девельтъ (Develtus), Кораллы (Coralli), Кровизы (Crobyzi), Тривалы (Triballi) и Бессы (Bessi или Vessi), Славянскихъ Бѣлозеро, Дѣвалтовъ, Горалы, Кривичи, Дрехвалы или Древляне и Вессы. Конечно, нѣтъ ничего обманчивѣе сходства именъ и этимологіи, но въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ другаго руководителя.

На западъ отъ Θракійцевъ были Иллиры, другая этнографическая проблема, рѣшеніе которой впрочемъ сильно подвинулось, благодаря остроумнымъ изысканіямъ г. Гана. Это было могущественное племя, занимавшее весь берегъ Адріатики, начиная съ Отранта до Акрокеравнійскихъ горъ. (Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что Калабрійцы, Апулійцы, Даунійцы, быть можетъ также Венеты и Сикулы принадлежали къ этому обширному поколѣнію.) Пространство Иллиріи значительно измѣнялось при Грекахъ и Римлянахъ, такъ что Иллирія первыхъ имѣла мало сходства съ Иллирикумомъ вторыхъ. Границы ея, постоянныя на сѣверѣ, гдѣ онѣ опредѣлялись Савою, чрезвычайно мѣнялись на югѣ, гдѣ у нея не было естественныхъ предѣловъ. Страбонъ распространяетъ имя Иллировъ на многіе народы Эпира, какъ-то: Тавлантіевъ, Парѳиновъ, Булліоновъ, Бриговъ. Это послѣднее названіе, быть можетъ, служитъ звеномъ, соединяющимъ это племя съ Θракіею и Фригіею.

Языкъ Иллирскій, разумѣется, ничего не имѣлъ общаго съ нынѣшнимъ Иллирскимъ, какъ называютъ Сербы Далмаціи свое Славянское нарѣчіе. Два обстоятельства доказываютъ, что нынѣшній языкъ Албанскій или Скипе во всемъ, чего онъ не заимствовалъ изъ Греческаго, Латинскаго или Турецкаго, есть языкъ Иллирскій: во-первыхъ, совершенная почти невозможность произвести его изъ какого нибудь другого древняго языка, во-вторыхъ, объясненіе г. Гана (часто смѣлое, но удачное въ общихъ выводахъ) географи-

ческихъ именъ древней Иллиріи словами, взятыми изъ Скипе. Этотъ способъ доказательства намъ кажется столь же убѣдительнымъ, какъ и предложенный В. Гумбольдтомъ въ пользу сродства языка Басковъ съ Иверскимъ.

Ограничиваемся этими строками относительно Иллировъ, съ которыми еще встрѣтимся въ статьѣ о Скипетарахъ, ихъ потомкахъ.

Весь лѣвый берегъ Дуная, начиная съ устья Тиссы, принадлежалъ одному племени, извѣстному подъ двумя, другъ друга смѣнившими именами — Гетовъ и Даковъ. Подъ первымъ именемъ оно занимаетъ во времена Геродота нынѣшнюю Болгарію; въ эпоху Александра оно покинуло эту страну, быть можетъ гонимое Трибаллами, и поселилось на сѣверномъ берегу Дуная. Даки появляются тремя вѣками позже; почти всѣ писатели (Плиній, Аппіанъ и пр.) видятъ въ этомъ имени синонимъ съ именемъ Гетовъ, но Страбонъ различаетъ ихъ. По его мнѣнію Даки населяютъ верхнюю, а Геты нижнюю часть рѣки. Гетскій царь Беребиста (Berebistas), современникъ Августа, довелъ народъ до высшей степени процвѣтанія; черезъ вѣкъ спустя Траянъ завоевывалъ Дакію, истреблялъ народъ Дакскій и проводилъ туда римскую стихію чрезвычайно обширными поселеніями.

Древніе относили Гетовъ и Даковъ къ Ѳракійскому племени; Шафарикъ принялъ это мнѣніе. При отсутствіи филологическихъ указаній, мы должны замѣтить одно обстоятельство: имена городовъ, у Ѳракійцевъ обыкновенно оканчивающіяся на *дессусъ*, кончаются на *дава* у ихъ Задунайскихъ сосѣдей. И такъ, если языки этихъ народовъ имѣли общее основаніе, то надо предположить, что они отличались между собою также, какъ напримѣръ, Французскій и Итальянскій, которыя замѣняютъ Латинское окончаніе *acum*, одинъ—слогомъ *ay*, другой—слогомъ *aco: Martiacum, Marsiacò, Marçay*.

Исторія молчитъ объ ихъ происхожденіи. По сходству имени уже давно относили ихъ къ Дагамъ Персіи, къ Массагетамъ и Ѳиссагетамъ средней Азіи. Риттеръ въ своемъ Землевѣдѣніи обратилъ вниманіе на свидѣтельства Китайскихъ писателей о народѣ Юэти, бѣлаго племени, который выгнали разныя обстоятельства изъ средней Азіи и отодвинули къ Туркестану; онъ признаетъ тождество

Гетовъ съ этими *Юэти*, *Юэ-чжи* или *Іета* (Yeta). Но г. Вивьенъ де Сенъ Мартенъ въ сочиненіи своемъ: «Etude sur les Huns Ephtalites» доказалъ, что переселеніе Юэтчи произошло только за два вѣка до нашей эры, и что они не могли быть Гетами, жившими на Дунаѣ еще за триста лѣтъ передъ этимъ.

Подробности, сохраненныя намъ Птолемеемъ, о народцахъ Дакіи, по видимому представляютъ смѣсь различныхъ народностей. Есть имена Славянскія (Saldensii), Иллирскія (Vardaei), Кельтскія (Teurisci, Britolagae), Германскія (Victofali), и другія съ видомъ Ѳракійскимъ (Caucoenses), или нынѣшнимъ Валашскимъ (Ciagisi). Долго жившій съ Гетами, Овидій могъ бы сообщить намъ нѣсколько свѣдѣній объ ихъ племенномъ сродствѣ; но онъ только замѣтилъ, что они говорили тѣмъ же языкомъ, что и Сарматы, а между тѣмъ почти доказано, что Сарматы были Славяне. Но крайности мы думаемъ, что это послѣднее положеніе доказано Шафарикомъ, не смотря на очень важныхъ противниковъ. Въ итогѣ — вездѣ неизвѣстность и гипотезы.

Кельтическій элементъ въ различныя времена существенно измѣнялъ эти различныя племена. Друидическія преданія приводятъ Галловъ-Кимровъ изъ страны Гафъ (лѣта), а позднѣйшая вставка прибавляетъ: «гдѣ нынѣ Константинополь». Этотъ комментарій не имѣетъ никакой исторической цѣны; преданіе указываетъ только на востокъ, и историческія изслѣдованія о происхожденіи Кельтовъ достаточно доказали, что, бѣжа отъ Скиѳовъ, Кимры пришли съ береговъ Дона къ берегамъ Рейна въ концѣ VII в. до Р. Х. Прошли ли они отъ Бессарабіи вверхъ по Дунаю или избрали болѣе сѣверный путь черезъ Германію? Въ этомъ случаѣ можно только предлагать однѣ догадки, но неоспоримо, что слѣды переселенія Галловъ многочисленны на всемъ пространствѣ земель къ сѣверу отъ Балкановъ. Поселеніе Бойевъ и Скордисковъ послѣ нашествія Галловъ въ 277 г. отчасти объясняетъ эти слѣды, но только отчасти. Эти два народа, также какъ и ихъ сосѣди, Гальскіе Тевриски, истребивъ различные народцы Ѳракійскіе, Мизійскіе и Иллирійскіе, были сломлены Гетами, и мы едва знаемъ ихъ мѣста жительства. Шафарикъ полагаетъ, что край, называемый Сербами *Стари-Вла(хъ)* около Новаго-Пазара, напоминаетъ объ ихъ пре-

бываніи. Два поля (agri) въ томъ краю, Meldianus ager и Remessianus ager (на сѣверо-востокъ отъ Софіи, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи) напоминаютъ два Гальскихъ также сосѣднихъ народа Мельдовъ и Ремовъ. Новіодунумъ на Дунаѣ (около Тульчи) также есть безспорно имя Кельтское, какъ и имя Серета (Ararus). Дакскіе народы Тевриски, Бритолаги (Breitho-lagen, т. е. озерные Бретонцы) въ южной Бессарабіи принадлежатъ къ тому же разряду.

Послѣднее и немаловажное доказательство состоитъ въ томъ, что въ нынѣшнемъ Румынскомъ языкѣ, замѣнившемъ Дакскій, нѣсколько словъ таинственнаго происхожденія очевидно происхожденія Кельтскаго. Выбираемъ на удачу нѣсколько словъ: рум. торой-напъ—палица (casse-tête), кельт. torr-pen (отъ tori ломать и pen голова); рум. катапъ—воинъ, кельт. kat—битва; рум. маре—великій, кельт. mar и mawr; рум. адынк—глубокій, кельт. doun (сравни адынкъ съ словомъ bodincus у Плинія, что на языкѣ Цизальпиновъ значило «бездонный»).

За этими необходимыми предварительными замѣчаніями о древней этнографіи земель на югъ отъ нижняго Дуная спѣшимъ перейти къ современному ихъ состоянію.

III. Нынѣшніе народы Европейской Турціи.

1. Семейство Индо-Европейское.

а) *Цыгане.*

Мы не имѣемъ надобности касаться всѣхъ вопросовъ, поднятыхъ этнографами объ этомъ народѣ, распространенномъ по всей Европѣ до крайняго Запада. Ихъ названіе, мѣняющееся по странамъ (Bohémiens, Gitanos, Gypsies, Zigeuner), на востокѣ Цыгане (по Турецки Чингене, по Румынски Цигани). Ихъ Индусское происхожденіе нынѣ внѣ всякаго сомнѣнія; оно обнаруживается въ ихъ физическомъ типѣ, кастической организаціи и особенно въ ихъ языкѣ, который есть испорченный Санскритскій и чрезвычайно смѣшанъ со словами, заимствованными изъ языковъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они живутъ. Появленіе ихъ въ Европѣ совпадаетъ

съ нашествіемъ Тамерлана въ Индію и теперь вообще принято, что преслѣдованія Монгольского завоевателя противъ Индусовъ не Мусульманъ породили переселенія этихъ обширныхъ ордъ въ XV стол. (см. превосходную записку г. Павла Батальяра въ Bulletin de l'Ecole des Chartes). Но съ другой стороны Геродотъ помѣщаетъ именно Сигиновъ въ той странѣ, гдѣ теперь живутъ они массами, на нижнемъ Дунаѣ. Въ Аргонавтикахъ (v. 759), у Аполлонія Родосскаго (IV, 320) и у Страбона встрѣчается это же имя. Сигинны Геродота суть народъ отличный отъ Ѳракійцевъ, сами себѣ приписываютъ Мидійское происхожденіе (т. е. Иранское или Арійское), одѣваются какъ Мидійцы, ведутъ жизнь Скиѳовъ на телѣгахъ, запряженныхъ малорослыми лошадьми съ длинною гривою. Сходство имени, образа жизни, эти характеристическія черты Валашской лошади позволили нѣкоторымъ писателямъ догадку, что Сигинны были предками новѣйшихъ Цыганъ, поселившихся въ Валахіи съ незапамятныхъ временъ. Мы охотно склоняемся къ этой послѣдней гипотезѣ, но еще остается объяснить, почему этотъ странный народъ, отмѣчаемый, какъ восточный, между варварами Запада уже болѣе 20 вѣковъ тому назадъ, не появляется въ исторіи ни въ Римское владычество, ни при Славянахъ и Венграхъ до XV в. Упоминовеніе о Цыганахъ въ Румынской исторіи до Александра Добраго (1417) могло бы пролить много свѣта на этотъ вопросъ.

Разсѣянные по всему востоку, Цыгане образуютъ настоящій народъ въ Молдо-Валахіи. Ихъ встрѣчаешь на каждомъ шагу въ исторіи этихъ земель, сначала въ быту кочевомъ, потомъ въ рабствѣ у князей и бояръ; нѣкоторыя толпы, какъ исключеніе, поселились на Венгерской границѣ и за храбрость, съ которою защищали эти передовые посты, получили свободу и льготы. Въ 1848 г. временное правительство Валахіи освободило этихъ несчастныхъ; снова, въ томъ же году, обращенные въ рабство въ слѣдствіе нашествія Турецкаго, они опять освобождены были послѣ войны 1854 г. Молдавія послѣдовала этому примѣру при князѣ Григоріи Гикѣ.

Цыгане въ княжествахъ раздѣляются на нѣсколько кастъ, называемыхъ по Румынски: *лингурари*, *лаутари*, *урсари*, *аурари*, *нетоци*. Первые плотники и столяры приготовляютъ кухонную посуду, (*лингуре*), живутъ толпами въ равнинахъ и лѣсахъ. *Лаутари*

имѣютъ монополію музыки; прекрасные артисты, самые образованные изъ цыганъ; живутъ по городамъ, предаются выгодному занятію музыкантовъ. Мы знавали нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Влада и Оки-Альби (т. е. Бѣлоглаза) въ Букарестѣ, композиторовъ замѣчательныхъ. *Урсари* водятъ медвѣдей, а *аурари* промываютъ золото въ золотоносныхъ рѣкахъ, какъ напр. въ Яломицѣ и Праховѣ. Во времена рабства они платили государству золотымъ пескомъ значительную подать, которая исключительно назначалась на брилліанты княгинѣ, супругѣ воеводы.

Лица этихъ четырехъ кастъ обладаютъ всѣми особенностями высшихъ кастъ Индіи (Аріевъ), какъ въ окладѣ лица, такъ и въ цвѣтѣ кожи, который отъ простаго смуглаго доходитъ до краснокирпичнаго; но послѣдняя каста — *нетоци*, своимъ типомъ и особенно своимъ униженіемъ совершенно напоминаетъ порабощенное и истреблявшееся Арійцами Тамульское народонаселеніе, какъ напр. Бпловъ или Сауріевъ въ Гаутскихъ горахъ. Эти несчастные бродятъ полунагіе, живутъ въ лѣсахъ и подъ шатрами, промышляя воровствомъ и хищничествомъ, питаются нечистыми животными и не хоронятъ своихъ мертвецовъ. Въ постоянномъ подозрѣніи и скрытной войнѣ съ тѣмъ пародонаселеніемъ, между которымъ вращаются, они замѣтно исчезаютъ и безъ сомнѣнія принуждены будутъ наконецъ обратиться къ хлѣбопашеству, какъ то и случилось уже съ ихъ братьями въ Трансильваніи, благодаря энергическимъ мѣрамъ Австрійскаго правительства въ XVIII-мъ столѣтіи. Впрочемъ земледѣліе для всѣхъ кастъ Румынскихъ Цыганъ есть самое противное занятіе; они всего охотнѣе привыкаютъ къ такого рода промысламъ, которые не препятствуютъ первой ихъ потребности, кочевой жизни.

До освобожденія считали въ Молдавіи до 60,000, въ Валахіи до 130,000 Цыганъ, принадлежавшихъ, какъ рабы, отчасти государству, отчасти церкви и боярамъ. При новомъ положеніи число это должно увеличиться. Цыгане исповѣдываютъ православную вѣру (грекоВосточнаго обряда), и такъ какъ они въ сущности прекрасное племя, а съ другой стороны къ нимъ не питается никакого отвращенія, то нѣтъ никакого препятствія къ сліянію ихъ въ самомъ недалекомъ будущемъ съ массою Румынскаго народонаселенія.

Цыгане въ Сербіи и въ Турціи живутъ при другихъ условіяхъ.

Мы не могли провѣрить точнаго ихъ числа, которое приблизительно доводимъ до 200,000, такъ какъ вообще, будучи мусульманами, они записаны въ оффиціальныхъ росписяхъ Турецкаго правительства заодно съ Турками. Одни изъ нихъ ведутъ кочевую жизнь, другіе разселены по деревнямъ и еще чаще въ особыхъ кварталахъ при городскихъ воротахъ. По занятіямъ своимъ они преимущественно кузнецы и вообще желѣзники, то что у Турокъ извѣстно подъ словомъ *демирджилеръ*. Больше всего я нашелъ ихъ въ Албаніи и на берегахъ верхней Марицы; но не думаю, чтобъ они числомъ своимъ превосходили 40,000 душъ.

б. *Нѣмцы.*

Немногіе нѣмцы, живущіе въ Турціи и княжествахъ, образуютъ небольшія торговыя и ремесленныя колоніи въ нѣсколькихъ городахъ, въ Бѣлградѣ, Букарестѣ и пр.; Сербы называютъ ихъ *Швабами*, Турки — *Нѣмчѐ*, Валахи — *Нямцъ;* они обыкновенно находятся подъ покровительствомъ австрійскихъ консуловъ. Въ Добруджѣ около 1,200 человѣкъ живутъ въ деревняхъ Малкочу, Акмеча, Текели *); они пришельцы изъ сѣверной Германіи и нынѣ состоятъ въ вѣдѣніи вице-консула въ Рущукѣ.

---

2. Племя Пеласгическое (Греко-Латинское).

а. *Греки.*

Здѣсь не мѣсто разсуждать о стихіяхъ, образовавшихъ старшую вѣтвь Пеласгическаго племени, народъ Эллинскій, о которомъ мы уже упоминали. Этотъ блестящій народъ, имѣвшій свое средоточіе въ Элладѣ (средней Греціи), Пелопоннесѣ, островахъ и на западномъ берегу Малой Азіи, поглотилъ въ себѣ силою уподобленія менѣе развитыя стихіи (Ѳракійскія и Иллирскія) и развѣтвился въ свою очередь на безчисленныя колоніи, которыя эллинизовали, въ краѣ, насъ здѣсь занимающемъ, берега Македоніи (Халкидику), Ѳракіи

*) Издатель, г. Петерманнъ, замѣчаетъ присемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ правописаніе г. Лежана въ текстѣ отлично отъ правописанія на картѣ, и что онъ сохранилъ то и другое.

(Херсонисъ или полуостровъ Галлипольскій), острова Лимносъ и Самоѳраку, прибрежье Пропонтиды и Понта Эвксинскаго и нѣкоторыя разсѣянныя мѣстности въ Иллиріи. Въ слѣдствіе Македонскихъ завоеваній Греческая образованность до того распространила свое владычество во Ѳракіи, Иллиріи и Мизіи, что даже подъ римскимъ господствомъ Эллинскій языкъ и Эллинское искусство почти исключительно являются на сохранившихся до насъ памятникахъ и надписяхъ.

Полуостровъ Эллинскій, не имѣвшій самостоятельной исторіи со времени римскаго завоеванія, съ V в. сталъ подвергаться страшнымъ нашествіямъ. Нѣсколько разъ племена Славянскія селились во всей Греціи, проникая въ глубь до самаго Пелопоннеса. Послѣдняя область долго оставалась во власти двухъ изъ этихъ племенъ. Эти Славяне слились съ массою Эллинскою, приявъ ея языкъ и образъ жизни, въ которые они въ тоже время внесли свои пастушескіе и воинственные обычаи. Безчисленныя *Славохоріи*, находящіяся даже въ самомъ Критѣ, славянскія имена, какъ то: *загора*, *Озеро*, *Быстрица*, распространенныя въ мѣстахъ, очень отдаленныхъ отъ Славянской территоріи, достаточно свидѣтельствуютъ объ этихъ нашествіяхъ. Въ сочиненіи, знаменитомъ тѣмъ негодованіемъ, какое оно возбудило, г. Фальмерайеръ опирается на эти данныя, стараясь доказать, что древніе Эллины почти совершенно исчезли, а нынѣшніе ихъ преемники преимущественно смѣсь Иллировъ и Славянъ. Это положеніе слишкомъ систематично. Если въ одеждѣ и образѣ жизни новые Греки многое заимствовали отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей, то языкъ ихъ отнюдь не подвергся такому же вліянію, а что касается ихъ физическаго типа, то довольно пожить нѣсколько времени между Сербами и Болгарами и потомъ спуститься на югъ къ Ларисѣ, чтобы увидать ту огромную разницу, которая существуетъ между Славянскимъ крестьяниномъ и земледѣльцемъ береговъ Селамвріи. Очевидно, классическій греческій типъ вездѣ одичалъ и еще болѣе въ Европѣ, нежели на Азіатскомъ берегу и островахъ, но онъ совсѣмъ не исчезъ и всего чаще попадался онъ намъ между женщинами.

Но въ особенности по нравственнымъ качествамъ древній Эллинъ проявляется въ новомъ *Ромаикосѣ:* тотъ же быстрый и гибкій

умъ, тѣ же способности ко всему, та же подвижность въ наклонностяхъ и желаніяхъ, та же народная гордость, то же отвращеніе ко всякому игу незаконному или законному, то же художественное чувство къ прекрасному, тотъ же патріотизмъ, таже любовь къ политическимъ и умственнымъ занятіямъ, наконецъ, надобно признаться, то же равнодушіе къ нравственнымъ правиламъ. Въ нынѣшнемъ своемъ положеніи этотъ народъ представляется намъ самымъ способнымъ проводникомъ новѣйшей образованности на Востокѣ, ибо съ любовью къ отечеству и къ возвышеннымъ идеямъ онъ соединитъ глубокое чувство своего прошедшаго, въ которомъ видитъ залогъ своего будущаго.

Въ Европейской Турціи Греческая народность занимаетъ нынѣ всѣ берега Архипелага, Мраморнаго и Чернаго морей, отъ залива Ламійскаго до воротъ Варны. Это обширное береговое пространство прерывается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ Болгарская народность доходитъ до моря, какъ то въ окрестностяхъ Солуня и Бургаса. Внѣ этого пространства нѣсколько Греческихъ деревень образуютъ родъ островковъ между Славянами. Одинъ изъ нихъ, Станимако близъ Филиппополя, состоитъ изъ трехъ деревень — Куклина, Водена, Амбело или западное Станимако. Существованіе этой маленькой колоніи породило историческія басни, которыя можно прочесть въ книгѣ Грека Цукалоса (Tzoukalos — Historiogeographia tis eparchias Philippoupoleôs. Вѣна, въ 8-ку); оно просто на просто объясняется естественнымъ очертаніемъ страны, позволившимъ Станимакцамъ удержаться межъ варваровъ.

Есть одна Греческая деревня (Алибей) въ Добруджѣ. Совсѣмъ новый городъ Сулина населенъ по большей части Греческими купцами, которые замѣнили здѣсь Русскихъ, изгнанныхъ отсюда четыре года тому назадъ.

Настоящее средоточіе Грековъ въ Европейской Турціи составляетъ полуостровъ Халкидика, гдѣ они обитаютъ безъ всякой примѣси, за исключеніемъ города Низворо, на половину Турецкаго, и горы Аѳонской, на половину Славянской. Въ Ѳессаліи живутъ они далеко не такъ плотно. Турки столпились между Фарсаломъ и моремъ, въ самыхъ плодородныхъ равнинахъ, а Валахи живутъ по многимъ городамъ, имъ же вмѣстѣ съ Албанцами принадлежатъ и

западныя горы. Въ Македоніи Болгары овладѣли почти всѣмъ краемъ и понемногу оттѣснили Эллиновъ къ морю, гдѣ тѣ удержались на одной узкой и болотистой окраинѣ между Платамоною и Колакіею. Позднѣе и Турки Коніариты также помогли этому вытѣсненію Эллинскаго племени изъ Македоніи, въ Чершанбе на западѣ и на востокѣ отъ Солуня до Стримона. Отъ этой рѣки до Марицы Эллинская область образуетъ очень узкую полосу, населенную моряками и рыболовами, тогда какъ Болгаринъ, земледѣлецъ по преимуществу, занимаетъ высоты, господствующія надъ этимъ побережьемъ. Греческая народность, какъ земледѣльческая, начинаетъ показываться только за Макри, вдоль по Маринѣ до Адріанополя и въ цѣлой восточной Ѳракіи до Босфора. Составляя лишь меньшинство общаго населенія Константинополя, Греки образуютъ однако большинство въ Европейскомъ кварталѣ столицы, своею плотною массою удерживая наплывъ Турокъ, которые принуждены были селиться дальше.

Наибольшая ширина области, занимаемой Греками въ Европейской части имперіи, есть пространство отъ Гафсы (подлѣ Адріанополя) до Константинополя. Далѣе къ сѣверу стихія Греческая быстро уменьшается; при Сизеболи Болгарскія деревни отстоятъ отъ моря на ружейный выстрѣлъ. Между Бургсомъ и Варною весь берегъ остался Греческимъ, благодаря тѣмъ точкамъ опоры, которыя представляли Грекамъ города Анхіалъ и Месемврія (Ахіолу и Миссиврія); внутри города Аидосъ и Карнабатъ также въ значительной части Греческіе. Эта узкая полоса была замѣчена генераломъ Іохмусомъ въ его путешествіи къ Балканамъ и заслуживаетъ изученія, какъ крайній предѣлъ Греческой народности на сѣверѣ.

На островахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деревень и кварталовъ въ укрѣпленныхъ городахъ, Греки составляютъ единственное народонаселеніе. Въ Кандіи они преобладаютъ до такой степени, что Греческій языкъ исключительно употребляется на островѣ и сами Турки не говорятъ тамъ иначе, какъ по Гречески. Единственный округъ острова чисто христіанскій есть округъ Сфакійскій, обитаемый Сфакіотами, воинственными горцами и моряками, ужасомъ Турокъ въ войну за независимость.

Греки въ нынѣшней Турціи со временъ Византійцевъ сами

себя называютъ Римлянами, *Ромеями* (Ρωμαῖοι); имя Эллиновъ очень недавняго изобрѣтенія и относится только къ Греческому королевству. Турки зовутъ ихъ *Румлерз* (единств. *Румз*), Славяне *Грѣками**). Языкъ ихъ, такъ называемый *Романка* или Ново-Греческій, наполненъ словами Турецкими и Итальянскими; Греческій языкъ классическій *(Aplo Hellinika)* преподается въ училищахъ и болѣе употребителенъ въ письмѣ, нежели въ разговорѣ. Что касается до числа населенія, то его трудно опредѣлить съ точностью, за смѣшеніемъ у Турокъ Грековъ по народности съ исповѣдниками греческой вѣры. Вотъ числа, кажущіяся намъ наиболѣе вѣроятными:

Греки Константинополя и Босфора . . .	110,000 душъ.
Греки Кандійскіе	80,000 —
Греки Θессаліи, Румеліи, Болгаріи . . .	800,000 —
	990,000 душъ.

б) *Скипетары (Арнауты или Албанцы).*

Выше мы вкратцѣ изложили извѣстія о древнихъ Иллирахъ. Этотъ обширный народъ, нравственно завоеванный Греческою образованностью, матеріально Римлянами, подвергся въ своемъ языкѣ вліянію этихъ двухъ стихій въ огромныхъ размѣрахъ. Въ седьмомъ вѣкѣ Славяне, явившись съ сѣвера черезъ долину Неретвы, отодвинули на югъ Иллировъ, которыхъ Византійцы знали подъ именемъ *Арванитовз*, отъ испорченнаго слова *Албаны* (Albani), которымъ называлось одно изъ ихъ племенъ еще при Птолемеѣ. Западные народы сохранили это имя Албанцевъ для общаго ихъ названія; Византійское слово передѣлали Турки въ *Арнаутз*, тогда какъ народное ихъ названіе есть *Скипетарз*, что значитъ Горцы. Они съ своей стороны оттѣснили Греческій народъ и языкъ до Коринѳскаго залива, а передовые ихъ поселенія проникли во внутренность Пелопоннеса и до Кикладъ.

Ученый трудъ г. Гана объяснилъ древности Албанцевъ и нынѣшнее распредѣленіе ихъ въ Европѣ. Въ этомъ послѣднемъ отноше-

---

*) По Сербски и по Болгарски Гръкъ, Гръци (*поправка Редакціи:* въ подлинникѣ сказано, что Славяне зовутъ ихъ — Реки). Къ этому можно прибавить, что Албанцы называютъ Грековъ — Геркь и Грекъ.

ніи слѣдуетъ замѣтить нѣкоторыя ошибки: мы исправили ихъ на нашей картѣ по даннымъ, собраннымъ на мѣстѣ, во время нашего путешествія. Такъ округи Гусинье и Плава, большая часть округа Антивари и все Лешко поле вмѣстѣ съ Зетско поле суть края Славянскіе, но большинство этихъ Славянъ мусульмане, что вѣроятно и обмануло этнографовъ.

Рѣка Шкумъ раздѣляетъ сѣверныхъ Албанцевъ (Геговъ) отъ южныхъ (Тосковъ). Мы только мимоходомъ скажемъ объ ихъ раздѣленіи на католиковъ, православныхъ и мусульманъ, такъ какъ въ религіозномъ отношеніи страна Скипетаровъ представляется какою-то мозаикою, которую трудно обозначить. Впрочемъ физически это прекрасный народъ, въ которомъ типъ Греко-классическій попадается очень часто. Обычаи ихъ воинственные по преимуществу. Они любятъ поступаться на службу къ пашамъ и беямъ самыхъ отдаленныхъ краевъ имперіи. По прошествіи извѣстнаго срока службы они охотно удаляются въ деревни, которыя имъ отводятъ; вотъ почему такъ много въ Турціи этихъ Арнаутъ-кой или Арванито-хоріо (*Албанская деревня* по Турецки и по Гречески). Вслѣдствіе возмущеній по случаю военной конскрипціи, болѣе 25,000 Арнаутовъ были сосланы въ Румелію, отчего въ Родопѣ горная цѣпь носитъ названіе *Арнаутъ Планина*, но вообще они получили впослѣдствіи позволеніе воротиться во свояси.

Около двухъ столѣтій тому назадъ Сербы, жившіе около Болгарской Моравы, тяготясь Турецкимъ господствомъ, переселились въ предѣлы Австріи, гдѣ они вскорѣ достигли цвѣтущаго состоянія. Опустѣлый край былъ предоставленъ Албанцамъ мусульманамъ; это Арнауты въ Ново-Брдо и на сѣверо-западъ отъ Врали, почти вовсе неизвѣстные путешественникамъ *). Между Албанскими поселеніями, разсѣянными дальше на сѣверъ, мы укажемъ на прекрасную

*) Послѣ изданія этнографической карты Лежана, этотъ край подробно изслѣдованъ и описанъ извѣстнымъ авторомъ книги «Albanesische Studien», г. Ганомъ, въ новомъ его сочиненіи: «Reise von Belgrad nach Saionik» (въ Denkschriften Вѣнской Академіи Наукъ, т. XI. 1861 г.). Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Ганомъ, оказывается, что Албанское племя населяетъ верховья Болгарской Моравы менѣе плотно, нежели какъ указано на картѣ Лежана и что Болгарскія деревни простираются въ этомъ краѣ дальше на западъ. *(Прим. Редакціи).*

деревню Арнаут-кой подъ г. Трновомъ, неселенную Албанцами земледѣльцами, Греческаго исповѣданія и языка, и деревню Волконешти въ Бессарабіи. Албанцы въ Волконешти употребляютъ языки Турецкій и Скипе, но вѣры Греческой, сами же себя называютъ *Гагеуцъ* (Геги).

Албанцы раздѣляются на роды (фисъ или фаресъ). Тоски подчинены Портѣ также какъ и южные Геги. Всѣ же сѣверные роды, по праву или на дѣлѣ, пользуются извѣстною автономіею. Албанцы католики въ горахъ управляются, какъ хотятъ, имѣя *векиля* (повѣреннаго) при пашѣ въ Скодрѣ или Скутари. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ Мирдиты и за ними Дукагины, потомъ Пулаты (лѣсные жители); наконецъ есть еще цѣлая группа родовъ, между которыми Клементы занимаютъ первое мѣсто, хотя умножавшись, они разбились на различныя отдѣленія. Они главнѣйше отправляютъ военную службу какъ башибузуки или иррегулярная кавалерія и могутъ выставить 15,000 человѣкъ.

Албанское населеніе Европейской Турціи въ частности слѣдующее:

Геги (по даннымъ г. Геккара о Скодрскомъ пашалыкѣ):

Мирдиты	21,800	душъ.
Дукагины	6,800	»
Матіа	6,750	»
Пулаты	6,412	»
Посрипа	6,700	»
Клементы	4,000	»
Шкрелль	4,280	»
Кастрати	4,600	»
Хотти	4,500	»
Задрима	18,000	»
Копликн	4,050	»
Груди	3,000	»
Ріоли	1,600	»
Трепши	2,000	»
Разные роды и общины	4,460	»
Нахіи Скодра, Антивари и Дульциньо	60,400	»
Нахія Алессіо	4,950	»
Итого для пашалыка	164,302	души.

Южные Геги (Эль-Бассанъ, Тирана и пр.)	280,000	душъ.
Геги въ Рассѣ и на Моравѣ	70,000	»
Тоски (Эпира, Θессаліи, Средней Албаніи)	750,000	»
Разныя колоніи	45,000	»
	1,309,302	души.

Это число значительно ниже тѣхъ чиселъ, которыя были понынѣ показываемы гг. Буэ и Убичини, считавшими Албанцевъ до 1,400,000 и 1,600,000; между тѣмъ мы могли убѣдиться, что наше показаніе скорѣе преувеличено, нежели уменьшено. Такъ, относительно однихъ только *горцевъ*, какъ называются независимые роды, всѣ бывшія донынѣ исчисленія чрезвычайно ихъ преувеличивали; напр. д-ръ Мюллеръ полагаетъ племя Кастрати въ 28,000 (въ шестеро больше настоящаго числа), а Клементи 42,000 душъ (въ десять разъ больше). Числа, заимствованныя нами у г. Геккара, Французскаго консула въ Скодрѣ, офиціальнаго покровителя католическихъ родовъ, не могутъ быть оспариваемы и прибавляютъ новое доказательство къ тысячѣ другихъ о неточности статистическихъ данныхъ въ Турціи, какъ и на всемъ востокѣ, относительно всего, что не имѣетъ строго фискальной цѣли.

в) *Румыны*.

Историческая наука такъ много занималась этимъ таинственнымъ народомъ, что въ настоящее время нѣкоторыя стороны его древностей окончательно объяснены. Такъ наприм. доказано, что *Румыны* (Румуни или Валахи) потомки Даковъ, завоеванныхъ Траяномъ и романизованныхъ многочисленными поселеніями; что со временъ нашествія варваровъ Римъ сталъ выводить свои легіоны на правый берегъ Дуная, оставляя Траяновскую Дакію наводнившимъ ее Славянамъ (Sclaveni), смѣненнымъ потомъ Куманами и Патцинакитами (Печенѣгами); что наконецъ эти послѣдніе исчезли въ свою очередь около XIII в. и что на ихъ мѣстѣ образовались два княжества подъ названіемъ Валахіи или собственно Романіи и Молдавіи.

Таковы неоспоримые факты; но какъ объяснить преемственность и непрерывное существованіе Румынской стихіи и народности отъ послѣднихъ императоровъ до Румынскихъ князей Рад-Негу-

ру и Драгоша? Туземныя лѣтописи сообщаютъ объ этомъ предметѣ много басенъ, которыхъ мы не станемъ разбирать, особенно объ отношеніяхъ Румыновъ къ завоевателямъ Венгерскимъ. Знаменитый д'Анвиль предложилъ о происхожденіи Валаховъ еще менѣе удовлетворительную догадку, перенеся ихъ на нѣсколько вѣковъ въ глубь Азіи. Лѣтописи наиболѣе достовѣрныя вкратцѣ передаютъ, что масса Румынскаго народа бѣжала въ Мармарошь (Венгерскіе Карпаты), гдѣ она оставалась во время нашествія варваровъ и откуда при Драгошѣ и Раду спустилась въ юго-восточныя равнины. Прибавляютъ еще, что̀ уже болѣе сомнительно, будто бы при появленіи пересленцевъ существовали въ Молдавіи цвѣтущія общины, какъ-то «Тигина» или Бендеры, Хотинъ, Берладъ. Въ подтвержденіе этого факта имѣется даже недавно найденная «Лѣтопись Драгоша», которая была бы драгоцѣнна, если бы не носила на себѣ всѣхъ признаковъ явной поддѣлки, совершенной въ интересахъ боярской фамиліи Булдуровъ.

Какъ бы то ни было, Молдо-Валашская народность сама себя называетъ *Румынами* (единств. *Румынъ*), а свой языкъ *Румынешти*, Валахію—*царя румыняска* (terra romanesca). Имя *Влаховъ*, которое имъ дали Византійцы и Венгерцы (Βλάχοι, по Мадьярски *Olak*), происходитъ отъ Славянскаго слова «Влахъ», вообще означающаго людей Латинскаго племени, какъ *Нѣмецъ* — Германскаго. Славяне, какъ извѣстно, въ этихъ случаяхъ весьма любятъ обобщеніе, и ихъ Влахъ (очень хорошо объяснено у Шафарика) соотвѣтствуетъ Нѣмецкому «*Wâlsch*».

Румыны образуютъ въ двухъ княжествахъ народъ нѣсколько болѣе, нежели въ 4 милліона душъ, совершенно однородный, даже относительно языка. Высшіе классы нѣсколько смѣшаны (особенно въ Молдавіи) съ Греческою фанаріотскою кровью, но народъ чисто Румынскій и своимъ типомъ живо напоминаетъ Даковъ Траяновой колонны. Римъ, кажется, мало влилъ въ нихъ своей крови, но не то случилось съ ихъ языкомъ, который въ девяти десятыхъ есть испорченный Латинскій; остальная десятая доля по большей части Славянская съ нѣсколькими словами Турецкими, Венгерскими и наконецъ съ запасомъ словъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ сродныхъ языковъ; этотъ запасъ, кажется, не превышаетъ 200 словъ.

Очевидно, что это остатокъ древняго Дакскаго языка, и было бы весьма важно для этнографіи, если бы какой нибудь филологъ подвергъ его сравненію съ различными Индо-Европейскими языками *).

Румынскій типъ правиленъ, чѣмъ и отличается отъ болѣе мужественныхъ, чѣмъ красивыхъ типовъ Венгерскаго и Славянскаго; бѣлокурые въ немъ не менѣе рѣдки, чѣмъ черноволосые, что указываетъ на варварское Дакское или Гальское происхожденіе.

Естественныя границы двухъ княжествъ, Прутъ и Дунай, со всѣхъ сторонъ широко перейдены Румынскою народностью. Она занимаетъ весь Бессарабскій берегъ Прута и весь южный берегъ Дуная отъ Дунавца до воротъ Силистріи. Въ Добруджѣ Румыновъ считаютъ около 33,000 душъ. Въ Болгаріи много Валашскихъ крестьянъ поселилось въ окрестностяхъ Врани, бѣжа отъ крѣпостной въ нѣкоторомъ родѣ зависимости, учрежденной «органическимъ уставомъ»; по той же причинѣ множество Валаховъ удалилось въ Сербію, гдѣ правительство поселило ихъ на земляхъ, опустѣлыхъ послѣ войны за независимость.

Трудолюбивые, дѣятельные и болѣе плодовитые, нежели Сербы, они постоянно умножаются, такъ что въ 1857 г. достигли уже слѣдующихъ чиселъ:

Округъ Пожаревца.	39,728	душъ.
» Крайны	35,671	»
» Черной Рѣки.	20,597	»
» Чюпріи.	7,351	»
» Смедерева (или Подунавлье).	996	»
Итогъ	104,343	душъ.

Прибавимъ эту сумму къ оффиціальнымъ числамъ княжествъ. (Мы можемъ сообщить только числа приблизительныя, такъ какъ переписи производились главнѣйше въ виду подати, отъ чего нѣкоторые разряды лицъ считались круглыми числами.)

---

*) Эта задача отчасти исполнена г. Миклошичемъ въ его прекрасной монографіи: «die Slavischen Elemente im Rumunischen» (Вѣна, 1861 г.). За указываемой г. Лежаномъ первобытной Дакской стихіей Румынскаго языка, г. Миклошичь нашелъ наибольшее сродство съ языкомъ Албанскимъ.

(Прим. Редакціи).

Въ Сербіи.	104,343 душъ.
» Валахіи	2,420,000 »
» Молдавіи (съ Молдавскою Бессарабіею).	1,605,000 »
» Добруджѣ	33,000 »
Поселенцы въ Болгаріи	40,000 »
Итогъ . . .	4,202,000 душъ.

Это одинъ изъ самыхъ точныхъ выводовъ, которые мы могли получить, ибо онъ основанъ, не смотря на нѣкоторые частные пробѣлы, на оффиціальныхъ данныхъ, даже въ Добруджѣ, гдѣ г. Іонеско повѣрилъ по деревнямъ списки, полученные имъ отъ Турецкихъ начальствъ. Что касается до поселеній въ Болгаріи, то мы могли представить только число гадательное, но во всякомъ случаѣ скорѣе преувеличенное, нежели уменьшенное. Нельзя такимъ образомъ довѣрять невольнымъ преувеличеніямъ нѣкоторыхъ Румынскихъ статистиковъ, которые кладутъ на всю Румынскую народность до 14.000.000 (вмѣсто вѣроятнаго числа 7.600.000), подразумѣвая тутъ и Цинцаровъ, къ которымъ теперь переходимъ.

г) *Цинцары (Влахи, Македонскіе Валахи).*

Это любопытное народонаселеніе, разсѣянное по всему пространству нижней Албаніи, Ѳессаліи, западной Македоніи и материковой Греціи, соединяется съ собственно называемыми Валахами узами таинственными, но неоспоримыми. На собственномъ ихъ языкѣ они называются «Румуны» какъ и Дунайскіе ихъ братья; Греки и Славяне зовутъ ихъ «*Цинцарами*» или «*Куцо-Влахами*» (Валахи хромые или метисы). Въ историческихъ памятникахъ они называются Мавровлахами (Μαυρόβλαχοι) или Черными Валахами, именемъ, которое не надо смѣшивать съ названіемъ Славянскихъ Морлаковъ, о которомъ мы скажемъ ниже. Народныя преданія, не имѣющія никакого историческаго значенія, производятъ ихъ отъ Римскихъ армій, завоевавшихъ Македонію. Такъ какъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ они являются въ эпоху возрожденія Болгарскаго царства, то и полагаемъ, что въ исторіи Асѣней всегда идетъ рѣчь объ нихъ, когда упоминаются *Влахи*, союзники Болгаръ, а не о Валахахъ Дакіи, которые тогда еще не сошли съ Карпатовъ. Ученые Молдо-Валашскіе полагаютъ,

что Мавровлахи суть колоніи сѣверныхъ Валаховъ, основанныя Асѣнями на крайней границѣ ихъ царства; но это мнѣніе болѣе, чѣмъ смѣло. Съ другой стороны тѣмъ, кто видитъ въ нихъ остатки Римскихъ поселеній, оттѣсненныхъ къ Пинду нашествіями варваровъ, можно отвѣчать, во первыхъ, что Латинская стихія была почти ничтожна въ этихъ странахъ во всѣ періоды Римскаго владычества, и во вторыхъ, что Румынское нарѣчіе Цинцаровъ не только произошло изъ Латинскаго, но имѣетъ самую тѣсную связь съ Румынскимъ нарѣчіемъ Дакіи, что указываетъ на общее ихъ начало. По сомнительности предмета мы охотно пристаемъ къ предположенію, которое производитъ ихъ отъ поселенцевъ Траяновской Дакіи, переведенныхъ въ Мизію, когда Римляне покидали первую изъ этихъ областей.

Нарѣчіе ихъ, понятное Молдо-Валахамъ, болѣе измѣнилось, нежели нарѣчіе этихъ послѣднихъ, если вѣрить Тунманну, который одинъ усердно имъ занимался. По его словамъ на 8 Цинцарскихъ словъ приходится только 3 Латинскихъ, 2 принадлежатъ языкамъ сравнительно новымъ (Турецкому, Греческому, Готскому и пр.), наконецъ неизвѣстному языку, который не чуждъ родства съ Албанскимъ. Такимъ образомъ этотъ первоначальный языкъ (Дакскій или Иллирійскій) можетъ составить болѣе трети Цинцарскаго, тогда какъ въ сѣверно-Румынскомъ онъ не образуетъ и тридцатой доли. Это кажется нѣсколько преувеличено, но во всякомъ случаѣ доказываетъ, что филологіи предстоитъ разрѣшить много любопытныхъ задачъ въ области Цинцарскаго нарѣчія.

Цинцары очень многочисленны въ Θессаліи и Эпирѣ; Греція считаетъ ихъ нѣсколько тысячъ; небольшое ихъ количество живетъ въ Пестерѣ или Перистерѣ близъ Татаръ-Базарджика. Въ Оттоманской имперіи образуютъ они плотную массу только вдоль Аспропотамо, на обоихъ сторонахъ Пинда, на югъ и востокъ отъ Янинскаго озера. Главныя ихъ подраздѣленія суть слѣдующія:

Брутци: Округи Клиново-Коли (Халики, Доляни, Драговица, Кастанія, Клиново, Котори, Кранія, Лепеница, Повоусъ, Склиніасса, Склиніоро) и Порта-Коли (Деси, Гардики, Кламіе, Мочинора, Пертули, Пирра, Тифлосели, Ветурнико).

Массараки: Округъ Гривано-Коли (С. Марина, Периволи, Ав-

делія, Краніа), окрестности Касторіи и Деволя, деревни въ такъ наз. Мусахе.

Что касается до Бови или Валаховъ сѣверной Греціи, исчисляемыхъ Пуквилемъ около 11,000 душъ, то о нихъ здѣсь говорить не у мѣста.

«Цинцары, говоритъ Буэ, люди сильные и коренастые, черноволосые или темнорусые, съ умными чертами лица, хотя нерѣдко злобными и даже отталкивающими. Женщины имѣютъ скорѣе массивную, чѣмъ изящную наружность, но вообще сложены прекрасно. Онѣ всѣ отличаются здоровьемъ и прекраснымъ цвѣтомъ лица.» Въ нравственномъ отношеніи Цинцары представляются всѣми путешественниками, какъ народъ дѣятельный, трудолюбивый, сносливый, упрямый въ понятіяхъ, наклонный къ торговлѣ и къ кочевому земледѣлію (agriculture nomade). На всемъ югѣ Турціи различаютъ Цинцаровъ осѣдлыхъ и пастуховъ. Первые менѣе земледѣльцы, чѣмъ торговцы, и вообще промышленники; они создали въ Θессаліи и Эпирѣ различные промыслы, обогатившіе многіе города, какъ-то Тумаво, Меццово, Восхополь. Множество мелкихъ промысловъ и содержаніе гостинницъ стало въ нѣкоторомъ родѣ ихъ монополіей.

Кочевые Цинцары (*Камбизы*, т. е. жители равнины, *Карагуны*, т. е. люди въ черныхъ курткахъ, *Чобаны*, т. е. пастухи) заслуживаютъ особаго упоминовенія. Обитатели деревень Пинда и сосѣднихъ горъ, они ежегодно съ мая до ноября уходятъ въ равнины, гдѣ по мѣстному обычаю пользуются правомъ на извѣстныя пастбища, какъ владѣльцы кочующихъ стадъ въ южной Франціи. Отправленіе это совершается съ особенною торжественностью въ деревняхъ Авделія, Санъ-Марина, Периволи, жители которыхъ уходятъ къ Касторіи, къ Пенею и въ Θессалію; лишь нѣкоторыя семейства остаются для охраненія покинутыхъ селеній. Привилегіи этихъ кочевниковъ были нарушены тиранніею Али-Паши въ началѣ нынѣшняго столѣтія; вѣроятно, эти насилія исчезли вмѣстѣ съ нимъ.

3. Славяне.

а) *Сербы.*

Филологи не согласны во мнѣніяхъ о значеніи этого слова, которымъ назвалось одно изъ трехъ великихъ племенъ Европы. Оно, кажется, происходитъ отъ *славы* и выражаетъ одно изъ тѣхъ хвастливыхъ понятій, которыя очень обыкновенны у племенъ варварскихъ и воинственныхъ. Славяне, коихъ имя впервые является у Птолемея, вступили въ Римскій міръ за Готѳами, Аварами и Гуннами въ V-мъ вѣкѣ и съ тѣхъ поръ исторія находитъ ихъ водворенными въ Дакіи подъ именемъ *Склавиновъ* (Σκλαβηνοι); оттуда они часто переходятъ за Дунай опустошать Мизію; за тѣмъ они утвердились въ провинціи Скиѳіи, нынѣшней Добруджѣ. Нѣсколько родовъ ихъ водворилось среди Болгаръ и Византійцы дали имъ названіе «семи націй»; «Сѣверяне» или «Жители сѣвера» принадлежали къ тому же племени. Изъ Дакіи Склавины были выгнаны двумя народами, по всей вѣроятности, тюркскаго происхожденія — Куманами и Пацинакитами или Печенѣгами; но уже въ началѣ седьмаго столѣтія мы видимъ самую значительную часть Иллиріи занятою двумя могущественными колоніями Славянъ — Сербами и Кроатами или Хорватами.

Откуда пришли эти два народа? Византійцы даютъ намъ объ этомъ лишь темное понятіе. Константинъ Багрянородный говоритъ, что Кроаты жили по ту сторону «Багибареи», не далеко отъ Франковъ. Сен-Мартенъ предлагаетъ весьма основательную догадку, что это имя означаетъ «Байоварію» или Баварію; съ другой стороны владычество австрійскихъ Франковъ простиралось до Ельбы. Географъ, писавшій позднѣйшимъ латинскимъ языкомъ (Вибіусъ Секвестеръ, de fluminibus), сообщаетъ, что Ельба «Suevos a Cervitiis dividit.» Шафарикъ видитъ въ этихъ «Cervetiis» («Servitiis по одной рукописи) Сербовъ; но вѣроятнѣе, что это были Кроаты, которыхъ народное имя Хорваты (Horvát). Такимъ образомъ около V-го столѣтія (когда, какъ предполагаютъ, написано сочиненіе «de fluminibus») Кроаты будто бы жили у сѣверной подошвы горъ, отдѣляющихъ Богемію отъ нынѣшней Пруссіи. Во время Ираклія, часть

народа, отдѣлившись отъ остальнаго подъ начальствомъ пяти братьевъ: Клука, Лобеля, Козенца, Мухло и Хорвата, устремилась на Далмацію и выгнала отсюда Аваровъ послѣ продолжительной съ ними войны. Этотъ народъ распространился отъ Истріи до Цеттины, поглотивъ остатки населенія Аваровъ, которое еще рѣзко отличалось три вѣка позже. Византійскіе императоры, не имѣя силы изгнать пришлецовъ, приняли ихъ какъ колонію, подчиненную Имперіи, отъ зависимости коей они впрочемъ освободились въ девятомъ столѣтіи.

Пріемъ, оказанный Кроатамъ, побудилъ, кажется, послѣдовать примѣру ихъ Сербовъ, ихъ сосѣдей. Эти Сербы («Serbloi» Византійцевъ, «Србъ» на ихъ собственномъ языкѣ) обитали на Востокѣ отъ Кроатовъ и были извѣстны подъ именемъ «Сорабовъ», которое осталось за обломкомъ этого народа, сохранившимся донынѣ въ Лузаціи. Это подтверждается также сходствомъ нарѣчія, которымъ говорятъ въ этой послѣдней странѣ, съ сербскимъ языкомъ. Сербскія колоніи Имперіи распространились отъ Дуная и Савы до Дураццо. Съ главной массой народа пришли, по словамъ Багрянороднаго, другіе роды, также Сербскіе: Захлумы, Нарентаны, Тербуны и многіе другіе. Изъ нихъ Захлумы вышли изъ страны Хельмъ (За-Хлумъ) и съ береговъ Вислы; они суть предки Славянъ нынѣшней Герцеговины. Нарентаны, получившіе это имя отъ рѣки, на которой поселились, заняли Далмацію и окрестности Мостара; Тербуніаты же образовали княжество, котораго имя сохранилось донынѣ въ названіи Требинья. Другой родъ Славянъ, Діоклеаты, названы такъ отъ Діоклеи, столицы страны, вокругъ коей они поселились, слѣдовательно обитали въ нынѣшней Черногоріи.

Первоначальное разселеніе Сербовъ было обширнѣе нынѣшняго, потому что въ IX-мъ столѣтіи оно доходило до Дураццо. Позднѣе, когда движеніе Сербовъ къ югу остановилось и они отодвинулись назадъ, явились Албанцы и потѣснили Славянъ; но послѣдніе удержались, какъ островъ сербскаго населенія, между Скипетарами, именно въ окрестностяхъ Дураццо, на западной сторонѣ острова Охриды и въ котловинѣ Пресбы. Можетъ быть также эти передовые Славяне остались отъ самаго славнаго періода сербскаго царства, ибо извѣстно, что изъ группы «жупанствъ» (или родовъ, управлявъ-

шихся начальниками, которые назывались жупанами) Сербія стала королевствомъ, потомъ царствомъ, подъ правленіемъ царей, каковы были Неманя, Стефанъ Душанъ, и друг., а тамъ опять королевствомъ и въ пятнадцатомъ вѣкѣ пала подъ ударами Турокъ.

Въ настоящее время, не дѣлая строгаго различія между нарѣчіями, Сербы, населяющіе Турцію, могутъ быть подраздѣлены: на Сербовъ, собственно такъ называемыхъ, завоевавшихъ вновь самостоятельность подъ правленіемъ Карагеорга и Милоша въ началѣ текущаго столѣтія и состоящіе изъ 885,000 душъ; на Босняковъ, обитающихъ Боснію или древнюю «Босопу», которая составляетъ нынѣ турецкую Кроацію; на Райцовъ въ древнемъ королевствѣ Рассѣ, т. е. около Новопазара; на Герцеговинцевъ; на Черногорцевъ. Число всѣхъ ихъ по Шафарику доходитъ до 1,490,000 душъ; впрочемъ весьма вѣроятно, что ихъ болѣе, можно полагать до 1,660,000.

Кроаты (Хорваты, Керваты) не составляютъ отличительный элементъ въ племени юго-славянскомъ, ибо нельзя указать даже двухъ славистовъ, которые бы вполнѣ согласно опредѣляли этнографическое разселеніе этого народа. Мы слышали однако отъ знаменитыхъ славистовъ, что хотя кроатское нарѣчіе почти вовсе исчезло въ Турціи, нѣкоторые филологическіе оттѣнки указываютъ на этотъ народъ по протяженію границы отъ Гламоша до Бигача. Что касается Аваръ, жившихъ въ десятомъ столѣтіи между Кроатами, какъ покоренный народъ, то напрасно писатели, какъ напр. Енгель, полагали найти этотъ угорскій народъ въ Морлакахъ или Морлякахъ (Morе vlak), т. е. «приморскихъ пастухахъ», которые говорили сербскимъ языкомъ и не были ни Татары ни Валахи. Это имя носятъ они лишь по преданію, такъ какъ по видимому ничто не отличаетъ отъ остальныхъ Сербовъ тѣхъ, кого называютъ Морлаками въ Далмаціи и Босніи.

Тоже должно сказать о Райцахъ или Рассахъ, заимствовавшихъ, какъ увѣряютъ, это имя отъ рѣки Расска. Имя это, славное въ среднія вѣка, имѣетъ значеніе лишь историческое, народу же оно въ настоящее время неизвѣстно; самое населеніе Рассіи не существуетъ почти на мѣстѣ своего прежняго отечества, бывъ ослаблено многократными выселеніями въ страны по ту сторону Савы.

Можно сказать, что Сербы венгерскаго королевства суть только

потомки Сербовъ, вышедшихъ съ границы Албаніи, чтобы освободиться отъ зависимости мусульманамъ. Не говоря о выселеніяхъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, припомнимъ тѣ, которыя совершены были въ 1690 и 1740 годахъ патріархами Ипека, Арсеніемъ III и IV, по наученію австрійскаго императора, находившагося въ войнѣ съ Турціей. Первое доставило Венгріи 37,000 сербскихъ семействъ, второе же было не столь счастливо. Направляемое патріархомъ и тремя епископами Ниши, Новаго Пазара и Ушицы, оно цѣлой массой покинуло бассейнъ болгарской Моравы и окрестности Ипека, но настигнутое въ пути Турками, потеряло значительное число выходцевъ, убитыхъ и обращенныхъ въ рабство; полагаютъ, что при этомъ погибло до 80,000 человѣкъ. Мусульманскіе Албанцы замѣнили бѣглыхъ Сербовъ, и этимъ объясняется странное обстоятельство, что арнаутское населеніе выдвинулось впередъ къ Новопазару и между Пристиной и Лесковцемъ. Въ этой послѣдней странѣ почти всѣ названія мѣстностей сербскія, хотя жители въ ней Скипетары.

Тѣмъ не менѣе Сербскій элементъ простирается со стороны Албаніи до рода или общины Зуби близь Дрина; далѣе же встрѣчаются лишь селенія, отдѣльныя или группами между Албанцами или Болгарами. Монастыри, основанные Сербскими царями на Аѳонской горѣ, представляютъ крайнюю точку населенія этого племени на юго-востокѣ, потому что въ Македоніи Сербы изчезли. Въ Валахіи есть нѣсколько сербскихъ селеній, изъ коихъ нѣкоторыя основаны Милошемъ Обреновичемъ, купившимъ тамъ земли и поселившимъ семейства изъ своего княжества.

Боснія, принадлежащая этнографически къ Сербіи, находится въ особенныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Въ собственной Сербіи феодальные владѣтели, развившіеся чрезвычайно поздно и только изъ подражанія къ западу, были вовлечены въ несчастія своей родины и погибли или низошли на степень райевъ, какъ и остальной народъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ Сербъ свободнаго состоянія, на вопросъ: есть ли въ княжествѣ благородные, отвѣчалъ: «Мы всѣ благородные». Въ Босніи, напротивъ того, высшее сословіе приняло исламизмъ, чтобы сохранить свои лены, и составляетъ до сихъ поръ элементъ самый отсталой и наиболѣе

феодальный во всей Турціи; и дѣйствительно Босніа не переставала протестовать съ оружіемъ въ рукахъ противъ реформъ Махмуда II и Абдулъ-Меджида. Эта аристократія, слишкомъ тягостная для своихъ вассаловъ, мусульманская, но вовсе не турецкая; она сохраняетъ свои обычаи, свой языкъ, фамильныя прозванія, и путешественникъ, знающій одинъ турецкій языкъ, впадалъ бы въ безпрерывныя ошибки, проѣзжая Боснію. Съ другой стороны райи, подавленные податями и налогами, берутся часто за оружіе во имя своей вѣры и гатти гумайума, и внутренняя борьба уменьшаетъ безпрерывно населеніе Босніи, Кроаціи и особенно Герцеговины, гдѣ христіане въ бо́льшемъ числѣ и смѣлѣе вслѣдствіе сосѣдства съ Черногоріей.

Эта страна, называемая по славянски Черногоріей («гора ссыльныхъ»), по турецки Кара-дагъ, по албански Мализисъ (всѣ эти названія тождественны) есть послѣдній остатокъ древняго сербскаго царства, сохранившій независимость, начиная приблизительно съ 1504 года, подъ управленіемъ своихъ князей-епископовъ. Вытѣсненные изъ равнины нижняго Морача, князья эти укрылись въ гору и удержались здѣсь, не смотря на нѣкоторыя невзгоды. Населеніе черногорское въ теченіе трехъ столѣтій чрезвычайно умножилось. Первоначальное зерно племени было весьма малочисленно, но оно быстро увеличилось сербскими бѣглецами изъ Герцеговины, какъ скоро свобода, утвержденная за Черногоріей, сдѣлала ее желаннымъ убѣжищемъ для всѣхъ, стремившихся освободиться отъ турецкой тиранніи. Въ 1606 году, по венеціанской рукописи Болиццы, въ Черногоріи было 93 селенія и 8027 воиновъ или около 33,000 душъ. Въ 1687 году Босникъ Вучковичъ изъ Ливно поселился въ Катунскѣ съ 400 семействами, названными Краихницами (пограничными) и за этими поселенцами послѣдовали многіе другіе въ менѣе значительномъ числѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Черногоріи считали 53,000 душъ, теперь же въ ней около 120,000 (данныя колеблются отъ 107 до 140 тысячъ). Роды черногорскіе распадаются на слѣдующіе:

Катунска, къ которому принадлежатъ вѣтви
Цетинье, Негошь, Цуце, Осдреничи (коей часть жи-

ветъ близь Никчиче на турецкой землѣ), Пессевици, Цеклица, Бѣлица, Грахово, Комани, Загорацъ. 33,000 душъ.
Лѣчапка (по Карачаю). . . . . 6,000 »
Рѣцка, съ родами Люботинъ, Цеклина и пр . 12,000 »
Церница, съ родами Утергъ, Дупило, Глухио и пр. 13,000 »
Пипери . . . . . 9,000 »
Морача, со включеніемъ рода Ровци . . . . . 10,000 »
Кучи, съ Дрекаловичами, Вассевичами, Братоносичами . . . . . 18,000 »
Бѣлопавличь (послѣдніе четыре составляютъ «Берды» или горы) (по Карачаю) . . . . . 15,000 »

Въ Черногоріи есть сверхъ того нѣсколько албанскихъ селеній, какъ-то: Фундина и Котсе, и родъ также албанскій — Трепши или Затребацъ. Наконецъ, по конвенціи 1858 года, она владѣетъ землями, населенными «Ускоками» или бѣглецами, которыхъ не должно смѣшивать съ древними Ускоками, знаменитыми пиратами въ исторіи Венеціи. Герцеговинскіе Ускоки суть христіане, бѣжавшіе на границу Черногоріи и ведущіе до сихъ поръ безпрерывную войну съ Турками. Ихъ двѣ группы: одна, живущая у истоковъ Морачи, а другая въ Рудиніи на сѣверозападѣ равнины Никчитіе.

б) *Болгары.*

Этотъ народъ, угрскаго происхожденія, но ославянившійся въ Европѣ (какъ скажемъ далѣе), появляется въ армянской исторіи за 600 лѣтъ до прибытія его на берега Дуная. Около 120 лѣтъ до Рождества Христова толпа бѣглыхъ Болгаръ, предводимыхъ Вундомъ, пришла въ Арменію при царѣ Арзасѣ I и получила земли на берегахъ Аракса. Потомъ не встрѣчается объ нихъ вовсе извѣстій до 485 года, когда упоминаетъ объ нихъ епископъ Евнодій, разсказывая про походъ ихъ на лѣвый берегъ Дуная. Болѣе столѣтія они жили въ странѣ, обитаемой нынѣ молдовлахскимъ племенемъ, откуда предпринимали набѣги до воротъ Царяграда; въ особенности около 502 года имперія сильно потерпѣла отъ ихъ опустошеній. По смерти царя своего Коврата, народъ этотъ раздѣлился: главная вѣтвь, подъ начальствомъ Аспаруха, перешла че-

резъ Дунай и утвердилась въ странѣ, сохранившей названіе Болгаріи, гдѣ она основала могущественное царство (679 г.). Послѣ продолжительныхъ войнъ съ Византійскими императорами, Болгары, сильно ослабленные, въ особенности Никифоромъ, были наконецъ покорены въ 1019 г. Царство Болгаро-Валахское 1186 г., основанное Асѣнями и разрушенное черезъ два столѣтія спустя Турками въ сраженіи при Коссовѣ, представляетъ самую блестящую эпоху болгарской исторіи.

Названіе Унногондуровъ, придаваемое Византійцами сему народу вмѣстѣ съ именемъ Болгаръ, напоминаетъ происхожденіе ихъ отъ Гунновъ. Дѣйствительно, они пришли изъ страны, называемой безразлично Великой Болгаріей (Θεοσαномъ) или Черной Болгаріей (Констант. Багрянородн.), на берегахъ рѣки Волги, отъ которой они, по сказанію Никифора Грегороса, получили свое имя. Съ такою же впрочемъ вѣроятностью Сен-Мартенъ предполагаетъ, что означенной рѣкѣ Славянское имя далъ живший вблизи ея народъ. Рубруквисъ, въ тринадцатомъ столѣтіи, зналъ еще подъ этимъ именемъ страну, населяемую нынѣ Казанскими Татарами, которые, кажется, изгнали или покорили, если не истребили, «черныхъ» Болгаръ, оставшихся язычниками. По словамъ приведенныхъ писателей, въ этой странѣ жили «Билеры», имя, въ которомъ Шафарикъ призналъ безъ сомнѣнія Болгаръ, которые, по свидѣтельству Татищева, называли себя нѣкогда «Билирами».

Какимъ образомъ Болгаре ославянились? Вѣроятно, смѣшавшись съ славянскими родами, которыхъ нашли въ завоеванной странѣ, каковы «семь націй» и другіе, если еще не подверглись этому вліянію во время своего переселенія. Достовѣрно, что уже въ IX-мъ столѣтіи они говорили по славянски, потому что около 867 года, когда они приняли христіанство, папа разрѣшилъ имъ отправлять богослуженіе на этомъ языкѣ, и что около того же времени старшины народа назывались «боярами» (βοιλάδες), словомъ славянскимъ («бой» — война). Въ подтвержденіе можно бы привести еще другія слова и почти всѣ собственныя имена эпохи, слѣдующей за ихъ поселеніемъ въ Мизіи.

Въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ осталось мало слѣдовъ угрскаго элемента, а типъ этого племени представляетъ нѣкоторыя чер-

ты несходства съ типомъ другихъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ, хотя отсюда нельзя вывести никакихъ прямыхъ заключеній. Болгаринъ по преимуществу земледѣлецъ и кажется имѣетъ мало военныхъ способностей, чѣмъ онъ значительно отличается отъ Серба, воина и въ особенности пастуха. Мущины роста средняго, крѣпкаго сложенія, приземисты, имѣютъ лице умное и открытое, и мы не имѣли случая замѣтить въ нихъ что либо, оправдывающее упрекъ, дѣлаемый имъ сосѣдями ихъ, особенно Валахами, въ глупости. Женщины малорослы и рѣдко красивы, за исключеніемъ городовъ, гдѣ встрѣчаются поразительныя красавицы; брюнетовъ между лицами обоего пола кажется весьма мало.

Въ настоящее время это племя заключается почти въ границахъ, опредѣленныхъ Дунаемъ, Тимокомъ и линіею, проходящею чрезъ города Нишъ, Призренъ, Охриду, Касторію, Ніавсту, Салоники, Адріанополь и Сизеболи, Черное море, Бургасъ, Сливне, Расградъ. За этою границею встрѣчаются впрочемъ передовые посты или остатки Болгарскаго племени между Албанцами, Валахами, Греками въ Бессарабіи и Добруджѣ до самой Азіи. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ.

Албанскіе Болгары, по видимому, потомки перваго Болгарскаго царства, которое доходило на нѣкоторое время до залива Арты. Мушари основано Али-пашею Янинскимъ. Валахскіе Болгары суть отчасти выходцы, бѣжавшіе отъ владычества мусульманъ, особенно съ 1829 г.; ихъ немного и они быстро обрумыниваются. Въ Плоести они живутъ въ очень большомъ числѣ и занимаются торговлей. Въ греческой Ѳракіи можно назвать болгарскими колонію Булгаръ-кой или Руссъ-кой (2000 душъ) и въ особенности промышленное населеніе Инджиджиса. Что касается Болгаръ, смѣшанныхъ съ Турками въ окрестностяхъ Каварны и въ Добруджѣ, то они поселились вблизи Чернаго моря и озера Разинъ главнымъ образомъ по наклонности своей къ рыболовству.

Знаменитыя «колоніи болгарскія» въ Бессарабіи получили всѣ свое начало съ Адріанопольскаго міра (1829 г.). Въ это время нѣсколько тысячъ болгарскихъ семействъ, опасавшіяся мщенія Турокъ, рѣшились, по совѣту русскаго правительства, поселиться въ Буждакѣ или южной Бессарабіи, странѣ, оставшейся почти пустын-

ной по изгнаніи Татаръ. Имъ даны были земли между Прутомъ, Дунаемъ, Траяновымъ валомъ и озеромъ Катлабугомъ, и они основали нѣсколько земледѣльческихъ колоній, достигшихъ въ короткое время цвѣтущаго состоянія. Селенія ихъ сохранили большею частію названія татарскія, какъ то: Каракуртъ, Ени-кой, Карагачъ, Китай, или румынскія, какъ то: Финтина-Дзипилоръ, Чесме-Варпита, лишь нѣкоторыя напоминаютъ ихъ отечество, какъ Ески-Полосъ и Вайсалъ, общія двумъ селеніямъ Ѳракіи и Бессарабіи. На берегахъ озера Ялпука возникъ городъ съ 8000-нымъ населеніемъ, выстроенный красиво и правильно; онъ сдѣлался столицей болгарскихъ колоній. По Парижскому договору 1856 г. этотъ городъ (Болградъ) и большая часть упомянутыхъ колоній перешли во владѣніе Молдавіи. Замѣтимъ однако, что пограничная линія между Россіей и Молдавской Бессарабіей, бывъ съ точностью проведена чрезъ нѣкоторыя условленныя мѣстности, какъ-то: рѣку Ялпукъ и Траяновъ валъ, раздѣлила на двѣ части многія болгарскія колоніи, какъ напр. Конгасъ и Тобакъ.

Немногіе изъ этихъ колонистовъ, ошибшіеся въ разсчётахъ и разочарованные, возвратились въ Турцію, но наибольшая часть осталась въ Бессарабіи и процвѣтаетъ, занимаясь земледѣліемъ, отчасти промышленностью и даже воздѣлываніемъ виноградниковъ.

Во время войнъ съ Болгарами Византійскіе императоры переселили нѣсколько тысячъ изъ нихъ въ Малую Азію, въ окрестности Пропонтиды. Можетъ быть, отъ этихъ переселенцевъ получили свои названія Болгаръ-Дагъ и Болгаръ-кой, на востокѣ отъ Босфора; но маленькая болгарская колонія Кисъ-Дербендъ (проходъ дѣвы) не можетъ вовсе имѣть притязаній на древность.

в) *Русскіе.*

Къ этому племени принадлежатъ Малороссіяне, живущіе въ Бессарабіи, Молдавіи и Добруджѣ. По изгнаніи изъ Бессарабіи Ногайцевъ русское племя поселилось вмѣсто ихъ во многихъ мѣстностяхъ, какъ доказываютъ названія большей части занимаемыхъ ими селеній. Разсѣянные въ Кагульскомъ округѣ, они живутъ сплошною массой на востокѣ болгарскихъ колоній, какъ видно на картѣ. Зем-

ледѣльческія селенія ихъ достигли цвѣтущаго состоянія; русскій элементъ проникъ и въ города, но медленнѣе.

Русскіе, живущіе въ Молдавіи, раскольники, извѣстные подъ именемъ «Скопцевъ» или Оригенистовъ; они въ особенности занимаются торговлей и очень уважаются за честность и домашнія свойства. Молдаване называютъ ихъ «Липовенами»; ихъ легко узнать по ихъ славянскому типу, по неимѣнію бороды, по одеждѣ. По религіознымъ своимъ понятіямъ, они считаютъ недозволеннымъ вступать въ бракъ, но число ихъ поддерживается постоянными пришельцами; ихъ единовѣрцы, преслѣдуемые въ Россіи, посылаютъ имъ эту поддержку. Кромѣ многихъ селеній, они живутъ также въ городахъ, и въ Яссахъ занимаютъ кварталъ въ предмѣстіи Галатѣ.

Что касается Добруджскихъ казаковъ, то они также политическіе и религіозные выходцы — «старовѣрцы», подвергшіеся преслѣдованію при Екатеринѣ II и принятые турецкимъ правительствомъ, которое поселило ихъ въ разныхъ мѣстахъ, въ Азіи близь Самсуна, въ Казакли (мѣсто казаковъ) на озерѣ Маныясъ, въ Болатскомъ округѣ, и въ Европѣ на Дунаѣ, отъ Гирсовы до Дунавца. Вообще они хорошо служили Портѣ, какъ нестроевая конница, въ ея войнахъ съ Россіей и много терпѣли отъ мести ихъ прежнихъ соотечественниковъ при каждомъ нападеніи на Добруджу. Въ 1845 году, когда Русскіе переходили Дунай, казаки мужественно сопротивлялись этому переходу, при чемъ многіе изъ нихъ погибли. Они сохранили языкъ, обряды, національную одежду, и кажется очень довольны терпимостью, оказываемою Портой къ исповѣдываемой ими вѣрѣ.

Запорожскіе казаки нѣсколько лѣтъ тому назадъ основали поселеніе на островѣ Св. Георгія, на окраинѣ густаго лѣса, называемаго «Кара Орманъ» (черный лѣсъ). Этотъ опытъ не удался и поселенцы, по видимому, разсѣялись по окрестностямъ.

г) *Поляки.*

Въ Турціи только одна польская колонія, именно при устьѣ Саламвріи, основанная лѣтъ пять тому назадъ Решидъ-Пашею въ его владѣніяхъ. Она состоитъ изъ 70 семействъ, и зерномъ ея

была часть польскаго легіона, состоявшаго на службѣ Турціи въ походѣ 1854 года.

---

4. Семиты.

а) *Арабы.*

Единственная арабская колонія Европейской Турціи—Докусагачь («девять деревъ») близь Базарджика. Она состоитъ изъ Сирійскихъ арабовъ, вызванныхъ сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ пашею, который обратилъ вниманіе на склонность къ земледѣлію этого народа; въ ней всего пять селеній, изъ коихъ одно, Арабъ-кой, въ 1854 году было въ развалинахъ; остальныя же, по видимому, процвѣтали.

Что касается до предполагаемыхъ арабовъ въ Критѣ, извѣстныхъ подъ именемъ Абадіотовъ, то нѣсколько лѣтъ тому назадъ дознано, что они просто Турки, если не греческіе ренегаты. Они живутъ на югѣ подошвы горы Иды.

б) *Евреи.*

Это племя очень многочисленно въ Турціи и особенно въ дунайскихъ княжествахъ; но какъ оно всюду разсѣяно и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ составляетъ большинство населенія, то на нашей картѣ мы могли обозначить лишь эти исключительныя мѣстности. Къ нимъ между прочими принадлежатъ Аджіутъ въ Молдавіи, Филиппополисъ, гдѣ евреи занимаютъ западный кварталъ, называемый Марашемъ, и преимущественно Салоники, гдѣ они составляютъ значительную колонію, извѣстную подъ названіемъ «Мамины.» Внѣшнимъ образомъ Мамины исповѣдываютъ исламъ, но остальное мусульманское населеніе съ ними не ладитъ.

Израильтяне Турецкой имперіи распадаются на два большіе отдѣла, именуемые евреями испанскими и евреями польскими. Первые происходятъ отъ евреевъ, изгнанныхъ изъ Испаніи Фердинандомъ и Изабеллой католичкой, а впослѣдствіи Филиппомъ II. Эта часть народа самая богатая, самая образованная и наиболѣе нравственная; она живетъ почти во всей европейской Турціи и вас-

сальныхъ областяхъ, за исключеніемъ Молдавіи. Между собою эти евреи говорятъ древнимъ испанскимъ языкомъ, чрезвычайно ограниченнымъ, съ особенными формами (мы: «nos otros», и проч.); письменный же языкъ у нихъ еврейскій. Въ Валахіи, гдѣ они очень многочисленны и, какъ банкиры, имѣютъ нѣкоторое вліяніе, у нихъ былъ въ 1857 г. политическій органъ, издававшійся на языкахъ французскомъ и валахскомъ, подъ названіемъ: «L'Israëlite roumain».

Евреи польскіе пришли сюда позже; они наполняютъ Молдавію, особенно города Яссы, Ботошаны, Піатру и другіе. Наиболѣе пришло ихъ въ княженіе Михаила Стурдзы изъ Трансильваніи, Галиціи и вообще изо всей прежней Польши. Ихъ обыкновенный языкъ — нѣмецкій съ сильною примѣсью славянскаго и еврейскаго; положеніе же ихъ матеріальное, нравственное и общественное довольно жалкое. Кромѣ торговли, главнымъ образомъ мелочной, они занимаются и особыми ремеслами, напр. извощичьимъ.

---

5. Турецкое племя.

а) *Османли.*

Племя угро-алтайское, къ которому принадлежатъ Турки, Монголы, Манджу, и проч. стало проникать въ Европу правильно лишь съ тринадцатаго столѣтія. Около 1224 года одинъ значительный родъ Хорассанскихъ Турокъ, пользуясь большими замѣшательствами, произведенными въ Азіи нашествіемъ Монголовъ, поселился въ Арменіи. Вѣтвь этого рода, состоявшая изъ 400 семействъ, подъ предводительствомъ Ертогрула («честнаго мужа»), предложила свои услуги султану Сельджуковъ Аладдину въ Малой Азіи. Этотъ султанъ, самъ турецкаго происхожденія, поселилъ своихъ соотечественниковъ въ округѣ Султанъ-ёни, съ обязательствомъ защищать эту границу. При разрушеніи Сельджукскаго царства, Османъ, сынъ Ертогрула, завладѣлъ нѣсколькими крѣпостями (въ 1299 г.) и сдѣлался главою государства, которое быстро увеличилось, и народа, который принялъ его имя (Османли или сыновья Омана). Въ его правленіе завоевана Брусса и стала столицею новаго государства;

сынъ его Орканъ утвердился въ Европѣ, овладѣвъ городомъ Галлиполи. Позднѣйшая исторія Турокъ принадлежитъ не столько къ этнографіи, сколько къ политическимъ лѣтописямъ Европы.

Османли заселили ѳракійско-геллеискій полуостровъ весьма разнообразно и съ различными послѣдствіями. Многочисленныя толпы слѣдовали за завоевательнымъ войскомъ и скоплялись преимущественно въ самыхъ плодоносныхъ равнинахъ и наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктахъ. Въ Ѳессаліи, посреди слошнаго Греческаго населенія, Османли, въ значительномъ числѣ, заняли сосѣднія равнины Ѳарсала. Въ Албаніи и Епирѣ, гдѣ часть населенія приняла исламъ, чтобы избѣжать участи завоеваннаго народа, а другая часть туземныхъ родовъ сохранила самостоятельность въ горахъ, Турки поселились лишь въ нѣкоторыхъ городахъ; равнымъ образомъ въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ высшее сословіе приняло исламъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи существовало нѣсколько турецкихъ селеній въ Черногоріи, завоеванной на короткое время; возмущеніе, соединенное съ всеобщею рѣзнею, истребило всѣ эти селенія.

Въ Болгаріи часть народа приняла исламъ прямо изъ корыстныхъ видовъ, какъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ его равнодушіе къ этому вѣроисповѣданію въ настоящее время: именно Помаки. Въ восточной же Болгаріи, куда исламъ и языкъ побѣдителей проникли одновременно, Болгарскій элементъ подвергся въ столь сильной степени ихъ вліянію, что, какъ мы уже сказали, невозможно различить въ этой странѣ поселенныхъ въ ней Турокъ отъ омусульманившихся Болгаръ. Въ Добруджѣ поселились также турецкія колоніи въ долинѣ Бабадагской, въ окрестностяхъ Гирсовы и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Но въ двухъ княжествахъ румынскихъ Османли не имѣютъ права жить по особымъ договорамъ. Теперь на сѣверѣ Дуная существуетъ только одна ихъ колонія изъ 150 лѣсныхъ торговцевъ, которые поселились здѣсь по снисхожденію правительственныхъ властей Пятры (въ верхней Молдавіи), центрѣ обширной торговли лѣса, который гонится плотами по Быстрицѣ, Сирету и Дунаю до Константинополя. Благодаря ихъ миролюбивому характеру, честности и доставляемой ими пользѣ, ис-

ключеніе это осталось для нихъ въ силѣ, даже при занятіи здѣшняго края Русскими въ 1853 г.

Въ Македоніи, еще до пришествія сюда собственно такъ называемыхъ Османли, поселились многочисленныя турецкія колоніи, изученіе коихъ представляетъ особенный интересъ. Еще въ десятомъ столѣтіи въ Вардарскую долину прибыли изъ Персіи бѣглецы, исповѣдывавшіе религію гебровъ и спасавшіеся отъ преслѣдованій мусульманъ. Эти выходцы, въ числѣ 30,000 душъ, были поселены на Вардарѣ; впослѣдствіи, когда они стали опасными для государства, кажется, что они были разселены по провинціямъ группами до 2,000 душъ каждая. Византійцы называютъ ихъ «Персами», но прибавляютъ, что они говорили «по турецки» (Кодинъ, 56). Пуквиль предполагаетъ весьма основательно, что это были Туркоманы, какъ и тѣ роды, которые живутъ въ настоящее время на сѣверо-западѣ Персіи; онъ разсказываетъ также (II, 418), что видѣлъ отрывки изъ евангелистовъ, переведенные на турецкій языкъ для Вардаріотовъ, принявшихъ христіанство. Тотъ же путешественникъ былъ очень обрадованъ встрѣтивъ по Кара-су и между Касторою и Трикалой слѣды Вардаріотовъ въ селеніяхъ, окружающихъ Апазелицу, въ которыхъ Турки показались ему несходными, своею честностью, гостепріимствомъ и сельскими добродѣтелями, съ турецкимъ населеніемъ въ собственномъ смыслѣ. Впрочемъ такое доказательство не имѣетъ большой важности, ибо эти добродѣтели свойственны всѣмъ турецкимъ поселянамъ, и Вардаріоты Пуквиля суть вѣроятно Коніариды.

Около 1065 года колонія другаго турецкаго народа, Узовъ, поселилась также въ Македоніи; главы ея были возведены въ званіе сенаторовъ. Вѣроятно объ нихъ говоритъ Анна Комнена, упоминая о турецкихъ колоніяхъ близъ Охриды.

Нѣкоторые писатели смѣшали, какъ кажется, это населеніе съ позднѣйшимъ, именно съ Турками Конійскими и Коніаридскими, какъ называютъ ихъ Греки. Были ли они призваны Византійскими императорами для населенія вновь Македоніи около одиннадцатаго столѣтія, или пришли сюда въ четырнадцатомъ столѣтіи съ первыми турецкими завоеваніями, во всякомъ случаѣ они составляютъ особый элементъ, распространенный преимущественно около Кояни,

на сѣверо-востокѣ Θессалоники. Они отличаются пастушескими нравами и правленіе у нихъ болѣе республиканское, чѣмъ у всѣхъ прочихъ Турокъ; такъ напр. собранія коніаридскаго округа Тшершембе происходятъ въ Кояни, центральномъ мѣстѣ этой группы. Намъ неизвѣстно, говорятъ ли они по турецки языкомъ болѣе древнимъ или болѣе чистымъ, чѣмъ Турки Константинопольскіе или Османли Болгарскіе.

На границѣ племенъ греческаго и болгарскаго Османли успѣли занять значительное пространство: они наполняютъ Родопъ (Доспатъ), но исчезаютъ въ сплошной массѣ Грековъ по мѣрѣ приближенія къ Константинополю. Ихъ чрезвычайно мало встрѣчается въ окрестностяхъ столицы и на обоихъ берегахъ Босфора, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, которую мы заимствуемъ изъ изслѣдованій г. Викенелл (1856 г.).

Константинополь. .	219,000	Турокъ,	102,000	Раіевъ.
Еюбъ и Касъ-Кой .	20,480	»	20,600	»
Арсеналъ, Кассемъ Паша	22,300	»	3,900	»
Татавла	»	»	12,200	»
Пера и Галата . .	13,900	»	35,200	»
Тофане и Фундуклей.	26,900	»	1,600	»
Алибей и Кіагатъ-Хане	1,300	»	800	»
Бешикташъ . . .	13,300	»	8,300	»
Орта-Кой. . . .	1,300	»	7,400	»
Куручесме . . .	1,800	»	1,800	»
Арнаутъ-кой . .	1,400	»	7,600	»
Бейбекъ	1,600	»	2,300	»
Румели - Гиссаръ до Бальта-лиманъ . .	2,600	»	1,700	»
Емиргіанъ. . . .	1,300	»	1,500	»
Стенія.	2,400	»	6,900	»
Тераніа	»	»	2,900	»
Буюкдере. . . .	1,400	»	3,800	»
Саріери	1,400	»	1,800	»
Румели-кавакъ . .	2,400	»	900	»
Фанараки . . .	1,300	»	2,300	»

Бейкосъ, Инджирькой, Канлидже . .	2,700	Турокъ,	3,100	Раіевъ.
Анадолу-Гиссаръ . .	1,800	»	400	»
Кандили, Беглербей и пр.	2,800	»	5,100	»
Ставросъ и Кусчунжикъ.	300	»	4,500	»
Кади-кой	900	»	1,500	»
Карталъ	500	»	800	»
Острова принцевъ .	»	»	2,400	»
Скутари	26,300	»	22,500	»

Турки всей Имперіи говорятъ природнымъ языкомъ, народнымъ турецкимъ, который слѣдуетъ различать отъ турецкаго литературнаго, очень смѣшаннаго съ «фарси» или персидскимъ. Отсюда должно исключить Турковъ въ Кандіи, которые знаютъ только по новогречески или по крайней мѣрѣ говорятъ обыкновенно лишь на этомъ языкѣ. Вообще Турки мало изучаютъ иностранные языки, и только вслѣдствіе частыхъ сношеній, торговыхъ и другихъ, сѣверовосточные говорятъ по Болгарски, юговосточные по гречески, а Добруджскіе по румынски.

б) *Юруки.*

Это простонародное имя, даваемое Турками тѣмъ изъ ихъ соплеменниковъ, которые сохранили обычаи кочеваго и пастушескаго быта; оно означаетъ «пѣшеходовъ». Юруки суть чистые Туркоманы и находятся къ Османли почти въ такомъ же отношеніи, какъ Исландцы къ прочимъ Скандинавамъ. Въ Европѣ ихъ очень немного: лишь во Ѳракіи живутъ разсѣянно нѣкоторыя ихъ группы; въ Родопѣ у нихъ есть пастбища (яйла) на высокихъ равнинахъ, откуда они спускаются зимою въ свои деревни. Послѣднихъ въ особенности много въ долинѣ Сереса, къ Драмѣ и вдоль горной цѣпи на сѣверо-востокѣ отъ Салоники. Путешественники, посѣщавшіе этотъ народъ, отчасти варварскій, но нравственный и миролюбивый, очень его хвалятъ.

Въ горахъ Малой Азіи живетъ также значительное туркоманское населеніе; на нашей картѣ изображена одна изъ его группъ, поселенная на Олимпѣ.

в) *Татары.*

Такъ называютъ ошибочно турецкихъ Ногаевъ въ Добруджѣ. Какъ нѣкогда Скиѳы занимали этотъ полуостровъ, Ногаи, населявшіе древнюю Скиѳію, распространились отчасти на югъ отъ Траянова вала и остались въ Добруджѣ даже тогда, когда Румыны и Русскіе поселились въ странѣ между Дунаемъ и Днѣпромъ и такимъ образомъ отдѣлили Крымскихъ Нагаевъ отъ ихъ соплеменниковъ въ Добруджѣ. Восточная война усилила сихъ послѣднихъ нѣсколькими тысячами ихъ Крымскихъ соотечественниковъ, изобличившихъ себя выраженнымъ ими сочувствіемъ къ союзнымъ войскамъ.

Татары въ Добруджѣ, отличающіеся отъ Османли, сохранили довольно хорошо азіатскій типъ, воспроизведенный въ прекрасныхъ рисункахъ Гоммера Гелля; они занимаются отчасти земледѣліемъ, преимущественно же скотоводствомъ и признаютъ надъ собою (подъ верховнымъ начальствомъ турецкаго правительства) власть наслѣдственнаго хана, имѣющаго пребываніе въ Четаль-Орманѣ, почти въ центрѣ занимаемой ими земли. Численность ихъ, по г. Іонеско, простирается до 33,000 душъ.

---

6. Маджары.

Маджары дунайскихъ княжествъ живутъ почти всѣ въ Молдавіи. Въ Валахіи ихъ очень незначительное число: хотя многія деревни на границѣ Трансильваніи населены выходцами, которыхъ Валахи называютъ «Унгурени»; но не надо забывать, что этимъ именемъ народъ называетъ и Маджаровъ и трансильванскихъ Румыновъ.

Маджары Молдавіи, очень многочисленные между Карпатомъ и Сиретомъ и занимающіе еще нѣсколько селеній за этой рѣкой, суть Секлеры (Siculi), называемые по Молдавски «Чангей»; они поселены здѣсь еще въ очень отдаленное время, когда Венгерскіе короли владѣли Молдавіей до Романа и Баке. Не входя въ разсмотрѣніе спорнаго вопроса, не составляютъ ли Секлеры омаджаренный остатокъ гуннской арміи Аттилы, замѣтимъ только, что видѣнные

пами имѣютъ прекрасный европейскій типъ, не столь правильный какъ у Румыновъ, среди которыхъ они живутъ, но тождественный съ типомъ Секлеровъ въ Трансильваніи. Они мало по малу оставляютъ свой національный костюмъ, но не такъ легко забываютъ языкъ, которымъ они говорятъ—Маджарскій, нѣсколько варварскій; лучше всего удерживаютъ они свое католическое вѣроисповѣданіе.

Вотъ довольно точное исчисленіе, по приходамъ, Венгровъ, живущихъ въ Молдавіи:

Яссы и Ботошаны. . .	около *)	1,500
Гурлешти		571
Гушъ		2,142
Сабавани		1,443
Гирешти		2,018
Галосешти		2,823
Котнаръ.		352
Рекитени		1,777
Отселешти		2,008
Тамашени		1,091
Талпешти		1,413
Валессака		1,827
Бакё		1,019
Фаравани		2,790
Калугарени.		2,642
Клеша		3,627
Праешти		3,620
Валени		3,087
Тротушъ		1,725
Гросешти		2,801
Пуштени		2,954
Фокшаны		889
Итого. .		44,116.

*) Венгерское населеніе въ Яссахъ и Ботошанахъ мы могли показать лишь приблизительно, потому что въ переписи, которою мы для этого имѣли подъ рукою, оно не различено отъ католическаго населенія этихъ двухъ городовъ. Чангеи, въ духовномъ отношеніи, распадаются на четыре викаріатства: Яссы, Сиретъ, Быстрица и Тротушъ.

7. Армяне.

Это народъ, нѣкоторымъ образомъ чуждый Европейской почвѣ. Одинъ изъ самыхъ древнихъ и самый знаменитый въ числѣ собственно такъ называемыхъ кавказскихъ народовъ, онъ высылалъ многочисленныя колоніи въ Малую Азію во время частыхъ политическихъ перемѣнъ, происходившихъ въ этой странѣ. Уже въ пятнадцатомъ столѣтіи Армяне усѣлись около Никеи и Никомидіи также твердо какъ и теперь. По взятіи Константинополя, Магометъ II призвалъ въ эту столицу армянскаго архіепископа изъ Бруссы, назначилъ его патріархомъ, и при другихъ еще болѣе дѣйствительныхъ поощреніяхъ многочисленныя колоніи Армянъ устремились въ Галату и другія сосѣднія мѣста.

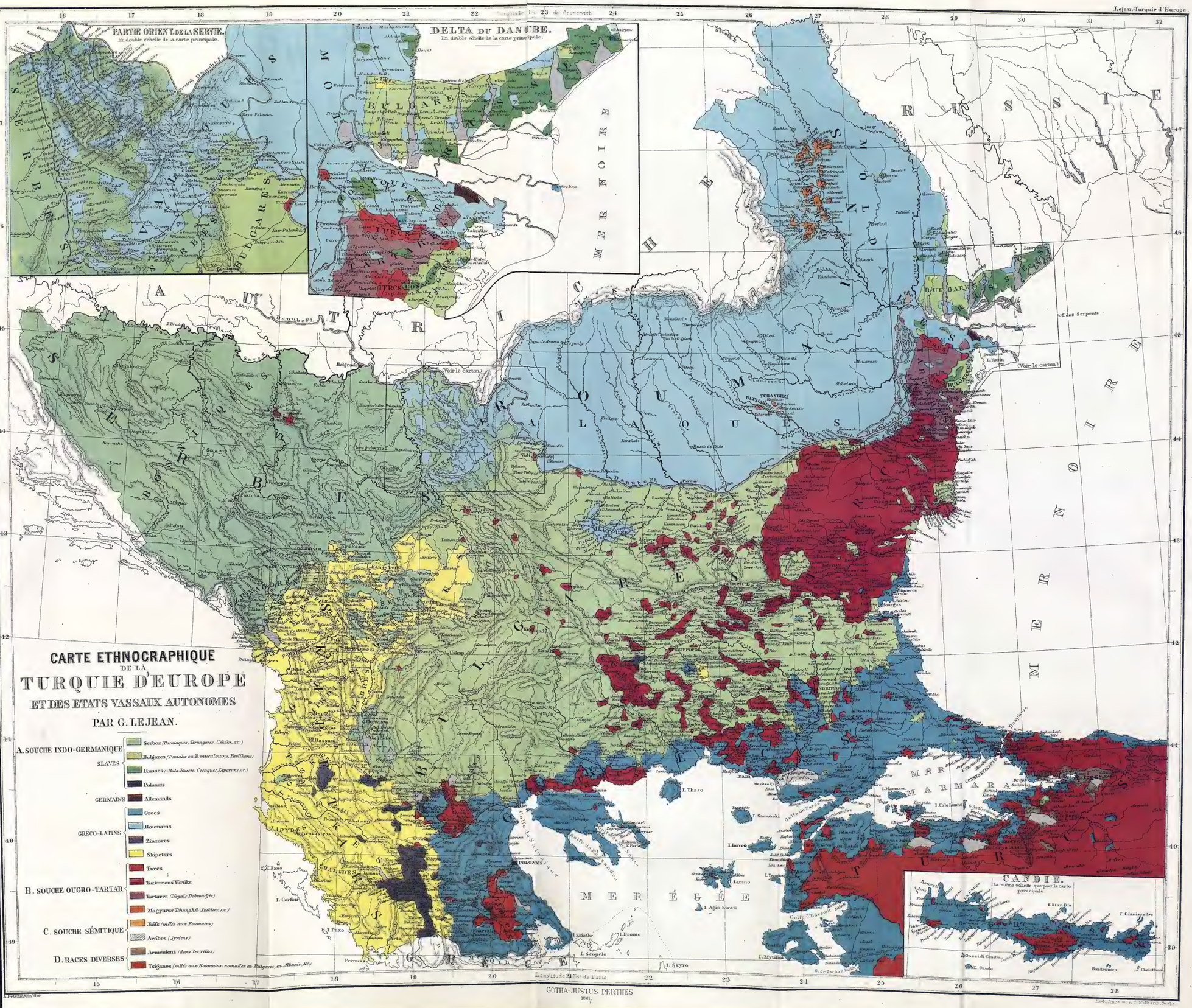
Въ настоящее время въ Европейской Турціи считаютъ около 400,000 Армянъ, изъ коихъ болѣе 200,000 въ Константинополѣ. Особенно населены ими въ этомъ городѣ кварталы Ейубъ, Псамматіа, Кумъ-Капу, Галата и Баладъ. На обоихъ берегахъ Босфора должно еще замѣтить: Румели-Гиссаръ, Орта-кой, Куручесме, Емиргіанъ, Скутари, Карталъ, Алем-дагъ. Въ провинціяхъ Армяне, населяющіе въ значительномъ числѣ нѣкоторые большіе города, какъ то: Адріанополь, Филипополь, Бухарестъ и проч., распадаются на три епископства: Родосто, Варна и Адріанополь.

Всѣ Армяне оттоманской имперіи составляютъ одну «націю», которой свѣтскія дѣла находятся въ завѣдываніи совѣта, состоящаго изъ 20 выборныхъ членовъ, съ утвержденія Порты. Она управляется сама собою во всемъ, что касается внутреннихъ дѣлъ, общественныхъ издержекъ, школъ и проч.

Армянскія лѣтописи за три столѣтія наполнены исключительно религіозными распрями. Въ 1700 г. былъ произведенъ между ими расколъ знаменитымъ Мекитаромъ, перешедшимъ въ католицизмъ, и послѣ долгихъ гоненій община Армянъ-уніатовъ была признана официально около 1530 года. Въ ней, по исчисленію г. Убичини, отъ 38,000 до 40,000 членовъ на всю Имперію и въ этомъ числѣ 17,000 въ Константинополѣ, преимущественно въ Галатѣ, Перѣ и Скутари. Всѣ остальные исповѣдываютъ вѣру греческую.

Языкъ «гайканскій» или литературный армянскій употребляется лишь въ школахъ и между учеными; большая часть Армянъ говорятъ по турецки, гречески или румынски, смотря по странѣ, гдѣ они живутъ, или же на природномъ языкѣ, примѣшивая къ нему множество иностранныхъ словъ. Впрочемъ въ Константинополѣ издаются на этомъ языкѣ довольно правильно три журнала, которые мы встрѣчали у армянскихъ торговцевъ въ самыхъ незначительныхъ провинціальныхъ городахъ до подошвы Балкана.

Армяне въ Молдавіи суть бѣглые изъ Великой Арменіи, пришедшіе на западъ, чтобы избавиться отъ тяжелаго владычества Персовъ, около одиннадцатаго столѣтія. Въ 1342 году и позже новыя толпы прибавились къ прежнимъ. Они преимущественно занимаются торговлей и исповѣдываютъ вѣру большей части своихъ соотечественниковъ; особенно много ихъ на сѣверо-западѣ, въ Ботошани, Яссахъ, Галацѣ и проч.



A. Petermann dir.
GOTHA: JUSTUS PERTHES
1861.

ШИДДИ-КУРЪ,

СОБРАНІЕ МОНГОЛЬСКИХЪ СКАЗОКЪ.

Переводъ съ монгольскаго на русскій языкъ

ламы

Галсана-Гомбоева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между памятниками древней народной поэзіи, сохранившимися до сихъ поръ какъ у восточныхъ Монголовъ, такъ и у западныхъ ихъ братьевъ, Калмыковъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ сочиненіе, передаваемое здѣсь въ русскомъ переводѣ и извѣстное подъ именемъ **Шидди-куръ** или **Шиддиту-куръ.** Названіе это происходитъ отъ санскритскаго слова *Сидди* = совершенство, чары, и монгольскаго слова *куръ* (сокращ. изъ *кэгуръ*) = трупъ, и означаетъ чародѣйство, посредствомъ котораго заставляютъ трупъ добывать желаемые предметы, по санскритски *ветала-сидди* (см. **Васильева:** *Буддизмъ, его догматы, исторія и литература,* стр. 196). Заключающееся въ этомъ сочиненіи собраніе повѣстей или сказокъ имѣетъ для насъ особый интересъ потому, что мы здѣсь знакомимся не только съ образцами монгольской и калмыцкой поэзіи, но и съ источниками самой древне-русской поэзіи. Наукою дознано, что большая часть распространенныхъ въ Европѣ и Азіи сказокъ и повѣстей происходитъ изъ Индіи: въ Европу онѣ проникали въ разное время посредствомъ Аравитянъ и Персіянъ, а частью и другихъ народовъ, въ Азіи-же распространялись преимущественно вмѣстѣ съ буддизмомъ, такъ что въ настоящее время въ Китаѣ и Тибетѣ и до сихъ поръ уцѣлѣло большинство поэтическихъ созданій древне-индѣйскаго народнаго духа. Изъ Тибета-же, какъ извѣстно, буддизмъ перенесенъ къ разнымъ племенамъ монгольскимъ. Такимъ

образомъ, находя значительное сходство между народными русскими сказками и былинами, съ одной стороны, и монгольскими или калмыцкими повѣстями или сказками съ другой, не только въ главныхъ чертахъ, но и въ самихъ подробностяхъ [1]), мы получаемъ возможность изучать основы нашей народной поэзіи и восходить постепенно до первообразныхъ ея типовъ, въ санскритской литературѣ, при чемъ монгольскія или калмыцкія редакціи служатъ однимъ изъ посредствующихъ звеньевъ.

Въ санскритской литературѣ есть сочиненіе весьма близкое и родственное, по составу и формѣ, предлагаемому здѣсь *Шидди-куру*. Это—собраніе, извѣстное подъ названіемъ *Ветала-панча-виншати*, состоящее изъ 25 разсказовъ или повѣстей (это-же число встрѣчается и въ редакціяхъ этихъ повѣстей на народныхъ индѣйскихъ языкахъ). На связь монгольскаго собранія съ индѣйскимъ впервые указалъ извѣстный санскритологъ **Теодоръ Бенфей,** профессоръ геттингенскаго университета, въ статьѣ, напечатанной въ 1857 г. въ Бюллетенѣ С.П.Бургской академіи наукъ (Bulletin historico-philolog., т. XV, стр. 1 и слѣд.), и потомъ онъ же занялся еще съ бо̀льшею подробностью этимъ вопросомъ въ трактатѣ о сказкахъ, помѣщенномъ при его нѣмецкомъ переводѣ *Панчатантры*, напечатанномъ въ Лейпцигѣ въ 1859 г. О монгольской редакціи, состоящей изъ введенія и 13 повѣстей, въ Европѣ первое извѣстіе получили по изданіи въ свѣтъ, въ 1804 г., сочиненія лифляндскаго пастора *Веньямина Германна*, подъ названіемъ: *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 u. 1803* , гдѣ помѣщенъ нѣмецкій переводъ калмыцкой рукописи, попавшейся въ руки трудолюбивому пастору. Въ 1836 г., бывшій профессоръ казанскаго университета О. М. Ковалевскій напеча-

---

[1]) Сравни напр.: 1-ю повѣсть Шидди-кура *о шести товарищахъ* съ нашей сказкой *о семи Семіонахъ;* 3-ю повѣсть *о Масанѣ* съ нашими сказками, разныхъ формъ и редакцій, о похожденіяхъ царевича или юноши, предательски оставленнаго въ пропасти, куда онъ спускался для добытія сокровищъ, и т. д.
Ред.

талъ три повѣсти по монгольской редакціи. Въ новѣйшее время профессоръ древне-классической словесности при краковскомъ университетѣ, **Бернгардъ Юльгъ** (Jülg), предпринялъ изданіе калмыцкаго текста по рукописи, принадлежавшей нѣкогда покойному академику **Я. И. Шмидту,** и въ 1861 г. напечаталъ въ Вѣнѣ, въ видѣ образца, десятую повѣсть, подъ такимъ заглавіемъ: «*Die Märchen des Siddhi-kür. Kalmükisch. X-te Erzählung (als Probe einer Gesammtausgabe).* Отъ этой редакціи нѣсколько отступаетъ текстъ калмыцкой рукописи, принадлежащей нынѣ санктпетербургскому университету, которою воспользовался недавно умершій **лама Галсанъ Гомбоевъ,** бывшій преподавателемъ монгольскаго языка при восточномъ факультетѣ этого университета. Монгольская редакція извѣстна мнѣ теперь по четыремъ рукописямъ: изъ нихъ двѣ, принадлежавшія прежде казанской университетской библіотекѣ, находятся теперь въ библіотекѣ петербургскаго университета; изъ остальныхъ двухъ, принадлежащихъ Азіятскому Музею академіи наукъ, одна, написанная въ 1787 г., заключаетъ въ себѣ, какъ и двѣ вышеупомянутыя, только 13 повѣстей; другая-же, перешедшая въ Азіятскій музей изъ собранія **барона Шиллинга фонъ-Канштадтъ,** лишена начала, но заключала въ полномъ своемъ составѣ всего 23 повѣсти, изъ числа коихъ 16-ой, къ сожалѣнію, недостаетъ. По всей вѣроятности, послѣднія 10 повѣстей продолженія заимствованы изъ другаго источника, и мы имѣемъ поводы предполагать, что не все здѣсь происходитъ изъ чисто-индѣйскихъ источниковъ.

Предлагаемый здѣсь русскій переводъ *Шидди-кура* сдѣланъ **ламою Галсанъ-Гомбоевымъ** нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ двухъ рукописей: первыя 13 главъ съ вышеозначенной *калмыцкой* рукописи петербургскаго университета, а остальныя 9 главъ съ *монгольской* рукописи, принадлежавшей нѣкогда **барону Шиллингу.** Самому пе-

реводчику не удалось издать при жизни трудъ свой, и лишь нѣкоторыя занимательныя его части сообщены мною въ краткомъ извлеченіи профессору **Бенфею,** и напечатаны при его переводѣ *Панчатантры*. Такимъ образомъ, полный, хотя иногда нѣсколько свободный, переводъ калмыцко-монгольской редакціи появляется здѣсь въ первый разъ, и намъ остается желать, чтобъ онъ послужилъ не только для ознакомленія съ поэтическими созданіями, находящимися въ обращеніи у нѣкоторыхъ изъ числа восточныхъ народовъ нашего отечества, но и для критически-сравнительнаго изученія сказокъ и повѣстей, съ незапамятныхъ временъ находящихся въ устахъ самого русскаго народа.

Академикъ **А. Шифнеръ.**

ШИДДИ-КУРЪ,

СОБРАНІЕ МОНГОЛЬСКИХЪ СКАЗОКЪ.

Въ Магади, что въ Индіи, жило семь братьевъ-чародѣевъ; въ сосѣдствѣ съ ними жили два брата царской крови. Старшій братъ-царевичъ отправился къ своимъ сосѣдямъ, чтобъ понаучиться у нихъ искусству чародѣйства, но въ продолженіе семи лѣтъ ничего не узналъ, а причина тому, что сосѣди не хотѣли открыть ему пружину своего знанія.

Младшій братъ-царевичъ, носившій своему старшему брату каждый день пищу, пришедъ однажды къ чародѣямъ, засталъ ихъ въ чародѣйскихъ упражненіяхъ. Царевичъ подкрался къ двери и сквозь щель началъ высматривать ихъ занятія. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ это искусство, и, не отдавая брату принесенной пищи, увелъ его съ собою домой. По прибытіи домой, онъ сказалъ старшему брату: «Семь лѣтъ учился ты у чародѣевъ ихъ искусству, а ничему не научился; поди-ка въ конюшню, тамъ прекрасная есть лошадь, возьми ее и продай за дорогую цѣну; только смотри: не продавай сосѣдямъ нашимъ-чародѣямъ», — и тотчасъ же самъ превратился въ прекрасную лошадь. Старшій братъ-царевичъ отправился тутъ же въ конюшню, и, при видѣ прекрасной лошади, подумалъ: «Вотъ какъ! я учился семь лѣтъ у чародѣевъ, но ничему не вы-

учился, между тѣмъ какъ братъ мой сидѣлъ дома, а пріобрѣлъ вотъ какую прекрасную лошадь,—такъ и забираетъ охота сѣсть на нее», и онъ сѣлъ; но не могши удержать силу этой волшебной лошади, прямо прискакалъ къ чародѣямъ. Тутъ старшій братъ-царевичъ вспомнилъ наставленія своего брата, но уже поздно, и рѣшился продать свою лошадь чародѣямъ. Входитъ къ нимъ и говоритъ, что у него есть прекрасная лошадь, пріобрѣтенная его братомъ, не желаютъ ли они ее купить? Тѣ смекнули, что это не настоящая лошадь, а оборотень, и потому поспѣшили купить ее и зарѣзать, имѣя въ виду, что если всякій узнаетъ силу чародѣйства, то чрезъ это унизится его достоинство. Купленную эту лошадь поставили въ темную крѣпкую конюшню, и предъ тѣмъ, какъ зарѣзать ее, чтобъ вытекло больше крови, повели ее къ большой рѣкѣ на водопой; при этомъ они шли въ такомъ порядкѣ: одни шли по сторонамъ, цѣпляясь руками за бока лошади; другіе держались за хвостъ и за ноги, а остальные стегали ее. Бѣдная лошадь подумала: «Эхъ, братъ, братъ! не съумѣлъ воспользоваться! отдалъ меня въ руки злодѣевъ! Не знаю, есть ли здѣсь какое-нибудь одушевленное существо, въ которое-бъ можно было превратиться?»—и она искала глазами такое существо. Въ это самое время въ водѣ показалась рыбка,—она въ нее и превращается; семь же братьевъ-чародѣевъ обратились въ семь чаекъ и погнались за ней. Когда у рыбки, увертывавшейся отъ преслѣдованій, начали уже ослабѣвать силы, показался на воздухѣ голубь, и она обратилась въ него; семь же братьевъ-чародѣевъ—въ семь ястребовъ, и погнались за голубемъ чрезъ горы, чрезъ рѣки; наконецъ голубь направилъ полетъ свой къ югу, гдѣ въ это время въ провинціи Биды, въ пещерѣ Амугулангъ-Уйлэдикчи, находящейся въ горѣ Цохто, жилъ отшельникъ, по имени Нагандзана. Къ нему-то прямо прилетѣлъ голубь и сѣлъ ему на колѣни. Между тѣмъ семь преслѣдователей ястребовъ при входѣ въ пещеру превратились въ семерыхъ щегольски одѣтыхъ молодцевъ. Нагандзана, не зная, отчего такъ испугался голубь, спросилъ его: «Что за причина, что ты такъ испугался?» Голубь разсказалъ причину своего испуга и свою прежнюю исторію; еще сказалъ и о томъ, что у входа этой

скалы есть семь щегольски одѣтыхъ молодцовъ—это его преслѣдователи, они войдутъ въ пещеру и будутъ просить четки; при этомъ голубь объявилъ, что онъ превратится въ одинъ главный ихъ шарикъ, и просилъ отшельника бросить имъ эти четки, но чтобъ онъ предварительно откусилъ этотъ шарикъ. Семь молодцевъ входятъ въ пещеру и просятъ у отшельника четки; этотъ откусываетъ указанный ему шарикъ и бросаетъ имъ четки. Каждый шарикъ четокъ обращается въ червячка, а молодцы обращаются въ пѣтуховъ и начинаютъ клевать червячковъ; между тѣмъ отшельникъ вынимаетъ изо рта откушенный шарикъ, изъ котораго является человѣкъ; этотъ то человѣкъ началъ колотить палкой пѣтуховъ, которые всѣ до одного погибли и превратились въ семь человѣческихъ труповъ. Отшельникъ, огорченный такимъ явленіемъ, сказалъ: «Спасая одного, я погубилъ семерыхъ, этимъ я навлекъ на себя неизгладимый грѣхъ.» На что царевичъ сказалъ: «Я сынъ хагана, о мой избавитель! дѣйствительно, ты меня спасъ, причиною же смерти этихъ—одинъ я; для очищенія грѣховъ и въ благодарность тебѣ за это, я готовъ исполнять всѣ твои приказанія, какія бы ты ни возложилъ на меня.» «Если такъ, сказалъ отшельникъ,—то въ саду, называемомъ Маха-Шедвани, есть святой трупъ: нижняя часть его изъ золота, верхняя изъ разныхъ драгоцѣнностей, голова съ жемчужными волосами. Можешь ли принести его мнѣ? Если можешь, то я дамъ тебѣ наставленіе, какъ добраться до этого сада и какъ достать оттуда святой трупъ. Если ты мнѣ его доставишь, то люди, живущіе на Джамбутибѣ (въ здѣшнемъ мірѣ), будутъ жить до тысячи лѣтъ и наслаждаться благоденствіемъ.»—«На это я, сказалъ царевичъ, согласенъ; приготовьте мнѣ на дорогу пищи, напутствуйте меня наставленіями и укажите дорогу.»

— «Такъ слушай, сказалъ Бакши: за одну милю отсюда встрѣтишь узкое, скалистое и наводящее скуку мѣсто, наполненное трупами великановъ, которые, какъ только подойдешь къ этому мѣсту, всѣ до одного встанутъ на ноги и встрѣтятъ тебя; ты тогда принеси имъ жертву со словами: «О великіе мертвецы! *Хала, хала, Суаха!*» Отсюда, пройдя одну рѣку, встрѣтишь мѣсто, усѣян-

ное обыкновенными трупами, при жертвоприношеніи которымъ произнеси слова: «*Хулу, хулу, Суаха*»; отсюда, пройдя одну рѣку, представится мѣсто, усѣянное трупами малютокъ, принеси имъ жертву и прочти: «*Ваджиръ Патъ*» [1]). Но среди послѣднихъ тотъ самый святой трупъ, что я тебѣ говорилъ, обратится въ бѣгство и влѣзетъ на дерево *Амара* [2]). Ты къ дереву этому подойди; вотъ этимъ бѣло-желтымъ топоромъ начинай рубить его, но смотри такъ, чтобъ только казалось, будто рубишь, а на самомъ дѣлѣ этого не дѣлай, тогда трупъ самъ сойдетъ съ дерева. Вотъ тебѣ этотъ пестрый кожаный мѣшокъ, въ которомъ, сколько ни клади и что ни клади, все еще будетъ мѣсто; такъ ты святой трупъ въ него и положи. Вотъ тебѣ пестрая веревка, которая, сколько ею ни обвязывай, все таки не будетъ коротка, ею хорошенько обмотай этотъ мѣшокъ. Вотъ тебѣ еще масло — сколько его ни ѣшь, все таки останется много,—въ дорогѣ имъ питайся. Да смотри, во всѣ дни своего пути нигдѣ не отдыхай, не вымолви ни одного слова. Хоть ты и хаганскій сынъ, но такъ какъ нашелъ убѣжище и спасенье свое въ этой пещерѣ Амугулангъ-Уйлэдикчи, то съ этого времени да будетъ твое имя Амугулангъ, съ прибавленіемъ—Ябудалту. Ну, такъ ступай же.»

Царевичъ отправился. Въ дорогѣ онъ отстранялъ отъ себя всѣ опасности и слѣдовалъ наставленіямъ своего избавителя. Наконецъ достигаетъ до назначеннаго мѣста, видитъ, что святой трупъ всталъ и бѣжитъ, царевичъ за нимъ въ погоню; трупъ взлѣзаетъ на дерево, — царевичъ подошелъ къ этому дереву и кичливо сказалъ: «Ну, послушай: мой наставникъ называется Джуна, топоръ мой—Цагалъ-Шора, дорожный съѣстной запасъ мой — неистощимое масло, вотъ этотъ мѣшокъ—ненаполняемый, а эта пестрая веревка—нескончаемая; что до меня касается, я царевичъ Амугулангъ Ябудалту,—

---

[1]) *Хала, хала, Суаха! Хулу, Хулу, Суаха!* и *Ваджиръ-Патъ*! слова индѣйскаго происхожденія, произносимыя для отвращенія отъ себя опасности. См. о нихъ сочиненіе «Буддизмъ», г. Васильева.

[2]) По санскритски: «*амра*,» Mangifera indica.

сойдешь-ли ты, трупъ, съ этого дерева? Не то я срублю его.»— «Самъ сойду», сказалъ трупъ — и сошелъ. Царевичъ тотчасъ же положилъ его въ мѣшокъ, опуталъ веревкой, закусилъ масла, и, закинувъ мѣшокъ за плечи, отправился назадъ. Въ дорогѣ онъ провелъ много дней, не отдыхалъ нигдѣ и не говорилъ. Разъ, изъ-за плечъ трупъ ему говоритъ: «Дни длинные, мы утомились, отъ скуки разскажи хоть какую-нибудь хорошенькую исторійку, нето я тебѣ разскажу.» Царевичъ молчитъ. «Если ты, продолжалъ трупъ, самъ хочешь разсказывать, такъ нагни голову, если же мнѣ дашь—подними.» Царевичъ поднялъ голову, нѣсколько разъ потрясъ ею—и трупъ началъ разсказывать.

ГЛАВА I.

«Въ давноминувшія времена, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили-были шестеро: одинъ изъ нихъ былъ сынъ богача, другой—сынъ врача, третій — живописца, четвертый—астролога, пятый—столяра и шестой—слесаря. Эти шестеро, всѣ подъ одной фамиліей, отправились въ другое государство. Приходятъ они къ устью одной рѣки, и тутъ, воткнувъ въ землю по прутику, начали клясться: «Мы каждый врозь отправляемся, кому куда угодно, для списканія добычи; по прошествіи шести лѣтъ должны явиться на этомъ самомъ мѣстѣ; если кто изъ насъ не придетъ въ этотъ срокъ, или если высохнетъ одинъ изъ этихъ прутиковъ, то должны искать того.» Послѣ чего они разошлись, каждый по своей дорогѣ.

Сынъ богача направилъ свои шаги по невѣдомому ему пути; онъ прибылъ къ маленькому домику, находящемуся около большой дороги—между муравой и лѣсомъ. Онъ заходитъ въ этотъ домикъ, его встрѣтили сѣдой старикъ со старухой, и спросили: «Откуда онъ и куда отправляется?

— «Я изъ дальней стороны, иду искать насущнаго хлѣба.»— «Если такъ, сказали тѣ, то очень кстати къ намъ зашелъ: у насъ есть дочь, очень пригожая дѣвица; мы тебя на ней женимъ, ты будешь нашимъ сыномъ.» Между тѣмъ ихъ дочь, находившаяся въ

отсутствіи, явилась. Молодецъ до чрезвычайности изумился ея красотѣ, — онъ подумалъ: «Да, она очень хороша, едвали съ ней по красотѣ могутъ сравняться дѣвицы Тэнгріевъ (добрыхъ духовъ)! Хотя я и оставилъ родительскій кровъ, но не нахожу въ томъ никакой потери, а напротивъ, это оставленіе принесло мнѣ счастіе: я на этой дѣвицѣ непремѣнно женюсь и останусь здѣсь.» Дѣвица же въ свою очередь была очень ласкова съ нимъ и даже выразила ему, что онъ очень хорошо сдѣлалъ, что пришелъ къ нимъ. За тѣмъ сыграли свадьбу.

Разъ какъ-то эта молодая отправилась на рѣку за водой, потеряла тамъ перстень, по ея заказу осыпанный драгоцѣнными камнями. Чрезъ нѣсколько времени, весною, нѣсколько человѣкъ изъ подданныхъ одного великаго хагана, жившаго на берегу этой рѣки, ниже ея теченія, прогуливаясь по берегу, нашли этотъ перстень. Обрадованные находкой и удивленные отличной отдѣлкой, они поднесли его своему хагану. Хаганъ не могъ также не подивиться отдѣлкѣ этого перстня. Онъ заключилъ, что этотъ перстень непремѣнно принадлежитъ красивой женщинѣ, которая должна жить выше теченія этой рѣки, и далъ приказаніе отыскать ее и представить ему. Посланные отыскали владѣтельницу перстня, представили ее вмѣстѣ съ мужемъ къ хагану. Хаганъ при видѣ ея воскликнулъ: «Да это просто дѣва Тэнгріевъ! Что передъ ней мои жены! Онѣ передъ ней свиньи и собаки!» и велѣлъ ей остаться у себя, и съ этого времени она сдѣлалась предметомъ хаганскаго обожанія. Но она не измѣняла своему мужу, всегда любила его, и еслибъ хаганская власть не удерживала ее, она возвратилась бы къ нему. Хаганъ узналъ объ ея расположеніи къ прежнему мужу и велѣлъ своимъ слугамъ умертвить его. Тѣ являются къ сыну богача, уговариваютъ его идти съ ними гулять, и, пришедши на берегъ одной большой рѣки, бросаютъ его въ вырытый ими глубокій колодезь и заваливаютъ его большими камнями.

Между тѣмъ срокъ, назначенный шестерыми, пустившимися искать приключеній, кончился. Они собрались на назначенное мѣсто, но между ними нѣтъ одного; прутики, посаженные ими, сдѣлались уже

деревьями, но одинъ изъ нихъ увялъ. Всѣ пятеро отправились искать своего товарища, и гдѣ-то они не побывали! но нигдѣ не напали на слѣдъ его. Наконецъ сынъ астролога по вычисленію дозналъ, что сынъ богача, ихъ товарищъ, лежитъ мертвый въ сырой землѣ и заваленъ большими камнями. «Нашъ товарищъ, говорилъ астрологъ, умеръ не своею собственною смертью, а убитъ.» По указанію астролога нашли это роковое мѣсто, но никакъ не могли очистить его; наконецъ сынъ слесаря помощію своего великаго молота разбиваетъ камни, очищается могила и вынимаютъ тѣло товарища. Сынъ врача составляетъ животворное лѣкарство, вливаетъ его въ ротъ мертваго, тотъ встаетъ, будто-бы ни въ чемъ невредимъ. Обрадованные товарищи осыпали его расиросами: какъ, почему, какимъ образомъ это случилось? Тотъ подробно разсказалъ, но еще съ бо̀льшею подробностью разсказалъ о своей женѣ, ея вѣрности и необыкновенной красотѣ, которая и была причиною его смерти. Товарищи всѣ ахнули. «Неужели, воскликнули они, есть такая красавица? Какъ бы ее отнять у хагана?» Сынъ столяра сдѣлалъ деревянную птицу, называемую Гаруди, которая была съ пружинами, и оттого могла летать и принимать различныя направленія, именно: если дотронуться къ пружинамъ спереди, поднималась кверху, если съ боковъ—летѣла плавно, если же снизу—ниспускалась. Сынъ живописца выкрасилъ Гаруди разными красками, такъ что нельзя было отличить ее отъ настоящей. Сынъ богача сѣлъ въ нее, завелъ пружины, она полетѣла къ хагану и стала парить надъ столицею его. Хаганъ, вельможи и весь народъ, при видѣ такой неслыханно-красивой птицы, удивлялись. Обрадованный хаганъ прибѣжалъ къ своей обожаемой женѣ, разсказалъ ей все, и попросилъ ее собственноручно поставить на городской башнѣ кормъ для этой птицы. По желанію хагана, хаганьша пошла съ кормомъ на башню, и какъ только поставила его, птица ниспустилась. Тутъ прежніе супруги свидѣлись. Хаганьша, чрезвычайно обрадованная, проговорила: «Тебя-ли я вижу? Я не чаяла ужъ больше увидѣть тебя! Это что у тебя за птица?» — «Это, отвѣчалъ тотъ, не настоящая птица, а искусственная. Хочешь-ли, продолжалъ онъ, остаться хаганьшею, или, по прежней

любви и привязанности ко мнѣ, не хочешь-ли опять соединиться со мною? Если хочешь, то войди въ эту птицу, — мы полетимъ, — насъ никто не догонитъ, и никакого вреда не будетъ.» — «Ты мой мужъ, сказала та,—я тебя люблю, — тебя я выбрала себѣ въ супруги,—нѣтъ милѣй тебя»—и съ этими словами вошла въ птицу Гаруди и — полетѣли. Хаганъ съ своими вельможами и приближенными—всѣ ахнули; они не знали, что дѣлать, какъ высвободить свою прекрасную хаганьшу отъ похитительницы, — и съ отчаянія бѣгали во всѣ стороны. Сынъ же богача благополучно долетѣлъ до своихъ товарищей, тронулъ пружину и спустился къ нимъ; самъ онъ вышелъ прежде. «Съ успѣхомъ-ли, спрашивали его друзья, возвратился?» — «Да», отвѣчалъ тотъ, и, обратясь къ женѣ, сказалъ: «Ну, выдь.» Она вышла. Товарищи, какъ только увидѣли ее, всѣ влюбились,—она же въ это время была еще красивѣе. Сынъ богача обратился къ своимъ товарищамъ: «Вы, незабвенные мои друзья, вы воскресили меня изъ мертвыхъ, вы доставили мнѣ возможность возвратить мою обожаемую жену, за это я вамъ благодаренъ и никогда не забуду вашего благодѣянія; прошу васъ соединить еще болѣе крѣпкими узами меня съ женою — вотъ объ чемъ я васъ прошу.» — «Нѣтъ, я несогласенъ съ этимъ, сказалъ сынъ астролога. Что сдѣлали бы безъ меня товарищи? При помощи моего знанія они отыскали мѣсто, гдѣ ты былъ зарытъ, по этому думаю, эта женщина по справедливости принадлежитъ мнѣ.» — «А что-бы безъ меня сдѣлали? сказалъ сынъ слесаря. Положимъ, по твоему указанію нашли мѣсто, но вѣдь оно все было завалено огромными камнями, вы вѣдь не могли сладить съ ними,—я своимъ молотомъ разбилъ ихъ и очистилъ могилу; такъ, слѣдовательно, я ея владѣлецъ.» — «Позвольте, сказалъ сынъ врача, правда, ты разбилъ камни, но безжизненный трупъ не могъ свидѣться съ хаганьшей и привести ее сюда; я силою своего лѣкарства воскресилъ его и доставилъ ему такимъ образомъ возможность свидѣться съ своей женой и привести ее сюда,—я ее возьму.» — «А какъ бы вы, сказалъ сынъ столяра, отъ хагана выручили ее? Что у васъ, войско что-ли есть? Вѣдь посредствомъ моей птицы она явилась сюда, такъ я и есть ея

владѣтель.» — «Эка штука! сказалъ сынъ живописца, твоей нераскрашенной птицѣ не дала бы хаганьша корму,—вѣдь этому причиной я, потому что помощію своего искусства сдѣлалъ ее похожею на настоящую птицу, стало быть эта женщина моя.» — «Когда такъ, вскричали всѣ въ одинъ голосъ, такъ мы ее зарѣжемъ, пусть никому не достается,» вытащили каждый свой ножъ и тотчасъ зарѣзали....»

«Ахъ, бѣдная!» вскричалъ Сайнъ Амугулангъ Ябудалту. Въ это самое время святой трупъ пропѣлъ: «Проговорилъ несчастный царевичъ: я не буду жить въ этомъ мірѣ!» — и съ этими словами онъ отлетѣлъ на прежнее свое мѣсто.

ГЛАВА II.

Снова нашъ Сайнъ Ябудалту-хаганъ отправился по той же дорогѣ и съ такимъ же терпѣніемъ, за святымъ трупомъ. Когда дошелъ до дерева Амара, то произнесъ кичливо-угрозныя слова: «Сойдешь-ли ты, трупъ, съ этого дерева! не то я срублю его.» — «Не руби, сказалъ трупъ, я самъ сойду», — и сошелъ. Положилъ его царевичъ въ свой мѣшокъ, туго-на-туго обвязалъ веревкой, закусилъ масла, закинулъ мѣшокъ за плечи, и пошелъ назадъ. Прошло много дней и ночей, какъ царевичъ въ дорогѣ; святой трупъ сказалъ: «Дни длинные, мы утомились, ради скуки не разскажешь ли какую нибудь дѣльную исторійку, или мнѣ предоставишь? Если самъ, продолжалъ трупъ, намѣренъ разсказать—нагни голову, если-же мнѣ велишь—подними.» Царевичъ поднялъ голову, трупъ началъ:

«Въ незапямятныя времена, въ одномъ государствѣ, расположенномъ по теченію одной большой рѣки, жилъ великій хаганъ. Выше его столицы было большое озеро, откуда брала свое начало рѣка, что въ столицѣ-то текла. Народъ этого государства, во-время своей пашни, нуждался въ водѣ; причина этому была та: двѣ чудовищныя водяныя лягушки въ это именно время заслоняли собою протокъ изъ озера въ рѣку, отъ чего и пресѣкалось теченіе воды. Чтобъ избавиться отъ этого, ежегодно въ жертву этимъ лягушкамъ

назначалось по жребію, безъ различія сословій, по одному человѣку. Выпалъ жребій сыну хагана, который, изъ желанія своему государству благоденствія, добровольно принялъ этотъ жребій. Старикъ-отецъ этого хагана сказалъ: «Я уже удрученъ годами, жизнь мнѣ недорога: лучше я отправлюсь; ты же, сынъ мой, управляй своимъ народомъ по справедливости, лелѣй его, какъ единственное свое дитя.»—«О, подобный небу отецъ мой, возможно-ль! Ты осѣнялъ свой народъ тѣнью справедливости, я не допущу тебя до этого; если женишься, будутъ у тебя дѣти, а обо мнѣ жалѣть нечего, я съ готовностью иду на съѣденіе этимъ чудовищнымъ лягушкамъ».

Царевичъ отправился, провожаемый воплемъ народа. На пути онъ зашелъ проститься къ сыну Удзыскулэнту, своему задушевному другу, съ которымъ подружился еще съ малолѣтства. «Прощай, сказалъ ему царевичъ, я за своего отца отправляюсь на съѣденіе чудовищнымъ лягушкамъ—это моя священная обязанность; ты повинуйся своимъ родителямъ, исполняй ихъ волю, — ну прощай же, будь здоровъ.» Сынъ Удзыскулэнту съ прискорбіемъ души и со слезами на глазахъ сказалъ: «Ты, царевичъ, съ малыхъ лѣтъ меня призрѣлъ, я за тебя жертвую собою, ты не ходи, оставайся.» Но царевичъ никакого умаливанья не принялъ, позволилъ только своему другу идти съ нимъ въ видѣ слуги, и отправились.

Какъ стали подходить къ берегу большаго озера, увидѣли двухъ, вышедшихъ изъ озера на берегъ, разноцвѣтныхъ—одна желтая, другая синяя, лягушекъ, которыя вели промежъ собой разговоръ: «Послушай, говоритъ желтая синей, этотъ царевичъ съ своимъ слугою не знаетъ, какъ спастись отъ смерти; еслибъ они взяли по палкѣ, да ударили насъ по башкамъ, мы растянулись бы; еще знаешь-ли, еслибъ меня, золотую лягушку, царевичъ съѣлъ, а тебя, синяя лягушка — его слуга, мы превратились бы, при выходѣ у нихъ изо рту, въ золото и въ бирюзу; кромѣ того, съ нашей смерти никто бы изъ ихъ людей не требовался въ жертву.» Царевичъ и его слуга взяли по палкѣ (царевичъ зналъ языки всѣхъ животныхъ), и начали бить по головамъ лягушекъ; тѣ растянулись; потомъ царевичъ,

а также и его слуга, съѣли ихъ, и съ этого времени, какъ только попадобится золото или бирюза, они икнутъ, и золото и бирюза являются. «Мы убили, говоритъ слуга царевичу, эгихъ чудовищныхъ лягушекъ, теперь можно намъ воротиться домой.» Но царевичъ не согласился. «Насъ, говорилъ онъ, примутъ за мертвецовъ; отправимся лучше въ какое нибудь дальнее государство», и отправились.

Переправившись чрезъ одну гору, они взошли въ одинъ, стоявшій у подошвы ея, домъ, гдѣ продавали вино мать съ дочерью—обѣ красавицы. Тутъ путешественники порядочно кутнули. «Ну, спросили они, сколько вамъ нужно?» Потомъ нѣсколько разъ икнули—у одного вышло золото, у другаго бирюза, и это отдали хозяйкамъ. Тѣ, подстрекаемыя такимъ богатымъ источникомъ, начали почаще подчивать гостей и уподчивали ихъ до того, что эти въ безпамятствѣ извергали свои сокровища въ большомъ количествѣ; но хитрыя женщины послѣ этого выпроваживали каждый разъ со двора своихъ гостей.

Между тѣмъ путешественники замѣтили ихъ хитрость и немедленно отправились дальше. Приходятъ они наконецъ къ устью одной рѣки, гдѣ на равнинѣ множество мальчиковъ о чемъ-то спорили; они подошли къ нимъ и спросили: о чемъ шумятъ? Тѣ отвѣчали: «Мы нашли шапочку Нидунъ Туйтукчи (шапка невидимка), а спорили о томъ, кому ею владѣть.» —«Что за шапка?» — «Кто надѣнетъ ее, продолжали мальчики, того не увидятъ ни Тэнгріи (добрые духи), ни человѣкъ, ни Шумусы (злые духи), вотъ это какая шапочка!» —«Если такъ, сказалъ царевичъ, вотъ что: ступайте къ самому концу этой равнины, оттуда и пуститесь сюда въ запуски, а я буду здѣсь съ шапочкой; дайте-ка подержу ее; кто изъ васъ опередитъ, тому и вручу ее.» Мальчики пошли, и пустились оттуда въ запуски; между тѣмъ царевичъ съ своимъ слугой прикрылись шапочкой; мальчики прибѣгаютъ, и ужасно засуетились: «Кажется, говорили они, давишніе здѣсь были?» Но какъ ни искали, не могли отыскать ихъ, и наконецъ съ горестью разошлись по домамъ.

Путешественники же пошли дальше и пришли къ одной большой

дорогѣ, на которой множество Шумусовъ спорили между собой. «О чемъ вы спорите? спросили путешественники. «Мы споримъ, отвѣчали тѣ, вотъ объ этихъ маленькихъ сапогахъ.» — «Что за сапоги?» — «Это сапоги скороходы.» — «Если такъ, сказалъ царевичъ, такъ ступайте, вонъ оттуда пуститесь въ перегонки ко мнѣ, и кто опередитъ, тому и владѣть; дайте-ка сапоги-то, я отдамъ ихъ.» Шумусы пошли къ указанному мѣсту, и пустились оттуда въ перегонки, а царевичъ въ это время сунулъ сапоги за пазуху, и прикрылся вмѣстѣ съ слугой шапкою невидимкою, Нидунъ Туйтукчи. Прибѣжавшіе Шумусы бросились искать ихъ: «Вѣдь здѣсь, говорили они, были! кудажъ дѣвались?» Поискали, поискали, и скрылись.

Послѣ этого царевичъ и его слуга надѣли сапожки, и произнесли: «Достигнемъ до такого мѣста, гдѣ требуется новый хаганъ», и съ этими словами легли спать.

На другой день они проснулись въ дуплѣ дерева въ одномъ государствѣ, гдѣ въ это время выбирали новаго хагана. Народъ, собравшійся у этого дерева для избранія себѣ хагана, увидѣлъ дурму (конусообразное тѣсто, приносимое въ жертву), ниспосланную святою прабабушкою Тэнгринъ Тули прямо на это дерево. При видѣ этого явленія, находившіеся тутъ въ удивленіи воскликнули: «Неужели намъ выбрать дерево въ хаганы, вѣдь оно не можетъ быть хаганомъ!» Но кто-то замѣтилъ, чтобъ взглянули внутрь дерева. Посмотрѣли, и нашли тамъ царевича съ его слугой. Но найденныхъ не хотѣли выбрать въ хаганы на томъ основаніи, что они пришлецы и неизвѣстно, кто они, а рѣшились избрать завтра человѣка, производящаго изъ себя золото и бирюзу. Въ назначенный день собрались, и каждый началъ показывать свои сокровища, но всѣ должны были отдать преимущество царевичу и его слугѣ, которыхъ и выбрали—перваго въ хаганы, а втораго въ министры.

Избранный хаганъ женился на дѣвицѣ удивительной красоты, на дочери прежняго хагана, и, въ знакъ своей любви къ ней, построилъ не вдалекѣ домъ, который молодая хаганьша каждодневно въ полдень посѣщала.

Министръ, сынъ Удзыскулэнту, подстрекаемый любопытствомъ,

надѣвши шапочку Нидунъ Туйтукчи, отправился слѣдомъ за хаганьшею. Эта, не подозрѣвая присутствія постороняго, вошла въ домъ, поставила лѣстницу и взобралась по ней на самый верхъ, на площадкѣ приготовила высокое кресло, украсила его разными дорогими красивыми матеріями, накрыла столъ и уставила его разными яствами. Сама же, скинувъ свое платье и одѣвшись въ самое эфирное, опрыскалась благовоніями, зажгла въ жаровнѣ дерево Агару и сѣла кого-то ждать. Министръ, заинтересованный этимъ приготовленіемъ еще болѣе, сѣлъ въ своей невидимкѣ не вдалекѣ отъ нея. Черезъ нѣсколько времени съ шумомъ слетѣла съ неба дивная птица, которую хаганьша тотчасъ окурила благовоніемъ; послѣ этого птица сѣла на мягкій камень, бывшій на верхушкѣ дома, и превратилась въ невыразимо-красиваго сына Тэнгрія, по имени Дамба Дугаръ, котораго хаганьша послѣ любезнаго привѣтствія посадила на приготовленное кресло и начала подчивать вкусными яствами и напитками. Потомъ сынъ Тэнгрія спросилъ хаганьшу: «Ну что, каковъ твой молодой супругъ, возведенный на престолъ небесною теткою Тули Илагукчи и назначенный тебѣ въ супруги?» — «Я его, отвѣчаетъ та, хорошенько еще не узнала, человѣкъ молодой, что-то будетъ дальше.» Наконецъ, назначивъ завтрашнее утро для свиданья, они разошлись. Хаганьша одѣлась въ свое прежнее платье, и воротилась къ своему супругу.

На другой день, въ назначенный часъ, она отправилась, министръ пошелъ за нею въ слѣдъ. Въ это свиданье сынъ Тэнгрія выразилъ желаніе завтра въ видѣ жаворонка придти посмотрѣть супруга хаганьши, на что та согласилась, и они разошлись. Между тѣмъ министръ доложилъ хагану, что новый домъ, построенный для хаганьши, посѣщается сыномъ Тэнгрія, невыразимо-красивымъ человѣкомъ, и между прочимъ разсказалъ также все, что онъ видѣлъ въ этомъ домѣ. «Завтра утромъ, говорилъ министръ, этотъ сынъ Тэнгрія явится въ видѣ жаворонка посмотрѣть тебя; надо завтра утромъ на дворѣ приготовить большой костеръ и зажечь его, а я, какъ прилетитъ жаворонокъ, возьму его за хвостъ и брошу въ костеръ, ты же тотчасъ изруби его мечомъ.»

На другой день у костра рядомъ сидѣли хаганъ съ хаганьшею. Сынъ Тэнгрія въ видѣ сѣраго жаворонка прилетѣлъ и сѣлъ на край лѣстницы; хаганьша украдкой посматривала на него съ нѣжностью. Министръ надѣваетъ Нидунъ Туйтукчи, хватаетъ жаворонка за хвостъ и бросаетъ въ костеръ; хаганъ только лишь было замахнулся мечомъ, хаганьша схватила его за руку, и жаворонокъ, весь опаленный, поднялся къ небу, а хаганьша отъ жалости къ нему чуть не упала въ обморокъ.

На другой день министръ опять отправился за хаганьшею, которая, приготовивъ все по прежнему, на этотъ разъ дольше обыкновеннаго ждала своего посѣтителя; наконецъ она съ невыразимою тоской устремила свой взоръ къ небу и замѣтила медленно ниспускающуюся птицу, которая наконецъ опустилась и превратилась въ человѣка, покрытаго ранами, изъ которыхъ текла матерія. Хаганьша обняла его съ рыданіемъ, что мѣшало ей говорить. «Не плачь! сказалъ ей сынъ Тэнгрія, — твой супругъ великъ и обладаетъ невидимой силой, которая бросила меня въ костеръ; я не могу болѣе посѣщать тебя.» — «Какъ можно, всхлипывая промолвила хаганьша, такія слова говорить, ты будешь по прежнему меня посѣщать.» Наконецъ они назначили первое число каждаго мѣсяца днемъ своего свиданья: сынъ Тенгрія улетѣлъ во свояси, а хаганьша съ этого времени стала внимательнѣе и почтительнѣе къ своему мужу.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ этого, министръ, сынъ Удзыскуляпту, надѣвъ свою Нидунъ-Туйтукчи и промолвивъ: «пойду», отправился, и прибылъ въ одинъ монастырь, гдѣ чрезъ дверную щель увидѣлъ сторожа, который взялъ бумагу съ изображеніемъ осла, обернулъ ее изображеніемъ отъ себя, повернулъ, и превратился вдругъ въ осла, который съ ревомъ началъ бѣгать по монастырю; потомъ взялъ эту бумагу, обернулъ ее изображеніемъ къ себѣ, повернулъ, и сдѣлался опять человѣкомъ. Забавляясь такимъ образомъ, онъ оставилъ рисунокъ у жертвенника, самъ же удалился, а сынъ Удзыскуляпту подошелъ къ жертвеннику, взялъ эту бумагу, и отправился съ нею прямо къ тѣмъ краси-

вымъ женщинамъ, которыя торговали виномъ, и которыя уподчивали его вмѣстѣ съ царевичемъ. При свиданіи съ ними онъ сказалъ, что нарочно-молъ пришелъ къ нимъ, чтобъ отблагодарить за прежнее угощенье, и отдалъ имъ три золотыхъ. Тѣ взяли и сказали: «Ты прекрасный, честный человѣкъ, но скажи намъ, откуда берешь столько золота?» — «У меня, сказалъ тотъ, есть источникъ — вотъ эта бумажка. Какъ только понадобится мнѣ золото, поверну ее, оно и будетъ.» — Если такъ легко добывать золото, одолжика намъ повернуть эту бумажку!» — «На̀те.» Онѣ съ радостію повернули, и обратились въ двухъ ослицъ. Сынъ Удзыскулэнту привелъ ихъ домой и заставилъ возить камни и песокъ. Отъ трехлѣтней трудной работы сдѣлались у нихъ на спинахъ раны, изъ которыхъ текли кровь и матерія. Однажды эти двѣ ослицы, при видѣ хагана, заплакали, и тѣмъ обратили на себя его вниманіе. — «Что за ослицы? сказалъ хаганъ; не мучьте ихъ такъ сильно.» Министръ, сынъ Удзыскулэнту, тотчасъ повернулъ свою бумагу, ослицы превратились въ двухъ чрезвычайно изнуренныхъ женщинъ, покрытыхъ ранами, изъ которыхъ текла чрезвычайно непріятнаго запаха матерія...»

«Ахъ, бѣдныя!» проговорилъ Сайнъ Амугулангъ Ябудалту, и какъ только произнесъ онъ эти слова, святой трупъ запѣлъ: «Я не буду жить въ здѣшнемъ мірѣ, потому что безумный, несчастный царевичъ вымолвилъ слово,» и отлетѣлъ на прежнее свое мѣсто.

ГЛАВА III.

Пошелъ царевичъ въ садъ, произнесъ у дерева кичливо-угрозныя слова, отъ которыхъ святой трупъ слѣзъ съ дерева. Положилъ царевичъ святой трупъ въ мѣшокъ, обмоталъ туго-натуго веревкой закусилъ масла и, закинувъ мѣшокъ за плечи, пошелъ. Въ дорогѣ, послѣ многихъ дней, святой трупъ, по данному царевичемъ знаку слушать умную исторійку, началъ разсказывать ее; вотъ она:

«Когда-то на верьховьѣ одной рѣки жилъ бѣднякъ съ женой.

У нихъ кромѣ коровы ничего не было. Настало время выгона коровъ въ стадо. Бѣднякъ не находилъ быка для своей коровы и въ отчаяніи говорилъ женѣ: «Ну, пропали мы! что будемъ мы дѣлать! Не будетъ у насъ ни молока ни масла! Придется умирать съ голоду и жажды, если единственная кормилица наша пропадетъ!» И онъ имѣлъ съ нею сообщеніе.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ корова родила существо съ предлиннымъ хвостомъ, съ бычачьей головой, а остальныя части какъ у человѣка. Бѣднякъ, при видѣ такого уродливаго существа, схватилъ лукъ, стрѣлы, и хотѣлъ застрѣлить его. — «Не убивай меня, проговорилъ уродъ; я буду покорный слуга твой, послушный рабъ, пощади меня! полезное возмездіе тебѣ будетъ единственною цѣлью моей жизни, оно сохранится въ глубинѣ моего сердца, преданнаго тебѣ одному по гробъ.» Бѣднякъ послушался его словъ, принялъ его къ себѣ въ домъ и далъ ему имя Тогулъ Ханшіярту Масангъ (Масангъ съ телячьей мордой).

Однажды этотъ Масангъ отправился въ лѣсъ, гдѣ у корня одного дерева встрѣтился съ чернымъ человѣкомъ. Масангъ спросилъ его, что онъ за человѣкъ и отчего такой? «Я, отвѣчалъ тотъ, Идэръ Тарбо, рожденный отъ лѣса; а ты, Масангъ съ телячьей головой, незнающій своего происхожденія, куда идешь? Возьми меня съ собой, я буду твоимъ другомъ.» Они подружились и отправились. Среди зеленой муравы они встрѣтились съ однимъ зеленымъ человѣкомъ, который, на вопросъ: «Кто онъ,» сказалъ, что онъ Тарбо, родился отъ Муравы. Тѣ подружились съ нимъ, и втроемъ отправились дальше. Когда достигли до хрустальной скалы, встрѣтили здѣсь одного совершенно бѣлаго человѣка, спросили его, что онъ за человѣкъ и какъ зовутъ? Тотъ отвѣчалъ, что его зовутъ Тарбо, родился отъ Хрусталя. Съ этимъ также подружились, и вчетверомъ отправились дальше, и когда, пройдя пустынную степь, дошли наконецъ до подошвы одной горы, увидѣли здѣсь маленькій домикъ. Въ этомъ домикѣ они нашли пищу, питье и другія необходимыя вещи, на дворѣ-же находились коровы, быки и другія животныя. Всѣмъ этимъ богатствомъ эти четверо овладѣли, и

остались тутъ жить, положивъ при этомъ такое условіе, чтобы одинъ изъ нихъ оставался караулить домъ, а трое уходили бы на охоту.

На первый разъ пришла очередь караулить домъ Тарбу, что рожденъ отъ лѣса. Въ отсутствіи своихъ товарищей онъ занялся приготовленіемъ кислаго молока и варенiемъ мяса; вдругъ слышитъ онъ у дверей шорохъ, и наконецъ видитъ старуху ростомъ съ вершокъ, съ ношею съ горошинку, перелѣзавшую по поставленной ею лѣстницѣ чрезъ порогъ. «Э, воскликнула старуха, здѣсь готовятъ мясо и кислое молоко! дай-ка отвѣдать!» Тотъ далъ ей малость, между тѣмъ все приготовленное кушанье исчезло, а сама старуха провалилась. Тарбу, лѣсному сыну, отъ такой продѣлки старухи стало совѣстно, и, чтобъ скрыть отъ товарищей свою оплошность, онъ сталъ вездѣ рыться, нашелъ два лошадиныхъ копыта, сдѣлалъ ими вокругъ своего дома слѣды и разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы. Воротились товарищи съ облавы. «Ну, давай намъ, проговорили они, молоко, мясо, которыя ты приготовилъ?» — «Чего я вамъ дамъ! отвѣчалъ Тарбо: сегодня наѣхало сто всадниковъ, — окружили нашъ домъ, похитили все наше кушанье и избили меня до полусмерти, — вонъ посмотрите вокругъ дома слѣды отъ ихъ коней..» Тѣ увидѣли копскіе слѣды и стрѣлы, вонженныя въ землю, и убѣдились въ истинѣ словъ своего товарища.

На другой день остался дома Тарбо, рожденный отъ Муравы. Онъ также оплошалъ, какъ и товарищъ его наканунѣ, и также увѣрилъ своихъ товарищей, какъ и тотъ, съ тою только разницею, что не лошадиными копытами сдѣлалъ слѣды, а бычачьими.

На слѣдующій день пришла очередь остаться дома Тарбо, рожденному отъ Хрусталя. У него тоже пропало кушанье. Онъ обманулъ своихъ товарищей такъ: сказалъ, что пріѣзжали сто воиновъ на лошакахъ, отняли все и избили его, а что не обманываетъ ихъ, то посылаетъ посмотрѣть слѣды.

Наконецъ настала очередь сидѣть дома Тогулъ Ханшіярту Масангу. Онъ въ отсутствіи своихъ товарищей началъ болтать кислое молоко, причемъ сидѣлъ на корточкахъ, безпрестанно поднималъ свою съ торчащими рогами голову, хвостъ же держалъ коро-

мысломъ. Та прежняя старушонка явилась и къ нему, попросила и у него отвѣдать кушанья. «А, подумалъ Масангъ, ужъ не эта-ли старуха приходила къ моимъ товарищамъ? Что, давать-ли ей отвѣдать? Ты, сказалъ онъ старушонкѣ, прежде, чѣмъ я дамъ тебѣ отвѣдать, сходи за водой, — на-вотъ тебѣ ведро,» и отдалъ ей ведро съ дырявымъ, какъ сито, днемъ. Старуха пошла за водой, а Масангъ въ окошко сталъ слѣдить за ней, и видитъ, что эта съ вершокъ старушонка превратилась въ огромную женщину, чуть не достающую до неба, которая подошла къ рѣкѣ и стала черпать воду; но сколько ни черпала, воды въ ведрѣ не набиралось. Между тѣмъ Масангъ, покуда старуха черпала воду, взялъ ея оставленную ношу, и сталъ ее разбирать. Онъ нашелъ въ ней веревку, скрученную изъ сухихъ жилъ, желѣзный молотокъ и клещи, тоже желѣзныя. Масангъ на мѣсто этого молотка и этихъ клещей положилъ деревянные, а вмѣсто веревки изъ жилъ положилъ конопляную, да еще и гнилую, уклалъ все это такъ, какъ было у старухи и поставилъ ношу на прежнее мѣсто. Наконецъ старуха воротилась, бросила съ сердцемъ ведро, и проговорила: «Въ твоемъ ведрѣ вода не держится, — давай мнѣ теперь отвѣдать кушанья, а не то, все это твое богатство и скотъ — мои». Но Масангъ не далъ ей отвѣдать. «Если такъ, сказала старушонка, поспоримъ, чья сторона возьметъ верхъ.» — «Ну чтожъ, сказалъ Масангъ, давай.» Старушонка взяла веревку, опутала ею Масанга, — этотъ понатужился и веревка лопнула. Потомъ Масангъ взялъ украденную имъ веревку, связалъ старушонку, та и не пошевельнулась. «Побѣдилъ, проговорила она, давай же теперь поцарапаемся.» — «Ладно, сказалъ Масангъ.» Старуха взяла деревянныя клещи, схватила ими Масанга за грудь, потянула къ себѣ, но клещи изломались и не причинили никакой боли Масангу: тотъ въ свою очередь взялъ клещи, что укралъ-то, схватилъ ими старушонку за грудь, потянулъ къ себѣ и вырвалъ у нея кусокъ мяса, величиной съ кувшинъ. «Ого, сказала со стономъ старуха, у тебя въ рукахъ немалая сила. Ну-ка, давай теперь попробуемъ на кулакахъ,» — и старуха ударила Масанга въ грудь деревяннымъ молотомъ, у ко-

тораго переломился черенокъ; Масангъ же раскаленнымъ желѣзнымъ молотомъ хватилъ старушонку такъ, что кровь полилась; та чрезъ поставленную ею лѣстницу улепетнула.

Между тѣмъ товарищи пришли съ облавы, поздоровались, и спросили: «Благополучно-ли?» Но Масангъ имъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ вы обманывали меня? Не могли сладить со старушонкой! Ей таки досталось отъ меня, — пойдемъ отыщемъ ея трупъ.»

Они пошли по слѣдамъ, образовавшимся отъ старушонкиной крови, по нимъ къ пещерѣ въ одной страшной скалѣ. Они зашли въ пещеру, гдѣ по серединѣ была трещина въ 18 миль глубиной. На днѣ этой трещины увидѣли, среди золота, бирюзы, разныхъ воинскихъ доспѣховъ и многихъ другихъ сокровищъ, трупъ старушонки. «Спуститесь, сказалъ Масангъ своимъ товарищамъ, по этой вотъ веревкѣ, и передавайте всѣ тѣ вещи, а я буду вытаскивать ихъ, или же я спущусь.» — «Ты ужъ самъ ступай, сказали товарищи, — эта женщина Шумусъ-баба, мы ея боимся.» Масангъ спустился, и передавалъ оттуда на веревкѣ вещи своимъ товарищамъ, которые между тѣмъ, думая, что Масангъ не раздѣлитъ съ ними этихъ сокровищъ, согласились, какъ все онъ имъ оттуда передастъ, не давать ему больше веревки, что и сдѣлали въ самомъ дѣлѣ. Тутъ Масангъ понялъ недоброжелательство къ нему своихъ товарищей и, не находя никакого средства къ спасенью, приготовился къ смерти.

Между тѣмъ, мучимый голодомъ, сталъ искать чего нибудь съѣдомаго, но ничего кромѣ трехъ вишневыхъ косточекъ не нашелъ. Онъ ихъ посадилъ въ землю, проговоривъ при этомъ: «Если я дѣйствительно Масангъ, отъ этихъ трехъ косточекъ въ продолженіе моего сна да выростетъ дерево, если же я не Масангъ, да не будетъ этого», и, положивъ подъ голову вмѣсто подушки трупъ старухи, легъ спать.

Онъ отъ вліянія осквернennаго трупа Шумусъ-бабы проспалъ безъ просыпу нѣсколько лѣтъ; наконецъ, когда проснулся, увидѣлъ: изъ посаженныхъ косточекъ выросло дерево, стоявшее вровень съ отверстіемъ трещины. Масангъ съ радостью взобрался на это де-

рево, выбрался по немъ на бѣлый свѣтъ, и отправился домой, но тутъ, кромѣ своего желѣзнаго лука и стрѣлъ, ничего не нашелъ, ни друзей своихъ, ни богатства, ни скота.

Отсюда онъ отправился искать своихъ товарищей. Наконецъ приходитъ въ одинъ домъ, гдѣ находитъ трехъ женщинъ; узнаетъ отъ нихъ, что онѣ жены его друзей, которые живутъ каждый въ своемъ домѣ, въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, и теперь на охотѣ. Масангъ натянулъ тетиву на свой желѣзный лукъ, и отправился къ товарищамъ. Увидавъ, что они уже возвращаются съ охоты и несутъ каждый по куску мяса, онъ, чтобъ задать имъ страху, пустилъ стрѣлу. Тѣ по стрѣлѣ узнали, кому она принадлежитъ, и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Мы виноваты! ты правъ! возьми нашихъ женъ, мы уступаемъ ихъ тебѣ.» — «Да, сказалъ Масангъ, продѣлки ваши хороши! Впрочемъ, что съ вами дѣлать! Мнѣ не надо вашихъ женъ; я отправляюсь къ своему благодѣтелю заявить ему мою искреннюю признательность; а вы оставайтесь жить по прежнему, прощайте.»

На другой день послѣ этого, Масангъ увидѣлъ у одного ключа прекрасную дѣву, отъ слѣдовъ которой выростали роскошные цвѣты. Любуясь красотой этихъ роскошныхъ цвѣтовъ, и идя все далѣе и далѣе, онъ незамѣтно очутился въ какомъ-то небесномъ государствѣ. Здѣсь встрѣтилъ его владыка Хормуста со словами: «Ты кстати пришелъ; мы теперь во враждѣ съ черными Шумусами; завтра ты узнай каковы они, а послѣ завтра отправишься съ нами. Завтра утромъ, продолжалъ Хормуста, бѣлый быкъ будетъ биться съ черным, и бѣлый чернаго одолѣетъ, вечеромъ же черный возьметъ надъ бѣлымъ верхъ; — бѣлый быкъ — Тэнгрій, а черный — Асури (Шумусъ). Вечеромъ, когда черный быкъ начнетъ одолѣвать бѣлаго, ты натяни въ полной мѣрѣ свой желѣзный лукъ и пусти черному быку въ лысину, что у него на головѣ, стрѣлу.» Назначенный день насталъ, стрѣла Масанга вонзилась въ лысину чернаго быка, при этомъ другіе быки, бывшіе тутъ, разбѣжались. Обрадованный Хормуста осыпалъ Масанга сокровищами Тэнгріевъ, и просилъ его остаться при себѣ, но этотъ не согласился, выставляя ту причину,

что идетъ къ своему благодѣтелю, съ которымъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность повидаться, дать ему отчетъ о своемъ поведеніи и дѣйствіи, и наконецъ пасть къ ногамъ его и облобызать пыль его стопы. Когда Масангъ собрался уже, Хормуста сказалъ ему: «Въ дорогѣ можешь заблудиться, неравно попадешь къ Шумусамъ, отъ нихъ не убѣжишь: стучись ужъ прямо къ нимъ въ ворота, и назовись, если спросятъ, врачомъ, — навѣрно тебя раненый Шумусъ-ханъ пригласитъ; ты явись къ нему и, притворись, разсматривая его раны, будтобы вынимаешь у него изъ головы стрѣлу, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ на вотъ эти семь зеренъ, брось ихъ кверху, и вонзи стрѣлу Шумусъ-хагану въ самую середину мозга, тѣмъ и доканай его.» Масангъ отправился, подпираясь палкой; онъ дѣйствительно заблудился, и очутился въ царствѣ Шумусовъ. Постучался къ нимъ въ ворота; ему отперла Шумусъ-хаганская жена, мечущая изо рта искры. Она спросила его, кто онъ таковъ, и что знаетъ? Тотъ отвѣчалъ: «Врачъ», — и его ввели къ Шумусъ-хагану. Когда Масангъ началъ изъ раны Шумусъ-хагана вытаскивать стрѣлу, этотъ, чувствуя облегченіе, обрадовался, — въ это-то время Масангъ бросилъ семь зеренъ вверхъ и сильно воткнулъ ту самую стрѣлу, что въ головѣ у Шумусъ-хагана, такъ что она вонзилась внутрь мозга; въ это же мгновеніе съ бряцаньемъ ниспустилась съ неба желѣзная цѣпь, по которой Масангъ успѣлъ подняться, жена же Шумусъ-хагана схватила желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку, и ударила ею его по спинѣ, отъ чего Масангъ разсыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь буддъ»...

«Ахъ бѣдный! проговорилъ Сайнъ-Амугуланъ! онъ не успѣлъ отблагодарить своего благодѣтеля!» — «Проговорилъ!» пропѣлъ святой трупъ, и улетѣлъ.

ГЛАВА IV.

Снова отправился къ дереву Сайнъ Ябудалту, произнесъ тѣже кичливо-угрозныя слова, заставившія святой трупъ слѣзть съ де-

рева; положилъ его Сайнъ Ябудалту въ мѣшокъ, завязалъ туго-натуго веревкой, и пошелъ въ путь, гдѣ, по истеченіи многихъ дней, слушалъ отъ святаго трупа исторійку, которая вотъ какая:

«Нѣкогда, въ давноминувшія времена, въ одномъ цвѣтущемъ государствѣ, на берегу одной рѣки, жили двое, мужъ съ женой. Мужъ былъ до крайности скупъ; онъ, чтобъ меньше пить и ѣсть, проводилъ всю жизнь во снѣ.

Однажды жена стала его уговаривать, чтобъ онъ бросилъ такую дурную привычку, отъ которой разстроилось ихъ благосостояніе, полученное отъ отца. «Когда, говорила жена, я отправлюсь на полевыя работы, ты выдь изъ дому и хоть взойди на высокое мѣсто, откуда можно видѣть окрестности.» Между тѣмъ жена, отправляясь на полевыя работы, бросила на томъ мѣстѣ, откуда недавно откочевали ихъ сосѣди, кусокъ масла. Скупой послушался словъ жены, и въ отсутствіе ея вышелъ изъ дому, взошелъ на одно высокое мѣсто, откуда замѣтилъ птицъ и лисицъ, отнимавшихъ что то другъ у друга. Онъ отправился къ нимъ, увидалъ, что это масло, взялъ его, принесъ домой, и положилъ въ шкафъ. Возвратившаяся съ полевой работы жена, будто-бы ничего не зная, спросила его: «Что это за масло?» — «Я нашелъ, отвѣчалъ тотъ; — по твоимъ словамъ вышелъ изъ дому, вхожу на высокое мѣсто, вижу оттуда: птицы и лисицы что-то другъ у друга отнимаютъ, подхожу туда, вижу масло, взялъ его, и принесъ домой.» — «Какъ можно, сказала жена, сидѣть мущинѣ дома! Вотъ вышелъ одинъ разъ, и съ находкой, — навѣрно, еслибъ почаще выходилъ, всегдабы находилъ что нибудь.» Обольщенный словами жены и гордясь своей находкой, онъ сказалъ: «Приготовь мнѣ лошадь, сѣдло, узду, шапку, бурку, собаку и ружье», и когда жена объявила ему, что все готово, онъ, нахлобучивъ бѣлую шапку, накинувъ на плечи бурку, привѣсивъ къ бедру колчанъ, сѣлъ на коня, взялъ на свору собаку, и отправился куда глаза глядятъ.

Въ одной степи увидѣлъ онъ бѣгущую лисицу, обрадовался, и подумавши: «Первая встрѣча дороже всѣхъ находокъ, — такъ какъ старый другъ лучше новыхъ двухъ: — я сошью себѣ изъ

шкуры этой лисицы шапку», пустился за ней. Лисица спряталась въ нору. Здѣсь онъ сошелъ съ лошади, снялъ съ себя бурку, колчанъ со стрѣлами и лукомъ, и платье, навьючилъ всѣмъ этимъ лошадь, къ поводу которой привязалъ собаку, заслонилъ шапкой отверстіе норы, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она оканчивалась. Испуганная лисица выскочила оттуда, и въ шапкѣ, которою отверстіе было заложено, побѣжала. За ней бросилась собака, за этой лошадь, и всѣ скрылись за горой. Такимъ образомъ скупецъ остался безъ платья, безъ лошади, безъ шапки, безъ оружія, безъ собаки, безъ лисицы, совершенно голый.

Не находя никакой возможности выпутаться изъ такого крайняго положенія, онъ пошелъ по теченію одной рѣки, и пришелъ въ столичный городъ, расположенный на устьѣ этой рѣки и принадлежавшій одному могущественному хагану. Онъ вошелъ, никѣмъ не замѣчаемый, въ конюшню хагана, зарылся тамъ въ сѣнѣ и соломѣ, голову обсыпалъ овсомъ, — только одни глаза были снаружи, такъ онъ лежалъ, и его никто не видѣлъ.

На этотъ разъ дочь этого могущественнаго хагана, одаренная необыкновенною красотой, возвращалась мимо скупца съ прогулки, и нечаянно обронила неоцѣненно-дорогой камень — въ немъ жизнь хагана заключалась. Тотъ замѣтилъ, какъ она обронила, но лѣнь было ему встать, поднять этотъ камень. Ночью корова копытомъ наступила на этотъ камень, отъ чего онъ вошелъ порядочно глубоко въ землю; рано утромъ пришла служанка, собрала со двора навозъ, куда попалъ и камень, и залѣпила въ стѣнѣ щель — все это скупецъ видѣлъ.

На другой день хаганомъ, вельможами и приближенными, при звукахъ большихъ барабановъ объявлено было о потерѣ царевною драгоцѣннаго жизнь-камня, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было отыскать знахарей и гадателей. По окончаніи сбора, случилось проходить одному мимо того мѣста, гдѣ былъ скупецъ. «Что ты за человѣкъ?» спросилъ его прохожій.» — «Я, отвѣчалъ тотъ, знахарь.» — «Если такъ, то ступай ты къ нашему хагану, онъ потерялъ свой жизнь-

камень и поэтому созываетъ всѣхъ знахарей.» — «Я не могу быть у вашего хагана — мнѣ не въ чемъ придти.» Прохожій отправился къ хагану и доложилъ ему, что въ оградѣ ихъ есть знахарь, но ему не въ чемъ придти сюда. Хаганъ послалъ скупцу шерстяное платье, и велѣлъ его привести къ себѣ. Посланные привели его къ хагану. Послѣ должнаго поклона хагану, отданнаго скупцомъ, спросили его: не нужно-ли ему чего при гаданьи? Тотъ отвѣчалъ, что ему надо большую свиную голову, пять кусковъ разноцвѣтной матеріи и одну большую дурму. Когда все это ему представили, — онъ взялъ палку, на одинъ конецъ ея привязалъ пять кусковъ разноцвѣтной матеріи, а другой воткнулъ въ дурму, свиную же голову взялъ въ руку, и отправлялся на уединеніе, гдѣ будто-бы провелъ въ созерцаніи трое сутокъ. На третьи сутки, въ день выхода его изъ уединенія, народъ по его приказанію собрался на одной скалѣ, къ которой вела одна только тропинка. На эту тропинку сталъ гадатель съ свиной головой, велѣлъ собравшимся проходить по одному мимо его, и когда стали мимо его проходить, ударялъ каждаго проходящаго свиной головой, объявляя при этомъ: «У этого нѣтъ, у этого нѣтъ», и такимъ образомъ всѣ прошли мимо его. Послѣ этого, гадатель обратился къ хагану: «Твоего жизнь-камня нѣтъ у людей, поищемъ теперь въ землѣ,» — и отправился въ сопровожденіи самого хагана и многочисленной толпы, при чемъ онъ постукивалъ свиною головой вездѣ, гдѣ шелъ. Наконецъ дошелъ до того мѣста, гдѣ жизнь-камень находился, указалъ здѣсь свиною головой, и сказалъ: «Гаданье мое указываетъ вотъ это мѣсто.» — Хаганъ раскопалъ замазку, и нашелъ свой жизнь-камень.

При радости своего народа могущественный хаганъ воскликнулъ: «Ты великій гадатель!», потомъ обратился къ народу: «Это — великій гадатель съ свиной головой! Что тебѣ только нужно, сказалъ онъ гадателю, я вознагражу тебя всѣмъ!» Гадатель съ свиной головой доложилъ, что ему нужны лошадь, сѣдло, узда, колчанъ, бурка, шапка, собака со сворой, да лисица; потеря его состояла въ этихъ предметахъ, и онъ въ это время объ нихъ ду-

малъ, потому такое желаніе и высказалъ хагану. «У этого человѣка, сказалъ хаганъ, желанія умѣренныя», — и велѣлъ немедленно исполнить его требованіе; кромѣ того велѣлъ еще навьючить двухъ слоповъ масломъ и мясомъ.

Съ этими дарами гадатель отправился домой, гдѣ его встрѣтила жена съ виномъ. «Ай-да молодецъ! сказала она, — вотъ что значитъ мужчина-то! Что значитъ выходить со двора!» Ночью, между разговорами, на вопросъ жены: откуда онъ досталъ столько мяса, масла и этихъ двухъ слоповъ, онъ подробно разсказалъ, какъ все это ему досталось. «Ахъ ты безумный! проговорила жена. Есть ли кто глупѣе тебя! Я завтра пойду сама къ хагану.» Она на слѣдующій же день отправилась къ хагану съ письмомъ, которое написала отъ имени своего мужа, и котораго содержаніе вотъ какое: «Хаганъ! твое несчастіе, каково бы оно ни было, велико ли, мало ли, я отстранилъ, я нашелъ твой жизнь-камень, за что не получилъ приличнаго вознагражденья; я взялъ отъ тебя собаку, лисицу съ прочими вещами для того именно, чтобъ отстранить отъ тебя бѣдствіе, угрожающее твоей жизни; — но ты самъ знаешь, какъ наградить меня.»

Хаганъ наградилъ ее несмѣтными сокровищами, и отпустилъ домой. Съ этого времени гадатель съ свиной головой и его жена стали жить въ довольствѣ.

По прошествіи долгаго времени послѣ этого знаменитаго происшествія, случилось важное событіе. Не вдалекѣ отъ гадателя жило семь братьевъ царевичей. Какъ-то эти семь братьевъ царевичей отправились въ лѣсъ разогнать скуку, встрѣтили тамъ одну невыразимо-красивую дѣвицу, ведущую буйвола. «Ты, дѣвица, спросили они ее, откуда?» — «Я, отвѣчала та, дочь хагана Цокту, — съ южной стороны, пришла сюда вотъ за этимъ буйволомъ.» — «Не хочешь ли, сказали тѣ, быть женою одного изъ насъ?» Она согласилась, и семь братьевъ вмѣстѣ съ ней и буйволомъ воротились домой. Народъ, при видѣ красоты новой хагатьши, пришелъ въ восторгъ. Между тѣмъ, съ этого времени каждый годъ стало умирать по одному изъ царевичей, и остался наконецъ только одинъ, са-

мый младшій. Этотъ тоже захворалъ тою же тяжкой болѣзнью, и у него жизнь тоже висѣла на волоскѣ. Приближенные царевича говорили между собой: «Странное дѣло, болѣзнь нашего царевича такая же, какъ и у братьевъ его; его братьямъ искусство врачей не помогло, навѣрно и этому тоже не принесутъ пользы; говорятъ, отсюда черезъ двѣ горы живетъ какой-то съ свиной головой, о которомъ много толкуютъ, — пригласимъ его,» и тотчасъ же отправили за нимъ гонцовъ.

Тѣ явились къ гадателю, и объявили ему цѣль своего прибытія, на что тотъ сказалъ имъ: «Я теперь занятъ; нынѣшнюю ночь въ созерцаніи посмотрю, какое дать средство больному, завтра дамъ вамъ отвѣтъ». На самомъ же дѣлѣ такой отвѣтъ былъ отъ гадателя для того, чтобъ посовѣтоваться объ этомъ съ его женой, которой въ это время не было дома; ночью онъ и сказалъ ей, что пріѣзжали звать его къ больному, и что ему дѣлать: идти или нѣтъ? «Тебѣ, сказала жена, лучше отправиться, чѣмъ сидѣть дома, — первое твое предпріятіе ознаменовалось удачей, можетъ быть и теперешнее съ рукъ сойдетъ.» На другой день гадатель сказалъ гонцамъ: «Я въ эту ночь замѣтилъ хорошій признакъ, теперь отправляюсь съ вами, подождите, я приодѣнусь». Чтобъ придать себѣ болѣе значенія, онъ собралъ свои волосы на макушкѣ въ пукъ, намоталъ на лѣвую руку четки, а въ правую взялъ свиную голову, обвернутую разноцвѣтными матеріями, надѣлъ бурку, сѣлъ на коня, и отправился вмѣстѣ съ гонцами въ путь.

Когда наконецъ пришелъ къ хагану, то водрузилъ у изголовья его свою палку съ свиной головой въ дурму, величиною съ человѣка, и сталъ читать заклинаніе. Между тѣмъ хаганьша, бывшая тутъ, волнуемая страхомъ при видѣ великаго гадателя, не могла долѣе оставаться тамъ и вышла въ другую комнату. Съ выходомъ ея, мученія хагана утихли, и онъ заснулъ; гадатель же, думая, ужъ не умеръ ли хаганъ, который передъ тѣмъ такъ сильно метался, а теперь спокойно лежитъ, испугался, и сталъ кричать: «Хаганъ! хаганъ!» но, не получивъ отъ него никакого отвѣта, выдернулъ изъ дурмы свою палку, и вонъ; въ попыхахъ попалъ въ комнату, гдѣ

хранились сокровища, тутъ сторожъ закричалъ: «Бей его! воръ!», гадатель и оттуда вонъ, очутился въ кухнѣ, но крики: «Воръ! бей! держи!» прогнали его и отсюда, и онъ попалъ въ житницу: здѣсь приняли его за вора; наконецъ выбѣжалъ на дворъ, и здѣсь подумалъ: «Да, эта ночь плохая! лучше отправлюсь-ка я въ хлѣвъ, тамъ переночую въ какомъ-нибудь уголку.» Онъ отворилъ дверь, прыгнулъ чрезъ порогъ, и случайно сѣлъ верхомъ на лежавшаго у порога буйвола, котораго отъ испуга ударилъ три раза свиной головой межъ рогъ: буйволъ превратился въ синій вихорь, заклубился, и поднялся прямо къ хаганьшѣ, бывшей въ это время между дверей. Гадатель, удивленный этимъ превращеніемъ, сталъ слѣдить, гдѣ вихорь исчезнетъ, подкрался къ тому мѣсту, гдѣ была хаганьша, сталъ подслушивать и вотъ что услыхалъ: «Гадатель узналъ, что я въ хлѣву, пришелъ туда, свиснулъ меня три раза по головѣ своей страшной палкой съ свиной головой; что теперь мнѣ дѣлать?» — «Я тоже, отвѣчала хаганьша, отъ боязни вышла, въ присутствіи его не могла придти снова къ хагану. Да, пожалуй гадатель прикажетъ собраться всѣмъ подданнымъ въ вооруженіи, а женщинамъ съ дровами для костра, и прикажетъ потомъ привести буйвола, да и велитъ тебѣ принять настоящій твой видъ, тогда ужъ нѣтъ никакого спасенья: какъ только примешь ты свой настоящій видъ, вооруженные тотчасъ начнутъ стрѣлять въ тебя, пронзятъ тебя копьями, а потомъ тебя и сожгутъ; затѣмъ прикажетъ привести меня, и мнѣ та же участь будетъ.» Прекрасная хаганьша была превращеніе Ракшасы (чудовище, вѣдьма), а буйволъ — тоже превращеніе, — мужъ ея. Они прибыли съ юга умерщвлять людей и питаться мясомъ ихъ; причиною смерти шестерыхъ царевичей и болѣзни послѣдняго были они. «Ну, теперь, сказалъ про себя гадатель, не трудно избавить отъ смерти хагана и справиться съ этими.»

Онъ тотчасъ отправился къ хагану, воткнулъ свою палку съ свиной головой въ прежнюю дурму, и какъ будто только сейчасъ кончилъ свое заклинаніе, спросилъ хагана о его здоровьѣ. Тотъ отвѣчалъ: «Въ присутствіи васъ, великій гадатель, я немножко за-

снулъ, и боль немножко утихла.» — «Хорошо, сказалъ гадатель; ты, хаганъ, вели своимъ вельможамъ, чтобъ они отдали приказаніе всѣмъ подданнымъ твоимъ собраться завтра въ вооруженіи, а женщинамъ съ дровами.»

На другой день все было исполнено. Изъ принесенныхъ дровъ сложили два костра, потомъ, по приказанію гадателя, привели буйвола, осѣдлали его, гадатель сѣлъ на него, объѣхалъ три раза съ поднятой рукой, въ которой держалъ палку со свиной головой, вокругъ собравшагося народа, наконецъ остановился, велѣлъ разсѣдлать буйвола, и, ударивъ его три раза свиной головой, велѣлъ ему принять свой настоящій видъ. Испуганный до нельзя буйволъ превратился въ страшное чудовище, изъ глазъ котораго текли кровавыя слезы, верхніе клыки его доходили до груди, нижніе до бровей, все тѣло было покрыто морщинами, набѣгающими одна на другую, а грудь была какъ будтобы выскоблена. Это чудовище убили копьями, стрѣлами, каменьями и сожгли на кострѣ. Потомъ гадатель велѣлъ привести туда хаганьшу, которая и была приведена; при этомъ въ собравшемся здѣсь народѣ слышно было рыданіе, выражающее сожалѣніе о хаганьшѣ. Гадатель, ударивъ хаганьшу свиной головой, проговорилъ: «Распусти свое дьявольское превращеніе!» Та превратилась въ страшную вѣдьму съ красными глазами, съ грудями до ногъ и съ предлинными клыками. Это чудовище тоже убили и сожгли на кострѣ. Послѣ этого, гадатель сѣлъ на лошадь, и отправился къ хагану, и по дорогѣ къ нему былъ вездѣ встрѣчаемъ многочисленною толпой народа, который ему поклонялся, плакалъ отъ умиленія, въ знакъ почтенія бросалъ вверхъ пшеничныя зерна, и до того стѣснилъ его, что въ этотъ день онъ не могъ явиться къ хагану.

На другой день, когда онъ прибылъ къ хагану, тотъ спросилъ его, какого онъ требуетъ вознагражденія. На это гадатель отвѣчалъ: «Въ нашей сторонѣ очень рѣдки бычачьи копыта, дайте мнѣ ихъ побольше». Собрали три мѣшка копытъ, и хаганъ поднесъ ему; кромѣ того навьючили семь слоновъ мясомъ и масломъ, и проводили его со всѣмъ этимъ во свояси. Когда онъ былъ уже около гра-

ницы своей родины, жена встрѣтила его виномъ и, при видѣ навьюченныхъ слоновъ, воскликнула: «Вотъ удивительный мужчина! Ай да молодецъ!»

По прибытіи домой, она спросила своего мужа, какимъ образомъ досталъ онъ мясо и масло; тотъ въ подробности разсказалъ. «Ты совершилъ, сказала жена, удивительный подвигъ! Но зачѣмъ тебѣ эти копыты? На что они пригодятся? Я завтра же пойду къ хагану», и на другой же день написала отъ имени своего мужа къ хагану письмо такого содержанія: «Хаганъ! я получилъ отъ тебя бычачьи копыта для того именно, чтобъ окончательно уничтожить остатокъ твоего несчастія, — теперь ты самъ знаешь, какъ прилично вознаградить меня». Хаганъ съ этимъ согласился, позвалъ къ себѣ гадателя вмѣстѣ съ его женой, тѣ явились, и хаганъ сказалъ: «Мы теперь не ограничимся однимъ пиршествомъ, я не умеръ, народъ не съѣденъ чудовищами, виновникомъ всего этого ты одинъ; мы съ этого дня будемъ вмѣстѣ съ тобой хагайствовать, твоя же жена, такъ какъ она очень умна, будетъ общею нашею помощницею.» Какъ сказано было, такъ и сдѣлано.... »

«Вотъ какіе счастливцы!» промолвилъ Сайнъ Ябудалту. Святой трупъ улетѣлъ съ пѣніемъ: «Проговорилъ! я не стану жить на свѣтѣ.»

ГЛАВА V.

Царевичъ снова отправился въ садъ, посадилъ святой трупъ въ мѣшокъ, обмоталъ его туго-натуго веревкой, закусилъ масла, и пошелъ въ обратный путь, гдѣ отъ святаго трупа слушалъ исторійку; вотъ она:

«Жилъ въ старину въ одномъ цвѣтущемъ государствѣ хаганъ, по имени Самапта-Рашми. Жена этого хагана умерла отъ родовъ, оставивъ сына, котораго звали Наранъ-Гэрэлъ (лучъ солнца). Хаганъ женился на другой. Отъ этой родился мальчикъ, по имени Саранъ-Гэрэлъ (свѣтъ луны). Мать Саранъ-Гэрэла постоянно была занята тою мыслью, что ея пасынокъ Наранъ-Гэрэлъ займетъ

престолъ, и такимъ образомъ родной ея сынъ останется безъ престола; потому она и искала средства, какъ бы погубить Наранъ Гэрэла и тѣмъ доставить престолъ своему сыну Саранъ-Гэрэлу.

Однажды она вдругъ нарочно упала, начала метаться, кричать. Испуганный супругъ спросилъ ее: «Моя душа, что съ тобой?» — «Я нездорова, отвѣчала та; я страдала этой болѣзнью еще въ дѣвушкахъ, но теперь она гораздо сильнѣе». — «Не знаешь ли, сказалъ мужъ, сама, чѣмъ лѣчиться?» — «Есть одно средство, проговорила та, но не могу тебѣ открыть, пускай уже оно со мной вмѣстѣ умретъ.» — «Ты моя душа, сказалъ хаганъ, — со смертью твоею прекратится и моя жизнь, мнѣ все равно покинуть царство, лишь бы-ты одна была жива, скажи это средство; какое-бъ оно ни было, открой его.» — «Это средство — сердце котораго нибудь твоего сына, изжаренное въ маслѣ гунчута. Но сердца Саранъ-Гэрэла душа не приметъ, безъ этого же средства я не выздоровлю, должна умереть.» Хаганъ не могъ устоять противъ словъ жены, приказалъ мясникамъ умертвить Наранъ-Гэрэла, съ которымъ хотя и тяжело было ему разстаться, но мученія жены, отъ которыхъ жизнь ея угасала, заглушили въ немъ отеческія чувства.

Саранъ-Гэрэлъ, подслушавъ этотъ разговоръ, въ слезахъ побѣжалъ къ брату своему Наранъ-Гэрэлу, бросился къ нему и сказалъ: «О, братецъ, братецъ! мама и тятя условились сегодня умертвить тебя. Что будешь дѣлать?» — «Если мнѣ угрожаетъ, сказалъ тотъ, опасность, настало для меня время покинуть родительскій кровъ. Ты, мой милый братъ, останься при своихъ родителяхъ, будь къ нимъ всегда почтителенъ, да сопутствуетъ тебѣ здоровье,— я бѣгу.» — «Нѣтъ, проговорилъ въ слезахъ Саранъ, я съ тобой не разстанусь! Куда ты пойдешь, туда и я»,— и начали приготовляться къ дорогѣ. Они стали хлопотать о дорожномъ запасѣ, но боясь, чтобъ хаганьша, ихъ мать, не узнала о нхъ намѣреніи, не смѣли запастись дома, и потому только съ однимъ кусочкомъ засушеннаго тѣста отъ дурмы, который достали отъ одного жертвоприносителя, должны были идти въ путь.

При восходѣ луны 15-го числа, вышли съ мѣшочкомъ два брата

изъ своего роднаго города. Они направили путь свой на югъ, прошли много горъ, рѣкъ, шли день и ночь, и очутились наконецъ на безводной степи, гдѣ Саранъ-Гэрэлъ отъ трудной ходьбы и жажды безпрестанно падалъ и не могъ идти далѣе. Его братъ Наранъ-Гэрэлъ сказалъ ему: «Ты до моего прихода мужайся», и бросился искать воды; онъ искалъ ее у подошвы одной горы, но тамъ не было, и пришелъ безъ ничего къ своему брату, который уже умеръ отъ жажды. Снѣдаемый злою горестью, Наранъ-Гэрэлъ выкопалъ могилу, тщательно обложилъ ее камнями, положилъ туда тѣло своего несчастнаго брата, засыпалъ землей, произнесъ: «Да увидимся въ слѣдующихъ перерожденіяхъ!» и отправился дальше.

Когда онъ прошелъ чрезъ два хребта, предъ нимъ поднялась одна скалистая гора, на склонѣ которой виднѣлся домикъ съ красными дверями; онъ направился прямо къ этому домику, и взошелъ въ него. Здѣсь встрѣтилъ его одинъ престарѣлый отшельникъ со словами: «Откуда ты, бѣдный мальчикъ?» — «Сжальтесь надо мной,» проговорилъ Наранъ-Гэрэлъ, и подробно разсказалъ о своемъ несчастіи. — «Оставайся, если желаешь, и считай меня своимъ отцомъ, сказалъ отшельникъ; мы съ тобой отправимся на могилу твоего брата.» Туда они и отправились съ водою, пищей и питьемъ.

Когда они вырыли тѣло Саранъ-Гэрэла, отшельникъ осмотрѣлъ его, и нашелъ, что онъ не мертвъ, а отъ голода и жажды въ обморокѣ, и потому начали понемногу давать ему пищи и питья, — отчего тотъ всталъ на ноги. Потомъ они втроемъ возвратились въ домикъ и стали здѣсь жить.

Недалеко отъ нихъ жилъ одинъ великій хаганъ, подданные котораго во время орошенія полей своихъ каждогодно бросали въ одно озеро, въ жертву царю драконовъ, одного человѣка, родившагося въ годъ Барса. Въ этотъ годъ такого человѣка не отыскалось во всемъ государствѣ.

Въ одинъ день пастухъ доложилъ хагану, что недалеко отсюда живетъ престарѣлый отшельникъ, у котораго есть два мальчика, — одинъ изъ нихъ родился дѣйствительно въ годъ Барса. Хаганъ нарядилъ троихъ пословъ немедленно привести этого мальчика. По-

сланные прибыли къ отшельнику, стали стучаться въ дверь, тотъ отворилъ имъ, и спросилъ: «Чего нужно?» Тѣ отвѣчали: «По приказанію хагана мы пришли взять твоего сына, который родился въ годъ Барса, онъ нуженъ хагану для его государства; дай его сюда.» — «У меня, сказалъ отшельникъ, нѣтъ сына», въ ту же минуту онъ захлопнулъ дверь и замкнулъ ее. Потомъ отшельникъ взялъ пересѣкъ, посадилъ въ него Наранъ-Гэрэла, замазалъ глиной, и поставилъ, — будто-бы въ немъ хлѣбное вино. Между тѣмъ посланные хагана разломали дверь, стали обыскивать въ домѣ и, когда ничего не нашли, разсердились, принялись бить палкой отшельника за то, что попапрасну трудились. Наранъ-Гэрэлъ, услыхавъ, что бьютъ старика, выскочилъ изъ пересѣка, и закричалъ: «Я здѣсь, не бейте старика»; его тотчасъ же схватили, и увезли, а старикъ, обезсиленный, остался со скорбью и со слезами на глазахъ.

Наранъ-Гэрэла привели въ столицу. Дочь хагана влюбилась въ него и ея любовь наконецъ возросла до того, что она готова была пожертвовать за него своею жизнью.

Когда хагану доложили, что пришло время принести въ жертву того мальчика, имѣвшаго годъ Барса, и когда, получивъ на это отъ хагана въ отвѣтъ: «быть такъ», хотѣли уже вести его на жертву, дочь хагана упрашивала не приносить его въ жертву; но просьба ея не была принята. Она, огорченная такимъ отказомъ, предложила, чтобъ и ее бросили въ озеро вмѣстѣ съ нимъ. Ханъ, когда доложили ему объ этомъ, проговорилъ: «Мнѣ не нужно такой дочери, которая нисколько не радѣетъ о пользѣ государства», и велѣлъ ее вмѣстѣ съ Наранъ-Гэрэломъ зашить въ мѣшокъ и бросить въ озеро. Приказаніе его исполнено было въ точности.

Наранъ-Гэрэлъ, въ то самое время, какъ стали бросать ихъ въ озеро, подумалъ, что невинная дѣвица за расположеніе къ нему погибаетъ, и ему стало прискорбно. «Положимъ, думалъ онъ, меня обрекли на жертву, потому что не нашлось кромѣ меня ни одного мальчика, который бы родился въ годъ Барса, но увы! за что же эта дѣвица погибаетъ?» Дѣвица же въ то время въ свою очередь думала, что отецъ поступилъ съ нею справедливо: «Положимъ, я

этого заслужила, но за что же этотъ прекрасный мальчикъ обреченъ въ жертву?»

Царь драконовъ, проникнувъ сокровенныя мысли этихъ двухъ, обреченныхъ ему въ жертву, увидалъ ихъ взаимное расположеніе и твердую готовность каждаго на самопожертвованіе. Онъ не принялъ ихъ въ жертву — выбросилъ изъ озера, съ этимъ вмѣстѣ вода полилась въ избыткѣ. Обреченные на жертву, по освобожденіи своемъ, условились навсегда соединиться тогда, когда наступитъ для этого пора, — и разошлись.

Наранъ-Гэрэлъ, по приходѣ къ отшельнику, своему избавителю, началъ стучаться въ дверь. Старикъ слабымъ голосомъ откликнулся: «Кто тамъ?» — «Я, отвѣчалъ Наранъ-Гэрэлъ, сынъ твой». — «У меня, говорилъ отшельникъ, нѣтъ сына: былъ любимый сынъ, но его отнялъ у меня хаганъ, я объ немъ горюю.» — «Я твой сынъ: хаганъ бросилъ меня въ озеро, но царь драконовъ не принялъ меня. Не сѣтуй, отецъ мой, отворяй двери скорѣе.» — «О, если это въ самомъ дѣлѣ ты, я отворю двери», отворилъ, тотъ вошелъ, и увидѣлъ предъ собою сѣдаго, какъ лунь, и полумертваго старика.

Наранъ-Гэрэлъ съ этого дня сталъ ухаживать за отшельникомъ, обмывалъ его молокомъ съ водой и успокоивалъ его самыми задушевными словами. Дѣвица, дочь хагана, своимъ приходомъ къ отцу своему удивила какъ хагана, такъ и народъ. Хаганъ говорилъ: «Дочь моя, ты пришла! какъ же ты не погибла?» а народъ говорилъ: «Какимъ чудомъ спаслась она! Какъ выпустилъ ее лютый драконъ! Не было примѣровъ, чтобъ обреченныя ему въ жертву возвращались назадъ!» и съ этого времени всѣ стали эту дѣвицу почитать и уважать. Хаганъ между прочимъ спросилъ свою дочь: «Тотъ мальчикъ навѣрно погибъ?» — «Нѣтъ, сказала дочь, онъ не погибъ, но за его великодушіе ко мнѣ царь драконовъ освободилъ меня и его; самъ же царь драконовъ усмирился, и отнынѣ никто не потребуется ему въ жертву; что касается до воды, то она всегда будетъ въ избыткѣ.»

Хаганъ тотчасъ послалъ за Наранъ-Гэрэломъ, велѣлъ его отыскать гдѣ бы то ни было, и привести къ себѣ.

Посланные пришли къ отшельнику и всѣхъ ихъ троихъ привели къ хагану, который съ торжествомъ принялъ ихъ. Наранъ-Гэрэла хаганъ посадилъ на тронъ, украшенный разными драгоцѣнностями, и потомъ сказалъ ему: «Ты, мальчикъ, чудо сотворилъ. Сынъ ты этого отшельника?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я сынъ одного хагана, но по ненависти ко мнѣ, моя мачиха хотѣла умертвить меня; вотъ я и оставилъ отцовъ домъ, и пріютился вотъ у этого старика, — а этотъ вотъ мальчикъ — мой братъ.» — «О, если такъ, сказалъ хаганъ, я отдамъ за тебя свою дочь, и подѣлюсь своимъ богатствомъ; вамъ лучше отправиться домой, я дамъ вамъ провожатыхъ.»

Наранъ-Гэрэлъ съ молодой женой, съ братомъ и въ сопровожденіи четырехъ отрядовъ войска отправился домой. Недалеко отъ столицы отца своего онъ послалъ нарочнаго къ хагану своему отцу, съ извѣстіемъ, что онъ съ женой и братомъ находятся вблизи, и скоро будутъ къ нему. Отецъ и мать, которые со дня ухода отъ нихъ дѣтей жили уединенно, чрезвычайно обрадовались, и послали встрѣтить ихъ. Какъ только Наранъ-Гэрэлъ съ братомъ и женой прибыли во дворецъ отца своего, у хаганьши, нѣкогда злоумышлявшей на него, пошла изъ горла кровь, отчего она и умерла...»

«Такъ ей и нужно!» сказалъ Сайнъ Ябудалту. Святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА VI.

Сайнъ Ябудалту опять посадилъ святой трупъ въ мѣшокъ, и слушалъ отъ него исторійку; вотъ она:

«Давнымъ-давно жилъ въ одномъ государствѣ гордецъ, который всѣхъ ни во что не ставилъ. Хаганъ этого государства обвинилъ его за надмѣнность, и выгналъ изъ своего государства. Гордецъ немедленно отправился изъ своего отечества.

Въ одинъ вечеръ онъ прибылъ въ степь, гдѣ росъ бѣлый камышъ, а по серединѣ стояла высокая пальма, которая во всей степи

была только одна; около этой пальмы лежала дохлая лошадь. Гордецъ обрадовался, что нашелъ на дорогу запасъ, отрѣзалъ у этой лошади голову, заткнулъ ее за поясъ, и взлѣзъ на дерево для ночлега. Ночью видитъ онъ: со всѣхъ концовъ степи скачутъ злые духи на лошадяхъ изъ бересты, въ колпакахъ тоже изъ бересты; потомъ являются на бумажныхъ лошадяхъ, въ колпакахъ тоже бумажныхъ, Хульчины (безобразные демоны), — всѣ они собрались около корня пальмы, и начали стряпать. Гордецъ, при видѣ ихъ, затрясся отъ страха всѣмъ тѣломъ, и въ то самое время, какъ черти и Хульчины занимались стряпней, выпала у него изъ-за пояса лошадиная голова, и прямо въ кушанье. Злые духи и Хульчины до того отъ этого испугались, что очертя голову разбѣжались во всѣ стороны.

Утромъ на другой день, гордецъ сошелъ съ пальмы, и началъ около нея разсматривать, думая, что послѣ злыхъ духовъ и Хульчиновъ не осталось-ли чего изъ яствъ, но ничего онъ не нашелъ кромѣ золотой чаши, наполненной виномъ. Утоливъ этимъ виномъ жажду, онъ опрокинулъ чашу, — и лишь только опрокинулъ, внезапно явилось предъ нимъ два куска хлѣба и масла. Гордецъ изъ этого заключилъ, что эта чаша не простая, а волшебная, и отправился съ нею дальше.

На дорогѣ онъ повстрѣчался съ однимъ человѣкомъ, у котораго была дубина. Онъ спросилъ, на что такая дубина? «Эта дубина, отвѣчалъ тотъ, называется Нара-Иргиджу-Гуюкчи (обгоняющая солнце, самоходка), — достоинство ея вотъ какое: какъ только скажешь: Иргиджу Гуюкчи, ступай къ такому то человѣку, онъ взялъ у меня вещи, принеси ихъ мнѣ, — она мигомъ отправится, ударитъ того человѣка по затылку, убьетъ его, и принесетъ тебѣ вещи, — вотъ какова эта дубина!» — «Если такого достоинства твоя дубина, сказалъ гордецъ, не хочешь ли помѣняться со мной на золотую чашу, которой если скажешь, что только вздумаешь, такъ все тебѣ и будетъ готово.» Они помѣнялись, гордецъ съ дубиной отправился дальше; ему не хотѣлось разстаться съ своей чашой, онъ и вздумалъ воротить ее. «А ну-ка, сказалъ онъ, дубина Иргиджу

Гуюкчи, ступай, вороти мою золотую чашу, и убей того.» Дубина полетѣла какъ вихорь, убила, и принесла чашу.

Гордецъ съ дубиной и чашей пошелъ дальше. Встрѣчается онъ съ однимъ человѣкомъ, у котораго былъ желѣзный молотокъ. «Что ты, спросилъ его гордецъ, этимъ молоткомъ дѣлаешь?» — «А вотъ что, отвѣчалъ тотъ: если девять разъ ударю имъ о земь, явятся девяти-этажныя чугунныя хоромы — вотъ какой это молотокъ!» — «А, вотъ какой молотокъ! Не хочешь ли со мной помѣняться вотъ на эту золотую волшебную чашу?» Они помѣнялись, и разошлись. Немного погодя гордецъ велѣлъ своей дубинѣ взять чашу— чаша представлена, и гордецъ пошелъ дальше.

Ему попадается еще человѣкъ, у котораго козлиная шкура. Этого спросилъ онъ также. Тотъ отвѣчалъ: «Это чудесная шкура: ударить по ней слегка — пойдетъ маленькій дождикъ, а сильно — пойдетъ проливной». Съ этимъ тоже обмѣнялся, и у этого такимъ же точно образомъ, какъ у тѣхъ, отнялъ чашу.

Съ этими вещами гордецъ отправился отмстить хагану, прежнему своему гонителю, и какъ пришелъ въ свой родной городъ, вблизи дворца хагана стукнулъ о земь девять разъ молоткомъ, явились девяти-этажныя чугунныя хоромы, въ которыхъ вмѣстѣ съ своей матерью онъ и поселился.

Утромъ на другой день хаганъ велѣлъ своей женѣ посмотрѣть: «Посмотри-ка, говорилъ онъ женѣ, что́ бы такое значило, что нынѣшнюю ночь слышенъ былъ сильный стукъ?» Хаганьша посмотрѣла, и доложила, что на сѣверной сторонѣ, недалеко отъ ихъ дворца, стоятъ девяти-этажныя чугунныя хоромы. Хаганъ разгнѣвался. «Кто осмѣлился, вскричалъ онъ, безъ моего позволенія построить возлѣ моего дворца домъ? я расправлюсь съ нимъ!» — и тотчасъ далъ приказаніе до верху обложить этотъ домъ угольями, и чтобъ кузнецы раздували ихъ мѣхами. Все это было исполнено.

Между тѣмъ гордецъ Хубильга (воплощеніе) съ матерью ни о чемъ не думалъ, они ѣли разныя вкусныя кушанья, добываемыя золотой чашей. Въ то время, какъ уже домъ сталъ накаливаться, старухѣ, находившейся въ осьмомъ этажѣ, стало отъ жара не втерпежъ, она за-

кричала своему сыну, который былъ на девятомъ этажѣ: «Горимъ! мы погибнемъ!»—Не бойся, матушка, сказалъ Хубильга, — есть у меня противъ огня средство» — и тотчасъ же съ своей козлиной шкурой взобрался на чердакъ, и сталъ по ней бить, пошелъ небольшой дождь, часть огня была залита, потомъ онъ началъ шибче бить— пошелъ проливной дождь, отъ котораго сдѣлался потопъ: уголья, кузнецы, жители столицы съ домами, все покрылъ потопъ и увлекъ въ рѣку, которая текла между двумя скалами. Гордецъ же съ матерью и девяти-этажными чугунными хоромами уцѣлѣлъ...»

«Вѣдь Хубильга по своему искусству гораздо выше хагана?» сказалъ Сайнъ Ябудалту. Святой трупъ съ пѣніемъ улетѣлъ.

ГЛАВА VII.

Сайнъ Ябудалту по прежнему взялъ святой трупъ, и въ дорогѣ слушалъ отъ него слѣдующую исторійку:

«Не припомню когда, на землѣ Джирлаганту-Ой, въ одномъ народѣ, у одного домовладѣльца, было три дочери, которыя по очереди одна за другой отправлялись пасти буйвола.

Старшая дочь во время своего стереженья отъ скуки вздремнула; просыпается — буйвола нѣтъ. Она пошла искать его, исходила много мѣстъ, но нигдѣ его не нашла; наконецъ она увидѣла между двумя скалами домъ съ красными воротами; пошла къ нему, чтобъ узнать: не видали ль гдѣ ея буйвола,—отворила двери, видитъ еще другія— золотыя, отворила эти — видитъ жемчужныя, эти отворила—представилась комната, наполненная золотомъ, изумрудомъ, бирюзой и многими другими сокровищами, а среди комнаты стоялъ золотой тронъ, на немъ сидѣла огромная бѣлая птица, и кромѣ нея не было больше живаго существа. Дѣвица сказала этой птицѣ, что у нея пропалъ буйволъ, не видала ли она его? «Если ты, сказала птица, будешь моей женой, скажу гдѣ онъ». — «Нѣтъ, сказала дѣвица, это невозможно, — вѣдь ты птица, такого закона нѣтъ, чтобъ человѣкъ сочетался бракомъ съ птицей, — пускай пропадетъ мой буйволъ», и ушла.

На другой день, средняя сестра пошла искать пропавшаго буйвола, зашла тоже въ этотъ домъ, ей тоже огромной птицей сдѣлано было такое же предложеніе, какъ и ея сестрѣ, она также отказалась.

На третій день пошла искать младшая сестра — и эта тоже пришла въ этотъ домъ, птица и ей сдѣлала свое предложеніе, на него та отвѣчала: «Еслибъ подобное предложеніе сдѣлалъ мнѣ мужчина, было бы лестно; впрочемъ хоть и страннымъ кажется слышать отъ птицы такое предложеніе, все таки я соглашаюсь быть твоей женой».

Въ этой землѣ былъ большой монастырь; въ него на поклоненіе ежегодно, въ продолженіе тринадцати сутокъ, стекалось множество народа. Жена птицы также ходила каждый день въ этотъ монастырь. Она всегда отличалась своей красотой отъ собиравшихся тамъ женщинъ; между мужчинами тоже отличался одинъ какой-то на ворономъ конѣ. Этотъ человѣкъ всегда, какъ отправлялся домой, объѣзжалъ три раза вокругъ толпы, что въ монастырѣ собиралась. Мужъ-птица, всегда, когда возвращалась домой жена его, спрашивалъ ее: «Ну кто сегодня изъ женщинъ отличился своей красотой, не было ли кого краснваго и изъ мужчинъ?» Та каждый разъ отвѣчала: «Изъ мужчинъ былъ красивый какой то на ворономъ конѣ,— изъ женщинъ — я».

Въ двѣнадцатый день, жена птицы по обыкновенію пришла въ монастырь, обошла собравшійся тамъ народъ, потомъ зашла къ одной старухѣ, жившей неподалеку отъ монастыря. Старуха первымъ дѣломъ спросила ее: «Кто сегодня изъ мужчинъ и женщинъ отличился красотой?» — «Изъ мужчинъ, отвѣчала та, какой-то на ворономъ конѣ, а изъ женщинъ, — кажется я. Да, если бъ у меня былъ такой красивый мужъ, какъ тотъ мужчина, мнѣ ничего на свѣтѣ не нужно было-бы, а то у меня мужъ птица, животное» — и она заплакала. — «Не плачь, сказала старуха, — красивѣе тебя изъ женщинъ нѣтъ, ты сама это знаешь: а тотъ красивый мужчина на ворономъ конѣ — твой мужъ. Завтра послѣдній тринадцатый день поклоненія, ты завтра пойди, будто въ монастырь, на самомъ

же дѣлѣ спрячься гдѣ нибудь на своемъ дворѣ; мужъ твой выведетъ изъ конюшни коня, и на немъ поѣдетъ, ты тотчасъ же войди въ комнату, увидишь тамъ птичью чучелу, возьми ее, и сожги».

На другой день жена сдѣлала такъ, какъ сказала ей старуха, спряталась, мужъ ея снялъ съ себя птичью чучелу, сдѣлался красивымъ мужчиной, сѣлъ на коня, и отправился въ монастырь. Жена, какъ только мужъ со двора, сожгла тотчасъ же чучелу, и стала у воротъ поджидать съ нетерпѣніемъ возвращенія мужа, который съ закатомъ солнца и возвратился. Увидавъ жену, онъ спросилъ ее: «Уже ты дома?» — «Да,» сказала та. Взойдя въ комнату, онъ замѣтилъ, что его чучелы нѣтъ. — «Гдѣ же чучела?» спросилъ онъ жену. — «Я ее сожгла», отвѣчала та. — «Увы! воскликнулъ мужъ; ты сдѣлала это конечно не съ злымъ намѣреніемъ, — она вѣдь была моя душа.» — «Что мнѣ дѣлать?» проговорила жена. — «Одно средство осталось, сказалъ мужъ — на́ вотъ эту палку, сядь у дверей, и маши ею; да смотри, не переставай махать, а то я сдѣлаюсь добычею злыхъ духовъ, съ которыми въ продолженіе семи сутокъ буду биться».

Жена взяла палку, сѣла у дверей, и стала махать ею. Шесть сутокъ она выдержала, махала, — на седьмыя сутки чуть только вздремнула, злые духи восторжествовали и увезли ея мужа. Бѣдная женщина сдѣлалась добычею злаго горя. Она стала искать день и ночь по горамъ, по долинамъ, словомъ вездѣ, своего дорогаго мужа, вездѣ звала его Шибагунъ-Гэрту (съ птичьей чучелой), но нигдѣ не слышала отклика и не видѣла его самого, и между тѣмъ все-таки не переставала искать его.

Однажды послышался ей съ вершины одной горы птичій голосъ; она взобралась на эту гору, голосъ исчезъ здѣсь, а послышался у подошвы этой горы. Она туда, и встрѣтила тутъ своего возлюбленнаго съ караульнымъ и съ большою связкою сапоговъ. Мужъ при видѣ своей жены чрезвычайно обрадовался, онъ сказалъ ей: «Я рабъ демоновъ; они мнѣ дали вотъ эти сапоги, чтобъ износить ихъ, ходя за водой для нихъ. Ты ступай, продолжалъ онъ, домой, приготовь тамъ птичью чучелу, позови въ нее мою душу: можетъ статься, это

средство спасетъ меня, и мы, можетъ быть, опять соединимся». Какъ только успѣлъ онъ это сказать, поднялся сильный вихрь, который въ ту же минуту исчезъ, а съ нимъ и несчастный супругъ. Жена пришла домой, сдѣлала птичью чучелу, стала звать въ нее душу своего мужа, въ это самое время изъ-за стѣнъ прилетѣла птица — эта птица былъ мужъ...»

«Я думаю, жена очень обрадовалась?» сказалъ Ябудалту. Святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА VIII.

Святой трупъ опять въ мѣшкѣ у царевича и разсказываетъ ему исторійку:

«Въ государствѣ, называемомъ Хуталагаръ-Хусэкчи, жилъ когда-то хаганъ по имени Хамуги-Гигулукчи; у него былъ сынъ по имени Хамуги-Мандугулукчи, который послѣ смерти отца своего возсѣлъ на хаганскій престолъ. У этого молодаго хагана были въ подданствѣ два непримиримыхъ между собою врага: одинъ, живописецъ Ананда, другой — плотникъ, тоже Ананда.

Однажды живописецъ Ананда пришелъ къ своему хагану и доложилъ ему: «Я вчера воротился изъ страны Тэнгріевъ, гдѣ твой отецъ. Могущества и величія твоего отца я не въ состояніи разсказать, вотъ отъ него письмо». Хаганъ взялъ отъ него письмо, и началъ читать:

«Слова мои —

«Послѣ моей смерти я переродился въ Тэнгрія; моимъ богатствамъ нѣтъ счету; я рѣшился соорудить здѣсь монастырь, но въ этой странѣ не нашелъ плотниковъ, потому пришли мнѣ нашего плотника Ананду. Какъ ему пройти ко мнѣ, пусть справится у живописца Ананды, этотъ знаетъ».

Хаганъ, не подозрѣвая, что письмо подложное, сейчасъ же велѣлъ явиться къ себѣ плотнику, и когда тотъ пришелъ, онъ сказалъ ему: «Отецъ мой живетъ въ странѣ Тэнгріевъ; онъ проситъ, чтобъ я послалъ тебя къ нему, для сооруженія большаго храма, вотъ его

письмо, — на, прочти». Плотникъ, прочитавъ письмо, подумалъ: «Этому вѣрить никакъ нельзя, это продѣлки живописца; онъ прибѣгнулъ къ этому средству, надо оборониться мнѣ»; потомъ доложилъ хагану: «Я готовъ, только не знаю, какъ туда отправиться». — «Объ этомъ, сказалъ хаганъ, не думай; живописецъ Ананда знаетъ, спросимъ его».

Живописца позвали, спросили его, какимъ образомъ отправиться плотнику въ страну Тэнгріевъ; тотъ отвѣчалъ: «Надобно собрать много дровъ, облить ихъ масломъ, сложить въ костеръ, посадить въ него плотника съ дарами къ хагану, и при звукахъ разныхъ музыкальныхъ инструментовъ сжечь: тогда плотникъ отправится на дымномъ конѣ (т. е. поднимется вмѣстѣ съ дымомъ)». Плотникъ на это согласился, только просилъ хагана объ одномъ, чтобъ позволили ему отправиться въ страну Тэнгріевъ съ пивы, которая недалеко отъ его дома. Хаганъ позволилъ, и плотникъ далъ слово черезъ семь сутокъ отправиться.

По приходѣ своемъ домой, онъ сказалъ женѣ: «Живописецъ Ананда изъ ненависти ко мнѣ выдумалъ такое средство, чтобъ погубить меня; я далъ хагану слово черезъ семь сутокъ отправиться. Надобно противъ живописца что нибудь выдумать». Онъ тотчасъ же принялся за работу, подкопалъ отъ своего дома дорогу, вывелъ ее на середину пивы, заложилъ кампемъ ея отверстіе и заровнялъ землей, такъ что никто не могъ подозрѣвать, что тутъ есть ходъ.

Когда настало время отправленія плотника, хаганъ велѣлъ своимъ подданнымъ явиться на назначенное для этого мѣсто каждому со связкой дровъ и небольшимъ количествомъ масла, и когда собрались, разложили костеръ, облили его масломъ, посадили на него плотника съ дарами, и потомъ при музыкѣ развели огонь. Въ то самое время, какъ разгорѣлся огонь и заклубился дымъ, плотникъ съ дарами поднялъ камень, и по дорогѣ, прорытой имъ, пришелъ домой. Живописецъ же торжествовалъ при мысли, что погубилъ своего соперника, и, показывая пальцемъ вверхъ, сказалъ всѣмъ собравшимся: «Вонъ нашъ плотникъ отправился на дымномъ конѣ». Собраніе разошлось, цѣлый день только и говорили о плотникѣ, какъ онъ от-

правился въ страну Тэнгріевъ; а плотникъ сидѣлъ дома, никому не показывался, ѣлъ молоко, обмывался тоже молокомъ, постоянно проводилъ время въ тѣни, чтобы быть блѣднѣе.

Наконецъ по прошествіи многихъ дней, онъ вышелъ съ письмомъ, имъ сочиненнымъ и въ самомъ тончайшемъ и бѣломъ одѣяніи, и прибылъ къ хагану, которому вручилъ это письмо, — вотъ его содержаніе:

«Будь здоровъ! Похвально, что ты управляешь царствомъ своимъ сообразно съ законами. Что́ касается до плотника Ананды, онъ съ усердіемъ исполнилъ свое дѣло, храмъ прекрасно сооруженъ; Ананда заслужилъ уваженія и награды. Теперь мнѣ нужно живописца, чтобъ разукрасить храмъ: немедленно отправь ко мнѣ нашего живописца Ананду. Отправленіе его должно быть такое же, какъ и плотника».

По прочтеніи письма, хаганъ спросилъ у плотника о здоровьѣ своего отца. «Здоровъ», отвѣчалъ тотъ, — и за тѣмъ сталъ разсказывать, какъ онъ былъ въ странѣ Тэнгріевъ, и какъ принялъ его хаганъ. Хаганъ вполнѣ увѣрился въ этомъ; онъ сказалъ плотнику: «О ты, возвратившійся изъ страны неба, ты достоинъ приличнаго вознагражденія!» и наградилъ его. Потомъ хаганъ приказалъ явиться живописцу, которому, какъ тотъ пришелъ, сказалъ, что и ему нужно отправиться къ отцу, чтобъ разукрасить вновь построенный храмъ. Живописецъ, при видѣ плотника, пришелъ въ недоумѣніе. «Неужели, думалъ онъ, онъ не погибъ? Что́ значитъ эта бѣлизна его тѣла и это бѣлое платье, украшенное столькими драгоцѣнными вещами!» Хаганъ, замѣтивъ недоумѣніе живописца, вручилъ ему письмо; тотъ прочиталъ и подумалъ: «Можетъ быть на дымномъ конѣ я и прибуду туда; сначала я съ злымъ намѣреніемъ собственными руками сожегъ своего противника, и видѣлъ, какъ онъ погибъ, мнѣ нечего отговариваться — первый примѣръ есть основаніе послѣдняго». Онъ условился отправиться тоже черезъ семь дней и такимъ же образомъ, какъ и плотникъ. Наконецъ, черезъ семь дней, въ одномъ саду собрались съ дровами, масломъ, разложили костеръ, посадили на него живописца съ письмомъ, подарками и инструментами для живописи, и при звукахъ музыки развели огонь. Когда огонь

сталъ разгораться съ трескомъ, бѣдный живописецъ началъ кричать, умолять и кидаться, но голосъ его заглушался музыкой, и потому всѣ усилія его были напрасны, — и онъ сгорѣлъ....»

«Хорошее мщеніе!» сказалъ Ябудалту: святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА IX.

Царевичъ отправился за святымъ трупомъ, заставилъ его сойти съ дерева, посадилъ въ мѣшокъ, пошелъ, и въ дорогѣ слушалъ отъ него слѣдующій разсказъ:

«Когда-то жилъ хаганъ по имени Гигулукчи, а царство его называлось Боромъ Шихэръ-Модопи-Нэмэгулукчи (страна богатая сахарнымъ тростникомъ). Послѣ смерти этого хагана, сынъ его Гуа-Удзыскулэнкту возсѣлъ на престолъ. По своей красотѣ, по могуществу и глубокому знанію во всѣхъ наукахъ, этотъ хаганъ не имѣлъ себѣ подобныхъ. Онъ женился на дочери одного хагана, но, будучи недоволенъ этимъ бракомъ, искалъ развлеченія въ прогулкахъ, и потому каждый день отлучался изъ дому.

Какъ-то разъ во время своей прогулки, недалеко отъ своей столицы, онъ примѣтилъ одну дѣвицу, которая понравилась ему; съ этого дня постоянною цѣлью его было видѣться съ этой дѣвицей, чтобъ открыть ей свою любовь. Наконецъ ему удалось выразить ей свою привязанность, дѣвица приняла ее, и хаганъ съ этого времени сталъ прогулки свои раздѣлять съ нею.

Послѣ одной прогулки хаганъ сильно занемогъ, и въ скоромъ времени скончался; дѣвица же не знала о его смерти, она ждала его прихода въ урочные часы, но все напрасно. Такимъ образомъ время уходило, и ея положеніе стало тѣснѣе и тѣснѣе. Однажды вечеромъ, чувствуя приближеніе родовъ своихъ, она задумалась о томъ, куда пріютить тогда плодъ своей любви, — въ это самое время послышался внезапный стукъ въ дверь: она пошла со свѣчой, отворила дверь, и передъ ней предсталъ хаганъ, котораго блѣдность при лунномъ свѣтѣ сдѣлала его подобнымъ привидѣнію. Обрадованная дѣвица взяла его за руку, ввела въ комнату, и подвела ему въ

фарфоровой чашкѣ виноградnаго вина; хаганъ, выпивши его, сказалъ ей: «Иди за мной» — и они вышли. Хаганъ шелъ впереди, приказывалъ дѣвицѣ не отставать отъ него, и они такимъ образомъ пришли въ столицу, гдѣ послышалась имъ музыка. «Это что такое?» спросила дѣвица.» — «Развѣ ты не знаешь? отвѣчалъ хаганъ, это — музыка при жертвоприношеніи по усопшемъ». — «Кто умеръ?» — «Я, отвѣчалъ тотъ: это моему тѣлу приносятъ жертву. Ты беременна, — отъ тебя родится мальчикъ, роди его въ томъ мѣстѣ, которое загорожено для слоновъ. Въ этомъ городѣ живутъ мать моя, да жена: онѣ оспариваютъ другъ у друга малахитовый камень, я спряталъ его въ моемъ креслѣ. Этотъ камень отдайте моей женѣ, и отправьте ее къ родителямъ, ты же вмѣстѣ съ моей матерью управляй народомъ до тѣхъ поръ, пока твой ребенокъ дойдетъ до возмужалости». Съ этими словами хаганъ исчезъ.

Дѣвица отъ горя упала безъ чувствъ, и когда пришла въ себя, чувствуя боль въ головѣ отъ сильнаго жара, звала хагана, но его не было. Между тѣмъ настало время родовъ. Собравшись съ силами, она доплелась до указаннаго мѣста, гдѣ и родила мальчика.

На другой день съ разсвѣтомъ пришелъ туда смотритель слоновъ. Онъ сказалъ ей: — «Не должно родить въ томъ мѣстѣ, гдѣ хаганскіе слоны, потому что отъ этого можетъ быть несчастіе, — ступай отсюда скорѣй». — «Не бойся, отъ этого ничего не будетъ, сказала дѣвица; ты ступай скорѣй къ матери хагана, скажи, чтобъ она поторопилась придти ко мнѣ: мнѣ ее необходимо нужно видѣть». Смотритель отправился, и доложилъ старой хаганьшѣ, та явилась. Дѣвица разсказала ей все подробно. Хаганьша ахнула: «Ахъ, сказала она, экое чудо! удивительное дѣло, что послѣ смерти своей, мой возлюбленный сынъ являлся къ тебѣ, и далъ такое наставленіе!» Хаганьша взяла дѣвицу вмѣстѣ съ ея сыномъ къ себѣ, и сама стала ухаживать за новорожденнымъ. Еще болѣе хаганьша увѣрилась въ дѣйствительности явленія своего сына этой дѣвицѣ, когда нашла въ креслѣ драгоцѣнный камень, который и отдала своей невѣсткѣ и отправила ее къ родителямъ.

Съ этого времени мать хаганьша вмѣстѣ съ дѣвицей стала у-

правлять народомъ, и съ этого времени 15 числа каждаго мѣсяца душа хагана посѣщала ночью дѣвицу, и съ разсвѣтомъ улетала. Когда дѣвица послѣ одного изъ такихъ посѣщеній разсказала объ этомъ хаганьшѣ, та сказала: «Я этому не вѣрю; если дѣйствительно онъ является, такъ ты меня удостовѣрь какимъ нибудь знакомъ». Та дѣйствительно послѣ одного посѣщенія убѣдила ее: она передала ей одну завѣтную тайну, о которой, кромѣ матери и покойнаго хагана, никто не зналъ. «Да, правда, сказала хаганьша, я больше не буду сомнѣваться, только прошу тебя объ одномъ: устрой, чтобы и мнѣ можно было видѣться съ нимъ; я на тебя надѣюсь.»

Во время посѣщенія 15-го числа слѣдующаго мѣсяца, дѣвица сказала хагану: «Какъ пріятно видѣть тебя по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ горько вспомнить, что ты не можешь жить со мною постоянно», и она заплакала. Покойный хаганъ сказалъ ей: «Есть одно средство, отъ котораго зависитъ мое возвращеніе въ здѣшній міръ, но исполненіе его почти что невозможно — особенно для женщинъ, которыя вообще малодушны, нетерпѣливы; поэтому-то я и нахожу нужнымъ не передавать его тебѣ.» — «Какъ бы, сказала та, ни было трудно это средство, я не буду жалѣть ни тѣла своего, ни костей, — не сомнѣвайся во мнѣ, открой его, я всѣ трудности превозмогу, зная, что отъ этого зависитъ твое возвращеніе въ здѣшній міръ и вмѣстѣ съ тѣмъ мое счастье.» — «15-го числа слѣдующаго мѣсяца, сказалъ хаганъ, при восходѣ луны отправься на югъ; пройдя нѣсколько миль, увидишь одного желѣзнаго старца, который, какъ только проглотитъ растопленнаго чугуна, скажетъ, что его мучитъ жажда: тогда ты дай ему хлѣбнаго вина одинъ тулумъ *), и ступай далѣе; потомъ встрѣтишь двухъ бодающихся барановъ: дай имъ по клочку сѣна; отсюда еще дальше пойдешь, встрѣтишь полчище вооруженныхъ: имъ дай по куску мяса. Наконецъ, какъ отсюда пой-

*) Тулумъ — большой кожанный мѣшокъ, въ которомъ средне-азіатскіе номады держатъ молочныя водки; иногда онъ называется, смотря по величинѣ, дашимакъ или борби. *Прим. переводчика.*

дешь; увидишь чугунный домъ, увѣшенный человѣческими кожами, и весь облитый кровью тоже человѣческой, его караулятъ два Эрлэка (служители ада), питающіеся человѣческой кровью: имъ дай по каплѣ крови. Какъ войдешь въ домъ, увидишь среди его жертвенникъ, окруженный восемью страшными заклинателями, на жертвенникѣ же увидишь девять человѣческихъ сердецъ: изъ нихъ одно только свѣжее, а остальныя восемь несвѣжихъ попросятъ тебя взять ихъ себѣ, между тѣмъ свѣжее скажетъ, чтобъ его ты не трогала. Ты смѣло возьми это самое свѣжее сердце, да бѣги съ нимъ вонъ — смотри не оглядывайся; отъ этого мы, можетъ быть, навсегда соединимся въ этомъ мірѣ.»

Дѣвица дождалась 15-го числа; при восходѣ лупы, никѣмъ незамѣченная, вооружившись мужествомъ, отправилась на югъ, и, преодолѣвъ въ дорогѣ всѣ препятствія, пришла въ указанный домъ, гдѣ взяла то сердце, которое говорило ей, чтобъ она не трогала его, и убѣжала съ нимъ. Восемь страшныхъ заклинателей пустились за ней въ погоню, крича караульнымъ, что вориха подкралась къ сердцамъ, и утащила одно изъ нихъ, но тѣ, вспомнивъ, что она дала имъ крови, не остановили ее. Заклинатели закричали полчищу вооруженныхъ задержать ее, но и тѣ тоже пропустили, говоря, что получили отъ нея по куску мяса. Бодающіеся бараны тоже пропустили ее за то, что получили отъ нея по клочку сѣна. Наконецъ заклинатели закричали старику: «Удержи эту женщину, она украла у насъ сердце»; но онъ ей не препятствовалъ пройти, за то что получилъ отъ нея вина, — и такимъ образомъ дѣвица преодолѣла всѣ трудности, прибѣжала домой, и лишь только переступила за порогъ своего дворца, передъ ней явился въ великолѣпномъ одѣяніи ея возлюбленный; они обнялись....»

«Я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ она обрадовалась,» сказалъ Амугулангъ-Ябудалту. Святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА X.

Вотъ исторійка святаго трупа: «Давно когда-то жили въ одномъ государствѣ, называемомъ Удминъ-цэцэкликъ, два брата. Старшій братъ былъ женатъ, а младшій холостой; его не любилъ старшій, который наконецъ и выгналъ его изъ своего дома.

Однажды старшій братъ вздумалъ задать пиръ и пригласилъ на него всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Выгнанный братъ надѣялся, что и его пригласятъ, на томъ основаніи, что всѣ знакомые и незнакомые приглашены, какъ же не быть ему, родному брату. Но на первый день, не получивъ приглашенія, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что завтра будетъ еще пиръ, на этотъ-то его и пригласятъ; но и на этотъ день онъ не получилъ приглашенія. «Такъ на послѣдній же день непремѣнно меня пригласятъ», думалъ онъ; однако и въ этотъ пиръ его обошли. Обиженный, разсерженный, онъ рѣшился украсть у брата какую нибудь дорогую вещь, и рѣшился это сдѣлать въ послѣдній день пира, на томъ основаніи, что всѣ будутъ пьяны, не исключая и брата съ его женой.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ отправился къ брату, спрятался тамъ въ казнохранилищѣ, такъ какъ пиръ еще не кончился. Когда уже нѣкоторые гости разошлись, а другіе, попьянѣе, легли спать, въ это время невѣстка привела пьянаго своего мужа въ казнохранилище, и легли тамъ спать. Невѣстка, какъ мужъ ея заснулъ, встала, взяла хлѣба, мяса и разныхъ вкусныхъ кушаньевъ съ чесночкомъ, и вышла тихонько.

Братъ подумалъ: «Куда это она идетъ? лучше я отложу свое намѣреніе до другаго времени, а теперь буду слѣдить, куда она пойдетъ», и вышелъ вслѣдъ за ней. Та направила путь на сѣверъ, пришла на кладбище, гдѣ, среди зеленой муравы, стоялъ большой каменный пьедесталъ, а на немъ лежалъ трупъ: это былъ трупъ бывшаго ея любовника; она его оберегала отъ хищныхъ звѣрей и птицъ. Не подозрѣвая, что за ней слѣдятъ, она обняла этотъ трупъ и стала его звать по имени; подстрекаемый любопытствомъ, деверь сталъ за ней тщательнѣе слѣдить. Потомъ она поднесла ко рту

покойника принесенныя ею кушанья; но видя, что онъ ничего не принимаетъ, взяла ложку, раздвинула ею стиснутые его зубы и начала съ своего языка давать кушанья; между тѣмъ ложка какъ-то обломилась, раздвинутые зубы сомкнулись и откусили у нея кончикъ языка: пошла кровь. Взявъ свою посуду, она воротилась домой, но между тѣмъ кровь не переставала у нея идти.

Деверь успѣлъ придти впередъ и спрятался въ казнохранилищѣ. Та, какъ пришла домой, легла возлѣ своего мужа, который въ просонкахъ началъ бормотать, — жена въ это время закричала: «Этотъ злодѣй откусилъ мнѣ языкъ! Что я буду дѣлать безъ языка? Куда годится безъ него женщина?» — «Что ты дуришь, сказалъ проснувшійся мужъ; я ничего тебѣ не дѣлалъ.»

«Врешь, сказала жена, я завтра непремѣнно пойду на тебя жаловаться хагану» и они стали ругаться.

Въ это время младшій братъ оставилъ свое намѣреніе, и вышелъ незамѣтно изъ казнохранилища.

На другой день эта женщина отправилась къ хагану. «О, великій хаганъ, сказала она ему, нынѣшнею ночью мой мужъ поступилъ со мной безчеловѣчно, я его законная жена — суди его, хаганъ, строгимъ судомъ.» Хаганъ послалъ за мужемъ, который при допросѣ сказалъ, что ничего не помнитъ, а жена разными ложными доказательствами убѣдила хагана, который приговорилъ его къ смертной казни.

Въ это самое время приходитъ младшій братъ, и спрашиваетъ, за что присудили къ смертной казни его брата, и когда ему объяснили, онъ пошелъ прямо къ хагану. «О, великій Тэнгри, сказалъ онъ ему, выслушай мой всеподданнѣйшій докладъ. Не должно вѣрить словамъ обвиненныхъ, также не должно поверхностно обсуживать всякое дѣло, пока не явится доказательствъ; соизволь снова произвести слѣдствіе надъ моимъ братомъ и его женой, я тогда ясно докажу это дѣло.»

Когда призвали снова на судъ мужа съ женой, младшій братъ разсказалъ все, что видѣлъ; но хаганъ этому не повѣрилъ, и для удостовѣренія послалъ на кладбище освѣдомиться: дѣйствительно-ли

есть тамъ трупъ, и нѣтъ-ли во рту у него отломанной ложки и кончика языка, и нѣтъ-ли слѣдовъ крови. Когда посланные доложили хагану, что показаніе вполнѣ справедливо, съ мужа сняли обвиненіе, жену же повѣсили....»

«И стоитъ того!» сказалъ Сайнъ-Ябудалту. Святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА XI.

Исторійка, сказанная святымъ трупомъ: «Въ давноминувшее время, въ одномъ государствѣ стояла роща, средоточіе этого государства и ночлегъ для пріѣзжающихъ. Въ этой рощѣ былъ монастырь со статуей Хоншимъ-Бодисатвы, а невдалекѣ отъ него, на берегу рѣки, въ одной хижинѣ жилъ старикъ со старухой, — у нихъ была единственная дочь, очень красивая. Съ низовья этой рѣки одинъ бѣднякъ постоянно проходилъ чрезъ этотъ монастырь съ корзинкой собранныхъ имъ плодовъ, для продажи ихъ на верховьѣ рѣки; распродавши ихъ, онъ возвращался обратно тѣмъ же путемъ, и ночевалъ въ рощѣ у монастыря.

Въ одинъ изъ такихъ ночлеговъ этотъ бѣднякъ какъ-то услышалъ въ хижинѣ стариковъ говоръ; подстрекаемый любопытствомъ, онъ подошелъ къ ихъ окну, и сталъ подслушивать. «Мы, сказала старуха, обременены годами, пора подумать о судьбѣ нашей дочери Суваранъ-Типъ.» — «Твоя правда, сказалъ старикъ: благоденствіе, которымъ мы до сихъ поръ наслаждаемся, драгоцѣнный камень Шимъ (малахитъ), которымъ мы владѣемъ, и дочь, наше единственное утѣшеніе, суть дары статуи Хоншимъ-Бодисатвы, которой мы усердно покланялись и покланяемся. Завтра восьмое число *), прине-

---

*) 8-е, 18-е и 30-е числа каждаго мѣсяца постные. Въ эти дни должны поститься не только духовные, но даже и мірянс. Постъ состоитъ въ слѣдующемъ: не убивать животныхъ, ѣсть только молочное, и то одинъ разъ въ день, и читать священныя книги и Мани. Надо замѣтить, что буддисты въ эти дни молятся не стоя, а сиди, поджавъ подъ себя ноги, перевѣшиваютъ чрезъ лѣвое плечо красное или желтое оркимжи (перевязь) и, перебирая четки, читаютъ Мани или другія священныя изрѣченія. Дни эти носятъ названіе *бачикъ* или *мачикъ*. *Прим. переводчика.*

семъ жертву Хоншимъ-Бодисатвѣ, и спросимъ у него о судьбѣ нашей дочери, что ей суждено: быть-ли мірянкой, или посвятиться въ шамандзы (монашенки)? Если ей суждено быть свѣтской, то испросимъ суженаго.»

Бѣднякъ смекнулъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же отправился въ монастырь Хоншимъ-Бодисатвы, зашелъ сзади статуи и сѣлъ въ нее. На другой день, старики вмѣстѣ съ дочерью явились въ монастырь, принесли жертву статуѣ, и, послѣ земныхъ поклоновъ, стали ее спрашивать: «Скажи намъ, святой Хоншимъ-Бодисатва: дочь наша должна-ли посвятиться въ шамандзы, или должна выйти замужъ, и если выйдетъ, то за кого? соблаговоли сказать намъ теперь, или мы получимъ отъ тебя отвѣтъ во снѣ.» Бѣднякъ въ это время привсталъ, припоровилъ свой ротъ къ ноздрямъ статуи, и сказалъ: «Дочь ваша должна вести жизнь брачную: кто завтра всѣхъ раньше придетъ къ вашимъ воротамъ, тотъ и есть суженый.» Старики обрадовались, поклонились статуѣ, и возвратились домой.

Утромъ на слѣдующій день послышался стукъ въ ихъ ворота; старуха вышла, увидѣла мужчину,—это былъ бѣднякъ,—и вмѣсто того, чтобъ отворить ему ворота, она обрадованная прибѣжала къ старику и сказала ему: «Вотъ тотъ, объ которомъ сказано было святой статуей.»—«Прекрасно, сказалъ старикъ, веди его скорѣй сюда.» Когда тотъ вошелъ, старики его поподчивали разными кушаньями и питьемъ, потомъ выдали за него свою дочь, давъ ей въ приданое драгоцѣнный камень.

Бѣднякъ отправился домой съ молодой женой, съ камнемъ и съ пустой корзинкой, и недалеко отъ его дома, на устьѣ рѣки, пришло ему въ голову: такъ какъ первая его попытка обмана была успѣшна, онъ и на этотъ разъ еще хотѣлъ подняться на другую хитрость. Онъ положилъ жену свою вмѣстѣ съ камнемъ въ корзинку, зарылъ въ землю, и, по приходѣ домой, сказалъ своимъ сосѣдямъ: «Мы до сихъ поръ не могли разбогатѣть; конечно, этому есть препятствіе отъ нечистой силы, уничтоженіе которой требуетъ совершенія обряда: его-то я и знаю. Если вы желаете быть такими богатыми, какимъ я самъ стану отъ этого обряда, сдѣлайте сборъ и

отдайте его мнѣ.» Сборъ сдѣлали и отдали его бѣдняку, тотъ сдѣлалъ какой-то обрядъ, на который будто-бы требуется такой сборъ.

Между тѣмъ случилось вотъ какое обстоятельство: какой-то царевичъ съ двумя своими прислужниками и тигромъ, бывши на охотѣ, замѣтилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ зарыта была Суваранъ-Типъ, возвышеніе, прицѣлился и выстрѣлилъ въ него: стрѣла попала, царевичъ хотѣлъ ее вынуть, но она такъ крѣпко воткнулась, что нужно было разрывать землю. Когда ее разрыли, увидѣли, что стрѣла сильно вонзилась въ корзинку; царевичъ раскрылъ ее, оттуда вышла прекрасная дѣвица съ дорогимъ камнемъ. Царевичъ спросилъ ее: кто она такая? «Я, отвѣчала та, дочь царя драконовъ.» — «Не желаешь-ли быть моей женой? проговорилъ царевичъ; если желаешь, такъ слѣдуй за мной.» — «Нѣтъ, отвѣчала та, я не пойду; въ этой корзинкѣ взамѣнъ меня должно быть какое нибудь живое существо.» Въ корзинку положили тигра, зарыли въ землю, и отправились съ Суваранъ-Типъ домой.

Бѣднякъ Наранъ замышлялъ, какъ только кончитъ мнимый обрядъ для разбогаченья, убить свою молодую жену, чтобъ воспользоваться дорогимъ камнемъ: съ этимъ злымъ намѣреніемъ онъ отправился туда, гдѣ была зарыта корзинка, вырылъ ее, принесъ тихонько домой и поставилъ въ подпольѣ; потомъ своей женѣ и сосѣдямъ онъ сказалъ: «Мнѣ въ эту ночь нужно совершить послѣдній обрядъ для разбогаченья, если послышится крикъ, стонъ, не приходите ко мнѣ.» Ночью онъ накрѣпко заперъ дверь, боясь, какъ бы молодая жена его не ускользнула, для ловкости заткнулъ подолъ за поясъ, засучилъ рукава, подошелъ къ корзинкѣ, поднялъ ея крышку, промолвивъ: «Ты, дѣвица, устала, выдь.» — Въ это время выскочилъ оттуда лютый звѣрь: испуганный бѣднякъ сталъ кричать, звать къ себѣ на помощь всѣхъ: жену, дѣтей, друзей; но тѣ смѣялись; они говорили между собой: «Обрядъ разбогаченья идетъ къ концу.»

На другой день дѣти бѣдняка всѣхъ раньше зашли повидаться съ отцомъ, и увидѣли въ одномъ углу огромнаго полосатаго тигра съ окровавленной пастью и съ окровавленными лапами, а около него были разбросаны обглоданныя кости ихъ отца.

Прошло три года со дня смерти несчастнаго Нарана и съ тѣхъ поръ, какъ Суваранъ-Типъ была уже хаганьшей. Она родила своему мужу трехъ сыновей, и жила съ нимъ въ полномъ счастіи. Между тѣмъ въ народѣ возникло противъ царевича негодованіе за то, что онъ женился на дѣвицѣ безродной. Такой его поступокъ, не соотвѣтствующій званію хагана, произвелъ не малое волненіе. Народъ говорилъ: «Какъ мы можемъ возвести на тронъ этихъ дѣтей, которые родились отъ женщины, найденной въ землѣ!» Хаганьша узнала объ этомъ, и, вполнѣ чувствуя справедливость такого негодованія, рѣшилась оставить своихъ дѣтей и отправиться къ своимъ родителямъ.

15-го числа, при восходѣ луны, она вышла изъ своего дома, и, проведя цѣлую ночь въ пути, пришла на то мѣсто, гдѣ жили ея родители. Она нашла здѣсь множество незнакомыхъ людей, занимающихся хлѣбопашествомъ, между которыми одинъ, смуглый и въ прекрасномъ платьѣ приготовлялъ разныя кушанья. Онъ спросилъ хаганьшу: «Откуда ты?» — «Я изъ дальней стороны, отвѣчала та.» — «А теперь куда?» — «На задней сторонѣ этой горы жили мои родители, я пришла повидаться съ ними.» — «Такъ ты ихъ дочь? Дѣвица, знаешь-ли ты, я твой братъ. Родители мои частенько говаривали, что у меня есть сестра,—такъ это ты и есть? Отдохни здѣсь, закуси, пока я кончу стряпню.»

Потомъ они вмѣстѣ пошли, взошли на гору, съ которой Суваранъ-Типъ на мѣстѣ прежней родительской хижины увидѣла великолѣпный дворецъ, украшенный разными знаменами и разноцвѣтными шелковыми матеріями, а вмѣсто прежняго незавидной архитектуры монастыря Хоншимъ-Бодисатвы она увидѣла великолѣпный монастырь съ золотыми крышами, украшенный манджалга (знамя изъ разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій), съ хрустальными колокольчиками, издающими гармоническіе звуки. «Кому принадлежатъ эти дивные—дворецъ и монастырь?» спросила хаганьша.—«Они нашихъ родителей, отвѣчалъ ея братъ.»

Наконецъ они взошли во дворъ этого великолѣпнаго дворца, гдѣ было множество лошадей, лошаковъ, слоновъ, верблюдовъ и другихъ

домашнихъ животныхъ. Хаганьша вездѣ видѣла несмѣтныя сокровища, поражавшія ее, потомъ подошли къ главной двери дворца, отдворили ее, и вошли въ главный залъ, гдѣ хаганьша увидѣла своихъ родителей, сидящихъ на тронахъ. «Дочь наша! сказали они, какое счастье! Кто-бы думалъ, что мы увидимъ тебя? Очень похвально, что ты пришла повидаться съ своими стариками. Ну, скажи намъ, счастлива-ли ты? разсказывай скорѣй.» Та разсказала все, что съ ней случилось, и въ какомъ положеніи она теперь находится, какое обстоятельство заставило ее покинуть дѣтей и мужа.

«Если только это обстоятельство заставило тебя удалиться, сказали родители, то это легко поправить,» и тотчасъ же послали за хаганомъ просить его вмѣстѣ съ вельможами къ себѣ въ гости. Хаганъ и вельможи прибыли, ихъ приняли великолѣпно, угощали трое сутокъ. Этотъ роскошный пріемъ привелъ вельможъ въ восторгъ; они раскаявались въ томъ, что напрасно говорили про хаганьшу, что она безъ роду и племени; потомъ, съ полною радостью, съ совершеннымъ удовольствіемъ, и получивъ каждый по дорогому подарку, они всѣ отправились домой, а хаганьша осталась у родителей переночевать, и, упоенная своимъ счастіемъ, пошла въ другую комнату, гдѣ для нея была приготовлена роскошная постель; на нее она и легла.

По утру, она вдругъ въ просонкахъ почувствовала подъ собой что-то жесткое, приподняла голову, и увидѣла пустую развалившуюся прежнюю хижину своихъ родителей; далѣе увидѣла кости, валявшіяся тамъ и сямъ: это были кости ея родителей, сама же она лежала на голой землѣ. Испугавшись такой внезапной перемѣнѣ, она опрометью выбѣжала вонъ, увидѣла на дворѣ, вмѣсто лошадей, лошаковъ, слоновъ и пр., плоскій камень, служившій когда-то этой хижинѣ вмѣсто лѣстницы; отсюда она побѣжала посмотрѣть на великолѣпный монастырь, но вмѣсто его былъ совершенно разрушившійся и пустой прежній монастырь Хоншимъ-Бодисатвы. Озадаченная такимъ быстрымъ исчезаніемъ, хаганьша воскликнула: «О милосердый Хоншимъ-Бодисатва! это ты, сжалившись надо мной,

явился въ видѣ моихъ родителей, воздвигъ великолѣпныя палаты и великолѣпный монастырь. Это твое чудо! Я пойду теперь къ моему мужу. Онъ, его вельможи, видѣли моихъ родителей, они не должны теперь попрекать меня ничтожнымъ происхожденіемъ,— теперь я хаганьша!»

Она отправилась. Между тѣмъ вельможи и народъ ожидали ея возвращенія, и при видѣ ея воскликнули: «Вонъ наша хаганьша, которая красотой своей, молодостью, знатностью своихъ родителей помрачаетъ всѣхъ!» Они пошли къ ней на встрѣчу и ввели ее съ торжествомъ во дворецъ....»

«Такъ я и думалъ!» сказалъ царевичъ. Святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА XII.

Сайнъ-Ябудалту на обратномъ пути слушаетъ отъ святаго трупа слѣдующую исторійку:

«Было одно цвѣтущее государство, называемое Цэцэгутъ-іеръ-Чемэксенъ (украшенное цвѣтами), со многими богатыми городами, съ вѣчно зеленѣющими садами изъ фруктовыхъ деревьевъ, сандальныхъ, амаровъ и многихъ другихъ, съ каналами, доставляющими повсюду водяное сообщеніе, и съ богатыми нивами. Среди этого государства, въ великолѣпномъ дворцѣ Алтанъ-Тэгусу-Суксэнъ (наполненный золотомъ) жилъ хаганъ, по имени Илагуксанъ-Оюта (побѣдоносный умъ).

Разъ какъ-то этотъ хаганъ позвалъ къ себѣ молодаго своего раба Гэгэнъ-Оюта (свѣтлый умъ), и сказалъ ему: «Ну, Гэгэнъ-Оюта, достоинъ-ли ты своего имени: можешь-ли украсть у меня жизнь-камень окью (изумрудъ)? Если украдешь, я прилично вознагражу тебя, если же нѣтъ, отниму у тебя всю твою землю, твой домъ, да еще выколю тебѣ глаза.» На такое настоятельное требованіе Гэгэнъ-Оюта обѣщался украсть камень въ ночь 15-го числа того же мѣсяца. Хаганъ въ туже минуту отдалъ приказаніе, чтобъ вездѣ ворота съ этого же дня были крѣпко на-крѣпко заперты, и

около дворца были бъ поставлены караульные, и чтобъ всѣ были бдительны, а жизнь-камень по его приказанію укрѣпили бы къ концу палки, поставили въ спальнѣ хагана, которой дверь и окна были накрѣпко заперты.

Ночью 15-го числа Гэгэнъ-Оюта взявъ съ собой водки, засушеную раздутую требушину, соломенную шляпу, разукрашенную разными газовыми матеріями и три увѣсистыхъ камня, со всѣмъ этимъ отправился. Сначала онъ пришелъ къ караульнымъ всадникамъ, которымъ сказалъ: «Напрасно васъ мучитъ хаганъ; можно ли украсть жизнь-камень! Я пришелъ съ вами проститься и попировать послѣднюю ночь.» Тѣ согласились, и напились. Гэгэнъ-Оюта снялъ ихъ осторожно съ коней, посадилъ верхомъ на стѣну, которою обнесенъ былъ дворецъ, и отсюда отправился въ хаганскую кухню, гдѣ не раздѣвшись спали у очага двѣ служанки. На одну изъ нихъ онъ надѣлъ соломенную шляпу, а другой всунулъ въ рукавъ три камня, и отправился отсюда прямо къ хагану, который въ это время спалъ въ своей опочивальнѣ на главномъ мѣстѣ, освѣщаемомъ блескомъ жизнь-камня; около него спали караульные. Онъ сперва подкрался къ хагану, надѣлъ ему на голову засушеную требушину, послѣ того подошелъ къ караульнымъ, перевязалъ ихъ другъ съ другомъ волосами, добрался наконецъ по бывшей тутъ лѣстницѣ до жизнь-камня, снялъ его съ палки, и перескочилъ черезъ спящихъ. Тѣ проснулись, закричали: «Воръ!» но будучи связаны другъ съ другомъ волосами, не могли встать; они барахтались по полу, и кричали другъ другу: «Не держи меня!» Въ это время проснулся хаганъ: «У меня голова высохла, какъ черепъ, закричалъ онъ, — ужъ не украденъ ли жизнь камень? Эй служанки, вздувайте огонь!» Тѣ начали вздувать, въ это время у одной загорѣлась соломенная шляпа, что надѣлъ на нее Гэгэнъ-Оюта, а другая испугалась, и торопливо замахала рукавомъ: положенные тутъ три камня выпали, и прямо въ голову спасаемой; — служанки, вмѣсто того, чтобъ разводить огонь, стали перевязывать ее.

Крикъ же изъ дворца: «Держите! воръ!» дошелъ до всадниковъ; тѣ, еще не протрезвившись, пришпорили стѣну, на которую были

посажены, думая, что они на конях, — и Гэгэнъ Оюта такимъ образомъ съ жизнь-камнемъ благополучно пришелъ домой.

На другой день онъ явился къ хагану: «Вотъ, ваше хаганство, сказалъ онъ ему, вашъ камень, — я его вамъ принесъ.» — «Возьми его себѣ, отвѣчалъ хаганъ, что хочешь, то и дѣлай изъ него. У насъ было условіе украсть его, за это я тебя не обвиняю; но зачѣмъ на мою голову надѣлъ ты требушину? Я думалъ, что голова у меня высохла; вотъ этотъ поступокъ твой незаконенъ. Эй, возьмите его, и отрубите ему голову!» — «Вѣдь хаганъ, подумалъ Гэгэнъ-Оюта, мнѣ ни за что не проститъ, онъ не понимаетъ, что самъ виноватъ. Если такъ, — вотъ же!» и ударилъ съ досадой камнемъ объ стѣну, тотъ въ дребезги разлетѣлся, въ это самое время у хагана ручьями полилась изъ носа кровь, и онъ умеръ....»

«И не глупи!» сказалъ Сайнъ. Святой трупъ улетѣлъ.

ГЛАВА XIII.

Повѣсть святаго трупа: «Давно, въ отдаленной провинціи, жилъ-былъ сынъ одного брамина. Этотъ молодой человѣкъ продалъ съ своего гумна хлѣбъ, и на вырученныя деньги купилъ себѣ три куска шерстяной матеріи. Онъ навьючилъ ими осла, и отправился въ сосѣднюю провинцію торговать. На дорогѣ встрѣтилъ трехъ мальчиковъ-шалуповъ, которые играли съ пойманной ими мышью: они привязали ей на шею веревку, и опускали ее въ воду, потомъ вынимали. Эта потѣха вывела изъ терпѣнья браминскаго сына: онъ подошелъ къ шалунамъ, и сказалъ имъ: «Зачѣмъ вы такъ потѣшаетесь надъ этой бѣдной мышью? это грѣшно, — выпустите ее.» — «Какой ты смѣшной, сказали мальчики; она намъ нужна: мы нарочно поймали ее, чтобъ поиграть; если жалко, такъ выкупи.» Тотъ на предложеніе мальчиковъ согласился — онъ далъ имъ кусокъ матеріи, и мышь была пущена на волю.

Послѣ этого сынъ брамина отправился дальше, и на дорогѣ встрѣтилъ множество мальчиковъ, забавляющихся съ молодою обезьянкой: когда она не выполняла затѣйливыхъ ихъ игръ, они били

ее палкой. Сострадательный сынъ брамина не вытерпѣлъ, выкупилъ обезьяну за кусокъ матеріи, и отпустилъ ее въ лѣсъ, самъ же отправился дальше.

Прибылъ онъ къ одному ручью; здѣсь множество мальчиковъ играли съ медвѣжонкомъ, ѣздили на немъ и били его. Сжалился надъ медвѣжонкомъ молодой человѣкъ, выкупилъ его за послѣдній кусокъ матеріи, и пустилъ его въ лѣсъ; а самъ, ведя подъ уздцы своего осла, отправился дальше, и въ одномъ лѣсу, недалеко отъ хаганскаго дворца, остановился, чтобъ отдохнуть.

Здѣсь онъ подумалъ: «Куда же безъ товара идти мнѣ, не украсть ли лучше что нибудь въ этомъ дворцѣ?» Наконецъ онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, привязалъ къ дереву осла и отправился во дворецъ, пробрался до казнохранилища, взялъ связку шелковой матеріи, и пошелъ-было съ нею вонъ, но у самой двери его увидѣла хаганьша и, закричала: «Воръ!» Его схватилъ сбѣжавшійся на крикъ народъ, и, по приказанію хагана, положили въ деревянный, окованный желѣзомъ ящикъ, и бросили въ воду.

Увлекаемый теченьемъ воды ящикъ былъ выброшенъ на одинъ островъ; сидѣвшему въ этомъ ящикѣ отъ недостатка воздуха стало душно, — онъ былъ уже близокъ къ смерти. Въ это время услышалъ онъ, какъ будто кто-то грызетъ сундукъ снаружи, и наконецъ, чрезъ образовавшуюся чрезъ это маленькую дырочку, увидѣлъ ту самую мышь, которую выкупилъ у мальчиковъ. «Подыши свободнѣе, сказала ему мышь, а я пойду за двумя своими друзьями, за медвѣдемъ и обезьяной.» Послѣ нея тотъ лежалъ въ ящикѣ, и дышалъ чрезъ прогрызенное отверстіе.

Между тѣмъ мышь, отыскавъ обезьяну, разсказала ей подробно о несчастіи браминскаго сына, и отправилась за медвѣдемъ, обезьяна же пришла къ сундуку, разломала его, но только до половины. Въ это время пришелъ съ мышью медвѣдь, и своими косыми лапами докончилъ дѣло обезьяны, вытащили сына брамина, и посадили его на плоскій камень, лежавшій среди муравы.

Отсюда сынъ брамина нескоро выбрался, потому что это мѣсто

было окружено со всѣхъ сторонъ водой. Онъ долго пробылъ здѣсь, и питался плодами, собираемыми его друзьями.

Въ одну ночь медвѣдь замѣтилъ невдалекѣ, среди воды, свѣтъ: онъ отправилъ туда обезьяну разузнать: отъ чего происходитъ этотъ свѣтъ. Та отправилась, и явилась назадъ съ драгоцѣннымъ камнемъ, величиною съ куриное яйцо, найденнымъ ею на томъ мѣстѣ, гдѣ показался свѣтъ. Сынъ брамина, какъ только получилъ этотъ камень, изъявилъ предъ сномъ такое желаніе: «Да перейду съ этого мѣста на ту сторону этой рѣки, и вмѣстѣ съ тѣмъ да построится тамъ многоэтажный дворецъ, окруженный разными зданіями, съ конюшнями, садами, въ которыхъ да ростутъ разныя фруктовыя деревья, и да будутъ въ нихъ вѣчно бьющіе источники; да будутъ эти зданія всѣ наполнены богатствами!» — и легъ спать.

На другой день, только открылъ онъ глаза, и видитъ, что лежитъ на великолѣпномъ диванѣ, въ великолѣпномъ дворцѣ; видитъ также, что и остальныя его желанія исполнились. Однажды, спустя много времени послѣ этого, нѣсколько купцовъ, проѣзжая мимо этого дворца, удивлялись, что это мѣсто прежде было пустое, а теперь вдругъ откуда-то взялся такой великолѣпный дворецъ. Одинъ изъ этихъ купцевъ, по имени Сартаваки, зашелъ въ этотъ дворецъ. Сынъ брамина припялъ его ласково, показалъ ему свой драгоцѣнный камень, называемый Кусэли хагакчи чинтамани (драгоцѣнность, удовлетворяющая желаніямъ). «Съ тебя довольно, сказалъ ему купецъ, того богатства, которое ты получилъ силою этого драгоцѣннаго камня; уступи мнѣ его, а я все, что при мнѣ есть, отдамъ тебѣ.» Тотъ отдалъ драгоцѣнный камень, и получилъ за него отъ Сартаваки верблюдовъ, слоновъ, лошадей, быковъ и др., навьюченныхъ дорогими товарами.

Купецъ уѣхалъ, а сынъ брамина легъ спать; на утро просыпается — и что же? онъ уже не на той роскошной кровати, на которую легъ спать накапунѣ, и не въ томъ великолѣпномъ дворцѣ, а на томъ самомъ островѣ, гдѣ пріобрѣлъ камень; около него нѣтъ болѣе ни дворца, ни богатствъ, лежалъ же онъ на плитѣ среды муравы. Понуривъ съ горя голову, онъ сидѣлъ, погруженный

въ думу; въ это самое время ее прервало внезапное появленіе его прежнихъ друзей. «Что съ тобой?» спросили они его. Онъ разсказалъ имъ все свое несчастье. «Какъ ты легкомысленъ, сказали они; какъ можно отдавать такой камень!» — и они втроемъ отправились, чтобъ попытаться воротить камень отъ купца.

Когда они пришли къ Сартаваки, который жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, и былъ могущественнѣйшій между всѣми смертными владѣтель, они посовѣтовались между собой о томъ, что сперва нужно разузнать, гдѣ находится камень? Медвѣдь и обезьяна сначала пытались-было пробраться во дворецъ чрезъ небольшое между дверей отверстіе, но не могли. Мышь чрезъ это самое отверстіе пробралась внутрь дворца, и, воротившись оттуда, извѣстила своихъ товарищей: «Купецъ Сартаваки спитъ, а камень привязанъ къ ушку стрѣлы, воткнутой въ кучу зерноваго хлѣба, и находится въ переднемъ углу дворца; а около этой зерновой кучи привязаны двѣ кошки: боясь ихъ, я не подошла къ камню.» — «Здѣсь намъ теперь нечего дѣлать, сказалъ медвѣдь, отправимся домой.»

«Постой, сказала обезьяна, — у меня есть средство: ты, мышь, ступай къ хозяину этого дворца, перегрызи у него косу,—навѣрно онъ прикажетъ привязать кошекъ у самаго изголовья; если такъ сдѣлаетъ, тогда камень можно украсть.»

Мышь въ эту же ночь перегрызла косу у Сартаваки, который на другой день, какъ приподнялъ голову, увидѣлъ, что вся коса его разсыпалась: это его испугало, онъ вообразилъ, что уже голова у него свалилась. Волнуемый предразсудкомъ, онъ сказалъ: «Проклятыя мыши въ эту ночь перегрызли у меня почти-что всю косу, надобно принять противъ этого мѣры, а то пожалуй и остальное отгрызутъ. Этихъ двухъ кошекъ въ эту ночь привяжите у изголовья моей постели.» Кошки въ эту же ночь были по его приказанію привязаны къ указанному мѣсту.

Въ эту ночь медвѣдь и обезьяна остались внѣ дверей дома, а мышь отправилась внутрь дома. Обрадованная, что у того мѣста, гдѣ камень, нѣтъ кошекъ, она нѣсколько разъ влѣзала на стрѣлу, чтобъ снять съ нея камень, но не могла, и въ отчаяніи возвра-

тилась къ своимъ товарищамъ. «Ступай еще, сказала ей обезьяна; положимъ, что ты не могла снять камня со стрѣлы; — на этотъ разъ разрой кучу, стрѣла тогда вмѣстѣ съ камнемъ сама собой упадетъ; такъ какъ не вмочь тебѣ камня приподнять, прикати его къ намъ.» Мышь отправилась, уронила стрѣлу, прикатила камень къ самой двери, но въ отверстіе никакъ не могла его провести. Измученная такой работой, она вышла вонъ, и сказала своимъ товарищамъ, ожидавшимъ ее у самыхъ дверей: «Я къ самому отверстію подкатила камень, но какъ ни старалась выбросить его чрезъ это отверстіе, не могла.» — «Мы съ тобой, обезьяна, сказалъ медвѣдь, не можемъ пролѣзть въ это отверстіе; намъ нечего здѣсь больше дѣлать, надо отправляться домой.» — «Постойте, сказала обезьяна, къ хвосту мыши я привяжу нитку, пущу ее въ это отверстіе, пусть обниметъ она своими лапками камень, а я за нитку стану тащить ее, и вытащу вмѣстѣ съ камнемъ.» Мышь, такимъ образомъ подготовленная, пролѣзла сквозь отверстіе, и вытащена была оттуда, вмѣстѣ съ камнемъ, обезьяной. «Ну, бѣдная мышь, ты измучилась, сказала обезьяна.» Она положила ее къ себѣ въ ухо, взяла камень въ ротъ, сама же сѣла верхомъ на медвѣдя, который поспѣшно помчался обратно.

Дорогой, при переправѣ вплавь чрезъ небольшую рѣчку, медвѣдю пришло въ голову, что онъ силенъ, потому что несетъ на себѣ обезьяну, мышь и камень, и, чтобъ получить на это подтвержденіе своихъ друзей, онъ воскликнулъ: «Вѣдь я силенъ? А! столько тяжести несу!» Но отвѣта ему ни отъ кого не было. Мышь не отвѣчала, потому что отъ усталости крѣпко спала, а обезьяна, потому что опасалась, какъ бы не выронить изо рту камня. «Чтожъ вы молчите! проревѣлъ медвѣдь, я васъ брошу въ воду.» — «Не бросай,» сказала обезьяна: въ это самое время выпалъ у нея изо рту камень. Вышедши на берегъ, обезьяна принялась ругать медвѣдя: «Ты мерзкое животное», говорила она ему. Мышь отъ ссоры ихъ проснулась и, вылѣзши изъ уха обезьяны, спросила: «Что съ вами?» Тѣ разсказали, въ чемъ дѣло, и что они рѣшились, такъ какъ камень потерянъ не на сухомъ мѣстѣ, а въ водѣ, идти къ

сыну брамина. Но мышь отговорила ихъ отъ этого. «Вы, сказала она, останьтесь здѣсь, а я попытаюсь поискать.» Она принялась съ пискомъ бѣгать вдоль берега взадъ и впередъ. Всѣ водяныя существа, удивленныя такой суетливостью мыши, спросили ее: «Отчего ты, мышь, бѣгаешь безъ оглядки?» — «Развѣ вы, отвѣчала она, не слыхали, что намъ угрожаетъ опасность? придутъ войска, которымъ нѣтъ преградъ ни на сушѣ, ни на водѣ.» — «Что намъ дѣлать?» сказали тѣ. — «Нѣтъ другаго средства, говорила мышь, какъ только построить на берегу, отдѣляющемъ воду отъ суши, надежную крѣпость.» Всѣ водяныя существа начали изъ воды доставлять мыши камни, а она принялась строить крѣпость. Когда заложено было фундамента уже на четверть, большая лягушка прикатила на берегъ камень. «Уфъ, проквакала она, тяжелѣй этого нѣтъ камня изъ всѣхъ, какіе только есть въ водѣ.» — Мышь взглянула, что это за камень, и тотчасъ побѣжала къ обезьянѣ: «Камень найденъ, сказала она ей.» — «Ай-да умница! проговорила обезьяна, ты сдѣлала чудо!» Потомъ она положила мышь себѣ въ ухо, взяла камень въ ротъ, сѣла верхомъ на медвѣдя, и покатила къ сыну брамина, которому и вручила камень.

Тотъ, какъ только получилъ его, очутился въ прежнемъ своемъ дворцѣ, который на этотъ разъ былъ еще величественнѣе: онъ былъ окруженъ многими населенными городами и фруктовыми вѣчно зеленѣющими садами, гдѣ гармонически распѣвали птицы. Здѣсь было вѣчное лѣто, а зимы — не только ея, но и имени ея не было здѣсь извѣстно. Богатствамъ и сокровищамъ не было счету. Сынъ брамина поблагодарилъ своихъ друзей за ихъ къ нему усердіе и преданность, потомъ помолился этому драгоцѣнному камню: «Если ты, такъ онъ молился, дѣйствительно драгоцѣнный камень, — у меня нѣтъ жены, такъ соизволь жениться мнѣ на дочери Эсруа Тэнгрія (Брахма)», и какъ только кончилъ молитву, дѣвица Тэнгрія явилась къ нему въ сопровожденіи безчисленнаго множества небесныхъ дѣвъ. Отъ этой дѣвицы родилось сто прекрасныхъ отроковъ»...

«Этотъ человѣкъ необыкновенно счастливъ»! сказалъ Сайнъ Амугулангъ Ябудалту-хаганъ.

«О, хаганъ, хорошо, хорошо!» пропѣлъ святой трупъ, и отлетѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отшельника Нагандзана, который сказалъ Сайнъ-Ябудалту: «Ты свое дѣло исполнялъ съ непоколебимою твердостію. Что касается до святаго трупа, котораго не могъ ты принести ко мнѣ, это отъ того, что живущіе на Джамбутибѣ недостойны. Такъ какъ ты тринадцать разъ путешествовалъ съ святымъ трупомъ, то за это получишь долголѣтіе, могущество и богатство, въ которыхъ не найдешь и между хаганами ни одного себѣ соперника.

ГЛАВА XIV *).

На дорогѣ, указанной наставникомъ Нагандзапою **), не случилось никакихъ препятствій и царевичъ благополучно достигъ теперь до мѣста, котораго и прежде достигалъ. Такимъ образомъ, взявши здѣсь на свои плеча святой трупъ, онъ обратно отправился съ нимъ въ дорогу.

Дни были длинные и скучные. Однажды святой трупъ сталъ просить царевича разсказать ему, для препровожденія времени, какую-нибудь интересную исторію, но царевичъ на этотъ вопросъ его ничего не отвѣчалъ. Между тѣмъ, святой трупъ опять сказалъ, что если самъ онъ не желаетъ разсказывать, то пусть кивнетъ головою назадъ, и это будетъ знакомъ согласія, чтобъ разсказывалъ трупъ, а если нѣтъ, то пусть кивнетъ внизъ, и это будетъ знакомъ несогласія.

Царевичъ Амугулангъ-Ябудалту кивнулъ головой внизъ, и тѣмъ далъ знакъ несогласія.

«Въ давноминувшее время, въ одномъ изъ западныхъ городовъ Индіи, жили два брата: изъ нихъ старшій былъ бѣденъ, за что его никто и не почиталъ, онъ питался отъ продажи дровъ и травъ,

*) Съ этой главы начинается текстъ по рукописи барона Шиллинга фонъ-Канштадтъ.

**) Нагандзана (Нагарджуна) — имя одного знаменитаго индѣйскаго ламы, жившаго около столѣтія до Р. Х., основателя школы Махаяны. См. соч. Васильева: Буддизмъ, стр. 212. *Примѣч. переводчика.*

младшій же братъ нисколько не помогалъ ему, хотя и былъ богатъ. Однажды младшій братъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ на пиръ, и обошелъ своего старшаго брата, который оттого конечно лишился своей порціи въ пиру. «Лучше тебѣ, мужъ, умереть, нежели жить, сказала ему жена: отъ тебя нѣтъ ровно никакой пользы». — «Ты правду говоришь, сказалъ мужъ, я теперь же намѣренъ кончить жизнь свою.» Съ этими словами онъ взялъ топоръ и веревку, и ушелъ.

Долго онъ скитался по горамъ, наконецъ очутился въ дремучемъ лѣсу, наполненномъ тиграми, львами и многими другими кровожадными звѣрями, которые были всѣ собраны около одной рѣки, протекающей чрезъ этотъ лѣсъ. Идя по направленію этой рѣки, онъ пришелъ на устье ея, гдѣ у подошвы одной огромной горы увидѣлъ множество Дагини *), играющихъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Одна изъ нихъ, крылатая, вспорхнула и полетѣла въ пещеру, находящуюся въ этой горѣ; оттуда она принесла съ собою кожаный мѣшокъ, развязала его предъ собраніемъ, и, вынувъ изъ него желѣзный молотокъ, начала имъ колотить по этому мѣшку: по мѣрѣ ударовъ выходили изъ него разные напитки, одежды и прочія необходимыя для жизни вещи. Толпа Дагинь, по окончаніи пира, опять вытащила изъ мѣшка золото, серебро, діадемы, подвѣски и много другихъ драгоцѣнностей; нарядившись въ нихъ, онѣ пустились плясать, и посреди плясокъ и музыки исчезли въ небесной дали. Между тѣмъ прежняя крылатая Дагини полетѣла съ мѣшкомъ въ пещеру и спрятала его тамъ, потомъ съ пѣніемъ послѣдовала за другими. Послѣ этого бѣднякъ отправился туда, гдѣ было собраніе, но тамъ все было пусто; онъ замѣтилъ мѣсто, гдѣ спрятанъ кожаный мѣшокъ, изъ срубленныхъ имъ самимъ деревьевъ пристроилъ къ пещерѣ лѣстницу, взобрался по ней, досталъ мѣшокъ, вынулъ изъ него молотокъ, началъ бить имъ по мѣшку, и получилъ все, чего желалъ. Насытившись, онъ отправился домой съ своей находкой.

---

*) Дагини — отъ санскритскаго Дакини — родъ женскихъ божествъ. *Примѣч. переводчика.*

Дома онъ засталъ жену въ слезахъ; она была совершенно увѣрена, что мужъ ея погибъ. «Не плачь, моя милая, сказалъ онъ ей, я воротился живъ и здоровъ, да еще привезъ кое-что для нашего прокормленія.» Потомъ онъ далъ женѣ мѣшокъ; развязавъ его, она увидала въ немъ пищу и богатства, изъ которыхъ взяла, что ей вздумалось. Послѣ того, они оставили прежнія свои занятія, торговлю травами и дровами, и стали вполнѣ счастливы.

Между тѣмъ всѣ люди удивлялись, и говорили между собою: «Откуда это онъ вдругъ взялъ столько богатства?» а жена младшаго брата сказала своему мужу: «Вѣрно онъ укралъ изъ твоего сокровища.» Тотъ, повѣривъ словамъ жены, призвалъ къ себѣ брата и сказалъ ему: «Откуда взялось у тебя столько богатства? ты вѣрно укралъ у меня? Если ты сейчасъ не отдашь ихъ мнѣ, то я пойду къ хагану, пожалуюсь на тебя и буду просить, чтобъ онъ приказалъ выколоть тебѣ глаза.» — «Когда я скитался, сказалъ тотъ, чтобъ умереть подальше отъ твоихъ глазъ, то нашелъ у подошвы одной горы мѣшокъ съ молоткомъ, — вотъ откуда у меня богатство!» — «Гдѣ это мѣсто? спросилъ братъ, укажи его мнѣ?»

По указанію старшаго брата, младшій, взявъ топоръ и веревку, отправился на указанное ему мѣсто. Подходя къ нему, онъ увидалъ полчище духовъ, состоявшее изъ восьми разрядовъ: они плакали о своей потерѣ. Духи, которые тотчасъ замѣтили его, схватили его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ уйти. Послѣ того, они стали увѣрять другъ друга, что непремѣнно онъ укралъ ихъ мѣшокъ и за это хотѣли умертвить его. Но одинъ изъ посившихся въ воздухѣ духовъ сказалъ другимъ: «Что такое смерть? этого мало. Лучше вотъ какъ наказать его: наложимте на него отвратительный знакъ, съ нимъ ему нельзя будетъ показываться людямъ.» Всѣ согласились съ нимъ, и начали одинъ за другимъ натягивать посъ, на который и принялись навязывать по узлу, такъ что восемь демоновъ навязали восемь узловъ. Послѣдній, одноногій демонъ, вскрикнулъ: «Ага! пришла и моя очередь!» Онъ сразу навязалъ ему девять узловъ вмѣсто одного, потомъ они отпустили его на волю, и всѣ восемь отдѣленій духовъ исчезли. Когда онъ пришелъ ночью домой, таща по

землѣ свой носище, жена съ испугомъ убѣжала отъ него, не слушая никакихъ просьбъ его. Напрасно онъ увѣрялъ ее, что онъ ея мужъ, что съ нимъ случилось уже такое безобразное несчастіе, и просилъ у нея пропитанія только на настоящее время, обѣщаясь, что потомъ онъ умретъ. Всѣ люди съ состраданіемъ спрашивали его, что съ нимъ случилось?

Въ это время жилъ въ горѣ, находившейся не вдалекѣ отъ него, одинъ отшельникъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ, чтобъ получить его благословеніе. Приглашенный лама началъ совершать священные обряды, посреди которыхъ замѣтивъ, что хозяинъ не можетъ поднять свой носъ, спросилъ его о причинѣ уродливости носа и велѣлъ показать его поближе. «Нѣтъ, сказалъ тотъ, не могу исполнить твоего приказанія, мое желаніе — только получить отъ тебя благословеніе, и потомъ спокойно умереть.» — «Ничего, сказалъ лама, покажи.» Наконецъ тотъ показываетъ носъ свой; лама съ испугомъ убѣжалъ отъ него, но потомъ опять пришелъ, тронутый просьбою носатаго, который принесъ ему подаянье и вмѣстѣ съ тѣмъ подробно разсказалъ о своемъ несчастіи, и просилъ, какъ бы освободиться отъ этихъ узловъ. «Нѣтъ средства, сказалъ лама, впрочемъ посмотрю въ книгѣ *), нѣтъ ли тамъ какого нибудь средства.» Но, тщательно поискавъ, онъ сказалъ: «Нѣтъ въ ней такого милосерднаго способа. Однакоже ты не долженъ отчаяваться, — не поднимай на себя рукъ.» — «До завтрашняго дня, проговорилъ тотъ, я готовъ исполнять твое приказаніе, а послѣ этого срока, если не отыщется никакихъ средствъ, мнѣ лучше предпочесть смерть жизни.»

Лама пришелъ домой и сталъ на досугѣ размышлять о средствахъ; наконецъ онъ смекнулъ дѣломъ, и на другой же день пришелъ къ тому и сказалъ: «Мѣшокъ съ молоткомъ, найденный твоимъ

---

*) Ламы постоянно носятъ съ собой за пазухой небольшую тетрадь, состоящую изъ статей разныхъ названій, чтобъ въ случаѣ просьбы мірянъ совѣтоваться съ нею, и дать отвѣтъ на вопросъ. Эта тетрадь называется Номъ. *Примѣч. переводчика.*

братомъ, можетъ освободить тебя отъ узловъ, а другихъ средствъ нѣтъ никакихъ.»

Тотчасъ-же носъ отправилъ жену свою къ брату, прося его придти съ мѣшкомъ и молоткомъ; но тотъ, опасаясь, чтобъ у него не отняли этихъ вещей, потребовалъ отъ него клятву въ вѣрности съ его стороны. Клятва произнесена, и тотъ, заткнувъ молотокъ за поясъ, отправился къ брату, котораго спросилъ: «Что съ нимъ?» — «Вотъ со мной случилась какая бѣда, сказалъ братъ, показывая ему носъ. Я, продолжалъ онъ, отдамъ тебѣ половину всего имущества и скота, если только ты избавишь меня отъ этого мученья своимъ молоткомъ: — замахнись имъ на мой носъ.» — «Правду ли ты говоришь? Не лучше ли написать тебѣ обязательство за собственной печатью?» Держа его въ рукѣ, онъ началъ замахиваться своимъ молоткомъ: «Да развяжутся узлы, отъ каждаго взмаха по одному.» Узлы развязывались, остался только одинъ. При послѣднемъ взмахѣ, жена брата вскричала: «Не надо больше развязывать, я вижу, это не трудно.» Она сдѣлала это для того, чтобъ избавиться отъ необходимости платить половину имущества и скота. Старшій братъ сказалъ на это: «Вы не захотѣли исполнять вашего обѣщанія, скрѣпленнаго печатью и подписомъ.» Съ этими словами онъ поспѣшно удалился. Сноха закричала ему вслѣдъ: «Нельзя оставлять одного узла неразвязаннымъ», погналась за нимъ, догнала его уже у самаго порога его дома, отняла у него заткнутые за поясъ топоръ и молотокъ, и побѣжала домой. Тотъ закричалъ: «Отняла!» и пустился за ней въ догонку, но та уже прибѣжала домой, и пробовала дѣйствіе молотка. Она била имъ такъ-же, какъ и деверь ея, приговаривая тѣже самыя слова, но разможжила черепъ своему мужу и убила его. Это произошло оттого, что она не знала ни мѣры, ни силы молотка.

Послѣ этого, всѣ богатства и земли поневолѣ перешли во владѣніе старшаго брата...»

Царевичъ воскликнулъ: «О, эта женщина! Она одна была причиной раздора двухъ родныхъ братьевъ.»

Лишь только произнесъ эти слова царевичъ, святой трупъ уле-

тѣлъ, говоря, что изо рта хагана вышелъ голосъ, и потому онъ не намѣренъ жить въ этомъ мірѣ.

ГЛАВА XV.

Опять по прежнему царевичъ шелъ, взваливъ на себя святой трупъ, который началъ разсказывать слѣдующую исторію:

«Въ давноминувшее время, на западѣ Индіи у одного царя былъ сынъ, по имени Тугусъ Билэкту (одаренный разумомъ). Этотъ царь отправилъ своего царевича-сына вмѣстѣ съ сыномъ одного своего вельможи въ Среднюю Индію, въ Вачирту-Оронъ (алмазная страна или Магада), для изученія премудрости, и далъ на дорогу имъ обоимъ полпудовки золота.

По прибытіи въ страну Вачирту-Оронъ, они выбрали въ учителя двухъ наставниковъ-ламъ, которымъ поднесли каждый посильный свой даръ, и остались каждый при своемъ учителѣ до двѣнадцати лѣтъ. Въ теченіе этого времени сынъ вельможи какъ-то предложилъ царевичу возвратиться на родину. Послѣ обоюднаго согласія, каждый изъ нихъ изъявилъ учителю своему намѣреніе оставить его и уѣхать домой, и, получивъ на то позволеніе, отправились вмѣстѣ въ дорогу, которая была дальняя.

Отъ недостатка въ водѣ они лежали, мучимые жаждою; въ это время одинъ воронъ, перелетая надъ ними, каркнулъ голосомъ: *гирэкъ*! Какъ только царевичъ услыхалъ этотъ звукъ, онъ сказалъ своему другу, что они найдутъ не вдалекѣ отсюда воду. Сынъ вельможи возразилъ: «Гдѣ здѣсь найдешь?» — «По голосу этого ворона, сказалъ царевичъ, я узналъ, что отсюда на югѣ за 500 шаговъ находится прекрасная чистая вкусная вода. Мы чрезъ нѣсколько времени увидимъ ее и будемъ утолять жажду свою.»

Оба путника отправились, и нашли за 500 шаговъ прекрасный ключъ; утоливши жажду свою, они взяли съ собой еще на дорогу, и продолжали идти далѣе.

Между тѣмъ сына вельможи мучила зависть. Онъ думалъ: «Я пользовался съ царевичемъ равнымъ количествомъ денегъ для расходо-

ванія ихъ въ дорогѣ и здѣсь; но онъ превзошелъ меня въ знаніи, а я столько не изучилъ мудрости.» Между тѣмъ настало время ночевать, — сынъ вельможи предложилъ своему спутнику провести эту ночь не въ степи, потому что опасно, воры могутъ ограбить, а на горѣ: тамъ менѣе опасно. Вотъ они и пошли на гору, и пришли въ густой лѣсъ, гдѣ сынъ вельможи убилъ царевича, который при смерти произнесъ одно слово: *Абарасика*.

Послѣ этого, сынъ вельможи отправился домой, и вблизи отъ города былъ встрѣченъ царемъ и вельможами. Царь, замѣтивъ отсутствіе своего сына, спросилъ: «Куда дѣвался царевичъ?» — «Онъ на дорогѣ скончался, сказалъ тотъ. Хаганъ, услышавъ столь горестное извѣстіе, съ воплемъ воскликнулъ: «О, многочисленные города мои, о, могущественное царство мое, вы всѣ осиротѣли!» Съ этимъ тяжкимъ огорченіемъ онъ воротился во дворецъ свой. Все это время онъ думалъ объ одномъ: «Неужели сынъ мой при смерти ничего не завѣщалъ!» Съ этой цѣлью онъ спросилъ сына вельможи: Что сказалъ царевичъ при смерти?» — «Царевичъ, отвѣчалъ тотъ, будучи одержимъ тяжкою болѣзнью, не говорилъ много; при смерти онъ произнесъ только: *Абарасика*.»

Царь, заключивъ, что въ этомъ словѣ есть особенное значеніе, призвалъ всѣхъ, находящихся въ великомъ государствѣ, мудрецовъ, мистиковъ, знахарей, гадателей, для объясненія этого слова *Абарасика*, но ни одинъ изъ нихъ не разъяснилъ. Царь съ гнѣвомъ сказалъ: «Вы не можете теперь объяснить значенія этого слова, произнесеннаго моимъ любезнымъ сыномъ; но я назначаю вамъ еще семь сутокъ сроку, чтобы вы могли тщательно отыскать въ вашихъ книгахъ, а потомъ, по истеченіи этого срока, растолковать мнѣ. Если не представите мнѣ его единогласно, тогда всѣ до единаго будете казнены въ одномъ домѣ.» Затѣмъ ихъ всѣхъ ввели въ одинъ домъ.

Здѣсь, въ продолженіе шести сутокъ, они не могли ничего придумать, почему многіе, ожидая на другой день казни, молились — кто Тенгріямъ, кто плакалъ при воспоминаніи о своихъ родителяхъ

и родныхъ. Въ это время одинъ изъ среды ихъ, тойнъ *) вышелъ никѣмъ не замѣченный, убѣжалъ въ лѣсъ, и спрятался тамъ у корня одного дерева. Между тѣмъ съ верхушки этого дерева слышался плачъ мальчика, отецъ котораго утѣшалъ его, говоря: «Сынъ мой, не плачь! завтра царь будетъ казнить тысячу человѣкъ, мясо ихъ кромѣ пасъ никто другой не станетъ ѣсть.» Черезъ нѣсколько времени тотъ же мальчикъ опять съ воплемъ жаловался на голодъ свой. Мать увѣщевала его, чтобъ онъ не плакалъ, и говорила, что завтра казнены будутъ хаганомъ тысяча человѣкъ, мясо и кровь которыхъ, кромѣ ихъ, никто не будетъ ѣсть. «За что, спросилъ этотъ мальчикъ, эти тысяча человѣкъ будутъ казнены?»—«За то, отвѣчалъ отецъ, что они не могли объяснить слова *Абарасика*. «А что оно значитъ?» спросилъ сынъ. — «Не трудно объяснить, говорилъ отецъ. Оно вотъ что значитъ: сердечный другъ мой ввелъ меня въ дремучій лѣсъ, тамъ повалилъ меня на землю, наступилъ на шею ногами и съ угрознымъ крикомъ отрубилъ мнѣ голову.».

Какъ только услыхалъ эти слова маленькій тойнъ, стремглавъ побѣжалъ въ городъ, съ разсвѣтомъ подошелъ къ дверямъ дома, гдѣ другіе товарищи его были заключены, и началъ въ барабанъ бить сигналъ. Привратникъ, пришедшій на бой, спросилъ, что онъ за человѣкъ и откуда? «Я, говорилъ тойнъ, товарищъ мудрецовъ, пустите меня къ нимъ.» Его пустили.

«Не безпокойтесь, друзья мои, сказалъ тойнъ, я объясню значеніе этого слова.»

Когда они были призваны предъ хагана на объясненіе, тогда они разсказали все, и какимъ образомъ дознали значеніе этого слова. Хаганъ, не сказавъ ничего объ этомъ сыну вельможи, велѣлъ ему только указать мѣсто, гдѣ его сына трупъ. Его наконецъ нашли, и отецъ похоронилъ его, а сынъ вельможи тотчасъ же казненъ; отца же его лишили его великаго сана, а мудрецы были почтены и награждены.

«Жалко, что убитъ царевичъ, сдѣлавшійся мудрецомъ въ пяти

*) Низшая степень духовнаго званія. *Примѣч. переводчика.*

отрасляхъ наукъ, сказалъ Сайнъ Амугулангъ Ябудалту.» — «Нѣтъ, не останусь жить въ этомъ мірѣ, потому что несчастный хаганъ вымолвилъ слово,» сказалъ святой трупъ, и улетѣлъ по небесному пространству.

ГЛАВА XVII *).

По прежнему царевичъ прибылъ на мѣсто, и, взявъ на плеча свои святой трупъ, пустился въ дорогу.

Однажды святой трупъ сказалъ царевичу, чтобъ онъ, для препровожденія долгихъ и скучныхъ дней, разсказалъ ему какую-нибудь интересную исторію. Видя, что царевичъ молчитъ, святой трупъ сказалъ: «Если ты согласенъ разсказывать, то кивни головой къ себѣ; если мнѣ предлагаешь, то кивни ко мнѣ.» Царевичъ въ знакъ своего несогласія кивнулъ къ нему головой, и святой трупъ началъ разсказывать:

«Давно, на югѣ Индіи, въ городѣ Табунъ-Минганъ (пять тысячъ), жилъ бездѣтный старикъ со старухой, у которыхъ ничего не было, кромѣ девяти коровъ. Старикъ былъ охотникъ до мяса, потому-то онъ съѣдалъ телятъ, какъ только коровы ихъ отелятся, а старуха питалась только молокомъ и масломъ, сбиваемымъ ею изъ молока ихъ коровъ.

Однажды старикъ сказалъ. «Число восемь и девять одно и тоже, а посторонніе едвали замѣтятъ, что у насъ восемь коровъ: скажутъ только — около девяти, стало быть можно попользоваться мясомъ одной коровы.» Онъ зарѣзалъ одну изъ девяти своихъ коровъ, съѣлъ ее, потомъ зарѣзалъ другую, приговаривая: «Восемь и семь одно и тоже.». Затѣмъ зарѣзалъ третью, четвертую и т. д., и дошелъ наконецъ до послѣдней, уговаривая при этомъ старуху свою тѣмъ, что число одно и два одинаково. Между тѣмъ старуха послѣ такого опустошенія не утерпѣла, взяла къ себѣ послѣднюю ко-

---

*) XVI-й главы въ подлинникѣ недостаетъ.

рову, которую вездѣ водила съ собой, боясь, чтобы старикъ безъ нея и эту не зарѣзалъ.

Какъ-то разъ старикъ напился пьянъ, и легъ спать; пользуясь этимъ, старуха отправилась за водой, оставивъ дома свою корову. Между тѣмъ, въ отсутствіе, жены старикъ всталъ и зарѣзалъ эту корову *). Старуха, увидавъ, что послѣдняя корова, доставлявшая насущный хлѣбъ, заколота, залилась горькими слезами. «Увы! послѣдняя кормилица — корова моя уже не существуетъ! чѣмъ я буду кормиться?» Съ этими словами она пошла прочь отъ старика, который поспѣшно отрѣзалъ у коровы вымя, и бросилъ въ старуху, проговоривъ: «На, возьми.» Та взяла его съ горестью, и удалилась въ пустыню, гдѣ долго скиталась, наконецъ нашла пещеру; здѣсь она начала, горько плача о своей участи, взывать въ молитвѣ къ тремъ драгоцѣнностямъ, духамъ неба и земли, которымъ выражала свое горестное положеніе такъ: «О, три драгоцѣнности, и небо и земля! умоляю васъ, ниспошлите мнѣ насущный кусокъ, похищенный моимъ старымъ мужемъ.» При этомъ она сильно ударила выменемъ о скалу, такъ что оно крѣпко къ ней прильнуло. Долго старуха пыталаеь отдернуть его отъ скалы, но всѣ труды ея были напрасны, наконецъ въ этомъ положеніи она принялась его доить, и получила молоко, которое взбила въ масло въ большомъ количествѣ.

Однажды старуха взяла одинъ мѣшокъ съ масломъ и отправилась къ старому своему мужу, говоря себѣ: «Какъ бы онъ не умеръ съ голоду.» Подходитъ къ дому, взобралась тихонько на его крышу, посмотрѣла отсюда въ отверстіе, находящееся въ потолкѣ, и видитъ, что старикъ занимается раздѣленіемъ кушанья, состоящаго изъ золы; онъ мѣрялъ ее деревянной ложкою. Кладя золу въ чашку, онъ самъ съ собой говорилъ: «Вотъ это я съѣмъ сегодня, а это завтра.»

Въ это время старуха сбросила съ крыши чрезъ отверстіе мѣ-

*) Природная жадность номадовъ здѣсь рѣзко выставлена; бываютъ неоднократно случаи, что бѣднякъ съ удовольствіемъ зарѣжетъ послѣднюю корову только чтобъ наѣсться до сыта, рѣшительно не думая о будущемъ.

Примѣч. переводчика.

шокъ съ масломъ, а сама поспѣшно удалилась. Обрадованный старикъ при видѣ такой находки подумалъ: «Ктобъ это далъ ему, небо, или земля?» Старуха же продолжала заботиться о немъ, и посѣщала его съ масломъ.

Однажды старикъ, послѣ одного изъ этихъ посѣщеній, смекнулъ, что это старуха заботится о немъ. Онъ далъ себѣ слово непремѣнно слѣдить за нею и напасть на ея слѣдъ. Выпалъ снѣгъ; старикъ, давно ждавшій такого благопріятнаго случая, тотчасъ отыскалъ старухины слѣды, оставшіеся на снѣгу, нашелъ по нимъ пещеру, потомъ старуху, масло и вымя, которое отрѣзалъ отъ скалы и сожралъ. Старуха, огорченная такимъ поступкомъ своего мужа, убѣжала отъ него прочь, а тотъ въ отсутствіи ея унесъ домой все масло.

Старуха пришла на долину *), гдѣ паслось стадо ланей, которое нисколько не встревожилось, хотя старуха и подошла къ нему. За тѣмъ она начала гладить каждую лань и подоила. Изъ этого молока взбила масло въ большомъ количествѣ. Съ этими ланями старуха долго жила. Она опять отправилась съ мѣшкомъ масла къ своему мужу **). Подходя осторожно къ дому она замѣтила, что онъ занимался раздѣленіемъ пищи изъ золы: онъ дѣлилъ ее деревянною ложкою, приговаривая: «Это на завтра, а это на послѣзавтра.» Увлеченный этимъ занятіемъ, онъ не замѣтилъ присутствія старухи, которая въ это время бросила къ нему мѣшокъ съ масломъ чрезъ трубу дома, и поспѣшно удалилась оттуда. Старикъ же на другой день пришелъ по слѣдамъ, оставленнымъ его женою на снѣгу, выпавшемъ въ эту ночь, на то мѣсто, гдѣ паслись лани. Какъ только завидѣлъ онъ это стадо ланей, вытащилъ ножъ и началъ пырять

---

*) *Куруши-укэкъ-цэнгэлъ.* Эти три слова вовсе мнѣ неизвѣстны въ сложности, хотя врозь имѣютъ каждое свое значеніе, неподходящее къ смыслу. Поэтому эти три слова переведены мною однимъ словомъ: долина.

Примѣч. переводчика.

**) Привязанность у номадовъ женъ къ ихъ мужьямъ и холодное пренебреженіе мужей къ женамъ здѣсь очень вѣрно очерчены. Старуха заботится о своемъ мужѣ, а онъ въ благодарность только на каждомъ шагу старается дѣлать ей вредъ.

Примѣч. переводчика.

всѣхъ ихъ, какъ ни попало. Огорченная старуха и отсюда убѣжала въ гору, потомъ въ пещеру, находившуюся на вершинѣ этой горы. Здѣсь она нашла кожу и мясо, которыми насытившись, стала искать себѣ тамъ убѣжища, гдѣ бы спрятаться, но такого убѣжища не было; она спряталась въ сѣно, лежавшее тутъ какъ бы для постели. Эта пещера была мѣстомъ собранія львовъ, тигровъ, медвѣдей и другихъ звѣрей, которые къ вечеру начали прибывать туда. Съ ними вмѣстѣ пришелъ и заяцъ, которому было поручено смотрѣть за пещерой. Онъ, не подозрѣвая присутствія старухи въ сѣнѣ, удивился, что оно трещитъ. Послѣ ужина онъ опять услыхалъ этотъ трескъ, и сказалъ барсу: «Дядя барсъ, что здѣсь такое?» — «Почемъ я знаю, отвѣчалъ тотъ, ты самъ долженъ знать, какъ управитель. Завтра утромъ посмотримъ, а теперь оставь». На другой день отыскана была старуха въ кучѣ сѣна, дядя барсъ разсердился на управителя-зайца, а старуху цѣликомъ проглотилъ. «Ну, какая польза, замѣтилъ на это заяцъ, проглотить старуху! Тогда какъ, еслибъ она была жива, она могла бы караулить этотъ домъ.» Барсъ согласился съ зайцемъ, и тотчасъ же выплюнулъ назадъ старуху. Ее вмѣсто зайца сдѣлали управительницею этой пещеры, и дали ей приказаніе никого не пускать туда.

Однажды старуха по старой привычкѣ опять отправилась съ ногой убитаго звѣря къ старику, занимавшемуся и въ этотъ разъ, какъ прежде, раздѣленіемъ золы, которую онъ глоталъ вмѣсто кушанья. Она бросила ему чрезъ трубу ногу, а сама убѣжала прочь. Старикъ при видѣ ноги воскликнулъ: «Ни небо, ни земля не дадутъ мнѣ, — это старуха, да, она!» Онъ и въ этотъ разъ отыскалъ убѣжище старухи въ пещерѣ. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда? сказала ему старуха; развѣ ты не знаешь, что здѣсь только одни звѣри собираются? Они кровожадны, съѣдятъ насъ обоихъ, ступай скорѣе домой». — «Отчего же именно они меня съѣдятъ? возразилъ старикъ; а тебя почему до сихъ поръ не съѣли? Нѣтъ, не пойду домой».

Старуха спрятала непослушнаго старика въ сѣно. Звѣри между тѣмъ ночью собрались и улеглись спать. «Дядя барсъ, закричалъ

заяцъ, въ нашемъ домѣ кто то есть?» — «Посмотри, сказалъ не трогаясь съ мѣста, дядя барсъ. Кто сюда придетъ, завтра посмотримъ.» — «Что-то шевелится, кричитъ опять заяцъ». — «Завтра съ разсвѣтомъ посмотримъ», сердито сказалъ дядя барсъ.

На другой день старикъ былъ найденъ и представленъ всѣмъ звѣрямъ, которые рѣшили судьбу стариковъ такъ: — «Сейчасъ же растерзать ихъ: если даровать имъ жизнь, то впослѣдствіи люди будутъ одинъ за другимъ являться сюда, и причинятъ намъ зло.»

Послѣ такого рѣшенія, они растерзали старика и старуху, и разошлись по любимымъ мѣстамъ...»

«Если не оставишь дурныхъ товарищей, сказалъ царевичъ Сайнъ Амугулангъ, то погибнешь самъ, какъ эта старуха.» — «Не буду жить въ этомъ мірѣ, потому что царевичъ вымолвилъ слово,» сказалъ святой трупъ, и улетѣлъ въ небо.

ГЛАВА XVIII.

Опять царевичъ отправился за святымъ трупомъ, и, взявъ его на свои плеча, понесъ домой. Въ продолженіе дороги святой трупъ разсказалъ царевичу слѣдующую исторію:

«На южной сторонѣ Индіи жилъ одинъ богатый человѣкъ, у котораго былъ только одинъ сынъ, да и тотъ великій дуракъ. Послѣ смерти своихъ родителей онъ женился на умной женщинѣ, и скотоводство его было въ хорошемъ состояніи. Онъ всегда сидѣлъ дома, даже не опоясывался *).

Однажды прибыло къ нему много купцевъ съ товарами, съ которыми жена его имѣла торговые обороты. По окончаніи торговли, проводивъ купцевъ, она на томъ мѣстѣ, гдѣ эти купцы жили, ос-

---

*) Т. е. отъ лѣности ничѣмъ не занимался и всѣмъ пренебрегалъ, даже не заботился о кушакѣ, какъ о единственномъ предметѣ по части нарядовъ для мущинъ; тогда какъ у Монголовъ и доселѣ самый послѣдній человѣкъ считаетъ главною обязанностію заботиться о кушакѣ.

Примѣч. переводчика.

тавила съ умысломъ крылья грифа. Возвратившись домой, она сказала своему мужу: «Отчего ты никуда не выходишь? Хотя ты и не умѣешь торговать, но сидьмя сидѣвши дома, ничего не пріобрѣтешь. Ты знаешь, что мущинамъ поле служитъ мѣстомъ находки и добычи; знаешь также, что имѣніе наше, оставшееся послѣ твоихъ родителей, если его не поддержать, истощится: чѣмъ тогда будемъ жить? Ты сегодня поди-ка со двора, да обрати вниманіе особенно на то мѣсто, гдѣ пріѣзжіе купцы останавливались.» Мужъ послушался жены, пошелъ на то мѣсто, гдѣ купцы останавливались, и нашелъ тамъ два грифовыхъ крыла. Тотчасъ же побѣжалъ онъ съ этой находкою домой, отдалъ ее женѣ, которой съ восторгомъ сказалъ: «На, вотъ тебѣ! Ты правду говоришь, что ничего не пріобрѣтешь, сидя дома. Съ завтрашняго дня я отправляюсь торговать; по сегоднишней находкѣ я чувствую себя способнымъ къ торговлѣ. Ты приготовь мнѣ для дороги нужный запасъ.» — «Нечего объ этомъ безпокоиться!» сказала жена, и приготовила нужные для дороги съѣстные припасы; навьючила осла пшеницею *), которою мужъ долженъ былъ торговать.

На другой день онъ отправился на этомъ ослѣ, и прибылъ къ скалѣ, находившейся на берегу одного великаго моря. Тутъ былъ притонъ разбойниковъ. Онъ нашелъ здѣсь для ночлега пещеру, у входа которой оставилъ осла, а самъ расположился повыше входа, и сталъ закусывать. Между тѣмъ пришли туда купцы, и расположились, оставивъ на одномъ мѣстѣ свои товары, а трубу положили выше входа пещеры, думая, что отсюда ее разбойники не украдутъ. Глупецъ закусилъ такъ, что сдѣлалъ непристойность, которая отозвалась въ трубѣ купцевъ, пришедшейся подлѣ него. Купцы испугались, и разбѣжались, думая, что разбойники нападаютъ на нихъ. На другой, день у этой пещеры не было ни одного изъ этихъ куп-

*) Осѣдлывать лошадь, осла, а также навьючивать рабочій скотъ не есть исключительная обязанность женщинъ. Но въ знакъ уваженія и покорности къ своимъ мужьямъ онѣ дѣлаютъ все, что тѣмъ нужно. Не только онѣ своимъ мужьямъ осѣдлываютъ лошадей, но встрѣчаютъ ихъ, чтобъ привязать лошадь къ столбу или пустить на траву. *Прим. переводчика.*

цевъ. Глупецъ забралъ всѣ ихъ оставшіеся товары, и уѣхалъ съ ними домой. Всѣ про него говорили, что онъ могучъ и силенъ, потому что одержалъ надъ врагами побѣду. Но жена его не вѣрила этому; она думала, что для этого у него не достанетъ ни мужества, ни силы. Она хотѣла узнать, какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ это добро. Мужъ между тѣмъ сказалъ ей, что онъ намѣренъ поохотиться. «Если ты желаешь охотиться, говорила ему жена, то не встрѣчай дурнаго человѣка.» — «Не знаю ни одного человѣка, говорилъ тотъ, который могъ бы противостать мнѣ!» — «Полно такъ ли! говорила жена; знаешь ли ты Сурья-багатура *); ты съ нимъ не сладишь, онъ тебя убьетъ». — «За меня бояться тебѣ нечего, я самъ не боюсь его.» Съ этими словами онъ сѣлъ на хорошую лошадь, и отправился.

Жена между тѣмъ переодѣлась въ мужское платье, опоясалась мечомъ, и опередила своего мужа, который и не замѣтилъ, что это его жена. Въ одной безлюдной степи онъ какъ только замѣтилъ человѣка, обратился въ бѣгство, не подозрѣвая, что это его переодѣтая жена. Она погналась за своимъ бѣжавшимъ мужемъ, поймала его и, ничего не говоря, вынувъ изъ ноженъ мечъ, показала видъ, будто хочетъ поразить его. Этотъ, съ покорностью слѣзши съ лошади, предложилъ ей свой лукъ съ стрѣлами. Жена, соскочивши съ лошади, сѣла верхомъ на мужа, и начала понукать его, какъ лошадь. Тотъ умолялъ ее о пощадѣ, предлагая ей свою лошадь. «Если ты, проговорила жена, поцалуешь у меня дѣтородныя части, тогда я тебя выпущу.» — Тотъ согласился; жена, снявъ штаны свои, заставила мужа поцаловать себя, и отпустила его. Тогда жена стала опоясываться колчаномъ и сѣла на лошадь, а мужъ горько заплакалъ, и спросилъ: «Не ты ли Сурья-багатуръ?» — «Да, я Сурья-багатуръ»; съ этими словами она ускакала.

Мужъ же пришелъ домой за полночь. «Гдѣ у тебя, спросила жена, лошадь, колчанъ, лукъ и стрѣлы?» — «Я цѣлый день, от-

---

*) *Сурья* вѣроятно слово санскритское, означ. солнце, а не монгольское, которое означаетъ: величіе, могущество. *Прим. переводчика.*

вѣчалъ тотъ, бился съ Сурья-багатуромъ.» Послѣ ужина, приготовленнаго изъ жаренаго зерноваго хлѣба *), она спросила его: «Разскажи-ка мнѣ, какъ ты сражался съ Сурья-багатуромъ, и каковъ онъ?» — «Сурья багатуръ, отвѣчалъ тотъ, очень похожъ на твоего отца, только безъ бороды **). У того человѣка два пола.» Жена расхохоталась...»

Царевичъ Сайнъ Амагулангъ сказалъ: «Что́ за дуракъ! не могъ даже отличить женщины отъ мущины!» — «Не намѣренъ я жить въ этомъ мірѣ, потому что несчастный царевичъ вымолвилъ слово!» Сказавъ это, святой трупъ улетѣлъ къ небу.

ГЛАВА XIX.

Снова отправился царевичъ за святымъ трупомъ въ благословенный лѣсъ, называемый Сэрэгунъ-укэгэрунъ-ой, откуда, взваливъ его на спину, понесъ домой. Въ дорогѣ святой трупъ разсказалъ исторію; вотъ она:

«Давно-давно, въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Индіи жилъ съ сыномъ бѣдный Сангасба ***). Онъ продавалъ дрова, и только ими доставалъ себѣ пропитаніе.

Однажды онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, взвалилъ на себя бревно и, спустившись съ горы, пришелъ къ муравѣ, находившейся среди ложбины, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Отдыхая здѣсь, отецъ промолвилъ своему сыну: «Хотя я у себя въ околодкѣ и пользуюсь

---

*) Жареныя зерна ѣдятъ всѣ Монголы. Они приготовляются очень просто: положатъ ихъ на сковороду и держатъ надъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока изжарятся до красна. Это кушанье употребляется впрочемъ болѣе для дѣтей; оно дается имъ какъ бы въ родѣ лакомства и забавы.

Прим. переводчика.

**) Здѣсь намекъ на обыкновеніе Татаръ бриться; можетъ статься, въ древности всѣ монгольскія племена имѣли этотъ обычай.

Примѣч. переводчика.

***) Неоконченное тибетское слово, означающее: «имѣющій хорошую славу.»

Примѣч. переводчика.

почетнымъ именемъ Сангасба, но оно нисколько не помогаетъ моей бѣдности; это все отъ того, что я похоронилъ отца своего не на приличномъ мѣстѣ. Ты, мой сынъ, похорони меня вотъ здѣсь, отъ этого ты сдѣлаешься богатъ и могущественъ, какъ сынъ хагана.»

При отцѣ Сангасбѣ, сынъ его ничему не учился, умѣлъ только сукна ткать. Разъ какъ-то онъ отправился собирать деревья; между тѣмъ отецъ въ отсутствіе его померъ. Сынъ, какъ завѣщалъ отецъ, похоронилъ его на указанномъ мѣстѣ, а на книги, оставшіяся послѣ отца, не обратилъ никакого вниманія, потому что не понималъ ихъ содержанія: онъ занимался только тканьемъ суконъ.

Однажды онъ изъ своего города отправился въ другой городъ, находившійся по ту сторону горы. Тамъ онъ промѣнялъ сукна на нитки. На возвратномъ пути, онъ остановился въ лѣсу, сталъ тамъ жить и занялся здѣсь тканьемъ сукна. Разъ какъ-то, будучи мучимъ голодомъ и жаждою, онъ собрался за водой, въ это время прилетѣлъ къ нему жаворонокъ, и сѣлъ на столбикъ токарнаго станка. Ткачъ убилъ его челнокомъ, и когда его, уже изжареннаго, сталъ ѣсть, то вспомнилъ слова отца своего, въ истинности которыхъ началъ сомнѣваться. Наконецъ принялся разбирать свое занятіе, и оно совершенно ему опротивѣло. Онъ захотѣлъ бросить это неблагородное ремесло; потомъ совершенно рѣшился сжечь всѣ инструменты и сегодня-же идти къ индѣйскому царю, просить руки его дочери. Все, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Отправился онъ къ индѣйскому царю, который въ это время, по случаю долгаго пребыванія дочери его въ путешествіи, велѣлъ совершить обрядъ надъ фигурою птицы Гаруди *). Эта Гаруди поставлена была на горѣ, находившейся недалеко отъ столицы. Она была обвѣшена разными шелковыми матеріями и обставлена разными

*) Этотъ обрядъ общеупотребителенъ у буддистовъ. Онъ совершается по случаю несчастія и болѣзни, причиняемой дракономъ. Такъ какъ Гаруди есть существо побѣждающее и смиряющее, то поэтому и прибѣгаютъ къ ея защитѣ.

Примѣч. переводчика.

явствами. Ткачъ принялся ихъ ѣсть; потомъ, снявъ съ фигуры всѣ шелковыя матеріи и положивъ ихъ за пазуху, отправился прямо къ царю.

Когда привратникъ не допустилъ его до царя, онъ началъ бить въ барабанъ казни (барабанъ, назначенный для сигнала казни и обнародыванія ханскихъ повелѣній), и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе царя, который спросилъ у привратниковъ: «Что это такое?» — «Какой то сумасбродъ, отвѣчали тѣ, желаетъ васъ видѣть; говоритъ, что у него есть дѣло до васъ.» — «Введите его сейчасъ ко мнѣ, сказалъ хаганъ, пусть онъ самъ объяснитъ мнѣ». Потомъ, когда ввели его, царь спросилъ, зачѣмъ онъ пришелъ и какое имѣетъ дѣло? «Я пришелъ, отвѣчалъ тотъ, просить у васъ руки вашей дочери.» Бывшіе тутъ сановники доложили царю, чтобъ онъ тотчасъ же приказалъ за эту дерзость казнить этого наглеца. «За что же казнить? сказалъ царь; развѣ онъ виноватъ, что проситъ руки моей дочери; тутъ я не вижу ничего особеннаго. Вѣдь женятся же нищіе на царскихъ дочеряхъ, цари тоже женятся на дочеряхъ нищихъ! Оставьте его здѣсь и не пускайте никуда отсюда.»

Послѣ того, царь тотчасъ отправился къ женѣ, и сказалъ: «Вотъ этотъ человѣкъ пришелъ къ намъ просить руки нашей дочери, какъ ты думаешь объ этомъ?» — «Накажи его за такую дерзость смертью, закричала разгнѣванная царица; экой сумасбродъ, откуда взялось у него столько дерзости!» — «За что же его бѣднаго казнить, сказалъ царь? По моему онъ вовсе не заслуживаетъ этого.» Тогда царь обратился къ пришедшей въ это время дочери: — «Этотъ вотъ бѣдный человѣкъ проситъ руки твоей, вѣрно ты не откажешься выйти за него.» — «Какъ не выйти, такой женихъ просто игрушка!» отвѣчала дочь. — «Если не пойдешь за него, сказалъ царь, какъ знать, какой послѣ женихъ попадется! Ты сама знаешь, дѣвица не должна гордиться своими родителями, и пренебрегать жениховъ.» — «Отецъ мой, неужели ты желаешь, чтобъ я была женою такого бѣднаго человѣка!» — «Да какого же ты хочешь жениха?» спросилъ ее отецъ. — «Сапожника, который бы умѣлъ шить шелковые и газовые сапожки.» — «Мы сейчасъ уз-

наемъ», сказалъ царь, и приказалъ тутъ же разуть ткача, въ сапогахъ котораго нашли шелковыя и газовыя матеріи.

Всѣ присутствующіе пришли отъ этого въ великое удивленіе и ничего не могли сказать царю противъ этого бѣднаго человѣка. Царь же между тѣмъ замѣтилъ: «Онъ не простой человѣкъ», и велѣлъ оставить его при себѣ. Царица же напротивъ замышляла погубить этого человѣка. Она опасалась, что постоянное присутствіе его со временемъ можетъ склонить царя на женитьбу его на ихъ дочери, и потому рѣшилась, во что бы то ни стало, погубить бѣдняка.

Съ этою цѣлью она однажды спросила его, какъ онъ желаетъ жениться на ихъ дочери: выкупомъ, или заслугой? — «У меня ничего нѣтъ, сказалъ тотъ, чтобы дать за нее выкупъ, и потому желаю заслужить.» — «Хаганъ, говорила царица, во враждѣ съ ханомъ Терсовъ, который уже съ войскомъ наступаетъ, такъ ты, если хочешь быть нашимъ зятемъ, отправляйся противъ нашего врага, и побѣди его.» — «Ладно; дайте мнѣ только хорошую лошадь, панцырь, лукъ и стрѣлы.»

Получивъ отъ царицы панцырь, лукъ, стрѣлы, да еще крѣпкаго вина и корма для лошади, запасъ для себя, онъ отправился противъ непріятеля. Бывшіе съ нимъ воины, державшіе подъ уздцы его лошадь, подъѣзжая къ непріятелю, пустили его сказавъ: «Ну, ступай теперь одинъ.» Не будучи въ состояніи удержать свою лошадь, онъ прискакалъ въ лѣсъ, ухватился тамъ за сукъ одного дерева, которое отломилось отъ корня и при паденіи задавило много непріятельскаго войска, расположившагося около этого дерева. Остальное же войско, при видѣ такого явленія, разбѣжалось, говоря, что этотъ человѣкъ не простой, а хубилганъ (магикъ). Бѣднякъ, собравъ послѣ разбѣжавшихся оставшіеся панцыри и лошадей, поднесъ царю.

Обрадованный царь тотчасъ же хотѣлъ отдать ему дочь свою; но царица остановила его, говоря, что эта заслуга еще не вполнѣ стоитъ руки ихъ дочери. «Какая же еще заслуга нужна съ меня?» спросилъ бѣднякъ. — «Въ одной изъ нашихъ окрестныхъ горъ есть

лисица, у которой на спинѣ круглыя пятна, въ ней длины 9 пядей; ты долженъ принести намъ ея шкуру.»

Получивъ лошадь, быка, лукъ, стрѣлы и дорожный запасъ, онъ отправился отыскивать звѣря. Много дней провелъ онъ въ розыскахъ, но безъ успѣха. Наконецъ бросилъ искать и поѣхалъ назадъ. Въ дорогѣ, уже бывши близко отъ дворца, онъ замѣтилъ, что потерялъ свой лукъ. Ему показалось неприличнымъ воротиться съ пустыми руками, а тѣмъ болѣе безъ лука. Онъ отправился назадъ по той же дорогѣ, по которой ѣхалъ, и сталъ искать лукъ, который былъ забытъ имъ на горѣ, гдѣ онъ отдыхалъ. Прежде чѣмъ дойти до этого мѣста, увидѣлъ онъ лисицу, которую считалъ убитою: она погибла отъ удара по лбу дугой лука, вдругъ выпрямившеюся когда она перегрызла тетиву. Содравъ съ нея шкуру, онъ поднесъ ее царю и царицѣ. Тѣ сказали, что если онъ исполнитъ еще третье ихъ требованіе, то непремѣнно тогда отдадутъ за него свою дочь. «А какое это требованіе?» спросилъ тотъ. — «На сѣверѣ есть семь монгольскихъ Албиновъ *) на семи лошадяхъ, ты представь ихъ намъ.»

Царская дочь приказала осѣдлать для ткача хорошо объѣзженнаго коня, и приготовить хорошій дорожный запасъ, а сама замѣсила изъ пшеничной муки тѣсто, и скатала семь шариковъ; кромѣ того, еще изъ ржаной муки скатала также семь шариковъ, и отдала какъ тѣ, такъ и другіе ткачу на дорогу.

*) Семь албиновъ (демоновъ) съ семью лошадьми, или на семи лошадяхъ представляютъ здѣсь просто семь монгольскихъ всадниковъ. Между тѣмъ эти семь албиновъ напоминаютъ существующій и понынѣ у буддистовъ обрядъ, называемый *доголанъ албину дзасалъ*. Вѣроятно, существовали въ древности семь отчаянныхъ наѣзниковъ изъ монгольскаго поколѣнія, наводившихъ своими набѣгами страхъ на живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними однородцевъ. Шаманское вѣрованіе причислило ихъ, послѣ смерти, къ своимъ онгонамъ (духамъ), какъ такія страшилища, которыя и съ того свѣта могутъ причинять имъ вредъ. Со временемъ, такое обожаніе укоренилось до того, что и буддизмъ не могъ искоренить его сразу, а ограничился только тѣмъ, что присоединилъ его къ своимъ обрядамъ. Но онъ далъ ему особую форму, болѣе подходящую къ буддійскому понятію и для этого составилась даже небольшая обрядная книга.

Примѣч. переводчика.

Въ дорогѣ, ткачъ во время почевокъ съѣдалъ по одному ржаному шарику; наконецъ онъ прибылъ въ монгольскую землю, расположился ночевать на одномъ пригоркѣ, вытащилъ изъ котомки пшеничные шарики и принялся ѣсть ихъ, будучи увѣренъ, что остались еще ржаные. Въ это время вдругъ очутились предъ нимъ семь монгольскихъ Албиновъ на коняхъ. Испугавшись внезапнаго ихъ появленья, онъ бросилъ шарики и пустился самъ бѣжать. Албины погнались за нимъ; между тѣмъ одинъ изъ нихъ сказалъ другимъ: «Что пользы за нимъ гнаться, оставимъ его въ покоѣ; воротимся лучше назадъ и возьмемъ его запасъ.» Тѣ согласились, и когда нашли эти семь шариковъ, съѣли ихъ, и всѣ до одного издохли: въ шарикахъ былъ сильнѣйшій ядъ. Ткачъ, замѣтивъ, что всадниковъ нѣтъ, воротился на это мѣсто, отобралъ здѣсь у мертвыхъ Албиновъ ихъ лошадей, семь панцырей, семь колчановъ съ луками, стрѣлами, и отправился къ царю, которому все это и представилъ. Царь былъ очень доволенъ, отдалъ ему свою дочь, посадилъ его на такой же тронъ, какой и у самого его былъ, собралъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и задалъ имъ превеликій пиръ. Въ заключеніе же надѣлилъ своего зятя половиною своего царства, и считалъ его за свое собственное сердце.....»

Какъ только царевичъ Сайнъ Ябудалту вымолвилъ: «А вѣдь отецъ Сангасба выбралъ для себя счастливое мѣсто! отъ того сынъ его теперь и благоденствуетъ», святой трупъ запѣлъ: «Нѣтъ, не буду жить въ этомъ мірѣ, изъ устъ несчастнаго царевича вышелъ звукъ», — и улетѣлъ къ небу.

ГЛАВА XX.

Царевичъ Сайнъ Амугулангъ Ябудалту отправился вслѣдъ за святымъ трупомъ, и, прибывъ къ дереву Амара, началъ топоромъ своимъ Цаганъ-Саранъ стучать о корень этого дерева. Святой трупъ сказалъ: «Не руби дерево, я самъ сойду», и когда слѣзъ, царевичъ взялъ его, и отправился съ кладбища Сэрэгуна въ дорогу, гдѣ слушалъ отъ святаго трупа слѣдующую исторію:

«На снѣжной горѣ, лежащей на южной сторонѣ Индіи, находилось львиное логовище, въ которомъ львица послѣ родовъ своихъ мучилась отъ сильнаго голода. Она было намѣревалась съѣсть даже своего львенка, но никакъ не могла рѣшиться на это. Наконецъ отправилась искать себѣ добычи у подошвы одной горы, гдѣ паслось стадо коровъ. Запахъ львицы онѣ всѣ почуяли, кромѣ одной, по имени Бала *). Львица схватила эту бѣдную корову, высосала изъ нея кровь, а мясо унесла къ себѣ. Теленокъ Бала пошелъ вслѣдъ за львицей, которая, когда пришла въ логовищу, легла, одурѣвъ отъ крови. Теленокъ вмѣстѣ со львенкомъ принялся ее сосать. Львица нисколько не противилась; она думала, что и онъ ея собственное дѣтище, потому что была еще одурѣлая.

Однажды львица подавилась костью какого-то дикаго звѣря, отъ чего и заболѣла. Лежа при смерти, она призвала къ себѣ двухъ своихъ сыновей, которымъ завѣщала: «Вы, дѣти мои, живите между собою согласно; если нападутъ на васъ непріятели, и, расчитывая, что вы надъ ними имѣете перевѣсъ, станутъ предлагать вамъ лестныя вещи, — не принимайте отъ нихъ никакихъ обѣщаній.» За тѣмъ она издохла.

Львенокъ послѣ смерти матери отправился въ лѣсъ, а теленокъ къ склону горы, между тѣмъ они каждый день у одной рѣчки сходились вмѣстѣ, и проводили здѣсь время въ играхъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, лисица, подбиравшая постоянно остатки растерзанныхъ львомъ звѣрей, замѣтила ихъ дружбу, и съ завистью сказала: «Этотъ проклятый быкъ завелъ дружбу со львомъ; онъ съ нимъ поровну будетъ дѣлить добычу, — это мнѣ невыгодно; я ихъ разрозню», — и съ этого времени стала втираться въ въ ихъ дружбу, чтобъ произвести между ними вражду. Какъ-то левъ, одурѣлый отъ крови растерзаннаго имъ звѣря, лежалъ; въ это время лисица прибѣжала къ нему, и, поджавъ хвостъ, опустивъ уши и не дотрогиваясь до мяса, лежавшаго около льва, остановилась. Левъ замѣтилъ ее. — «Ну что-же ты не ѣшь? сказалъ онъ

*) Навѣрно это тибетское слово *баланъ*. *Прим. переводчика.*

ей; ужъ не случилось ли чего съ тобой?» — «До ѣды-ли мнѣ! сказала лисица, у тебя есть врагъ, — это-то меня, твоего дядю *), безпокоитъ.» — «Перестань, ѣшь, у меня нѣтъ никакихъ враговъ.» — «Да, если не вѣришь словамъ дяди своего, такъ впослѣдствіи самъ увидишь, какая тебѣ угрожаетъ бѣда», — и съ негодованіемъ свернулась. — «Если такъ, сказалъ левъ, кто же этотъ непріятель?» — «Быкъ, отвѣчала та: онъ хочетъ тебѣ мстить за смерть своей матери.» — «Какъ? мы родные братья! Этого быть не можетъ.» — «Э, бѣдный племянничекъ, ты не знаешь, твоя мать дѣйствительно растерзала его мать.» — «Ну, мой истинный дядя, разскажи-же мнѣ, какъ онъ меня убьетъ.» — «Вотъ признаки: быкъ, вставши рано утромъ, начнетъ разрывать рогами землю, при этомъ потянется, и, опустивъ хвостъ, начнетъ мычать, — вотъ это-то и значитъ, что онъ хочетъ тебя убить.» — «Да, я буду остороженъ.»

Лисица тотчасъ оставила льва, прибѣжала къ быку, лежавшему послѣ сытнаго травянаго корма, и, съ слезами на глазахъ, съ опущенными ушами, поджатымъ хвостомъ, остановилась предъ нимъ. «Что съ тобой, лисица?» спросилъ быкъ. — «Мать ты моя, сказала та, я плачу отъ того, что у тебя есть врагъ, — это меня чрезвычайно безпокоитъ.» — «Да кто это такой? Я не знаю никакого врага, который бы мнѣ вредилъ.» — «На задней сторонѣ этой горы, сказала лисица, есть левъ, который желаетъ тебя растерзать, такъ какъ мать его сожрала твою мать.» — «Молчи ты: мы съ нимъ родные братья; никогда не можетъ онъ быть моимъ врагомъ.» — «Пожалуй не вѣрь моимъ словамъ; но если не будешь съ этого дня остерегаться его, такъ считай себя погибшимъ.» — «Ну, разскажи дядя, какъ узнать, что онъ хочетъ меня растерзать?» — «А вотъ какъ: — какъ только левъ утромъ встанетъ, потянется, распуститъ свою гриву, растопыритъ когти и начнетъ ими царапать землю — это и есть признакъ, что онъ хочетъ убить тебя.» — «Если такъ, я буду остороженъ.»

*) Монголы называютъ лисицу дядей всѣмъ звѣрямъ съ матерней стороны, а кошку съ отцовской. *Примѣч. переводчика.*

Съ этого же дня быкъ и левъ стали наблюдать другъ за другомъ, и на слѣдующее утро, замѣтя каждый тѣ самые признаки, о которыхъ лисица говорила, они разъярились, и когда сошлись на водопоѣ, левъ схватилъ быка за бокъ, а тотъ въ это самое время вонзилъ ему свои рога межъ ногъ, и оба въ одно время погибли. Причиною смерти ихъ было незнаніе своихъ природныхъ привычекъ, которыя они приняли за злонамѣреніе. Въ то самое время, когда погибли левъ и быкъ, съ небеснаго пространства послышался голосъ: «Не дружитесь съ злонамѣренными товарищами; причиной погибели льва и быка — лисица, съ которой они сдружились, тоже можетъ случиться и съ другими, если сойдутся съ злонамѣренными друзьями...»

Царевичъ Сайнъ вымолвилъ: «Злодѣйка лисица разлучила двухъ родныхъ братьевъ!» — «Несчастный царевичъ вымолвилъ; я не намѣренъ больше жить въ этомъ мірѣ!» сказалъ святой трупъ, и улетѣлъ.

ГЛАВА XXI.

Снова царевичъ отправился въ Сэрэгунъ-Укэгэрунъ-ой, нашелъ тамъ святой трупъ, и пустился съ нимъ, какъ и прежде, въ дорогу, гдѣ слушалъ отъ него слѣдующую исторію:

«Давно когда-то на рѣкѣ Алтанъ-Ухегэту (золотоносной), въ Непалѣ, на южной сторонѣ Индіи, жилъ старикъ со старухой. Сыновей у нихъ не было, только одна дочь была. Такъ какъ они уже были стары, то всегда заботились пріискать хорошаго жениха для своей дочери, который могъ бы управлять имѣньемъ ихъ. Въ это время, не вдалекѣ отъ нихъ, у бѣдныхъ стариковъ родился мальчикъ, котораго тѣ тотчасъ женили на своей дочери *); бѣдныхъ родите-

*) У Монголовъ женятъ не только младенцевъ, но еще и неродившихся, — напр. два друга, не имѣвшіе дѣтей, сойдясь, условливаются, что если у кого родится сынъ, женить на дочери, еще не родившейся, или, на оборотъ, выдать дочь за мужъ за сына, еще неродившагося. Это древнее обыкновеніе существуетъ и донынѣ, но не вездѣ. *Примѣч. переводчика.*

лей его наградили, отпустили домой, а мальчика оставили при себѣ.

Однажды сынъ бѣдняковъ отправился съ своей женой навѣстить своихъ родителей; но они не могли отыскать ихъ, скитались по улусамъ, наконецъ пришли въ одно государство, хаганъ котораго, собравъ всѣхъ нищихъ, раздавалъ милостыню по ихъ желанію, и въ заключеніе угощалъ всѣхъ ихъ хлѣбнымъ виномъ. Послѣ этого нищіе стали расходиться. Сынъ бѣдняка, бывшій въ числѣ этихъ нищихъ, сказалъ своей женѣ: «Въ этомъ мірѣ, если мы сдѣлаемся богатыми, на насъ наложится обязанность поднести дань хагану, да ухаживать за стадомъ. Если мы были-бы нищіе, то освободились бы отъ дани, и довольствовались-бы однимъ только подаяніемъ, были-бы независимы, и куда-бъ ни захотѣли ѣхать, туда-бъ и поѣхали; мы-бъ тогда не боялись ни воровъ, ни разбойниковъ, ни трудовъ, съ которыми сопряжено умноженіе домашняго скота и имѣнья. Развѣ это не наслажденье? Твои родители, напримѣръ, богаты; послѣ ихъ смерти мы наслѣдники всего ихъ имѣнья, можно-ли на прочность этого богатства надѣяться? Оно можетъ быть скоротечное.» Жена не хотѣла на это возражать мужу, согласилась съ нимъ, — и съ этого дня пошли по міру.

Въ одномъ городѣ жена, въ отсутствіе своего мужа, родила сына; при видѣ этого ребенка она подумала: «Родители мои богаты, лучше-бъ было мнѣ съ сыномъ идти къ нимъ жить; но какъ быть! если взять ребенка, я теперь не въ состояніи его нести, а оставить здѣсь, — такъ отецъ непремѣнно его убьетъ, а самъ уйдетъ пьянствовать по улусамъ. Нѣтъ, я покуда останусь еще здѣсь.»

Однажды она предложила своему мужу отправиться къ ея родителямъ выпросить у нихъ лошадь, чтобы возить на ней своего ребенка и совершенно предаться нищенству. Такое предложеніе понравилось мужу: они всѣ трое отправились по теченью рѣки Алтанъ-Унгэту и пришли на то мѣсто, гдѣ жили родители. Но ихъ уже не было на свѣтѣ, а изъ богатствъ ничего не осталось, — и такимъ образомъ странники отправились дальше.

Взойдя на одну высокую гору, они нашли клочекъ овечьей шерсти, валявшейся на муравьиной кучѣ. Собравъ здѣсь нѣсколько такихъ клочковъ, жена сказала: «Мы отдадимъ изъ этой шерсти соткать сукно. Отсюда видно множество кочевьевъ, такъ намъ можно здѣсь жить и кормиться рисомъ, который мы будемъ сбирать; между тѣмъ сукна наши увеличатся по мѣрѣ собиранія этихъ клочковъ, а сотканныя уже сукна продадимъ, выкупимъ осла, и будемъ на немъ возить нашего ребенка. Вотъ это такъ кажется недурная жизнь! Еще замѣть, надобно взять не осла, а ослицу — отъ нея родится осленокъ, — такимъ образомъ у насъ будетъ двое ихъ.» — «Правда, замѣтилъ мужъ, изъ одной выйдетъ двое.» — При этомъ мальчикъ проленеталъ: «На будущемъ осленкѣ я буду милостыню сбирать.» Мать, какъ только онъ сказалъ это, ударила его по головѣ, примолвивъ: «Что ты! ты переломишь у осленка спину.» Ребенокъ отъ этого удара померъ.

«Вотъ еще что, царевичъ, случилось, говорилъ святой трупъ. — Родители жены бѣдняка, думая о своей дочери и зятѣ, получили завалъ въ груди, отъ чего и умерли. Оставшійся послѣ нихъ скотъ сдѣлался добычею волковъ и шакаловъ; одинъ только ягненокъ спасся, который днемъ лежалъ въ норѣ, а ночью осторожно выходилъ отыскивать себѣ кормъ. Однажды, мимо этой норы перебѣжалъ заяцъ безъ разрѣза на верхней губѣ; замѣтя у самаго ея входа слѣды, онъ заключилъ, что въ ней непремѣнно должно быть какое нибудь существо. Ягненокъ между тѣмъ въ это время вылѣзъ изъ норы. «Кто ты такой?» спросилъ его заяцъ. — «Я ягненокъ, оставшійся послѣ одного богатаго человѣка, отвѣчалъ ягненокъ.» — «Куда хозяева твои дѣвались?» спрашивалъ заяцъ. — «Они умерли отъ завала груди, который получили отъ сильной думы о своихъ дѣтяхъ. Послѣ нечастной ихъ смерти несмѣтное число барановъ сдѣлалось добычей волковъ и шакаловъ. Я, несчастный ягненокъ, укрываюсь теперь отъ моихъ злодѣевъ, которые растерзали моихъ единородцевъ, въ темной норѣ; съ этого дня будь ты, заяцъ, моимъ покровителемъ.» Заяцъ отвѣчалъ: «Ты здѣсь не можешь жить; я тебя сведу въ стадо овецъ и козлятъ.» — «О ты, заяцъ, въ

состоянiи-ли ты, въ случаѣ нападенiя волковъ, защитить меня?» — «Ничего, не бойся. Я тебя представлю къ стаду.»

Такимъ образомъ они въ полнолуніе 15 числа отправились въ дорогу. На пути они нашли ткацкій челнокъ, который по приказанію зайца ягненокъ взялъ. Идя дальше, они нашли желтую заплатку, — ее также взялъ ягненокъ. Еще дальше, нашлась исписанная бумага, — и ее также ягненокъ взялъ. Наконецъ встрѣчается съ ними волкъ; при видѣ его заяцъ сказалъ ягненку: «Ты, ягненокъ, принеси мой тронъ и поставь, покрой его моимъ краснымъ ковромъ, да принеси письмо, которое я получилъ отъ луны 15 числа (полнолуніе).» Ягненокъ, приготовивъ все это изъ найденныхъ вещей, съ почтеніемъ посадилъ зайца на тронъ, и поднесъ ему письмо, которое заяцъ началъ громогласно читать: — «Письмо отъ Хормусты Тэнгрія. Оно дано счастливому, достопочтенному зайцу, мнѣ, чтобъ я представилъ небесному отцу моему Хормустѣ тысячу шкуръ зловредныхъ волковъ.» Потомъ онъ остановился, настороживъ свои длинныя уши, сталъ сурово смотрѣть на волка, который отъ него безъ оглядокъ подралъ во всѣ ноги. Заяцъ благополучно прибылъ съ ягненкомъ къ стаду, находящемуся въ Непалѣ, и оставилъ его тамъ....»

«Ай-да молодецъ заяцъ!» вымолвилъ царевичъ. Святой трупъ улетѣлъ, говоря: «Не намѣренъ я жить въ здѣшнемъ мірѣ, несчастный царевичъ проговорилъ!»

ГЛАВА XXII.

Послѣ этого царевичъ Сайнъ-Амугулангъ опять отправился въ Сэригупъ-Укэгэрупъ-ой за святымъ трупомъ, нашелъ его тамъ, и, взваливши на спину, понесъ какъ и прежде. Въ дорогѣ трупъ началъ разсказывать слѣдующую исторію:

«У Данбангъ-хагана харакитайскаго, живущаго на востокѣ Индіи, былъ одинъ сынъ. Этотъ сынъ, владѣя ханскимъ трономъ, ни разу не показывался никому изъ людей. Каждый день приводили къ нему по одному красивому мальчику, выбранному изъ народа, кото-

раго онъ заставлялъ убирать свои волосы, и потомъ убивалъ его. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, что онъ убивалъ мальчиковъ, и вотъ наконецъ очередь убирать его волосы дошла до одного мальчика, единственнаго сына старухи. Мать, сожалѣя объ участи своего сына, т. е. что и его убьютъ, надѣла на него бѣлую одежду и, засунувъ ему за пазуху приготовленный изъ муки и молока своей груди шарикъ, такъ напутствовала своего сына: «Когда ты будешь чесать волосы хана, то чеши ихъ, кушая этотъ шарикъ и ты останешься живъ.»

Послѣ этого мальчикъ пошелъ къ хану, и когда сталъ золотымъ гребнемъ расчесывать его волосы, то замѣтилъ, что уши у хана были похожи на ослиныя. Вотъ въ чемъ заключалась причина, почему ханъ убивалъ мальчиковъ, убиравшихъ его голову: онъ боялся, что кто-нибудь изъ нихъ передастъ объ этомъ другимъ. Убирая волосы хана, мальчикъ продолжалъ себѣ ѣсть шарикъ изъ муки и молока. «Что ты ѣшь?» спросилъ его ханъ. — «Рисовый хлѣбъ», отвѣчалъ мальчикъ. Ханъ попросилъ у него этого хлѣба; отвѣдавши его и найдя вкуснымъ и ароматическимъ, ханъ спросилъ, «Что въ него подмѣшано?» — «Молоко изъ грудей моей матери,» отвѣчалъ мальчикъ.

Вслѣдствіе этого, ханъ такъ думалъ про себя: «Я и онъ мы оба пили молоко отъ одной матери, и поэтому я не имѣю права убить этого мальчика: онъ мнѣ родной. Я тебя не убью, сказалъ онъ мальчику, но ты не разсказывай, что у меня ослиныя уши. Не сказывай даже своей матери, не то я велю тебя убить.» Мальчикъ поклялся не сказывать никому объ этомъ, и возвратился домой.

Между тѣмъ мальчиковъ, убиравшихъ волосы хана, продолжали убивать по прежнему. «Что за счастливецъ сынъ этой старухи», говорили всѣ съ удивленіемъ, и всячески допытывались, какъ это случилось, что онъ остался живъ. Но мальчикъ ни матери, ни постороннимъ не говорилъ объ этомъ ни слова.

Не разсказывая никому, что уши у хана не похожи на уши другихъ людей, а имѣя это только у себя въ мысляхъ, мальчикъ заболѣлъ тяжкою болѣзнью, такъ что ни лекарства, ни жертвопри-

ношенія не могли облегчить его страданій. Наконецъ, когда онъ былъ уже на смертномъ одрѣ, пригласили медика, который, пощупавъ его пульсъ, сказалъ, что у него душевная болѣзнь, и что лекарства не окажутъ ему никакой пользы; а чтобы исцѣлиться, ему нужно высказать кому нибудь то, о чемъ онъ такъ много думаетъ. Всѣ присутствующіе при этомъ посовѣтовали мальчику, не теряя времени, тотчасъ же высказать все, что у него на душѣ; если же не выскажетъ, то послѣ будетъ уже поздно.

Мальчикъ отвѣчалъ, что онъ ничего не имѣетъ на душѣ, что-бы слѣдовало ему высказать. Наконецъ онъ признался своей матери, что у него есть кое-что на душѣ, но боится открыть это другимъ, потому что за это будетъ казненъ ханомъ. «Въ такомъ случаѣ, говорила ему мать, ступай ты въ уединенное безлюдное мѣсто, и тамъ въ отверстіе какого-нибудь дерева, или камня, или наконецъ земли, вымолви то, что у тебя на душѣ.»

Сынъ пошелъ, и, найдя нору бурундука, нѣсколько разъ проговорилъ въ нее: «У нашего хана ослиныя уши», и отъ этого выздоровѣлъ. Бурундукъ, бывшій въ норѣ, услышавъ произнесенныя имъ слова, выбѣжалъ изъ поры и пропищалъ эти же слова, а вѣтеръ донесъ ихъ до слуха хана. Ханъ тотчасъ послалъ за мальчикомъ, и когда привели его къ хану, то сказалъ: «Я тебѣ приказывалъ никому не разсказывать, но тебя судьба поставила въ непріятное положеніе, оттого ты и разсказалъ.» Мальчикъ отвѣчалъ, что онъ самъ никому дома не говорилъ объ этомъ. «Нѣтъ, ты говорилъ это одному человѣку, и я самъ слышалъ. Еслибы ты не говорилъ никому, то какимъ же образомъ я могъ слышать?» Мальчикъ отвѣчалъ: «Возвратясь тогда домой, я тяжко заболѣлъ и на всѣ вопросы родственниковъ: что-бы такое это значило? я не отвѣчалъ ни слова. Послѣ этого, когда я былъ близокъ къ смерти, позвали лекаря, который, пощупавъ пульсъ, объявилъ, что у меня душевная болѣзнь, отъ которой можно вылечиться только высказавъ кому-нибудь то, что лежитъ у меня на душѣ. Я дѣйствительно выговорилъ эти слова въ нору бурундука, другому же ни-

кому не говорилъ, и эти зловѣщія слова кромѣ вѣтра, никто передать вамъ не могъ.»

Ханъ сознался, что эти слова донесло до него вѣтромъ и, не видя пользы отъ убіенія мальчика, сталъ просить его: нѣтъ-ли у него какого-нибудь средства противъ его ушей? Мальчикъ отвѣчалъ, что если онъ, ханъ, положится на слова его, то у него найдется средство. «Ты долженъ носить на головѣ своей шапку съ ушами, говорилъ ему мальчикъ, и въ обѣ стороны ея прятать свои уши, а также и всѣ находящіеся при тебѣ и приходящіе должны будутъ являться въ такихъ же шапкахъ.» Ханъ согласился на предложеніе мальчика, и шапка съ ушами вошла въ моду, а ханъ выигралъ отъ шапки то, что никто не могъ представить себѣ, что подъ этой шапкой скрываются ослиныя уши.

На другой же день у придворныхъ Дайбангъ-хана явились шапки съ ушами. Мальчикъ за такую выдумку былъ сдѣланъ чиновникомъ, и съ этимъ убіеніе мальчиковъ было оставлено. Народъ сталъ блаженствовать...»

Сайнъ Амугулангъ Ябудалту ханъ, при концѣ разсказа, сказалъ: «Изъ-за однихъ ушей хана сколько погибло народу! а этотъ мальчикъ уменъ.» Вслѣдъ за этими словами святой трупъ улетѣлъ къ небу, говоря: «Я не намѣренъ жить въ этомъ мірѣ, потому что изъ устъ несчастнаго хана вырвалось слово.»

ГЛАВА XXIII.

Снова царевичъ отправился за святымъ трупомъ въ Серегунъ-Укэгэрунъ-ой; поймавши его тамъ, взвалилъ на спину и по прежнему понесъ. Дорогой святой трупъ началъ разсказывать слѣдующую исторію:

«У одного царя, живущаго на востокѣ Индіи, было десять тысячъ городовъ и 30 министровъ. У него же еще были пляшущая золотая лягушка и искусно говорящій попугай, къ которымъ приставленъ былъ особенный человѣкъ, ходившій за ними. Каждый

день обоихъ учили ихъ искусству, потомъ представляли къ царю, котораго лягушка забавляла пляской, а попугай пѣніемъ.

Однажды къ царю пришелъ неизвѣстный человѣкъ, и въ присутствіи его началъ плясать и забавлять его разными играми. Царь, въ восторгѣ отъ этого, щедро наградилъ этого человѣка своими милостями, вслѣдствіе чего незнакомецъ вдругъ сказалъ, что у царя нѣтъ другаго любимца кромѣ него. На эти слова незнакомца приставъ при попугаѣ и лягушкѣ сказалъ, что лягушка и попугай ближе къ хагану. Поспоривши объ этомъ между собою, они на другой день пошли къ царю. Незнакомый пѣвецъ запѣлъ въ присутствіи царя, который, восхищаясь его пѣніемъ, вовсе не обратилъ вниманія на пляску лягушки.

Приставъ при лягушкѣ и попугаѣ, видя, что онъ проспорилъ пѣвцу, сконфузился и, воротясь домой, выпустилъ на волю пляшущую золотую лягушку: ее подхватила ворона и унесла. Расположившись на скалѣ, ворона хотѣла уже ѣсть лягушку, но эта обратилась къ воронѣ съ такими словами: «Если ты хочешь меня съѣсть, то прежде вымой меня въ водѣ, а потомъ и ѣшь.» Ворона согласилась на это, и спросила лягушку: «Какъ тебя зовутъ?» —«Имя мое Багатуръ-Сэткильту (твердая душа)», отвѣчала лягушка. Послѣ этого ворона взяла и пустила лягушку въ воду, вытекающую изъ пещеры скалы, а лягушка ушла въ пещеру. Ворона начала звать ее, крича: «Багатуръ-Сэткильту!» Лягушка отвѣчала ан это: «Не будь я умница, разлучилась бы съ своей драгоцѣнной жизнью; о трусости и храбрости моей пусть судятъ три драгоцѣнности», и съ этими словами прыгнула въ отверстіе скалы.

Между тѣмъ пришелъ человѣкъ, прежде стерегшій лягушку, и когда началъ копать и разбрасывать отверстіе скалы, лягушка ему сказала: «Начала источника ты не разрывай. Царь меня держалъ въ неволѣ, въ этомъ онъ не виноватъ. Хотя ты теперь и подвергнешься мученіямъ, но за то послѣ я тебя отблагодарю. Ну, слушай же, что я тебѣ разскажу: я была дочь Цаганъ-Лабай Тэткукчія *),

*) Имя одного изъ улусовъ. По тибетски оно значитъ *Хранитель бѣлой раковины.* *Прим. переводчика.*

царя драконовъ. Разъ пришла я посмотрѣть на купанье царской дочери, и меня въ это время зачерпнули золотымъ ковшемъ.»

Послѣ этихъ словъ, приставъ отправился домой, а по приходѣ узналъ, что попугая унесъ ястребъ. Царь разгнѣвался на пристава и приказалъ лишить его жизни. Сайнъ-Тушимэлъ доложилъ царю: «Если мы казнимъ этого человѣка, то къ намъ не придутъ ни плясуны, ни пѣвцы, не лучше ли выгнать его отъ себя?» Царь согласился на предложеніе Сайнъ-Тушимэла, и поэтому, нагрузивъ на одного буйвола съѣстные припасы, надѣвъ на пристава каменные сапоги, выгнали его въ сопровожденіи трехъ человѣкъ, которымъ не велѣно было возвращаться домой до тѣхъ поръ, пока не износятся каменные сапоги. «Положимъ, что я по дѣломъ страдаю, но за что же вы-то трое мучитесь со мною? Дай потру свои сапоги камнемъ, намочивши ихъ напередъ водой, и тогда они износятся,» сказалъ приставъ проводникамъ. Потомъ взялъ и началъ тереть свои сапоги камнемъ и они продырявились, вслѣдствіе чего провожатые воротились домой.

Приставъ повелъ своего буйвола далѣе, и, достигши берега большой рѣки, зарѣзалъ его, и питался его мясомъ, а когда мясо все кончилось, то онъ началъ вырывать его рогами коренья, которыми и питался.

Разъ онъ увидѣлъ, что летитъ сова *), держа во рту бѣлую змѣю. Снявъ съ себя поясъ и закусивъ его въ ротъ, онъ погнался за ней. «Изъ твоего рта огонь запылалъ, сказалъ онъ ей, и когда съ этими словами онъ взялъ и бросилъ на землю закушенный имъ поясъ, то сова тоже уронила изо рта змѣю. Онъ поднялъ, и, покрывши своей шапкой, положилъ ее на траву. Потомъ изъ этой рѣки выѣхали на лошадяхъ цари драконовъ на берегъ и не нашли того, чего искали. Тутъ же вдругъ явился, на бѣлой лошади, одѣтый въ бѣлую одежду, бѣлый человѣкъ, который обратился къ этому изгнаннику съ слѣдующими словами: «Есть царь драконовъ, по имени Цаганъ-Лабай-Тэткукчи, онъ потерялъ своего сына

*) Въ другомъ мѣстѣ Гаруди.

и не можетъ найти, не видѣлъ ли ты его?» — «Какой былъ твой сынъ?» спросилъ его приставъ. «Сынъ мой былъ бѣлый змѣй,» отвѣчалъ бѣлый человѣкъ. — «Если такъ, то я освободилъ бѣлаго змѣя отъ птицы Гаруди, которая летѣла, держа его во рту.» — Приставъ отдалъ ему сына его, а царь, взявши съ радостію своего сына, повелъ въ свой дворецъ этого человѣка. По случаю найденія царскаго сына, собрались къ нему всѣ царевичи драконовъ, и былъ заданъ радостный пиръ. Не могши болѣе тутъ жить, этотъ человѣкъ пожелалъ возвратиться. «Ты мнѣ сдѣлалъ добро, сказалъ ему царь, во первыхъ ты освободилъ мою дочь, и потомъ нашелъ единственнаго моего сына. Въ знакъ своей благодарности я дарю тебѣ красную суку, пеструю кошку *) и раковинную палку.» Потомъ повелъ его на берегъ рѣки и сказалъ: «Если у тебя не будетъ какихъ вещей или пищи, то тебѣ стоитъ только постучать этой раковинной палкой, тотчасъ явятся всѣ роды явствъ предъ тобой. Отъ тебя родятся четыре царя, которые будутъ повелѣвать Джамбутибомъ.»

Этотъ человѣкъ отправился съ провожатымъ, ведя за собой суку, которая ночью превращалась въ дѣвицу и дѣлалась его женой, а днемъ ходила въ собачьей шкурѣ.

Однажды, въ отсутствіе своего мужа, она сбросила съ себя собачью шкуру, и въ видѣ прекрасной дѣвы пошла купаться на рѣку. Въ это время мужъ сжегъ ея собачью шкуру. Возвратясь домой, дѣва сказала своему мужу: «Ты теперь не можешь при себѣ имѣть меня,» и говорила ему разныя подобныя рѣчи, которыя тревожили его. Послѣ этого, когда она опять пошла купаться, то у ней вырвалось нѣсколько волосъ изъ головы и они поплыли по водѣ. На устье рѣки пришла царская служанка за водой, и ей въ ковшъ попались эти волосы. Она вытащила ихъ. Волосы эти были пяти розовыхъ цвѣтовъ и исполнены семи драгоцѣнностей. Служанка пошла къ царю и представила ему эти волосы. «Изъ этихъ волосъ видно, что у истока этой рѣки есть дѣвица-красавица, сказалъ царь,

*) Въ подлинникѣ — *Эріенъ Мирiелакчи* — значеніе этого слова мнѣ не извѣстно — я перевелъ его по смыслу: «кошка.» *Прим. переводчика.*

и велѣлъ отправиться туда съ войскомъ и представить ее къ нему. Войско отправилось вверхъ по рѣкѣ. Жена того человѣка, увидѣвъ войско, сказала своему мужу: «Намъ невозможно идти вмѣстѣ. Нѣтъ другаго средства, кромѣ того, что черезъ годъ я буду тебя ждать въ одномъ мѣстѣ и въ извѣстный срокъ: а именно, 15-го числа 12-го мѣсяца я выйду на вершину скалы. Ты же, надѣвши на себя яргакъ изъ шкуры сороки, приходи ко мнѣ, пляши и забавляйся, а я уже знаю, какую употребить тутъ уловку.»

Между тѣмъ пришло войско и увело ее къ царю. Послѣ этого тотъ человѣкъ, по словамъ женщины, поймалъ сороку, снялъ съ нея шкуру, изъ которой и сдѣлалъ себѣ яргакъ.

Нарядившись въ это платье, онъ въ 15-е число 12-го мѣсяца, именно въ то время, какъ царь и царица были на скалѣ, подошелъ къ скалѣ, и когда началъ плясать, то царица засмѣялась. Царь на это ей сказалъ: «Въ продолженіе года, что я для тебя ни дѣлалъ, ты никогда не смѣялась, теперь же смѣешься надъ игрой такого гадкаго человѣка!» — «Я смѣюсь надъ этимъ человѣкомъ, потому что онъ надѣлъ этотъ яргакъ. Если-бы царь надѣлъ его, то сколько бы я смѣялась!» отвѣчала царица. Царь согласился съ словами царицы, велѣлъ позвать кверху этого человѣка, надѣлъ на себя его шубу и самъ пошелъ внизъ.

Воспользовавшись этимъ, царица тотчасъ же сдѣлала этого человѣка царемъ и объявила: «Если придетъ сюда человѣкъ въ вывороченномъ на изнанку платьѣ, и будетъ называть себя царемъ, то спустить собакъ и не пускать его сюда.» Вслѣдъ за этимъ пришелъ въ сорочьей шубѣ человѣкъ, называя себя царемъ, но на него напустили собакъ и тотчасъ убили.

Въ эту ночь у царя родилось четыре сына. Старшій сынъ перевелъ для Тэнгріевъ и людей священныя книги на 1000 языковъ, воздвигъ безчисленное множество храмовъ и прославился подъ именемъ духовнаго царя Индіи. Сынъ помоложе былъ мужественъ и силенъ; онъ однимъ выстрѣломъ клалъ на землю по четыре быстрыхъ человѣка: этотъ царевичъ извѣстенъ подъ именемъ Баринъ-Чидакчи Эркэту, царя монгольскаго. Третій изъ нихъ извѣстенъ

подъ именемъ Гэсэръ-Хана, начальника несмѣтнаго войска, которое онъ испускаетъ изъ волосъ, находящихся у него на тѣлѣ. Четвертый извѣстенъ подъ именемъ Барсъ Ирбисъ (тигръ и леопардъ) *).

Въ то время Джамбутибъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Въ то время и былъ доставленъ святой трупъ Нагарджунѣ. Теперь трупъ и домъ кладбищенскій, находящійся въ пещерѣ скалы Сэрэгунъ-ой, на величественной горѣ южной Индіи, извѣстны подъ именемъ Шидиту-Алтанъ. Они до сихъ поръ существуютъ. Вотъ какая была причина увеличенія святости и жизни людей, распространенія дѣятельности и вѣры во всѣхъ странахъ.

*) Названіе персидскаго шаха, царя богатствъ, посылающаго въ одинъ день четыре каравана въ четыре страны, и черезъ это достающаго драгоцѣнность Чинтимани, удовлетворяющую всѣмъ желаніямъ.

Прим. Переводчика.

ВЕЛИКОРУССКІЯ ЗАГАДКИ.

I.

Значеніе загадокъ въ народномъ быту и поэзіи.

Загадки существуютъ у всѣхъ народовъ и съ самаго давняго времени. Уже о Самсонѣ разсказывается въ Библіи, какъ онъ загадалъ соотечественникамъ своей невѣсты загадку, сюжетъ для которой далъ ему разорванный имъ на дорогѣ левъ:

«Отъ ядущаго изыде ядомое, и отъ ядомаго сладкое [1])?»

Между Самсономъ и Филистимлянами было условлено, что *если они не отгадаютъ загадки въ продолженіи семи дней, то должны дать ему тридцать праздничныхъ платьевъ и тридцать рубашекъ, и на оборотъ*. Филистимляне не могли отгадать, и, боясь убытка, старались узнать разгадку черезъ невѣсту. Невѣста спрашивала Самсона и плакала семь дней; наконецъ онъ ей сказалъ; она передала соотечественникамъ. Въ исходѣ седьмаго дня, до захода солнца, Филистимляне пришли къ Самсону и сказали разгадку. «Духъ

[1]) По еврейски, загадка имѣетъ довольно правильный размѣръ и аллитерацію. Ср. въ нашемъ сборникѣ № 1254.

Божій сошелъ на Самсона», онъ вышелъ къ Аскалону, убилъ на дорогѣ 30 мужей, взялъ ихъ платье и рубашки и отдалъ отгадавшимъ загадку.

Вообще видно, что у семитическихъ народовъ было въ обычаѣ при загадываніи загадокъ брать деньги съ побѣжденной стороны. Такъ въ Библіи говорится, что Саломонъ загадывалъ загадку царю Хираму — тотъ *не могъ отгадать и долженъ былъ заплатить* значительную сумму денегъ; но потомъ одинъ Тиріецъ отгадалъ и въ свою очередь предложилъ Саломону загадку, которой тотъ не могъ рѣшить и долженъ былъ много заплатить Хираму. — Вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе загадокъ служило у семитическихъ народовъ, какъ и у другихъ, признакомъ мудрости. Когда всюду прошелъ слухъ о *мудрости* Саломона, то царица Сабская пріѣхала испытать его *загадками*. Такъ сынъ Сираховъ говоритъ въ похвалу объ одномъ ученомъ, что онъ изучаетъ скрытыя тайны и занимается загадками.

Въ древней Греціи загадка является уже въ старинномъ преданіи о сфинксѣ. Гера, супруга Зевса, разсердившись на Ѳиванцевъ, послала, въ наказаніе имъ, сфинкса, чудовище съ *дѣвичьей головой*, женскими грудями, тѣломъ льва или собаки, съ крыльями, и съ хвостомъ дракона. Оно говорило человѣческимъ языкомъ и основавъ свое мѣстопребываніе на горѣ близъ Ѳивъ, предлагало мимопроходящимъ слѣд. загадку:

«Какое животное ходитъ утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ ногахъ?»

и за тѣмъ *всякаго, кто не могъ отгадать ее, оно умерщвляло*. Это напоминаетъ наше повѣрье о томъ, что *русалки* защекочиваютъ *до смерти того, кто не можетъ отгадать ихъ загадокъ*. Въ настоящее время загадка сфинкса извѣстна чуть-ли не всѣмъ народамъ [1]), а тогда никто не могъ отга-

---

[1]) См. нашъ № 1626. Закревскаго, малорусск. заг., № 185 (въ «Старосвѣтскомъ Бандуристѣ); Schiefner, въ Mélanges russes, 1856, т. 3, стр. 281—293, Sechzig burjatische Räthsel, № 5; Friedreich, Geschichte des Räthsels, стр. 88 и пр.

дать ее и уже многіе Ѳиванцы были умерщвлены сфинксомъ. Царь Креонъ, сынъ котораго Гелонъ сдѣлался жертвой сфинкса, предложилъ царство и руку своей дочери Іокасты тому, кто разгадаетъ загадку. Тогда явился Эдипъ и разрѣшилъ ее такъ:

«Это человѣкъ, который дитятей ползаетъ на рукахъ и ногахъ; возмужавъ ходитъ на двухъ ногахъ, а подъ старость беретъ посохъ.»

Какъ только загадка была отгадана, сфинксъ *низвергнулся съ горы и погибъ*. Такимъ образомъ Ѳивы освободились отъ этого чудовища, а Эдипъ получилъ царство и Іокасту въ супруги [1]).

Что загадки съ древнѣйшихъ временъ употреблялись въ Греціи, это показываетъ и то, что — по словамъ Геродота — уже Гомеру была предложена мальчикомъ-рыбакомъ слѣд. загадка:

«Что мы ловимъ и бросаемъ прочь, и что не бросаемъ, а съ собой беремъ?»— *Вошь*.

Такъ Эзопу приписывается загадка:

«Есть большой храмъ; въ этомъ храмѣ столбъ съ двѣнадцатью городами; изъ нихъ каждый поддерживается 30 балками, а эти тридцать балокъ обходятъ двѣ женщины».— *Свѣтъ, годъ, мѣсяцъ, дни, — день и ночь*.

Подобнаго же рода загадка приписывается Клеобулу Линдскому, одному изъ семи мудрецовъ:

«Одинъ отецъ; у него 12 дѣтей; каждое дитя имѣетъ дважды тридцать различныхъ дѣтей; одни бѣлыя, другія черныя, всѣ безсмертнаго бытія, однакожъ всѣ исчезаютъ». — *Годъ* [2]).

Не говоря о многихъ греческихъ мудрецахъ и поэтахъ, сочинявшихъ загадки, впрочемъ не имѣвшія такого распространенія, какъ вышеприведенныя — скажемъ только, что и впослѣдствіи въ Греціи загадки были въ большомъ ходу

---

[1]) Ср. Ey, Harzmärchenbuch, стр. 64—74.
[2]) Ср. № 207 и др.

и былъ обычай загадывать ихъ на пирушкахъ. Кто отгадывалъ загадку, получалъ какое-нибудь вознагражденіе; кто не отгадывалъ, долженъ былъ въ наказаніе пить вино, смѣшанное съ солью или вообще пить что-нибудь невкусное.

Мы уже упомянули, что съ древнѣйшаго времени загадка считалась какъ у семитическихъ, такъ и у другихъ народовъ признакомъ мудрости. Такъ въ Скандинавской Эддѣ Одинъ и Торъ пытаютъ загадками великановъ, дѣйствительно ли они такъ умны, какъ объ нихъ говорятъ. Такъ въ Шахъ-намѣ шахъ узнаетъ отъ звѣздочетовъ, что Саль будетъ богатыремъ, который не будетъ имѣть равнаго въ боѣ — и онъ спѣшитъ испытать его загадками; а когда тотъ выдержалъ испытаніе, шахъ обрадовался и сдѣлалъ пиръ. Такъ въ одной финской сказкѣ образованность дѣтей узнается загадками. Водяной царь получилъ вмѣсто обѣщанныхъ ему царскихъ дѣтей — двухъ простыхъ. На дорогѣ домой, онъ спросилъ у дѣтей: «что слаще всего?» Медъ, отвѣчали дѣти. — «А что мягче всего?» Пуховая подушка. — «Что жестче всего?» Камень. — «Что горьче всего?» Жидкая смола. — «Нѣтъ ,сказалъ водяной царь, вижу, что вы не царскія дѣти». Отвезъ ихъ назадъ и сталъ отыскивать царскихъ дѣтей; наконецъ нашелъ ихъ и отправился домой. На дорогѣ онъ спросилъ у нихъ: «что слаще всего?» — Матернее молоко [1]), отвѣчали они. — «Что мягче всего?» Лоно матернее. — «Что жестче всего?» Отцовское сердце [2]). — Послѣ этихъ отвѣтовъ водяной царь убѣдился, что они точно царскія дѣти [3]).

Вѣроятно, у германскаго племени существовалъ въ старину обычай загадывать загадки путешественникамъ, странникамъ, которые нуждались въ гостепріимствѣ, можетъ быть,

---

[1]) Ср. въ нашемъ Сборникѣ № 829.

[2]) Was ist weicher als ein Kissen? *Der Mutterschoosz*. Was ist süsser als Honig? *Die Muttermilch*. (Hupel, Estnische Sprachlehre. Mitau, 1818 г., стр. 172.)

[3]) См. мои матеріалы для изученія народной словесности, в. I, стр. 83. Cd Müllenhoff, Sagen, Märchen und Lieder, стр. 384—5.

для того, чтобъ знать: достойны ли они гостепріимства; можетъ быть, изъ одного желанія обмѣна свѣдѣніями съ путешественникомъ, много видѣвшимъ и слышавшимъ на своемъ пути. На это указываютъ нѣкоторые памятники древне-нѣмецкой письменности, напр. принадлежащая къ XIV ст. Tragemundslied [1]).

Намекъ на это есть и въ древней Эддѣ, гдѣ *путешествующій* Одинъ, являясь къ Вафтруднiру, говоритъ, что *онъ далеко странствовалъ и нуждается въ пріемѣ*. Вафтруднiръ проситъ его садиться и начинаетъ загадывать загадки. Мы не будемъ говорить объ этомъ препираніи Одина съ Вафтруднiромъ, потому что оно хорошо извѣстно русскимъ читателямъ изъ многихъ статей г. Буслаева; укажемъ только на сходную съ нимъ сагу о Гейдрикѣ.

«Король Гейдрикъ, бывшій въ юности очень дикъ и необузданъ, подъ старость сталъ хорошимъ правителемъ и рѣшалъ всѣ дѣла справедливо. Прежде всегда судили короли и часто наказывали смертью всякаго, кто имъ не понравится. Чтобъ прекратить это, Гейдрихъ учредилъ судъ изъ двѣнадцати честныхъ и опытныхъ людей и далъ клятву: никого не судить иначе, какъ *судомъ двѣнадцати и прощать всякаго, кто загадаетъ королю загадку, которой тотъ не сможетъ отгадать*. Однако король Гейдрикъ былъ такъ уменъ, что отгадывалъ всѣ загадки. Былъ въ той странѣ одинъ богатый мужъ, по имени Гестеръ, слѣпой. Онъ много разъ дѣлалъ проступки противъ короля, и вотъ однажды послалъ Гейдрикъ къ нему и потребовалъ его къ себѣ. Конечно, это не предвѣщало Гестеру ничего добраго. Онъ принесъ жертву Одину и просилъ у него помощи. Тогда богъ услыхалъ его и пошелъ вмѣсто Гестера, въ его видѣ, къ королю; напомнилъ ему его клятву прощать всякаго, кто загадаетъ королю загадку, которой тотъ не можетъ отгадать — и просилъ позволить ему загадать нѣсколько загадокъ. Ему позволили. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ, предложенныхъ имъ:

---

[1]) Friedreich, Geschichte des Räthsels, стр. 135—135.

Гестеръ. Кто строитъ на высокой горѣ? Кто падаетъ въ глубокія долины? Кто живетъ безъ тѣла и души? Кто никогда не молчитъ? *Гейдрикъ*. На горѣ строитъ орелъ. Роса падаетъ въ глубокія долины. Безжизненная рыба живетъ въ водахъ. Не молчитъ шумящій водопадъ. (Ср. вода, нашъ № 111.)

Гестеръ. Четыре идутъ, четыре висятъ, два указываютъ дорогу и защищаютъ отъ собакъ; одинъ виситъ сзади? *Гейдрикъ*. Это корова... (Ср. № 611—617).

Гестеръ. Кто двое вмѣстѣ тащатся? Вмѣстѣ имѣютъ два глаза, десять ногъ, одинъ хвостъ. Такъ ѣдутъ они черезъ страну. *Гейдрикъ*. Это Одинъ, ѣдущій на Слейпнирѣ, на хорошей лошади съ осмью ногами. (Ср. нашъ № 96.)

Наконецъ видитъ Гестеръ (Одинъ), что король Гейдрихъ разгадалъ всѣ его загадки и задаетъ послѣднюю: что сказалъ Одинъ своему сыну Бальдеру, когда этотъ былъ несенъ на костеръ? На этотъ вопросъ Гейдрикъ, конечно, не могъ отвѣчать, такъ какъ сказанное могъ знать только Одинъ; потому Гейдрикъ уразумѣлъ, что въ видѣ Гестера къ нему явился самъ Одинъ, и вскричалъ: «это знаешь только ты, оборотившійся волшебникъ!» Въ гнѣвѣ король выхватилъ свой мечь и бросилъ въ него; но Одинъ обернулся соколомъ и вылетѣлъ въ окно; Гейдрикъ однакожъ попалъ въ выдающіяся перья хвоста и съ тѣхъ поръ соколъ имѣетъ расколотый хвостъ.»

И такъ, эта сага говоритъ, что загадка употреблялась въ древнегерманскомъ быту какъ средство для прощенія. Въ этомъ родѣ есть нѣсколько нѣмецкихъ сказокъ, но какъ-будто книжнаго происхожденія: каждый разъ, когда судьи не могли отгадать предложенную преступникомъ загадку, они должны были простить его. Напримѣръ:

«Одинъ бѣдный преступникъ былъ приведенъ для смертной казни. Когда его втащили на эшафотъ, то онъ далъ знакъ и просилъ слова. Ему дозволили. Тогда анъ сказалъ слѣдующую загадку: «высоко я висѣлъ, поймалъ семь живыхъ и видѣлъ одного мертваго. Отгадайте, господа, что это; а если не можете отгадать, то подарите мнѣ жизнь.»

Думали, думали судьи и не могли рѣшить. Наконецъ они простили его съ тѣмъ, чтобы онъ разрѣшилъ загадку. Тогда онъ сказалъ: когда я былъ вздернутъ, то я увидалъ на висѣлицѣ гнѣздо съ семью воронятами, которые ѣли тѣло моего предшественника» [1]).

Подобнаго рода значеніе загадка имѣетъ въ циклѣ сказокъ о Семилѣткѣ, или мудрой дѣвѣ [2]). Подняли два брата тяжбу за телушку, пришли судиться къ воеводѣ. Воевода и говоритъ имъ: вотъ отгадайте три загадки! *кто отгадаетъ, того и телушка!* (мои Великор. сказки в. 1, стр. 31.) Загадки были такого рода: что всего быстрѣе? что въ свѣтѣ жирнѣе? что всего милѣе? — Богатый отвѣчалъ: быстрѣе всего конь, жирнѣе боровъ, милѣе жена (вар. внучекъ Иванушка). Бѣдный же, по словамъ дочери, сказалъ, что «быстрѣе всего мысль (вар. вѣтеръ); жирнѣе всего земля; милѣе сонъ.» [3]) Узнавъ, что мудрые отвѣты сказаны бѣдному Семилеткой, онъ задаетъ ей нѣсколько хитрыхъ порученій и наконецъ приказываетъ, чтобы она пришла къ нему ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на саняхъ, ни на телѣгѣ, ни нага, ни оболочена, чтобъ принесла ни подарокъ, ни отдарокъ. Семилѣтка одѣлась въ мережу, пришла къ воеводѣ на лыжахъ и принесла ему голубя. Голубь вырвался изъ рукъ воеводы и улетѣлъ (стр 34). *Тогда воевода женился на ней.*

Въ извѣстной русской пѣснѣ гостиный сынъ загадываетъ дѣвицѣ семь загадокъ и *если она отгадаетъ, то бу-*

---

[1]) Simrock, die deutschen Volksbücher, 7 томъ, стр. 341. Ср. также стр. 342—344. Ср. Гриммовъ, сказки № 22, гдѣ упоминается *двѣнадцать* судей. Ср. Аѳанасьева, нар. русск. сказки, в. 6, стр. 175. Въ Сомадевѣ, чрезъ разрѣшеніе загадки получаетъ жизнь (изд. Брокгаузъ, ч. 1, стр. 38).

[2]) См. мои великорусскія сказки, в. 1-й, № 6. Памятники при Русскомъ Словѣ, т. 1, стр. 49—52; Караджича, № 25; Гримма, № 94; Schleicher, № 1; Colshorn, № 26. Аѳанасьева, в. 6, стр. 175—184. Ср. также Рыбникова пѣсни, т. 2, стр. 234—6, и Якушкина письма изъ Новгор. и Пск. губ., стр. 156.

[3]) Въ варіантѣ четвертая загадка: что всего мягче? Богатый: подушка. Бѣдный: рука. См. въ нашемъ сборникѣ: *рука*.

детъ его женой [1]). Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ пѣсняхъ молодецъ обѣщаетъ жениться на дѣвицѣ, если она отгадаетъ всѣ его загадки:

Скажи мнѣ: который король безъ земли?
Которая земля безъ песку?
— Карточный король безъ земли,
Вода въ глазахъ безъ песку...
Погашенный огонь безъ жару,
Сломанная шпага безъ конца... [2]) и т. д.

Было и на оборотъ, т. е. загадывала дѣвица и если молодецъ отгадывалъ — она выходила за него за мужъ. На это указываетъ загадка въ нашемъ сборникѣ, № 1103:

Днемъ какъ обручъ;
Ночью какъ ужъ.
Кто отгадаетъ,
Будетъ мой мужъ [3]).

Въ сказкахъ, царевны часто выходятъ за мужъ только за того, кто отгадаетъ ихъ загадки, а если вызовется да не отгадаетъ, лишается жизни [4]). Такъ въ одной русской сказкѣ царевна говоритъ отцу: «позволь мнѣ, батюшка, отгадывать загадки; у кого отгадаю, тому чтобъ голову ссѣкли; а если не отгадаю, за того за мужъ пойду.» Многіе являлись; она у всѣхъ отгадывала; всѣхъ казнили. Поѣхалъ Иванъ дуракъ и на дорогѣ видитъ хлѣбъ, въ хлѣбѣ лошадь; онъ выгналъ ее кнутикомъ, чтобы не отаптывала и говоритъ: «вотъ загадка есть!» Ѣдетъ дальше, видитъ змѣю, взялъ ее, закололъ копьемъ и думаетъ: «вотъ другая загадка»; пріѣхалъ и загадалъ: «ѣхалъ я къ вамъ; вижу на дорогѣ

---

[1]) Снегирева, Русск. нар. праздники и обряды, т. 2, стр. 101—2 и т. 4, стр. 8. Ср. Метлинскаго, стр. 363—364.

[2]) Simrock, die deutschen Volksbücher, т. I. стр. 348—349.

[3]) Ср. малорусскую и польскую загадку у Закревскаго въ Старосвѣтскомъ Бандуристѣ, № 133.

[4]) Аѳанасьева, в. 2-й, № 20; примѣчанія. См. Гриммовъ, № 22; Ey, Harzmärchenbuch, стр. 45—55; 64—74.

добро; въ добрѣ-то добро-же; я взялъ добро-то, да добромъ изъ добра и выгналъ, добро отъ добра изъ добра убѣжало». «Ѣхалъ я къ вамъ; на дорогѣ вижу зло, взялъ его да зломъ и ударилъ: зло отъ зла и умерло» [1]). Царевна не могла отгадать, и должна была выйти за мужъ за дурака.

Въ народномъ бытѣ загадка и въ настоящее время играетъ замѣчательную роль при свадьбахъ. Въ Псковской губерніи жениховъ поѣздъ не впускается въ избу невѣсты дотолѣ, пока не разгадаютъ всѣхъ предложенныхъ подругами загадокъ. Потому при выборѣ дружекъ руководствуются пословицей: «выбирай такого дружку, чтобъ загадки разгадывалъ» [2]). Въ Ярославской губ., Пошехонскомъ уѣздѣ, селѣ Давшинѣ, существуетъ такой обычай: «Дружка является въ день свадьбы въ домъ невѣсты, подлѣ которой на жениховомъ мѣстѣ сидитъ человѣкъ, называемый *продавцомъ* невѣсты. Дружка проситъ его «пожаловать ему невѣсту и уступить мѣсто».

Продавецъ. Друженька, голубчикъ! я тебѣ такъ не уступлю мѣста и даромъ не отдамъ невѣсты, а коль хочешь — купи! Какъ ты у меня будешь торговать: на загадки идешь аль на золоту казну?

Если дружку извѣстны загадки и какъ ихъ разгадывать, то отвѣчаетъ: «иду на загадки».

Продавецъ. Какая стрѣча попала тебѣ первая, когда ты входилъ сюда?

Дружка, вмѣсто отвѣта, крестится.

Продавецъ. Почему ты христіаниномъ называешься?

Дружка. Потому, что я вѣрую въ Господа нашего Іисуса Христа и содержу Его святой законъ.

Продавецъ. Друженька! дай ты мнѣ море съ берегомъ ровно, и чтобъ дѣнышко посеребрено.

Дружка, вмѣсто отвѣта, наливаетъ цѣлый ковшъ пива и на дно опускаетъ какую-нибудь монету; продавецъ вы-

---

[1]) Ср. въ нашемъ сборникѣ, № 619 и № 446.

[2]) Пословицы Даля, стр. 846.

пиваетъ все до дна и беретъ монету, которую послѣ отдаютъ невѣстѣ.

Продавецъ. Друженька! дай намъ поле: одное ржаное, другое яровое!

Дружка отдаетъ ему принесенные пирогъ и хлѣбъ.

Продавецъ. Скажи-ка мнѣ, друженька! Я видѣлъ: летѣли утки, поджаренные пупки.

Дружка отдаетъ ему привезенныя съ собой пряженицы.

Продавецъ. Дай ты мнѣ краше краснаго солнышка и свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца?

Дружка отдастъ ему икону.

Продавецъ. Друженька! Что такое: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?

Дружка подаетъ свѣчу.

Продавецъ. Дай ты мнѣ, чего у здѣшняго хозяина нѣтъ въ домѣ.

Дружка подводитъ къ нему жениха, которому продавецъ уступаетъ мѣсто и отходитъ прочь.

Продавецъ (отходя съ мѣста и держа въ рукѣ блюдо). Друженька! положи сюда то, что бы было любо всѣмъ краснымъ дѣвушкамъ.

Дружка кладетъ денегъ, сколько ему разсудится; дѣвицы, принявъ ихъ и поклонившись всѣмъ гостямъ, выходятъ на улицу, а гости вскорѣ послѣ того, взявъ невѣсту, уѣзжаютъ къ вѣнцу» [1]).

У забайкальскихъ Бурятъ есть обыкновеніе, что послѣ обѣда у новобрачныхъ собираются и проводятъ длинныя зимнія вечера въ игрѣ въ загадки. (Наше простонародье тоже преимущественно загадываетъ загадки на зимнихъ вечернихъ посидѣнкахъ.) Всѣ присутствующіе безъ различія пола раздѣляются на двѣ равныя части и соглашаются въ томъ, сколько разъ каждая половина можетъ разгадывать загадку, предложенную другой стороной. Потомъ задаютъ загадку, причемъ строго соблюдается однажды поставленное число отвѣтовъ. Если загадка не будетъ отгадана,

---

[1]) Этнографич. сборн., в. 2, стр. 22—23.

то та половина, которой она была предложена, теряетъ одного своего сочлена, и притомъ побѣдившая сторона удерживаетъ право загадывать новую загадку. Потомъ побѣдившая сторона приступаетъ къ продажѣ выданнаго ей и продаетъ его слѣдующими словами: «за выросшаго верблюда, за пять сумъ бадана (saxifraga crassifolia), за четырехлѣтняго быка, за четыре сумы бадана, за трехлѣтняго быка, за три сумы бадана, за сломанную иглу, за шелковое сукно безъ лоску, NN. этого человѣка я продаю; хочетъ ли кто его купить?»

Въ другое время, кромѣ зимнихъ вечеровъ, запрещено загадывать; а то скотъ будетъ выкидывать... [1]).

II.

Народная загадка, какъ форма поэзіи.

По формѣ своей, наши народныя загадки бываютъ двухъ родовъ; иногда онѣ состоятъ изъ одного вопроса:

Что безъ огня горитъ? — *Гроза.*
Что безъ рукъ стучитъ? — *Громъ.*
Что безъ кореньевъ?— *Каменъ.*

Большею же частью онѣ состоятъ изъ описанія характеристическихъ свойствъ предмета и во многихъ мѣстностяхъ употребляются съ присловіемъ: «что таковó:...». Напримѣръ:

Курица съ хохломъ,
Всякому поклонъ. — *Рукомойка.*
Заѣхать какъ въ ухабъ,
Не выѣхать никакъ.— *Могила.*

---

[1]) См. Mélanges russes, т. III, 1856 г., стр. 286—287.

Черенъ да не воронъ,
Рогатъ да не быкъ,
О шести ногъ безъ копытъ,
Идетъ — земли не деретъ. — *Жукъ.*

Такъ какъ иная характеристическая черта можетъ подходить ко многимъ предметамъ, то одна и таже загадка разгадывается различно. Напр., загадка:

Безъ рукъ, безъ ногъ,
На гору ползетъ?

разгадывается и 1) вѣтеръ, и 2) тѣсто, и 3) беременность, и 4) наводненье, и 5) опаливаніе полей, и 6) вообще огонь.

При описаніи характеристическихъ свойствъ, загадки часто прибѣгаютъ къ особенному словопроизводству. Напр.:

Живая *живулечка* на живомъ стульцѣ сидитъ, живое мясцо теребитъ. — *Грудной ребенокъ.*

Стоятъ вилы, на вилахъ буракъ, на буракѣ горшекъ, на горшкѣ *зѣвало*, на зѣвалѣ *сморкало*, на сморкалѣ роща, въ рощѣ свиньи. — *Человѣкъ.*

Стоитъ *стояка*, на стоякѣ *висяка;* ходитъ *ходяка*, проситъ у стояки висяки. — *Дубъ, желуди и свинья.*

Дваста *бодаста*, четыреста *ходаста*, одинъ *махтырь (вихляй)*, два *ухтырька*. — *Корова* (рога, ноги, хвостъ, уши).

Это же явленіе встрѣчается и въ загадкахъ другихъ народовъ; напр.

Трчи, трчи *трчулакъ;* виси, виси *висулакъ;* Бога моли трчулакъ, да отпадне висулакъ. — *Свинче и жирка* [1]).

C'etiri c'etirice, peta s'esta klapovice, sedma osma bodavice. — *Krava* [2]).

Народныя загадки имѣютъ обыкновенно вѣрный размѣръ и риѳму; напр.:

---

[1]) Сербскія загадки въ Сказаніяхъ русскаго народа, Сахарова, т. 2, № 118. Ср. Закревскаго, Бандуристъ, № 80; Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. 3, стр. 370.

[2]) Narodni slavonski obic'aju sabrani i popisani po Luki Jlicu, 1846 г., стр. 225, № 18.

Звѣрокъ
Съ вершокъ,
А хвостъ
Семь верстъ. — *Иголка.*

Иногда наши загадки вмѣсто обыкновеннаго окончанія принимаютъ риѳму на *я*:

Утка крякня, (вм.: — кнетъ)
Берегъ звякня, (вм.: — кнетъ)
Дѣтки бѣгутъ,
По свѣчкѣ несутъ. — *Церковь.*
Жилъ нероня,
Умеръ нероня,
Никто его не хороня. — *Горшокъ.*

Кромъ риѳмы загадки имѣютъ еще аллитерацію, для которой онѣ пользуются большею частью собственными именами:

Самъ Самсонъ,
Самъ мостъ мостилъ,
Безъ топора,
Безъ подклинья. — *Морозъ.*
Дѣдушка *Сидоръ*
Гнетъ бабушку *сидя*. — *Сонъ.*
Шла свинья *изъ Саратова*,
Вся она *исцарапана*. — *Тёрка.*
Стоитъ *Офрося*,
Ничего не *проситъ*. — *Свѣтецъ.*
Курочка *Софья*
Три года *сохла*. — *Гвоздь* [1]).

Вообще собственныя имена употребляются большею частью для риѳмы:

Нашъ *Фофанъ*
Въ землѣ *вкопанъ*. — *Столбъ.*

---

[1]) Вообще имя *Софья* въ загадкахъ всегда употребляется съ словомъ *сохнетъ:* бабушка *Софья* день и ночь *сохнетъ*. — *Заслонъ.* Старица *Софья* весь вѣкъ *сохла*. — *Колъ.*

Изъ всѣхъ другихъ частей эпоса загадка ближе всего подходитъ по своему небольшому объему къ пословицѣ. Нѣкоторыя загадки представляютъ переходъ отъ пословицы къ загадкѣ и потому могутъ быть отнесены и къ тѣмъ и къ другимъ. Напр.:

Корми меня до Ивана, сдѣлаю изъ тебя пана. — *Пчела.*
Съ живаго и мертваго деретъ? — *Попъ.*
«Ванька малый! гдѣ былъ?» — У Тули. — «Что видѣлъ?» — Алхирія. — «Въ чемъ онъ?» — Въ черной шуби и кольцо у губи. — *Медвѣдь.*
Кругомъ вода, въ середкѣ бѣда? — *Киренскъ.*

Тоже реченіе употребляется о Себежѣ и Мозырѣ, какъ пословица [1]). Загадка: въ городѣ рубятъ, къ намъ щепки летятъ? *(Письма, вѣсти)* — употребляется иногда въ видѣ пословицы: «у васъ дрова рубятъ, къ намъ щепки летятъ.»

Тоже явленіе и у другихъ народовъ. Напр., малорусская загадка:

Лыкомъ одѣтъ, лыкомъ подпоясанъ, на лыкѣ спитъ *(Москаль)*, — очень похожа на пословицу. Другой примѣръ, литовская загадка:

Выходитъ на шести, а домой возвращается на трехъ. — *Конный солдатъ, возвращающійся съ костылемъ.*

Задача находится въ тѣсной связи и съ другими частями эпоса; тоже міросозерцаніе, которое видно изъ загадки, постоянно можно встрѣтить и въ другихъ частяхъ эпоса. Напримѣръ:

Черное сукно лѣзетъ въ окно. — *Ночь.*

Эта малорусская загадка не имѣетъ себѣ варіантовъ въ извѣстныхъ намъ загадкахъ другихъ народовъ; но тѣмъ не менѣе тоже воззрѣніе на *ночь* мы встрѣчаемъ въ одной нѣмецкой сказкѣ, въ которой говорится, что въ прежнія времена существовала страна, гдѣ всегда была «*темная ночь и небо было распростерто, какъ черное сукно*, потому что тамъ никогда не выходилъ мѣсяцъ и не блистали звѣзды» [2]).

[1]) См. Пословицы Даля, стр. 361.
[2]) Гриммовъ, сказки, ч. 2, стр. 351, № 175.

Другой примѣръ. Наша загадка:

Не княжеской породы,
А ходитъ съ короной;
Не ратной ѣздокъ,
А съ ремнемъ на ногѣ;
Не сторожемъ стоитъ,
А всѣхъ рано будетъ.— *Пѣтухъ* [1]).

Для этой загадки мы тоже не имѣемъ варіантовъ въ загадкахъ другихъ народовъ, но въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ сказкахъ встрѣчаемъ точно такое же описаніе пѣтуха. «Старшій сынъ, получивъ отъ отца наслѣдство только одного пѣтуха, пришелъ съ нимъ на островъ, гдѣ люди не слыхали о пѣтухахъ. «Посмотрите — сказалъ онъ имъ — что у меня за гордое животное; у него краснаго яхонта *корона* на головѣ и *шпоры* какъ у рыцаря» [2]). Тоже воззрѣніе встрѣчаемъ и у Аристофана, писавшаго на простонародномъ аѳинскомъ языкѣ. Въ «Птицахъ» Фейстечеръ говоритъ отцеубійцѣ: тебя же я превращу въ «*пѣтуха* со *шлемомъ* и *шпорами* и поставлю въ ряды *воиновъ*.»

Кромѣ этого, загадки часто входятъ какъ составная часть въ пѣсни и сказки, чему уже мы имѣли примѣры въ предъидущей главѣ. Иныя пѣсни просто не имѣютъ никакого содержанія, кромѣ загадокъ. Приведемъ для примѣра слѣдующую сербскую пѣсенку:

Дјевојка сједи крај морп,
Пак сама себи говори:
«Ах, миле Боже и драги!
Има л'што шире од мора?
Има л'што дуже од поля?
Има л'што сладје од меда?
Има л'што драже од брата?»
Говори риба изъ воде:
И дјевойка, луда будало!
Шире је небо од мора,

---

[1]) Ср. Загадки Левшина, М. 1773, № 45.
[2]) Гриммовъ, сказки, № 70, стр. 372, ч. 1.

Дуже је море од поля,
Брже су очи од коня,
Сладји је шетјер од меда,
Дражи је драги од брата [1]).

Подобныя пѣсни есть у насъ и у другихъ народовъ [2]), но во всѣхъ такихъ пѣсняхъ загадка имѣетъ форму простаго вопроса. Наоборотъ въ сказкахъ, основанныхъ на загадкѣ, употребляются большею частью загадки описательной формы. Вотъ одна изъ сказокъ замѣчательныхъ въ этомъ родѣ:

«Жили были два богатыхъ купца: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ. Въ нѣкое время пріѣхалъ кіевскій купецъ въ Москву, свидѣлся съ своимъ пріятелемъ и говоритъ ему: «а мнѣ Богъ радость далъ — жена сына родила!» — А у меня дочь родилась! — «Ну-ка, давай по рукамъ ударимъ! какъ выростутъ, обвѣнчаемъ ихъ и породнимся.» — Ладно. Кіевскій купецъ вынулъ двадцать тысячъ и отдалъ московскому въ залогъ. — Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а дѣти ростутъ да ростутъ. Прошло осьмнадцать лѣтъ; московскій купецъ видитъ, что отъ стараго знакомца ни вѣсти, ни слуху и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кіевскій купецъ своего сына и говоритъ: «поѣзжай-ка ты въ Москву; тамъ есть озеро, на томъ озерѣ я поставилъ плёнку; если въ эту плёнку попалась утка — то утку вези; а ежели нѣтъ утки — то плёнку назадъ.» Купеческій сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву, ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужъ близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою же дорогою случилось ѣхать и полковнику, подъѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону? Увидалъ онъ купеческаго сына и спрашиваетъ: «ты куда ѣдешь?» — Въ Москву. «Зачѣмъ?» — Тамъ есть

---

[1]) Караджича, пѣсни, т. I, № 285.

[2]) Варенцова, пѣсни Самарскаго края, стр. 39—43; Volkslieder der Wenden, v. Haupt und Schmaler, ч. 1, стр. 177; ч. 2, стр. 69—70; Friedreich, стр. 143—9; Mélanges russes, т. 3, стр. 234—5.

озеро, въ томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ поставилъ мой отецъ плёнку, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ пленку утка — то утку возьми, а если утки нѣтъ — то пленку назадъ! — «Вотъ задача! думаетъ полковникъ; развѣ можетъ простоять пленка осьмнадцать лѣтъ? ну, пожалуй, пленка еще простоитъ, а какъ же утка-то проживетъ столько времени?» Думалъ, думалъ, ничего не разгадалъ: «какъ же, говоритъ, намъ черезъ рѣку переѣхать?» — я поѣду задомъ напередъ, сказалъ купеческій сынъ, погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски напередъ перемащивать; намостилъ и перебрался на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. «Ты гдѣ остановишься?» — спрашиваетъ полковникъ. А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ. Распрощались и повернули всякой въ свою сторону. Купеческій сынъ присталъ у одной бѣдной старухи; а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Тамъ его стали поить, угощать, о дорогѣ спрашивать. Онъ и разсказалъ имъ о купеческомъ сынѣ. Вотъ купеческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: «возьми кринку молока, ковригу хлѣба да лукошко яицъ; изъ кринки отпей, ковригу почни, изъ лукошка яйцо скушай; потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; розыщи тамъ купеческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море, или упало? полонъ ли мѣсяцъ или въ ущербѣ? всѣ ли звѣзды на небѣ, или скатились? Пришла служанка къ купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: «что море — въ своихъ ли берегахъ или упало?» — Упало. «Что̀ мѣсяцъ — полонъ или въ ущербѣ?» — Въ ущербѣ. «Что̀ звѣзды — всѣ ли на небѣ?» — Нѣтъ, одна скатилась [1]). Вотъ служанка воротилась домой и разсказала эти отвѣты купеческой до-

[1]) Упавшее море — отпитая кринка молока; мѣсяцъ въ ущербѣ — початая коврига хлѣба; скатившая звѣзда съ неба — яйцо, съѣденное изъ лукошка.

чери. «Ну, батюшка! говоритъ отцу купеческая дочь, вашъ женихъ мнѣ не годится; у меня есть свой давнишній — съ его отцемъ по рукамъ ударено.» Сейчасъ послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять, а полковнику отказали» [1]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами краткихъ народныхъ загадокъ, есть большія загадки, иногда подходящія формой къ сказкѣ; только онѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Вотъ примѣры, извѣстные намъ:

«Шелъ прохожій по полю и увидалъ, что мужикъ да баба жнутъ хлѣбъ; подошелъ къ нимъ и поздоровался: «Богъ помочь работать, или вы — братъ съ сестрой, или — мужъ съ женой.» — Нѣтъ, мы не братъ съ сестрой и не мужъ съ женой — отвѣчала женщина — а его мать моей матери была свекри, а ты, прохожій, ступай домой да смекни. *Отвѣтъ:* работали отецъ съ дочерью» [2]).

Или: «У старика вдовца было три молодца, три сына погодки, на ногу ходки, лицемъ гладки, на дѣло падки. Братья жили между собой дружно, большиной не считались, и когда пришло время жениться, въ одинъ день повѣнчались. Взяли по нраву, да и зажили на славу — куда было хорошо, да не на долго! — Спустя годъ послѣ свадьбы большой братъ овдовѣлъ, и черезъ полгода женился снова; но лишь только отошелъ столованью конецъ, какъ въ семьѣ появился новый вдовецъ — середній братъ. Этотъ по своей женѣ пуще большаго брата тосковалъ, и тотчасъ послѣ сорочинъ за себя пожилую вдовушку взялъ. — И придетъ же вѣдь такая бѣда — не прошло послѣ этого и двухъ годовъ, какъ большой братъ снова сталъ вдовъ! — Воля Божья,

---

[1]) Аѳанасьева, в. 5, № 49: «Сосватанныя дѣти». Другія сказки, основанныя на загадкахъ: Аѳан., в. 2, № 17; Wolf, Deutsche Hausmährchen, стр. 184; Haltreich, Deutsche Volksmährchen aus dem Sachsenlande, № 32; Гриммовъ, в. 3, стр. 299; Müllenhoff, стр. 390.

[2]) Изъ матеріаловъ, сообщенныхъ въ Этнографическое Отдѣленіе Географическаго Общества изъ Татауровской и Устьилимской волости Нерчинскаго округа.

молвилъ бѣднякъ, вѣдь еще не заказъ, да и женился третій разъ.

«Свадьбы дѣло веселое! Только та бѣда, что на семъ свѣтѣ не токмо жениться — умереть нельзя даромъ! Родись, крестись, женись, умри — за все подай деньги. Братья, сыгравъ шесть свадебъ и отправивъ трои похороны почти что за разъ, пообѣдняли. Но такъ какъ они были не той масти, которая, проживъ отцовское наслѣдство, сидитъ на печи да охаетъ, то и отправились всѣ трое туда, гдѣ скорѣе можно зашибить лишнюю копѣйку работой.

«По уходѣ братьевъ, жены ихъ остались дома на своей волькѣ, съ однимъ старымъ свекромъ; не могли прожить дружелюбно и одного дня! Согласные братья ушли изъ дому по утру, а у сводныхъ сестрицъ, около полудня, завязался между собой горячій споръ о томъ, которой изъ нихъ владѣть большиной въ домѣ.

«Меньшая невѣстка утверждала, что большина въ домѣ должна быть ея, потому что она прежде другихъ вступила въ семью и знаетъ всѣ домашнія дѣла, какъ свои пять пальцевъ. Средняя возражала, что большиной слѣдуетъ владѣть ей, и именно ей, по двойному старшинству ея въ домѣ; что меньшая должна уважать ее, какъ сестру старшаго брата, а большая почитать вмѣсто матери, потому что она если не вдвое, то по крайней мѣрѣ въ полтора раза старѣе ея. Третья, старшая по мужѣ и младшая по лѣтамъ, тоже стояла сама за себя, говоря: что большухой въ домѣ должна быть она, яко старшаго брата жена!

«Спору этому не было бы конца, если бы онѣ не хватились за умъ, и не попросили бы своего свекра — который по старости лѣтъ не входя ни въ какія дѣла, преспокойно пролеживалъ себѣ на печкѣ — разсудить ихъ милостиво.

«Которая разгадаетъ мою зададку, ту изъ васъ и Богъ благословитъ владѣть большиной въ домѣ — сказалъ имъ свекоръ, да и загадалъ загадку: *какой птицы голосъ дальше всѣхъ слышно?*

«На лету голосъ гуся слышенъ очень далеко» — сказала

меньшая. — «По зори голосъ журавля слышанъ дальше гусинаго» — возразила середняя.

«А я слыхала — молвила большая — когда залетитъ къ тебѣ птичка изъ-за моря, напой ее, накорми да ничего не возьми, то голосъ ея будетъ слышнѣе гусинаго и журавлинаго!» — Отгадайте же, которой изъ нихъ досталось большинство?» [1])

Подобно этимъ загадкамъ, въ сборникѣ нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (№ 160) есть слѣдующая сказка-загадка:

«Три женщины были превращены въ цвѣты, которые стояли на полѣ, однакожъ одна изъ нихъ могла ночью быть въ своемъ домѣ. Такъ, когда приближался день и она опять должна была идти къ своимъ подругамъ на поле и сдѣлаться цвѣткомъ, сказала она своему мужу: «если ты сегодня до полудня придешь и меня сорвешь, то я буду спасена и останусь при тебѣ.» Такъ и случилось. Теперь вопросъ, какъ ея мужъ узналъ ее, такъ какъ цвѣтки были совершенно одинаковы и безразличны? — *Отвѣтъ:* такъ какъ она ночью была въ своемъ домѣ, а не на полѣ, то на нее не пала роса, какъ на два другіе, поэтому узналъ ее мужъ.»

Что касается до сходства нашихъ народныхъ (краткихъ) загадокъ съ загадками другихъ народовъ, то нельзя не замѣтить, что вслѣдствіе существующаго съ древнѣйшихъ временъ обмѣна мыслей между народами, нѣкоторымъ загадкамъ посчастливилось получить громадное распространеніе, какъ напр. загадкѣ сфинкса или загадкѣ: въ одной бочкѣ два вина? — *Яйцо* [2]).

Вообще можно сказать, что нѣмецкія загадки ближе къ загадкамъ западныхъ славянъ, нежели къ русскимъ; что

---

[1]) Маякъ 1842, т. 6, матеріалы, 76—77.

[2]) Ср. Закревскаго, № 135; Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. 3, стр. 368, 401—407; Симрокъ, die deutsche Volksbücher, t. 7, das Räthselbuch, № 11; Sanders, das Leben der Neugriechen. 1844. № 10; Hupel, Ehstnische Sprachlehre, стр. 174; Шлейхера и др.

русскія довольно близки съ литовскими у Шлейхера и финскими, помѣщенными въ грамматикѣ Хупеля. Мордовскія же загадки, помѣщенныя въ грамматикѣ Альквиста, до того схожи съ русскими, что становится несомнѣннымъ переходъ русскихъ загадокъ къ этому народу. Нѣкоторыя изъ нихъ оставили очевидныя слѣды заимствованія съ русскаго; напр.:

Въ Москвѣ рубятъ, сюда щепки летятъ. — *Письма.*

Пало кольцо *боярской* дочери; мѣсяцъ увидалъ его, солнце подняло. — *Иней.*

Но финскія загадки съ острова Эзеля [1]) мало сходны съ русскими. Также чувашскія загадки, помѣщенныя у Михайлова [2]), указываютъ — за исключеніемъ немногихъ, можетъ быть заимствованныхъ отъ насъ — на совершенно особенное міросозерцаніе; напр.:

Маленькая женщина — мастерица боченковъ. — *Курица.*

Макаръ, Макаръ, Макарушка! Сегодня или завтра если не придешь, упаду да умру. — *Посѣвъ ячменныхъ зеренъ.*

Подъ печкой синій мѣшокъ повѣшенъ. — *Желчь внутри тѣла.*

Въ подполье виситъ масляная сума. — *Сердце.*

Въ избу длинный мужикъ идетъ. — *Лучь свѣта.*

III.

Главные періоды развитія великорусской загадки.

Народныя загадки представляютъ собою народную науку, циклъ народныхъ свѣдѣній о предметахъ, наиболѣе интересныхъ для народа: о физическихъ явленіяхъ, о предметахъ естественной исторіи и народнаго быта...

---

[1]) См. Beiträge zur genauern Kenntniss der estnichen Sprache, Pernau. 1814 г., 3 Heft, стр. 113—116 и heft 6.

[2]) Чувашскіе разговоры и сказки. Казань. 1853 г. Ср. также въ Mélanges russes, т. 3, 1856, стр. 286—292 бурятскія загадки.

Къ самымъ древнѣйшимъ загадкамъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ загадки миѳологическія. Хотя ихъ и не очень много, но онѣ драгоцѣнны тѣмъ, что представляютъ собой миѳъ съ разъясненіемъ его (разгадкой); отсюда понятна важность загадки при разъясненіи миѳовъ въ другихъ преданіяхъ. Примѣры:

Поле полянское,
Стадо лебедянское,
Пастухъ вышинскій. — *Небо, звѣзды и мѣсяцъ.*
Поле поликанско,
Кони Шерихански,
Самъ пастухъ —
Ракитовъ кустъ. — *Небо, звѣзды и мѣсяцъ.*
Красная дѣвушка въ окошко глядитъ. — *Солнце.*
Махнула птица крыломъ,
Покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ. — *Ночь.*
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. — *Громъ.*

Такъ какъ миѳологіи индоевропейскихъ народовъ очень близки другу другу, то понятно, что и миѳологическія загадки тоже:

Напр., наша: Лѣсомъ идетъ — не треснетъ, *водою — не сплюснетъ.* — *Мѣсяцъ.*

Сербск: *Сивацъ море прескочи, ни копита не скваси.* — *Мѣсяцъ* [1]).

Наша: Сивый *жеребецъ* на все царство *ржетъ?* — *Громъ.*

Литовск.: In der Ferne *wiehert ein Ross,* in der Nähe tönt der Zaum. — *Der Donnerschlag.*

Финская: Ein *Pferd wiehert* auf Dagen, die Stimme hört man hier im Land, der Zaum ist in Russland. — *Donner* [2]).

Болѣе многочисленный отдѣлъ народныхъ загадокъ относится къ естественной исторіи. Примѣры:

---

[1]) Въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова, № 100. Въ русскихъ загадкахъ мѣсяцъ тоже часто называется *сивымъ* жеребцомъ. Ср. у Илича,№ 164: Ste priko vode pride a nerokvasi se? *Sunce, vitar.*

[2]) Schleicher, стр. 195; Hupel, стр. 170.

Стоитъ Трошка
На одной ножкѣ;
Его ищутъ,
А онъ нишнетъ. — *Грибъ.*
Стоитъ гусь надъ водою,
Машетъ своей бородою. — *Тростникъ.*
Летитъ птица,
Не крылата,
Не перната:
Носикъ долгой,
Голосъ тонкой;
Кто ее убьетъ,
Человѣческу кровь прольетъ. — *Комаръ.*

Но самый многочисленный отдѣлъ составляютъ загадки, относящіяся до предметовъ народнаго быта.

Самъ худъ,
А голова съ пудъ. — *Безмѣнъ.*
Утка въ морѣ,
Хвостъ на заборѣ. — *Ковшъ въ водѣ.*
Безъ рукъ, безъ ногъ
Богу молится? *Колыбель.*
Маленькой Данилко
Въ петелку удавился. — *Пуговица.*
Весь міръ подпоясанъ,
Одинъ староста распоясанъ. — *Снопы и овинъ.*

Нѣкоторыя загадки, относящіяся къ быту, образовались изъ миѳологическихъ; напр.:

За моремъ огонь добро-ясно горитъ? *Мѣсяцъ.*

Въ другихъ мѣстностяхъ уже разгадывается: *Самоваръ* (вода и угли). Или загадка:

Гробъ пловетъ,
Мертвецъ реветъ, (поетъ,)
Ладанъ пышетъ,
Свѣчи горятъ. — *Туча, громъ, молнія.*

является въ позднѣйшемъ видѣ: плотъ пловетъ, попъ поетъ; ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ. — *Телѣга ѣдетъ, скрипитъ телѣга; паръ изъ лошадиныхъ ноздрей, глаза лошади;*

перемѣна разгадки объясняется тѣмъ, что громъ — по народному же міросозерцанію, даже по загадкамъ — называется конемъ.

Или: Шли козы по *калинову мосту*, увидали зорю, попадали въ воду. — *Звѣзды* (№ 431).

Изъ этой загадки, при посредствѣ другихъ, въ которыхъ звѣзды загадываются горохомъ, образовалась:

Катилися каточки по липову мосточку, увидали зорю, пометались въ воду. — *Горохъ варятъ*.

Большая часть загадокъ относительно предметовъ быта должны быть отнесены къ исторической эпохѣ; напр.

Бѣлое поле,
Черное сѣмя,
Кто его сѣетъ,
Тотъ разумѣетъ. — *Письмо* [1]).
Идутъ дѣвки лѣсомъ,
Поютъ *куролесомъ*. — *Погребеніе*.

Можетъ быть, слово *куролесъ* (т. е. киріе елейсонъ) здѣсь позднѣйшая вставка; можетъ быть, наоборотъ, загадка сложилась тотчасъ послѣ введенія христіанства, когда вошло въ обычай пѣть «карейлесы», духовныя пѣсни [2]), и самое слово: *лѣсомъ*, приставлено для риѳмы... Рѣшить пока довольно трудно.

Со введеніемъ Христіанства и письменности началось непосредственное проникновеніе въ народъ книжныхъ загадокъ. Наша древняя литература далеко не чуждалась загадки. Такъ, въ старинной русской повѣсти о купцѣ Басаргѣ, Несмѣянъ загадываетъ Борзомыслу слѣдующія загадки: 1) много ли тово или мало отъ востоку и до западу? «Тово, царю, ни мало ни много, день съ нощію; солнце пройдетъ весь кругъ небесный и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а нощію единою солнце пройдетъ отъ сѣ-

---

[1]) Эта загадка очень распространена. Ср. Закревскаго, № 185; Сербск. загадки у Сахарова, № 4; Илича, № 6; Шлейхера стр. 206; Sander, № 5.,

[2]) Буслаева, Очерки, т. 2, стр. 75—77.

вера до юга» [1]). Что днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ? — «То, царю, днемъ десятая часть солнцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а нощію десятая часть въ мірѣ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже солнцу зашедшу и не сіявшу» [2]). Такъ въ повѣсти объ Аполлонѣ Тирскомъ Тарсиса загадываетъ загадки Аполлону; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, сходныя съ находящимися теперь въ народѣ: «домъ славный, всему свѣту надобный, той домъ всегда кричитъ, господинъ же въ немъ молчитъ, съ господиномъ ходитъ и прибытки ему родитъ; мужъ безъ коня пріѣдетъ, господина рѣшеткою обведетъ; обведши, изведетъ, а домъ рѣшеткою и уйдетъ». И рече ей Аполлонъ: «не велико твое гадательство: домъ есть море или рѣка, иже шумитъ яко кричитъ; господинъ же, живущій въ немъ, рыба, яко есть безгласна, молчитъ; тамо рыбарь, кромѣ коня, въ лодницѣ пріѣдетъ и господина, рыбу, сѣтью обведетъ; обведши же, мрежею извлечетъ, а домъ, вода, утечетъ». Рече же она къ нему: «еще ми изъяви гаданіе сіе: четыре брата равно бѣгаютъ и ногъ у себя не имѣютъ, отца тяготу носятъ, ясти и пити не просятъ, алчуще гласятъ, и напаяеми молчатъ». И рече Аполлонъ: «сіе гаданіе, *съ дѣтьми играя*, изучила еси: четыре брата — колеса; ногъ не имѣютъ, бѣгаютъ; отца—возила носятъ; вѣдомо же, что ясти не просятъ, и помазани молчатъ, а не помазани скрыпятъ. «И рече Тарсиса: «благо тому изъявляти, кто умѣетъ отгадати», и паки рече: «кое сотвореніе, въ немъ же ни пера вѣсу, тиснено и диряво, не ястъ, устъ не имѣетъ, а въ себѣ пріемлетъ?» И рече Аполлонъ: «и сія дѣвицѣ мудрость не зрима: есть бо се губка морская» и т. д. [3]). Въ сказкѣ о Саломонѣ, впослѣдствіи перешедшей въ народъ, тоже за-

---

[1]) См. Simrock, D. Volksb., т. 7, das Räthselbuch, № 372.

[2]) Пыпина, Очеркъ исторіи старин. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 97—98. Таже загадка встрѣчается въ Бесѣдѣ трехъ свят., Буслаева, рѣчь, приложеніе, стр. 11, вторая половина.

[3]) Лѣтописи русской литер. и древн., кн. 1, стр. 27—29.

гадки. Послалъ царь отыскать мальчика Саломона. Посланные ѣздили, ѣздили; подъѣхали къ стаду; спрашиваютъ: какъ твое имя? Онъ молчитъ. Потомъ спрашиваютъ, сколько онъ скота стережетъ. Онъ молчитъ. Потомъ спрашиваютъ: какъ рѣка глубока? — Онъ въ одно слово сказалъ: Тимоѳей — триста — по колѣно. Значитъ, на все отвѣтилъ. Они не поняли, пріѣхали, разсказываютъ царю. «Дурачье! Онъ вамъ все вдругъ сказалъ: его зовутъ Тимоѳей; скота 300; рѣчка по колѣно!» и пр. [1]). Въ словахъ о злыхъ женахъ встрѣчаются такія мѣста: «Егда загорится храмина, чѣмъ ее гасити? Водою. Что болѣ воды? Вѣтръ. Что болѣ вѣтра? Гора [2]). Что сильнѣе горы? Человѣкъ [3]). Что болѣ можетъ человѣка? Хмѣль: отъимаетъ руки и ноги. Что лютѣе хмѣлю? Сонъ. Что лютѣе сна? Жена зла [4])».

Кромѣ того, древнерусская письменность очень богата загадками о предметахъ религіи. Таковы: вопросы св. Варѳоломея (Пам. при Р. Сл., в. 3, стр. 109—112), вопросы св. Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ (стр. 113—116), слово св. праведнаго Іоанна Ѳеолога (стр. 117) и очень распространенныя тогда «Бесѣды трехъ святителей.» Бесѣды эти сходны съ вопросами въ западноевропейской средневѣковой письменности. (Пыпина, Очеркъ, стр. 140—145. Бесѣды помѣщены въ приложеніи къ рѣчи Буслаева, стр. 2—12. Въ памятникахъ при Русск. Словѣ, в. 3, стр. 169 и др.). Вотъ загадки, проникнувшія въ народъ [5]) и помѣщенныя въ нашемъ сборникѣ:

---

[1]) Мои Великор. сказки, в. 2, № 80. Эта загадка встрѣчается отдѣльно отъ сказки; см. нашъ сборн —.: *бараны*. См. Пыпина, Очеркъ, стр. 168. Лѣтописи русск. лит. и др., т. IV, отд. II, стр. 112—153. Памятники при Руск. Словѣ, т. 3, № 10, стр. 63. — Другія книжныя сказки съ загадками, проникнувшія въ народъ, см. мои Великор. сказки, в. 2, № 79; Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. М. 1863, № 16.—Ср. St. Petersb. Zeitungen, 1849 г., № 79.

[2]) Потому что неподвижима отъ вѣтру бываетъ.

[3]) Раскопаетъ бо гору.

[4]) Ср. въ нашемъ сборникѣ: *жена злая*.

[5]) Загадки изъ Бесѣды трехъ святителей могли проникнуть въ народъ и черезъ старинныя Азбуки, гдѣ помѣщались извлеченія изъ Бесѣды; были также

Когда возрадался весь міръ? *Василей рече:* егда изыде Ной изъ ковчега. *Василей рече:* древянъ ключъ, водянъ замокъ, заяцъ пробѣже, а ловецъ утопе? *Иванъ рече:* Моисей сквозе Чермное море Израильтянъ проведе, а Фараонъ со со всѣмъ своимъ войскомъ утопе. Заяцъ — Моисей, а ловецъ Фараонъ. *Григорій рече:* хто не роженъ? хто не умеръ? хто не стлѣ? *Василей рече:* не роженъ Адамъ, не умеръ Илья, не истлѣ Лотова жена. *Вопросъ.* Гробъ хожаше, а въ немъ мертвецъ пояше? *Толкъ.* Іона былъ во чревѣ китовѣ три дни и три нощи живъ, изыде изъ чрева китова. *Вопросъ.* Которая мати пожираетъ дѣти своя? *Отвѣтъ.* Море рѣки пріемлетъ въ себя. *Вопросъ.* Нѣкій царь имѣетъ у себя множество слугъ, а слуги же его не имѣя у себя оружія только по единой стрѣлы въ тѣлѣ; гдѣ стрѣляютъ, а стрѣлъ не собираютъ. *Отвѣтъ.* Царь — пчелная матка, а слуги у него пчелы, а имѣютъ у себя по единому жалу, гдѣ испущаютъ изъ себя, а опять ихъ къ себѣ не собираютъ. *Вопросъ.* Стоитъ дубъ безъ вѣтвія и безъ коренія; и пріиде къ нему нѣхто безъ ногъ и возметъ его безъ рукъ и зарѣжетъ его безъ ножа. *Отвѣтъ.* Дубъ человѣкъ, а прійдетъ къ нему смерть безъ ногъ и зарѣжетъ безъ ножа. *Вопросъ.* Кій градъ между небомъ и землею стоитъ, изъ него же идетъ посолъ нѣмъ, а несетъ грамоту неписану, о немъ же весь міръ обрадовася. *Отвѣтъ.* Градъ оубо есть Ноевъ ковчегъ въ потопѣ, а посолъ — голубь, а грамотка — листъ масличный принесе во устѣхъ къ Ноеви въ ковчегъ. *Вопросъ.* Кто дважды смерть вкусивъ? *Отвѣтъ.* Лазарь праведный. *Вопросъ.* Кто состарѣвся во чрево матерне вниде? *Отвѣтъ.* Адамъ родися отъ земля и состарѣвся во чрево матере своея вниде, умре и въ туже землю положиша его. *Вопросъ.* Что есть живый мертвый бьетъ і мертвый иже

и другія загадки, теперь извѣстныя въ простонародьѣ, напр. «стоитъ море на пяти столбахъ. Царь речетъ: потѣха моя; царица речетъ: погибель моя. — Царь есть тѣло, а царица — душа» (Ср. наше *вино*). Или: Стоитъ градъ пустъ, около него кустъ. Идетъ старецъ, несетъ ставецъ, въ ставцѣ взварецъ, въ взварцѣ перецъ, въ перцѣ горечь, въ горечи сладость, въ сладости радость, въ радости смерть» (См. Буслаева, Очерки, т. 2, стр. 28).

вопіетъ и на гласъ его вси течàху. *Отвѣтъ*. Живъ есть пономарь, а мертвецъ есть клепало церковное, и на гласъ его вси людие къ церквѣ на молитву текутъ. *Вопросъ*. Что̀ есть: стоитъ древо цвѣту полно, подъ нимъ корыты, а на древѣ сидитъ голубь, а цвѣту урвавши въ корыто мещетъ, цвѣту не умаляется, а корыто не наполнится. *Отвѣтъ*. Древо — земля; цвѣтъ — людіе, а корыты — могилы, а голубь — смерть. *Вопросъ*. Что есть: два стоятъ, два идутъ, два минуются? *Отвѣтъ*. Два стоятъ — небо и земля, а два идутъ — солнце и луна, а два минуются — день и нощь. *Вопросъ*. Что есть лучше всего человѣку и корыстнѣе? *Отвѣтъ*. Здравіе тѣлесное и счастіе доброе; аще лежитъ человѣкъ при смерти, тогда богатство и брашно не угодно ему есть... *Вопросъ*. Кто родися прежде Адама съ брадою? *Отвѣтъ*. Козелъ. *Вопросъ*. Что есть: четыре орлы одно яйцо снесли? *Отвѣтъ*. Четыре евангелиста написали одно евангеліе. *Вопросъ*. Что есть: стоитъ мостъ, а на мосту столбъ, а на столбѣ цвѣтъ во весь свѣтъ? *Отвѣтъ*. Мостъ есть годъ, а столбъ — великій постъ, а цвѣтъ — свѣтлое Христово воскресеніе, и празднуютъ вси люди.

Подъ вліяніемъ этого рода древней литературы составились извѣстныя пѣсни о двѣнадцати числахъ, которыя существуютъ и у насъ и у многихъ другихъ западноевропейскихъ народовъ [1]). Подъ вліяніемъ ея составилась также пѣснь о Голубиной книгѣ:

Што на матушкѣ на Святой Руси,
На Святой Руси на подсвѣтноей,
Што на той горѣ Сайрачинскоей,
Ахъ не чудоль тамъ сочудилося,
Не проявушка ль проявилася,
Выпадала книга голубиная,
Превелика книга голубиная:
Вдоль книга сорока локотъ,
Поперегъ книга двадцати локотъ;

---

[1]) См. Пыпина, Очеркъ ист., стр. 144—146; Wenzig, Westslawische Märchenschatz, стр. 293.

На рукахъ держать, не сдержать ону,
На престолѣ класть, не вляжетъ она,
По листамъ читать, не вчитать ону,
По стихамъ ходить, не входить ону.
Ко той книгѣ собиралися,
Собиралися, соѣзжалися
Сорокъ поповъ со поповичами
Сорокъ дьяконовъ со дьяковичами,
Сорокъ пановъ со пановичами,
Сорокъ князевъ со князевичами,
Сорокъ царевъ со царевичами,
Собрались два царя премудрые,
Премудрый царь Давидъ Ессеевичъ,
Малотоминъ царь Малатольевичъ [1]).

Начало, какъ видно, вполнѣ народное; два царя — по варіантамъ Володимірь князь или *Волотоманъ Волотомановичъ* или *Волотъ* [2]), спрашивающіе и отвѣчающіе на вопросы о мірѣ и судьбахъ его, подобно Одину и Вафтрудниру, все это привело бы къ тому заключенію, что эта пѣсня чисто миѳологическая съ позднѣйшими надмѣсями христіанскаго элемента. Самую книгу Голубиную можно было бы на основаніи загадокъ отождествить съ сводомъ небеснымъ... Такъ напр. въ мордовскихъ загадкахъ, перешедшихъ большею частью къ нимъ съ русскаго, извѣстна въ печати такая загадка:

Небесное *письмо*. — *Звѣзды* [3]).

Или нашъ № 424:

Написана грамотка
По синему бархату
И не прочитать
Этой грамотки
Ни попамъ, ни дьякамъ,
Ни умнымъ мужикамъ. — *Звѣздное небо.*

---

[1]) Безсонова, дух. стихи, ч. 1, стр. 339.
[2]) Буслаева, Очерки, т. 1, стр. 455—463.
[3]) Ahlquist, Gramm. № 22.

Самый эпитетъ «Голубиная» (голубая) говорилъ бы въ пользу такого предположенія.

Какъ-бы то ни было, вопросы и отвѣты этой пѣсни имѣютъ апокрифическо-христіанскій видъ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ Суда Божья,
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самаго Христа царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ ка́мени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна́ моря...
. . . . . .
Іерусалимъ городъ городамъ отецъ.
— «Почему тотъ городъ городамъ отецъ?»
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
Во томъ во градѣ во Іерусалимѣ
Тутъ у насъ пупъ землѣ.
. . . . . .
Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
— «Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?»
Посреди моря океянскаго
Выходила церковь соборная,
Соборная богомольная,
Святаго Климента, попа́ Рымскаго.
На церкви главы мраморныя,
На главахъ кресты золотые.
Изъ той изъ церкви изъ соборной,
Изъ соборной, изъ богомольной,
Выходила царица небесная;
Изъ океана моря она умывалася,
На соборъ-церковь она Богу молилася,
Оттого океянъ всѣмъ морямъ мати, и т. д.

Совсѣмъ другаго рода были загадки прошлаго столѣтія, частью тоже проникнувшія въ народъ. Въ самой популярной книгѣ прошлаго вѣка, въ письмовникѣ Курганова, помѣщено 35 загадокъ и для возбужденія любопытства читателей безъ разгадокъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Не создалъ тотъ меня, кто создалъ все отъ вѣка,
Однако бытіемъ я старше человѣка;
Я всѣми видима, хотя не тѣло я;
Къ убогимъ и царямъ равна любовь моя.
То напередъ иду, то назади бываю,
Отъ мала въ день велико возрастаю.
Хотя безъ глазъ, могу бѣгущихъ догонять,
Но только никому меня нельзя обнять. — *Тѣнь* [1]).

Въ другихъ книгахъ прошлаго столѣтія, какъ напримѣръ въ «Сто одна загадка» (М., 1790 г.), самыя разгадки располагались стихами; напр.:

3. Лазуревой мой цвѣтъ плѣняетъ всѣхъ собой.
Читатель! ты живешь и всѣ живутъ подъ мной.
Всякъ можетъ отгадать, о томъ не сомнѣваюсь,
Однако я скажу, что *небомъ* называюсь.

11. Въ мои часы заря
На верхъ горы паря,
Долины орошаетъ,
А солнце осушаетъ
Упадшую росу въ долинахъ на цвѣтахъ,
И птицы пѣть начнутъ пріятно на кустахъ.
Морѳей пріятный сонъ на смертныхъ напущаетъ,
А тѣло ихъ отъ сна пріятность ощущаетъ.
Даю пріятность всѣмъ,
И похвалюсь я въ семъ.
Другіе сномъ не веселяся,
Пріятность чувствуютъ трудяся.
На *Утро* сдѣлана сія загадка здѣсь.
Другимъ не называй меня во вѣкъ свой весь.

---

[1]) Ср. нашъ № 1509; Simrock, Räthselbuch, № 305.

Въ книгѣ «Увеселительныя загадки съ нравоучительными отгадками» (М., 1781 г.) вмѣсто предисловія помѣщена загадка о сочинителѣ. Въ концѣ книги — какъ сознается самъ авторъ — есть нѣсколько загадокъ, *вольнымъ переводомъ переложенныхъ изъ Барлея*. Въ другихъ подобныхъ книгахъ иногда встрѣчаются загадки на *каштановый орѣхъ* и т. п. Это объясняетъ то поразительное сходство, которое мы часто встрѣчаемъ у нашихъ позднѣйшихъ загадокъ съ западноевропейскими.

Книгъ съ такаго рода загадками было довольно много; напримѣръ: Дѣтскій Гостинецъ, или 499 загадокъ съ отвѣтами (М., 1794 г.). Въ Покоящемся Трудолюбцѣ (М., 1784 г.), ч. 2, стр. 237 и др. Отгадай — не скажу, или любопытныя загадки съ нравоучительными отгадками для смѣха и удовольствія. Спб., 1790. Загадки, служащія для невиннаго раздѣленія праздnаго времени, изданы В. Левшинымъ. Печат. при Импер. М., унив. 1773 г.

Выписываемъ изъ послѣдней нѣсколько загадокъ для сравненія съ загадками, ходящими теперь въ народѣ:

Хотя я безпрестанно путь мой продолжаю; но съ мѣста сойти не могу. Отдыха никогда не знаю, развѣ во время моего повреженія: жизнь моя на волоскѣ, который не ростетъ. Часто меня безъ всякой вины вѣшаютъ.

Стучитъ,
Бречитъ,
Вертится,
Ходитъ весь вѣкъ,
А не человѣкъ. — *Часы.*

Я ничего не могу сдѣлать, есть-ли работѣ моей воздухъ и вѣтръ не помогутъ. Имѣю крылья, которыми машу; но съ мѣста никогда не подымаюсь; и что я останавливаюсь: сіе происходитъ не отъ страха, а по произволенію людей.

Птица
Юстрица
На девяти ногахъ стоитъ,
На вѣтеръ глядитъ,
Крыльями машетъ,
А улетѣть не можетъ. — *Вѣтреная мельница.*

Нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, который бы сказалъ, что меня ви-

Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,

дѣлъ: воздухъ есть мой елементъ, и я въ одинъ день до тысячи разъ рождаюсь и умираю. Не имѣя языка, говорю, отвѣчаю, кто меня кликнетъ, и повторяю слова тѣхъ, кои меня говорить заставятъ.

Никто его не видитъ,
А всякой слышитъ. — *Эхо.*

Безъ сомнѣнія, къ этой позднѣйшей книжной литературѣ нужно отнести появленіе въ народѣ такихъ загадокъ:

Какіе люди по своей должности никого не называютъ по имени? — *Буточники* [1]).

Какъ написать сухая трава четырьмя буквами. — *Сѣно* [2]).

Гдѣ вода стоитъ столбомъ не проливается? — *Въ стаканѣ* [3]), и т. п.

Что касается до собранія народныхъ загадокъ съ научной цѣлью, то первое начало было положено Сахаровымъ; въ Сказаніяхъ русскаго народа онъ помѣстилъ болѣе 200 варіантовъ безъ означенія мѣстностей. Потомъ загадки были помѣщены въ Маякѣ 1842 г., т. VI, глава III; въ Курск. Губернск. Вѣдомостяхъ за 1851 годъ, стр. 340; въ Этнографическомъ сборникѣ, в. 1; вып. 2, стр. 75; вып. 5, стр. 81—83. Въ Пермскомъ сборникѣ, т. 1-й, стр. 128—129. Въ Калужскихъ Губернск. Вѣд. 1860 г., № 27. Болѣе двухъ сотъ новыхъ въ моихъ Великорусскихъ загадкахъ (Москва, 1861 г.). Между пословицами Даля, безъ означенія мѣстностей. Въ книжкахъ Ясной Поляны за 1862 годъ, кн. 1, кн. 3, кн. 5. Въ Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1863 г., № 6.

Всѣ эти загадки издатели печатали большею частью не обращая вниманія на уже изданное, такъ что часто печаталось одно и тоже. Мы рѣшились собрать ихъ въ одно мѣсто; кромѣ того въ нашъ сборникъ поступило около 530 совершенно новыхъ загадокъ или новыхъ варіантовъ изъ матеріаловъ,

---

[1]) Simrock, die deutsche Volksbücher, кн. 7, das Räthselbuch, № 326.
[2]) Симрокъ, № 262.
[3]) Илича, № 41.

находящихся въ распоряженіи Этнографическаго Отдѣленія Географическаго Общества; болѣе 100 загадокъ, вновь собранныхъ мною; около 50, сообщенныхъ мнѣ Г. Н. Потанинымъ. Такимъ образомъ нашъ сборникъ является исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изысканій. Для бо́льшаго удобства пріискиванія загадокъ, мы расположили ихъ по алфавиту разгадокъ и, гдѣ можно было, означали мѣстности; причемъ всѣ варіанты ставили подъ одинъ нумеръ. Встрѣчая иногда загадки сомнительныя, не подтвержденныя другими варіантами или повтореніями, мы не считали себя въ правѣ ни исправлять ихъ, ни выкидывать, предоставляя это дѣло будущему, но на всякій случай означали при нѣкоторыхъ вопросительнымъ знакомъ (?), что мы не отвѣчаемъ за ихъ достовѣрность. Указатель варіантовъ въ изданныхъ загадкахъ другихъ народовъ мы сочли безполезнымъ для большинства читателей.

И. Худяковъ.

С. Петербургъ.
1863 г. 25 мая.

ЗАГАДКИ.

1. Не родился, а умеръ? *Адамъ* и *Ева*.

2. Сотворенъ да помре; рожденъ да не помре. *Адамъ* и *Енохъ*.

3. Стоитъ горница объ одной окольницѣ. *Анбарушка*.

4. Безъ окошекъ, безъ дверей, полна горница людей. *Арбузъ* (Западн. Сибирь).

5. Самъ алый, сахарный; кафтанъ зеленый, бархатный. *Арбузъ*.

6. Рябая курица по плетнямъ дуется. *Арбузъ*. (Курск. губ.).

7. На четыре брата пятый вверхъ ногами поставленъ. *Бабка сноповъ*.

8. Четыре брата стоятъ подъ пятымъ, головками въ кучѣ, спинками врозь. *Бабка сноповъ (бабка овса)* (Ср. шишъ).

9. Въ лѣсу выросло, изъ лѣсу вынесли, на рукахъ плачетъ, а на полу скачутъ. *Балалайка*.

10. Въ лѣсу-то тяпъ-тяпъ, дома-то ляпъ-ляпъ, на колѣни возьмешь — заплачетъ. *Балалайка*. (Ср. *гитара*, № 181; *гудокъ*, № 283).

11. Тысяча — Матвѣй — по колѣно. *Бараны, пастухъ, озеро съ водой*. (Западн. Спб.)

12. Бѣжитъ конь съ крутыхъ горъ: ковромъ одѣтъ, гвоздями прибитъ. *Барка*.

13. Самъ худъ, а голова съ пудъ. *Безмѣнъ*.

14. У дѣда подъ крыльцомъ виситъ дубина съ кольцомъ, налита свинцомъ. *Безмѣнъ*.

15. Ходитъ Хамъ по базару, хвастается дубиною: «ахъ, у меня дубина золотая, маковка увитая!» *Безмѣнъ*.

16. Кто ни рожденъ, ни крещенъ, а правдой живетъ. *Безмѣнъ*.

17. Отчего гусь плаваетъ? Отъ *берега*. (Ряз. у., с. Жолчино).

18. Дровни помчались, а оглобли остались. *Берега и ледъ*.

19. a) Есть у меня три отрасли: первая отрасль — тѣлу отчистъ; вторая отрасль — больнымъ исцѣленье; третья отрасль — языку молчанье. *Береза* (банный вѣникъ; береста для повивки горшковъ; деготь для смазки колесъ).

b) Есть дерево объ четыре дѣла: первое дѣло — міръ освѣщаетъ; другое дѣло — крикъ утишаетъ; третье дѣло — больныхъ исцѣляетъ; четвертое дѣло — чистоту соблюдаетъ. *Береза* (лучина, деготь, береста, вѣникъ).

c) Есть дерево: крикъ унимаетъ, свѣтъ наставляетъ, больныхъ исцѣляетъ. *Береза* (деготь, лучина, береста).

20. a) Стоитъ дерево, цвѣтомъ зелено; въ этомъ деревѣ четыре угодья: первое — больнымъ на здоровье, другое — отъ теми свѣтъ, третье — дряхлыхъ, вялыхъ пеленанье, а четвертое — людямъ колодецъ. *Береза* (вѣникъ, лучина, береста на горшки, березовица).

b) Съ одного дерева да четыре угодья: первое — отъ темной ночи свѣтъ, второе — некопаной колодезь, третье — старому здоровье, четвертое — разбитому связь. *Береза* (лучина, сокъ, вѣникъ, береста на горшки).

c) Стоитъ дерево; при немъ четыре угодья: первое угодье — некопанный колодезь; другое угодье — при темнѣ свѣтъ; третье угодье — битому связь; четвертое угодье — усталому на здоровье. *Береза* (березовица, лучина, береста, вѣникъ). (Яр. г., Молож. у., приходъ Станиловскій на Сити).

21. Стоитъ дерманъ, ни шитъ, ни бранъ, въ одно бедро тканъ. *Береза*.

22. Влѣзу на горушку, одеру телушку, сало въ ротъ, а кожу прочь. *Березовица*.

23. На полѣ на Арскомъ (Гагайскомъ), на рубищѣ татарскомъ стоятъ столбы (столбики) бѣлены, на нихъ шапочки зелены. *Березы*. (Казань. Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово).

24. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Беременность*. (Тобольскъ).

25. Сито вито, въ немъ копыто; сорокъ узловъ, пятьдесятъ концевъ. *Бисеръ*. (Зарайскій у., с. Мишино).

26. Токъ желѣзный (чугунный), посадъ яровóй (гречишный). *Блинъ на сковородѣ*. (Ср. *Гречневые*, № 248).

27. a) Берега желѣзны (круты), вода дорогá, рыба безъ костей. *Блины*. (Распространена).

b) Берега желѣзные, вода не вода, рыба безъ костей. *Блины*.

28. a) Плѣшь идетъ на гору, плѣшь идетъ подъ гору, плѣшь съ плѣшью встрѣтится, плѣшь плѣши молвитъ: ты плѣшь, я плѣшь; на плѣшь капнешь, задерешь, да другую наведешь. *Блины*.

b) По плѣши хлопну, плѣшь содеру, другу наведу. c) На плѣшь капнуу, па плѣшѣ хлопнуу, плѣшь содрау. d) На плѣшь

капнешь, ставишь, попаришь, вынешь, поправишь. e) Объ плѣшь ляпнешь и плѣшь перевернешь, сунишь, опалишь, выдернешь, шлепнешь и огалишь.

29. На желѣзномъ мосту коковяки растутъ. *Блины на сковородѣ.* (Ср. *оладьи*).

30. Маленько, черненько, мохнатенько. *Блоха.*

31. a) Пой, корми, а погладиться не дается. *Блоха.* (Нерч. окр. Татауров. и Устьилимская волости).

b) Каренькой жеребчикъ погладиться не даетъ. *Блоха.* (Московск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

32. a) Черненько, маленько, кряжь поворотитъ. *Блоха.*

b) Малéнько(-ій), чернéнько(-ій), колоду(-ой) ворочаетъ. c) Маленькой, каренькой большу колоду поворачиваетъ (Ряз. у., с. Жолчино). d) Маленькое, черненькое хоть кого поворотитъ (Моложскій у., прих. Станиловскій на Сити). e) Маленька, горбатенька, на кряжъ скочила, кряжъ поворотила.

33. Мала, а проворна; гдѣ бываетъ, тамъ повелѣваетъ: въ шатеръ взойдетъ, богатыря перевернетъ. *Блоха.*

34. Черненькій мужичекъ съ боку на бокъ поворачиваетъ. *Блоха.* (Казань).

35. a) Чернѐнько, малѐнько, въ платье вскочило, царя разбудило. *Блоха.*

b) Чернéнько, маленько, на всѣхъ садится, царя не боится.

36. Маленька барынька въ полночь разбудила. *Блоха.*

37. Милый мой (другъ мой) спитъ со мной, въ траурѣ (въ печальномъ) ходитъ, не знаю по комъ. *Блоха.* (Общеизвѣстна).

38. Вороная — да не кобыла, черная — а не медвѣдь; шесть ногъ безъ копытъ, рога есть — а не быкъ. *Блоха.*

39. Маленькой, удаленькой — лосиный скокъ, звѣриный взглядъ, пять братьевъ ловили, не изловили; два брата словили да и убили. *Блоха.*

40. На такомъ-то мѣсяцѣ, на елховой пятницѣ, родился звѣрь съ глазами сокольими, съ пóпрыгомъ козлинымъ. *Блоха.*

41. Что всего древнѣе на свѣтѣ и что всего пространнѣе? *Богъ и мѣсто.* (Зарайскъ).

42. У меня молодца четыре отца, пятый батюшка. *Богъ, царь, духовникъ, крестный, родитель.*

43. Безъ языка, а сказывается. *Боль.*

44. Не море, не земля; корабли не плаваютъ, а ходить нельзя. *Болото.*

45. Днемъ виситъ, болтается; ночью въ норку собирается. *Болтъ.*

46. Выше головы руки кленовы. *Болтыхаются* (?).

47. Что прежде: борода или человѣкъ? *Борода у козла* (козелъ сотворенъ раньше).

48. Сито вито о четыре угла. *Борона.*

49. Худая (маленькая) рогожа(-жка) все поле покрыла(-ваетъ). *Борона.*

50. Изъ окошка въ окошко вся клѣтчата. *Борона.*

51. Съ лѣсу идетъ, а въ лѣсъ пейдетъ. *Борона.*

52. Дерига лежитъ, деригу за хвостъ волокутъ. *Борона.*

53. Летятъ 33 ворона, несутъ 33 камени, сѣли подъ елку, подъ лиственку. *Борона.*

54. Пять пятковъ, 50 прутковъ, 25 стрѣлъ. *Борона.*

55. Лежа на боку, съ берега въ рѣку, пупомъ старуха воду цѣдитъ. *Бочка.*

56. Стоитъ старикъ надъ рѣкой, самъ не пьетъ, другихъ поитъ; воду льетъ ни ртомъ, ни ковшомъ, а долотомъ. *Бочка.*

57. Корова пёстра, титька востра, валъ на боку, хороша къ молоку. *Бочка.*

58. Шуба то нова-нова, а на подолѣ-то дира. *Бочка.* (Можайск. у., приходъ Станиловскій на Сити, (Ср. № 1110)

59. Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый. *Бочка, обручи, гвоздь.*

60. Ходитъ Назаръ по базару, самъ собой похвалится: у меня есть дубина́, съ обѣихъ концевъ обвита, въ серединѣ зла налита. *Бочка съ виномъ.* (Нижегор. г., Ард у., с. Котовка).

61. Двѣнадцать сестрицъ въ одинъ ростъ, въ одну стать, по рукамъ, по ногамъ, всѣ вмѣстѣ (вмѣстѣ связаны) лежатъ. *У бочки доски и обручи.*

62. Безъ души родился, народу пригодился; дамъ пить—пьетъ; попрошу — отдастъ. *Бочонокъ.*

63. Что гость, то постеля. *Бревна и мохъ* (Распространена).

64. На полѣ на Романовѣ стоятъ копи отобраные (выборные), пьютъ воду дождевую (ключевую), ѣдитъ траву болотную. *Бревна и мохъ.*

65. На улицѣ кромушка, а въ избѣ ломотокъ. *Бревно въ стѣнѣ.*

66. Идетъ свинья изъ болота, вся испорота. *Бредень.*

67. Бѣгутъ, бѣгутъ рабчики по липову мосту; увидали море, бросились въ воду. *Бруснику катаютъ по рѣшету.*

68. a) Два быка бодутся, врозь не разойдутся. *Брусья.* (Мос. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

b) Два стульчика бодунчика; вѣкъ бодутся, да не разойдутся. *Брусья.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

69. По дорогѣ я шолъ, двѣ дороги нашолъ, да и въ обѣ пошолъ. *Брюки.*

70. Триста орловъ, пятьдесятъ соколовъ, дерево сухое, верхъ золотой. *Будни, воскресные дни и пасха.* (Ср. *пасха, годъ.*)

71. Какіе люди, по своей должности, никого не называютъ по имени? *Будочники.* (Зарайскъ.)

72. На небѣ одна, въ землѣ ни одной, у бабы двѣ. *Буква б.* (Курск. губ.)

73. У Бориса спереди, у Глѣба сзади; у дѣвки нѣтъ до вѣнца; у бабы есть и будетъ до конца. *Буква б.* (Рязань.)

74. a) Жолтенькой жучекъ, на кончикѣ червячокъ. *Булавка.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

b) Жолтенькая собачка, на хвостикѣ желвачекъ. (Ряз. у., с. Жолчино.)

75. Какія безмозглыя головы всегда нужны на свѣтѣ? *Булавочныя.*

76. Ни небо, ни земля, видѣніемъ бѣла; трое по ней ходятъ, одного водятъ; два соглядаютъ, а одинъ повелѣвастъ. *Бумага, пальцы, перо, глаза, умъ.*

77. Ни небо, ни земля, видомъ не свѣтла, садятся на ней темнообразныя птицы, два созираютъ, два сожидаютъ, одинъ повелѣваетъ. *Бумага и писецъ.*

78. Книга раздвига; два листка, середка пуста. *Бумажникъ.*

79. Въ Лубяномъ заулкѣ волки воютъ. *Букъ лубяной (въ которомъ бучатъ бѣлье).*

80. a) Церковка соловейковка, никто ее не гладитъ(-лъ) — сама гладка (сама гладка, будто ягодка). *Бутылка.*

b) Церковка-кукуверковка, кто тебя гладилъ? Я сама гладка, какъ ягодка. *Бутылка.* (Вытегра, ср. *яйцо.*)

81. Дваста бода́ста, четыреста ходáста, одинъ махталъ (мухтухту), два ухопалта (два ухту). *Быкъ.* (Зап. Сиб. Ср. № 619.)

82. Четыре четырки, двѣ растопырки, седьмой вертунъ, два стеклушка въ немъ. *Быкъ.* (Ряз. у., с. Жолчино. Ср. *коровy.*)

83. Стойтъ добро, въ добрѣ добро; я взялъ добро, да выгналъ добро. *Быкъ во ржи.* (Ср. *коровy.*)

84. Ни дровъ, ни свѣчей, чѣмъ истопить печей, въ правомъ сочельникъ, въ лѣвомъ понедѣльникъ. *Бѣдность.*

85. По подполью хожу, ширыкальцо ищу, ширыкаться хочу. *Валекъ и скалка.*

86. Шарю я пошарю, дошарю до правды; на правдѣ дира, на дирѣ хохолъ, всунулъ да пошелъ. *Варежка.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

87. Сто полѣнъ въ запасѣ, а на истопку не будетъ. *Ведра.*

88. Два братца пошли въ воду (въ рай) (на Іордань) купаться. *Ведра.* (Нерчинск. окр.)

89. Двое купаются (купаться), третій дивуется (дивоваться). *Ведра и коромысло.* (Распространена.)

90. Два братца купаются, а третій насмѣхается. *Ведра и коромысло.*

91. a) Между двуморямъ (промежь двухъ морей) по мяснымъ горамъ гнутой мостикъ лежитъ. *Ведра съ водой и коромысло.* (Распространена.)

b) Два моря, два горя, на крутыхъ горахъ на дугѣ вписитъ.

92. Двѣ галочки сидятъ на одной палочкѣ. *Ведра на коромыслѣ.*

93. a) Чѣмъ больше я верчусь, тѣмъ болѣе толстѣю. *Веретено.*

b) Пузанъ съѣлъ махнушку? *Веретено.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

94. Дворъ дыроватъ, люди говорятъ, а выйти не могутъ. *Верига.*

95. Самъ не видитъ, а другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счетъ знаетъ. *Верстовой столбъ.* (Ср. *столбъ*).

96. a) Шесть ногъ, двѣ головы и одинъ хвостъ. *Вершникъ.* (Верховой).

b) Двѣ головы, одинъ хвостъ, двѣ руки и шесть ногъ. *Вершникъ.*

97. Двѣ головы, и шесть ногъ; четыре ходятъ, а двѣ смирно лежатъ. *Вершникъ.*

98. Ширну, пырну — выдерну, нырну. *Веселко.*

99. a) Въ саду царскомъ, на деревѣ райскомъ, съ боку малина, съ другаго калина, съ третьяго вышенье, а съ четвертаго нѣтъ ничего — одно зябелье. *Весна, лѣто, осень, зима.*

b) Въ саду царскомъ стоитъ дерево райско: на одномъ боку цвѣты разцвѣтаютъ, въ другомъ листы опадаютъ, на третьемъ плоды созрѣваютъ, на четвертомъ сучья подсыхаютъ. *Весна, лѣто, осень, зима.*

100. Вкругъ поля обведу, вкругъ головы же не могу. *Взглядъ.* (Ср. *глаза.*)

101. Что острѣе меча? *Взоръ человѣческій.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

102. Ни шитъ, ни красенъ (кроенъ?), весь въ рубцахъ. *Вилокъ.*

103. Ни высокъ, ни низокъ, а на немъ сто ризокъ. *Вилокъ.* (Ср. *кочанъ.*)

104. Шла свинья изъ овину, размыкавши сѣно по рылу. *Вилы.* (Распространена.)

105. Бѣгуньки бѣгутъ, скрыпуньки скрипятъ, роговатики везутъ, маховатики колотятъ. *Вилы.* (Ср. *пдутъ.*)

106. (На горѣ горицѣ) Стоитъ голенище; въ голенищѣ суслое масло: смѣлость, бодрость и смерть не далеко. *Вино* (въ бутылкѣ). (Распространена. Ср. *кабакъ.*)

107. a) Стоитъ море на пяти столбахъ: тѣло-то (царь-то) говоритъ: радость моя, а душа-то (царица-то) говоритъ: пагуба моя. *Вино.*

b) Стоитъ море на пяти столбахъ, двое объ немъ спорятъ, одинъ говоритъ: радость моя; другой говоритъ: пагуба моя. *Вино въ рукѣ* (въ рюмкѣ.)

108. Чернышь огоришь, куда поѣхалъ? Молчи, долблено горло, за мной же будешь. *Вино гонятъ* (чернышъ — мѣденникъ, долбленное горло — деревянная труба).

109. Тряхнется, давнется, кровью обольется. *Вишня.* (Кур. губ.)

110. Сижу на теремѣ, мила какъ мышь, красна, какъ кровь, вкусна, какъ медъ. *Вишня.*

111. Что безъ умолку? *Вода.* (Ряз. губ., с. Жолчино.)

112. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Вода (прибылая).*

113. Одинъ говоритъ: «побѣжимъ, побѣжимъ!»; другой гово-

ритъ: «постоимъ, постоимъ!»; третій говоритъ: «пошатаемся, пошатаемся!». *Вода, берегъ, трава.*

114. Одинъ говоритъ: побѣжимъ; другой говоритъ: полежимъ; третій говоритъ: покачаемся. *Вода, жерновъ, колесо.*

115. Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; куды ни заѣду, изъ ухаба не уѣду. *Вода, когда плывутъ въ лодкѣ.* (Ряз. у., с. Жолчино). Ср. *лодка.*

116. Подъ дерюшкой хлюпъ, хлюпъ... (шлёпъ, шлёпъ)... *Вода подо льдомъ.* (Ряз. у., с. Жолчино; Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

117. Бѣжитъ конь промежъ горъ; скубомъ сбитъ, ковромъ накрытъ. *Вода подо льдомъ.* (Ряз. г., с. Жолчино; ср. *рѣка.*)

118. Идетъ Егоръ съ высокихъ горъ, ковромъ покрытъ, скобой прибитъ. *Вода подо льдомъ.* (Воронежск. г.)

119. Чего кругомъ избы не обнесешь? *Воду въ рѣшетѣ.* (Общеизвѣстна.)

120. Сидитъ старикъ надъ водой, трясетъ своей бородой. *Водяное колесо.* (Нерч. окр.)

121. а) За ельничкомъ, за березничкомъ, кобылка ржетъ, жеребенка ждетъ. *Водяная мельница.*

б) Стоитъ на берегу кобыла, глядитъ на рѣку, ржетъ и жеребенка къ себѣ зоветъ. (Пермск. г. Шадр. уѣзда.)

122. Стоитъ куликъ на болотѣ, не жнетъ, не молотитъ, а только за хлѣбъ денежки колотитъ. *Водяная мельница.* (Пошехонск. у., с. Давшино.)

123. За лѣсомъ, лѣсомъ жеребята ржутъ, домой нейдутъ. *Волки.*

124. Влѣзу на уголъ, взгляну въ чистое поле: страсть тепло тащитъ (страхъ тепло волочитъ). *Волкъ овцу.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

125. Пришелъ шуру-муру, унесъ чики-брыки; мякинники увидали — житейникамъ сказали; житейники шуру-муру догнали; чики-брыки отняли. *Волкъ унесъ овцу, а свиньи стали хрюкать; мужики увидали и овцу отняли.*

126. Не брусница, не клюква, не рѣпа, не брюква, не сѣмемъ садилась, а такъ уродилась; въ великій сочельникъ, въ петровъ понедѣльникъ хлѣбу замѣна, грибамъ перемѣна. *Волнуха.*

127. Двѣ деревянки, четыре коряки, восемь дыръ верченыхъ, девятая долбиная. *Воловье окно.*

128. Былъ малъ — въ четыре дудки игралъ; выросъ великъ — землю поднялъ. *Волъ.*

129. а) Четыре сестры бѣгать шустры (бѣгаютъ кругомъ), одна за другой — не догонятъ (не догнать) ни одной. *Вороба.* (для размашки пряжи).

б) Четыре сестрицы вокругъ гоняются, одна другой не догонитъ. *Воробы.*

130. Два ворона клюютъ одну голову. *Воронцы и хлѣбъ.*

131. У нашего сосѣда конь саврасъ по колѣни(о) увязъ. *Воротній столбъ.*

132. На ладонкѣ чирей. *Ворохъ на гумнѣ.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

133. Что стоитъ возлѣ *чаю? Воскресеніе мертвыхъ.*

134. Стоитъ мостъ на семь верстъ; по конецъ моста золота верста. *Воскресеніе Христово и постъ.* Ср. *пасха.*

135. Летѣло 52 лебедя, двѣнадцать гусей, четыре орла, снесли одно яйцо. *Воскресеніе Христово.* (Москва.) Ср. *будни.*

136. Въ потемкахъ родится, съ огнемъ помираетъ. *Воскъ.*

137. Въ печь положишь — вымочишь; въ воду положишь — высохнетъ. *Воскъ.*

138. а) Поймалъ я корову въ темныхъ лѣсахъ; повелъ я коровку: мимо лобково, бровково, глазково, носково, щёчково, ушково, ротково, губково, усково, бородково, шейково, грудково, ручково, палечково; привелъ я коровку на нокотково, тутъ я коровку и сталъ принимать (убивать). *Вошь.* (Распространена.)

б) Везли борова изъ волоснаго города (тащу я вола) чрезъ лобково, чрезъ глазково, чрезъ носково, чрезъ ротково, чрезъ брадково (приведу въ нокотково да и убью). с) Поймали волка въ волосатовѣ, тащили волка черезъ лобково, черезъ глазково, черезъ носково, черезъ ротково, убили волка въ ногтевѣ.

139. Солова не лошадь, сохатый да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ. *Вошь.* (Западн. Сибирь.)

140. Въ печуркѣ три чурки, три гуся, три утки, три тетерева. *Времена года.*

141. Что быстрѣе мысли? *Время.* (Зарайскъ.)

142. У нашего Дениса четыре колеса; сломалась ось и таратайка врозь. *Вьютъ веревки.*

143. Въ лыковцѣ четыре, въ ржавцѣ двѣ. *Вымя у коровы и козы.* Ср. *свиньи.*

144. Откину стегно, откину и друго, и выведу живо. *Выпрягаю лошадь.*

145. Летѣла сова изъ краснаго села, сѣла сова на четыре столба. *Выстрѣлъ.*

146. Подъ мостомъ-мо́стомъ яристомъ лежитъ свинья кубариста; въ ней ядро говоритъ добро. *Выстрѣлъ изъ пушки.*

147. Била меня мать уздой передъ избой. *Вышка съ рашеткой.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

148. Не величекъ мужичекъ, ножки жиденьки, подпоясанъ коротенько, по избѣ пройдетъ — пыль столбомъ. *Вѣникъ.*

149. а) Стоитъ Ерофейко, подпоясанъ коротенько. *Вѣникъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Махонька Потаненька подпоясанъ коротенько. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

150. а) Маленькій (старый) Аѳанасій лычкомъ подпоясанъ, по полу ело́зитъ, заду не занозитъ. *Вѣникъ.* (Казань.)

б) Маленькій, удаленькій по полу ело́зитъ, заду не занозитъ.

151. Маленькій Макарчикъ лычкомъ подпоясанъ, по лавочкѣ бѣгаетъ. *Вьникъ*. (Зарайск. у., с. Мишино.)

152. Шило-копошило, по подлавочью ходило, по нашему говорило. *Вьникъ*.

153. Туда Митя, сюда Митя, и подъ лавку ушелъ. *Вьникъ*.

154. Скокъ на лавочку, скокъ подъ лавочку, скокъ въ передній уголокъ. *Вьникъ*. (Нерчинск. окр.)

155. Маленькій, горбатенькій весь полъ обѣгалъ. *Вьникъ*.

156. Махъ, махъ, подъ порогъ (лавку) лягъ. *Вьникъ*. (Ряз. у., с. Жолчино.)

157. Скрученъ, связанъ, по избѣ скачетъ. *Вьникъ*.

158. Маленькой шарикъ подъ лавками шаритъ. *Вьникъ* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

159. Днемъ курица (куражится), ребрится, къ ночи въ уголъ садится. *Вьникъ*.

160. Кургузъ, коротокъ, обѣжалъ весь городокъ и прижался въ уголокъ. *Вьникъ*.

161. а) По полу гудокъ, по подлавочью (по лавкамъ) гудокъ; тотъ же гудокъ сѣлъ въ уголокъ, пригорюнился. *Вьникъ*.

б) Подъ лавкой гудокъ, по полу гудокъ; наиграется гудокъ, сядетъ въ уголокъ. в) По полу скокъ, и по лавкамъ скокъ; сядетъ въ уголокъ, не ворóхнется. г) Скокъ поскокъ на лавкѣ гудокъ, пополу гудокъ, по подлавью гудокъ: наиграется гудокъ да и сядетъ въ уголокъ, не ворóхнется.

162. а) Самъ не великъ, зашелъ въ городокъ, всѣхъ людей прибилъ, а самъ въ уголокъ. *Вьникъ, которымъ парятся въ банѣ*. Котельничъ.

б) Маленькій пузанчикъ по городу ходилъ, всѣхъ ребятъ перебилъ. в) Маленькой, пузатенькой по городу (міру) ходилъ, всѣхъ людей перебилъ и царю не спустилъ. г) Малъ да удалъ: всѣхъ людей перебилъ и царю не спустилъ.

164. Толстенькій карапузикъ: отъ него и царю достается. *Вьникъ*.

164. а) Пришелъ зелéна въ субботу въ вечерá. *Вьникъ*. (Раз. у. с. Жолчино.)

б) Пришелъ зелéне поздно вечéре.

165. Вечóръ меня зеленýшка уползалъ, уерзалъ и спать уклалъ. *Вьникъ*.

166. По сараю (повѣти) хожу, хлестыхала (ерыкалу) ищу, хлестыхаться (ерыкаться) хочу. *Вьникъ*.

167. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Вьтеръ*.

168. Безъ рукъ, безъ ногъ воюетъ. *Вьтеръ*.

169. Безъ рукъ, безъ ногъ подъ окномъ стучитъ, въ избу просится. *Вьтеръ*. (Мещовск. уѣздъ.)

170. Безъ рукъ, безъ ногъ, а ворота отворятъ. *Вьтеръ*.

171. Выше лѣса, а тоньше колоса. *Вьтеръ*.

172. Щука хвостомъ махнула, лѣсъ погнула. *Вьтеръ*. (Курск. губерніи.)

173. Братцева коня не поймать. *Вѣтеръ.*

174. Батюшкина коня не удержишь, матушкину покромку не скатаешь. *Вѣтеръ* и *дорога.*

175. У батюшки жеребецъ — всему міру не сдержать; у матушки коробья́ — всему міру не поднять; у братца кушакъ — всему міру не скатать. *Вѣтеръ, земля, звѣзды, дорога.* (Моложск. у., прих. Станиловскій, на Сити.)

176. Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ огня горитъ, безъ ранъ болитъ. *Вѣтеръ, туча, солнце, сердце.*

177. Птица юстрица на девяти ногахъ стоитъ, на вѣтеръ глядитъ, крыльямъ(и) машетъ, а улетѣть не можетъ (а сама ни съ мѣста). *Вѣтрянная мельница.*

178. Курочка Софья три года сохла, ни пила, ни ѣла, въ потолокъ глядѣла. *Гвоздь.*

179. Стою ли я надъ головою — прямо стою́; стою́ ли я подъ ногами — прямо стою́. *Гвоздь въ сапогъ.*

180. а) Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ; хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ. *Гвоздь на сапогъ.* (Ворон. г.)

а) Хотя я на ногахъ, хожу на головѣ; хотя на головѣ, однакожь въ сапогахъ. (Тихвинъ; Моск. губ., Дмитр. у., с Хорошилово.)

181. Не кошено, ни рожено, на колѣняхъ плачетъ. *Гитара.* Ср. *балалайка*, № 10.

182. Подъ крышечкой двѣ куколки играютъ. *Глаза.*

183. Подъ порожкомъ два горшечка. *Глаза.*

184. На полѣ на кошличкѣ лежатъ два яичка. *Глаза.*

185. Два клубка черезъ грядку висятъ. *Глаза.*

186. Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ; одинъ другого (другъ дружку) не видятъ. *Глаза.* (Курск. г.)

187. Сидитъ птица Салоса, безъ крыльевъ, безъ хвоста, и косматая и горбата, куда ни взглянетъ — правду скажетъ. *Глаза.*

188. Подъ мостомъ, мостищемъ, подъ соболемъ, соболищемъ, два соболя разъигрались. *Глаза.*

189. а) Два двачка, два очка, два корытичка. *Глаза.*

б) Два двачки да корытички сойдутся да разойдутся.

190. а) Кругло, горбато, около мохнато, придетъ бѣда, потечетъ вода. *Глаза.*

б) Кругомъ шерстью обросло, придетъ бѣда, потечетъ вода.

191. а) Вокругъ поля (земли) обведу, а вокругъ головы не обвести. *Глаза.*

б) Кругъ го́рода станетъ, кругъ головы не достанетъ. в) Возжи долги; вокругъ поля достаютъ, только вкругъ (одного) кола не достаютъ. г) Возжечки не долги, не коротки; вкругъ поля встали, а кругъ головы не достали. д) Тоненькія возжицы до неба достаютъ, а около головы не станутъ. е) Долги, долги вожечки: до неба станутъ, а вкругъ головы не достанутъ. ж) Возжи, вкругъ свѣта обовьются, вкругъ головы не обовьются. з) Возжи мои, возжи! Все поле извозжали, вокругъ головушки не стали.

192. Въ баенкѣ, въ уголку два яичка въ мошку. *Глаза.* (Вытегра.)

193. а) Въ парну баенку иду, пару яблочковъ несу. *Глаза.*

б) Въ баенки на поло́чку два яблочка въ уголо́чку.

194. Подъ дугамъ, дугамъ ходятъ (виситъ) яблоки (яблоко) съ кругамъ. *Глаза.*

195. Два яблочка (яичка) въ моху да морковка на верху. *Глаза* и *носъ.* (Пошехонск. уѣзда).

196. Кругленькимъ, маленькимъ до неба докинешь. *Глазъ.*

197. У ласточки въ ящички въ синемъ плату денежка. *Глазъ.*

198. Стоитъ палата кругомъ мохната; одно окно и то мокро. *Глазъ.*

199. Не огонь, а свѣтитъ. *Гнилушка.* (Зарайскъ.)

200. а) Стоитъ дубъ, на дубу 12 гнѣздъ (выросъ кустъ изъ 4 мѣстъ, на томъ кусту 12 гнѣздъ); на каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы; у каждой синицы по четырнадцати яицъ, семь бѣленькихъ, да семь черненькихъ. *Годъ, мѣсяцы, недѣли, дни* и *ночи.*

б) Стоитъ дубъ, на немъ двѣнадцать гнѣздъ, по четыре яйца, на каждомъ яйцѣ по семи цыпленковъ. в) Стоитъ столбъ отъ земли до неба, на столбѣ 12 гнѣздъ; въ каждомъ гнѣздѣ по 4 яйца (4 чирки); въ каждомъ яйцѣ по 7 цыплятъ (7 яицъ). г) Лежитъ колода (поперегъ дороги), въ ней 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздочкѣ 4 яйца, въ каждомъ яичкѣ по семи цыплятъ (зародышковъ, что выйдетъ?). д) Лежитъ колода концемъ въ болото; у этой колоды двѣнадцать сучковъ; на каждомъ суку—по четыре гнѣзда, въ каждомъ гнѣздѣ по семи зародышевъ. (Нерчинск. окр.) е) Лежитъ брусъ во (разо) всю Русь, и на томъ брусу двѣнадцать гнѣздъ и во всякомъ гнѣздѣ по четыре яйца. (Пошехонскаго уѣзда.)

201. а) Лежитъ колода, по ней дорога, пятьдесятъ сучковъ да триста — листья. *Годъ.*

б) Выросло дерево отъ земли до неба, на этомъ деревѣ 12 сучковъ, на каждомъ сучкѣ по четыре кошеля, въ каждомъ кошелѣ по шести яицъ, а седьмое красное. в) Стоитъ дерево о 12 сучкахъ, на каждомъ сучку шесть отраслей, по сёму золоченому. г) Стоитъ дубъ, на дубу 12 вѣтвей, на каждой вѣткѣ по 4 отростка на каждомъ отросткѣ по семи прутьевъ. д) Стоитъ дерево, съ одной стороны листья бѣлыя, съ другой черныя. (Моложск. у., приходъ Станиловскій на Сити.)

202. а) Стоитъ садъ, въ саду 12 грядъ, на грядахъ по 4 бороздки, на бороздкѣ по семи кочней. *Годъ.*

б) Четыре разныхъ цвѣта, триста шестьдесятъ шесть грядъ, на каждой по четыре арбуза. (Зап. Сибирь.)

203. Триста листовъ, пятьдесятъ туманастовъ, двѣнадцать ерманцовъ. *Годъ.*

204. а) Триста орловъ, пятьдесятъ соколовъ, дерево сухое, верхъ золотой. *Годъ.*

б) 365 галокъ, 52 сокола, 12 орловъ, сосенка сухая, маковица золотая. в) Двѣнадцать орловъ, 52 галки, 365 скворцовъ одно яйцо снесли.

205. Стоитъ городъ, въ городу 12 башенъ, изъ каждой башни по 4 окошка, изъ каждаго окошка по семи выстрѣловъ. *Годъ.*

206. На двѣнадцать рогозъ разсыпался горохъ. *Годъ.* (Пошехонск. уѣзд.)

207. а) Я старъ, у меня 12 сыновей, у каждаго сына по 30 дочерей, лѣтами ровны, именами разны. *Годъ, мѣсяцы и дни.*

б) Я старъ, родилось отъ меня 12 сыновей, а отъ каждаго изъ нихъ по 30 дочерей, на половину красныхъ и черныхъ.

в) Одинъ по двѣнадцати родилъ, а двѣнадцать семь породили, изъ семерыхъ четыре выросло.

308. Шолковъ клубъ—семь дыръ вокругъ. *Голова у человѣка.*

209. а) Шелъ посолъ, шелъ не дорогой, несъ грамотку неписаную. *Голубь, выпущенный Моисеемъ изъ ковчега.*

б) Пошелъ посолъ нѣмъ, пришелъ посолъ нѣмъ, принесъ грамоту неписаную, далъ читать неученому. в) Стоитъ гробъ на пути, нѣтъ къ нему пути; идетъ къ нему посолъ нѣмъ, несетъ грамоту неписаную, даетъ читать неграмотному.

210. а) Три брата за панибрата однимъ кушакомъ подпоясаны. *Городьба.*

б) Два братца однимъ кушачкомъ опоясавши. *Два кола сплетены.*

211. Сивая свинья на дубу гнѣздо свила, дѣтки по вѣткамъ, а сама въ коренекъ. *Горохъ.*

212. Малы́ малышки́, катали катышки́, сквозь землю прошли, синю матку нашли; синя, синя, да и вишневая. *Горохъ.*

213. Безъ рукъ, безъ ногъ на батогъ ползетъ. *Горохъ.*

214. а) Катились каточки по липову мосточку, увидѣли зо́рю, бросились въ воду. *Горохъ варятъ.*

б) Отъ стуку и отъ грому катился каточки по широкой дощечки(ѣ), увидали зорю, пометались въ воду. (Ср. № 235).

215. Въ полѣ-то го—го́, го—го́, въ лѣсахъ-то ги—ги́, ги—ги. *Горохъ и грибы.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово; Тихвинъ.)

216. Поѣхалъ я въ городъ, купилъ; не долго онъ у меня жилъ; надѣлъ на него ризы, бросилъ въ чистое поле. *Горшокъ.* (Зарайск. у., с. Мишино.)

217. а) Жилъ былъ—много душъ кормилъ, умеръ: ни погребенья, ни поминовенья. *Горшокъ.*

б) Вили меня, повивали меня, бросили меня за перегородку: ни тѣлу погребенья, ни душѣ поминовенья. в) Былъ коптилъ, семерыхъ кормилъ; а голову сломилъ, такъ за тынъ полетѣлъ. г) Жилъ кругалъ—сто душъ кормилъ; умеръ и помину нѣтъ. д) Родится—вертится, живетъ—всѣмъ кормилецъ; смерть его эхма! е) Родится—вертится, ростетъ—бѣсится (кипитъ), помретъ—туда и дорога.

218. а) На топталѣ былъ, на кружалѣ былъ, на пожарѣ былъ; на базарѣ былъ, домой пришелъ. *Горшокъ.* (Тобольскъ.)

б) Былъ я на копанцѣ, былъ я на хлопанцѣ; былъ на пожарѣ, былъ на базарѣ; молодъ былъ—людей кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ; умеръ, мои кости негодящія бросили въ ямку, и собаки не гложутъ. в) Былъ я на копкѣ, былъ на топкѣ, былъ на кружалѣ, былъ на пожарѣ, сталъ на базарѣ; молодъ былъ, сто головъ кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ. г) Былъ я на копанцѣ, былъ я на топаннѣ, былъ на кружалѣ, былъ я на пожарѣ, очутился на базарѣ (или: былъ на базарѣ, а старъ сталъ, пеленаться сталъ). д) Былъ я на топани, былъ я на лопани, былъ и на пожарѣ, очутился на базарѣ. е) Былъ я на копствѣ, былъ я на топствѣ, былъ я на кружалѣ, былъ я на пожарѣ, былъ я на базарѣ; сталъ старъ, пеленаться сталъ. (Зап. Сиб.)

219. а) Малъ былъ—отца-мать кормилъ; сталъ старъ—пеленаться сталъ. *Горшокъ.* (Молостовъ) (Нерчинск. окр.)

б) Молодъ былъ—людей (сто головъ) кормилъ; старъ сталъ—пеленаться сталъ; умеръ, мои кости негодящія бросили въ ямку, и собаки не ѣдятъ.

в) Ребенокъ не зналъ пеленокъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ.

г) Когда я былъ молодъ, пота́ и красенъ; когда я старъ, пеленаться сталъ; потомъ бросили меня подъ Китай городокъ.

220. а) Умеръ дороня, никто не хороня; вынесли на улицу: ни собаки не ѣдятъ, ни вороны не клюютъ. *Горшокъ.* (Ряз. у, с. Желчино.)

б) Жилъ нероня, умеръ нероня, никто его не хороня, ни попы ни дьячки, ни мы дураки.

221. а) На горѣ родился, въ огнѣ крестился; их!... расшибся. *Горшокъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Спородила миня гора каменная, крестила рѣка огненная, возили на торгъ продавать; покупала мене барыня добрая, ударила меня золотымъ перстнемъ; разсыпались мои кости бѣдныя. Въ гробъ не положены; на нихъ люди не глядятъ, и собаки не ѣдятъ. (Курск. губ.)

в) Родился не крестился; аминь ему: ахъ! (Моск. г., Дмитр, у., с. Хорошилово.)

222. а) Убью убоища, стащу подъ горище: ни себѣ владать, ни собакамъ глодать. *Горшокъ.* (Ряз. у., с. Желчино.)

б) Убью я вола, стащу со двора; ни собаки не ѣдятъ, ни вороны не клюютъ. (Зарайск. у., с. Плуталово.)

в) Сенька Семенъ подъ горою сидѣлъ, много нуждъ принималъ, много душъ кормилъ, убилъ соболя и стащилъ со двора.

223. а) Купилъ я гагана, онъ разнѣжился и расплакался; кинулъ я его за окно, никто не беретъ: собаки не ѣдятъ и воро́ны не клюютъ. *Горшокъ.*

б) Родился на кружалѣ, росъ вертѣлся, живучи парился,

живучи жарился; померъ—выкинули въ поле; тамъ меня звѣрь не ѣстъ и птица не клюетъ. в) Свѣтъ Кощей, господинъ Кощей: сто людей кормилъ,гулять ходилъ, головку сломилъ; кости выкинули, псы не понюхали.

224. а) Никто не таковъ, какъ Иванъ Дураковъ (Пятаковъ); сѣлъ на конь, да поѣхалъ въ огонь. *Горшекъ*. (Ряз. у., с. Жолчино; Нижегор. губ., Ардат. у., с. Котовка.)

б) Есть-ли таковъ, какъ Иванъ Русаковъ? Сѣлъ на конь да и поѣхалъ въ огонь. в) Никто не таковъ, какъ Иванъ Колпаковъ (Токмачевъ): сядетъ на конь, да поѣдетъ въ огонь.

225. Разсыпался (раскатился) черкасъ, никому его не скласть: ни попамъ (-у), ни дьякамъ (-у), ни серебрянникамъ (-у). *Горшекъ*. (Зарайск. у., с. Плуталово.)

226. Плотники, безъ топоровъ, срубили горенку безъ угловъ. *Горшекъ*.

227. Померъ Адамъ—ни Богу, ни намъ: ни душа на небо, ни кости въ землю. *Горшекъ*.

228. а) Ѣхалъ на колесницѣ и проданъ на торжищѣ, какъ прекрасный Іосифъ, а послѣ его смерти и кости не погребены. *Горшекъ*.

б) Взятъ отъ земли, яко Адамъ, посаженъ на колесницу, яко Илія, ввержень въ пещь, яко три отроцы, возжалихся (sic) рабыня, облекоша его въ пестрыя ризы и заставиша его второй вѣкъ жить, и егда пріидетъ разслабленіе костямъ его, тогда бываетъ на распутіе и земля костей его не пріемлетъ.

229. Вился, родился, мучился, крестился; пошелъ, запялся (замялся), весь міръ засмѣялся. *Горшекъ*.

230. а) Стоитъ старикъ въ *оську* *), пересѣлся со смѣху. *Горшекъ въ печи*. (Ср. чугунъ.)

б) Стоитъ Егорій на осѣку, пересѣлся со смѣху.

231. Родился вертяся, а умретъ взбѣсяся. *Горшекъ лопнетъ кипя*.

232. Развалющія мои косточки — никто васъ не купитъ, не возьметъ — понесу ихъ за тынъ городокъ. *Горшекъ разбитый*.

233. Стоитъ молодецъ по колѣни въ золотѣ. *Горшекъ въ углѣхъ*.

234. Полонъ засичекъ красныхъ яичекъ. *Горшекъ съ углями*.

235. Отъ стуку и отъ грому катились каточки по широкой дощечки, увидѣли зорю, пометались въ воду. *Градъ*. (Сравн. № 214.)

236. Разсыпался горохъ на 70 дорогъ; никто его не подберетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица. *Градъ*.

237. Бѣжитъ свинка пересѣчена спинка. *Гребенъ*. (Курск. губ.).

---

*) Изгорода, сдѣланная изъ срубленныхъ наваленныхъ деревьевъ.

238. а) Сѣлъ Еремка на рябину, погналъ скотину. *Гребень.* (Моложск. с., пр. Станиловскій на Сити.)

б) Костяной (сухой) Гаврилка вскочилъ на лядúнку, разгонялъ всю животинку (скотину). в) Скочилъ въ лединку, выгналъ всю скотинку и коровушку подъ ноготокъ.

239. а) Антипкинъ сынъ подтыкался, пошолъ въ лѣсъ свиней загонять. *Гребень* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Слѣпой Демидъ въ чащу ходилъ, поросятъ давилъ.

240. а) Ходитъ сухой Данило, ходитъ по болоту, свиней собираетъ. *Гребень.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Маленькій, коротенькій повадился въ болотинку утятъ тас кать. (Пермск. г., Шадринскій у.) в) Маленькій, горбатенькій, зубатенькій, повадился въ лугу утятъ таскать, а ему еще спасибо.

241. Маленькій Трофимецъ скочилъ на овинецъ; овина не молотитъ, а *садиво* распустилъ. *Гребень.*

242. Подъ сараемъ ходила, рыкалку искала, рыкалку нашла, рыкаться пошла. *Гребень.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.) Ср. *вѣникъ*, № 166.

243. Сухая пятница кости грызетъ. *Гребень.* (чесалка.)

244. Подъ передомъ передомъ сидитъ баринъ съ бородой. *Гребень, мочка.*

245. Загануть-ли тѣ загадку, перекинуть черезъ грядку, черезъ плетень, черезъ барскій дворъ. *Гребень, мочка.*

246. Какіе зубы не кусаютъ и не ѣдятъ. *У гребня.*

247. Черненькій мужичекъ, зелененькой поясъ. *Греча въ снопѣ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

248. Черно, расколото, беретъ оскомина. *Гречиха.* (Распространена.)

249. Токъ желѣзный, а посадъ (постановъ) гречишный. *Гречневые блины на сковородѣ.* (Ряз. у., с. Жолчино; Тульск. губ., Ефрем. у.) Ср. *блинъ*, № 25.

250. а) Стоитъ Трошка на одной ножкѣ; его ищутъ, а онъ нишнетъ. *Грибъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Стоитъ Антошка на одной ножкѣ.

251. Маленькій, удаленькій, сквозь землю прошолъ, красну шапку нашелъ. *Грибъ.*

252. а) Шило мотовило, подъ землей ходило, передъ солнцемъ стало и шляпу сняло. *Грибъ.*

б) Малъ малышóкъ, по подземелью шелъ: передъ солнцемъ сталъ, колпачишка снялъ.

253 Мальчикъ съ пальчикъ; бѣлъ балахонъ, шапка красненькая. *Грибъ.*

254. а) На бору на юру стоитъ старичекъ, красенъ калпачекъ. *Грибъ.*

б) На бору на юру на вятскомъ (?) острову стоятъ старички красношапочники.

255. Несутъ (стоитъ) корыто другимъ намыто. *Гробъ.* (Курск. губ.)

256. а) Деревянное перо сырымъ мясомъ начинено. *Гробъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Деревянный пирогъ, начинка мясная.

257. а) Кто дѣлаетъ, не для себя; кто покупаетъ, тому не нуженъ; а кому нуженъ, тотъ не вѣдаетъ. *Гробъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Всякому надо, а никто самъ на себя не работаетъ. в) Сработанъ кафтанъ не для себя, купленъ не про себя, а кѣмъ изношенъ, тѣмъ не виданъ. г) Кто дѣлаетъ, тотъ не хочетъ; кому дѣлаютъ, тотъ не знаетъ. д) Кто работалъ, тотъ не продалъ; кто купилъ, тому не надо; а кому надобно, тотъ не проситъ.

258. Женихъ отъ рубля. *Гробъ*, по цѣнѣ его у крестьянъ.

259. Тяпъ-тяпкомъ: погодя маленько, хлопъ замкомъ. *Гробъ* дѣлаютъ какъ бы нé хотя съ горемъ; а какъ придетъ время зарывать въ землю, то обыкновенно захлеспываютъ очень скоро. (Моложск. у., прих. Станиловскій на Сити.)

260. Безъ огня горитъ? *Гроза.*

261. Царь крикнетъ, царь мигнетъ, кого-то позоветъ? *Гроза.*

262. Туръ ходитъ по горамъ, турица-то по доламъ, туръ свиститъ, турица-то мигнетъ. *Гроза.*

263. Что стучитъ безъ рукъ? *Громъ.*

264. Сивый жеребецъ во (на) все царство ржетъ. *Громъ.* (Тульск. г., Ефремовск. у.)

265. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. *Громъ.*

266. Кобыла заржетъ на Турецкой горѣ, жеребецъ откликнется на Сіонской горѣ. *Громъ.*

267. Покатился монахъ по сіонскимъ горамъ, сухари въ головахъ. *Громъ.* (Зарайск. у., с. Мишино.)

268. а) Мотовило, косовило, по поднебесью ходило, всѣхъ устрашило. *Громъ.*

б) Мотовило (мановило) косовило, по поднебесью ходило, по французски говорило, по нѣмецки отвѣчало.

269. Громко стучитъ, звонко кричитъ, а что говоритъ, ни кому не понять и мудрецамъ не узнать. *Громъ.*

270. Одинъ баетъ, другой лаетъ. *Громъ и дождь.*

271. Ржетъ жеребецъ на крутой горѣ, услышала кобыла во сырой землѣ. *Громъ и дождь.*

272. Бѣлый лебедь, на блюдѣ не былъ, ножемъ (никѣмъ) не рушенъ, а всякъ его кушалъ. *Груди.*

б) Лебедь-ты мой бѣлый, на блюдѣ ты не былъ, ножемъ ты не рушенъ, всякъ тебя кушалъ.

273. а) Ни печéно, ни варѐно на блюдѣ не бывало (было), ножемъ не рушено, а всякимъ (всѣми) кушано. *Груди.*

б) Ни гусь, ни баранъ, ножемъ не рушенъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ его ѣдалъ. в) Ни рыба, ни баранъ; сахаръ не бывалъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ меня ѣдалъ.

274. Крупичатый калачь на столѣ не бывалъ, а всякъ его ѣдалъ. *Груди.*

275. Сахарный кусочикъ (сахаръ напитанъ), на блюдѣ не лежалъ (бывалъ), всякъ его ѣдалъ. *Груди.*

276. Два комка, третья лакомка. *Груди и младенецъ.*

277. На столъ не носятъ, ножемъ не рѣжутъ, весь міръ кушаетъ. *Грудное молоко.* (Котельничъ.)

278. Сахаръ скапидаръ, на блюдѣ не бывалъ, всякъ его ѣдалъ. *Грудное молоко.*

279. Патока медокъ всему міру ходокъ, только на столъ не ходокъ. *Грудное молоко.* (Нижегор. губ., Ардат. у., с. Котовка).

280. Стоитъ дубъ безъ вѣтвей, на немъ воронъ безъ крылъ; снялъ его человѣкъ безъ рукъ, съѣлъ безъ зубовъ; сталъ онъ по горло въ воду — вода льется, не насытится. *Грѣхъ.*

281. Два во́рона летятъ, одну голову ѣдятъ. *Грядки и голубецъ.*

282. Не сучокъ, не листокъ, а на деревѣ растетъ. *Губка.*

283. Въ лѣсу выросъ, на стѣнѣ вывисъ, на рукахъ плачетъ, кто слушаетъ скачетъ. *Гудокъ.* Ср. *балалайку*, № 10.

284. Стоитъ Егорій въ полу-уго́рьѣ (въ полу-угорѣ), шатромъ накрылся, копьемъ подперся. *Гумно.*

285. Отецъ шатеръ, мать ладеръ (?), сынки хватки, дочки полизунчики. *Гумно.*

286. Летѣло сто гусей; попался имъ на встрѣчу одинъ гусь и говоритъ: здравствуйте, сто гусей! «Нѣтъ, насъ не сто гусей: столько да столько, да четверть столько, да ты гусь нашъ, такъ и будетъ сто гусей.» *36 гусей.*

287. Виловато мотовило, за то по пански говорило, подъ небеса уходило. *Гуси летятъ стадомъ.* (Котельничъ.)

288. Бѣлы хоромы, красны подпоры. *Гусь.*

289. На одной ногѣ стоитъ, рожкомъ воду пьетъ. *Гусь.*

290. Въ печерскомъ, въ горшенскомъ, подъ крышенскимъ сидитъ курнилъ курлиповичъ. *Гусь въ горшкѣ подъ крышкой.*

291. Соловьиное гнѣздо ни въ избѣ, ни на дворѣ. *Двери.*

292. Двѣ кумушки кланяются, а вмѣстѣ не сходятся. *Двѣ двери въ двухъ сѣняхъ.*

293. Елка смахнется, всѣ люди оглянутся. *Дверь.*

294. Ходитъ безъ ногъ, держитъ безъ рукъ; кто идетъ, тотъ за воротъ беретъ. *Дверь.*

295. Зиму и лѣто на одномъ полозѣ ѣзжу? *Дверь.* (Зарайскъ.)

296. а) Ходитъ, а въ избу не входитъ? *Дверь.* (Смоленской г., Вязниковск. уѣзда.)

б) По сѣнямъ (сѣнцамъ) ходитъ, а въ избу нейдетъ (не входитъ). в) По сѣнямъ и такъ и сякъ, а въ избу никакъ.

297. Не шагаетъ, а ходитъ. *Дверь.*

298. а) И старый и малый за пупъ тянетъ. *Дверь.* (Казань.)

б) Ночь всю спитъ, а днемъ старую бабу за пупъ да за пупъ. (Западн. Сибирь). в) Стару бабу за пупъ тянутъ.

299. а) Два стоятъ (двое стоя), два лежатъ (двое лежа),

пята (пятый) ходитъ, шеста (шестой) водитъ, сёдма поворачиваетъ (пѣсенки поетъ). *Дверь.* (Распространена.)

б) Два стоячихъ, два лежачихъ, одинъ ходитъ, всѣхъ за собой водитъ. (Тобольскъ). в) Двое стоятъ, двое лежатъ, пятый пошелъ да пошелъ (бѣжитъ да бѣжитъ).

300. Боровище въ черномъ хлѣвищѣ. *Деготь.*

301. Къ вечеру умираетъ, по утру оживаетъ. *День.*

302. Что будетъ завтра и было вчера? *День.*

303. Двѣ сестры: одна свѣтлая, другая темная. *День и ночь.* (Казань.)

304. Черная корова весь міръ поборола, а бѣдная подняла. *День и ночь.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

305. Держу, подержу по бѣлому Трофиму; Трофимъ взглянетъ, зубы оскалитъ. *День на разсвѣтѣ.* (Тобольскъ.)

306. а) То́ненька, бе́ленька, ма́ленька, кру́гленька, всему міру ми́ленька. *Деньга.*

б) Кругленько, бѣленько, всему свѣту миленько. в) Кругло, мало, всякому мило.

307. Кругла и покатна: день и ночь бѣжитъ. *Деньга.*

308. Безъ ногъ (вездѣ) ходятъ. *Деньги.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

309. Молоткомъ побьютъ — и намъ даютъ. *Деньги.*

310. Кто меня сдѣлалъ — не сказываетъ; кто меня не знаетъ — принимаетъ; кто знаетъ — на дворъ не пускаетъ. *Деньги подъ̀ольныя.*

311. На что попъ шляпу купилъ? *На деньги.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

312. Лѣтомъ въ шубѣ, зимой въ *шабурѣ* *). *Дерево.*

313. а) Весной веселитъ, лѣтомъ холодитъ, осенью питаетъ, зимой согрѣваетъ. *Дерево.* (Воронежск. г.)

б) И лѣтомъ весело, и осенью сытно, и зимой тепло.

314. Дерево астраханское, зубье дубитанское. *Дерево боярки.*

315. Стоитъ дерево силотырско, на немъ платье богатырско, лисьё дьявольское. *Дидевникъ.*

316. Носъ луковкой съ перерубкой. *Дитя,* у котораго одинъ родитель — Русскій, а другой — Тунгузъ. (Отличительная черта физіономіи Тунгусовъ.) (Сибирь).

317. а) Сорокъ недѣль въ тюрьмѣ сидѣлъ, да годъ со днемъ (два года) на висѣлицѣ висѣлъ. *Дитя.*

б) 40 недѣль сидѣлъ я въ темницѣ, шесть недѣль въ больницѣ, 20 недѣль меня вязали, да годъ на висѣлицѣ держали.

318. Липова загибка, мясной пирожокъ. *Дитя въ люлькѣ.*

319. Тридцать постель, 30 гостей, постель съ постелью не сойдется, гость съ гостемъ не столкнется. *Дни въ мѣсяцѣ.*

320. Кто всѣхъ богаче? *Довольный своими состояніемъ.*

---

*) Лѣтняя мужская одежда въ родѣ халата. (Пермск. губ.)

321. а) Высокъ и тонокъ въ травѣ не видать. *Дождь.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) И тонокъ, и дологъ, а сядетъ — въ травѣ не видать.

в) Тонокъ, дологъ, голенастъ, а въ травѣ не видать.

322. а) Посмотрю я въ окошко: идетъ длинный Антошка. *Дождь.*

б) Сидѣла барыня подъ окошкомъ: мимо нее прошелъ длинный Антошка. (Ряз. у., с. Жолчино.)

323. а) Шелъ долговязъ, въ (сыру) землю увязъ. *Дождь.*

б) Долгій долговязъ, на сушѣ увязъ. в) Шелъ долгови, въ землю увезся.

324. До неба достанетъ, а отъ земли не видать. *Дождь.*

325. Сусляно, муслянo, до лѣсу протянуто. *Дождь.*

326. На землю падаетъ, отъ земли не отлетаетъ. *Дождь.*

327. Летѣлъ панъ, на воду палъ, самъ не убился и воды не взмутилъ. *Дождь мелкій.*

328. Гляну я въ окошко: идетъ тоненькій Янтошка; гляну я въ другое: идетъ толстый Микита. *Дождь и мятель.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

329. Тонкій, высокій, упалъ въ осóку, самъ не вышелъ, а дѣтей вывелъ. *Дождь и потоки.*

330. Молòдочка, оберчена головочка. *Дойникъ.*

331. Дубъ дыроватъ; въ дубу ядра говорятъ. *Домъ.*

332. Стоúтъ бычище, проклеваны бочища. *Домъ и окна.*

333. Стоитъ сыръ дубъ, въ сыру дубу ящикъ, въ ящикѣ синь платъ, въ платѣ золото. *Домъ, сундукъ, платье, деньги.*

334. На улицѣ анбаръ, въ анбарѣ сундукъ, въ сундукѣ синь платъ, въ синемъ плату золото. *Домъ; печь; чело и искры на немъ.*

335. Сижу на липѣ, трясу березу, гляжу сквозь ленъ. *Донце, веретено, гребень.* (Распространена.)

336. а) Стань, пристань, до неба достань! *Дорога.* (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.)

б) Лежитъ брусъ во всю Русь, а станетъ — до неба достанетъ. (Вытегра.) в) Лежитъ Дороня (Дорофей), никто его не хороня (-нитъ); а встанетъ, до неба достанетъ.

337. а) Лежитъ Рася растеняся, яко станетъ — небо достанетъ. *Дорога.* (Нерчинск. окр.)

б) Лежитъ скала, какъ бы я стала, я бы небо достала. (Зарайск. у., с. Плуталово.) в) А се! я разлеглася, какъ бы я встала, такъ небо достала; кабы руки да ноги, я бы вора связала; какъ бы ротъ да глаза — я бы все разсказала. г) Какъ бы всталъ, какъ бы всталъ, такъ бы до неба досталъ; какъ бы руки да ноги, такъ бы вора связалъ (никакого бъ вора не пропускалъ); какъ бы ротъ да глаза, такъ бы все (много) (все бъ господамъ) разсказалъ. (Распространены.) д) Кабы ноги бы были — я бы вора засталъ; кабы руки бы были — я бы вора связалъ; кабы ротъ да глаза — я бы все разсказалъ. (Вытегра.) е) Лежитъ мерзлякъ, говоритъ онъ такъ:... (Тульск. губ. Чернск. у.)

338. Протянута нитка — на клубокъ не смотать. *Дорога* (казанск.)

339. а) Всему міру не скатать? *Дорога* (казанск.)

б) Сестрину новину не скатать.

340. Ѣду, ѣду по новому желѣзу — до конца не доѣду. *Дорога.* (Вяземск.у.)

341. а) Чего къ избѣ не приставишь? *Дорогу.* (Общеизвѣстна.)

б) Чего къ стѣнѣ не привалишь (прислонишь)? (Вытегра).

в) Чего объ уголъ нельзя поставить?

342. На свѣтѣ три кривобоины? *Дорога, рѣка, изгорода.*

343. Далъ мужикъ три рубля, велѣлъ купить три коровы; почемъ каждая корова пришла? *По дорогѣ.*

344. Двадцать пять на одной подушкѣ спятъ. *Доски на матицѣ.*

345. Шелъ я по дорожкѣ и видѣлъ: сидитъ дитя и говоритъ: есть у меня отецъ и мать, а я имъ не сынъ. *Ночь.*

346. Сквозь коня и корову свиньи ленъ волочатъ. *Дратва.* (Вытегра.)

347. У насъ въ печурочкѣ золотыя чурочки. *Дрова въ печи.*

348. Развалился черкасъ, никому его не скласть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни намъ голякамъ. *Дрова въ печи въ углы разсыпаются.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

349. Кленовыя ноги ходили по дорогѣ, больши ноги носили, людей кормили. *Дровни или сани.*

350. Чего дороже нѣтъ на свѣтѣ? *Друга искренняго.*

351. а) Стоитъ стаюта, виситъ висюта; пришла Аксюта, покачнула стаюту, упала висюта, съѣла Аксюта. *Дубъ, жолудь, свинья.* (Мещовскій у.)

б) Стоитъ стояка, на стоякѣ висяка; ходитъ ходяка, проситъ у стояки висяки. (Ряз. у., с. Жолчино.)

352. а) Встану, такъ выше коня; а лягу — такъ ниже кота. *Дуга.* (Котельничъ.)

б) Лежитъ — ниже кота, встанетъ — выше коня. в) Станетъ выше коня, а ляжетъ — ниже воробья. (Ряз. у., с. Жолчино.)

г) Лежитъ — ниже курицы, встанетъ — выше лошади.

353. Ты во мнѣ, а я въ тебѣ. *Душа.* (Курск. губ.)

354. Чѣмъ напередъ ходишь? *Душею.*

355. Черезъ синё море журавлино горло. *Душка у котла.* (Вытегра.)

356. Безъ рукъ, безъ ногъ, на избу деретъ? *Дымъ.*

357. Скребу — не выскребу, мету — не вымету; пора прійдетъ, сама уйдетъ. *Дымъ.* (Курск. губ.)

358. Чёртъ голенастъ, выгибаться гораздъ. *Дымъ.*

359. а) Ходитъ Хамъ по лавкѣ въ хамовой рубашкѣ: отвори, баба, окошко, выпусти Хама въ окошко! (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Ходитъ Хамъ по лавкѣ въ хамовой рубашкѣ: отвори окошко, Хамъ за окошко. (Вытегра). в) Ходитъ Хамъ по лавкѣ въ хамовой рубашкѣ: открою окошко, выдь, Хамъ, за окошко!

360. Черна кошка хмыль въ окошко. *Дымъ.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

361. Сѣрое сукно тянется въ окно. *Дымъ (изъ курной избы).*

362. Сидитъ мужикъ на полатяхъ, на немъ синенькій халатикъ. *Дымъ (въ черной избѣ).*

363. Пришелъ воръ въ дворъ, хозяина въ окно унесъ. *Дымъ и вѣтеръ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

364. а) Чего завсе хочется? *Дышать.*

б) Что не лѣнь дѣлать?

365. Здравствуйте, мои братцы, жены моей дѣти, скажите своей матери: твой мужъ пришелъ. Притомъ знайте вы, что вашъ отецъ и мнѣ отецъ, я вамъ братъ, а жена моя вамъ мать. *Дѣти,* прижитыя отъ свекра съ снохою. (Такъ сказалъ мужъ, возвратясь изъ долголѣтней отлучки).

366. Старикъ съ мальчикомъ шелъ; мальчика спросили: какая тебѣ родня старикъ? Онъ отвѣчалъ: его матушка моей матери свекровь, какая это родня? *Дядя.*

367. Коса костяная, пожня деревянная. *Дятелъ долбитъ пень.*

368. а) Вышелъ старецъ семидесяти лѣтъ; вынесъ дитя старше себя. *Евангеліе.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Вышелъ дѣдъ семидесяти лѣтъ; вынесъ внучка старше себя.

369. Идетъ не мужикъ и не баба, не домой и не въ гости, несетъ ни пирогъ, ни сгибень. *Евангеліе.*

370. а) Четыре орла одно яйцо снесли. *Евангеліе.*

б) Четыре орла яичко снесли, къ Богу принесли, Богъ его принялъ.

в) Четыре лебедя въ одно гнѣздушко четыре яичка склали.

371. Дѣвушка, не родивпись, за мужъ вышла, дѣтей родитъ. *Ева* (Ряз. у., с. Жолчино.)

372. У церкви, у двери притолки изъѣли. *Изъ слы.*

373. Рожденъ, да не померъ; сотворенъ, да померъ; померъ, да не истлѣлъ. *Енохъ, Адамъ, Лотова жена.*

374. Родивыйся не умре, неродивыйся умре, умершій не истлѣ *(Тьже.)*

375. Кто въ вѣтхомъ завѣтѣ родился и не умеръ. *Енохъ и Илья.*

376. Тычу, потычу, ночью не вижу; дай днемъ попытаю. *Жбанъ съ квасомъ.* (Также: игла съ ниткой, замокъ.) (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

377. Выду въ лѣсъ безъ топора, безъ долота; высѣку двѣ лодки ѣзловыхъ, двѣ доски половыхъ, горшку покрышку, уполовнику ручку. *Желудь.*

378. Какое изъ животныхъ всего злѣе? *Жена злая.*

379. а) Два барашка (свинки) грызутся, промежь ихъ пѣна валитъ. *Жернова.* (Общеизвѣстна.)

б) Два борова дерутся (грызутся), промежду ихъ пѣна идетъ (промежь ихъ пѣна бѣжитъ) (бьетъ). в) Поросята грызутся такъ, что пѣна валитъ. г) Два веприка дерутся, возлѣ нихъ пѣна бѣжитъ. (Котельничъ.)

380. Братъ брата третъ, бѣлая кровь течетъ. *Жернова.*

381. Два брата бранятся, не наспорятся; другъ съ другомъ дерутся, не разойдутся. *Жернова.*

382. а) Старикъ старика во весь день ерыха. *Жернова.*

б) Старикъ старика всю ночь ширикау, къ утру старикъ на ногахъ не стоитъ.

383. Быкъ (корова) реветъ, на полку (кверху) хвостъ деретъ. *Жернова.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

384. Ночью шьетъ; всталъ по утру, пѣна у рту. *Жернова.* (Моложск. у., прих. Станиловскій, на Сити.)

385. а) Каменное море кругомъ вертится, бѣлый заяцъ подлѣ ложится, и всему міру годится. *Жернова и мука.*

б) Околъ сѣраго камешка бѣгаетъ сѣренькій заюшка. (Вытегра.)

386. а) Старикъ быка возьметъ за рога; быкъ побѣжитъ, съ подъ него повалитъ, многихъ пищей снабдитъ. *Жерновъ.*

б) Быкъ бурчитъ, старикъ стучитъ: быкъ побѣжитъ, пѣна повалитъ.

387. а) Въ темной избѣ медвѣдь реветъ. *Жерновъ.*

б) На саратовскомъ дворѣ медвѣдь реветъ. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

388. Лежитъ монахъ на крутыхъ горахъ; выйдетъ наружу, кормитъ вѣрныхъ и невѣрныхъ. *Жерновъ.*

389. Царь Давидъ на колъ набитъ; ему даютъ, ему кланяются. *Жерновъ.*

390. Нѣкая вещь; пришли къ ней злые люди; сѣкутъ и рубятъ ее; ей же поклоняются, отъ ней же питаются. *Жерновъ,* когда его вырубаютъ. (Зарайскъ.)

391. Старикъ кружкомъ, а старуха батюжкомъ. *Жерновъ ручной.*

392. Какіе люди позволяютъ по себѣ ходить? *Живущіе въ нижнемъ этажѣ.*

393. Во полѣ полянѣ били барана: ни крови, ни руды, а мѣсто знатно. *Жниво.*

394. Пять овечекъ зародъ подъѣдаютъ, пять труху подбираютъ. *Жнутъ коноплю.*

395. а) Черенъ да не воронъ, рогатъ да не быкъ; шесть ногъ безъ копытъ; идетъ, земли не деретъ. *Жукъ.* (Распространена.)

б) Черенъ воронъ съ рогомъ, а не быкъ; объ шести ногъ безъ копытъ. в) Летитъ — воетъ, а сядетъ — землю роетъ. (Тобольскъ.) г) По бычьи мычитъ, по медвѣжьи рычитъ (реветъ), на землю падетъ, землю деретъ. д) Землю роетъ, а самъ воетъ; шесть ногъ безъ копытъ, есть и рога, а не быкъ. е) Черенъ да не воронъ; рогатъ да не быкъ; шесть ногъ безъ копытъ; кверху идетъ — ревомъ реветъ, книзу идетъ — землю деретъ. ж) Воронъ да не конь, счерна да не медвѣдь, рогатъ да не быкъ; ноги есть да безъ копытъ, летитъ, такъ воетъ; сядетъ на землю — землю роетъ. з) Два рога — не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ; лѣзетъ на гору — не спотыкнется.

396. Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится? *Журавецъ.*

397. Стоитъ старикъ надъ водой, трясетъ головой. *Журавецъ съ бадьей.*

398. Стоитъ Орина выше овина; клонится — не переломится. *Журавецъ у колодца.* (Пошехоньск. у., с. Давшино.)

399. а) Кривое мотовило (шило мотовило) подъ небеса уходило, по нѣмецки говорило, по татарски говорило. *Журавль.*

б) Мотовило роговило подъ небеса уходило, по татарски говорило, по нѣмецки лепетало.

400. Полна коробка красныхъ ложекъ. *Загнѣта.*

401. Что въ избѣ за примѣтка? *Загнѣтка.*

402. Криво-лукаво къ лѣсу бѣжало, зелено-кудряво спрашивало: криво-лукаво, куда ты бѣжало? Зелено-кудряво, тебя беречи (стеречи). *Загородь вокругъ поля.*

403. У насъ и у васъ поросенокъ увязъ. *Задвижка.* (Общеизвѣстна.)

404. Двину, подвину по бѣлому Трофиму, спитъ Трофимъ — не пробудится. *Задвижка.* (Западн. Сибирь.)

405. Въ лѣсу, лѣсу жеребенки ревутъ и домой нейдутъ. *Зайцы.* (Котельничъ.)

406. а) Бѣжитъ волчокъ, выхваченъ (выдранный) бочокъ. *Залавокъ.* (Распространена.)

б) Стоитъ волчокъ, вырытый бочекъ. (Котельничъ.)

407. Какой вещи человѣкъ очень вѣритъ? *Замку.*

408. Узелокъ Кузьма, развязать нельзя: имячко хорошо: Алексѣемъ зовутъ. *Замокъ.*

409. Маленькой да гнутенькой (пузатенькой) весь домъ стережетъ. *Замокъ.*

410. Маленька собачка (молчанъ-собачка) весь домъ бережетъ (стережетъ). (Распространена.)

б) Черна собачка весь дворъ стережетъ.

411. Тычу, потычу, ночью не вижу; дай-ка днемъ попытаю. *Замокъ.*

412. Маленькая (черненькая) собачка свернувшись лежитъ; не кусаетъ, не лаетъ, а въ домъ не пускаетъ. *Замокъ.* (Жбанъ, игла.)

413. Вокругъ носа вьется, а въ руки не дается. *Запахъ.* (Зап. Сиб.)

414. Кину я полѣно, кину другое; третье кривое, четвертое живое. *Запрягаю лошадь.*

415. По бокамъ батогамъ(и) утыканной Семенъ середи поля на колъ посаженъ. Круглый *зародъ* сѣна.

416. а) Бабушка (матушка) Софья день и ночь сохнетъ; утро настанетъ, и прочь отстанетъ. *Заслонка.*

б) Бабушка Софья день и ночь сохнетъ, по утру отдохнетъ.

417. Двое парятся, третій толкается; когда открывается, вся сласть подымается. *Заслонка.*

418. (Гдѣ) Самсонъ въ избѣ? *Заслонка.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

419. а) День и ночь корпитъ, одно истопленье отдыхаетъ. *Заслонка.*

б) День корпитъ, ночь корпитъ, подъ затопомъ (одно утро) (одни поддынки) спитъ. (Распространена.) в) День скорбитъ, и ночь скорбитъ, одно утро спитъ. г) День скрыпитъ, утро скрыпитъ, а ночь спитъ. (Тобольскъ.)

420. Филька повадился къ дѣвкѣ. *Застежка у рубашки.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

421. Рыбина бѣлужина всѣ берега прикружила. *Заяцъ.*

422. а) Выду я на гой, гой, гой, гой; и ударю я гой, гой! Разбужу царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитю въ колыбели, попа въ терему. *Звонъ церковный.* (Распространена.)

б) Взойду я на гой, гой, гой; ударю я, ударю въ бирюль, рюль, рюль (заиграю-ль я на выль-выль-выль); утѣшу я, утѣшу царя въ Москвѣ, царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ (старца въ кельи, младенца въ зыбки). в) Зайду я, зайду на вой, вой, вой (на вывой), ударю я въ цивиль, виль, виль (въ билиберды), утѣшу царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, мертвеца въ землѣ, игуменью въ кельѣ, малу дитю въ колыбели (маленькаго ребеночка въ зыбочкѣ). г) Стану я на люль-люль-лю, ударю я въ тюль-люль-лю; — утѣшу я царя въ Москвѣ, усыплю короля въ Литвѣ. д) Взойду я на гой-гой-гой, ударю я въ безелюль-люль-люль (въ нелель-лель-лель), и пр. е) Ударю въ тивиль-вильé, утѣшу царя въ Москвѣ, и пр.

423. а) Въ городѣ рубятъ, а за городъ щепы летятъ. *Звонъ.* (Курск. губ.)

б) У Спаса рубятъ, сюда щепки летятъ. (Моск. г., Дмитр. у., сельцо Хорошилово, находящееся въ приходѣ Спаса.)

424. Написана грамотка по синему бархату и не прочитать этой грамотки ни попамъ, ни дьякамъ, ни умнымъ мужикамъ. *Звѣздное небо.* (Вытегра.)

425. а) Разсыпался корабль по мхамъ, по морямъ, по всѣмъ городамъ: не собрать этого корабля ни князьямъ, ни попамъ, ни думнымъ дьяконамъ, ни серебренникамъ. *Звѣзды.* (Западная Сибирь.)

б) Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому не собрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни намъ, дуракамъ, ни серебренникамъ (никакпмъ мудрецамъ).

426. а) Разсыпался коверъ (по всѣмъ сторонамъ) по всѣмъ городамъ, по всѣмъ ярмаркамъ; никому не собрать: ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебренникамъ. *Звѣзды.*

б) Постелю коверъ, разсыплю горохъ; никому не собрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебренникамъ. (Тобольскъ.)

427. а) Разсыпался горохъ по сту дорогъ; никто его не соберетъ, ни царь, ни царица, ни красная дѣвица, ни бѣлая рыбица. *Звѣзды.* (Москва.)

б) Разсыпался горохъ на 12 дорогъ (70 дорогъ), никому не собрать, ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебренникамъ.

в) Разсыпался горохъ на двѣнадцать луговъ. (Пошехоньск. уѣзда.)

г) Разсѣянъ горохъ; никому этотъ горохъ не собрать, ни дьякамъ, ни попамъ, ни серебренникамъ; одинъ Богъ соберетъ, въ коробеечку складетъ.

д) У нашихъ у воротъ разсыпался (за крайнимъ дворомъ разсыпаной) горохъ, ни лопатой ни сгрести, ни метлой ни смести. (Нижегор. г., Ардат у., с. Котовка.)

е) Разсыпался горохъ по всей Москвѣ, по всей Вологдѣ.

ж) Вся дорожка осыпана горошкомъ.

428. а) Взгляну я въ окошко, раскину рогожку, посѣю горошку, положу хлѣба краюшку. Всякой видитъ, да не всякой чуетъ. Кому свѣтло, кому темно, а мнѣ голубо. *Звѣзды, мѣсяцъ, небо.*

б) Раскину рогожку, посѣю горошку, въ серединѣ пирожекъ. (Ряз. у., с. Жолчино.)

в) Раскину рогожку, посыплю горошку, хлѣбъ да калачъ.

429. а) Взгляну (погляжу) я въ окошко, стоитъ рѣпы лукошко. *Звѣзды.* (Общеизвѣстна.)

б) Выгляну(-ни) въ окошко — полно рѣпы лукошко.

в) У насъ за окошкомъ полно рѣпы лукошко.

430. Что безъ учету? *Звѣзды.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

431. а) Шли козы мостомъ (по мосту), увидали зорю, попадали (попрятались) въ воду. *Звѣзды.*

б) Шли козы по калинову мосту, увидали зорю, пометались въ воду.

в) Ѣхали козы по каменному мосту, увидали зорю, попадали въ воду.

432. Катилися каточки по ягнову (ясному?) (липову) мосточку; увидѣли зорю, пошли (пали) въ воду. *Звѣзды.* (Пошехоньевскій у., с. Давшино.)

433. а) На улицѣ пестренькая подушечка валяется. *Звѣзды.*

б) На избномъ конькѣ пестра подушка лежитъ.

434. Что на свѣтѣ дороже всего? *Здоровье.*

435. Мужикъ купилъ три козы, заплатилъ двѣнадцать рублей; по чему каждая коза пришла? *По землѣ.* Ср. *по дорогѣ.*

436. Матушкиной коробьи не подымешь, братова кушака не скатаешь, батюшкина коня не изловишь. *Земля, дорога, вѣтеръ.*

437. Отцова сундука не подымешь, матушкина столечника не скатаешь, братнина коня не обуздаешь. *Земля, снѣгъ, вѣтеръ.*

438. Ни хилѣла, ни болѣла, а саванъ надѣла. *Земля, снѣгъ.*

439. Поле водяно, огороды кожены. *Зеркало.* (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.)

440. Въ ступѣ вода, въ огородѣ стрѣла (гряда) (лебеда),

за моремъ огонь добро-ясно горитъ. *Зеркало.* (Сибирь, Тобольскъ, Нерчинскій окр.)

441. На ладони чирышекъ. *Зерно на току.*

442. Шило мотовило подъ небеса подходило, по ниточкѣ говорило. *Змѣекъ.*

443. Изъ куста шипуля, за ногу типуля. *Змѣя.*

444. Среди лѣса лежитъ кусокъ желѣза. *Змѣя.* (Нерчинск. окр.)

445. Стоитъ конь вороной, нельзя за гриву взять, нельзя и погладить. *Змѣя.*

446. а) Ползло зло; я зло схватилъ да зломъ злу жизнь прекратилъ. *Змѣя и ружье.*

б) Ползло зло; зло схватилось, а зла жизнь прекратилась.

447. Около прорубки стоятъ бѣлыя голубки. *Зубы.* (Общеизвѣстна.)

448. Полна избушка воробышковъ. *Зубы.*

449. Полно подполье бѣлыхъ гусей-лебедей. *Зубы.* (Общеизвѣстна.)

450. Полонъ кутникъ бѣлыхъ курокъ. *Зубы.*

451. Полонъ половень бѣлыхъ голубей. *Зубы.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

452. а) Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ. *Зубы.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Отворю я хлѣвецъ, выпущу стадо бѣлыхъ овецъ. *Зубы.* (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.)

453. Полно корыто гусей-лебедей намыто. *Зубы.*

454. Бисеръ мой, бисеръ, борочкомъ снизанъ, алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ заложенъ. *Зубы.*

455. а) Сѣчка сѣчетъ, деревяшка (ложка) везетъ, (самъ) Мартынъ поворачиваетъ. *Зубы, ложка, языкъ.* (Распространена.)

б) Костяшка сѣчетъ, деревяшка везетъ, Андрюшка поворачиваетъ. (Курск. г.) в) Деревяшка везетъ, костяшка сѣчетъ, мокрый Мартынъ подкладываетъ. г) Деревяшка возитъ, костяшка рубитъ, холезовъ сынъ заворачиваетъ. д) Сѣчка сѣчетъ, деревяшка везетъ, телепежкинъ сынъ заворачиваетъ. е) Деревяшка везетъ, сѣчка сѣчетъ, Емельянъ на возу поворачивайся.

456. Полно подполье гусей-лебедей, одинъ гусекъ поворачиваетъ. *Зубы и языкъ.* (Тобольскъ.)

457. а) Сто полѣнъ въ запасѣ, а на *истопель* не будетъ. *Зубы въ бедрѣ.*

б) Въ нашемъ припасѣ сто полѣнъ въ прекрасѣ, а на истопель нѣтъ.

458. Курочка на небѣ качается: какъ она, сука, не оторвется? *Зыбка.*

459. а) Стоитъ градъ ни на водѣ, ни на землѣ; въ томъ градѣ воевода нѣмъ. *Зыбка съ ребенкомъ.*

б) Лубенъ городъ, отрепьинъ городъ, а въ томъ городѣ воевода нѣмъ.

460. И день и ночь все хочется? *Зъвать*. (Моск. г. Дмитр. у., с. Хорошилово.)

461. Чужъ чужениниъ, а сталъ семьянинъ. *Зять*.

462. Одно дитя роженое (дочь), другое суженое. *Зять*.

463. а) Синенькой, маленькой, по городу скачетъ, весь міръ скрасилъ. *Игла*. (Распространена, Тобольск. г. (Зап. Сиб.) Нерчинск. окр.)

б) Маленько, синенько весь свѣтъ (міръ) одѣваетъ. в) Синенько, маленько и бѣленько, весь міръ обуваетъ и одѣваетъ и весь міръ краситъ. г) Маленькая, синенькая, по городу (по базару) скачетъ, всѣхъ людей краситъ. д) Маленько, свѣтленько, черезъ тынъ скачетъ да весь міръ краситъ. е) Синяя синичка весь бѣлый свѣтъ одѣла. ж) Маленькая малютка всю смерть покраситъ. з) Маленькой, сухенькой весь міръ одѣваетъ.

464. Синенько, маленько, штучка небольша — сквозь тынъ кишки тянетъ. *Игла*.

465. Сама коротка, а хвостъ длиненъ. *Иголка*. (Казань.)

466. а) Звѣрокъ съ вершокъ, а хвостъ—семь верстъ. *Иголка*.

б) Нашъ звѣрокъ съ вершокъ; а хвостъ съ локотокъ.

467. а) Быкъ желѣзный, а хвостъ льняной (кудельной). *Иголка*. (Казань, Тульск. г.)

б) Бычекъ кованый, а хвостъ воро́веный. в) Самъ желѣзный, а хвостъ портяной. (Ряз. уѣз., с. Жолчино.) г) Чугунный быкъ съ мочальнымъ хвостомъ.

468. а) Сивый жеребецъ, а льняной хвостецъ. *Иголка*. (Дмитр. у., Моск. г., с. Хорошилово.) б) Лошадь (кобыла) желѣзная, хвостъ портяной. (Котельничъ.) в) Конь стальной, а хвостъ льняной. г) Желѣзный конь, посконный хвостъ. д) Сивая кобыла, конопляной хвостъ. (Нерчинск. окр.)

469. а) Бѣжитъ свинка, золотая спинка; носочикъ стальной, а хвосточикъ льняной.

б) Бѣжитъ свинка — золота щетинка, конопляный хвостъ. в) Свинка, золота щетинка, льняный хвостъ, по бѣлу свѣту скачетъ, весь міръ краситъ (одѣваетъ).

470. Маленька боярыня (—нька) весь міръ покручиваетъ. *Иголка*.

471. Штучка одноручка, носочикъ стальной, а хвостикъ льняной. *Иголка*.

472. Маленькое, синенькое, и кряжъ поворотитъ. *Иголка*.

473. Волкъ желѣзный, хвостъ конопляный. *Иголка*.

474. Шмыгъ подъ ворота, посконная борода. *Иголка*.

475. У насъ въ избушкѣ кра́сны бабу́шки. *Игрушки*.

476. Что возлѣ земли стои́тъ? *Иже*.

477. Что читаютъ послѣ Отче нашъ? *Иже еси на небеси*.

478. Стои́тъ лахань, кругомъ крыломъ махалъ; въ лахани турица, въ турицѣ лисица, въ лисицѣ жукъ, въ жукѣ вода; а въ водѣ трава. — *Изба, дверь, печь, огонь, чугунъ, вода, капуста*.

479. Стоитъ теремъ, въ теремѣ ящикъ, въ ящикѣ мучка, въ мучкѣ жучка. *Изба, печь, зола, уголь.*

480. Цѣпь за цѣпь до самаго лѣсу.—*Изгорода.*

481. Путляно, мутляно, до лѣсу тянуто, безъ узла связано.—*Изгорода.*

482. а) Косо-лукаво, куда побѣжало? — «Зелено-кудряво, тебя стеречи (беречи)!»—*Изгорода и озимь.*

б) Криво-лукаво къ лѣсу бѣжало; зелено кудряво-спрашивало: криво-лукаво, куда побѣжало? Зелено кудряво, тебя стеречи.

в) Косое, кривое чего ты стоишь? Зелено-кудряво, тебя стерегу.

г) «Косо—непрямо, чего ты стоишь?» Зелено-кудряво, тебя стерегу! Ахъ, ты стрижено, что тебѣ нужно?—(Поляна, гдѣ снята *рожь*).

483. Три брата однимъ кушакомъ подпоясаны стоятъ.—*Въ изгородѣ два кола и приколокъ.* (Ср. *городьба.*)

484. Краше краснаго солнышка, свѣтлѣе яснаго мѣсяца.—*Икона.*

485. а) Яко дубъ, яко кленъ, яко платье на немъ, яко писаная, яко разрисованая.—*Икона.*

б) Яко духъ, яко тлѣнъ, яко платье на немъ.

486. Сколько на небѣ святыхъ во плоти?—*Илья, Енохъ, Богородица.*

487. Безъ чего человѣку жить нельзя? — *Безъ имени.*

488. На водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ, въ землѣ не гніетъ.—*Имя.*

489. Когда душу окрестятъ, чѣмъ ее наградятъ?—*Имя дадутъ* (именемъ и крестомъ.)

490. а) Гробъ плыветъ, въ немъ мертвецъ реветъ.—*Іона.*

б) Гробъ ходяше, въ немъ мертвецъ пояше.

491. Кто отцу отцемъ былъ? *Іосифъ*, крестившій отца.

492. а) На полѣ на Арскомъ стоитъ дубъ дупляной; тутъ и хворость, тутъ и смерть недалеко.—*Кабакъ.*

б) На полѣ полищѣ стоитъ зеленище; въ томъ зеленищѣ сусло, масло, легость, болѣсть и смерть недалеко.

в) Стоитъ деревище: въ деревищѣ и сусло, и масло, и смерть недалеко.

г) Выгляну въ окошко: стоитъ долгій Антошка, въ немъ сусло и масло, и смерть человѣчья.

493. Подъ поломъ-поломъ стоитъ бабушка съ котломъ.—*Кадка квасная въ подполѣ.*

494. Шуба нова, на подолѣ дыра.—*Кадка новая* (Моск. г., Дм. у., с. Хорошилово.) Ср. *бочка.*

495. Кривенькой, пузатенькой, всѣ дороги знаетъ. — *Кадочикъ*, коимъ крестьяне плетутъ лапти.

496. Какой матери не узнать: кого она родитъ, сына или дочь?—*Каждой вообще.*

497. Полонъ шестикъ воробышковъ.—*Кайма сарафана съ пуговками.*

498. Что безъ кореньевъ?—*Камень.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

499. Растетъ безъ кореньевъ, цвѣтетъ безъ разцвѣту, шумитъ безъ вѣтру. *Камень, елка, вода.*

500. а) Три брата; одинъ говоритъ: я полежу; другой говоритъ: я посижу; третій говоритъ: я пошатаюсь.—*Камень, вода и трава.* (Тульск. г., Чернск. у.)

б) Одна говоритъ: постоимъ, друга: побѣжимъ, третья: пометаемся.

в) Одинъ говоритъ: побѣжимъ, побѣжимъ; другой говоритъ: полежимъ, полежимъ, а третій говоритъ: пошатаемся. (Вытегра.)

г) Бѣжитъ, лежитъ, колыбается.—*Вода, камень, трава.*

501. Черная корова цѣлый ушатъ воды выпила.—*Каменка банная.*

502. а) Чертова шапка (бабка) вся въ заплаткахъ.—*Каменка въ банѣ.* (Вытегра.)

б) Шапка татарка (бархатка) вся въ заплаткахъ.

в) Архирейская шляпочка, вся она въ заплаточкахъ. (Нерчинскъ.)

503. Стоитъ свинка, золота́ щетинка.—*Каменка накаленная.*

504. Полна повѣтка воробышковъ: сидятъ, не летятъ, почирикиваютъ.—*Въ каменкѣ камни шипятъ при поддачѣ.*

505. Маленькій, удаленькій, въ землю ушелъ, бѣлу книгу нашелъ.—*Капуста.*

506. Разница между каретой и деревней?—*Карету заложатъ да поѣдутъ, а деревню—поѣдутъ, да заложатъ.*

507. Курочка пустодомъ, свила гнѣздо со дворомъ, сама въ гнѣздѣ, яички наружу.—*Картофель.*

508. Черна, мала крошка, а угодья много въ ней: въ водѣ поварятъ, ребята съѣдятъ.—*Каша.*

509. Подъ полемъ мужикъ поткой грозитъ.—*Квасъ.*

510. Стоитъ старикъ на берегу, а плюетъ въ рѣку.—*Квасникъ.*

511. Выше дерева ростетъ?—*Квашня.*

512. а) Безъ рукъ безъ ногъ на липу лѣзетъ.—*Квашня.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Безъ души, безъ костей, безъ рукъ, а дерется на стѣну.

в) Безъ рукъ, безъ ногъ, а на печь лазитъ.

513. Безъ рукъ, безъ ногъ, а одѣяло вздымастъ.—*Квашня.*

514. Безъ рукъ, безъ ногъ, всѣмъ голова.—*Квашня.*

515. Свечера заторкалъ, со полуночи захоркалъ, поутру всталъ, до локтей заскалъ.—*Квашня.*

516. Сама сѣма во кругу шевельнуться не могу; на рукахъ кандалы, ноги распростерты.—*Квашня или лоханка.*

517. а) Не живой, а дышетъ.—*Квашня.*

б) Послухаю, почую (слушаю, послушаю): вздохъ за вздохомъ, а въ избѣ ни души.

518. На озерѣ на Ладожскомъ, на устьѣ на Волховскомъ вода съ пескомъ помутилася: они свиданья убоялися, изъ Ладожскаго вонъ выбиралися. О томъ люди догадалися, за орудіе хватались, усмирять ихъ собиралися, усмирять ихъ перестали, послѣ вонъ таскать ихъ стали, на площадку выводили, на базарѣ продавали, что хотѣли, то и брали... А покупатели, по необходимости, покупали.—*Квашня* — озеро Ладожскихъ хлѣбопѣковъ; песокъ — мука; а все — хлѣбъ.

519. Ступка рублёва, пѣстъ безъ закова, толчетъ и пихаетъ, никто не слыхаетъ (а баба вздыхаетъ).—*Квашню мьсятъ.*

520. Не бей меня, не ломи меня, лѣзь на меня, есть у меня.—*Кедра.*

521. Стоитъ дряво, вѣсится кудряво, по краямъ мохнато, въ серединѣ сладко; на эту сласть надо хорошу снасть.—*Кедръ.*

522. Кругомъ вода, въ серединѣ бѣда?—*Кирпичъ.*

523. Бился Лука съ Петромъ, помутилася вода съ пескомъ, были бы свидѣтели при томъ.—*Кисель мьшаютъ.*

524. Въ печь несутъ жидко—горячо; изъ печи несутъ густо—холодно.—*Кисель гороховой.*

525. Шумитъ, хлопочетъ, на дѣвушку хочетъ.—*Китайка.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

526. Крючья закорючья подъ лавкой лежатъ.—*Кишки.* (Тамъ же.)

527. На бабѣ вспотѣлъ, на дѣвушку захотѣлъ.—*Кичка.*

528. Село заселено: пѣтухи не поютъ, и люди не встаютъ.—*Кладбище.*

529. Сито вито, въ серединѣ жито.—*Кладъ.*

530. Никола въ осёку, надсѣлся со смѣху.—*Клепало на коровъ.*

531. Маленько, кругленько, а за хвостъ не поднять.—*Клубокъ.*

532. На гору на выкатишь? *Клубокъ нитокъ.*

533. а) На морѣ на Клязьмѣ два бога увязли; пришелъ спасъ, выкололъ глазъ.—*Ключъ* (въ замкѣ два пробоя увязли). (Моск. г., Дм. у., с. Хорошилово.)

б) Два бога увязло, пришелъ спасъ, да выкололъ глазъ.

534. Стоúтъ Сидора, проситъ стóя. Мой куликъ великъ, а дыра-то моя.—*Ключъ* чужой.

535. Одинъ заварилъ, другой налилъ, сколько ни хлебай, а на любую артель еще станетъ.—*Книга.*

536. Идетъ ни мужикъ, ни баба; несетъ ни сгибень, ни пирогъ.—*Книга.*

537. Подъ мостомъ, мостомъ лежитъ кафтанъ набористый.—*Книга.*

538. Подъ крыльцемъ-крыльцемъ яристымъ, кубаристымъ, лежитъ катокъ не катаный; кто катаетъ, тотъ и отгадаетъ.—*Книга въ корочкахъ.*

539. Подъ дубкòмъ-дубкòмъ карáндышкомъ лежитъ кафтанъ съ нарядышкомъ. *Книга* лицевая съ корочками.

540. а) Утка въ морѣ, а хвостъ на заборѣ (уторѣ) (угорѣ (горѣ).—*Ковшикъ въ кадкѣ съ водой.*

б) Щука въ морѣ, хвостъ на горѣ (угорьѣ).

541. Когда бываютъ яйцы вкусны?—*Когда ихъ пьютъ.*

542. Когда весь міръ плакалъ?—*Когда Адамъ согрѣшилъ.*

543. Съ бородой родился, Богу угодился, святой быть не можетъ.—*Козелъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

544. а) Сошлись трое знакомыхъ въ вечеру. А я подслушалъ ихъ разговоръ. Одинъ говоритъ: буде морозъ; другой говоритъ: буде либо и нѣ; а третій говоритъ: ужь и ѣ.—*Козелъ, баранъ и теленокъ.*

б) Вышли трое ребятъ на улицу вечерять...

545. а) Четыре брата на свѣтѣ: два меньшіе впереди; два большіе позади; спѣшатъ, бѣгутъ, другъ друга не догонятъ.—*Колеса.*

б) Четыре брата бѣгутъ, другъ друга не нагонятъ.

в) Другъ за другомъ гонятъ, ничѣмъ не догонятъ.

г) Большой братъ меньшаго не догонитъ.

546. а) Два волка бѣгутъ, другъ друга гонятъ, вѣкъ не догонятъ.—*Колеса.* (Ряз. у., с. Жолчино; Зарайск. у., с. Мишино.)

б) Два братца вѣкъ бѣгутъ, два братца вѣкъ нагоняютъ.

547. Лѣтомъ у меня масляница, а зимой великій постъ.—*Колесо.*

548. Замолóла, безголóва. — *Коловоротъ.*

549. Лежитъ баранъ: не столько шерсти на немъ, сколько ранъ.—*Колода,* на которой дрова рубятъ.

550. На каменной горкѣ воютъ волки.—*Колоколá.*

551. Рыкнулъ волъ на семь селъ. — *Колоколъ.*

552. а) Кричитъ безъ языка, поетъ безъ горла, радуетъ и бѣдуетъ, а сердце не чуетъ.—*Колоколъ.*

б) Что говоритъ безъ языка, кричитъ безъ горла?

553. а) Живой мертваго бьетъ, а мертвый вопіетъ.—*Колоколъ.*

б) Живой мертваго бьетъ, мертвый голосъ подаетъ (благимъ матомъ реветъ), на крикъ его народъ идетъ (бѣжитъ).

в) Живой мертваго бьетъ, мертвый во всю голову реветъ.

554. а) Сидѣлъ (—итъ) пѣтухъ на воротахъ, хвостъ до полу, голосъ до небу(—а). —*Колоколъ.* (Тобольскъ.)

б) Сидитъ пѣтухъ на воротахъ; голосъ до неба, а хвостъ до земли.

в) Сидитъ пѣтухъ на столбѣ: хвостъ пó полу, а голосъ пó небу.

555. Вó полѣ-полинскомъ стоитъ дубъ веретинской: бока пробиты, ядро говоритъ. — *Колокольня.*

556. Стоитъ быкъ на горахъ о семи головахъ, ребра стучатъ, бока говорятъ.—*Колокольня съ колоколами.*

557. Стоитъ столбъ: у столба сто кистей, у кистей сто липковъ, у липковъ сто зубковъ.—*Колокольня.*

558. Стоитъ домина золотая вершина.—*Колокольня.*

559. а) Плеть плетена, вверхъ ведена, сто рублей дана.—*Колокольня.*

б) Плеть плетёна, вверхъ ведена, на сто угловъ, на полтораста рублевъ.

560. Ржетъ жеребецъ на перегородьѣ, слышно его голосъ въ Новѣгородѣ.—*Колокольный звонъ.*

561. а) Утица крякъ, всѣ берега вякъ; собирайтесь, дѣтушки, къ соборной матушкѣ.—*Колокольный звонъ.*

б) Утка крякнула, берега вякнули; собирайтесь, дѣтки, въ деревянну клѣтку. (Вытегра.)

в) Утка крякнула, о берегъ брякнула; собирайтесь, дѣтки, въ одну клѣтку. (Нерчинск. окр.)

г) Утки крякнутъ, вякнутъ: собирайтесь, дѣтки, въ высоку клѣтку.

д) Уточки крякнули, бережки звякнули; собирайтесь, дѣтки, всѣ къ одной маткѣ.

е) Утка квакнетъ, берега дрогнутъ, собирайтесь, дѣтки, къ одной маткѣ.

562. Взойду я взойду на гой-гой-гой, ударю, ударю въ цывиль-виль-виль: утки крякнутъ, берега звякнутъ (вздрогнутъ); собирайтесь, дѣтки, въ одну (каменну) клѣтку! — *Колокольный звонъ.*

563. Заржалъ жеребецъ на Сіонской горѣ, услышала кобыла на сырой землѣ.—*Колокольный звонъ.*

564. а) Тень потетень, выше городу плетень; на томъ плетнѣ лепетунъ.—*Колокольный языкъ.* (Тобольскъ.)

б) Тень-потетень, заплету плетень въ 77 рядовъ, выше селъ и городовъ.—*Колокольня.*

565. Въ лѣсъ иду — плачетъ; изъ лѣсу — плачетъ.—*Колокольчикъ.*

566. На тонцѣ на деревцѣ животы наши качаются.—*Колосья.*

567. Тысяча братьевъ вмѣстѣ связаны, на мать поставлены.—*Колосья въ снопу.*

568. Стоитъ въ водѣ по горло, а не напьется.—*Колъ.*

569. Курица (старица) Софья весь вѣкъ сохла, не пила, не ѣла, все вверхъ глядѣла.—*Колъ.*

570. Около кола золота трава.—*Кольцо на рукѣ.*

571. Безъ начала, безъ конца (а не Богъ).—*Кольцо.*

572. На лѣсинѣ колесо.—*Кольцо на рукѣ.* (Тобольскъ.)

573. Безъ рукъ безъ ногъ, во всѣ стороны клонится.—*Колыбель.*

574. Безъ рукъ, безъ ногъ, Богу молится.—*Колыбель.*

575. Не *роя* (родъ лодки), а колыбается; не троста, а шатается. Сама поскрипываетъ (или повизгиваетъ), сама попрыгиваетъ, сама пѣсни поетъ.—*Колыбель на шесту.*

576. Летитъ мамыра, нѣтъ ни лица, ни рыла. *Комаръ.*

577. Носъ дологъ, голосъ звонокъ. *Комаръ.*

578. Ни звѣрь, ни птица, а носъ, какъ спица.—*Комаръ.*

579. а) Малъ малышокъ, буянъ на носокъ; не хмѣленъ, а пѣсни оретъ.—*Комаръ.*

б) Вина въ ротъ не беретъ, вѣкъ пѣсни оретъ.

580. Мертвые встанутъ, живыхъ будутъ ѣсть. *Комаръ.*

581. Есть птица: носъ у ней слоновый, голова медвѣжья, летитъ — визжитъ, а сядетъ — укуситъ. *Комаръ.* (Курск. губ.).

582. Летитъ гонецъ съ конца въ конецъ, лежитъ — ворчитъ, сядетъ — молчитъ, а кто его убьетъ, тотъ кровь свою прольетъ. *Комаръ.* (Курской губ.)

583. Поетъ, поетъ, на колѣни припадетъ; вскочитъ, заточитъ да опять запоетъ. *Комаръ.*

584. Крылья орловы, хобота слоновы, груди конины, ноги львины, голосъ мѣдный, носы желѣзны; мы ихъ бить — а они нашу кровь лить. *Комары.*

585. а) Летитъ птица, носъ какъ спица; кто эту птицу убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ. *Комаръ.*

б) Ни звѣрь, ни птица, на носу спица; собой тонка, голосомъ звонка; орды отъ нее стонутъ, знатные дрожатъ; кто ее убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ.

586. Въ мартѣ (маѣ) мѣсяцѣ по осьмой тысячи родился конь крылатой, не боится царя въ палатѣ. *Комаръ.*

587. Придетъ мѣсяцъ май, вылетитъ птица въ рай; кто эту птицу убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ. *Комаръ.*

588. Летитъ птица горбата, напередъ проклята, поетъ громогласно, всему міру ужасно; кто ее убьетъ, кровь свою прольетъ. *Комаръ.*

589. а) Летитъ птица, не крылата, не перната (не горбата); носикъ долгой, голосъ тонкой; кто ее убьетъ, человѣческую кровь прольетъ. *Комаръ.*

б) Ни ракъ, ни рыба, ни звѣрь, ни птица; голосъ тонокъ, носъ дологъ; кто ее убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ.

590. Летитъ — визжитъ, сядетъ — молчитъ, убьешъ — свою кровь прольешь. *Комаръ.* (Нижегор. губ., Ардатовскаго уѣзда, с. Котовка.)

591. Летитъ птица — носъ дологъ, голосъ звонокъ, крылья остры, цари ее боятся: кто ее убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ. *Комаръ.*

592. Летитъ птица Юнъ, летитъ взвивается, другомъ называется; кто эту птицу убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ. *Комаръ.*

593. Летаетъ птичка, собою невеличка; влетитъ въ палаты, разбудитъ царя. *Комаръ.* (Тобольскъ.)

594. а) Невеличка птичка, носокъ остеръ; сидитъ на престолѣ, говоритъ со Христомъ: далъ ты мнѣ волю надъ царемъ, надъ королемъ, не далъ ты мнѣ воли надъ синимъ моремъ. *Комаръ.* (Тобольскъ. Въ иныхъ мѣстахъ разгадывается: *оводъ, слѣпень, муха, пчела.*)

б) Сидитъ птичка на кусту, молится Христу: батюшка Хри-

стосъ! надо-всѣмъ ты далъ мнѣ волю; только не далъ ты мнѣ воли надъ всей рыбой въ мори.

в) Сидитъ пташка въ кусту, молится Христу, далъ ей Богъ волю надъ князьями, надъ боярами, но не далъ ей воли надъ рыбой въ морѣ.

г) На морѣ, на взморьѣ, на бѣломъ на камнѣ, сидитъ птица подъ тутуемъ; она Богу молится, взмоляется, царю поклоняется: далъ ей Богъ волю въ царѣ и царицѣ, въ молодцѣ и дѣвицѣ; не далъ Богъ воли въ рыбѣ да въ морѣ.

д) Сидитъ пташка на листу, молится Христу: далъ ты мнѣ волю надъ всей ордой, не далъ ты мнѣ воли надъ рыбой въ морѣ.

е) Летѣли птицы райскія, пѣли пѣсни царскія: Боже, ты, Боже, не далъ ты намъ воли надъ рыбой въ морѣ.

ж) Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ: и царю мой, Боже мой! Далъ ты мнѣ волю надъ всѣми городами, надъ всѣми царями, не далъ ты мнѣ воли надъ щукой въ морѣ.

595. Спой пѣсню промежъ Рождества и Крещенья — тогда дамъ тебѣ власть надъ рыбой въ морѣ. *Комаръ.*

596. Остро, не ковано; коснусь, поколоно. *Комаръ.*

597. а) Самого не видно, а голосъ слышно. *Комаръ.*

б) Самого чуть видно, а голосъ (а пѣсню) слышно.

598. а) Кину съ блошку — выростетъ съ лутошку. *Конопля.*

б) Посѣешь съ крошечку, а выростетъ съ лутошечку.

в) Кинутъ съ блошку, а выростетъ съ лутошку.

599. Лѣтомъ сосенка, зимой коровка. *Конопля.*

600. Шуба пашура, куда ходила? Вшей провожала, на пень сажала: сидите вши; когда рожь пожнемъ, то и васъ возьмемъ. *Конопля.*

601. Самъ жиляной, ножки глиняны, головка масляна. *Конопля.*

602. а) Выйду я въ задніе ворота; стоитъ не сосна, не коровья сестра; кожу носимъ, мясо бросимъ, голову ядимъ. *Конопля.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Выростетъ сосна, коровамъ сестра.

в) Съ головы ѣдятъ, шкуру цѣнятъ, а кости въ ровъ валятъ.

603. Малъ-малышка-золота кубышка, не звѣрь, не птица, не вода, не камень. *Конопляное сѣмя.* (Нерчинск. окр.).

604. Четыре дѣда, назадъ бородами. *Конскія копыта со щетками.*

605. Девяносто девять братчиковъ, стоятъ подъ одной шапкой. *Копна* ржи, состоящая изъ 99 сноповъ и покрытая однимъ сотымъ.

606. Съ земли встала — избой стала, и хозяинъ есть, да дома не живетъ. *Копна.*

607. Между горъ бѣжитъ конь вороной, коврами укрытъ, скобами убитъ. *Корабль.* (Нерчинск. окр.).

608. Виситъ баба на грядахъ, вся въ заплатахъ; заплата на заплатѣ, а дырье не зашито. *Корзина.*

609. Новая посудина вся въ дырьѣ (—ахъ). *Корзина.*

610. Четыре стучихи (ступихи), четыре гремихи (брячихи), два бойца, одна маковица. *Корова* (ноги, вымя, рога, голова). (Тобольскъ.)

611. Четыре стучихи, четыре гремихи (брызгухи), два богомола, одинъ вихляй (вихлецъ). *Корова.*

612. Четыре четырки, двѣ ростопырки, седьмой вертунъ. *Корова.*

613. Четыре приступеи, четыре грамотухи, два ахмухта, два рахмухта и вершокъ. *Корова* (ноги, вымя, уши, рога и голова).

614. Дваста бодаста, четыреста ходаста, одинъ — махтырь (бахтырь), два — ухтырька (ахтырька). *Корова.* (Моложск. у., прих. Станиловскій на Сити.)

615. а) Дваста бодаста, четыреста ходаста, пятоста махай. *Корова.*

б) Дваста будаста, четыреста ходаста, пято сто махай.

616. а) Четыре ходаста, два бодаста, седьмой (третій) хлебестунъ. *Корова.*

б) Четыре ходастыхъ, два бодастыхъ, одинъ хлебестунъ.

в) ..... одинъ стремохалъ, да два тухтериха. (Томскъ).

617. а) Дваста рогаста, четыреста ходаста, одинъ хтырокъ да два ухтырка. *Корова.*

б) Дваста рогаста, четыреста ходаста, одинъ хтырокъ да два ухтахта.

в) Дваста пудаста, четыреста копыласта, одинъ болтунъ, да два ухтяхта.

618. Четыре сестрицы въ одну лунку цѣдитъ (льютъ, плюютъ). *Корову доятъ.* (Общеизвѣстна.)

619. а) Стоитъ добро; въ то добро зашло добро; я взялъ добро, да добромъ добро изъ добра выгналъ вонъ. *Корова въ рожь зашла и рожью прогнана.* (Ряз. у., с. Жолчино.) Ср. Аѳанасьева, русскія сказки, в. 2, № 20; в. 5, стр. 166.

б) Поѣхалъ я въ доброе, доброе ходитъ; я доброе выгналъ, доброе стало.

620. Два братца хотятъ подраться, да руки коротки. *Коромысло.*

621. Безъ рукъ, безъ ногъ, на бабу скокъ. *Коромысло.*

622. Горбатый котъ бабѣ плечи третъ. *Коромысло.*

623. а) Горбатый бѣсъ, на загривокъ бабы взлѣзъ. *Коромысло.*

б) Кривой бисъ на бабу влисъ.

в) Вѣсъ-перевѣзъ на дѣвку влѣзъ (— на дѣвкѣ припотѣлъ, на бабу захотѣлъ). (Моск. губ., с. Хорошилово).

624. Сидитъ баба на грядкахъ, вся въ заплаткахъ. *Корчага*, обвитая берестомъ.

625. Несутъ свинью изъ овину, на обѣихъ концахъ по рылу. *Корыто.* (Ср *Ночвы.*)

626. Маленькій да гнутенькой, весь лугъ обошелъ. *Коса.*

627. Травы поѣмъ, и зубы притуплю; песку поѣмъ (хвачу), снова вывострю (опять наострю). *Коса.*

628. Согнута въ дугу, лѣтомъ на лугу, зимой на лягу (т. е. на отдыхѣ) (—на крюку.) *Коса.*

629. Въ рукахъ блеститъ, подъ ногами журчитъ, сзади тащится то, чѣмъ вострится. *Коса, трава, точило.*

630. Сорочка въ осочкѣ посвистываетъ. *Коса.*

631. Бѣлая бѣлянка по полю ходила, домой пришла, подъ сарай легла. *Коса.*

632. Лежи моя загадка до время. *Коса.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

633. Пришелъ тень *) въ Петровъ день, сѣлъ тень на пень, сталъ стрекотать, только перышки летятъ. *Коса.*

634. Дзень, дзень на Петровъ день, струкочетъ, брякочетъ, а къ зимѣ съ поля уходитъ. *Коса.*

635. а) Летѣлъ тень на Петровъ день, сѣлъ тень на пень, сталъ тень плакать: волосы вянутъ, дуброва шумитъ. *Коса.* (Распространена.)

б) Летѣла тень на Петровъ день, сѣла тень на дубъ, стала тень плакать, а волосы вянуть, дуброва шумѣть.

в) Прилетѣла тень на Петровъ день; сѣла тень на пень, стала тень плакать, что волосы вянутъ, а другіе подрастаютъ, какъ дубровушка шумитъ.

636. Ходитъ щучка по заводи, ищетъ щучка тепла гнѣзда, гдѣ бы щучкѣ трава густа. *Коса.*

637. а) Билая билужина, вси бирега окружила, зима пришла, повиснлась. *Коса.*

б) Рыбина бѣлужина хвостомъ вильнула: лѣсы спали, горы стали.

638. а) Щука бѣлуга хвостомъ мигнула; лѣсы пали, горы встали. *Коса, трава, загороды сьна.* (Распространена.)

б) Щука понура хвостомъ вернула (вильнула), лѣсы пали, горы стали.

639. а) Щука понура по лѣсу ходила, всѣ лѣса погубила; лѣса пали, горы встали. *(Тьже.)*

б) Щука понура по лугамъ ходила, всѣ луга погубила; луга пали, горы стали. *(Тьже.)*

640. Щука въ морѣ хвостомъ виляетъ, горы ставитъ. *(Тьже.)*

641. Щука ныряетъ, весь лѣсъ валяетъ, горы подымаетъ. *(Тьже.)*

642. Вышла щука изъ Кременчука; если взглянетъ — трава вянетъ. (Нерчинскій окр.) *(Тьже.)*

643. Щука двинетъ, лѣсъ вянетъ; на томъ мѣстѣ городъ встанетъ. *(Тьже.)*

644. Щука ныряетъ (прянетъ), трава прилягаетъ (вянетъ). (Ряз. у., с. Жолчино.) *(Тьже.)*

---

*) Тень (а не тѣнь) — здѣсь подражаніе звуку косы.

645. Сила двинетъ — лѣсъ вянетъ, на томъ мѣстѣ гора станетъ. *(Тьже.)*

646. Выскочила слѣпая макура, хвостомъ вильнула: лѣсы пали, горы встали. (Нерчинск. окр.) *(Тьже.)*

647. Чернышь-гагаришь, куда ты идешь? Молчи, проверчена дыра, самъ тамъ будешь. *Котелъ и ушатъ.*

648. Подъ клѣтомъ, подъ наметомъ, стоитъ бочка съ вороньимъ саломъ. *Котелъ съ водой.*

649. Въ лѣсъ идетъ, изъ лѣсу глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ. *Котомка за спиной.*

650. Тутъ, тутъ потутурившись сидитъ, ждетъ гостя изъ Новагорода. *Котъ и мышь.*

651. Не ходи канда въ пенду (брындя, брындя, не лази...), въ пендѣ канда про хонда (клянда). *Котъ не лази въ печку; въ печкѣ кашка про гостя.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

652. Подъ поломъ-поломъ ходитъ барыня съ коломъ. *Кошка.* (Общеизвѣстна.) Ср. *мышь.*

653. Изъ подполья, подъ поломъ бѣгаетъ барыня съ помеломъ. *Кошка.*

654. а) Четыре четырки, двѣ растопырки, одинъ вертунъ (вертокъ), да два яхонта (двѣ юхторки). *Кошка.* (Нерч. окр.)

б) Четыре четырки, двѣ охтырки, два яхонта.

655. Двѣ ковырки, двѣ подковырки, одинъ вертунъ, два войка, третья маковка. *Кошка.*

656. Четыре четырки, двѣ растопырки, два машимара, да шаръ. *Кошка* (ноги, уши, глаза, голова). (Нижегор. губ., Ардат. у., с. Котовка.)

657. Сидитъ баба на току и грозится на сноху: я тя, сука, погоню, на клочки тя разорву. *Кошка и мышь.*

658. Въ избѣ ломтемъ, на дворѣ калачемъ. *Кошка и собака.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

659. а) Стоитъ попъ низокъ; на немъ сорокъ (12) ризокъ. *Кочанъ капусты.* (Общеизвѣстна.)

б) Стоитъ попокъ, самъ низокъ, сто на немъ ризокъ.

в) Маленькой попокъ, сорокъ ризокъ оболокъ.

660. Широватый, кудреватый на макушкѣ плѣшь, на здоровье съѣшь. *Кочанъ капусты.*

661. Латка на латкѣ, а игла не была. *Кочанъ капусты.*

662. Маленькой, удаленькой, въ землю ушелъ, бѣлу книгу нашелъ. *Кочанъ капусты.*

663. Кривая собака въ кувшинъ (печку) глядитъ. *Кочерга.* (Казань, Зап. Сибирь).

664. Хоть не огонь, а жжется. *Крапива.* (Зарайскъ).

665. Раскинуты тенетки, прилетѣли лебедки, трутъ, мнутъ, разинулъ — воткнутъ. *Красны.*

666. Рдѣтъ, краснетъ, на ногу лѣзетъ. *Красные чулки.*

667. Два орла орловали, третьяго купали. *Крестины.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

668. На полѣ Арскомъ, на рубежѣ татарскомъ, два орла орлуютъ, однимъ языкомъ балуютъ. *Крестины.*

669. Во полѣ Епифанскомъ, подъ деревомъ царскимъ, три орла орлуютъ, однимъ яицомъ даруютъ (три орла — свящ., кумъ и кума). *Крестины*

670. Три орла орлуютъ, однимъ яблочкомъ балуютъ. *Крестины.*

671. Подъ городомъ подъ Брянскимъ, подъ дубомъ подъ царскимъ, два орла орлуютъ, одно яичко балуютъ. *Крестины.*

672. На полѣ на Дранскомъ, подъ дубомъ подъ царскимъ, два орла орловались, однимъ мечемъ потѣшались. *Крестины.*

673. Безъ духа и плоти, а по Христѣ святъ. *Крестъ.*

674. На свѣтѣ три кривыхъ? *Кривые: рѣка, дорога и поскотина.*

675. Что стомъ вито, обвито, повито? Кто то отгапетъ, тому сто все. *Кринка въ берестѣ или молостовъ.*

676. Четыре ноги, да не звѣрь; душа и тѣло, да не человѣкъ; есть перья да не птица. *Кровать.* (Москва.)

677. Сорокъ полъ (у сорока семи полъ), одинъ подолъ. *Кровля.* (Также разгадывается: *листья у кочня.*)

678. Краснепкій клубочикъ по полю катился, пылью подавился. *Кровь, когда рѣжутъ свинью.*

679. Корова голуба, дома не любятъ, на базарѣ не купятъ. *Крыса.*

680. Выходитъ турица изъ подъ каменной горицы. Спрашиваетъ курицу турица: курица, курица! Гдѣ ваша косарица? — Наша косарица лежитъ на печерскихъ горахъ, хочетъ вашихъ дѣтей ловить. Ахъ, горе горевать, куда намъ дѣтей дѣвать? Али въ старую норку сажать? Турица — *крыса*, касарица — *кошка*, дѣти — *мыши*, печерскіе горы — *печь* (Мещовск. у.)

681. Вышла турица изъ-подъ камня горича, спрашиваетъ у турбы: «дома ли ваша косырія?» — Наша косырія на каменной палатѣ почивье держитъ, хочетъ па вашу землю побывати. — «Увы, увы, мати, куда мнѣ дѣтей дѣвати, развѣ въ землю закопáти?» *Крыса, пытухъ, кошка, мыши.*

682. Вышла нарица изподъ каменной горицы, спрашиваетъ у тихарета: «о тихаретъ! Гдѣ нашъ косаритъ?» Онъ на горахъ, въ пещерахъ почиваетъ, идти хочетъ воевати. «Куда мнѣ дѣтей дѣвати?» *(Тѣже.)*

683. Выходила турица изъ подъ каменной горицы, спрашивала: кухарей, кухарей, гдѣ твой косарей? Мой косарей пошелъ въ пещеру пещеровать, вашихъ дѣтей воевать. Охъ, горе горевать, куда малыхъ дѣтей дѣвать? лучше въ сыру землю закопать. *Крыса, пытухъ и котъ.*

684. Оснóва соснóва, утóкъ соломенный. *Крыша.*

685. Идетъ мужикъ на горку, задрамши бородку. *Крюкъ.* (Москва.)

686. (Что) Верхоглядъ въ избѣ? *Крюкъ.* (Моложск. у., прих. Станиловскій на Сити.)

687. Стоúтъ мальчикъ, скривя пальчикъ. *Крюкъ.*

688. Баранъ въ хлѣвѣ, нога въ стѣнѣ. *Крюкъ дверной.*

689. Маленькой-удаленькой въ кулачкѣ увязъ. *Крюкъ и петли.*

690. Двое подъячихъ водятъ Марью вертячу. *Крюки (—чья) и дверь.*

691. День виситъ, а ночью въ дыру глядитъ. *Крючекъ у дверей.*

692. Стоитъ Ермякъ, заломя колпакъ. *Крючекъ въ стѣнѣ.* (Нерч. окр.)

693. Зайду я въ топотушку, загляну въ работу́шку, стойтъ пузырь съ побрякушкой. *Кузня.*

694. Въ лѣсъ идетъ, назадъ глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ. *Кузовъ или топоръ за поясомъ.*

695. Озеро кругленько, берега узеньки; кто въ немъ искупается, къ царскимъ слугамъ причисляется. *Купель.*

696. Два раза на свѣтъ родилась? *Курица.* (Казань)

697. Тарасова дочь Тарасомъ трясетъ, 77 на себѣ ризокъ несетъ. *Курица.* (Нерч. окр.)

698. а) Надѣла семьдесятъ рубашекъ, вышла на улицу и спина гола. *Курица.* (Распространена.)

б) Есть у нашей матушки (у барыни 77 платьевъ) 40 рубашекъ...в) У моей подружки 73 рубашки... г) Вышла Ивашка въ бѣленькой рубашкѣ, вѣтеръ дунетъ... д) У нашей Параши (на барышнѣ) сорокъ рубашекъ; вышла на улицу, вѣтеръ дунулъ (подуетъ) — и спина гола.

699. Ходитъ барыня по городу, кричитъ она по золоту: свѣтъ мое золото въ бѣломъ платѣ завернуто. *Курица кудахчетъ, яицо снесетъ.* (Нижегор. г., Ард. у., с. Котовка.)

700. Выйду я на выходку, маню я малыхотку: бѣжитъ ко мнѣ куфточка. *Курица съ цыплятами.*

701. Виту-виту поле, виту-виту стадо, витулай пастухъ. *Курица, цыпленокъ, пѣтухъ.*

702. Взойду я въ зой-зой-зой, вскликну я: тюлили, тюлили; подай путутай, путутай, во что пузырь положить. *Курица кудахчетъ, проситъ себѣ гнѣздо — яицо снести.* (Ряз. у., с. Желчино.)

703. Катюха да Палаха, Самсонъ да Ѳесѣлъ. *Кутъ да палаты, столъ да въхотъ.*

704. Суну посуну, дѣлаю посуду, высуну, поколочу и всю вызолочу. *Куютъ въ кузницѣ.*

705 Цѣпь за цѣпь, конецъ на печь. *Лавка въ избѣ.*

706. Лѣтомъ молодица, а зимой вдовица. *Ладья.*

707. Одинъ разъ родился, а дважды померъ? *Лазарь и мертвецъ, котораго клали на крестъ.*

708. Сплетенъ липовый кустъ, ночь отпертъ, день запертъ. *Лапоть.* (Ряз. у., с. Желчино.)

709. Два бурава (боровка, рота, кряшка), четыре хвоста. *Лапти.* (Москва.)

710. Два хвоста — елоза проста. *Лапти.*

711. Голова есть, мозгу нѣтъ; уши есть, слуху нѣтъ; спина есть, брюха нѣтъ. *Лапоть.*

712. Сидитъ на ложкѣ, свѣсивши ножки. *Лапша.*

713. Молодой конекъ за море ходокъ (Молодъ конь за моремъ бывалъ); спинка соболинка, а брюшко бѣленькое. *Ласточка.*

714. Шитовило-битовило, по нѣмецки говорило, спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, съ исподу бѣло полотенце. *Ласточка.*

715. Шило мотрошило безъ угловъ избу сомшило. *Ласточка гнѣздо свила.*

716. Криво-косо мотовило, подъ небеса ходило, по татарски говорило, по нѣмецки лепетало. *Лебедь.*

717. а) На морѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ. *Ледъ.*

б) Ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ.

718. а) Мостится мостъ безъ досокъ, безъ топора, безъ клина. *Ледъ.*

б) Кто мостъ моститъ безъ ножа, безъ топора, безъ клиньевъ, безъ подклиньевъ? в) Мостъ мощу безъ клинья, безъ визья, безъ березья. г) Малъ малечóкъ замостилъ мостечóкъ, безъ кола, безъ жерди, безъ топора.

719. а) Сперва я тебя рожу, потомъ ты меня; можно тебя назвать моей дочерью и матерью. *Ледъ и вода.*

б) Чистъ и ясенъ, какъ алмазъ, дорогъ не бываетъ; онъ отъ матери рожденъ, самъ ее рождаетъ. (Казань, Ряз. у., с. Жолчино.) в) Мать меня рождаетъ — а я ее. (Курск. губ.)

720. Въ новой стѣнѣ въ кругломъ окнѣ днемъ стекло разбито, а къ утру снова цѣло (за ночь вставлено). *Ледъ на проруби.*

721. а) Пять овечекъ стогъ подъѣдаютъ, пять овечекъ прочь отбѣгаютъ. *Ленъ прядутъ.*

б) Пять-пять овецъ зародъ подъѣдаютъ да пять-пять овецъ труху подбираютъ.

722. Били меня, колотили меня, во всѣ чины производили, и на столъ (на престолъ) съ царемъ посадили. *Ленъ.*

723. а) Голову ѣдятъ, кожу носятъ; а мясо и собаки не ѣдятъ. *Ленъ.* (Пошехоньевск. у., с. Давшино.)

б) Голову ѣдятъ, тѣло бросаютъ, а кожу носятъ.

в) Шелъ я въ осень, нашелъ я восемъ; мясо бросилъ, шкуру износилъ, а голову съѣлъ.

724. а) Свѣтъ-цвѣточикъ въ сыру землю зашелъ, синю шапку нашелъ. *Ленъ.*

б) Малъ мальчекъ (малочекъ) (малышóкъ) въ сыру землю ушелъ, синю шапку нашелъ.

725. Самъ жиляной, ножки глиняны, головка масляна. *Ленъ.*

726. Въ избу ворономъ, а изъ избы лебедемъ. *Липовая лутошка.*

727. Всѣ паны скинули кафтаны (жупаны), одинъ панъ не скинулъ жупанъ. *Лиственныя деревья и сосна.*

728. а) Летѣлъ панъ, на воду палъ, самъ не тонетъ, воды не мутитъ. *Листъ* (древесный). (Распространена.)

б) Панъ пановичъ палъ на воду, воды не смутилъ, самъ не потонулъ. в) Панъ пановичъ, Гаврило Иванычъ, на воду палъ

и воды не взмутилъ. г) Панъ пановалъ, въ воду упалъ, а воды не взмутилъ. (Моложск. у.) д) Еръ Егорко упалъ въ озерко: самъ не потонулъ и воды не всколебалъ.

729. Въ чистомъ полѣ двѣ трубы трубили, два соболя играли. *Лице, ротъ, носъ, глаза.*

730. Ни рукъ, ни ногъ, ни очей, ни ушей, добра молодца везетъ по круту бережку. *Лодка.*

731. а) Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу, крови нѣту. *Лодка.* (Общеизв.)

б) Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рублю, рублю — щепокъ нѣту.

732. Безъ рукъ, безъ ногъ, на брюхѣ ползетъ. *Лодка.*

733. Меренъ гнѣздъ, живота нѣтъ, везетъ на тысячу рублей. *Лодка.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

734. Купался баринъ на черной рѣкѣ и выкупался; вышелъ на берегъ и вымарался. *Лодка.*

735. Рыбина билужина, всп берега окру́жила; зима пришла, она въ гору пошла. *Лодка.*

736. Дорога ровна, лошадь деревянна; везетъ не корма, только поворачивается (хвостикъ повпливаетъ). *Лодка.*

737. Лиска лисà, подбрюшьеце лазоревое, гребетъ бобромъ, на песокъ ползкомъ, по водѣ плавкомъ. *Лодка.*

738. Ѣду, ѣду не путемъ, погоняю не кнутомъ; швырну не палку, убью не галку, ѣмъ не мясо, щиплю не перья. *Лодка и рыбы.* (Курск. губ.)

739. а) Бѣгутъ голубочки къ одной пролубочкѣ. *Ложки.* (Общеизв.).

б) Всѣ голубки кругъ одной пролубки. в) Вокругъ пролубки всѣ голубки.

740. Полно корыто голубокъ нарыто; голубки клевали, носки замарали, людей напитали. *Ложки.*

741. Выну изо рту угодку, оближу и опять положу. *Ложка.*

742. У насъ въ избу́шкѣ красны бабу́шки. *Ложки.*

743. Диво варило пиво; слѣпой увидалъ, безногой за ковшемъ побѣжалъ, безрукой сливалъ; ты пилъ да не растолковали. *Ложь.*

744. Мать лопотунья, дочь хвостунья, сынъ замотай. *Лопата, метла, цѣпъ.*

745. а) Онъ тебѣ отецъ и дѣдъ, ты мнѣ сынъ и братъ, я тебѣ мать и сестра. *Лотова дочь своему сыну.*

б) Твой отецъ и мой отецъ; мой мужъ и твой дѣдъ; ты мнѣ братъ и сынъ.

746. а) Родился — не крестился, не умеръ и не живетъ. *Лотова жена.*

б) Родился и не истлѣлъ? в) Кто родился, животъ потерялъ, а не изгнилъ? (Шадринскій у.)

747. Свинка — вырѣзана спинка. *Лотокъ.*

748. Три братца подъ одной шляпкой стоятъ. *Лоханъ.*

749. Три ноги, два уха, да шестое брюхо. *Лоханъ.* (Моск.

г., Дмитр. у., с. Хорошилово; Тульская г.)

750. Сито свито, съ липы снято; на конецъ: птрру! *Лошадь* (?).

751. И не шито, и не кроено, а клинъ вставленъ. *Лошадь тыая.* (Зарайск. у., с. Мишино.)

752. Прилетѣли на хоромы три вороны; одна говоритъ: мнѣ въ зимѣ добро; другая: мнѣ въ лѣтѣ добро, а третья: мнѣ всегда добро. *Лошадь, корова, лодка.*

753. Сидитъ тупка въ семи юбкахъ. *Луковица.*

754. Маленькій попокъ во семи ризахъ поетъ. *Лукъ* (некущійся).

755. а) Сидитъ старуха о семи кожухахъ (за семи кожухамъ); кто ее потронетъ, самъ заплачетъ. *Лукъ.* (Вытегра.)

б) Сидитъ кожухъ (стоитъ чудо) въ семи шубахъ; кто его потронетъ (взглянетъ), самъ (всякъ) заплачетъ. (Тобольскъ.)

756. Сидитъ дѣдъ многимъ платьемъ (—ми шубами) одѣтъ; кто его раздѣвастъ (самъ) отъ жалости слезы проливастъ. *Лукъ.*

757. Что безъ боли и печали приводитъ въ слезы? *Лукъ.*

758. Пришла панья въ красномъ сарафанѣ; начали раздѣвать — стали плакать и рыдать. *Лукъ.* (Тульск. г.)

759. а) Стоитъ попъ низокъ, на немъ сто ризокъ. Ризки снимешь, самъ заплачешь. *Лукъ.* (Мещовск. у.)

б) Стоитъ попъ на грядкахъ, весь въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.

760. а) Стоитъ (сидитъ) баба (матка) вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ (тронетъ), всякъ заплачетъ. *Лукъ.* (Общеизвѣстна.)

б) Сидитъ баба на грядѣ, вся въ землѣ, кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ. в) Маленька бабка (Виситъ надъ грядками рубашка), вся въ заплаткахъ. (Моложск. у., Рязанск. у.)

761. Сидитъ мужичекъ на полатяхъ, весь въ заплатахъ. *Лукъ.*

762. Возьму я зелье, брошу въ землю; какъ вверхъ побѣжитъ, тутъ буду его косить. *Лукъ.*

763. Въ избу ворономъ, изъ избы лебедемъ. *Лутошка.*

764. Летѣла сова чрезъ четыре столба; увязла сова въ три столба. *Лучина въ свѣтцѣ.*

765. а) Разсыпался (разломанъ) черка́сь, никому его не скласть: ни попа́мъ, ни дьяка́мъ, ни серебреникамъ. *Лучина*, нащепанная изъ полѣна. (Нерчинск. окр.)

б) Раскладу книгу и никому не скласть... в) Раскладу я клѣтку, не скласть эту клѣтку... г) Раскладу я клѣтку, и царю не скласть; ни попа̀мъ, ни дьяка̀мъ, ни богатымъ мужика̀мъ. д) Разберу бѣлину (т. е. судно) одними руками; не соберешь бѣляны всѣми городами. е) Разсыплю я грамоту по черному бархату; не собрать этой грамоты ни князьямъ, ни боярамъ, ни серебреникамъ. (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.)

766. Бѣгутъ плоски (биски), загня (подыми) носки. *Лыжи.*

767. Въ лѣсъ иду — двѣ мѣты кладу, изъ лѣсу иду — двѣ другія кладу. *Лыжи.*

768. Два волка бѣжатъ, сами на небо глядятъ; се тотъ, се другой напередъ забѣгаютъ, а другъ отъ дружки убѣжать не смогаютъ. *На лыжахъ.*

769. Лѣтомъ въ шубѣ, зимой въ шабурѣ. *Лѣсъ.* (Шадринскій у.) Ср. *береза.*

770. У мужа три жены и всѣ три живы; рожденье и смерть имъ не извѣстны; двѣ мужу помогаютъ, а третья раззоряетъ. *Лѣто*; жены: *весна, осень, зима.*

771. У быка-быка прорѣзались бока; у быка ядра говорятъ. *Люди въ домъ.*

772. Подъ берегомъ сидитъ Тарасъ — кричать гораздъ. *Лягушка.* (Тульск. г.)

773. Подъ однимъ колпакомъ семьсотъ казаковъ. *Маковка.*

774. На тычинкѣ (стрѣлкѣ) городокъ, въ немъ семь сотъ воеводъ. *Маковка.*

775. Стоитъ стрѣла посреди двора; а въ той стрѣлѣ 700 и два. *Макъ.* (Курск. г.)

776. Малъ малышка, по поднебесью пошелъ, противъ солнца сталъ, колпачишка снялъ. *Макъ.* (Нерчинск. окр.)

777. Маленькій, удаленькій, въ землю ушелъ, красну шапку нашелъ. *Макъ.*

778. Стоитъ дубъ, полонъ (насыпанъ) крупъ, шапочкой накрытъ, гвоздикомъ прибитъ. *Макъ.* (Москва.)

779. Кину я порохомъ, сдѣлается (станетъ) городомъ, красной Москвой, храброю (бѣлою) Литвой. *Макъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

780. а) Андронъ Андроновичъ сквозь землю проходилъ, огонь выносилъ, ничего не зажегъ. *Макъ.*

б) Дренъ Дреновичъ, Иванъ Ивановичъ, сквозь земли прошелъ, на головѣ огонь пронесъ. (Ряз. у., с. Жолчино). в) Ивалъ Иванычъ, Макаръ Макарычъ изъ земли выходитъ, на себѣ огонь выноситъ. (Зарайск. у., с. Мишино.)

781. Росло, повыросло, изъ земли повыросло, алой ленточкой облупилося, краснымъ дѣвушкамъ полюбилося. *Макъ.* (Тобольскъ.)

782. а) Бѣленька спичка, да обводка красненька. *Малина.*

б) Красная ступка, бѣлый толкачъ. (Зарайскій у., с. Мишино.)

783. Чѣмъ тебя мать родила? *Мальчикомъ* (или *дѣвочкой*).

784. а) Желтенькая собачка въ конуркѣ (въ промежуточкѣ) лежитъ. *Масло коровье.*

б) Желтенькая собачка изъ конурки выглядываетъ. (Распространена.)

785. Желтенькая лисичка въ катумкѣ лежитъ. *Масло коровье.*

786. Бился баранъ съ козломъ, помутилася вода съ пескомъ. *Масло мѣшаютъ.*

787. Щука въ морѣ, концы на берегахъ. *Матица.* (Котельничъ.)

788. Дарья да Марья видятся да не сходятся. *Матица подъ потолкомъ и матица подъ поломъ.*

789. а) Марья (барыня) (Наташа) въ избѣ, а рукава на дворѣ. *Матица.* (Курск. г., Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Баранъ въ хлѣвѣ, а рога въ стѣнѣ. *Матка.* в) Марья царевна сама въ избѣ, рукава на дворѣ.

790. Золотой мостъ на семь верстъ. *Матица.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

791. Лежитъ брусъ во всю Русь: въ томъ брусѣ 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по 12 яицъ, въ каждомъ яйцѣ по 12 цыплятъ. *Матица* въ избѣ; на ней въ потолочинахъ яица—тараканы, въ которыхъ будто бы всегда находится по 12 зародышей. (Молож. у., прих. Станиловскій на Сити.)

792. Сто гостей, сто постель — одному гостю постели нѣтъ. *Матица.* Ср. *бревна.*

793. а) Всѣ кишки въ одномъ горшкѣ, одна кишка поперегъ горшка. *Матица.*

б) Всѣ кишки въ горшокъ ушли... (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.) в) Всѣ кишки вдоль горшка, одна поперегъ. (Зарайск. у., с. Мишино.)

794. Лютая свекровь семейство стережетъ; свекровь разсердится, все семейство разбѣжится. *Матица.*

795. Двѣ матери, двѣ дочери, да бабушка съ внучкой, а ихъ всѣхъ трое. *Мать, дочь и внучка.*

796. Жалокъ, жалокъ, ты, дружокъ! На́ тѣ сахару кусокъ. *Мать кормитъ дитятю.* (Нижегород. губ., Ардат. у., с. Котовка.)

797. Корова комёла (комола), лобъ широкъ, глаза узенькіе; въ стадѣ не пасется и въ руки не дается. *Медвѣдь.*

798. Лежитъ соптей, идетъ соптей. *Медвѣдь.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

799. «Ванька малый! гдѣ былъ? — У Тули! — «Что видѣлъ?» — Алхирія! — «Въ чемъ онъ?» — Въ черной шубѣ и кольцо у губи. *Медвѣдь.*

800. Ѣства липка, посуда не крѣпка; посуда въ церковь, ѣства въ міръ. *Медъ.*

801. Подъ ярустомъ, ярустомъ капуста бѣла, вода дорога, собаки злыя. *Медъ и пчелы.*

802. Пришелъ въ городокъ разбойникъ съ ножемъ, съ огнемъ: жильцевъ не рѣжетъ, избы не сжетъ, а добро беретъ. *Медъ подрѣзываютъ.*

803. а) Стоитъ баба на юру (расшеперившись...), весь міръ кормитъ, сама голодна. *Мельница.*

б) Весь міръ кормитъ, сама не ѣстъ.

804. Сидитъ баба на юру, ноги свѣсила въ рѣку. *Мельница.*

805. Безъ рукъ, безъ ногъ лапшу крошитъ. *Мельница.*

806. Тахъ-тарарахъ, стоитъ домъ на горахъ, вода брызжется, борода трясется. *Мельница.*

807. Стучитъ, бренчитъ, сто конецъ бѣжитъ: что есть въ околоткѣ, весь хлѣбъ поѣстъ. *Мельница.*

808. Безъ ногъ прытко, безъ жилъ сильно, безъ разума хитро. *Мельница.*

809. а) Сидитъ сова на болотѣ, не жнетъ, не коситъ, а денежку колотитъ. *Мельница.* (Нерчинск. окр.)

б) Сидитъ кикимора на болотѣ, не жнетъ, не молотитъ, денежки колотитъ. (Котельничъ.)

810. Летятъ колпчики и говорятъ: у нашей матушки сердце каменное, грудь желѣзная. *Мельница.*

811. Типякъ бьетъ, ревякъ реветъ, трубы трещатъ, во́ды плещутъ. *Мельница* (пиктель; жерновъ; колесы).

812. а) Залаяла собачка на Мурманскомъ (*) (Муравскомъ); заревѣлъ медвѣдь на Романовскомъ; затопали кони на Кириловомъ дворѣ (полѣ). *Мельница.* (Распространена.)

б) Затопали кони въ Кириловскомъ полѣ, залаяла собачка на Муромскомъ, заревѣлъ медвѣдь на Ивановскомъ (Романовскомъ). *Мельница* (кони — мельничные песты; собачка — порхлица; медвѣдь — жерновъ). в) Во поли, поли затопали кони, заревѣлъ медвѣдь на ярмаркѣ. г) Затопали кони на Ивановскомъ полѣ, зарычалъ медвѣдь на Кириловскомъ.

813. Ноги каменны, голова деревянная, самъ въ шабурѣ и ходитъ въ водѣ. *Мережа.*

814. а) Пѣвчики поютъ, ревчики ревутъ, сухо дерево несутъ, въ этомъ деревѣ ни пышетъ, ни шевелитъ. *Мертвецъ.*

б) Бѣгунчики бѣгутъ, ревунчики ревутъ, суходерца несутъ, суходерецъ не пышетъ, не дышетъ, не ворошится. (Ряз. у., с. Жолчино.) в) Текуньчики текутъ, ревунчики ревутъ, сухо дерево несутъ; не дышетъ, не пышетъ и души въ немъ нѣтъ. (Нижегор. г., Ард. у., с. Котовка.) г) Бѣгутъ бѣгунчики, ревутъ ревунчики, не дышатъ, не пышатъ, по сухому дереву бѣжатъ. д) Не пышитъ, не дышитъ, сухую дереву несутъ. (Тульск. губ., Ефрем. у.) е) Ни пышетъ, ни дышетъ, въ сухомъ деревѣ лежитъ. ж) Поревунчики (поревунюшки) ревутъ, потекунчики текутъ, сухо (красно) дерево несутъ: не пышетъ, не дышетъ, не ворохнется. з) Сивунчики-ревунчики сухое дерево несутъ. (Моск. г. Дмитр. у., с. Хорошилово.)

815. а) Обулся не такъ, одѣлся (оболокся) не такъ, поѣхалъ не такъ, опружился (заѣхалъ я) въ ухабъ, что не выѣдешь (не вылѣзти) никакъ. *Мертвецъ* (Пошех. у., с. Давшино.)

(*) Крестьяне Архангельской губ. называютъ Мурманскимъ берегъ, противуположный своему; залаяла собачка — значитъ, подулъ вѣтеръ.

б) Сядешь не такъ, поѣдешь не какъ, заѣдешь въ ухабъ, не выѣхать (не вылѣзешь) никакъ. в) Всталъ я не ладно, умылся не ладно, лошадь запрягъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ, не выѣхать никакъ. г) Умылся не такъ, пріодѣлся не такъ, и сѣлъ не такъ, и поѣхалъ не такъ: засѣлъ я въ ухабъ, не выѣхать никакъ. д) Ѣдетъ мужикъ не путемъ, ничего не видитъ кругомъ, заѣхалъ въ ухабъ, не вылѣзешь никакъ. е) Ѣду, ѣду не путемъ, погоняю не кнутомъ, заѣхалъ въ ухабъ, не выѣду никакъ. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

816. Какое строеніе давно построено: не разваливается и не требуетъ починки? *Міръ.*

817. Полно корыто людей намыто. *Миска съ ложками.*

818. За стѣной, стѣной таракашекъ (колобочикъ; барабанчикъ; барабанщикъ; коравашекъ; колыбашка) костяной. *Младенецъ* во чревѣ матери.

819. За каменной за стѣной лежитъ бубенъ костяной.

820. а) Пришелъ гость изъ гостей, съѣлъ барана безъ костей: гость сытъ и баранъ цѣлъ. *Младенецъ и кормилица.* (Моложск. у., Нерчинск. окр.)

б) Пришли гости безъ вѣстей, убили барана безъ костей; гости сыты, баранъ цѣлъ.

821. Живая живулечка сидитъ на живомъ стулечкѣ, живое мясцо теребитъ. *Младенецъ грудной.*

822. Заѣхать, какъ въ ухабъ, не выѣдешь никакъ. *Могила.* (Шадринскій у.) Ср. *мертвецъ.*

823. Дерево елово, (въ) три года ягода, на четвертый годъ се въ головку кокъ. *Мозжевеловыя ягоды и водка изъ нихъ.*

824. Кто деревяннымъ ключемъ отпиралъ водяной замокъ. *Моисей.*

825. Марья-Марія по воду ходила, ключи обронила. *Молнія.* (Тобольскъ.)

826. На полѣ Царынскомъ стоитъ дубъ Саратынскій; въ дубу гробница; въ гробницѣ дѣвица, огонь высѣкаетъ, сырую землю зажигаетъ. *Молнія.* (Московск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

827. Чего хочешь, того не купишь; чего не надо, того не продать. *Молодость и старость.*

828. Чиста да не вода; клейна да не смола; съ трудомъ его достаютъ; у кого нѣтъ — раздаютъ. *Молоко.*

829. Что всего слаще? *Молоко груднос* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

830. Летятъ гуськи, дубовые носки, шейки кожаныя. *Молотила.* (Пошехоньевскій у.)

831. На Гурьевскомъ поли затопали кони. *Молотилы на гумнѣ.*

832. Крило мотовило по поднебесью летало, по татарски лепетало. *Молотило.*

833. а) Противъ солнышка мелькали, во всю мочь щелкали. *Молотилы на гумнѣ.*

б) Противъ солнца на лекали...

834. а) Шелъ мимо двора поповскова, увидѣлъ тѣла таковскія: головы разбиты, а брюха распороты. *Молотьба ржи.* (Пошех. у., с. Давшино.)

б) Шелъ мимо двора поповскаго, видѣлъ дѣло таковское: головы рубятъ, тѣло въ валъ валятъ, души въ рай носятъ. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

835. На полянѣ, на курганѣ подрались дворяне: не видать ни костей, ни мастей — только видно, гдѣ дрались. *Молотьба.* (Тульск. г.)

836. На стуковп, на букови такъ стукали, такъ юкали — лежатъ до смерти побитыя, головушки покрытыя; тѣло валомъ валятъ, душу въ рай несутъ. *Молотятъ рожь и убираютъ.*

837. Дворъ дыроватъ, люди говорятъ, а выйти не велятъ. *Морда рыбачья.*

838. Стоитъ дубъ чагранскій; кудри у него чубатански; никто его не сорветъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица. *Мордвинникъ.*

839. а) Сестрица сидитъ въ темницѣ, коса же ея — на верху. *Морковь.* (Пошехоньевс. у., с. Давшино).

б) Красная дѣвица сидитъ въ темницѣ — коса наружѣ. (Тульск. г.) в) Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ.

840. Тить, потить, всѣхъ куръ побитъ, песочкомъ потруситъ. *Моровая язва.*

841. Подъ ярусомъ ярусомъ кафтанъ съ гарусомъ. *Морозъ.* (Моск. г., Дмитр., у., с. Хорошилово.)

842. Быкъ въ хлѣвѣ, хвостъ на хлѣвѣ. *Морозъ* (паръ выходитъ изъ хлѣва.)

843. Старикъ у воротъ, тепло уволокъ. *Морозъ.*

844. Стоитъ дубъ безъ корня, безъ вѣтвей; сидитъ на немъ птица вранъ; пришелъ къ нему старикъ безъ ногъ, снялъ его безъ рукъ, заковалъ безъ ножа, сварилъ безъ огня, съѣлъ безъ зубовъ. *Морозъ.*

845. а) Самъ Самсонъ, самъ мостъ мостилъ безъ топора, безъ клинья, безъ подклинья (паклинья). *Морозъ.*

б) Дѣдушка мостъ мостилъ безъ топора и безъ ножа.

846. Пока было въ кожѣ, не было гоже; вылѣзло изъ кожи, стало всѣмъ гоже. *Морошка.*

847. Вверхъ бурды, внизъ бурды, тѣже бурды осередь избы. *Мотовило.* (Котельничъ.)

848. а) У насъ да у васъ поросенокъ увязъ. *Мохъ.* (Общеизвѣстна) Ср. *Задвижка.*

б) Противъ васъ, противъ насъ...

849. Шелъ я по тюх-тюхтю, нашелъ я валюх-тюхтю; кабы эта не валюх-тюхтя, такъ бы съѣла меня тюх-тюхтя. *Мужикъ, топоръ и медвѣдь.*

850. а) Въ лѣсу да въ раменьѣ кипитъ, да взвариваетъ. *Муравейникъ.*

б) Въ лѣсу котелокъ кипитъ, кипитъ, а укипи нѣтъ. в) За полемъ горшечекъ и кипучъ и горячъ. г) На полѣ котелокъ кипитъ, не плыветъ и укипи нѣтъ.

851. Ходили (пришли) мужики въ лѣсъ безъ топоровъ, срубили избу безъ угловъ. *Муравьи и муравейникъ.*

852. а) Идетъ коза, бьетъ рогамъ по всѣмъ угламъ. *Мутовка въ квашнѣ.*

б) Ходитъ баранъ по подполью, тычетъ рогами по уголью.

853. Стоитъ ивина вся въ сучьяхъ. *Мутовина.*

854. Легко порхаетъ, сама не знаетъ; кто взглянетъ, всякъ угадаетъ. *Муха.*

855. Надъ нами вверхъ ногами; ходятъ не страшатся и никого не боятся. *Мухи.*

856. Мертвыя встанутъ, живыхъ попдятъ. *Мухи.*

857. Подъ поломъ, поломъ — ходитъ (стоитъ) барыня съ коломъ. *Мышь.*

858. Пѣвица, пѣвица! (а) гдѣ ваша царица? — «Наша царица ушла въ го́роды по ваши головы». *Мышенокъ и котенокъ.*

859. Сивую буренушку и дома не любятъ, и на торгу не купятъ. *Мышь.* (Зарайскъ.)

860. а) Вышло чудо изъ за печуры (изъ подполея), спрашиваетъ чудо у царя Растопыри (—я) (царя крикуна): гдѣ живетъ Марья Хохловна? *Мышь спрашиваетъ у таракана (пѣтуха), гдѣ кошка.* (Рязань.)

б) Летитъ царица изъ норицы, спрашиваетъ царя Замарая: царь Замарай, гдѣ тутъ Марья Семеновна? — Марья Семеновна на Сіонскихъ горахъ почиваетъ. *Мышь, тараканъ и кошка.*

861. а) Вышла царица изъ-подъ полицы, говоритъ: гдѣ нашъ царь-кесарь? Онъ придетъ къ намъ въ полночь ночевать. *Мышь и кошка.*

б) Вышла царица изъ подъ каменной горицы, тихо речетъ: гдѣ нашъ косаринъ? Въ печныхъ пещерахъ почиваетъ, хочетъ идти воевати. Куда жь намъ дѣтей дѣвати? *Мышь, пѣтухъ, кошка.* в) Выходила княгиня изъ града Подполе́я, спрашивала княгиня царя Кукуре́я: «скажи мнѣ, царь Кукурей: гдѣ нашъ царь Котарей (Кесаріи)?» Отвѣчаетъ ей царь кукурей: «се вашъ царь Котарей (Кесаріи) на каменныхъ горахъ почиваетъ, силы свои собираетъ; по утру будетъ вашъ градъ воевати». О, горе! намъ горевати! куда намъ милыхъ дѣтокъ подѣвати? Развѣ живыхъ въ землю закопати? *Мышь, пѣтухъ, котъ.* г) Вышла турица изъ горы, изъ пещеры, спросила: дома ли царь Уритій? Дома. О горе горевать, куда мнѣ малыхъ дѣтей дѣвать? Знать, въ землю закопать. *Мышь и котъ.*

862. На небѣ огонь ясно горитъ. *Мѣсяцъ.*

863. Погляжу я за окошко: стоитъ долгій Антошка. *Мѣсяцъ.*

864. Около города Городчанскаго много скота Литвянскаго, одинъ пастухъ какъ ягодка. *Мѣсяцъ.*

865. Ходитъ Хамъ по лавкѣ, въ Хаминой рубашкѣ, выглянулъ въ окошко: стоитъ рѣпы лукошко. *Мѣсяцъ и звѣзды.*

866. Когда я молодъ былъ, свѣтло свѣтило; подъ старость сталъ, мёркнуть сталъ. *Мѣсяцъ.* (Тобольскъ.)

867. И на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ. *Мѣсяцъ.* (Ряз., с. Жолчино.)

868. Лысый жеребецъ съ бѣлыми глазами, круглый, какъ вѣнецъ, своими очами на все онъ глядитъ. *Мѣсяцъ.*

869. а) Сивый жеребецъ черезъ прясло глядитъ. *Мѣсяцъ.* (Общеизвѣстна.)

б) Сивой жеребецъ подъ ворота глядитъ. в) Сивой жеребецъ подъ воротней увязъ. г) Сивонькой жеребчикъ подъ ворота смотритъ (Мещовск. у.) д) Подъ воротней сивый жеребецъ ржетъ (Моск г., Дмитр. у., с. Хорошилово.) е) Лысый меринъ подъ (чрезъ) ворота глядитъ. ж) Бѣлоголова корова въ подворотню смотритъ.

870. Шолъ я мимо, видѣлъ диво: виситъ котелъ (въ) девяносто ведеръ. *Мѣсяцъ.*

871. а) За бабиной избушкой (клитушкой) виситъ хлѣба краюшка; собаки лаютъ, а достать не могутъ. *Мѣсяцъ.* (Полумѣсяцъ.)

б) Надъ бабушкиной... в) У насъ надъ дворомъ краюха (краюшечка) виситъ. г) Надъ дворомъ-дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ. д) Надъ лѣсомъ, лѣсомъ виситъ краюшка хлѣба.

872. Идетъ лѣсомъ — не треснетъ; идетъ плесомъ — не плеснетъ. *Мѣсяцъ.*

873. Выходили 12 молодцевъ, выносили 52 сокола, выпускали на 365 лебедей. *Мѣсяцъ, недѣля, годъ.* (Ряз. у. с. Жолчино.)

874. Двѣнадцать братовъ другъ за дружкой бродятъ, другъ друга не обходятъ. *Мѣсяцы.*

875. Стоитъ баба на току, полно брюхо табаку. *Мѣшокъ съ мякиной (хлѣбомъ).*

876. а) Безчеревая собачка: гамъ, гамъ! *Мялица.* (Ряз. у., с. Жолчино).

б) Безъ черевъ собачка: вякъ, вякъ! (Мещовскій у.) в) Вякъ, вякъ, старая собачка безъ кишекъ. г) Съ году на годъ собаки лаютъ.

877. а) Изъ году въ годъ беззубая баба (старушка Маврушка) кости грызетъ. *Мялица.*

б) Безъ зубъ Матрена кости гложетъ.

878. Вкругъ поля хожу, въ одну жердь колочу. *Набиванье обручей.*

879. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Наводненье.*

880. Сто молодцевъ на одномъ головищѣ (изголовье) спятъ. *Накатъ на матицѣ.*

881. Бабье ремесло хворостомъ поросло. *Намычка пряжи.*

882. а) Шла (бѣжитъ) свинья изъ Пи́тера, вся истыкана. *Наперстокъ.*

б) Идетъ свинья изъ Пи́тера, кругомъ она истыкана. в) Шла коза изъ Пи́тера, вся спина истыкана. г) Шла свинья изъ болота, вся исколота.

883. а) На одной ямѣ (на ямѣ, ямѣ) сто ямъ съ ямой. *Наперстокъ.*

б) На ямкѣ, ямкѣ, сто ямокъ съ пріямкомъ.

884. Разсыпался горохъ на четырнадцать дорогъ. *Народъ изъ церкви.*

885. Ходитъ Кагатанъ Кагатановичъ, летитъ Колыванъ Колывановичъ. — Здравствуй, Кагатанъ Кагатановичъ! — «Здорово, Колыванъ Колывановичъ!» — Гдѣ твоя, Кагатанъ Кагатановичъ, сила? — Моя сила въ Стряпунъ городъ ушла». *Насѣдка разговариваетъ съ коршуномъ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

886. а) Печь перепечь, полна печь пироговъ, между пирогамъ карабанъ. *Небо, звѣзды, мѣсяцъ.*

б) Полна печь перепечей, середи печи коровай. в) Полна печь пироговъ, посреди коровай.

887. а) Разстелю рогожку, посѣю (посыплю) горошку, положу хлѣба краюшку. *Небо, звѣзды, мѣсяцъ.* (Тульск. г., Ефрем. у.)

б) Постелю рогожку, насыплю горошку, изъ нихъ одинъ пастушокъ. в) Постелю рогожку, посѣю горошку, положу калачъ — никому не взять. г) Раскину я рогожку, насыплю горошку, поставлю квасу кадушку, положу хлѣба краюшку. *Небо, звѣзды, мѣсяцъ, дождикъ.*

888. а) Поле полянское, стадо лебедянское, пастухъ вышинскій. *Небо, звѣзды и мѣсяцъ.* (Зарайскій у., с. Мишино.)

б) Широко поле карагайское, на немъ много скота тараканскаго, одинъ пастухъ ровно ягодка. в) Есть поле сіонское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ словно ягодка. г) Поле полянское, скотина галянская, пастухъ лыжинскій. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово). Поле Чемоханско, скотина Черногайска; одинъ пастухъ — ракитовъ кустъ (*мѣсяцъ*). (Хорошилово). е) Поле Поликанско, кони Шерихански, самъ пастухъ — ракитовъ кустъ. ж) Велико поле колыбанское, много на немъ скота Астраханскаго, одинъ пастухъ, какъ ягодка. з) На морѣ на коробанскомъ, много скота тараканскаго, одинъ пастухъ королецкій. і) Поле поливанское, много скота ивановскаго, одинъ пастырь и два яхонта. (*Небо, звѣзды, Богъ, луна съ солнцемъ.*)

889. а) Двое стоячихъ, да двое лежачихъ (ходячихъ), да два здорника, да два разбойника, раззорителя. *Небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь, огонь и вода.*

б) Два стоятъ (-ящихъ), два ходятъ (-ящихъ) и два минуются (-ющихъ). *Небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь.*

в) Два стоятъ, два ходятъ, двое промежъ нихъ часы стерегутъ.

890. Поле водочное, огородъ кожаный, овцы аржаныя, пастухъ уховскій. *Небо, земля, лѣсъ, лѣшій.*

891. Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся. *Небо и земля.*

892. Сколько до неба высоко, по землѣ широко, до мертвыхъ. далеко? *Еслибъ до неба высоко — то тамъ бы гремьло, а здьсь бы не слыхать было; еслибъ широко — то солнышко въ семичасовой день не обошло бы кругомъ; а умеръ отецъ и дьдъ — такъ ихъ и ньтъ.*

893. Наѣхали комисары, хозяевъ повязали, домъ ихъ въ окошко ушелъ. *Неводить рыбу.* (Нерч. окр.)

894. Ноги каменны, туша конопляна, голова деревянна. *Неводъ.*

895. Голубка куплю; стану горе горевать, голубка некуда дѣвать. *Невьста.* (Моложскій уѣздъ).

896. Двѣ дырки вмѣстѣ и обѣ въ тѣстѣ. *Дьвь невьстки и обь небрежны.*

897. а) Есть семь братьевъ годами равные, именами разные *Недьля, дни.* (Ряз. у., с. Жолчино).

б) Насъ всегда семеро братьевъ, лѣтами равными, годами равными, племенами разными; время насъ одно за другимъ — и опять имена — времена прибываютъ.

898. Выйдти безъ узла? *Нельзя, даже если раздьнешься, все останется узелъ-пупъ.*

899. Въ какой землѣ сѣютъ рѣпу? *Нигдь, потому что вездь сьютъ рьпныя сьмяна.*

900. Чего всегда хочется? *Ничего не дьлать.*

901. Внизъ тарды, вверхъ тарды, на всемъ свѣтѣ одни. *Ниченки.* (Ряз. у., с. Жолчино).

902. Какіе люди всегда свободны отъ гостей? *Нищіе.* (Зарайскъ).

903. Въ липовомъ корытцѣ живое мясо шевелится. *Нога въ лапть.*

904. Мутовка мясна, квашни кожанная. *Нога въ сапогь.*

905. У Ноя были три сына: Симъ, Хамъ и Аѳетъ! Кто имъ былъ отецъ? *Ной.* (Общеизвѣстна, съ отвѣтомъ: Васька-Кузнецъ — она составляетъ поговорку).

906. Когда конь ржалъ, что весь свѣтъ слышалъ? *Въ Ноевомъ ковчегь.* (Шадринск. у.)

907. а) Поѣвши конь въ ясли палъ? *Ножикъ.* (Казань).

б) Поѣстъ, поѣстъ барашикъ, да и въ ясельцы; в) Ѣлъ, ѣлъ конь, да и въ ясли упалъ.

908. Безъ рукъ, безъ ногъ лапшу крошитъ. *Ножикъ.*

909. а) Два конца, два кольца, по серединѣ (-дкѣ) гвоздь (-дикъ). *Ножницы.* (Общеизвѣстна).

б) Два конца, два кольца, по середкѣ гвоздь, да и тотъ насквозь.

910. Между двухъ свѣтилъ я въ серединѣ одинъ. *Носъ.*

911. (Шла; идетъ; ходитъ) свинья изъ (изъ-подъ; отъ) овину, съ обѣихъ концевъ по рылу. *Ночвы.* (Общеизвѣстна).

912. Свинка — вырѣзана спинка. *Ночевка.*

913. Бока да спина, а брюха нѣтъ. *Ночвы.*

914. Безсмертная черная овечка вся въ огнѣ горитъ. *Ночь.*

915. Махнула птица крыломъ, и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ. *Ночь.*

916. Черная корова (пришла) всѣхъ (людей) поборола. *Ночь.* (Курск. г.; Тульск. г.; Нерч. окр.)

917. Не стукнетъ, не брякнетъ, ко всякому (подъ уголъ) подойдетъ. *Ночь.*

918. Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ (братъ) отъ сестры (за лѣсъ) прячется (пятится). *Ночь и день.*

919. Турки поскоки, оленьи по́глядки, шерсть черна́ соболи́, очи я́сна сокола́. *Облака.*

920. а) Около прорубки голубки сидятъ; на гумешки кичишки (грабельцы) лежатъ. *Обьдаютъ.*

б) Около прорубки сидятъ сизыи голубки.

921. Столъ въ ямѣ и всѣ съ дубьями. *Обьдъ.*

922. Пятеринка везетъ, горожанка сѣчетъ, самъ Мартынъ заворачиваетъ. *Обьдъ.*

923. На курганѣ варганѣ стоитъ курочка съ серьгами. *Овесъ.*

924. Стоитъ Миронъ, полна голова воронъ. *Овинъ.*

925. Стоитъ волчище, разинп ртище (ротище.) *Овинъ* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

926. Стоитъ Фролъ и ротъ полъ. *Овинъ* (съ открытымъ окошкомъ). (Пошех. у., с. Давщино).

927. Стоитъ попъ, разинувши ротъ. *Овинъ.*

928. а) Стоитъ волкъ, выхваченъ бокъ (клокъ). *Овинъ.*

б) Стоитъ волчища, выхваченъ бочища, не дышетъ, а пышетъ.

929. Стоитъ Андрюха, набитое брюхо. *Овинъ.*

930. Сѣдой старикъ кусковьемъ набитъ. *Овинъ.*

931. Стоитъ Гаврыло замазано рыло. *Овинъ.* (Курск. г.)

932. Сѣлъ старецъ на троста япцъ, вывелъ дѣтей, имъ и сметы нѣтъ. *Овинъ, триста снопов, зерна.*

933. а) Батюшка—коверъ (шатеръ), матушка—ладья, сынки урывалы (хватки), сестры—обезьяны (дочьки—полизушки (полизовочки) (-подлизушки). *Овинъ, гумно, молотило и метлы.* (Моложск. у.)

б) Ѣдетъ скрипица, везетъ кормилицу; свѣтъ потатуръ, пусти ночевать! — Пареньки хватунки, молодушки поскребушки, а дѣвушки полизушки. *На овинъ садятъ рожь или овесъ или другой хлѣбъ.* (Моложск. у.)

934. Черподырой, пусти ночевать! Намъ не годъ годовать, одну почку ночевать. Погодушка захватитъ, и недѣльку постою. *Телъга, хлѣбъ въ снопахъ, овинъ, цѣпы, грабли, метлы.*

935. Летитъ по птичью, реветъ по бычью. *Оводъ.*

936. По горамъ-горамъ ходитъ шуба да кафтанъ. *Овца.*

937. Все поле выжато, только подъ дугомъ (?) не жато. *Овца.*

938. Волога вологу ѣстъ. *Овца траву.*

939. Черненька коровка, рожки желѣзны, тѣмъ и полезна: зимній день однажды на камешекъ доитъ: межмолокъ не ходитъ. *Огниво.*

940. Ударю я булатомъ по бѣлымъ каменнымъ палатамъ, выйдетъ княгиня и сядетъ на пуховую перину. *Огниво, кремень, трутъ, искра.*

941. Чему на свѣтѣ нѣтъ ни мѣры, ни вѣсу, ни цѣны? *Огню.* (Шадринск. у.)

942. а) Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Огонь.* (Нерчинск. окр.)

б) Безъ рукъ, безъ ногъ до конца бѣжитъ. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

943. а) Красненькой кочетокъ (-чикъ) (пѣтушекъ) по жердочкѣ бѣжитъ (ходитъ). *Огонь.* (Ряз. у., с. Жолчино).

б) Краснепькой котикъ по жердочкѣ ходитъ, шишечки ёнитъ.

в) Бѣленькой кочетъ по шестику ходитъ. г) Красненькой жучекъ по жечинкѣ шелъ. (Ряз. у., с. Жолчино).

944. а) Стоитъ свинка — остры щетинки. *Огонь.*

б) Дрожитъ свинка — острая (золотая) щетинка.

945. Въ камнѣ спалъ, по желѣзу всталъ, по дереву пошелъ, какъ соколъ полетѣлъ. *Огонь.*

946. Я не самъ по себѣ, а сильнѣе всего, и всѣ любятъ меня и всѣ губятъ меня. *Огонь.*

947. Отецъ не рождался, а сынъ ужь на крышѣ сидитъ. *Огонь и дымъ.* (Зарайскъ).

948. Есть три брата родные: одинъ ѣстъ — не наѣстся, другой пьетъ — не напьется, третій гуляетъ — не нагуляется. *Огонь, земля, вода.* (Курск. г.)

949. Бѣлое ѣстъ, черное теряетъ. *Огонь на лучинѣ.*

950. Летѣла сова изъ Краснаго села; сѣла сова на четыре кола. *Огонь на лучинѣ въ свѣтцѣ съ 4 ушками.* (Ряз. у., с. Жолчино).

951. Днемъ (день) спитъ, ночью (ночь) глядитъ, утромъ умираетъ, другой его смѣняетъ. *Огонь отъ свѣчки.*

952. Разница между школьникомъ и огнемъ? *Огонь высѣкутъ да и разложатъ; а школьника сперва разложатъ, потомъ высѣкутъ.*

953. а) Криво, лукаво, куда ты бѣжало? Зелень, кудрява, тебя стеречь. *Огородъ.* (Моложск. у., прих. Станиловскій на Ситп; Пошех. у., с. Давшино).

б) Криво, не прямо (неправо), куда побѣжало? Зелено, кудриво, тебя стерегу. *Огородъ и озимь.*

в) Косо — не прямо, куда ты идешь? Зелено, кудряво, тебя стерецци. *Въ огородѣ рожъ.*

954. Шелъ я мимо декоськи, видѣлъ дѣло такóське: волóга вологу ѣстъ: я пришелъ, разландалъ, выландалъ и заландалъ. *Мимо огорода шелъ и увидѣлъ тамъ овцу, отворилъ заворы, выгналъ ее и заперъ заворы.*

955. Плеть плетена, кругомъ столба обведена. *Ограда.*

956. Подъ дубкомъ, подъ карандушкомъ, ни клубкомъ, ни камушкомъ. *Огурецъ.* (Мещовск. у.)

957. а) Полно корыто рубахъ намыто. *Огурецъ.*

б) Полное корыто бѣлья намыто. (Пошехоньевск. у.)

в) Полно корыто народу намыто.

958. Безъ (ни) оконъ, безъ (ни) дверей полна храмина (горница) (церковь) людей. *Огурецъ.*

959. Между грядокъ лежитъ гусь гладокъ. *Огурецъ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

960. Телятки гладки привязаны къ грядкѣ. *Огурцы.* (Ряз. у., с. Жолчино).

961. Межи горъ, межъ ямъ, сидитъ птица холуянъ. *Огурецъ въ межигрядьи.*

962. Летѣло стадо гусей; одного убилъ, сколько осталось? *Одинъ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

963. У семерыхъ братьевъ по одной сестрицѣ, много ли всѣхъ? *Одна.*

964. Стоитъ арабъ о четырехъ лапъ. *Одонье.*

965. Всѣ бояре подпоясаны, воеводы распоясаны. *Одонья.* (Тульск. губ.)

966. Ситомъ шито (Сито вито, свито), рѣшетомъ покрыто. *Одонье хлѣбное.*

967. Загадаю (загану) загадку, закину за грядку; моя загадка въ годъ пойдетъ, калачемъ взойдетъ. *Озимь.*

968. Подъ мостомъ подъ ярусомъ (ярістомъ) лежитъ сукно однорядочно (однорядно). *Озимь.*

969. а) Чашечка медку закопана въ ледку до новаго годку *Озимь посѣяна.*

б) Бочечка медку призакопана въ ледку, пусть до новаго годку.

970. У насъ въ избушкѣ все поползушки. *Окна волоковыя.*

971. а) Полосы оловянны, а межи деревянны. *Оконница.*

б) Поле (поля) оловянно (стеклянно), межи деревянны.

972. Зябъ перезябъ въ однихъ ферезяхъ. *Окно.*

973. а) Двину, подвину по бѣлому Трофиму: спитъ Трофимъ — не ворохнется. *Окно волоковое.*

б) Дерну подерну по бѣлому полотну.

974. Лѣто и зиму на одномъ полозѣ (—зу) ѣздитъ. *Окно волоковое.*

975. Дерну, подерну по бѣлому Леонтью, Леонтій взглянетъ — и ротъ растянетъ. *Оконце подъемное.*

976. а) Вышли изъ тѣла душа и тѣло, что съ ними дѣлать? *Окрестить.*

б) Изъ человѣка вышли душа и тѣло, что съ этимъ дѣлать?

977. На желѣзномъ мосту коковяки растутъ? *Оладьи.*

978. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Опалив аніе полей.*

979. Чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше остается. *Орѣхи.*

980. Въ маленькомъ горшечкѣ уха сладка. *Орѣхъ.*

981. Горшечикъ маленькой, опарочка сладенька, горшечка не разбить, и опарочки не добыть. *Орѣхъ.*

982. Махотка маленька, да кашка сладенька. *Орѣхъ.*

983. Пекшикъ маленекъ (Пикпшки маленьки), каша (а кашки) сладѣнька (—ньки). *Орѣхъ.*

984. а) Есть у меня мохнатенько, косматенько, въ серединкѣ сладенько. *Орѣхъ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

б) Съ верху гладко, въ серединкѣ сладко. в) Есть у меня косматенькой, мохнатенькой, по краямъ гладкой, а въ серединкѣ сладкой. г) Вотъ мохнатка, въ мохнаткѣ гладко, въ гладкѣ сладко. (Казань).

985. Маленько, кругленько, въ серёдки (—ѣ) бѣленько, и горько, и сладко, и маслянисто. *Орѣхи.*

986. а) Стоитъ туго, виситъ слабко, кругомъ гладко, въ середки (—едочкѣ) сласть; на эту сласть у всѣхъ есть снасть. *Орѣхи и зубы.*

б) Кругомъ гладко, въ серединкѣ сладко. На ту сласть у всѣхъ есть снасть. в) Стоитъ крѣпко, виситъ слабко, около нихъ гладко, у нихъ есть снасть; имъ же ѣсть сласть. г) Стоитъ высоко, виситъ далеко, кругомъ гладко, въ серединкѣ сладко. д) Около гладко, въ серединкѣ сладко; про ту сласть есть у насъ снасть. е) Кругло, гладко, въ серединкѣ сладко; на эту сласть надо добра снасть. ж) По краямъ гладко, въ серединкѣ сладко; на эту сласть надо долгу снасть.

987. Есть на мнѣ, есть во мнѣ; нагни́ меня, ломи меня; сломишь — гладко, расколешь — сладко. *Орѣхи.*

988. а) Гни меня, ломи меня: есть у меня лохматка; въ лохматкѣ гладко, въ гладкѣ сладко. *Орѣхъ.* (Казань. Ряз. у., с. Жолчино).

б) Гни меня, ломи меня, полѣзай на меня: на мнѣ есть мохна́тка, въ мохна́ткѣ гла́дка, въ гладкой сла́дко. в) Гни меня, ломи меня; у меня есть мохнатка, въ мохнаткѣ гладко, въ гладкомъ сладко. г) Стоитъ дерево мохнато, въ мохнатомъ-то гладко, въ гладкомъ-то сладко.

989. Росло повыросло, изъ куста повылѣзло, по рукамъ покатилось, въ зубахъ очутилось. *Орѣхи.*

990. а) Родился, не крестился; умеръ, не покаялся; а былъ Богоносецъ. *Оселъ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

б) Родился, не крестился, Бога носилъ, умеръ—не покаялся. в) Родился, не крестился, умеръ, не спасся, а Христа (на себѣ) носилъ.

991. Одно проклятое дерево безъ вѣтра шумитъ. *Осина.*

992. Двѣнадцать топоровъ рубятъ церковь безъ угловъ. *Осы гнѣздо вьютъ.*

993. а) Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится. *Очепъ* (очипъ).

б) Ни роженъ, ни ряжетъ — Богу молится.

994. Быкъ реветъ, на повѣть хвостъ деретъ. *Очепъ.*

995. Козелъ (корова) реветъ, вверхъ хвостъ деретъ. *Очепъ* (колодезный).

996. Барапьи рога въ стѣнѣ? *Палка.* (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка).

997. Ни глазъ, ни ушей, а слѣпцовъ водитъ. *Палка.*

998. а) Разошлись всѣ мальчики во темны чуланчики; каждый мальчикъ въ свой чуланчикъ. *Пальцы у руки и перчатки.*

б) Въ пяти колодочкахъ сидятъ пять молодчиковъ.

999. а) У двухъ матерей по пяти сыновей. *Пальцы.*

б) У двухъ матерей по пяти сыновей; (въ) одно имя всѣ.

1000. Пять братьевъ родныхъ, пять двоюродныхъ, у нихъ по пяти внучатныхъ. *Пальцы.*

1001. Безъ рукъ, безъ ногъ не малъ клочекъ кверху ползетъ. *Пары водяные.*

1002. Заржали кони на каменной горѣ, заревѣли быки на чурилковкѣ. *Парятся въ банѣ.* (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка).

1003. а) Стоитъ мостъ на семь верстъ; на этомъ мосту яблоня; на яблони цвѣтъ на весь свѣтъ. *Пасха Христова.* (Тобольскъ.)

б) Стоитъ мостъ на семь верстъ; на мосту дубъ, на дубу цвѣтъ во весь бѣлый свѣтъ. в) Мостится мостъ на семь верстъ, на мосту кустъ, на кусту цвѣтъ на весь бѣлый свѣтъ. (Распространена).

1004. а) Стои́тъ мостъ на семь верстъ, на мосту столбъ; на столбу цвѣтъ (свѣтитъ) на весь свѣтъ. *Пасха.*

б) Стои́тъ столбъ, на семь воротъ: на осьмыхъ воротахъ яблонь, на яблонѣ цвѣтъ во весь свѣтъ. в) Стои́тъ цвѣтъ, всему міру свѣтъ, на семи верстахъ, на семи столбахъ. г) Стоитъ мостъ на семь верстъ, восьмая верста цвѣтами убрана. (Казань).

1005. Что надъ нами вверхъ ногами? *Паукъ и муха.*

1006. На полки въ утолки лежитъ сито не рукамъ(и) свито. *Паутина.*

1007. Старикъ мететъ по горницѣ, метлы стоятъ по околицѣ. *Паутина.*

1008. Выведу коня изъ задняго хлѣва, копыты бѣлы да и подковы. *Пахтъ.*

1009. Идетъ худъ на гору, идетъ худъ подъ гору. Говорилъ худъ худу: ты худъ, я худъ. Сидь худь на худъ, погоняй худь худомъ, желѣзнымъ прутомъ. *Пашутъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1010. Бѣжали овечки по калинову мосту: увидѣли зорю (грозу, огонь), кинулись въ воду. *Пельмени.*

1011. Лѣтомъ дѣвица, а зимой (—ю) молодица. *Пенъ.* (Котельничъ).

1012. Стоитъ Ермакъ, на немъ колпакъ: ни шитъ, ни бранъ, ни поярковый. *Пенъ въ снѣжномъ колпакѣ.*

1013. Ѣду, ѣду — слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу — руды нѣту. *Перевозъ.*

1014. Черезъ море котовій хвостъ. *Перевясло у ведра.*

1015. Черезъ сине море журавлиное горло. *Перевясло на посудь.*

1016. а) Летѣлъ панъ, на воду палъ, воды не взмутилъ (самъ себя не погубилъ). *Перо* (гуснное). (Общеизвѣстна.)

б) Панъ пановичъ упалъ въ колодецъ, головы не сломилъ и воды не смутилъ. (Западн. Сибирь.)

1017. а) Чего (чѣмъ) черезъ избу не перекинешь? *Перо.* (Общеизвѣстна.)

б) Чего на избу не забросишь?

1018. Малъ малышокъ, а мудрые пути кажетъ. *Перо.*

1019. Родился отъ плоти, а крови нѣтъ: грамоты не знаю, а вѣкъ пишу. *Перо.*

1020. Сверху пушисто, снизу остро, всунешь — сухо, вынешь — мокро. *Перо.*

1021. а) Носила меня мать, уронила меня мать, подняли меня люди, понесли въ торгъ торговать, отрѣзали мнѣ голову; сталъ я пить и ясно говорить. *Перо.* (Зарайскъ. Пошех. у.)

б) Срублю (отрѣжу) (сорву косматому) голову, выну сердце, дамъ пить, станетъ (будетъ) говорить. в) Дважды рожденъ, ни разу не крещенъ, взяли его зарѣзали, сердце вынули и дали ему пить и сталъ онъ говорить. г) Голову срѣзали, сердце вынули, даютъ пить, велятъ говорить.

1022. Безъ мяса, безъ костей, а все таки пять пальцевъ. *Перчатка.*

1023. Всякому мальчику по чуланчику. *Перчатки.* Ср. № 998.

1024. Не ѣвши блюетъ; а что выблюетъ, опять уплетаетъ. *Песочница.*

1025. У Потаповыхъ воротъ затопали копи, заревѣлъ медвѣдь. *Песты въ ступь.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1026. Семь Семіоновъ, одна Матрена. *Песты и ступа въ мельницъ.*

1027. а) Соловьиное гнѣздышко не въ избѣ, не на дворѣ. *Петельки у дверей.* (Ряз. у , с. Жолчино).

б) Ни въ избѣ, ни на дворѣ соловьино гнѣздо.

1028. Шапочка бормота изъ лоскутовъ собрана. *Печка голландская.* (Рязань.)

1029. Стоитъ баба на юру; кто ни идетъ, всякъ въ дыру. Кто ни вскочитъ, всякъ захохочетъ. *Печка* (кушанье закипитъ.) (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

1030. Толстая Фетинья (Варвара), сухой Матвѣй привязался (привалился) къ ней и теперь съ ней. *Печка и дымъ* (голбецъ) (Ряз. у., с. Жолчино).

1031. Стоитъ свинка — золоты щетинки. *Печь банная.*

1032. Стоитъ волкъ опаленой въ бокъ. *Печь и заслонъ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

1033. Зимой все жретъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло теплое, а крови нѣтъ; сѣсть на него сядешь, а съ мѣста тебя не свезетъ. *Печь.*

1034. Зимой нѣтъ теплѣй, лѣтомъ нѣтъ холоднѣй. *Печь и погребъ.*

1035. У нашей у буренушки на боку жбанъ къ ней. *Печь и казенка, голбецъ.*

1036. а) Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ, подъ небеса ушелъ. *Печь, огонь, дымъ.* (Общеизвѣстна.)

б) Мать толста, дочь красна, сынъ кудреватъ (—атый), подъ небеса полетѣлъ (по поднебесью летаетъ).

1037. Мать черна́, дочь красна́, сынъ голепастъ, выгибаться гораздъ. *Печь, огонь, дымъ.*

1038. Мать грузна, дочь красна, сынъ легче перушка. *Печь, огонь, дымъ.*

1039. Стоитъ яга, во рту рога. *Печной столбъ съ воронцами.*

1040. Я Петровъ имѣю восемь угловъ, четыре уха и два брюха. *Пещеръ изъ лыкъ, въ которомъ крестьяне возятъ хльбъ въ поле.*

1041. Чернышъ, огарышъ, куда ѣдешь? Молчи, продолбаная, и тебѣ тамъ быть. *Пивной котелъ и чанъ.*

1042. а) Скоро ѣстъ, мелко жуетъ, сама не глотаетъ, другой сытъ бываетъ. *Пила.*

б) И ѣстъ и жуетъ, самъ не глотаетъ, другихъ надѣлнетъ. в) Скоро ѣстъ и мелко жуетъ, сама не глотаетъ и другимъ не даетъ.

1043. Берега желѣзны, вода дорога, рыба безъ перьевъ трепещется. *Пироги пряжатъ.*

1044. Возьму пыльно, сдѣлаю жидко, брошу въ пламень, будетъ какъ камень. *Пирогъ.*

1045. Дай поле: одно ржаное, другое яровое. *Пирогъ и хльбъ* (Свадебн.)

1046. а) Въ городѣ (въ Москвѣ, въ Питерѣ, въ лѣсу, за моремъ) (дрова) рубятъ, въ деревню (а къ намъ, сюда, а по всѣмъ городамъ, деревнямъ) щепки летятъ. *Письма.* (Общеизвѣстна.)

1047. Въ Питерѣ рубятъ, а въ Москвѣ щепки летятъ.

1048. а) Бѣлое поле, черное сѣмя, кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ. *Письмо.*

б) Поле бѣло, сѣмя черно... в) Сѣмя плоско, поле гладко. Кто умѣетъ, тотъ и сѣетъ. Сѣмя не всходитъ, а плодъ приноситъ.

1049. а) Растилается по двору бѣлое сукно: конь его топчетъ, одинъ ходитъ, другой водитъ, черныя птицы на него садятся. *Письмо.*

б) Земля бѣла́, сѣмена черны: пятеро пашутъ, двое блюдутъ, одинъ управляетъ.

1050. Кровь пью, а жизнь даю. *Піявка.* (Курск. губ.)

1051. Три братца однимъ поясомъ подпоясаны. *Плетень.* (Тобольскъ.)

1052. Замокъ водяной, ключъ древяной; заяцъ ушелъ, ловецъ утонулъ. *Плотина, вода, работа.*

1053. а) Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу, крови нѣту. *Плыть на лодкѣ.*

б) ...Крови нѣту; рублю, рублю — щепокъ нѣту. в) Ѣду, ѣду — ни пути, ни слѣду; смерть подо мною; Богъ надо мною.

1054. Таганокъ съ локотокъ, таганушка съ горсточку. *Поваренка.*

1055. Около села лошадка весела. *Погода.*

1056. Хмыль (шмыгъ) подъ ворота, суконна (посконна) борода. *Погода.*

1057. Идутъ дѣвки лѣсомъ, поютъ куролесомъ, несутъ пирогъ съ мясомъ. *Погребеніе.*

1058. а) Когда холодно, тепелъ; когда жарко, холоденъ. *Погребъ.* (Моложскій у.)

б) Весьма теменъ, когда очень свѣтло; весьма холоденъ, когда очень тепло.

1059. Семъ пересемъ, семушку носилъ, травушку купилъ, кумушку дарилъ. *Подарки кумѣ на прощеный день.*

1060. а) Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы завсегда. *Подобнаго себѣ.*

б) Чего Богъ не видитъ?

1061. Безъ рукъ, безъ ногъ — рубашки проситъ. *Подушка.*

1062. Два брюшка, четыре рожка. *Подушка.*

1063. Поле маленько распахано гладенько не сохой, не бороной, чертовой (козлиной) бородой. *Подъ и помело.*

1064. За рѣкой гусли гудутъ, сухое дерево несутъ: не трясется, не ворохнется. *Покойникъ.* (Курск. губ. Ср. *мертвецъ.*)

1065. Пришелъ тень на Петровъ день, стали щекотать, блекотать, всему міру казать. *Покосъ.* (Ср. *коса.*)

1066. Ниже верху, выше печи, грѣетъ плечи. *Полати.* (Курск. губ.)

1067. Шли двѣ матери съ дочерьми, да бабушка со внучкой, нашли полтора пирога, по многу ль достанется? *По половинкѣ.*

1068. Стойтъ баба на току, полна набита (полонъ ротъ) табаку. *Половня.*

1069. Два волка бѣгутъ, оба въ небо глядятъ. *Полозья.*

1070. Виситъ (вѣсится) болтается, всякъ за него хватается. *Полотенце.*

1071. Двѣ маленьки собачки, а весь полъ изъѣли. *Полъ изъ еловыхъ досокъ.*

1072. Одна кòптится, друга тòпчится. *Полъ и потолокъ.* (Тульск. губ.)

1073. а) Два брата (всегда) видятся, а вмѣстѣ не сойдутся. *Полъ и потолокъ.* (Ряз. у., с. Жолчино; Моложскій у.)

б) Два братца глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся. в) Два братца въ зеркало смотрятся, въ кучу не сойдутся. г) Кумъ съ кумой водятся, а близко не сходятся. д) Двѣ сестрицы часто видятся, да никогда не сходятся.

1074. а) Дарья да Марья глядятся — не сойдутся. *Полъ и потолокъ.*

б) Дарья съ Марьей видятся — да не сходятся (обоймутся). (Шадр. у.)

1075. Хожу я по топотихѣ, загляну я въ жукотиху, въ жукотихѣ топыра, грохотихою укрыта. *Полъ, чело печи, дрова, печь.*

1076. Стоитъ сохатый, весь дыроватый. *Полынница.*

1077. Разсыпался коверъ, всему міру не собрать. *Полѣно, изщепанное въ лучины.* (Моложск. у. Ср. *лучина.*)

1078. а) У насъ подъ лавкой медвѣжья лапа. *Помело.*

б) Что въ углу медвѣжья лапа? (Вытегра). в) Медвѣжья лапа въ избѣ? г) Медвѣжья лапа жаръ загребаетъ. д) Вышла туторья изъ подполья, зачала золото загребать. е) Подъ поломъ, подъ ярусомъ лежитъ старикъ съ гарусомъ. ж) Подъ печью, подъ ярусомъ стоптъ баба съ гарусомъ. (Моложск. у.)

1079. Подъ поломъ-поломъ сидитъ (стоитъ) барыня съ коломъ (перомъ). *Помело.* (Распространена; ср. *кошка, мышь.*)

1080. а) Въ углу за полой стоитъ дѣдъ съ бородой. *Помело.*

б) Подъ поломъ, подъ серединой сидитъ (лежитъ) баба (дворянинъ) съ бородой. в) Подъ поломъ, подъ серединой стоитъ баринъ съ бородой. г) Въ углу за полицей сидитъ старъ съ бородой. (Зарайск. у., с. Плуталово).

1081. Помочу, помочу да въ кобылу (да кобылѣ подъ хвостъ.) *Помело.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

1082. Лапочекъ пучекъ утромъ въ огонькѣ, ночью въ уголкѣ. *Помело.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1083. Что безъ кожи родится? *Помет*ъ.

1084. Отъ поясницы до ногъ семдесятъ пять дорогъ. *Понева.*

1085. Кто съ живаго и мертваго деретъ? *Попъ.*

1086. Трижды вѣнчанъ, а жена одна. *Попъ.*

1087. Спереди мужикъ, а сзади баба. *Попъ.* (Рязанск. губ.)

1088. а) Маленькій мальчикъ всѣмъ подъ ноги смотритъ. *Порогъ.*

б) Маленькій подрядчикъ, подъ полы заглядчикъ. в) Маленькой парамонецъ — всякому подъ подолецъ. (Вытегра.)

1089. Соловьиное гнѣздышко ни въ избѣ, ни на улицѣ. *Порогъ.* (Ср. *петельки.*)

1090. Скатерть бѣла весь міръ застлала. *Пороша.*

1091 Есть клёнъ, есть и онъ, есть и платье на немъ, есть и шапка съ бобромъ. *Портретъ на доскѣ.*

1092. Жена мужу раскарякп подаетъ. *Портки.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1093. Посѣешь — родится, а на сѣмена не годптся. *Посконь.*

1094. Два сада: одинъ цвѣтетъ, а плодовъ не даетъ; другой не цвѣтетъ, а плоды приноситъ. *Посконь и конопля.* (Воронеж. губ.)

1095. а) Ночью ломтемъ, а днемъ колачемъ. *Постель.*

б) (Днемъ трубой, ночью полосой) Въ избѣ доской, въ сѣняхъ трубой. в) Днемъ трубкой, ночью облачкомъ. г) Днемъ горой, ночью поженкой. (Вытегра.)

1096. а) Семь листовъ бумажныхъ, а восьмой золотой. *Постъ и пасха.* (Тобольскъ, Нерчинск. окр.)

б) Семь листовъ бумажныхъ, одинъ золотой. (Котельничъ.) в) Стоитъ мостъ на семь верстъ, по конецъ моста стоитъ маковка.

1097. Загану загадку, брошу за (перекину черезъ) грядку; годъ пожду, годовинку пожну. *Посѣвъ.* (Ср. *озимь.*)

1098. Чего нельзя купить ни за какія деньги и сокровища? *Потеряннаго времени.*

1099. Парашка изъ избы не выходитъ? *Потирашка.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово).

1100. а) Сорокъ гостей, сорокъ постель; одному гостю постели нѣтъ. *Потолокъ и матица.* (Хорошилово. Ср. *матица.*)

б) Сто гостей, сто постель, одному гостю постели не вышло.

1101. Пѣвчики поютъ, ревчики ревутъ, сухо дерево несутъ; въ томъ дереву: не пищитъ, не визжитъ, не шевельнется. *Похороны.* (Ср. *мертвецъ, покойникъ, погребенье.*)

1102. Идетъ мужикъ, не баба; несетъ (ни) пирогъ, не (ни) сгибень. *Почтальонъ съ письмомъ.*

1103. Днемъ, какъ обручь; ночью, какъ ужъ; кто отгадаетъ — будетъ мой мужъ. *Поясъ.*

1104. Двѣ сестры страдаютъ, въ каморку зазираютъ, взойдти не смѣютъ. *Притолоки.*

1105. Что въ свѣтѣ слаще? *Причастіе въ храмѣ.* (Ряз. у., с. Жолчино).

1106. Промежъ дубка да липинки виситъ кусокъ говядинки. *Пріузъ или путце на цѣпи.*

1107. Надъ головой крутится, въ рукахъ вертится, стучитъ и гремитъ, ничего не говоритъ. *Пріузъ.*

1108. На морѣ на Клязьмѣ два борова увязли: пришелъ спасъ, да ткнулъ въ Николинъ глазъ. *Пробой.* (Ср. *ключъ*).

1109. Какъ не брошу, ко всему льнетъ. *Прозванье.*

1110. Шуба нова, на подолѣ дыра. *Прорубь.* (Котельничъ.)

1111. а) Малая малышка, золотая кубышка. *Просо.*

б) Малая малышка (малу́шка), золота кубышка, ни звѣрь, ни птица, ни вода, ни камень.

1112. Старое лукошко, новый покрой. *Прудъ и новый ледъ.* (Ряз. г., с. Жолчино.)

1113. а) На осинѣ сижу, сквозь клену гляжу, березой трясу. *Пряденье.*

б) Спжу я на липѣ, трясу я березу, гляжу я сквозь клёну.

1114. а) Пять (пять) овечекъ зародъ подъѣдаютъ, други (пять) пять овечекъ труху подбираютъ. *Прядутъ куделю.* (Распространена.)

б) Пять овечекъ сѣно теребятъ, да пять овечекъ труху подбираютъ. (Котельничъ). в) Пять овечекъ стогъ (стожекъ) подъѣдаютъ, а пять овечекъ прочь отбѣгаютъ. г) Пять-пять овечекъ стожекъ разбиваютъ; пять-пять овечекъ сѣнцо подбираютъ. (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.) д) Пять-пять овечекъ стожокъ подщипали; пять-пять овечекъ прочь отбѣжали. (Пошехоньевскій у.)

1115. По локоть горбато, по локоть мохнато, по локоть въ кулакъ ушло. *Пряжа съ куделью.*

1116. Старушка старушкѣ говорила: старушка, подержись за меня! Подержишься за меня, также сгорбишься, какъ я; а не подержишься за меня, будешь гола, какъ я. *Прялица.*

1117. Птица Латоха све(и)ла гнѣздо на соха; сама въ гнѣздѣ, яица наружѣ. *Прялка.* (Тульск. г., Ефрем. у.)

1118. Пятьдесятъ отростковъ, триста листовъ. *Псалтырь.*

1119. Дважды родится, ни разу не крестится, одинъ разъ умираетъ. *Птица.*

1120. Не грѣшна, а повѣшена. *Птица въ клѣткѣ.*

1121. Безъ рукъ, безъ топорёнка построена избёнка (состроенная фатерёнка). *Птичье гнѣздо.*

1122. Маленькой Данилко въ петельку удавился. *Пуговка.*

1123. Маленька катафьюшка въ тѣсномъ мѣстѣ сидитъ. *Пуговица въ петлѣ.*

1124. Съ голову велико, съ перо легко. *Пузырь.*

1125. Летитъ воронъ, носъ окованъ, и гдѣ канетъ (ткнетъ), руда канетъ. *Пуля.* (Мещовск. у.).

1126. Летѣла тетеря, вечеромъ, не теперя; упала не въ лебеду — и теперь не найду. *Пуля.*

1127. Птичка не величка, по полю катится, никого не боится. *Пуля.*

1128. а) Панъ пановичъ палъ на воду; самъ не потонулъ и воды не смутилъ. *Пухъ.* (Ср. *перо, листъ*).

б) Летѣлъ панъ, на воду палъ, на дно не упалъ (утонулъ) и воды не сколыбалъ (сколыхалъ). в) Еръ егорко упалъ въ озерко, воды не сколыхнулъ, и самъ не утонулъ.

1129. Въ водѣ болтался, а сухъ остался. *Пухъ.*

1130. Поднять можно, а черезъ избу перекинуть нельзя. *Пухъ.*

1131. Съ голову велико, съ перо тяжело. *Пухъ.*

1132. Ни море, ни земля, корабли не плаваютъ, а ходить нельзя. *Пучина.* (Ср. *болото*).

1133. Корми меня до Ивана, сдѣлаю изъ тебя пана. *Пчела.*

1134. Что это за тварь, всѣхъ людей питаетъ и въ церкви освѣщаетъ? *Пчела.* (Вытегра).

1135. а) Летитъ звѣрокъ (птица Говорокъ) черезъ Божій

домокъ (боговъ дворокъ), самъ (сама) себѣ говоритъ: вотъ (тутъ) моя сила горитъ. *Пчела и восковая свѣча.* (Общеизвѣстна.)

б) Летитъ птичка гоголекъ черезъ Божій теремокъ; сама себѣ говоритъ: моя сила горитъ.

в) Летѣлъ храпъ черезъ Божій храмъ; самъ себѣ говоритъ: моя сила горитъ! (Тульск. губ.).

1136. а) Летѣла птаха мимо Божьяго страха: ахъ! мое дѣло на огнѣ сгорѣло! *Пчела и свѣча.*

б) Летѣла птица черезъ Божью свѣтлицу: тутъ мое дѣло на огнѣ сгорѣло!

1137. Пріятное мое кушанье, сладокъ плодъ моихъ трудовъ. *Пчела.*

1138. Въ подпольѣ подпольѣ лежитъ пирогъ съ морковью; ѣсть хочется, лѣзть не хочется. *Пчелы.* (Москва.)

1139. Цѣлый хлѣвецъ сѣрыхъ овецъ. *Пчелы.* (Моск. губ. Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1140. а) Летитъ птичка крутоносенька (куроносенька), несетъ (въ роту) тафту крутожелтенькую; еще та (какъ эта бы) тафта ко Христу годна. *Пчела.*

б) Летитъ птица крутоногая, несетъ тафту крутожелтую.

1141. а) Ни дѣвка, ни вдова, ни замужня жена: дѣтей водитъ, людей питаетъ, дары Богу приноситъ. *Пчела.*

б) Ни солдатка, ни вдова, ни замужня жена: много дѣтокъ уродила, Богу угодила.

1142. Семидѣвки шли, семикрасны шли, волосникъ нашли, семишолкомъ шитъ, всему городу узоръ. *Пчелы.*

1143. а) Разставлю я ворота, выпущу кобелей безхвостыхъ. *Пчелы.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Растворю (отворю) ворота безъ пяты (пятки), выведу кобеля безъ хвоста.

1144. а) Въ темненькой избушкѣ (красненькія дѣвки) поневки ткутъ. *Пчелы.*

б) Сидитъ баба въ темненькой избушкѣ, поневки ткетъ (Ряз. у., с. Жолчино). в) Старая старушка въ старой избушкѣ поневки тчетъ. г) Въ тѣсной избушкѣ ткутъ холсты старушки.

1145. а) Въ темной темницѣ красныя дѣвицы, безъ нитки, безъ спицы (иглы), вяжутъ вязеницы. *Пчелы.*

б) Сидятъ чернички въ темной темничкѣ, вяжутъ вязеночки, безъ иглы, безъ ниточки. (Мещовскъ.) в) Въ темницѣ дѣвица браніну собираетъ, узоръ вышиваетъ, ни иглы, ни шелка. г) Сидятъ дѣвушки въ горенкахъ, нижутъ бисерокъ на ниточки. д) Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, вяжетъ узоръ, ни петлей ни узломъ.

1146. Точимъ скатерти браныя, ставимъ яства сахарныя, людямъ на потребу, Богу на угоду. *Пчелы.*

1147. Подъ хрустомъ-хрустомъ капуста бѣла; подъ хрустомъ-хрустомъ вода дорога; подъ хрустомъ-хрустомъ собаки злы. *Пчелы и медъ.* (Ср. *медъ и пчелы.*)

1148. Малая малышка, золота кубышка, ни звѣрь, ни птица, ни вода, ни камень. *Пшено.* (Зарайскій у., с. Плуталово.)

1149. Старая старуха безъ ногъ, безъ рукъ, на стѣну лѣзетъ. *Пыль.*

1150. Бѣлый какъ снѣгъ, дуется какъ мѣхъ, бултыхъ и въ воду. *Пьна.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1151. а) Не князь по породѣ, а ходитъ въ (съ) коронѣ(ой). *Пьтухъ.*

б) Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратной ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоптъ, а всѣхъ рано будитъ. *Пьтухъ.*

1152. Ходитъ царь кругъ города, носитъ честь на головѣ. *Пьтухъ.*

1153. а) Два раза родился, ни разу не крестился, а первый пророкъ. *Пьтухъ.* (Распространена.)

б) Два раза родится, ни однажды не крестится; славный, славный пѣвецъ. в) Дважды рожденъ, ни разу не крещенъ, и во Евангелье помѣщенъ. г) Два раза родился, ни однажды не крестился, первый на свѣтѣ пѣвчій. (Вытегра.) д) Дважды родился, ни разу не крестился, въ пономари посвятился. е) Родился, переродился, не крестился, а мы ему вѣруемъ. ж) Два раза родился, ни разу не крестился; самъ пѣлъ, а умеръ, не отпѣли. з) Ни родился, ни крестился, а всѣ дивятся, что его черти боятся.

1154. Соловьиное гнѣздышко не въ избѣ, не на улицѣ. *Пята у двери.*

1155. Купить на сто рублей сто скотинъ, платить — и по десяти рублей, и по пяти рублей, и по пятидесяти копѣекъ; по скольку скотинъ придется на каждую цѣну? *По пятидесяти копѣекъ девяносто скотинъ, по пяти рублей девять скотинъ, по десяти рублей одна скотина.*

1156. а) Стоптъ Потапъ(-пко) о (на) четырехъ лапъ (-пкахъ), изъ (съ) году въ (на) годъ воду пьетъ. *Разсадникъ.*

б) Стоитъ Платонко о четырехъ лапкахъ, съ году на годъ все воду пьетъ. в) Стоптъ Аронъ о четырехъ лапъ, изъ году въ годъ онъ водицу пьетъ. г) Стоитъ Потапъ на четырехъ ногахъ, изъ году въ годъ студену воду пьетъ. д) Стоитъ Арапъ о четырехъ лапъ; что не годъ, то воду пьетъ (Нижегор. г., Ард. у., с. Котовка). е) Стоптъ Урлапъ на четырехъ ногахъ; изъ году въ годъ разъ воду пьетъ. (Нерчинск. окр.)

1157. Чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше остается. *Раки.* (Ср. *орѣхи.*)

1158. Туда-сюда ножки, рыло остро, глаза быстры, хвостикомъ виль, виль, виль. *Ракъ.*

1159. Ноги многи, усы длинны, а хвостикомъ брыкъ-брыкъ. *Ракъ.* (Тульск. губ.)

1160. По ножницамъ — звѣрь портной, по щетинѣ — звѣрь чеботарь. *Ракъ.*

1161. Два рога — не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ. *Ракъ.*

1162. а) Идетъ въ баню черенъ, выходитъ красенъ. *Ракъ.*

б) Пойду въ баню чернымъ, изъ бани выйду краснымъ.

1163. Кто послѣ смерти красенъ? *Ракъ сваренный.*

1164. Безъ рукъ безъ ногъ по стѣнѣ встаетъ? *Растворъ въ квашнѣ.* (Вытегра.)

1165. Живая живуленька, сидитъ на костулинькѣ, сырое мясцо теребитъ. *Ребенокъ.* (Нерч. окр. Ср. *младенецъ.*)

1166. На полѣ полищѣ стоптъ медвѣдь рѣшетомъ накрытъ. *Рига.*

1167. На крайчикѣ, на сарайчикѣ двѣ куколки сидятъ, обѣ врозь глядятъ. *Рога.*

1168. Идетъ свинья изъ Саратова, вся исцарапана. *Рогожа.* (Шадринск. у.)

1169. Шуриновъ племянникъ, какъ брату родня? *Родной сынъ зятю.*

1170. Кто родился и не умиралъ? *Родъ человѣческій.* (Зарайскъ.)

1171. а) Половина суха, половина сыра, покрышечка золота. *Рождество Христово, Масляница, Пасха.*

б) Половина дуба сухая, половина дуба сырая, маковка золотая. в) Полдуба сыраго, полдуба сухаго, а на маковкѣ цвѣтъ во весь Божій свѣтъ. *Зима, лѣто, пасха.*

1172. На годъ отпущу, на другой сыщу. *Рожь.* (Тульск. г. Ефрем. у.)

1173. Сколько на небѣ звѣздочекъ, столько на небѣ дырочекъ. *Рожь.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1174. На полѣ Погайскомъ, на рубежѣ Татарскомъ, стоятъ столбы точеныя, головки золоченыя. *Рожь.*

1175. Скрипитъ скрипильница, идетъ кормильница. Стукъ, стукъ! пустите ночевать. *Рожь возятъ въ телѣгѣ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1176. Скрипитъ скрыпица, ѣдетъ царица, просится у царя ночевать: «пусти меня, царь, ночевать, мнѣ не годъ годовать, одну ночь ночевать; утре придутъ разбойники, разобьютъ мои косточки, отнесутъ въ пресвѣтлый рай. *Рожь и овинъ.*

1177. Тута потута, люди побиты, а усъ подъ Торжокъ пошелъ. *Рожь вымолотили и повезли продавать.*

1178. а) Заря заряница, красная дѣвица, къ (по) (кругъ) церкви (по міру) ходила, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало. *Роса.*

б) Заря заревàла, по церкви ходила, ключи обронила, мѣсяцъ ихъ видѣлъ, а солнце скрало (взяло). в) Заря заряница, красная дѣвица, по лѣсу ходила, ключи обронила, мѣсяцъ видѣлъ — не сказалъ; солнце увидало — подняло. (Тульск. губ.) г) Красная дѣвица по полю играла, ключи потеряла; солнце шло, ключи нашло; мѣсяцъ видѣлъ, да не скажетъ. (Курск. г.) д) Заря заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю

гуляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало. е) Заря зарянка, ключи потеряла, мѣсяцъ пошелъ, не нашелъ, солнце взошло, ключи нашло.

1179. Въ вечеру прилетаетъ, ночь на землѣ пребываетъ, а по утру на небо улетаетъ. *Роса.*

1180. Вечеромъ водой, ночью водой, а днемъ въ небеса. *Роса.*

1181. а) Чего человѣкъ надъ собою не видитъ? *Росту.*

б) Чего надъ (на) собою (-ѣ) не видишь?

1182. На что глядятъ, а не видятъ? про что вѣдаютъ, а не знаютъ. *Росту и смерти.*

1183. а) Что за обѣдомъ всего нужнѣе? *Ротъ.*

б) Что весьма нужно при столѣ? (Зарайскъ).

1184. Стоитъ хата кругомъ мохната, одно окно, да и то мокро. *Ротъ, обросшій бородой.*

1185. а) У бѣднаго толсто, у богатаго тонко — всегда при себѣ? *Рубашка.*

б) У одного потолще, у другаго потоньше — всегда при себѣ.

1186. Собой не однака, а нужна одинако младенцу й мертвецу и доброму молодцу. *Рубашка.*

1187. Въ печуркѣ три чурки, три гуся, три утки, три яблочка. *Ружейный зарядъ.*

1188. Въ спиненькомъ горшечкѣ смерть заперта. *Ружье.* (Нерчинск. окр.)

1189. Сухой Мартынъ далеко плюетъ. *Ружье.*

1190. Черный кочетъ рявкнуть хочетъ. *Ружье.*

1191. а) На горѣ горищѣ стоитъ дуплище, въ томъ дуплищѣ сусло и масло и смерть. *Ружье.*

б) На горѣ горищѣ лежитъ голенище: въ томъ голенищѣ деготь, леготь и смерть не далеко. в) Во полѣ полищѣ несутъ голенище: въ этомъ голенищѣ...

1192. Дудка-дуда, на дудкѣ дыра; дуда затрещитъ, собака бѣжитъ (свинья убѣжитъ). *Ружье.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1193. а) Летитъ птица орелъ, несетъ въ зубахъ огонь (дышетъ огнемъ), поперегъ (подъ конецъ) хвоста (человѣчья) смерть. *Ружье.*

б) Летитъ птица, во рту спица, на носу смерть. в) Летитъ птица орелъ, (несетъ) во рту (въ себѣ) огонь, по конецъ хвоста человѣчья смерть. г) Летитъ птица тонка, перья красны да желты, по конецъ ея человѣчья смерть. д) Летитъ орелъ, несетъ огонь; кого встрѣлъ, того съѣлъ (Курск. губ.). е) Летитъ птица Гагана, несетъ въ ротѣ осетра, по конецъ хвоста — человѣчью смерть. (Нерч. окр.)

1194. Всего на свѣтѣ мягче? *Рука.* (Зап. Сибирь.)

1195. а) Выдерну мохнушку, заткну голышемъ. *Рукавица и рука.*

б) Размыхъ, размыхъ малу махнушку, пущу бѣлу голышку. в) Размахну махнушку, всуну голышка. (Ряз. г., с. Жолчино.) г) Размахну махнухину, запихну голышка. д) Размахну (разойму) мохнушку, воткну голышка.

1196. У тетушки Ѳелицы есть четыре сестрицы; изъ нихъ двѣ-то хвалятся: мы дѣлать горазды; а двѣ-то еще хвалятся: а мы ходить горазды. *Руки и ноги.*

1197. На морѣ невѣстка колыблется, на небѣ деверья дивуются: какъ она, чортъ, не оборвется. *Рукомойникъ и полотенце.*

1198. Сидитъ сова на примѣти(ѣ), не можно ее напоити. *Рукомойка.*

1199. Сѣла уточка на тазъ (у печки), кто попроситъ тому дастъ. *Рукомойка.*

1200. Курица съ хохломъ, всякому (да кажинному) поклонъ. *Рукомойникъ.*

1201. И старый и малый старую бабу за пупъ да за пупъ. *Рукомойка.*

1202. а) Виситъ, болтается, всякъ за него хватается. *Рукомойникъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Виситъ, болтается, настанетъ утро, всякъ притыкается.

1203. Надъ кислой рѣкой колокольчики звонки. *Рукомойникъ.*

1204. Виситъ килка на одной жилкѣ. *Рукомойникъ.*

1205. а) Встану я рано, пойду къ барану пустой головѣ. *Рукомойникъ.*

б) Стану я рано, пойду къ барану, къ толстой головѣ, къ широкой бородѣ. (Пошехоньевскій у.)

1206. Два ушка, два рожка, по середкѣ прòрость. *Рукомойникъ крестьянскій.*

1207. На полѣ Романовомъ много всего, и скота рогатаго, одинъ пастушокъ, ровно жемчужокъ. *Русь и царь.*

1208. Между горъ, между горъ бѣжитъ конь вороной. *Ручеекъ.*

1209. Чирандо-вырандо подъ огороду гнется? *Ручей.*

1210. а) Въ подпольѣ(-лѣ) подпольѣ лежитъ пирогъ съ морковью; ѣсть хочется, лѣзть не хочется. *Рыба.*

б) У насъ въ подпольѣ пирогъ съ морковью, хочется ѣсть, да не хочется лѣзть.

1211. а) По землѣ не хожу и на небо не гляжу. *Рыба.* (Котельничъ.)

б) По землѣ не хожу, на небо не гляжу, звѣздъ не считаю, мѣсяца не вижу.

1212. Кину я не палку, убью не галку, ощиплю не перья, съѣмъ не мясо. *Рыба.*

1213. Домъ шумитъ, хозяева молчатъ; пришли люди, хозяевъ забрали, домъ въ окошки ушелъ. *Рыба, неводъ.*

1214. а) Звалъ меня царь, звалъ меня государь къ ужину, къ обѣду; я человѣкъ не такой: по землѣ не хожу, на небо не гляжу, звѣздъ не считаю, людей не знаю. *Рыба.*

б) Звалъ меня царь государь въ гости; и говорилъ я: царь!

я по землѣ не хожу, я на небо не гляжу, царя въ очи не признаю; и зазвалъ таки царь государь меня въ гости.

в) У красной дѣвушки кушали господа. Покушавши Богу молились. «Благодаримъ тебя, красная дѣвица, за хлѣбъ, за соль, просимъ къ намъ въ гости!» — Дѣвица отвѣчаетъ: я по землѣ не хожу, на небо не гляжу, гнѣзда не завожу, а дѣтей вывожу.

1215. Веретъ, веретъ, на черепочкѣ смерть. *Рыба жареная.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1216. Пришли воры, хозяевъ украли, а домъ въ окошко ушелъ. *Рыбаки, рыба, неводъ.*

1217. Ѣхалъ не конемъ, погонялъ не кнутомъ, жегъ не палку, угодилъ не въ галку, сварилъ, не отеребилъ. *Рыбачитъ на лучину.*

1218. Ѣдетъ орда, оглобля одна, а дуги ни одной. *Рыдванъ съ дышломъ.*

1219. Шутъ въ лужѣ, борода наружѣ. *Рѣдька.*

1220. Кто ни подошелъ — всякъ меня за вихоръ. *Рѣдька.*

1221. а) Сидитъ дѣвица въ темницѣ, а коса наружи. *Рѣдька.* (Нижегор. г., Ард. у., с. Котовка.)

б) Сидитъ дѣвка въ клѣтѣ, коса на повѣтѣ.

1222. Кину мякину, подниму толкачъ. *Рѣдька.* (Москва.)

1223. а) Черная блоха (Въ подполье блоха) толкача родила. *Рѣдька.* (Ряз. у., с. Жолчино, Зар. у., с. Плуталово.)

б) Блоха пихтеля (пихтеря) родила.

1224. Брошу съ блоху, выростетъ съ лутошку. *Рѣдька.* (Зар. у., с. Мишино.)

1225. Между горъ бѣжитъ конь вороной. *Рѣка.*

1226. а) Есть мать; какъ выростутъ у ней большія дѣти, всѣхъ пожираетъ. *Рѣка, принимающая воду изъ ручьевъ, во время весны.* (Моложск. у.)

б) Мать дѣтей сосетъ.

1227. Ѣду, ѣду, слѣдовъ нѣту; оглянусь, смерти боюсь. *Рѣка.* (Вяземск. у.)

1228. а) Бурко бѣжитъ, а оглобли стоятъ. *Рѣка и берега.*

б) Сани бѣгутъ, самокатки бѣгутъ, а оглобли стоятъ.

в) Сани бѣжатъ, а оглобли лежатъ. (Вытегра.)

1229. Долгая долгушка, ты куда пошла? А тебѣ, стрижена губа, что за нужда? *Рѣка и берега обкошенные.*

1230. Гола Матрена для всѣхъ страшна, а лубкомъ покрыта, для всѣхъ ходка. *Рѣка замерзшая.*

1231. Сямъ пересямъ, крыша нова, пересыпка бѣла. *Рѣка и ледъ.*

1232. Криво да лукаво, куда побѣжало? Стрижено да брѣ(и)то— дѣла тебѣ нѣту. *Рѣка и пожня.* (Вытегра.)

1233. По какой дорогѣ полгода ѣздятъ, а полгода ходятъ? *По рѣкѣ.*

1234. а) Подъ дубкóмъ-дубкóмъ свилось клубкомъ и съ хвостичкомъ. *Рѣпа.*

б) Подъ лѣскомъ-лѣскомъ и подъ карандышкомъ свилося комочкомъ и явилось съ хвостичкомъ. в) Подъ лѣскомъ-лѣскомъ завилося да и съ хвостичкомъ. г) Подъ кустикомъ подъ карандышкомъ лежитъ мурлышекъ съ хвостичкомъ. д) Подъ дубкомъ, подъ карандышкомъ ни клубкомъ, ни камешкомъ. е) Подъ дубкомъ (подъ кустикомъ, кустомъ) свилась клубкомъ да и съ хвостикомъ. ж) Подъ дубкомъ-дубкомъ подъ карандышкомъ, лежитъ клубкомъ, да не камышкомъ. (Ряз. у., с. Жолчино). з) Подъ дубкомъ-дубкомъ свернулося клубкомъ, стало съ хвостичкомъ. (Нерчинск. окр.)

1235. Сама клубочкомъ, и хвостъ подъ себя. *Рѣпа.*

1236. Кругло, а не мѣсяцъ; зелено, а не дуброва; съ хвостикомъ, а не мышь. *Рѣпа.*

1237. Сверху зелено, посередкѣ толсто, подъ конецъ тонко. *Рѣпа.*

1238. Шибу́ (брошу) шибкомъ, выростетъ дубкомъ, заолешничкомъ. *Рѣпа.*

1239. Съ корня завивается, съ маковки разстилается. *Рѣпа.*

1240. Въ поле блошкой, изъ поля лепешкой. *Рѣпа.*

1241. а) Въ землю крошки, изъ земли лепешки. *Рѣпа.*

б) Въ землю блошкой, а изъ земли коровашкой. (Котельничъ.)

1242. Дѣвушка съ коробеечки, а коса на коробеечкѣ. *Рѣпа.*

1243. Семьдесятъ семь корочагъ на одномъ колу торчатъ. *Рѣпей.*

1244. а) На полѣ на Арскомъ стоятъ ногти, ногти дьявольскіе. *Рѣпейникъ.* (Казань.)

б) На полѣ алтынскомъ стоитъ дубъ талтынской, когти дьявольскіе. в) Стоитъ древо — панъ древо; на этомъ древѣ листья Шемаханскіе, трости бухарскіе, когти супостатскіе. (Пошехоньевск. у.) г) На полѣ на аркескомъ, на рубежѣ татарскомъ стоптъ дерево ливанское (царское, райское), листья митрофанскіе, кохти дьявольскіе. д) На полѣ на рымскомъ стоитъ кустъ родымскій... (Ард. у., с. Котовка.)

1245. Стоитъ дубъ на горѣ; никто къ нему не пойдетъ, ни царь, ни царица, ни красная дѣвица, а кто подойдетъ, тотъ съ собой понесетъ. *Рѣпейникъ.* (Курск. губ.)

1246. а) Кто ни прійдетъ, того приметъ. *Рѣпейникъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) На полѣ на теченскомъ, стоптъ дубъ веретенскій: кто ни пройдетъ, всякаго примѣтъ. в) На полѣ на титенскомъ, стоитъ дубъ веретенскій; кто къ нему ни подойдетъ, тотъ добромъ не отойдетъ. г) Стоитъ дубъ вялый, на немъ сидитъ чортъ дьяволъ: кто ни подойдетъ, такъ не отойдетъ. д) Дѣдушка осердился, въ бабушку вцѣпился (влѣпился).

1247. Мохнушка съ мохнушкой сойдутся да обоймутся. *Рѣсницы.* (Вытегра.)

1248. а) Диръ много, а вылѣзть некуда. *Рѣшето.*

б) Чудо-чудомъ, сошлось кругомъ: дыръ много, а выскочить некуда.

1249. Рыжій краснаго спросилъ: чѣмъ ты бороду красилъ? я не краской, не замаской: я на солнышкѣ лежалъ, кверху бороду держалъ. *Рябина.* (Зарайск. у., с. Мишино.)

1250. Подъ ярусомъ, ярусомъ, виситъ зипунъ съ краснымъ гарусомъ. *Рябина.*

1251. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ, красна понька виситъ. *Рябина.*

1252. Лѣзу (лѣзу) по желѣзу на мясную гору (на мясную гору, на деревянную ногу). *Садиться верхомъ на лошадь.*

1253. Кверху корнемъ ростетъ. *Сажа.*

1254. Отъ ядущаго ядомое изыде и отъ крѣпкаго сладкое. *Самсонъ, левъ, пчелы, медъ.*

1255. Стоитъ козелокъ на маленькихъ ножкахъ; онъ пышетъ и дышетъ, а души нѣтъ. *Самоваръ.*

1256. Въ небо дыра, въ землю дыра, посередь огонь да вода. *Самоваръ.*

1257. а) Два волка бѣжатъ, оба въ небо глядятъ. *Сани.* (Нерчинск. окр.)

б) Бѣгутъ два волчка... (Зап. Сибирь). в) Бѣгутъ два волка рядомъ и оба кверху смотрятъ.

1258. Безъ ногъ бѣжатъ, безо рта кричатъ, дороги не знаютъ, а другихъ провожаютъ. *Сани.*

1259. а) Поползушки ползутъ, побѣгушки бѣгутъ. *Сани.*

б) Побѣгушки бѣгутъ, поползушки ползутъ.

1260. а) Два кума Обакума (Аввакума), двѣ кумы Авдотьи, шесть Ѳалелеевъ (пять Пантелеевъ), да десять Андреевъ. *Сани: два полоза, двѣ оглобли, шесть вязей и десять копыловъ.* (Моложскій у.; Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) ...пять Пантелеевъ, да восемь Мокѣевъ. (Нерчинск. окр.) в) Два кума-Абакума, двѣ сестры Авдотьи, пять Патракеевъ, двѣнадцать лакеевъ (Котельничъ.)

1261. У кого двѣ кожи на ногахъ? *Кто въ сапогахъ.*

1262. Двѣ дороги пришло, въ обѣи пошелъ? *Сапоги.* (Вытегра.)

1263. а) Пришелъ праздникъ годовой, пришелъ дѣтина молодой, чажело вздыхаетъ, далеко пихаетъ, сталъ тащить, пупъ трещитъ. *Сапоги надѣваютъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Въ праздникъ годовой дѣтина молодой тянетъ туго, пихаетъ глубоко.

1264. Сквозь лошадь и корову свинью и ленъ волокутъ. *Сапоги тачаютъ.*

1265. Шла свинья сквозь быка, по желѣзному слѣдку, хвостъ смолевой. *Сапоги тачаютъ.*

1266. Кожана квашня, а мутовка мясна. *Сапогъ на ногу.* (Ср. *нога.*)

1267. Есть мальчикъ въ синенькой рубашкѣ: всѣ его любятъ, всѣ его хвалятъ. *Сахаръ.* (Курск. губ.)

1268. Красный сапогъ (бархатъ) въ землѣ горитъ. *Свекла.*

1269. Красненьки сапожки въ земелькѣ лежатъ. *Свекла.*

1270. Вверху зелено, внизу красно, въ землю вросло. *Свекла.*

1271. Нѣкто по поляхъ хождаше, главу свою ниже плечъ ношаше, и пріиде нѣкто, его заклаше, власы на огнѣ сожже, а тѣло на древѣ повѣси. *Свинья.*

1272. Ходитъ по землѣ, а не видитъ неба. *Свинья.* (Нижегор. г., Ард. у., с. Котовка.)

1273. а) Ничего не болитъ, а все стонетъ. *Свинья.*

б) Бочка стонетъ, барчата пьютъ. (Ряз. у., с. Жолчино.) в) Бочка пришла и стала, а барчата цѣдятъ. г) Бочка стоитъ, міряне пьютъ.

1274. Теля-меля увязла. *Свинью зарѣзали.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1275. Ходя ходитъ, вися виситъ; вися пала; ходя съѣла. *Свинья, желудь.*

1276. Летятъ ягоды лимоны, подбираютъ Харитоны. *Свинья, желудь.*

1277. а) На полѣ на Ордынскомъ 12 дубовъ, въ роговѣ четыре, въ ржевѣ двѣ. *Свинья, корова, лошадь.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Во полѣ въ ровѣ (на визгѣ) 12 дубовъ, въ рыковѣ четыре, въ ржовѣ (ржавцѣ) два. в) У мыкова четыре, у ржакова два.

1278. а) Въ стулѣ въ рулѣ 12 пуль, въ роговой(-вѣ) 4, въ ржавѣ (Моржавѣ) 2. *Свинья, корова, лошадь.* (Тобольскъ.)

б) Въ дулѣ — 12 пуль... в) Въ стульцѣ, въ пульцѣ 12 пулекъ, въ Роговѣ четыре, во Ржевѣ городѣ...

1279. а) Стоитъ Янтошка на одной ножкѣ. *Свѣтецъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, крошитъ крошки. в) Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошитъ крошенки, ни себѣ, ни жёнки. г) Стоитъ Ярмошка на одной ножкѣ, крошитъ крошенки никому, ни себѣ. д) Стоитъ Куземка, крошитъ крошатку, ни себѣ, ни другу. е) Стоитъ Ермошка на одной ножкѣ, крошитъ крошатку, ни себѣ, ни мнѣ, ни другу.

1280. Стоитъ старецъ, крошитъ тюрю: ни намъ, ни собакамъ. *Свѣтецъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1281. Безъ рукъ, безъ ногъ лапшу крошитъ. *Свѣтецъ.* (Ряз. у., с. Жолчино; Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1282. Старый старичекъ подъ себя тюрю мнетъ. *Свѣтецъ съ лучиной.*

1283. Мышка ходитъ (идетъ кошка) по брусочку, роняетъ (крошитъ) по кусочку. *На свѣтцѣ лучина.*

1284. Четыре Василисы въ одну ножку свелися. *Свѣтецъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1285. Дронъ Дроновичъ, Иванъ Ивановичъ, сквозь огня прохаживалъ, огонь на головѣ вынашивалъ. *Свѣтецъ.* (Зарайск. у., с. Плуталово.)

1286. Стоитъ Офрося ничего не проситъ. *Свѣтецъ.*

1287. Стоитъ старчикъ, кормитъ сальце. *Свѣтецъ.*

1288. Стоитъ старецъ, крошитъ тюрю въ ставецъ. *Свѣтецъ.*

1289. Поставлю, стоитъ; положу, лежитъ; домъ держитъ. *Свѣтецъ.*

1290. а) Чурило, закуренное рыло. *Свѣтецъ.*

б) Стоитъ Гаврило, замарано рыло. (Зарайск. у., с. Мишино.)

1291. Старый старичекъ сухарики грызетъ. *Свѣтецъ.* (Ефремовск. уѣздъ.)

1292. а) Бѣлая кошка лѣзетъ въ окошко. *Свѣтъ.*

б) Ни стукъ ни брякъ, къ окну подошелъ.

1293. а) Тѣло бѣло, душа хлопяная. *Свѣча* (Пошехоньевск. у., с. Давшино).

б) Тѣло бѣло, душа мочальная. (Рязань.) в) Тѣло сальное, душа бумажная. г) Тѣло бѣло, душа портяная, маковка золотая. *Свѣча сальная.*

1294. а) Самъ нагъ, а рубашка въ пазушкѣ (пазухѣ, въ запазушкѣ). *Свѣча.*

б) Сама гола, а рубашка внутри (за пазухой) (Курской г.). в) Самъ нагъ (голъ), рубашка въ запазушкѣ: самъ бѣлъ, дѣтки красны. г) Стоитъ баба тѣлишемъ...

1295. Колокольня новà, колокольня бѣла, подъ маковкой черно, маковка золотà. *Свѣча.*

1296. Горитъ столбъ, а уголья нѣтъ. *Свѣча.*

1297. Слизко не ловко, въ серединѣ веревка. *Свѣча сальная.*

1298. Въ потемкахъ родится, съ огнемъ (въ огнѣ) помираетъ. *Свѣча.*

1299. Утромъ смѣется, а вечеромъ слезы текутъ. *Свѣчка.*

1300. И малъ(-а), и нагъ(-а), и со слезами Богу молится. *Свѣчка восковая.*

1301. Выходитъ старъ во сто лѣтъ; выноситъ дѣдъ старше себя. *Священникъ съ крестомъ.* (Тобольскъ. Ср. *евангеліе.*)

1302. а) Съ лѣсомъ ровно, а не видно его. *Сердцевина древесная.*

б) Что съ лѣсомъ наравнѣ? (Нерчинск. окр.) в) Ровенъ съ лѣсомъ, а не видно его.

1303. а) Сутулъ-горбатъ все поле перескакалъ. *Серпъ.* (Общепзвѣстна.)

б) Маленькій, горбатенькій, все поле обскакалъ (проскакалъ). в) Маленькій, горбатенькій, по полю бѣжитъ, все поле дрожитъ. г) Маленькій, горбатенькій всѣ межи обѣжалъ, все поле очищалъ (ощипалъ). д) Маленькій, горбатенькій все поле пробѣжалъ и весь хлѣбъ повалялъ. е) Маленькій клопчикъ все поле проскакалъ (Зап. Сибирь). ж) Маленькій, горбатенькій все поле перещелкалъ. з) Кривенькой, сутуленькой... (Нижегор. г., Ард. у, с. Кототка). и) Гнутенькой, горбатенькой все поле выходилъ. (Мещовскій у.)

1304. а) Сутуло-горбато по полю гуляло, всѣ загоны пересчитало. (*Серп*. Моложскій у.)

б) Сутулъ-горбатъ все поле перешелъ, всѣ суслоны перечелъ.

1305. а) Маленькій, горбатенькій, все поле обрыщетъ, домой прибѣжитъ, цѣлый годъ пролежитъ (подъ кровельку уйдетъ). *Серпъ*.

б) Сутулъ, горбатъ, напередъ покляпъ; все поле облѣсуетъ, домой придетъ по щелямъ пойдетъ.

1306. Щука прянетъ, весь лѣсъ вянетъ. *Серпъ*.

1307. Мѣсяцъ новецъ, днемъ на полѣ блестѣлъ, къ ночи на небо слетѣлъ. *Серпъ*.

1308. Подъ дубкомъ, дубкомъ свилось клубкомъ да и съ хвостикомъ. *Серьги*. (Нижегор. г., Ард. у, с. Котовка.)

1309. а) Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса висятъ. *Серьги*. (Распространена.)

б) Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса съ навѣсомъ (Тобольскъ.) в) Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колесы висятъ, дѣвицъ красятъ, молодцевъ плѣнятъ.

1310. Малъ малы́шка (мала маленька), золота кубышка, ни звѣрь, ни птица, ни вода, ни масло. *Серьга*.

1311. а) Сивая кобыла по полю (по торгу) ходила, къ намъ пришла, по рукамъ пошла. *Сито*. (Общеизвѣстна.)

б) Сиво-кониво по полю (по нивамъ) ходило, домой (къ намъ) пришло, по рукамъ пошло. (Вытегра.) в) Сивая кобыла по торгу (по полю, по городу) ходила, по дворамъ бродила, къ намъ пришла, по рукамъ пошла. г) Сивой жеребецъ по полю ходилъ, къ намъ пришелъ, по рукамъ пошелъ. (Моложскій у., пр. Станиловскій на Сити.)

1312. Въ лѣсу снята, въ дому гнута, по серединкѣ заплетена. *Сито*.

1313. Есть свято, съ липы снято, по краишкамъ ремешки (по краямъ птрусеньки), а въ серединкѣ птру. *Сито*.

1314. Въ лѣсу гнуто, въ торгу брато, по краямъ птру, по серединкѣ птрусе́. *Сито*.

1315. Въ лѣсу тяпъ-тяпъ-тяпъ, дома ляпъ-ляпъ-ляпъ, около тпуценька, въ серединкѣ тпу. *Сито: коробка изъ осиноваго дерева, обшивается телячьей шкурой, а самое сито изъ конскаго волоса.* (Пошехонск. у., с. Давшино.)

1316. Въ лѣсу срублено, на базарѣ куплено, по краямъ лп, а посреди иго-го. *Сито* (*липа и конскій волосъ*.)

1317. Сита, вита, рѣшетомъ накрыта. *Скирдъ* (Ряз. у., с. Желчино.)

1318. Плотнички безтопорнички срубили горенку безуголенку. *Скирдъ*.

1319. Стару бабу за пупъ да за пупъ. *Скоба въ дверяхъ*.

1320. Баранъ въ хлѣвѣ, а рога въ стѣнѣ. *Скоба*.

1321. а) Сально, воложно, подъ лавкой лежитъ. *Сковорода*.

б) Маслено, воложно, подъ лавкой положено.

1322. Полъ желѣзный, половикъ не тканой. *Сковорода и блинъ.*

1323. а) Сидитъ царица (царь-птица) на золотыхъ яичкахъ. *Сковорода.*

б) Сидитъ курочка на золотыхъ яичкахъ, а хвостъ деревянный. *Сковорода и сковородникъ.*

1324. а) Сорока въ кустъ, Алексѣй за хвостъ. *Сковорода и сковородникъ.* (Шадринскій у. Котельничъ.)

б) Сорока въ кустъ да въ кустъ, соловей за ней да за ней. в) Утка въ кустъ, селезень за хвостъ.

1325. Сѣрый котъ Орину третъ. *Сковорода и сковородникъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1326. Бѣжитъ котикъ разинувши ротикъ. *Сковородникъ. (чапля).* (Курск. губ.)

1327. Какая вода восходитъ на небо? *Слезы праведныхъ.*

1328. Что слаще и что горче (всего)? *Слово.*

1329. а) Въ лѣсъ иду (идетъ), клѣтки кладу(-детъ), изъ лѣсу иду (идетъ), раскладываю (перекладываетъ). *Слѣды отъ лаптей.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Въ лѣсъ идутъ — клѣтки ставятъ; изъ лѣсу идутъ — переставливаютъ. (Вытегра.) в) Въ лѣсъ иду — плетни кладу; изъ лѣсу иду — переплетываю. (Тульск. губ.)

1330. Зарѣжетъ безъ ножа и убьетъ безъ топора? *Смерть.* (Вытегра.)

1331. Что ниже Бога, а выше царя? *Смерть.* (Шадринскій уѣздъ.)

1332. а) Стоитъ столбъ: на столбѣ(у) цвѣты(ъ), подъ цвѣтами котёлъ, надъ цвѣтами орелъ: цвѣты срываетъ, въ котелъ бросаетъ, цвѣтовъ не убываетъ, и въ котлѣ не прибываетъ. *Смерть: цвѣты — люди; котелъ — гробъ, столбъ — вѣкъ.*

б) Стоитъ дерево, на деревѣ птица, цвѣты хватаетъ, въ корыто бросаетъ, корыто не наполняетъ и цвѣтовъ не умаляетъ. в) Стоитъ древо прекрасно, на этомъ древѣ сидитъ птица ужасна: яблонь клюетъ, въ корыто бросатъ; въ этомъ корытѣ не убыватъ, и не прибыватъ. (Нерчинск. окр.) г) Стоитъ древо среди самаго бѣлаго свѣта; на этомъ древѣ сидитъ воронъ, яблоки щипаетъ и въ яму бросаетъ, но яма не наполняется и яблоки не убываютъ. (Западн. Сиб.)

1333. а) Сидитъ птица на кусту, молится Христу, беретъ ягодки спѣленьки, зрѣлиньки, недоспѣлинки. *Смерть.* (Нижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.)

б) Кто ходитъ по горамъ и доламъ, и беретъ ягоды зрѣлыя и незрѣлыя? в) Летитъ орелъ черезъ Нѣмецки города, беретъ ягоды зрѣлы и незрѣлы. г) Ходитъ Хамъ по горамъ, беретъ ягоды съ грибамъ.

1334. Стоитъ въ полѣ столбъ: этого столба ни перейдти, ни переѣхать, хлѣбомъ не отманить, деньгами не откупить. *Смерть.*

1335. а) На горѣ горынской, стоитъ дубъ Сарацынской: никто его не обойдетъ, не объѣдетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица. *Смертъ.*

б) На рубежѣ на Татарскомъ (Тетенскомъ) стоитъ дубъ Веретянской; никто не обойдетъ, не объѣдетъ, ни царь, ни царица, ни красная дѣвица. (Московск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.) в) На горѣ Горенской стоитъ дубъ Веретенской. Мимо дуба не пройдти, ни проѣхать ни царю, ни царицѣ, ни красной дѣвицѣ, ни доброму молодцу. (С. Хорошилово.) г) Сидитъ утка на плоту, хвалится казаку: никто меня не пройдетъ, ни царь, ни царица, ни красная дѣвица.

1336. Печь день и ночь печетъ, а невидимка дошлую коврыгу выхватываетъ. *Смертъ.*

1337. Тяпъ-тяпкомъ подъ бѣлымъ платкомъ. *Смертъ.*

1338. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ сидитъ птица Юстрица. Она хвалится, выхваляется, что все видала, всего много ѣдала. Видѣла царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитя въ колыбели; а того не ѣдала, чего въ морѣ не достало. *Смертъ.*

1339. Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ, говорила со Христомъ: «Гой еси истинный Христосъ! Далъ ты мнѣ волю надъ всѣми: надъ царями, надъ царевичами, надъ королями, надъ королевичами; не далъ ты мнѣ воли ни въ лѣсѣ, ни въ полѣ, ни на синемъ морѣ. *Смертъ.*

1340. а) На полѣ на Ордынскомъ стоитъ дубъ Таратынскій; сидитъ птичка Веретено; она хвалится, похваляется: отъ меня никто не уйдетъ: ни царь въ Москвѣ, ни король въ Литвѣ, ни рыба въ морѣ: и та въ *божьей* волѣ. *Смертъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Сидитъ утка на тату-плату; всякъ ее боится; никто отъ нее не уйдетъ: ни царь въ Москвѣ, ни король въ Литвѣ, ни рыба въ морѣ, ни заяцъ въ норѣ. (Ряз у., с. Жолчино.)

1341. а) На горѣ Волынской стоитъ дубъ Ордынской, на немъ сидитъ птица Веретено, сидитъ и говоритъ: никого не боюсь, ни царя въ Москвѣ, ни короля въ Литвѣ. *Смертъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) На полѣ Волынскомъ стоитъ дубъ Таратынскій, на немъ птичка Вертяничка. Ее никто не уйметъ: ни царь Москвичъ, ни король Лукичъ (Литвичъ?) (Ряз. у., с. Жолчино.)

1342. По метушкѣ метутъ, по скребушкѣ скребутъ, сухое дерево несутъ; не пышетъ, не дышетъ, живую душу беретъ. *Смертъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1343. Одного не знаю, другаго не вижу, третьяго не помню. *Смертъ, возрастъ и рожденье.*

1344. Стоитъ дуракъ, на немъ калпакъ, ни шитъ, ни бранъ, ни вязанъ, а весь поярчатый. *Сморчокъ.*

1345. Скрыпица скрыпитъ, золотокрылица лежитъ; пень-чернецъ, пусти ночевать! *Сноповозка, пшеница, овинъ.*

1346. Маленькій Аѳанасій травкой (лычкомъ) подпоясанъ. *Снопъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.) Ср. *вѣникъ.*

1347. Тысяча братьевъ вмѣстѣ связаны (однимъ поясомъ подпоясаны), на мать поставлены. *Снопъ, состоящій изъ колосьевъ и поставленный на землю.*

1348. Безъ рукъ, безъ ногъ подпоясанный. *Снопъ.* (Новоторжскій у.)

1349. Самъ съ локотокъ, борода съ вѣникъ. *Снопъ ржи.* (Москва.)

1350. Подъ дубкомъ-дубкомъ, подъ карандышкомъ-дубкомъ, лежатъ люди побиты, у нихъ гузки побриты. *Снопы.*

1351. На полѣ Ногайскомъ, на рубежѣ Татарскомъ, лежатъ люди побиты, у нихъ головы обриты. *Снопы.*

1352. На полѣ, на раменьѣ стоятъ копны подобраны, ѣдятъ траву шелковую, пьютъ воду росовую. *Снопы.*

1353. а) Шелъ я мимо петровска, видѣлъ дѣло таковско: головы разбиты, брюха вывалены, душу въ рай несутъ, тѣло въ край везутъ. *Снопы.*

б) Шелъ я мимо поповскаго, видѣлъ дѣло таковское: лежатъ мужики убитые, брюха распоротыя. *Снопы во время молотьбы.*

1354. Старый дѣдъ кусовьемъ блюетъ. *Снопы изъ овина кидаютъ.*

1355. Весь міръ подпоясанъ, одинъ староста распоясанъ. *Снопы и овинъ.*

1356. а) Летѣлъ карганъ по всѣмъ торгамъ безъ полъ, безъ пуговицъ. *Снѣгъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Летѣлъ порханъ, безъ полъ кафтанъ, безъ пуговицъ. в) Летѣлъ порханъ по всѣмъ торгамъ, бѣлъ балахонъ, безъ полъ кафтанъ, безъ пуговицъ. г) Летѣлъ перхолъ, кафтанъ безъ полъ, легъ — шейку протянулъ, въ щелку заглянулъ. *(Вьюга.)*

1357. а) У насъ на молоду скатерть бѣла весь міръ застлала. Первый *снѣгъ.*

б) Скатерть бѣла, вѣсь свѣтъ одѣла.

1358. Бѣлый лебедь на яйцахъ сидитъ. *Снѣгъ на поляхъ.*

1359. Увидѣлъ мать, умеръ опять. *Снѣгъ.*

1360. На дворѣ въ холодѣ горой, а въ избѣ водой. *Снѣгъ.*

1361. Летитъ молчитъ, сядетъ молчитъ, а помретъ да сгніетъ, такъ и зареветъ. *Снѣгъ.*

1362. Внукъ по дѣдушку пришелъ. Послѣдній, вешній *снѣгъ.*

1363. Зимою грѣетъ, весною тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ. *Снѣгъ.*

1364. Отцова сундука не поднять, сестрина точива не собрать, братнина коня не поймать. *Снѣгъ, земля, вѣтеръ.*

1365. Въ лѣсъ я иду, коровашки мѣшу; изъ лѣсу иду, перемѣшпваю. *По снѣгу ходитъ.*

1366. а) Заинька бѣленькой, полежи на мнѣ, подержи во мнѣ: мнѣ надсадно, да тебѣ хорошо. *Снѣгъ и земля.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Заюшко, бѣлозаюшко, полежи на мнѣ; хоть тебѣ трудно, да мнѣ хорошо. *Снѣгъ на озимовомъ хлѣбѣ осенью.*

1367. На дворѣ калачемъ, а въ избѣ пирогомъ. *Собака.* (Распространена.)

1368. Четверо стелютъ, двое свѣтятъ, одинъ лежитъ, никого не пускаетъ (пуститъ). *Собака.*

1369. Четыре четырки, двѣ растопырки, седьмой вертунъ. *Собака.*

1370. Собой не птица, пѣть не поетъ; кто къ хозяину идетъ, она знать даетъ. *Собака.*

1371. а) Шелъ я по трахтахту, натакался я на валахтахту; кабы не тухтахта, мнѣ бы смерть была. *Собака защищала отъ медвѣдя на дорогѣ.* (Зап. Спб.)

б) Пошелъ я по тухтахту, попалъ мнѣ барахтахта; какъ бы не вахтахта, то бы мнѣ живому не быть.

1372. а) Выходила я на горушку, убивала телушку, кожу на земь бросала, мясомъ печку топила, саломъ лакомилась. *Сокъ съ сосны драла.*

б) Слѣзу на анбарушку, обдеру телушку, кожу и мясо брошу, а сало съѣмъ. *Сокъ съ дерева* (Котельничъ).

1373. Тонко деревцо животы (-ъ) качаетъ. *Солома.*

1374. Меня одну не ѣдятъ, а безъ меня мало ѣдятъ. *Соль.*

1375. (Что) Въ водѣ родитъ, а (п) воды боится. *Соль.*

1376. а) Въ водѣ родился, огнемъ накормился. *Соль.*

б) На водѣ родится, на огнѣ выростаетъ; съ матерью увидится, опять умираетъ.

1377. Въ землѣ родился, въ огнѣ крестился, на воду палъ — весь пропалъ. *Соль.*

1378. Изъ окна въ окно золото (готово) веретено (бревно.) *Солнечный лучь.*

1379. Мету, мету — не вымету, несу, несу — не вынесу. (Пора придетъ, само(ъ) уйдетъ.) *Солнечный свѣтъ.* (Общеизвѣстна.)

1380. Чего въ коробку не замкнуть? *Солнечный свѣтъ.* (Общеизвѣстна.)

1381. а) Чего въ коробейку не запрешь? *Солнечный свѣтъ.*

б) Чего въ сундукъ не положишь? в) Въ ящикъ не запереть?

1382. Чего со (изъ) стѣны не вырубишь? *Солнце.*

1383. Что краше свѣту? *Солнце.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1384. Что всегда ходитъ, и никогда не стоитъ? *Солнце.*

1385. Что безъ огня горитъ? *Солнце.*

1386. Барыня на дворѣ, а рукава въ избѣ. *Солнце.*

1387. Что выше лѣсу? *Солнышко.*

1388. Красная дѣвушка въ окошко глядитъ. *Солнце.*

1389. Бурая корова черезъ прясло глядитъ. *Солнце.* (Зарайск. у., с. Мишино.)

1390. Красная дѣвушка по небу ходитъ. *Солнце.*

1391. а) По зарѣ зарянской катится шаръ вертлянскій: никому его ни обойти, ни объѣхать. *Солнце.*

б) Вертится вертушечка, золотая коклюшечка; никто ее не достанетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица.

1392. Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица. *Солнце на небѣ.* (Мещовск. у.)

1393. Встану на горку на маковку; увижу Миколку на заполкѣ. *Солнце восходитъ.* (Вытегра.)

1394. Летитъ птичка Говорокъ черезъ барскій дворокъ, сама себѣ говоритъ: безъ огня село горитъ. *Солнце восходитъ.*

1395. (Что) Безъ огня горитъ, (что) безъ крылъ летитъ, (что) безъ ногъ бѣжитъ? *Солнце, туча и рѣка.*

1396. а) Нѣтъ милѣ, нѣтъ быстрѣ, нѣтъ жирѣе. *Сонъ, солнце, земля.*

б) Что въ свѣтѣ милѣе? (Ряз. у. с. Жолчино; Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1397. Что милѣе отца-матери? *Сонъ* (Казань.)

1398. а) Милъ полюбилъ, на дорогѣ повалилъ. *Сонъ.* (Зарайск. у., с. Плуталово.)

б) Пришелъ милый, да и повалилъ силой.

1399. Кого не осилитъ ни князь, ни псарь, ни княжій выжлокъ? *Сонъ.*

1400. И рать и воеводу въ одинъ махъ перевалялъ. *Сонъ.*

1401. Дѣдушка Сидоръ гнетъ бабушку сидя; сидитъ — не гоже, дай-ка, я лежа. *Сонъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1402. Мила, перемила, свои очи надсадила; хоть грѣхъ, хоть два, а смерть хочется. *Сонъ.*

1403. а) Бѣдный на земь кидаетъ, богатый съ собой собираетъ. *Сопли.*

б) Мужикъ на земь кидаетъ, баринъ въ карманъ собираетъ.

1404. Серебряное монисто, куда ни кинь, все повиснетъ. *Сопли.*

1405. Палъ дубъ въ море: море плачетъ, а дубъ нѣтъ. *Соринка въ глазу.*

1406. Сѣнничекъ (сундучекъ) съ кулачекъ, а запирка съ шестокъ (шестъ). *Сорока.* (Нижегор. г., Ард. у., с. Котовка.)

1407. а) Бѣла—какъ снѣгъ, зелена—какъ лугъ, черна—какъ жукъ, поетъ какъ быкъ, повертка въ лѣсъ. *Сорока.*

б) Бѣла(-о) какъ снѣгъ, черна(-о) какъ жукъ, зелена́(-о) какъ лугъ, вертится какъ бѣсъ, и дорога въ лѣсъ. в) Бѣла какъ снѣгъ, зелена какъ лугъ (лукъ), вертка́ какъ бѣсъ и любитъ лѣсъ. г) Бѣло какъ снѣгъ, черно какъ жукъ, зелено какъ макъ, поетъ какъ дьякъ, вертится какъ бѣсъ, повернется да и въ лѣсъ. д) Бѣлъ какъ снѣгъ, зеленъ какъ лукъ, черенъ какъ жукъ, повертка въ лѣсъ, а поетъ какъ бѣсъ. е) Рябо да не пестъ; зелено да не лукъ; вертится какъ бѣсъ и повертка въ лѣсъ.

1408. Пѣгой конь гору бьетъ. *Сорока шевеш клюетъ.* (Зап. Сибирь.)

1409. Зимой и лѣтомъ однимъ цвѣтомъ. *Сосна.*

1410. Всѣ капралы поскидали кафтаны, одинъ капралъ не скинулъ кафтанъ. *Сосна.* Ср. *лиственныя деревья.*

1411. Семдесятъ семь полковъ: всѣ повалились, а три остались. *Сосна, ель и вересъ зимой.*

1412. Влѣзу на гору, обдеру телку: мясо брошу, кожу кину, сальце съѣмъ. *Сосновая мезга.*

1413. У мыкалы четыре, у ржавца двѣ, у рюхала двѣнадцать ломтей. *Сосцы коровы, лошади, свиньи.*

1414. Что ростетъ вверхъ комлемъ? *Сосулька ледяная.*

1415. Писано, переписано, рукъ не притыкано. *Соты.*

1416. Стоитъ посудина нерукотворёна, налита въ ней кашица неварёна. *Соты.*

1417. Братья Данилы дорогу до глины пробили. *Соха.*

1418. Черная корова все поле перепорола. *Соха.*

1419. Лиса, лиса — во всю зиму боса. *Соха.*

1420. Стоитъ сноха, ноги развела: міръ кормитъ, сама не ѣстъ. *Соха.*

1421. Баба яга, вилами (распорота) нога, весь міръ кормитъ, сама голодна. *Соха.* (Котельничъ.)

1422. Летѣла пава, сѣла на привалѣ, разсыпала перья по всему полю. *Соха.*

1423. Прилетѣла птичка на Юрьевъ взвозъ, на Егорьевъ день: тулово рябино, хребетъ соболиный. *Соха.*

1424. Три тулова, три головы, восемь ногъ, желѣзный хвостъ, кованный носъ. *Соха съ бороной.*

1425. Чего на свѣтѣ не лѣнь дѣлать? *Спать.* Ср. *дышать.*

1426. По стѣнѣ ползетъ—то къ свѣту, то отъ свѣту. *Ставень задвижной.*

1427. Гдѣ вода стоитъ столбомъ, не проливается? *Въ стаканѣ.* (Зарайскъ.)

1428. Двое подъ судъ нейдутъ? *Старый и малый.*

1429. Что въ избѣ мерзнетъ, а на улицѣ нагрѣвается? *Стекло въ рамѣ.* (Моложск. у., прих. Станиловскій на Сити.)

1430. Зябъ, перезябъ, въ тонкихъ березяхъ. *Стекло въ оконной рамѣ.* (Новоторжскій у.)

1431. Живутъ четыре царя: который умретъ изъ нихъ, то всѣ за нимъ въ могилу пойдутъ. *Стихіи.*

1432. Текушки текутъ, бѣгушки бѣгутъ, хотятъ Волынскаго князя сломать. *Стогъ.*

1433. Въ полѣ стоитъ столбъ; у столба сто кистей, у кистей сто кольцей, у кольцей сто плетей. *Стогъ съ рожью.* (Вытегра.)

1434. Стоитъ Егорей въ полупригорѣ; копьемъ подпирается, шопной покрывается. *Стогъ ржи.*

1435. а) Гдѣ прежде матери дѣти родятся? *Стогъ сѣна и копны.*

б) Напередъ отца и матери дѣтки родятся? в) Вышелъ пень на Петровъ день, сталъ тень плакаться: отчего дѣти прежде отца рождаются. (Воронежск. губ.)

1436. Нашъ Фофанъ въ землю вкопанъ. *Столбъ.*

1437. а) Самъ не видитъ, другимъ указываетъ. *Столбъ при дорогѣ.*

б) Самъ Москвы не вижу, а другимъ Москву указываю.

1438. а) На широкомъ дворѣ, на гладкомъ полѣ стоятъ четыре попа подъ одною шляпою. *Столъ.*

б) Четыре попа подъ одной шляпой стоятъ. в) Четверо братьевъ подъ одной крышей стоятъ. г) Четыре братца подъ однимъ покровцемъ. д) Четыре братца подъ однимъ шатромъ. е) Четыре братца однимъ кушакомъ подпоясавшись подъ одной шляпой стоятъ. (Общеизвѣстна.)

1439. Подъ одной фатицей стоятъ четыре сестрицы. *Столъ.*

1440. а) Летитъ птица перната безъ глазъ, безъ крылъ; сама свиститъ, сама бьетъ. *Стрѣла.*

б) Не крылата, а перната; какъ летитъ, такъ свиститъ; а сидитъ, такъ молчитъ.

1441. Два Анисима, четыре Максима, седьмая Софья. *Стулъ: спинка, ножки, сидѣнье.*

1442. Маланья толста; сухой Матвѣй привязался къ ней, не отвяжется. *Ступа и пестъ.* (Нерчинск. окр.)

1443. а) Медвѣжій глазъ въ избѣ? *Сукъ* (Моложск. у., прих. Станиловскій на Сити.)

б) Медвѣжій глазъ на полкѣ лежитъ.

1444. а) Коровій глазъ въ избѣ? *Сукъ* (Ряз. у., с. Жолчино).

б) Что въ избѣ за бычій глазъ.

1445. Сквозь стѣну торочекъ (торчокъ). *Сукъ въ бревнѣ.*

1446. Сука, вонъ, сука, вонъ, — сука нейдетъ вонъ. *Сукъ въ деревѣ.*

1447. Кривой сысой за печкой сидитъ, на улицу глядитъ и въ избѣ сторожитъ. *Сукъ въ стѣнѣ.*

1448. Быкъ въ хлѣвѣ, рога въ стѣнѣ. *Сучокъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1449. а) Въ избѣ кудакъ, на улицѣ кудакъ, не вытащишь никакъ. *Сучокъ.* (Нерчинск. окр.)

б) На лавкѣ кутакъ, не повернешь никакъ.

1450. Сидитъ Микитъ, сквозь стѣны глядитъ. *Сучокъ.*

1451. Кривой Сысой за печкой сидитъ: на улицу глядитъ и въ избѣ стережетъ. *Сучокъ сквозной.*

1452. Полна хата воробей нагнато. *Сучья въ избѣ.* (Зап. Спб.)

1453. а) Девять братичковъ стоятъ подъ одной шапочкой. *Суслонъ ржи.*

д) Девять братьевъ подъ десятымъ на матери сидятъ.

1454. Здравствуйте, братцы, жены моей дѣти: скажите ва-

шему отцу и моему отцу, что жены его мужъ пріѣхалъ. *Сынъ, пропавши безъ вѣсти, воротился, а отецъ женился на невѣсткѣ.*

1455. Выше лошади, ниже собаки. *Сѣдло.*

1456. На матушкѣ я сижу, на отцѣ ѣду, однимъ братцемъ правлю, другимъ погоняю. *Сѣдло* дала мать; отецъ далъ лошадь; одинъ братъ узду, другой плеть. (Ряз. у., с. Жолчино.)

1457. По льду-льду заиграю въ пикульку; стоитъ по льду цѣла церковь людей. *Сѣмяна въ огурцѣ.*

1458. Кину съ блошку, выростетъ съ лутошку. *Сѣмя.* (Тульск. губ.)

1459. Какъ написать: *сухая трава* четырьмя буквами? *Сѣно.* (Зарайскъ.)

1460. а) Горитъ и таетъ: секретныя дѣла скрываетъ. *Сюргучъ.* (Курск. губ.)

б) Горю я таю, тайное скрываю. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1461. Не пекутъ, не жуютъ, не глотаютъ, а все вкусно ѣдятъ *Табакъ.*

1462. а) Надъ нами вверхъ ногами. *Тараканы.* (Распространена.) Ср. *мухи.*

б) Что передъ нами вверхъ ногами?

1463. Нашего быка дома не любятъ, на базарѣ не купятъ. *Таракань.*

1464. а) Вороно — не конь, черно — не медвѣдь, крылато — не птица, шесть ногъ безъ копытъ. *Тараканъ.*

б) Воронъ да не конь; черенъ (счерна) да не медвѣдь; шесть ногъ безъ копытъ; рогатъ, а не быкъ. в) Черенъ да не воронъ, рогатъ да не быкъ, шести ногъ безъ копытъ. г) Черенъ-черенъ да не быкъ, о шести ногъ да безъ копытъ. д) Шесть ногъ да безъ копытъ; рога есть, а не быкъ; и борода, а не старикъ. е) Бѣжитъ быкъ о шести ногъ, самъ безъ копытъ, ходитъ — не стучитъ. ж) О шести ногъ безъ копытъ; ходитъ не стучитъ.

1465. Четыре стукоты, четыре брякоты, еще коктерокъ, еще вѣсится. *Телѣга.* (Нерчинск. окр.)

1466. Тутъ и стукъ, тутъ и громъ, тутъ и Захаровъ домъ. *Телѣга.*

1467. И стучиха, и бречиха, и четыре шумитихи, и хохолъ и махоръ и змѣя съ хохломъ. *Телѣга, колесы и лошадь.*

1468. а) Идутъ три коковицы, говорятъ всѣ пословицы; первая говоритъ: мнѣ лѣтомъ хорошо; а вторая говоритъ: мнѣ зимой хорошо; а третья говоритъ: мнѣ все равно. *Телѣга, сани и лошадь.*

б) Три сестры; одна говоритъ: мнѣ зимою лучше; другая: мнѣ лѣтомъ лучше; а третья: мнѣ все равно, что зимою, что лѣтомъ. в) Летѣли три утки, сѣли на закутки: одна лѣто лѣтовать, друга зиму зимовать, а третья и лѣто и зиму годовать. г) Летѣли три пичужки черезъ три избушки; одна говоритъ: «мнѣ лѣтомъ хорошо!» Другая говоритъ: «мнѣ зимой хорошо!»

А третья говоритъ: «мнѣ что́ зимой, что лѣтомъ — все равно!» д) Одна птица кричитъ: «мнѣ зимой тяжело!» Другая кричитъ: «мнѣ лѣтомъ тяжело!» Третья кричитъ: «мнѣ всегда тяжело.» Сани, телѣга, лошадь. е) Собрались три вещи, собрались они въ одно мѣсто. «Ты, братецъ, что работаешь?» — Я одно лѣто работаю. — «А ты, братецъ, что работаешь?» — Я одну зиму работаю! — «А ты, братецъ, что работаешь?» — Я зиму и лѣто работаю. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1469. Ѣдетъ скрипа-скрипулица, везетъ желтоперицу: курганъ, курганъ, пусти ночевать; мнѣ не вѣкъ вѣковать, одну ночь ночевать. *Телѣга, рожь, овинъ.*

1470. Плотъ пловетъ; попъ поетъ; ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ. *Телѣга ѣдетъ, скрыпитъ телѣга; паръ изъ лошадиныхъ ноздрей; глаза лошади.* (Тобольскъ.)

1471. Чего въ избѣ не видно? *Тепла.*

1472. Шла свинья изъ Саратова, вся исцарапана. *Тёрка.* (Моск. г. Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1473. а) Ногой топчу, животомъ нажму, рукой шмыгну, два раза колону и опять начну. *Тканье.*

б) Брюхомъ тру, ногами пру; гдѣ разинется, тутъ и ткну.

1474. Деревянныя ноги, хоть все лѣто стой. *Ткацкій станокъ.*

1475. Когда дуракъ бываетъ уменъ? *Тогда, когда молчитъ.*

1476. а) Дѣдушка лысъ на небо глядитъ, внучекъ чернобрысъ по лысинѣ хлыстъ. *Токъ.*

б) Дѣдушка плѣшивъ никуда не спѣшитъ, только на небо глядитъ.

1477. Стучитъ, бренчитъ, вертится, страху Божьяго не боится. *Толчея.*

1478. Кланяется, кланяется: придетъ домой растянется. *Топоръ.*

1479. Кочетъ голенастъ, кланяться гораздъ. *Топоръ.*

1480. Маится, маится — придетъ домой, растянется. *Топоръ.*

1481. Лежитъ красавица лицомъ въ подлавицу. *Топоръ.*

1482. На улицѣ полаетъ, придетъ подъ лавочку лягетъ. *Топоръ.* (Нерчинск. окр.)

1483. а) Въ лѣсъ идетъ, свѣтитъ; изъ лѣсу идетъ, свѣтитъ. *Топоръ.*

б) Въ лѣсъ идетъ, блестнетъ, и изъ лѣсу блестнетъ.

1484. а) Въ лѣсъ идетъ, домой глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ. *Топоръ за поясомъ.* (Вытегра.)

б) Въ лисъ пди, домой гляди; изъ лису, въ лисъ гляди.

1485. Два бѣлыша ведутъ черныша. *Топятъ печку.*

1486. Маленько зелененько все поле покрало. *Трава молодая.*

1487. На полѣ на тынскомъ стоялъ дубъ сиротинскій, когти желѣзные, а листъ бумажный. *Трава татаринъ.*

1488. Сидѣло семь галицъ; я стрѣлилъ, трехъ убилъ: много ль тутъ осталось? *Три.*

1489. Сидятъ три кошки, противъ каждой кошки по двѣ кошки; много ль всѣхъ? *Три.*

1490. Летѣло стадо птицъ на рощу: сѣли по двѣ на дерево — одно дерево осталось; сѣли по одной — одного не достало. Многоль птицъ и деревъ? *Три дерева и четыре птицы.*

1491. Летѣло сто гусей, на встрѣчу имъ одинъ гусь: здравствуйте, говоритъ, сто гусей! Нѣтъ, насъ не сто гусей: кабы было еще столько, да полстолько, да четверть столько, да ты гусь, такъ бы насъ было сто гусей. Сколько ихъ летѣло? *Тридцать шесть гусей.*

1492. Шли столбцомъ, сынъ съ отцемъ, да дѣдъ со внукомъ: сколько ихъ? *Трое.*

1493. Шли мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да кумъ съ кумой; нашли полтора хлѣба, раздѣлили по полухлѣбу. *Трое.*

1494. Шли не мало: братъ съ сестрою, мужъ съ женою, да шуринъ съ зятемъ, много ли ихъ стало? *Трое.*

1495. Мать съ дочерью, да мать съ дочерью, да бабушка съ внучкой. Много ли ихъ всѣхъ? *Трое.*

1496. Одинъ дѣдъ, два отца и два сына; въ трои сапоги обувались всѣ. *Трое.*

1497. а) Стоитъ (сидитъ) гусь надъ водой, машетъ своей бородой. *Тростникъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Стоитъ мужикъ надъ водою, трясетъ своей бородою. (Курск. г.; Зарайск. у., с. Мишино.)

1498. а) Сквозь потолокъ кишку проволокъ. *Труба.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Сквозь потолокъ мужикъ бабу проволокъ. (Тульск. губ.)

1499. Сидитъ баба (барыня) на печкѣ (печи) въ бѣлой епанечкѣ (епанчѣ). *Труба.*

1500. Стоитъ Арина, ротъ розиня. *Труба.*

1501. Сохнетъ Софья, ни пьетъ, ни ѣстъ, все на небо глядитъ. *Труба.*

1502. Курица хохла, три года мокла, не пивши, не ѣвши. *Труба печная.*

1503. Гробъ пловетъ, мертвецъ реветъ (поетъ), ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ. *Туча, громъ, молнія.* (Тобольскъ. Ср. *телѣга ѣдетъ.*)

1504. Кая вещь не рожденна, не сотворенна, и никакимъ либо искусствомъ сдѣлана. *Тьма.* (Зарайскъ.)

1505. Желтая курица подъ плетнемъ клубится. *Тыква.*

1506. Ходитъ безъ ногъ, рукава безъ рукъ, уста безъ рѣчи. *Тьнь.*

1507. По утру съ сажень, въ полдень съ пядень, а въ вечеру черезъ поле хватаетъ. *Тьнь.*

1508. Что на водѣ лежитъ, да не тонетъ. *Тьнь.*

1509. Что тѣла не имѣетъ, а видно? *Тьнь.*

1510. Что глазами видѣть можно, а руками взять нельзя. *Тьнь.*

1511. У тебя есть, у меня есть, у дуба въ полѣ, у рыбы въ морѣ. *Тѣнь.*

1512. Чего съ земли не подымешь? *Тѣни и дороги.*

1513. Чего со стѣны не вырубишь? *Тѣни.*

1514. Мету, мету — не вымету; несу, несу — не вынесу: пора придетъ, сама уйдетъ. *Тѣнь.* (Ср. *солнечный свѣтъ.*)

1515. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. *Тѣсто.* (Казань; также загадывается *вѣтеръ.*)

1516. Что выше дерева ростетъ? *Тѣсто.*

1517. а) Снаружи рогато, изнутри комоло. *Уголъ въ избѣ.*

б) На улицѣ рогато, въ избѣ комоло (комлато.) (Котельничъ.)

1518. а) Подъ окошкомъ стоитъ долгій Янтошка. *Уголъ у избы.* (Казань.)

б) Высунусь я въ окошко, стоитъ долгій Янтошка. (Моск. г., Дм. у., с. Хорошилово.)

1519. Закопай — не гніетъ, кинь въ воду — поплыветъ. *Уголь.*

1520. а) Полна коробочка золотыхъ воробышковъ. *Уголь въ печи.*

б) Полна коробочка красныхъ ложечекъ.

1521. Полно гнѣздо куликовыхъ яицъ. *Уголье.*

1522. Полный засѣчекъ (сусѣчекъ) красныхъ яичекъ. *Уголья въ жаровнѣ.* (Котельничъ.)

1523. Летитъ птичка, во рту плотичка, голодна — не съѣстъ; сыта — не выкинетъ. *Удила.* (Рязань.)

б) Летитъ, что птица, во рту плотица: ее ни проглотить, ни выхаркнуть.

1524. Подъ мостомъ-мостомъ яристомъ лежитъ свинья кубариста. *Ужъ,* лежащій подъ мостомъ.

1525. а) Пѣвунъ-пѣвецъ нашелъ хлѣвецъ, въ немъ пятьсотъ овецъ. *Улей.*

б) Пѣтухъ-пѣвецъ срубилъ хлѣвецъ, въ томъ хлѣвцѣ пятьсотъ овецъ.

1526. Стоитъ изба безугольна, живутъ люди безуемны. *Улей.*

1527. а) Въ лѣсъ дорога, на пупкѣ тревога, внутри ярмарка. *Улей.*

б) Черезъ лѣсъ путь дорога, на пупкѣ тревога, въ животѣ ярмарка.

1528. Въ крутомъ буеракѣ лютыя (злыя) собаки. *Улей.*

1529. Стоитъ посудина долблена, въ ней кашица не варена. *Улей съ медомъ.*

1530. а) На боку лежитъ дуплина путина, среди дупла ярмарка. *Улей.*

б) Лежитъ дуплина, по боку путина; въ среди дупла ярмарка.

1531. Кругомъ пуза воетъ, а вдоль дорога идетъ. *Улей.*

1532. а) Во темной темницѣ красна дѣвица камку тчетъ и узоромъ шьетъ безъ иглы, безъ шелку. *Улей съ пчелами.*

б) Сидятъ дѣви́цы въ темной темницѣ, вяжутъ сѣтку безъ иглы, безъ нитки. в) Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, ткань созидаетъ, узоръ вышиваетъ, безъ шелковъ, безъ напалокъ, безъ тонкихъ иголокъ.

1533. Стоитъ градъ на востокъ широкими дверьми, около его много воинства. У каждаго воина по копью. Идетъ родъ Адамля, отнялъ у нихъ все имѣнье. Вышнему слава, земному также. *Улей, пчелы, жало, воскъ, медъ.*

1534. Ни тѣло, ни духъ, а съ крыльями вокругъ; къ кому подлечу, какъ разъ научу. *Умъ.*

1535. Ни на мѣру, ни на вѣсъ у всѣхъ людей есть. *Умъ.*

1536. Отчего собака лаетъ? *Не умѣетъ она баять.* (Москва.)

1537. Отчего корова ложится? *Не умѣетъ она садиться.* (Москва.)

1538. Щука въ водѣ, а хвостъ наружи. *Уполовникъ.*

1539. Сорòка подъ пылъ летала. *Уполовникъ.*

1540. Рогатъ да не быкъ, хватаетъ да не сытъ, людямъ отдаетъ, а самъ на отдыхъ идетъ. *Ухватъ.*

1541. а) Загнала на дворъ быка: во хлѣву рога, а хвостъ въ рукахъ. *Ухватъ.*

б) Во хлѣвушкѣ у быка копна въ рукахъ, а хвостъ на дворѣ у бабы въ рукахъ. *Ухватъ и горшекъ.*

1542. Плосконька дощечка, по краямъ обшивочка, а въ середкѣ дырочка. *Ухо.*

1543. а) Весь лѣсъ въ обрѣзъ, два дерева выше всѣхъ. *Ушатъ.*

б) Стоитъ лѣсъ весь ровенъ, два дуба повыше. (Зарайск. у., с. Мишино.)

1544. У туши уши, а головы нѣтъ. *Ушатъ.*

1545. Съ ушами да не слышитъ? *Ушатъ.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1546. Промежъ двухъ ушей виситъ Фалелей. *Ушатъ.* (С. Хорошилово.)

1547. По уши стоитъ въ водѣ, а никогда не напьется. *Ушатъ съ водой.* (Зарайск. у., с. Мишино.)

1548. Двое говорятъ: побѣжимъ, побѣжимъ! Третій говоритъ: покачаемся! *Ушатъ двое берутъ.* (Москва.)

1549. На сараѣ двѣ куклы пляшутъ. *Уши у лошади.* (Тобольскъ.)

1550. Четыре Василисы въ одно мѣсто свелись. *Ушки у свѣтца.* (Ряз. у., с. Жолчино. Ср. *свѣтецъ*, № 1284.)

1551. Четыре братца огня не боятся. *Ушки желѣзныя въ свѣтцѣ.* (Моложск. у.)

1552. Волокутъ кривульку чрезъ тынъ да на улку. *Хлебать ложкой.*

1553. а) Загадаю я загадку, брошу (закину) за грядку, въ годъ пущу, годовикъ рощу. *Хлѣбъ.*

б) Загану загадку да заброшу за грядку, въ годъ да въ годъ.

1554. а) Въ годъ пущу, погодья жду. *Хлѣбъ.*

б) Годъ пущу, годовинку жду.

1155. Загану загадку, кину чрезъ грядку (за всю загрядку), годъ я жду, годовикъ возьму. *Хлѣбъ.*

б) Загану (загадаю) загадку, закину за грядку, въ годъ пущу, въ другой выпущу. в) Загадаю я загадку, перекину черезъ грядку; та загадка въ годъ пойдетъ, годовикъ принесетъ. (Общеизвѣстна.)

1556. Временемъ разсѣваю, временемъ собираю, самъ сытъ бываю, и людей кормлю. *Хлѣбъ.*

1557. Комковато, ноздревато, и губато, и горбато, и тяскло, и кисло, и прѣсно, и вкусно, и красно, и кругло (грузно), и легко, и мягко, и твердо, и ломко (кругло), и черно, и бѣло, и всѣмъ людямъ мило. *Хлѣбъ.*

1558. Не миловитой, не красовитой, а равно всѣмъ милъ. *Хлѣбъ.*

1559. Птѣлъ потѣлъ, въ дыму закоптѣлъ. *Хлѣбъ въ овинѣ.*

1560. Безъ мяса, безъ костей подымается. *Хлѣбъ.* (Курск. губ.)

1561. Безъ кореньевъ растетъ, безъ костей встаетъ. *Хлѣбъ.*

1562. Рѣжутъ меня, вяжутъ меня, бьютъ нещадно, колесуютъ — пройду огонь и воду, и конецъ мой — ножъ и зубы. *Хлѣбъ.*

1563. Два корабля идутъ съ Божьяго суда, а третій на Божій судъ. *Хлѣбъ съмянной.*

1564. Пирогъ съ молитвой безъ начинки. *Хлѣбъ.*

1565. Лежитъ бугоръ между горъ; пришелъ Егоръ, унесъ бугоръ. *Хлѣбъ въ печи.*

1566. Рѣжу, рѣжу — крови нѣту. *Хлѣбъ.*

1567. Въ печуркѣ двѣ чурки, два гуся, двѣ утки, два тетерева. *Хлѣбы въ печи.*

1568. Выпашу чистое поле, нагоню черныхъ овецъ. *Хлѣбъ въ печи.*

1569. а) Выпашу (распашу), выпашу (распашу) чистое поле; нагоню, нагоню бѣлыхъ лебедей; посажу, посажу рядышкомъ къ рядку; а послѣ лебедей переряжу всѣхъ (всѣхъ переѣмъ). *Хлѣбы садятъ въ печь.*

б) Вымету я, вымету чистое поле; загоню я, загоню бѣлаго скота.

1570. Бѣлая бѣляна въ полѣ гуляла, домой пришла, по рукамъ пошла. *Хлѣбъ бѣлый.* (Тобольскъ.)

1571. Вылетѣла сова изъ краснаго окна и сѣла сова на четыре столба. *Хлѣбъ, снятый изъ печки.* (Вытегра.)

1572. Полонъ хлѣвъ безхвостыхъ овецъ: одна была съ хвостомъ — и та ушла. *Хлѣбы и лопата.*

1573. Хлесъ похлебесъ, похлебесимся со мной. Знай подвигай, я дома набулындалась. *Хлѣбъ да соль.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилого.)

1574. Выше избы не бросить? *Хмѣлиное перышко.* (Зап. Сибирь.)

1575. а) Однолѣтняя трава съ лѣсомъ равна. *Хмѣль.* (Котельничъ.)

б) Однолѣтняя трава выше двора.

1576. Безъ рукъ, безъ ногъ на батогъ ползетъ. *Хмѣль.*

1577. Стоитъ сто столбовъ, у ста столбовъ сто кольцовъ, у ста кольцовъ сто кистей, у ста кистей сто вѣстей. *Хмѣль.*

1578. У ста кольцовъ сто коней, у ста коней по сту уздъ, у ста уздъ сто кистей, у ста кистей сто вѣстей. *Хмѣль.*

1579. а) Стоитъ сто столбовъ, у ста столбовъ сто кольцовъ, у ста кольцовъ сто кистей, у ста кистей сто вѣтвей. *Хмѣль.*

б) Въ полѣ стоитъ столбъ, у столба сто колецъ, у ста колецъ сто плетей, у ста плетей сто молодцовъ.

1580. Ноги на морозѣ, кишки (т. е. *китина*) на деревѣ, голова на свадьбѣ. *Хмѣль.*

1581. а) На задворочкѣ у Захарушки кудерочки трясутся. *Хмѣль.*

б) На задворочкѣ кудерочки на Захарушкѣ кудруются. в) На задворочкѣ кудерочкамъ(и) Захарушка трясетъ.

1582. а) Вокругъ тына повисла золота грива. *Хмѣль.*

б) Около кола золотая трава.

1583. а) Грудью-то трётъ, ногою упрётъ, а рукою швырнетъ — стукъ да стукъ. *Холстъ ткутъ.*

1584. Ногами топчу, животомъ нажму, рукой шмыгну, другой потяну, два раза кольну, да опять начну. *Холстъ ткутъ.*

1585. Шерсти клочекъ, соломы пучекъ, приздынь — ноги щелчекъ. *Хомутъ.*

1586. Клёну полѣно, соломы беремя, лыкъ пучникъ, конопей ручникъ. *Хомутъ пахатный.*

1587. Въ подпольѣ осотъ бородой трясетъ. *Хрѣнъ.*

1588. Собою не органъ, а въ зубахъ играетъ. *Хрящь.*

1589. Пастухъ стадо стережетъ — рѣдко видитъ. *Царь.* (Тульск. губ.)

1590. Летѣлъ орелъ, сѣлъ на престолъ, разговаривалъ: Господи, Боже! Далъ ты мнѣ волю надъ всею землею. Только не далъ воли надъ вѣтромъ въ полѣ да надъ рыбой въ морѣ. *Царь.*

1591. Что въ Россіи видятъ рѣдко, Богъ завсегда, въ Сибири никогда? *Царя.* (Нерчинскій окр.)

1592. а) Одинъ пѣвецъ срубилъ хлѣвецъ, въ этомъ хлѣвцѣ пятьсотъ овецъ. *Церковь.* (Ср. *улей.*)

б) Пѣтухъ пѣвецъ состроилъ хлѣвецъ... (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1593. Въ полѣ стожокъ золотой вершокъ; около фигурки серебряныя, маковка позолоченая. *Церковь.*

1594. Со сто девяносто; кто сто отгадаетъ, тому всѣ сто. *Церковь.*

1595. Взойду я на гой-гой; ударю дживарь, дживарь. Милыя дѣтки, собирайтесь въ одну клѣтку. *Церковь.*

1596. а) Уточка крякнетъ, всѣ берега звякнутъ: сходитесь, дѣтушки, къ одной матушкѣ. *Церковь.* (Казань.)

б) Звонко звякнетъ, утка крякнетъ: собирайтесь, дѣтки, къ одной маткѣ. в) Утка крякнетъ, берегъ звякнетъ; собираются... (Тобольскъ.) г) Биричи крякнутъ, утки вякнутъ; убирайтесь, дитки, въ деревянныя клитки. д) Утка крякнетъ, берега звякнутъ: «собирайтесь, ребятки, въ деревянну матку!» (Собирайтесь, дѣтки, въ одну клѣтку.) (Распространена.)

1597. Утка крякня, берегъ звякня; дѣтки бѣгутъ, по свѣчкѣ несутъ. *Церковь.* (Москва.)

1598. Крикнула утка — на морѣ чутко; слетѣлися дѣтки не одной матки. *Церковь.*

1599. Собираются дѣтки въ золотую клѣтку. *Церковь.*

1600. а) Плеть плетена, ведь ведена не во сто узловъ, а въ тысячу рублевъ. *Церковь.*

б) Плеть плетена, вверхъ ведена, во сто угловъ, въ тысяча рублевъ. (Зап. Сибирь.) в) ...о двѣсти угловъ, о четыреста рублевъ. (Нерчинск. окр.) г) Плеть плетена, вверхъ ведена о сто(-ѣ) угловъ, о тысячу(-ѣ) рублевъ. (Шадринск. у.) д) Клѣть плетена, вверхъ сведена, сто рублей дана. е) Клѣть плетена, вверхъ ведена на сто угловъ, на полтретьяста рублевъ. Ср. *колокольня.*

1601. а) Что дважды родится, а не однажды не крестится. *Цыпленокъ.*

б) Въ водицѣ родился, ни разу не крестился. (Ряз. у., с. Жолчино.)

1602. Между дубенки, между липоньки, кусокъ говядинки. *Цыпъ.* (Вяземск. у.)

1603. Торóча, тороча, одна ножка короче; пошелъ въ передовинъ (?) и остальную переломилъ. *Цыпъ.*

1604. Пришла кувахта просить мутавта: на что тебѣ мутавта? Гоголя бить, младожа кормить. *Цыпъ.*

1605. Потату́ потаты́, такату́ такаты — а яички ворохомъ несутся. *Цыпъ, молотьба.*

1606. Голый одѣтыхъ убиваетъ, а самъ всегда раздѣтъ бываетъ. *Цыпъ и снопы.*

1607. Бѣшеной старикъ кверху скачетъ. *Цыпъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1608. а) Летятъ гуськи, дубовы носки. *Цыпы.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

б) Летятъ гуськи дубовы носки: какъ четыре, кричатъ: га́, га, га, га. А какъ восемь: га, га, га, га — га́, га, га, га. в) Летятъ гуськи, дубовы носки, говорятъ: «то-то-ты, то-то-ты!» г) Летятъ гуськи, дубовы носки — говорятъ гуськи: «чекоты, чекоты, чекотушечки!».

1609. а) Вверхъ орлы, внизъ орлы; по тѣмъ орламъ не опрйдти, ни проѣхать? *Цыпы.* (Рязань.)

б) Вверхъ турмы, внизъ турмы — по тѣмъ турмамъ пройти нельзя.

1610. а) Бились попы, колотились попы — пошли въ клѣть, перевѣшались. *Цѣпы.*

б) Бились кругомъ, колотились кругомъ — въ клѣть пошли, перевѣшались.

1611. Летѣли птицы, несли въ зубахъ по спицѣ: «тилипи, тилипи!» *Цѣпы.*

1612. Братцы хватцы, сестрицы подлипушки. *Цѣпы и метла.*

1613. а) Ни плить плитёна, ни везь везёна, ни узлы знать и не развязать. *Цѣпъ.*

б) Узловатъ Кузьма, развязать нельзя. (Моложск. у.)

1614. Возьметъ черно, нальетъ красно; панъ кричитъ: «сладко»; мужикъ кричитъ: «гадко». *Чай.* (Тульск. губ.)

1615. Сто одинъ братъ, все (всѣ) въ одинъ рядъ, вмѣстѣ связаны стоятъ. *Частоколъ.*

1616. Кто всегда идетъ, а съ мѣста не сойдетъ. *Часы.*

1617. Пѣтухъ поетъ, перья болтаются. *Часы.*

1618. а) Стучитъ, гремитъ (бречитъ), вертится, ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ. *Часы.* (Общеизвѣстна.)

б) Стучитъ, гремитъ, вертится, ничего (страху божьяго) не боится, считаетъ нашъ вѣкъ, а не человѣкъ. в) Стоитъ въ углу безъ рукъ, безъ ногъ, шумитъ, гремитъ, вертится...

1619. а) Вокругъ ямы съ булавами. *Чашка и ложки.*

б) Около ямы сидятъ съ дубьями. (Тульск. губ.)

1620. Вой, вой, подъ гору стащи: ни собакамъ глодать, ни воронамъ клевать. *Чашка.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1621. а) Бѣжитъ свинка, вырѣзана спинка. *Челнокъ, которымъ ткутъ холсты.*

б) Желтенькая свинка, вырѣзана спинка. (Ряз. у., с. Жолчино.)

1622. Слѣпой поросенокъ возлѣ тынъ ползетъ. *Челнокъ.*

1623. Два бѣлыша ведутъ черныша. *Чело, печи и очелышъ.* Ср. № 1485.

1624. Два свояка, между ихъ черна собака. *Чело, труба, дымъ.*

1625. По сторону бѣлецъ, по другую бѣлецъ, по серединѣ чернецъ. *Чело у печки.*

1626. Утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ. *Человѣкъ.* (Распространена.)

1627. Три года — яйцо, тридцать лѣтъ — медвѣдь, шестьдесятъ лѣтъ — курица. *Человѣкъ.*

1628. Сорокъ недѣль сидѣлъ я въ темницѣ, да шесть недѣль въ больницѣ; двадцать недѣль меня вязали да годъ на висѣлицѣ держали. *Человѣкъ.* Ср. № 317.

1629. а) Стоитъ дубъ, на дубу клубъ, на клубѣ (а на клубу) семь дыръ. *Человѣкъ.*

б) Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ.

1630. а) Стоятъ вилы, на вилахъ буракъ; на буракѣ горшокъ; на горшкѣ зѣвало: на зѣвалѣ сморкало, на сморкалѣ роща, въ рощѣ ходятъ свиньи. *Человѣкъ.* (Казань.)

б) Стоятъ вилы, на вилахъ-то зѣвало, на зѣвалѣ-то мочало, на мочалѣ кочка, а на (въ) кочкѣ-то роются дочки (т. е. свиньи, по вотяцки.) в) Стоятъ вилы, на вилахъ бочка, на бочкѣ кочка, на кочкѣ звѣрки. г) На двухъ колахъ бочка, на бочкѣ — кочка, на кочкѣ — лѣсъ, въ кочкѣ — бѣсъ. (Курск. губ.)

1631. а) Стоятъ вилы, на вилахъ коробъ, на коробѣ махалы (грабли), на махалахъ хапа́ло (кивало, на кивалѣ зѣвало), на хапалѣ нюхало, на нюхалѣ мигало, на мигалѣ роща, а въ рощѣ-то свиньи роются. *Человѣкъ.*

б) Стоятъ вилы, на вилахъ коробъ, на коробѣ гора, на горѣ лѣса, въ лѣсахъ звѣрье ловится, а не продается.

1632. а) Стоя́тъ вилы, на вилахъ грабли, на грабляхъ ревунъ, на рѣвунѣ сапунъ, на сапунѣ глядунъ, на глядунѣ роща, а въ рощѣ свиньи роются. *Человѣкъ.*

б) Стоитъ гора, подъ горою моргай, подъ моргаемъ сапай, подъ сапаемъ хватай, подъ хватаемъ горы вертятся. *Человѣкъ: лобъ, глаза, носъ, ротъ и горло.* (Курск. губ.)

1633. а) Стоятъ вилы, на вилахъ держа; на держѣ шарикъ; на шарикѣ лѣсъ, въ лѣсу звѣрь. *Человѣкъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

б) Стоятъ вилы, на вилахъ коробъ, на коробѣ шарикъ, на шарикѣ сѣно. (Тобольскъ.)

1634. а) Стоятъ вилы, на вилахъ бочка, на бочкѣ кивало, на кивалѣ зѣвало, на зѣвалѣ мигало, на мигалѣ островъ, на островѣ козы ходятъ. *Человѣкъ.*

б) Стои́тъ расоха, на расохѣ бебень, на бебенѣ махало, на махалѣ зѣвало, на зѣвалѣ чихало, на чихалѣ мигало, на мигалѣ островъ (лѣсъ), въ острову звѣри. в) Стоятъ вилы, на вилахъ бочка, на бочкѣ ѣдало, на ѣдалѣ мигало, на мигалѣ рожь, во ржѣ свинки гуляютъ. (Котельничъ.) г) Стоятъ вилы; на вилахъ-то бочка, на бочкѣ-то кочка, у кочки махало, на кочкѣ зѣвало, повыше могила, а тамъ лядина, въ лядинѣ скотина.

1635. Ангели въ Китаяхъ, короли въ Литвахъ; прилетѣлъ-прискакалъ Лисаветъ-человѣкъ: дай мнѣ палату, высѣку палату изъ Петровой жены. *Человѣкъ огнивомъ съ трудомъ высѣкаетъ огонь изъ кремня.* (Тобольскъ.)

1636. Черненька маленька, всему свѣту миленька. *Черемуха.*

1637. Матушкой весной я въ платьѣ цвѣтномъ, мачихой зимой въ саванѣ одномъ. *Черемуха.*

1638. Не шатай меня, мужикъ, не валяй меня, мужикъ, лучше стань на меня; ты напячкайся, наворачкайся, сколько можешь, сколько хочешь, сколько душенька ссяжетъ. *Черемуха.*

1639. За́мокъ водянъ, ключъ деревянъ, заяцъ ушелъ, ловецъ потонулъ. *Чермное море, жезлъ Моисея, народъ его, Фараонъ.*

1640. Шли гурьбой: теща съ зятемъ да мужъ съ женой; мать съ дочерью, да мать съ дочерью, да бабушка съ внучкой, да дочь съ отцемъ; много ли всѣхъ? *Четверо.*

1641. Есть ли таковъ, какъ Иванъ Русаковъ? Сѣлъ на конь да поѣхалъ въ огонь. *Чугунъ.* (Пермск.) Ср. 224.

1642. Стоитъ старикъ въ осѣку́, надсѣлся со смѣху. *Чугунъ въ печи съ кипящей водой.* Ср. 230.

1643. Свѣтъ кочкаръ, государь кочкаръ, много лѣтъ жилъ, много душъ кормилъ. *Чугунъ.* Ср. 219.

1644. Чернышъ, загорышъ, куда поѣхалъ? Молчи, крученоверчено, тамъ же будешь. *Чугунъ и корчага.*

1645. Чего нѣтъ простѣе на свѣтѣ? *Чужіе пороки видѣть.* (Зарайскъ.)

1646. Кругла, мудра — на выдумку взяла. *Шапка.* (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1647. Футка да фатка, футунди, футундакъ, да двѣ футени́цы. *Шапка, шуба, зипунъ, кушакъ, рукавицы.*

1648. а) Стоитъ колюка на вилахъ, одѣта въ багрянецъ; кто подойдетъ, того кольнетъ. *Шиповникъ.*

б) Древо древоданское, листья лихоханскіе, цвѣты ангельскіе, когти дьявольскіе.

в) Стоитъ древо — древо ханское, платье шамаханское, цвѣты ангельски, кохти дьявольски. г) Дерево латынско, лапы богатырски, кохти дьявольски.

1649. а) Пятеро держатъ, пятеро пихаютъ, да двое глядятъ. *Шить.*

б) Пятеро держатъ, да пятеро пихаютъ, двое примѣчаютъ, ладно ли пихаютъ.

1650. Двадцать четыре брата стоятъ подъ пятымъ, головками въ кучѣ, а спинками врозь. *Шишъ, на которомъ сушатъ снопы для молотьбы.* Ср. *бабка сноповъ.*

1651. Повыше пупенца, пониже колѣнца, виситъ какъ полѣнце. *Шпага.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1652. Лежитъ тѣло: головы нѣтъ, а горло цѣло. *Штофъ.*

1653. Туша стои́тъ, шея есть, головы́ не бывало. *Штофъ.*

1654. а) Что самъ-само дѣлается? *Щель въ деревѣ.* (Вытегра.)

в) Что самодѣлъ въ избѣ? (Моложскій у.) в) Сама самодѣлка, сама сдѣлалася, безъ топора, безъ клина, безъ ножичка. *Щель въ стѣнѣ.* г) Самъ самодѣлъ, само дѣлается.

1655. Дорогой капиталъ всѣ души напиталъ. *Щи.*

1656. а) Двѣ текушки текутъ, двѣ ползушки ползутъ, по рогатинкѣ несутъ, хотятъ князя колоть. *Ѣдутъ за съномъ.*

б) Бѣгутъ бѣгунчики, за ними катунчики; несутъ рогатинку, колоть мохнатинку. в) Побѣгунчики бѣгутъ, покатунчики катятъ, рогатиковъ везутъ хохлатиковъ колоть. г) Бѣгутъ бѣгунчики, ползутъ ползунчики, везутъ рогатыню колоть богатыню (пузатыню.) (Пошехоньевск. у.)

1657. Ѣду, ѣду не путемъ, погоняю не кнутомъ, швырну я не палку, поймаю не галку, щиплю я не перья, ѣмъ я не мясо. *Ѣзда на лодкѣ съ неводомъ для ловли рыбы.*

1658. Тащитъ карáндышка чрезъ тынъ да въ яму. *Ѣсть.*

1659. а) Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка, никто его не видитъ, а всякой слышитъ. *Эхо* (голкъ.)

б) Вѣкъ отъ вѣка говоритъ безъ языка. в) Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка, плачетъ безъ души, смѣется безъ радости; никто его не видитъ, а всякъ слышитъ.

1660. Середь лѣсу дежа (квашня) киснетъ. *Яблоня.*

1661. Не сѣяно, не молочено, въ воду обмочено, камнемъ пригнетено, къ зимѣ приблюдено. *Ягоды или волнухи.*

1662. Ни на мѣру, ни на вѣсъ, а при всякомъ есть. *Языкъ* (рѣчь.)

1663. а) Мокрый теленокъ въ подпольѣ лежитъ. *Языкъ.* (Тобольскъ.)

б) Въ темномъ подпольѣ мокрый теленокъ лежитъ (про себя онъ мычитъ.) в) Мокренькой теленочекъ подъ лавкой лежитъ. г) Мокрый теленочекъ изъ-за перегородочки глядитъ. (Моложскій у.) д) Что мокрой теленокъ межу огородкой?

1664. Среди рѣки олень плаваетъ весь день. *Языкъ.*

1665. Въ ступѣ вода, въ огородѣ гряда. *Языкъ.*

1666. За стѣной-стѣной коровашикъ костяной. *Языкъ.* (Моложск. у.)

1667. Подъ поломъ подъ пилистымъ лежитъ камень дыристый, не сохнетъ, не блекнетъ, не вывѣтрѣетъ. (Пижегор. г., Ардат. у., с. Котовка.) *Языкъ.*

1668. а) Лежитъ доска на (въ) болотѣ, не сохнетъ, не мокнетъ, не куржевѣетъ (вѣтрѣетъ.) *Языкъ во рту.* (Тобольскъ.)

б) Въ болотѣ доска мокнетъ. (Моск. г., Дмитр. у., с. Хорошилово.) в) Лежитъ доска въ болотѣ, не сохнетъ, не мокнетъ, ни куржевѣетъ. г) Лежитъ колода среди (на) болота, ни гніетъ, ни сохнетъ. (Котельничъ.) д) На морѣ доска не гніетъ, не сохнетъ. е) На морѣ дощечка не мокнетъ, не сохнетъ, не куржавѣетъ (не индивѣетъ и не плиснивѣетъ.) ж) На морѣ дощечка не гніетъ, не плиснивѣетъ (не плесніетъ,) а завсегда мокра. з) Подъ небомъ дощечка, не сохнетъ, не мокнетъ и не куржавѣетъ. и) Лежитъ доска середи мостка, не гніетъ и не сохнетъ. і) Колода среди болота не трухнетъ, не гніетъ. (Кур. губ.)

1669. За бѣлыми березами тарара живетъ. *Языкъ.*

1670. Что чажелѣе горы? *Языкъ.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1671. Лежитъ (мертвецъ) переминается; встанетъ — небо достанетъ. *Языкъ.* (Казань.)

1672. На морѣ на Мурманскомъ, на Онегѣ, на Ладожскомъ помутилася вода съ пескомъ, поборолся Илья съ Петромъ. *Языкъ во рту.*

1673. На морѣ дощечка колыблется, съ берега деверья дивуются. *Языкъ и зубы.* (Вытегра.)

1674. Сынъ моего отца, а мнѣ не братъ. *Я самъ.*

1675. а) Что въ стѣну не воткнешь? *Яйцо.* (Общеизвѣстна).

б) Маленькое, кругленькое, въ стѣну не воткнешь. (Можайскій у.)

1676. а) Въ одной квашнѣ два тѣста. *Яйцо.* (Москва.)

б) Въ маленькой квашеночкѣ два тѣстичка. в) Въ одной квашнѣ два притвора. г) Въ одной дежкѣ (квашнѣ) двѣ приспѣшки. д) Въ одномъ калинничкѣ два тѣстечка.

1677. Въ одномъ штофѣ два вина. *Яйцо.* (Ряз. у., с. Жолчино.)

1678. Въ одной бочкѣ два пива. *Яйцо.*

1679. а) Бочечка безъ обручика, въ ней пиво да вино не смѣшаются. *Яйцо.*

б) Въ одной стеклянкѣ болтается, а никакъ не смѣшается. в) Царево вино, царицыно вино — въ одной стекляницѣ (стклянкѣ стоитъ), не смѣшаются (не смѣшивается). (Зарайск. у., с. Мишино.) г) Въ бѣломъ городѣ, въ темномъ подвалѣ, стоятъ въ одной бочкѣ: царево вино, царицинъ медъ, розно не смѣшано.

1680. Что такое: два упокоя — а жить не при чемъ? *Яйцо.* (Моск. губ., Дмитр. у., с. Хорошилово.)

1681. Подъ ледкомъ-ледкомъ стоитъ чашечка съ медкомъ. *Яйцо.* (Пошехоньевскій у., с. Давшино.)

1682. Полна бочка вина — ни клепокъ, ни дна. *Яйцо.*

1683. Бочка вина — ни гвоздя, ни дна. *Яйцо.*

1684. Налита вина бочка — ни дна, ни цѣпочки. *Яйцо.* (Нерчинскій окр.)

1685. Безъ дна, безъ жерѐла (жерла) полна бочка налита. *Яйцо.*

1686. Катится бочка, нѣтъ на ней ни сучечка. *Яйцо.*

1687. Крѣпь городъ, да бѣлъ городъ, а въ бѣлѣ городѣ воску кругъ. *Яйцо.*

1688. Сквозь стѣну (стѣны) быка (бычка) испеку. *Яйцо.* (Мещовскій у.)

1689. Кругла соловейка, кто тебя гладилъ? Я сама гладка. *Яйцо.*

1690. Подъ дубкомъ-дубкомъ подъ карандышкомъ, ни клубкомъ, ни камешкомъ. *Яйцо подъ курицей.*

1691. Чего на спичку не повѣсишь (положишь?) *Яйцо.*

1692. Кто съ Богомъ боролся? *Яковъ.*

1693. Что съ двора не стащить? *Яму.*

1694. Летѣлъ люторъ, сѣлъ на комоторъ, спрашивалъ у кохтарки: гдѣ твои пыхтарки? Мои пыхтарки въ стрекамъ-городѣ. *Ястребъ, насѣдка, цыплята въ крапивѣ.*

Прибавленіе *).

1695. На какомъ деревѣ двѣ кожи? *На березѣ.*

1696. Тонокъ-дологъ, въ травѣ не видать. *Волосъ.*

1697. Пришелъ волкъ, весь народъ умолкъ; ясенъ соколъ пришелъ, весь народъ пошелъ. *День и ночь.*

1698. Столъ да кондрикъ? *Заслонъ* да *коникъ.*

1699. На чемъ цвѣту нѣтъ? На *камнѣ.*

1700. Глашенникъ, да каженникъ, да крыкальникъ. *Колоколъ, попъ, дьячекъ.*

1701. Летитъ мѣдная стрѣла; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица. *Молнія.*

1702. Самъ грызетъ, не знаетъ, а людей питаетъ. *Серпъ.*

1703. Уголъ да лавка, кучка да лайка. *Собака.*

1704. Не бальзамъ, не вино — не дорого, а хмѣльно. *Табакъ.*

1705. Сижу на верху, не вѣдаю на комъ. *Шапка.*

*) Нумера, помѣщенныя въ этомъ прибавленіи записаны мною только нынѣшнимъ лѣтомъ: № 1696 и № 1701 въ Тамбовск. г., Темниковскомъ у., с. Бедишевѣ; всѣ остальныя въ Нижегородской г., Ардатовск. у., с. Котовкѣ.

СБОРНИКЪ
СЛОВЪ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

А.

Ажно. О. — такъ что, между тѣмъ.

Антàвентъ † * — волшебный драгоцѣнный камень; напр.: «Взяли они по камешку антáвенту».

Арáва. О. — толпа; напр. «экая валитъ арáва».

А то тя. О. — какъ, какъ бы не такъ, пусть бы тебя.

Аристовъ посохъ. О. — растетъ на старыхъ нивахъ.

---

*) Слова эти не вошли въ составъ Областнаго Словаря, изд. Академіей Наукъ. Поставленныя при помѣщаемыхъ здѣсь словахъ знаки означаютъ: † что слово, хотя и находится въ Областномъ Словарѣ, однако въ немъ не обозначено, что оно употребляется въ Олонецкой губерніи; знакъ же * — слово, употребляемое въ пѣсняхъ и былинахъ.

Буквы прописныя, поставленныя при словахъ, означаютъ, что эти слова употребляются:

О. — въ цѣлой Олонецкой губерніи.
Пт. — въ Петрозаводскомъ уѣздѣ.
Пд. — въ Пудожскомъ уѣздѣ.
В. — въ Вытегорскомъ —
Ол. — въ Олонецкомъ —
Пв. — въ Повѣнецкомъ —
К. — въ Каргопольскомъ —
Л. — въ Лодейнопольскомъ —
Заон. — въ Заонежьѣ.

Б.

Ба́бка: 1) К. и Пд. — десять сноповъ яроваго хлѣба; Пт. — пять сноповъ; 2) *Ба́бочка* (Кижская волость Петр. уѣзд.) — пять сноповъ яроваго хлѣба; 3) *Бабка пупорызна* *. Пт. — повивальная бабушка.

Бажо́ный. О. — ласковый эпититъ отъ старыхъ къ молодымъ, напр. «Бажо́ное дитятко». Употребляется и о вещественныхъ предметахъ, напр. «Прощай городокъ бажо́ный».

Байна или *Ба́енка*. О. — баня.

Ба́енникъ. О. — хозяинъ (духъ), живущій въ банѣ. Когда, по народному преданію, Михайло Архангелъ прогналъ бѣсовъ съ неба, иные пали въ лѣсъ и стали лѣсовиками, другіе въ воду и стали водяниками, третьи въ риги — ригачниками, четвертые въ баню — баенниками, пятые въ домы — домовиками.

Бара̀нъ. (Кижская волость, Петрозав. уѣзда) — 1/3 няртеги (хлѣбная мѣра).

Бара́хчатъ. К. — о томъ, кто не поддается сильному.

Баситъ. † О * — выказывать себя красивымъ.

Ба́те. К. (ср. санскр. Pati) — ободрительное обращеніе; напр. «Не потачь ба́те».

Бездорожница. О. — не дорога, напр. «Не дорогой пошли — бездорожицей».

Безъуглый. О. — безъ угловъ. «Стоитъ хата безъуглая».

Бере́зина. О. — срубленное березовое дерево. Напр. «Я срубилъ березину». «Не ударилъ бы березиной».

Бере́жа. О. — поносная кобыла.

Бли́жность. Пт. — близь: «по ближности».

Божа́тка. К. и Пд. — 1) крестная мать; 2) такъ называются дѣвицами тѣ женщины, которыя окунаютъ ихъ въ какомъ нибудь освященномъ источникѣ; 3) Пв. — повивальная бабушка.

Божни́ца. О. — кіотъ и печка вверху.

Бо́льшій. О. — старшій, напр. «большій братъ»

Большакъ. О. — 1) хозяинъ въ дому; 2) тысяцкой, крестный отецъ жениха.

Болоддй. Пв. — вмѣсто молодой.

Боло́тина. Пт. — клеверъ.

Большо́-уголъ. О. — главный уголъ въ избѣ.

Братáнъ. Пт. — двоюродный братъ; Пд. — родной братъ.

Брателко. К. — родной братъ.

Бро́сальница. О. — снарядъ, которымъ окончательно очищается ленъ отъ костры.

Брюдй или *боярыни.* О. — провожатыя со стороны жениха.

Бучель † Пд. — шмель; по Каргопольски «*медовйкъ*,» apis terestris.

Бывъ. О. — будто. «Бывъ ясенъ соколъ полетываетъ».

В.

Ва́лентень. Заон. — увалень.

Валить. Пт. — жечь лѣсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ нива.

Воровдй (ср. Лит. *werti* — двигаться. Церковно-славянское *врѣти*, а также Литовское *wariti* — гнать и *wara* — сила, мочь). О. — проворный.

Вдругорядъ. Пт., Заон. — въ другой разъ.

Верещáга — говорится о птицѣ, которая безпрестанно верещитъ. О.

Вернд-уголъ. О. — уголъ ближній къ дверямъ, по лѣвую сторону.

Вертило. Заон. — кто умѣетъ выпросить себѣ хитростію; Пт. — не постоянный человѣкъ.

Верхо́нка. К. — насыпанное или наложенное выше мѣры, или прибавленное сверхъ обѣщанія; Пт. — верхъ, напр. «Кто взялъ верхонку?»

Вершй. О. — плетень изъ ивовыхъ прутьевъ.

Ветлюкъ. О. — птица.

Взимать *. О. — брать. «Взимайте добраго молодца!»

Вѝкать. К. — пищать.

Вирàть. О. — плесть лапти или бураки; въ переносномъ знач. «врать». «Ты кому вираѐшь лапти?»

Водяни́къ. О. — духъ, живущій въ водѣ; голова у него, какъ куча сѣнная, съ виду черный.

Волѝга †. О. — 1) то, чѣмъ приправляютъ кушанье; 2) всякая похлебка.

Волока́ †. О. — родъ дровень, употребляемыхъ въ лѣсныхъ мѣстахъ.

Волоки́тный. Пт. — 1) бывалый, напр. «человѣкъ онъ волоки́тный;» 2) работящій; 3) бездомный.

Вѝлокъ. О. — 1) перелѣсокъ, 2) разстояніе между двумя станціями.

Воркотунъ. О. — ворчливый.

Ворзыха́ть или *возыря́ть*. О. — хлѣбать съ жадностію.

Ворони́ца. Пт. — ворона.

Воротни́цы или *завѝры*. О. — ворота въ поле.

Ворохнуться. О. — шевельнуться.

Всякоя́кой. Пд. — скудный; Пт. — всякой.

Встрѣча или *стрѣча*. О. — встрѣча. Напр. «навстрѣту ему».

Встрѣчный или *стрѣчный*. О. — встрѣчный.

Втóра †. О. — бѣда.

Выступки. К. — женская обувь, родъ туфлей.

Выщербеть. К. и Пд. — зазубриться.

Вѣсто *. Пт. — вѣдомо. «Про то было вѣсто».

Вѣтлянная нѣтушка. Заон. — невѣстушка.

Вьюношъ * — юноша; *вьюнчикъ* — ребенокъ. Напр. «Два вьюнчика малыихъ».

Г.

Гадъ. К. — отгадчикъ.

Гля. Пт., Заон. — для, ради.

Голячѝкъ. Пт. — уменьшительное отъ *голь*. «Голячокъ ты, доброй молодецъ».

Гогàрникъ. О. }
Гòрма. О. } — сорныя травы.

Городовуха. О. — сорная трава во льну.

Горностàль. О. — горностай.

Горóховикъ. О. — хлѣбъ изъ гороховой муки.

Горюша. Пт. — несчастная. «Эка я горька горюша».

Гостéба. Пд. }
Гости́бье. Пт. } — пирушка.

Грáмотка † О. — записка, письмо.

Грáять. О. — каркать.

Грязникъ. Пт., Заон. — мѣсто среди дороги, на которомъ стоитъ вода.

Губáнъ. О. — птица.

Гуньбà. Пт. — разговоръ.

Гуня. О. — рубище.

Д.

Дворовòкъ. О. — духъ, живущій во дворѣ.

Дегтярь. О. — птица.

Дéнежникъ. Пт. — трава, которая растетъ во ржи.

Дéнникъ. Пт., Заон. — огороженное пустопорожнее мѣсто для корма лошадей во время лѣтнихъ работъ.

Доброхòтъ. К. — ласковое обращеніе къ мущинѣ, къ женщинѣ же «*сугрѣва*», напр. «сугрѣва моя теплая». У Пудожанъ вмѣсто этого говорится: «*жáдобный и жáдобная*».

Домовòкъ. О. — домовой хозяинъ.

Домовúще. К. — гробъ.

Досýжій. О. — знающій.

Досюльній. О. — прежній, древній, напр. «Въ тѣ времена досюльніи».

Дорóдный. О. — видный. «Дородный добрый молодецъ».

Дорóдне. О. — хорошо.

Доюха. Пт., Заон. — дровеньки; Ол. — салазки, иначе чуньки.

Другáко. Пд. — иначе.

Дубецъ. К. — тонкая палка или хлыстикъ изъ тонкаго дерева.

Дымоволокъ. О. — отверстіе для выхода дыма въ черныхъ избахъ.

Дюжо †. О. — очень, весьма.

Дѣдина. Пд., Пт. дядина — жена дяди. Дѣдина * — происхожденіе по дѣду. «Не спрашивалъ ни дѣдины, ни изотчины».

Е.

Единый. * Пт. — одинъ. «Тридцать богатырей безъ единаго; жилъ-былъ у батюшки единый сынъ».

Е-ли. К. — если.

Елнуть. Пт., Заон. — дрожать отъ испуга.

Ендова. О. — мѣдная большая чаша съ рожкомъ для разливанья.

Енъ или *іонъ*. О.—онъ; *ена*, *ено*, *еныі*, *ени (ень)*; родит. пад. отъ *ена* — *ей*, *ейнинъ*, дат. *ей*, вин. *іо*, твор. множ. *има*, *имы*.

Ерестунъ. Пт., Заон. — клеветникъ.

Ерестить. Пт., Заон. — клеветать.

Ецко. К. — пирогъ, печеный въ кастрюли.

Ж.

Жедоба. Пд. (отъ церковно-славян. «*жадати*») — ласковое обращеніе; по Каргоп. «*сугрьва и доброхотъ*». «Гдѣ ты была, моя жедобушка?» Отсюда производное прилагательное «*жедобный*».

Жидомортъ (тоже отъ *жадати*) — жадный, скупой.

Жаравица, *Жаравина* †. О. — клюква.

Жаворонокъ. О. — жаворонокъ.

Жеребеечекъ. Пт. — малая часть, напр. «Нѣтъ ли мнѣ малаго жеребейчика».

Жихорь. О. — постоялецъ, жилецъ. «Не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ».

Житникъ. О. — хлѣбъ изъ ячменя.

Жи́то. О. — ячмень.

Жить. † О. — въ значеніи постоянно лежать, находиться. «Просвира̀ живетъ на престолѣ».

Жо́лви или *жо́ви.* О. — желваки (ср. Литов. *zilti* — расти). Напр. «Жо̀лви тебѣ въ бокъ». Отсюда производное «*жолва̀тый*». О. — съ желваками. «Ко̀и жо̀лви?» Что за вздоръ?

З.

Забо̀ръ. Пт. — мѣсто, куда сбираются камни съ поля. Заон. «*За́боръ*».

Забудущій. * О. — отнимающій память (о питьѣ).

За̀водь. О. — заливъ, защищенный отъ вѣтра. Обыкнов. говорится: «тихая за́водь».

За́берега. О. — края установившагося льда.

За́берега. Пт. — часть воды, закрытая узкою полосою берега отъ озера.

Заводи́ть. О. — начинать. «Я завелъ мыть».

Завира́ться. К. — запутаться въ словахъ или въ дѣлѣ.

За́вѣтерь. О. — мѣсто, защищенное отъ вѣтра.

Загада̀ть зага́дку. Пт. и Пд. — задать загадку. Напр. «Дай я тебѣ зага́дку загону».

Зага́жка. О. — кукушка.

Зада́ться. О — пойти въ обученіе или въ услуженіе. Напр. «Вольга̀ задался на семь лѣтъ семи мудрецамъ; Упавъ доброй молодецъ задался купцу, ко купцу богатому ко боярину».

Задве́нный. О. — въ захолустьѣ.

Закля̀сть. Заон. — обречь кого нибудь нечистой силѣ, напр. сказать въ недобрый часъ: «Изыми тя, унеси тя»; а особенно сильно заклятье странныхъ людей. Такъ, по словамъ Заонежанъ, корюшка перестала водиться въ Кижской губѣ отъ заклятья страннаго человѣка, т. е. странника. *Заклятые* люди пропадаютъ изъ дому и переносят-

ся нечистою силою на Мень-гору или Ишь-гору, гдѣ такихъ заклятыхъ цѣлое населеніе. Возвращены домой они могутъ быть посредствомъ осиноваго листа; оттого Заонежане говорятъ, что заклятаго человѣка отъ дому отдѣляетъ только осиновый листъ.

За́колье или *заколи́на* †. О. — часть зарода или стога сѣннаго между жердями.

Заку́тички *. Пд. — производное отъ «*закута*», хлѣвъ въ задней части крестьянскаго двора, чтобы запирать скотину въ холодное время. Напр. «Въ Кіевѣ сильныхъ могучихъ богатырей, какъ сѣрыхъ волковъ по закутичкамъ».

За́пекель. Пт. — загаръ на лицѣ отъ солнца.

Зарабо́чее. О. — заработанное.

Зарко̀ (отъ корня *зр*). О. — завидно. Отсюда и *за́риться*.

Зарòдъ. О. — стогъ сѣна.

За̀спа †. О. — ячменная и овсянная крупа.

Застоя́ться. О. — становиться. Напр. «Рука застоялась».

За́тонье. Пт., Заон. — мѣсто, гдѣ оканчивается тоня.

За́трясье. О. — та часть воды, которая покрыта трестою. Въ пѣсняхъ: «Зеленое за́трясье».

Заѣда̀ть и *заѣда́ться*. О. — хорохориться. «Что ты заѣдаешься?»

Звя̀га †. О. — докучливый человѣкъ.

Здо́лмка. Пт. — первая вспашка земли.

Здымà̀ть. О. — поднимать.

Земная трава. О. — родъ травы, растущей на лугахъ.

Земное сѣно. О. — сѣно, скошенное на лугахъ.

Зе́нька. Пт. — колыбель. «Малые робята спятъ по зенькамъ».

Зо́бенка или *зо́бница*. К. — корзинка изъ щепы, корзинка же изъ бересты по Пудожски «поро́чка», а по Петрозаводски и Каргопольски «туюзъ».

Зуй * — птица.

Зы́бель †. О. — качель.

Зы́бка †. О. — колыбель.

Зы́кать †. Ол. — кричать; Пт. — пить водку; Заон. — скоро бѣгать безъ цѣли.

Зя́блый. Ол. — позябшій. Напр. «Ленъ или хлѣбъ зяблый».

И.

Изнима́ть. Заон. — выдѣлывать тѣломъ фигуры.

Изнима́льникъ. Заон. }
Изнимо́ня. Карг. } — выдѣлывающій тѣломъ фигуры.

Изня́ть. О. — схватить. Напр. «Чтобъ тя изняло».

Изо́тчина. О. — отчество. «Скажи мнѣ молодецъ: какъ тя молодца именемъ зовутъ, величаютъ удалаго по изотчины».

Имачки́. К. — жмурки. «Имачкомъ играть».

Испа́шка. Пт. — (въ выраженіи «на испашку» ударить) отъ себя (ударить).

Испо́дка †. О. — варега.

Ископыть * — земля, выбитая копытомъ. Напр. «Увидѣлъ ископыть великую».

Ископыть. О. — вывихъ ноги у лошади.

Ископы́титься. О. — говорится о лошади, у которой нога болитъ.

Истопка †. О. — количество дровъ для истопленія печи. Напр. «съ одной истопки».

К.

Ка́зуля. Пт. — все поднявшееся; Заон. — животъ беременной женщины.

Кали́ка и *ка́лика* †. О. — нищій, который поетъ духовные стихи.

Кадуши́на. К., по Пудожски же «квашонка».

Канюкъ О. — птица.

Кафтанушка. К. — верхнее платье женщины безъ сборовъ.

Ка́тышь, *ка́тышокъ*. О. — небольшой шаръ.

Ка́тышкать. К. — щекотать.

Ка́ять. Пд. — исповѣдать.

Келейный. Пт. — комнатный *; тайный, напр. «Говорить рѣчи келейныи».

Кѣфъ. К. — холодная вода съ примѣсью овсянной, употребляемая для питья.

Кúрскытать. Пд. } — грызть.
Курустать. Пт. }

Кóванный. К. — окованный, напр. кругъ.
Подкóванный — напр. лошадь.

Козлы. † К. — ссора.

Кожемя́ка. О. — тотъ, кто мнетъ кожи.

Кóлобъ. О. — толокно изъ ячменной муки, наложенное на сканецъ или сочень.

Колыба́ться. О. — колыхаться.

Колю̀ха. О. — сорная трава во ржи.

Комель. Пд. и Пт. — корень.

Копѣчникъ. К. — сорная трава, растущая во ржи.

Кóрецъ. О. — ковшикъ.

Костѝца †. О. — костра, остающаяся послѣ очистки льна.

Косàрь. К. — ножъ съ завернутымъ носомъ, употребляемый для чищенія покосовъ отъ прутьевъ. По Петроз. «*косòръ*», отсюда «*косорова́ть*».

Косàчь. О. — мошникъ, глухой тетеревъ.

Коси́ца. О. — високъ.

Кóсой пéрогъ. Заон. } — пирогъ изъ блиновъ, въ видѣ полу-
Косòй пирòгъ. Пт. } мѣсяца, въ житномъ сканцѣ.

Кошеля́ться. К. — тихо исправляться. Наприм. «Дѣло кошеляется».

Крестовый братъ. * О. — помѣнявшійся съ кѣмъ нибудь крестами, какъ объясняютъ пѣсни: «У нихъ было крестами обмѣняно».

Крестьянствовать. О. — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

Крòхать и } К.
Кропàть } Пт. — починивать.

Кровáво. Пд. — сильно.

Крошня́. Ол. — кошель изъ бересты.

Кругъ. † О. — колесо. «Круги кованные.»

Крупина. Заон. — немножко.

Куды-ни. Заон. — куда-нибудь.

Ку́моха. Заон. }
Кумо́ха. Карг. } что-нибудь закрытое. «Какая у тя кумоха?» Въ переносномъ смыслѣ — ни вѣсть что: «Какая тебѣ кумоха надобно?»

Ку́рить. Заон. — очень скоро проѣхать на лошади.

Ку́рева. О. — встрѣчный снѣгъ, мятель.

Ку́риться. * О. — подниматься. «Только курева закурилась.»

Ку́рочка. О. — шишка на соснѣ и ели, пока она зелена.

Л.

Ла́дить. О. — думать, хотѣть. «Я ладилъ было такъ, а вышло друга́ко.»

Ла́ститься. О. — ласкаться.

Листня́къ. Пд. — родъ травы сѣнной.

Лепсять. О. — шлепать по мокрому.

Лембой. О. — низшій родъ бѣсовъ. «Лембой тебя возьми!»

Ликоваться. О. — ласкаться другъ къ другу (о птицахъ),

Личи́на. К. — маска.

Ло́жня. К. — спальня.

Ломъ. * Пд. — завалъ во льну.

Лонь. † Пд.
Лони́. Пт. } — въ прошломъ году.

Лощи́ло. Заон. — щеголь.

Лу́бень. Заон.
Луба́нка. Пуд. } — бурачекъ берестянный.

Лѣпый. Пд. — красивый, напр. «лошадь лѣпая».

Лѣсъ или *лѣсовикъ.* О. — лѣшій. «Лѣсъ праведенъ, не то что чортъ». Оттого въ заговорахъ лѣсъ постоянно называется праведнымъ, глава же лѣшихъ называется «*Мусайла лѣсъ.*» Лѣсъ съ виду всѣмъ похожъ на человѣка, только

синеобразенъ, т. е. кровь у него синяя, и заклятыхъ людей въ толпѣ лѣшихъ узнаютъ по тому, что у нихъ кровь играетъ на щекахъ. Чтобы заклясть лѣса, отправляются въ лѣсъ, отыскиваютъ лядину и вырубаютъ рябиновую вѣтку, отъ которой была бы отрастелина, также вырубаютъ нѣсколько рябиновыхъ батошковъ. Одни полагаютъ противъ сердца, а другіе на хребетъ; за тѣмъ крестьянинъ начинаетъ выговаривать заклятье, въ которомъ жалуется Мусайлу на праведнаго лѣса, который сдѣлалъ имрку лихо, не вѣдая за что, и проситъ царя лѣсовиковъ имрка отъ лиха избавить, а не то будетъ послана грамотка царю въ Москву, и царское величество пришлетъ два приказа московскихъ стрѣльцовъ да двѣ сотни донскихъ казаковъ, и вырубятъ лѣсъ въ пень. Въ подтвержденіе полагается около рябины грамотка (извлечено изъ народныхъ заговоровъ).

Льди́на или *лади́на*. О. — возвышенное мѣсто въ лѣсу, поросшее березой, ольхой и осиной.

М.

Малёкъ. Ол. — сосновый лѣсъ, растущій безъ примѣси лиственнаго.

Малёнка. К. и Пд. — огниво.

Ма́рева * — туманъ съ воздушными призраками. Напр. «Не по Дюковой пало по участи. Напалъ туманъ да со ма́ревомъ.

Маломо́шица. Пд. — не много, очень мало; по Петрозаводски «*не сомножечко*». Напр. Силы рати маломо́шица.»

Медовѝкъ. К. }
Медовѝца. Пт. } —шмель, по Пудожски «бучень».

Мезѐнь. Пд. — жаркая пора.

Меженный. О. — теплый, лѣтній. «Меженная погрузка льна». «Меженное теплое времячко».

Мелюзѝа. Заон. (*). — мелкая рыба.

Ме́лузъ *. Ол. — мелкіе высѣвки изъ-подъ крупы.

Ме́нь, уменьш. *менекъ*. О. — налимъ.

Мосу́тный. Пт. — могучій, напр. плеча, сила.

Могу́ль * — птица, иначе *Навду́й* или *Наду́й*.

Мокри́ца. } Пд. — сорныя травы, растущія во льну.
Моло́чникъ }

Мо́ня. } Пт. — неудалый человѣкъ.
Мо́няга. }

Мѣсто. О. — 1) выраженіе «на мѣсто» — вмѣсто; 2) — на то. Напр. «Онъ же на мѣсто отвѣчаетъ.» Мѣсто *. Пт. — городъ. «Воеводы живутъ по мѣстамъ.» *Вмѣстяхъ*. Пт. и Пд. — вмѣстѣ.

Мѣстный. Пд. и К. вмѣсто «*вмѣстный*», общинный, общій. 1) *Мѣстный сѣнокосъ*. На рѣкѣ Онегѣ иные сѣнокосы такъ хороши, что крестьяне давнымъ-давно порѣшили не дѣлить ихъ на участки, а косить сообща. По окончаніи своихъ работъ парни и дѣвки въ лучшихъ платьяхъ съ пѣснями идутъ на «мѣстный» сѣнокосъ и смотрятъ на эту работу, какъ на праздникъ, что однако не мѣшаетъ имъ дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ. 2) *Мѣстное поле*. Иныя поляны въ лѣсу обработываются крестьянами сообща. По общему согласію крестьяне выставляютъ по извѣстному числу топоровъ со двора, чтобы валить лѣсъ, по условному числу лошадей и людей, чтобы пахать и боронить поле и жать хлѣбъ. На эту вмѣстную работу крестьяне смотрятъ очень серьёзно и дѣлаютъ ее прежде своей. Когда наступаетъ жатва, — лучшія работницы отправляются изъ дому и работаютъ на перебой, въ убѣжденіи, что если каждый постарается, то всякому больше и достанется; отъ работы не позволяется отойти никому. Полѣниться тутъ считается великимъ безчестіемъ. Сжатый хлѣбъ дѣлится по числу поставленныхъ топоровъ, лошадей и работниковъ. Вообще можно замѣ-

тить, что въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ общинное устройство очень крѣпко и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развилось болѣе, чѣмъ гдѣ либо на Руси. Тамъ еще повсемѣстно слыветъ поговорка: «Что одинъ и у каши не споръ, къ полосѣ придетъ, — не много наработаетъ», или «вмѣстный горшокъ гуще кипитъ.»

Мызгать. Пд. — заливаться лаемъ.

Мя́лица. О. — снарядъ, которымъ очищается первоначально ленъ отъ костры.

Н.

На́вершки. К. — верхомъ.

Надла́вочникъ. Ол. — полки надъ лавками.

Надалы́знуть. † Пд. и К. — соскучиться, напр. «Надалызла волокитушка твоя».

Накдна́. † О. — разъ.

Налиту́шка. О. — колобъ.

Наклёскать. Пт. — нахлестать.

Нала́дить. О. — привести въ порядокъ, устроить. «Пойду налажу телѣгу.»

Напа́дчи. О. — припавши къ землѣ или водѣ, съ припадкою.

Наопа́шку. О. — отъ себя, напр. «Ударить наопашку.»

Нарóбить. К. — наработать.

Нарóкомъ. О. — умышленно.

Наруква́вники. † О. — кофта холщевая.

Насáдъ. Заон. — большая лодка.

Насмотрѣть. О. — увидать.

Наша́вить. К. — налгать.

Наша́велось. К. — получить то, чего не думано.

Не зна́мый человѣкъ. Пт.
Не вѣмъ собою. Пд. } — неизвѣстный человѣкъ.

Не мудрый. † О. — плохой. «Не мудрая хатенка, или жеребчикъ.»

Нелегчдный конь. О. — не меринъ.

Не спорня́щій. К. — слабый.

Нивище. О. — мѣсто, гдѣ была нива.

Нѣ́каться. О. — отзываться.

Нѣцѐ́вушка. Заон. — ничего не знающій.

Ня́ртега. Заон. — мѣра для яроваго хлѣба въ двѣ малёнки, т. е. въ три четверика.

Наѣ̀й — птица, или *Навѣ̀й.* * О., въ другихъ мѣстахъ «*но́гъ, но́га*, сербск. *нѣ̀й*, — страусъ. Является въ пѣсняхъ о Вольгѣ, Егоріѣ храбромъ, въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ; обыкновенное: ея прозвище. «*великая и страховитая.*»

Ф.

О. Пт. въ значеніи около. Напр.: «Собака бѣжитъ о́ море,» «о взморье»; «сидѣлъ о́ стѣну», т. е. около самой стѣны.

Обжа̀. О. — оглобля у сохи. «Они сошку за о́бжи вокругъ вертятъ».

Обира́лы. Пд. — скупщики, ѣздящіе по деревнямъ и скупающіе дичь, битую осенью.

Обихо̀дъ. †. О. — хорошее домоводство.

Обихо́диться. Заон. — отдѣлаться.

Обливáнецъ. Пд., К., Пв. и Заон. — отступникъ, особенно перекрещенецъ.

Оболока̀. Пт. — облака.

Оболока̀ть. К. — одѣвать, равняющееся Петр. «надѣвать».

Оболока́ться. К., равняющееся Петр. «надѣваться».

Облочка̀ть. Пд. — разщепить.

Ободъ. К. и Пт. — нѣсколько пожень вмѣстѣ.

Обрядѝть. О. — устроить.

Овершій. К. — оборачивающійся.

Одва̀. О. вмѣсто едва.

Огáлиться или *обгáлиться.* Заон. — насмѣяться надъ кѣмъ нибудь.

Огни́ще. † О. — мѣсто, на которомъ былъ разведенъ огонь.

Огу́льный. О. — оптовой, сплошной.

Окуши. К. — мелкій окунь.
Ометъ. Пт. — сугробы снѣга около плетней и домовъ.
Омешй. О. — рала у сохи.
Омошéниться. К. — сдѣлать промахъ.
Опекáть †. Пт. — произвести загаръ. «Какъ тя солнышко óпекло».
Отвѣдать. О. — попробовать, напр. силы.
Отжинáха. Пт., Заон. — пирушка по окончаніи жатвы.
Охвочій. Пт. — вмѣсто охóчій.
Очéрье †. К. — передняя часть сороки, надѣваемая на сдериху; бываетъ бѣлая, вытканная узорами, матеревая, парчевая, низанная жемчугомъ.
Охáживать. О.—отдѣлывать. Напр. «охаживать недруга».
Ошáвѣть. К. — сойти съ ума.
Ошéстокъ. О. — вмѣсто шестокъ.
Ощё. К. — вмѣсто еще.

III.

Пáвитьё вмѣсто *пáвьтье* — самыя молодыя вѣтки дерева. О. По моему мнѣнію, предлогъ *па* въ сложныхъ словахъ означаетъ неразвитое или бывшее прежде то, что выражается второю составною частію слова; вообще его значеніе ближе къ предлогу *до*, чѣмъ къ предлогу *по*. Напр. «Па́-дчерица, Па́-сынокъ, Па́-бѣдъ, Па́-кисель, Па́-морокъ (сумерки).
Пáвозокъ. О. — судно съ прямою кормою.
Пáбѣдъ. О. — ѣда незадолго до обѣда; отсюда «пáбѣдовать».
Па́-ужинъ. О. — ѣда между обѣдомъ и ужиномъ.
Пéнусъ. К. — болото, гдѣ растетъ трава и березнякъ.
Передóмъ. О. — впереди.
Перепáсться. *Переполóхаться* † О. — испугаться.
Переплетъ. Пт. — сумочка.
Пéтельникъ. † О. — плутъ.

Пестнѣ или *печнѣ-уголъ*. О. — уголъ въ избѣ противъ устья печи.

Пи́щикъ. Заон. — писарь.

Пла́кальщица. Пт. } Женщина, знающая заплачки или жа-
Во́пленица. Пв. } лобныя причитанья, и декламирующая ихъ за невѣсту во время прощанья ея съ подругами. Невѣста съ своей стороны подвываетъ, а подголосницы подголашиваютъ, приставницы держатъ невѣсту подъ руки.

Платъ. О. — полотенцо.

Пле́мникъ } О. — племянникъ.
Пле́мница } О. — племянница.

Плёсо. О. — широкое и глубокое мѣсто въ рѣкѣ или озерѣ, обросшее лѣсомъ.

Пля́щій. О. (отъ корня *пла* — жечь) — жгучій, напр. огни и морозы. По объясненію же крестьянина, огни и морозы называются *пляшими* потому, что первые сами пляшутъ, а отъ вторыхъ по неволѣ пляшешь.

Плу́тивье } Пт. — родъ поплавка; дощечка или кружокъ около
Плу́тивце } Пт. четырехъ вершковъ длиною и вершка два шириною; привязывается къ сѣтямъ, чтобы не тонули.

Побѣда *. Заон. — бѣда. «Тая побѣда учинилася».

По́бытье. О. — случай.

Поверткой †. О. — проворный.

По́вѣтерь. О. — попутный вѣтеръ. Обыкновенно говорится: «Тихая по́вѣтерь».

Подлипу́та. Заон. — подлипало.

Поднево́льный. О. — подчиненный.

Погостъ. О. — 1) вообще селеніе церковно-служителей, которые потому называются *погоща́нами*; 2) всякая деревня или село, въ которомъ есть церковь.

По́днись или сѣтка. Пт., Пд, Пв. — головной женскій уборъ изъ жемчуга, нанизаннаго на лошадиный волосъ. *Поднись* состоитъ изъ нѣсколькихъ бордовъ или складокъ.

Подне́бесьё. О. — подъ небесами.

Подо́боло́чье. О. — небо подъ облаками.

Подо́коньё. О. — подъ окнами. «Нищіе станутъ бѣгать по подо́конью.»

Подѣля́ть. Заон. — дѣлить.

Поеди́нщикъ или *су́проти́вникъ*. * О. — противникъ въ поединкѣ.

По́жня. О. — сѣнокосный лугъ.

По́заочь. Заон. — прочь съ глазъ. «Возьми мое дѣтище позаочь.»

Полѣ́ститься. Заон. — поласкаться. «Некъ кому полѣститься.»

Полдёнъ. О. — южный вѣтеръ.

Вотъ названія вѣтровъ въ Олонецкой губерніи: *си́веръ* (сѣверн.); *полдёнъ* (южн.); *западъ*; *подси́верный* (сѣв. зап.); *шело́никъ* (юго-зап.); *сто́къ* (вост.); *межене́цъ* (сѣв. вост.); *зимнякъ* (юго-вост.).

Полномо́чный О. — самъ по себѣ, ни отъ кого не зависимый, напр. полномочный крестьянинъ.

Полони́ть. О. — взять въ плѣнъ.

Полонёный или *задній уголъ*. О. — уголъ въ избѣ на лѣво отъ дверей.

Пологру́дка. О. — рубашка съ низкимъ воротомъ.

Поло́хало. О. — набитое чучело, похожее на человѣка, которое ставятъ на дорогахъ и на посѣвахъ, чтобы пугать птицъ. Въ переносномъ смыслѣ «безпокойный крикунъ.»

Поло́хать. О. — пугать.

Пони́токъ. О. — родъ кафтана изъ холста и шерсти.

Попере́чилось. О. — случилось не хорошее.

Порато. К. и Пд. — очень; напр. «порато избиднилъ (избѣднѣлъ).»

Порня́щій. К. } сильный.
Порно́й. Пт. }

Поро́чка. Пд. — равняется каргопольскому туюзъ.

Посте́льникъ. Пт. — простыня; К. — плетень изъ батоговъ

рябиновыхъ и осиновыхъ.

Потемёнки. О. — сумерки и темнота въ избѣ, въ которой нѣтъ еще огня.

Постéльная приставница. Пт. — сваха.

Поцáй. Заон. — почти.

Почá. Пд. и К. — мѣсто, куда вода заливается и никогда не пересыхаетъ.

Поѣздáне или *боáре.* О. — провожатые со стороны жениха.

Пра. Пд. — вдоль; напр. «Пра бережку».

Прибылая вода. Пд. — вода въ рѣкахъ и озерахъ, прибывшая отъ осеннихъ дождей.

Пригоди́ться † — случиться при какомъ-нибудь происшествіи. «Пригодилися тутъ слуги царскіи».

Пригоношúть. О.—скопить запасъ.

Прúпузъ Заон. вмѣсто пріузъ.

Призóръ. О.—дѣйствіе сглазившаго; напр. «на немъ вѣкъ не бываетъ призору».

Прúлубъ. К.—небольшая комнатка, отгороженная въ крестьянской избѣ; по Петрозаводски *шóрнуша.*

Припѣвать невѣсту. О.—въ пѣсняхъ поминать имя невѣсты вмѣстѣ съ мужскимъ; напр: «Тебѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти, къ тебѣ, сударь, невѣсту припѣвати».

Прúтча. О.—бѣда, несчастье, неожиданная непріятность.

Подрúгивать (въ пѣсняхъ) — дрожать.

Пропóица. О. — горькая пьяница.

Прóшесть. О.—часть става или станка.

Пьшóмъ. Пт. вмѣсто пѣшкомъ; Заон. *пьшкó.*

Р.

Рáже. К. — много: «раже дѣло»; а также хорошій поступокъ.

Рáйда. К. — мокрое мѣсто или болото, покрытое мхомъ.

Рáтай. К. — землепашецъ.

Редóбный (въ пѣсняхъ) — по ряду.

Ржанúчникъ или *ржанецъ.* О. — сорная трава во льну: triticum repens.

Рипàкъ. О. — пеленка.

Рёхкачь. Пт.—десять ржаныхъ сноповъ, сложенныхъ въ кучи.

Рóвня. О.—мущина или женщина, подходящіе одинъ къ другому. Въ пѣсняхъ говорится: «Не за ровнюшкой дѣвушка жить не стану». У Черниговскихъ слобожанъ *рóвня* называется *рéвня* и *пó-версту.*

Рожòный. О. — ласковое слово—родимый.

Рожникѝ. Пт. и Пв., или *передовщѝки,* — провожатые мущины со стороны невѣсты.

Ростовàть. Пт. — метать икру (о рыбѣ).

Рóвниця. Заон.—куча камней на полѣ.

Рускіе чулки. К. — шерстяные, прямые чулки, вязанные одною ниткою, между тѣмъ какъ чулки, вязанные на пяти иголкахъ, называются *пáнскими.*

Рядовѝкъ. Заон.—пирогъ съ житными блинами и сыромъ.

Рычàть. О.—вмѣсто кричать.

С.

Свѐсь. К. — свояченица.

Свѝченька. К. и Пт., вмѣсто свѣченька—ласковое слово.

Сдерѝха. К.—головной уборъ крестьянокъ въ видѣ лошадинаго копыта для поддержки сорòки.

Сéлгоду } † О.—нынѣшній годъ.
Сéгоду }

Скáлина. О. — отодранная берестовая кора.

Скòпъ † О. — мірская сходка.

Скря̀тать, скрянỳть. О. — сдвинуть съ мѣста.

Синеобрàзный. О. — съ темной кровью (о лѣшихъ, водянникахъ и нечистой силѣ).

Сманỳть. Пд. — махнуть, напр. «смануть въ подворотню».

Смòродъ. О. — смрадъ; употребляется и какъ бранное слово; отсюда «смородить», смердить.

Снаряжàться } О. — 1) одѣвать; 2) собираться.
Сряжàться }

Соба́чина. О.—собачье мясо, напр. «смородитъ на собачину».

Сокручáться. О. — одѣваться.

Сожидáть. О. — дожидаться.

Солóное. О. вмѣсто соленое.

Сорóга. К. — плотва и вообще мелкая рыба (въ буквальномъ значеніи съ красными перьями, отъ Санскр. *asrz*—кровь).

Сорóка. К. — верхній уборъ съ крыльями, надѣваемый на сдериху.

Со́бина. О. — особенная часть; *въ особину* — особенно.

Со́чень. К. } тонкая лепешка изъ сыраго тѣста. Въ про-
Ска́нецъ. Пт. } стомъ народѣ есть обычай во время святокъ вырѣзывать изъ сочня родъ маски и, надѣвши ее на лицо, смотрѣть чрезъ подворотню на проходящихъ. По наружности перваго прохожаго дѣлается заключеніе о будущемъ.

Семья́. О. — жена и мужъ, жена для мужа и мужъ для жены.

Со́йка. Пт. — птица.

Соржáвѣть. О. — заржавѣть.

Староста поставленный; иначе *тысяцкой;* О. — крестный отецъ жениха.

Станýшка. К. — передникъ. Чѣмъ больше дѣвица носитъ станушекъ, тѣмъ считается богаче.

Стрѣлúть. О. — выстрѣлить.

Стрѣтúть. О. — встрѣтить.

Стрѣтáть. О. — встрѣчать.

Стрѣтный. О. — идущій или дующій на встрѣчу, напр. «стрѣтный человѣкъ, стрѣтный вѣтеръ».

Стрѣта. О. — встрѣча, напр. «въ стрѣту».

Сумёдъ. О. — сугробы снѣга на поляхъ и на дорогахъ.

Суро́виться † К. — рѣзвиться (о дѣтяхъ).

Ступою. О. — шагомъ.

Суго́ною. О. — въ погоню.

Судьячúть Пт. — обижаться на кого.

Сутýкъ. Карг. — красный сарафанъ изъ сукманины, доходящій до шеи.

Сутычь. О. — толчкомъ, вблизи.
Сьроплáвка *. — эпитетъ утки.
Сьдатьть. Пд. — посѣдѣть. «Головка у меня посѣдатѣла».

Т.

Тварюжѝна. К. — бранное слово, вмѣсто тварь.
Теплѝна † К. — зазженная лучина.
Терѐть. О. (отъ корня тр, откуда турки и туриться)—бѣжать.
Тетѐрька. К. — испеченное тѣсто, сплетенное съ трехъ концовъ и свернутое кольцомъ.
Типѐцъ. Заон. — палка, привязанная на гужъ въ пріузѣ.
Товáрникъ. О. (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ *сумочникъ*, въ Заонежьѣ *хатýльникъ*) — ходебщикъ.
Тововòсетки † К. — бишь.
Тожнò. О. — тогда.
Тóневья. Пд. — сѣти.
Топéрва. К. — теперь; Пт. «*топéрянчу*.
Въ *тонкýю* слать. О. — тонко.
Травнѝкъ. Пт. — родъ птицы.
Трепàло. О.—доска, толщиною въ палецъ, которою первоначально отбиваютъ костру со льна.
Тысяцкой. О.—первое лицо при женихѣ, обыкновенно крестный отецъ, а за неимѣніемъ его старшій родственникъ жениха, или особо уважаемый знакомый.
Толокóнникъ. О. — прозвище Каргополовъ за то будто бы, что они, ѣдучи черезъ озеро, захотѣли поѣсть и по простотѣ своей сдѣлали прорубь и мѣсили тамъ толокно.
Трестà. О. — осока.
Тукàчь. О. — охапка соломы и льну разной величины.

У.

Упадь. О. — падаль.
Упáдка. О.— упадшій духъ. Напр. «не съ упадкою»— бодро.
Упáлый *. — кормящійся падалью, напр. воронъ, татаринъ.
Урбышь. Пт. — шишка на ольхѣ.

Усова
Усòва * Заон. — усобица. «Нажили мы себѣ усовы вѣчныи.

Усòвъ. Пт. — колотье въ боку. Въ бранномъ выраженіи: «Кóи усови»?

Ушникѝ. О. — серьги.

Ф.

Фáболить. Заон. (древнее *щепѝть*) — щеголять.

Фатà. О. — шелковой большой платъ, клѣтчатый, иногда затканный въ срединѣ золотомъ, кое-гдѣ надѣваемый невѣстами.

Фенàрь. Карг. — фонарь.

Фрѝ. О., въ выраженіи «велика фря», напр. «Ты не велика фря»—не важная особа.

Х.

Хайлò. О. — пустой горланъ.

Халéбщина. Заон. — даровщина.

Халя́идать. Заон. — слоняться по пусту.

Хазъ † О. — щеголь; отсюда «*хазѝть*» — щеголять.

Хлоптýнъ или *клохтýнъ*. Заон. — упырь.

Хорóбрый. О. — храбрый.

Хорóма. К. — крыша на кровлѣ.

Хýтить. К. — хоронить.

Ц.

Ця́щій. Заон. — часть невода.

Цели́бука. Заон. — ничего.

Ч.

Челобѝтье. О. — поклонъ въ письмѣ.

Человѣковата. К. — взрослая дѣвка, на возрастѣ.

Челочёкъ. К. и Пд. — коронка изъ жемчуга, надѣваемая на лобъ.

Черемшина. О. — прутъ черемуховый.

Чихѝрь каба̀цкой или *чихи́рникъ*. К. — пьяница.
Чу̀ять, прош. *чу̀лъ*. О. — слышать.

Ш.

Ша̀ль † О. — дешевизна; К. — глупый, глупая.
Ша́ли. К. — два колышка, употребляемые вмѣсто веревокъ на качели, на которые снизу укладывается доска, верхніе же концы шалокъ укрѣпляются веревками къ перекладинѣ.
Ша̀рки. К — башмаки съ тонкими подошвами, безъ каблуковъ.
Шатры̀. К. — обгорѣлые костры на подсѣкахъ лѣса.
Ша̀ять. Пт. — тлѣть.
Швѐцъ. О. — портной.
Шеломѝтъ. К. и Пд. — несетъ въ разрѣзъ.
Шіе́тъ. К. — тлѣетъ.
Шиба̀ть. О. — бросать.
Шигайду̀нъ. Заон. — не поворотливый.
Шѝшко. Заон. — дьяволъ.
Шоболта̀ть. К. — болтать.
Шо́ки. О. — бока у бросальницы.
Шо́ломъ. О. — верхняя перекладина на крышѣ.
Шо́льга. К. — родъ травы съ мелкими листьями.
Шубнѝцы. Пт. / *Шу́бинцы*. К. — рукавицы изъ мѣху.

Щ.

Щепельнякъ. О. — сорная трава во льну: galeopsis tetrax.

Я.

Ядрёный. О. — острый, сочный (хрѣнъ, рѣпа, яблоко), здоровый.
Янга красная. К. — болота и топи, поросшія мхомъ, елью и сосною.

П. Рыбниковъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

за 1861 годъ.

---

1. ЭТНОГРАФІЯ НАРОДОВЪ, НАСЕЛЯЮЩИХЪ РОССІЮ.

а) Принадлежащихъ къ Славянскому племени.

1. **О древнемъ** бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности, на основаніи обычаевъ, преданій, повѣрій и пѣсенъ. *К. Аксаковъ.* Полное собраніе его сочиненій. 1861 г. Т. I; стр. 311 — 319.
2. **Сказанія** о бытѣ Славянъ. Соч. *В. Макушева.* Спб. 1861. Въ тип. *Э. Веймара.* Въ 8-ю д. л. IV, 178 и XI стр.
   Разборъ книги г. Макушева помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ«, № 10.
3. **Взглядъ** на книги и журнальныя статьи, касающіяся исторіи русскаго народнаго быта. *Время*, 3; стр. 163—181.
   Эти книги и статьи слѣдующія: 1) Историческіе очерки народной словесности. Ѳ. Буслаева. Спб. 1861. Т. I. 2) Калѣки перехожіе. И. Безсонова. 3) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. М. Варенцова. 4) Великорусскія сказки. Худякова. 5) Народныя русскія сказки. Аѳанасьева. Вып. 1—IV. 6) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ. Вып. 1 и 2. 7) 2 ст. Кохановской въ «Русской Бесѣдѣ»: 1) о русскихъ народныхъ пѣсняхъ и 2) русскія боярскія пѣсни. 8) Сборникъ пѣсней. П. Якушкина. 9) Исторія русской словесности. П. Шевырева. 10) Статьи о свадебныхъ пѣсняхъ во 2-мъ № «Свѣточа». 1861.

4. **Русскія** былины. Соч. *Д. Д. Ханыкова*. Москва. Въ тип. Лазаревскаго Инст. Вост. яз. 1860. Въ 8-ю д. л., 178 стр. Ц. 1 р. 50 к.

   Подъ именемъ «былинъ», г. Ханыковъ представляетъ краткіе очерки древняго русскаго народнаго быта: сословія, чины и должности, судъ и расправа, ратное дѣло, народная медицина, монета, мѣра, вѣсъ; домостроительство, экипажи, одежда и обувь; обряды: свадьбы, родины и крестины, похороны и поминки; житье-бытье: кушанья и напитки, забавы и увеселенія.

5. **Очеркъ** домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол. *Н. И. Костомаровъ*. Спб. Въ тип. К. Вульфа. 1860. Въ 8-ю д. л., 214 стр. Ц. 1 р. 25 к.

   Содержаніе: Жилыя мѣстности, города. Москва, слободы, села и деревни, дворы и дома, домашняя мебель и утварь, одежда, пища и питье, образъ домашней жизни, здоровье и болѣзни, семейные нравы, порядокъ домоправленія; выѣздъ изъ дома и путешествіе, пріемъ гостей, обращеніе, пиршества, пьянство, увеселенія, игры, забавы, праздники, домашніе обряды, родины, крестины, бракъ, новоселье, смерть, погребеніе, вѣрованія. Прекрасный трудъ этотъ помѣщенъ былъ въ «Современникѣ», а оттуда отдѣльно напечатанъ.

6. **Очерки** домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа. *Н. Костомарова*. Разборъ *П. Некрасова*. *Русская Рѣчь*, 40.

7. **Какой** народъ въ древнія времена населялъ Костромскую страну и что извѣстно объ этомъ народѣ? *Костромскія Губ. Вѣд.* 48—50.

8. **Похожденіе** бѣса въ женской богадѣльнѣ (Для исторіи московскихъ нравовъ конца XVII в.). *Ѳ. И. Буслаева*. *Русская Рѣчь*, 15.

9. **Древняя** Суздальская область и обитавшіе въ ней народы. *Я. П. Гарелинъ*. *Владимірскія Губ. Вѣд.* 50 и 51.

10. **Черта** народнаго характера. *А. Макаровъ*. *Амуръ*, 2.

11. **Черты** изъ нашей народности. (Записано въ 1850 г.) Холера. *Русская Рѣчь*, 41.

12. **Нѣсколько** словъ о статьѣ г. Щебальскаго, въ 10 № «Отечественныхъ Записокъ»: «Черта изъ народныхъ нравовъ». *Русскій Инвалидъ*, 264.

13. **Нѣсколько** словъ о народности въ религіозной жизни. Ст. *Г. Т. Основа*, 4, стр. 15.

14. **Картины** изъ русскаго быта. *В. И. Даль*. 2 ч. Спб. Въ тип. М. О. Вольфа. 1861. Въ 12-ю д. л. Ц. 3 р. 50 к.

   Разсказы казака Луганскаго такъ живо обрисовываютъ бытъ русскаго народа и такъ изобильно наполнены чисто русскими изрѣченіями, пословицами и

поговорками, что мы не можемъ пропустить ихъ. Разборы сочиненій г. Даля помѣщены: 1) въ «Современникѣ», № 4; 2) въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 277.

15. **Очерки** развитія внутренней жизни Волынянъ. *Ѳ. Башинскій. Волынскія Губ. Вѣд.* 15 и 16.

16. **Поселяне** Воронежской губерніи. Ст. 2-я, *Р.* (1-я была помѣщена въ 34 №, 1860 г.). *Русскій Художественный Листокъ*, 35.

Въ статьѣ описываются типы крестьянъ: великоруссовъ, малоруссовъ и нѣмцевъ.

17. **О заселеніи** Воронежской губерніи. *Н. Второвъ. Воронежская Бесѣда*, на 1861 г., стр. 246—272.

Эта статья написана въ 1858 г., въ объясненіе къ представленнымъ авторомъ, въ Русское Географическое Общество, этнографической картѣ и альбому Воронежской губерніи.

18. **Типы** и наряды Воронежской губерніи (къ картинкѣ). *Иллюстрація*, 176.

19. **Бытъ** и нравы поселянъ, — великоруссовъ Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи. *Труды Имп. Вольнаго Экономическаго Общества*, 10 и 11; стр. 68 и 117—150.

1) Географическое положеніе Павловскаго уѣзда. 2) Полевыя орудія для жителей. 3) Порядокъ хлѣбнаго посѣва, уборка хлѣба и урожай. 4) Уходъ за скотомъ. 5) Приблизительная цѣнность богатства крестьянъ и общій способъ пользованія имъ.

20. **Обычаи**, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Извлечено изъ нынѣшняго народнаго быта и составлено *Н. Маркевичемъ*. Изд. И. Давиденко. (Съ гравюрою.) Кіевъ. Въ тип. И. и А. Давиденко. 1860. Въ 8-ю д. л. 171 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ «Отечественныхъ Запискахъ», № 2; 2) въ журн. «Русская Хозяйка», № 4.

21. **Погуковщина**. *П. Чужбинскій. Основа*, 8; 1 стр.

Погуковщина — обычай, сохранившійся въ Кіевской губерніи, со времени введенія тамъ христіанства, и заключающійся во вносѣ особаго рода дани священнику за посѣщеніе церкви.

22. **Краткій** очеркъ быта приволжскихъ малороссіянъ. *Самарскія Губ. Вѣд., 24.*

23. **О малороссіянахъ** въ Оренбургской губ. *П. Ефименко. Полтавскія Губ. Вѣд.* 31.

24. **Домашній** обиходъ мценскихъ крестьянъ. *И. М. Снегиревъ. Московскія Вѣдомости*, 190, и *Орловскія Губ. Вѣд.*, 40 и 41.

25. **Замѣтки** на эту статью. Статья *М. Б. Московскія Вѣдомости.*

26. **Этнографическія** свѣденія о государственныхъ крестьянахъ Тульской губерніи. *Гл. Соколовъ. Тульскія Губ. Вѣд.* 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 25, 26, 27 и 40—52.

Наружность. Языкъ. Домашній бытъ. Разные обычаи. Роды крестьянокъ. Леченія. Свадебные обряды. Похоронные обычаи и обряды во время праздниковъ. Повѣрья. Суевѣрья. Предразсудки и примѣты. Загадки. Народныя преданія и памятники. Пословицы и поговорки.

Вотъ извлеченіе изъ помѣщенныхъ здѣсь свѣдѣній, относящихся до народнаго быта:

ЗАГОВОРЫ.

1. Отъ глаза и порчи.

Бабка или знахарка наливаетъ воду въ блюдо, кладетъ щепотъ соли и горячій уголь, потомъ на блюдо кладетъ поклонный (мѣдный) крестъ, *) къ которому приставляетъ зажженную свѣчу и сотворивъ три земныхъ поклона нашептываетъ такъ: «На солнушномъ усходѣ, солнце свѣтлое, земля праведная, выросъ столбъ отъ земли до неба, на томъ на столбу сидя три красныя дѣвицы, три родныя сестрицы, кроили пелены и ризы. Они кроили, вышивали, разнымъ шолкомъ набивали. Къ нимъ сама мать Пресвятая Богородица подступила, пелены и ризы отбирала, на свои золотыя руки нацапляла. На Сіонскихъ горахъ, на синихъ моряхъ, на желтыхъ на пескахъ, на тридесять ключахъ лежитъ бѣлъ камень гладокъ. На томъ на камнѣ стоитъ столбъ и Христовъ престолъ. На томъ на престолѣ сама мать Пресвятая Богородица опочиваетъ. Со мною госпожею Хвеклою синимъ моремъ обливались, желтымъ пескомъ обсыпались, пеленами пеленались, тридевять ключами замыкались, гладь камнемъ задвигались. Когда сине море повыхлебаютъ, желты пески повытакаютъ, тридевять ключей отомкнутъ, златы пелены посымаютъ, тада усѣ недуги падымуцца, усѣ атрыгнуцца, усѣ усходютца. Чуръ мене Господи! (При сихъ словахъ дуетъ на воду и плюетъ въ сторону). Сохрани мене,

*) Это мѣдные, литые кресты, — грубое издѣліе раскольниковъ поморской секты, живущихъ въ скитахъ.

Господи, отъ вѣдуновъ и полувѣдуновъ, отъ тридевять колдуновъ и полуколдуновъ, отъ учениковъ и полуучениковъ, отъ ненавистниковъ, отъ еретиковъ и полуеретиковъ, отъ метницъ и полуметницъ, отъ еретицъ и полуеретицъ».

Послѣ этого нашептыванія бабы берутъ въ ротъ воды и спрыскиваютъ ею лице, грудь и спину больнаго. Далѣе бока, грудь и спину прикалываютъ крестомъ и наконецъ осѣнивъ крестомъ и заставивъ приложиться къ нему больнаго, даютъ ему выпить наговоренной воды.

2) Отъ зубной боли.

А. Батюшка свѣтелъ мѣсяцъ, свѣтишь и видишь ты и прости душу грѣшнаго (имя), какъ свѣтъ твой онѣмѣлъ, такъ чтобы и зубы до жизни до вѣку онѣмѣли. Аминь. Заговоръ этотъ читается съ краткимъ знаменіемъ, глядя на мѣсяцъ.

Б. Уговариваю тебя раба Божія (имя) отъ цынги, ломоты и зубной щемоты. На небѣ свѣтлый мѣсяцъ, на морѣ бѣлый камень, въ полѣ сѣрый дубъ, когда эти три брата сойдутся, тогда мои зубы всходитесь; аминь цынгѣ; аминь ломотѣ; аминь, аминь.

В. Стать противъ мѣсяца и проговоривъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь». Положить три земныхъ поклона, потомъ говорить: «Мѣсяцъ молодой, рогъ золотой, гдѣ ты былъ? За моремъ. Что ты тамъ видѣлъ? Ничего не видалъ, ничего не слыхалъ. Не слыхалъ ли тамъ: не болятъ ли у мертваго зубы? Нѣтъ, не болятъ. Такъ бы у раба Божьяго (имя) не болѣли отъ нынѣ до вѣку». Это надобно проговорить три раза и дѣлать по три земныхъ поклона при каждомъ разѣ.

3) Отъ ужаленія змѣи.

А. Рабъ божій (такой-то, имя заговорщика) отдую и отговорю отъ змѣи скорпеи. Ты змѣя скорпея, беззаконная тварь, почему чрезъ Христовы заповѣди ступаешь». Почему ты раба или рабу (имя) (а если животное укушено, то назвать родъ животнаго), «за пяты кусаешь. (Здѣсь назвать то мѣсто, которое укушено). Не велитъ тебѣ Христосъ за пяты (назвать укушенное мѣсто) кусать. Пойдемъ мы ко Христу на судъ. Кого на судѣ осудятъ, тому на судѣ и умереть. Аминь. По аминѣ самъ Іисусъ Христосъ печатью печатаетъ, крестомъ погружаетъ, недуга разгоняетъ. Разсыпься и раскотись по буйнымъ вѣтрамъ и по чистымъ полямъ.

Девять разъ прочесть съ молитвою: «Отче нашъ», которую читать на передъ.

Б. На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ ракитовый кустъ, подъ тѣмъ кустомъ лежитъ бѣлъ камень, на томъ камнѣ лежитъ рунцо (руно), подъ тѣмъ рунцомъ лежитъ змѣя скорпея. Есть у ней сестры Марья, Марина и Катерина. И мы вамъ помолимся, на всѣ на четыре стороны поклонимся: утишите свою лихость отъ раба Божія (имя). А если будетъ укушено животное, то поименовать отъ такой-то скотины и такой-то шерсти, отъ такого-то укушеннаго мѣста.

Наговоривать на водѣ или на соли и брызгать въ лицо или въ морду животнаго.

4) Отъ червей.

Выломлю я червей (отъ такой-то скотины, такой-то шерсти и въ такомъ-то мѣстѣ) бѣлый камень, сѣрый камень, черный камень.

Проговорить это три раза, дунуть и три раза плюнуть.

5) Отъ обжога.

Говорить надъ больнымъ мѣстомъ, не переводя духу, три раза: гдѣ былъ огонь, будь песокъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь.

6) Отъ поруба, порѣза и отъ кровотеченія.

Написать на столѣ мѣломъ имя того, кто порубилъ или порѣзалъ какое мѣсто и въ начальную букву воткнуть ножикъ концемъ такъ, чтобы онъ стоялъ. Отъ этого будто кровь перестанетъ течь. Еще не переводя духъ, говорить три раза: ѣхалъ мужикъ старъ, подъ нимъ конь карь; а ты кровь не кань.

Другой заговоръ: На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ свѣтлица, во свѣтлицѣ три дѣвицы, первая дѣвица иголочки держитъ, другая дѣвица ниточки дѣлаетъ, а третья дѣвица кровавую рану зашиваетъ. Ты конь рыжъ, ты кровь не брыжъ, ты конь карь, а ты кровь не кань. Потомъ дуетъ и плюетъ и еще дважды читаетъ тоже.

7) Отъ лихорадки.

Надъ липовою коркою говорить три раза, не переводя духа: «Отъ (имя) раба Божія отстань лихорадка и плыви вдоль по рѣкѣ». Этой коркѣ даютъ три дня полежать надъ матицею, потомъ самъ больной долженъ спустить ее на рѣчку, проговоривъ тоже три

раза: «отстань отъ меня (имя) раба Божія лихорадка и плыви вдоль по рѣкѣ». Потомъ три раза взадъ поклониться до земли.

8) Отъ грыжи.

Умѣли родить, умѣли ходить. Не скорбія недуги уходила, свѣтлымъ мѣсяцемъ просвѣщаюсь, замкомъ замыкаюсь, изъ аминимя аминь. Зародился одинъ, укрѣпился одинъ, врагъ сатана откачнись отъ раба (имя) за три двери, за четыре замка и замкни всѣ болѣзни за три двери, за четыре замка. Аминь.

ПОДБЛЮДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Катится валится —
Оржанки скирдъ.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

2.

Какъ сказали намъ: Ивашка
Въ полѣ завьялъ,
Нашъ Ивашка съ возомъ на дворъ,
Сто рублей на столъ.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

3.

Стоитъ корыто
Другимъ накрыто.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

4.

За рѣкой мужики богатые,
Гребутъ деньги лопатами.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

5.

Чужъ боровокъ,
Подрылъ конопляный ровокъ.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

6.

За дежею сижу,
Пятернею вожу,
Еще посижу,
Еще повожу.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

7.

Станови мать опару,
Жди сватовъ къ себѣ:
Къ тебѣ будутъ сваты,
Ко мнѣ женихи.
Диво! кому эта пѣсенка достанется.
Тому вынется, скоро сбудется.

8.

Стоятъ санки снаряженныя,
Сѣсть было, да поѣхать,
Засвистати, да загаркати.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

9.

Сидитъ воробей на Новѣгородѣ,
Глядитъ воробей на чужу страну.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

10.

Я на стулѣ сижу
Изъ Тулы я жду,
Авось милый пріѣдетъ,
Калачь привезетъ.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

11.

Стоитъ корыто,
Желудей намыто.
Диво! кому эта пѣсенка достанется,
Тому вынется, скоро сбудется.

ПѢСНИ ВЕЛИЧАННЫЯ.

Пчелиная матушка,
Трижды роилась:
Иванова матушка,
Трижды возрадовалась,
Первый разъ возрадовалась
Ивана родила,
Второй разъ возрадовалась,
Ивана окрестила,
Третій разъ возрадовалась,
Ивана женить хочетъ.
Первая радость — отцу матери,
Вторая радость — роду племени,
Третья радость — всему міру крещеному.

Ты послушай-ка Филиппъ Андреевичъ,
Со своею лебедушкою Марьею Авдѣевною,
Ты послушай, за мошеночку пощупай,
У машенки есть денжёнки.
И ты насъ игрицъ подаришь:
Насъ игрицъ немножко,
Всего тридцать три игрицы,
Не рублемъ, полтинкою,
Отъ полтинушки гривною.
Дай тебѣ Богъ нажить
И больше того нажить.
У Филипа пола подымается,
Машеночка распирается,
Золота гривна вынимается,
Хоть отъ гривнушки по три деньги.

Василія жена на свадьбу собирала:
Золоту гривну въ платокъ завязала.
Завязавши, ему приказала:
Поѣдемъ, мой другъ, на свадьбу,
Станутъ тебя и меня, мой другъ, величати,
И дари ты, мой другъ, не скупися,
И въ міру самъ себѣ не стыдися.
То Василію пѣсенка,

То Ивановичу свѣту,
Со лебедушкою
Авдотьею Васильевной.

У тетерьки ножки коротки,
А только тетеркѣ по горкѣ ходить,
А только Василію при городѣ жить,
Судьею судить, воеводою слыть,
Росписки росписывать, по уѣзду розыскивать,
По уѣзду Веневскому, въ село Петрово,
Деревню Орѣхову во дворъ Манухина.

У насъ свашенька на свадьбу собиралась,
Николи такой не проѣзживало:
Что бѣлый сыръ на блюдечкѣ,
Онъ катается, разсыпается,
Со бѣлымъ лебедушкомъ,
Со яснымъ соколомъ, со Егоромъ Ивановичемъ.
То свашенкѣ пѣсенка.

Ѣхала сваха по мосту,
Изъ за ей везутъ возъ хвороста.

Андрей ходитъ по двору:
Кунья на немъ шуба до земли,
Пуховая шляпа до верху,
Онъ охочь былъ по базарамъ ходить,
Онъ охочь былъ въ Москву ходить,
Съ большими обозами;
Онъ дорого продавалъ,
Онъ дешево покупалъ —
То Андрею пѣсенка.

У насъ ноженьки пристоялись,
У насъ глазушки приморгались,
У насъ глотки пересохли.
Андреюшка догадайся,
Анисимовичъ поройся:
Подари игрицъ, не скупись,
Насъ игрицъ немного,
Всего тридцать три игрицы.
Дай тебѣ Богъ пожить,
Еще болѣе того нажить.

У насъ Савелью пожилось,
Рожь съ овсомъ родилось;
Еще ярая пшеница,
Еще черная гречиха.
Только Савелью при городѣ жить,
А только Савелью судьею судить.
Савелья жена на свадьбу собирала,
Пухову шляпу надѣвала,
Золоту гривну завязала,
Завязамши, ему приказала,
Ты поѣдишь, мой другъ, на свадьбу,
Утирайся почище.
То Савелью пѣсенка,
Со бѣлой лебедушкой,
Со Настасьею Васильевной.

Шелковая нитка къ стенкѣ льнетъ,
Василій женушку къ сердцу жметъ:
Ты душка женушка,
Стряпушка моя,
Ты днемъ-то женушка,
Стряпушка моя,
По бѣлой зари утѣха моя,
Утѣха, потѣха, утѣшила меня.
То Василію пѣсенка
Со бѣлою лебедушкою.

Филипа матушка на свадьбу собиралась,
На Филипѣ кудрицы;
Они жаръ горятъ,
По плечамъ лежатъ,
Развиться хотятъ.
То Филипу пѣсенка,
Со родимой матушкой,
Съ Татьяной Ивановной.
Подари игрицъ не скупися,
Насъ игрицъ немного,
Всего тридцать три игрицы.
Дай тебѣ Богъ пожить,
Еще болѣе того нажить.

Яблонка ты яблонка,
Зеленая яблонка.

На яблонкѣ яблочки,
Зелененькія, краснобокенькія.
Сидору кувшинъ пива наливается,
Туго затыкается,
Пирогъ большой ему начиняется,
Съ поѣздомъ отпущается.
Подчивай, Сидоръ, гостей,
Всѣхъ тѣхъ, которые у невѣсты на подворьѣ.
То Сидору пѣсенка,
Со бѣлою лебедушкою,
Съ Федорою Прокофьевною.

Шелковая ниточка по стенкѣ льнетъ,
Иванъ Марьюшку къ сердцу жметъ.
Ты душка женушка,
Стряпушка моя!
Иванъ ходитъ по двору,
Шуба на немъ до земли,
Иванъ скажетъ: спать хочу,
А Марьюшка: и я съ тобою.
Иванъ скажетъ: кровать узка,
Марьюшка скажетъ: уляжемся.
Иванъ скажетъ: одѣяло холодно,
Марьюшка молвитъ: угрѣемся.
Иванъ скажетъ: шуба нова,
Марьюшка молвитъ: я молода.
То Ивану пѣсенка,
Съ бѣлою лебедушкою,
Съ Марьею Ивановной.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

1) У воротъ береза стояла,
Алинья со двора съѣзжала,
Она верхъ березы отломила:
Каково березѣ безъ верху,
Таково-то и батюшкѣ безъ меня,
Оставайтесь всѣ цвѣты во саду,
Поливай батюшка безъ меня.
2) Повозникъ кудрявый,
Пріударь коня больно,
Чтобъ я не слыхала,
Какъ матушка плачетъ,
Жалко причитая,
Меня упоминая:

Чистая избушка,
Метеныя сѣни,
Скребеныя стѣны.

3) Рябая кукушка,
Что летишь, не кукуешь?
Алинья глупая,
Что сидишь, не плачешь?
Усе мое минется,
Усе вспомянется;
Батюшкина воля.
Матушкина нѣга.

4) Кузьма и Демьяна, ой ладо! ой ладо!
Пой на свадьбу намъ, ой ладо, ой ладо.
Отъ Халимонова двора до Петрова,
Три путика лежатъ.
Какъ по первому по путику
Идетъ Кузьма съ Демьяномъ;
По другому да по путику,
Самъ Спасъ Пречистый;
А по третьему по путику
Шелъ Хватей съ Алиньею;
Онъ беретъ ее за руку правую,
И ведетъ ее ко суду Божію,
Ко суду Божію: ко вѣнчанію.

ПРИМѢТЫ *).

Съ кладбища и поминокъ ни къ кому не должно заѣзжать, чтобы не привезть съ собой въ домъ смерти.

Скорлупу съѣденнаго яйца надобно раздавить, иначе, если цѣлая скорлупа попадетъ колдуну, то онъ можетъ наговорить на нее какую нибудь человѣку порчу.

Кто домашнихъ своихъ бьетъ лучиной, какъ это дѣлаютъ сердитыя бабы и старухи, тотъ самъ изсохнетъ какъ лучина; другіе говорятъ, что изсохнетъ тотъ, кого бьютъ лучиной.

Кто кашу нечисто доѣдаетъ, у того рябая невѣста бываетъ.

Кто кашу не мнетъ, у того мать умретъ.

Маленькихъ ребятъ должно стричь однажды въ годъ, въ великій четвергъ.

Остригшись, волосы должно прибирать къ мѣсту,

---

*) Изъ примѣтъ и пословицъ здѣсь помѣщаются лишь менѣе извѣстныя. *Ред.*

напримѣръ заткнуть подъ застрѣху, а то если галка или ворона утащитъ ихъ въ гнѣздо, — будетъ голова болѣть.

Коли корова перестанетъ доиться, то кто нибудь изъ счастливыхъ въ семьѣ долженъ выкупить ее у хозяйки, или у работницы за грошъ, тогда корова опять будетъ доиться.

Свистать въ избѣ считается за грѣхъ или за дурное предзнаменованіе.

Свистать въ ключь не должно, а то память потеряешь.

Если кузнечикъ куетъ, или сверчокъ трещитъ въ избѣ; то значитъ они выживаютъ изъ дому хозяевъ.

Надѣть на изнанку рубашку или платье, значитъ быть пьянымъ, или битымъ.

Если правый глазъ чешется, то къ смѣху, а если лѣвый, то къ слезамъ.

Если кончикъ носа чешется, то смотрѣть въ рюмку, или слышать о покойникѣ.

Если лошадь на дорогѣ распряжется, то значитъ что нибудь дома нездорово, или жена измѣнила.

Если трещитъ въ избѣ, то также предвѣщаетъ это какое нибудь несчастіе.

Примѣты метеорологическія.

Свѣту много, такъ и хлѣба много.

Если на Рождество Христово и на Богоявленіе небо звѣздно, то хорошо уродится гречиха.

Если сильно цвѣтетъ рябина, то будетъ урожай на овесъ.

Если въ крещенье день теплый, то хлѣбъ будетъ темный, т. е. густой.

Если въ великій четвертокъ морозъ, такъ и подъ кустомъ овесъ, т. е. будетъ хорошій урожай.

Градъ весной предвѣщаетъ холодъ, а осенью тепло.

Если у луны рога круты, то означаетъ ведряную погоду или морозъ, а отлогіе—ненастье или вѣтеръ.

Если солнце заходитъ въ облакахъ, то къ дождю, а когда при восхожденіи или захожденіи покрывается румянымъ облакомъ, то предвѣщаетъ ведро или вѣтряную погоду.

Примѣчаніе. Эта примѣта, какъ видно изъ евангелія, существуетъ съ незапамятныхъ вѣковъ. Когда фарисеи и саддукеи, искушая Іисуса Христа, просили показать имъ знаменіе съ небеси, то онъ отвѣчалъ имъ: «съ вечера вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно, а по утру говорите: сегодня

будетъ ненастье, потому что небо багрово. Лицемѣры! Вы по виду неба умѣете предузнавать (воздушныя перемѣны), а признаковъ временъ разумѣть не можете.» Мат. гл. 16, ст. 1, 2 и 3. «Когда вы видите тучу, идущую съ запада, тотчасъ говорите: дождь будетъ, бываетъ такъ, и когда идетъ южный вѣтеръ, говорите: жаркой день будетъ, и бываетъ.» Луки гл. XII ст. 54 и 55.

Пѣніе пѣтуха вечеромъ, ранѣе обыкновеннаго, предвѣщаетъ перемѣну погоды; пѣніе съ разсвѣтомъ дня, по утру дождь, а зимой снѣгъ или оттепель.

Когда куры купаются въ сухой землѣ, то къ дождю, а зимой, если ворона купается въ снѣгу, то къ оттепели или снѣгу.

Если валяется собака, то къ вѣтру.

Если свиньи бѣгутъ съ поля и визжатъ, то къ ненастью.

Появленіе множества мухъ лѣтомъ предвѣщаетъ зимніе морозы.

Если ласточки шныряютъ очень низко взадъ и впередъ, особенно когда предъ ѣдущими порхаютъ безпрестанно, пересѣкая дорогу и чуть-чуть не задѣваютъ лошадей, то это вѣрный признакъ ненастья; когда же ласточки рѣютъ въ воздухѣ очень высоко, то это означаетъ ведро.

Если сидя на крышѣ или деревѣ каркаетъ ворона, то лѣтомъ къ дождю, а зимой къ оттепели.

Поздній полетъ журавлей, гусей и проч. въ теплыя страны предвѣщаетъ въ будущемъ году раннюю осень, а низкій полетъ означаетъ скорое наступленіе морозовъ.

ПОСЛОВИЦЫ и ПОГОВОРКИ.

У учливой невѣстки всегда бока голы.

Кобель лохматъ, ему тепло; мужикъ богатъ, ему добро.

Братъ братомъ, сватъ сватомъ, а денежка не родня.

Мы до людей, какъ мать до дѣтей; а люди до насъ, хоть бы не было насъ.

Братъ мой, а умъ у него свой.

Кто людей не слухае, тотъ Богу спорникъ.

Мимо яблонки яблочко не канетъ (не упадетъ).

Всякая Варя, сама себя не хваля (хвалятъ).

Навырѣетъ коза — стóитъ овцы, т. е. если коза навырѣетъ, то не хуже будетъ овцы.

Подальше положишь, поближе возмешь.
Плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи.
Кто зѣвая (етъ), тотъ воду хлебая (етъ).
Моя душа кривая, что ни подай, все примая (етъ).
Брюхо не зеркало, чѣмъ ни набить, лишь бы сыту быть.
Кто смѣлъ, тотъ и съѣлъ.
Кривда правду не перетянетъ.
Одна голова не бѣдна.
Суешься въ волки, а хвостъ собачій.
Много знаешь, да мало разбираешь.
Не море топитъ, а лужа.
Не вошъ точитъ, а гнида.
Кто надъ людьми яму копае, тотъ самъ туда попадае.
Дума за горами, а смерть за плечами.
Работой богатъ не будешъ, а сытъ будешъ.
Не отвалится голова, такъ выростетъ борода.
Хоть овинъ гори, а молотильщиковъ накорми.
Гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто.
Ты, Боже, поможи, а ты мужикъ не лежи.
Рубль есть—умъ есть, два рубля — два ума.
Нужда женится, а горе за-мужъ иде.
Ученье красота, а неученье сухота.
Свой умъ царь въ головѣ.
Сонная кошка мышей не ловитъ.
Въ чужихъ рукахъ калачъ больше.
Хозяину дома и стѣны помогаютъ.
Скотину водить, не разиня ротъ ходить.
Какіе коренья — такіе отростки.
Рады дружку пирожка, да себѣ ни куска.
Въ одной печи горшокъ съ горшкомъ сталкиваются.
Дружно не грустно, а врознь хоть брось.
У богатаго мужика не узнаешь сына дурака.
Была бы мука да сито, я и безъ мужа была бы сыта.
Крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой.
Лѣтомъ ногой копнешъ, а зимой рукой возмешъ.
Потопаетъ, топоръ даваетъ, а вытащутъ — топорища жаль.
Волка кормятъ ноги.
Волку не первая зима.
Испытокъ не убытокъ и успросъ не бѣда.
Волкъ и считанныхъ овецъ крадетъ.
Свои собаки грызутся, а чужая не мѣшайся.
Пьянъ напьется, со львомъ дерется, а протрезвится, свиньи боится.
Повадится собака за возомъ ходить, будетъ и за порожними санями бѣгать.

Тѣ не денежки, которыя у бабушки, а тѣ денежки, которыя у пазушки.

Богатому жаль корабля, а бѣдному костыля.

Сапогъ скрипитъ, а во щахъ луковка кипитъ.

Сапогъ скрипитъ, а мать подъ сумкою хрипитъ.

Съ погани не умрешъ, а съ голоду какъ уснешъ.

Нѣтъ ни гроша, за то слава хороша.

Богатъ Ермошка, есть собака да кошка.

Куда не мечи, а нѣтъ лучше печи.

Лежень лежитъ, а счастье къ нему бѣжитъ.

Аржаная каша всему голова.

Безъ хозяина домъ сирота.

Богъ велитъ пополамъ дѣлить.

Безъ хлѣба-соли плохой обѣдъ.

Бьютъ — бѣги, даютъ — бери.

Будь примѣтливъ, не будь извѣстливъ.

Брагу на суслѣ не угадаешъ.

Бѣлая овца и сѣрая овца, духъ овечій одинъ.

Воля добрая коня портитъ.

Въ избѣ соръ мети, въ подпорогъ гнети.

Въ какое стадо залетѣлъ, такъ и каркай.

Вѣкъ протянется, всему достанется.

Голодный волкъ завертку рветъ.

Долго ждать, тонко прясть.

Домъ яма, стой прямо.

Есть старикъ убилъ-бы, нѣтъ старика, купилъ бы

Жили дѣды, не видали бѣды, а внуки во всей мукѣ..

За мухой гоняется съ обухомъ.

Званый гость великъ.

Звали на честь, а посадили на печь.

Знай честь, утирай бороду.

Калина сама себя хвалила, что она съ медомъ хороша.

Какъ у сосѣда праздникъ, не знаю во что одѣться, а свой приди, не знаю куда дѣться.

Кто крупицы сыпя, тотъ и кашку хлебая.

Красны займы отдачею.

Лѣто припасиха, зима прибериха.

Люби не люби, да почаще взглядывай.

Много бы высказала, да ума-разума не стало.

Не вдругъ на гору, а съ отдышкой.

Не вѣшай головы, не печаль хозяина.

Не дорого пито, да дорого добыто.

Не дорого досталось, не больно жаль.

На обухѣ рожъ молоти и зерна не урони.

27. **Этнографическія** свѣдѣнія о жителяхъ Пермской губ., Шадринскаго уѣзда, Песчанскаго сельскаго общества, Верх-

тегенской волости. *П. Кынтымовъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 49, 50 и 51.

Выписываемъ болѣе интересныя свадебныя пѣсни, помѣщенныя въ этой статьѣ:

Выкатается скатенъ жемчугъ
По блюдечку по серебряному,
По другому по золотому;
Докатилася жемчужинка,
Докатилася, разсыпалась,
До дорогаго до камешка,
До дорогаго до самоцвѣтнаго,
До души-ли до красной дѣвицы,
До Татьяны Михайловны;
Еще свѣтъ наша умная,
Еще свѣтъ наша разумная,
Свѣтъ Татьяна Михайловна;
Ты къ чему рано за-мужъ пошла;
Ты за чѣмъ рано поизволила,
За удала добра молодца,
За Николая Григорьевича.
Отвѣтъ держитъ дѣвица,
Отвѣтъ держитъ красная,
Своимъ кумушкамъ подруженькамъ:
Не сама я за-мужъ пошла,
Не сама я поизволила,
Поизволилъ родной батюшко,
Поохотила родная матушка,
Выводила крестна матушка,
Степанида Ивановна,
Изъ кути да изъ-занавѣсы,
Становила крестна матушка
Средь столовой бѣлой свѣтлицы,
Она велѣла молитися,
На всѣ стороны поклонитися,
Доброму молодцу по особицу.

Во саду была, во садичкѣ,
Во саду зеленомъ виноградничкѣ;
Тутъ ходилъ гулялъ молодецъ,
Свѣтъ Степанъ Ивановичъ,
Онъ чесалъ кудри русые,
Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:
Прилегайте мои кудерцы
Къ моему лицу бѣлому,
Къ моему лицу румяному.
Привыкай душа Аннушка,

Привыкай душа Ивановна
Къ моему уму разуму,
Къ обычаю молодецкому.

Разцепалася грушица
Предъ яблонью садовою,
Предъ грушицей зеленою;
Растужилась, расплакалась,
Душа красная дѣвица
Предъ своимъ роднымъ батюшкомъ,
Предъ своей родимой матушкой:
Государь родимой батюшко,
Государыня родима матушка,
Вы къ чему рано пиво варите,
Пиво варите, вино курите,
Какую думу думаете?
Мы такую думу думаемъ,
Хотимъ тебя за-мужъ отдать
За удалова добраго молодца,
За Степана Ивановича.
Государь родимой батюшко,
Государыня родима матушка,
Нельзя ли думу отдумати,
Другую передумати,
Меня за-мужъ не выдать
За удала добра молодца?
Ты дитя-ли наше дитятко,
Ты дитя-ли наше милое,
Нельзя думу отдумати,
Нельзя передумати:
На словахъ у насъ положено,
По рукамъ у насъ ударено.

Послѣ этихъ пѣсенъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ гостей за столъ:

Пѣсня для женатыхъ.

По меду, меду, по сырчатому,
По сырчатому, по крупичатому,
Плавала чарочка золотая:
Никто за чару не примется
Примется, не примется
Петръ молодецъ,
Примется, не примется
Михайловичъ;
Онъ подастъ чарочку душѣ своей,

Душѣ своей свѣтъ Аннушкѣ,
Душѣ своей свѣтъ Александровнѣ:
Душа пей,
Душа радость испей;
Нѣтъ не пью душа,
Нѣтъ не хочу,
Мнѣ что-то ночесь
Мало спалось,
Мало спалось, во снѣ видѣлось,
Будто у насъ на широкомъ дворѣ
Выросла травонька шелковая,
Разцвѣли цвѣтики аленькія,
По этой травѣ ходитъ павинъ,
Ходитъ павинъ и со павушкою.
Я тебѣ, душенька, сонъ разсужу,
Сонъ разсужу, на словахъ разсужу:
Сизой павинъ — это я господинъ,
Сизая павушка — ты госпожа,
Аленькіе цвѣтики — дѣти у насъ,
Шелковая травушка — слуги у насъ.

Пѣсня для холостыхъ.

Кто у насъ хорошъ,
Кто у насъ пригожъ?
Розанъ мой розанъ,
Виноградъ зеленый *).
Свѣтъ Александротъ хорошъ,
Свѣтъ Ивановичъ пригожъ.
По горницѣ ходитъ;
Манежно ступаетъ.
Сапогъ не мараетъ,
Чулокъ не снимаетъ.
На крыльцо выходитъ,
Конь къ нему подходитъ.
На коня садится,
Коне-тъ веселится.
Плеточкой онъ машетъ,
Коне-тъ подъ нимъ пляшетъ.
По улицѣ ѣдетъ,
Всѣ люди дивуютъ.
Къ лугамъ пріѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ;
Къ рѣчкамъ пріѣзжаетъ,
Рѣчушка играетъ.

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Къ саду пріѣзжаетъ,
Цвѣты разцвѣтаютъ.
Къ дому пріѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ.
Матушка встрѣчаетъ,
Сыномъ называетъ:
Сынъ ли мой сыночикъ,
Ясной соколочикъ!
Въ комнату онъ входитъ,
Сестрицы встрѣчаютъ.
Сестрицы встрѣчаютъ,
Братцомъ называютъ.

По морю, по морю,
По синю морю хвалынскому,
Изнастиланы мосты камышевы
Перекладинки ребиновы.
По тѣмъ мостамъ камышевымъ,
По перекладинкамъ ребиновымъ
Тутъ ждетъ-то идетъ милый свекоръ
Свѣтъ милый да свекоръ батюшко;
За собой онъ ведетъ милу сноху,
Что милу сноху невѣстушку,
Свѣтъ Анну Ивановну;
Идучи онъ ей наказываетъ,
Идучи онъ наговариваетъ:
Ты иди, сноха, не заглядывайся,
Заглядишься, сноша, упадешъ;
Хоть упаду, за тебя, свекоръ, не хватаюся,
Я хватаюся не хватаюся
За родимаго за батюшка,
За Ивана Поликарповича.

Батюшко пей,
Да меня не пропей,
Ты пропей-ко, пропей
Съ себя-то кафтанъ;
Ты его пропьешъ,
И самъ выкупишъ;
Тебѣ меня не выкупить,
Тебѣ меня не выручить;
Выкупитъ не выкупитъ
Иванъ молодецъ,

Выручитъ не выручитъ
Кондратьевичъ.

Пѣсни на провожаніе жениха.

Бочка съ медомъ катается,
Зять у воротъ увивается,
Теща моя, отпирай ворота.
Зять-ли мой, не заперты.

Что у тебя батюшко,
Пиръ да за бесѣдушка.
Съ Москвы-то гости все московскіе,
Съ кораблей-то корабельщики.
Не коня купить,
Не двора смотрѣть.
Чѣмъ-же ты торгуешься?
Я сама же да догадалася,
Что моей-то дѣвьей красотой,
Голубушкой трубчатою косой.
Когда была малешенька,
Умомъ разумомъ глупешенька,
Говорилъ родной батюшко:
Не отдамъ я тебя ни за князя, ни за боярина,
Ни за купца, ни за торговаго;
Посажу тебя мила дочь,
Что во садикъ во зелененькой,
Огорожу тебя мила дочь
Оградою серебряною;
А какъ тепереча
Посадилъ родимой батюшко
Въ куть да за занавѣсу,
Огородилъ-то родимой батюшко
Все кумами да все подружками,
Что покрылъ то меня родимой батюшко,
Что фатою да коноватою.

Поднимитесь, вѣтры буйные,
Со всѣхъ четырехъ сторонушекъ,
Разнеситесь пески желтые,
Разсыпьте мать сыру землю,
Откройте гробову доску;
Разорвитесь шелки черные,
Откройтесь очи ясныя,

Отойдите бѣлы рученьки
Отъ ретивова сердца родимой (матушка или батюшки),
Ужь ты встань-ко родимая матушка,
Обвернися яснымъ соколомъ,
Ты прилети ко мнѣ на кутное окошечко,
Ты послушай моихъ горе-горькихъ пѣсенокъ,
Не прошу у тебя, родимая матушка,
Ни злата ни серебра и ни скатнаго мелка жемчуга,
Только прошу, родима матушка,
Благословенья великаго.
Меня твое-то благословенье
Изъ темна лѣса выведетъ,
Изъ синя моря вынесетъ.

Пѣсня жениху.

На горѣ горѣ высокой,
Ой вины радость моя. *)
На цвѣточкахъ лазоревыхъ,
Тутъ стоялъ бѣлый храмъ,
Онъ былъ бѣло-каменный;
Что во томъ бѣломъ храмѣ,
Обручались два отрока,
Что отрокъ съ отрочицею,
Свѣтъ Павелъ съ Акулиною,
Свѣтъ Поликарповичъ съ Кондратьевною,
Они пертснями мѣнялися,
Во уста цѣловалися.

Пѣсня священнику.

Свѣтелъ свѣтелъ мѣсяцъ на небѣ,
Честенъ отецъ нашъ Петръ во священникахъ.
На его матушкѣ кунья шуба.
Такъ будь-же на нихъ Божья милость.

Другимъ повторяются тѣ же пѣсни, которыя пѣлись въ просватанье.

Не бѣлая цѣвочка вокругъ скобочки обвивалася,
Обвивалась-то бѣла рученька,
Со перстнями да со злащенными;
Не паромъ двери отпиралися,

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строки.

На пяту двери становилися,
На пяту да на хрустальную,
На вереюшку злащеную,
Какъ идетъ ко мнѣ жалуетъ
Дорогая мила гостьюшка;
Она кланяется по ученому,
Она крестъ держитъ по писанному;
На всѣ стороны поклонилася
Моимъ кумушкамъ-подруженькамъ,
А ужъ какъ мнѣ же молодешенькѣ
Нѣтъ поклону та низкаго,
Нѣтъ слова-та ласковаго.
Ты бы пришла ко мнѣ, дорогая гостьюшка,
За недѣлюшку до просватанья,
За другую то до обрученья;
Что сѣла бы мила гостьюшка,
Что по праву ручку батюшки,
Что по лѣву ручку матушки;
Разговорила-бы, дорогая гостьюшка,
Что родимаго батюшку,
Что родимую матушку,
Поглядѣлъ-бы родимой батюшко
На твои то слова ласковыя,
На твои слова привѣтливыя;
Продержалъ бы меня родимой батюшко
Двадцать-бы два года,
Или тридцать-ли годовъ,
Чтобы я молодешенька
Ума разума прибавила,
Бѣла-лица наполнила,
Русу косу отростила,
Приданнаго принакопила.

(Эту пѣсню невѣста повторяетъ съ каждой подругой, обнявшись и упадая на столъ съ воемъ.)

Свадьба.

Невѣста по утру встаетъ прежде подружекъ и начинаетъ выть, приговаривая:

Какъ вамъ подруженьки спится и дремлется,
Вамъ и спится и дремлется
И во-снѣ много видится.
Какъ мнѣ же молодешенькѣ
Мнѣ не спится, не дремлется
И во-снѣ мнѣ не видится.

Стану-ли я на свои ножки рѣзвыя,
На башмачки сафьяныя
И на чулочки бумажныя;
Кого я ищу и смѣкаю,
Я ищу своего родимаго батюшку;
Едва я его увидала
Сквозь слезы горючія,
Сквозь тоску и кручинушку;
Сидитъ онъ на брусчатой на лавочкѣ,
Вѣкъ онъ не по старому и не по прежнему,
Повѣся свою буйну голову,
Потупя свои очи ясныя,
Не знать онъ меня жалѣючи,
Не знать избываючи,
Не травой я предъ тобой разстилаюся,
Не водой я разливаюся,
А горючими слезами заливаюся;
Не прошу у тебя батюшко
Я ни злата и не серебра
И не скатнаго мелка жемчуга;
Только прошу, родимой батюшко,
Благословенія великаго:
Меня твое-то благословенье,
Изъ темна лѣса выведетъ,
Изъ синя моря вынесетъ;
Благослови-ко, родимой батюшко,
Отъ желанія ретива сердца
Во божью церькву соборную,
Подъ златъ вѣнецъ ставити,
Законъ божій примати,
За чужимъ, за чужениномъ,
Со моимъ со разлучникомъ.

Пословицы.

Не загадывай въ годъ, а угадывай въ ротъ.
На посулѣ, какъ на стулѣ.
Одна рѣчь не пословица.
Пей квасокъ, да не поднимай носокъ.
По рукамъ, да въ баню.
Какъ праздничекъ у сосѣда близко, такъ ему кланяются низко.
Иди, да внизъ гляди; если ничего не найдешь, такъ ноги не ушибешь.
Рыбы не ловлю и себя не мочу.
Старъ пискарь, да уха сладка.
Молоды апенки, да черви въ нихъ.
Свое не мыто бѣло.
Суленое ждется.

Хлѣбъ-соль взаимное дѣло.
Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачекъ врознь.
Хлѣбъ-соль и во-снѣ хорошо.
Хлѣбъ-соль всегда рожается отъ корня.
Чево маленько, тово кроши меленько.
Чѣмъ поиграешъ, тѣмъ и зашибешься.
Чѣмъ позднѣй, тѣмъ честнѣй.
Что по морю плыветъ, того не переловишъ,
Что по міру слыветъ, того не переслушаешъ.
Ѣду не свищу, а наѣду не спущу.
Ѣшь капусту, не говори попусту.
Ѣшь пока ротъ свѣжъ, завянетъ — не заглянетъ.
Рожъ кормитъ сплошъ, а пшеничка по выбору.
Съ новины у кошки лепешки, у кота пироги.

28. **Очеркъ** жителей Ильинскаго села въ этнографическомъ и частію статистическомъ отношеніяхъ. *А. Г. Серебренниковъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 9, 10 и 11.
29. **Три** замѣтки о современныхъ особенностяхъ сельскаго быта. Село Никитское, Рязанской губ., 21 ноября 1861 г. *М. Венюковъ. Сѣверная Пчела.* 271.
30. **Нѣсколько** словъ о домашнемъ бытѣ и промыслахъ Варзужанъ. *М. Истоминъ. Архангельскія Губ. Вѣд.* 29.

    Село Варзуга самое древнее изъ поселеній новогородскихъ на Терскомъ берегу.
31. **Общій** взглядъ на промыслы и хозяйственный бытъ жижителей Печорскаго края. *Бѣломорецъ. Архангельскія Губ. Вѣд.* 1860. 10, 12 и 13; 8 стр.
32. **Гамаюнщина.** *Гр. Потанинъ. Калужскія Губ. Вѣд.* 32 и 33.

    Значительная вотчина, лежащая на правомъ берегу Оки, противъ Калуги, состоящая изъ нѣсколькихъ деревень. Въ настоящей статьѣ эта вотчина разсматривается въ этнографическомъ отношеніи.
33. **Русскій** крестьянинъ. *Народное Чтеніе.* 3; стр. 29—40.
34. **Свѣдѣнія** о половникахъ Вологодской губ. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 4; стр. 147—150.
35. **Хозяйственныя** путевыя замѣтки. *В. Смирновъ. Труды Имп. Вольнаго Эконом. Общества.* 1 и 2; стр. 28—46 и 73—86.

    Есть кое-что для этнографіи великорусскаго и бѣлорусскаго народа, вся же статья написана болѣе съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной.
36. **Бѣлорусскій** крестьянинъ (на польскомъ языкѣ). *Виленскій Вѣстникъ.* 62.

37. **Нѣсколько** словъ о Пинчукахъ (по поводу ст. г. Левченка: Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ. Основа I). *Ю. Мохраниця. Основа.* 10; 3 стр.

Здѣсь рѣчь идетъ о малоизвѣстной отрасли южнорусскаго племени, причисляемой нѣкоторыми къ бѣлоруссамъ; только *курная* изба представляетъ разительное отличіе *Пинчуковъ* отъ прочихъ Украинцевъ.

38. **Черноморскіе** пластуны. Статья *П. М. Иллюстрація.* 183.

39. **Новороссійское** казачье войско. *А. Защукъ. Бессарабскія Обл. Вѣд.* 31, 32 и 33.

Историческія, статистическія, географическія и другія свѣдѣнія.

40. **Кубанскіе** казаки. (Къ картинѣ.) *Иллюстрація.* 192.

41. **Черноморскіе** казаки. *Н. И. Костомаровъ. Основа.* 8; стр. 1—8.

Разборъ сочиненія *Ив. Попки* подъ тѣмъ же заглавіемъ.

42. **Сближенія** и слѣды Вовкулаки (Невро-литвины). *Н. Ревякинъ. Основа.* 11—12; стр. 129—138.

Образецъ народоизученія.

43. **Чумаки** на нижегородской ярмаркѣ. *Н. Овсянниковъ. Справочный Листокъ для Нижегородской ярмарки.* 40.

44. **Бытъ** поселянъ и сельское хозяйство въ Ковенской губерніи. *Памятная книжка Ковенской губерніи, на 1861 г.;* стр. 1—59.

Содержаніе: 1) Бытовые оттѣнки между русинами, литвинами и жмудинами. 2) Домашній бытъ. 3) Сельское хозяйство. 4) Матеріалы для сельско-хозяйственной статистики.

45. **Очерки** быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII в. *Е. Крыжановскій. Руководство для сельскихъ пастырей.* 39, 49 и 51.

46. **Черты** изъ староукраинскаго быта: Казакъ Мигаль. *А. М. Лазаревскій. Черниговскій Листокъ.* 5.

47. **Нѣсколько** словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра. *Ѳ. Рыльскій. Основа.* 11—12; стр. 90—99.

48. **Кіевскіе** мелкопромышленники. *Кіевскій Телеграфъ.* 85.

49. **Про Конотіпъ.** Ст. *Носъ. Основа.* 11—12; стр. 7—15.

Статья этнографическаго и топографическаго содержанія. Пѣсни.

50. **Объясненіе** къ рисункамъ «живописной Украйны». *Л. Жемчужниковъ. Основа.* Помѣщалось въ продолженіи всего года.

Въ этихъ объясненіяхъ находится любопытныя этнографическія свѣдѣнія.

51. **Черты** изъ нравовъ продавцевъ въ курскихъ лавкахъ и магазинахъ. Ст. *В. Г. Курскія Губ. Вѣд.* 5.

52. **Полтавщина.** (Изъ записной книжки 1856 г.). *Л. Жемчужниковъ. Основа.* 10; стр. 77—99.
Статья этнографическаго содержанія.
53. **Нѣчто** о калужскихъ рогожникахъ. *Калужскія Губ. Вѣд.* 8.
54. **Жизнь,** заключающая въ себѣ внутренній и семейный бытъ (саратовскихъ) мѣщанъ. *П. Зарубинъ. Библіотека для Чтенія.* 2 и 3; 68 и 72 стр.
55. **Случаи** изъ народной жизни Оренбургской губерніи. *Т. В. Д—ръ В. С. Лосіевскій. Оренбургскія Губ. Вѣд.* 8.
56. **Кубанскіе** казаки. *Иллюстрація.* 192.
Краткій, историческій очеркъ къ картинѣ, помѣщенной въ Иллюстраціи.
57. **Богомольцы.** *Б. М. Страховъ. Чтеніе для Солдатъ.* 5; стр. 1 — 8.
58. **Странники.** *В. В—въ. Народное Чтеніе.* 1; стр. 103 — 122.
59. **Разсказъ** ямщика молокана объ ихъ вѣрѣ и житьѣ въ Шемахинской губерніи. Ст. *И. Х. Иллюстрація.* 194.
60. **Охтенскій** пригородъ. *Морской Сборникъ.* 5; стр. 208 — 223.
О преобразованіи Охтенскихъ поселянъ.
61. **Желѣзинское** подворье и его обитатели. Ст. *А. Л. Русская Рѣчь.* 79 и 80.
Желѣзинское подворье существуетъ въ Москвѣ и есть пріютъ разнаго сброда несчастныхъ.
62. **Замоскворѣчье.** Статья *Х. Наше Время.* 29, 30 и 31.
Описаніе быта замоскворѣцкихъ обитателей.
63. **Замоскворѣчье.** Письмо въ редакцію *Замоскворѣцкаго жителя. Душеполезное Чтеніе.* 10; стр. 300—360.
Отвѣтъ на статью, помѣщенную въ газетѣ: «Наше Время».
64. **Нѣсколько** словъ въ отвѣтъ на ст. «Замоскворѣчье». *Н. Леденовъ. Наше Время.* 34.
65. **Изъ** записокъ о Сибири. Очеркъ звѣроловства при-Ангарскихъ жителей. *А. С—въ. Петербургскій Вѣстникъ.* 2.
66. **Бытъ** ссыльныхъ въ Якутской области. *Амуръ.* 89.
67. **О рабочемъ** классѣ въ ближней тайгѣ. (Изъ очерковъ Сибири) *Гр. П—нъ. Русское Слово.* 6.
68. **Питье** въ Алтаѣ. *Вербицкій. Томскія Губ. Вѣд.* 14.
69. **Полковые** пѣсенники. *Иллюстрація.* 171.
70. **Des peselniks,** chanteurs-danseurs des regiments russes. Par *Deulin. Monde illustré.* T. VIII, p. 222.
71. **Нѣкоторыя** черты изъ вседневной жизни помѣщиковъ Бирюченскаго уѣзда, прошлаго и настоящаго времени. *А. Терентьевъ. Воронежская Бесѣда* на 1861 г.; стр. стр. 196—214.
72. **Этнографическія** замѣтки. *П. Гундобинъ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 1860. 44.
Объ обычаяхъ жителей г. Шуи въ разные празд-

ники: Св. недѣля, прощальное воскресенье и праздникъ Іоанна Крестителя.

73. **Накануѣ** Христова дня. Разсказъ изъ народной жизни. *А. Левитовъ. Русская Рѣчь.* 95—104.

74. **Двѣ** русскія народности. *Н. Костомаровъ. Основа.* 3; стр. 48.

75. **Корень** русской народности. По поводу ст. г. Костомарова: Двѣ русскія народности «Основа». 1. 1861. *День.* 6.

76. **О народномъ** языкѣ. *А. Л. П—скій. Основа.* 4. стр. 9.

77. **Любопытная** выходка нѣмца. *Основа.* 8.

Этотъ нѣмецъ доказываетъ происхожденіе Русиновъ отъ Нѣмцевъ.

*78. **Лубочныя** картины русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Соч. *И. Снегирева.* Москва. Университетская тип. 1861. Въ 8-ю д. л. 136 стр. Ц. 1 р.

Въ этомъ сочиненіи заключается много матеріаловъ для этнографіи Россіи.

Разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ газетѣ «Наше Время», № 26. Ст. *Л. Блюммера.*

79. **О русскихъ** книгахъ и лубочныхъ изданіяхъ. *Ѳ. И. Буслаевъ. Отечественныя Записки.* 9.

Разборъ соч: 1) Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ, и 2) Histoire des livres populaires par Ch. Nizard.

80. **Лубочныя** картинки: Баба Яга и мыши кота погребаютъ. *В. В. Стасовъ. Извѣстія Археологическаго Общества.* Т. III; вып. 5.

81. **Этнографія** тюремъ. *Иллюстрированный Семейный Листокъ.* 191 и 192.

Извлечено изъ книги: Ethnographie des prisons, par Macqué de Vasselo.

б) Этнографія инородцевъ, обитающихъ въ Россіи.

82. **Сарепта** и Гернгутеры. Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 18 и 19.

83. **Полтавскіе** колонисты. *А. Конискій. Основа.* 5; стр. 68—71.

84. **Черты** изъ жизни и быта Молдаванъ. (Вмѣсто фельетона.) *Бсссарабскія Областныя Вѣдомости.* 48 и 49.

85. **Замѣтки** о современномъ религіозно-нравственномъ состояніи молдавскаго населенія въ Новороссійскомъ краѣ. *Н. Ипатьевъ. Херсонскія Эпархіальныя Вѣдомости.* 9; стр. 35—49.

86. **По поводу** нѣкоторыхъ интересныхъ статей объ Армянахъ, помѣщенныхъ въ «Courier d'Orient» и о статутѣ для Армянъ въ Турціи. *Радуга.* 8; стр. 133—135.

87. **Фанаріоты.** *Бессарабскія Губ. Вѣд.* 23, 24 и 25.
Изъ исторіи Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи.

88. **Очерки** Архангельской Губ. Фильманы. *К. Соловцевъ. Архангельскія Губ. Вѣд.* 39.
Фильманы или правильнѣе Финманъ есть особое племя Лопарей, кочующихъ въ сѣверо-западной части Кольскаго уѣзда, на границахъ Финляндіи и Норвегіи.

89. **Племена,** населяющія губернію. *Архангельскія Губ. Вѣд.* 23, 24 и 25.

90. **Торгъ** Самоѣдовъ и Ижемцевъ въ деревнѣ Небдино. *К. Сибирцевъ. Архангельскія Губ. Вѣд.* 28.

91. **Самоѣды.** *Вокругъ Свѣта.* 11; стр. 373—377.

*92. **I. A. Sjögren's** gesammelte Schriften. B. 1. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russisch. Norden. St.-Petersb. 4° 1861. s. 678

93. **Эстонскіе** поселенцы Самарской губерніи. *Наше Время.* 3; 1 ст.

94. **Очеркъ** этнографіи еврейскаго народонаселенія въ Россіи. Сост. *М. Берлинымъ. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.* 1; стр. 1—94.
Наружность. 2) Языкъ. 3) Домашній бытъ. 4) Особенности общественнаго быта. 5) Умственныя и нравственныя способности и образованіе. 6) Народныя преданія и памятники.
Разборы этого сочиненія помѣщены въ газетѣ «Сіонъ», 10 и 11; въ «Современникѣ», 8, и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 288.

*95. **О народномъ** характерѣ Евреевъ. *Герсевановъ.* Одесса. Въ тип. П. Францова. 1860. Въ 8-ю д. л. 84 стр.
Разборъ брошюры г. Герсеванова см. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; № 115.

96. **Изъ** жизни минскихъ Евреевъ. *И. Залкиндъ. Минскія Губ. Вѣд.* 20—21.

97. **Нѣсколько** искреннихъ словъ о Евреяхъ. *П. Лябукъ. Одесскій Вѣстникъ.* 123.

98. **Богослуженіе,** праздники и религіозные обряды нынѣшнихъ Евреевъ. *А. Лебедевъ. Духъ Христіанина.* 4; стр. 107—122.

99. **Еврей** въ русской исторіи поэзіи. *А. Гатцу. Сіонъ.* 1, 5, 10 и 11.

100. **Борьба** двухъ партій въ жизни русскихъ Евреевъ и журналъ «Гамелицъ», какъ посредникъ между ними. Статья *Р. К. Одесскій Вѣстникъ.* 58.

101. **Нѣсколько** словъ о Евреяхъ. *А. Ландау. Черниговскій Листокъ.* 6.

102. **Еще** нѣсколько словъ о Евреяхъ Черниговской губ. Статья *И—з—на. Черниговскій Листокъ.* 8.

103. **Евреи** и современный вопросъ о народностяхъ. (По поводу спора журнала «Сіонъ» съ журналомъ «Основою».) *Русская Рѣчь*. 102.
104. **Передовые** жиды. *П. А. Кулишъ. Основа*. 9.
105. **Къ русскимъ** журналамъ. Отвѣтъ на ст. г. *Кулиша* въ «Основѣ»: «Передовые жиды». *Сіонъ*. 21.
106. **О нѣкоторыхъ** средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ Евреевъ. Историческое изслѣдованіе по источникамъ. *Д. Хвольсонъ. Библіотека для Чтенія*. 2, 3 и 4; 52, 56 и 48 стр.
107. **Два** слова о симферопольскихъ Евреяхъ. *П. Лякубъ. Разсвѣтъ, органъ для русскихъ Евреевъ*. 43.
108. **Караимы** въ Виленской губ. *А. Корева. Памятная кн. Виленской губ.*, на 1861 г.; стр. 115—129.

Статистическія, историческія и этнографическія свѣдѣнія.

109. **Караимы**. *С. Шкуропацкій. Листокъ Керчь-Еникольскаго Градоначальства*. 17.
*110. **Чуфутъ-Кале** и Караимы. Раввина *С. Бейма*. Спб. 1861. Въ тип. П. А. Кулиша. Въ 8-ю д. л.; 34 стр.
111. **Цыгане**. *Иллюстрированный Семейный Листокъ*. 199.
112. **Цыгане**. Статья *К. Х. Бессарабскія Областныя Вѣдомости*. 46.

Отрывокъ изъ большаго сочиненія, которое авторъ обѣщаетъ помѣстить въ одномъ изъ большихъ періодическихъ изданій.

113. **О Цыганахъ** въ Екатеринославской губ. *О. К. Буницкій. Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи*. 8; стр. 479—484.
114. **Нѣсколько** цыганскихъ словъ. Собралъ *А. П—овъ. Воронежская Бесѣда*. 1861 г.
115. **Сибирскіе** Татары. Статья *И. Ю. Тобольскія Губ. Вѣд.* 35—45.

Статья историческаго, этнографическаго и статистическаго содержанія.

116. **Татары** на нижегородской ярмаркѣ. *Н. Овсянниковъ. Справочный Листокъ для Нижегородской Ярмарки*. 31.
117. **Очерки** Крыма. Крымскіе шейхи. *В. Кондараки. Одесскій Вѣстникъ*. 20.
118. **О Ясыряхъ**. *А. Рудановскій. С.-Петербургскія Вѣдомости*. 235.

Ясыри — это холопы, или рабы, которыми владѣютъ Ногайцы.

119. **Абрекъ**. (Очеркъ кавказскихъ нравовъ.) *В. Савиновъ. Иллюстрація*. 174 и 175.
120. **Три** дня въ горахъ Калалальскаго Общества. *Кр—ій. Кавказъ*. 83—85.

Это общество расположено по берегамъ рѣки «Ан-

дійское Кайсу» и принадлежитъ къ Аварскимъ владѣніямъ.

121. **О мюридизмѣ** въ Дагестанѣ. *Кузановъ. Радуга.* 1; стр. 1 — 8.

122 **Caucase. Tcherkesses.** *Musée de famille.* 1860, p. 268 et 320.

123. **Нѣчто** о дервишахъ и о сектѣ Баби. *Ив. Ограновичъ. Кавказъ.* 56 и 57.

124. **Бакинскіе** огни. *О. Константиновъ. Русскій Художественный Листокъ.* 24.

125. **Солнцепоклонники.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 12.

126. **Алтайскіе** Калмыки. *Иллюстрація.* 182.

127. **Калмыки.** Домашняя утварь. Пища. Одежда. О наказаніяхъ. Права женщинъ. Народные праздники. Музыка. Пѣніе и танцы. Сказки. Свадебные обряды. *Чтеніе для Солдатъ.* 2; стр. 12—41.

128. **Ein Kalmukenzelt.** *Das Buch der Welt.* 1861. 12.

129. **Записка** Мухамедъ Галія Тяукина: О хозяйствѣ Ордынцевъ, кочующихъ въ зауральской степи. *Экономическія записки.* 41.

130. **Дикокаменная** орда. Изъ статьи г. Валиханова о Джунгаріи, помѣщенной въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». *Сѣверная пчела.* 192.

131. **Замѣтки** Киргиза о Киргизахъ. Ст. хаджи *Мухамедъ-Салиха Бабаджанова. Сѣверная Пчела.* 4.

132. **Замѣтки** Киргиза о житьѣ-бытьѣ и участи его родичей, *Мухамедъ Салихъ Бабаджановъ. С.-Петербургскія Вѣдомости.* 136.

133. **Взглядъ** на экономическій и общественный бытъ Киргизъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. *Русановъ. Томскія Губ. Вѣд.* 36—44 и 48—49.

134. **Семейная** распря въ киргизъ-кайсацкой степи. *Часъ Досуга.* 9 и 10; стр. 222—236 и 245—276.

Извлеченіе изъ повѣсти «Бикей и Мауляна», соч. Даля.

135. **О Киргизахъ** Бухтарминскаго края. *А. Ивановскій. Томскія Губ. Вѣд.* 15.

136. **Письмо** къ издателю «Русскаго Вѣстника». *П. Небольсинъ. Современная Лѣтопись.* 5; 2 стр.

Отвѣтъ на возраженіе противъ статьи: «Путешествующіе Киргизы».

137. **Письмо** къ издателю «Русскаго Вѣстника». *А. Плотниковъ. Современная Лѣтопись.* 33.

По поводу статьи «Путешествующіе Киргизы».

138. **Апелляція** Киргиза къ публикѣ, по поводу статьи «Русскаго Вѣстника», подъ заглавіемъ «Киргизоманія». *Мугамедъ Салихъ Бабаджановъ. Сѣверная Пчела.* 138.

139. **Нѣсколько** словъ о Киргизахъ, бывшихъ въ Спб., въ 1860 г. Статья *Р. Русскій Художественный Листокъ*. 21.
140. **Матеріалы** къ изученію киргизскаго нарѣчія. *Н. И. Ильминскій. Записки Казанскаго Университета*. 1; стр. 130—162.
141. **Башкирцы.** *К. Кузнецовъ. Сѣверная Пчела*. 282 и 283.
142. **Распространеніе** грамотности между Башкирами. *Оренбургскія Губ. Вѣд*. 14.
143. **Замѣтки** относительно земледѣлія въ Башкиріи и пожаровъ въ Оренбургѣ. *Я. Сахаровъ. Вѣстникъ Промышленности*. 1; стр. 29—41.
144. **Женскія** училища въ Башкиріи. Статья *А—В—Д. Наше Время*. 11.
145. **Лама** Галсанъ-Гомбоевъ. О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано Карпини. *Записки Императорскаго Археологическаго Общества*. Т. XIII и Труды Восточнаго Отдѣла Императорскаго Археологическаго Общества. Ч. 4-я; стр. 236—257.

Нынѣшніе Монголы остались до такой степени вѣрны старинѣ, говоритъ авторъ, что, читая описаніе Плано-Карпини, забываешь, что оно сдѣлано назадъ тому 6 столѣтій. Это показываетъ намъ, съ одной стороны, до какой степени Азіатцы неподвижны въ своемъ бытѣ, понятіяхъ, а съ другой—что Монголы, или Татары, не смотря на множество племенъ и на огромныя разстоянія, на которыхъ они были разбросаны, составляли не только одинъ народъ, но какъ бы одно семейство.

146. **Инородцы** Казанской губерніи. *И. Некрасовъ. Русская Рѣчь*. 63.

Разборъ соч.: Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губ. *М. Лаптева*. 1861.

147. **Черемисскія** игрища. *Вятскія Губ. Вѣд*. 20.
148. **Черемисская** ловля рыбы дровами и тетеревей корзинами. *В. Сѣнниковъ. Экономическія Записки*. 20.
149. **О религіозныхъ** суевѣріяхъ Чувашъ. *Симбирскія Губ. Вѣд*. 38, 39, 40 и 41.

а) Понятія Чувашъ о божествѣ и объ отношеніяхъ его къ человѣчеству. б) О жертвоприношеніяхъ Чувашъ.

Молитвы Чувашъ при жертвоприношеніяхъ.

Въ честь Міродержителя.

Всевышній Боже, помилуй!
Матерь Божія, помилуй!
Предстоящій лицу Божію, помилуй!

Вѣстникъ, помилуй!
Матерь Вѣстника, помилуй!
Охраняющій стада, помилуй!
Посланникъ, помилуй!
Хранитель, помилуй!
Вседержитель, помилуй!
Матерь Вседержителя, помилуй!
Вѣстникъ Вседержителя, помилуй!
Матерь Вѣстника Вседержителя, помилуй!
Посланникъ Вседержителя, помилуй!
Владѣющій землею и водою, помилуй!
Вѣстникъ владѣющаго землею и водою, помилуй!
Матерь Вѣстника, владѣющаго землею и водою, помилуй!
Посланникъ владѣющаго землею и водою, помилуй!
Почивающій въ свѣтломъ мірѣ верхнемъ, помилуй!
Матерь почивающаго въ верхнемъ мірѣ, помилуй!
Вѣстникъ почивающаго въ верхнемъ свѣтѣ, помилуй!
Матерь Вѣстника, почивающаго въ верхнемъ свѣтѣ, помилуй!
Матерь Вѣстника, почивающаго въ верхнемъ свѣтѣ,
помилуй! истинно помилуй!
Приведи счастье и благополучіе съ устья Суры,
съ устья Волги, со дна морскаго!
Дай плодородіе хлѣба!
Что приняла земля, того не истреби градомъ!
Что дала земля, того не истреби градомъ!
Что дала земля, того не развѣй!
Не попусти, чтобы злодѣи нападали на насъ!
Не дай, чтобы несчастіе постигло насъ!
Дай жизнь веселую!

или:

Господи благослови! Господи помилуй!
Съ небесъ подавай, изъ земли намъ подавай!
Солому, какъ камышъ, дай!
Колосъ, какъ палочникъ, дай!
Изъ одного зерна 1000 зеренъ дай!
Выѣдемъ въ поле, дай потное поле! Аминь!
На гумно привеземъ, на гумнѣ умножь!
Въ сусѣкъ ссыплемъ и тамъ умножь!
Дай намъ возможность накормить голодныхъ
И обогрѣть страждущихъ отъ холода! Аминь!
Лошадямъ дай жеребятъ!
Коровамъ дай телятъ!
Полную избу дай ягнятъ!
Полныя лавки дай ребятъ!
Къ дверямъ дай зятя!
Въ передній уголъ дай сноху! Аминь!

150. **О праздникахъ** и мольбахъ, отправляемыхъ крещеными Чувашами. Статья *М. Л. Самарскія Губ. Вѣд.* 16.

Эти праздники слѣдующіе: Мунгонъ, Кереметь, Учукъ, Синьзя и Чуклема.

151. **Чувашскій** вечеръ въ селѣ Ходарахъ, Курмышскаго уѣзда. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 32.

152. **Матеріалы** для физіологіи общества. Статья *И. Л. Самарскія Губ. Вѣд.* 6.

Явленія, сопровождающія выборы. Изъ быта *Мордвы*. Судъ надъ мертвыми. (Изъ быта *Чувашъ*.)

153. **Замѣтка** о Мордвахъ. *С. Шишкинъ. Вѣкъ.* 48.

Въ статьѣ, подъ этимъ заглавіемъ помѣщено нѣсколько мордовскихъ пѣсенъ, очевидно, какъ говоритъ авторъ, сочиненныхъ въ XVIII вѣкѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

I.

Максимова Варвара барыня шесть лѣтъ замужемъ и отъ мужа добра не видала, мужниныхъ лаптей не обувала и одежды не нашивала. Варвара ходитъ, она гуляетъ, о душегубствѣ она смекаетъ; мужа зарѣзать случая ищетъ. Матери своей она пеняетъ: Богъ мой? На что-же меня, мать, отдала ты маленькому ребенку, который кашу ѣстъ и въ зыбкѣ спитъ.

II.

Плачетъ Артемій зиму и лѣто, подъ избой и подъ амбаромъ: днемъ — на лавкѣ сидя, вечеромъ — лежа. А объ чемъ, самъ не знаетъ, такъ нашла тоска на него. И пошелъ онъ въ Барки *) въ гости съ женою своею, а невѣстка, жена его сына Аѳанасія, пошла на базаръ, купила мышьяка и сказала свекрови: «убью мужа своего Аѳонасія, выду за другаго». Тутъ взяла мышьяка, всыпала мужу въ чашку. Мужъ выпилъ, сталъ трепетаться. Кажется ей не скоро. Взяла, пришибла его пихтелемъ, вытащила изъ избы и повѣсила на лычной веревкѣ; сама начала плясать по-русски и хвалиться и съ пляскою вошла въ избу. А Артемія въ гостяхъ просятъ играть на гусляхъ; а жена пляшетъ и хвалится: «какъ на сердцѣ у меня радостно». «А гдѣ же ваши»? спрашиваютъ ее. «Сынъ Аѳанасій въ лѣсу». «А гдѣ сноха»? — «Дома

*) Селеніе.

работаетъ, ей помогаетъ дочка Катюшка». А Катюшка пошла въ Барки скоро за отцемъ за матерью, волосы на обѣ стороны распущены, какъ бѣлый ленъ, по лицу слезы текутъ. — Стукнула у воротъ, залаяли собаки. Кто идетъ? «Катя моя, говоритъ, и идетъ волосы на обѣ стороны распущены, словно бѣлый ленъ.» «Что ты, дѣвочка, пришла?» «За тѣмъ къ вамъ пришла, что у тебя сноха сына убила, Аѳанасія».

Колыбельная пѣсня.

Семенова Маланья, цыганская бабенка, чугунное лице! Люди прядутъ въ сосновой и ивовой банѣ, а ты, Маланья, прядешь въ земляной землянкѣ. Люди шьютъ на дворѣ на солнышкѣ, а Маланья шьетъ подъ тѣнью, въ зеленой рощицѣ; гнилая колода березовая подъ нею. А на разумѣ Маланья держитъ новорожденное дитя, предъ нею поставлена лутошная колыбель съ качалкою; на нихъ положено новорожденное дитя. Бай тютю, бай бау, дитятко, бай бау. У тебя нѣту по себѣ матери, а отецъ песъ, — козелъ, ревунъ; днемъ лошадей воруетъ, ночью амбары грабитъ. Бай тютю, дитятко бай бау. Въ колыбели качаешься и на отвѣтъ мнѣ говоришь: дѣвка буду, имячко мое хорошенькое Алена; сынъ буду, имячко мое хорошенькое — Савелій.

154. **Разсказы** о Вотякахъ. *А. Никитинъ. Сынъ Отечества.* 43, 44 и 45.

Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, долго жилъ между Вотяками, и потому сообщаетъ любопытныя этнографическія свѣдѣнія. Его разсказамъ предшествуетъ краткій историческій очеркъ. За тѣмъ слѣдуютъ самые разсказы: 1) поминки; 2) кумышка, родъ хлѣбной водки, только съ запахомъ дыма и прескверная на вкусъ, выкуренная чрезъ мѣдныя трубы, которыя, при извѣстной вотяцкой неопрятности, дѣлаютъ эту водку вредною для здоровья. Въ разсказахъ авторъ сохранилъ выговоръ русскихъ словъ Вотяками.

155. **Вятскіе** Вотяки. *Вятскія Губ. Вѣд.* 10—14.

Содержаніе: 1) Древніе Вотяки; характеръ; образъ жизни и занятія нынѣшнихъ Вотяковъ. 2) Вѣрованія. 3) Праздники. 4) Свадебные обряды.

156. **Замѣтки** о Пермякахъ Вятской губ. Статья *Н. Кл. Вят. Губ. Вѣд.* 44 и 45.

157. **Тентери** Елабужскаго уѣзда. Статья *N. J. Вятскія Губ. Вѣд.* 21 — 24.

158. **Нѣкоторыя** свѣдѣнія объ обдорскихъ инородцахъ. Статья *В. И. Тобольскія Губ. Вѣд.* 15 и 16.
Свѣдѣнія объ Остякахъ.

159. **Еще** нѣсколько свѣдѣній о березовскихъ инородцахъ. Статья *В. И. Тобольскія Губ. Вѣд.* 26, 27 и 28.
Въ настоящей статьѣ говорится о березовскихъ, сургутскихъ и другихъ Остякахъ.

160. **О Самоѣдахъ** Березовскаго округа. Статья *В. И. Тобольскія Губ. Вѣд.* 29.

161. **О народахъ,** обитавшихъ въ древности въ южной части западной Сибири. (Изъ соч. О. Іакинѳа.) По китайскимъ источникамъ. *Томскія Гуд. Вѣд.* 50.

162. **Записки** миссіонера кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи. *В. Вербицкій. Душеполезное Чтеніе* 9, стр. 75—98.

163. **Буряты.** Статья *Лядова. Разсвѣтъ.* 11; стр. 229 -242.

164. **Образъ** жизни и пища Бурятъ — суть причины развитія между ними животныхъ паразитовъ. *Н. И. Кашинъ. Московская Медицинская Газета.* 34, 35 и 36.

165. **Статья Комета.** *Иркутянинъ. Амуръ.* 80.
По поводу ст. г. Толя объ Иркутскѣ, Бурятахъ и буддизмѣ.

166. **Гижигинскіе** и охотскіе инородцы. Статья *В. Амуръ.* 24.
Эта статья написана была еще въ 1846 г.

167. **Первый** малтанскій налетъ. *І. Либанскій. Амуръ.* 4; 3 стр.
Въ Якутской области, вѣдомства западной кангальской инородной управы. Налетомъ называется населеніе Якутовъ.

168. **Фузы** и другіе обитатели Маймачина. *Наше Время.* 2; 2 стр.
Маймачинъ — пограничный городъ, близъ Кяхты.

169. **Идолопоклонническое** вѣрованіе Камчадаловъ. *Калейдоскопъ.* 9; 2 стр.

170. **Письмо** въ редакцію «Одесскаго Вѣстника». Статья *С. Одесскій Вѣстникъ,* 51.
О народахъ, населяющихъ Амурскую область.

171. **Les Orotchones** et les Ghiliakes, Notes étnographiques extraites de l'ouvrage Le fleuve Amour. Par *M. C. de Sabir. Nouvelles annales de voyages.* 1861. 6.

172. **Болѣзни,** господствующія между индѣйцами (Колошами), населяющими островъ Ситху. *З. Говорливый Медицинскій Вѣстникъ.* 28—31.
Въ этой статьѣ помѣщены краткія этнографическія свѣдѣнія о Колошахъ.

173. **Алеуты** и Колоши. *Чтеніе для Солдатъ.* 3; стр. 20—25.

174. **Замѣтка** на статью: »Устройство быта Тептярей«. *Оренбургскія Губ. Вѣд.* 10.

2. СВАДЕБНЫЕ И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ.

175. **Русская** свадьба, съ ея обрядами и пѣснями. *М. Кривошапкинъ. Свѣточъ.* 2; стр. 1—110.

176. **Крестьянскія** свадьбы въ Елабужскомъ уѣздѣ. *Вятскія Губ. Вѣд.* 2—6.

Въ этой статьѣ авторъ ограничился выборомъ только тѣхъ свадебныхъ пѣсенъ, которыя особенно характеризуютъ мѣстные нравы и обычаи крестьянъ Елабужскаго уѣзда. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ пѣсень.

Забречали винны чарочки,
Зашумѣло зелено вино;
Подносятъ родимому батюшкѣ;
Не примай-ко, родимой батюшко,
Хмѣльнаго зелена вина;
Гораздо тебѣ, батюшко, зелено то вино
Кажется слаще меду, слаще сахару!

Сборы, вы сборы Аннушкины!
Сбирала Аннушка всѣхъ подругъ,
Садила подруженекъ рядъ по ряды,
Сама та садилася новыше всѣхъ;
Задумала думушку покрѣпче всѣхъ:
Какъ бы мнѣ назвать свекра батюшка?
Свекромъ-то назвать — такъ осердится;
Батюшкомъ назвать — такъ не хочется;
Убавлю я себѣ спѣси-горести,
Прибавлю себѣ ума-разума:
Назову свекра — батюшкомъ.

При вечерѣ, вечерѣ,
При Аннушкиномъ дѣвишникѣ,
Не веселъ соколъ летѣлъ высоко,
Высадился на окошечко,
На серединое косящетое;
Увидѣла его матушка,
Говорила своей дочери,
Аннѣ Михайловнѣ:
Ты родимое дитятко,
Ты дитя мое милое!

Приголубь себѣ, голубушка,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго!
Я бы рада приголубить его,
Да бѣлы ручки опустилися,
Рѣзвы ножки подогнулися,
Очи ясныя помрачилися,
Голова съ плечь покатилася.

Соловей ты мой, соловеюшко,
Не взвивайся ты высокохонько,
Выше садика зеленаго!
Взовьешься — опустишься,
Отшибешь ты право крылышко,
Право крылышко павиное.
Ужъ родимой батюшко!
Не примай-ка зелена вина,
Не пропей-ка свою милую дочь!
Ужь ты дочь пропьешь—не выкупишь.
Ты пропей лучше широкій дворъ,
Ты дворъ пропьешъ—выкупишь,
Дочь пропьешь—не выкупишь!

Перекатная честна звѣзда,
Перекатила зорю утренню,
Что другую зорю вечернюю,
Становилась супреть мѣсяца,
Супреть мѣсяца, красна солнышка.
Дорогая наша гостейка,
Аннушка Михайловна,
Перешла она сѣни новыя,
Перекладечки дубовыя;
Становилась супреть батюшка,
Супреть батюшка родимаго,
Супреть матушки родимыя,
Говорила своему батюшкѣ родимому,
Своей матушкѣ родимыя:
— Ужь ты батюшко родимой мой,
Ужь ты матушка родимая!
Что нельзя ли этому горю пособить,
Что меня за-мужъ не выдати,
За удалаго добраго молодца?
Ужь ты дитятко родимое,
Моя дочь милая!

Что нельзя этому горю пособить,
Чтобы тебя за-мужъ не выдати,
Зелено вино роспито,
Что тонки дары раздарены,
По бѣлымъ рукамъ ударено,
Мое дитятко запоручено
За удалаго добраго молодца,
За Егора та свѣтъ Иваныча.

Величаніе жениху.

Какъ во нынѣшнемъ во славномъ во году,
Уродилось много розану въ саду.
Тутъ ходилъ, гулялъ прекрасный кавалеръ,
Подходилъ онъ къ розѣ, розову кусту,
Онъ садился подъ розовый кустокъ,
Сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ,
Онъ цвѣтку, цвѣтку дивуется,
Красотѣ своей любуется:
Сколь ты цвѣточекъ нѣженъ и хорошъ,
А я молодецъ — холостъ не женатъ.
А еще я былъ во Питерѣ, Москвѣ,
Не нашелъ таки невѣсты по себѣ.
Во соборъ я взойду, Богу помолюсь,
На всѣ стороны, четыре, поклонюсь,
Мнѣ создай Боже, Господи!
Мнѣ невѣсту хорошенькую,
Мнѣ невѣсту-ту барышню,
Со большимъ приданнымъ,
Со златомъ, со серебромъ,
Съ молодой вдовой, со ключницей,
Со молодчикомъ, со сговорщикомъ.

Величаніе дружкѣ.

Долина, долинушка,
Раздолье широкое,
Ай люли, ай люли — раздолье широкое,
Приволье хорошее.
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Андрѣюшко Яковличъ.
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку.
Увидѣла матушка
Изъ высока терема,
Изъ косящета окна.
Дитя мое, дитятко.

Дитя, чадо милое!
Что ходишь не весело,
Гуляешь не радостно.
— Мати моя, матушка,
Мати государыня!
Какъ мнѣ ходить весело,
Гуляти мнѣ радостно?
Всѣ люди женятся,
А я холостъ — не женатъ!
— Женю, женю дитятко,
Женю, чадо милое!
Возьму, возьму, дитятко,
У богата купца дочь,
Умную, разумную,
Да тиху рѣчь, политичную,
Отъ людей отличную,
Ай люли, ай люли—отъ людей отличную.

Величаніе каждому гостю по одиночкѣ.

Какъ во садѣ, какъ во садѣ,
Виноградномъ саду,
Летѣлъ голубь, летѣлъ сизой
Со голубушкою.
У голубя у сизова
Золотая голова,
У голубушки у сизой
Да позолоченая.
Ему братья, ему братья
Позавидовали:
Исполать, братъ, исполать, братъ.
Хороша у тѣ жена!
Кабы эка, кабы эка
У меня была жена,
Умѣлъ бы я, умѣлъ бы я
Надъ ней честь вести.
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкѣ каталъ,
Я зимою холодною
На очаковскихъ саняхъ,
На своихъ же лошадяхъ;
На извощичкѣ кафтанъ
Васильковаго сукна,
Да петербургскаго шитья.

Величаніе жениху и невѣстѣ.

Какъ во садѣ было, во садичкѣ,
Во зеленомъ, во вишневомъ,
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ:
Онъ чесалъ буйну голову
Егоръ-отъ, свѣтъ Ивановичь,
Онъ чесалъ и приговаривалъ:
— Разсыпайтесь мои волосы (2)
По моимъ плечамъ могучимъ, (2)
Прилегайте мои волосы (2)
Къ моему лицу бѣлому, (2)
Ко моимъ щекамъ румянымъ. (2)
Привыкай красна дѣвица, (2)
Свѣтъ Анна Михайловна,
Къ моему уму, разуму,
Да ты ко нраву молодецкому. (2)
Мнѣ-ка умъ-отъ не глянется, (2)
Мнѣ-ка нравъ-отъ вашъ не нравится. (2)
Раскаталося вишенье
Передъ яблонью садовою, (2)
Передъ грушею зеленой. (2)
Вотъ разплакалась дѣвица
Передъ батюшкомъ родимымъ, (2)
Передъ матушкой родимою. (2)
Ты родимый мой батюшко!
Ты родимая матушка!
Что нельзя ли этому горю пособить,
Эту думу передумати,
Меня за-мужъ не выдати,
За удалъ добра молодца?

Много, много во виной рѣкѣ,
Много злата, много серебра, (2)
Много скатнаго жемчугу, (2)
Только во виной рѣкѣ (2)
Нѣту самоцвѣтнаго камешку, (2)
Самоцвѣтнаго лазореваго. (2)
Много, много у Енюшки, (2)
Много роду, много племени, (2)
Много ближнихъ и пріятелей, (2)
Только у Енюшки,
У молоденькой свѣтъ у Ивановны,
Нѣту родимаго батюшка. (2)
Снарядить-то ее есть кому, (2)

Благословить-то ее не кому. (2)
Осударь, родимый братенько, (2)
Егорушко, свѣтъ Ивановичъ!
Ты поди-ко на конюшонъ дворъ, (2)
Выбирай-ка коня лучшаго; (2)
Мы поѣдемъ ко Божьей церкви. (2)
Привяжи коня къ колоколенкѣ, (2)
Ты ударь въ большой колоколъ, (2)
Заунывнымъ голосомъ, (2)
Не разступится-ли мать сыра земля, (2)
Не разскроется ли гробова доска, (2)
Не разскроется ли дорога́ парча, (2)
Не возстанетъ-ли родной батюшко, (2)
Не благословитъ-ли меня горькую, (2)
Мнѣ подъ златъ вѣнецъ ѣхати. (2)

Величаніе священнику:

У батюшки бородка,
У батюшки русая!
Вотъ эту бородушку Царь любитъ,
По бородушкѣ Царь гладитъ,
Приближенною называетъ:
Приближенный Царю воевода!
Слышишь-ли батюшко:
Тебѣ пѣсни посмъ,
Тебя величаемъ?
Какъ-бы ты слышалъ,
Такъ насъ, пѣвицъ, подарилъ:
Не рублемъ, не полтиною,
А золотой казной!
Намъ молодушечкамъ много надо:
На пряники, на орѣшки,
На черные чернилы,
На бѣлые на бѣлилы,
На твою матушку
Съ городами вѣнокъ,
Съ пригородочками;
На твоево сына милова
Добра коня,
Конь подъ нимъ
Равно лютый звѣрь,
Самъ на конѣ
Какъ соколъ на лету;
На твою, батюшко, дочерь милую
Тальянской платъ
Позолоченой.

Исполать тебѣ, батюшко,
Исполать тебѣ, отецъ Николай!
Исполать со матушкой Сидоровной,
Исполать со дѣтушками со маленькими.

Величаніе свату.

Ты, сватушко, молодой,
Наливай купецъ *) медевой!
Чтобы весела наша бесѣда,
Радошна была.
Не пчелынки летѣли,
Къ шатру прививалися.
Шатеръ ты мой, шатричокъ!
Въ этомъ во шатрикѣ Иванушко лежитъ,
Онъ лежитъ, ухмыляется,
Своей женой похваляется:
— У меня жена умная,
Свѣтъ Анна-та Марковна:
Своему дому хозяюшка,
Своимъ дѣтушкамъ матушка.

Величаніе свахѣ.

На твою, Ѳеклушка, парчевую шубу;
Шуба шумитъ,
Проволока гремитъ,
Пуговки бренчатъ.
Слышишь-ли, Ѳеклушка,
Слышишь-ли, Александровна?
Тебѣ пѣсни поемъ
Тебя величаемъ.
Кабы ты слышала,
Такъ насъ пѣвицъ подарила,
Не рублемъ, не полтиною,
А серебряной гривной!

Во горенкѣ во новой. (2)
Что за нужда **), во новой!
Стоитъ столикъ кедровой, (2)
На столикѣ набрано,
Графинъ водки ставлено.

---

*) Купецъ, т. е. кувшинъ.
**) Эти слова прибавляются къ каждому послѣднему слову новой строки.

Свѣтъ Андрей-отъ господинъ (2)
По горенкѣ проходилъ,
Ко столечку подходилъ,
Рюмку водки стаканъ наливалъ, (2)
Свѣтъ Михайловнѣ подносилъ:
Александра жизнь моя,
Выпей рюмку отъ меня,
Отъ Андрея сокола!
Я за эту тебѣ услугу
Нитку жемчугу подарю.
Носи жемчугъ — не жалѣй. (2)
Корми сына, нѣжъ, лелѣй....

177. **Свадебные** обряды въ Васьяновской волости Кадниковскаго уѣзда. *В. Кичинъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 8.

178. **Свадебный** обрядъ въ деревняхъ Новогрудскаго уѣзда. *Дмитріевъ. Минскія Губ. Вѣд.* 15, *и Виленскій Вѣстникъ.* 20 *и* 26.

Обрядъ этотъ записанъ въ селѣ «Лаврищевѣ» въ 3-хъ миляхъ отъ Новогрудка.

179. **Свадьба** и похороны. Статья *М. Л. Курскія Губ. Вѣд.* 34.

О странномъ обычаѣ дѣвушекъ ходить по улицамъ города и зазывать женихомъ битьемъ въ мѣдный тазъ.

180. **Нравы** и свадебные обычаи московскихъ мѣщанъ. *С. Макашинъ. Московскій Курьеръ*, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59 и 67.

181. **Свадебные** обряды малороссіянъ слободы Воронцовой, Павловскаго уѣзда. *Воронежская Бесѣда* на 1861 г.; стр. 167—178.

182. **Этнографическая** замѣтка. *П. Гундобинъ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 11.

Эта замѣтка относится къ свадьбѣ.

Во многихъ деревняхъ и селахъ Шуйскаго уѣзда существуютъ и исполняются еще и въ настоящее время при свадебныхъ обрядахъ слѣдующіе довольно странные обычаи. Когда привозятъ въ домъ родителей изъ церкви отъ вѣнчанья жениха и невѣсту, то ихъ встрѣчаютъ родные у воротъ дома и разстилаютъ въ это время по двору до дверей дома сѣно, по которому новобрачные и должны идти; сѣно нерѣдко настилаютъ и во всѣхъ комнатахъ дома, при томъ убѣжденіи, что въ это время неблагонамѣренные и злые люди часто *портятъ* новобрачныхъ и нашептываютъ на нихъ разные болѣзни; но сѣно будто не допускаетъ до дѣйствія чаръ и прикосновенія порчи и нашептываній.

Въ домѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ, первый съ хлѣбомъ и солью, а послѣдняя съ *кружкой кваса*; новобрачные подходятъ подъ благословеніе отца и матери и цѣлуютъ при этомъ, послѣ благословенія, — первоначально ихъ самихъ, а потомъ хлѣбъ-соль и квасъ!... По убѣжденію крестьянъ встрѣча въ домѣ новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и квасомъ — выражаетъ имъ желаніе жить въ довольствѣ и не имѣть нужды.

183. **Описаніе** свадебныхъ обрядовъ жителей Соликамскаго уѣзда. Пожевскаго завода съ окрестностями. *А. Калмыковъ.* *Пермскія Губ. Вѣд.* 1 и 2.

184. **Вознесенскій** посадъ и его окрестности. *Я. Гарелинъ.* *Владимірскія Губ. Вѣд.* 15—21.

Здѣсь, между прочимъ, помѣщено описаніе свадьбы и свадебныя пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

У дѣвушки въ горенькѣ
Два голубя воркуютъ,
Цѣлуются милуются,
Весело играютъ.
Они милую Оринушку
Только утѣшаютъ:
Ты милая Оринушка,
Тебя батюшка кличетъ!
Подруженьки, голубушки!
Я право не слыхала.
У дѣвушки въ горенькѣ
Два голубя воркуютъ,
Цѣлуются милуются,
Весело играютъ,
Они милую Оринушку,
Только утѣшаютъ:
Ты милая Оринушка!
Тебя матушка кличетъ.
Подруженьки, голубушки!
Я право не слыхала.
У дѣвушки въ горенькѣ
Два голубя воркуютъ,
Цѣлуются милуются,
Весело играютъ.
Они милую Оринушку
Только утѣшаютъ:

Ты милая Оринушка!
Тебя милый другъ кличетъ.
Подруженьки, голубушки!
Я право давно слышу.

Ты злодѣй, злодѣй измѣнница,
Ты злодѣйка лиходѣйница!
Измѣнила намъ подруженькамъ:
Ты сказала: не пойду замужъ,
Не пойду и не подумаю,
Не послушаю чужихъ людей!
Ты сказала: въ монастырь пойду,
Въ монастырь пойду, въ игуменьи,
Васъ подруженьки съ собой возьму,
Ужъ я первую-то въ ключницы,
А вторую во ларечницы,
Ужъ я третью-то—полъ мести,
А четвертую — подолъ нести.
А теперь, что ты надѣлала!
Замужъ ты пошла, подумала-ль?
Ты людей чужихъ послушала.
На кого же такъ прельстилася?
Человѣка-ли добилася,
Али умнаго разумнаго,
Али школьнаго манернаго?
Его рожа-та буграми вся,
Точно черти по ней ѣздили,
Борода-то вся растрепана,
Точно вѣникъ старый, брошенный;
А буркалы-то съ болячками
И рѣсницы-то всѣ вылѣзли;
А носина верста цѣлая!
Повернется — по лицу хлыснетъ;
Сапожишки износилися
И подошвы отвалилися;
А шляпенка-то старешенька,
Изъ за дыръ дыра выглядыватъ;
Рукавицы-то оборваны,
Изъ нихъ пальцы торчатъ грязные.
Кофтанишко-то съ заплатами;
На однѣхъ-то ниткахъ держится!
Не умѣетъ и того надѣть,
Носитъ шиворотъ на выворотъ;
Не умѣетъ подпоясаться —
Назади узелъ завязыватъ,

Напередъ концы выправливатъ!
Не умѣетъ онъ кудрей чесать,
Онъ ихъ сзади на передъ деретъ.
Не умѣетъ отворить дверей,
А отворитъ — лбищемъ треснется!
Не умѣетъ взойти въ горницу,
А идетъ — все запинается;
Не умѣетъ поклонитися,
Въ задній уголъ онъ поклонится —
Отъ гостей-то отворотится;
Не умѣетъ сѣсть на лавочку,
Наконецъ сядетъ — шлепнется;
Не умѣетъ разговоръ вести,
Скажетъ — словомъ-то подавится;
Не умѣетъ носа вытереть,
Кулакомъ сопли размазыватъ;
По губамъ его слюна течетъ,
Поцѣлуетъ — всю замусляетъ.

Не судите вы подруженьки,
Не браните меня горькую!
Не сама я это сдѣлала,
Не своей волей-охотою,
Что безъ вѣтра и безъ вихоря
Растворилися воротушки!
Я не знала и не вѣдала,
Какъ ко мнѣ гости наѣхали,
Гости гордые, спѣсивые,
Всѣ чужіе незнакомые!
Посадили меня бѣдную,
За дубовой столъ, на лавочку!
Не успѣла и опомниться,
Какъ меня ужъ запоручили,
Красоту-то мою продали,
Добру молодцу удалому;
Накопить ума мнѣ не дали,
Нагуляться не позволили!
Пожалѣйте вы подруженьки,
Пожалѣйте задушевныя,
Меня горькую несчастную,
Во моемъ великомъ горюшкѣ!
Разлучаюсь съ красотой моей,
Разлучаюсь съ косой русою,
Съ лентой алой, недоношенной,
Съ волей милой, съ волей дѣвичьей!

А горчѣе разставаньице
Съ моимъ батюшкомъ раздѣльникомъ,
Съ моей матушкой раздѣльницей,
Съ вами милыя подруженьки.

Зеленись въ саду березынька,
Зеленись моя кудрявая,
Пока лѣто у насъ красное,
Пока грѣетъ солнце свѣтлое!
Какъ придетъ зима холодная,
Со морозами трескучими,
Признобитъ тебя несчастную,
Отъ верхушки до кореньеца!
Опадутъ листья зеленые,
Ихъ развѣетъ вѣтеръ по саду.
Покрасуйся душа (имя невѣсты)
Въ красотѣ ты своей дѣвичьей;
Красота твоя минуется
И погибнетъ отъ замужества!
О дѣвичьей красѣ слухъ идетъ,
По всѣму-то свѣту бѣлому;
Ее видѣть можно за сто верстъ,
О ней слышно верстъ за тысячу!
А краса бабья отцвѣтшая —
На печи въ углу подъ шубою.

Ты капка-ли капочка моя,
Ты капка мелко-травчатая,
Мелко-травчатая, узорчатая!
Не давайся ты развертываться,
Что ни плису, что ни бархату,
Ни атласу съ золотой парчей.
Ты душаль моя Парашенька!
Не давайся ты высматриваться,
Что ни князю, ни боярину,
Ни тому сыну гостиному.
Какъ гостиной-то сынъ волю взялъ;
Онъ у терема дверь отворилъ
И Парашеньку повысмотрѣлъ!
А Параша испугалася,
За подружекъ схоронилася:
Схороните вы подруженьки,
Схороните вы голубушки!
Вонъ пріѣхалъ погубитель мой,

Вонъ пріѣхалъ раззоритель мой,
Вонъ пріѣхалъ расплети коса,
Вонъ пріѣхалъ—потеряй красу!
Говоритъ ей доброй молодецъ:
Что не я вѣдь погубитель твой,
Что не я вѣдь раззоритель твой
И не я же расплети коса,
И не я же потеряй красу!
Погубитель-то твой батюшко,
Раззорительница матушка,
Расплети то коса свахонька,
Потеряй-то красу Пашенька!

Красота моя красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Мнѣ куда тебя дѣвать будетъ?
Въ темный лѣсъ пустить—заблудишься,
Пустить въ поле—загуляешься,
На рѣку пустить—утопишься!
Ужъ ты взвейся красота моя
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
И ударься о сыру землю,
Разшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернушку,
Чтобы вышла моя матушка,
Подобрала-бъ поскорѣй тебя
И посѣяла-бъ въ своемъ саду,
Поливала-бы не рѣчной водой,
Не рѣчною, не колодезной,
А своею слезой горькою!
Вы подруженьки, голубушки,
Вы подружки задушевныя!
Не корите и не гнѣвайтесь,
Что васъ милыя не встрѣтила,
Середи двора широкаго,
Супротивъ крыльца высокаго,
Дверь не отворила новую,
Не ввела въ свою свѣтелочку!
Не за-спѣсью, не за-гордостью,
За своимъ великимъ горюшкомъ.
Рѣзвы ноги подкосилися,
Бѣлы руки опустилися,
Голова съ плечей скатилася,
Очи ясны помутилися,

Ума разума лишилася,
По красѣ своей по дѣвичьей,
По своей-ли русой косанкѣ!
Ужъ моя-то ли красотушка,
Красота-то — не догулянна,
Коса руса — не дорощенна,
Ала лента не доношена!
Ахъ родимый ты мой батюшко,
Со родимою со матушкой!
Ужъ за что-же вы прогнѣвались,
Что не дали-то мнѣ бѣдненькой
Съ умомъ разумомъ собратися,
Нагулятися съ подружками!
Ужъ вы матушки подруженьки,
Ужъ вы матушки голубушки!
Ужъ придетъ къ вамъ весна красная,
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы!
Вы пойдете во луга гулять,
Ужъ вы будете траву топтать,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать,
Ужъ вы будете вѣночки вить.
Мой единъ цвѣтокъ останется;
За меня сорвите вы его
И сплетите за меня вѣнокъ,
Передайте моей матушкѣ,
Во косящето окошечко!
И не клала-бъ моя матушка
Ни въ ларецъ и ни въ коробочку,
Положила-бъ моя матушка
Впереди въ углу на лавочкѣ,
Поглядѣла-бъ моя матушка
На вѣнокъ чрезъ трои суточки,
Не завянетъ-ли вѣночикъ мой,
Мое сердце не изноетъ-ли
Во чужихъ-то людяхъ живучи,
У чужаго отца съ матерью,
У чужаго роду племени,
За дороднымъ добрымъ молодцомъ?
Ужъ чужіе-то отецъ и мать
Уродилися безжалостны;
Безъ вины они журятъ бранятъ,
Безъ причины они бить велятъ!
Ихъ порядокъ не по нашему;
И обѣдъ-отъ идетъ къ вечеру;
А ужъ ужинъ ко-полуночи.

Грустныя чувства невѣсты становятся сильнѣе, ей приходитъ на мысль важное обстоятельство — трогательный обрядъ благословенія иконою, которымъ дорожатъ не только въ крестьянскомъ быту, но даже и въ высшихъ сословіяхъ. Это обстоятельство никого такъ глубоко не трогаетъ, какъ дѣвушку сиротку, не имѣющую возможности получить благословенія родительскаго. Проникнутая чувствомъ сиротства, она причитываетъ, а если имѣетъ хорошій голосъ, то поетъ слѣдующія пѣсни:

Я пойду на колоколенку
И ударю въ большой колоколъ:
Не услышитъ ли раздѣльница,
Моя матушка родимая,
Колокольный звонъ въ сырой землѣ;
Не откликнется-ль на горькій плачь
Своего дитя родимаго?
Я тогда скажу голубушкѣ
Про свое горе-несчастіе,
Что меня ужъ за-мужъ собрали
И что завтра повезутъ къ вѣнцу
И наѣдутъ гости званные
Всѣ чужіе мнѣ не милые!
Лишь тебя одной, кормилица,
Тутъ не будетъ на пиру мосмъ —
Не глядѣла-бы на бѣлый свѣтъ!
И отпуститъ меня въ Божій храмъ,
Къ дѣлу страшному, великому,
Мать чужая посаженная!
Не прошу у тебя матушка
Я ни золота, ни серебра,
А прошу моя родимая
Твоего благословенія;
Мнѣ оно дороже золота,
Мнѣ оно дороже серебра!
Дай его, моя раздѣльница,
Сиротѣ несчастной дочери.

Дорогой ты мой родимый братъ!
Къ намъ гостей много наѣхало,
Что одной-то гостьи нѣтъ, какъ нѣтъ,
Моей матушки раздѣльницы!
Нарядить-то меня есть кому,
Проводить-то меня некому.

Ты сходи, братъ, въ церкву Божію
И ударь ты въ звонкій колоколъ,
Не простонетъ ли сыра земля,
Не дрогнетъ ли гробова доска,
Не распахнется ли злата парча
И не встанетъ ли родимая,
Къ часу этому великому,
Къ моему благословенію?
Нужно ѣхать къ суду божьему
И стоять подъ золотымъ вѣнцомъ,
Обручаться съ женихомъ кольцомъ.

Ты коса-ли моя длинная!
Украшеніе ты дѣвичье,
Моя гордость предъ подружками,
Сухота ты молодецкая!
Я тобой открасовалася,
Тебя косанька продать хотятъ,
Выплесть ленту твою алую!
Раздѣлить хотятъ на шесть прядей
Заплести хотятъ на двѣ косы
И прикроютъ кичкой бабьею
Разорители губители!
Ты сестра моя родимая,
Задушевная голубушка!
Подойди ко мнѣ бѣдняжечкѣ
И возьми ты ленту алую,
Вплети въ косу свою длинную
И красуйся пока въ дѣвушкахъ!

Ахъ вы милыя подруженьки,
Вы подружки задушевныя!
Разскажу я вамъ, подруженьки,
Про свое горе великое:
Меня батюшко и матушка
Запоручили чужимъ людямъ!
Мои ноги подкосилися,
Мои руки опустилися,
Голова съ плечь скатилася,
Мое сердце не воротится;
Оно кровью обливается!
Съ горя въ камень обращается!
Подкосили меня бѣдную
Отецъ съ матерью безъ жалости!

И теперь мои подруженьки,
Ожидаю часа горькаго!
Скоро будетъ ко мнѣ свахонька,
Приспѣсивая, ломливая,
И сорветъ съ меня подруженьки,
Красоту съ дѣвичьей гордостью!
Такъ окончится, бѣдняжечки,
Жизнь веселая, безпечная!
Не попомните же, милыя,
Вы ни зла мово, ни грубостей,
Неумышленныхъ досадъ моихъ!
Красота моя минуется,
Съ грязью черною смѣшается,
Съ черной грязью подорожною,
Съ подорожною — подножною.

Ты коса ли моя косанька,
Ты коса ли моя русая!
Я тобою красовалася,
Передъ всѣми похвалялася!
Тебя косу расплести хотятъ
И покрыть бабьимъ повойникомъ.
Красота ты моя дѣвичья,
Разлучить съ тобой на вѣкъ хотятъ.
Моя волюшка минуется,
Никогда и не воротится.
Ты родная моя матушка!
Не давай имъ косу русую,
Не давай имъ красоту мою
И привольную жизнь дѣвичью!
Ты прижми меня къ груди своей,
Разскажи, какъ жить въ чужихъ людяхъ,
У чужаго отца съ матерью,
У чужаго рода племени.
Вѣдь чужіе-то отецъ и мать,
Безъ вины будутъ журить, бранить,
Безъ мороза сердце вызнобятъ,
Безъ бѣды глаза повыколютъ.
Ностъ сердце мое бѣдное!
Я пойду ли во зеленый садъ:
Ужъ не блекнетъ ли цвѣточикъ мой?
Упадитко дорогой вѣнокъ,
У роднаго отца милаго,
У моей родимой матушки
Въ зеленомъ саду подъ яблонью.

Благослови меня мой батюшко,
Благослови родная матушка
Дорогимъ благословеніемъ
И родительскимъ крестомъ своимъ!
Мнѣ вѣдь нужно въ церковь ѣхати
Къ суду божьему великому,
Къ дѣлу страшному, священному,
Подъ тяжелый золотой вѣнецъ,
Обручаться перстнемъ съ суженымъ,
Предъ налоемъ стоять съ ряженымъ;
Обвѣнчаться съ нимъ и ѣхать въ домъ
Ко чужимъ людямъ безжалостнымъ.
Я прошу, родная матушка,
Взять съ собою всѣхъ родныхъ моихъ;
Но пускай они не сердятся,
Какова имъ честь покажется!
Не у милаго я батюшки,
Не у милой моей матушки;
Угощать буду въ чужихъ людяхъ,
Не въ своемъ любимомъ теремѣ.

Ужъ ты родненькой мой милый братъ,
Осѣдлай-ко коня быстраго,
Поѣзжай ты къ храму божьему,
Пріударь ты въ звонкій колоколъ:
Не разсыплется-ль сыра земля,
Не раскроется-ль могилушка,
Не развернется-ли тонкой холстъ,
И не встанетъ-ли родная мать,
Къ часу горькому великому?
Нарядить меня есть кому,
Отпустить лишь только некому!
И не требую я золота,
Мнѣ ненадобно и серебра;
Я хочу благословенія
Отъ моей родимой матушки.
Ты голубка сестра милая!
Замѣни мнѣ мѣсто матери,
Соберитко въ церковь божію,
Подъ тяжелый золотой вѣнецъ.

185. **Очеркъ** нравовъ, обычаевъ и быта Молдаванъ. Статья *К. Х. Бессарабскія. Обл. Вѣд.* 6, 7, 9, 10 и 11.
Свадебные обряды.

186. **Свадебные** обряды Мпнусинскихъ крестьянъ. Статья *С. В. Максимова. Иллюстрація*, 176 и 177.

187. **Сводные** браки въ Россіи. По поводу статьи о томъ же, помѣщенной въ «Архивѣ» Н. Калачова. *Отечественныя Записки.* 3; стр. 37—47.

188. **Шадхонимъ.** *Д. Фридманъ. Разсвѣтъ, органъ русскихъ Евреевъ*, 40.

Шадхонимъ: сватовство, довольно замѣчательный промыселъ еврейскій, въ Польшѣ.

189. **Свадебные** обряды Китайцевъ. (Отрывокъ изъ письма.) Статья *М. Ш. Амуръ.* 79.

190. **Замѣтки** о погребальныхъ обрядахъ у нѣкоторыхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ. *К. Добронравинъ. Странникъ.* 11; стр. 95—107.

191. **Малороссійскія** похороны въ Подгоренскомъ приходѣ Острогожскаго уѣзда. *С. А. Аполлосовъ. Воронежская Бесѣда* на 1861 г.; стр. 218—223.

---

3. ПРАЗДНИКИ, ИГРИЩА И НАРОДНЫЯ ГУЛЯНЬЯ.

192. **Отпусты** на Волыни. *Воскресное Чтеніе.* 24.

Отпусты—это тѣ же путешествія къ св. мѣстамъ; здѣсь говорится о путешествіи въ Почаевскую Лавру.

193. **Великдень** у Подолянъ. (По поводу «быта Подолянъ» Шейковскаго. Вып. 1. 1860). *Ан. Свидницкій. Основа.* 10, 11—12; стр. 43—64 и 26—71.

194. **Празднованіе** въ старину Новаго года въ Москвѣ. *Руководство для сельскихъ пастырей.* 35.

195. **Новый** годъ на Украйнѣ. Статья *А. Ю. Кіевскій Телеграфъ*, 1.

196. **Народные** обычаи и повѣрья здѣшняго края. *Полтавскія Губ. Вѣд.* 15, 16, 17, 18, 23, 24, 25, 26, 27 и 33.

Мѣсяцъ мартъ: великій постъ. Начало весны, великдень, весняки. Петровка, купала. Мѣсяцъ апрѣль, май и зеленая недѣля. Ивановъ день. Конецъ іюня, Косовыця, гребовыця, обжинки и пр.

197. **Рождественскіе** святки у малороссіянъ, Павловскаго уѣзда. Статья *М. П—ва. Воронежская Бесѣда.* 1861 г.; стр. 178—189.

198. **Святки.** *Чтеніе для Солдатъ.* 5; 2 стр.

О происхожденіи святокъ.

199. **О нѣкоторыхъ** святочныхъ обычаяхъ простаго народа. *Руководство для сельскихъ пастырей,* 52.

200. **Русская** масляница въ Казани и другихъ русскихъ городахъ. Статья *Мельникова. Казанскія Губ. Вѣд.* 24 и 25.

201. **Нѣсколько** словъ о симбирскихъ гуляньяхъ. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 33.
202. **Сельскій** праздникъ Константиноградскаго уѣзда, въ селѣ Кохановкѣ. Статья *Д—я К—аго. Полтавскія Губ. Вѣд.* 21.
203. **Сельскій** праздникъ Кобеляцкаго уѣзда въ селѣ Хорошкахъ. *В. Ушоцкій. Полтавскія Губ. Вѣд.* 13.

По поводу обнародованія манифеста.

204. **Самокатская** площадь и нѣкоторыя изъ ея удовольствій. Русская народность. *Н. Овсянниковъ. Справочный листокъ для Нижегородской ярмарки.* 27.
205. **Петровъ** день. (Очерки изъ сельскаго быта западной Сибири). *Ѳ. Губановъ. Русскій Міръ.* 54 и 56.
206. **Проводы** кутьи. Святочный разсказъ. *П. Сонинъ. Одесскій Вѣстникъ.* 79.

---

4. ПОВѢРЬЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ, РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ, МИѲОЛОГІЯ, НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА, И ПРОЧ.

207. **Нѣсколько** словъ о народныхъ повѣрьяхъ. *Московскій Курьеръ.* 106.
208. **Новое** повѣрье. *Н. Блиновъ. Вятскія Губ. Вѣд.*, 26, и *Русскій Инвалидъ*, 184.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вятской губерніи пронеслась молва, что озимые хлѣба отъ того плохи, что многіе изъ крестьянокъ и крестьянъ носятъ сарафаны и сорочки изъ краснаго французскаго ситца, окрашеннаго будто бы собачьей кровью. Вслѣдствіе чего многіе изъ крестьянъ уничтожили эти платья.

209. **Изъ дневника** пермскаго горожанина. *Е. П. Мухачевъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 30 и 31.

Между прочимъ, здѣсь помѣщено кое-что изъ народной метеорологіи, повѣрьевъ и языка простонароднаго.

Изъ народной метеорологіи и повѣрьевъ.

Собаки начинаютъ ѣсть траву, — быть дождю. — Курица отряхается (пурхается) передъ снѣгомъ. — Гусь стоитъ на одной ногѣ передъ морозомъ. — Зарница (калинникъ) играетъ когда рожь цвѣтетъ. — Крутая радуга къ ведру, полóгая къ дождю. —

Не было росы утромъ, быть дождю днемъ. — Спиридонъ-солнцеворотъ (12 декабря) — солнышко на лѣто, зима на морозъ. — Евдокія-плющиха (1 марта). — Егорій (23 апрѣля) съ водой. — Никола (9 мая) съ травой на морозъ. — Со дня Алексѣя-божья человѣка (17 марта) земля начинаетъ нагрѣваться изъ внутри. — Кто захочетъ ѣсть капусту, тотъ не жди до Покрова (1 октября). — Гроза застала въ полѣ, садись на землю. — Предъ рѣкоставомъ бываютъ всегда морозы. — Въ полдень тѣнь отъ человѣка ровно въ шагъ. — Не слышно боя часовъ съ каланчи, — значитъ выпалъ снѣгъ. Тараканы начинаютъ сильно кусать по ночамъ, — выживаютъ жильцевъ изъ дому. — Кассьянъ (29 февраля) на что косо (т. е. сердито) взглянетъ, то погибнетъ: на людей — люди мрутъ, на скотину — скотина падаетъ, на лѣсъ — лѣсъ валится. По этому високосный годъ считается тяжелымъ. — Фролъ и Лавръ (18 августа) считаются особенными покровителями лошадей; а Власій (11 февраля) — рогатаго скота. — Въ праздникъ Благовѣщенія (25 марта) принято давать свободу пойманнымъ и посаженнымъ въ клѣтку птичкамъ. — У старообрядцевъ, за поминальными обѣдами, какъ бы ни были они великолѣпны, не подается вовсе ни водки ни винъ; кисель служитъ непремѣннымъ финаломъ обѣда, хотя бы и слѣдовалъ непосредственно за французскимъ пирожнымъ. — Родился младенецъ, и на небѣ является новая звѣздочка; умеръ онъ, — и звѣздочка падаетъ съ неба. По этому я не былъ удивленъ когда то заданнымъ мнѣ вопросомъ: Правда-ли, что на землѣ столько людей, сколько на небѣ звѣздъ? — Когда настаетъ время крестить ребенка и все уже готово къ тому, отецъ новорожденнаго выбѣгаетъ на улицу и проситъ перваго встрѣтившагося ему мущину быть крестнымъ отцомъ, а первую встрѣчнную женщину — крестною матерью новорожденному. — Когда изъ протянутыхъ другъ къ другу рукъ, при прощаньи или здорованьи, составится случайно крестъ, — одинъ изъ участвующихъ въ этомъ рукоперекрещиваніи скоро женится. — Пожать у кого-нибудь черезъ порогъ руку считается опаснымъ, потому что послѣ подобнаго рукожатія не мудрено изъ друзей сдѣлаться врагами. — Понедѣльникъ считается до того *тяжелымъ днемъ*, что многіе по понедѣльникамъ ни за что не рѣшатся дать, даже на нужное, денегъ, одолжить въ долгъ, сѣсть за карты и по самой малень-

кой, пуститься въ дорогу, и т. п. — Брать или получать деньги въ понедѣльникъ считается счастливымъ событіемъ, предвѣщающимъ постоянное, во всю недѣлю, деньго-полученіе. — Баня и пельмени суть необходимѣйшіе атрибуты субботы. — Считается неприличнымъ и вызываетъ кучу сплетенъ и пересудовъ, когда супруги ходятъ въ баню не вмѣстѣ. — Видѣть во снѣ умершаго уже родственника предвѣщаетъ близкую смерть самому сновидцу. — Захворать, во время продолжающейся по дому стройки, и прекратить послѣднюю, — значитъ осудить себя на неминучую смерть; хоть нарочно ломай, да стройся пока совсѣмъ не выздоровѣешь! — Если при переѣздѣ на квартиру въ только что отстроенный домъ, гдѣ никто еще не живалъ, сами постояльцы не уберутъ изъ дому соръ, щепы, и т. п., одинъ въ семьѣ жильцовъ новаго зданія долженъ *непремѣнно* умереть. — Пѣтухъ поетъ при закатѣ солнца, чуя покойника. — Собака потягивается прямо на человѣка, обѣщая ему скорое полученіе денегъ. — Быть неузнаннымъ кѣмъ-нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ; поймать на себѣ, хоть въ снятой шапкѣ, мизгиря — вотъ предвѣстники близкаго счастія! Огоньки на могилахъ, — это души покойниковъ, требующія отъ своихъ родныхъ молитвъ и поминовенія. — Въ радуницу отправляются на могилы родныхъ съ извѣстнымъ запасомъ пасхальныхъ яствъ для раздачи нищимъ. Послѣдніе въ большомъ числѣ собираются къ этому дню въ городъ изъ окрестныхъ деревень; туземные нищіе — само-по-себѣ. Конецъ этого дня большая часть нищей братіи проводитъ въ кабачкахъ; а ночь — въ такъ называемой *чижевкѣ*. — Лѣшій, говорятъ весьма вѣжливо, изволитъ шутить, на кругломъ полѣ, надъ запоздавшими путниками и заводитъ ихъ въ болото чуть не по уши. Сусѣдко, какъ вездѣ, видитъ сонныхъ людей, и благосклонно отвѣчаетъ на ихъ вопросы: къ добру или къ худу онъ изволитъ душить ихъ? — Любитъ или не жалуетъ домашнихъ животныхъ; помогаетъ кучерамъ сводить съ своими хозяевами счеты по расходу овса на лошадей и т. п. — Человѣкъ съ *дурнымъ глазомъ* никакъ васъ не *изурочитъ*, если вы будете отплевываться въ сторону при каждой фразѣ подобнаго господина, сомнительной по своему содержанію. — *Морозко* — это низенькій старичекъ, съ предлинною сѣдою бородою. По зимамъ, онъ бѣгаетъ по улицамъ и постукиваетъ въ углы до-

мовъ. Гдѣ стукнетъ (треснетъ) старина, — тамъ щель; а на дворѣ тогда морозъ трескучій.

210. **Вынутый** слѣдъ. Русское повѣрье. *Журналъ для Дѣтей.* 22 и 23; стр. 349—359.

211. **Уцѣлѣвшіе** предразсудки противъ Евреевъ въ Англіи. *Сіонъ.* 22.

212. **Повѣрья** и предразсудки у Молдаванъ. *Бессарабскія Обл. Вѣд.* 26.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ ВЪ БЕССАРАБІИ.

Примѣты по знакамъ на тѣлѣ человѣка.

Если будетъ мигать верхняя часть головы, то обѣщаетъ благополучіе; если правый високъ, то быть судьею обѣщаетъ; лѣвый же, весело провесть время.

Задъ шеи если будетъ мигать, значитъ услышишь худую вѣсть или потеряешь что нибудь; если же лобъ будетъ мигать, то предвѣщаетъ, что люди будутъ кланяться тому человѣку.

Миганіе между глазами предвѣщаетъ путь или отъѣздъ на войну и въ обоихъ случаяхъ возвращеніе съ успѣхомъ. Если же весь лобъ замигаетъ, то услышишъ непріятныя рѣчи, но впрочемъ не вредныя.

Если високъ подъ правымъ глазомъ замигаетъ, то сдѣлаешь благодѣяніе кому нибудь; лѣвый же — исполненіе задуманнаго предпріятія.

Правое ухо если замигаетъ, хорошія рѣчи услышишъ; лѣвое же напротивъ.

Миганіе правой брови предвѣщаетъ наслѣдника, лѣвой же объяденіе.

Если же разомъ обѣ брови замигаютъ, то это предвѣщаетъ веселіе; если же между бровями будетъ мигать, то пришедшій пріятель развеселитъ.

Правый глазъ если замигаетъ — намѣреніе исполнится, лѣвый же глазъ вмѣстѣ съ бровью предвѣщаетъ гнѣвъ, который впрочемъ скоро пройдетъ. Оконечность глаза — предвѣщаетъ благополучіе. Оконечность праваго глаза, что противъ носа, предвѣщаетъ наслѣдника или что либо доброе; лѣваго же глаза обѣщаетъ счастливую жизнь.

Верхняя рѣсница лѣваго глаза если замигаетъ, предвѣщаетъ споръ и непріятность съ кѣмъ либо; нижняя же — кто либо худо поговариваетъ.

Волоса верхней рѣсницы праваго глаза — обѣщаютъ веселіе, нижніе же пріобрѣтеніе знакомаго.

Нижняя рѣсница праваго глаза предвѣщаетъ вліяніе сильнаго человѣка.

Окружность праваго глаза предвѣщаетъ здоровье; лѣвая же обѣщаетъ радость.

Зрачекъ лѣваго глаза — худыя рѣчи.

Миганіе носа предвѣщаетъ возвышеніе; если же носъ съ одной только стороны замигаетъ, тоже возвышеніе обѣщаетъ, или большіе хлопоты.

Миганіе правой стороны лица предвѣщаетъ раны; лѣвой же раны отъ разбойниковъ или что-нибудь получишъ.

Верхняя губа — приходъ незнакомыхъ гостей, нижняя же обѣщаетъ побѣду враговъ; обѣ же губы — поцѣлуи.

Миганіе бороды обѣщаетъ встрѣчу съ человѣкомъ, который наговоритъ много лести.

Миганіе шеи съ обѣихъ сторонъ предвѣщаетъ благополучіе.

Если замигаетъ правое плечо — обѣщаетъ здоровье; лѣвое-же — печаль.

Кисть правой руки до локтя — сильную печаль предвѣщаетъ; лѣвая же — отысканіе потерянной вещи.

Правый локоть — ссору съ пріятелемъ предвѣщаетъ; лѣвый же — возвышеніе надъ другими.

Миганіе въ верхней части самой руки предвѣщаетъ большое богатство; въ лѣвой же почести.

Миганіе въ ладони правой руки предвѣщаетъ благодѣяніе; въ лѣвой-же избѣжаніе непріятныхъ рѣчей.

Большой палецъ правой руки если замигаетъ, предвѣщаетъ исполненіе желанія; второй — непріятныя рѣчи; третій — сдѣлаешь хорошее дѣло и самъ тому будешь радоваться; четвертый — веселіе, и пятый — услышишь вѣсть и послѣ все окажется ложно.

Если же замигаетъ первый палецъ лѣвой руки — побѣдишь врага; второй и третій тоже, четвертый — пріятную вѣсть услышишь и пятый полученіе денегъ предвѣщаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорую ихъ растрату.

Подъ правымъ плечомъ если замигаетъ — предвѣщаетъ радость; подъ лѣвымъ же напротивъ.

Если замигаетъ между плечами, безпокойство, печаль и дурныя рѣчи предвѣщаетъ.

Миганіе праваго плеча предвѣщаетъ наслѣдника.

Ребра съ правой стороны если замигаютъ, предвѣщаютъ потерю, лѣвыя же—избѣжаніе непріятелей.

Верхняя часть реберъ — ссору предвѣщаетъ.

Поясницы — путь съ успѣхомъ.

Середина груди если замигаетъ — предвѣщаетъ возвращеніе сына или пріятеля съ далекаго пути.

Если правая сторона груди замигаетъ — услышишь что либо непріятное; верхняя же — преклонитъ на милость; а нижняя предвѣщаетъ скорую женитьбу или выходъ за мужъ. Если же вся грудь разомъ замигаетъ, что либо получишь.

Правая сосца если замигаетъ — предвѣщаетъ перемѣну жизни; лѣвая же полученіе подарка.

Миганіе правой стороны живота предвѣщаетъ раны на тѣлѣ, лѣвая же полученіе подарка; если же самый пупъ замигаетъ, то предвѣщаетъ полученіе хорошаго мѣста.

Заднее бедро съ правой стороны: услышишь хорошія рѣчи, лѣвое же пріобрѣтеніе знакомаго.

Правое колѣно предвѣщаетъ богатство; лѣвое же несчастіе.

Ляшка или икра правой ноги — избѣжаніе опасности; лѣвая же — разлученіе съ другомъ.

Правый подколѣнокъ если замигаетъ, предвѣщаетъ что либо непріятное; лѣвый же — кто либо вспоминаетъ.

Задокъ правой ноги если замигаетъ — услышишь пріятныя рѣчи; лѣвый же напротивъ.

Подошва правой ноги если замигаетъ, предвѣщаетъ печаль; а лѣвая богатство.

Большой палецъ правой ноги означаетъ благополучное возвращеніе домашнихъ, находящихся въ пути; лѣвый же — избѣжаніе опасностей.

Бѣлые знаки на ногтяхъ или ноицы на большомъ пальцѣ руки обѣщаютъ счастіе на войнѣ, въ женитьбѣ и въ дорогѣ; черные же напротивъ; на второмъ: честь, богатство и счастіе; на третьемъ — счастіе; на четвертомъ богатство, честь и вниманіе высшихъ, и на пятомъ— вѣсти пріятныя и счастіе.

213. **Путевыя** замѣтки. *Руководство для сельскихъ пастырей.* 43. О народныхъ религіозныхъ суевѣріяхъ и повѣрьяхъ, и пр.

214. **О суевѣріяхъ** нашего простаго народа въ славянскихъ приходахъ. *Минскія Губ. Вѣд.* 11—12.

215. **Въ чемъ** должно состоять противодѣйствіе пастырей суевѣрью пасомыхъ? *Руководство для сельскихъ пастырей.* 51.

216. **Преданія** о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣрьяхъ

и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Заимствовано изъ «Словаря русскихъ суевѣрій», изд. въ 1782 г. Москва. Въ тип. С. Орлова. 1861. Въ 8-ю д. л. VI и 184 стр. П. 1 р. 50 к. Изд. г. *Шамова*.

Книга эта служитъ дополненіемъ замѣчательному труду Сахарова. Народныя повѣрья, обычаи и суевѣрія расположены по алфавитному порядку, многіе изъ фактовъ мало извѣстны и любопытны. Къ нимъ принадлежатъ: Булумеръ, Дидилія, Доршинъ, Вурхани, Леда, Сиба или Сева, Червецъ или Камаха, Цаца и нѣкоторыя другія.

Разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 137.

217. **Суевѣрія** въ Новгородской губерніи. *П. Остряковъ. Новгородскія Губ. Вѣд.* 46.

О домовомъ, водяномъ, лѣшемъ и оборотнѣ.

218. **Слѣдствіе** суевѣрія. *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 168.

219. **О суевѣріяхъ** нашего простаго народа въ славянскихъ приходахъ. *Виленскій Вѣстникъ.* 17 и 18.

220. **Очерки** Бессарабіи. Помана, обычаи надъ умершими, предразсудки и повѣрья у Молдаванъ. Статья *К. Х. Бесарабскія. Обл. Вѣд.* 12.

221. **О предразсудкахъ** охотниковъ Воронежской губерніи. *П. Гуревичъ-Аѳанасьевъ. Воронежскія Губ. Вѣд.* 18.

222. **Расколъ** въ расколѣ, или новыя суевѣрія въ мнимой старой вѣрѣ. *Руководство для сельскихъ пастырей*, 49.

223. **Вѣрованіе** въ духовъ и мертвецовъ въ классической древности. (Перев. съ нѣм.). Статья *О. К. Воронежскій Литерат. Сборникъ.* 1; стр. 435—457.

224. **Опахиваніе,** или изгнаніе коровьей смерти, и нѣсколько словъ о Волосѣ, скотіемъ богѣ. *И. М. Снегиревъ. Московскія Вѣдомости.* 195.

Опахиванье отправляется въ разныхъ русскихъ губерніяхъ съ нѣкоторыми особенностями; но въ главномъ содержаніи вездѣ одинаково. Опишемъ какъ оно обыкновенно совершается въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи.

Дѣйствующія лица въ этомъ обрядѣ бабы и дѣвки, исключая *соборныхъ*, т. е. соборованныхъ св. елеемъ, которыхъ, по какому-то непонятному предразсудку, почитаютъ зловѣщими и несчастливыми.

Наканунѣ самаго дѣйствія онѣ даютъ знать по околицѣ, чтобы никто изъ мущинъ въ то время не выходилъ на улицу и не попадался имъ на встрѣчу; потомъ, собравшись въ одну избу, сговариваются, какъ, когда и гдѣ исполнить свое предпріятіе. Разу-

мѣется, онѣ въ такомъ случаѣ руководствуются наставленіями опытныхъ въ этомъ уставщицъ-старухъ.

Наканунѣ назначеннаго дня для опахиванья бабы и дѣвки надѣваютъ на себя бѣлыя рубахи, распустивъ волосы на головѣ, и босыя, въ однѣхъ рубахахъ, безъ поясовъ, приступаютъ ночью къ самому дѣйствію, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ главѣ процессіи три дѣвки несутъ образъ св. Власія и предъ нимъ фонарь съ зажженною восковою свѣчей и кацѣю, или ручную кадильницу съ горячими углями и ладономъ; за ними три вдовы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ три солдатки.

Въ продолженіи своего хода вокругъ деревни, онѣ поютъ громкимъ голосомъ:

Смерть ты, коровья смерть,
Выходи изъ нашего села,
Изъ закутья, изъ двора!
Въ нашемъ селѣ
Ходитъ Власій святой,
Съ ладономъ, со свѣчей,
Съ горячей золой.
Мы тебя сожжемъ огнемъ,
Кочергой загребемъ,
Помеломъ замстемъ,
И попеломъ забьемъ.
Не ходи въ наше село!
Чуръ нашихъ коровушекъ,
Буренушекъ, рыжихъ, лысыхъ,
Бѣлозисыхъ, бѣловымьихъ,
Криворогихъ, однорогихъ!

Потомъ идутъ бабы: одна везетъ соху, которую другая держитъ за рогачки; третья ѣдетъ верхомъ на помелѣ. Прочія везутъ за ними, кто заслонъ печной, кто кочергу, кто чапельникъ или сковородникъ, кто косу и серпъ, кто кнутъ — и стучатъ и хлопаютъ ими, чтобы изгнать коровью смерть изъ деревни. Нѣкоторыя тащатъ пуки соломы, сжигаемые на перекресткахъ и всѣ сигаютъ (перепрыгиваютъ) черезъ огонь въ убѣжденіи, что тѣмъ очистятся. Этотъ ходъ сопровождается дикими воплями и криками и неистовыми, грозными движеніями, какими думаютъ устрашить и прогнать коровью смерть.

Проходя деревню, бабы останавливаются у всякаго двора и на воротахъ намалевываютъ дегтярной мазилкой крестъ, а подъ окнами честятъ хозяевъ разными прѝговорами, довольно нескромными и нецѣломудрен-

ными, которые напоминаютъ празднества Фавна и Пріапа. Прибаутки эти и приговоры состоятъ изъ виршей и скороговорокъ.

Въ такомъ порядкѣ и съ такими обрядами опашницы обходятъ село или деревню и уже за полночь расходятся по дворамъ. Если имъ попадается на встрѣчу мущина, онѣ съ неистовствомъ нападаютъ на него. Не рѣдко случалось, что встрѣчный не дешево отъ нихъ отдѣлывался.

225. **О нечистыхъ** силахъ. *М. Антоновича. Народное Чтеніе*, 6; стр. 49—66.

226. **Одно** изъ малороссійскихъ преданій о днѣпровской русалкѣ. *Чтеніе для Солдатъ*. 5.

227. **Нѣсколько** словъ о Полисунѣ. *П. Ефименко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 4.

228. **Вольчіи** праздники. *Я. Павловскій. Черниговскія Губ. Вѣд.* 6.

229. **Нѣкоторыя** малороссійскія повѣрья. *А. Раевскій. Воронежская Бесѣда.* 1861; стр. 190—195.

Изъ демонологіи малорусской: о домовыхъ, вѣдьмахъ и вовкулакахъ. Послѣдніе — ничто иное, какъ люди, обращенные въ нѣчто среднее между волкомъ и собакою.

230. **Смѣсь** христіанства съ язычествомъ и ересями въ древнерусскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ. *Православный Собесѣдникъ*. 3; стр. 249—283.

231. **Объ источникахъ** и формахъ русскаго баснословія. (Вып. 2-й, Д. Щепкина). Рецензію этого сочиненія, см. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 137.

232. **Славянская** миѳологія. *Ваза*. 9 и 10.

233. **Замѣчанія** на статью: «Купала и Коляда» Д. О. Шепинга, *К. Аксаковъ. Полное собраніе его сочиненій*. 1861. Т. 1-й. стр. 326—330.

234. **Die indo-slavische** Göttin „Kalanda“ Koleda. Von *Dovorin* Terstenjak. *Der Aufmerksame*. 1858 г., № 45.

235. **Очерки** повѣрій, обрядовъ, примѣтъ и гаданій въ Воронежской губ. Статья *А. С. Воронежскій Литературный Сборникъ*. 1; стр. 373—393.

236. **Нѣсколько** словъ о вѣрованіи въ колдовство въ Воронежкой губ. *Ав—скій. Воронежскія Губ. Вѣд.* 31.

237. **Примѣты** объ урожаяхъ и неурожаяхъ хлѣба и пр. у крестьянъ Покровскаго уѣзда, Владим. губ. *Записки Юрьев. Общества Сельскаго Хозяйства*. 3, стр. 34—41.

238. **Примѣты** объ урожаяхъ и неурожаяхъ хлѣбовъ, о времени посѣвовъ и пр., существующія между поселянами Ковровскаго уѣзда, Владим. губ., изложенныя въ порядкѣ по

времени года. *Н. Харламовъ. Записки Юрьевск. Общ. Сельскаго Хоз.* вып. III; стр. 10—12.

239. **О благочестивыхъ** обычаяхъ и религіозныхъ учрежденіяхъ, существующихъ у жителей Воронежской епархіи. *С. Никоновъ, Воронежскій Литературный Сборн.* 1; стр. 322—373.

240. **Мѣстныя** народныя заговариванья. *Записки Юрьевск. Общества Сельскаго Хозяйства.* Вып. III; стр. 12—13.
1) Отъ ужаленія змѣи. 2) Отъ притки.

1) Отъ ужаленія змѣи.

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, тутъ лежалъ бѣлъ камень. На этомъ камнѣ сидитъ змѣя скорпея (не отъ слова-ли скорпіонъ?) Эй-же ты змѣя скорпея (говоритъ заговорщикъ): — я пришелъ къ тебѣ съ нуждою. — «Съ какою?» — Найди ту змѣю, коя укусила раба Божія (имя рекъ или такую-то скотину.) Я, говоритъ, не пойду. А я тебя громомъ убью. Я отъ грома спрячусь въ землю.. А я насыплю тебѣ въ уши лютаго зелья.... И пошла змія скорпея по чистымъ полямъ и по шелковымъ травамъ, по пиямъ, по изгородямъ и по гнилымъ колодамъ и по дрязгамъ, — и нашла ту змѣю, коя укусила раба Божія (...) и говоритъ ей: вынь изъ этого раба три жала, чтобъ у него не болѣло, и не пухло и не ломило. Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь. (Наговариваютъ на хлѣбъ, которымъ трутъ больное мѣсто.)

2) Отъ притки *).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Отговариваю притку денную, ношную, встрѣшную, поперешную, полуденную, полуношную, водяную, нутряную, часовую, получасовую. Не я притку отговариваю: отговариваетъ притку Михаилъ Архангелъ, Гавріилъ Архангелъ, Николай Чудотворецъ и вся отговариваетъ небесная колесница... Отсылаю притку на море на Окіанъ, на островъ на Буянъ,

---

*) Притка — это кажется болѣзнь, случающаяся безъ всякой видимой причины; напр. у человѣка здороваго вдругъ *стрѣлитъ*, какъ говорятъ, въ попыдргъ, всего *разниметъ*; скотина, здоровая, веселая, вдругъ падаетъ, тяжело дышетъ, иная бьется.

на бѣлый камень *Латарь:* тамъ принимаютъ притку 77 молодцовъ; одинъ молодецъ (это сказать трижды) запираетъ притку въ 77 замковъ, въ 77 ключевъ, (трижды); отсылаю притку въ окіанъ море, въ бѣлу рыбицу: тамъ тебѣ притка жить хорошо и привольно... Вамъ цвѣтамъ не разцвѣтать; тебѣ притка по мою смерть не отрыгать! Небо и земля ключь! Аминь. Весь заговоръ проговариваютъ трижды на соль, которую сначала перекрестятъ — послѣ трутъ ею больное мѣсто, большею частію — у человѣка поперегъ, у скотины спину; — скотинѣ прыщутъ еще этой солью въ ноздри.

241. **Ламы и Ламанзмъ.** *Иллюстрація.* 164.

242. **Шаманство** съ физіологической точки зрѣнія. *М. Кривошапкинъ. Свѣточъ.* 8; стр. 1—26.

243. **Миѳъ** о происхожденіи верблюда и осла. *В. Вербицкій. Томскія Губ. Вѣд.* 32.

Преданье о происхожденіи этихъ двухъ животныхъ относится къ миѳологіи Китайцевъ и народа Тебетъ-танатъ. Первыя отношенія между этими двумя народами повлекли за собою у послѣднихъ разнаго рода болѣзни. Вслѣдствіе чего Тебетъ-танатъ, собравъ проклятія и составивъ изъ нихъ видимую гору, пустилъ ее по воздуху къ Китайцамъ, тоже самое сдѣлали и Китайцы. Изъ борьбы двухъ горъ вышли, со стороны Тебетъ-таната, верблюдъ, со стороны Китайцевъ—оселъ.

244. **Религіозное** пѣніе Тайвасовъ, на Маркизскихъ островахъ. *Иллюстрація.* 164.

245. **Кликуши.** *Е. Шалдыбинъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 10.

246. **Кликуши.** *П. Любимовъ. Сынъ Отечества.* 13.

По поводу статей г. Клементовскаго и г. Прыжова.

247. **О кликушахъ.** *А. Пятковскій. Грамотѣй.* 2; стр. 103—114.

248. **Колдуны** или знахари и способъ ихъ леченія. Статья *Р..... Орловскія Губ. Вѣд.* 33.

249. **Послѣднія** почести Ивану Яковлевичу. *С. Колошинъ. Сѣверная Пчела.* 207.

250. **Московскіе** юродивые. *И. Прыжовъ. Сѣверная Пчела.* 125.

251. **Старые боги** и новые боги. *Русскій Вѣстникъ.* 2; стр. 891—904.

Объ Иванѣ Яковлевичѣ, философск. лексиконѣ, Современникѣ, и пр. и пр.

252. **Русскій** Вѣстникъ о старыхъ и новыхъ богахъ. *Ап. Головачевъ. Русская Рѣчь.* 27.

253. **Новый** Иванъ Яковлевичъ въ Херсонѣ. *Иллюстрація.* 196.

254. **Житіе** Ивана Яковлевича, соч. Прыжова. (Рецензіи этого

сочиненія находятся въ «Современникѣ», № 2, въ «Свѣточѣ», № 3, и въ «Русскомъ Словѣ», № 2).

255. **Нѣчто** о воронежскихъ пустосвятахъ и юродивыхъ. *Воронежская Бесѣда.* 1861 г.; стр. 145—155.

256. **Извлеченіе** изъ русскаго древняго травника: о чрезвычайныхъ силахъ, которыя приписывали нѣкоторымъ растеніямъ. *Памятная книжка Симбирской губ.* на 1861 г.

257. **Домашній** обиходъ. Рукописный Сборникъ XVII вѣка. Статья *S. Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 31—38.

Рукопись эта состоитъ изъ рецептовъ разныхъ народныхъ лекарствъ, изъ разныхъ суевѣрныхъ примѣтъ, заговоровъ, симпатическихъ средствъ и молитвъ на разные случаи.

258. **О народной** медицинѣ (русской). Статья *П—ъ. Кіевскій Телеграфъ.* 50.

259. **Симпатическое** леченіе лихорадки. *Газета для Сельскихъ Хозяевъ*, 11, и *Воронежскія Губ. Вѣд.* 45.

260. **Нѣсколько** словъ о ламайской медицинѣ. *Стуковъ. Амуръ.* 38.

261. **Разсказы** о темныхъ предметахъ, *о волшебствѣ*, натуральной магіи, обманахъ чувствъ, *суевѣріяхъ*, фокусничествѣ, *колдунахъ* и *вѣдьмахъ*, и. т. п. Изданы *М. С. Хотинскимъ.* Съ политипажными рисунками. Спб. 1861. Въ тип. И. Шумахера. Въ 18-ю д. л. III и 579 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Эти любопытные разсказы уже были разъ помѣщены въ «Сынѣ Отечества». 1859 г. Разборы этой книги помѣщены: 1) въ «Русской Хозяйкѣ», № 4, 2) въ «Русскомъ Вѣстникѣ», № 7 (Ст. Ястребцова).

---

5. ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПРЕДАНІЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПѢСНИ, ПОСЛОВИЦЫ, ЗАГАДКИ, И ПРОЧ.

262. **О различіи** между сказками и пѣснями русскими. По поводу одной статьи. *К. Аксаковъ. Полное собраніе его сочиненій.* 1861. Т. I-й; стр. 399—408.

Эта статья была уже напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». 1852 г., № 153.

263. **Нѣсколько** словъ объ обычаѣ и о значеніи сказокъ, пословицъ и пѣсенъ для криминалиста. *П. Ч—ій. Черниговскій Листокъ.* 8.

264. **Замѣтка** о значеніи Ильи Муромца. *К. Аксаковъ. Полное собраніе его сочиненій.* 1861. Т. I й; стр. 409—412.

Напечатана въ 1-мъ выпускѣ пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

265. **Богатыри** временъ Великаго Князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ. *К. Аксаковъ. Полное собраніе его сочиненій.* 1861. Т. I-й; стр. 331—398.

Эта статья была уже разъ напечатана въ «Русской Бесѣдѣ». 1856 г. Т. IV. Теперь она перепечатывается съ нѣкоторыми дополненіями.

266. **Былина** о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ. *Воронежскій Литературный Сборникъ.* 1; стр. 59—65.

Былина эта записана въ Землянскомъ уѣздѣ со словъ одного крестьянина.

267. **Былина** о богатырѣ Мишутѣ Даниловичѣ, записана въ Землянскомъ уѣздѣ. *А. Селивановъ. Воронежскія Губ. Вѣд.* 30.

268. **Былина:** Добрый россійскій богатырь Дюкъ Степановичъ побиваетъ окаяннаго Шарка Великана. *Олонецкія Губ. Вѣд.* 1860. 47; 2 стр.

Эта былина записана А. Шкалинымъ, въ Лодейно-Польскомъ уѣздѣ.

269. **Историческіе** очерки русской народной словесности. Соч. Ѳ. Буслаева. Критики и рецензіи этого сочиненія помѣщены: 1) Въ «Современникѣ», 1860 г. № 12. 2) Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1861 г. № 6. (Статья *В. Водовозова*). 3) Въ «Библіотекѣ для Чтенія. 1861 г. №№ 4, 5 и 6. 4). Въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», т. IX, вып. 4.

270. **По поводу** изслѣдованій г. Буслаева о русской старинѣ. *А. Пыпинъ. Современникъ.* 1; стр. 1—51.

271. **Отвѣтъ** г. Пыпину на его статью, помѣщенную въ 1-мъ № «Современника» за 1861 г., — подъ заглавіемъ: «По поводу изслѣдованій г. Буслаева о русской старинѣ». *Ѳ. Буслаевъ. Отечественныя Записки.* 4; стр. 61—68.

272. **Ложныя** и отреченныя книги. *А. Пыпинъ.* (Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко). Рецензія этого соч. помѣщена въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“, 1862 г. № 1. (Ст. *Н. Тихонравова*).

273. **Жена,** бѣлорусская сказка. *В. Реуттъ.* Перев. Л. Мей. *Сынъ Отечества.* 8.

274. **О горѣ-горянинѣ**, Данилѣ дворянинѣ. Народная сказка. *Калейдоскопъ.* 33.

275. **Великорусскія** сказки. *И. А. Худяковъ.* Вып. I и II-й. Москва. Въ тип. В. Грачева. 1861. Въ 8-ю д. л.; стр. 138—148. Ц. 1 р. 50 к.

Разборы этой книги помѣщены: 1) въ «Отечественныхъ Запискахъ» № 2; 2) въ «Русскомъ Словѣ», № 1; статья *В. К—скаго.* 3) въ журналѣ «Вѣкъ»,

№ 1; 4) въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, т. IX. вып. 4.

*276. **Народныя** русскія сказки. *А. Н. Аѳанасьева.* Изд. 2-е. К. Солдатенкова. Вып. IV и V. Москва. Въ тип. Грачева. 1860 г. Въ 8-ю д. л. 146, 178 и 264 стр. Цѣна за первые два вып. 1 р. 20 к., за V-й — 1 р.

Изданіе русскихъ сказокъ, предпринятое г. Аѳанасьевымъ, хорошо извѣстно русской публикѣ и говорить объ его достоинствахъ нечего. Въ нынѣшній списокъ вошли сказки, лично собранныя г. Аѳанасьевымъ и доставленныя ему съ разныхъ сторонъ; сверхъ того, двѣ заимствованы изъ лубочныхъ изданій, по уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими отличаются онѣ отъ подобныхъ сказокъ, записанныхъ прямо изъ устъ народа. — Разборы сборника г. Аѳанасьева помѣщены: 1) въ журналѣ «Вѣкъ», № 32 и 2) въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 126.

*277. **Легенды** русскаго народа (дополненныя восемью новыми). Спб. 1861 г. Въ тип. Ѳ. Иванова. Въ 12-ю д. л., 35 стр. Ц. 1 р.

Книжка эта есть контрфакція извѣстныхъ «Легендъ» *г. Аѳанасьева.*

278. **Поющая кость** (народная нѣм. сказка), изъ собр. бр. *Гриммовъ. Подснѣжникъ.* 3; стр. 43—47.

279. **Ваня и Маргариточка** (нѣмецкая народн. сказка) изъ собранія сказокъ бр. *Гриммовъ. Подснѣжникъ.* 4; стр. 1—12.

280. **Ганцъ-Шперка** (Норвеж. сказка). *Калейдоскопъ.* 47.

281. **Сказаніе** о Гудрини. (Изъ Германскаго эпоса). *Разсвѣтъ.* 11; стр. 243—350.

282. **Антонъ** Михайловичъ Таньскій. Малороссійская легенда. *Митра Олельковича. Основа.* 8; стр. 29—32.

283. **Легенда** о Ромео и Джульетѣ. *И. В. Росковшенко. Московскія Вѣдомости.* 177.

Эта легенда служила Шекспиру основаніемъ для его драмы. Повѣствованіе ея принадлежитъ итальянцу XVI ст. Дону Луиджи де Порти.

284. **Саги** и легенды Франціи, разсказанныя *М. Гартманомъ. Московскія Вѣдомости,* 39 и 102.

Содержаніе: 1) Аномо. 2) Дары Каригановъ, бретонская сказка. 3) Видѣніе принцессы Маріи Орлеанской.

285. **Легенды** Сербовъ. *Время.* 10; стр. 519—540.

286. **О поэзіи** Черкесовъ. *В. Кусиковъ. Ставропольскія Губ. Вѣд.* 1 и 2.

287. **Семеро** святыхъ. Кабардинская легенда. *Н. Волконскій. Кавказъ.* 48.

288. **Три** промаха. (Татарская легенда.) Стихотвореніе *Омулевскаго*. 1-е приложеніе къ журналу «Вѣкъ.

289. **Выдержки** изъ талмудической литературы. (Изъ бумагъ П.С. Финкеля.) Еврейскія легенды. *Сіонъ*. 6, 18 и другія. №№ XXXIV: Смерть жрецовъ. XXXV: Семонъ бенъ Шетахъ и Александръ Янаи. XXXVI: Андріанъ и Философы.

290. **Легенда** изъ талмуда. *Б. Таурогенскій. Сіонъ*. 14.

291. **Еврейскія** легенды. *Разсвѣтъ, органъ русскихъ Евреевъ*. 33.

292. **Легенда** Негровъ. *Семейный Иллюстрированный Листокъ*. 152.

293. **Tartarische** Heldensagen. *Divatesarnok*. (d. 1. Modehalle.) 1858. № 15—19.

294. **Кладъ**. Разсказъ крестьянина. *П. Бѣлавинъ. Новгородскія Губ. Вѣд.* 12, 13 и 14.

295. **Русскія** сказки и пѣсни. *Ѳ. Устряловъ. Вѣкъ*. 32 и 35. Разборъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ.

296. **Древне-русскія** повѣсти. *Херсонскія епархіальныя вѣдомости*, 14.

Изъ памятниковъ, издаваемыхъ графомъ Кушелевымъ Безбородко.

297. **Объ** одной притчѣ изъ русскаго Спнодика. *Ѳ. И. Буслаевъ. Библіографическія Записки*. 8.

Въ этой статьѣ говорится о притчѣ о корыстолюбцѣ, помѣщенной въ «Памятникахъ Старинной Русской Литературы», изд. подъ редакціею г. Костомарова.

298. **Классическія** повѣсти и легенды. *Звѣздочка*. 5 и 9; стр. 210—217.

299. **Герои** Калевалы. *Подснѣжникъ*. 9, 10, 11 и 12; стр. 69—102, 64—95 и 1—110.

300. **Женскіе** типы «Калевалы». *П. Полевой. Разсвѣтъ*. 8.

301. **Проклятые**. Сказанія уральскихъ казаковъ. *І. Желѣзновъ. Библіотека для Чтенія*. 4; стр. 1—29.

302. **Колдуны** и заговорщики — Фармазоны. Сказанія уральскихъ казаковъ. *І. Желѣзновъ. Библіотека для Чтенія*. 6; стр. 1—19.

303. **Боскачкина** Ростошь — Опивицы. Сказанія уральскихъ казаковъ. *І. Желѣзновъ. Библіотека для Чтенія*. 5; стр. 1—10.

304. **Сказанія** уральскихъ казаковъ. *І. Желѣзновъ. Библіотека для Чтенія*. 2, 7 и 8; 34, 12 и 16 стр.

1) Змѣй и Комета. 2) Еще змѣй. 3) Клады. 4) Ермакъ. 5) Ядъ. 6) Оборотни. 7) Обмирающіе. 8) Смерть и черепаха.

305. **Отчего** сайгаки (антилопы) покинули Уралъ? (Преданіе уральскихъ казаковъ). *І. Желѣзновъ. Вѣкъ*. 12.

306. **Туспулъ**. Статья *К. Х. Бессарабскія Областныя Вѣд.* 15 и 16.

Преданіе о разбойникѣ этого имени, жившемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

307. **Часовня** въ память Маріи убіенной, находящаяся въ Вятской губ., Яранскаго уѣзда, при деревнѣ Лядовой. *Кукарянинъ. Вятскія Губ. Вѣд.* 40.

Преданіе объ убіеніи, 200 лѣтъ тому назадъ, одной благочестивой женщины, служившей при убогомъ домѣ, своею свекровью. Послѣ убіенія, Марія стала являться многимъ во снѣ и просить молиться за ея душу. Съ тѣхъ поръ по сіе время въ деревню Лядову собирается отъ 10,000 до 15,000 богомольцевъ.

308. **Народное** преданіе о Городищѣ, въ селѣ Спасо-Подчуршинскомъ Слободскаго уѣзда. *Вятскія Губ. Вѣд.* 1.

309. **Историческое** преданіе о селѣ Петровскомъ. Статья *И. З. Воронежскій Литературный Сборникъ.* 1; стр. 510—515, и *Калейдоскопъ.* 49.

На пути изъ Ефремова въ Ельцы, въ 78 верстахъ не доѣзжая онаго.

310. **Рѣка** Усмань, происхожденіе ея названія по народному преданію. *Воронежскій Литературный Сборникъ.* 1; стр. 498—503.

311. **О преданіяхъ** въ древней русской лѣтописи. *М. И. Сухомлиновъ. Основа.* 6.

312. **Змѣевина.** Буджакское преданіе. Разсказъ цыгана. *В. Шостакъ. Бессарабскія Областныя Вѣдомости.* 2.

Это цыганское преданіе — наше измѣненное преданіе о св. Георгіи, убившемъ змѣя.

313. **Преданіе** о Ловчицахъ. *М. Дмитріевъ. Виленскій Вѣстникъ.* 13.

Ловчицы — небольшая татарская деревенька въ Минской губерніи.

314. **Преданія** Алтайскихъ инородцевъ. *В. Вержбицкій. Томскія Губ. Вѣд.* 27.

Памятникъ наказанной вѣтренности и ослушанія.

315. **Кумова** и тятина яма, преданіе. Статья *А. С. Воронежскій Литературный Сборникъ.* 1; стр. 504—506.

316. **Народные** стихи. (Записаны въ селѣ Крутицкомъ, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи *И. Т. Гльбовымъ.*) *Лѣтописи Русской Литературы.* 1859—60. 6.

1) Объ Адамѣ. 2) О преданіи Христа Іудою. 3) О пятницѣ.

317. **Русскіе** духовные стихи. *Ѳ. Буслаевъ. Русская Рѣчь.* 21, 23 и 26.

Разборъ кн.: 1) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ Варенцова. 2) Калѣки перехожіе П. Безсонова.

318. **Калѣки** перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе *П.*

Безсонова. Часть I. Вып. 1—3. Москва. Въ тип. А. Семена. Въ 8-ю д. л. VI и 824 стр. Ц. 1 р.

Разборы этого сборника помѣщены: 1) въ «Отечественныхъ Запискахъ», 6 и 7; 2) въ «Современникѣ» 6; 3) въ «Русскомъ Инвалидѣ», 71.

319. **Пѣсни,** собранныя *П. В. Кирѣевскимъ.* Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Вып. II и III. Москва. Въ тип. А. Семена. 1861. Въ 8-ю д. л. 96 и XXVI, 124 и XXXVI. стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Добрыня Никитичъ, богатырь Алеша Поповичъ, Василій Казимировичъ, богатырь дьякъ, Долгополый пьяница. Пѣсни былевыя. Время Владимірово. Богатыри: Иванъ Гостиный сынъ, Иванъ Додиновичъ, Данило Ловчанинъ съ женою, Данило Игнатьевичъ съ сыномъ, Дунай Ивановичъ, сорокъ каликъ съ каликою, Дюкъ Степановичъ, Суровецъ-Суздалецъ, Сауръ Вадоновичъ съ сыномъ. Приложенія: замѣтка *П. Б.* о пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ выпускѣ, съ соотвѣтствующими сказками.

Разборы «Пѣсенъ, собранія г. Кирѣевскаго» помѣщены: 1) Въ «Современникѣ», № 6. 2) Въ журналѣ «Вѣкъ», № 32, ст. *Ѳ. Устрялова.* 3) Въ «Отечественныхъ Запискахъ», №№ 2, 6 и 7. 4) Въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 71. 5) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 109. 6) Въ «Московскомъ Курьерѣ». № 69.

320. **Пѣсни,** собранныя г. П. Н. Рыбниковымъ. Ч. I и II. Старины и побывальщины. Москва. Въ тип. А. Семена. 1861. Въ б. 8-ю д. л. II, 488 и XXVI стр.

Содержаніе: пѣсни: 1) Время до Владиміра, богатыри старшіе. 2) Удальцы Новгородскіе. 3) Москва. 4) Пѣсни былевыя, княжескія, молодецкія, безъимянныя. Замѣтка. П. Б.

Разборъ сборника г. Рыбникова помѣщенъ: 1) въ «Современникѣ», № 6; 2) въ «Русскомъ Словѣ», № 5; 3) въ «Отечественныхъ Запискахъ», №№ 6 и 7.

321. **Сборникъ** русскихъ пѣсенъ и пословицъ. См. разборъ ихъ въ «Русскомъ Словѣ», № 5.

322. **Русскія** народныя былины и пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ.* Разборы этой книги помѣщены: 1) въ „*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*“, № 126; 2) въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“, №№ 6 и 7.

323. **Русскія** пѣсни изъ собранія г. *Якушкина.* Рецензія ихъ помѣщена въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ». Т. IX, вып. 4.

324. **Нѣчто** о пѣсняхъ и музыкѣ въ Закавказскомъ краѣ. *П. Сіяльскій. Иллюстрація.* 193.

При этой же статьѣ приложены ноты пѣсенъ куртинскихъ, грузинскихъ и татарскихъ.

325. **Народныя** пѣсни. *Воронежская Бесѣда* на 1861 г.; стр. 156—166.

Пѣсни: 1) Великорусскія и 2) Малороссійскія.

326. **Запорожская** пѣсни. Сообщена *Н. И. Костомаровымъ*. *Лѣтописи Русской Литературы*. 1859—60. 6.

327. **Пѣсня** объ осадѣ Соловецкаго монастыря. *Тамъ-же*.

328. **Варіантъ** украинской пѣсни. *А. Тищинскій*. *Черниговскія Губ. Вѣд.* 19.

329. **Памятники** украинской народной словесности. *П. Косменко*. *Черниговскія Губ. Вѣд.* 7, 9, 10—14, 17, 18—22, 29—33 и 36—38.

Свадебныя и другія пѣсни.

330. **Музыка** южнорусскихъ пѣсенъ. *А. Сѣровъ*. *Основа*. 3 и 4, стр. 9 и 17.

331. **Очерки** Бессарабіи. Народная литература у Молдаванъ. *Г. Филатовъ*. *Бессарабскія Обл. Вѣд.* 13, 14, 15 и 16.

Пѣсни разбойническія и хороводныя.

332. **Восемь** пѣсень азіатскихъ и одна лезгинская. *О. Сіяльскаго* и *Данилевскаго*. Съ нотами. *Иллюстрація*. 194, 196 и 197.

333. **Замѣчаніе** къ статьѣ: «О томъ, какъ собираются и издаются у насъ народныя пѣсни». (Сѣверная Пчела, 1860 г., № 186.) *И. Срезневскій*. *Сѣверная Пчела*. 5 и *Москов. Вѣд.* 24. (Ст. *Варенцова*).

Оправданіе противъ обвиненій г. Отто.

334. **О говорахъ** литовскаго языка. *И. В. Юшкевича*: *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря*. Т. V-й.

Въ приложеніи къ этой статьѣ помѣщено нѣсколько литовскихъ пѣсенъ.

335. **Замѣтка** о 3-хъ народныхъ польскихъ пѣсняхъ. *П. Дубровскій*. *С.-Петербургскія Вѣдомости*. 2.

По поводу ст. г. Буслаева: Древнія эпическія преданія славянскихъ племенъ. Русское Слово. 1860. 10.

336. **Сличеніе** нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ. *Кохановская*. *Воронежская Бесѣда* на 1861; стр. 381—400.

337. **По поводу** 2-хъ выпусковъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго. *И. А. Худяковъ*. *Московскія Вѣдомости*. 44.

338. **Болгарская** пѣсня. Изъ Морица Гартмана. Переводъ Берга. *Современникъ*. 6.

339. **Сербскія** пѣсни. Изъ *Вука Стеф. Караджича*. Пер. И. Вапенко. *Развлеченіе*. 36, 40, 41, 42 и 43.

340. **Русская** народная поэзія. *А. Филоновъ*. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 7; 44 стр.

Составлено по соч.: 1) Народныя русскія сказки. *А. Аѳанасьева*. 2) Великорусскія сказки. *И. Худякова*.

3) Пѣсни, собран. *П. Рыбниковымъ*. 4) Пѣсни, собран. *П. Кирѣевскимъ*. 5) Сборникъ великорусскихъ пѣсенъ *И. Худякова*. 6) Русскія пѣсни изъ собранія *П. Якушкина*. 7) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Сост. *В. Варенцовымъ*, и 8) Калѣки перехожіе. Ч. I. Вып. 2. М. 1861.

341. **Замѣтка.** *Н. Лавровскій. Московскія Вѣдомости*. 24.

Замѣтка на слово Севріа, упоминаемое въ соч. г. Буслаева: Русская поэзія XVII в.

342. **Пословицы** русскаго народа. Сборникъ. Статья *В. И. Даля. Чтенія въ Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ*. 2 и 4; стр. 1—289—688. (Были отд. оттиски.)

343. **Юридическая** пословица, *А. Звенигородскій. Разсвѣтъ, органъ для русскихъ Евреевъ*. 46.

Объясненіе пословицы: Żyd sam bije, sam krzyczy.

344. **Русскія** пословицы, собранныя *А. В. Кольцовымъ*. *Воронежская Бесѣда* на 1861 г.; стр. 1—20.

Этотъ сборникъ пословицъ составленъ поэтомъ, какъ говорятъ, по совѣту Жуковскаго.

345. **Происхожденіе** одной русской пословицы. *Часъ Досуга*. 10.

Здѣсь говорится о русской пословицѣ: *На ворѣ и шапка горитъ*.

346. **Простонародныя** молдавскія поговорки (11). *Бессарабскія Обл. Вѣд*. 19.

347. **Малороссійскія** и русскія пословицы. *Полтавскія Губ. Вѣд*. 45—51.

348. **Памятники** украинской народной словесности. 1. Помовки й погудки. *Полтавскія Губ. Вѣд*. 32.

349. **Еще** дополненіе къ украинскимъ пословицамъ. *П. Ефименко. Черниговскія Губ. Вѣд*. 5.

350. **Молдавскія** поговорки. Собраны *А. Ф. Бессарабскія Обл. Вѣд*. 53.

Молдавскія поговорки.

Дыру нужно заплатать, пока еще мала. — Спартура пины е микы требуе кырпиты.

Кому не нравится жить, подобно куницѣ на мельницѣ. — Куй пуй плаче се траяскы, кагаина ла моары.

Хорошій сыръ только въ собачьемъ пузырѣ. — Буны брынзы нынъ бурдуфъ де кыне.

Пока богатому придетъ фантазія помочь, бѣднякъ отдастъ душу Богу. — Паны вине кефулъ богатулуй, эсе суфлетулъ саурлакуй.

Имѣешь деньги, имѣешь и враговъ. — Кындъ ай бань, требуе се ай ши душмань.

Когда тебѣ въ руки попадется копѣйка, завяжи ее 9-ю узлами. — Кындъ ыць ынтры параоа ынъ мыны, ляго ынъ 9 нодурь.

Ни мяса нѣтъ зажарить, ни вертела. — Ничь карне се арзы, ничь фригаре. (Ни кола ни двора.)

Скупцу никогда не говори: дай, а всегда: нà. — Скумпулуй ничь одаты сы нуй зичь, дэмь, чи тотъ дяуна: на.

Въ домѣ скупца и мыши не водятся. — Ынъ каса згырчитулуй, ничь пюаричь нусъ.

Кто обнимаетъ многихъ хорошенькихъ, мало собираетъ (денегъ). — Чине ымбрацишазы мулте фрумоасе, пуцынъ адуны.

Желая купить жеребца, спускается до покупки осла. — Брындъ се кумпере армасаръ, ажюнже динъ калъ ла магарь.

Человѣкъ въ нуждѣ нюхаетъ то, чего бъ не понюхалъ по своей волѣ. — Омулъ ла невое миросы шичей нуе воя.

Изъ болота въ колодезь. — Саре динъ лакъ ынъ пуцъ. (Изъ огня да въ полымя).

Всякій цыганъ хвалитъ свой молотъ. — Тотъ цыганулъ эть лауды чоканулъ.

Вмѣсто отдачи долга онъ показываетъ спину тебѣ.— Ынъ локъ де платы, спателець араты.

Что братъ ты мнѣ, то такъ; да брынза покупается деньгами. — Де фрате емь ещъ фрате; дар брынза ку бань.

Чѣмъ быть слѣпымъ и верхомъ, лучше хромымъ, да пѣшкомъ. — Декытъ орбъ ши каларе, мáй бине шкепъ ши пе жесъ.

Ищешь иголку въ возѣ съ сѣномъ. — Кауць акулъ ынъ кару ку фынулъ.

Чóртъ надсмѣхается надъ старостью. — Дракушь бате жекъ де батринецы.

Другъ человѣку кошелекъ съ деньгами и мѣшокъ съ просомъ. — Пріетенулъ омулуй есте пунга ку баній ши сакулъ ку малаюлъ.

Когда я голоденъ, дай мнѣ хлѣба, а не говори приходи завтра. — Кындп мье фоаме сэмь дай пыне, яръ нумзиче, вино мине.

Когда нѣтъ во-рту зубовъ, нѣтъ и ума въ головѣ.—Кындъ навѣмъ ынъ гуры динцъ, навемъ атунчь ынъ какъ мынць.

Когда имѣешь старую кошку, крысы заводятъ у тебя овчарню. — Кынъ ай писикы батрыны; шоаречій ынъ касыць факъ стыны.

Пусть себѣ лаетъ за моей спиной, какъ собаки ночью на звѣзды. — Ласы сы латры ынъ спателе мелe, ка кацелеле сара ла стеле.

Не успѣлъ онъ испустить духъ, а ему ужь поютъ со святыми упокой! — Нуй о апукатъ сый есе суфлетулъ шэй дэку Думнезеу сэлъ ерте.

351. **Пословицы** и поговорки, употребляемыя въ Волынской губ. (въ алфав. порядкѣ). *Волынскія Губ. Вѣд.* 2 и 3.

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Въ алфавитномъ порядкѣ).

А.

1. А хто воды прынэсэ? нэвистка. А хто обидъ зваритъ? нэвистка. А хто на панщину? нэвистка. А кого бьютъ? нэвистку. А защо бьютъ? За то що нэвистка.
2. А ны пывши и не ивши, скачы дурню ошаливши.

Б.

3. Бэзъ Бога ны до порога.
4. Бэзъ щастя и по грыбы нэйды.
5. Баба зъ воза, конямъ лэгшэ.
6. Бачилы очи що куповалы, тэпэръ ижте, хочь повылазтэ.
7. Бэрэ вовкъ и поличанэ.
8. Бумага пышеця, а хлибъ исця.
9. Брэхнэю свитъ пруйдешъ, а назадъ не вернеся.

В.

10. Въ гурти и каша истця.
11. Вовкъ кози нэ товарищъ.
12. Воронъ ворону очей нэ выклюе.
13. Взявшись за гужъ не кажы що нэ дужъ.
14. Въ гостяхъ добрэ; а въ дома липше.

Г.

15. Гость пэршаго дня золото, другого сребро, трэтюго мидъ-да и къ чорту идь.
16. Голодный куми пирогы на уми.
17. Гуща дитей нэ розгоняе.
18. Грушка — мынушка.
19. Глянь на лычко, да й пытай здоровья.

20. Глухый що нэ дочуе, то выдумае.
21. Горобци просо выпылы а сыныця въ спашу впала.

Д.

22. Дай дитямъ поволю, то самъ пійдешь въ неволю.
23. Давъ Богъ диты, дастъ и на диты.
24. Дай Боже отъ квасу закрасу.
25. Добрый тылько сыръ откладаный.
26. Добрый ярмарокъ, да нема грошэй.
27. Дэрэ вовкъ козу, а коза лозу.
28. Дарованному коню въ зубы не заглядай.
29. Дэ коротко, тамъ и рвэця.
30. Для компаніи дався жидъ повиситы.
31. Дивоцькій грихъ, то людскій смихъ.
32. Для мудрой головы досыть дви слови.
33. Для добраго друга и вола съ плуга.
34. Добра спулка человикъ да жунка.
35. Дывыся въ воду на свою уроду.
36. Дэ два бьеця, трэтій нэ мишайся

Е.

37. Щэ то нэ бида, колы пьеця вода.
38. Еднэ пыши, а двое лыши.
39. Щэ тойся нэ родывъ, щобъ увсимъ угодывъ.

Ж.

40. Жды морэ погоды.
41. Жынка хороша — згуба для гроша.
42. Жынка лядаща, въ хати ни нащо.

З.

43. Зять щобъ ще взять, тэща давай еща.
44. За вовка помовка, а вовкъ тутъ же.
45. Забула маты лося — такъ удалося.
46. Запасъ биды нэ чпыть.
47. Зробы мэнэ вищимъ, я тебе богатымъ.
48. Завшебъ поживывсь комаривъ носокъ, колыбъ не его чортивъ голосокъ.
49. Зъ вэлыкои хмары, и малый дощь.
50. Зъ вэлыкои воли жды лыхой доли.

К.

51. Куды вовче бижишъ? на сыротынэ, на вдовынэ.
52. Колыбъ хлибъ да одежда: то ивъ бы лэжа.
53. Колыбъ свыня рогы мила, тобъ всихъ поколола.
54. Коня куютъ, а жаба лапу пидставляе.
55. Круты нэ круты, а трэба вмэрты.
56. Кусай по троха, надовшэ будэ.

57. Кожда курыца пидъ сэбэ грэбэ.
58. Купуй хату крыту, а сукню шыту.

К.

59. Людей слухай, а свой розумъ май.
60. Лишша цнота надъ цнотами дэржать языкъ за зубами.
61. Любыть якъ душу, а трисэ якъ грушу.

М.

62. Мокрый дощу, а голый розбою не боиця.
63. Мовчи язычку, то кашки зъисы.
64. Мала пташина воробэй горобець? тай той сэрцэ мае.
65. Мыло нэ мыло тягни кобыло.
66. Моимъ саломъ мэнэ мажэ.

Н.

67. Нэ голодна корова, колы встриси солома.
68. Нэ плюй на воду, бо прыйдеци пыти.
69. Нэ кайси зъ рани вставши, а зъ молоду ожэнывшись.
70. Нэ дай Божэ зъ Ивана пана.
71. Недасть того жадна матка, що дасть зъ земли една латка.
72. Наука въ лисъ нэйдэ.
73. Нэ вважай на врожай, а жито сій.
74. На тэ коваль клыши держить щобъ рукъ нэ попикъ.
75. Нэ вирь никому — нихто нэ зрадыть.
76. Нэ вирь жинци въ дома, а кобыли въ дорози.
77. На лыхому избый лисъ, буде едынъ бисъ.
78. Нэ тэрши нэ мявши, нэ буде калачь.
79. Нэвдарывъ по коню то по оглобляхъ.
80. Нэдосилъ на столи, а пэрэсилъ на голови.
81. Не пытай умилаго, да бувалаго.
82. Назвавшись грибомъ, лизь у коробку.
83. Нэ той червякъ що мы имо, а той що насъ будутъ исты.
84. Нэ сило нэ пало, дай бабо сало.
85. Новэ сыто на колочку.
86. На твій гнивъ не загорожалы хливъ.
87. Нэ напоивши нэ накормывши, нэ будешъ маты ворога.
88. На бэзрыбьи и ракъ рыба
89. Напэрэдъ нэ выскакуй, а назади не оставайся.
90. Напэрэдъ нэ хвалыся, та Богу молыся.
91. На кого Богъ, на того люды.
92. Нэ будь солодкымъ бо повтнуть; не будь гиркимъ бо выплюнуть.
93. На тоби нэбожэ що мини нэгоже.
94. Нэродыся краснымъ, та родыся щастнымъ.

О.

95. Обицявся панъ кожухъ; та слово его тэплэ.
96. Обицянка цацянка, а дурнэви радисть.

97. Охота гиршей нэволи.
98. Отъ прыбытку голова изболыть.

Н.

99. Працюй нэбожа и Богъ допоможэ.
100. Полиськый лисъ, волыньскый кожухъ.
101. Покы тлустый схуднэ, то худый здохнэ.
102. Познаютъ хлопци и въ чорный сороци.
103. Посій рыдко, зародится дидько.
104. Паньскэ око коня тучыть.
105. Паскудна пташка що свое гниздо паскудыть.
106. Познаты можна пана по холявахъ.
107. Пьяному вси козы въ золоти.
108. Прыбудь счастье, знайдэця разумъ.
109. Паньска ласка до порога.
110. Пожычки мыши не псуютъ.
111. Пэрэдъ нэводомъ, рыбы нэловы.
112. Пусты сусида въ хату, то самъ съ хаты.
113. Прыспоры Боже прожыты тому, хто добрэ радыть кому.
114. Покы гримъ нэвдарыть, мужыкъ нэ пэрэхристыця.
115. Пожычь другому жинку, а самъ трубы въ кужилку.
116. Пришый кобыли хвистъ, а въ кобылы свій.
117. Паны бьются, а мужикамъ лобъ щэмить.
118. Помалэньку, помалэньку той зловимъ старэньку.

Р.

119. Рання пташечка зубци тэрэбыть, а пузня очкы колупыть.
120. Работа никому нэ соромота.

С.

121. Старый вилъ борозны нэ псуе.
122. Сьніалась вэрша (*) съ болота; тай сама лизэ въ болото.
123. Суха ложка ротъ дэрэ.
124. Стало на рыбу, нэ стало на юшку.
125. Своя сермяжка никому нэважка.
126. Самъ дэ повэрнысь, то хвэсь увэсь
127. Сорока за лозы, то десять въ лозу.
128. Слипымъ коніомъ, а соломяннымъ воломъ довго нэ наіздыся.
129. Смэрть и вморить и выводъ дасть.
130. Свитыть мисяцъ, да нэ гріе.
131. Скачы вражэ, якъ панъ кажэ.

Т.

132. Тогди жинка мовна, якъ бочка повна.
133. Трэба вэлыкого хуста, щобъ завязаты людямъ уста.
134. Танціовавъ, танціовавъ да нэ уклонився.
135. То нэ новына що ни съ чимъ до млына.
136. Такъ жить, якъ набижить.

(*) Верша—посудокъ на рыбу.

У.

137. У нашего давыда ни росту, ни выда.
138. У пьяного свитъ якъ банька, людэ якъ мухы.
139. Ударь объ стилъ—обозвуця ножыци.

Ж.

140. Хлибъ силь а вода, то нэма голода.
141. Хрыстынки, мэрлынки *) нэ глядять лыхой годынки.
142. Хто дбае, той и мае.
143. Хто пытае, той нэ блудыть.
144. Хутка робота—людямъ соромота.
145. Хорошэ нэ находытысь, а смачно нэ наистысь.
146. Хто низко ходыть, самъ соби шкодыть.
147. Хто мовчить, двопхъ навчить.
148. Хто мае кобылу зъ лошатемъ, у того вовкъ зятемъ.
149. Хвалько не хвалыця; а будько набудэця.
150. Хто высоко литае, то низко сядае.
151. Хочь застався а постався.
152. Хто орэ на едэнъ быкъ, у того хлиба на едэнъ рикъ; а хто на два быки, мае хлиба на два роки.
153. Хочь спатымешъ до обида, то зодягнешъ своего дида.

Ч.

154. Часомъ съ посмиха бувае потиха.
155. Часамъ зъ квасомъ, порою зъ водою.
156. Чужій лобъ скубы, наставъ и свой.
157. Чимъ дальше въ лисъ, тымъ большэ дровъ.
158. Чого быкъ навыкъ, того и въ чэрэди рэвэ.
159. Чуже личко, платыця раминьцэмъ.
160. Чуже добро въ корысть нэ пійдэ.
161. Чуе курка носомъ, дэ поживыця просомъ.
162. Чужа болячка для людэй цяцька.
163. Чужыми рукамы жаръ загрэбаты.

Ш.

164. Шануй горы и мосты; то будутъ цилы косты.

Щ.

165. Що напышэшъ пэромъ, нэ вывэзэшъ воломъ.
166. Що литомъ ногою, зимою рукою.
167. Що въ твэрэзого на уми, то въ пьяного на языци.
168. Що зъ воза впало, тэ пропало.

Я.

169. Якъ есть то есть, а собака лучшій якъ тесть.

---

*) Смерть.

170. Якъ пьютъ, то мэнэ минають; а якъ бьютъ одъ мэнэ зачинають.
171. Якъ въ клуни молотыця, то въ хати нэ колотыця.
172. Якъ добрэ вэдэця, то пивэнь нэсэця.
173. Якъ сырота жэныця, то и ничь мала.
174. Якъ дасы коню оброку, тогда бій по боку.
175. Якъ помастышъ, такъ поидэшъ.
176. Якъ трэвога, то до Бога, а по тревози, той по Бози.
177. Якъ пьянъ то капитанъ, а проспыця свыни боитця.
178. Якъ було жито въ мишку, дававъ всимъ по трошку; а якъ осталось еднэ зэрня, выбачайте бо и я мизэрный.
179. Якъ при доброй годыни, то вся по братыни; а при несчастной доли, и браты втикаютъ поволи.

352. **Великорусскія** загадки. Собралъ *И. А. Худяковъ*. Москва. Въ тип. Грачева. Въ 8-ю д. л. 116 стр. Ц. 60. к.

ЗАМѢТКИ О СКОПЦАХЪ *).

Они отличаются наружностью и образомъ жизни. Цвѣтъ лица ихъ желтосиневатый, подъ глазами синія пятна; не употребляютъ мясной пищи и вина; не бываютъ воспріемниками при крещеніи младенцевъ; на праздникъ Святыя Пасхи, по обычаю христіанъ, не христосуются мущины съ женщинами и женщины съ мущинами. Презирая всѣ св. таинства Православной церкви и принимая оныя только по виду для сокрытія себя, они отвергаютъ бракъ, почитая его плотскою нечистотою; а если по необходимости и вступаютъ въ бракъ, то отъ женъ удаляются со времени самаго брака, или по рожденіи двухъ или трехъ дѣтей, для продолженія своего племени. Крещеніе младенцевъ хульно называютъ крещеніемъ *котятъ*. Причащеніе почитаютъ осквернѣніемъ. Св. иконы называютъ простыми досками, почитая себя самихъ живымъ образомъ и подобіемъ Божіимъ **). Таинство священства хулятъ и служителей церкви называютъ неприличными скотскими именами, а церковь Божію хлѣвомъ скотскимъ. Что можетъ быть еще хуже сей злочестивой и суемудренной секты? И въ ней-то хотятъ заблудшіе найти свое спасеніе и другимъ оное доставить.

Всякій желающій вступить въ ихъ вѣру, или лучше, кого они совратятъ въ нее, долженъ прежде всего перемѣнить крестъ троеперстный на двуперстный и перекреститься по ихъ обряду. Обрядъ сей у нихъ совершается такъ: того, кто вступаетъ въ ихъ секту, приводятъ въ тотъ домъ или по ихъ названію *соборъ* [1]), гдѣ назначено ихъ сборище и гдѣ находится ихъ главный пророкъ [2]) — скопецъ, къ которому подводятъ желающаго вступить въ ихъ секту, надѣвъ прежде на него длинную бѣлую рубашку и разувъ его. Пророкъ спрашиваетъ его: «за чѣмъ ты пришелъ»? Тотъ долженъ, по наученію, отвѣчать: «пришелъ

*) Изъ статьи, писанной въ 1853 г. и тогдаже сообщенной въ Географическое Общество: «о скопцахъ Калужской губ. Перемышльскаго и Лихвинскаго уѣздовъ.»

**) О св. иконахъ говорятъ такъ: съ переду трава, а созади дрова.

Богу молиться». Пророкъ еще вопрошаетъ: «не будешь ли лѣниться?»; тотъ долженъ отвѣчать: «не буду» [3]). За тѣмъ пророкъ беретъ съ божницы крестъ, для сего приготовленный, и дастъ цѣловать новопришедшему; потомъ зажигаетъ пукъ восковыхъ свѣчей и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по одной, а новопришедшему даетъ три свѣчи и заставляетъ его говорить за нимъ слѣдующее: «пришелъ я къ тебѣ, Господи, на тайный твой вечеръ; прими меня, Господи, прими меня, Сынъ Божій, прими Мать Пресвятая Богородица». Послѣ сего нововопришедшій долженъ давать слѣдующія заклятія, что у нихъ называется присягою: «про сіе дѣло святое никому не проповѣдывать, ни отцу ни матери, ни роду, ни племени; а буде проповѣдую, не подержи меня матушка сырая земля, не дай матушка — красное солнышко мнѣ свѣту бѣлаго.» Еще: «дай Богъ мнѣ огонь и пламя и кнутъ и сибирь претерпѣть; сіе дѣло не отложить, чтобы ни архіереямъ, ни священникамъ, ни роду, ни племени, ни сырой землѣ не сказать». Послѣ сей присяги пророкъ заставляетъ новопринятаго просить прощенія такъ: «Прости меня, батюшка родимый Искупитель, на кругѣ катающійся (здѣсь поминаетъ имя главнаго сектатора), прости солнце и луна, небо и звѣзды и матушка сырая земля, и пески и рѣки и звѣри и лѣса и змѣи и черви». Какъ скоро кончится это заклятіе, всѣ садятся на лавки, а пророкъ или пророчица, отобравши свѣчи, приказываетъ новокрещенному креститься двуперстнымъ крестомъ и обѣими руками и молиться на него самого или на нее и класть земные поклоны, также и на всѣ четыре стороны. Послѣ того всѣ, ставъ въ кружокъ, начинаютъ кружиться и пѣть разныя пѣсни, и пророкъ или пророчица ходитъ въ кругу ихъ.

Вотъ пѣсни ихъ:

Дай намъ, Господи, намъ Іисуса Христа,
Дай намъ Сына, Сударь, Божьяго.
Помилуй насъ Сударыня Пресвятая Богородица:
Упроси мой свѣтъ объ насъ свѣта Сына своего,
Господа нашего Святаго.
Свѣтъ тобою спасенъ, Государь, свѣтъ души нашей,
Ой души нашей, Сударыня, многогрѣшныхъ на земли,
На сырой, Государь, земли,
Свѣтъ на матушки, на Сударыни, на кормилицы».

Пѣсню сію поютъ три раза. А во время пѣнія ея въ кругу ходитъ пророкъ или пророчица, или главный ихъ искупитель—спаситель, или богородица. И эта пѣсня означаетъ скликать Св. Духа на пророка или пророчицу, которые послѣ того якобы пророчить начинаютъ. И когда они пророчатъ, подходя къ кому либо, въ то время тотъ становится передъ нимъ на колѣни и обѣими руками крестясь, молится на него и проситъ у него милости Вотъ. примѣры ихъ пророчествъ: «Ты, душичка моя, ско-

рѣй ступай до рая; дорожка не близка, а у твоего конечка правая ножичка склизка. Ты бы за разъ дошелъ, да не на ту дорожку зашелъ». Или еще: «эта душечка мнѣ годится, на нее въ небѣ ризушка кроится. Подойдетъ къ тебѣ Сіонъ гора и подведетъ къ тебѣ добраго коня, но ты, душа, садись на него посмѣлѣй и бери за повода поскорѣй»

Потомъ притопывая ногами и ударяя обѣими руками объ колѣни, въ ладъ поютъ:

Царство ты Царство, духовное Царство,
У тебя во Царствѣ благодать велика.
Да ктожъ это царство, ктожъ его построилъ?
Построилъ это Царство батюшка родимый,
Отецъ Царь небесный.

Иначе:

Царство, ты Царство, духовное Царство,
Во тебѣ во Царствѣ благодать вселилась,
Радось неизреченная.
Праведные люди во тебѣ пребываютъ,
Живутъ, не унываютъ,
Надежду на Господа крѣпко уповаютъ,
На Духа Святаго всегда полагаютъ.

Сказать ли вамъ, братцы, про это про Царство,
Кто это царствіе, кто его построилъ?
Кто эти души коленыя; кто ихъ понаставилъ?
Понастроилъ царствіе Сударь Духъ Святый,
А души понаставила Матушка Божія Царица небесная.

Еще:

Солнце, мѣсяцъ, одно свѣтитъ,
Никто насъ сиротъ не привѣтитъ.
У насъ батюшка не стало
И теплота у насъ отстала.
А Духъ на кругѣ возвѣщаетъ
Чрезъ пророчески уста
Про батюшку про Христа,
Про его свѣта страды (страданія).
Послушайте мои други,
Что глаголетъ Духъ на круги:
Избранныи мои дѣти
Не забудьте мои завѣты,

Про что я вамъ возвѣщалъ,
Простоты вашей прощалъ;
Но ежели приказъ мой не исполняли
И чистоту свою замарали
И ризы свои разодрали,
Другъ на друга вы взирали,
Законъ Божій потеряли,
Слабость, лѣность возлюбили,
Божества вы не хранили
И душу, сердце не обмыли,
Бы во внѣшности всегда жили
И платьямъ своимъ уважали,
и проч.

Во время этого пѣнія иные пляшутъ, другіе прыгаютъ, вертясь кругомъ и вдоль комнаты: первое означаетъ духовную баню, или вертоградъ, а второе корабль спасителя [4]).

Еще поютъ:

Послушайте мои други,
Что речетъ Господь на круги.
Изъ устъ духъ гласитъ,
Обѣщается гостить:
Я къ вамъ дѣтушки явлюсь
Па вашу жизнь удивлюсь;
Буду судить все про одно,
Что въ Россіи холодно,
Краспа солнышка не стало
Теплота грѣть перестала.
Намъ безъ батюшка роднаго
И безъ агнца живаго,
Безъ утѣшнаго орла
Забиваетъ насъ волна.
Море мірское шумитъ,
Хочетъ корабль разорить,
А намъ батюшка говоритъ:
Страдовъ дѣтушки боятся,
Отъ страстей на бокъ валится,
Поютъ духи, не утаятся,
Надо слабости бояться,
Надо ее обходить,
Жива Бога находить.
Надо батюшку просить
Древа росой поросить.
Всѣ древочки порошу,
Все зелье покошу,
Чтобъ оно не выростало,
Моихъ вѣрныхъ не достало,
Отъ міра надо бѣжать
И въ рукахъ крестъ держать.
Полно дѣтушки лежать
Вамъ на лѣвомъ на боку,
Я неволей привлоку.
Всѣхъ батюшка васъ проситъ
Страданіемъ своимъ;
Своимъ духомъ приглашаетъ,
Теплотою своей грѣетъ
И плоды свои даетъ,
Благодатью поливаетъ
И покровомъ покрываетъ,
И оградушкой обноситъ,
Всѣхъ вѣрныхъ своихъ проситъ:
Поживите вы въ отрадѣ,
Живой Богъ у васъ въ оградѣ.
Ужъ какъ нынѣ у насъ
Объявится второй Спасъ,
Прочитаетъ свой указъ,
Будутъ радости у насъ.
Звѣзда жарка возсіяла,
А намъ надобно (бояться) молиться
Отъ насъ тягость отвалится,
и проч.

Когда ходитъ въ кругу ихъ богородица, поютъ пѣсни:

Матушка Марія
Съ седьмаго неба соборъ намъ явила,
На всѣхъ поглядѣла,
Пѣсенки запѣла:
Которыя въ ризахъ
Всѣхъ я васъ вижу.
На комъ ризушка бѣла,
Та много радѣла;
На комъ ризушка сиия,
Та много проспла;
На комъ ризушка красна,
Та жила страшна,
Во страданіяхъ Господнихъ
Бога помышляла,
Въ ней въ сердцѣ построила
Камену палату
Святому Духу всегда пребывати
И нынѣ и присно и Святому Духу.

Еще:

А у насъ нынѣ на Святой Руси
Претворилися такія чудеса,
Растворилися превышни небеса,
Сыкатилися златыя колеса,

Сыкаталъ самъ полковникъ полковой,
Хорошо подъ нимъ конь увобранъ
Золотыми онъ подковами подкованъ,
А грива позолоченая,
Чистымъ серебромъ усыпанная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная.
Какъ и сталъ онъ полковникъ полковой
Красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать,
Онъ и сталъ свой Евангель раскладать,
Онъ и сталъ имъ приказывать:
Вы послушайте сестры-братья,
Бѣлыхъ не давайте братьямъ рукъ своихъ
Свѣтъ святому Духу. Аминь*).

Еще:

Ужъ вы дѣвушки дѣвицы,
Духовныя сестрицы,
Когда Богомъ занялись,
Служить завдались,
Вы служите не робѣйте,
Живу воду пейте,
А на земь не лейте.
А Илья сударь пророкъ
По кругу ходитъ,
Своей буйной головкой покачивастъ,
Бѣлыми руками помахивастъ,
Сестрамъ братьямъ приказывастъ:
Зелена вина не пейте,
А моего пива пейте, и проч.

Обрядъ этотъ въ скопческой сектѣ называется: радѣть, кораблемъ ходить и крестикомъ. Оскопленные мущины почитаются за святыхъ, пророковъ, апостоловъ, а главный за спасителя; а оскопленная женщина за богородицу.

По окончаніи пѣсень и моленья начинаютъ пить чай, а послѣ того и ужинать, что приготовлено хозяиномъ дома; упо-

---

*) Вотъ любопытный варіантъ этой пѣсни, сообщенный г. Диттелемъ:

У насъ было на сырой на землѣ
Претворилися такія чудеса,
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотые еще огненные.
Ужъ на той колесницѣ какъ на огненной,
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
То нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой Божій законъ;
Подъ нимъ то бѣлой храбрый конь;
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ,
Ужъ и этотъ конь не простъ,
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
Въ очахъ его камень маргаритъ,
Изъ устъ его огонь пламенемъ горитъ;
Ужъ на томъ ли на храбромъ конѣ
Искупитель нашъ покатываетъ;
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По инымъ землямъ французскіимъ,
Французскіимъ и Иркутскіимъ,
Набиралъ полки премудрые
Кавалерію духовную.
Теперь, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во сѣверну сторонушку,
Во сѣверную въ Питерскую
При батюшкѣ Искупителѣ,
При второмъ нашемъ Спасителѣ,
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужъ сталъ нашъ батюшка родной,
Государь нашъ полковникъ дорогой
Своими полками полковать,
Разложилъ свой Евангелъ толковой.

требляютъ въ пищу и рыбу. Во время ужина хулятъ церковь Божію и ея св. таинства. По окончаніи ужина начинаютъ расходиться и прощаются такъ: выходящій прежде, прощаясь, кланяется въ землю всѣмъ находящимся и говоритъ: «Простите, родимые братцы и сестрицы». Присутствующіе, также крестясь и кланяясь отходящему, говорятъ: «Спаси тебя Господи»!

Объясненія.

1) *Соборами* въ скопческой сектѣ называются избы, особенно устроенныя для ихъ ночныхъ сборищъ; эти избы строятся на задахъ дворовъ, окнами въ садъ, или огородъ, съ одною или двумя калитками или дверьми на огородъ, чрезъ которыя входятъ собирающіеся для моленья. Такія избы отличаются отъ прочихъ строеній тѣмъ, что имѣютъ иногда внутри перегородки и около корридоры; печи въ нихъ кладутся большею частью маленькія голландскія, или лежанки, съ небольшими трубами, которыя обыкновенно кладутся въ одномъ какомъ либо углу; а большая комната, гдѣ бываетъ самое моленье, вокругъ устанавливается лавками; особыхъ украшеній нѣтъ.

2) Оскопленный мущина почитается за пророка или апостола и святаго, а совершенно оскопленный, т. е. у котораго вовсе дѣторолные члены отняты или отрѣзаны, почитается за главнаго сектатора или спасителя; равно какъ оскопленная дѣвка или женщина почитается за богородицу или пророчицу, и проч.

3) Если кого уговорятъ или совратятъ вступить въ ихъ секту и приводятъ его для перекрещенія, то избранный для того провожатый или дядька наставляетъ его какъ, что и когда должно говорить и отвѣчать; онъ служитъ въ семъ случаѣ вмѣсто отца крестнаго и находится при немъ безотлучно. Тоже дѣлается и со стороны женщинъ. Иногда эти дядьки подносятъ съ самаго начала новопришедшему какого то настоя въ видѣ краснаго вина, послѣ чего выпившій чувствуетъ, говорятъ, какое-то особенное непонятное влеченіе къ ихъ сектѣ. Мущинъ принимаетъ и креститъ или главный сектаторъ и спаситель или пророкъ; а женщинъ богородица ихъ или пророчица.

4) Кораблемъ спасителя называется отдѣльное сборище одной и той же секты, которое имѣетъ своего главнаго пророка или спасителя, подобно тому какъ въ православной церкви извѣстное количество прихожанъ составляетъ приходъ или парохію, къ коей опредѣляется свой причтъ.

При изслѣдованіи въ 1853 г. весьма много послѣдователей этой секты открылось въ лихвинскомъ уѣздѣ въ селахъ Березовѣ и Кулешовѣ; въ послѣднемъ селѣ найдена оскопленная дѣвка, называвшаяся богородицею, которая, по освидѣтельствованіи въ Калужской Врачебной Управѣ, оказалась дѣйствительно оскоплен-

ною; оскопленіе ея было полное какъ въ грудныхъ сосцахъ, такъ и въ дѣторолной части.

Сами себя они называютъ христіанами, и вѣрованіе свое основываютъ на словахъ Спасителя, какъ Онъ сказалъ: *Суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако, и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣка; и суть скопцы, иже изказиша сами себя, царствія ради небеснаго* (Мат. 19, 12). Посему то, когда ихъ ссылаютъ или преслѣдуютъ, они говорятъ, что они страдаютъ за Христа и ради царствія небеснаго, а судей называютъ Пилатами, кои ихъ мучатъ. Въ простонародіи они называются всегда хлыстами, а въ церкви православной извѣстны подъ именемъ секты Христовщины.

Суевѣрные обряды при постройкѣ дома въ Каменецъ-Подольской губерніи.

Послѣ отвода крестьянину усадьбы для постройки дома, пекутъ хлѣбы и назначаютъ на этотъ домъ одинъ хлѣбъ; если хлѣбъ роспадется или не поднимется, то будетъ худо, въ противномъ же случаѣ хорошо. Вечеромъ берутъ сухое руно овечье, кладутъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ назначено быть избѣ, подъ горшокъ, и если по утру изъ шерсти можно выдавить хоть одну каплю воды, то хозяинъ дома будетъ имѣть нѣкоторый достатокъ, а если шерсть окажется сухою, то это предвѣщаетъ бѣдность, почему на такомъ мѣстѣ никто строиться не рѣшится. Кромѣ того вечеромъ приносятъ воды изъ колодца, и пока никто еще не бралъ изъ ведра воды, отмѣриваютъ стаканомъ три раза по девяти стакановъ, начиная каждый разъ счетъ съ перваго, при чемъ стаканы должны быть полные, вровень съ краями, и выливаютъ воду въ горшокъ, который долженъ быть сухой и не заключать въ себѣ ни капли воды или какой нибудь влаги; такіе горшки съ отмѣренною водою и плотно покрытые ставятъ на ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ строиться домъ, въ каждомъ углу, назначенномъ для столба; тутъ же кладется ломоть хлѣба и соль; если вода окажется по утру прибывшею, то это предвѣщаетъ счастіе, если же убудетъ, то нѣтъ надобности и строить дома на убытокъ своему хозяйству. Третій обрядъ такой: съ цѣлаго коровая срѣзываютъ верхушку, кладутъ на нее ледовой соли и ставятъ на то же мѣсто, на ночь, и если хлѣбъ пропадетъ, что приписываютъ чорту, то нельзя ставить дома; если же не пропадетъ, то будетъ хорошо, и хлѣбъ даютъ собакѣ. За тѣмъ дѣлаютъ закладку дома, который обыкновенно бываетъ объ одной комнатѣ, а по другой сторонѣ кладовая, при чемъ не обходится безъ нашихъ родовыхъ славянскихъ могорычей. По окончаніи дома и совершенномъ приготовленіи его для жительства, не входятъ въ него однако тотчасъ, а прежде ставятъ на серединѣ комнаты столъ, покрытый

бѣлою скатертью; на этотъ столъ кладутъ ржаной цѣлый хлѣбъ съ комомъ ледовой соли и оставляютъ на ночь. На другой день вечеромъ пускаютъ въ комнату чернаго пѣтуха и курицу и оставляютъ ихъ ночевать; если они переночуютъ благополучно, то значитъ, что чорта опасаться нечего, если же пропадутъ (что иногда дѣйствительно случается и куда они дѣваются—слѣда нѣтъ, а иногда и отыскиваютъ въ какой нибудь норкѣ только перья), тогда признаютъ необходимымъ выгонять чорта какими нибудь средствами. На третью ночь пускаютъ чернаго цвѣта кошку и кота, за которыми наблюдаютъ также какъ и за пѣтухами. Наконецъ переходятъ въ домъ, выбирая для этого время какъ можно ранѣе передъ восходомъ солнца и притомъ не въ понедѣльникъ и субботу, для того чтобы не часто переходить изъ дома въ домъ и не скоро выходить. Въ комнату входятъ хозяинъ и хозяйка вмѣстѣ, держа хлѣбъ и соль на рукахъ, а дѣти слѣдуютъ за ними, и сейчасъ же на порогѣ приговариваютъ, обращаясь къ тому, кто будто бы помѣщается въ домѣ: «Господару господароньку, прыймы насъ въ комирноньку, ты соби сыды спокійно, насъ незаймай, мы тилько кавалокъ хаты быремъ для себы, арешта для тебы»; за тѣмъ вступая въ комнату ставятъ хлѣбъ и соль на столъ, и уже распоряжаются какъ знаютъ переноскою. Нѣкоторые увѣряютъ, что слышатъ отвѣтъ, принимаютъ ли ихъ или нѣтъ; если не принимаютъ, то домъ обращается въ сарай, а избу ставятъ на другомъ мѣстѣ съ тѣми же примѣтами; но чаще дѣлаютъ такъ, что освящаютъ домъ, вбивая въ каждомъ углу, въ диры, Евангельскій листъ. Что касается прочихъ построекъ, то на нихъ не обращаютъ вниманія и строятъ гдѣ попало безъ всякихъ предосторожностей, описанныхъ выше. Случается иногда, что по закладкѣ сарая или клуни мужикъ надорвется и заболѣетъ, то онъ не приписываетъ болѣзни своей горячей работѣ, но мѣсту, на которомъ строеніе поставлено, и идетъ къ знахарю, и знахарь указываетъ отчего произошла болѣзнь, а иногда велитъ разобрать строеніе. Конечно этими правилами руководствуются не всѣ, а только нѣкоторые, ибо всѣ ихъ даже и не знаютъ; но я самъ былъ очевидцемъ при подобныхъ испытаніяхъ мѣста для жительства, и мнѣ объясняли ихъ значеніе.

Членъ Дыминьскій.

О каменной бабѣ, найденной въ Киргизской степи.

(Изъ письма Члена-Сотрудника Географическаго Общества Хаджи Салиха Бабаджанова.)

18-го числа іюня (1862 г.) получивъ извѣстіе, что близъ Песковъ Джангызъ-Чагыхъ, что недалеко отъ Ставки при Нарынъ-Пескахъ, нѣсколько дней тому назадъ найдено изобра-

женіе женщины, вытесанное изъ бѣлаго камня, я отправился туда для личнаго осмотра и удостовѣренія въ справедливости.

По прибытіи на мѣсто и по осмотру въ присутствіи мѣстныхъ жителей, оказалось, что дѣйствительно въ небольшихъ барханахъ (на поверхности бугра изъ сыпучаго песка) лежитъ статуя, имѣющая человѣческую фигуру и вытесанная изъ простой извѣстковой каменной плиты, толщиною въ 1/4 аршина. Положеніе ея было лежачее вверхъ лицомъ и головою обращено къ востоку; различныя части тѣла выдѣланы въ несоотвѣтствующихъ между собою размѣрахъ; такъ наприм. голова и щеки необыкновенной величины, грудь и плечи несообразно широкія, станъ и руки несоотвѣтственно тонкіе и длинные; ноги тоже тоненькія и несоотвѣтственно коротенькія. На головѣ придѣлана коническая шапка, съ отломанной верхушкой и съ неровными, т. е. зубчатыми полями. Остальное тѣло представлено безъ всякаго одѣянія. На груди въ видѣ ожерелья, накинутаго на шею, проведены два полукруга, имѣющіе видъ нанизанныхъ на нити маленькихъ шариковъ, изъ-подъ которыхъ виситъ небольшое грудное покрывало, или украшеніе, обозначающее нижними краями форму женскихъ грудей. Руки статуи скрещены пальцами на брюхѣ пониже пупка и придерживаютъ къ тѣлу противу мѣста раздѣленія ногъ какой-то полуцилиндрическій кусокъ того же камня; выше кисти на рукахъ проведены по три тоненькихъ рубца въ видѣ браслетовъ; носокъ лѣвой ноги оказался отлѣпившимся. Вообще ей дано положеніе сидячее на пьедесталѣ изъ четырехъ-угольной плиты, на поверхности коей изображены фигуры ногъ. По правую сторону послѣднихъ на той же плитѣ, означающей сѣдалище, выбито изображеніе человѣчка, въ длину на 1/4 аршина; а по лѣвую — вырѣзано тавро, или знакъ въ видѣ четвероугольника съ ручкой. Сѣдалище это отдѣляется узенькимъ карнизомъ отъ остальной своей части, имѣющей видъ продолженія того же четырехъугольника, вѣроятно назначеннаго для зарытія въ землю при утвержденіи этой статуи въ какомъ нибудь мѣстѣ въ стоячемъ положеніи.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ статую съ этой стороны, я распорядился перевернуть ее внизъ лицомъ, что и было едва исполнено силою пяти человѣкъ. На спинной же сторонѣ, кромѣ одной заплетенной длинной косы съ узломъ на концѣ и очертанія задней стороны человѣческаго туловища, нѣтъ никакихъ особыхъ примѣтъ; только отъ осмотра съ этой стороны можно составить себѣ заключеніе, что статуя или истуканъ представляетъ сидящую женщину. Вообще работа или отдѣлка довольно простая, или даже грубая и вѣроятно принадлежитъ къ произведеніямъ скульпторовъ отдаленнѣйшихъ временъ, т. е. давнишнихъ обитателей этой страны, какъ-то: монголовъ, калмыковъ и другихъ язычниковъ востока. Величиною вся статуя въ длину 2 1/3 аршина, а въ ширину 3/4 арш. около

плечь и поперекъ сѣдалища. Земля съ западной стороны мѣста, гдѣ лежала статуя, была до того рыхла и мягка, что тоненькій деревянный прутикъ свободно входилъ въ нее, при легкомъ давленіи, до 2 арш. въ глубину. Посему тутъ и еще мѣстахъ въ двухъ я пробовалъ рыть яму до твердаго грунта, углубляясь на 4 аршина въ землю; но никакихъ замѣчательныхъ признаковъ не оказалось. Песокъ и въ глубинѣ былъ сыпучій, но твердо улегшійся, и одинаковаго съ верхнимъ слоемъ желтовато-краснаго цвѣта, какъ это бываетъ на всѣхъ барханахъ (песчаныхъ холмахъ). Саженяхъ въ четырехъ отъ мѣста нахожденія статуи обозначается узкою (въ 2—3 арш.) полосою очень тонкій слой солонцеватой глины по сыпучепесчаному грунту, на которомъ слой этотъ, извиваясь разными ломанными линіями въ видѣ бастіоновъ и т. п., образуетъ внутри своихъ изгибовъ неправильную многоугольную площадку. На ней одновременно съ открытіемъ истукана, какъ мнѣ сказали, была найдена (и уже потеряна) однимъ киргизскимъ мальчикомъ мѣдная стрѣла. Мѣстами на этой же площадкѣ попадаются кучи мелкихъ кусочковъ кремнистаго камня, старой провѣтрившейся кости, пересженаго кирпича и осколки глиняныхъ горшковъ, что́ даетъ поводъ къ предположенію, что тутъ прежде существовали жилища, огороженныя глинянымъ валомъ или заборомъ, который впослѣдствіи вліяніемъ дождя и вѣтровъ, должно быть, снесенъ и въ настоящее время отъ него осталась на поверхности земли только вышесказанная полоса, по свойству глины совершенно сходная съ глинистой землей близлежащихъ Большихъ Соленыхъ Грязей или Хаковъ.

До настоящихъ поръ о существованіи этой статуи или чего либо въ этомъ родѣ у насъ не было никакихъ извѣстій и вѣроятно она скрывалась подъ наноснымъ пескомъ, который нынѣ должно быть снесенъ отсюда дѣйствіемъ свирѣпствовавшихъ часто въ теченіи мая и іюня сильныхъ вѣтровъ, разрушавшихъ въ Ставкѣ даже кровли нѣкоторыхъ домовъ, сараи, заборы и ворота. Но когда найдена была статуя, то явленіе это въ глазахъ простодушныхъ киргизовъ показалось чѣмъ-то чудеснымъ. Они даже заподозрѣли въ истуканѣ присутствіе таинственныхъ силъ и чудеснаго свойства исцѣлять недуги, словомъ къ нему уже успѣли возъимѣть какое-то набожное уваженіе. Только мой личный примѣръ неуваженія и объясненія киргизамъ предположенія, что это должно быть калмыцкій идолъ или надгробный памятникъ могли ихъ разувѣрить въ неосновательности ихъ догадокъ. Но мнѣ странно было — какъ не объяснили имъ этого и какъ не отвергли суевѣрнаго уваженія киргизовъ муллы (магометанскіе законоучители), которымъ, говорятъ, статуя эта была показываема за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда, и они, потолковавъ около нея между собой, разъѣхались по домамъ, чтобы найти ей объясненіе въ духовныхъ книгахъ, даже не отвергая зародившагося въ окрестныхъ жи-

теляхъ вѣрованія въ неестественность и чудность явленія. Это доказываетъ какъ низка и нетверда степень знанія и понятія нашихъ ордынскихъ законовѣдовъ магометанской религіи. Къ несчастію, у киргизовъ, какъ у людей темныхъ, нѣтъ иного способа дойти до истины въ подобныхъ недоразумѣніяхъ, какъ обращаясь къ мулламъ. Къ нимъ же или къ простымъ знахарямъ прибѣгаютъ киргизы для излеченія болѣзней и, вмѣсто надлежащаго пособія медицины, получаютъ отъ нихъ одно отчитываніе молитвами или писанную на лоскуткѣ бумаги молитву или какія либо непонятные знаки для ношенія на шеѣ больнаго. Случается, что муллы, собравшись съ своими учениками до 15 человѣкъ, усядутся кругомъ постели и изголовья одержимаго сильнымъ недугомъ и во все горло кричатъ, напѣвая какую нибудь молитву и по временамъ раздражая сильнымъ дуновеніемъ изъ устъ въ лицо больнаго, который, отъ слабости силъ своихъ потерявъ терпѣніе оставаться среди неистовыхъ криковъ, порывается уйдти или умоляетъ о пощадѣ его спокойствія. Но подобныя просьбы больнаго обыкновенно не исполняются, въ томъ предположеніи, что бѣгство отъ молитвъ внушается больному чертями, и напротивъ чтецы-пользователи еще болѣе усиливаютъ отчитываніе, удерживая больнаго даже силою въ крикливой средѣ своей. Однако и въ этомъ безразсудномъ леченіи нельзя обвинять киргизовъ въ очень строгомъ смыслѣ, ибо у нихъ очень часто почти нѣтъ никакого средства противъ болѣзней и въ этомъ случаѣ киргизъ, какъ утопающій въ морѣ, хватается за соломенку. Было время, что киргизы совершенно довольствовались своими средствами врачеванія. Но теперь не то: многіе изъ нихъ уже пріобрѣли понятіе о дѣйствительности и пользѣ раціональнаго леченія чрезъ ордынскаго врача. Къ сожалѣнію, полагается лишь одинъ врачъ и съ медикаментами на сумму около 200 руб. сер. въ годъ на всю нашу орду, въ которой приблизительно до 30 тысячъ семействъ, занимающихъ пространство въ 600 верстъ въ длину и около 500 верстъ въ ширину, что ясно свидѣтельствуетъ о недостаточности въ ордѣ медицинскихъ средствъ на все показанное народонаселеніе и пространство. При этомъ нельзя не заявить сожалѣнія, что примѣры безпомощно погибающихъ больныхъ людей и скота повторяются предъ нашими глазами почти ежедневно.

Въ настоящее время вышеобъясненная статуя перевезена мною и хранится въ Ставкѣ, ибо на прежнемъ мѣстѣ было опасно оставлять ее, чтобы не разбили киргизы, которые и такъ уже до моего пріѣзда успѣли сдѣлать рубцы топоромъ въ двухъ мѣстахъ, вѣроятно пробуя твердость камня.

Разбойничьи пѣсни.

I.

Хороша наша деревня,
Только улычка грязна;
Вотъ усы, вотъ усы, вотъ усы, усы, усы..! *)
Хороши наши ребята,
Только славушка худа;
Мужички съ верху глядятъ,
Все ворами насъ бранятъ,
Насъ ворами называютъ
И разбойничками.
Мы не плуты, мы не воры
Не разбойнички:
Мы Великаго (*вар*: Волконскаго) князя
Рыболовшички,
Сѣти-неводы вязали
Полушолковые,
Живу рыбочку ловили
По сухіимъ берегамъ,
По сухіимъ берегамъ,
По анбарамъ, по клетямъ;
Изловили осетра
У дяди у Петра,
У дяди у Петра
Златогриваго коня...
Мы пойдемте-ко, ребята,
Въ чисто поле далеко,
Въ чисто поле далеко,
Тамъ избушечка стоитъ,
Какъ во этой во избушкѣ,
Богатъ мужикъ живетъ.
Вы беритесь за заборъ,
Да мечитеся во дворъ.
Здравствуй, братъ хозяинъ,
Нѣтъ ли хлѣба у тебя?
Что хозяино-тъ идетъ,
Шесть ковригъ большихъ несетъ;
Что хозяюшка идетъ
Молока ведро (*вар.* лагунъ) несетъ...
Благодарствуй, братъ хозяинъ,
За хлѣбъ-за соль за твою!
Ужъ братъ ты нашъ хозяинъ,
Нѣтъ ли денегъ у тебя?
Хозяинъ-то божится,
Нѣту денегъ у меня;
Что хозяюшка божится,
Нѣтъ полушки за душой;
А (*вар*: еще) малинькой Николька
Тутъ (*вар*: вотъ) промолвился:
У нихъ деньги-то въ клетѣ,
Тамъ закопаны въ мукѣ.

(Записана въ Екатеринбургской губ. учителемъ В. Простосердовымъ).

II.

Ужъ не я ли дѣвка знала,
Сама вѣдала,
Что не быть мини за княземъ,
Не за княземъ, не за бариномъ,
А быть мене за воромъ,
За разбойничкомъ.

*

Собиралися со вечера
На разбой итить,
Во полуночи поднялись
На разбой итить,
Ко бѣлому свѣту
Ко двору потйтъ.

*

*) Припѣвъ этотъ повторяется черезъ каждыя двѣ строки.

Ужъ и мой-ли воръ-собака
Попередъ онъ всѣхъ бѣжитъ,
Девятеро коней держитъ,
На десятомъ самъ сидитъ.

*

«Ужъ ты милая моя,
Отворяй ворота;
Ужъ ты милая моя,
Ненаглядная моя,
Бери платье поскорѣй,
Не развертываючи,
Не разсматриваючи!»

*

Ужъ я молода была,
Нетерпѣливая,
Разогнула, посмотрѣла —
Мого брата голова.

*

«Ужъ ты воръ-ли ты собака,
Разсабачій такой сынъ,
Погубилъ ты мого брата,
Свого шурина!»

*

— «Ужъ ты милая моя,
Не гнѣвайся на меня!
Въ первой встрѣчѣ, назустрѣчѣ,
Отцу, матери не спущу,
Свому шурину не сдамъ;
Ужъ не яль ему кричалъ,
Черной шляпою махалъ:
Сверни, сверни шуринокъ,
Сверни, сверни животокъ *).

*

(Записана А. Махвичъ-Мацкевичемъ въ Рыльскомъ и Дмитріевскомъ уѣздахъ Курской губ.)

III.

Во тихомъ Дону (bis) —
Тамъ купались три молодчика,
Два молодчика—братцы родные,
Лицомъ сходные,
Не воры, охотнички,
Донскіе разбойнички,
Татарскія рожи,
На чорта похожи.
А третій молодчикъ,
Былъ чужесторончикъ,
Православный Русской,
Изъ земли онъ Курской,
Княжескаго роду,
Отроча опальный (bis),
Сиротинушка безталанный,
Унесъ буйную головушку
Изъ Москвы отъ плахи,
Гдѣ скончался во темницѣ
Его батюшка родимый,
Его батюшка родимый,
Старый князь Василій.
Какъ одинъ изъ братьевъ
Сталъ такъ говорити:
Какъ намъ молодца
Этого убити.
Отвѣчаетъ братецъ:
Постой—погоди,
Распросимъ его:
Какого онъ роду племени,
Есть ли у него родимый отецъ,
Есть ли у него родимая мать,
Есть ли у него братья молодцы,
Есть ли у него сестры родныя,

---

*) См. варіантъ этой пѣсни, записанный Н. И. Костомаровымъ въ с. Волхонщинѣ, Саратовской губ. Сердобскаго уѣзда, напеч. въ Архивѣ историчи. практич. свѣдѣній 1860—1861 г. кн. 1-й.

Есть ли у него молода жена,
Есть ли у него малы дѣточки?
—«Тихой Донъ рѣка
Мнѣ отецъ родной;
Сырая земля
Родна матушка;
Соловей въ бору
Родимый мой братъ;
Кукушка въ лѣсу
Сестрица моя;
Бѣлая березушка
Жена молода,
Отъ нее отростушки
Мои дѣточки!»

*

Головка безталанная
Покатилася,
Тихій Донъ-рѣка
Замутилася.
«Тихій Донъ рѣка,
Родной батюшка,
Ты обмой меня!
Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня!
Соловей въ бору,
Милый братецъ мой,
Ты запой по мнѣ!
Кукушка въ лѣсу,
Во дубровушкѣ,
Сестрица моя,
Покукуй по мнѣ!
Бѣлая березушка
Съ своими отростками,
Пошуми по мнѣ!..

(Запис. А. Махвичъ-Мацкевичемъ въ Рыльскомъ и Дмитріевскомъ уѣздахъ Курской губ).

Варіантъ той же пѣсни.

У цихамъ Дунаѣ купались три малойчика,
Три малойчика,
Два малойчика—родны брацитки,
Третій малойчикъ чужестарончикъ.
Первый каже: утопимъ его,
Уторой каже: распытаемся:
Есть ли у него ацецъ, матушка,
Ацецъ, матушка, родны брацятки,
Родны брацятки, родны сестрички,
Есть ли у него молода жена,
Молода жена, малы дзѣтушки.
—«Цихай Дунай—мой ацецъ родной,
Сырая земля—родна матушка,
Соловей у бору—родный брацятка,
Зязюлька у лясу—сястрица мая,
Бѣлая береза — то жена мая,
У нея отростки — маи дзѣточки».
Яны узяли яго — убили яго,
Маладая галава пакацилася,
У цихай Дунай яна свалилася.
«Цихай Дунай, родный бацюшка, ты абмой мяне;
Сырая зямля, родна матушка, ты прикрой мяне;
Соловей въ бору, родный брацятка, поспивай па мнѣ;

Зязюлька у лясу, родна сястричка, покукуй па мнѣ,
Бѣлая береза, жена молода, пошуми па мнѣ;
Молоды отростки, милы дзѣтушки, помайцесь па мнѣ!

(Запис. А. Махвичъ-Мацкевичемъ въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губ.).

Пѣсня о поселянахъ около г. Шадринска.

Ай вотъ черемны псы—вотъ Агапинцы;
Кому рано стать—то Груздевенцамъ;
Толстоборы зипуны—Баклановски мужики;
Сини бабьи рукавицы—Скородумскія дѣвицы.
Кому шорска бить—Медвѣженцамъ;
Шляпы катать—Могиленцамъ;
Кринки дѣлать—Чувашенцамъ;
Морды плести—Кайгородовцамъ;
Кому рыбу ловить—Таробаевцамъ;
Черезъ Исеть перевозить—Осѣевцамъ;
Картофель садить—Барневцамъ;
Смирно жить—Бакальцамъ;
Кому мыло варить, то Хлызовцамъ;
А капусту и рѣдьку возить — Погорѣльцамъ;
Огурцы же продавать—Тумановцамъ;
Боръ рубить—Мысьниковцамъ;
Пашню дѣлить—Сухринцамъ,
Виномъ опивать—Замораевцамъ.
Подкорытовскимъ мужикамъ,
Стародавнымъ дуракамъ,
Нову вѣру открывать,
Двоеданство размножать.
За то Мильцовски ханжи,
Старовѣры тихи.
Гдѣ найдешъ воровъ мастеровъ,
То Какашинскихъ молодцовъ,
Они выпрягутъ и впрягутъ
И въ ухабѣ сберегутъ.
Кому пѣсню спѣть—Подгороженцамъ,
Оторговать и обсчитать—Шадринцамъ.
Сосновски молодцы,
Шолковые голунцы,
Сосново на красѣ,
По три ленточки въ косѣ.

(Записана А. Зыряновымъ въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ.).

Пѣсня при крещеніи.

Черезъ синее море,
Черезъ тихую воду —
Тутъ лежало дерево святое,
Святое дерево ребина;
Никто туда не ходитъ,
Одинъ де молодечъ переходитъ,

За собой жену переводитъ,
Переведши се почѣлуетъ,
У нее сынъ де будетъ:
Попамъ, дьякамъ крицати,
Князьямъ, боярамъ принимати,
Княжескимъ женамъ медъ пити,
Намъ ли молодичамъ на кстинахъ быти.

(Запис. въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермск. губ).

Пѣсни изъ разряда семейныхъ.

1.

Ой, сяду я подъ акномъ,
Накрыюся палатномъ!
Ой гляну я чризъ акно:
Сонца, мѣсяцъ высако,
Сонца, мѣсяцъ высако,
Братъ съ систрою далеко.
Ой брацятка на вайнѣ,
Ня вѣдае аба мнѣ;
А систрица у няволи,
Ня вернеца николи.
Ой, пайду я у садокъ,
Стану зелья капаци,
Стану зелья капаци.
Стала зелье примоуляць,
«Идзи мужа хаваци!»
Капай зелье «жолтый цвѣтъ»,
Будзе дзѣтокъ полный свѣтъ.

2.

Наѣхали поуный дворъ
Татароу,
И узяли яны мужа
У палонъ.

*

Да ня тое жаль, что мужа
Узяли,
Але тоя жаль, что худа
Звязали.

Да іонъ, шельма, уцяче,
Уцяче,
Мнѣ галоуку натоуче,
Натоуче

*

Треба будзе уцикаць,
Уцикаць,
Падъ стрѣхою съ виробьями
Начеваць.

3.

Жіу быу, ня любила,
И памеръ, ня тужила,
И ня буду тужици,
Хоць на лауцѣ ляжици.
Циразъ яво яму, яму
На другого гляну, гляну,
И моргну, и киуну,
И ножачкай притапну.
Славажь табѣ Христе-цару,
Что мой мужъ ужъ на швинтару:
Бо и мужа позбылáся,
И гарѣлки напилася.

(Запис. А. Махвичъ-Мацкевичемъ въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губ.).

БѢЛОМОРСКІЯ ПРЕДАНІЯ. *)

I.

Въ Кольской губы, верстахъ, этакъ, въ 50-ти отъ Колы, есть не великъ островокъ Аникіевъ. Лежитъ онъ близь матерой, а межъ имъ да берегомъ *салма* [1]) не порато-велика. Топерь на эвтомъ островки есть способная для лодей *присталь*—по прозванью Карабельная губа. Въ стары времена, давнымъ давно, жилъ да былъ въ эвтихъ мѣстахъ богатырь *Аника*. У эвтого [2]) Аники было судно: хто ёго знатъ—лодья, али бркъ какой, только на̀ суднѣ-то Аника богатырь разъѣзжалъ по морю океану. Кто ёго знатъ, *чего ради* ѣздилъ онъ *тамотки*: поди́, что не за добрымъ дѣломъ! По зимамъ Аника хаживалъ въ окіани, а на лѣто опеть пріѣзжалъ на островъ, да *тутотки* и жилъ отъ ледины до ледины. А *бывать* [3]) онъ и *завсе* тутъ жилъ, вѣрно то сказать не можно. Ну, оно бы и не штò, кабы Аника добрыхъ людей не обижалъ. А то вотъ какъ пріѣдетъ Аника на островъ, на лѣто-то, такъ и ходитъ по острову, да похаживаетъ, да промышленниковъ съ данью къ *собѣ поджидать:* вишь, такъ онъ завелъ, что всяко *промышлёно* [4]) судно, какъ пойдетъ съ моря *домовь* [5]), али тамъ куды въ становища, то чтобы приворачивало къ Аникіеву острову, да за тѣмъ [6]) отдавало бы богатырю третью часть всего промысла, та̀къ, здорово живи, ни за̀ што ни про̀ што. Позорой позорились православны отъ экой напасти, да *чего* вѣдь *дѣлать* то станешь со злодѣемъ? Не отдашь добромъ, — дакъ силой вòзьметъ, а коли что̀, дакъ и живого не оставитъ. Долго

---

*) Для образца это преданіе записано мѣстнымъ нарѣчіемъ.

[1]) *Салма* — проливъ, отъ Финскаго *Salmi*, *еп.*

[2]) Во всѣхъ именахъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ родит. пад. муж. и средн. рода имѣетъ въ здѣшнемъ нарѣчіи окончаніе на *ого* (*одо* лат.)

[3]) *Бывать*, — въ срединѣ рѣчи значитъ *можетъ быть*.

[4]) *Промышленничье.*

[5]) *Домой.*

[6]) *За тьмъ*, — слово безпрестанно повторяемое въ рѣчи здѣшняго помора, такъ что въ одномъ періодѣ каждый членъ начинается иногда этой поговоркой, кромѣ которой есть еще и другія.

таки велся эвтотъ обычай, и не было на Анику ни суда ни расправы.

Разъ какъ-то въ обычную пору промышленники *попэжали* [7]) въ тройники на морской промыселъ. Часомъ-ли соберешься: извѣстно дѣло, коли въ море поѣзжашь, такъ свое въ уми держи, чтобы грѣхъ-ради чего ни на есть не забыть: ну и сряжались наши промышленники, да хлопотали, — а тѣмъ часомъ, вдругъ, отколѣ не возьмись, подошелъ къ нимъ молодой паренекъ.

Вотъ, хорошо, — подошелъ онъ да и поклонился почтенно-таки, кормщику особо, а за тѣмъ и товарищамъ его. Поклонился да и говоритъ: Богъ помочь! Въ море видно поѣзжаете.»

— Въ море. А что?

« А возьмите, товарищи, и меня *въ собой* [8]) на промыселъ; я хошь *наживочиком* [9]) у васъ буду!»

Кормщикъ посмотрялъ на пареня: [10]): видитъ — парень незнакомой, да думатъ: пошто я его возьму, коли у меня наживочикъ свой есть; ну дакъ и говоритъ ему, что на тройники ихномъ есть-де ужъ наживчикъ, что́ *прежъ* [11]) взятъ былъ, да и весельщикъ и удильщикъ есть, что все какъ слѣдуетъ, на-порядкахъ, а лишняго, говоритъ, человѣка не по што брать; ну дакъ ты, парничокъ, говоритъ, — *тово-ва-ты* [12]), не осуди.

Однако парень-то все свое толкуё: «возмите да возмите; я, бываъ, на что ни на есть пригожусь; сами вы, товарищи, знаете: дѣло дорожно, всяковато живетъ.» Видитъ кормщикъ, что парень *порато* присталъ: думатъ про себя, что вотъ на море поѣзжашь, человѣкъ проспится, — не уважишь — не хорошо оно какъ-то: ну, думатъ, нешто̀, человѣкъ хошь и лишній — пригодится, бываъ. «Ну, коли ужъ на тебя охвота нала, — дакъ садись, парничокъ, — говоритъ, — поѣдемъ: благо ужъ все у насъ готово.» Ну, сѣли и поѣхали, помолясь Николы милостивому.

Долго-ли коротки-ли ѣздили наши промышленники, — не извѣстно. Только промыселъ былъ у ихъ доброй; ну тамъ, какъ наловили полной грузъ, такъ и обратно поѣхали. Ѣдутъ, — *а мало* [13]) и Аникіевъ островъ. Гдѣ бы *домовь* [14]), да съ добрымъ грузомъ, — а то приворачивай вотъ къ Аникѣ да выдѣляй ему третью долю! Дѣлать нечего: пристали наши промышленники къ

---

[7]) *Отправлялись.*

[8]) *Съ собою* произнос. *въ собой.*

[9]) *Наживочикъ* на рыбныхъ промыслахъ втыкаетъ на крючки приманку или наживу. *Весельщикъ* сидитъ постоянно въ веслахъ, а *удильщикъ* вытаскиваетъ рыболовныя снасти или бросаетъ въ море.

[10]) Примѣръ удлиненія словъ, весьма частый въ здѣшней рѣчи.

[11]) *Прежъ* — *прежде.*

[12]) Это тоже родъ поговорки, весьма часто встрѣчающейся въ рѣчи здѣшнихъ жителей.

[13]) *Мало* — соотвѣтствуетъ нѣсколько — *вотъ.*

[14]) *Домовь* — домой.

острову, за тѣмъ выгрузились, а за тѣмъ и рыбу стали *дѣлать* [15]). А чтобы и парень-отъ не сидѣлъ безъ дѣла, такъ его тоже заставили пособлѣть. А паренекъ тому и радъ: да какъ началъ онъ, тово-ва-ти, головы *тѣ* [16]) у рыбъ отрѣзывать, — дакъ батюшки ты свѣты! И скоро-то, и хорошо-то: ну вотъ, слышь, какъ настоящій тебѣ промышленникъ; а кажись паренекъ молодой, усомъ да бородой ишше только что подернуло; ну, да вотъ поди съ нимъ! Ну хорошо; вотъ какъ *обрѣдились* съ рыбой-то, паренекъ-отъ скинулъ съ рукъ вачеги; а вачеги, извѣстно, каковы бываютъ послѣ обрѣдни — всѣ въ крови да въ жиру; ну, вотъ паренекъ посмотрялъ на свои вачеги. «Экъ я ихъ ухаляливилъ» — говоритъ, да и подалъ ихъ весельщику: «сходи-*ко-се* товарищъ, на берегъ, да пообмой ихъ, говоритъ, въ водыто, да и повыжми ихъ посуше.» Весельщикъ взялъ вачеги, сходилъ къ воды, пополоскалъ ихъ, а за тѣмъ *мало-мале* и повыжалъ да и принесъ нашему молодцу. «Спасибо, говоритъ тотъ, — да я вижу, что ты не порядкомъ выжалъ; да-ко-се я самъ», — да за тѣмъ какъ скрутилъ онъ вачеги, — дакъ что твоя веревка; а вода, знашь, все такъ и чохатъ; ну, вотъ выжалъ, да за тѣмъ какъ рознялъ руки-тѣ, а вачеги-ти ужь и пополамъ разорвались: эка вѣдь, подумашь, сила была; гдѣ-бы человѣчьей силѣ эко диво сдѣлать: сукно-то вѣдь на вачегахъ толсто, а само мокро! Дивуются наши промышленники, глядя на парня. «*Не дарово*», думаютъ они сами про себя — «парень-отъ ихной видно не простой Русакъ есть» [17]). Глядь-поглядь, а за нма вдругъ Аника богатырь высталъ да и бѣжитъ, а самъ кричитъ: «Эй вы! — говоритъ, — подавайте-ко-се что тамъ у васъ есть!» Ну и захлопотали наши промышленники, а сами торопятся, *лиша-бы поскорѣе* съ Аникой раздѣлъ кончить. Но молодецъ-отъ нашъ выступилъ впередъ да и говоритъ своимъ товарищамъ: «Помѣшкайте маленько, братцы: не вода насъ несетъ; я вотъ ужо допрошу озорника» — да тутъ и кричитъ Аникѣ: «Чего тѣ *нать*? Что ты за человѣкъ.»

— Ха, ха, ха! *заголоталъ* Аника; а самъ-то ты кто есть? Однако, братъ, я вижу, ты не знашь меня пшше; да убирайся-ко подальше съ дороги-то; что ты лѣзешь ко мнѣ! Я вѣдь такъ тебя *торну*, что и своихъ не узнашь!...

Но молодецъ нашъ не струсилъ; онъ какъ будто и «въ уми

---

[15]) *Рыбу дѣлать*, — значитъ приготовить ее, отрѣзать головы, вынуть внутренности и пр.

[16]) Частица *то*, стоящая въ концѣ словъ, измѣняется и во мн. числѣ и въ родѣ: напр. рука — руками-*ти*, руки-*тѣ*; иногда она слышится во мн. ч. какъ *ты*.

[17]) Не простой Русакъ *есть*, — эти выраженія не должны считаться за выдумку: онѣ очень часто слышатся въ рѣчи здѣшняго помора, — это вліяніе Финскаго элемента на рѣчь здѣшнихъ жителей.

не водитъ», что ему богатырь кричитъ, а только лишь ближе да ближе къ Аникѣ идетъ.

— Я тѣ говорю, — закричалъ опеть Аника, — не шути ты со мной! Эге, да ты братъ, я вижу, — *свпрежій*: ужъ не бороться ли со мной задумалъ молодецъ? а? вотъ я тѣ ужо!...

Ну, *тутотки* и схватился богатырь съ парнемъ. Батюшки свѣты! Какъ почали они бороться, дакъ ажно со стороны-то страшно стало поморамъ, что на берегу стояли да ждали, что будетъ. Ну хорошо; вотъ борются Аника съ парнемъ, да только не по-нашему, а какъ-то эвтакъ особо: сплелись руками и ногами, да какъ колесо точь въ точь и покатились: съ ногъ на головы, а тамъ опеть на ноги станутъ, а сами все дальше да дальше отъ берегу, такъ что ихъ опосля и *не видать стало*. Промышленники, что̀ на берегу-то остались, дивомъ взялись: ишь-ты какой парень-то съ има былъ! Ну и толкуютъ по тихонечку про собя, а сами съ берегу не смѣютъ итти: не «ровенъ часъ» — бываетъ ужъ Аника сгубилъ парня, дакъ тутъ и имъ не *минуча* будё, коли туды пòйдутъ. Ну вотъ и ждутъ. Глядь — а парень-то ихній и бѣжитъ къ имъ; а самъ веселехонекъ; вотъ какъ поближе-то подошелъ, такъ и говоритъ: «Молитесь Богу, добрые люди! Благодарите Его, что злодѣя вашего не стало больше. Отъ сего дня никто не отниметъ отъ васъ, что̀ вы въ потѣ лица получаете да при помощи Божіей. Простите!»

Только тутъ его и видѣли наши поморы: какъ сказалъ: простите, — такъ и изъ виду вонъ.

Аника, убитый рукою неизвѣстнаго парня, похороненъ на своемъ островѣ; въ верстѣ отъ берега есть насыпь изъ кучи камней — это могила злаго богатыря.

II.

Въ Бѣломъ морѣ, не далеко отъ острововъ Соловецкихъ, лежитъ небольшой каменистый островъ *Кàлгуевъ*; далѣе, въ устьѣ Двинской губы, близь такъ называемаго Лѣтняго берега, есть большой гранитный островъ *Жогжѝнъ*; верстахъ въ 10-ти (или около того) отъ Жогжина къ югу, на Лѣтнемъ берегу находится небольшой мысокъ, называемый *Кончаковымъ наволокомъ*. Въ преданіяхъ поморскихъ жителей эти три пункта играютъ туже роль, какъ островъ Аникіевъ. Вотъ что разсказываетъ народъ объ островахъ Калгуевѣ, Жогжинѣ и о Кончаковомъ наволокѣ.

Въ прежнія времена жили три брата; старшаго изъ нихъ звали *Калгою*, средняго *Жогжою*, а младшаго *Кончакомъ*. Первый

поселился на островѣ Калгуевѣ, второй на Жогжинѣ, а Кончакъ жилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Дураково.

Эти братаны были злые колдуны и, подобно богатырю Аникѣ, брали дань съ промышленниковъ, возвращавшихся съ сальныхъ *(вешнихъ)* промысловъ въ свои деревни. Эти колдуны жили постоянно на своихъ островахъ; они не имѣли судовъ, какъ богатырь Аника, даже не видѣлись другъ съ другомъ; Калга и Жогжа имѣли только одинъ топоръ, и, въ случаѣ надобности въ немъ, перебрасывали его чрезъ море на 80-тиверстное разстояніе, раздѣлявшее жилища этихъ братьевъ; тоже дѣлали они и съ единственнымъ котелкомъ, въ которомъ варили себѣ кашицу, или уху.

Изъ всѣхъ братьевъ, Калга былъ самый страшный колдунъ, обижавшій больше другихъ, и никогда не дававшій пощады несчастнымъ поморцамъ. Однажды изъ какой-то приморской деревни отправлялась *ромша* [18]) на вешній промыселъ. Кончивъ необходимыя приготовленія къ отъѣзду, промышленники намѣревались уже отвалить отъ берега, какъ вдругъ подошелъ къ нимъ какой-то старичокъ, *сѣдатой* самъ какъ *куропоть* [19]). Въ одной рукѣ старичекъ держалъ батожокъ, а другою снималъ свою шапку, кланяясь поморамъ. «Богъ въ помочь! добрые люди», сказалъ старичекъ.

— Спасибо, старинушка!

Въ море, видно, путь держите?

— Да, поѣзжамъ: что Богъ дастъ.

— Доброе дѣло. А не возмете ли меня *въ собой*? Мнѣ бы *охвота*.

— Куды те, *Русской человѣкъ*, на *вешну* ѣздить! Самъ знашь,— съ ледины на ледину перетаскиваться не шутово дѣло! Стары старики что̀ малы ребята: сидѣлъ-бы *спокоемъ* дома, дѣдушка; съ нами ѣхать тебѣ не можно, да и намъ-то помѣхой будешь!

Но старичекъ стоялъ на своемъ: «возмите, да возмите, я — говорилъ онъ, — хоть ушки сварю вамъ, али кашицы, либо тамъ чего ни на есть; дѣло поварское мнѣ старику по силамъ.»

Видя, что старичекъ такъ убѣдительно просится съ ними на промыселъ, промышленники не смѣли долѣе упорствовать и уважили просьбу стараго человѣка. Не теряя времени, промышленники помогли старичку войти въ карбасъ, и тотчасъ же, помолившись Богу, отвалили отъ берега.

Промыселъ былъ удаченъ: ромша наловила много нерпъ и весьма благополучно ѣздила между льдами. Старичекъ занимался своимъ поварскимъ дѣломъ и нисколько не былъ помѣхой для

---

[18]) *Ромша* — нѣсколько карбасовъ, отправляющихся въ море на льды за звѣрями. Въ одиночку опасно пускаться на такой промыселъ, и потому всегда составляется компанія, — *ромша*.

[19]) *Куропоть* — куропатка.

промышленниковъ, напротивъ, — онъ еще помогалъ въ чемъ могъ и что было ему по силамъ. Наконецъ пришло время отправляться ромшѣ домой. Поѣхали; но по обычаю должны были «приворотить» къ Калгѣ и отдать ему часть своего промысла. Увидя, что ѣдетъ ромша, Калга тотчасъ прибѣжалъ на берегъ, и ожидалъ пока промышленники пристанутъ и выдѣлятъ ему дань. Ромша наконецъ пристала къ острову, и пока промышленники хлопотали о дѣлежѣ, старичокъ быстро подошелъ къ Калгѣ и ударилъ его своимъ батожкомъ. Казалось, что могъ-бы сдѣлать такой ударъ, — но Калга упалъ отъ него на земь, не успѣвъ даже вскрикнуть. Удивленные этимъ чудомъ, промышленники съ робостью отступили отъ старичка; но онъ подошелъ къ нимъ и кротко сказалъ: «Поѣзжайте домой съ Богомъ, добрые люди; да скажите всѣмъ вашимъ, что Калги нѣтъ на свѣтѣ. Онъ обижалъ васъ, отнималъ у васъ труды ваши — и Богъ наказалъ его какъ разбойника. Прощайте! А долю мою отдайте въ Соловецкій монастырь!« Сказавъ послѣднее слово, непзвѣстный старецъ исчезъ.

Пораженные священнымъ ужасомъ, промышленники спѣшили уѣхать домой, но прежде зарыли въ землю трупъ колдуна Калги. Въ слѣдующую весну новые промышленники, случайно приставъ къ этому острову, увидѣли, что трупъ Калги вышелъ изъ глубины могилы и очутился на поверхности земли. Тогда вбивъ колъ въ тѣло злаго колдуна, промышленники снова зарыли его въ могилу, изъ которой съ тѣхъ поръ оно уже никогда болѣе не выказывалось наружу.

Участь Жогжи была совершенно одинакова съ судьбою Калги. Но гибель третьяго брата ихъ Кончака была слѣдствіемъ слѣдующаго обстоятельства.

III.

Кончакъ, какъ было замѣчено выше, жилъ въ нынѣшней деревнѣ «Дураково». Однажды къ этому мѣсту пристала ладья, шедшая въ Поморье. На этой ладьѣ въ числѣ пассажировъ былъ какой-то попъ съ молоденькою женою. Узнавъ объ этомъ, Кончакъ рѣшился завладѣть хорошенькою попадьею. Захотѣть и исполнить свое желаніе — было для Кончака все равно. Онъ былъ великанъ и подобно Бальдеру, сыну волшебницы Фриги, не подвергался дѣйствію никакого оружія. Сдѣлавшись обладателемъ красавицы, Кончакъ удалился съ нею въ свое жилище. Между тѣмъ ладья все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, потому что попъ, сожалѣя о несчастной участи своей жены, пріискивалъ средства, какъ бы освободить ее отъ колдуна Кончака.

Однако всѣ старанія его были безполезны и напрасны. Но плѣнница сама не теряла времени и приготовила гибель Кончаку. Она хитро и искусно начала вывѣдывать у него — естьли какая нибудь сила, которая могла бы вредить ему. Распросы ведены были такъ ловко, что Кончакъ не устоялъ противъ нихъ и въ минуту откровенности высказалъ хитрой красавицѣ свою тайну. «Когда я сухъ, — говорилъ онъ ей, — то меня не одолѣетъ никакая сила. Но когда я выйду изъ *байны* (бани) и пока еще не обсохну, — тогда *уходитъ* меня и малой ребенокъ.» Этого было довольно для попадьи, которая, разумѣется, спѣшила тотчасъ же передать тайну Кончака своему мужу.

Черезъ одинъ или два дня послѣ того, великанъ Кончакъ, выходя изъ бани, былъ окруженъ вооруженною толпою, и жестоко раненный, обратился въ бѣгство. Онъ бѣжалъ по морскому берегу верстъ 8 или 9, но истощенный отъ потери крови, упалъ на землю и умеръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кончаковъ наволокъ, прозванный этимъ именемъ въ память злаго колдуна Кончака. Недалеко отъ этого мѣста есть маленькій бугоръ, называемый Могильцею; подъ этимъ бугромъ лежитъ трупъ Кончака.

Есть еще преданіе объ островкѣ Робьякѣ, лежащемъ въ Кандалакскомъ заливѣ. Тамъ нѣкогда жилъ страшный змѣй, наводившій ужасъ на береговыхъ жителей. Но, подобно всѣмъ злодѣямъ, притѣснявшимъ поморовъ, онъ тоже погибъ отъ руки человѣка, неизвѣстно откуда пришедшаго и куда исчезнувшаго. На островкѣ томъ до сихъ поръ показываютъ туземцы большой четыреугольный камень съ отверстіемъ внутри, за которымъ начинается бездонная пропасть, служившая жилищемъ страшному змѣю.

В. Верещагинъ.

О ЧЕРЕМИСАХЪ, ПРОЖИВАЮЩИХЪ ВЪ КРАСНОУФИМСКОМЪ УѢЗДѢ, ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Надъ родившимся младенцемъ Черемисы не совершаютъ никакаго обряда; а потому рожденіе младенца не сопровождается никакимъ домашнимъ торжествомъ. Замѣтна бываетъ только радость при рожденіи сына; это происходитъ, вѣроятно, оттого, что Черемисы, замѣчая малочисленность свою въ кругу поселившихся около нихъ русскихъ, видятъ въ сынѣ будущаго семьянина и работника-пахаря.

Имя новорожденному нарекаютъ старухи, по предварительномъ совѣщаніи, производя его большею частію отъ имени отца, напримѣръ: у Иваная назовутъ сына Ивака, Сеурбая—Сюаръ, Акильды—Акплатъ, Акмадія—Акмай и проч. При этомъ старухъ и родильницу угощаютъ виномъ, и сія послѣдняя, подкрѣпивъ силы виномъ и сномъ, отправляетъ на другой день родовъ всякую работу, какъ будто съ ней ничего не случалось.

Черемисы съ раннихъ лѣтъ пріучаютъ дѣтей своихъ, безъ различія пола, къ тяжелымъ домашнимъ и полевымъ работамъ, а оттого для Черемисъ, когда они придутъ въ возрастъ, трудъ и непогоды кажутся ни по чемъ. Напримѣръ, осенью, въ холодный съ дождемъ вѣтеръ, когда крестьянинъ рѣдко выходитъ даже со двора, Черемисинъ преспокойно отправляется въ поле, убираетъ хлѣбъ, городитъ; а для Черемиски ничто не значитъ зимній морозъ: она, прикрывъ голову легкимъ холщевымъ платкомъ, часто безъ шубы, въ одномъ шабурѣ [1]), ѣдетъ въ поле за снопами.

Черемисскихъ дѣвушекъ, кромѣ мужскихъ работъ, пріучаютъ къ вышиванью своей національной одежды: шерстями, шелкомъ и нитками, которое въ отношеніи узоровъ заслуживаетъ вниманія, и не смотря на то, что дѣлается безъ рисунка и всегда съ лѣвой стороны, можетъ поспорить съ искусствомъ любой горожанки. Дѣвицы черемисскія ходятъ до замужства съ непокрытой головой, безъ кички [2]) и только по праздникамъ украшаютъ голову и косу бисерной сѣткой, убранной разноцвѣтными камешками и мелкой серебряной монетой,—и какъ дѣвицы, такъ и женщины носятъ штаны.

До сихъ поръ не было замѣчено, чтобы черемисская дѣвица прежде вступленія въ бракъ обременила, а жена измѣнила мужу, какъ это случается между русскими и другими. Черемисскія дѣвушки и женщины честны и крѣпки.

Почти всѣ вообще Черемисы знакомы съ ворожбой, а въ особенности женщины. Болѣе другихъ употребительна ворожба поясомъ, которая состоитъ въ слѣдующемъ: смѣрявъ поясомъ руку отъ пальцевъ до локтя и завязавъ на поясѣ узелъ, накладываютъ руку отъ ладони до пальцевъ (включительно) на измѣренное пространство пояса; если рука уложится нѣсколько разъ наравнѣ съ концемъ пояса, то заключаютъ, что задуманное сбудется, а если рука уложится дальше конца пояса, то заключаютъ противное. Въ предсказаніи будущихъ урожаевъ Черемисы считаются знатоками. Чтобъ узнать который сѣвъ будетъ лучше, то есть ранній, средній или поздній, — Черемисы

---

[1]) Верхняя, бѣлаго цвѣта, суконная одежда.

[2]) Головной женской уборъ, сшитый изъ холста, кулькомъ, и всегда разшитый узорами.

замѣчаютъ первыя три, снесенныя курицей, яйца: которое изъ нихъ будетъ больше или тяжелѣе, тотъ и сѣвъ будетъ лучше.

Напрасно многіе думаютъ, что у Черемисъ нѣтъ народныхъ пѣсень; вотъ, для примѣра, переводъ трехъ такихъ пѣсень:

Нынѣ, лѣтомъ, я сѣно косилъ,
Но ни одной землянички не съѣлъ:
Есть у меня земляничка-дѣвушка,
Она всякій день у меня съ ума нейдетъ.

Какъ лодка тонетъ на водѣ подъ мощнымъ сѣдокомъ,
Такъ гибну я, дитятко, среди большой своей родни.

Чрезъ черный лѣсъ идетъ дорога,
Тутъ я крѣпко полюбила парня.
Съ тѣхъ поръ много и у него стало заботы,
Но онъ всякому съумѣетъ отдавать отвѣтъ.

Свадьбы у Черемисъ сопровождаются слѣдующими обрядами и обычаями: женихъ (а большею частію родители), наслышавшись или высмотрѣвъ невѣсту, отправляются за ней въ сопровожденіи родственниковъ и увозятъ ее почти всегда воровски отъ ея родителей, и часто противъ ея желанія [3]); потомъ прячутъ молодыхъ въ свой или сосѣдній анбаръ и подаютъ вѣсть ея родителямъ, которые являются въ домъ жениха разсерженные, отчего заними ухаживаютъ, стараются напоить ихъ скорѣе до пьяна и, въ этомъ видѣ, склонить на болѣе выгодный для себя калымъ—плату за невѣсту, простирающуюся иногда отъ 30 до 60 рублей серебромъ. На повышеніе цѣнности калыма имѣетъ вліяніе случай, если невѣста намѣрена объявить своимъ родителямъ о несогласіи остаться въ замужствѣ; но когда этого не предвидятъ, то родителямъ жениха гораздо удобнѣе склонить противную сторону на произвольный калымъ. Когдаже родители невѣсты, послѣ продолжительнаго ухода за ними, получатъ отъ невѣсты, чрезъ особопосланныхъ, отвѣтъ: «кемъ гератчимъ, тотъ ланкаешимъ [4])», и за тѣмъ калымъ, то дѣлаются уже спокойными и пируютъ, что называется, на пропалую, не менѣе двухъ сутокъ; на такой пиръ собирается и кутитъ почти вся черемисская деревня. Во все это время женихъ и невѣста не показываются, скрываясь въ запертомъ анбарѣ. Спустя немного времени (недѣли черезъ двѣ) молодые вмѣстѣ съ родителями ѣдутъ въ гости къ родителямъ молодой и непремѣн-

---

[3]) Высватываніе невѣсты въ огласку случается между Черемисами очень рѣдко; напримѣръ въ деревнѣ Ювѣ такихъ свадебъ въ продолженіи 70 лѣтъ было только двѣ, изъ коихъ послѣдняя была въ 1858 году.

[4]) Кого полюбила, къ тому иду.

но везутъ съ собой вина и въ подарокъ денегъ и вещей, безъ чего ихъ тамъ не примутъ, прогонятъ. Черемисы женятъ мальчиковъ и выдаютъ дѣвушекъ въ замужство почти всегда ранѣе, чѣмъ имъ минетъ шестнадцать лѣтъ; оттого, вѣроятно, и не бываетъ между черемисскою молодежью любовныхъ сношеній.

Для несогласныхъ черемисскихъ супруговъ существуетъ разводъ, который заявляется мѣстному сельскому начальству при шести свидѣтеляхъ, по черемисскому выраженію: при шести глазахъ. Обрядъ развода таковъ: связываютъ несогласныхъ супруговъ сзади опояской или поясомъ, который потомъ разрѣзываютъ, отчего разведенные разбѣгаются въ разныя стороны; при этомъ бойкій изъ нихъ старается иногда ударить другаго ногой, приговаривая: когда я тебѣ не хорошъ, такъ ищи лучше меня!

Не такъ еще давно, черемисскія свадьбы давали наживу волостнымъ начальникамъ и засѣдателямъ, которые, узнавъ о покражѣ невѣсты, или, въ особенности, получивъ о семъ явку, забирали въ чижевку весь поѣздъ свадьбы и стращали острогомъ, вымогая чрезъ это подарки, доходившіе иногда, по сказанію старожиловъ, до 300 рублей ассигнаціями. Но время и обстоятельства научили Черемисъ скрывать отъ русскихъ начальниковъ мнимое насиліе противъ невѣсты и ея родителей. А если теперь и получаютъ что мѣстные начальники отъ черемисскихъ свадебъ, то лишь чрезъ угрозы обнаружить предъ судомъ несовершеннолѣтіе молодыхъ, прикрываемое здѣсь всегда взятками. Для устраненія такого произвола какъ со стороны начальниковъ, такъ и самыхъ Черемисъ, полезно было бы ввести въ русскія узаконенія правило, которымъ бы опредѣлялось Черемисамъ для вступленія въ бракъ извѣстное число лѣтъ, съ нѣкоторою сбавкою противъ лѣтъ, назначенныхъ закономъ для брака Русскихъ, сколько по уваженію къ обычаямъ Черемисъ, уже объусловленныхъ вѣками, столько и по раннему развитію ихъ вслѣдствіе ихъ тяжелаго физическаго труда и ранняго употребленія вина.

Среди однообразной жизни Черемисъ, имѣютъ у нихъ особенное значеніе слѣдующіе праздники:

Новый годъ празднуется одновременно съ нашимъ гражданскимъ новымъ годомъ — перваго числа января. Его Черемисы встрѣчаютъ предъ праздникомъ *Василья-когузя*, который начинается съ вечера предъ новымъ годомъ и продолжается всю ночь слѣдующимъ порядкомъ: изготовивъ сначала все нужное для угощенія, а въ особенности вина, Черемисы одѣваются въ разные костюмы, свойственные деревенскому маскераду, берутъ музыку и толпами ходятъ по избамъ, скрывая каждый свое имя и голосъ. По приходѣ, садятся за столъ, за которымъ, послѣ краткой молитвы, пьютъ, закусываютъ, шумятъ и веселятся. Въ самый же праздникъ—новый годъ, молодые люди обоего пола собираются въ извѣстныя избы, въ коихъ играютъ

въ разныя игры, подобныя русскимъ святочнымъ, напримѣръ: жмурки, *тутъ крымъ* (кто ударилъ!) и *никутень шупшанъ модна*, въ родѣ нашихъ фантовъ, которые замѣняются у Черемисъ кончиками лыка, захваченнаго въ горсть; взявшихъ два противоположные кончика одного и тогоже лыка, заставляютъ цѣловаться, произнося: *никутень, шупшанъ модна!* Пожилые люди обоего пола пьютъ безъ мѣры почти цѣлую недѣлю.

Масленица (эрнл). Этотъ праздникъ ничего особеннаго не представляетъ, кромѣ чрезмѣрнаго пьянства Черемисъ, безъ различія половъ и возрастовъ. Въ этотъ праздникъ Черемисы, какъ и Русскіе, катаются на лошадяхъ, лубьяхъ и соломѣ съ окрестныхъ горъ и катушекъ. У Черемисъ бываютъ двѣ масленицы: своя, которая справляется передъ русской, и русская. По этому Черемисы, исправляя и свои и русскіе праздники, пропиваютъ большую половину вырученныхъ ими за хлѣбъ денегъ. О питьѣ Черемисами вина надобно замѣтить, что они, пируя между собою, пьютъ не по всей рюмкѣ или чашкѣ — залпомъ, какъ дѣлаютъ русскіе и другіе, а у нихъ одна рюмка или чашка обходитъ почти всю компанію, въ знакъ дружелюбія. Но не смотря на такой обычай, при частой подачѣ круговой чаши, Черемисы напиваются скоро и въ одуреніи и безчувствіи отъ вина не уступаютъ Русскимъ. У нихъ въ пьянствѣ участвуютъ не только мужчины и женщины, но старики и дѣти всѣхъ возрастовъ, не исключая и качающихся въ зыбкѣ; послѣднихъ, по увѣренію Черемисъ, поятъ для того, чтобы они крѣпче спали, не слышали ихъ шуму и крику.

Черемисская пасха (куяче) начинается въ нашу велико-денную среду и празднуется слѣдующимъ образомъ: прежде всего Черемисы стараются помянуть и угостить умершихъ своихъ родителей и родственниковъ; для этого ставятъ на лавку, около порога, блины, оладьи и крашеныя яица, и сверхъ того двѣ пустыя посудины — чашки (о коихъ будетъ сказано ниже); передъ ними кладутъ гнилушку (кусокъ изгнившаго дерева), въ нее втыкаютъ деревянныя спички, а на нихъ надѣваютъ по коротенькому обрѣзочку восковой свѣчи, которыя зажигаютъ. Вообразивъ, что тутъ невидимо присутствуютъ умершіе, Черемисы кланяются имъ, просятъ покушать: *кочь, кочь, кочь!* (ѣшъ, ѣшъ, ѣшъ!); причемъ всѣ пьютъ, ѣдятъ и стараются всякій, до кого дойдетъ круговая чаша, отлить умершимъ въ пустыя посудины вина и пива. Когда кончится угощеніе, или прямѣе сказать, когда напьются до-зѣла, все накладенное и отлитое умершимъ выбрасывается на улицу собакамъ, и если при этомъ собаки раздерутся, то Черемисы заключаютъ, что умершій живетъ весело. Окрашенныя же яица черемисскія ребятишки продаютъ Татарамъ. Но бываетъ иногда, что прилучившійся къ поминкамъ небрезгливый русакъ опорожниваетъ, къ удивленію Черемисъ, посудины съ отдѣленными для покойниковъ виномъ, пивомъ и оладьями. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни: четвертокъ, пятокъ и

субботу Черемисы считаютъ за грѣхъ работать; они даже не даютъ руками кормъ скоту, сталкивая сѣно съ крышъ ногами; женщины не топятъ печей, и по этому ѣдятъ всё холодное. Въ первый день пасхи женщины стараются встать ранѣе обыкновеннаго и вымывшись въ банѣ, спѣшатъ стряпать; за ними и мужчины, тоже вымывшись и нарядившись въ чистое платье, собираются въ извѣстныя избы для молитвы, куда берутъ съ собой блиновъ, пива и денегъ. Разставивъ блины на столы, ждутъ муллы [5]), который, по приходѣ, вставъ выше другихъ, на первомъ мѣстѣ, произноситъ богу *(Юмо)* разныя просительныя молитвы, какъ то: о благоденствіи и мирѣ, объ урожаѣ, касаясь различныхъ мелочей, напримѣръ, чтобы Юмо (богъ) далъ имъ согласіе ходить одинъ къ другому въ гости и пить; при чемъ присутствующіе кланяются сначала на ногахъ, а потомъ и на колѣняхъ. По окончаніи молитвъ, мулла беретъ изъ каждаго блюда блины и изъ нихъ отъ трехъ (изъ каждаго блюда) отрываетъ маленькія частички, кладетъ ихъ въ особую чашку и поливаетъ три раза пивомъ, а потомъ все это выливаетъ на разведенный на шесткѣ огонь. Когда это загоритъ, мулла обращается къ огню, какъ бы къ посреднику, кланяется ему и проситъ сказать Юмо, чтобы онъ простилъ и извинилъ за то, если онъ не съ умѣлъ молиться, сказалъ одну молитву, или одно слово прежде другаго, а каждаго молившагося спрашиваетъ: ладноли (истинно ли) молился? и даетъ каждому часть блина и пива, и въ заключеніе поздравляетъ всѣхъ съ праздникомъ. За тѣмъ складенныя за молитвой муллой въ кучу блины онъ раскладываетъ обратно въ блюда. При этомъ случаѣ бываетъ у Черемисъ замѣчаніе: если въ блюдо попадется блиновъ болѣе чѣмъ принесено было, то заключаютъ, что въ тотъ годъ будетъ тому хозяину прибыль, а напротивъ если менѣе, то убытокъ. Женщины, какъ и всегда, въ богослуженіи Черемисъ не участвуютъ; онѣ стоятъ въ сѣняхъ, въ ожиданіи получить обратно чашки съ блинами, принесенныя мужьями ихъ; причемъ бездѣтныя женщины стараются выпить въ это время пива, стоявшаго въ избѣ при богослуженіи, въ чаяніи обременить. Мужчины заключаютъ моленіе угощеніемъ пивомъ, довершая складчиной на полведра вина; осушивъ и послѣднее, расходятся по деревнѣ довольно веселыми, съ пѣснями. Тогда прочь отъ Черемисъ житейскія заботы и мірскія повинности! Бери съ Черемисина, что хочешь; бери послѣднее изъ анбара зерно, только не мѣшай ему праздновать и не разрывай дружелюбную его компанію. Оставшійся послѣ сего моленія пепелъ Черемисы считаютъ священнымъ, по-

---

[5]) У Черемисъ въ муллы особеннаго экзамена и производства, какъ у Магометанъ, не бываетъ; а обязанность эту исполняютъ у нихъ старики, которые хорошо знаютъ свои обряды.

этому заметаютъ его съ шестка въ печь, чтобы не могла обнюхать кошка и проч.

Ага-байрамъ. Праздникъ этотъ бываетъ предъ начатіемъ весенней пахоты и сопровождается слѣдующими обрядами: приготовивъ обычныхъ кушаньевъ, сваривъ пива и запасшись виномъ, Черемисы вечеромъ въ четвертокъ, вымывшись и снарядившись въ чистыя одежды, уходятъ изъ деревни на гору, гдѣ раскладываютъ во многихъ мѣстахъ огни, играютъ около нихъ въ разныя игры, представляя изъ себя мѣстныхъ властей: судью, исправника, становаго, также воровъ, пьяницъ, истцевъ и отвѣтчиковъ; потомъ, по представленіи открытаго словеснаго судопроизводства, судьи произносятъ приговоръ и приводятъ его тотчасъ, конечно шуточно, въ исполненіе. При этихъ играхъ болѣе другихъ случаевъ высказывается простодушіе Черемисъ, ихъ безцеремонное обращеніе, задушевный хохотъ, острота въ своемъ родѣ и юморъ,—словомъ, здѣсь Черемисинъ видѣнъ весь. По окончаніи игры, подходятъ къ огню, берутъ по головнѣ и обошедъ съ ними вокругъ огня три раза, втыкаютъ ихъ въ землю, въ увѣренности, что воткнули въ сердце *шайтана* — злаго духа. Потомъ взявъ еще по головнѣ, идутъ съ ними по направленію къ деревнѣ и взмахнувъ два раза, въ третій бросаютъ и бѣгутъ въ деревню съ шумомъ и крикомъ, наигрывая въ тоже время въ пузырь [6]) и барабаны; стучатъ палками въ стѣны домовъ, служебъ и прочее. Хозяева же домовъ, у которыхъ есть ружья, стрѣляютъ въ мнимаго шайтана, подчуютъ толпу пивомъ и подаютъ яицъ и особо напеченныхъ пшеничныхъ шариковъ. Случается, что къ толпѣ, выгонявшей шайтана, пристаетъ проказникъ Русакъ, и тутъ же бѣгая съ палкой, старается напакостить Черемисамъ: что нибудь разшибпть, охлестать вѣники, подъ предлогомъ помочь выгнать шайтана. Проводивъ шайтана за деревню, раскладываютъ тамъ огонь, молятся, перескакиваютъ черезъ пламя, отряхивая одежду, въ чаяніи выжить и оттуда шайтана; тутъ же втыкаютъ въ землю (въ мнимаго шайтана) ножикъ. Послѣ сего изъ собранныхъ яицъ три бросаютъ на воздухъ: одно — на востокъ, другое—на полдень, а третье—на ночь или сѣверъ, для того, чтобъ *сюремъ* (злой духъ) не ходилъ; потомъ одно яйцо вмѣстѣ съ пшеничнымъ шарикомъ зарываютъ въ землю, въ подарокъ ей, а остальныя яица дѣлятъ между собою и разходятся по домамъ. Въ наступившее затѣмъ утро, то есть въ пятницу, вымывшись въ банѣ и одѣвшись въ чистыя одежды, отправляются, часу въ одиннадцатомъ утра, на гору, куда берутъ съ собой блиновъ, оладей и пива. Здѣсь, обыкновенно, разложивъ огонь и кушанья, молятся на полдень и становясь на колѣни, кромѣ муллы, просятъ урожая, здоровья и всякаго благополу-

[6]) Родъ волынки.

чія; молятся также за Царя, просятъ бога (Юмо) дать благополучнаго ему въ своемъ царствѣ царствованія, чтобы не было войны, не увеличивались повинности, величая при этомъ Государя словами *олянды кугужа* (земли царь) и *ошку кугужа* (бѣлый царь). За тѣмъ послѣ моленія начинается *сабантуй*, заключающійся въ скачкѣ, на лошадяхъ, бѣганьѣ и борьбѣ. Отличившимся въ этихъ играхъ удальцамъ выдаютъ платки, принесенные молодыми, вышедшими въ этотъ годъ въ замужство. Если свадебъ было много, слѣдовательно и принесено было много платковъ, то половину изъ нихъ оставляютъ къ сабантую слѣдующаго года.

Семикъ. Онъ празднуется три дня: въ среду, чѣтвертокъ и пятницу предъ нашей Троицей и посвященъ тоже поминовенію усопшихъ, которое совершается извѣстнымъ уже порядкомъ, описаннымъ въ праздникъ пасхи. Это же время, по сказанію Черемисъ, удобно будто бы для ихъ колдуновъ, которые по ночамъ ходятъ на кладбища, иногда въ другія деревни, и, при помощи нечистой силы, переходятъ въ ночь, хотя она бываетъ въ это время очень коротка, до пятидесяти верстъ. Словъ заклинаній, которыя произносятся колдунами, я узнать не могъ, потому, вѣроятно, что въ знаніи колдовства сознаться никому не хочется. Узналъ я только, что на кого захотятъ напустить болѣзнь, то скрываютъ волоса его на кладбищѣ, а взятую съ могилъ землю или даже вырытыя нарочно изъ могилы человѣческія кости скрываютъ, конечно съ особыми заклинаніями, подъ крыльцо, воротню или порогъ дома, и первый переступившій чрезъ нихъ человѣкъ или скотина заболѣваетъ, умираетъ; а если бросятъ ихъ въ колодезь, ключь или на пашню, то вода пересохнетъ, а пашня перестанетъ родить хлѣбъ. Такъ, по мѣстному сказанію, испорчены и погублены черемисскими колдунами два новокрещенныхъ брата, изъ Черемисъ деревни Большихъ-Карзей, Романъ и Платонъ Кибардины, возлюбленные духовные дѣти бывшаго (умершаго) Кунгурскаго миссіонера Петра Луканина, начинавшіе сильно дѣйствовать своимъ примѣромъ и словомъ на бывшихъ собратій — идолопоклонниковъ.

Общее (миргузи) богомолье. Оно бываетъ предъ сѣнокосомъ и продолжается цѣлую недѣлю. Богомолье это отправляется нѣсколькими деревнями одновременно на извѣстныхъ горахъ, почитаемыхъ священными; такъ напримѣръ Черемисы деревень: Бугалыша, Ювы, Усть-маша, Ключиковъ, молятся на ювинской горѣ; двухъ Сарсовъ, двухъ Тавровъ, Байбулды и Багышковой — на таврипской горѣ; двухъ Бардымовъ, Карзей, Андрейковой, Иванайковой, Афонасковой, Курковъ и Пантелей ковой—на карзинской горѣ. Чистота тѣла и бѣлизна одежды непремѣнно своего приготовленія, и на ногахъ лапти составляютъ при семъ богомоленіи необходимую принадлежность богомольца. Пришедшіе въ одеждѣ, сшитой изъ фабричной ткани и въ сапогахъ, что бываетъ рѣдко, къ богомоленію не допуска-

ются. Молитвы на горѣ читаются народу муллами у пылающаго огня, предъ которымъ въ чашкахъ ставятъ хлѣбныя лепешки и мясо: быка, жеребенка, барана и другихъ домашнихъ животныхъ, жертвуемыхъ для этого добровольно; впрочемъ жертвователю выдаютъ изъ нарочно принесенныхъ каждымъ молящимся денегъ, напримѣръ, за быка 10 рублей, за барана рубль ассигнаціями. Скотъ для жертвы принимается съ слѣдующимъ условіемъ: поливаютъ на скотину воды, и если она послѣ того встрепенется, то это значитъ, что она здорова и пріятна богу (Юмо), а если нѣтъ, то заключаютъ противное и она въ жертву не принимается. Избранный для жертвы скотъ закалывается съ особенною опрятностію у рѣчки, при чемъ кровь и все прочее несъѣдаемое сожигается. Если днемъ помолятся и послѣ того не успѣютъ съѣсть все мясо отъ заколотаго въ тотъ день скота; то къ нему приставляютъ на ночь караулъ, и затѣмъ оно доѣдается въ слѣдующій день. Молитвы муллы уже извѣстны, и это богомоленіе оканчивается, какъ и прочія, тѣмъ, что часть кушаньевъ, стоящихъ предъ огнемъ, сожигается, а остальная разбирается и съѣдается тутъ же наскоро, въ увѣренности, что кто при этомъ скорѣе другихъ управится, тотъ ранѣе другихъ уберется и со страдой. На это богомоленіе собирается Черемисъ иногда болѣе 500 человѣкъ; но нѣтъ впрочемъ обязательнаго условія всякому Черемисину непремѣнно быть каждый изъ семи дней на горѣ — на молитвѣ; поэтому Черемисы какъ бы чередуются: одни бываютъ на горѣ — на молитвѣ, а другіе дома, въ деревнѣ — на игрѣ. При этомъ богомоленіи требуется отъ Черемисъ особенная чистота и опрятность.

Сверхъ того Черемисы, какъ и Татары, празднуютъ еженедѣльно пятницу, подобно тому какъ христіане воскресенье.

Наконецъ особенное уваженіе имѣютъ они къ св. Николаю чудотворцу, предъ иконою котораго въ ближайшихъ сельскихъ церквахъ, какъ-то: манчажской, новозлатоустовской, сажинской и другихъ ставятъ свѣчи и становясь на колѣни, просятъ милости, высказывая молитву свою очень просто и наивно: пожалуйста, Никола, сдѣлай милость! и проч.

Кромѣ моленій доброму богу (Юмо), Черемисы молятся недобрымъ духамъ и приносятъ имъ тоже жертву разными животными. Изъ именъ недобрыхъ духовъ мнѣ довелось узнать, сверхъ общеизвѣстнаго Керемета, еще два имя: *Кугудень и Емшенеръ* [7]).

---

[7]) Черемисы въ отношеніи разсказовъ о злыхъ духахъ совершенно уклоняются, и если я и собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету, то на это потребно было много времени и много труда; даже окрещенные изъ Черемисъ, мои пріятели, при распросахъ о духахъ, всегда просили меня бросить (оставить) это, по убѣжденію, что духи осердятся и станутъ *ломать* и меня и ихъ.

Изъ этихъ духовъ *Кереметь*, по сказанію нѣкоторыхъ черемисскихъ колдуновъ, довольно взыскателенъ, такъ что ворожившій о немъ получаетъ иногда (во время ворожбы) нѣсколько пощечинъ; одежду и сапоги онъ носитъ красные и лежитъ на красной кровати. Онъ требуетъ въ жертву, то есть ему молятъ (какъ выражаются Черемисы), утку, барана, жеребенка и другихъ животныхъ и птицъ. *Кугудень*, не столь сердитый и разборчивый, принимаетъ только жеребенка, впрочемъ не иначе какъ извѣстной масти, но никакъ не пѣгаго. *Емшенерь* менѣе спленъ и знатенъ; онъ принимаетъ двѣ маленькихъ или одну большую щуку, или же двѣнадцать чебаковъ. Моленіе симъ духамъ производится всегда внѣ деревни, въ рощѣ или аремѣ, слѣдующимъ образомъ: родственники и ближніе заболѣвшаго, узнавъ посредствомъ ворожбы *(Миркайдашъ)*, чего требуетъ недобрый духъ, и пріобрѣтя это животное, уѣзжаютъ съ нимъ въ рощу, гдѣ раскладываютъ огонь, закалываютъ животное, варятъ его, а кости и прочее несъѣдомое сожигаютъ; за тѣмъ *молятъ* о возвращеніи больному здоровья, а въ заключеніе ѣдятъ мясо, часть котораго привозятъ больному; при чемъ обращаются съ мясомъ очень осторожно, какъ со святыней. Но прежде чѣмъ пріобрѣтутъ требуемое недобрыми духами въ жертву животное, имъ объ отсрочкѣ *молятъ* и даютъ обѣтъ исполнить непремѣнно требуемое ими. Просьбу эту и обѣтъ Черемисы произносятъ предъ огнемъ, на который посыпаютъ муки, соли и кладутъ частицу меду. Иные же обѣтъ этотъ выражаютъ такъ: накаливъ на нарочно разведенномъ огнѣ топоръ, втыкаютъ его къ верху, въ уголъ стѣны, а больному тогда же кладутъ въ руку цѣлковый или полтинникъ, произнося въ обоихъ случаяхъ слова: *на тебѣ* (разумѣя недобраго духа), *жди, пожалуйста!* Случается, что послѣ сего обѣта духи умилостивляются: заболѣвшій получаетъ облегченіе. Конечно, вѣра и убѣжденіе дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ на больныхъ.

Къ подобнымъ вѣрованіямъ относится такъ называемый Черемисами *кудыводышъ*. Онъ состоитъ изъ частицы тѣхъ животныхъ или вещей, отъ которыхъ послѣ моленія сдѣлалось больному легче. Его зашиваютъ въ кожаную или берестяную сумочку и вѣшаютъ вверху угла вежи (лѣтней избы), чтобы ему молиться. Вотъ все, что замѣняетъ у Черемисъ изстари медицинскія науки и лекарей.

Теперь скажемъ о похоронахъ у Черемисъ и о поминкахъ, совершаемыхъ по умершемъ. Умершихъ они моютъ теплой водой, трутъ вѣникомъ и одѣваютъ въ чистую одежду. Когда уложатъ тѣло въ избѣ, на лавкѣ, и прикроютъ холстомъ, родственники и домашніе пьютъ и закусываютъ; никто не думаетъ плакать, въ увѣренности въ будущую загробную жизнь умершихъ. Гробовъ Черемисы не сколачиваютъ, а кладутъ въ могилу по бокамъ четыре доски и спускаютъ сюда умершаго на лубкѣ, вмѣстѣ съ войлокомъ и подушкой, во всей національ-

ной одеждѣ. На боковой правой доскѣ, противъ глазъ покойника, вырубается окошечко, вѣроятно для будущихъ наблюденій, а подлѣ него кладется палочка, для прогнанія на томъ свѣтѣ змія; кладутъ также въ могилу табакерку, или трубку, лапоть, коточикъ, — словомъ то, кто чѣмъ занимался въ жизни, а богатые кладутъ даже по парѣ рубахъ и штановъ и часть денегъ, послѣдніе въ подарокъ землѣ-матери. Умершихъ всегда привозятъ на дровняхъ, которые тутъ и оставляютъ; по этому и по разведенной здѣсь рощѣ черемисское кладбище можно узнать издалека. Когда везутъ умершаго, то назадъ не оглядываются. Но прежде, нежели зароютъ могилу, ставятъ въ нее три восковыя свѣчи во имя какихъ-то трехъ божественныхъ братьевъ, которыхъ молятъ о защитѣ умершаго на томъ свѣтѣ; послѣ того снимаютъ съ лица покойника холстъ и просятъ его взглянуть на солнце въ послѣдній разъ. За тѣмъ провожавшіе отправляются съ могилы въ домъ умершаго, гдѣ всѣхъ угощаютъ, пляшутъ и веселятся, поминая тѣмъ покойника. Такое же поминовеніе повторяется въ третій и седьмой день, и каждый разъ ставятъ кушанья, а передъ ними свѣчи, и угощаютъ умершаго, приговаривая: кочь, кочь, кочь! [8]) въ увѣренности, что онъ можетъ ходить, пить и закусывать. Но полное поминовеніе бываетъ въ сороковой день послѣ смерти. Для этого поминовенія закалываютъ барана или лошадь, варятъ многіе въ деревнѣ пиво, закупаютъ вино, приглашая къ такому празднику не только односельцевъ, но дальнихъ — изъ другихъ деревень. Всѣ пришедшіе въ домъ умершаго для поминовенія приносятъ по полуштофу и болѣе вина и когда подгуляютъ, отправляются на могилу, на запряженныхъ лошадяхъ, обходятъ могилу три раза, а другіе выплясываютъ, вызывая умершаго изъ могилы: *нелетшунъ кинель!* (вставай, поминки тебѣ!). Потомъ возвращаются въ домъ умершаго, гдѣ наставивъ кушанья подчуютъ его, повторяя: кочь, кочь; а между тѣмъ сами собравшіеся пьютъ, пляшутъ и веселятся, наигрывая въ пузырь; за игру музыканту дарятъ платокъ, развѣшивая его на груди игрока. У богатыхъ Черемисъ бываетъ еще такой обрядъ поминовенія: когда воротятся съ могилы въ домъ умершаго, то одинъ изъ его родственниковъ ѣздитъ на могилу звать покойника, верхомъ на самой дорогой лошади; ѣздокъ этотъ обскакиваетъ нѣсколько разъ могилу, вызывая умершаго, потомъ гонитъ обратно очень скоро, такъ что въ нѣсколько минутъ вспѣниваетъ лошадь, и кричитъ дожидавшейся его толпѣ: идетъ, идетъ! въ это мгновеніе подбѣгаютъ къ его лошади съ ножемъ и тотчасъ же ее закалываютъ; мясо варятъ въ котлахъ среди ограды и угощаютъ имъ гостей, а кожу развѣшиваютъ надъ

[8]) Ѣшъ, ѣшъ, ѣшъ!

могилой умершаго, надрѣзавъ ее предварительно ножемъ, чтобы сосѣди ихъ, Русскіе и Татары, не могли украсть ее и сбыть въ дѣло. За тѣмъ пьяная толпа бродитъ по деревнѣ, обходя всѣхъ приготовлявшихся къ поминкамъ, и пируетъ до безумія. На другой день родные, опохмѣлившись, ходятъ на могилу умершаго, прощаются съ нимъ, и только въ это время ближніе плачутъ, смотря по тому на кого какъ дѣйствуетъ его смерть. Оставшіяся отъ поминокъ кушанья и кости выбрасываютъ на гору.

Передъ спросомъ въ свидѣтельство, принимающій присягу становится на колѣни, а мулла, воткнувъ въ конецъ ножа кусочекъ хлѣба сверху посоленаго, допрашиваетъ: «Бога (Юмо) и великаго Царя боишься ли?» Боюсь, отвѣчаетъ тотъ.—«Домъ, дѣтей, скотину имѣть хочешъ ли?» — хочу. Затѣмъ слѣдуютъ увѣщательныя слова муллы: смотри, правду вѣрно скажи; если неправду скажешъ, сердце каменное у тебя будетъ, адъ тебѣ будетъ, — и съ этими словами кладетъ съ ножа въ ротъ присягающаго кусочекъ посоленаго хлѣба.

Кромѣ этой присяги есть у Черемисъ еще другая малоизвѣстная, въ родѣ нашей очистительной присяги. Она допускается въ крайности, для разрѣшенія споровъ, и состоитъ въ слѣдующемъ: тяжущіеся уходятъ на могилу, гдѣ оспаривающій становится на колѣняхъ, на краю могилы, и повторяетъ вышеупомянутыя слова присяги. Солгавшій при такой присягѣ, по увѣренію Черемисъ, скоро, ранѣе году, пропадаетъ [9]), т. е. умираетъ.

Черемисы, вообще, характера скромнаго, честны, трудолюбивы, терпѣливы и дружелюбны, а главное — склонны къ принятію христіанской вѣры. Очень жаль, что у Черемисъ-Тептярей, за поступленіемъ въ Башкирское вѣдомство, нынѣ всѣ ближайшіе начальники Башкирцы (магометане), нетерпящіе христіанъ и вообще иновѣрцевъ.

Красноуфимскіе Черемисы, принадлежащіе вѣдомству государственныхъ имуществъ, въ отличіе отъ собратій ихъ, переданныхъ въ 1855 году въ Башкирское вѣдомство, носятъ отъ окрестныхъ жителей названіе *большеподушныхъ*. Названіе это присвоено имъ потому, что они платятъ государственныхъ податей гораздо болѣе (почти вдвое), чѣмъ живущіе среди ихъ другіе инородцы, какъ-то: Черемисы-Тептяри, Тептяри-Татары, Бобыли и Вотяки.

Григорій Городской.

---

[9]) Слова, употребленныя въ сихъ замѣткахъ: пропадаетъ, *ломаетъ* и другія, взяты съ разговора Черемисъ, дабы точнѣе и вѣрнѣе передать ихъ языкъ и понятія.

О СРЕДНЕ- ВИЛЮЙСКОМЪ УЛУСѢ ВИЛЮЙСКАГО ОКРУГА И О ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ ВЪ НЕМЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

I.

Вилюйскій округъ есть одинъ изъ обширнѣйшихъ и много люднѣйшихъ округовъ якутской области. По пространству онъ можетъ уступить только верхоянскому округу; по населенности же уступаетъ только якутскому. Пространство, занимаемое этимъ округомъ, лежитъ въ С.З. сторонѣ отъ Якутска, простираясь на сѣверъ къ Ледовитому океану. Мѣстоположеніе его большею частію низменное; повсюду огромныя массы воды, находящейся почти исключительно въ озерахъ, обширныя болота и мѣстами топи. Рѣкъ вообще очень мало и тѣ большею частію незначительныя.

Число жителей въ вилюйскомъ округѣ простирается до 57,000 человѣкъ обоего пола. Жители по преимуществу Якуты, Тунгусы и отчасти, впрочемъ въ незначительномъ числѣ, и Русскіе. Эти послѣдніе, какъ по языку, такъ и по образу жизни нисколько не отличаются отъ Якутовъ. Тунгусы составляютъ почти десятую часть всего населенія.

Всѣ жители ведутъ большею частію осѣдлую жизнь; бродячихъ очень не много и то по преимуществу Тунгусы.

Весь округъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на четыре улуса, изъ которыхъ самый большой по пространству, но самый меньшій по населенности и самый бѣднѣйшій сравнительно съ другими улусами — есть средне-вилюйскій. Въ немъ всего только до 4,000 жителей.

Такая малочисленность населенія этого улуса рѣзко бросается въ глаза съ перваго взгляда. Чтоже причиной такой малочисленности жителей? Чтобъ положительно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, хотя отчасти, войти въ нѣкоторыя подробности относительно образа жизни инородцевъ, населяющихъ вилюйскій округъ въ особенности.

Главное занятіе и богатство жителей вилюйскаго округа — скотоводство. Хлѣбопашество только въ послѣднее время, благодаря дѣятельному и заботливому содѣйствію начальства, начало по немногу распространяться между иногородцами. Главной причиной этому служитъ то обстоятельство, что изъ числа ихъ хлѣбъ употребляютъ исключительно только богатые, и не какъ необходимое кушанье, а какъ лакомство, въ формѣ простой каши (о способѣ приготовленія каши см. подробно въ статьѣ о пищѣ). Бѣдные же иногородцы хлѣба никогда не употребляютъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого занятія, какъ скотоводство, то, что каждый житель, по количеству скота, изби-

раетъ и мѣсто болѣе удобное для его прокормленія. При этомъ преимущественно заселяютъ покосныя низменныя мѣста, большею частію находящіяся вблизи озеръ, которыхъ здѣсь такое изобиліе. Кромѣ того, расчитываютъ на близость разстоянія отъ воды какъ для самихъ себя, такъ и для скота, что̀ особенно необходимо въ зимнее время.

Замѣчено уже, что все почти пространство, занимаемое вилюйскимъ округомъ, большею частію низменное, средне-вилюйскій же улусъ, какъ самый сѣверный, ближе находящійся къ Ледовитому океану, изъ всѣхъ прочихъ улусовъ самый низкій. Оттого здѣсь безчисленное множество огромныхъ озеръ, мѣстами болотъ, и проч.; болѣе сухія мѣста покрыты густымъ лѣсомъ, по преимуществу сосновымъ и лиственнымъ. Отсюда то и происходитъ, по всему вѣроятію, то обстоятельство, что недостатокъ хорошихъ покосныхъ мѣстъ не могъ привлечь инородцевъ въ этотъ улусъ, какъ людей, полагающихъ все свое богатство въ скотоводствѣ. Это, какъ я думаю, есть одна изъ главныхъ причинъ малочисленности населенія здѣшняго улуса.

Вотъ бѣглый очеркъ вилюйскаго округа вообще; приступаю теперь къ описанію мѣстныхъ условій, имѣющихъ вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ болѣзней исключительно въ средне-вилюйскомъ улусѣ.

Климатъ здѣсь, какъ и во всемъ округѣ, чрезвычайно суровый: зимой жестокій холодъ выше 40°; а лѣтомъ непомѣрный зной. Бываютъ, конечно, дождливыя лѣта; тогда и температура значительно понижается. Вообще лѣто здѣсь чрезвычайно коротко: началомъ настоящаго лѣта можно считать только іюнь мѣсяцъ, а въ маѣ очень часто еще выпадаетъ снѣгъ; съ августомъ же оканчивается и лѣто.

Въ 1860 году лѣто было умѣренное; зной былъ не слишкомъ великъ, впрочемъ въ іюлѣ и іюнѣ было нѣсколько такихъ дней, въ которые жаръ въ тѣни достигалъ до 28°. Время стояло сухое, только въ послѣднихъ числахъ іюля начались частые и обильные дожди. Урожай травъ былъ превосходный, хлѣбъ же большею частію посохъ при всходѣ.

Мѣстность повсюду въ средне-вилюйскомъ улусѣ болотистая и даже мѣстами тундристая, на которой выростаетъ только мохъ, ракитникъ и тому подобное. Земля вообще протаиваетъ неболѣе полуаршина и въ очень немногихъ мѣстахъ до одного аршина. Мѣстъ удобныхъ, какъ для хлѣбопашества, такъ и для покосовъ очень немного. Впрочемъ земля вообще очень плодородна. Опредѣлить количество процентовъ отъ хлѣба съ точностію невозможно, по той причинѣ, что Якуты сбираемый хлѣбъ не вѣсятъ, а употребляютъ сколько понадобится. Да и самая уборка хлѣба происходитъ по мѣрѣ надобности.

Воды въ здѣшнемъ улусѣ чрезвычайно много, находящейся большею частію въ озерахъ. Рѣкъ же очень мало; изъ нихъ главнѣйшія слѣдующія двѣ: первая Вилюй, довольно обширная и

чрезвычайно изобильная рыбой, впрочемъ почти вовсе незаселенная; только немногіе инородцы занимаются здѣсь рыбной ловлей, но добываемую рыбу сами въ пищу не употребляютъ, а отправляютъ для продажи. Вторая, самая большая по протяженію, Танара, впадающая въ Вилюй. Но и эта рѣка, къ сожалѣнію, совершенно не заселена, по недостатку покосныхъ мѣстъ. Между тѣмъ переселеніе сюда многобы способствовало къ улучшенію здоровья жителей. На этой то рѣкѣ въ настоящее время выстроены больничные юрты, по указанію якутскаго гражданскаго губернатора. Есть еще нѣсколько небольшихъ рѣкъ, но и онѣ совершенно не заселены.

Озеръ здѣсь особенно много: почти на каждыхъ пяти верстахъ можно встрѣтить два, три и болѣе озера; между ними есть огромныя, напр. такъ называемое «Нешели», простирающееся въ длину на 70 и въ ширину на 20 верстъ. Всѣ озера большею частію илистыя или покрытыя травой. Понятно, что и качество воды въ нихъ существенно измѣняется. Такъ есть озера, отъ которыхъ постоянно не только лѣтомъ, но даже и въ теченіи зимы бываетъ гнилой запахъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого множества воды и такого качества то, что и самый воздухъ портится, наполняется болотистыми вредными газами, и дѣлается неспособнымъ для настоящаго окисленія крови. Ближайшимъ же и вѣрнѣйшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что въ средне-вилюйскомъ улусѣ почти повсемѣстно господствуетъ болѣзнь, извѣстная подъ именемъ проказы (Lepra). Здѣсь изъ 14-ти наслеговъ нѣтъ почти ни одного, въ которомъ бы не было больныхъ, одержимыхъ этою болѣзнью, главное свойство которой именно и заключается въ дурномъ качествѣ крови и въ незначительной степени ея окисленія.

Замѣчательно еще одно очень важное обстоятельство, которое можетъ служить доказательствомъ сейчасъ высказаннаго заключенія: именно, между больными, одержимыми проказой, чрезвычайно рѣдко встрѣчаются люди состоятельные. Такая, по видимому, странность зависитъ, какъ мнѣ кажется, чисто отъ мѣстныхъ условій. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что все богатство и благосостояніе инородцевъ заключается исключительно въ скотоводствѣ; поэтому люди болѣе богатые занимаютъ пространства болѣе удобныя для скотоводства и въ особенности для покоса: тутъ и мѣста обширнѣе и болѣе открытыя; а бѣднякъ, у котораго все состояніе заключается въ одной или двухъ скотинахъ, занимаетъ мѣсто, какое доведется, болѣе неудобное для покосовъ и самое вредное для здоровья.

Кромѣ упомянутой формы болѣзни, сколько здѣсь встрѣчается другихъ неизвѣстныхъ правительству! Я самъ былъ очевидцемъ подобныхъ примѣровъ: проѣзжая къ мѣсту своего назначенія, я встрѣтилъ въ одномъ наслегѣ въ домѣ старосты

трехъ больныхъ, одну женщину и двухъ дѣвушекъ. У одной болѣзнь продолжалась уже другой мѣсяцъ и достигла высшаго развитія, какъ я замѣтилъ: это было безпамятство, постоянный бредъ, совершенная глухота, и не смотря на все это больная оставалась безъ всякаго пособія. У другихъ двухъ болѣзнь только начиналась, у одной третій день, у другой седьмой. Не имѣя возможности снабдить ихъ нужными лекарствами, я предлагалъ пріѣхать ко мнѣ (этотъ домъ находится разстояніемъ отъ моего настоящаго пребыванія только въ 20 верстахъ), но до сихъ поръ не видалъ у себя никого. На вопросъ мой: не лечатъ ли они чѣмъ нибудь больныхъ? мнѣ отвѣчали: «это пройдетъ; нынѣ такое повѣтріе по всѣмъ наслегамъ; иные скоро поправляются, а иные долго.»

Такое невниманіе къ больнымъ исключительно происходитъ оттого, что инородцы гораздо скорѣе прибѣгаютъ къ помощи шамана, чѣмъ врача.

Не смотря на высказанное мною мнѣніе о томъ вліяніи, которое имѣетъ на развитіе болѣзней мѣстность и въ особенности вода, я слишкомъ далекъ отъ мысли считать эти условія исключительными въ этомъ отношеніи. Конечно, воздухъ и вода играютъ главную роль въ экономіи организма, и поэтому я ихъ признаю главными, но не единственными въ настоящемъ случаѣ орудіями болѣзненности, встрѣчаемой въ средне-вилюйскомъ улусѣ. Здѣсь много есть и другихъ, поддерживающихъ и усиливающихъ болѣзненность, условій. Сюда надобно отнести: жилища, платье и обувь, пищу и питье, образъ жизни и занятія жителей и проч. О вліяніи этихъ условій на здоровье я буду говорить отдѣльно о каждомъ съ возможною подробностію.

Не могу также умолчать о весьма странномъ повѣріи, существующемъ не только между инородцами здѣшняго улуса, но даже и въ другихъ округахъ, между людьми болѣе или менѣе образованными. Бывъ еще въ Якутскѣ, я не разъ слышалъ, что въ нѣкоторыхъ озерахъ, около которыхъ живутъ больные Якуты, одержимые проказой, самая рыба подвергается такимъ же язвамъ, какія бываютъ у людей. Спѣшу сказать, что это чистая ложь. Конечно, встрѣчаются довольно часто рыбы съ ранами на хребтѣ и на бокахъ, но это не отъ болѣзненнаго какого нибудь процесса, а просто или отъ укушенія другими рыбами, или же отъ когтей хищныхъ птицъ, наприм. орловъ, которыхъ здѣсь такое изобиліе. Съ такими ранами попадаются даже иногда огромныя пельмы, достигающія до двухъ пудовъ вѣсомъ, которыя исключительно живутъ въ большихъ рѣкахъ.

II.

Скотоводство, какъ главное занятіе и богатство Якутовъ, даетъ свой характеръ и самой постройкѣ жилищъ. Обыкновен-

ное жилище есть юрта, изъ тонкаго лѣса, поставленнаго вертикально, и сверху, т. е. снаружи, обмазаннаго коровьимъ пометомъ, смѣшаннымъ съ глиной. Окна и двери чрезвычайно маленькія; лѣтомъ по большей части вмѣсто стеколъ употребляется бумага, или бычачьи пузыри, зимой же во всѣхъ безъ исключенія юртахъ въ окна вставляются чистыя льдины. По стѣнамъ, внутри такой юрты, сдѣланы лавки, которыя въ одно время служатъ и стульями и кроватями. По срединѣ юрты находится постоянно дымящійся чувалъ: это нѣчто въ родѣ нашихъ каминовъ, но дѣлается очень просто изъ дерева, внутри обмазаннаго глиной и съ прямой трубой, устроенной такимъ же образомъ. Половъ въ юртахъ никогда не бываетъ.

Рядомъ съ такой юртой бываетъ другая совершенно тойже архитектуры, только еще обширнѣе, отдѣляющаяся отъ первой тонкою и рѣдкою перегородкою. Это отдѣленіе зимой исключительно служитъ помѣщеніемъ для скота и называется «хотонъ». Зимой оно нагрѣвается или отъ первой юрты, или, что впрочемъ случается очень рѣдко, въ немъ есть отдѣльный комелекъ. Телята зимой помѣщаются въ жилой юртѣ.

Тепло въ юртахъ поддерживается лишь комелькомъ, во время его топки; поэтому, какъ скоро погаснетъ огонь, то вмѣстѣ съ тѣмъ и температура понижается до 0 и менѣе. Во время же топки неизбѣжный дымъ, въ особенности при вѣтрѣ. О чистотѣ говорить было бы излишне.

Неизбѣжные спутники такихъ помѣщеній Якутовъ — нечистота, зловоніе отъ скота, постоянно ѣдкій дымъ, сырость и т. п. имѣютъ конечно немаловажное вліяніе на ихъ здоровье.

Постоянное сидѣніе предъ горящимъ комелькомъ въ теченіе всей зимы и потомъ переходъ изъ юртъ на рѣзкій холодъ, лѣтомъ же постоянные дымокуры съ чрезвычайно ѣдкимъ дымомъ — производятъ почти общую болѣзнь — страданія глазъ. Глазныя болѣзни здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу и очень часто доводится видѣть совершенно слѣпыхъ. Къ сожалѣнію, и противъ этой болѣзни не принимается жителями никакихъ мѣръ.

Въ лѣтнее время жилища тѣже самыя, только скотъ выгоняется въ поле; впрочемъ телята, нечистота и зловоніе остаются по прежнему.

Таковы вообще жилища инородцевъ, не только бѣдныхъ, но и состоятельныхъ.

III.

Въ отношеніи одежды Якуты здѣшняго улуса представляютъ жалкую картину нищеты и неопрятности. Большая часть инородцевъ никогда не употребляетъ самой необходимой и полезной для тѣла одежды — бѣлья. Вмѣсто рубахъ зимой и лѣтомъ носятъ одежду изъ телячьей, грубо выдѣланной шкуры, которая

лѣтомъ замѣняетъ и верхнее и нижнее платье. Дѣти же по большей части остаются безъ всякой одежды какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Въ жаркое время и на работахъ Якуты сбрасываютъ съ себя и это платье и остаются почти совершенно голыми, прикрывая только среднюю часть тѣла такъ называемыми «сэлліями», которыя безъ исключенія носятъ всѣ, мужчины и женщины. Эти сэлліи дѣлаются изъ бычачьей или изъ телячьей шкуръ, шерстью, обращенной къ тѣлу; величина ихъ только что въ состояніи прикрыть дѣторождныя части. Вмѣсто панталонъ и нашихъ исподнихъ употребляется особенный родъ одежды, называемой «сутуро». Это сутуро дѣлается изъ тѣхъ же шкуръ и носится какъ наши панталоны; сверху оно пристегивается къ селліямъ, а внизу завязывается ниже колѣна около обуви.

Бѣлья, какъ я сказалъ уже, почти вовсе нѣтъ; у болѣе состоятельныхъ дѣлаются однако рубахи изъ синей дабы по преимуществу; но эти рубахи надѣваются по какому либо особенному случаю, домаже носятся очень рѣдко. Кромѣ того онѣ никогда не моются и носятся до тѣхъ поръ, пока не спадутъ съ плеча; не моются же по очень простой причинѣ, что отъ мытья рубаха скорѣе носится.

Болѣе состоятельные, имѣющіе рубахи, сверху обыкновенно носятъ армяки, большею частію сдѣланные изъ бѣлаго сукна, короткіе, едва доходящіе до колѣнъ и съ большимъ разрѣзомъ назади, до самаго пояса. Зимой и лѣтомъ эта верхняя одежда одна; кромѣ того зимой надѣваютъ подъ армякъ небольшіе полушубки, сдѣланные изъ телячьихъ шкуръ. Другіе же зимой носятъ шубы, сдѣланныя изъ оленьей шкуры, обращенныя шерстью къ верху, называемыя «саныяхъ». Болѣе бѣдные въ трескучій сорокаградусный морозъ и выше надѣваютъ двѣ и три телячьихъ шубъ.

Дѣйствительно, надобно удивляться, что при такомъ значительномъ числѣ людей, не имѣющихъ теплой одежды — случаи смертности отъ замерзанія все таки рѣдки. Видно, что человѣческая натура здѣсь не изнѣженная, не легко поддается внѣшнему враждебному вліянію.

Платье у женщинъ такое же, какъ и у мущинъ; но изъ женщинъ болѣе носятъ дабинныхъ рубахъ и самый армякъ, у болѣе состоятельныхъ, кругомъ обшивается краснымъ сукномъ, шириной у нѣкоторыхъ даже въ ладонь.

Вотъ почти и вся одежда Якутовъ средне-вилюйскаго улуса, да, кажется, и всего округа.

Заговоривъ объ одеждѣ, я не могу умолчать о томъ зрѣлищѣ, которое представляютъ больные во временно-устроенныхъ больничныхъ юртахъ. Почти изъ сорока человѣкъ едва ли найдется у пяти грязная, синяя дабинная рубаха; большая же часть больныхъ покрыта безобразными лохмотьями, которыя представляются какъ бы навѣщанными на больнаго, но отнюдь не покрывающими его тѣло!

Обувь большею частью дѣлается изъ шкуръ, конской, бычачьей и коровьей. Обувь, сдѣланная изъ конской шкуры, называется «сарры», изъ коровьей же или бычачьей носитъ названіе «тарбасовъ». Какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ обувь совершенно одинакова. Кожа вообще выдѣлывается чрезвычайно грубо. Такая обувь обыкновенно доходитъ до колѣнъ. Наружной формой ближе всего подходитъ она къ русскимъ бахиламъ, употребляемымъ въ нѣкоторыхъ русскихъ губерніяхъ.

Зимой обувь дѣлается изъ тѣхъ же шкуръ, но большею частію шерстью наружу.

Вмѣсто чулковъ употребляютъ лѣтомъ «каченчи», сдѣланные изъ телячьей шкуры, въ родѣ русскихъ чулокъ; зимой такія каченчи дѣлаются изъ заячьяго мѣха.

На головѣ зимой обыкновенно носятъ мохнатыя, остроконечныя шапки съ длинными наушниками. Такія шапки дѣлаются изъ тѣхъ же воловьихъ или телячьихъ шкуръ. У женщинъ шапки, большею частію суконныя, обшитыя бѣличьимъ или даже лисьимъ мѣхомъ; какъ зимой, такъ и лѣтомъ онѣ носятъ одинаково эти шапки. Изъ мущинъ, лѣтомъ, состоятельные, и то очень немногіе, носятъ русскія фуражки, а бѣдные тѣже мохнатыя шапки только безъ наушниковъ. Нѣкоторые же вовсе не употребляютъ шапокъ, а просто или повязываются платкомъ, или и вовсе ничѣмъ не повязываются.

Такой родъ одежды естественно имѣетъ чрезвычайно вредное вліяніе на здоровье инородцевъ, производя всѣ формы накожныхъ болѣзней. Дѣйствительно, здѣсь на сто человѣкъ, вѣроятно, девяносто страдаетъ какою нибудь накожною болѣзнію. Удивительно ли также, что при ихъ грубой одеждѣ, не смѣняемой до самаго износа, рецидивы всякой болѣзни, въ особенности сопряженной съ отдѣленіемъ матеріи, неизбѣжны. Возьмемъ наприм. Якута, зараженнаго венерическою болѣзнью, которая такъ обыкновенна во всей Якутской области: послѣ самаго тщательнаго больничнаго леченія, лишь только онъ войдетъ въ свою прежнюю, обычную колею — сейчасъ же образуются рецидивы. Кто будетъ утверждать, что это происходитъ отъ того, или другаго метода леченія?

Накожныя болѣзни здѣсь такъ всѣмъ общи, что ихъ не считаютъ даже и за болѣзнь; тѣмъ не менѣе встрѣчаются всѣ формы сыпей, начиная съ чесоточной и оканчивая этимъ страшнымъ пугаломъ здѣшняго улуса — проказой.

IV.

Пища и питье здѣшнихъ Якутовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. И въ самомъ дѣлѣ трудно вообразить что нибудь отвратительнѣе и вреднѣе для здоровья какъ выборъ пищи, ко-

торую они употребляютъ. Въ этомъ отношеніи они ничуть не выше животныхъ.

Я сказалъ уже, что хлѣбъ употребляютъ исключительно богатые и то какъ лакомство, въ видѣ простой каши. Способъ приготовленія такой каши очень простъ. Обыкновенно берутъ двѣ равныя части молока и воды, кипятятъ и потомъ прибавляютъ муки, послѣ чего опять кипятятъ раза два или три и когда эта смѣсь достигнетъ извѣстной степени густоты, употребляютъ горячую въ пищу.

Главная же пища Якутовъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ состоитъ въ маленькой рыбѣ, называемой «мундушка». Рыба эта величиною отъ ½ до 2 вершковъ и рѣдко болѣе. Въ теченіи лѣта такой рыбы запасаютъ и на всю зиму и потомъ употребляютъ въ пищу различнымъ образомъ приготовленную.

Лѣтомъ самое простое, обыкновенное приготовленіе ея слѣдующее: наливаютъ въ котелъ воды и кладутъ эту рыбу въ тотъ же котелъ въ огромномъ количествѣ; все это вмѣстѣ кипятятъ безъ соли, которую инородцы никогда не употребляютъ, и такимъ образомъ приготовленную рыбу употребляютъ въ пищу. Заготовленіе же ея на зиму дѣлается различно: первый способъ тотъ, что мундушка варится въ водѣ, которая выливается; послѣ кипяченія, вареная рыба складывается въ особенныя большія берестяныя посуды и ставится въ амбаръ, гдѣ и остается въ теченіи всего лѣта, получая самый отвратительный, зловонный запахъ; даже появляются черви. Такимъ образомъ приготовленная рыба называется «сыма». Другой способъ, которымъ приготовленная рыба носитъ названіе «аграпъ», отличается отъ перваго тѣмъ, что вареную рыбу, отдѣленную отъ воды, складываютъ въ «сору» (вареное квашеное молоко), прибавляя каждый день мундушки и каждый день смѣсь эту промѣшиваютъ. Количество вареной мундушки весьма значительно, такъ что палка, поставленная въ средину этой смѣси, можетъ стоять совершенно прямо. Люди же бѣдные, не имѣющіе соры, варятъ рыбу съ травой, носящей названіе кислицы или съ незрѣлыми ягодами — брусникой, красной смородиной и проч. и сваренную такимъ образомъ ставятъ въ яму.

Третій способъ заготовленія мундушки на зиму есть сушоная или, правильнѣе, вяленая мундушка, подъ названіемъ «хохтушка». Для этого на широкую доску накладываютъ рыбу въ огромномъ количествѣ, доску ставятъ на козлы на вольномъ воздухѣ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока она совершенно высыхнетъ.

Второе за тѣмъ по употребленію наиболѣе распространенное кушанье есть «юре». Способъ приготовленія ея слѣдующій: берутъ извѣстное количество свѣжей, или сушеной сосновой коры, которую рѣжутъ на мелкія части, складываютъ въ котелъ, затѣмъ наливаютъ воды и кипятятъ. Послѣ того, какъ вода вскипитъ, прибавляютъ сымы, или аграна, или хохтушки, предва-

рительно растертыхъ въ порошокъ; вообще же рыбы кладется на половину противъ свареной коры; эту смѣсь кипятятъ до густоты жидкой каши и такимъ образомъ приготовленную употребляютъ въ пищу. Болѣе состоятельные варятъ кору на одномъ молокѣ, или пополамъ съ водой.

Это кушанье есть общее у Якутовъ, у бѣдныхъ и богатыхъ.

На зиму запасаютъ сосновую кору обыкновенно лѣтомъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ сосноваго лѣса нѣтъ, сосновую кору замѣняютъ лиственной.

Изъ рыбы еще употребляютъ карасей, гдѣ есть большія рыбныя озера, и щукъ, которыхъ большею частію сушатъ, отдѣляя отъ нихъ голову и кости. Приготовленная такимъ образомъ щука называется «юкала».

Говядину и лошадиное мясо, послѣднее предпочительнѣе между инородцами, употребляютъ при особенныхъ важныхъ случаяхъ, какъ то: при свадьбахъ, похоронахъ, и проч. Случается, что если издохнетъ скотина, то для нихъ праздникъ; даже не только употребляютъ въ пищу дохлый скотъ, но и мертворожденныхъ жеребятъ и телятъ!

Самые богатые убиваютъ въ зиму для себя одну и много двѣ лошади, лѣтомъ же скотъ вообще, безъ особенныхъ случаевъ, никогда не бьютъ.

Кромѣ всего описаннаго, лѣтомъ употребляютъ: кумысъ, кто имѣетъ кобылъ, молоко, сору, вареное квашеное молоко; это послѣднее въ теченіи всего лѣта составляетъ главную пищу и питье. Само собою разумѣется, что для питья употребляется также озерная вода.

При описаніи пищи инородцевъ здѣшняго улуса, я съ намѣреніемъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности относительно способа ея приготовленія, чтобы съ бóльшею ясностію можно было судить, какое вліяніе можетъ имѣть такой выборъ пищи на здоровье.

Удивительно ли, что при всѣхъ вышеописанныхъ, положительно вредныхъ условіяхъ, каковы: сырой, болотистый климатъ, почти не воздѣланная и покрытая всюду озерами и болотами почва; воздухъ, наполненный болотными испареніями; грубый и неопрятный родъ одежды; дурное качество озерной и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно гнилой воды; не только не питательный, но даже вредный выборъ пищи — происходитъ то, что едва родившійся ребенокъ носитъ уже въ себѣ зачатки всѣхъ болѣзней.

Изъ сказаннаго объ инородцахъ здѣшняго улуса можно предположить, что главный характеръ ихъ болѣзней скорбутическій, гнилостный; на самомъ же дѣлѣ это предположеніе оправдывается вполнѣ. Да и самая проказа (Lepra), можетъ быть, не есть ли скорбутъ въ соединеніи съ другими худосочіями, каковы: лишайное, золотушное, ревматическое, отчасти венерическое и другія?

Правда, проказа здѣсь считается до такой степени заразительной, что инородцы, проѣзжая мимо жилища больныхъ въ разстояніи 50 и болѣе саженъ, завязываютъ себѣ носъ платкомъ, чтобъ не дышать этимъ заразительнымъ, по ихъ мнѣнію, воздухомъ. И такое убѣжденіе до того распространено не только между инородцами, но и между людьми образованными, что дѣйствительно и я, получивъ предписаніе о командированіи меня для леченія проказы, не безъ робости пустился въ дорогу. Мнѣ разсказывали еще въ Якутскѣ чрезвычайно много чуднаго и баснословнаго объ этой болѣзни, какъ напримѣръ слѣдующій анекдотъ: «одинъ Якутъ, одержимый проказой, будто бы плюнулъ на дерево, послѣ чего дерево это растрескалось и высохло съ корнемъ!» Такіе разсказы невольно вселяли ужасъ въ мою душу. Но съ другой стороны я утѣшался тою мыслію, что все таки эти разсказы происходятъ отъ инородцевъ, которые такъ напуганы проказою, а у страха глаза велики, и что до сихъ поръ ни однимъ врачемъ не только не сдѣлано описанія этой болѣзни, но даже мнѣ не доводилось видѣть описанія быта инородцевъ, съ медицинской точки зрѣнія. И такъ можно думать, что подобныя мнѣнія существуютъ только отъ незнанія свойствъ и причинъ болѣзни. Просматривая исторію медицины, такихъ примѣровъ мы видимъ не мало. Напримѣръ, исторія венерической болѣзни можетъ служить яснымъ тому доказательствомъ: тоже было отчужденіе больныхъ отъ міра живаго въ отдѣльные дома; таже боязнь и тоже омерзеніе къ страждущимъ этою болѣзнію. Но въ настоящее время, я думаю, не найдется ни одного врача, который бы ужасался венерической болѣзни; да и между не врачами ужъ немного такихъ людей, которые смотрятъ на сифилисъ какъ жеребенокъ на волка!

Впрочемъ до какой степени проказа заразительна — положительно отвѣчать на это я теперь еще не берусь, по недостатку наблюденій, но думаю что едва ли она такова (Lepra). Что однако она можетъ передаваться наслѣдственно, переходить изъ рода въ родъ — это совершенно справедливо. Естественно, что отъ больныхъ родителей не могутъ родиться здоровыя дѣти, и чтобы улучшить ихъ состояніе, нужно строгое выполненіе гигіеническихъ и діэтическихъ правилъ. А при такихъ условіяхъ, каковы описанныя выше, едва ли какое нибудь врачебное пособіе, тѣмъ менѣе совѣты, могутъ принести малѣйшую пользу. Можно также думать, что эта болѣзнь здѣсь не новая, что она вѣроятно существуетъ съ самаго начала населенія, и въ настоящее время дѣйствительно представляется въ видѣ страшнаго бича, которымъ истребляется значительная часть народонаселенія. Но вѣдь и всякая болѣзнь, предоставленная самой себѣ, рѣдко проходитъ безъ значительнаго числа смертности, тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ все способствуетъ къ развитію и усиленію ея — и климатъ, и почва и пища и проч. При та-

кихъ условіяхъ, неудивительно, что она достигла тѣхъ ужасающихъ размѣровъ и того омерзенія къ страждущимъ ею, о которыхъ упомянуто выше.

Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, можно думать, что и самое народонаселеніе вообще едва-ли можетъ идти въ возрастающей прогрессіи; напротивъ, вѣроятно, что оно уменьшается.

V.

Въ отношеніи свойствъ, образа жизни и занятій, главнымъ преобладающимъ элементомъ въ характерѣ Якутовъ замѣчается азіятская лѣнь.

Какъ уже сказано выше, средне-вилюйскій улусъ считается самымъ бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ. Если посмотрѣть пристальнѣе на причины бѣдности, то большею частію, кромѣ мѣстныхъ невыгодныхъ условій, причины эти заключаются въ безпечности самихъ жителей. Такъ, напримѣръ, здѣсь безчисленное множество озеръ, дающихъ вредныя испаренія; между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ изъ этихъ озеръ выпустить воду очень удобно, стоитъ приложить только небольшое стараніе, тогда на мѣстѣ тѣхъ же самыхъ озеръ явятся обширныя поля, и благосостояніе Якутовъ этого улуса значительно бы улучшилось.

Въ доказательство этого можно привести Мархинскій улусъ, который прежде считался тоже однимъ изъ бѣднѣйшихъ, а теперь почти богатѣйшій. Что же причиной такого превращенія? Трудъ и притомъ трудъ незначительный.

Въ сказанномъ улусѣ прежде было огромное озеро подъ названіемъ «Нюрьба», длиной въ 30, а шириной въ 10 верстъ. Кому-то пришла счастливая мысль выпустить воду изъ озера; мѣстныя условія для выполненія этой цѣли способствовали какъ нельзя лучше, такъ какъ озеро находилось на горѣ надъ самой рѣкой Вилюемъ, — сдѣлали небольшій прокопъ, и какъ разсказываютъ, черезъ два дня воды уже вовсе не было. На мѣстѣ озера явилось обширное, отличное покосное поле, и жители, прежде занимавшіеся исключительно рыболовствомъ, обратились къ другому занятію болѣе выгодному — скотоводству. Въ настоящее время селеніе Нюрьба есть богатѣйшее мѣсто почти во всемъ округѣ. Между жителями Мархинскаго улуса много найдется даже такихъ, у которыхъ до 500 и болѣе штукъ скота. И этотъ примѣръ подѣйствовалъ на прочихъ до такой степени благодѣтельно, что теперь почти нѣтъ ни одного озера, у котораго бы не было прокопа въ этомъ улусѣ.

Дѣйствительно, и здѣсь много такихъ озеръ, изъ коихъ воду чрезвычайно удобно выпустить. Я самъ не имѣлъ возможности видѣть весь улусъ; но разсказываютъ, напримѣръ, про мѣсто, называемое «Мастахъ», теперь покрытое большею частію водой, что

если изъ него выпустить воду, то это мѣсто будетъ больше Нюрбы чуть ли не втрое. Самое мѣстоположеніе Мастаха чрезвычайно удобно, какъ говорятъ, для прорытія: потребуется двадцать человѣкъ на два дня работы, и только. Но всегубящая лѣнь никакъ не даетъ возможности жителямъ улучшить свое состояніе.

Изъ особенныхъ наклонностей у инородцевъ замѣчательны: любовь къ вину и табаку. Эти наклонности до такой степени сильны, въ особенности къ вину, что Якутъ за водку не пожалѣетъ и послѣдняго состоянія. Въ этомъ отношеніи должно отдать истинную благодарность правительству, что оно не позволяетъ всепоглощающему откупу запустить въ этотъ край свою цѣпкую лапу. Иначе можно сказать утвердительно, что все послѣднее достояніе инородцевъ перешлобы въ руки откупа.

Страсть къ табаку почти въ такой же степени, какъ и къ вину. На все другое Якутъ дорожится каждой копѣйкой, а за фунтъ простаго табаку онъ не пожалѣетъ даже рубля серебромъ. Мнѣ часто случается видѣть, какъ Якутъ найдя табачные окурки, подбираетъ ихъ съ особенною радостью; самый пепелъ употребляетъ вмѣсто нюхательнаго табаку, а то, что еще имѣетъ признаки крошенаго табаку, выкуриваетъ съ полнымъ удовольствіемъ посредствомъ особенно устроенной трубки, называемой «орохъ».

Что касается до характера Якутовъ вообще, то они большею частію хитры, пронырливы, лукавы, льстивы, трусоваты; между ними также замѣчается страсть къ воровству, ябедничеству и кляузничеству. Послѣдняя развита до такой степени, что Якутъ, хотя бы самъ былъ вовсемъ виноватъ, ведетъ тяжбу въ теченіи десяти и болѣе лѣтъ, чтобъ только поставить на своемъ.

Главнѣйшія же занятія здѣшнихъ инородцевъ слѣдующія:

Скотоводство есть преимущественное занятіе и богатство Якутовъ; но эта промышленность здѣсь въ гораздо слабѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ улусахъ. Скотъ исключительно конный и рогатый.

Правда, занятіе это можетъ считаться самымъ прибыльнымъ; но съ другой стороны не требующимъ никакого труда. Только въ теченіи лѣта у Якутовъ является легкая забота объ урожаѣ сѣна; но чтобъ способствовать къ лучшему росту травъ искуственно, напримѣръ устроивать плотины, выпустить воду изъ озеръ — этого и въ голову никому не придетъ.

Въ прошедшемъ 1859 году бывшій падежъ скота далъ хорошій урокъ, скотъ пропалъ, можетъ быть, на половину и только въ слѣдствіе недостатка сѣна; случись еще подобный годъ, и самые богатые Якуты должны идти по міру.

Скотоводствомъ занимаются всѣ, и бѣдные и богатые. У богатыхъ страсть къ этому занятію до такой степени велика, что у рѣдкаго найдется 50 руб. сер. деньгами, а скота можетъ

быть до 200 и болѣе штукъ. Конечно, польза отъ скотоводства несомнѣнная, на прим. отъ рогатаго скота въ теченіи цѣлаго лѣта Якуты большею частію питаются молокомъ, сорой и проч., кромѣ того приготовляютъ масло, которое поступаетъ въ продажу, и такъ далѣе. Но мнѣ кажется, что большею частію Якуты держатъ въ такомъ множествѣ скотъ еще и изъ тщеславія, ибо нѣкоторые такъ думаютъ, что если есть деньги, то ихъ никто не видитъ, а скотъ видитъ всякій. И здѣсь, да вообще и по всему округу, по количеству скота опредѣляютъ богатство, а естественно, чѣмъ богаче Якутъ, тѣмъ ему и уваженія больше.

Хлѣбопашество здѣсь еще въ младенчествѣ; причины такого пренебреженія столь важной и существенно полезной отрасли хозяйства мною отчасти уже высказаны выше.

Вообще посѣвы здѣсь крайне незначительны: сколько мнѣ ни случалось видѣть и спрашивать объ этомъ предметѣ, я не слыхалъ, чтобы кто нибудь посѣялъ болѣе пяти пудовъ, и это количество сѣютъ очень немногіе. Обыкновенно сѣютъ два пуда, пудъ, полпуда и даже пять фунтовъ!

Другое важное обстоятельство, препятствующее развитію земледѣлія, происходитъ отъ того мнѣнія инородцевъ, что самый сбытъ хлѣба здѣсь почти невозможенъ по дальности разстояній. Но очевидно, это только оправданіе нехотѣнія. Еслибы здѣсь хлѣбопашество было въ настоящемъ своемъ состояніи, тогда опредѣленное число пудовъ пошлобы на потребленіе города, такъ какъ для правительства былобы гораздо выгоднѣе покупать хлѣбъ на мѣстѣ, чѣмъ отправлять его изъ Якутска за 1000 верстъ, что́ съ перевозкой составляетъ уже двойную цѣну; другая же часть, какъ самая цѣнная для инородцевъ, былабы употребляема ими самими въ гораздо бо́льшемъ количествѣ противъ настоящаго и съ большою пользою въ гигіеническомъ отношеніи. Тогда, конечно, употребленіе тухлой, дрянной мундушки и сосновой коры значительно бы уменьшилось.

Рыбная ловля составляетъ главное и почти общее занятіе Якутовъ. Ею занимаются и весной и лѣтомъ и осенью, кромѣ зимы. Лѣтомъ ловятъ мундушку въ огромномъ количествѣ, запасая ее на зиму, извѣстнымъ образомъ приготовленную. Осенью по преимуществу ловятъ карасей; но жители рѣдко или почти и вовсе не употребляютъ большихъ хорошихъ карасей: ихъ отправляютъ на продажу, сами же довольствуются самой мелкой рыбой. Весной ловятъ сиговъ, карасей и въ особенности, по вскрытіи озеръ, мундушку.

Ловятъ рыбу большею частію мордами или сѣтями. Осенью же нѣкоторые отправляются на рѣку и тамъ ловятъ уже большими неводами.

Но и это занятіе, какъ оно ни легко, необходимо требуетъ хорошей, теплой одежды, въ особенности осенью. Послѣ труда въ холодное осеннее время теплое и опрятное жилище, хорошаго качества питательная пища и возможность перемѣнить

мокрое платье, есть, такъ сказать, conditio sine qua non. Отсутствіе же всего этого, очень естественно, должно производить тѣ формы простудныхъ и ревматическихъ страданій, которыя очень часто служатъ настоящими причинами смерти.

Въ прежнія времена въ здѣшнемъ улусѣ была въ полномъ развитіи звѣриная ловля; но теперь звѣроловствомъ занимаются очень немногіе, да и то большею частію Тунгусы. Это происходитъ частью еще отъ того обстоятельства, что и число самыхъ звѣрей съ каждымъ годомъ уменьшается. Причины такого уменьшенія звѣрей, мнѣ кажется, много зависятъ отъ того, что ежегодно пускаемые палы на поляхъ, для лучшаго рощенія травы, очень часто переходятъ въ лѣсъ и истребляютъ его на огромномъ пространствѣ. Нерѣдко случается видѣть, что мѣстные пожары продолжаются мѣсяцъ и болѣе. Естественно, что одна часть звѣрей при этомъ убѣгаетъ, другая же и въ особенности дѣтеныши ихъ сгараютъ.

Въ настоящее время здѣсь ловятъ въ незначительномъ количествѣ лисицъ, преимущественно красныхъ, бѣлокъ низкаго достоинства и горностaлей. Изъ Якутовъ ловлею лисицъ занимаются только имѣющіе хорошихъ лошадей. Соболей почти вовсе нѣтъ. Изъ звѣрей еще изрѣдка убиваютъ медвѣдей и то въ такомъ только случаѣ, когда они наносятъ существенный вредъ. Для этой цѣли собираются иногда цѣлымъ наслегомъ, или по крайней мѣрѣ не менѣе двадцати человѣкъ. Понятно, что это уже не промыслъ, а оборона.

Для полноты описанія, мнѣ бы слѣдовало сказать съ бо́льшей подробностью о домашнемъ бытѣ, обычаяхъ, обрядахъ и проч. у Якутовъ. Предметы эти въ высшей степени интересны, но, къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, препятствіемъ къ подробному и тщательному описанію ихъ служитъ отчасти незнаніе якутскаго языка; съ другой же стороны, я не могъ присмотрѣться, по недостатку времени, ко всѣмъ подробностямъ ихъ быта.

Уже по одному описанію занятій и образа жизни Якутовъ здѣшняго улуса видно, что большую часть времени они проводятъ въ счастливомъ кейфѣ, и дѣйствительно, собственно работа бываетъ только лѣтомъ — во время уборки сѣна. Скотоводство не требуетъ особенныхъ попеченій: доить коровъ, кобылъ, приготовить масло, сору, кумысъ и проч. есть дѣло женщинъ. Лѣтомъ еще занимаются заготовленіемъ рыбы на зиму; но въ сутки сходить одинъ или два раза къ озеру — достать мундушку изъ морды, еще не есть работа; наконецъ, лѣтомъ же занимаются заготовленіемъ на зиму сосновой коры для описаннаго выше кушанья ю́ре. Осенью преимущественно занимаются рыбной ловлей на рѣкѣ, или на озерахъ, изъ которыхъ достаютъ въ значительномъ количествѣ карасей, отправляемыхъ на продажу. Зимой же положительно ничего не дѣлаютъ, ѣдятъ тухлую мундушку, «эре», и проводятъ все время во снѣ, или

сидѣніи предъ комелькомъ. При входѣ въ якутскую юрту, въ особенности зимой, глазамъ, непривыкшимъ къ образу жизни Якутовъ, представляется чрезвычайно непріятная картина: смрадъ, духота, повсюду грязь, зловоніе отъ животныхъ, иногда куча маленькихъ дѣтей, грязныхъ, нагихъ, большею частію покрытыхъ сыпью, ревъ телятъ, смѣшанный съ крикомъ дѣтей, порывистый, съ гортаннымъ акцентомъ, говоръ полунагихъ взрослыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ такой отвратительный хаосъ, что трудно выдержать эту пытку въ теченіи часа, чтобъ немного отогрѣться и напиться чаю.

Якутъ зимой разстается съ своей юртой только при крайней необходимости. Весной, когда начинается оттепель, опять является рыбная ловля, большею частію сѣтями, сиговъ и карасей, а какъ только ледъ вскроется, начинаютъ ловить мундушку, что́ и продолжается до самой осени.

Не лишнимъ считаю присовокупить, что все сказанное мною относится преимущественно къ средне-вилюйскому улусу. Прочіе улусы я видѣлъ только проѣздомъ, и сколько могъ замѣтить, жизнь тамошнихъ Якутовъ уже нѣсколько приближается къ жизни русской, по крайней мѣрѣ относительно жилищъ. Тамъ у людей болѣе или менѣе состоятельныхъ есть уже русскія избы, изъ коихъ нѣкоторыя довольно опрятны; да и самая одежда гораздо лучше.

Проскуряковъ.

1860 г. Лачина,
Средне-Вилюйскаго улуса.

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ

НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ въ народной жизни представляется весьма важнымъ. Юридическіе обычаи, повсемѣстно распространенные въ обществѣ, по самому свойству своему, представляютъ въ высшей степени важный и интересный предметъ для изслѣдованія. Въ обычной жизни своей, народъ руководствуется не сводомъ законовъ, не уставами, учрежденіями, положеніями, и т. п., исходящими отъ верховной власти, отъ правительства, а своими неписанными законами, выработанными жизнью и установившимися юридическими воззрѣніями и обычаями. Цѣлыя поколѣнія изживаютъ, не зная свода законовъ, не обращаясь къ писаннымъ и учрежденнымъ верховною властью законамъ. Въ сферѣ своихъ нуждъ и потребностей они живутъ своею юридической жизнью, живутъ своею правдою и справедливостью. Такъ, въ сферѣ гражданскаго права они вступаютъ между собою въ разнообразныя юридическія отношенія, заключаютъ сдѣлки, до безконечности разнородныя, разнообразныя, мѣняютъ имущества, покупаютъ и продаютъ ихъ, нанимаютъ имущества и личныя услуги, дарятъ, берутъ въ займы и ссуды, заключаютъ брачные договоры,

наслѣдуютъ и т. п. Точно также, независимо отъ писанныхъ законовъ, они дѣйствуютъ и въ сферѣ уголовнаго права, судятъ виновныхъ, карающъ ихъ тѣлесными наказаніями, лишеніемъ свободы, денежными штрафами. Они имѣютъ свои общественныя учрежденія, свой судъ, своихъ судей; ихъ учрежденія основаны на юридическихъ обычаяхъ, искони установившихся. Однимъ словомъ, они живутъ полною жизнью, безъ свода законовъ, по своимъ законамъ, присущимъ ихъ понятіямъ и воззрѣніямъ, соотвѣтственнымъ ихъ быту, условіямъ этого быта. Вотъ почему въ высшей степени не только интересно, но полезно и даже совершенно необходимо ознакомиться съ юридическою и общественною жизнью нашего народа вообще и съ юридическими его обычаями въ частности, по возможности, уловить все ихъ разнообразіе. Если эти обычаи разнообразны въ одной и той же мѣстности, то еще болѣе это разнообразіе открывается при сличеніи обычаевъ различныхъ мѣстностей и народностей. Стоитъ вглядѣться напр. въ юридическія сдѣлки малоросса и сличить ихъ съ однородными сдѣлками великорусса или сибиряка или какого-либо инородца: и вотъ представится цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ, завѣщанныхъ или стариною, или создавшихся вновь, подъ вліяніемъ новыхъ условій, новыхъ потребностей, новыхъ отношеній, — рядъ обычаевъ, въ высшей степени интересный и богатый матеріалъ для разработки. Родъ жизни, родъ занятій, родъ промышленности и ремеслъ, обладаніе тѣми или другими цѣнностями, тѣми или другими естественными произведеніями земли — все это разнообразитъ юридическія отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и юридическіе обычаи. И никогда закону писанному не удастся не только создать что-либо подобное, но и не удастся даже, или съ большимъ по крайней мѣрѣ трудомъ, вполнѣ, всецѣло обнять это разнообразіе и подвести его къ единству, къ извѣстнымъ рубрикамъ, какъ бы ни были широки даваемыя имъ рамки: жизнь всегда несравненно шире этихъ рамокъ, и проявленія ея, при ихъ разнообразности, никогда не

могутъ уложиться свободно, спокойно въ эти рамки. Но тѣмъ не менѣе, есть существенный интересъ и научный и даже чисто практическій — озаботиться собраніемъ этихъ обычаевъ, и въ настоящее время болѣе, нежели когда-либо. Мысль собранія юридическихъ обычаевъ, вовсе не новая. Изслѣдователи нашего народнаго быта обратили свое вниманіе и на этотъ предметъ: *Макаровъ* (Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія — въ трудахъ и лѣтоп. ист. и древ. ч. IV кн. I), *Снегиревъ* (Русскіе въ своихъ пословицахъ), *Тарновскій* (Юридическій бытъ Малороссіи, въ Юридическихъ Запискахъ Редкина, 1842 г. т. II) и нѣкоторые другіе.

Много лѣтъ тому назадъ, на этотъ предметъ обратило вниманіе и само правительство: въ 1847 и 1848 годахъ, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ разослана была программа, по которой отъ мѣстныхъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ требовались свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ, существующихъ между государственными крестьянами, относительно порядка наслѣдованія между крестьянами вообще и въ частности о правѣ участія отставныхъ солдатъ въ наслѣдствѣ. Собранныя такимъ офиціальнымъ путемъ свѣдѣнія были обнародованы, лишь по истеченіи болѣе десяти лѣтъ, въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1861 годъ, гдѣ помѣщена г. Барыковымъ статья: „Наслѣдованіе у государственныхъ крестьянъ“, составленная на основаніи означенныхъ свѣдѣній. Статья эта, весьма интересная уже по самому предмету своему, далеко однако не исчерпываетъ предмета, отчасти по неполнотѣ доставленныхъ офиціальнымъ путемъ свѣдѣній, отчасти и потому, что она касается только одного изъ сословій сельскихъ обывателей.

Одновременно съ этимъ, именно въ 1847 году Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ также была разослана программа, которою всѣ, желающіе трудиться на пользу этнографіи, приглашались доставлять мѣстныя описанія по извѣстному плану. Въ программѣ этой, въ числѣ другихъ

предметовъ, было указано, между прочимъ, и на *юридическіе обычаи.* Полученные этимъ путемъ матеріалы, съ 1853 г., Общество начало печатать въ этнографическомъ сборникѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ напечатанныхъ здѣсь статей, встрѣчаются иногда любопытныя указанія и на юридическіе обычаи. Но эти свѣдѣнія большею частію отрывочны и потому мало удовлетворительны. Безъ всякаго сомнѣнія, главная причина этой неудовлетворительности заключается въ томъ, что собиратели этнографическихъ матеріаловъ не могли обратить должнаго вниманія на этотъ предметъ или по недостатку юридическаго образованія, или же главнымъ образомъ потому, что въ разосланной Географическимъ Обществомъ программѣ объ юридическихъ обычаяхъ было упомянуто вскользь, безъ объясненія ихъ значенія и въ особенности безъ всякаго указанія—на что именно, на какіе предметы изъ области права слѣдовало бы собирателямъ матеріаловъ обратить особенное вниманіе.

Въ послѣднее время юридическіе народные обычаи обратили на себя нѣкоторое вниманіе нашей литературы, въ особенности съ той поры, когда возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ періодическихъ изданіяхъ стали появляться разныя замѣтки, касающіяся юридической жизни простаго народа; предмету этому были посвящены и отдѣльныя, спеціальныя статьи. Такъ въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, изд. г. Калачовымъ, была помѣщена самимъ редакторомъ этого журнала статья: „Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ“ (1859 года кн. II). Въ первой книжкѣ журнала Министерства Юстиціи за 1862 г., напечатана статья г. Муллова: „О значеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ“, въ которой въ бѣгломъ очеркѣ указана необходимость собиранія этихъ обычаевъ и сообщены нѣкоторые факты, касающіеся этого предмета, извлеченные изъ разныхъ напечатанныхъ уже статей. Въ журналѣ „Вѣкъ“, въ 1862 г. (№№ 15 — 16) напечатана статья того же автора: „О народныхъ юридическихъ обычаяхъ“, неоконченная за пре-

кращеніемъ этого изданія. Послѣдняя изъ этихъ статей имѣетъ значеніе попытки составить болѣе или менѣе подробную программу, которая могла бы служить руководствомъ для желающихъ собирать матеріалы, касающіеся русскаго обычнаго права.

Но не смотря на всѣ поименованныя выше статьи, вопросъ объ юридическихъ народныхъ обычаяхъ до сихъ поръ очень мало подвинулся впередъ и остается животрепещущимъ. Между тѣмъ этотъ вопросъ, независимо отъ этнографическаго его интереса, имѣетъ и жизненное, практическое значеніе, а потому и слѣдуетъ обратить на него особенное вниманіе. Наше обычное народное право до тѣхъ поръ останется темнымъ и неразъясненнымъ, пока разнообразныя свѣдѣнія, получаемыя разными лицами и иногда печатаемыя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, не будутъ сосредоточиваться въ одномъ мѣстѣ, гдѣ бы они могли подвергаться группировкѣ и обработкѣ. Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества рѣшается принять на себя эту задачу и посему обращается съ просьбою ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какія-либо по сему предмету свѣдѣнія, доставлять ихъ въ Отдѣленіе. Для желающихъ же заняться собираніемъ юридическихъ обычаевъ, составлена программа, которою они могли бы руководствоваться, не стѣсняясь, впрочемъ, ея рамками, ибо народные юридическіе обычаи столь обширный предметъ, что въ программѣ не могли быть указаны всѣ его разнообразныя стороны; пришлось ограничиться лишь болѣе или менѣе общими чертами. Программа эта предлагается, по разнымъ частямъ права, въ видѣ вопросовъ, на которые желательно получить подробные, по возможности, отвѣты; болѣе точныя разъясненія этихъ вопросовъ и указаніе на то, что̀ должно по преимуществу составить содержаніе отвѣтовъ, Отдѣленіе старалось выяснить въ сдѣланныхъ мѣстами примѣчаніяхъ.

А. Гражданское право.

1. Право семейственное.

1. Въ какихъ степеняхъ родства и свойства вступаютъ въ бракъ? Чѣмъ руководствуются въ этихъ случаяхъ при опредѣленіи степеней родства и свойства? Какую роль играетъ духовное родство, кумовство, побратимство? Какія въ той или другой мѣстности существуютъ взаимныя отношенія между родственниками и свойственниками различныхъ степеней и какими мѣстными выраженіями опредѣляются эти отношенія (девери, зятевья, влазени, шурины, невѣстки, дяди — вуи, золовки, сваты, сватьи и т. п. названія)? Могутъ ли пріемыши въ крестьянскомъ семействѣ вступать въ браки съ принявшими ихъ лицами, а равно и съ ихъ дѣтьми?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между лицами православнаго исповѣданія, необходимое условіе для вступленія въ бракъ—отсутствіе извѣстныхъ степеней родства и свойства, соблюдается гораздо строже, нежели требуетъ того самый законъ и самая церковь. Такъ напримѣръ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи (*), степень родства крестьяне считаютъ отъ колѣнъ однокровныхъ и двукровныхъ, а препятствія ко вступленію въ бракъ простираютъ далѣе, чѣмъ это назначается уставами церкви. Нерѣдко лица считаются родными и величаютъ другъ друга сватами, сватьями, когда между ними нѣтъ ровно никакого родства и можно было бы завести новое. А между тѣмъ ни одинъ родитель не рѣшится дать своего благословенія сыну на женитьбу, если невѣста предполагается въ какомъ-нибудь самомъ отдаленномъ и часто воображаемомъ родствѣ съ семействомъ жениха.

(*) См. статью г. Успенскаго въ 1-й книгѣ Пермск. Сборника, стр. 35.

Они убѣждены, что за малѣйшее нарушеніе этого правила, новобрачные поплатятся цѣлымъ рядомъ несчастій и бѣдъ, во всю ихъ супружескую жизнь. Подъ вліяніемъ такого страха, многіе не вступаютъ въ брачные союзы въ своемъ селеніи, а ищутъ невѣстъ гдѣ-нибудь въ сосѣднихъ деревняхъ и селахъ. И приведенный примѣръ не есть исключительная принадлежность только указанной мѣстности; напротивъ того, тоже замѣчается во многихъ другихъ, напр. въ Тверской губерніи. Въ особенности женскій полъ строгъ въ этомъ отношеніи на разборъ степеней родства и свойства; и дальнее кумовство, по ихъ понятіямъ, служитъ препятствіемъ для вступленія въ бракъ. Въ Россіи есть много такихъ селеній, гдѣ жители, происходя когда-то отъ одного родоначальника, носятъ какую-нибудь одну фамилію; въ такихъ селеніяхъ браки между однофамильцами считаются грѣховными. Этимъ отличаются особенно единовѣрцы, придерживающіеся старой вѣры.

За то, съ другой стороны, есть мѣстности, населенныя раскольниками, гдѣ можно встрѣтить совершенно противоположное явленіе. Всѣ эти отношенія, разумѣется, интересны для изслѣдователя. Для этого онъ можетъ обратиться за свѣдѣніями ближе всего къ лицамъ духовнаго званія; отъ нихъ легче всего онъ можетъ узнать о тѣхъ или другихъ особенностяхъ. Такъ, напр., интересно знать — бываютъ ли и, если бываютъ, то часто ли такого рода случаи въ быту крестьянскомъ, чтобы кто либо домогался дозволенія о вступленіи въ бракъ въ болѣе близкихъ, противъ принятаго, степеняхъ родства, какъ это случается въ высшихъ слояхъ общества, или же домогался бы такого дозволенія вслѣдствіе возникшаго сомнѣнія относительно дозволенности или недозволенности извѣстнаго брачнаго союза. Въ Сибири у инородцевъ,—по замѣчанію дѣйствит. члена Географическаго Общества Н. С. Щукина,—цѣлое колѣно считается роднею и не брачится. Женъ берутъ изъ другихъ колѣнъ за калымъ или на обмѣнъ. Братъ можетъ жениться на женѣ умершаго брата, или на второй женѣ отца, прогнанной однажды.

По замѣчаніямъ дѣйств. члена Общества г. Шульца (*), находившагося 20 лѣтъ при гидрографическихъ работахъ и тріангуляціи Остзейскихъ губерній, въ—Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи съ прилежащими островами, по лютеранскому закону браки дозволены между двоюродными братьями и сестрами; родной дядя часто женится на своей племянницѣ, но племянникъ никогда не женится на родной теткѣ. Въ Подисѣ (Лифл. губ. Тестамаскаго прихода) г. Шульцъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ крестьянинъ просилъ разрѣшенія у архіепископа Платона жениться на сестрѣ жены своего брата, но не получилъ позволенія. — Въ означенныхъ же губерніяхъ, родными считаются только отецъ и мать, родные братья и сестры ихъ, и ихъ дѣти; но, какъ уже замѣчено, послѣднее родство у лютеранъ-крестьянъ не бываетъ препятствіемъ ко вступленію въ бракъ. Женитьба между дѣтьми одного отца и двухъ разныхъ матерей или одной матери и двухъ разныхъ отцовъ не дозволена. Степень родства опредѣляется мѣстнымъ пасторомъ, который обыкновенно знаетъ родословную членовъ своего прихода.

Пріемыши въ Сибири и въ Остзейскихъ губерніяхъ, по замѣчаніямъ гг. Щукина и Шульца, не считаются роднею и потому вездѣ вступаютъ въ бракъ съ дѣтьми принявшихъ ихъ.

2. Въ какомъ возрастѣ вступаютъ лица въ бракъ? и всегда ли соблюдаются требуемыя закономъ условія относительно возраста? Считается или нѣтъ грѣхомъ нарушить въ этомъ случаѣ законъ, напр. по какимъ-либо постороннимъ разсчетамъ (финансовымъ или другимъ) прибавить жениху или невѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и даже болѣе?

3. Соблюдается ли какое-либо соотношеніе между лѣтами жениха и невѣсты?

(*) Всѣ замѣчанія, касающіяся Остзейскихъ губерній сообщены г. Шульцемъ.

Примѣчаніе. У насъ нѣтъ закона, которымъ бы опредѣлялось извѣстное отношеніе лѣтъ жениха и невѣсты. Въ крестьянскомъ быту, при заключеніи браковъ, преимущественное вниманіе обращается на матеріальную сторону: жена должна быть помощницею мужу, рабочею силою. Оттого бываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно странныя обыкновенія. Такъ, напримѣръ, въ Шадринскомъ уѣздѣ (какъ сообщаетъ г. Успенскій въ упомянутой уже выше статьѣ), изстари ведется между крестьянами оригинальный обычай—выбирать для вступающаго впервые въ бракъ невѣсту старѣе его четырьмя и даже пятью годами. Отъ этого происходитъ то, что дѣвушки, достигшія 16-ти лѣтъ, т. е. брачнаго совершеннолѣтія, сидятъ въ почетномъ званіи невѣстъ лѣтъ семь и болѣе и часто падаютъ въ нравственномъ отношеніи. Посему важно опредѣлить вліяніе приведеннаго обычая на семейный и общественный бытъ. Въ Остзейскихъ губерніяхъ,—по замѣчаніямъ г. Шульца, — случается видѣть женъ старѣе 20-ю годами своихъ мужей. Если, напр., умираетъ хозяинъ-арендаторъ или собственникъ, оставляя жену очень-часто съ полувзрослыми дѣтьми (21 годъ считается совершеннолѣтіемъ и тогда сынъ наслѣдуетъ отцу), то вдова вступаетъ въ полное владѣніе землею, а чтобы хозяйство лучше шло, она выбираетъ себѣ мужа, часто черезъ 2 или 3 мѣсяца вдовства, и обыкновенно выборъ падаетъ на молодаго. Вообще между брачущимися не существуетъ отношенія въ лѣтахъ; обыкновенно же женихъ и невѣста бываютъ почти однихъ лѣтъ. Женщины рѣдко выходятъ замужъ ранѣе 20 лѣтъ, т. е. времени полнаго физическаго развитія.

4. Какое значеніе имѣетъ для вступленія въ бракъ согласіе родителей и въ какой формѣ оно проявляется? Какое значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи вотчимъ, мачиха и другіе ближайшіе родственники? Нужно ли согласіе на бракъ воспитателей, опекуновъ, попечителей, хозяевъ, мастеровъ? Какое различіе существуетъ между браками, совершаемыми *добромъ*, т. е. съ предварительнаго и обоюднаго согласія, какъ вступаю-

щихъ въ бракъ, такъ и ихъ родителей, съ соблюденіемъ всѣхъ принятыхъ обрядовъ и церемоній, и *убѣгомъ*, т. е. какъ бы безъ вѣдома родителей невѣсты? Какіе совершаются въ послѣднемъ случаѣ обряды?

Примѣч. Въ Шадринскомъ уѣздѣ такъ называемыя свадьбы „убѣгомъ“ не заключаютъ въ себѣ ничего романическаго и суть ни что иное, какъ одна форма, съ которой тѣсно связана мысль небогатыхъ родителей избѣжать такимъ образомъ излишнихъ расходовъ, при выполненіи всѣхъ принятыхъ свадебныхъ праздниковъ, угощеній, подарковъ, и т. п. Такъ понимаютъ свадьбу убѣгомъ и постороннія лица; безъ согласія же своихъ родителей ни одна дѣвушка не рѣшится выйти замужъ: родительское благословеніе свято чтится дѣтьми и только съ нимъ увѣрены они въ своемъ будущемъ счастіи. Въ Остзейскихъ губерніяхъ, если сынъ живетъ въ домѣ отца — то безъ воли родителей не смѣетъ жениться; вообще же хозяинъ, сынъ котораго думаетъ жениться, сзываетъ къ себѣ старшихъ родныхъ и пріятелей и тутъ общимъ міромъ разбираютъ — можетъ ли онъ содержать жену, или можетъ ли избранная невѣста обезпечить своего будущаго мужа. Если же крестьянинъ живетъ въ чужомъ домѣ работникомъ, то необходимо согласіе его хозяина. Въ Остзейскихъ губерніяхъ нѣтъ браковъ, совершенныхъ *убѣгомъ*; тамъ, напротивъ, зачастую женихъ беретъ свою избранную на *пробу*, отъ недѣли до двухъ мѣсяцевъ, чтобы разузнать, умѣетъ ли она управлять хозяйствомъ, какъ печетъ хлѣбы и какова она вообще въ работѣ. Случается, что послѣ пробы свадьба не состоится — и въ этомъ, по понятіямъ народа, нѣтъ ничего предосудительнаго. Если же во время пробы мужикъ забеременитъ дѣвицу, то ребенка онъ беретъ къ себѣ и обязанъ заботиться о немъ, а этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ всѣ права законнаго.

5. Какія послѣдствія браковъ, совершаемыхъ *дѣйствительно* безъ согласія родителей или вопреки ихъ волѣ, безъ ихъ благословенія? Какъ вообще въ крестьянскомъ быту смотрятъ на та-

кіе браки? какъ поступаютъ въ этихъ случаяхъ родители? пользуются ли они въ такихъ обстоятельствахъ предоставленнымъ имъ правомъ жалобы и требованіемъ наказанія дѣтей? лишаютъ ли родители когда-либо въ подобныхъ случахъ дѣтей своихъ наслѣдства, на что именно указывается въ нашихъ уголовныхъ законахъ? Какія вообще бываютъ послѣдствія для вступающихъ въ бракъ безъ согласія родителей, опекуновъ, воспитателей и т. п. лицъ? Какія вообще послѣдствія убѣга и увоза невѣстъ?

6. Если у жениха и у невѣсты нѣтъ отца или матери, или когда они круглые сироты, и нѣтъ ни вотчима ни мачихи, которые бы могли заступить ихъ мѣсто, то кто заступаетъ мѣсто отца, мѣсто матери?

Примѣчаніе. Въ Бѣлоруссіи, въ этихъ случаяхъ, мѣсто отца заступаетъ хозяинъ, а мѣсто матери—хозяйка того дома, гдѣ живутъ невѣста или женихъ. Въ Остзейскихъ губерніяхъ также хозяева, у которыхъ они живутъ работниками; если же они сами собственники или арендаторы, то имѣютъ полную свободу дѣйствовать какъ хотятъ, а за совѣтомъ обращаются къ мѣстному пастору. Крестныхъ же отцовъ и матерей крестьяне почти никогда не знаютъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда малолѣтные остаются круглыми сиротами: тогда очень часто крестные отецъ или мать берутъ ихъ къ себѣ въ домъ и воспитываютъ ихъ.

Какія отношенія въ этихъ случаяхъ установляются между благословенными (богоданными) родителями и дѣтьми? Предъ совершеніемъ браковъ не созываются ли семейные или родственные совѣты? Какое значеніе вообще имѣютъ семейные или родственные совѣты, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ обстоятельствахъ семейной жизни?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такіе совѣты дѣйствительно созываются; въ нихъ важную роль играютъ крестный отецъ и крестная мать. Выше замѣчено, напр., о родственныхъ совѣтахъ въ Остзейскихъ губ. По замѣчанію г. Щукина, въ Си-

бири всегда бываютъ семейные совѣты и если родные не одобрятъ жениха или невѣсты, то свадьба разстроивается.

7. Бываютъ ли браки не по обоюдному согласію брачущихся, а по соглашенію лишь родителей и даже по принужденію сихъ послѣднихъ? Какое вообще имѣютъ вліяніе подобные браки на семейную жизнь, на нравственность супруговъ и матеріальный ихъ бытъ? Не бываетъ ли гдѣ-либо, чтобы сами общества принуждали молодыхъ людей вступать въ браки?

8. Какого рода предъ совершеніемъ брака заключаются условія (письменныя или словесныя)? Какіе при этомъ случаѣ совершаются обряды, и когда и по исполненіи какихъ обрядовъ, брачный договоръ считается заключеннымъ?

Какія условія заключаются относительно приданаго? или, наоборотъ, какую сумму женихъ или его родители уплачиваютъ невѣстѣ или ея родителямъ, или вообще къ кому поступаетъ въ собственность эта плата (всей ли семьи, или главы семейства) и какъ велика она бываетъ? Бываютъ ли выкупы за невыдачу невѣстъ и въ чью пользу они поступаютъ и какъ велики бываютъ? Какія причины побуждаютъ дольше не выдавать дѣвушекъ замужъ?

Примѣчаніе. Предъ совершеніемъ брака, обыкновенно заключаются брачные договоры (рядныя, рядныя записи), письменные или словесные. Положительныя законодательства, какъ иностранныя, такъ и наше (прежнее и нынѣшнее) обращаютъ вниманіе при этомъ на *приданое*, которое приноситъ жена мужу, и опредѣляютъ имущественныя отношенія супруговъ. У насъ же, въ крестьянскомъ быту замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно противоположное явленіе: между родителями жениха и невѣсты идетъ рѣчь о томъ, что дастъ самъ женихъ. Въ Шадринскомъ уѣздѣ, когда свадьба совершается *добромъ*, просватанная невѣста отъ женихова отца требуетъ *запросъ*, отъ трехъ до тридцати рублей серебромъ; на эти деньги она покупаетъ разныхъ фабричныхъ товаровъ и даритъ ими ближайшихъ родственниковъ жениха. Въ другихъ мѣ-

стахъ (напр. въ Лукояновскомъ уѣздѣ), нареченные сваты (т. е. отцы жениха и невѣсты) условливаются о томъ, сколько невѣста должна получить отъ жениха *вкладу*, т. е. денегъ и верхняго платья. Въ Моложскомъ уѣздѣ (въ станиловскомъ приходѣ на Сити) издревле также существуетъ обычай платить жениху за невѣсту такъ-называемый *выводъ*, количество котораго назначаетъ отецъ невѣстинъ, смотря по достатку женихова отца; иные платятъ такимъ образомъ 20, 30, 40 р. асс. и болѣе: эти деньги отецъ невѣстинъ получаетъ на другой день послѣ сватовства, и на нихъ до брака собираетъ пиръ для будущей своей родни. Въ Каширскомъ уѣздѣ такая плата называется *клажа* или *кладка*. Въ слободѣ Трехъизбянской (*) (Харьковской губ., Старобѣльскаго уѣзда) приданаго за невѣстами не берутъ, а напротивъ рѣдкій не приплатится еще при сватаньи невѣстѣ на наряды, на справку кокошника, отъ 3 до 10 руб. сер. Кромѣ того, *сговоры*, хотя бываютъ въ домѣ невѣсты, играются на счетъ жениха, такъ что не только водка, хлѣбъ и прочая вся провизія привозится женихомъ, но и прислугу при сговорахъ составляютъ только родные жениха. Свадьба также играется на счетъ жениха. Со стороны отца невѣсты расходъ требуется только на обѣдъ, когда послѣ вѣнца молодой съ поѣздомъ пріѣдетъ за своей женой; но это непродолжительно, а потому и неубыточно, тогда-какъ отцу жениха свадьба обходится отъ 15 до 50 руб. сер., смотря по состоянію. Но всѣ эти факты еще ничего не доказываютъ: во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ идетъ условіе о кладкѣ, въ тоже самое время идетъ условіе и о приданомъ. Приданое большею частію состоитъ, конечно, изъ ношебнаго платья, скота; рѣдко оно заключается въ деньгахъ. Въ однихъ мѣстностяхъ приданое дѣвицы зависитъ отъ воли отца, брата, или дяди, которые ее пристраиваютъ (напр. въ Моложскомъ уѣздѣ); въ другихъ (въ Новосильскомъ уѣздѣ) на приданое невѣстѣ хозяинъ семейства

(*) Этногр. Сборн., вып. III, стр. 7.

ничего не тратитъ, даже если невѣста его дочь; все приданое должна справлять мать отъ себя. У бѣлорусскихъ крестьянъ въ Витебской губерніи условливаются о приданомъ; дочерямъ дается въ приданое одно движимое имущество, какъ и вообще у нашихъ крестьянъ; самое богатое приданое состоитъ изъ коровы, овцы, новой шубы, новаго кафтана, кромѣ нижняго обыкновеннаго и нарядnаго платья, о которомъ не бываетъ никакого договора. Нѣкоторыя невѣсты такъ бѣдны, что шуба, кафтанъ и даже сапоги къ вѣнцу даются имъ отъ жениха. Но тамъ обыкновенно богатые женихи берутъ за себя богатыхъ невѣстъ, хотя и случается, что самыя бѣдныя невѣсты, отличающіяся красотою и проворствомъ, выходятъ замужъ за очень богатыхъ жениховъ; но наоборотъ, т. е. чтобъ богатыя невѣсты шли за бѣдныхъ жениховъ, почти никогда не бываетъ (*). Эта черта довольно замѣчательная, такъ-какъ въ болѣе высшихъ классахъ обыкновенно мы видимъ совершенно противоположное. Въ Сибири въ прежнее время, даже и не въ крестьянскомъ быту, о приданомъ никогда не рядились — это считалось неприличнымъ; обыкновенно каждый давалъ по своему состоянію (**). По замѣчанію г. Щукина, это водися и теперь въ Восточной Сибири, хотя не вездѣ. Вообще нужно замѣтить, что вопросъ о приданомъ въ нашемъ быту обращаетъ на себя особенное вниманіе изслѣдователя: по этому предмету въ нашей юридической литературѣ ничего нѣтъ, ни по теоріи, ни по положительному законодательству, а тѣмъ менѣе по обычному праву. — Обыкновенно договоръ считается заключеннымъ въ тотъ день, который называется *рукобитье*. Такъ въ однихъ мѣстахъ (въ Пошехонскомъ уѣздѣ) сватъ, который держитъ сторону жениха и невѣсты, взявъ руки двухъ нареченныхъ сватовъ — отцовъ жениха и невѣсты — соединяетъ ихъ, трижды переводитъ пирогъ черезъ ихъ руки, потомъ переламываетъ его

(*) Этн. Сборн., вып. II, стр. 153.

(**) Изъ записокъ и замѣчаній о Сибири, М. 1837 г., стр. 37.

пополамъ и одну половину даетъ отцу жениха, а другую—отцу невѣсты: значитъ, договоръ заключенъ, и послѣ него уже начинаются дары съ обѣихъ сторонъ (*). У бѣлорусскихъ крестьянъ существуетъ другой обрядъ, указывающій на то, что договоръ связанъ и укрѣпленъ: во второе сватовство, или *первыя запоины*, сваты (отецъ жениха съ товарищами) приносятъ съ собою въ домъ невѣсты горѣлку, которая распивается всѣмъ семействомъ, и послѣ того сватья—хозяйка дома или мать невѣсты—обвязываетъ опорожненныя бутылки узенькими шерстяными поясами, какіе носятъ мужчины. А у бѣлорусскихъ католиковъ договоръ считается заключеннымъ со времени *заручинъ*, т. е. съ той минуты, когда женихъ приметъ отъ невѣсты поданные ему матерью ея платокъ и поясъ, и, въ замѣнъ того, положитъ на тарелку для невѣсты деньги; съ этого времени женихъ и невѣста становятся какъ бы супругами, какъ будто они уже и были обвѣнчаны, съ тою только разницею, что до вѣнца невѣста должна жить у своихъ родителей. Съ этихъ поръ жениха называютъ „молодымъ“, а невѣсту—„молодою“, т. е. новобрачными или новоженцами. Поэтому женихъ съ невѣстою недолго остаются на пиру „заручинъ“. У невѣсты обыкновенно бываетъ приготовлена постель въ амбарѣ, или въ какомъ-нибудь чуланѣ, и молодые сами собою, никѣмъ не сопровождаемые, непримѣтно уходятъ вдвоемъ и встаютъ на утро также сами собою, безъ участія постороннихъ лицъ. Съ самого дня „заручинъ“ до наступленія брака, женихъ старается каждую ночь, или по крайней мѣрѣ, какъ можно чаще, бывать въ домѣ родителей невѣсты; приноситъ съ собой гостинцы для молодой, и если прійдетъ съ вечера рано, то мать невѣсты нерѣдко подчуетъ его чѣмъ-нибудь,

(*) Здѣсь обращается вниманіе на эти обряды, по видимому неважные и не заключающіе въ себѣ ничего юридическаго, именно потому, что они служатъ матеріалами для нашего символизма права. И этотъ предметъ не должно упускать изъ виду при изслѣдованіяхъ; у насъ же въ крестьянскомъ быту еще много сохранилось фактовъ, поясняющихъ исторію развитія права.

строго внушая ему и дочери своей правила нравственности и цѣломудрія (*). У малороссіянъ (**), когда во время сватовства изъявлено на бракъ согласіе родителями невѣсты и самою невѣстою, — послѣдняя, по требованію сватовъ, вынимаетъ приготовленныя заранѣе полотенцы *(рушники)* и перевязываетъ ими старостъ (сватовъ) черезъ плечо, а жениху навязываетъ на правой рукѣ платокъ повыше локтя. Обрядъ этотъ называется давать *рушники* или *знаки*, и отказаться послѣ этого считается уже поступкомъ безчестнымъ. Въ Остзейскихъ губерніяхъ условія заключаются лишь словесныя, и послѣ рукобитія и поцѣлуя, договоръ считается совершеннымъ. Невѣста приноситъ въ домъ мужа приданое, смотря по своему богатству и состоянію и все поступаетъ въ его собственность. Если же невѣста бѣдна, то послѣ сговора родители ея приглашаютъ къ себѣ чаще знакомыхъ, и тѣ обязаны приносить разныя тряпки для платковъ, бѣлья, платьевъ, вязаные шерстяные чулки, подвязки, рукавицы, тюленью шкуру на сандаліи или лапти, и т. п. А иногда гости приносятъ даже деньги. Очень часто, въ особенности если дѣвушка хороша, родители приходятъ на мызу и объявляютъ господамъ, что въ домѣ у нихъ имѣется невѣста, прося зайти посмотрѣть на нее — и разумѣется, это принимается и всѣ идутъ туда съ деньгами и подарками. Вообще при рожденіи дочери, во всякомъ исправномъ крестьянскомъ семействѣ, отецъ покупаетъ сундукъ, большой или малый, смотря по состоянію. Сундуки эти наполняются мало по малу приданымъ, въ нихъ ежегодно прячутся разныя ленты, тряпки, платки, вязаныя вещи, холстъ, дома тканый и оставшійся за домашнимъ расходомъ по прошествіи года. У одного мужика, въ Эстляндіи, въ деревнѣ Кейбо, въ Маттіасскомъ приходѣ, занимавшагося удачно контрабандою, г. Шульцъ видѣлъ сундуки съ приданымъ

(*) Этн. Сборн. II, 201.

(**) Тамъ же, III, 33.

дочерей, въ которые отецъ откладывалъ ежегодно по нѣскольку фунтовъ сыраго кофею и сахару.

9. Какое значеніе имѣетъ приданое въ общей массѣ семейнаго имущества? поступаетъ ли оно въ общую собственность мужа и жены, или же мужу принадлежитъ лишь право распоряжаться приданымъ, или же, наконецъ, оно составляетъ исключительную собственность жены, безъ всякаго права на то со стороны мужа? Какая участь постигаетъ это приданое имущество по смерти жены: поступаетъ ли оно въ собственность мужа и дѣтей, или, за неимѣніемъ дѣтей, въ собственность мужа, или въ домъ мужа, или, наконецъ, возвращается въ ту семью или въ тотъ родъ, откуда взята была умершая жена? Вообще же, составляетъ ли имущество мужа и жены раздѣльную собственность, какъ это признается по существующимъ у насъ общимъ законамъ, или, напротивъ, составляетъ общую и нераздѣльную собственность супруговъ или цѣлой семьи? Вездѣ ли существуетъ обычай, по которому доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній (молочныхъ скоповъ, пряжи и т. п.) поступаютъ въ исключительную собственность жены?

Примѣчаніе. Въ Восточной Сибири, по замѣчанію г. Щукина, приданое не возвращается. Женщины занимаются уходомъ за конопляниками, огородами. Деньги, вырученныя за продажу конопли, сѣмянъ, табаку и прочаго, составляютъ собственность женщины или дѣвицы-огородницы. Въ Остзейскихъ губерніяхъ приданое есть полная принадлежность жены. По смерти жены оно переходитъ къ мужу, а если онъ женится въ другой разъ—то опять къ этой женѣ, когда отъ первой не осталось дѣтей. Если же есть дѣти перваго брака, то при мачихѣ, приданое матери прячется въ сундукъ и хранится до того времени, когда дѣти подростутъ. Разумѣется, что правило это очень часто не исполняется и вторая жена владѣетъ имуществомъ, принадлежащимъ первой, хотя и есть законные наслѣдники. Послѣдняго обычая не существуетъ, и потому доходы со всѣхъ вообще произведеній поступаютъ въ нераздѣльную собственность семейства, а не жены.

10. Бываютъ ли разводы въ семействахъ крестьянскихъ, по какимъ причинамъ и какъ часто? Расходятся ли супруги по какимъ-либо причинамъ, чтобы вести жизнь раздѣльно, и какія возникаютъ при этомъ послѣдствія въ отношеніи къ имуществу?

Примѣчаніе. Въ Сибири (замѣчаніе г. Щукина) жены уходятъ иногда къ роднымъ и при этомъ случаѣ уносятъ свою собственность. Дѣти же по большей части остаются у отца — или какъ случится. Въ Остзейскихъ губерніяхъ не слышно, чтобы случались разводы въ крестьянскомъ быту. Но если одна сторона недовольна поведеніемъ другой, то супруги расходятся, однако не иначе, какъ обратившись сперва за совѣтомъ къ мѣстному пастору (замѣч. г. Шульца).

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

1. Какое вообще въ крестьянскомъ быту значеніе семьи: кровное или хозяйственное, сожитіе обще по происхожденію или по общему труду? Какое имѣетъ значеніе власть старшаго въ семьѣ, или по лѣтамъ или по его вліянію? Къ кому, по смерти родоначальника, переходятъ его власть и его права — къ старшему ли брату, или сыну, или дѣду, или дядѣ? Какимъ образомъ передается эта власть — по установившемуся ли обычаю или вслѣдствіе общаго согласія членовъ семьи или членовъ цѣлаго рода? Въ какомъ видѣ проявляется эта власть старшаго, какъ по отношенію къ лицамъ, составляющимъ семью, такъ и по отношенію къ имуществу, составляющему или общее достояніе семьи, или отдѣльную собственность отдѣльныхъ ея членовъ? Какое значеніе по отношенію къ власти имѣетъ заработокъ, получаемый тѣмъ или другимъ членомъ семьи?

Примѣчаніе. Въ прежнее время въ Сибири отецъ семейства былъ неограниченнымъ повелителемъ въ домѣ. Сохранилось еще мнѣніе, что за убіеніе дѣтища родители подвергаются только церковному покаянію. Старшій братъ и жена его пользуются почетомъ отъ младшихъ. Даже за обѣдомъ назначаются мѣста по стар-

шинству. Дядя и тетка уважаются какъ старшіе, но въ наслѣдствѣ не имѣютъ доли (замѣч. Щукина). Въ Остзейскихъ губерніяхъ отецъ семейства, если онъ собственникъ или арендаторъ, пользуется въ домѣ патріархальною властію, и жена и взрослыя дѣти состоятъ въ положеніи работниковъ. Если же отецъ овдовѣетъ и одряхлѣетъ и передастъ хозяйство старшему сыну,— то поступаетъ къ нему самъ работникомъ и живетъ такъ до смерти. Хозяинъ распоряжается самъ, обращаясь лишь въ важныхъ случаяхъ за совѣтомъ къ другимъ членамъ.

2. Какая доля власти принадлежитъ матери семейства при мужѣ и матери-вдовѣ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, а также по отношенію къ другимъ членамъ семьи? Также, какое значеніе имѣетъ имущество матери? Куда оно поступаетъ во время ея жизни и по ея кончинѣ?

Примѣчаніе. Въ Сибири мать во время жизни приготовляетъ приданое дочерямъ, и каждая дочь знаетъ, что принадлежитъ ей (замѣч. Щукина). Въ Остзейскихъ губерніяхъ, при мужѣ мать семейства не пользуется властію; послѣ его смерти она вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ, нанимаетъ рабочихъ и проч. до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ замужъ въ другой разъ, или не передастъ старшему сыну хозяйство.

3. Какія вообще установляются отношенія между супругами по отношеніи къ имуществу?

Примѣчаніе. Въ Сибири у супруговъ нерѣдко у каждаго свое. По смерти родителей братья дѣлятся; но домъ есть собственность младшаго сына. Въ Остзейскихъ губерніяхъ имущество принадлежитъ нераздѣльно женѣ и мужу. Дѣти перваго брака суть законные наслѣдники; дѣти втораго брака имѣютъ право лишь на ту часть, которую внесли ихъ родители въ семью. Пріемыши не пользуются никакимъ правомъ на наслѣдство, если есть кровныя законныя или незаконныя дѣти. Но отецъ или мать при своей жизни могутъ все что хотятъ дарить пріемышамъ, что и называется *отъ добраго сердца* (Ea süddamesest).

4. Какія установляются отношенія между дѣтьми, происходящими отъ одного и того же брака, между дѣтьми, происходящими отъ разныхъ браковъ (пасынковъ и падчерицъ, дѣтей сведенныхъ, т.-е. единоутробныхъ и единокровныхъ), дѣтей законнорожденныхъ къ дѣтямъ, рожденнымъ до брака, родныхъ дѣтей къ усыновленнымъ и пріемышамъ (*)? Какую вообще роль въ крестьянскихъ семействахъ играютъ дѣти незаконнорожденныя? Какое участіе принимаютъ они въ наслѣдствѣ послѣ своихъ отцовъ, матерей, воспитателей?

5. Какую роль играютъ въ крестьянскихъ семействахъ отставные солдаты, ихъ жены и дѣти? Какое вообще положеніе солдатокъ, мужья которыхъ находятся не при нихъ, и положеніе солдатокъ-вдовъ?

Примѣчаніе. Въ прибрежьяхъ Остзейскихъ губерній, если солдатъ исправный, то дѣлается арендаторомъ. На островѣ Эзелѣ помѣщики иногда довольнѣе отставными солдатами, нежели крестьянами. Жены же служилыхъ рѣдко остаются на родинѣ, потому что должны служить работницами.

6. Какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ быту усыновленіе? Кому принадлежитъ право усыновленія? т. е. однимъ ли лицамъ мужескаго пола или также и лицамъ женскаго пола? Какія отношенія установляются между усыновителемъ и усыновленнымъ? Вездѣ ли пріемъ зятя въ домъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ усыновленія? Почему такіе зятья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются „влазени“?

7. Какимъ образомъ совершаются раздѣлы въ крестьянскихъ семействахъ вообще и въ частности отдѣлъ дѣтей отъ родителей? Какую участь при этомъ случаѣ испытываетъ имущество, составлявшее общую собственность семьи? Какіе бываютъ поводы и причины къ раздѣламъ? Какія установляются

(*) Въ нѣкоторыхъ, напр., мѣстностяхъ Орловской губ., пріемыши, хотя бы они были и незаконнорожденными, часто признаются старшими въ отношеніи къ дѣтямъ законнорожденнымъ.

отношенія между отдѣленными дѣтьми и неотдѣленными, между отдѣленными дѣтьми и ихъ родителями?

Примѣчаніе. Въ Сибири раздѣлы при жизни родителей зависятъ отъ воли сихъ послѣднихъ. Отдѣляютъ обыкновенно женатыхъ и семейныхъ. Раздѣлы происходятъ большею частію по несогласіямъ между женщинами. Раздѣлы по смерти родителей нерѣдко рѣшаются Волостнымъ Правленіемъ (замѣч. Щукина). Въ Эстляндіи же раздѣловъ нѣтъ, но отецъ, когда состарится и уже чувствуетъ себя не въ силахъ заправлять хозяйствомъ, то передаетъ все старшему сыну, а если его нѣтъ, а есть дочери—то зятю. Бываетъ также, что отецъ, сколотивъ себѣ копѣечку, остается жить у сына или зятя и уже не обработываетъ полей, а занимается разными домашними бездѣлушками, дѣлаетъ ведра, ушаты, топорища или плететъ рыболовныя сѣти, ѣздитъ въ городъ сбывать свои произведенія и пр.

3. Опека и попечительство.

1. Какое значеніе имѣютъ въ крестьянскомъ быту опека и попечительство? т. е. кто, по обычаю, по смерти одного или обоихъ родителей вступаетъ въ ихъ права какъ въ отношеніи къ попеченію объ личности дѣтей, такъ и въ отношеніи къ попеченію объ ихъ имуществѣ? При семъ, какія установляются отношенія старшихъ братьевъ къ ихъ малолѣтнымъ братьямъ, дядей къ ихъ племянникамъ, дѣдовъ къ внукамъ и проч.?

2. Какое участіе принимаетъ община въ отношеніи къ сиротамъ, оставшимся по смерти родителей безъ призрѣнія? т. е. какого рода происходятъ распоряженія мірскихъ сходовъ для устройства участи малолѣтныхъ сиротъ? Если бываютъ случаи, что никто изъ мірянъ не принимаетъ на себя добровольно обязанности воспитанія сиротъ, то на какихъ условіяхъ міръ своею властью отдаетъ кому-либо малолѣтныхъ на воспитаніе? Въ случаѣ принятія кѣмъ-либо на себя обязанности воспитателя малолѣтнаго, имѣющаго имущество, въ какой формѣ проявляется контроль надъ опекуномъ, на какихъ усло-

віяхъ передается ему имущество опекаемаго, и, при достиженіи послѣднимъ совершеннолѣтія, какъ онъ принимаетъ имущество свое отъ своего опекуна-попечителя? Какое вознагражденіе получаетъ опекунъ за управленіе имуществомъ малолѣтнаго сироты? На какой счетъ воспитываются сироты, которымъ родители не оставили по смерти своей никакого имущества; какого рода бываютъ въ этихъ случаяхъ распоряженія мірскихъ сходовъ?

Примѣчаніе. Въ Остзейскихъ губерніяхъ, оставшіяся круглыя сироты принимаются кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и сперва ростутъ вмѣстѣ съ прочими ребятишками, а потомъ нанимаются работниками. Если же собственники умрутъ, оставя по себѣ малолѣтныхъ, то міромъ назначается другой хозяинъ, который, до совершеннолѣтія сироты, заправляетъ хозяйствомъ на свой рискъ и счетъ. Сирота же по достиженіи 20 лѣтъ вступаетъ во владѣніе.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

а) *Вообще.*

Какіе вообще существуютъ способы пріобрѣтенія разнаго рода имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ? Когда пріобрѣтенное имущество поступаетъ въ общую собственность семьи и когда оно составляетъ отдѣльную собственность членовъ семьи? Не существуетъ ли обычая, по которому добросовѣстное владѣніе какимъ либо имуществомъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ (по истеченіи *давности*) обращало бы владѣніе имуществомъ въ собственность владѣвшаго? напр. владѣющій чужимъ домомъ, чужимъ полемъ въ теченіи многихъ лѣтъ, становится ли его хозяиномъ, собственникомъ?

б) *Въ частности.*

1. *Завладѣніе.* Случаи завладѣнія пашенными и другими землями, сѣнокосными лугами, выгонами, лѣсами? Какіе при

этомъ возникаютъ споры и при какихъ условіяхъ завладѣнное имущество или возвращается хозяину или обращается въ собственность завладѣвшаго?

Примѣчаніе. Въ Сибири захваты земли разбираются старшинами при свидѣтеляхъ.

2. *Кладъ* и *находка.* Какое вообще существуетъ понятіе у крестьянъ о *кладахъ?* Кто имѣетъ право искать клады? Кому принадлежитъ найденный кладъ—нашедшему ли одному, или собственнику земли, или тому и другому и въ какой части? Кому принадлежитъ *находка*? Какъ дѣлится находка, когда при этомъ было нѣсколько лицъ? Какое вознагражденіе дается нашедшему? Какъ вообще смотрятъ крестьяне на находку домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, голубей, улетѣвшихъ пчелиныхъ роевъ и т. п.? Какимъ образомъ разсматривается утайка найденныхъ вещей и обязанъ ли нашедшій возвратить вещь хозяину, а послѣдній имѣетъ ли право этого требовать?

Примѣчаніе. Кладъ, по понятіямъ народа, имѣетъ право искать всякій. Нашедшій кладъ, сохраняетъ его въ тайнѣ. Когда проходящіе найдутъ что-нибудь на пути или гдѣ бы то ни было, то первый схватившій находку и вскричавшій: „чуръ мнѣ одному“, — получаетъ ее всю сполна въ свою собственность; но если товарищъ успѣетъ раньше сказать: „чуръ вмѣстѣ“, — тогда находка дѣлится по ровнымъ частямъ.

3. *Дареніе.* Какъ часто бываютъ даренія и какого рода имущества преимущественно пріобрѣтаются этимъ способомъ? Какія при этомъ случаѣ заключаются письменныя или словесныя условія? какія соблюдаются формальности? При какихъ условіяхъ даръ поступаетъ въ общую собственность семьи или въ частную отдѣльныхъ ея членовъ? Какого рода обязательства соединяются съ принятіемъ дара? Въ какихъ именно случаяхъ даръ обратно поступаетъ къ дарителю?

4. *Право наслѣдованія.* По смерти старшаго въ родѣ, къ кому переходитъ право распоряженія оставшимся послѣ него имуществомъ (старшему сыну, брату или дядѣ)? Какимъ обра-

зомъ раздѣляется имущество между сыновьями по смерти отца, если братья (сыновья умершаго) не желаютъ сохранить общность имущества? т. е. дѣлится ли наслѣдство по тягламъ (по числу работниковъ), или по ревизскимъ душамъ, или, наконецъ, по колѣнамъ? Какое участіе принимаютъ въ наслѣдствѣ родительскомъ дочери, воспитанники и пріемыши (какъ мужескаго, такъ и женскаго пола)? Какая доля въ наслѣдствѣ принадлежитъ вдовѣ умершаго? Къ кому поступаетъ имущество жены послѣ ея смерти, если у нея не осталось дѣтей: къ ея мужу или ко всей семьѣ, или къ ея родственникамъ по отцѣ? Равное или нѣтъ участіе имѣютъ въ наслѣдствѣ родителей братья и сестры единокровные (происходящіе отъ одного отца и разныхъ матерей) и единоутробные (происходящіе отъ одной матери и разныхъ отцовъ)—иначе братья и сестры *сведенные* (сведеныши)? Какое участіе принадлежитъ въ наслѣдствѣ пріемышамъ? Какое участіе принимаютъ въ наслѣдствѣ отставные солдаты, ихъ жены и дѣти? Какой соблюдается порядокъ наслѣдованія между лицами различныхъ раскольническихъ сектъ?

Какое значеніе имѣютъ въ крестьянскомъ быту *духовныя завѣщанія*, въ особенности *словесныя* (духовныя памяти), не признаваемыя закономъ? Призываются ли къ тому духовные отцы и свидѣтели? Назначаются ли душеприказчики? Какъ исполняются духовныя завѣщанія? Какимъ образомъ разрѣшаются споры, возникающіе при исполненіи словесныхъ духовныхъ завѣщаній? Какое значеніе имѣютъ духовныя завѣщанія между раскольниками разныхъ сектъ? и въ какихъ случаяхъ эти послѣднія (завѣщанія) составляются ими въ обходъ существующихъ законовъ?

5. *Договоры и сдѣлки.* Какого рода обычаи предшествуютъ заключенію разнаго рода договоровъ, или же какого рода обычаи сопровождаютъ заключеніе и совершеніе договоровъ (магарычи, литки, чаепитіе, угощеніе водкой, рукобитье и т. п.)? Какое значеніе имѣютъ при заключеніи договоровъ *задатки*? кто и кому даетъ задатокъ—напр. нанимающійся ли нанимателю,

или наоборотъ, наниматель нанимающемуся? и въ какихъ именно случаяхъ бываетъ тотъ или другой порядокъ? а также для которой именно стороны бываетъ выгоднѣе дать или получить задатокъ?

Примѣчаніе. Въ Сибири, при наймѣ работниковъ на золотые пріиски, хозяева-золотопромышленники помощію задатковъ стараются, по возможности, долѣе удержать и даже въ нѣкоторой степени закабалить рабочихъ; при дачѣ задатковъ наниматели получаютъ отъ рабочихъ ихъ билеты; точно также промышленники поступаютъ съ инородцами, доставляющими имъ пушные товары.

Какого рода бываютъ задатки, т. е. въ чемъ они заключаются (напр. оставленіе въ закладъ или обезпеченіе какой либо вещи— шапки, рукавицъ и т. п., дача впередъ условленной заработной платы деньгами или какими-нибудь продуктами и т. п.)? Какую роль играетъ при совершеніи договоровъ *поручительство* и въ чемъ заключается отвѣтственность поручителей при неисполненіи договора? Какую роль играютъ при совершеніи договоровъ *свидѣтели* и какое вообще считается необходимымъ число свидѣтелей для свидѣтельства относительно совершенія какой-либо сдѣлки или же для разбирательства споровъ, относительно условій совершеннаго договора, и кто по преимуществу считается наиболѣе способнымъ свидѣтельствовать? Какое значеніе имѣетъ при совершеніи договоровъ *рукобитье* и въ какихъ формахъ оно выражается (напр. рукобитье между договаривающимися сторонами, рукобитье обернутою, а не голою рукою, разниманіе рукъ постороннимъ лицомъ-свидѣтелемъ, передача извѣстной вещи, для обозначенія заключенія договора, напр. передача повода узды при куплѣ-продажѣ лошади и другаго скота и т. п.)? Какіе обычаи существуютъ при заключеніи *отдѣльныхъ договоровъ* (напр. при покупкѣ разнаго рода движимостей и недвижимостей, при займѣ, ссудѣ, наймѣ личномъ и имущественномъ и т. п.)?

Что считается *принадлежностью* покупаемой вещи (напр.

при покупкѣ дома—образа, при покупкѣ лошади—узда, при покупкѣ коровы—подойникъ и т. п.)? Съ какого момента договоръ *купли* считается совершеннымъ, до какого времени можно отказаться отъ покупки или продажи и какія бываютъ послѣдствія неисполненія этого договора (напр. потеря или возвращеніе задатка, извѣстнаго рода неустойка и т. п.)? Какія бываютъ условія относительно количества и срока *платы*? Въ чемъ заключаются приплаты—пополнки—въ придачу къ настоящей платѣ (напр. къ денежной платѣ прибавка какихъ-либо продуктовъ земли или вещей)? Какая существуетъ плата за извѣстные труды и работы: роспашку и вообще обработку земель и другія сельско-хозяйственныя работы, постройку зданій, обработку льна, пряжу, обработку шерсти (бытъ шерстобитовъ), шитье платья и обуви (бытъ деревенскихъ бродячихъ швецовъ) и проч.? Какое значеніе имѣютъ помочи, въ чемъ заключаются взаимныя обязанности помочанъ и хозяевъ? Какіе существуютъ другіе подобнаго рода договоры относительно исполненія работъ общими силами?

При *личномъ наймѣ* какое значеніе имѣетъ задатокъ и какъ великъ онъ бываетъ, смотря по обстоятельствамъ? Въ чемъ заключается задатокъ? Какія бываютъ при личномъ наймѣ условія платы (плата деньгами, припасами, приплата или пополнокъ какими-либо ношебными или другими вещами и т. п.)? Какіе сроки платежей наемной суммы при личномъ наймѣ? Какіе вообще бываютъ разнаго рода сроки найма (мѣсячные, недѣльные, поденные, годовые, полугодовые, также опредѣляемые извѣстными въ году праздниками—Рождество Христово, Крещенье, Ильинъ день, Семеновъ день, Михайловъ день, Никола вешній, Никола зимній, Егорьевъ день и т. п., или извѣстнымъ временемъ года — прожить зиму отъ такого-то и по такое-то время, прожить сѣнокосъ, страду и т. п.)?

Примѣчаніе. Въ Сибири звѣроловы нанимаются отъ Покрова до Михайлова дня (замѣч. г. Щукина). Въ Остзей-

скихъ губерніяхъ въ рабочее время, тамъ гдѣ недостаетъ рукъ, собираютъ рабочихъ на день или на два съ окрестностей и это называется Talkus. Хозяинъ обязанъ дать всѣмъ пришедшимъ къ нему на работу — хорошій завтракъ, обѣдъ и ужинъ, пиво или вино. Но чаще бываетъ, что имѣющій напримѣръ много сѣнокосу уговаривается съ другимъ, у котораго его недостаточно, чтобы послѣдній помогъ убрать сѣно; тогда все сѣно, которое по такому уговору снимается — дѣлится пополамъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, особенно для лѣтнихъ работъ, хозяева дѣлаютъ *помочи*, т. е. приглашаютъ желающихъ (особенно своихъ односельцевъ) помочь имъ въ жнитвѣ, сѣнокосѣ и т. п., и за это угощаютъ ихъ виномъ, мясомъ, кашей и проч.; точно также весьма извѣстно предоставленіе за работу половины или части урожая (работу *изъ полу*).

Особый видъ личнаго найма составляетъ у насъ *наемъ рекрутъ:* нужно опредѣлить — какія условія заключаются при совершеніи этого договора вообще? (Напр. платежъ со стороны нанимателя за наемщика податей до новой ревизіи и другія). Въ частности, какія обязанности хозяина къ наемщику до сдачи послѣдняго въ солдаты? Какое значеніе при этомъ имѣетъ гульба рекрута на хозяйскій счетъ? Какъ велика бываетъ плата за наемъ рекрутъ? Какія заключаются условія относительно наемной суммы? Какимъ образомъ распредѣляется наемная плата между обществомъ, наемщикомъ и семействомъ послѣдняго? Какія отношенія установляются между наемщикомъ и хозяиномъ, а также между семействами того и другаго по сдачѣ наемщика въ рекруты? При какихъ условіяхъ наемщикъ имѣетъ право на постоянное полученіе извѣстной суммы въ теченіи своей военной службы? Бываетъ-ли въ числѣ условій найма поддержка нанимателемъ хозяйства наемщика? Какое обезпеченіе дается остающемуся послѣ наемщика семейству (отцу, матери, дѣтямъ)? Какую роль играютъ наемщики по выходѣ въ безсрочный отпускъ или въ отставку въ томъ семействѣ, за ко-

торое они исполнили рекрутскую повинность? Не принимаютъ ли они участія въ общемъ семейномъ капиталѣ этого семейства или въ наслѣдствѣ послѣ нанимателя? Какъ разрѣшаются возникающіе при этомъ споры?

Какіе существуютъ виды и формы имущественнаго найма (напр. домовъ, амбаровъ, гуменъ, частныхъ и общественныхъ земель — для пахоты, сѣнокоса, пастбища и проч., домашняго скота для работы или для приплода и т. п.)? Какого рода заключаются при этомъ условія — словесныя при свидѣтеляхъ или письменныя?

Въ чемъ заключается и подъ какими условіями производится дача разнаго рода вещей (земледѣльческихъ и другихъ орудій, рабочаго скота и т. п.) на *подержаніе*, дача домашняго скота для приплода и изъ приплода, и какія при этомъ бываютъ условія? Въ какихъ формахъ совершается *ссуда* предметами разнаго рода (напр. зерновымъ хлѣбомъ для посѣва, или изъ приспа — прибавки, сѣмянами и другими припасами и т. п.) и какое опредѣляется вознагражденіе за ссуду?

Въ какой формѣ совершаются разнаго рода *займы?* Какія существуютъ формы роста на деньги (количество процентовъ деньгами, или какими-либо припасами, напр. при дачѣ хлѣба въ займы изъ приспа, исполненіемъ какихъ-либо услугъ или работъ и т. п.)?

Какіе бываютъ случаи *мѣны* недвижимыхъ имуществъ (напр. мѣна пашенными полями, десятинами, сѣнокосными полями и проч.)? Какъ совершается и подъ какими условіями мѣна движимыхъ вещей (напр. мѣна лошадей и значеніе при этомъ барышниковъ, обычаи мѣны домашнею птицею)? Какіе существуютъ обычаи и предразсудки при мѣнѣ разныхъ вещей?

Какіе существуютъ различные роды и виды *складчинъ*, *товариществъ* и *артелей*? Какія заключаются при этомъ условія вообще, относительно очереди исполненія или права работы (напр. жребій между ямщиками и извощиками), а также отно-

сительно дѣлежа заработковъ и убытковъ? Въ чемъ заключается внутреннее устройство разныхъ артелей?

Какія бываютъ разнаго рода *поклажи?* Чѣмъ обезпечиваются эти договоры? Бываютъ ли условія относительно вознагражденія при отдачѣ вещей на сохраненіе?

Б. Уголовное право.

1. Каковъ взглядъ крестьянъ на преступленія и проступки вообще, а также взглядъ ихъ на преступниковъ? Какое полагается крестьянами различіе между преступленіемъ и грѣхомъ? Какія въ данной мѣстности по преимуществу господствуютъ преступленія и въ чемъ именно заключается причина совершенія ихъ? На какія вообще преступленія крестьяне смотрятъ строже, нежели наши законы, и наоборотъ какія преступленія считаются менѣе важными, хотя по законамъ строго наказываются (напр. преступленія противоестественныя)?

Примѣчаніе. На островѣ Руно напр. воровство почти неизвѣстно; на памяти старожиловъ въ 1857 году, когда былъ тамъ г. Шульцъ, было только два примѣра. Мірская сходка сажаетъ провинившагося въ особенное строеніе — карцеръ — на хлѣбъ и на воду; ближайшія присутственныя мѣста въ Аренсбургѣ, — а потому жителямъ Руно приходится самимъ чинить судъ и расправу. Но это нисколько не мѣшаетъ отправить провинившагося при первомъ удобномъ случаѣ въ Ординунгсгерихтъ, для поступленія съ нимъ по законамъ.

2. Полагается ли различіе между одними и тѣми же преступленіями, совершаемыми при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ времени, мѣста, какъ-то: совершеніе преступленія днемъ и ночью, со взломомъ и безъ взлома, изъ-подъ караула или съ открытаго поля? и т. п.

3. Каковъ вообще взглядъ крестьянъ на отдѣльные роды преступленій — убійства, грабежи, разбои, воровства и т. п.? Какія главныя причины этихъ преступленій? (месть, азартъ,

пьянство, желаніе воспользоваться чужимъ добромъ, драки и т. п.).

4. Какъ часто бываютъ самоубійства и какими способами они преимущественно совершаются (повѣшеніе, утопленіе, зарѣзаніе и т. п.)? Какія причины самоубійствъ?

Примѣчаніе. Сюда относятся напр. религіозныя убѣжденія (напр. между раскольническими сектами — самосожигателями и морельщиками), стыдъ (*), месть (напр. нѣкоторые инородцы — черемиса, вотяки и другіе изъ желанія отомстить сосѣду — сдѣлать сухую бѣду — вѣсятся на его воротахъ), пьянство и проч.

5. Какъ часто бываютъ дѣтоубійства и изгнаніе плода? Какія тому причины? Считается ли изгнаніе плода тяжкимъ преступленіемъ или только грѣхомъ? Не составляетъ-ли изгнаніе плода для нѣкоторыхъ лицъ ремесло? И какія при этомъ употребляютъ средства—дѣйствительныя и суевѣрныя?

6. Какія бываютъ преступленія противъ общественной нравственности и какія ихъ причины? Строго ли преслѣдуются изнасилованія и растлѣнія, пороки противоестественные (скотоложство и мужеложство), сводничество и развратъ, какъ ремесло, пьянство, снохачество и т. п.? Составляетъ-ли это послѣднее (снохачество) исключительную принадлежность извѣстной мѣстности или извѣстнаго рода людей и вообще какъ смотритъ міръ на снохачей (сношниковъ)?

Примѣчаніе. Въ Малороссіи существуетъ обычай, что если какая-либо дѣвица ведетъ себя дурно, то сходка дѣвицъ покрываетъ ея голову, такъ, какъ бы женщину, и тогда она называется: „покрыткой“.

7. Какія въ данной мѣстности бываютъ преступленія про-

(*) Бывали примѣры такого рода, что пойманному вору украденную вещь привѣшивали на шею и такимъ образомъ водили его по селенію: такое наказаніе было причиною, что послѣ него нѣкоторые лишали себя жизни.

тивъ общественной и частной собственности? Какой вообще взглядъ поселянъ на воровство, совершаемое домашними (членами семьи, прислугою или односельцами)? Строго-ли преслѣдуются мелкія воровства и кражи (воровство домашнихъ животныхъ и птицъ, воровство собакъ, голубей, пчелъ; воровство плодовъ съ чужихъ полей, изъ чужихъ огородовъ и вообще взглядъ поселянъ на воровство съ полей)? Какое вознагражденіе платится за завладѣніе домашнимъ скотомъ, а также за убіеніе домашняго скота? Не отдается ли предпочтенія въ этихъ случаяхъ тому или другому животному (*)?

Примѣчаніе. Воровство между крестьянами въ Остейскихъ губерніяхъ встрѣчается рѣдко; украсть у помѣщика въ глазахъ ихъ не очень грѣшно, а брать съѣстные припасы — считается по ихъ мнѣнію почти дозволеннымъ, если нужда къ тому вынуждаетъ. Воровство же плодовъ съ чужихъ полей преслѣдуется очень строго.

8. Какой вообще существуетъ взглядъ на завладѣніе чужимъ имуществомъ, на ловлю птицъ и звѣрей въ общественныхъ и частныхъ лѣсахъ, ловлю рыбы въ общественныхъ и частныхъ озерахъ, рѣкахъ и прудахъ?

8. Въ чемъ въ особенности заключаются причины нѣкоторыхъ, повсемѣстно распространенныхъ, преступленій: *конокрадства* и *лѣсныхъ порубокъ*?

9. Какое, въ частности, имѣетъ вліяніе *конокрадство* на благосостояніе жителей вообще? Кто преимущественно занимается имъ, какъ ремесломъ, и вообще какую роль и значеніе конокрады (**) имѣютъ въ селеніяхъ? И почему конокрадство

(*) Напр. въ Сибири особенную роль въ этомъ отношеніи играетъ свинья, а у киргизовъ овца: за погубленіе этихъ животныхъ требуется бо̀льшее вознагражденіе, нежели сколько они дѣйствительно стоютъ; основаніемъ этому служитъ то, что цѣнится тутъ могущій быть отъ нихъ обильный приплодъ.

(**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Казанской губ., называемые коштанами.

существуетъ какъ ремесло? Не бываетъ ли выкупа лошадей у конокрадовъ, и какія при этомъ случаѣ заключаются сдѣлки?

Примѣч. Напр. въ Сибири конокрадствомъ преимущественно занимаются поселенцы. Нерѣдко укравшій лошадь скрываетъ ее въ лѣсу, идетъ къ хозяину и условливается съ нимъ о платѣ за отысканіе лошади. Когда условіе заключено и деньги получены, тогда поселенецъ указываетъ крестьянину мѣсто, гдѣ отыскать лошадь.

10. Въ чемъ заключаются причины *лѣсныхъ порубокъ?* Въ какихъ лѣсахъ премущественно производятся порубки (въ частныхъ, владѣльческихъ, общественныхъ) и почему? Какія изъ порубокъ, по понятіямъ о чести, считаются крестьянами преступными или непреступными? Какимъ образомъ совершаются порубки (напр. скопомъ, цѣлыми селеніями)? Какимъ образомъ порубщики стараются скрыть слѣды преступленій? Какое значеніе имѣетъ при этомъ присяга, какъ судебное доказательство, и какъ часты бываютъ при этомъ лжесвидѣтельства и клятвопреступленія и въ чемъ лежитъ ихъ причина? Чѣмъ обезпечивается, наконецъ, сохранность лѣсовъ частныхъ и общественныхъ? не бываетъ ли при этомъ какихъ-либо сдѣлокъ между селеніями и частными лицами и между селеніями одного съ другимъ?

Примѣч. Порубка чужаго лѣса въ Эстляндіи случается очень часто; нѣкоторыя мѣстности не имѣютъ совершенно лѣсовъ — а въ городахъ требуется топливо—потому сосѣдній лѣсъ представляетъ много заманчиваго, тѣмъ болѣе, что въ Ревелѣ, напр. за сажень или три воза дровъ даютъ охотно $4^1/_2$ р. и, слѣдовательно, рискъ попасться—вознаграждается хорошимъ сбытомъ украденнаго.

11. Какія вообще совершаются преступленія и проступки противъ *народнаго здоровья?* (напр. продажа зараженнаго скота, прогонъ его, провозъ и продажа зараженнаго мяса и кожъ; приготовленіе иванъ-чая; окармливаніе рыбы въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ; разныя вредныя примѣси въ жизненныя припасы (соль, муку, молоко, вино и т. п.).

Примѣч. Г. Шульцъ замѣчаетъ, что онъ о подобныхъ преступленіяхъ и не слыхалъ у прибрежныхъ жителей Остзейскаго края.

12. Какіе существуютъ виды пристанодержательства, укрывательства бѣглыхъ? Что бываетъ причиною ихъ? Каковъ вообще взглядъ поселянъ на бродяжничество, нищенство и странничество (разные виды и формы ихъ)? Какія причины развитія ихъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ? Какія существуютъ артели этихъ людей и на какихъ основаніяхъ устраиваются они? Какія бываютъ разнаго рода средства успѣшнѣе промышлять своимъ ремесломъ (напр. прослыть колдуномъ, знахаремъ, сдѣлаться кликушею, притвориться больнымъ и увѣчнымъ, юродивымъ и святымъ)? Какой вообще взглядъ крестьянъ на эти разнаго рода обманы?

Примѣч. Въ прибрежьи Остзейскихъ губерній скрыть и помочь контрабандисту считается дѣломъ чести. Только что лодка явится съ запрещеннымъ товаромъ — преимущественно съ солью — и всѣ, большіе и малые спѣшатъ ее разгрузить. Если при этомъ вмѣшается таможенная стража, а крестьяне чувствуютъ себя сильнѣе солдатъ, то дѣло доходитъ до стычекъ и кончается иногда убійствами.

13. Какое вліяніе на совершеніе разныхъ преступленій имѣютъ народныя суевѣрія?

14. Въ чемъ заключаются причины существованія преимущественно тѣхъ или другихъ преступленій въ той или другой мѣстности, смотря по характеру жителей, ихъ привычкамъ и занятіямъ, ихъ предразсудкахъ, также по удобству совершенія и скрытія слѣдовъ, по равнодушію жителей, или по невозможности и опасности преслѣдовать ихъ и т. п.?

15. Какое, наконецъ, преступленія имѣютъ, въ данной мѣстности, вліяніе на народную нравственность, образованіе, развитіе и на матеріальное благосостояніе поселянъ?

В. Общественный бытъ, судъ и расправа.

1. Каковы понятія народа о власти и государствѣ? Въ чемъ заключается устройство общины и общиннаго управленія? Какое отношеніе существуетъ между отдѣльными членами общины, отдѣльными семействами и самою общиною? Какое участіе принимаетъ община въ положеніи отдѣльныхъ членовъ и семействъ (въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ) и, въ частности, въ раздорахъ семейныхъ?

2. Въ чемъ заключается внутреннее устройство (организація) общественныхъ собраній (мірскихъ сходокъ, стоянокъ, вѣчь — новгородскихъ, громадъ — малороссійскихъ)? Существуетъ ли различіе между различными общественными собраніями — сходками, по времени и мѣсту ихъ собранія и по свойству обсуждаемыхъ на нихъ дѣлъ?

3. Каковъ составъ разнаго рода сходокъ, т.-е. кто предсѣдательствуетъ на тѣхъ или другихъ сходкахъ, кто на нихъ имѣетъ право участвовать, какъ съ правомъ голоса, такъ и безъ этого права, какъ въ качествѣ члена, такъ и въ качествѣ зрителя? Въ частности, какую роль играютъ на сходкахъ женщины и малолѣтныя, т.-е. допускаются ли они на сходки, и если допускаются, то когда именно, въ какихъ случаяхъ? Опредѣляется ли возрастъ, чтобы имѣть право участія на сходкахъ? Въ какихъ случаяхъ допускается представительство однихъ лицъ за другихъ (отца за дѣтей, мужа за жену, матери за малолѣтныхъ дѣтей, старшихъ родственниковъ за младшихъ и т. п.)?

4. Кто имѣетъ право собрать мірскую сходку и въ какихъ случаяхъ?

5. Гдѣ и въ какое время бываютъ сходки?

6. Въ чемъ заключается существенное отличіе сходокъ, собираемыхъ для обсужденія дѣлъ общественныхъ (сходки правительственныя и сходки по дѣламъ общественнымъ), отъ сходокъ, на которыхъ творится судъ и расправа, какъ по граж-

данскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ (сходки судебныя)? Какіе предметы подлежатъ вѣдомству сходокъ по дѣламъ общественнымъ (независимо отъ сходокъ такъ наз. казенныхъ)?

Примѣчаніе. Здѣсь слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на слѣдующіе предметы: общественныя постройки (магазиновъ, церквей, часовенъ, дорогъ и т. п.); общественныя запашки, городьбу общественныхъ полей; мѣры противъ наводненій, обваловъ береговъ рѣки или обваловъ горы; устройство плотинъ, мельницъ, канавъ, водоемовъ и водопроводовъ; раскладку государственныхъ податей, разверстку государственныхъ и общественныхъ повинностей (подводной и подорожной); опредѣленіе очереди отправленія рекрутской повинности; раздѣлъ и передѣлъ общественныхъ земель вообще и сѣнокосныхъ полей въ частности; способы пользованія разными земельными и лѣсными угодьями, лѣсными розчищами (лядинами, подсѣками, новями, ролинами и пр.); размежеваніе земель и существующіе при этомъ обычаи (напр. не сохранилось ли гдѣ-либо старинныхъ обычаевъ, существовавшихъ при межеваніи — отводъ земель съ иконою, крестомъ, положеніе при спорахъ на голову дерна или земли и т. п., также не сохранилось-ли гдѣ-либо обычая во время отвода межъ и постановленія межевыхъ знаковъ сѣчь малолѣтныхъ дѣтей, съ тою цѣлью, чтобы въ послѣдствіи чрезъ этотъ способъ они легче могли, при спорахъ, въ качествѣ свидѣтелей, указать на то мѣсто, гдѣ положена была грань); отдачу въ оброчное содержаніе излишнихъ земель, наемъ земель за недостаткомъ собственныхъ; вопросы о принятіи новыхъ членовъ въ общину и увольненіе и удаленіе членовъ изъ общины (по собственному ли ихъ желанію или по неблагонадежности); вопросы о переселеніяхъ на другія земли; значеніе ходоковъ и видоковъ, посылаемыхъ по сему случаю обществами, даваемое этимъ лицамъ содержаніе и вознагражденіе, ихъ отчетность и отвѣтственность предъ обществомъ; переходъ въ другія состоянія (напр. мѣщане, казаки и т. п.); выборъ повѣренныхъ для ходатайства по тяжебнымъ

дѣламъ обществъ, снабженіе этихъ повѣренныхъ довѣренностями, плата имъ за труды, отвѣтственность и отчетность ихъ предъ обществомъ; выборъ лицъ въ общественныя должности (головы, старшины, старосты, добросовѣстные, сборщики, сотскіе, десятскіе, смотрители магазиновъ, церковные старосты, караульщики общественныхъ полей и т. п.); опредѣленіе очереди службы и причины освобожденія и увольненія отъ общественныхъ службъ; денежные добровольные сборы на общественныя надобности (устройство общественныхъ зданій, церквей и часовенъ, пріобрѣтеніе для нихъ вещей, общественныя молебствія по случаю неурожая, засухи, саранчи, наводненій, повальныхъ болѣзней и т. п. народныхъ бѣдствій, на жалованье разнымъ должностнымъ лицамъ, на общественные праздники, помочи, угощенія проѣзжающихъ и т. п.); заказъ (запрещеніе рубки) лѣсовъ, въ чемъ онъ состоитъ, вообще устройство общественныхъ лѣсовъ и предпринимаемыя міромъ мѣры для охраненія этихъ лѣсовъ, а также для охраненія рыбныхъ и другихъ ловель и т. п.

7. Какіе предметы подлежатъ вѣдомству судебныхъ сходокъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по дѣламъ уголовнымъ? Кто приглашаетъ на судъ тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей, судей? Какія бываютъ послѣдствія ослушанія и неявки на сходъ? Въ чемъ состоитъ обвиненіе и защита? Какимъ порядкомъ происходитъ собираніе голосовъ (представить примѣры)? Какія существуютъ въ крестьянскомъ судѣ разнаго рода судебныя доказательства и улики: свидѣтели, поличное, собственное признаніе, присяга, клятвы и божбы, жребій, принесеніе иконъ во время отвода земель, снятіе со стѣны иконъ при другихъ судебныхъ случаяхъ, вынятіе земли изъ-подъ лѣвой пяты и т. п.? Какія въ частности существуютъ судебныя доказательства права на отдѣльную недвижимую собственность отъ собственности общественной (или бывшей помѣщичьей) — показаніе старожиловъ и т. п.? Въ случаѣ споровъ, чѣмъ удостовѣряется существованіе обычая, какъ судебнаго, въ нѣ-

которыхъ дѣлахъ, доказательства? Какимъ образомъ производится рѣшеніе дѣлъ: или цѣлымъ міромъ, или избранными судьями, стариками, посредниками? Грѣхъ по-поламъ (въ случаѣ погибели напр. скота во время ѣзды, пастьбы, или въ случаѣ недостатка доказательствъ для разрѣшенія спора), существуетъ ли какъ особая форма судебныхъ рѣшеній?

8. Какія вообще предпринимаются міромъ мѣры къ устраненію и прекращенію преступленій вообще? Въ частности, какія мѣры предпринимаются противъ заразы скота, повальныхъ болѣзней (напр. опахиваніе, окуриваніе, четверговая соль), пожаровъ (поставленіе противъ огня образовъ) и другихъ общественныхъ бѣдствій?

Прильч. Въ Сибири, на Барабѣ, во время скотской чумы кладутъ на ворота пластъ дерна; на концахъ улицы горятъ постоянно деревянные огни, т. е. полученные отъ тренія дерева объ дерево; въ кучахъ горитъ обыкновенно сухой кизякъ (замѣч. Н. С. Щукина).

9. Какія наказанія община употребляетъ противъ своихъ виновныхъ членовъ? Какіе роды наказаній преимущественно употребляются противъ извѣстныхъ преступленій? Какія изъ наказаній, по взгляду народному, считаются вообще наиболѣе тяжкими или обезчещивающими (лишеніе свободы, денежные штрафы, тѣлесныя наказанія) и, въ частности, взглядъ народа на тѣлесныя наказанія и ихъ отмѣну? Какое вообще существуетъ понятіе народа о чести или безчестіи? что считается болѣе безчестнымъ (напр. не дѣлается ли различія относительно воровства другъ у друга, у общества, у казны) и, сообразно съ этимъ, какія назначаются въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ наказанія?

10. Въ чемъ заключается, въ отношеніи наказаній, власть главы семейства и самаго семейства, а также членовъ его надъ единичными членами семьи? Можетъ ли глава семейства прибѣгать къ наказанію совершеннолѣтнихъ членовъ и какое участіе при этомъ принимаютъ отдѣльные члены семьи? Есть ли различіе

во власти наказывать членовъ семьи? именно, все ли равно, кто бы ни былъ главою—дѣдъ, отецъ, дядя, старшій братъ и даже племянникъ? Въ чемъ проявляется, въ частности, власть мужа надъ женою, отца и матери надъ дѣтьми?

11. Въ случаѣ рѣшенія дѣла міромъ, на сходкѣ, какимъ образомъ объявляется приговоръ, какъ и кѣмъ онъ приводится въ исполненіе?

12. Въ какой степени волостные суды и правленія, сельскія расправы, удѣльные приказы и проч. при рѣшеніяхъ своихъ руководствуются мѣстными юридическими обычаями?

Общее примѣчаніе. При объясненіи того или другаго обычая необходимо въ точности означать мѣсто, гдѣ именно собраны свѣдѣнія (указывая губернію, уѣздъ или округъ, волость и даже селеніе), а также, если возможно, присовокуплять—составляетъ ли обычай принадлежность данной мѣстности, или же существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, въ той же или иной формѣ. Собирать также, если возможно, свѣдѣнія—составляетъ ли извѣстный обычай принадлежность русскаго населенія, или извѣстенъ и между инородцами, или заимствованъ даже у послѣднихъ. Точно также слѣдуетъ обращать, по этой причинѣ, вниманіе на юридическіе обычаи инородческіе, опредѣляя, когда представится возможность, какое вліяніе русскіе обычаи имѣютъ на инородческіе и наоборотъ, такъ-какъ бываетъ, что и русскіе обычаи ведутъ свое начало отъ обычаевъ инородческихъ. А какъ существованіе обычаевъ всего лучше подтверждается приговорами, состоявшимися на мірскихъ сходкахъ, или въ крестьянскихъ судахъ и у мировыхъ посредниковъ, то особенно желательно получать самые приговоры, на нихъ основанные.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 іюня 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

О собраніи предметовъ для Этнографическаго Музея Общества.

Одною изъ важнѣйшихъ задачъ, занимавшихъ Императорское Русское Географическое Общество съ самаго его учрежденія, было изученіе особенностей разныхъ племенъ и народностей, населяющихъ Россію, а также и собраніе для этой цѣли предметовъ, характеризующихъ ихъ бытъ, нравы и обычаи. Въ этомъ отношеніи для науки равно важно какъ изученіе собственно *русскихъ*, такъ и *инородческихъ* племенъ, во всѣхъ ихъ бытовыхъ и жизненныхъ особенностяхъ.

Необходимо созданіе Музея, чтобы сохранить для будущаго времени памятники нашей исторической жизни и народнаго быта, и чтобы сберечь многіе изъ нихъ, выходящіе изъ употребленія и постепенно забываемые, не смотря на ихъ характерность, изящество или значительное прежнее распространеніе. Музей, составленный преимущественно изъ такихъ предметовъ, будетъ безспорно важнымъ матеріаломъ къ изученію нашего отечества для ученаго, художника, писателя, наконецъ для всей вообще массы русской публики. Всѣ, сколько нибудь интересующіеся свѣдѣніями о нашемъ отечествѣ, найдутъ въ такомъ Музеѣ богатѣйшія данныя для своихъ изысканій, ученыхъ или практическихъ соображеній, сравненій и выводовъ.

Благодаря частнымъ приношеніямъ, сдѣланнымъ, въ разное время, въ пользу Общества, имъ уже положено нѣкоторое начало подобному со-

бранію предметовъ. Многое, собранное и сберегаемое Обществомъ, заключаетъ уже въ себѣ этнографическіе предметы рѣдкіе, любопытные, важные. Но все это составляетъ еще незначительную частицу, въ сравненіи съ тѣмъ, что необходимо и желательно видѣть въ Русскомъ Этнографическомъ Музеѣ. По этому Императорское Русское Географическое Общество обращается ко всѣмъ интересующимся изученіемъ всего отечественнаго, роднаго и народнаго, и въ особенности къ своимъ сочленамъ, проживающимъ въ разнообразныхъ краяхъ Россіи, съ просьбою: разсмотрѣть прилагаемое при семъ исчисленіе предметовъ, желательныхъ для Этнографическаго Музея Общества, и доставлять въ Общество по возможности то, что изъ нихъ можетъ быть кѣмъ либо пріобрѣтено. Къ этому Общество необходимымъ считаетъ присовокупить:

1) Что вслѣдствіе незначительныхъ денежныхъ способовъ, находящихся въ распоряженіи Общества, необходимо, чтобы на его счетъ были относимы лишь расходы по пересылкѣ вещей, и чтобы потому самое пріобрѣтеніе ихъ было даровое; Общество ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять на себя расходовъ по *самому пріобрѣтенію* вещей, которыя не будутъ *пожертвованы* въ его пользу.

2) Необходимо, чтобы собиратели вещей для Этнографическаго Музея обращали строгое вниманіе *на выборъ ихъ*, устраняя все то, что или вовсе не относится къ этнографическому собранію, какъ напр. разныя лѣсныя и всѣ вообще естественныя произведенія (образцы древесныхъ породъ, строительныхъ матеріаловъ, растеній, хлѣбовъ и проч.), которыя не разъ были присылаемы въ Общество, — или же предметы, которые хотя и не принадлежатъ къ произведеніямъ природы и получили нѣкоторую обдѣлку, но не служатъ вовсе характеристическимъ признакомъ народнаго быта; и наконецъ:

3) Желательно, чтобы присылка вещей въ Общество сопровождалась точнымъ обозначеніемъ: *названія вещи, ея величины, мѣста ея нахожденія и употребленія;* не маловажно присоединеніе къ этому и другихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о значеніи каждой вещи.

Императорское Русское Географическое Общество, до сихъ поръ пользовавшееся содѣйствіемъ русской публики и частныхъ жертвователей во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, вполнѣ надѣется, что и настоящій его призывъ, относящійся къ дѣлу *отечественному* и *народному*, не останется напраснымъ и найдетъ себѣ сочувственный отголосокъ во всѣхъ классахъ русскаго общества, и во всѣхъ краяхъ Россіи. Общество почтетъ своимъ долгомъ не только доводить до всеобщаго свѣдѣнія, посредствомъ газетъ, имена всѣхъ безъ изъятія жертвователей и лицъ, оказывающихъ содѣйствіе устройству его Этнографическаго Му-

зея, но сверхъ того обратитъ особенное вниманіе на то, чтобы тѣ изъ присланныхъ вещей, которыя окажутся особенно примѣчательными для науки и стоившими особенныхъ трудовъ или издержекъ для жертвователей, сдѣлались предметами *ученыхъ наградъ и поощреній*, находящихся въ распоряженіи Общества.

Примѣчаніе 1. На основаніи § 18 Устава Общества, иногородные его члены пользуются правомъ присылки по почтѣ письменной корреспонденціи и посылокъ до одного пуда вѣсомъ, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ, но для сего должно быть непремѣнно означаемо на пакетѣ или посылкѣ, что они посылаются *въ Императорское Русское Географическое Общество, отъ такого-то члена.* Лицамъ, не состоящимъ въ числѣ членовъ Общества, сдѣланныя ими издержки на пересылку какихъ либо предметовъ будутъ возвращаемы по полученіи сихъ предметовъ, но для сего они должны означить четко свое имя, званіе и фамилію, и мѣсто своего жительства.

Примѣчаніе 2. Имена дарителей будутъ выставляемы при самыхъ вещахъ въ Музеѣ.

Исчисленіе предметовъ, желательныхъ для Этнографическаго Музея Географическаго Общества.

I. *Одежда.*

Полный, по возможности, мужской и женскій народный костюмъ каждой мѣстности, особливо одежды, отличающіяся живописностью, характерностью или богатствомъ. Желательно имѣть всѣ части костюма, но преимущественно были бы интересны слѣдующія:

а) Рубашка, мужская и женская, полотняныя и др. тканей, шитыя узорами изъ красныхъ нитокъ по подолу, рукавамъ и вороту. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ узоры эти вышиты также шелками, золотомъ и блестками.

б) Верхнія одежды, особливо женскія, суконныя, матерчатыя или шелковыя, — лѣтнія и зимнія, и преимущественно праздничныя. Кромѣ кафтановъ, лѣтниковъ, однорядокъ, сарафановъ, понявъ, тѣлогрѣекъ, душегрѣекъ, шубъ и т. д., сюда относятся и вышитые передники и платки женскіе.

в) *Женскіе* головные уборы: сороки, кички, кокошники, короны, повязки, повойники, сборники, намитки, стрички, наколки и т. п., ши-

тые золотомъ, серебромъ, блестками, красными нитками, бусами, съ подвѣсками на лбу и на затылкѣ и т. д.; при нихъ иногда покрывало или фата, съ кружевомъ простымъ или золотымъ, или безъ онаго; *мужскія*: шапки и шляпы (съ перьями, лентами и другими украшеніями, или безъ нихъ).

г) *Женская* обувь: башмаки, черевики, коты, особливо узорные и вышитые, преимущественно же обувь праздничная. Изъ числа *мужскихъ* обувей, кромѣ нарядныхъ сапоговъ, гдѣ таковые въ употребленіи, желательно было бы получить изъ разныхъ мѣстностей лапти, особливо же образцоваго, узорнаго плетенья.

д) *Мужскіе* и *женскіе* кушаки и пояса, женскія длинныя перчатки и перевязки, женскія зарукавья, ожерелья, монисты, кольца, перстни, цѣпочки, серьги, бляхи, пуговицы и другія украшенія костюма; булавки.

II. *Убранство горницы.*

Сюда относятся въ особенности слѣдующіе, болѣе интересные предметы:

а) Шитый въ узоръ, красными или даже бѣлыми нитками, пологъ кровати; такимъ же образомъ шитыя наволока, подушки и простыни.

б) Полотенца (ручники) свадебныя и пныя, шитыя красными и бѣлыми нитками, или же шелками и золотомъ.

Примѣчаніе. Относительно шитья, на означенныхъ въ пунктахъ *а* и *б* предметахъ, должно замѣтить, что особенный интересъ представляетъ шитье *двухстороннее*, т. е. такое, гдѣ съ обѣихъ сторонъ предмета выходитъ точь въ точь одно и тоже. Такое шитье выполняется посредствомъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ нитей. Менѣе интереса представляютъ узоры, такъ называемые *верхошивки*, т. е. когда узоръ выходитъ только съ одной стороны. Такое шитье выполняется посредствомъ нитей, положенныхъ крестъ на крестъ. Еще менѣе интересно, хотя вездѣ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, шитье обыкновенное въ *тамбурѣ* (*нашивное*). Что касается до узоровъ, то самые важные изъ нихъ тѣ, которые сдѣланы въ два и три, одинъ надъ другимъ, ряда, раздѣленные вставками изъ краснаго кумача.

в) Зеркало, малая божница на стѣнѣ, ручная кадильница, деревянный или картонный висящій голубь, рѣзные и раскрашенные, рогожки и цыновки узорнаго плетенья.

III. *Посуда домовая и столовая.*

Сюда относятся большею частію предметы небольшихъ размѣровъ (*):

а) *Деревянные:* блюдо, тарелка, чашка, чаши разныхъ величинъ, ковшъ, солонка, жбанъ, ендова, ставень, кружка, стаканъ, спицы, ложки (раскрашенные разными узорами, а если есть, то и съ рѣзьбой, въ краскахъ или безъ красокъ) и проч.

б) *Каменные:* посуда разныхъ видовъ и употребленія (въ краскахъ и безъ красокъ), блюда, горшки, кружки, плошки, подойники и т. п.

в) *Стеклянные*: фляги, банки, стклянки, сулеи и т. п.

г) *Оловянные:* тарелки, стопочки, чарки, ендовы.

IV. *Инструменты домашняго употребленія.*

Къ нимъ относятся слѣдующіе, наиболѣе интересные:

а) Веретено, *ткацкій станокъ**, *прялка**; гребни для шерсти и т. п., всѣ раскрашенные и съ рѣзьбой.

б) Гребень деревянный, костяной или мѣдный, для чесанія головы, съ рѣзьбой.

в) Трубки для куренья, изъ дерева или иного матеріала.

г) *Ножи**, *косари**, *топоръ**, *ухватъ**, *щипцы**, *кочерга**, *фонарь**, *свѣтецъ**, *рукомойникъ**, *сито**, *рѣшето**, *мутовка**, *сковородникъ**, *сѣяльница**, *помело**, *ступа**, *кошель**, *кузовъ**, *ведра* (съ коромысломъ)*, *квашни**, *бадьи**, *кадки**, *ушаты**, *корыто** и проч.

V. *Инструменты музыкальные.*

Главнѣйшіе между ними: гусли, гудокъ, балалайка, бандура, волынка, дудка, свирѣль, рогъ, бубенъ, зурна, свистокъ, свистулька, рожокъ, кобзы, сопилка, трещотки, деревянная колотушка, варганъ.

VI. *Мебель.*

*Столъ**, *скамья**, *стулъ**, *шкафъ**, *кровать**, *люлька** (зыбка), *ларь**, *сундукъ**, *коробъ**, *коробочка**, *ларчикъ** и проч. (въ уменьшенномъ размѣрѣ, но съ точнымъ изображеніемъ рѣзьбы, красокъ и узоровъ).

(*) Предметы громоздкіе полезнѣе и удобнѣе присылать въ уменьшенномъ видѣ, какъ *модели*, съ указаніемъ обыкновенной величины. Для отличія этихъ предметовъ отъ первыхъ, они означаются, вездѣ въ слѣдующихъ отдѣлахъ, *звѣздочками* и *курсивомъ*. При семъ желательно, чтобы къ присылаемому предмету прилагалась опись его, съ тѣмъ названіемъ его, и частей, его составляющихъ, которое употребительно на мѣстѣ.

VII. *Игрушки и дѣтскія вещи.*

а) Разнообразныя игрушечныя фигуры, рѣзанныя и раскрашенныя (изъ дерева, кости или обожженной глины), наприм.: коньки, пѣтушки, звѣри и птицы, животныя, деревья, человѣчки.

б) Свайка, волчокъ, кубарь, мячъ (цвѣтной и узорный), лукъ, стрѣлы, змѣи, лапта.

в) Дѣтскія указки, рѣзныя и раскрашенныя, изъ дерева или кости.

г) Пряники, изображающіе разныя фигуры, или съ оттисками на нихъ разныхъ фигуръ.

VIII. *Жилища.*

Модели крестьянскихъ *избъ**, *хатъ**, *мазанокъ**, *землянокъ**, *куренѣй**, *домовъ**, и вообще *дворовъ**, со всѣми постройками, какія гдѣ обыкновенно ставятся, съ подробностями, возможно вѣрными, наружнаго и внѣшняго ихъ устройства. Сюда относятся въ особенности:

а) *Рѣзные коньки** (изображающіе лошадиныя головы, птицъ, звѣрей, человѣчковъ и т. д.) на верху крыши и на конникахъ внутри избы;

б) *Рѣзьба* (въ краскахъ и безъ нихъ) на полотенцахъ кровли, на ставняхъ, балкончикахъ, воротахъ и проч.;

в) *Рубка** и *кладка** или устройство стѣнъ;

г) *Расположеніе жилья;*

д) *Устройство печи** и рѣзной у нея перегородки*;

е) *Оконныя рамы** съ стеклами и слюдой, особенно старинныя узорчатыя, съ заволоками и ставнями.

IX. *Предметы домашнихъ и общественныхъ обрядовъ.*

Изъ числа ихъ, особенно желательно имѣть предметы, указывающіе на остатки языческихъ обрядовъ, а также и мѣстныя принадлежности, употребляемыя при крестинахъ и похоронахъ, напр. *выдолбленные гробы**, вѣнчики, саваны и проч.

X. Повозки и упряжь.

Интереснѣйшія изъ нихъ:

а) *Сани** (рѣзныя и съ росписными узорами, разныхъ видовъ и размѣровъ), *роспуски**, *салазки**, *тельги**, *обшивни**, *розвальни**, *дровни**, *фуры** и проч.

б) *Узда**, *хомутъ**, *переметы**, кисть подъ мордой лошади, бубенчики, вообще *закладка** и *упряжь** лошадей и быковъ. Жела-

тельно получать эти предметы съ украшеніями изъ мѣднаго *набора**, т. е. бляхъ разныхъ величинъ и формъ, съ вырѣзками, положенными по ремню, и съ кистями, гдѣ онѣ употребляются.

в) *Дуги** (рѣзныя и раскрашенныя, съ золотомъ и красками, разныхъ узоровъ, если не въ оригиналахъ, то въ уменьшенномъ видѣ), *оголовокъ**, рѣзной и раскрашенный, или съ кожаными вырѣзками, или съ мѣднымъ наборомъ.

XI. *Земледѣльческія, промысловыя и другія орудія.*

*Сохи**, *плуги**, *бороны**, *косы**, *вилы**, *грабли**, *лопаты**, *заступы** и т. п. орудія, для звѣриной и птичьей ловли, для пчеловодства, плотничества, каменной и прочихъ работъ и ремеселъ; орудія, которыя употребляются въ домашнемъ быту; а также тѣ, посредствомъ коихъ приготовляются, какъ разныя домашнія издѣлія, такъ и самыя эти орудія напр.: *мялка**, *жомъ**, *воротъ**, *пила**, долото, скобель, сверло, буравъ, натягъ, уторникъ, набойка, качадыгъ и проч.

XII. *Суда и ихъ принадлежности.*

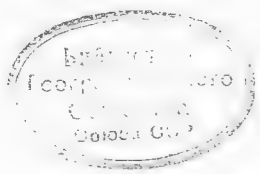
а) *Большія морскія* и *рѣчныя суда**, разныхъ названій.

б) *Малыя суда: челнъ**, *лодка**, *ботъ**, *струг**, *яликъ**, *чайка** и пр.

в) *Руль**, *весло**, *багоръ**, *потязи** и т. п. (не смотря на уменьшенный размѣръ, необходимо соблюдать на моделяхъ рѣзьбу, краски и узоры, находящіеся на подлинныхъ судахъ, въ разныхъ мѣстахъ).

XIII. *Вѣсы, мѣры и счеты.*

*Кадки**, *котлы**, *кошели**, *гарнцы**, совки, бирки съ мѣтками, безмѣны, счеты и проч.



18 р —
1 кар.

Проверено
1953 г.